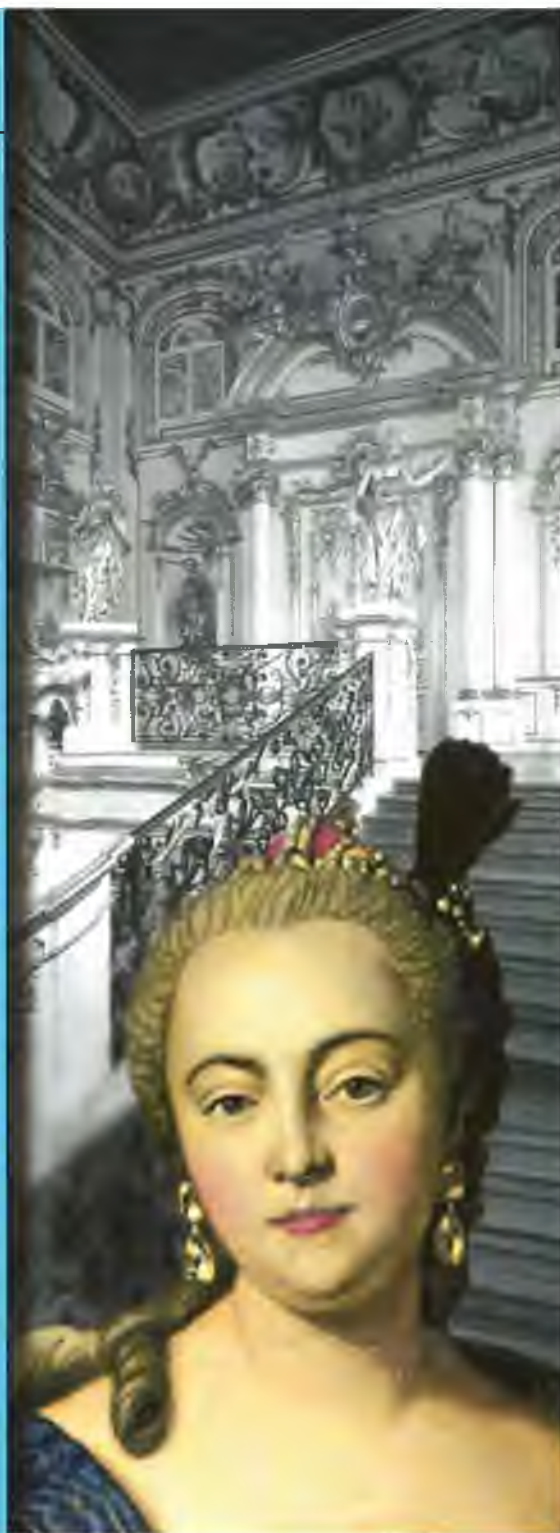


ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Константин Писаренко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКОГО ДВОРА В ЦАРСТВОВАНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ



УД К [947+957] «17» ББК 63.3(2)46 П 34

Художественное оформление серии С. ЛЮБАЕВА



ISBN 5-235-02576-8

Писаренко К. А., 2003 Издательство АО «Молодая гвардия» художественное оформление, 2003

Забывший дневник

Время действия — 2000 год, 25 июня. Место действия — Петергоф, Большой дворец императрицы Елизаветы Петровны. После двух часов проливного дождя солнце наконец раздвинуло тучи и осветило яркими лучами дворцовую террасу и каскад фонтанов. Сотни людей прогуливаются по аллеям парка, любуются игрой бьющих вверх водяных струй, фотографируются на фоне Самсона, раздирающего пасть шведскому льву. Помещения главного здания также не пустуют. Группы по тридцать человек собираются у западной парадной лестницы и, дождавшись экскурсовода, поднимаются на второй этаж. Именно тут и начинается знакомство потомков с интерьерами и бытом императорского двора середины и второй половины XVIII века. Из Голубой приемной все проходят в Чесменский зал, созданный при Екатерине Великой. Эпоха ее тетки Елизаветы — рядом. Девушка-гид увлекает экскурсантов к распахнутым дверям, откуда открывается вид на Танцевальный или Купеческий зал, и останавливается возле них. Дальше идти нельзя. Но и без того переливающийся блеск зеркал и позолоты на фоне белых стен производит сильное впечатление на не привыкшую к роскоши публику. Она с интересом вслушивается в рассказ о том, как в этом самом зале на устроенных царицей маскарадах капризная государыня частенько заставляла мужчин

появляться в женских нарядах, а женщин — соответственно, в мужских. Так дочь Петра Великого развлекалась, попутно демонстрируя окружающим, насколько грациозно и изящно она выглядит в кафтане и камзоле.

За Чесменским залом — Тронный зал, где вновь заходит речь о Екатерине Великой. Ее портрет на коне — яркое напоминание о славных июньских днях 1762 года, омраченных чуть позже трагедией в Роп-ше. Далее малых размеров аудиенц-зал, возвращающий посетителей в елизаветинскую эпоху. Его убранство, аналогичное Танцевальному залу, вполне созвучно рассказу о частых камерных вечерах, которые любила здесь устраивать веселая царица.

В примыкающей к залу Белой столовой отражены строгие классические вкусы Екатерины Великой. О торжественных обедах, даваемых ею, повествует и сотрудница музея. За двумя китайскими кабинетами и Картинной комнатой, увешанной женскими портретами живописца П. Ротари, начинается женская половина дворца — наиболее интимные комнаты русских императриц. Через будуар (или Куропаточную гостиную) группа попадает в Диванную, то есть спальню. От доекатерининской поры в опочивальне — лишь детский портрет Елизаветы кисти Г. Бух-гольца. Остальное — турецкий диван, столик и стулья, фарфоровая собачка — датируется второй половиной XVIII века. Однако прежде, чем пройти вперед, в Туалетную комнату, экскурсовод обращается к теме причесок двухсотлетней давности, с сочувствием живописуя, какие трудности преодолевали модницы елизаветинских и екатерининских времен из-за пристрастия к высоким и громоздким прическам: спали полулежа, чтобы не повредить тяжелую конструкцию; редко мыли голову и очень страдали от блох и прочих насекомых, заводившихся в невытых волосах.

Еще одну любопытную бытовую подробность посетители музея узнают по выходе из Кабинета императриц в Штандартную, где их внимание сосредоточивают на мебели отечественной работы. Оказыва-

7

ется, только при Екатерине русские мастера сумели наладить массовое производство стульев и столов. При предшественнице великой государыни дело обстояло весьма худо. Своих умельцев не было, а зарубежных товаров не хватало. Ссылка при этом делается на записки самой Екатерины, которая вспоминала о том, как при Елизавете всю мебель перевозили с места на место ввиду недостаточного количества оной во

всех царских дворцах.

Потом через Кавалерскую и Малую Проходную все проникают в Большую Голубую Гостиную. Здесь на расположенных буквой «Г» столах, укрытых белыми скатертями, возвышается разнообразная фарфоровая и стеклянная посуда. Впрочем, экспонаты этого зала, как и примыкающих к нему комнат запасной половины, в большинстве своем относятся к временам Павла I и Александра I. В середину восемнадцатого столетия на южной стороне любознательную публику возвращает только параллельная Диванной Коронная комната. Тут в альковной нише стоит подлинная кровать середины XVIII века. Указывая на нее, гид сообщает своим подопечным, что ее малые размеры связаны с тем, что люди в те годы по совету врачей ложились на постель не горизонтально, а под некоторым углом. Это благоприятствовало кровообращению, а следовательно, позитивно сказывалось на здоровье.

Знакомство с летней резиденцией императриц заканчивается в соседнем Дубовом кабинете Петра Великого, недавно отреставрированном. Девушка прощается с экскурсантами, которые, поблагодарив ее за интересный рассказ, спускаются на первый этаж, чтобы пройти вдоль киосков с сувенирами и буклетами, посвященными Петергофу и его достопримечательностям.

Такова обычная экскурсия по залам Большого Петергофского дворца в один из обычных летних дней: не лучше и не хуже прочих, зато весьма точно отражающая уровень исторических знаний о повседневной жизни наших предков. По крайней мере, тех, что предпочитали отдыхать в Петергофе двести пятьде-

8

сят лет назад. Сведения о бытовой стороне екатерининской, а особенно елизаветинской эпох настолько скудны, что экскурсоводам ничего не остается, как невольно приписывать факты, характерные для первого периода — екатерининского, второму — елизаветинскому, и наоборот. А подчас за истину выдаются не проверенные по другим источникам утверждения мемуаристов, вспоминавших о былом по прошествии многих лет и в большой степени полагавшихся на столь ненадежный инструмент, как собственная память.

В итоге люди, пожелавшие узнать о моде, вещах и традициях послепетровского времени, получают в качестве достоверной информации поразительную мешанину из ошибок мемуаристов, сохранившихся в легендах курьезов и подлинных обычаев, относящихся, впрочем, к разным десятилетиям того удивительного века. Человек, знакомящийся с подобного рода «историей», закономерно начинает воспринимать прошлое своей страны не вполне адекватно, в лучшем случае считая его некой терра инкогнита — областью неведомого, а в худшем думая о прадедах и прабабках, как о странных и чуждаемых личностях, за редким исключением не достойных подражания.

Но ведь это не так! Архивы хранят огромное наследство, оставленное предшествующими поколениями, которое способно рассказать не только о кульминационных моментах эволюции русского государства, но и о повседневной жизни тех, кто творил историю. В письмах, дневниках, официальных докладах и отчетах, в воспоминаниях запечатлено все многообразие человеческой деятельности: от подробностей коронационных торжеств царственных особ до стоимости детали женского и мужского костюмов или приобретенной в трактире бутылки белого вина. Нужно лишь внимательно прочитать, сопоставить и проанализировать зафиксированные в документах свидетельства, чтобы далекие по времени события предстали перед нами в том виде, в каком они происходили на самом деле, без искажений, привнесенных неисчерпаемой фантазией памфлетистов и романистов.

Царствованию Елизаветы Петровны по части объективности в глазах потомков очень не повезло. Дочь Петра Великого постоянно сравнивают с отцом и женой племянника. Выводы звучат в основном малоутешительные.

Ну как же, батюшка Россию на дыбы поднял, реформировал все сферы жизни и создал на месте отсталой Московии могущественную европейскую державу. Екатерина II тоже отличилась. Энергично занимаясь государственными делами, она заставила соседей уважать подвластную ей империю и даже побаиваться ее. Эффективно и увлеченно решала проблемы, встававшие перед страной, окружив себя когортой талантливых и инициативных соратников. Елизавета — не то. У нее на уме были только балы, маскарады да наряды. Бремя государственных забот августейшая красавица свалила на Бестужева и Шуваловых. Разве что смертную казнь отменила. Так это скорее следствие ее набожности, а не трезвого политического расчета: в ночь на 25 ноября 1741 года цесаревна дала Богу обет не казнить никого, а затем попросту побоялась нарушить клятву.

Между тем все не так просто, как кажется на первый взгляд. В истории России восемнадцатого века, в истории становления нового русского общества, впитавшего в себя западные ценности, дочь Петра Великого сыграла ключевую роль. Именно она развернула российский государственный корабль с того пути, по которому его повел Отец Отечества. Если Петр I, а затем Анна Иоанновна преобразовывали империю, кулаком убеждая подданных в необходимости перемен, то Елизавета Петровна вооружилась иным методом. Не на страх, а на увлеченность, заинтересованность человека поставила она. И через десять лет, в 1750-х годах увидела первые плоды своего выбора. Молодежь всех сословий добровольно, а не из-под палки потянулась к знаниям. Аристократы, мелкопоместные дворяне и разночинцы занимались самообразованием, ехали учиться за границу,

10

стремились попасть в Санкт-Петербургский, Московский университеты или в другие учебные заведения страны. Самые удачливые из них торопились применить полученные навыки на практике. Среди них нашлась и та, которая смогла наилучшим образом поддержать и творчески развить новый политический курс, — великая княгиня Екатерина Алексеевна.

Нет, конечно, идеальным то время не было. Просвещение и рабство шли рука об руку. И тем не менее общий подъем, который переживало тогда русское общество, вселял оптимизм во многих. Сейчас, наверное, это трудно понять. О каком оптимизме может идти речь, если российская империя XVIII века по оценкам большого числа историков — «военизированное полицейское государство», отягощенное крепостничеством и поголовным бесправием. Да, понять нелегко. Видимо, нужно просто окунуться в атмосферу той эпохи и познакомиться с главным учреждением, вобравшим в себя все самые лучшие и худшие черты елизаветинской России, — российским императорским Двором. Иными словами, совершить путешествие в то малоизвестное двадцатилетие, когда на престоле восседала «веселая царица Елисавет'».

Любое путешествие-экскурсия нуждается в экскурсоводе, умеющем сосредоточить внимание посетителей на наиболее важных и интересных темах. Нам тоже не обойтись без него. Безусловно, задавать тон в рассказах о жизни елизаветинского Двора должен современник. Причем из числа придворных. Но кого пригласить? Из известных нам летописцев, имевших доступ в Зимний и Летний императорские дворцы, никто в придворном штате не состоял. Н. Ханенко и Я. Маркович служили на Украине, В. Нащокин — в гвардейском полку, Х. Гольдбах — в Коллегии иностранных дел. Двор они, бесспорно, знали не понаслышке. Но все же непосредственно к нему не относились. Впрочем, существуют еще анонимные источники, среди которых, похоже,

есть один весьма для нас перспективный.

11

В первом томе аннотированного указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях*», посвященных XV—XVIII векам, под № 336 имеется прелюбопытнейшая запись:

«Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых. Костромская старина. 1892. Вып. 2. С. 1-12.

Автор, очевидно, служил при дворе Елизаветы Петровны.

Январь 1755 — октябрь 1756 гг. Записи сделаны на календарях и касаются придворного быта: выезды императрицы, прием послов, пожалование чинов, посещение оперы и маскарадов».

И вот перед нами небольшой томик второго выпуска «Костромской старины» — сборника, издававшегося Костромской губернской ученой архивной комиссией. В дневнике неизвестного и в самом деле много сведений о поездках императрицы и театральных постановках, о которых историки знают по сводкам камер-фурьерских журналов. Но есть в нем и такие факты, которые вряд ли зафиксированы другими документами. Однако не будем забежать вперед, ибо сперва мы должны выяснить имя автора обнаруженного в усадьбе Ермоловых источника.

Публикаторы документа — сотрудники костромской архивной комиссии И. Д. Преображенский и И. В. Миловидов — пытались ответить на этот вопрос. Сообщив, что точный адрес находки — усадьба Долматово Костромского уезда, историки позапрошлого столетия для успешного определения автора выбрали следующие записи из дневника:

«...31 марта 1755- Посланы письма с Иваном к барину и бабушке...

...23 ноября 1755. Мужики оброку принесли за 755 год денег 12 рублей...

...20 мая 1756. Был именинник: минуло 21, пошел 22...».

К сожалению, итог поисков был малоутешителен. Общий вывод архивисты дали в примечании к записи от 23 ноября 1755 года:

12

«Из этой записи можно догадываться, что автор этого дневника был из помещиков, владевших крестьянами, вероятно, в Костромской вотчине. Трудно только согласить предыдущую запись о посылке письма к барину, которая наводит на предположение, что автор дневника был как будто из дворовых людей, сначала помещичьих, потом поступивший на какую-нибудь низшую должность ко двору императрицы Елизаветы Петровны.

Как видно из записей, автор дневника был не простым слугой или камер-лакеем, а занимал какую-то из более значительных должностей при дворе, заведую, кажется, хозяйственной частью или, может быть, был конюхом. Записи ведены на календарях 1755 и 1756 гг. Ни звания, ни фамилии автора этого дневника нельзя было нам определенно узнать из записей. На основании некоторых записей можно предполагать, что имя его было Алексей (может быть, впрочем, и Фалалей, так как 20 мая, когда автор записал свои именины, память двух св[ятых] — Алексея митрополита и Фалалея) и что он родился в 1735 г.

Хотя дневник этот получен и из усадьбы Ермоловых, но очевидно все-таки, что он был веден не известным героем 12г. Алексеем Петровичем Ермоловым, как некоторые склонны думать. Алексея Петровича Ермолова в 1755 г., вероятно, еще не было и на свете, так как он поступил на службу в гвардию только в 1787 г. и пожалован в офицеры в 1791 г.

По слухам, две книжки этого дневника в костромскую усадьбу Ермоловых перешли из ржевской их усадьбы Тверской губернии. Дневник этот, хотя и не включает в себе

таких записей, которые проливали бы свет на исторические события, все-таки сообщает некоторые сведения, касающиеся по преимуществу внешней стороны придворного быта в царствование Елизаветы Петровны*.

Итак, люди, спасшие документ от забвения, не сумели, пользуясь данными двух календарей, узнать, кому те первоначально принадлежали. Более того, сделали весьма опрометчивое заявление о том, что «фамилию автора этого дневника нельзя... опреде-

13

ленно узнать из записей*. Именно опрометчивое, ибо на самом деле автора дневника вычислить легко. И для этого достаточно использовать всего две записи. Первую костромские историки определили верно (от 20 мая 1756 года). Она дала имя летописца. Фамилию незнакомца помогает прояснить текст от 31 октября 1756 года: «Сего октября 31 дня посылай был по именному Ея Величества приказанию к фельдмаршалу С. Ф. Апраксину и возил мех соболий и парчу и нагнал в 82 верстах от Петербурга в Чирко-вицах».

Костромичи заметили эту ключевую запись. Но не обратили на нее должного внимания, удостоив столь важные строки лишь ничего не значащей фразой: «на основании этой записи мы можем предполагать, что дневник этот был веден кем-либо из придворных слуг императрицы Елизаветы Петровны, пользовавшимся ее доверием».

Остается только сожалеть, что члены архивной комиссии ограничились построением предположений и не пожелали изучить иные источники той эпохи. Хотя бы опубликованные. Если бы они так поступили, то наверняка, рано или поздно, им на глаза обязательно бы попало письмо С. Ф. Апраксина И. И. Шувалову, напечатанное в 9-м томе Сборника Русского Исторического общества на странице 446:

«Милостивый государь, Иван Иванович!

Сейчас посланный паж, господин Будаков, ко мне приехал, с которым я всемилостивейше от Ея Императорского Величества пожалованную мне шубу с моим всерабственным обрадованием получил...* А рядом дата и место отправления письма — 1 ноября 1756 года, местечко Чирковицы.

Таким образом, автором дневника был не конюх и не завхоз государевых погребов, а простой паж Елизаветы Петровны Алексей Будаков. Осталось лишь проверить, точно ли числился среди пажей императрицы Алексей Будаков, для чего возьмем в руки книгу О. Р. фон Фреймана «Пажи за 183 года (1711— 1894)* и в составленном автором списке отметим, что среди пажей дочери Петра Великого действи-

14

тельно значатся два пажа — только не Будаковых, а Бутаковых, два брата Петр и Алексей, сыновья камер-юнкера цесаревны Елизаветы Григория Ивановича Бутакова... Итак, автор неизвестного дневника является пажом, то есть придворным Елизаветы Петровны. Следовательно, сделанные им отрывочные записи больше всего годятся для завязки обстоятельного и подробного разговора о различных сторонах повседневной жизни елизаветинского императорского Двора. Но прежде чем перенестись в январь 1755 года, мы обязаны выяснить, когда и каким образом Алексей Григорьевич стал придворным веселой императрицы.

Глава 1

Петербург

«По большой дороге, пролегающей из Костромы в город Галич, недалеко от Судиславля, лежит село Антипино. Если от Антипино свернуть направо, едучи от Костромы, то вскоре покажется деревушка Пчелкино, невдалеке от реки Ме-зы. Это Пчелкино, где в XVIII столетии стояла небольшая усадьба того же имени, и есть родина Бутако-вых». Так начинается свою сагу о роде Бутаковых костромской краевед

А. А. Григоров в книге «Из истории костромского дворянства*». Подробно рассказав о представителях этой семьи, живших в конце XVIII и на протяжении всего XIX столетия, он совсем немного уделил внимания тем, кто владел родовой вотчиной первые три четверти безумного и мудрого века. Хозяином поместья с 1729 года, по мнению автора, был «придворный стряпчий» Дмитрий Иванович Бутаков, который унаследовал Пчелкино от деда Федора Андреевича. О брате Дмитрия — Григории Ивановиче — ни слова. Из сыновей камер-юнкера историк упомянул только Петра Григорьевича — камер-пажа императрицы Елизаветы Петровны и офицера Конной гвардии. А еще ему известна сестра двух пажей — Прасковья Григорьевна — супруга барона С. Г. Строганова и фрейлина императрицы Екатерины II. Если не считать факта пожалования в 1762 году Петру и Прасковье Бутаковым более тысячи душ с землями из дворцовых сел, то больше ничего о семье придворного летописца в интересующий нас период костромскому исследователю обнаружить не довелось¹.

16

Впрочем, это не удивительно. Григоров опирался в основном на материалы Костромского областного архива, где скопилось достаточно информации о помещиках, живших непосредственно в Костромском крае. Судьбу тех, кто долгие годы служил в столицах при Дворе, изредка появляясь на родине, провинциальное хранилище, конечно, неспособно осветить в полной мере. Подобная задача по силам лишь госархивам. К ним за помощью мы и обратимся.

В последних числах февраля или в первые дни марта 1741 года в Москву из своей костромской усадьбы Пчелкино пожаловал камер-юнкер Елизаветы Петровны Григорий Иванович Бутаков с супругой Евдокией Лаврентьевной и с тремя детьми — Петром, Алексеем и Прасковьей. Обоз костромского помещика остановился возле двора стряпчего Троицкого Ипатьевского монастыря Алексея Андреевича Сиси-на. У старого приятеля придворный цесаревны погостил с фамилией недолго. Недели через три, исправив ряд важных дел, глава дома вновь тронулся в путь, торопясь до начала весенней распутицы поспеть в Санкт-Петербург.

Обычно петровский парадиз встречал путешественников из Первопрестольной по-простому — типовой деревянной застройкой Ямской Московской слободы. Здесь заканчивался московский тракт, хорошо выровненный и вымощенный от самого Волхова. Правда, хозяину частного экипажа никто не воспрещал от Тосницкого яма свернуть на Ижору и вдоль берега Невы добраться до Александро-Невской лавры. Оттуда по Невской прешпективе через Триумфальные ворота у Аничкова моста карета въезжала в центр города. Между тем из предместья, где обитали ямщики, господские или извозчицьи лошадки устремлялись по одному из трех маршрутов. Направо, по Литейной прешпективе, они везли тех, кто спешил в район Литейного двора, арсенала и партикулярной верфи или к казармам преображенцев и конногвардейцев. Налево торопились родственники и

17

друзья офицеров и солдат лейб-гвардии Измайловского полка. Ну а кому не терпелось поскорее увидеть бастионы Адмиралтейства, тот мчался напрямик мимо светлиц Семеновцев, по Семеновскому мосту через Фонтанку и далее, по Средней прешпективе, пересекая Садовую улицу и Глухой проток. Только из-за отсутствия переправы на Мойке доехать до Адмиралтейского луга по кратчайшему расстоянию не представлялось возможным. Хочешь не хочешь, надо отклоняться от прямой либо к Невской прешпективе, либо к Вознесенской, то есть — к Зеленому или Синему мостам. А там до корабельной верфи — рукой подать.

Два луча — Вознесенский и Невский — связывали Адмиралтейство с южными окраинами столицы, образуя усеченный конус. В его основании, между Фонтанкой и

Садовой улицей располагались просторные усадьбы знати. Участки от Садовой до Рождественской и Большой Мещанской улиц принадлежали купцам, обер-, штап-офицерам и мелким чиновникам. Севернее вышеупомянутых двух улиц, до набережной Мойки раскинулись владения богатых иностранцев, дворян средней руки и вельмож. Западнее Вознесенской прешпективы также разместились дворы купеческие, офицерские и чиновничьи. А вот восточнее Невского тракта домов обывателей насчитывалось немного — по берегу Мойки да по Итальянской улице. Остальную площадь занимали императорские сады, царские конюшни и иноземные кирки. Две — евангелическая Святого Петра и лютеранская шведская — вытянулись по оси Конюшенного двора в рамках Конюшенной и Рождественской улиц. Голландские реформаты приютились на набережной Мойки по соседству с канцелярией главной полиции у Зеленого моста. Католики обустроились ниже, почти посреди Невской прешпективы. Справа от папистского храма блестели на солнце купола православного Казанского Рождественского собора, слева, под аркадой зазывали горожан приказчики торговых лавок Гостиного двора, за которым вдоль Садовой улицы шумел Морской рынок. Для полноты

18

картины надо добавить, что напротив протестантских церквей и Казанского собора через пару лет усилиями команды архитектора Растрелли появится трехэтажный оперный дом.

Но вернемся к Адмиралтейству — точке соединения важнейших дорожных артерий города. Если прешпективы упирались в фасад крепости, то на флангах наполненного водой рва, окружившего по периметру пять адмиралтейских болверков, обрывались пара набережных и две улицы. Береговая набережная и Исаакиевская улица параллельными линиями очерчивали западный аристократический квартал — самый длинный: от церкви Святого Исаакия Далматского до Галерного двора в устье Фонтанки. К истокам Фонтанки от валов Адмиралтейства пытались дотянуться противоположные два ряда особняков знатных персон — по Миллионной улице и Верхней набережной. Но сил у искривленных шеренг хватило только до Красного канала. Малый «рост» компенсировала большая престижность. Ведь здесь нашли пристанище Зимний каменный дом императрицы, Старый Зимний дворец Петра Великого, здания почты, главной аптеки и наиболее почитаемая столичная гостиница — заведение купца Иберкамп-фа на углу Миллионной и Мошкова переулка. Кроме того, поблизости, на набережной Красного канала в компании отколовшихся от общей группы дворцов А. Г. Ягужинской, А. И. Румянцева и М. И. Владиславича обосновалась двухэтажная резиденция цесаревны Елизаветы Петровны.

За Красным каналом зеленел Царицын луг — место воинских экзерциций. Позади него протекал еще один канал, за которым в тенистых аллеях Первого и Второго Летнего сада укрылись голландский домик Петра I, Новые палаты с картинной галереей, грот, античная скульптура и в глубине у пруда дом комедии, в прошлом Зала для славных торжествований. Наконец, в Третьем Летнем саду по указу регентши Анны Леопольдовны готовилась закладка очередного третьего Летнего дворца.

Достопримечательностью Выборгской стороны

19

на другом берегу Невы являлись два корпуса сухопутного и адмиралтейского госпиталей. Петербургский остров был знаменит деревянной избой основателя города. Хотя в окрестностях Троицкой площади по старой памяти продолжали жить редкие сановники, подавляющую часть населения составляли россияне-разночинцы. О значении Петропавловской крепости и одноименного собора, полагаю, нет нужды распространяться. Линии, Малый, Средний и Большой проспекты Васильевской

стороны облюбовали и бедняки, и богачи, и вельможи, как русские, так и иноземные. Жизнь вне службы у них вертелась в центре острова — вокруг Андреевской церкви и Андреевского рынка. А работу большинство жителей данного района имели либо на Стрелке — в Таможне, на Бирже, на пристани Санкт-Петербургского порта или в Академии наук, либо возле наплавного Исааки-евского моста — в Сухопутном кадетском корпусе да в здании Двенадцати коллегий.

Так выглядел Санкт-Петербург накануне воцарения Елизаветы Петровны.

Принципиальных отличий при новой императрице город не претерпел, гармонично развиваясь в направлении, заданном ее предшественниками. Молодая царица не припоминала зла обеим Аннам. Она не сломала Зимний дворец, чтобы построить вместо него новый, и не препятствовала исполнению задумки племянницы — возведению деревянного Летнего дворца в третьем императорском саду. Наоборот, торопила строителей, и уже 11 июля 1743 года в едва отделанных покоях велела срочно провести «всенощное и молебное пение... водоосвящение и елеосвящение». Зимний дворец стал резиденцией дочери Петра Великого в день свержения Брауншвейгской династии, в два часа пополудни 25 ноября 1741 года. Через три месяца самодержица уехала на коронацию в Москву, в декабре 1742 года возвратилась в Северную столицу. В том же декабре из Москвы в Петербург по распоряжению государыни восемь казенных подвод доставили овдовевшую к тому времени супругу камер-юнкера Евдокию Лаврентьевну Бута-

20

кову. Дети благородной дамы, скорее всего, сидели в санях рядом с матерью. Посетили ли они императорский дворец на Миллионной в первые дни пребывания в Петербурге, неизвестно. Однако спустя несколько месяцев два мальчика и девочка неожиданно получили постоянную прописку в роскошных царских апартаментах. Что случилось? Скончалась матушка ребят, и те совсем осиротели (пережившая сына и невестку бабушка — Ефросинья Артемьевна Бутакова — крайне редко покидала родное Пчел кино).

Но, слава Богу, Ее Величество никогда не забывала о детворе, потерявшей родителей — друзей императрицы. Невзирая на сословную принадлежность, сын или дочь камер-юнкера, простого офицера, фабриканта немедленно брались на воспитание ко Двору. Отроков и девиц постарше зачисляли в придворный штат, а малышей определяли в придворный детский сад. Надзирала за ними итальянка Яганна Петровна Ноли. Бутаковы не избежали общей участи. 20 августа 1743 года Елизавета пожаловала Петра и Алексея Григорьевичей в государевы пажи с выдачей причитающихся по должности жалованья, ливреи и епанчи. Прасковья через два месяца, 16 октября, попала в заботливые руки нянь госпожи Ноли, занимавших особые комнаты в нижнем этаже возведенных архитектором Растрелли палат².

Оказавшись во дворце, мальчики наверняка при первой же возможности облазили вдоль и поперек главный дом империи, исследовав все его закоулки. Попробуем отчасти повторить их путь.

Входят в Зимний дворец обычно через крыльцо, обращенное к Адмиралтейскому лугу. Мы тоже воспользуемся им. Но прежде окинем взором общую панораму. Южный флигель по конфигурации напоминает северный — переделанный при Анне Иоанновне дом адмирала Апраксина. Тот же четырехугольник^в три апартамента с выступами, те же двускатные изломанные крыши и декорированные фронтоны, та же рустовка цоколя и первого этажа. Справа от флигеля — ворота во внутренний дворик и одноэтажная

21

пристройка, в которой ютятся придворная контора, придворная аптека и караульня

лейб-гвардии полков. Слева — валы Адмиралтейства и проезд к парадному крыльцу главного корпуса. Минет год-полтора, и на каменной мостовой вырастет примыкающий к основному зданию его Г-образный аналог. Вы спросите: как тогда дворцовые кареты смогут подкатить к центральному адмиралтейскому подъезду? Очень просто. Благодаря арочному проему в свежеисполненном творении Франческо Растрелли. Но не спешите раскрывать знаменитый альбом Махаева и разглядывать гравюры с изображением южного фасада Зимнего дворца. Вы не обнаружите там арки. На картинке ее нет, хотя в реальности она существовала, и под ней неизменно проезжали экипажи царского кортежа³.

А теперь взойдем по ступеням и, распахнув двери с ямбургскими стеклами, спустимся в сени. Перед нами лестница, ведущая наверх. Направо — другие сени. В них — нужник, где любой желающий вправе оправиться с дороги. На первом этаже есть еще три-четыре отхожих места. Поэтому никто в императорской резиденции не гадит по углам, вопреки утверждениям ряда маститых историков. Кроме того, здесь не принято плевать на пол, и тем более на стены — за это следует штраф. Если уж невтерпех, можно вытащить из кармана платок. Исключение сделано для часовых лейб-компаний и гвардии караулов. Возле стульев стражников к ночи появляются ящики с песком, которые поутру обязательно уносят.

Несколько слов о нижнем апартаменте. Достопримечательностей тут мало. Во-первых, мыльня государыни с котлами для горячей и холодной воды, с потолками из «тонкого ревендуна». Во-вторых, кухня императрицы. В ней — печь, два поставца, наугольник, два стола, «стены и очаг убраны заморскими плитами». Между парадным адмиралтейским крыльцом и круглой лестницей вблизи северного апрак-синского флигеля — хозяйство гоф-интендантской конторы (канцелярия, мастерская, архив, казначейство). По три покоя у Кабинета Ее Величества и у де-

22

журных генерал-адъютантов, занимающих территорию по соседству. В остальных жилых комнатах обитают мадам Ноли с детьми, мадам Шмидт с фрейлинами, слуги А. Г. Разумовского, любимые камер-юнкеры царицы и другие придворные персоны⁴. Сердце дворца — средний апартамент. Туда мы поднимемся по большой деревянной лестнице, у которой остановились. Из холла второго этажа — три пути. Две палаты по правую руку — обыкновенные проходные, с каминами из алебастра и сосновыми полами. Слева — помещение посольств. Оно первое в ряду апартаментов государыни, ибо в нем есть мраморный «камелек» и ценный курляндский паркет. Однако экскурсия наша начнется не отсюда, а из комнаты напротив. Перешагнем порог и окажемся в просторной зале с двумя окнами в дальнем левом углу с видом на Адмиралтейство и Неву. Это — спальня Елизаветы Петровны с золоченым альковом в обрамлении двух больших зеркал. Пол выложен курляндским штучным паркетом. Обогревают опочивальню четыре печи с изразцами. Стены, как практически повсюду во дворце, обиты цветными шелковыми (штофными или тафтяными) материями, в обрамлении деревянных брусков по периметру полотнищ. С запада к спальне примыкают две комнаты — Оранжевая с живописным плафоном и наугольная Столовая. С завершением к Рождеству 1746 года строительства западного флигеля и переездом в него императрицы Оранжевая и покой у лестничной площадки превратятся в прихожие комнаты новых внутренних апартаментов Ее Величества. Опочивальня, Столовая, уборный кабинет, мыльня, кухня также найдут пристанище в той части дворца. А пока этого не случилось, самодержица спит по-прежнему в нынешнем алькове, а обедает и ужинает в смежной наугольной палате. Кстати, 25 декабря 1745 года в ней впервые заработает эрмитажная машина. Стол с приборами и яствами на шестнадцать персон медленно переместится с нижнего этажа на второй, а

по окончании трапезы вернется обратно. Что касается самой опочивальни, то после новоселья государыни

23

она приобретет иное прозвание и предназначение — Зеленой театральной комнаты. Именно здесь кадеты, ярославская труппа и придворные певчие сыграют для Елизаветы Петровны и узкого круга придворных многие знаменитые спектакли А. П. Сумарокова и прочих авторов.

Продолжим осмотр. Из спальни проследуем в Биллиардный покой с двумя изразчатыми печами, где коротают время дежурные дамы, кавалеры и ливрейные придворные служители. За биллиардной — маленькие сени с лестницей «на нис». А дальше — парадная опочивальня Ее Величества, в которой утром 21 августа 1745 года с помощью императрицы и статс-дам облачится в свадебный наряд из серебряного глазета великая княжна Екатерина Алексеевна. Пышно убранная кровать с балдахином отражается в трех больших зеркалах. Два установлены в межоконных простенках над мраморными столами красного цвета, одно — в дальнем углу над камином белого мрамора. В каждом десюдепорты с картинами художника Грота. На потолке — плафон. Отопление палаты целиком зависит от печи, расположенной в углу при входе из сеней. В десяти шагах от нее, ближе к окну, — еще дверь. За ней уборный «кабинет» с аналогичными тремя зеркалами и камином серого мрамора. При оформлении одного зеркала использована картина Грота. Над дверью — тоже десюдепорт кисти того же художника. Плафон и восемь зеркальных «пилястров» добавляют красочности будуару императрицы.

За парадной спальней лежит знаменитый Янтарный кабинет с картинами и дверными десюдепортами Грота, восемнадцатью зеркальными «пилястрами» и семнадцатью золочеными подсвечниками, плафоном, мраморным камином белого цвета, янтарными «обоями*» и «панелями». В этом роскошном кабинете изредка проводятся заседания российского императорского совета — «внештатного» парламента, состоящего из двух фракций. Члены правящей «английской» и оппозиционной «французской» партий на подобных «консилиях» эмоционально

24

спорят о разных важных проблемах, после чего об итогах докладывают императрице. На восемь утра 3 октября 1745 года в Янтарном кабинете Елизавета Петровна назначит одно из таких совещаний, на котором огласит историческое решение о своем намерении поддержать Саксонию и Австрию в борьбе с прусской агрессией. А пятью месяцами ранее здесь произошло другое примечательное событие, 3 мая в доме вице-канцлера российские министры обсуждали с посланниками Англии, Голландии, Австрии и Саксонии условия возможного присоединения России к Варшавскому трактату. Дебатировали увлеченно, не стесняясь выражений. Особенно бушевал Филипп Розенберг. Лишь канцлер Бестужев был не очень словоохотлив. Разошлись, так ни о чем конкретном не договорившись. В воскресенье, 5 мая все шестеро встретились на куртаге в Зимнем дворце. Дипломаты обратили внимание на то, что царица, чем-то озабоченная, не танцевала, как обычно, а, напротив, довольно быстро покинула галерею, шепнув что-то госпоже Воронцовой. Тайна раскрылась спустя несколько минут. Анна Карловна вдруг подошла к Даниилу Дедье и предложила ему следовать за ней. Голландец повиновался и вскоре очутился в Янтарном кабинете возле императрицы. Аудиенция началась с демонстрации изящного янтарного столика, присланного из Кенигсберга в подарок от прусского короля. К сожалению, простодушный республиканец намек не понял, и тогда Елизавета Петровна поведала гостю «в конфиденцию» о впечатлении, которое на нее произвела жаркая пятничная дискуссия в особняке на Садовой улице. Она, оказывается,

инкогнито присутствовала у Воронцовых и подслушала прения. Резидент Генеральных штатов изрядно растерялся и принялся извиняться за «непридворные» немецкие фразы, прозвучавшие сгоряча. Государыня только улыбнулась и сразу же перешла к сути Дела — отношениям России с осью Вена — Дрезден — Гаага — Лондон. Во время короткого диалога с Дедье Елизавета объяснила смущенному собеседнику позицию России и подчеркнула, что сохранять нейтра-

25

литет вечно не будет. Эту главную мысль не склонный к лукавству голландский посол и донес до коллег по возвращении из Янтарного кабинета в галерею, а сам через два дня в депеше великому пенсио-нарию фон дер Гейму не преминул написать: «Я Ваше Благородие уверить могу, что не думаю, чтобы королева английская Елизавета, которую историки так много хвалят, с большим искусством и приятностию рассуждать умела»...

Откроем дверь в соседний зал и пересечем границу камерной царской половины и крыла, доступного для съезжающей на празднества и церемонии публики. Встречает нас анфилада четырех боковых парадных комнат. Вторая от кабинета, в окаймлении одной и двух более скромно украшенных покоев — Шахматная палата. Названа так из-за темных и светлых досочек курляндского паркета, выложенного в шахматном порядке. В палате есть мраморный камин светло-серого оттенка и тех же тонов два мраморных стола между окнами. Над ними возвышаются три массивных зеркала в резных золоченых рамах. На каминном зеркале к тому же укреплены два золоченых подсвечника. Двери из Шахматной залы ведут направо, в Светлую галерею, и прямо, к большой каменной лестнице, которая служит для спуска вниз к парадному адмиралтейскому крыльцу. За лестничной площадкой — помещения адмиральского дома. Здесь в скором времени произведут капитальную реконструкцию, и к 1750 году всего лишь одна комната станет разделять лестницу от обширного, красивого тронного зала, предназначенного для устройства публичных аудиенций, маскарадов и балов. Окна зала и балкон открывают взору гостей великолепный вид на невский пейзаж и позволяют наблюдать в ночные праздничные часы за фейерверком или иллюминацией, организованными на помосте Стрелки Васильевского острова. Трон стоит у стены, от реки справа. За стеной — два вспомогательных покоя для торжественных выходов императрицы со свитой. А впереди по оси вдоль Невы тянется просторная анфилада из аванзала и четырех антикамер, ведущих

26

на крыльцо для публичных съездов и к апартаментам, которые займут после ремонта Их Императорские Высочества.

у лестницы повернем направо и выйдем в первую комнату восточной анфилады. Отсюда повернем налево и попадем в придворную церковь с алтарем, где государыня в окружении придворных регулярно отстаивает литургии, обедни и вечерни, если не уединяется вместе с духовником в своей комнатной часовенке. Полюбуюсь иконостасом, настенной живописью, богатой утварью и возвратимся обратно в предыдущую комнату. За ней разместилась вторая — почти точная копия первой. Характерная особенность и той и другой — декоративные «фальшивые» мраморные каминные. Распахнем резную золоченую дверь второй палаты и вступим в Светлую галерею — главную достопримечательность Зимнего дворца. Здесь играют придворные свадьбы, устраиваются банкеты, даются частные приемы, по воскресеньям знатные персоны собираются на куртаги, а 25 ноября 1745 года императрица в мужском мундире капитана лейб-компания поприветствует каждого из трехсот офицеров и гренадеров привилегированной роты. Зал освещают семь окон и двадцать четыре зеркала, а обогревают четыре печи с изразцами. По вечерам

зажигаются свечи в двадцати четырех кронштейнах и на шести паникадилах. С юга к галерее примыкают две статс-дамские комнаты — симметричные таким же двум, что находятся рядом с церковью. В первой из них тоже есть «фалшивой» камин из мрамора, а также фальшивая дверь в Янтарный кабинет. Обе, как и смежная с ними Передняя (еще недавно столовая Ее Величества), в дни фрейлинских свадеб превращаются в гостиные, где под музыку итальянского оркестра потчуют разными блюдами гостей. В девятом часу вечера 6 ноября 1745 года в Передней, отличающейся затейливым узором пола, живописными панно на дверях и красивым плафоном из пяти картин, а также в первой от галереи комнате рассядутся за столами знатные особы, приглашенные на бракосочетание

27

шталмейстера Петра Михайловича Голицына и фрейлины Екатерины Алексеевны Каро. Во втором от галереи покое разместятся музыканты. Через полтора часа трапеза завершится, и все устремится в галерею танцевать. Бал продлится до первого часа ночи. Позднее в Передней установят штандарт лейб-компаний, и она, скорее всего, сменит наименование.

Справа от Передней — упомянутая выше Биллиардная, а в четырех палатах слева обосновался великий князь. Спальня Петра Федоровича оборудована в третьей из них, а в какой-то из соседних 27 декабря 1745 года антрепренеры Ланде и Севини развлекут императрицу «кукольной итальянской комедией». Увертюрой и музыкальным оформлением антрактов спектакль обеспечит придворный инструментальный оркестр. До вызова в Россию воспитанника Брюммера в комнатах великого князя заседали господа сенаторы.

Между апартаментами герцога Голштинского с примыкающими к ним пятью комнатами Алексея Григорьевича Разумовского и альковом Елизаветы Петровны расположены большие темные сени с маленькой черной лестницей и двумя чуланами, откуда топят печи царской опочивальни. Воспользовавшись сим коридором, мы тотчас очутимся в уже знакомых нам двух палатах с каминами из алебаstra. А за ними — лестничная площадка — отправной пункт нашего путешествия по среднему этажу Зимнего дворца. Но задержимся тут немного и подойдем к окнам из ямбургских стекол с двойными деревянными переплетами. Взглянем на Адмиралтейский луг. Там к полудню 24 августа 1745 года соорудят большой фонтан с вызолоченными статуями под вино и две высокие пирамиды с прикрепленными на них и покрытыми красным сукном шестью жареными быками, нашпигованными сотнями пудов говядины, баранины, свинины, курами, утками, гусями, рыбой, хлебом и пирогами для простого народа. Впрочем, никакого зрелища, назначенного на пять часов вечера, не получится. Когда около трех часов дня в Передней и статс-дамских покоях зазвонят бокалы во здра-

28

вне новобрачных Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, на площади прогремит залп двадцати одной пушки, извещающий город о прозвучавшем тосте. Увы, толпа, ожидающая сигнала к «штурму» бесплатной закуски и выпивки, не ведая о тонкостях свадебного церемониала, воспримет выстрелы, как условный знак, ринется в атаку и в одно мгновение сомнет цепочку солдат. Три минуты потребуется массе людей, чтобы растерзать жареную скотину со всем содержимым. О досадном недоразумении императрице доложат немедленно. Елизавета, посмеявшись, велит повторно водрузить на пирамиды мясную и прочую снедь. Правда, чуть погодя ей сообщат о жертвах и большом количестве покалеченных — результате образовавшейся давки. Дочь Петра Великого отреагирует моментально, распорядившись более быков, птиц, рыбу и хлеб на всенародное обозрение не выставлять, вино в фонтан не запускать, а резерв винных, мучных и мясных припасов без шума раздать нищим.

Ну вот и закончилась наша экскурсия. Мы вернулись к лестничному пролету Луговой стороны. Подниматься наверх, на третий этаж, смысла нет. Там не найти ничего, кроме

квартир камер-юнкеров, камер-метхин, дежурных кавалеров, Ф. Я. Дубянского с семьей (3 покая), Г. М. Любистока (3 покая), А. М. Измайловой (2 покая) и ряда менее известных лиц. Так что самое время направиться вниз и через Луговое крыльцо спуститься на Миллионную прешпективу⁵.

Можно сколько угодно завидовать счастливицам, живущим рядом с государыней. Только привилегия эта очень зыбкая. Сегодня ты в фаворе или целесообразность требует твоего присутствия во дворце. А завтра ситуация изменится, и тебя попросят освободить помещения. Ничего зазорного или оскорбительного⁶ там нет. Жизнь есть жизнь, и она по-разному складывается. Главное, что на улицу никого не выкидывали. Столичная полиция вручала отставнику билет на постой в чей-либо квартире, и тот не страдал из-за отсутствия крыши над головой. Однако в гостях — хорошо, а дома — лучше. Поэтому придворные ста-

29

рались обзавестись собственным жильем в Петербурге. Вариантов было три — строительство, покупка и найм.

Первый способ требовал огромных капиталовложений и немалого времени. Если само здание под ключ при умелой организации труда и избытке рабочей силы строители возводили за полтора-два месяца, то над фундаментом и погребями, как правило, артельщики корпели дольше. Вот, например, в апреле 1749 года во владении Михаила Ларионовича Воронцова по Фонтанке мужики принялись сносить множество деревянных изб, сараев и заборов, загромождивших пространство возле Садовой улицы. Не все превратилось в строительный материал. Отдельные хоромы и изгороди труженики аккуратно разобрали и перенесли на новое место. К маю площадку под новый дворец вице-канцлера расчистили, после чего приступили к рытью траншей. Параллельно дворецкий графа Андрей Константинов договорился с приказчиком купца Милютина Василием Петровым о подряде на кирпич. Промышленник запросил за тысячу штук два рубля тридцать копеек, накинув еще полтинник за подвоз и разгрузку. Конкурент — камергер Н. А. Корф — продавал кирпич существенно дороже.

Не забыл «прораб» и о железе на ограду: потолковал с добрым знакомым хозяина — однодворцем Дмитрием Борисовичем Поповым — и склонил «там-бовца» продать Воронцову тысячу пудов железа, которое тот закупил по контракту у Берг-коллегии. Железо на двор Воронцова доставили в конце июня, и графский кузнец до конца лета выковал из него фигурные и простые решетки по образцу, созданному слесарным мастером Петхиным. Между тем архитектор Франческо Бартоломее Растрелли составил смету (около трех тысяч шестисот рублей) и определил архитектору Ивану Михайлову фронт работ на текущее лето. Первым делом надлежало выкопать рвы под фундамент с выплатой двадцати пяти копеек за выемку каждой кубической сажени. Из готовых рвов выкачивали воду и забивали в ямы сваи высо-

30

той в две сажени. За вколачивание одной болванки пообещали давать восемнадцать с половиной копеек. Сваи непременно укрепляли бучением, то есть засыпали торчащие из земли столбы песком, щебнем, известью. Сверху укладывали бутовые каменные плиты (чаще ревельскую, тосницкую или путилов-скую), которые обкладывали кирпичом.

Пока землекопы с помощью лопат обозначали контур двух будущих флигелей, галерей и главного корпуса, дворецкий принимал на Фонтанке у «судовщиков» продукцию фабриканта Милютина. Партии красного и белого кирпича, не смешивая друг с другом, опускали в «клетки», грузили на телеги и везли в глубь воронцовского участка на двести сажень. Качество простой и круговой извести в двадцатипудовых бочках Константинов свидетельствовал тоже на берегу реки, а покупал ее вместе с барками.

Закладка фундамента продвигалась медленно. За июнь строители приготовили к отделке кирпичом «корделожии», забили большую часть свай на месте флигелей и выкопали рвы по периметру галереи. Тогда куратор стройки — господин Растрелли, не желая терять время, 26 июня приказал каменщикам заняться кирпичной работой на главном корпусе. Там они трудились две недели и возвели стену «против [г]оризонту улицы» высотой в три четверти аршина. 10 июля мастеровых перебросили на установку плит на правом флигеле у Чернышева переулка. Затем мужики аналогичным образом оборудовали галерею и только потом взялись за левый флигель. Через месяц фундамент везде закончили, и перед каменщиками встала новая задача — выложить стены кирпичом до «ватерпаса» (наивысшей линии наводнения) и, если позволит погода, продолжить сооружение погребов. В течение августа и первой половины сентября программу-минимум выполнили. За оставшиеся теплые дни «в корделожи с левого угла вывели погреба и... на них своды» сделали. 29 сентября в связи с похолоданием строительство прекратилось. Дворецкий рассчитался с каменщиками, подрядил плотников Укрыть на зиму фундамент с частью погреба досками

31

и приступил к организации работ в 1750 году, удостоившись попутно нареканий со стороны хозяина.

Михаил Ларионович узнал, что строивший тем летом в Петербурге дом Петр Борисович Шереметев приобретал кирпичи за два рубля сорок копеек у мелких оптовых торговцев, пригнавших в июле свои суда в Фонтанку. А Константинов, отказав Милютину, брал у тех же продавцов тот же кирпич, но на пятнадцать копеек дороже. Значит, вверх графскую казну в убыток. Пришлось дворецкому напомнить вице-канцлеру, в каком месте строил Фонтанный дворец господин Шереметев — на берегу реки, а в каком его сиятельство — в двухстах саженьях от воды. Разница, следовательно, пошла на оплату труда погонщиков лошадей. Кстати, в этот сезон обзаводились новым жильем не только Воронцов и Шереметев. В Большой Морской улице «зачинал» каменные палаты метер-де-гардероб Василий Иванович Чулков. Рядом занялся реконструкцией своего двора пастор Иоганн Нациус. В Итальянской улице возводил хоромы купец Кокушкин. На поляне вдоль Невской пре-шпективы между Гостиным Двором и двором Милютина выросли несколько небольших каменных торговых лавок. Как видим, петербуржцы могли время от времени потратить значительные суммы денег на строительство⁶.

Ну а кому средства или обстоятельства не позволяли построить или, в крайнем случае, купить особняк в престижном городском квартале, тот предпочитал арендовать помещения за меньшую цену. Данное правило распространялось не только на частных лиц, но и на государственные учреждения. Даже на Коллегию иностранных дел. Ее Секретная экспедиция без конца меняла адреса, кочуя с места на место. До осени 1751 года подчиненные Бестужева располагались в третьем казенном Зимнем доме, примыкавшем ко второму — апартаментам Саввы Рагузин-ского. Однако 3 сентября канцлер получил из Кабинета записку В. И. Демидова: «Сего числа Ея Императорское Величество указала иностранную коллегия, которая имеется при Зимнем Ея Величества дворце, в

32

бывшем доме покойного графа Павла Ивановича Ягу-жинского вывести немедленно, наняв для оной дом свободной, и о том Вашему Сиятельству объявить».

Легко сказать, «вывести немедленно». А куда? Отыскать в один момент замену прежним покоям нереально. Остается лишь перебраться в известное здание у Академического луга на Васильевском острове и потеснить Публичную экспедицию с

архивом. А на Адмиралтейскую сторону по примеру Сената отлучаться два раза в год, «когда чрез реку переезд худ» бывает. Алексей Петрович порекомендовал государыне поступить именно так. Но та не пожелала отпускать на противоположный берег Невы ядро внешнеполитического ведомства. Она предложила иной вариант. 14 сентября Савве Яковлевичу Яковлеву вручили предписание в недельный срок очистить от постояльцев один из двух собственных особняков по Невской прешпективе, смежный с двором камергера Ивана Ивановича Шувалова. Причем купца заверили, что с наемными деньгами проблем не возникнет. Яковлев справился с задачей за пять дней. 16-го числа верхний этаж покинул квартирант — голландец Ефим Шульц. Через двое суток хозяин ликвидировал разместившиеся в цоколе герберг (то есть трактир) и кабак.

Экспедиция занимала семь яковлевских комнат чуть более восьми месяцев.

Обветшавшее здание нуждалось в срочном ремонте. Поэтому с июня по сентябрь 1752 года международные вопросы рассматривались по соседству — в Аничковом дворце. Возвращение в подновленный купеческий дом обернулось еще более скорым расставанием. В декабре 1752 года императрица отправилась в Москву. Канцлер с большей частью членов и сотрудников коллегии последовал за ней.

Когда весной 1754 года Двор засобирался обратно в столицу, Алексей Петрович Бестужев заблаговременно подумал о петербургском пристанище для Секретной экспедиции. 28 февраля он отослал секретарю Ивану Михайловичу Посникову пакет с распоряжением найти поблизости от Зимнего дворца и Ад-

33

миралтейства подходящее помещение. Особое внимание начальник советовал уделить домам князя Гагарина в Малой Морской, бригадира Коченовского на северной набережной Мойки и полковника Мельгунова у Синего моста. Секретарь ознакомился с письмом 5 марта и, естественно, не стал тянуть с прогулкой по городу. К тому же путь его ожидал не слишком длинный. Маршрут Посникова пролегал по Большой и Малой Луговым (или Морским) улицам с коротким заходом на набережную Мойки. Затем ему предстояло перейти по Синему мосту на другой берег реки и посетить участок Алексея Петровича Мельгунова. Воспользуемся случаем и присоединимся к клерку, чтобы посмотреть, что из себя представлял петербургский дом елизаветинской эпохи.

Картина, безусловно, не удивит единообразием. Правда, на изобилие свободных квартир тоже рассчитывать не стоит. Чиновник Коллегии иностранных дел миновал добрую половину Большой Луговой улицы на отрезке от Зимнего дворца до Невской прешпективы, прежде чем получил позволение войти внутрь. То был двор статс-дамы Анастасии Михайловны Измайловой, купленный недавно у московской питейной компании. Данная компания со времен Анны Иоанновны владела на этой улице двумя участками, обрамлявшими дворец камергера Василия Ермолаевича Скворцова. 3 июня 1752 года купец Петр Шмаков от имени компанейщика Гаврилы Ключева с товарищами продал оба особняка двум придворным дамам — Яганне Петровне Ноли за шесть тысяч и Анастасии Михайловне Измайловой за четыре тысячи. Пять тысяч из общей суммы промышленникам пришлось вернуть государству.

Дом госпожи Измайловой имел сверх погребов два этажа. Каждый вмещал большую залу, восемь комнат и кухню. К марту 1754 года подполковник Насонов — доверенное лицо подруги императрицы — полностью сумел отремонтировать верхний апартамент, а в нижнем поставил новые печи и приступил к переделке «дверей, окон, полов и панелей», намереваясь к приезду хозяйки успеть с побелкой

34

стен и потолков. К сожалению, сам офицер в доме отсутствовал. Поэтому о сроках

окончания ремонта (май месяц) и стоимости аренды (1200 рублей в год за все сразу) Иван Посников узнал лишь при повторном визите. Больше в Большой Морской улице вплоть до Вознесенской перспективы никто квартиры внаем не сдавал. Зато в Малой Морской пустыми комнатами порадовали два двора — генерала Наумова и князя Гагарина. Но, увы, в девяти княжеских покоях верхнего этажа и четырех людских нижнего бывшие жильцы здорово насорили, отчего «внутри стены и потолки от копоти почернели. И особенно потолки» показались «не крепки, потому что в некоторых местах брусья погнулись, да и в печах и протчем неисправности не мало». Кроме того, дворник предъявил письмо барина из Москвы с сообщением о предоставлении апартаментов камер-юнкеру Ивану Ларионовичу Воронцову. С вакантными девятью покаями на втором этаже у господина Наумова тоже вышла осечка. Выяснилось, что «внутри двора запущенными повреждениями и нечистотою худой и гнусной вид является. Да и в самых полатах на стенах обитья все изотлели и висят лоскутьями. И при том в печах и протчем немалой поправки и починки требуется», А еще придется часто сталкиваться с мастеровыми, живущими на третьем этаже, ибо нет в доме второго крыльца. Надежда на особняк Федора Коченовского также не оправдала себя: «-занят... и свободных к отдаче покоев не осталось». Избыток незанятых комнат обнаружился за Вознесенской перспективой. В первом же «наугольном» Доме по Большой Морской купец Федот Филимонович Степанов с зятем коллежским асессором Матвеем Даниловичем Чихачевым предложили «семь покоев с двумя кухнями», которые, правда, нанимателю не понравились: «все сделано на посадскую руку, крыльца узкие, сени тесные, и двери низкие, а просят по семисот рублей в год, величаясь тем, что, когда для Сената оные наниманы были» (со 2 марта по 10 мая и с 18 октября по 23 ноября 1751 года), платили по сто Рублей в месяц. По той же стороне, в третьем от угла

35

дворе чиновника Конюшенной канцелярии Петра Тимофеевича Савелова «в полатах посредственных и мелких» постояльцев ожидали семь комнат — три средних размеров и четыре поменьше. Впечатление они производили не многим лучше: «все от копоти почернели. Двери столярные, да ни чем не покрашенные и без замков. И печи изращенные не тверды и не хороши», хотя при ремонте больших затрат вроде бы не предвиделось. К тому же во время вторых смотрин капитан Скрепицин — содержатель дома — пообещал ликвидировать изъяны после заключения договора о найме (за 400 рублей в год с погребами и 300 рублей без них).

Через дорогу стояли два двора Анастасии Александровны Нарышкиной. Один из-за «непорядочной в покоях архитектуры и многой неисправности» для проживания совершенно не годился. Сосед, напротив, «в расположении покоев порядочен... в середине — зал, и по обоим сторонам — по три палаты. И две небольших кухни. И неисправности в них большой нет. Но точию некоторые полаты побелить будет потребно, и печи, и окончины починить. На оном же и людския покои есть». По словам адмиралтейской коллегии прокурора Милославского, надзиравшего за имуществом, контракт с нынешними жильцами истекал в апреле, а цена составляла всего триста рублей в год. Собеседник обязался устранить недоделки, но предупредил, что прежде необходимо Бестужеву переговорить обо всем в Москве с хозяйкой.

За владениями Нарышкиной в отдалении привлекал внимание «крайний двор асессора Николая Бутурлина» с довольно просторными комнатами и своей особой «неудобностью». В нем не было «с двух крылец в полаты ходу иного... как со обеих сторон чрез кухни, в сенях с большими очагами сделанные и совсем закоптелые». Отсюда Иван Посников повернул назад, к Синему мосту. Перебрался на южный берег Мойки и, двигаясь в западном направлении, вскоре подошел к дому Мельгуновых.

Взглянув на двухэтажный дом, сотрудник коллегии сразу понял: вот то, что нужно.

36

Приземистый каменный корпус вытянулся вдоль набережной на десять саженей, имея справа, под вторым этажом арочный проем для проезда карет глубиной около семи саженей. Внизу по фасаду — ровный ряд из четырех окон (в каждом по двадцать «стекел малых»), наверху — такой же из семи («в оконницах по восемь стекол больших») «с наличниками и коробками столярными... Исподние рамки — разтвор-четыя, на петлях железных с медными ввинчаными колцами и с распорками железными».

Арочный туннель под полатами защищен створчатыми воротами «на железных петлях и с засовом железным». Крыша покрыта черепицей, а «на кровле с обеих сторон» — четыре слуховых окна. Набережная перед домом вымощена булыжником и украшена по реке брусчатой оградой с перилами и двумя дверцами на петлях, от которых по лесенкам с балясинами можно спуститься на пристань.

Вход в дом — налево от арки во дворе. Вместо крыльца — специальная площадка «о двух ступенях» из плит. Она устлана «гладкою... синею лещедью». Через порог с двойными деревянными дверями, снабженными задвижками, — сени. Над дверью — окошко с четырьмя стеклами. В сенях слева — лестница с балясами на второй этаж. Под ней — чулан «с малою оконницею о четырех стеклах» во двор. Справа — стена. Впереди — большая палата со сводом и «белым, изращатым» камином в углу. Напротив камина — такая же печь, отапливающая одной стороной большой покой, а другой — смежный с ним малый. Полы выложены кирпичом. Двери оборудованы железными замками.

Чтобы попасть в кухню, нужно вернуться на площадку. Там рядом с большой двойной обнаружим симметричную ей дверь поменьше с аналогичной застекленной бойницей. За ней — сени с чуланом впереди, отгороженным досками. Свет в чулан поступает благодаря маленькому окошку в дверях. «Из тех сеней дверь в поварню, в которой печь, очах и пол кирпичные, стены и свод с подмаскою» и два окна на двор, из двадцати стекол каждое.

37

А теперь возвратимся в прихожую, чтобы по деревянной лестнице «с точеными балясами и поручнями» подняться на второй этаж. Ступени выведут нас в сени с оштукатуренными потолками, «с простою подмаскою» на стенах, с тремя окнами (по двадцать восемь стекол), смотрящими во двор, и маленьким чуланчиком в углу. Лестница здесь не оканчивается, а, сузившись и потеряв красивый убор, убегает выше, на чердак. Если встать лицом к чуланчику, то справа будет ничем не примечательная, изолированная от прочих комната с двумя двадцативосьмистекольными окнами во двор. А слева увидим анфиладу из трех комнат, к которой примыкает четвертая с двумя окнами по восемь больших стекол, также обращенными во двор. Длина центрального зала — четыре сажени, остальных комнат (в том числе пятой «особой палаты») — три. Во всех четырех главных покоях стены «бес подмаски, обиты разноцветными бумашками. Потолоки — штукаторной работы с карнизами... Пятеры двери — с наличниками и коробками... Полы — столярной работы... Вокруг стен — панели столярные... Четыре печи живописные с затворками железными... у труб вьюшки глиняные».

Ивану Посникову дом полковника очень приглянулся. Однако и тут дотошный чиновник отыскал недостаток, сообщив в рапорте от 10 марта начальнику, что «в верхних сенях не точию нужника, но и места, где б судно поставить, нет. Разве на то займется последняя полата, отделенная от других глухою стеною, и в которую из сеней особые двери. А в протчем со всем уже уместятся в первых четырех палатах. В сенях же нижних, хотя також нужника нет, но где судно поставить, на то место найти

можно будет».

Судя по всему, подчиненные Бестужева здорово разнежились, работая в относительно комфортных условиях Зимнего и Аничкова дворцов. Привыкли, что нужник всегда под рукой, и в доме, а не на улице. В большинстве домов столицы подражали придворным замашкам. Но, как видим, не везде. У Алексея Петровича Мельгунова все удобства оказались снаружи, на свежем воздухе, в двух «досчатых с дверми на

38

петлях и с цепми* нужниках, длиною почти в два, а шириною в одну сажень.

Внутреннее убранство домашнего клозета, понятно, отличалось от общеизвестной и незамысловатой модели уличного. Помещение обклеивали какими-нибудь бумажными обоями, «столчаки» использовали и простые, и из красного дерева с кожаными подушками. Основной стандартный набор включал в себя несколько стульчаков с медными горшками, фонарь и при желании два-три «писпода каменных». Подобного рода инвентарь дорогим удовольствием не являлся. Любой более или менее состоятельный человек мог купить и установить в собственном нужнике пару простых крашенных «столчаков» с кожаной подушкой за три рубля (из красного дерева стоил двенадцать рублей) и необходимое количество «пис-подов» за двадцать копеек. А для освещения каморки неплохо было приобрести и подвесить на крючке двухрублевый хрустальный фонарь.

Как всякий рачительный хозяин, Мельгунов возвел во дворе несколько вспомогательных построек. На площади в десять саженей в длину и три с половиной в ширину разместились деревянный погреб, двустенный сарай, конюшня на шесть стойл, а «при них два чулана и на верху два сушила для поклажи хлеба и сена». Кроме того, на задней половине участка возле Малой Съезжей улицы он не преминул запастись деревянными светлицами, «ради особых жильцов», которые отделил от главной территории специальной оградой из досок.

Невзирая на обнаруженный Посниковым дефект в планировке мельгуновского дома, канцлер решил арендовать именно этот особняк для Секретной экспедиции. Тем более что полковник согласился исправить допущенные промахи: обить цветной бумагой пятую комнату на втором этаже и пробить из нее⁸ соседний покой дверь. В течение апреля все недочеты устранили, и 10 мая 1754 года представитель коллегии принял по описи двор Мельгунова и определил для охраны двух коллежских солдат. Контракт⁹ Двух экземплярах с офицером подписали раньше.

39

Бестужев обязался выплачивать ежегодно по шестисот рублей, «счисляя с первого числа... мая» и вернуть все в целости и сохранности, а его тезка обещал не перекаладывать на плечи нанимателя починку возможных повреждений, содержание солдатского постоя «и другия полицейския должности». В итоге Секретная экспедиция обосновалась в палатах будущего любимца Петра Федоровича на целых шесть лет, и только 26 июня 1760 года переехала поближе к деревянному Зимнему дворцу императрицы на Мойке, сняв помещения в доме советника артиллерии Козмина в Большой Морской улице⁷.

Итак, мы прогулялись по Петербургу, побывали в царской резиденции и в доме знатного горожанина. Теперь самое время с помощью автора дневника Алексея Бутакова познакомиться с людьми и повседневной жизнью той эпохи.

Глава 2

Придворные

1755 январь

16. Начали театр маленькой строить в зеленой комнате; в тот же день и состроили. 18. Былмаскерад при дворе для российского и чужестранного купечества.

21. Была проба русской оперы. Михаил Михайлович Измайлов пожалован в камер-юнкеры к Их Высочествам.

Человеку порой нелегко приходится на новом месте. Все вокруг чужое, непривычное. Требуется несколько дней, а то и недель, чтобы найти общий язык с незнакомыми людьми и приноровиться к неведомому до того укладу жизни. И не имеет значения, куда попал новичок — в убогую солдатскую казарму или в разукрашенный позолотой царский дворец. Везде поначалу его будет тянуть обратно на родину, в тот уголок, с которым связаны самые лучшие воспоминания. В подобные моменты важно, с каким окру-

40

жением — доброжелательным или равнодушным — сводит судьба. Бутаковым в этом отношении повезло. Императрица не просто взяла их на воспитание во дворец. Она фактически заменила им родителей, хотя формально ничто не свидетельствовало о том. Девочкой занималась мадам Яганна Петровна Ноли. Мальчики же шалили и учились наравне с другими ребятами из разновозрастной ватаги царских пажей. Прошло время, и братья с сестрой вполне освоились во дворце, неплохо разобравшись в сложной иерархии придворных чинов, живущих в императорской резиденции или регулярно навещающих ее. Сказочные представления о российском дворе улетучились быстро, стоило только взглянуть на него изнутри. Если не считать ослепительной роскоши и внешней помпезности, то обслуживавший императрицу коллектив состоял из обычных людей со своими слабостями, недостатками и достоинствами. Идеалы просвещения в императорском дворце, как и по всей России, затейливым образом переплетались с жестокими обычаями, оставшимися от прошлых эпох. Понятия о долге и чести соседствовали с угодничеством, лицемерием и даже подлостью. Правда, проявление того или другого всецело зависело от конкретной ситуации.

Вот характерный эпизод из 1753 или 1754 года. Императрица обедает в столовой. Пажи подают ей блюда, которые из кухни приносят лакеи. За расторопностью слуг присматривает гоф-фурьер Петр Милорадович. По окончании трапезы, после того как царица со свитой вышли из покоя, персонал приступил к уборке посуды. Надзиравший над всеми гоф-Фурьер подозвал лакея Василия Бочкина и вручил подчиненному «чашу» с каким-то деликатесом, повелев снести в свою комнату. Лакей повиновался. Однако по дороге он столкнулся с дежурным тафель-Декарским помощником, отвечающим перед тафель-Яекарем за сохранность использованной посуды и скатертей. Увидев, что один из лакеев с царской ча^{ей} направляется куда-то в сторону, а не к поставцу,

41

помощник настиг нарушителя и поинтересовался, в чем дело. Бочкин объяснил. Однако защитник казенного добра посчитал доводы лакея неубедительными и заставил отдать посуду тому, кому следует, то есть ему, работнику тафельдекарской команды. Бочкин же отправился докладывать о случившемся конфузе Петру Милорадовичу. Отыскал гоф-фурьера в предпочтительне императрицы, пожаловался ему на тафельдекарского помощника и нарвался на площадную брань. Милорадович просто рассвирепел, узнав о неудаче лакея. В присутствии камер-пажей и прочих служителей обругал Бочкина матом и грозился избить до смерти, напомнив о несчастной участи брата лакея — Петра Бочкина, который после безжалостной экзекуции скончался 16 февраля 1753 года в московском госпитале. Так неотведанные придворным чиновником обеды с августейшего стола стали причиной безобразной сцены, устроенной в собственных покоях императрицы¹. Впрочем, дядя прославленного генерала Отечественной войны 1812 года никакого нареkania за самодурство не получил и продолжал руководить подопечными в ливреях в течение всего царствования Елизаветы Петровны.

Но бывало и по-другому. Федор Смольянинов — лейб-компанец, гренадер в ранге поручика из личной охраны императрицы, повеса и забияка, причинявший немало хлопот караулу дежурной арестантской комнаты при корпусе в долгие дни заслуженных заточений — однажды продемонстрировал завидное терпение и выдержку. Как-то в марте 1760 года довелось ему засидеться в гостях у дьячка лейб-компаний Ивана Левицкого, жившего на первом этаже Старого Зимнего дворца. За приятной беседой наедине минуты текли незаметно. Наконец, когда к церковному причетнику на огонек заглянул сосед, лейб-компаний копиист Николай Протодиаконов, поручик поблагодарил хозяина за хорошую компанию и хотел уже проститься с ним, чтобы пойти домой «читать историю Ильири-анину». Оба сослуживца заинтересовались книгой и

42

спросили, о чем она. А Смольянинов и рад вопросу. Книга, видно, произвела на него столь глубокое впечатление, что ему самому не терпелось порассуждать с кем-нибудь о прочитанном. Офицер остался и принялся пересказывать содержание «Шстории». В это время в комнату вошел еще один сосед Левицкого — гренадер лейб-компаний в чине армейского капитана Григорий Нечаев. Завидев трех сотоварищей, он полубопытствовал у них: «О чем это вы, едят вас мухи, говорите?» Однако приятели капитана настолько увлеклись, что даже внимания не обратили на вошедшего. Нечаева такая реакция расстроила. Желая прервать неприятную для него лекцию, гренадер громко заявил, что рассказчик все врет.

Смольянинов, посмотрев на недоброжелателя, промолвил равнодушно: «Тебе-то что за нужда до того?» — и возобновил свой монолог. Подобное подчеркнуто-наплевательское отношение задело Нечаева за живое. Постояв несколько мгновений в нерешительности, он все же отбросил колебания и, явно провоцируя оппонента на поединок, закричал: «Каналья! Плуг! Собака! Ты что за человек? Ты из собаки сделан! Из блятки! Из курвы!..»

Оскорбленный офицер не бросился на обидчика со шпагой в руке. Поручик только поглядел на капитана и неожиданно с удивлением произнес: «Не с ума ли ты сошел?» А затем более уверенно: «Братцы, смотрите, он спятил!» Спокойствие Смольянинова окончательно вывело Нечаева из себя. Потеряв контроль над собой, капитан заорал на сослуживца, что тот вор и что у него хватит сил переломать поленом но-1'и и руки этому вору.

И тут младший по званию поднялся. Его терпение, судя по всему, иссякло. К счастью, дьячок с копиистом разрядили обстановку. Они убедили поручика не ввязываться в ссору с капитаном и не доводить дело до греха. Смольянинов послушно сел на стул и отвернулся к окну, чтобы легче было справиться с праведным гневом, овладевшим им. Между тем миротворцы сумели найти верные слова и для Нечаева. Тот вышел за дверь. Казалось, конфликт ис-

43

черпан. АН нет! Нечаев не уgomонился. Через пару минут снова с бранью ввалился в комнату, по-прежнему провоцируя обидчика на ссору. Смольянинов, тем не менее, надежд капитана не оправдал. Он просто встал со стула, вежливо поклонился гостеприимным хозяевам, совершенно игнорируя нападки Нечаева, покинул квартиру духовного лица и зашагал по коридору в сторону собственной квартиры, располагавшейся в том же Старом Зимнем дворце. Немного погодя отправился к себе и изрядно растерявшийся капитан. Как он ни старался, скрестить шпагу с известным на весь корпус задирой ему не пришлось².

Таким было это поколение — грубым и благородным одновременно. В соответствии с духом переломной эпохи, в которой ему выпало жить. По большому счету,

елизаветинский Двор (а к нему относятся и гоф-фурьер Милорадович, и лейб-компанец Смольянинов) являлся своего рода зеркалом, отражавшим настроения и нравы русского общества середины XVIII века. Там, в Зимнем и прилегающих к нему дворцах, служили тысячи людей разных сословий, разных наций и из разных уголков необъятной страны, волею судьбы связавших свой путь с политическим и культурным центром Российской империи. А пути, приводившие в Петербург, к подножию властной вершины, действительно, не походили один на другой.

Барон Христиан Вильгельм фон Миних — брат знаменитого фельдмаршала и строителя Ладожского канала Бурхарда Христиана, сосланного дочерью Петра Великого в далекий Пелым, в звании обер-гофмейстера возглавлял двор императрицы Елизаветы Петровны. «Это был человек очень образованный и очень честный, хоть и педант немного», — писала о нем Екатерина II, замечая по ходу дела, что барон удивлял «странный манерой говорить с... закрытыми глазами и очень медленно», а кроме того, любил перечитывать придворным письма своей жены. По словам великой княгини, над чудачеством барона потешался весь двор³.

44

Что ж, людям, особенно молодым, свойственно подтрунивать над непонятными поступками других. Откуда им, озабоченным личными проблемами, знать, что обер-гофмейстер просто разрывался, стараясь совместить интересы брата и своей семьи. Не уговори Бурхард Миних Христиана приехать в Россию, скорее всего, действительный статский советник Ост-Фрисландского князя никогда бы не рискнул ради далекой северной державы покинуть родную Германию.

Но старший брат — член кабинета министров и президент Военной коллегии с 1730 года — нуждался в немалом числе верных соратников. Естественно, он вспомнил о младшем брате и послал к нему вызов. И тот 30 июня 1731 года уволился с прежней службы, простился с друзьями и вместе с семьей приехал в Россию, где 4 октября 1731 года получил место в Коллегии иностранных дел в том же чине действительного статского советника. Участок фельдмаршал поручил брату ответственный: присматривать за опасным конкурентом, главой внешнеполитического ведомства А. И. Остерманом. Потом были Сухопутный шляхетский корпус (16 января 1734), Комиссия о Санкт-Петербургском строении (10 июля 1737), Комиссия о горных делах (2 июня 1738) и Канцелярия Монетного правления (20 июля 1740).

Около десяти лет жена и дети прожили с ним. Однако к 1738 году петербургские цены так сильно расстроили финансы барона (даже жалованья в 6000 рублей плюс 400 рублей на квартиру и секретаря не хватало), что он задумался об отправке родных назад, в более дешевый Любек. Советник без конца оттягивал момент расставания. И вдруг 25 ноября 1741 года клан Минихов сразил страшный удар — арест старшего брата. В январе 1742 года честолюбивого графа Бурхарда сослали на Урал. Теперь оказавшийся не у дел глава Монетной канцелярии мог вместе с семьей вернуться в Германию. Но вмешательство Елизаветы Петровны спутало все карты. Новая императрица непустила на родину брата опального Фельдмаршала, и 1 (12) мая 1742 года Елизавета

45

Миних (в девичестве Вицендорф) с сыновьями Бурхартом и Антоном, дочерьми Фридерикой, Еленой и Анной пересекла русскую границу близ Риги без мужа. Супруга отправилась к Пирмонтским водам, а муж через семь месяцев, 25 ноября, удостоился голубой ленты ордена Андрея Первозванного и в ранге обер-гофмейстера номинально возглавил русский Двор, а Дворцовую канцелярию — фактически. Спустя два года царица освободила барона от руководства канцелярией ради более важной задачи — общения с великой княгиней Екатериной Алексеевной. С ролью

неофициального воспитателя Христиан Вильгельм в принципе справился. Ведь увлечение будущей императрицы чтением серьезной литературы и страсть к сочинительству — в значительной степени заслуга именно пожилого обер-гофмейстера⁴.

Несмотря на высочайшее доверие, Миних очень страдал от разлуки с женой и детьми. Отдушину он нашел в частой переписке с ней, которая наряду с маленьким сыном Иоганном Готлибом скрашивала почти уединенный образ жизни сановника около семи лет. Лишь после того, как 25 июля 1744 года Елизавета Петровна пожаловала барону небольшое имение в Эстляндии под Дерптом в 38 гаков (на процедуру отчуждения и оформление бумаг местными властями потребовались дополнительные полгода), тот принялся хлопотать о возвращении семьи в Россию. Первым в Петербурге встретился с отцом Бурхарт. Мать с дочками переплыла Балтийское море позднее — в 1749 году. Христиан Вильгельм так соскучился по жене, что несколько раз порывался выехать в Германию, чтобы лично сопровождать больную супругу⁵. В апреле того же 1749 года Бурхарт с Иоганном Готлибом подали на имя государыни прошения о зачислении на воинскую службу. Старшему шел двенадцатый год, младшему — одиннадцатый.

В столице обер-гофмейстер собственного дома не имел. С 1732 года жил в принадлежащем (с 1741 года) Коллегии иностранных дел особняке генерал-майора Сенявина в 1-й линии Васильевского острова, по соседству с Сухопутным кадетским корпусом, а

46

октябре 1750 года перебрался на Адмиралтейскую часть в дом резного дела мастера И. О. Шталмера на Большой Морской улице (ныне д. 27). За жилье коллегия платила по 300 рублей в год⁶.

Пост обер-гофмейстера русского Двора — сродни должности нынешней английской королевы. Почету — много. Власти — никакой. Подлинная власть принадлежала двум другим особам — обер-гофмаршалу Дмитрию Андреевичу Шепелеву и гофмаршалу Семёну Кирилловичу Нарышкину. Именно они решали кадровые, финансовые, имущественные и прочие вопросы, касавшиеся повседневной придворной жизни.

И Шепелев, и Нарышкин — представители старинных русских дворянских родов. Дмитрий Андреевич начинал гвардии солдатом при осаде Нарвы 1704 года, сражался при Лесной и Полтаве (с 1708 года в чине придворного курьера). В 1710 году по воле Петра I попал в свиту супруги царя Екатерины Алексеевны и в 1724 году удостоился гофмаршальского жезла. Семен Кириллович при Дворе — с шестнадцати лет, с 1726 года. При Петре II гоф-юнкер Екатерины I становится камер-юнкером цесаревны Елизаветы Петровны и в первый год правления Анны Иоанновны под благовидным предлогом эмигрирует за границу. Живет в Женеве и Париже. Увлекается наукой, музыкой, ну и симпатичными барышнями, разумеется. Воцарение Елизаветы круто изменило обе судьбы. 15 июля 1744 года царица произвела долго прозябавшего на вторых ролях Д. А. Шепелева в обер-гофмаршалы вместо отправленного в Берлин Михаила Петровича Бестужева-Рюмина. 30 ноября 1744 года назначила ему помощника — Нарышкина, успевшего перед тем полтора года поработать российским послом в Лондоне.

Руководству Придворной конторы подчинялись высшие и низшие придворные служители. Высшими считались действительные камергеры и камер-юнкеры.

Низшими — все остальные, кроме статс-дам и Фрейлин, которых опекала через голову безвластной обер-гофмейстерины Татьяны Борисовны Голицы-

47

ной (дочери Б. И. Куракина и второй жены фельдмаршала М. М. Голицына) лично

императрица.

На постоянной основе при Дворе обычно трудились полтора десятка камергеров и несколько камер-юнкеров. Не каждый из них мог похвастаться хорошей родословной подобно Петру Борисовичу Шереметеву, Сергею Григорьевичу Строганову или Дмитрию Михайловичу Голицыну. Тем не менее карьеру почти все начинали одинаково — либо солдатами в лейб-гвардии полках, либо пажами при императрицах и цесаревнах. Так, камергеры Мартын Карлович Скавронский, Иван Симонович Гендриков, камер-юнкеры Борис Александрович Куракин, Дмитрий Михайлович Голицын (и не только они), прежде чем появиться в свите Ее Императорского Величества или Их Императорских Высочеств, от пяти до десяти лет, а некоторые и более посвятили военной службе.

Кому-то повезло столкнуться с суровым военным бытом после домашнего обучения и присвоения сержантского или первого офицерского чина. А кое-кто тянул тяжелую армейскую лямку с азов. Между прочим, двоюродные братья Елизаветы М. К. Скавронский и И. С. Гендриков тоже. Анна Иоанновна исключения для дальних родственников не сделала. Поэтому племянников Екатерины I ожидали обучение в кадетском корпусе, а затем действующая армия фельдмаршала Миниха, штурм Очакова и иные акции Русско-турецкой войны 1735—1739 годов.

А вот у камергеров Алексея Григорьевича Жеребцова, Василия Ермолаевича Скворцова, камер-юнкеров Михаила Ивановича Софонова и Ивана Ларио-новича Воронцова (список можно продолжить) судьба сложилась иначе. Юными отроками попали они ко двору пажами: Жеребцов — к императрице Екатерине, Скворцов — к цесаревне Анне Петровне, а Софонов и Воронцов — к цесаревне Елизавете Петровне. Спустя несколько лет августейшие покровительницы жаловали пажей в камер-пажи, после чего пути юношей расходились. Одних вскоре производили в камер-юнкеры, других выпускали на пару-тройку лет офицерами в гвардии полки. По оконча-

нии недолгой практики в войсках поручики и капитаны возвращались ко двору камер-юнкерами. Жеребцов и Скворцов, например, с гвардией дела не имели. Зато Софонова и Воронцова сия участь не миновала⁷.

Впрочем, как известно, правила никогда не соблюдаются с абсолютной точностью. Из общего ряда камергеров выпали Н. А. Возжинский, В. И. Чулков и еще кое-какие персоны. К ним успех пришел благодаря упорному и усидчивому труду на ниве обеспечения комфорта императоров и императриц. Никита Андриянович вряд ли мечтал дослужиться до вельможного сана, когда в 1708 году по протекции отца — царского кучера — стал одним из сотен холопов, облегчавших быт царственных особ. Но Петр I заметил ревностного слугу и 7 мая 1724 года пожаловал его в мундшенки к супруге — императрице Екатерине Алексеевне, от которой тот по наследству достался дочери Елизавете. 2 января 1731 года цесаревна назначила мундшенка собственным завхозом — гоф-интендантом. Возжинский вполне оправдал надежды дщери Петровой, умело и эффективно помогая ей распоряжаться финансами и ресурсами маленького двора в трудное царствование Анны Иоан-новны. Награда не заставила себя ждать. 10 февраля 1742 года Возжинского поздравили с камер-юнкерским рангом, а 25 ноября 1745 года — с камергерским.

Василий Иванович Чулков выдвинулся по-иному. Толковый и расторопный лакей привлек внимание Елизаветы. В сентябре 1731 года она отдала под его команду свой гардероб, назначив камердинером. Камердинерская должность способствовала росту высочайшего доверия, которое позднее подняло безвестного слугу на недостижимую высоту. 27 февраля 1742 года Чулкову придумали специальный пост — метер-де-гардероб (гардеробмейстер) с повышенным жалованьем (788 рублей). Произвести

любимца в камергеры столь же молниеносно, как Возжинско-го, Елизавета поостереглась. Никита Андриянович к тому времени обладал большим авторитетом. Как-

49

никак, а от гоф-интенданта зависел весь крохотный елизаветинский Двор. Не раз и не два Шуваловых, Воронцовых, Скавронских, Чоглоковых, Шепелевых выручал влиятельный чиновник то бесплатной квартирой, то казенными свечами или дровами. Так что на камергерство Возжинского соратникам роптать не пристало. Не то Василий Иванович. Для подобного взлета в то время одного уважения царицы не доставало. Необходимо признание со стороны друзей. Но они не считали камердинера достойным претендентом на почетный придворный титул.

Императрица, учитывая такие настроения, предпочла отложить дорогой подарок камердинеру до лучших времен, которые и наступили через десять лет. 5 сентября 1751 года В. И. Чулков все же получил камергерский ключ, перепрыгнув ранг камер-юнкера. Причем более именитые коллеги Чулкова — барон Карл Ефимович Сивере и Пимен Васильевич Лялин (бывшие в 30-е годы соответственно кофишен-ком и гоф-фурьером цесаревны; а в 40-е — камер-юнкерами Петра Федоровича — с марта 1742 года — и Елизаветы Петровны, с августа 1743 года) опередили счастливец всего на месяц, удостоившись камер-герства 1 августа 1751 года в компании с И. И. Шуваловым⁸.

Камергеры и камер-юнкеры составляли мужскую половину окружения царицы. Среди женщин доминировали замужние статс-дамы и молоденькие фрейлины. Первые «работали» на общественных началах (не зря же замуж выходили), а фрейлинам полагался оклад — 600 рублей в год (камер-фрейлинам — 1000 рублей). Понятно, статс-дамам тоже хотелось получать что-нибудь за выполнение пусть приятных, но часто обременительных обязанностей. Но традиция не позволяла. Впрочем, Елизавета придумала оригинальный способ, не нарушая обычаев, выплачивать наиболее близким статс-дамам скромное жалованье. После того как ее подруги Мавра Егоровна Шепелева, Мария Симоновна Генд-рикова и Анна Карловна Скавронская обвенчались с П. И. Шуваловым, Н. Н. Чоглоковым, М. И. Воронцо-

50

вым и прикрепили к груди портреты государыни (отличительный знак статс-дам), императрица распорядилась не выключать любимиц из фрейлинских ведомостей. В итоге трем статс-дамам, оставшимся по совместительству фрейлинами, продолжали ежегодно платить по 600 рублей. 17 января 1755 года к ним присоединилась Настасья Михайловна Измайлова¹.

Что касается фрейлин, то для девиц это звание считалось одновременно и огромной честью, и нелегкой повинностью. Ведь девушек отрывали от родного дома. Им надлежало жить на первом этаже Зимнего дворца под присмотром мадам Катерины Петровны Шмидт и, поднимаясь наверх, поочередно дежурить при императрице, повсюду сопровождая ее. Фрейлинами становились представительницы дворянских фамилий, как-либо связанных с Двором. В «отставку» их увольняли автоматически после замужества, подчас в тридцатилетнем возрасте. А переступали порог царской резиденции они по достижении четырнадцати—двадцати лет и порой неплохо образованными.

Об этом свидетельствует сохранившийся альбом фрейлины Марии Александровны Нарышкиной, принятой ко Двору вместе с сестрой Натальей 4 апреля 1749 года. Альбом Мария Александровна завела 14 мая 1750 года, будучи в Москве.

Императрица, покинув Первопрестольную в декабре 1749 года, дозволила девочкам на два года задержаться в старой столице. В Петербург обе Нарышкины приехали 13 де-

кабря 1751 года¹⁰.

Полистаем фрейлинский журнал. Лирическая песня соседствует с фигурками амуров, античных героев, женскими профилями (один, возможно, автопортрет) и множеством цветов. Возле какого-то Циетка надписано: «Наталья Александровна фрейли-^{на} сорвала сию гвоздицу». Умело выполненные ри-сунки — не единственное достоинство альбома. Хозяйке его, оказывается, не безразличны точные на-УКИ. Многие страницы буквально испещрены арифметическими подсчетами в столбик:

51

1975083 3608

1978691

или:

1829 1943

3872

Любопытен способ одновременного вычитания и деления:

38/100/2

1_6_24.

Кстати, Мария Александровна могла оперировать цифрами с одиннадцатью нулями, то есть до биллиона. Сложение, вычитание, деление и умножение ей давались легко. С дробями дело обстояло хуже. Но и с этим действием фрейлина была знакома. Впрочем, не только с ним. На листе 19 старательно выведены знаки зодиака, которые, наверное, заимствованы из астрономических таблиц ежегодных календарей и месяцесловов.

Фразы на французском, типа: «Coment vous porter vous? Jeme porte /Как поживаете? Неплохо», — вполне естественны для будущей великосветской дамы. Удивляет другое — интерес к латинскому языку, непременно средству общения людей науки: «Specus pectona, Manna Calabr., ol. Cumdalium...»¹¹ Одним словом, заурядными личностями молодые особы, окружавшие императрицу, не были.

Еще одна важная персона — духовник Ее Величества Федор Яковлевич Дубянский. Он попал ко Двору цесаревны в феврале или марте 1736 года и с того времени почти четверть века являлся духовным отцом императрицы и имел на нее значительное влияние (достаточно вспомнить состоявшееся по его инициативе примирение Елизаветы и Екатерины весной 1758 года). Официально денег ему причиталось не очень много — 500 рублей в год (указ от 14 апреля 1743 года). Выручали надбавки: эквивалент за отказ от столовых припасов — 1840 рублей 70 копеек в год (с 4 ноября 1747); 600 рублей за звание протопресвитера московского Благовещенского собора (указ от 28 ноября 1749); 500 рублей на

52

экипаж от придворной Конюшенной конторы; 1000 рублей за выслушивание исповедей Ее Императорского Величества¹².

Так выглядел высший класс придворных. Низший составляла публика попроще. Особняком от остальных держались начальники дворцовых контор. Гоф-интендантскую после Возжинского возглавил Иван Константинович Шаргородской — брат жены Ф. Я. Дубянского Марии Константиновны и сын первого духовника Елизаветы Константина Федоровича Шаргородского (1675—1735). Финансами и убранством дворцовых интерьеров заведовал камер-цал-мейстер Дмитрий Александрович Симонов. Размещением придворных служителей в императорских дворцах и на обывательских квартирах занимался гофштапквартирмейстер Михаил Иванович Марков. В винных погребах хозяйничал обер-келермейстер Иван Турчанинов. А уроженец «шленской нации», кухмистер цесаревны Елизаветы с 1735 года Яган Фридрих Фукс на посту метрдотеля контролировал всю императорскую кухню.

Жалованье начальникам выдавалось приличное. Метрдотелю начисляли 1200 рублей, гоф-интендан-ту и гардеробмейстеру — по 788 рублей 17 копеек, гофштапквартирмейстеру, камер-цалмейстеру и обер-келермейстеру — по 650 рублей в год. Столько же получали обер-мундшенк, обер-кофишенк и камер-фурьеры. Обер-мундшенк Ефим Бахтеев приглядывал за мундшенками и их помощниками, носившими из кухонь к расхожему поставцу (значит, для всех) и к поставцу Ее Императорского Величества вино, воды и холодные закуски. Между прочим, Бахтеев выбился в Управленцы из солдат захудалого гарнизонного полка в Сибири. Случай помог молодцу на второй год службы, в 1729 году, перевестись в лакеи цесаревны Елизаветы, которая спустя три года сделала юношу ^мУндшенком. Обер-келермейстер Иван Турчанинов начинал в 1714 году подклучником при приказе Большого дворца. Михаил Марков и обер-кофишенк Михаил Нилов тоже поднимались наверх шаг за ша-

53
гом с первой ступеньки. В 1728 году фортуна улыбнулась им в виде должностей гофштапквартирмейсте-ра и кофешенка цесаревны. Камер-фурьеры Игнатий Полтавцев и Степан Нестеров также из низов. Первого в 1713 году в Петербург в качестве певчего прислал киевский губернатор Д. М. Голицын. Второго приметил А. Д. Меншиков и пристроил учеником в артиллерийскую команду полковника Витвера¹³.

Кофишенки исполняли обязанности, сходные с мундшенскими, с той лишь разницей, что отвечали за подачу к поставцам заграничных диковинных напитков — кофе, чая и шоколада. Камер-фурьеры наблюдали за порядком во дворце и управляли дворцовой прислугой. Гоф-фурьер Петр Милорадович, издевавшийся над лакеем Бочкиным, являлся помощником камер-фурьеров. Если последние осуществляли общее руководство придворным штатом низшего класса, то внук эмигрировавшего в Россию при Петре I серба Михаила I Милорадовича общался с подчиненными непосредственно, наравне с другими гоф-фурьерами — Егором Зверевым, Иваном Кирьяко-выш и Иваном Аммосовым¹⁴.

А подчиненных у них всегда хватало. Помимо мундшенков и кофешенков с помощниками (по пятнадцать человек тех и других) указаниями гоф-фурьеров не смели пренебрегать тафельдекари (также с помощниками), камер-лакеи и просто лакеи, гайдуки, скороходы, камер-пажи и пажи... Список весьма длинен. И у каждого свои функции. Примерно пять тафельдекарей и девять помощников (шесть при императрице, восемь при фрейлинах, дежурных кавалерах и офицерах гвардии) подавали на столы и убирали с них скатерти и посуду, получая за это умеренные оклады (250 рублей у тафельдекарей и от 25 до 60 рублей у помощников; коллегам из мундшенской и кофешенской платили аналогично).

Приблизительно десять камер-лакеев и восемьдесят лакеев (жалованье 80 и 60 рублей) носили блюда от поставца к столу и обратно, а в остальные часы дежурили в различных покоях согласно расписанию, всегда готовые по первому зову выполнить то или

54

иное повеление гоф-фурьера, камер-фурьера, а то и самой государыни. Около двадцати-тридцати гайдуков посменно прохлаждались рядом с лакеями в ожидании выезда царицы или лица, к которому их приставили. Поблизости скучали скороходы (всего человек десять; у скороходов жалованье — 80, у гайдуков — 60 рублей). У них одна задача — быстро доставить по адресу доверенные им письма или сообщения. Самым престижным местом службы у лакеев, гайдуков и скороходов, без сомнения, являлась пред-опочивальня государыни. В январе 1755 года здесь по очереди дежурили камер-лакеи Федор Торгашев, Федор Бахирев, Андрей Ушаков, лакеи

Андрей Соколов, Алексей Ильин, Данила Зиновьев, Петр Козлятев, Иван Халкидонской, Петр Иванов, Никита Брюхов, Иван Иванов, Петр Пухович, Алексей Янковской, Василий Петровской, Яков Перепелкин, Василий Хрис-тычевский, Никита Чучков, Василий Летягин, Михаил Семенов, Василий Грушевой, Андрей Половинкин, Федор Неболсин, Григорий Борзна, Федор Орлов, Федор Звонов, Михаил Китаев, гайдуки Федор Чермной, Федор Корсун, Сафон Шамбровской, Федор Корненк, Иван Лобьщов, Федор Хмелевой, Алексей Проскурницкой, Иван Морченков, Марко Буряков, скороходы Алексей Короваев, Василий Семенов и Яган Берх.

Чуть меньше ценилась служба в передних комнатах, примыкавших к предпочивальне. Еще ниже котировались остальные покои. Понятно, что по мере отдаления комнат от опочивальни убывал и престиж дежурства. Кроме того, по одному или двум лакеям полагалось иметь обер-гофмаршала у, гофмаршалу, при фрейлинах, при камер-юнкерах, при конфект-ном покое и у винных погребов. Происхождение лакеев, гайдуков и скороходов могло шокировать любого поклонника благородных "ровей, ибо при Дворе сообща трудились, а нередко " жили дети дворянские, поповские, крестьянские, солдатские, купеческие, чиновничьи и т. д. Так, в марте 1742 года из тринадцати пожалованных в лакеи

55

лиц трое — Петр Козлятев, Николай Шубин и Данила Зиновьев — представляли дворянское сословие, трое — слой мелких чиновников (Роман Булыгин, Иван Фадемрехт, Федор Кобыляков). Петр Прохоров назвался поповским сыном, Афанасий Шевелев — солдатским, Яков Сидоров — мастерового, а Иван Ам-мосов — дворцового крестьянина. В последующие годы либеральная практика набора дворцовой прислуги не претерпела изменений. Исключением стали гайдуки, которых вербовали преимущественно из нижних чинов малороссийских полков¹⁵.

Перспективы у лакеев, скороходов, мундшенков-ских, кофешенковских и тафельдекарских помощников было две. Либо через камер-лакейскую должность выйти в камердинеры, мундшенки, кофешен-ки и тафельдекари, либо перевестись в армию прапорщиком, а то и поручиком. Именно так завершилась трехлетняя служба при Дворе лакея Василия Бочкина, прикрепленного к предпочивальне императрицы. Став лакеем 1 декабря 1751 года, он 4 ноября 1754 года покинул Двор в ранге поручика лейб-кирасирского полка¹⁶.

А теперь несколько слов о камер-пажах и пажах. Число их год от года менялось. В 1755 году жалованье в 140 рублей получали три камер-пажа — Фил-лип Каро, Михаил Дубянский и князь Павел Голицын. Пажескими 114 рублями довольствовались девятнадцать человек (в том числе и братья Бутаковы). А еще шести мальчикам деньги не выдавались вовсе: им, сверхштатникам, надлежало подождать вакантного места¹⁷.

В пажи определяли по тому же принципу, что и во фрейлины. Всякий, кто о Дворе знал не понаслышке, имел шанс пристроить сына, пасынка или племянника в пажи. Главное, чтобы царица не возражала. Пажи, так же как фрейлины, дежурили при императрице: ставили на обеденный стол принятые из рук лакеев блюда, а до и после трапез выполняли мелкие поручения Ее Величества и прочих начальников от обер-гофмаршала до гоф-фурьера. Вне дежурства мальчики обучались разнообразным наукам. В пер-

56

вую очередь немецкому и французскому языкам, а по овладении оными приступали к арифметике, географии и истории. Об успехах пажей надзиравший за ними гофмейстер (Яган Фридрих Фрейслебен в 1745—1753 годах; с 21 декабря 1753 года — Вильгельм Франц Дефолини) докладывал наверх обер-гофмаршалу. Докладные выглядели следующим образом:

«Его Высокопревосходительству генерал-аншефу двора Ея Императорского Величества обер-гофмар-шалу и разных орденов кавалеру. Всепокорнейши[й] репорт об пажех, сколько кто выучил. А имянно.

Камар-пажи — Иван Неронов хорошо говорит по немецки, учил географию и арифметику; Иван Древ-ник учил историю и географию; Петр Шереметев не учился. Пажи — Генадий Полозов ничего не выучил; князь Федор Щербатов говорит по французски, начал географию и арифметику; ни в каких штрафах не был; исправен в должности своей.

Иван Юшков говорит по немецки; в штрафах не был и в должности исправен.

Александр Корсаков хорошо говорит по французски и по немецки; учил историю, географию и арифметику; ни в каких штрафах не был; исправен в своей должности.

Андрей Кошелев хорошо говорит по немецки; учил географию; ни в каких штрафах не был; исправен в должности своей.

Петр Казадаев говорит по французски, немного по немецки, начал географию; в штрафах не был и в должности исправен.

Дмитрей Марков говорит по французски, учился географии; в штрафах не был; исправен в должности.

Павел Неронов говорит по французски, учился географии; в штрафах не был; исправен в должности.

Григорей Липунов немного знает по французски.

Иван большой Шувалов говорит по французски, УЧИЛСЯ географии; в штрафах не был; исправен в Должности.

57

Иван меньшей Шувалов совершен во французском языке, изрядно говорит по немецки, учил историю, географию, арифметику, геометрию и немного фортификации; ни в каких штрафах не был; исправен в должности своей.

Михаила Маслов хорошо говорит по французски, учил географию и арифметику; в штрафах не был; исправен в должности.

Князь Семен Мещерской очень хорошо говорит по французски и по немецки, учил историю и географию; в штрафах не был; в должности исправен.

Алексей Думашев изрядно говорит по французски и немного по немецки; исправен в должности и не был штрафован.

Александр Болтин говорит по французски, учил географию; ни в каких штрафах не был; исправен в должности.

Александр Нарышкин говорит по французски, начал географию; ни в каких штрафах не был; исправен в должности.

Иван Нарышкин говорит по французски, начал арифметику.

Василий и Филипп Каро говорят по французски, учили географию.

Алексей Юров говорит по французски, начал географию; в штрафах не был; исправен в должности.

Князь Петр Мещерской очень хорошо говорит по французски, учил географию.

Семен Порохов ничево не выучил.

Николай Коковинской говорит мало по французски.

Двое Петерсонов и двое Будаковых говорят изрядно по французски и по немецки и начали арифметику.

Сила Чулков изрядно говорит по французски и по немецки.

Михаила Думашев говорит по немецки и начинает по французски.

Александр Ртищев говорит хорошо по французски и по немецки, учился геометрии.

Яков Ртищев начинает обеими теми языками говорить.

58

Алексей Вагнер хорошо говорит по французски и по немецки, учил географию и арифметику; ни в каких штрафах не был; исправен в своей должности.

Iohann Friedrich Freiesleben.

Апреля 17 дня 1748 году»¹⁸.

Достигнув предельного возраста — двадцати пяти или тридцати лет, — пажи и камер-пажи производились в офицеры: пажи в армии поручики, а камер-пажи — в гвардии поручики.

Лакеи, гайдуки, скороходы, мундшенки, кофе-шенки, тафельдекари и пажи составляли лицо обслуживающего персонала императорского Двора, ибо чаще иных попадали на глаза посетителей Зимнего и Летнего дворцов, как отечественных, так и зарубежных. А значит, они принимали самое активное участие в формировании у гостей царицы благоприятного или негативного впечатления о русском Дворе. И тут не последнюю роль играл внешний облик прислуги, точнее говоря, ее одежда. Этот вопрос на откуп служителей отдавать не рискнули. Проблему решили посредством введения единообразия. За основу придворного платья взяли российский военный мундир — кафтан и штаны зеленого, камзол — алого сукна. Знаком отличия стал цвет обшлага. У кофеишенков, мундшенков и тафельдекарей они оставались зелеными. У лакеев и скороходов — красными. У камер-лакеев на камзоле по борту, подолу и на карманах выкладывали дополнительно золотой позумент, узорчатый, широкий без бити. У пажей красные обшлага сочетались с петлями на кафтане и камзоле, обшитыми золоченым пергаментом. Камер-пажей украшал позумент, похожий на камер-лакейский, только прорезной, а не узорчатый, и с битью.

Самый шикарный мундир носили гайдуки: зеленый кафтан с воротником, избравшимся наподобие кошелка с помощью шнура, крепившегося затем на плече. По борту кафтана располагались большие пуговицы и двойные петли. Под кафтан гайдуки поддевали короткий камзол с узким золотым позументом¹⁹ о борту и у рукавов «на прорешках и кондырях».

59

Штаны им выдавали на манер гусарских и красного цвета.

Помимо перечисленных служителей мундир имели истопники (восемьдесят человек с жалованьем в тридцать рублей) и музыканты (трубачи и валторнисты), которые одевались по лакейскому образцу¹⁹.

Описанные выше повседневные ливреи выдавались каждому сроком на год (прилагавшаяся к ним епанча — на три года), после чего заменялись новыми. А еще в казенной комнате хранились так называемые статс-ливреи, богато расшитые золотом. В них слуги облачались исключительно по праздникам. Поэтому и списывали роскошные мундиры позднее, примерно через пять лет.

Как ни велико число работавших во дворце лакеев, гайдуков, истопников, скороходов, мундшенков, кофеишенков, тафельдекарей и пажей, они лишь вершина огромного айсберга, именуемого «нижние придворные чины».

Полтора десятка тафельдекарей сновали с тарелками и скатертями по апартаментам Зимнего дворца, а около тридцати-сорока зильбердинеров (смотрители золотой и серебряной посуды) и скатерни-ков 1,2 и 3-й статьи с учениками отвечали за сохранность соответствующего имущества государыни. Пока мундшенки расставляли на поставках бутылки с вином или пивом, два десятка келермейстеров с помощниками сутками сторожили вверенные им винные погреба. А возле них, исполняя свою должность, часами вертелись десятки пивоваров, водочных мастеров, бочаров, подкупоров с учениками.

Лакеи вручали пажам уже готовые блюда, которые на кухне стряпали, жарили и варили десяток мундко-хов, два десятка поваров 1, 2 и 3-й статьи, плюс полсотни

учеников. Рядышком корпели конфектный мастер Христиан Фрейзер с подмастерьями, три десятка хлебников 1,2 и 3-й статьи да пара кухеншрей-беров — специалистов по перцу, корице и имбирию. Не сидели сложа руки и две группы прачек. Некоторые историки уверены, что двести-триста лет назад придворные разгуливали по анфиладам дворцов по-

60

долгу немытыми и в нестираном нижнем белье. Но тогда зачем, спрашивается, ежедневно до сорока прачек (за 50 рублей в год) под надзором кастелянши Софии Фижбек (скончалась 2 апреля 1754 года; 12 декабря 1758 года вакантный пост заняла Мария Андреевна Спиридонова) с утра до вечера полоскали исподние сорочки и юбки в Неве или в каналах 1 -и и 2-й линий Васильевского острова рядом с особняком фельдмаршала Миниха (в 1754 году они, скорее всего, перебрались в дом Б. Пассека на берегу Крюкова канала)? При этом вторая группа прачек под управлением кастелянши Катерины Яковлевны Кеген (скончалась 29 апреля 1755 года; 30 мая 1755 года на эту должность назначена вдова Мария Юрьевна Берх) с 19 мая 1743 года в Зимней канавке около Старого Зимнего дворца стирала скатерти и салфетки²⁰. Но и это еще не все. Кто шил повседневные и статс-ливреи? Десять портных и закройщиков, опекаемых комиссаром, имевшим в своем подчинении команду канцеляристов и подканцеляристов. Аналогичная бюрократическая бригада чиновников обреталась в канцелярии Придворной конторы, в Счетной экспедиции и у гардеробмейстера. Кроме того, во дворце работали десятки золотошвей, уборщиц и уборщиков, конюхов, столяров, плотников, кузнецов, брандмейстеров, подсобных рабочих. Прибавим сюда обер-архитектора Растрелли, часового мастера Якова Рокета, птичника Дмитрия Михайлова, а также с десятков священников и псаломщиков, помогавших Я. Дубянскому читать молитвы и приводить к присяге новых придворных служителей, и мы получим почти полное представление о внутренней структуре русского Двора времен императрицы Елизаветы Петровны.

Впрочем, кое-чего и здесь будет явно не хватать, а именно многочисленной женской свиты государыни и персонала двух Комнат Их Императорских Высочеств.

Что касается Комнат Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, то они напоминали миниатюрные копии с основного учреждения. У великого кня-

61

зя и великой княгини были собственные гофмейстеры (Андрей Ефимовский и Гаврила Головкин; жалованье — 1500 рублей), по два-три камергера и по столько же камер-юнкеров (получавших по 1000 и 800 рублей). Из нижних чинов великокняжеской чете выделили трех-четырех камердинеров, гоф-фурьер-а, несколько пажей, мундшенка, кофешника, та-фельдекаря с помощниками (всего человек двадцать—двадцать пять), не более пяти камер-лакеев и столько же гайдуков, пятнадцать лакев и пару скороходов. Жалованье выдавалось им из общей кассы, то есть, как и остальным, из Придворной конторы. Екатерине Алексеевне дополнительно полагались три фрейлины, камер-фрау, две камер-юнфоры и две камер-метхины²¹.

Елизавету Петровну тоже окружали камер-юнфоры и камер-метхины. Правда, было их побольше. И влиянием горничные императрицы обладали нешуточным. По степени доверия, которое оказывала дочь Петра Великого, никто не мог сравниться с камер-юнфорами Елизаветой Ивановной Францен и сестрами Скороходовыми — Екатериной и Ольгой Константиновнами. Прочие горничные занимались своими прямыми обязанностями — уборкой комнат вместе с камер-метхинами (около двадцати человек), одеванием и раздеванием августейшей госпожи, приемом от купцов подношений и охраной размещенных в царских палатах тканей, женских туалетных и других принадлежностей. Три любимицы также не уклонялись от работы прозаической. Одна-

ко вместе с тем императрица позволяла фавориткам то, что запрещалось многим знатым персонам. От трех камер-юнкеров, особенно от Елизаветы Ивановны и Екатерины Константиновны, зависела скорость решения многих вопросов государственного управления. Чиновники всех рангов и ведомств часто прибегали к помощи сих дам, желая сократить сроки рассмотрения государыней той или иной бумаги. А царица милостиво позволяла им обременять себя секретарскими обязанностями и высказывать свое мнение.

62

Если Елизавета Ивановна Францен, родом из Голштинии, добилась столь высокого положения благодаря личным заслугам, то Екатерине Константиновне завоевать царскую милость пособляло все многочисленное семейство Скороходовых — вдова простого асессора Татьяна Афанасьевна вкупе с пятью дочерьми. Давнее знакомство с цесаревной обеспечило сестрам выгодные места при Дворе, а Елену Константиновну предприимчивая мать сумела выдать замуж за камергера Никиту Андреяновича Возжинского. Общими усилиями клан Скороходовых к концу сороковых годов прочно закрепился у подножия русского трона: Екатерина Константиновна по силе влияния на государыню уступала только одной женщине — Елизавете Ивановне Францен²².

Но как ни затянулось наше знакомство с иерархией придворных русской императрицы, нельзя пройти мимо еще ряда персон. Так, Елизавета Петровна не пренебрегала услугами пяти-шести карлов и карлиц. Правда, по сравнению с царствованием Анны Иоанновны вели они себя настолько скромно, что даже в память современников не запали. Любимым камердинером императрицы являлся Матвей Иванович Воронов, супруга которого Анна Дмитриевна (вдова о бер-мундшенка А. Думашева, в девичестве Кирьякова) попыталась оспорить первенство камер-юнкера Францен и Скороходовой, но осенью 1754 года потерпела поражение, после чего отправилась в ссылку в Москву. Кроме Анны Дмитриевны Вороновой свободный доступ к Ее Величеству имели и некоторые другие дамы, официально в придворном штате не состоявшие.

Частой гостьей в покоях царицы была Анна Ивановна Пребышевская — вдова (с 1748 года) офицера, одиннадцать лет безвинно томившегося в сибирских казематах (1732—1743). Бывшая камер-юнкера Алена Аврамовна, вышедшая замуж за Алексея Петровича Мельгунова, тоже частенько навещала августейшую госпожу. А Д. В. Маслову — вдову лейб-ком-панца Степана Маслова и сестру управляющего Царским Селом Ф. Удалова — в декабре 1755 года импе-

63

ратрица вызвала из подмосковной деревни ко Двору специальным указом. Позднее Дарья Владимировна стала мамкой сестры маленького Павла Петровича — Анны Петровны²³.

Перечислять всех, кто видел и общался с императрицей, можно очень долго. Одних лейб-компанцев, сослуживцев Федора Смольянинова, поочередно охранявших императрицу изо дня в день, насчитывалось до трехсот. А еще караулы четырех лейб-гвардии полков, чужестранные министры, особы первых пяти классов, регулярно посещавшие дворец в дни торжеств и куртагов, комедианты из числа кадет, десятки певчих. Вот таким громоздким и в то же время ярким и завораживающим был императорский российский Двор, в орбиту которого втянулись в августе 1743 года братья Бутаковы.

Глава 3

В театре

1755 февраль

22. Был И. И. Шувалова маскарад придворный и был

фейерверк. 23. Поехал Иван Иванович Киленин в Кострому после обеда и послали письма к бабушке.

27- Была Русская опера: играли певчие маленькие.

Пожалован И. И. Киленин вахмистром.

Днем в понедельник 27 февраля 1755 года в особняке Воронцовых, выходявшем фасадом на Садовую улицу, прямо на южную сторону торговых рядов Гостиного двора и морского рынка, готовились к предстоящему торжеству — премьере первой русской оперы «Цефал и Прокрис», авторами которой были поэт Александр Петрович Сумароков и композитор Франческо Арайя. Хотя что значит готовились?! Просто хозяева дома выбирали наряды, которые им следовало надеть по случаю столь необычного события — исполнения на сцене Оперного дома первого

64

русского музыкального спектакля. Что же касается самой оперы, то Михаил Ларионович и Анна Карловна уже имели возможность присутствовать на ее пробе 21-го числа прошлого месяца, воспользовавшись личным приглашением императрицы, переданным через Ивана Ивановича Шувалова¹.

Сегодня же с прозвучавшими тогда ариями предстояло познакомиться всем придворным Ее Императорского Величества. Так как вице-канцлер с супругой служили при Дворе (он — в ранге действительного камергера, она — статс-дамы), то им накануне принесли из Придворной конторы билеты с приглашением посетить Комедиальный дом у Летнего сада этим вечером. И сейчас они с помощью слуг подыскивали в собственном гардеробе платье, приличное для выезда в театр. Мужу графини Воронцовой не составляло большого труда подобрать себе костюм. В те времена, как и ныне, мужская одежда не отличалась разнообразием: рубашка с кружевными манжетами, галстук, расшитые золотым или серебряным шитьем камзол и кафтан, штаны до колен, расстегивавшиеся спереди в виде откидного фартука, чулки, башмаки с пряжкой да треуголка с плюмажем. Таков незамысловатый набор галантного щеголя той поры и в будни, и в праздники. Варьировались лишь материал (зимой — бархат, летом — шелк), покрой, цвет, размеры и рисунок узора на камзоле и кафтане. В ту пору для кавалера считалось вполне приемлемым ограничиться семью или восемью «переменами» парадной пары (кафтана и камзола). Иначе ситуация складывалась у дам, которым было над чем поломать голову.

Не знаю, насколько полно и точно изучена история европейского женского наряда середины XVIII века. Относительно же русской женской моды того периода могу определенно заверить читателя: вопросов здесь больше, чем ответов. И чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в гардеробную любой великосветской дамы Петербурга. Двоюродная сестра императрицы — одна из них. Так что у Анны Карловны, как и у прочих состоятельных красавиц столицы, под опекой камердинера или горничной нахо-

65

дились следующие виды верхнего платья — робы, са-мары, шлафроки (или шлафоры), полшлафроки, кафтаны и кофты, реже жупаны и казакины (последние — разновидность кафтана для домашнего употребления). Если об отличии шлафора от полшлафора еще можно догадаться (шлафор — это длинное, до лодыжек, подобие запахивающегося халата, застегивающегося на крючках; соответственно, полшлафор — тот же шлафор, но короче, длиной немного ниже пояса), то в чем разница между робой и сама-рой, без помощи специалиста сказать затруднительно. Мало того, проблемы возникают и при попытке разобраться, что такое фижмы. Вероятно, читатель легко поймет значение фразы из приходно-расходной книги императрицы Елизаветы Петровны, заведенной в 1754 году, в которой говорится о том, что 20

января 1755 года портным выдано 25 аршин белого атласа на «выкладку на юпку белую грезетовую на малой фишбены». Но как расшифровать расположенное ниже сообщение, что 5 мая 1755 года «на выкладку на зеленую грезетовую на булочки с шлейфом юпку отдано портному Севрину 27 аршин флеру»?² Что это за «булочки»? И чем они отличаются от общеизвестных фижм?

Увы, объяснения двум указанным терминам («са-мара» и «булочки») нет ни в одном справочнике или учебнике по истории моды. Словари В. Даля и М. Фа-смера слишком лаконичны: «Самара — одежда с длинными полами* (от нидерландского *samaar* — длинная одежда). «Булочки», как деталь женского туалета, ни первому, ни второму вообще не известны. Но ведь игнорирование этих терминов не позволяет реконструировать сколько-нибудь близкую к реальности модель русского дамского костюма середины XVIII столетия. Потому что, судя по документам, «са-мара» была самым распространенным у женщин нарядом, а «булочки» использовались наравне с фижмами, если не чаще. Посему, прежде чем рассказать о том, что и как носил слабый пол двести пятьдесят лет назад, попробуем докопаться до сути двух подзабытых понятий.

66

Впрочем, с самого начала видно, что речь идет о предметах, хорошо знакомых историкам европейского костюма, предметах, которые получили свои русские псевдонимы уже после того, как попали в нашу страну. Обратим внимание на специальную литературу. В любой книге по истории моды первой половины XVIII века отмечаются только два типа дамского выходного верхнего платья — роба (*robe*) и контуша (*contouche*)³. Роба (или роброн), возникшая задолго до эпохи Просвещения, — наряд, плотно облегающий фигуру, распашной ниже талии, надевавшийся сверху, который, как правило, зашнуровывался со спины. Контуша — дитя галантного столетия — создана на заре века, около 1710 года. «Это была широкая одежда с декольте, без талии, падающая свободными складками до пола. Контуша была открыта спереди во всю длину (то есть полностью распашной. — *К. П.*) и завязывалась на талии шарфом... В третьем десятилетии контуша вытеснила почти все другие формы костюмов... Контуша была сильно изменена в 1740 году: к ней приделали лиф, который хотя и обрисовывал бюст, но только спереди, а сзади, начиная от шеи, контуша по-прежнему падала вниз своими широкими свободными складками»⁴.

Теперь, кажется, ясно: «самара» — это и есть обрусевшая контуша. Оттого-то она преобладает в описях тогдашней одежды. Ряд оговорок в документах того времени со всей очевидностью подтверждают наше предположение. В «Росписи» образцам платья, отправленным из Лондона в Петербург в сентябре 1751 года российским послом П.Г.Чернышевым, значится: «1. Самара с юпкою бруснишная, тафтяная... Ю. Пояс на самару серебряной с пряжкой». В счете портного статс-дамы Н. Ф. Лопухиной, Ягана Г^лдебранта, составленном после ее ареста летом *743 года, сделана следующая запись: «за работу фиолетовой самары и за приклад ко оной костей, шелку и крашенины — 3 рубля». А в описи имущества И. Ле-стока за декабрь 1748 года читаем: «Самара с юпкою парчевые по гулиной земле серебряные травы. Самара по борту, юпка по подолу обложены серебре-

67

ным позументом. У юбки задние полотнища более половины поставлены ис той же парчи. Робной лиф бес кружив и шлейф с позументом серебряным же. Толко позумент другога манеру, сшивной, а на шлейфе четыре кисти серебряных».

О наличии у контуши пояса (шарфа) и лифа упомянуто выше, а вот о контуше, в низ которой англичанки вшивали пластинки китового уса («кости»), говорится в работе М. Н. Мерцаловой: «С фижмами было связано появление... платья баттант, называвше-

гося в Англии *contouche*. Но английское контуш не имело той богатой игры светотеней, живописности, как французское баттант. Поверхность юбки оставалась спокойной и гладкой, благодаря вшитым в нее пластинкам китового уса... В 40-х годах появились и овальные фижмы. Это было изобретение англичан. Теперь их уже не вшивали в верхнюю юбку, а надевали под нижнюю...»⁵

Что же касается «булочек», то здесь проблема посерьезней, так как в литературе, описывающей моду минувших эпох, в отношении юбок на каркасной основе царит полная неразбериха. Одни считают, что фижмы, фижбейн и панье тождественны друг другу: все это «устройство из ивовых прутьев или китового уса в виде перевернутых вверх дном корзиночек», которые подвязывались на талию по бедрам под юбки⁶.

Другие утверждают, что панье — «нижняя юбка в форме колокола, обшитая в несколько рядов обручами с полосками китового уса или плетеньем из тростника»⁷.

Третьи настаивают на том, что фижмы — синоним панье: «род юбки, нашитой на обручи из китового уса, расположенные один под другим; самый широкий находился внизу, а все остальные суживались по мере того, как приближались к талии»⁸.

Тем не менее хотя специалисты и противоречат друг другу, но из сказанного ими вытекает, что реально существовало два типа каркаса для юбок

- 1) обручи из китового уса пришивались к юбке, придавая ей форму колокола;
- 2) создавалась особая конструкция в виде овала с

68

корзинами, прикрепленными по бокам. Она привязывалась к талии и уже на нее надевалась юбка.

Следовательно, нам осталось выяснить, какой из двух вариантов как назывался (фижмами, фижбейн-ом, панье) и какому из них соответствует термин «булочки». Извлеченные из архива документы⁹ свидетельствуют, что юбка с вшитым в нее китовым усом именовалась фижменной, фижбенной, а также — фижмами. С другой стороны, когда в реестрах платья просто перечисляются комплекты нарядов (верхнее платье плюс нижняя юбка), «фижменная юбка» (или фижмы) не значится. Однако чггоит завести речь только о каркасах, знакомые слова — «фижменная юбка» — тут же возникают вновь. При этом важно заметить, что в списках нарядов, в тех самых местах, где должны упоминаться фижмы, фигурируют два других, но явно на равных основаниях, термина — фшкбейн и «булочки». Причем в одном случае выведено прилагательное «фижбенук», которое в контексте всей фразы имеет единственно возможный смысл — «фижбенная юбка».

Таким образом, фижбейн — то же самое, что и фижмы — юбка с встроенным в нее китовым усом. А «булочки» — это, очевидно, и есть привязывающийся к талии сплетенный из ивовых или тростниковых прутьев каркас, обшитый плотной материей, на который надевается парадная юбка. Один из документов четко фиксирует отличие фижбейна от «булочек». Фижбейн портной «делает» (характеристика вполне подходящая для процесса прикрепления к юбке пластинок из рыбьей кости), а «булочки» «шьет» (действительно, так можно назвать обшивание сплетенной основы плотной тканью).

Что касается употребления слова «фижбейн» вместо «фижменная юбка», то здесь все просто: словосочетание «шлафор (или самара) с юбкой на фижменную юбку» не слишком радует слух. В итоге родился краткий вариант — «фижмен» или «фижбен» (точнее, «фижбейн»). Он и прижился в русском языке наряду с видоизмененными от «фижмен» «фижмами». Меж-ДУ прочим, документы также показывают, что в раз-

69

ных случаях жизни использовались три вида фижм и «булочек* — большие, средние и маленькие. Помимо основных двух типов каркаса, в источниках промелькнул и третий

— «обручик». Наверное, крепившийся на поясе маленький обруч придавал юбке минимально возможную пышность для поездок в многолюдные и тесные места¹⁰.

Ну а сейчас самое время обратиться к процедуре одевания знатной дамы. Прежде всего служанка подавала ей простую белого цвета рубашку, исподнюю юбку, чулки с подвязками и пару туфель на высоком каблуке. Затем наступала очередь корсета или шнурованья. Если женский бюст сдавливал корсет, то поверх него надевался корсаж (подобие кофты без рукавов, плотно облегающей корсет и зашнуровывавшейся сзади). Если выбиралось шнурованье, то корсаж не требовался, ибо шнурованье — это корсет, обшитый дорогой материей с узором (запгуровывался он чаще по-английски, со спины, реже — по-французски, спереди). Потом внимание переключалось на юбки. Дама подвязывала к талии «булочки» или расправляла у пояса фижменную юбку (фижбейн), после чего каркасная основа укрывалась пышной, сшитой из нескольких полотнищ, парадной юбкой, украшенной воланами и фалбалами. Завершал туалет состоятельной дворянки выбор верхнего платья (нижнее — это корсаж и юбка, надетая на фижмы или «булочки»).

Роба или роброн предназначалась для очень торжественных церемоний. Можно пересчитать по пальцам дни, когда ко Двору дамы обязательно приезжали в робах: дни рождения и тезоименитства императрицы (18 декабря и 5 сентября), восшествия государыни на престол и коронации (25 ноября и 25 апреля), день ордена Святого апостола Андрея Первозванного (30 ноября), не всегда, но, как правило, в праздники Святой Пасхи и Нового года, а также по случаю каких-либо очень важных событий (в 1755 году — это аудиенция турецкого посла 24 апреля). Вне Двора единственный повод облачиться в робу — собственная свадьба. В прочие праздничные дни, при поездках в театр, в гости, на балы и куртаги,

70

на приемы послов (даже на обряд крещения новорожденного великого князя Павла Петровича 25 сентября 1754 года) из гардероба вынимали самару. В ситуациях менее примечательных самару мог заменить шлафор (на время Великого поста и в дни траура шлафор превращался в официальный придворный костюм), реже — полшлафор, хотя, в принципе, последний чаще носили дома. Для верховых прогулок в сундуках хранили кафтаны. Но нередко в них тоже делали визиты и посещали публичные места. А порой бывало и так, как описывает в своих записках Екатерина II: «Помню, что... на одном из... публичных маскарадов... я придумала надеть гродетуровый белый корсаж... и такую же юбку на очень маленьких фижмах... Я надела на шею брыжжи из очень белого газу, рукавички и маленький передник из того же газу и отправилась на бал»¹¹. Короче говоря, великая княгиня отважилась выйти на бал без верхнего платья. Но на такого рода мероприятиях подобный демократизм не приветствовался.

Безусловно, все рассказанное выше — это лишь свод основных правил, на фундаменте которых произрастали различные вариации и эксперименты, как, например, указанное выше вшивание китового уса в юбку самары. Другим проявлением творчества было вшивание китового уса в лиф робы, в результате чего дама могла обойтись без корсета и корсажа¹². В то же время самару было модно не только подвязывать шарфом или поясом, но и скреплять на груди с помощью украшенных бантами и цветами двух-трех лент. В общем, все зависело от фантазии портных и их подопечных.

Когда высокородная аристократка заканчивала одеваться, украсив платье понравившимся ей аксессуаром — ангажантом (аналог мужского манжета в виде трехслойных кружевных оборок или плиссированного муслина), лентой, брошкой, косынкой или розочкой, к делу приступал куафер. На его долю до 70-х годов XVIII века работы выпадало немного: ему следовало взбить волосы вверх ото лба и гладко зачесать их (прическа называлась яйцевидной); уложить параллельно через темя от уха

до уха букли и, если не

71

возражала императрица, завить и спустить на плечо один или два локона¹³. Букли и локоны делались по желанию госпожи, все остальное — в обязательном порядке, согласно диктату моды. Готовая прическа иногда обильно посыпалась пудрой (в зависимости от настроения и модных течений) и неизменно украшалась лентами, брошью, цветком или пером какой-нибудь диковинной птицы. Что касается париков, то они тогда играли вспомогательную роль. Если даме надоедало ежедневно вечером смывать с волос пудру, то на помощь приходил напудренный парик. Если же она предпочитала демонстрировать всем собственные волосы, то парик терпеливо ожидал своего часа.

Серьезную конкуренцию пудре, особенно в сороковые годы, составляли красители. Многие женщины не боялись экспериментировать с различными отечественными и заморскими компонентами, желая придать волосам великолепный каштановый оттенок. Также в тот период весьма популярно было чернение волос камнем ресук-таш, ввозимым в Россию из Персии и сохранявшим волосы темными в течение недели, после чего описанную в одном из наставлений процедуру требовалось повторить¹⁴. С белилами и румянами дело обстояло проще. Каждый (в том числе и мужчины) сам решал, белиться ли ему и румяниться, прежде чем ехать на куртаг в императорскую резиденцию или в гости к какому-либо вельможе. Одни накладывали на кожу чересчур много белил и румян, другие едва дотрагивались ими до лица. Например, великой княгине Екатерине Алексеевне утром 21 августа 1745 года императрица рекомендовала не злоупотреблять макияжем. Невесту лишь слегка подрумянили и, кстати, совсем не пудрили волос. По признанию матери, по окончании туалета дочь выглядела очаровательно.

А вот в июле 1753 года в Петербурге большой фурор произвели презенты Франца Матвеевича Санти, вернувшегося из турне по Италии и Франции. Обер-церемониймейстер раздарил приятельницам немало баночек с новинкой — жемчужными итальянски-

72

ми белилами и румянами (стоимостью в два рубля за штуку). Ажиотаж, несмотря на отсутствие в столице Двора, поднялся такой, что те, кому не повезло раздобыть диковинку, обступили с просьбами шестнадцатилетнюю дочь президента Адмиралтейской коллегии Михаила Михайловича Голицына, управлявшего столицей до возвращения из Москвы императрицы. У Анастасии Михайловны не хватило духу отказать, и она отписала брату Александру в Гаагу: «Беру смелость вас просить, чтоб вы мне приказали купить, ежели можна сыскать, помаду, каторая называется жемчужной. Также и платки батистывые с етим же помадам, каторыми трут лицо. А я етот помад видела у графа Санти, каторой он сабой привес из Рима. Оной помад белая, видам, как обыкновенной помад, толка сказывают, как лицо им натрешь, то делает великую белизну и хорошую тень. И для тово меня здешняя дамы прасили, чтоб я чрез вас им достала онава помаду. А что будет стоить весь етат помад и платки, я чрез вексел вам, не умедля, денги переведу. Прашу, государь братец, не прогневатца, что я осмелилась вас етим трудить. Ибо я никак от них отговаритца немагла, чтобквамнео[т]писать...»¹⁵

Как женщины пользовались платочками, накладывая косметику, и ухаживали за своей кожей, мы узнаем из инструкций, служивших приложением к двум подобным средствам:

«Чтоб белилами или румянами не повредить лица, то сие делается здесь следующим образом. Ложась почивать, надлежит находящуюся здесь бумагою все До чиста с лица стереть. А потом при сем же посылающуюся помаду таким образом употребить, а

имян-но: когда возьмешь небольшой от нея кусочек на лоскуток старого но тонкого полотна и вытрешь или намажешь тем лицо, то по утру надлежит такую же бума-¹ю опять обтереть, а потом уже белилы или румяна Употребить, чрез что уже ни малейшего повреждения лицу не сделается».

73

«Реестр как тереть лицо:

Из бутылки налить на палатенца и тереть лицо. И вытереть насухо лицо. После таво п[о]рошком терет-ца. Налить в склянку французской вотки белой и етот п[о]рошек положить в скляночку, и взболтать скляночку, и налить на руки, и тереть лицо до суха. После обтеретца французским вином, чтоб не знать было на лице п[о]рошку. А после нарумянитца».

А вот еще один любопытный наказ, как правильно употреблять заграничное масло для сохранения красоты:

«Масло делающееся из слюды для сохранения красоты.

Сие масло делается из жирной венецианской слю-довой земли химическим средством, весьма великими трудами бес прибавления какой либо ядовитой вещи, которая работа и по сие время почитается секретом.

Оное масло от стужи густеет, а от теплоты бывает житка, разводится всякою водою и с оною ж смешивается.

Оное ж со всем не сходствует с перловою водою и со эссенциями из порошков или серных вещей да и не с бергамотом, которыя лутче к внутреннему нежели к наружному употреблению служат, хотя б составление сего масла чрез химическую натуральную кислоту из майской росы было или нет. То однакож употребление того есть следующее:

Во-первых, надлежит обтереть чистым некрахмаленным тонким платком лицо, шею и грудь — намоченным ло де ла реном, то есть унгарскою водкою или же чистою отстоявшею речною водою, дабы никакой нечистоты и поту на теле не осталось. По сем надобно сего масла накапать несколько капелек в чайную чашку с розовою или речною водою (ибо оное масло будучи толко в лехкую теплоту поставлено, тотчас в воде распустится) и тем умываться, после чего надлежит согреть над жаровнею серебрянную или оловенную тарелку и держать пред лицом, чтоб оное согрелось.

74

Когда сие несколько крат учинено, то пропадут все матижи, веснушки, угреватые пятна и все прочие на теле пороки и будет оное, хотя б и арабскую чернь имело, столь бело, как снег, и весьма нежно. Сим средством весь жар и несродная краска выведется, а лицо младо образно содержится и от морщин сохранено будет.

Сие ж не так, как обыкновенныя притирания, водою не смывается, но напротив того бывает от сего всегдашняя белизна, когда оное толко единожды или дважды в неделю употреблено будет»¹⁶.

Однако мы, кажется, увлеклись. Михаил Ларионо-вич и Анна Карловна давно уже собрались, сели в сани и, выехав на Садовую улицу, направились в сторону Невской прешпективы. Последуем за ними, а затем свернем на главный проспект города и двинемся прямо на едва видимый в сумраке адмиралтейский шпиль. Проехав по мосту через Глухой Вознесенский проток (будущий Екатерининский канал, а ныне канал Грибоедова), минуем слева Казанский собор и остановимся возле лютеранской кирки, что напротив собора. Здесь, недалеко от пересечения Рождественской или Малой Конюшенной улицы с Невской прешпективой, рядом с набережной протока находится пепелище. Все, что осталось от сгоревшего осенью 1749 года первого публичного Оперного или Комедияльного дома, под который перестроили в 1742—1744 годах трехэтажный манеж Э. Бирона. Сюда в течение четырех лет, обычно по вторникам и

пятницам к пяти или шести часам вечера, съезжались представители знати и богатого купечества, чтобы насладиться игрой придворной труппы, исполнявшей различные драматические и оперные постановки. Театр был трехъярусным. В партере на первых трех скамьях (банках) сидели послы, статс-Дамы, фрейлины, полные генералы и тайные действительные советники, далее — генералитет и статские чины до шестого класса, а также дипломаты второго ранга, то есть посланники и полномочные министры. Центральную ложу, «против театру», занимала императрица. По бокам над сценой и оркес-

75

тром возвышались еще две августейшие ложи: царская, справа от зрительного зала, а слева — ложа великого князя и великой княгини. В первом ярусе по сторонам главной также располагались ложи для знати, придворных и дипкорпуса. На втором этаже размещались камер-юнкеры и обер-офицеры с «фамилиями», на третьем — купечество. Фасадом здание смотрело на Рождественскую улицу и сверкавшую куполами евангелическую общинную церковь Святого Петра.

Несчастье случилось 18 октября 1749 года. Двор с декабря 1748 года жил в Москве. Театр на этот период закрылся. В тот вечер в нем никого не было, кроме постоянного караула (два солдата и капрал гарнизонных полков) и помощника придворного художника Валериани, живописца Степана Иванова. В одном из покоев второго этажа, с окнами на ряды мазанковых изб, примыкавших к построенному Биро-ном Конюшенному двору на берегу Мойки, лежали девять законченных Валериани картин, предназначенных для плафона в царскосельской церкви. Однако, прежде чем везти на место, их следовало высушить. Поэтому придворный живописец приказал помощнику присматривать за тем, чтобы караульные солдаты не забывали дважды в день затапливать печку в его комнате. Что тот на протяжении двух недель исправно и делал. Правда, рядовые Спиридон Колпин и Тимофей Зимин и без надзирателя все прекрасно помнили. За минувшие три с лишним месяца, пока они, не сменяясь, сторожили театр, просушивать театральные комнаты у них вошло в привычку. В седьмом часу вечера начальник караула капрал Леонтий Свиязев распорядился вновь затопить печь в покое, где находились картины. Солдаты не спеша исполнили приказание. И хотя оба знали, что печка эта за долгое время их дежурства не чистилась, а при разгорании едва нагревала комнату, поднимать тревогу в тот вечер не стали. Потому что прежде не один раз жаловались капралу Свиязеву, но начальство никак не реагировало на их предупреждения. Может быть, Свиязев ленился рапортовать?!

76

Когда огонь в печи разгорелся, Зимин задвинул заслонку на трубе. На улице уже стемнело, вследствие чего и солдаты, и живописец поспешили лечь спать. Но едва в начале девятого часа они задремали, как послышался характерный треск, а в комнате появился едкий запах дыма. Все сразу вскочили и тут же увидели, что вокруг печи вовсю пылает огонь, с невиданной быстротой распространяясь по комнате. Никто и не подумал попробовать потушить или сбить пламя. Солдаты с Ивановым «в беспамятстве едва выскакали из покоев», забыв взять с собой даже амуницию, и по лестнице спустились на первый этаж, а оттуда выбежали во двор. Только здесь беглецы пришли в себя и принялись звать на помощь.

Как только зарево осветило окрестности, на близлежащих церквях ударили в набат. Одновременно солдатские и рогаточные караулы на улицах разбудили трещотками обывателей. К месту пожара от лейб-гвардии полков и артиллерийского корпуса выдвинулись команды с «принадлежащими ко уту-шению того пожару инструментами» (половина солдат несла ведра с водой, другая половина — топоры; на

отдельных телегах от каждого полка везли бранд-спойтные трубы). Первыми явились нижние чины и офицеры Санкт-Петербургской полиции. Военные оцепили местность. Команды принялись тушить огонь. Но очень скоро стало ясно, что все бесполезно. Пламя слишком быстро охватило здание. Ни вода, ни песок не помогали.

Единственное, что отряды пожарных могли еще сделать — так это сбересть от огня соседние дома. Не мешкая, полицейские команды Адмиралтейской, Литейной и Московской частей города под общим руководством советника полиции Андрея Карташева приступили к разбору самых уязвимых мест в смежных с театром строениях. На дворе, приписанном гоф-интендантской конторе и отданном под жительство полковнику Насонову, сняли кровлю на двух связях. Пострадала с одной стороны кровля и у сгрудившихся невдалеке «конюшенных мазанок». А у лютеранской кирки пришлось снести из забора двадцать четыре звена, да у принадлежа-

77

щей церкви избы с двух сторон частично разобрать кровлю. Тем и предотвратили распространение пожара, который в первом часу ночи 19 октября, дотла спалив «верхние апартаменты» Оперного дома, начал утихать и к утру совсем прекратился. Около четырех часов пополудни советник Карташев, убедившись, что огонь затих, отправился в Канцелярию писать рапорт в Москву, оставив на пепелище группу полицейских «при заливании достальных го-ловень».

Так Петербург утратил первое здание Оперного театра. В Москве о печальном событии узнали из донесений главы Канцелярии от строений В. В. Фермо-ра и управлявшего городом в отсутствие царицы князя Б. Г. Юсупова¹⁷. Правда, столица без театра скучала недолго. Вернувшись в декабре 1749 года из Москвы, Елизавета повелела построить новый коме-диальный и оперный дом на границе старого Летнего сада и Царицына луга. Ф. Б. Растрелли выполнил поручение, как всегда, быстро. Уже 3 мая 1750 года зрители увидели на его сцене первый спектакль.

Здание театра, окруженное еловой рощей, располагалось в самом конце нынешней Миллионной улицы возле моста через канал у Старого Летнего сада (современная Лебяжья канавка). Зрительный зал состоял из партера с галереей по части его периметра и двух ярусов лож. В партере на банках, как и прежде, усаживались знатные особы 1—5-х классов (от канцлера и фельдмаршала до бригадира и статского советника) вместе с семьями. Галерея предназначалась для «фамилий» лейб-компании унтер-офицеров, гвардии обер-офицеров, армейских штаб-офицеров и равных с ними по рангу чиновников (от капитана до полковника и от титулярного советника до коллежского советника). В 1-м ярусе лож размещались знатные особы и дипломаты, не желавшие тесниться в партере. Здесь же в центре и над сценой с оркестровой ямой — по образцу сгоревшего театра — имелись три главные ложи — две для императрицы и одна для великого князя с супругой. К парадной императорской примыкала ложа гетмана Разумовского. В дека-

78

бре 1754 года после ремонта она поступила в распоряжение австрийского посла. Кроме того, перед первой скамьей в партере к 26 октября 1750 года соорудили «эстраду о 5 ступенек, красным сукном, а сверх онаго пунцовым бархатом накрытой», и поставили три «стула» — для Елизаветы Петровны, Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. Елизавета Петровна предпочитала смотреть спектакли отсюда, а лучше отапливаемые ложи занимала в холодную, морозную погоду. Те из дворян, кто не мог устроиться в галерее, поднимались на 2-й ярус, куда при наличии свободных мест впускали желающих из знатного купечества. В ложах во время спектакля дежурили придворные лакеи, отвечавшие за спокойствие и освещение на своем участке.

Три года театр работал по старому графику — по вторникам и пятницам. В 1754 году к двум дням опер и французских комедий прибавился еще один — среда — для итальянских интермедий (указ вышел в Москве 2 ноября 1753 года). Спектакли не давались в Великий пост (в три других поста запрет соблюдался менее строго), отменялись и не начинались в отсутствие императрицы. Но 21 мая 1751 года государыня упразднила одно из ограничений. Отныне занавес взмывал вверх ровно в семь часов пополудни вне зависимости от того, появилась или нет царица с семьей наследника в зале. Позднее время выхода актеров на сцену подкорректировали, назначив общий съезд на девять часов вечера. Правда, когда государыня отлучалась из столицы в загородные резиденции, закон не действовал, и театральные сезоны обязательно прерывались до ее возвращения¹⁸.

Кроме главного Оперного дома Петербург имел еще две сценические площадки. На Васильевском острове во дворце М. Г. Головкина в 1732 году учредили русскую оперу из числа придворных певчих. Однако малые размеры, неудобное местоположение, обветшавшее здание, непрофессионализм свежее испеченных актеров не позволили россиянам составить достойную конкуренцию французским и итальянским коллегам, выступавшим на подмостках возле Цари-

79

цыного луга. Более успешно работала немецкая труппа в комедиальном доме на углу Большой Морской улицы и Средней прешпективы (ныне Гороховая ул.). При случае мы посетим немецких актеров, а сейчас следует поскорее добраться до Оперного дома. Для этого нам нужно дойти до Конюшенного двора, обогнуть массивное здание справа и перейти по Конюшенному мосту, двумя крыльями соединяющему, как и сегодня, оба берега Глухого протока с противоположной стороной Мойки. Далее по набережной Красного канала спустимся к мосту у Старого Почтового двора, пересечем его и, миновав аллеи возвышающихся над Царицыным лугом фруктовых деревьев, напрямик выйдем к Оперному дому, стоящему в еловой роще возле мостика, ведущего через Летний канал в Летний императорский сад¹⁹.

При входе в театр всех приезжающих встречают гвардии обер-офицер и несколько унтер-офицеров. Каждый должен предъявить им билеты, распространенные придворной конторой (о чем свидетельствует ведомственная печать на документе), после чего они позволят пройти в зал. Около одиннадцати часов утра в театр является команда из ста рядовых гвардейцев во главе с другим обер-офицером (когда играют комедию, ограничиваются семьюдесятью гвардейцами). Их «для караулу» расставляют по всем помещениям Оперного дома. Наконец, отдельное место занимают еще сорок солдат с офицером «для осторожности от пожарного случая»³⁰. Входим в просторный зрительный зал. Кавалеры в расшитых серебряными и золотыми нитями кафтанах, дамы в самарах, некоторые тоже в кафтанах (и, конечно же, на средних, а то и малых фижмах или «булочках»), занимают свои места и ведут непринужденные беседы, ожидая появления императрицы и наследника с женой. Но вот в партер входит Елизавета Петровна и Петр Федорович в окружении нескольких вельмож и статс-дам. Екатерины Алексеевны с ними нет. Все приветствуют государыню. Императрица и великий князь усаживаются на «стулья», вынесенные на «эстраду», члены свиты — на первую

80

скамью позади. Зал следует их примеру. После того как шум окончательно смолкает, поднимается занавес, и из оркестровой ямы раздаются первые такты музыки Франческо Арайи.

На сцене на фоне декораций, изображающих храм Минервы, стоят два мальчика лет десяти-двенадцати. Оба — придворные певчие. Один играет Миноса, царя Критского,

второй — волшебника Тес-тора, вельможу царя. Опера начинается с речитатива критского царя:

Я, Тестор, лютые мучения терплю.
Которую люблю,
За всю мою любовь, за все мое страдание,
Меня ввергает та в несносную напасть,
И умножая желание,
В отчаянии моем мою величит страсть!
Какую чувствую тоску я лютю!
В сей день, в сей час, в сию минуту,
Царевна... ах, на что ея толь мил мне зрак!
Моя возлюбленная с другим вступает в брак.

Пока зрители с любопытством вслушиваются в непривычно звучащие под аккомпанемент оркестра русские слова, Тестор, он же певчий Иван Татищев, отвечает Ми носу:

Прейдут супругов сих утхи вскоре,
Ты знаешь, сколько мил совместник твой Авроре.
Желания своего она не пресечет.
Жестокости любви подвластна
Любовнику несчастна
И из отчаяния надежду извлечет.

Исполняющий роль Миноса певчий Николай Клу-тарев с надеждой обращается к партнеру:

Прежсесточайную мою ты видя муку, Употребил теперь ты всю свою науку. Оставшая моя надежда только в том:
В тебе я зрю ее, и более ни в ком.

В эту минуту из храма Минервы выходят царь Афинский Ерихтей, царевич Фоциды Цефал и дочь Ерихтея Прокрис — соответственно певчие Стефан Рашевский и Гаврила Марценкевич, а также юная Елизавета Белоградская, родственница известного

81

лютниста и певца Тимофея Белоградского. При поддержке расположенного в глубине сцены хора (в составе 50 придворных певчих) они поют:

Прославляйся велегласно, Ты, сердец любовный жар. Сочетание коль страстно, В свете лучший смертным дар! А в несчастной самой доле, Сочетанье по неволе, Нестерпимейший удар! Прославляйся велегласно, Ты, сердец любовный жар! Сочетание коль страстно, В свете лучший смертным дар!

Такова завязка оперы, написанной Александром Сумароковым по мотивам Овидиевых «Метаморфоз». Счастливый союз Цефала и Прокрис разбивает богиня Аврора (в ее роли — певчий Степан Евстафьев), влюбленная, как и дочь афинского царя, в Цефала, но без взаимности. Она добивается у Зевса разрешения на разлучение возлюбленного с соперницей. Покровительница последних — богиня-воительница Минерва — успевает только предупредить их о предстоящем расставании. Цефал и Прокрис нежно прощаются друг с другом, после чего царевич взмывает вверх и «уносится из глаз».

Оставшаяся одна Прокрис печально поет:

Часть плачевна совершилась! Мне осталось умереть. Я тебя, Цефал, лишилась, И не буду больше зреть. Что оставил жар мне страсти, О презлополучны дни! К возобновлению напасти, Вспоминания одни.

На том заканчивается первое действие. Перерыв между первой и второй частью оперы заполняет балет. Священница Минервы, жрец Юпитера, афиняне и афинянки, выделявая изящные па, приносят Юпитеру жертвы, пытаются умиловить грозного бога. Короткое выступление молодых придворных танцовщиц и танцоров благосклонно встречено публикой, после чего зрители вновь принялись слушать

82

русскую оперу, которая, судя по всему, произвела на них большое впечатление.

Во втором действии декорации изображают долину с рощами и ручьями на фоне горных вершин. Здесь Аврора призналась Цефалу в своей любви и умоляет его остаться с ней. Но Цефал непреклонен. Он намерен сохранить верность Прокрис: «Из сердца моего она не истребится, доколе жизнь моя продлится*». Тогда рассерженная

богиня призывает Ми-носа и Тестера, готовя строптивцу первое испытание. Она просит волшебника превратить «сии места прекрасны в пустыни преужасны». И Тестор твердит заклинание:

Грозныя челюсти ад растворяй! Фурии тьму подавайте скорый! Зделайте день сей темнее вы ночи! И премените в дремучий лес рощи! Скройся ток вод от Цефаловых глаз! Горы вы каменей станьте в сей час, Голос мой аду вы, вихри, внушите! Скоро вы, фурии, скоро спешите!

Однако темнота и пустыня не поколебали решительности царевича. Раз его любезной рядом нет, ему все равно, тьма или свет вокруг. Аврора не сдается и переносит Прокрис к Цефалу, чтобы та уговорила упряма связать свою судьбу с богиней. В противном случае он останется в сем печальном месте навсегда. Царевна соглашается и советует жениху уступить и не губить себя. Цефал отказывается, а Прокрис предлагает сопернице:

Вели мне в наказанье, Что я ему мила, Чтоб здесь и я была: И с ним деля твой гнев, Делила и страданье!
Не будет вам тово!

Утехи вашей все любори невозвратны!

Те все места тому приятны,

В которых лутчее сокровище ево, —

воскликает Аврора, завершая столь категорическим отказом второе действие. И вновь сцена на несколько минут в распоряжении балета: нимфы и сатиры

83

изъявляют «радость, что их жилища прежнюю свою красоту получили». А затем начинается последний, третий акт оперы.

По роще, близ Афин, прогуливаются Минос и Тес-тор. Судя по их разговору, вмешавшаяся в драму Минерва вырвала влюбленных из рук Авроры и вернула их к отцу невесты. Но Аврора не смирилась с поражением и вновь заручилась поддержкой волшебника. На сей раз она надеялась поссорить Цефала с Прокрис с помощью ревности. Тестер произносит заветные слова, и вот появляется царевна, терзаемая подозрениями.

Она ищет везде Цефала, но нигде не видит его.

С возлюбленным опять я в сей стране, Но, ах, Цефал не верен мне! —

вздыхает Прокрис, и тут же спрашивает себя:

Он, может быть, другой

Клянется верностью, как клялся предо мной?

Она владеет им, а я грущу несчастна!

А я все то терплю,

А я еще им страдна!

Коль он неверен мне,

За что ево люблю!

Наконец ей удалось разыскать жениха. И тот, желая развеять подозрения невесты, рассказал, что прежде чем покинуть храм Минервы, он услышал голос свыше, предупредивший его, чтобы он, если не хочет потерять Прокрис, не встречался с ней в течение этого дня. Царевна не поверила ему, но, подчиняясь просьбе Цефала, ушла. А утомленный царевич сомкнул глаза и заснул. Разбудил его шорох в кустах. Ему показалось, что какой-то зверь напал на Прокрис. Взяв в руки лук, он выстрелил и поразил цель. Лишь услышав человеческий голос, царевич понял, что ошибся. Однако было поздно. Стрела попала в Прокрис. Цефал подбежал к ней, застав невесту умирающей. Левой рукой она закрывала рану, а в правой держала роковую стрелу. В последнюю минуту Прокрис постаралась утешить Цефала, совершившего непоправимую оплошность:

84

Не причитай ты смерть мою руке своей

И предавай вину ты ревности моей.

Она меня в кустах скрывала.

И жизнь мою не ты, но ревность окончала.

Прошла теперь она.

Но поздно мысль моя уже просвещена.

Подоспевшие к отчаявшемуся Цефалу Ерихтей, два афинянина, а чуть позже Аврора могут только посочувствовать погрузившемуся в отчаяние герою. Венчает трагическую

сцену хор:

Когда любовь полезна, Пресладостна она. Но коль любовь та слезна, Что к горести дана! Цефал любил сердечно. Равно любим он был. И разлучился вечно Он с той, ково любил[^]

Когда музыка стихла, в зале раздался гром аплодисментов. «Гремели рукоплесканиями» и ложи, и партер. Императрица лично соизволила выразить свое одобрение, пожаловав всем шести исполнителям (старшему из которых было не больше четырнадцати лет) прекрасное сукно на костюмы. «Санкт-Петербургские ведомости» посчитали нужным откликнуться на взволновавшее всех событие и в восемнадцатом номере, увидевшем свет 3 марта 1755 года, отметили, что «все знающие справедливо признали сие театральное представление за происходящее совершенно по образцу лучших в Европе опер». И это при том, что никто из шести актеров не бывал в чужих краях и не видел игры первоклассных оперных певцов и певиц. Как писал позднее профессор Штелин, «эти юные оперные артисты поразили слушателей и знатоков своей точной фразировкой, чистым исполнением трудных и длительных арий, художественной передачей каденций, своей декламацией и естественной мимикой»²².

Завершилась премьера первой русской оперы балетной постановкой неаполитанца Фоссано на популярную тему Орфея и Эвридики. Придворные танцоры языком пластики и жестов поведали о том, как

85

печальный Орфей снизошел в ад, где прекрасным исполнением песен и мелодий на лире вызвал жалость Плутона. Греческий бог вернул ему любимую супругу, скончавшуюся от укуса змеи, предупредив, что до возвращения домой тот не должен смотреть на нее. Но счастливый муж нарушил это условие, «оглянулся и вторично лишился ея». Вне себя от горя, Орфей поселяется в горах Фракийских, услаждая «горесть пением и игранием на лире^{*}. Его приходят послушать звери, прилетают птицы. Искусство Орфея покорило фракийских женщин. Они влюбляются в певца, но тот отвергает их любовь, храня верность Эвридике. И тогда ожесточенные презрением «баханты... в случившийся Бахусов праздник нападают на него и умерщвляют. По сем почтить празднование дни и победу бахант является Бахус сам и ево присутствием торжествование оканчивается»²³.

Уже шел второй час ночи, когда императрица, а за ней и зрители покинули здание театра, чтобы разъехаться по домам²⁴. Сани Елизаветы Петровны понеслись по Миллионной улице в сторону адмиралтейского шпиля. Супруги Воронцовы последовали за ней или, может быть, предпочли сократить путь, направившись к прямоугольнику Конюшенного двора.

Глава 4

Служебные хлопоты

1755 март

04. Государыня изволила бытъМ. Л. Воронцова. 31. Посланы письма с Иваном к барину и бабушке.

13 марта 1755 года в юстиц-конторе встретились два соседа — архитектор Адмиралтейской коллегии Савва Иванович Чевакинский и коллежский советник Иван Михайлович Сердюков. Подчиненный адмирала М. М. Голицына и сын покойного создателя Вышневолоцкой гидротехнической системы официально зарегистрировали небольшую сделку — по-

86

купку Чевакинским у Сердюкова за десять рублей узенькой полоски земли между двором архитектора

и переулком, за которым располагался основной участок коллежского советника. Дома обоих стояли па Нижней или Береговой набережной Невы, недалеко от Галерного двора (четвертый и пятый, если считать от устья Фонтанки). Иван Михайлович с су-

пругой Анной Акинфиевной, в девичестве Демидовой (дом прославленного заводчика разместился рядом — на углу Невы и Фонтанки), вступил в права наследства совсем недавно, в минувшем 1754 году. И Трежде трехэтажным дворцом владел его отец, который, правда, в Петербург заглядывал изредка, ибо подолгу жил в окрестностях Вышнего Волочка. Там Михаил Иванович регулировал уровень воды в каналах, в речках Тверца, Цна, Шлина, Мета при движении через шлюзы весеннего, летнего и осеннего караванов судов из Волги в Волхов, а также с 1744 года занимался чисткой Боровицких порогов.

Семидесятилетний соратник Петра Великого фактически дневал и ночевал на работах по возведению бейшлотов на реках Уверь, Березайка и Кемка (осушение наполненного каменными глыбами отрезка на реке Мета при накоплении у новоосуществленных плотин водных резервов — неременное условие для старта по основному водному пути летних караванов кораблей с товарами). В 1745 году команда Сердюкова перекрыла русло Березайки. В 1746 году близ устья Увери появился канал со шлюзом. Весной 1747 года планировали направить течение притока по искусственному фарватеру, заперев старый, а к осени перекинуть плотину через Кемку¹. Но тут до Петербурга донеслась весть, что предприимчивый петровский ветеран слег, опасно заболел.

Елизавета Петровна, беспокоясь за жизнь директора, 6 мая срочно командировала «на Вышней Волочек» лекаря адмиралтейского госпиталя Христиана Давыда Залцера, которому велела «быть... при нем, Сердюкове, донде же от той болезни получит себе свободу». Без особого удовольствия врач покинул столицу и поехал к своему подопечному в провинцию. 11 мая

87

около семи часов утра доктор добрался до пункта назначения и чуть позже осмотрел пациента.

Слухи о тяжелом недуге оказались сильно преувеличенными. У господина советника просто случился приступ радикулита. 23 апреля бодрый и не в меру энергичный старик во время отлучки к Боровицким порогам почувствовал первые боли в пояснице. За сутки ломота «весма умножилась». 25-го числа, возвратившись в Вышний Волочек, Сердюков посетил церковь и послушал богослужение в честь пятой годовщины коронации всемилостивейшей государыни. Потом сел в коляску, торопясь поскорее попасть домой. Лошади бежали резво и несколько раз здорово трянули экипаж на дорожных ухабах, вызвав у пассажира почти нестерпимое «колотье над поясницею и левой бедровой кости». По приезде во дворец Михаил Иванович уже не мог ни пошевелиться, ни кашлянуть без болевых ощущений в спине, ноге и даже в груди. Пришлось уложить больного на кровать, послать курьера в Петербург и попробовать как-то облегчить страдания главы семьи. Домочадцы девять раз «насекали ево... рошками, как около болного места, так и вдоль спины», и на девятый день, 5 мая, «жестокость ломоты убавилась... утешение в груди обще с тягостным дыханием миновало».

Когда Залцер увиделся с обрусевшим монголом, того все еще продолжало мучить «колотье над поясницею и левом бедре» при кашле и малейшей попытке повернуться на бок или приподняться с постели. Лекарь выслушал жалобы Сердюкова, пощупал пульс, взял анализ мочи и 13 мая доложил в Медицинскую канцелярию, что у гидротехника «жестокой пароксизм ишиатической болезни, которой учинился от установления крови в почечюйных жилах». Пользовал врач пациента декоктом, слабительными пилюлями с настоем «сасафрасного дерева», неоднократным за день массажем спины и бедра «флонело-вым лоскутом с дымом курительного порошка», а также смазыванием «хрестцов» смесью из «канфорного» спирта и бальзама. А вот с кровопусканием доктор решил не спешить, хотя пожилой советник целых

88

семь лет не прибегал к подобной профилактической процедуре.

К концу месяца курс лечения Залцера практически одолел хворь. Михаил Иванович опять мог ходить по палатам, сидеть на стуле или в кресле, прокатиться по улице в коляске. Правда, «сносный лом» в хребтовых костях, в пояснице и в суставах колена правой ноги по-прежнему досаждал вышневолоцкому командиру время от времени. Но тот старался не обращать на него внимания и возобновил активный образ жизни: разъезжал по городу, навещался в церковь, в контору, проверял качество закупленных для строительства Кемской плотины материалов. 4 июня неугомонный старик, желая убедиться в добром состоянии очередной партии бревен, не побоялся излазить вдоль и поперек штабеля заготовок. Здесь-то болезнь и напомнила ему о себе. Рецидив сняли с помощью массажа, пиявок и пилюль, после чего Сердюков снова покинул постель, но теперь вел себя гораздо осторожнее.

К концу июня ломота полностью исчезла, возникая лишь при перемене погоды. Вследствие этого Михаил Иванович распорядился закладывать экипаж, дабы 4 июля выехать к Боровицким порогам вместе с дорогим столичным гостем. Залцер пытался уклониться от путешествия и добиться отпуска в Петербург, но «довольной причины» для обоснования своего намерения не нашел. В районе реки Увер-и, «у которой господин советник течение отвел», и в окрестностях города Боровичи, inspectируя опасный участок реки Меты, они пробыли недели три. В Вышний Волочек оба вернулись уже в августе. Непоседливый начальник, невзирая на чрезмерные нагрузки и «утруждения», ломоты в области поясницы больше не ощущал, разве что слабость «в хрест-це» по прошествии четырех часов интенсивной работы.

На обратном пути в устье Увери адмиралтейского лекаря настиг ордер Германа Лестока от 13 июля с предписанием возвращаться в Петербург, ввиду полного выздоровления господина Сердюкова. Однако

89

вышневолоцкому директору очень не хотелось сразу же расставаться с добрым доктором, и он задержал врача у себя еще на две недели под предлогом «малой ломоты» в коленях, суставах ног и в левом плече. Берега Невы Давыд Залцер вновь увидел только 20 августа 1747 года «после полудни в десятом часу». Иноземец, наверное, и не догадывался о том, что обычная трехмесячная командировка по линии морского ведомства будет иметь для него судьбоносное значение. Тем не менее именно ее успех побудил императрицу, читавшую экстракты рапортов медика, 1 сентября того же года взять Залцера ко Двору. Царица при этом, скорее всего, брала в расчет не профессионализм эскулапа (рядовой недуг Сердюкова не позволял блеснуть навыками), а его умение располагать к себе пациента и быть предупредительным к нему².

От дома Сердюковых до Крюкова канала — минут пять ходьбы по Береговой набережной. Четвертый особняк от канала с западной стороны принадлежал начальнику С. И. Чевакинского, президенту Адмиралтейской коллегии, адмиралу Михаилу Михайловичу Голицыну*. В марте 1755 года князя, впрочем, как и всю семью, волновал единственный вопрос: когда же, наконец, императрица подпишет указ о назначении сына Александра российским посланником в Англии? Обещание прозвучало еще в прошлом 1754 году. Елизавета Петровна, беседуя с вице-канцлером, выразила желание отозвать из Лондона Чернышева и предложила Воронцову подыскать ему замену. Тот не замедлил замолвить слово за надворного советника Александра Михайловича Голицына, обретавшегося при после А. Г. Головкине в Гааге. Государыня не возражала. Она возвращала на родину своего лучшего дипломата потому, что потребность в неусыпном надзоре за ненадежным британским партнером отпала. Россия приготовилась к запасному варианту — антипрусскому

союзу с Францией, и более не опасалась неприятных сюрпризов от англичан. Графу Чернышеву после двенадцати лет на-
90

пряженной службы на самых ответственных участках — при прусском и английском дворах — следовало хорошенько отдохнуть. А на вакантной должности отныне мог потрудиться кто-нибудь другой, хотя бы тридцатилетний сын адмирала Голицына. Канцлер Бестужев инициативу Михаила Ларионо-вича тоже одобрил. 26 июля 1754 года собственное мнение о кандидате при свидетелях огласила императрица. Во время переезда Двора из Петергофа в Царское Село в царской карете зашла речь о фамилии президента Адмиралтейской коллегии, и Елизавета не преминула заметить: «У них сын большой — малой разумной. Я ему давала комиссии. Он очень хорошо исправил [оныя]». Тем не менее ни летом, ни осенью 1754 года ничего не произошло. И Голицын, и Чернышев продолжали исполнять прежние обязанности. Что-то смущало самодержицу, и явно не личность преемника посланника. 8 января 1755 года на встрече с канцлером государыня «изволила... назначенного в Англию министром князя Александра Голицына в канцелярии советники всемилостивей -ше пожаловать». Правда, «назначенный» о высочайшей милости не ведал, изнывая в Гааге от неизвестности, жил слухами, доносившимися из Петербурга, и умолял в письмах родителей поменьше обсуждать болезненную тему с чужими людьми. Не дай Бог, найдутся каверзники, обвинят его в хвастовстве и все испортят.

Мать успокаивала сына, заверяя, что в городе намерения царицы ни для кого не составляют тайну: канцлер и вице-канцлер открыто говорят о предстоящем решении, британский резидент Мельхиор Гви-декенс давно отрапортовал о нем в Лондон. Однако наступил Великий пост, а документ за подписью Ее Величества так и не был обнародован. Елизавета держала паузу. Зачем? По-видимому, она все же немного сомневалась в том, что миссию Чернышева действительно пора сворачивать именно сейчас, и на всякий случай затягивала окончательную апробацию. Лишь в середине марта императрица пришла к выводу, что срок для дипломатической рокировки настал.

91

20-го числа государыня санкционировала долгожданный указ. Ровно через три дня после того, как на именинах у Алексея Разумовского в Аничковом дворце публично объявила о том⁴.

В тот день, 17 марта, незадолго до полудня Татьяна Кирилловна Голицына пошла в церковь к обедне. Князь, очевидно, с утра уехал в Адмиралтейство (пятница — присутственный день). В итоге, когда на крыльцо особняка взбежал придворный лакей, пожелавший увидежь княгиню, никто из хозяев его не встретил. Прислуга тотчас кинулась в церковь за госпожой, и несколько минут спустя адмиральша уже стояла перед ливрейным служителем, протянувшим ей приглашение А. Г.

Разумовского на сегодняшний вечер к себе во дворец на берегу Фонтанки. Исполнив поручение, лакей откланялся и покинул жилище Голицыных, оставив княгиню в сильном смятении.

Прийти в недоумение было отчего, ибо придворные лакеи развозили повестки только лицам, служившим при Дворе. Особ первых пяти классов, не удостоившихся подобной чести, о придворных торжествах уведомляли утром или днем накануне праздника чины главной полиции. Офицеру вручали список из десятка фамилий, и тот начинал объезжать дома. Вот, например, прапорщика Дедюлина и поручика Цыклера 24 апреля 1745 года командировали на Васильевский остров. Каждый из них часа два или три опрашивал сановников, интересуясь, будут ли они с женами и совершеннолетними дочерьми (шестнадцати лет и старше) завтра в Зимнем дворце в десятом часу

пополуночи поздравлять императрицу с третьей годовщиной коронации, а вечером с шести часов присутствовать на балу и ужине, или нет. Его товарищи аналогичным образом оповестили генералитет в Адмиралтейской, Московской, Литейной, Санкт-Петербургской и Выборгской частях.

Кто из вельмож хотел посетить дворец, обещал быть. Кому приехать не позволяли болезни или нежелание, ссылался на то или иное недомогание — свое, супруги или детей. Впрочем, отыскался среди

92

важных лиц оригинал, чей отказ не мог не удивить. Вице-адмирал Захар Данилович Мишуков не отпустил на мероприятие двух дочек восемнадцати и четырнадцати лет «за неимением такого платья, в каком ко двору Ея Императорского Величества повелено быть», то есть робы. Честно говоря, не очень верится, что знаменитый петровский морской офицер так бедствовал, что поскупился выкроить из семейного бюджета пятьсот-шестьсот рублей на две скромные робы родным дочерям — будущим невестам⁵.

Так как Михаил Михайлович и Татьяна Кирилловна Голицыны в придворном штате не числились, то визит лакея означал не простое приглашение на прием к обер-егермейстеру. Княгиню вызывала в Аничков дворец сама императрица, и родная сестра гофмаршала С. К. Нарышкина, конечно, сознавала это. Она весьма быстро собралась в гости. Горничные помогли переодеться из домашнего в парадный шлафор, расшитый серебром (6 марта — первый день Великого поста). Парикмахер привел в порядок прическу. Конюхи с кучером заложили княжеский экипаж. В общем, супруга главы Адмиралтейства на именины к графу Разумовскому не опоздала. Елизавета Петровна, Петр Федорович и Екатерина Алексеевна приехали к Алексею Григорьевичу позже всех.

Именинник лично встретил государыню возле подъезда и проводил в главный зал дворца, где царицу ожидали дамы и кавалеры, накрытый стол и расположенный поодаль оркестр. Между тем дочь Петрова заглянула к своему возлюбленному на огонек не только ради веселья в узком кругу. Ей захотелось в тот день сделать одному из подданных приятный сюрприз. Хотя публика о пожаловании кого-либо новым рангом или орденом обычно узнавала на праздничных церемониях в Зимнем или Летнем дворцах, изредка указы о награждении оглашались во время высочайших посещений той или иной знатной персоны.

Проще было повысить звание или оклад. Все ограничивалось подписанием патента или расиоряже-

93

ния после изыскания вакансии и финансовых резервов. С кавалериями возникали более серьезные проблемы. Во-первых, без оформления соответствующих бумаг тут тоже не обходились. Во-вторых, оба российских ордена — Святого апостола Андрея Первозванного и Святого Александра Невского — имели четыре отличительных знака: цепь (у ордена Андрея Первозванного), крест, шитую серебром звезду и муаровую ленту. Знаки кавалеру выдавались Коллегией иностранных дел, которая их покупала у ремесленников или заказывала в доме Крюйса на Верхней набережной в придворной мастерской Н. А. Возжинского, директора царской коллекции драгоценностей. У Бестужева до февраля 1757 года всегда хранилось по пятнадцати экземпляров первого и второго ордена. Потом количество запасных наборов увеличилось до двадцати. В-третьих, приобретением цепей, крестов со звездами и ведением реестра кавалеров служебный долг подчиненных канцлера не исчерпывался. Им к тому же надлежало по кончине любого орденосца (и российского, и иностранного) добиваться от наследников возвращения в казну либо крестов и цепей, либо денежного

эквивалента: 96 рублей — за крест святого Андрея, 100 рублей — за крест святого Александра, 400 рублей — за цепь. Звезда стоила четыре рубля пятьдесят копеек⁶. Помимо двух основных петровских кавалерии у многих россиян на груди красовались звезды и ленты голштинского ордена Святой Анны (в ту пору не имевшего степеней), польского Белого орла и прусского Черного орла. Впрочем, доставкой в Россию и раздачей этих трех наград занимались уже не российские чиновники.

В гости к российским вельможам Елизавета Петровна навещалась довольно часто, иногда несколько раз в месяц. Высочайшие визиты привлекали камерной, почти что домашней атмосферой общения, с минимальным соблюдением этикета. Во всем прочем они ничем особенно не отличались от придворных торжеств. То же хорошее обеды или вечернее угощение под аккомпанемент оркестровой му-

94

зыки, беседы за столом, танцы до или после трапезы, игры в карты. Первым в марте 1755 года, 4-го числа, императрицу позвал на ужин Михаил Ларионович Воронцов. Через две недели государыню принял Алексей Григорьевич Разумовский.

На сей раз ее потчевали обедом, причем постным. Супруг, безусловно, знавший о вкусах августейшей жены, наверняка позаботился о том, чтобы на скудном столе помимо скромных блюд и популярных бургундского, пантака, рейнвейна (с изгнанием Ше-тарди мода на шампанское прошла) обязательно стояли любимые императрицей устрицы, бутылки с токайским вином и английским пивом. Снабдив стол английским пивом, граф угодил бы покровительнице вдвойне, ибо, войдя в зал, Елизавета обратила внимание на склонившуюся в реверансе Татьяну Кирилловну Голицыну, тоже большую любительницу пива. Княгиню-то государыня и намеревалась обрадовать долгожданным подарком, вестью об официальном назначении старшего сына посланником в Лондон. И было бы очень кстати, да и символично (пиво-то английское!), если мать нового русского посла в Великобритании подняла бы бокал за здоровье собственного сына, наполненный своим любимым напитком. Оставалось лишь пожалеть, что заказанная в ноябре прошлого года С. К. Нарышкиным через П. Г. Чернышева у госпожи Анны Вигор, вдовы английского резидента в России Рондо, новая партия лучшего английского пива сорта «Эльбир» из 3000 бутылок до сего времени не привезена в Петербург. И, судя по реляциям нашего посла, раньше апреля отправление из Англии 25 бочек с бутылками не предвиделось⁷.

Рассаживание по местам много времени не потребовало. Семнадцать дам (в том числе великая княгиня Екатерина Алексеевна, принцесса Анастасия Ивановна Гессен-Гомбургская, супруга канцлера Анна Ивановна Бестужева-Рюмина) и около сорока кавалеров расположились за главным столом в зале, семнадцать придворных из штата Петра Федоровича — за отдельным столом в соседней комнате. Тракта-

95

мент сопровождался оживленной беседой на фоне не слишком громкой итальянской музыки, частенько прерываемой тостами за здоровье именинника, императрицы, великого князя, великой княгини и т. д. Во время застолья Елизавета Петровна и подгадала удобный момент, чтобы торжественно объявить о том, что секретарь российского посла в Голландии, надворный советник Александр Михайлович Голицын с нынешнего дня — чрезвычайный посланник России при дворе английского короля Георга II в звании канцелярии советника. Гости сразу же выпили за здоровье новоназначенного и его родителей. В адрес Татьяны Кирилловны посыпались поздравления.

По окончании обеда императрица, выбрав партнеров, уселась вместе с А. Г. Разумовским за ломберный столик. Рядом обосновался один из дежурных камергеров. Он вел учет выигранных и проигранных государыней денег. Возле Петра Федоровича

и Екатерины Алексеевны то же самое делали дежурные камергеры или камер-юнкеры малого Двора. Играли либо в тресет, либо в квинтич, либо в фаро. Вероятнее всего, в тресет — наиболее почитаемую государыней игру. Размеры ставок были невелики, так как закон запрещал азартные игры в карты на большие суммы.

Праздник завершился после того, как утомившиеся игроки пожелали прекратить игру и понемногу стали разъезжаться. Первой Аничков дворец в десятом часу вечера покинула императрица. За ней потянулись остальные. Татьяна Кирилловна Голицына вернулась домой поздно ночью⁸.

Утром 18 марта мать новоиспеченного министра в первую очередь захотела как можно быстрее сообщить приятную новость сыну. Наступивший день по календарю выпал на субботу, поэтому ей предстояло до вечера написать и отнести на почту короткое послание в Гаагу. Опоздай она сегодня, ждать пришлось бы до вторника 21 марта: заграничная почта уходила

96

из Петербурга только по вторникам и субботам в начале девятого часа вечера, а приходила по воскресеньям и четвергам. Ведомство почт-директора Ф. Аша отправляло корреспонденции и во внутренние районы России. В Москву курьеры уезжали по понедельникам и четвергам, а возвращались в субботу или во вторник. В сторону Архангельска, Каргополя и Новой Ладogi письма увозили по понедельникам, а получали по средам. И во втором, и в третьем случае почта покидала город на Неве в тот же час, что и заграничная корреспонденция. В соседний Выборг почтальоны устремлялись в полдень пятницы, а вернуться старались в среду. Кроме того, летом функционировала почтовая линия между столицей и Кронштадтом. Туда письма везли ежедневно в начале десятого часа пополудни, а приезжали с ними также каждый день в седьмом, восьмом или девятом часу утра, в зависимости от погоды, то есть от направления ветра между островом-крепостью и Ораниенбаумом⁹.

Уединившись у себя, Татьяна Кирилловна взяла в руки перо. Письмо предназначалось не должностному лицу, а родственнику. Посему княгиня начала не с одного из обязательных обращений, характерных для деловой переписки («Милостивый государь!», «Государь мой!» или «Милостивый государь мой!»), а раскованно и свободно, по-домашнему. Мелким, отрывистым, но разборчивым почерком Голицына вывела: «Александра, дарагой, здравствуй!»

И затем продолжила: «Поздравляю тебя, дарагой. Теперь уже ты настоящей министр. Ея Величества указ соизволила подписать вчерашней день. Я была на именинах графа Алексея Григорьевича, где чужестранные и трех классов кавалеры званы от имениника. Были и дамы. По приказу государынему присылан был дворцовой лакей в двенадцать часов, а я была у обедни. Там меня сыскали. Я на силу успела одет-ца. И где соизволила присутствовать Ея Величества и Их Высочества. И тут нам сказано, что указ подписан тебе будет чрез стафету послан. Таперь с Божиею помощью надобно збираться. Ево С[иятельство] ви-

Писа

97

це-канплер многа в евом старался. Ты должен ево благодарить. Я не имею времени многа писать, еду обедать к етману — он сево дни имениник (а вчера позно приехала). Я не хатела севоднишнюю почту пропустить, чтоб не соаобщить тебе приятной стой ведомости. Божья милость, буди с тобой. К. Г.

Марта 18 дня»¹⁰.

Законченное послание следовало поскорее снести в здание почтамта на Миллионной улице. Если бы кто-либо из знакомых направлялся за границу — в Голландию, Англию, Францию или Испанию, адми-ральша не преминула бы попросить его заехать по пути в Гаагу и передать конверт сыну. Но оказии не предвиделось. Существовал

еще один дешевый вариант отправки писем. Однако он действовал лишь в пределах России. Ямщики за скромную плату (по указу 30 июня 1736 года дорога до Москвы и обратно у них стоила деньгу, то есть 1/4 копейки, за золотник веса) заодно с товарами и пассажирами развозили по стране тысячи писем. Правда, за их сохранность не несли никакой ответственности.

Именно оттого многие предпочитали иметь дело с государственной или, как называли ее в народе, немецкой почтой. Она стоила дороже: с купеческих и партикулярных писем по указу 17 декабря 1725 года брали до Москвы две, до Вологды — три, до Архангельска — четыре копейки за золотник веса; до Меме-ля выкладывали 27 копеек с золотника (указ 1 апреля 1727 года); от Москвы до Казани платили по четыре копейки, от Казани до Оренбурга — по копейке, а от Оренбурга до Кучумского фельдшанца — по две копейки за золотник веса (указ 22 января 1752 года); государственные бумаги преодолевали расстояния бесплатно¹¹. Кроме того, корреспонденцию регулярно перлюстрировали. Но надежность официальной почты оправдывала все недостатки. Так что работы подчиненным Ф. Аша всегда хватало. Почта развозилась двумя основными способами: ординарным, то есть одним курьером (ускоренная ординарная почта называлась экстраординарной), и на эстафете (соответственно, нарочной эстафете).

98

Письма в пакетах упаковывались в чемоданы, которые ставили на подводу. Посылки, обмотанные черной клеенкой или обшитые холстом, укладывали рядом, после чего почтальон, взяв подорожную и нужную сумму денег, отправлялся в дальний путь. Заграничная переписка перлюстрировалась выборочно и непременно с позволения императрицы. Причем выдача прочих писем задерживалась до окончания работы «черного кабинета». Ф. Аш часто уведомлял о том барона Черкасова: «Покорно доношу, что... заморская почта ради некоторыя секрет-ныя перлюстрации, сего дня разве в вечеру позд[н]а выдана будет... Марта 26 дня 1747 году». Это когда конверты привозили утром или днем. Вечернюю почту адресат мог получить лишь на другой день¹².

Княгиня Голицына любопытства отечественных и зарубежных перлюстраторов (между прочим, вторые отличались меньшей аккуратностью) не боялась. В следующий раз, 25 марта, она признается сыну, что «не токмо наша корреспонденция, но и мысли наши не имеют никакой тайны; хотя бы оные открыто посылались, все была равно»¹³.

Обождая, пока высохнут чернила, Татьяна Кирилловна спрятала исписанную бумагу в пакет и, запечатав, вывела на нем адрес. Затем вручила конверт посыльному. Если бы подвернулся вояжер, тогда матушка канцелярии советника поступила бы с письмом иначе. Прежде всего княгиня бы согнула лист на четверть сверху и на четверть снизу и соединила согнутые части, наложив одну, нижнюю посередине второй, верхней. Потом полученный продолговатый прямоугольник снова сложила бы с двух сторон (опять с одной больше, а с другой меньше) так, чтобы меньшая половинка накрыла большую. Под конец в месте соединения половинок, посередине, она капнула бы немного сургуча и надавила на него перстнем с печаткой¹⁴. А с обратной, чистой стороны нового, уже маленького прямоугольника начертала бы адрес: «Князю Александру Михайловичу Голицыну, в лаагу». Однако 18 марта 1755 года прибегать к данному способу не пришлось.

99

Засунув в карман пакет, слуга устремился в сторону Зимнего дворца, к трехэтажному дому на Миллионной улице, рядом с Зимней канавкой. Над входом в здание возвышался двуглавый орел с изображенными в круге на груди двумя скрещенными

почтовыми рожками. Там посыльный предъявил письмо и заплатил по весу необходимую сумму. Теперь оставалось в течение полутора-двух месяцев дожидаться ответа из Голландии.

В Санкт-Петербургском почтамте любой человек мог не только отослать или забрать свою корреспонденцию, но и неплохо отдохнуть в биллиардной покое почтового заведения: почитать свежий номер «Ведомостей», сыграть в биллиард, побеседовать с приятелем и опрокинуть рюмку-другую гданской или французской водки или заграничного виноградного вина. За рюмку французской петербуржцы платили 3 копейки. Рюмка гданской стоила дороже — 5 копеек. Торговал привезенными из-за моря по заказу почт-директора Аша водками и винами купор с помощниками.

Товар хранился в погребах, построенных на дворе со стороны Мойки. Тданскую водку в биллиардную комнату приносили в штофах, французскую — в бутылках. Велась также продажа на вынос: цена штофа гданской водки — 1 рубль 25 копеек, бутылки французской — 25 копеек. Надо заметить, что продажа спиртных напитков, особенно на вынос, на главных улицах столицы императорскими указами строго воспрещалась.

Но для почт-директора Санкт-Петербурга еще при Петре Великом сделали исключение. По причине большой дороговизны жизни в городе. Жалованья в 400 рублей с надбавкой в 100 рублей почт-директору Крауссу совершенно не хватало. Поэтому барон Петр Шафиров (глава российской почты) выхлопотал у императора для господина Краусса привилегию на розничную и оптовую торговлю заграничными водками и винами. В 1726 году это право по наследству перешло новому почт-директору —

100

Фридриху Ашу или Федору Юрьевичу, как называли его на русский манер. Однако не все в многочисленном бюрократическом аппарате империи помнили о царской милости. В результате у Федора Юрьевича дважды во времена правления дочери царя-реформатора возникали неприятности.

Первую претензию почт-директору предъявила Корчемная контора, надзиравшая за тем, чтобы запрет на торговлю водками и винами в «заповедных» местах не нарушался. 13 октября 1743 года по доносу солдата Ингерманландского пехотного полка Григория Лихутина солдаты, присланные от сей конторы на почтовый двор, взяли под стражу развешивавшую белье служанку купора Ивана Михайловича Цагеля. Затем расставили караулы у погребов и в главном здании. Ф. Аш обратился с жалобой к непосредственному начальнику — канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину. Тот, будучи по совместительству генерал-почт-директором, вступился за подчиненного. И хотя тяжба с Корчемной конторой затянулась, сохранившаяся в почтовом архиве объяснительная записка барона Шафирова помогла императрице принять законное решение в пользу главы столичной почты¹⁵.

Пять лет спустя на питейное заведение почтамта положила глаз Камер-контора. 8 октября 1748 года 20 солдат во главе с титулярным советником Алексеем Балком бесцеремонно ворвались в особняк на Миллионной улице и вновь, «ругав довольно господина почт-директора Аша, называя его шинкарем и протчими тому подобными бранными словами... запечатали» погреб с водкой и вином.

Мало того что команда Балка перекрыла все входы двойными караулами, чиновник с солдатами не постеснялся вломиться в кабинет, «к тайным императорскому генералному почтамту известным экспедициям» предопределенный. А за ними туда же нагрянули десятки людей, как из числа посетителей почтового двора, так и сбежавшихся на шум из соседних домов зевак. К великому ужасу почт-директор среди толпы заметил лакеев двух чужестранных

101

послов (в том числе австрийского), дворы которых размещались на той же Миллионной улице. Все эти люди вошли в комнату, где по столам в беспорядке лежали письма, шифры, инструменты для перлюстрации и разные другие бумаги секретного архива.

При таких обстоятельствах Аш «с возможнейшею скоростью и сколко... то в крайнем смущении сделать мог, оные писма и другие материалы все вместе и в одну кучу побросал». Пока Балк с несколькими солдатами в окружении посторонних лиц осматривал святая святых российской разведки, а остальные нижние чины обыскивали «исподние все каморы дома», почт-директор наскоро написал паническое послание кабинет-секретарю И. А. Черкасову:

«Милостивой государь Иван Антонович!

Сего момента пришед астраханского полку сержант Сава Соколов да Алексей Балк с многолюдством вооруженных солдат и с великим шумством в ымею-щейся на почтовом дворе билиар, незнаемо с какого виду объявляя, якобы для осмотра по силе данной ему инструкции продажных питей. На что ему хотя и объявлено было, что кроме заморских, на почтовом дворе волных продажей напитков не имеется, однако оной, не смотря на то, от того не отступает. Но, как видно, намерение их есть розграбить. К тому ж, и тот сержант взял смелость, приказал ломать двери, где имеется почтовым делам архива.

Милостивой государь прикажи меня от того на-силства оборонить. И для того, кого ни есть, ис кабинета прислать.

Вашего Превосходительства всепокорны слуга Фридерих Аш. Октября 8 дня 1748 году»¹⁶.

Когда команде Балка надоело торчать в секретном кабинете, ее внимание привлек шкаф с бутылками французского вина и водки. Естественно, их конфисковали.

«Частию ис того пили, частию ж с собою взять хотели*. Узнав об этом, Ф. Аш набрался смелости и категорически воспротивился желанию нежданных гостей, дабы они после не подлили в бутылки «неуказные напитки». «Яко же такие злости, как

102 слышно, в других местах и учинены». По счастью, почт-директора поддержали многие собравшиеся на скандал люди. Под всеобщим давлением Балка вынудили бутылки поставить обратно, а шкаф запечатать. Видя, как бесплатная выпивка уходит из рук, солдаты с досады «облаяли» хозяина дома самыми «ругател-нейшими, поносительными и бранными словами». Возможно, в отместку за сорванную провокацию командир отряда повелел караулу на улице никого не пропускать в здание, отгоняя всех штыками.

Но вскоре, наконец, пришло избавление от наглых инспекторов. Присланный из Сената секретарь дезавуировал действия господина Балка. Наложенную им печать снял. Впрочем, и продажу вин до окончания разбирательства тоже запретил.

А. П. Бестужев-Рюмин, узнав о самоуправстве некого «ассессора Балка», не на шутку разгневался. Больше всего канцлера разозлило, конечно, не повторное посягательство на привилегию столичного почтамта, а именно беспардонное поведение титулярного советника, «бывшего холопа бригадира Титова», в результате чего «императорской дом обруган, все писма в оном перешарены, секретнейшия экспедиции остановлены, в противность указов поступлено, прибитой на почтовом дворе герб поруганию ж отдан». По мнению графа, Балка и того, кто поручил ему столь деликатное дело, надлежало строго наказать. Описав 10 октября в письме В. И. Демидову скандал, свидетелями которого стали слуги и сотрудники двух иностранных посольств, канцлер настоятельно просил Василия Ивановича как можно быстрее лично или через Алексея Григорьевича Разумовского донести императрице об оскорблениях, нанесенных

государеву почтамту¹⁷.

Но, судя по всему, Елизавета Петровна пожелала ограничиться простым восстановлением статус-кво, ^{не} прибегая к суровым мерам в отношении перегнувших палку ребят из Камер-конторы. И напрасно. Канцлер, требуя покарать нерадивых чиновников, словно предчувствовал, что те, если их не одернуть, способны на более дерзкие подвиги.

103

23 марта 1752 года вскоре после полудня ворота во дворе дома, занимаемого шведским посланником Иоганном Августом Грейфенгеймом, неожиданно распахнулись, и около полусотни человек с примкнутыми к ружьям штыками ворвались на территорию, защищенную дипломатическим иммунитетом. Команда Корчемной конторы действовала быстро и решительно. Посольского дворника, который накануне в нарушение закона продал две бутылки полпива на сторону, обнаружили сразу и тут же арестовали. Однако вести в тюрьму виновного стражи порядка не торопились. То ли им захотелось покуражиться, то ли немного поугадать иностранцев. В общем, солдаты устроили в посольстве форменное безобразие: принялись бегать за показавшимися им подозрительными сотрудниками миссии, стараясь взять под караул кого-нибудь еще. Им удалось поймать метрдотеля и одного лакея Грейфенгейма, но оба в возникшей суматохе сумели улизнуть. Между тем самого посла отряд фактически изолировал от подчиненных, запретив тем что-либо сообщать патрону.

Кое-кто из шведов, владевших русским языком, пытался образумить военных и напомнить им, что они совершают «предерзостный поступок в доме чрезвычайного министра». В ответ раздавалась брань с угрозами отправить критиков в тюрьму. В какой-то момент внимание законников привлек некий швед — слуга секретаря посла, несший с реки на кухню ведро с водой. За ним тоже погнались. Хотя несчастный успел оторваться от преследователей, спрятаться на кухне и запереть дверь, это ему не помогло. Борцы с подпольными виноторговцами, штыками изрубив и взломав дверь, за шкуру вытащили из «поварни» беглеца, огрев его для острастки ружейными прикладами. Потом, опечатав один покой, расставив по двору часовых и связав сзади руки у дворника и слуги, они повели пленных через весь город в тюрьму. Вся шумная акция, посмотреть на которую сбежались десятки жителей соседних домов, заняла не более часа.

104

В начале второго часа дня в особняк на Береговой набережной подле Исаакиевской церкви пожаловал с визитом метрдотель господина Грейфенгейма, Немного волнуясь, он рассказал Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину о возмутительном нападении пятидесяти солдат на шведское посольство «под пре-текстом для выемки торгующаго будто его послан-никова дворника пивом в бутылки», об устроенном ими дебоше и задержании двух слуг посольской свиты. Канцлер, совершенно не осведомленный о случившемся, мог лишь выразить сожаление «о сем до-садительном и, конечно, от каких толко нижних служителей, произшедшем приключении» и заверить шведа, что «старание приложится все возможное тому поправление как наискорее зделать и надлежащую посланникову дому сатисфакцию дать, а между тем взятых его людей высвободить».

Императрицу обо всем известили незамедлительно. Реакцию ее предвидеть было нетрудно. На этот раз на снисходительность царицы руководству Корчемной конторы, зависимой от Камер-конторы структуры, рассчитывать не стоило. Дежурный генерал-адъютант Петр Иванович Шувалов распорядился срочно вызвать управляющего конторой подполковника Познякова в Зимний дворец. Там штаб-офицера допросили,

затем арестовали и отдали под суд. Ближе к вечеру секретарь Коллегии иностранных дел Дмитрий Васильевич Волков привез Грейфенгейму официальные извинения за разразившийся по недомыслию Познякова скандал. Посланник принял Волкова благосклонно, заметив, что узнай он о проступке дворника «пристойным образом», «тот час с двора збил» бы преступника.

От Грейфенгейма секретарь отправился к Н. Ю. Трубецкому, чтобы от имени канцлера попросить генерал-прокурора поторопить Камер-контору с освобождением арестантов и сведением с двора посланника караула. Явившийся в тот же день затемно к шведам незнакомец без лишнего шума снял печать с комнаты дворника и забрал с собой поставленных Днем часовых.

105

Утром 24 марта около часа пополудни Грейфенгейма по желанию императрицы, переданному через М. Л. Воронцова, навестил церемониймейстер. А. В. Алсуфьев уведомил посланника о ходе расследования причин происшествия и выслушал его претензии. Потом по приказу канцлера в восьмом часу вечера Адам Васильевич поехал ко всем чужестранным министрам и сообщил им «прямое состояние дела», а также о своем визите к шведскому посланнику. Начал с цесарца господина Бретлаха, уже успевшего на приватной аудиенции у Бестужева поинтересоваться русской версией чрезвычайного события.

Финал этой истории — вполне благополучный, во многом благодаря расторопности канцлера и российского посланника в Швеции Н. И. Панина. Суд над Позняковым и секретарем конторы продолжался чуть более месяца и завершился разжалованием подполковника на полгода в солдаты. Его помощника «за неосмотрительность» на те же шесть месяцев перевели в копиисты. Однако опала продлилась несколько недель. Еще ночью 25 марта канцлер, исполняя волю императрицы, отправил в Стокгольм курьера с высочайшим рескриптом. Панину предписывалось первым известить премьер-министра Гепкена и короля о случившемся недоразумении, сожалениях Ее Величества и мерах, призванных исправить ситуацию (ради чего посланца Грейфенгейма задержали в Петербурге на пару суток). Никита Иванович с заданием справился и успокоил шведов, которые в знак признательности обязали Грейфенгейма «заступление сделать» за тех, кого подвергли «по тому делу какому штрафу». Россияне к ходатайству отнеслись положительно, и 26 мая 1752 года Алексей Петрович доложил отъезжавшему на родину посланнику, что государыня изволила возратить осужденным чины¹⁸.

106

Глава 5

На аудиенции посла

/1755 апрель

Нева тронулась с 3 на 4 число. О.И. Шел великой снег.

08. Шел великой снег.

09. Шел великой снег.

12. После обеда в С-Петербург приехал посол турецкий в Невский дам, что царюком для него был сделан, а

13. переезжал на барже на Васильевский остров, а в каретах из Невского ехали с ним 8 человек в каретах

и Ю.О. верхом. 25- Стояли у дворца полки кое где. Турецкий посланник ужинал во дворце. 29- Была проба оперы.

7 апреля 1755 года в семь часов пополудни в коллегия с почтамта принесли рапорт капитана лейб-гвардии Измайловского полка Михаила Петровича Тютчева от 5-го числа с вестью о сильном ледоходе на реке Мете, из-за чего переправу турецкого посланника с обозом на противоположный берег пришлось отложить на день.

Бестужев с Воронцовым прочитали депешу в тот же вечер, а утром 8 апреля написали приставу посла Магомеда-Эфенди ответ: «...понеже потребно в разсуждении приближающагося праздника светлого Христова Воскресения прибытием сюда помянутого посланника ускорить, того ради надлежит вам по получении сего приездом одного сюда... в пути поспешать, дабы оной посланник на будущей недели публичной свой въезд иметь мог. А между тем, по прибытии к здешнему городу имеете вы с оным посланником прямо следовать к Невскому монастырю на подхожей стан, где для того нарочно палаты уже приготовлены». Послание вручили курьеру, который сразу же помчался на ямщицких подводах по московскому тракту к Новгороду. На дороге за городом ни ямщик, ни пассажир, скорее всего, не обратили внимания на пролетевшую мимо них к Петербургу кибитку с унтер-офицером — сержантом-

107

измайловцем Николаем Стечкиным. Вечером 8-го числа гвардеец привез в коллегия очередную рапорт Тютчева: уменьшение льда на реке к ночи позволило быстро форсировать Мету и утром 6 апреля попасть в Новгород¹.

Встречать тефтердаря (государственного казначея второго ранга) российская столица собиралась по самому высокому разряду В кратчайшие сроки выбрали и отремонтировали квартиру для почетного гостя, выделили смету на него, починили прилегающие к посольскому дому дороги и мосты, закупили необходимые вещи и продукты, разработали по примеру прошлых визитов церемониал пребывания султанского дипломата при российском Дворе. Оставалось еще согласовать с Ее Величеством окончательную редакцию всех статей церемониала и, внося мелкие поправки, назначить лиц, которым предстояло в день публичной аудиенции шествовать рядом с посланником по Летнему дворцу от крыльца до аудиенц-зала и читать перевод его речи на русском языке. Алексей Петрович хотел рекомендовать императрице определить в спутники тефтердаря Василия Евдокимовича Адодурова, а оглашение текста доверить Ивану Осиповичу Пуговишникову. Но, кажется, у Михаила Ларионовича Воронцова были иные кандидаты на обе должности.

Еще днем 8 апреля, примерно в два часа, вице-канцлер попросил, чтобы обер-секретарь Андрей Ни-кифорович Суровцев срочно узнал и уведомил его, каким образом на аудиенции в Константинополе Ивану Андреевичу Щербатову перевели речь султана: сразу по-русски или сначала турецкий толмач пересказал все нашему по-итальянски. Пока клерки листали архивные подшивки, граф уехал в Зимний дворец. Судя по всему, туда в седьмом часу вечера отправили и справку. Между тем Алексей Петрович, по-видимому, ни до, ни после обеда из дома никуда не отлучался и принимал зачастивших визитеров у себя в апартаментах. Какие-то вопросы решал сам, какие-то адресовал на имя Суровцева, отсылая в коллегия на Васильевский остров собственноручные записочки.

108

Стрелки на стенных часах отсчитывали восьмой час пополудни, когда слуга доложил канцлеру о приезде Михаила Ларионовича. Беседа продолжалась недолго. Воронцов сообщил хозяину особняка о своем разговоре с императрицей, закончившемся тремя высочайшими повелениями, касавшимися деталей грядущей публичной аудиенции турецкого посланника. Государыня распорядилась, во-первых, «дамам быть на правой стороне трона»; во-вторых, тефтердаря на крыльце «встречать статскому советнику Хризоскулееву»; и, в-третьих, перевод речи Магомеда-Эфенди на русском языке читать генерал-майору Дивову².

Вице-канцлер, исполнив служебный долг, простился с Бестужевым и спустился по лестнице к стоявшей на улице карете. А глава внешнеполитического ведомства

России, столкнувшись с неприятным сюрпризом, крепко призадумался. Императрица вновь, не посоветовавшись с ним, одобрила инициативы Воронцова. И хотя они затрагивали малозначимые вопросы, Алексея Петровича тревожила сама тенденция. Муж двоюродной сестры Елизаветы с помощью Шуваловых явно надеялся выдвинуться на первый план и фактически отстранить канцлера от реальных дел, а до сих пор благоволившая к старому соратнику и другу государыня, кажется, не желала этому препятствовать. Однако посевший царедворец не намеревался капитулировать. Он готов был дать бой Воронцову даже по мелочам, лишь бы продемонстрировать заместителю и подчиненным, насколько высок его кредит у дочери Петра Великого...

Путешествие турецкого сановника в Петербург стало одним из следствий восшествия на престол султана Османа III. Утром 2 декабря 1754 года простуженный и больной астмой прежний глава империи Махмуд I, несмотря на слабость, посетил мечеть. По окончании службы монарх вернулся во дворец, где почувствовал себя совсем плохо и около полудня скончался. Через три с половиной часа с башен Сера-

109

ля пушечные орудия оповестили народ о воцарении брата покойного повелителя. Новый султан, стремившийся быстрее сообщить европейским соседям о смене властителя в Стамбуле и миролюбии преемника Махмуда, снарядил три посольства — в Россию, Польшу и Австрию, послав по наиболее длинному маршруту — к берегам Невы — тефтердаря Магомеда-Эфенди.

20 февраля 1755 года османское посольство в составе посланника, кега (дворецкого), имама (священника), муерзина (секретаря), векиль харча (казначея), восьми ендерун агалеров (офицеров охраны), баш-чехадаря (камер-лакея), пятнадцати чеха-дарей (лакеев), трех ащи (поваров) и одного сака (водовоза) пересекло российскую границу возле Ва-сильковского форпоста. Здесь турецкие подданные задержались на двенадцать дней. Как ни уверял Магомед-Эфенди русских пограничников и секунд-майора Ефремова, что он со всеми своими людьми совершенно здоров, исключений из правила ни для кого не сделали: до 2 марта важные гости с юга протомились в карантине под присмотром местного доктора Ломана и лекаря киевского гарнизона Ивана Ремза³.

А в Петербурге за организацию торжественной встречи представителя Порты взялись в конце января, по получении донесения А. М. Обрескова от 24 декабря об отъезде тефтердаря из Стамбула. 26 января 1755 года секретарь Д. Волков огласил по коллегии приказ: «Его Сиятельство желает ведать, каким образом прежние посланники турецкие в пути препровождаемы, трактованы и с какою церемониею при-ниманы были. Также и о презентях. И нет ли здесь описания церемониалов или же пристойных к тому выписок? И буде что из того есть, то б для известия к Его Сиятельству прислано было...-> Спустя сутки справка, выполненная советником Томановским в двух экземплярах, легла на столы Бестужева и Воронцова. В ней содержалась вся необходимая информация о том, как турецкого посланника Сайд-Эфенди встречали на границе, сопровождали до Москвы и прини-

110

мали в Первопрестольной в 1731 году (кстати, в московскую контору аналогичный запрос ушел заблаговременно, еще 12 января). Когда через пару дней Алексей Петрович услышал от Василия Михайловича Бакунина о существовании где-то в Секретной экспедиции церемониала петербургских аудиенций турецкого посла в 1723 году, от обосновавшихся в доме Мельгунова сотрудников немедленно потребовали сделать соответствующие выписки.

Между тем архитектор Александр Вист, прикомандированный Сенатом к коллегии,

прошелся по двору Сенявина в 1-й линии Васильевского острова, оглядел все покои и признал дом, переживший плановый ремонт, вполне годным к размещению в нем турецкого посланника. Напротив, прилегающие к особняку мостовая на набережной Невы и мосты через каналы нуждались в подновлении. Но возникли опасения, что на всех слуг и чиновных людей почтенного гостя помещений во дворце Сенявина не хватит. Поэтому 3 февраля И. Д. Шумахеру предписали в три дня освободить от постояльцев и академического инвентаря соседний дворец цесарского посла Вратиславского, построенный когда-то князем Долгоруковым на берегу Невы, на ограниченном 3-й и 4-й линиями участке. Опустевшему зданию господин Вист также произвел оценку. В результате канцлеру было предложено отвести под посольство один просторный дом Долгорукова, а сенявинский оставить в покое. Бестужев к мнению специалиста прислушался, после чего в княжеском дворе закипела работа. За два месяца бригады поденщиков соорудили два больших бревенчатых крыльца; в деревянной кухне сделали очаг; заново настелили во всех комнатах дощатые полы; исправили и украсили балясинами лестницу, ведущую из второго («среднего») этажа в мезонин; обтянули холстом потолки и стены в покоях; поменяли петли, замки, засовы и разбитые стекла на дверях; починили печи и трубы; почистили нужники и вымыли окна «с лица»; над главным крыльцом прицепили два новеньких фонаря и еще три — в сенях⁴.

111

По завершении ремонта занялись убранством палат. Плотники сколотили по турецкому обыкновению из досок полки, которые обложили войлоком и покрыли красным сукном. Для двух полок в первой и второй комнатах посланника сделали два матраца из алого сукна и шесть подушек из пунцового бархата с позументом. Стены в покоях Магомед-Эфенди обили красной камкой, четыре окна зашторили зелеными занавесами, и там же поставили софу. На восемь окон четырех комнат чиновников тефтердаря, очевидно, повесили желтые занавесы — под цвет бумажных обоев. Кроме того, палаты главы посольства украсили две пары стенных зеркал длиной в аршин в золоченых рамах и две пары больших медных стенных шандалов. Здесь же нашли себе место три гарнитура — стол с двенадцатью стульями, созданными на английский манер из американского красного дерева, и две дюжины березовых да дубовых стульев «российского дела» с кожаными подушками, набитыми конским волосом. В кухню втащили два огромных сосновых чана и две дубовые бочки под хранение и перевозку воды, чугунный котел, железную жаровню (и то и другое «для просушивания угольями палат»). В переднюю перед комнатами тефтердаря, в кабинет приставы и в караулку внесли по столу. Закупили пуд сальных и фунт восковых свечей, десятки возов сырых и сто сажень сухих полен-ных дров, девяносто кулей угля. А накануне приезда посланника дважды вымыли полы и прокурили табачным порошком весь дом, «чтоб не было от сырости противнаго запаху».

Пока одни рабочие приводили в порядок дом Долгорукова, другие чинили прилегающие к нему мосты, дорогу, третьи убрали мусор на улице, четвертые стучали топорами на берегу Невы, возводя пристань, к которой должны были причаливать шлюпка и прогулочная яхта посланника. Не всё успели закончить в назначенный срок. И не только по объективным причинам. Когда 28 марта канцелярист Иван Петров от имени коллегии попросил у А. Д. Татищева каторжников «для счищения... сору и грязи-> во дворе

112

Долгорукова, генерал-полицмейстер ответил, что «каторжников ныне здесь находитца токмо семьдесят человек, и оные все в работе, от которой их отлучить никак невозможно». Что делать, наняли вольных. 3 апреля преодолевали другое препятствие.

За два-три дня до того три плотника, вместе с прочими строившие пристань, по какой-то надобности направились по тонкому льду на Адмиралтейскую часть. На возвратном пути их поймали солдаты и отослали на съезжую Васильевского острова. Пришлось вызывать бедолаг. Так, сталкиваясь то с одной, то с другой преградой, успели отремонтировать мосты, избавиться от нечистот. Пристань доделали к 25 апреля, а мостовую на набережной, Большой пре-шпективе, 3-й и 4-й линиях — намного позже⁵. Возникли проблемы и с дорожным покрытием перед крыльцом дома, где прежде заседала канцелярия Александро-Невского монастыря. Если дворец Долгорукова являлся основной резиденцией турецкого посланника, то в «подхожем стане* у Невской обители Магомед-Эфенди предстояло прожить день-два в ожидании торжественного въезда в столицу. Тут тоже в палатах соорудили полки с войлоком, покрытые красным сукном (одну для посланника и три для чиновных лиц), сгрузили в амбары и сараи тридцать саженой сухих дров, пятьдесят кулей угля и провиант на пару суток, истратив на него по примеру 1731 года ровно сто двадцать рублей. За провизией на рынок послали переводчика Александра Алексеевича Турчанинова.

Доехав на извозчике до купеческих лавок, обойдя всех «сидельцев» и поторговавшись с ними, он купил по списку пуд кофе за десять рублей, два пуда канар-ского сахару за шестнадцать рублей, фунт чаю «жю-лану» (то есть зеленого) за два рубля, пуд чернослива по три копейки за фунт, двадцать фунтов изюма (по 8 копеек за фунт), двадцать фунтов коринки (по 11 копеек), десять фунтов миндальных орехов (по 20 копеек), два пуда сорочинского пшена, то есть риса (по 1 рублю 70 копеек за пуд), тридцать золотников гвоздики (по 5 копеек за золотник), по тридцать зо-

113

лотников корицы, кардамону, мускатных цветов и орехов (все по 4 копейки за золотник), по три фунта имбиря и перцу (по 20 и 35 копеек за фунт соответственно), пуд меду за три рубля, пятнадцать живых баранов (по 1 рублю 90 копеек), десять молодых барашков (по рублю), четыре индейки (по рублю), сорок кур (по 23 копейки), два пуда коровьего масла за четыре рубля, два пуда крупитчатой муки за 1 рубль 80 копеек, двести яиц за два рубля, полсотни кочней капусты за полтора рубля, сельдерей на рубль, по четверти анкерка лимонного сока (3 рубля) и рейнского уксусу (полтора рубля), три банки растительного масла (по 60 копеек за банку), двадцать батонов и сорок булок французского хлеба (по четыре и одной копейке). Перелитый в бочонки сок и уксус, а также уложенные в кули припасы Турчанинов погрузил на подводы. Живых баранов, барашков, русских и индейских кур перевезли отдельно. По приезде к монастырю переводчик заплатил извозчикам за труды около рубля⁶.

К 9 апреля Публичная экспедиция практически завершила обустройство квартир для приближающегося к Петербургу посольства. Казалось, можно чуть расслабиться и слегка отдохнуть. АН нет. Не дремавшие Франц Матвеевич Санти и Адам Васильевич Алсуфьев не позволили перевести дух актуарису Константину Юрьеву, управлявшему «подхожим станом», и надворному советнику Василию Бакунину, отвечавшему за общее состояние двух дворов. Из полученной 10 апреля записки Василий Михайлович узнал, что «господин церемониймейстер, будучи на сих днях в приготовленном для турецкаго посланника у Невскаго монастыря подъезжем доме, нашел, что в том доме никакого караулу не находится. Также супротив крыльца дорога неисправна. А как он, посланник, со дни на день ожидается сюда, то публичная экспедиция о присылке означеннаго караула, также и о поправлении дороги сообразованно писать, куда надлежит. Равно ж, чтоб и на Васильевском острове при его въезде в определенную для него квартиру из полевых полков 40 человек салдат с обер и ун-

114

тер офицерами и с одним барабанщиком на караул поставлены были, которым

салдатам при приезде посланника на двор отдать честь на караул».

Надворный советник немедленно поднял на ноги актуариса, отослав десять рублей на ремонт дороги. Тот в третьем часу дня 10 апреля переговорил с архитектором канцелярии от строений Росси. Вечером Бакунин известил обер-церемониймейстера Санти: четыре солдата в «невском доме» давно уже «обретаются»; сего утра к ним присоединились еще двое, чтобы «на часах стоять по два человека с переменою»; неровность дороги возле крыльца обнаружилась лишь сейчас, после того, как растаял снег, и господину Росси о том сообщено. В дом на Васильевском острове караул в составе прапорщика, сержанта, каптенармуса, двух капралов, двадцати гренадеров и двадцати мушкетеров сего числа на караул вступил. «А барабанщика от военной коллегии требовать за благо не разсуждено», о чем господин Алсуфьев знает. Церемониймейстеры на письмо Бакунина отреагировали молниеносно. Нет, не качество дороги их взволновало, а отсутствие в доме Долгорукова барабанщика: «Нынешний церемониал, которой Ея Императорское Величество уже подтверждать изволила, постановлен по примеру бывшего в Москве в 1731-м году турецким посланником Саид-Эфендия, о чем обстоятельные записки сообщены из коллегии. И в тех записках имянно написано, что в квартире его поставлен был караул — обер-офицер с 40 человеками солдат и с барабанщиком». Уже поздней ночью с 10 на 11 апреля Василий Михайлович, не мешкая, сочинил и отправил запрос в Военную коллегию.

Соседи по растянувшемуся вдоль ручья в глубину Васильевского острова зданию удовлетворили просьбу только утром 13-го числа. Из-за ледохода на Неве господа члены Военной коллегии Степан Федорович Апраксин, Петр Спиридонович Сумароков, Федор Васильевич Мещерский и Василий Иванович Суворов с 1 апреля не заседали в присутствии. Поэтому секретарю Антону Варопанову выпало лично

115
объезжать дома сановников, представлять доклад, фиксировать мнение каждого, сочинять проект постановления и собирать под текстом автографы. На все про все понадобилось более суток. В назначенный срок барабанщик появился в доме Долгорукова⁷.

Церемонию въезда посланника в город назначили на одиннадцать часов пополудни. Именно в это время 13 апреля 1755 года кортеж, возглавляемый А. В. Алсуфьевым, двинулся от Аничкова моста по Невской перспективе в сторону Александре-Невского монастыря. Там прибытия церемониймейстера ожидал, изрядно нервничая, пристав посланника Михаил Петрович Тютчев. Хотя капитан вроде бы вчера предотвратил назревавший скандал, все же твердо гарантировать то, что Магомед-Эфенди не заупрямится в последний момент, он не мог.

На пост дорожного пристава тефтердаря Бестужев и Воронцов предложили Елизавете Петровне четыре кандидатуры — капитана Преображенского полка Михелсона, капитанов Семеновского полка Алсуфьева и Волкова, капитана Измайловского полка Тютчева. 27 января императрица выбрала измайловца. Ему быстро оформили паспорт, определили в команду четырех однополчан — сержантов Петра Гринева и Николая Стечкина, гренадеров Сергея Лукьянова и Федора Акулова. Получив на руки две тысячи рублей, капитан с нижними чинами 6 февраля покинул столицу, 10-го числа сделал короткую остановку в Москве и 19 февраля достиг Киева. Познакомился пристав с посланником 2 марта, когда Магомед-Эфенди под троекратную пушечную пальбу из семи орудий, продефилировав по Каманикаци-альной линии и Крещатику, въехал в отведенную ему квартиру в доме киевского войта Павла Воинича. В рапортах Тютчев охарактеризовал посланника человеком «изрядным с турецкою, обыкновенною спесью... весьма молчаливым... скупым... лет... шестидесяти». В Киеве

состоялись первая встреча, первый разговор при посредничестве переводчиков и первый конфликт: тефтердарь воспротивился нанести

116

ответный визит вице-губернатору Ивану Ивановичу Костюрину 3 марта. Тютчев не без труда сумел убедить турецкого подданного соблюсти принятый во всех европейских странах, а потому не оскорбительный для чести султана этикет. В итоге обе встречи прошли вполне нормально, и в девять часов утра 4 марта посольство Порты в сопровождении команды киевского гарнизона, шести гвардейцев и двух толмачей отправилось в дальнейший путь.

Дорогу от Киева до Москвы осилили в две недели. Повсюду в городах Украины и западной России местные власти оказывали посланнику теплый прием. Но тот сначала считал зазорным усаживать рядом с собой и угощать чашкой кофе малороссийских полковников и русских воевод. Ситуацию исправила одна просветительская беседа с капитаном. Однако 19 марта в Лопасне посланник вновь заикался, не пожелав унижать себя поездкой к московскому губернатору князю Сергею Алексеевичу Голицыну. Опять помогло красноречие любезного пристава.

Хотя карета, купленная у генерала Костюрина за сто рублей, быстро преодолевала расстояния между населенными пунктами, и Тютчев не составлял теф-тердарю компанию в экипаже, тем не менее оба, несмотря на усталость, с удовольствием общались друг с другом по вечерам в часы ночных привалов. 6 марта в Нежине речь зашла о русском флоте и войне со Швецией. 7 марта в Батурине Магомед-Эфенди поведал спутнику о своем прошлом и о церемонии вступления на престол нового султана. 10 марта в Севске турок посетовал на трудность своей миссии, слишком тягостной для его преклонного возраста. Затем похвастался перед капитаном, что послов султан направил только в Австрию, Россию и Польшу, а Франция, Англия, Швеция и Голландия о воцарении Османа III известились через своих резидентов в Константинополе. 15 марта в Туле, остановившись в доме Демидова, поговорили о промышленности и, естественно, о прославленной семье, владевшей сетью металлургических заводов, а сутки спустя там же после визита воеводы обсудили вопросы внешней полити-

117

ки. Посланник осуждал французов, хвалил англичан, «верных в своем слове и добрых друзей», оправдывался за развязанную турками в 1735 году войну с Россией, виня во всем крымских татар.

Москва, в которой пробыли с 20 по 22 марта, понравилась Магомед-Эфенди. Он выразил желание на обратном пути подольше погостить в ней и осмотреть все достопримечательности. 23 марта в Клину тефтердарь много разглагольствовал о науке, назвал себя ученым человеком и просил познакомить в Петербурге с российскими академиками. Впрочем, Тютчев, слушая компаньона, едва сдерживал смех. Сентенции турецкого ученого, по словам офицера, походили на то, «как у нас в деревнях по скаскам старухи врут». 26 марта переправились через Волгу в Твери. Посланник здорово оробел и велел посадить себя «в сани на одной лошади», а пристава по некрепкому льду ехать впереди.

29 марта в Вышнем Волочке осмотрели сердюков-ский канал возле путевого дворца, «сделанной для ко-муникации из Тверцы во Мету для проходу судов с хлебом». Потом каждый рассказал о достижениях отечественного коневодства и о публичном выезде своего государя. Тютчев очень удивился тому, что лицо султана скрывают от людей. А узнав, что сим обычаем подданных хотят отвлечь от сравнений султана с себе подобными, капитан с гордостью поведал о доступности императрицы, поглядеть на которую сбегается весь народ и, «смотря, радуется, как малыя дети на мать свою». И

еще рассказал об отце Елизаветы Петровны, Петре Великом, любившем запросто общаться со всеми и гулять практически без охраны по Петербургу.

3 апреля в одной из деревень Магомед-Эфенди обратил внимание Тютчева на местный родник и неухоженность ключевых источников в России: почему их не обустроят так же, как в Турции? Пристав лишь пожал плечами: в том нет нужды — рек с чистой водой много, а где их нет, строят деревянные колодцы. 8 апреля в Чудове посланник полубопытствовал, каким образом пройдет аудиенция у царицы.

118

Точно ответить на этот вопрос Михаил Петрович не смог, ибо не видел приемов персидских и турецких послов. Взамен рассказал об аудиенции европейскому министру⁸.

Наконец, 10 апреля путешественники добрались до Тосницкого яма. Сюда вечером прискакал Николай Стечкин с предписанием, что делать по приезде в дом близ Александре-Невского монастыря. Магомед-Эфенди спросил о содержании бумаги и, услышав об остановке на подворье вне города, откуда капитан должен явиться в министерство для дальнейших распоряжений, весьма огорчился. Как ни успокаивал пристав посланника, что «ето зделано в честь вашу и по обычаю всегдашнему», тот потребовал, чтобы Тютчев при встрече уговорил министров позволить посольству переехать на постоянную квартиру, если не тогда же, то непременно на следующий день. Офицер пообещал исполнить просьбу. 11 апреля в Ижоре тефтердарь еще раз завел об этом речь, пригрозив сильным недовольством, если задержится в Невском доме больше суток.

В десять минут первого часа ночи 12 апреля, опередив посланника, в Невский дом прибыли дворецкий, казначей и два повара вместе с переводчиком Константином Абазой, сержантом и тремя солдатами. Кегай и Юрьев занялись осмотром комнат. Казначей попросил нанять двух работников в кухню, одного — в кофейную и пару — для посылок. Повара, обосновавшиеся на кухне, ранним утром послали русского слугу покупать двадцать калачей, лук, чеснок и три кувшина молока. Ближе к полудню во дворе появился Михаил Петрович Тютчев. Капитан осмотрел главный дом, принял от Турчанинова провизию и переговорил с Юрьевым о более мелких деталях быта посольства и конвойной команды, которую надлежало разместить в двадцати дворах примыкающей к монастырю слободы. Вскоре у крыльца остановилась карета посланника. Пристав встретил Магомед-Эфенди в сенях, проводил старика в его палату, выпил с ним чашку кофе и, откланявшись, поспешил в город на доклад к канцлеру.

119

Приняв Тютчева, Алексей Петрович Бестужев выслушал как формальное донесение о приезде тефтер-даря, так и «ультиматум» посла. Затем поручил поздравить Магомед-Эфенди от своего имени со счастливым прибытием и, прежде чем возвращаться к монастырю, заглянуть к вице-канцлеру. А посланнику наказал объявить, что «хотя и положено было пробыть ему несколько дней, однако во удовольствие его проз-бы, доложась Ея Императорскаго Величества, завтрашней день публичной въезд быть имеет», который состоится по особо сочиненному церемониалу. Копию с церемониала канцлер передал Тютчеву. За остаток дня капитану следовало подготовить старика к ожидающей его 13 апреля торжественной процессии, объяснить «всю учрежденную церемонию чрез переводчика» и добиться одобрения по всем пунктам.

Посетив Воронцова, Михаил Петрович вернулся на «подхожей стан». Магомед-Эфенди с нетерпением ожидал пристава и, без особого энтузиазма приняв поздравление Его Сиятельства, приготовился узнать главное. Тютчев, выдержав паузу, огласил при посредничестве переводчика решение: «По прозбе [вашей],

представленной через меня, о въезде завтрашней день [господин канцлер] приказал обнадежить».

Посланник искренне обрадовался и от всего сердца поблагодарил капитана, канцлера и вице-канцлера, после чего угостил офицера кофе. Выпив кофе, гвардеец вытащил из кармана сложенный лист бумаги, попросил без особой нужды не перечить и предупредил, что церемониал есть «учреждение в честь обеих империй не новое, а выписанное из журналов государственной Коллегии иностранных дел и точное то, как бывшей в 1731-м году посланник Сайд-Эфенди принимай был в равном с вами будучи чине». Затем капитан стал читать, а Николай Буиди переводить: «Церемониал к проведению турецкого посланника из загородного в Невском монастыре стана в определенную ему на Васильевском острове квартиру...»

Пока Тютчев перечислял первые семь пунктов, старик согласно кивал головой. Он не возражал про-

120

тив роты Конной гвардии во главе с капитаном, кареты Ее Императорского Величества, лошадей с царской конюшни и министерских карет для свиты посланника, общего сбора на площади возле Аничковых ворот и следования оттуда кортежа с церемониймейстером к Александре-Невскому монастырю. Наконец офицер зачитал восьмой пункт: «Как подъезжать станет церемониймейстер [к] крыльцу, то б ево чиновныя турки сошли с крыльца к карете, а сам бы вышел на крыльцо и, дав правою ему руку, пошли вместе до той палаты, где сесть надлежит, и, показав ему, церемониймейстеру, место, посадить на правой руке у себя и всю свою церемонию исполнить. И по окончании оной церемониймейстер объявит, что время ехать и пойдут в карету, и даст в ней место посланнику на правой руке. Также и в шлюбке. И провожен будет им церемониймейстером в дом ево. И там оставит ево».

Михаил Петрович не сразу заметил, что посол сильно изменился в лице. Толмач едва успел закончить перевод, как Магомед-Эфенди с возмущением воскликнул на родном языке:

— Этому быть невозможно! Да и чтоб это было прежде, не верю. Да и закону магометанскому противно. Да ежели бы [я] это сделал, то б получил по возвращении казнь потерянной своей головы.

Буиди перевел. Тютчев понял, что дело весьма серьезное, и простыми уговорами переубедить старика не удастся. Тем не менее капитан попробовал успокоить посланника:

— Я удивляюсь, зная Ваше благоразумие, видя Вас в таком состоянии, да и такие слова неприличные разуму выговоренные, что не верите, что прежде так было, и закон магометанский примешивая. А этот церемониал — верной, и подписан канцлером и вице-канцлером. И Ее Императорское Величество опробовать соблаговолила, смотря равенство обеих империй. И преимущества своим усилием получить совершенно не можете. Поверьте мне. Хотя бы потому, что во всю дорогу ничего не заметили от меня несправедного. Ни одна черта переменена быть не

121

может, где апробация всемилостивейшей государыни императрицы сделана. Она свята и ненарушимо сохранитца от министров. А что до закону принадлежит, то имеете по нем[у] следовать в своем отечестве. А здесь помнить надлежит свой характер и следовать воле своего государя, держась того, что и прежние делали, не думая о преимуществе нимало.

Однако слова пристава не произвели должного впечатления на тефтердаря:

— Ежели и было так, то куплены были прежние чрез деньги. А меня разве сильно поведете. Вас много, а со мною малая свита, то и принудите.

Пристав, с трудом сдерживая негодование от прозвучавших несправедливых обвинений, ответил:

— Вы — в забытье, и говорите не делно. Российская империя ничего такого не покупает, да и нужды не имеет, будучи в такой славе. Я по снисхождению моему к Вам даю время опомнитца, и подумать, не ездя к нашим министрам.

Тютчев вышел из комнаты. Побродил полчаса — час либо в соседнем покое, либо во дворе на свежем воздухе. Отдышавшись, вернулся к посланнику. Тот, похоже, немного успокоился. Тогда капитан постарался дожать партнера, убеждая в том, что «неприми-нуемо должен он сделать все то, что... прочтено, и что эту честь он делает не персоне церемониймейстера, а присланному от Ея Императорского Величества, с такую великолепную церемонию, для государя ево равенство соблюдая*». Но посланник продолжал запыраться и отказываться. Тютчев еще раз оставил упрямца наедине. После пяти часов пререканий на третий раз Магомед-Эфенди «зачел соглашатца в первую выти [комнату] перед тою, где сидеть будет», чтобы потом «сесть обеим на стулах» или посланнику на софе, а церемониймейстеру у софы на правой стороне на стуле.

Капитан не удержался от упрека:

— Я стыжусь, видя, что Вы думаете торговатца, как купец при продаже товаров. Я уже сказал не единожды, что не может переменено быть, где апробация Ее Императорского Величества сделана. И если бы вы

122

имели за руками своих министров данный Вам церемониал с примеру прежде бывших здесь посланников, то б я еще смелость принял по снисхождению к Вам взяв его показать канцлеру и слова Ваши пересказать.

Тефтердарь внезапно прервал гвардии офицера:

— Что тебе нужды знать, какое мне дано наставление?

— Весма [есть] нужда. Ведь о том дело идет!

Магомед-Эфенди вдруг поднялся с софы и несколько раз прошелся из комнаты в сени и обратно. Пристав подождал немного, а затем не вытерпел и спросил:

— [Вы окончательно] сказали нет?

Голос капитана вывел посланника из задумчивости, и он что-то произнес. Когда Буиди перевел фразу, Тютчев вздохнул с облегчением, ибо Магомед-Эфенди воскликнул: «Ну так и быть, хоть со мною что ни будет, приступают После короткого отдыха измай-ловец уже официально спросил согласия посланника на восьмой пункт и, получив одобрение, вежливо отпросился для доклада к канцлеру. На дворе уже давно стемнело⁹.

Государственный казначей 2-го ранга Дервиш Магомед Шик Сани умел держать слово. Днем 13 апреля он встретил Адама Васильевича Алсуфьева на крыльце Невского дома, подал правую руку и провел в свою палату, посадил по правую руку от себя, угостил кофе, щербетом и вместе с ним, а также толмачом Николаем Буиди в императорской карете доехал по Невской прешпективе до пристани, откуда на двенадцати весельной барже переплыл на Васильевский остров к дому Долгорукова¹⁰.

Дня за два или три до приезда в Петербург турецкого посланника императрица ознакомилась с запиской Бестужева, осторожно критиковавшего решения, принятые по высочайшей воле 8 апреля. Раздражение Елизаветы росло по мере прочтения документа. Она сразу догадалась, что Алексей Петрович воз-

123

ражал не по делу, а из ревности к Воронцову. Очень уж слабые аргументы выдвигал тот в защиту своей позиции: «...Все сии монарший повелении канцлер с рабским

повиновением исполнять будет. Однако ж не меньше и в должности себя находит Ея Императорскому Величеству всенижайше представить, что касательно первого о дамах пункта, то сверх того, что оное церемонийместерами с примеров других дворов так положено...*

Сей пассаж очень не понравился царице. Она пожелала оставить замечание на полях: «Других примеров я не все принимаю», и затем вернулась к тексту Бестужева: «...канцлер и сам разсуждал, что в сем публичном случае Ея Императорское Величество была бы не дамою или принцессою, но монархом всероссийским. Так что следующие дамы, проводя токмо в церемонии до трона не токмо первое, но и едва ли какое-либо место при том иметь могут. Толь паче, что стол, на которой султанская грамота положится, и министры, кои оную принять и на речь его ответствовать будут, неминуемо по правую ж руку стоять имеют...».

Споря с вице-канцлером, старик явно перегибал палку, отказывая женщинам в праве участвовать в торжественном мероприятии и упрекая Санти с Ал-суфьевым в подражании иноземным образцам. Все-таки церемониал сочинялся по примеру 1731 года, чтобы избежать ненужных нареканий с турецкой стороны, весьма чувствительной к вопросам этикета. Кроме того, глава коллегии, похоже, так увлекся соперничеством с заместителем, что не заметил, как в пылу полемики употребил не слишком почтительные для государыни сравнения. Елизавета решила осадить немного забывшегося соратника и, взяв в руки перо, вывела на полях: «Дама» или «мужик» раб с разумом трезвенной не назовет. А имя мое — государь. И все самодержавные здесь государи им (туркам. — *К. П.*) честь ту делали. И что министры в республике властны, а здесь им места нет».

Критику второго распоряжения Ее Величества Алексей Петрович построил на незнатности канди-

124

дата Воронцова и банальном обвинении того в коррупции: «Что же до встречи статским советником Хризоскулеевым касается, то сей чин, будучи с тем равной, каким и пред сим турецкой посланник встречен был, а особливо, когда всевысочайшее Ея Императорского Величества соизволение на то есть, канцлер противу тово ничего представить не может. Однако ж, тем не меньше в должности себя находит всенижайше донести, что сверх того, что сей Хризо-скулеев, бывши знаем в Турции за самого последнего разнощика, для здешняго толь великолепнаго Двора не весма сходствовало б его в публичную при оном функцию употребить. Канцлер от покойного канцлера же князя Черказского довольно наслышался, что его и за последнюю при турецком после здесь бытность не меньше, как в ссылку послать надлежало. Так что, теперь видится, и малейшее ему с оным свидание запретить надлежало б. А особливо, что в сем чине недостатку нет. И герольдмейстер Адодуров, может быть еще и лучше, то же исправил бы, умалчивая о других в сем бригадирском ранге находящихся». Этот развернутый выпад Елизавета Петровна парировала короткой резолюцией: «Когда он плут, то доказать надлежит».

А вот рядом с особым мнением Бестужева по третьему пункту поле осталось чистым. Очевидно, в данном случае Алексей Петрович сумел найти серьезные доводы, над которыми следовало поразмышлять: «Что же паки до того принадлежит, что Ея Императорское Величество русской перевод с посланни-ковой речи генерал-майору Дивову читать указала, то и сие зависит собственно от всевысочайшаго благоволения. Но буде и сие токмо для того чинится, что пред сим оной перевод читан был тайным советником Степановым, то канцлер, не меньше же должностию обязан всенижайше представить, что как в то время Степанов к тому избран был, как только потому, что он в коллегии членом был. Так и ныне казалось бы не велика ли в том розница, чтоб

генерал-майор или статской советник, яко бригадир, а именно Пуговишников, сию речь читал. Толь паче, что про-
125

находящая из того честь служит токмо посланнику, а совсем не без обиды коллегии, еже ли б посторонней к тому избран был.

На сие канцлер будет ожидать монаршаго соизволения»¹¹.

В Туле 16 марта Магомед-Эфенди спросил у Тютчева, все ли европейские державы аккредитовали посланников или министров при российском Дворе. Михаил Петрович заверил тефтердаря, что в Петербурге отсутствует только французский представитель. Тут господин пристав, безусловно, слукавил, Людовик XV — не единственный, кто не испытывал нужды в тесном контакте с Россией. Еще в 1730 году прервались отношения Петербурга с Мадридом. А с соседним Лиссабоном они вообще никогда не устанавливались. Ни Пьемонт, ни Флоренция, ни Неаполь тоже не торопились обмениваться послами с Северной Венецией, хотя тосканский герцог Кози-мо III довольно активно сотрудничал с Петром Великим на культурной ниве. Хозяева Рима вели себя не менее пассивно. По крайней мере, папские нунции с задачей обосноваться на берегах Невы в Россию не приезжали.

Подобным же образом складывалась ситуация с княжествами раздробленной Германии. Бавария, Брауншвейг, Вюртемберг, Мекленбург, Пфальц, Ба-ден, Гессен-Кассель и Гессен-Дармштадт, Ольденбург, несмотря на родственные связи отдельных герцогов с домом Романовых, мало заботились о поддержании дружбы с российским Двором. Разве что баварский курфюрст Карл Альбрехт попытался начать летом 1742 года диалог с далеким Петербургом. Правда, к тому времени курфюрст уже полгода именовался императором Священной Римской империи Карлом VII, и, следовательно, его посол, барон Иосиф Нейгауз, в течение трех лет отстаивал перед Елизаветой Петровной интересы не монарха приаль-пийского немецкого герцогства, а политического лидера всеевропейского масштаба. В отличие от ба-
126

варца Аксель фон Мардефельд и Карл Вильгельм фон Финкенштейн в российской столице действовали исключительно во благо родной Пруссии, часто в ущерб позиции других стран, в том числе и самой России. Поэтому осенью 1746 года в Берлин возвратился первый, а зимой 1749 года — второй. В декабре 1750 года отъезд секретаря прусского посольства Конрада Генриха Варендорфа символизировал окончательный дипломатический разрыв империи с королевством.

Так что в Европе, помимо Франции, имелось достаточно государств, взиравших на Россию либо с неприязнью, либо с очевидным равнодушием. Впрочем, это не мешало монархам более прагматичным искать союза с Россией и размещать в ее столице дипломатические миссии на постоянной основе. Тот, кто не стремился сорвать сиюминутный политический куш, не руководствовался предрассудками, а работал на взаимовыгодную перспективу, оседал в Петербурге всерьез и надолго. Англичан и голландцев привлекала торговля. Австрийцы надеялись на военную помощь в борьбе с Турцией или Пруссией. Шведы думали о безопасности собственных границ. Речь Посполитую также беспокоили пограничные споры. Но, кроме того, польских шляхтичей волновала личность короля, который дважды за минувшие полвека избирался под мощным давлением со стороны России. И оба раза корону возлагали на саксонского курфюрста. Ну а ради чего в Петербурге трудился посланник Саксонии, полагаю, объяснять не нужно. Похожие проблемы способствовали сближению с Российской империей Дании и Голштинии. Герцогство в лице великого князя Петра Федоровича планировало рано или поздно отобрать у соседа незаконно оккупированную им часть голштинской территории. Королевство же всеми силами

препятствовало реваншу и к тому же рассчитывало на поддержку или посредничество России в случае конфликта с Пруссией либо Швецией.

В начале 1755 года в Петербурге проживали все семь вышеуказанных иноземных послов. Даже восемь:

127

цесарский посол граф Николай фон Эстергази, английский посланник Мельхиор Гвидекенс, голландский посланник и полномочный министр Иоганн Шварц, датский посланник Иоганн Малцан, саксонский посланник Иоганн Функ, шведский посланник барон Мориц ГТоссе, голштинский тайный советник барон Иоганн Пехлин и глава английского торгпредства обрусевший консул Яков Семенович Вульф¹².

Прежде чем попасть в российскую столицу, главы посольств с осени 1747 года, как и любые частные лица, подвергались на границе таможенному досмотру. Данную меру ввели вынужденно. Слишком часто у этой категории вояжеров задекларированное имущество даже приблизительно не соответствовало реальному. Ведь в сравнении с обычными путешественниками «чужестранные министры» обладали одной привилегией. В зависимости от ранга часть их поклажи освобождалась от пошлины. Лимит посла составляли вещи ценою в 4000 рублей, посланника — 2000 рублей, резидента — 1000 рублей. Господа дипломаты — живые люди — пользовались лазейкой и хитрили, удешевляя на бумаге стоимость взятой с собой утвари. Пришлось пресечь соблазн, уравнив права особо важных персон и простых путников¹³.

В Петербурге послы и полномочные министры располагались в снятых для них подчиненными дворцах. Если турецким и персидским посланникам квартиру готовила Коллегия иностранных дел и обязательно на Васильевском острове, то европейцами Бестужев с Воронцовым не занимались. Те с помощью слуг самостоятельно договаривались с хозяевами особняков и платили им за жилье, обычно рублей по пятьсот или шестьсот в год. Селиться иноземные графы, лорды и бароны предпочитали в центре города. Чаше на Миллионной улице и на Береговой набережной. Реже на Большой и Малой Морских улицах, Невской прешпективе или набережных Мойки. Например, адрес французского посланника Луи Да-льона в 1745—1747 годах — Нижняя набережная, дворец сенатора Алексея Дмитриевича Голицына, шестой от Исаакиевской церкви. В доме Ф. В. Наумо-

128

ва на углу Невского и Малой Морской в 1745—1746 годах жил голландец Даниил Дидье, а с марта 1746 года — австрийский посол Иоганн Бретлах. Особняк М. Ф. Полторацкого «в межах» с евангелическим собором Святого Петра на углу Невского и Рождественской улицы в декабре 1756 года облюбовал польский посланник Станислав Понятовский.

Только англичане не вписались в общий ряд, ибо в Лондоне правительство по традиции выплачивало иноземным резидентам и полномочным министрам за найм дома определенную годовую сумму — 200 фунтов стерлингов одним и 400 фунтов стерлингов другим. Естественно, что гостей с туманного Альбиона в аналогичных чинах за рубежом ожидала та же любезность. Пока в Петербург направлялись резиденты и полномочные министры, традиция ни у кого возражений не вызывала. Курс английской валюты и при Анне Иоанновне, и при Елизавете Петровне оставался стабильным: четыре рубля за фунт стерлингов. Значит, резиденту Рондо (1733—1739) надлежало выдать на руки 800 рублей в год, полномочным министрам Финчу (1740—1742), Вейчу (1742—1744) и Гиндфорту (1744-1745) — по 1600 рублей. Однако в апреле 1745 года Джон Кармайк Гиндфорт вдруг преобразился в чрезвычайного и полномочного посла. Хотели того на Даунинг-стрит или нет, а поощрение обернулось неприятной коллизией. Императрица, естественно, не могла проигнорировать новое

звание английского графа. В итоге размер его субсидий вырос вдвое — до 800 фунтов стерлингов в год (3200 рублей). Элементарная вежливость требовала от англичан ответного жеста. Но чем отплатить русским, которые не имели особых причин менять характер своего представителя в Лондоне? Английский кабинет ничего оригинального не придумал. А тем временем в России обнаружился важный изъян царского подарка. Господин Гиндфорт продолжал арендовать двор тестя принца Голштейн-Бека (Н. Ф. Головина) на Миллионной улице за 1600 рублей в год. Возник вопрос: зачем государева казна тратит на него еще столько же?!

129

Понимая всю деликатность ситуации, чреватой спорами и обидами, Елизавета Петровна решила предупредить вероятный скандал. 1 декабря 1747 года милорду вручили ноту с официальным уведомлением, что после его отъезда на родину Коллегия иностранных дел платить за постой английских послов больше не будет. Англия, в свою очередь, вправе лишить Чернышева этой привилегии. Джон Гиндфорт раскланялся с императрицей на прощальной аудиенции 27 августа 1749 года. К чести англичан, они, согласившись на нулевой вариант, не воспользовались предоставленной им оказией. Ежегодное ассигнование 400 фунтов стерлингов русскому посланнику прекратилось только летом 1755 года, когда Петр Григорьевич Чернышев покинул Англию¹⁴.

Хотя руководство внешнеполитического ведомства России не заботилось о месте жительства дипломатического корпуса, оно, тем не менее, не забывало снабдить своих подопечных надежной охраной. С 1744 года по требованию канцлера Военная коллегия регулярно определяла в караул, иногда «бессме-но», к каждому посланнику капрала или ефрейтора и семь мушкетеров. Яков Семенович Вульф довольствовался капралом и шестью мушкетерами, а голш-тинский тайный советник — пятью солдатами. Особый почет оказывался послам. К ним командировали унтер-офицера, капрала и пятнадцать grenадер. До того, в первые годы правления Елизаветы Петровны, к посланникам отправляли разное число рядовых, обыкновенно двенадцать человек. За снижение рядового состава весьма ратовала Военная коллегия. 30 мая 1755 года она вновь попросила Бестужева и Воронцова рассмотреть вопрос об очередном сокращении караулов. Через полгода Иностранная коллегия постановила «убавку в том учинить неболшую»: покой послов должны оберегать десять grenадер, сержант и капрал; посланникам достаточно иметь шесть мушкетеров и капрала¹⁵.

С прислугой дипломаты поступали по-разному. Кто-то вез всех штатных сотрудников с собой, другие предпочитали нанимать лакеев, брадобреев или по-

130

варов непосредственно в России, что, конечно, было делом более рискованным. Не зря датский посланник Карл фон Гольштейн «по-дружески» советовал своему преемнику и старому приятелю Фридриху Генриху Шезу в ноябре 1745 года всех «домашних служителей, как мужеска, так и женска полу... с собою привести... ибо здешние служители весма худы и испорчены». Похоже, датчанин опирался на неудачный личный опыт. Его французский коллега тоже однажды влип в неприятную историю по вине слуги.

Летом 1746 года Дальон принял в службу вроде бы смышленного и расторопного парня — Иоганна Густава Амбросина, мещанина из Кексгольмского уезда. Через пару месяцев новичок угодил в полицию. Там выяснилось, что в августе прошлого 1745 года молодой человек, проживая на родине, совратил дочь управляющего кексгольмскими вотчинами Алексан-дро-Невского монастыря, отставного поручика Петра фон Флорина Марию Елену. Какое-то время девушка встречалась с сердечным другом втайне от отца. Однако в январе 1746 года в Петербурге батюшка узнал о

любовных похождениях дочери. Та во всем ему повинулась. Ловелас тоже попросил прощения, пообещал вскоре взять Марию Елену в жены и даже дал в том письменное обязательство. Но когда невеста забеременела, от клятвы отрекся. Младенец родился 28 августа. 2 сентября его окрестили по лютеранскому обряду. А 9 сентября в ночи любовник скрытно проник в дом Флорина и принялся склонять юную мать к побегу с ним во Францию. На этот раз бывший офицер не проспал. Вместе с соседом — капралом Ингерманландского полка Трофимом Прибылым — он задержал обманщика и препроводил на съезжую Васильевского острова, после чего обратился в Коллегию иностранных дел за сатисфакцией.

Бестужев и Воронцов, ознакомившись с жалобой, поддержали оскорбленного шведа. Но без позволения французского посланника коллегия не могла арестовать и подвергнуть наказанию распутника. Поэтому 26 сентября Дальону вручили ноту, которой известили его о преступлении Амбросина и потре-

131

бовали «дабы он своему служителю абшид дал и его для далнего изследования сего дела или в полицию, или же в Государственную Коллегию иностранных дел прислал». Француз ответил грубо и прямо: это «он притчину имел... сатисфакции требовать на того порутчика, ибо он на его лакея, которой с ведома его у него был, с шестью человеками солдат разбойническим образом напал и у него все, что он при себе и на себе имел, отнял. Да и его же в полицию привел, откуда он с отнятыми вещми к нему Далиону назад прислан. Но он министерство такими безделицами утруждать не хотел. Девка же его лакею за денги, как блядь, давалась. Еже его к женитьбе обязать не может. А... обяза-тельство отец от него силою вынудил. Да и во всем свете обыкновенно есть, что такая за денги употребленная блядь никакой сатисфакции требовать не может. И ежели б сие обыкновение введено было, чтоб лакей, которой в блядовстве приличился, для даваемой сатисфакции от своего господина из службы отпущен был, то он Далион может обнадеежить, что он принужден был бы по всякую неделю своих служителей переменять». В общем, коллегии и челобитчику пространно намекнули, что во французском посольстве мошенники не работают¹⁶.

Скандалы, конечно, вещь занимательная. Но они не должны препятствовать исполнению служебного долга. Посланнику всегда следовало быть настороже, чтобы оперативно пресекать или предупреждать какое-либо невольное или умышленное посягательство на интересы родной державы. Вот 19 октября 1753 года русское торговое судно «Святой Павел», имея на борту четыреста кулей муки, по пути из Санкт-Петербурга в Ревель «за противным ветром в шведскую Люизскую гавань вошло». Шкипер Яков Иванович Кваснин воспользовался помощью лоцмана, переждал ненастье в бухте и спокойно продолжил плавание. А денег ни лоцману, ни таможене за стоянку не заплатил. 5 апреля 1754 года Мориц По-ссе в Коллегии иностранных дел опротестовал поступок капитана. Ничего не попишешь. Ведомство

132

Бестужева уплатило три талера в российском эквиваленте (рубль девяносто две копейки), решив взыскать убытки с хозяина галиота — купца Александра Шорохова. В ту же навигацию шведы столкнулись еще с двумя неблагодарными русскими мореходами. Дав приют кораблям с казенным порохом, лоцманы и таможенники не досчитались пятнадцати талеров. В итоге барон вновь побеспокоил канцлера, заставив россиян раскошиться¹⁷.

Что ж, от неприятных сюрпризов никто не застрахован. Порой какая-нибудь мелочь, чья-либо несобранность становились причиной большого переполоха. 28 июня 1757 года британский посол Вилль-ямс на отпускной аудиенции простился с Елизаветой Петровной, получив чуть позже от императрицы презент — 8000 рублей на дорогу.

Почти полтора месяца он готовился к отъезду на родину, планируя ехать через Ригу. Предварительно значительную часть багажа англичанин погрузил на один из английских кораблей, который вскоре благополучно отчалил от Кронштадтского порта. Неожиданно 15 августа дипломат предпочел переиграть основной маршрут и отослал канцлеру записку с просьбой обеспечить двадцатью подводами каждую почтовую станцию Выборгского тракта. Желание гостя — закон. Бестужев велел в точности все исполнить. Подорожную Ямская канцелярия сочинила быстро. Однако с подводами российские чиновники опростоволосились.

На станциях от Петербурга до шведской границы свыше шести лошадей не держали. Тогда в Выборг 17 августа поскакал солдат Филат Шейкин с приказом: недостающее число подвод снарядить за счет крестьян ближайших деревень. Выборгская губернская канцелярия с заданием справилась. Но в спешке совершенно забыли, что несколько станций около столицы вплоть до села Линдолово подчиняются Санкт-Петербургской губернской канцелярии. Увы, в Данное учреждение курьера с необходимым предписанием не отправили. В результате, когда 21 августа высокопоставленный путешественник тронулся в

133

путь, его вояж на второй станции у Белоостровской кирки застопорился. Ее хозяин, ничего не зная, естественно, отказался идти на поводу у какого-то важного капризного господина, твердившего о двадцати лошадях, которых негде было достать.

Вильямс сильно расстроился. Нервная лихорадка уложила посланника в постель.

Немного успокоившись, дипломат решил возвращаться в Петербург, чтобы до холодов отплыть в Англию на корабле из Кронштадта. Вечером 22 августа англичанин налегке вернулся в столицу, а утром 23-го числа «порадовал» Бестужева новой запиской, в которой поведал о своих злоключениях, оставленных в тридцати верстах от города двух каретах и намерении «лутче ехать морем. .. нежели опять себя отважить сухому пути». В девятом часу вечера к канцлеру срочно вызвали Фила-та Шейкина. От патрона солдат заскочил в Ямскую канцелярию за подорожной. Затем заглянул к Вильямсу. Разжился у него письменным наставлением для прозябавших возле карет служителей и вновь помчался в сторону Выборга. В десятом часу утра 24 августа оба экипажа посланника уже стояли на берегу Невы. Переправа на Адмиралтейский остров не заняла много времени. Ближе к четырем часам пополудни гонец рапортовал в коллегии, что посольское имущество передано графу в целостности и сохранности. Успел в самый раз, ибо на рассвете 25 августа Алексей Петрович уезжал в Царское Село с подробным докладом по нашумевшему делу. Причем канцлеру непременно хотелось взять с собой итоговый отчет Шейкина.

Между тем команда Бестужева активно занялась разработкой морского варианта. Переписали загранпаспорт. Перевезли на Котлин вещи посланника. Переоформили в Сенате пропуск на вывоз серебра. Договорились с М. М. Голицыным, чтобы Вильямса приняли в Кронштадте «с сходственным характеру ево почтением и за брант-вахты со всею свитой» пропустили с теми же знаками внимания. А «ежели... ему к походу будут препятствовать противные ветры, то пристойным образом ему объявить, не пожелает

134

ли он жить на берегу, доколе способной ветр будет. И буде пожелает, то отвезть в флагманском доме подлежащие покои и поставить караул». При этом генерал-адмирал согласился одолжить коллегии собственную яхту. 11 сентября Вильямс отплыл на ней в Кронштадт.

Через неделю англичанин одумался. Бороздить Балтийское и Северное моря осенью слишком поздно. Шансы попасть в шторм — весьма велики. Не лучше ли все-таки воспользоваться более безопасным сухим путем? Вильямс недолго колебался. 19 сентября английский консул Семен Яковлевич Вольф известил Бестужева о том, что земляк снова передумал, так как определенно намерен посетить Швецию. И закрутилась

российская бюрократическая машина по четвертому кругу. Поклажу посла транспортировали обратно в Петербург. В Ямской канцелярии заказали подорожную. Переделали из-за нескольких фраз паспорт. Один курьер устремился в Выборг, чтобы к 25 сентября вернуть на станции давно распущенных по домам обывателей с лошадьми. Его товарищ отнес в столичную губернскую канцелярию бумагу с почти аналогичным текстом. Вторая попытка покинуть Россию через Финляндию британца не разочаровала. На всех станах подданного Георга II поджидали двадцать крестьянских и почтовых подвод. 26 сентября Вилльямс достиг Выборга, 29 сентября миновал Вильманstrand, а 1 октября 1757 года пересек, наконец, русско-шведскую границу у Фридрихсгама. Только теперь подчиненные Бестужева могли с облегчением вздохнуть¹⁸.

Но вернемся в апрель 1755 года, к покинутому нами тефтердарю Магомед-Эфенди. На исходе второго часа дня 24 апреля карета с турецким посланником остановилась возле парадного крыльца Летнего императорского дворца. Юрий Иванович Хризоскулеев встретил Магомед-Эфенди, Алсуфьева, Тютчева и Бу-^иди, после чего проводил тефтердаря со свитой в комнату гофмаршалов. О прибытии почтенного гос-

135

тя тотчас донесли императрице. Придворные, стоявшие по сторонам аудиенц-зала, притихли. Государыня вот-вот должна была выйти из внутренних покоев и дать сигнал к началу церемонии.

Елизавета Петровна весьма удачно назначила дату аудиенции, превратив три разных праздника в единое целое. Накануне Петербург отмечал Пасху. Когда во втором часу ночи три выстрела с Петропавловской крепости возвестили о появлении царицы в Большой Придворной церкви, на городских колокольнях зазвучал благовест, созывая прихожан к заутрене. Затем звонари ударили не в один, а во все колокола. Это означало, что священники уже приступили к службе. Второй залп из семнадцати орудий совпал с повсеместным пением «Христос Воскресе!». А перед литургией, после прочтения протоиереем отрывка из Евангелия, выпалили еще из двадцати одной пушки. Ее Величество наравне с прочими молилась, слушала духовных лиц и певчих, а по окончании литургии приобщилась Святых Тайн. В тот же миг бастионы крепости и Адмиралтейства оглушили окрестности сто одним выстрелом. Расцвеченные флагами императорские яхты, покачиваясь на невских волнах напротив Зимнего дворца, добавили грохота в общий хор. Потом знатные особы обоего пола поздравили самодержицу с Воскресением Христовым и разъехались по домам. Завтра те же люди, как обычно, весело отпразднуют очередную годовщину коронации дочери Петра Великого. А сегодня она достойно и учтиво примет от посланца турецкого султана уверения в дружеском расположении Османской империи к могущественному северному соседу.

Императрица вошла в аудиенц-зал в голубом платье, обшитом серебряным позументом, в сопровождении обер-егермейстера, обер-гофмейстера, канцлера и вице-канцлера. Ожидавшие государыню с правой стороны статс-дамы, фрейлины и жены сановников первых пяти классов склонились в глубоких реверансах. Генералитет и чужестранные министры, расположившись по левую руку, поклонились.

136

царица поднялась по ступенькам к трону, укрытому балдахином. Величественно опустилась на кресло. Позади нее встали Алексей I }зигорьевич Разумовский и Христиан Вильгельм Миних. Впереди у подножия трона справа замер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, слева — Михаил Ларионович Воронцов.

Затем парадные двери в аудиенц-зал распахнулись, и все увидели турецкого посланника с кегаем (дворецким), державшим в руках султанскую грамоту, в окружении Алсуфьева и Хризоскулеева. Прежде чем направиться к трону, Магомед-Эфенди отвесил поклон. В середине зала совершил второй. А третий сделал за четыре

шага от возвышения, где сидела императрица. Туг тефтердарь остановился. Кегай протянул ему документ. В то же время к трону приблизился генерал-рекётмейстер Иван Иванович Дивов с каким-то листом бумаги. Первым речь по-турецки произнес посланник. За ним русский перевод зачитал генерал Дивов: «Всепресветлейший, Державнейший, Величайший султан земель, император морей, султан сын султанской, император сын императорский, султана Мустафы-хана сын, султан Осман-хан к вящему подтверждению и продолжению артикулов и кондиций, заключенного с Вашим Величеством, всепресветлейшею, Державнейшею, Великолепнейшею и Высокостепеннейшею Всероссийскою императрицею и иных многих земель повелительницею и обладательницею, мирного императорского трактата, Высочайшую свою дружеско султанскую грамоту отправил для обновления о счастливом Его Величества по наследству и достоинству на высокооттоманский престол вступления. И как для поднесения оной, так и для обнадеживания с Его Величества стороны о неперменном наблюдении заключенного между обоими империями благополучного вечного мира артикулов и кондиций от Высочайшего Его Величества Двора я нижайший определен и отправлен. И сию комиссию я за особливую себе славу причитаю».

Грамоту Магомед-Эфенди вручил канцлеру. Тот положил ее на столик возле трона и, спустя мгнове-

137

ние, ответил от имени императрицы: «Ея Императорскому Величеству восшествие на оттоманский престол Его Султанова Величества весьма приятно, и повелевает Ея Величество обнадежить о взаимном хранении дружбы и вечного мирного трактата». Переводил с русского на турецкий Братищев. На тефтердаря короткая фраза Бестужева произвела весьма сильное впечатление. В нарушение этикета он витиевато поблагодарил царицу и лишь затем, не оборачиваясь, спиной и не забыв три раза поклониться, зашагал к дверям, где стоял кегай. Церемониймейстер и статский советник шествовали рядом. Вчетвером они покинули зал и пошли в комнату отдыха — гофмар-шальскую. Аудиенция закончилась. Императрица, спустившись с парапета, скрылась во внутренних апартаментах. Придворные потянулись к парадному крыльцу, а оттуда к своим каретам. Вскоре Летняя царская резиденция опустела.

Вечером посланник султана, получивший приглашение в Зимний дворец на торжество 25 апреля, устроил у себя на Васильевском острове приватный ужин в честь С. К. Нарышкина, А. В. Алсуфьева и М. П. Тютчева. Примерно в те же часы Елизавета Петровна, отобедав в Летнем дворце, прогулялась в экипаже по улицам Петербурга¹⁹.

Глава 6 В Летнем дворце

1755 май

01. Переезд был Е. В. в летний дом. 21. Был Маскерад при Дворе.

Ранним утром 1 мая 1755 года к яхте «Принцесса Анна», стоявшей на рейде у Зимнего императорского дворца вместе с яхтой «Вирцоу», подплыла шлюпка. Человек, поднявшийся на судно, приказал вахтенным немедленно провести его к лейтенанту Александру Никитичу Стогову, чтобы лично вручить коман-

138

диру двух кораблей ордер дежурного генерал-адъютанта. Отдав офицеру пакет, курьер вернулся на шлюпку, а лейтенант торопливо распечатал конверт и ознакомился с предписанием Петра Ивановича Шувалова: в тот же день совершить переход по Неве от Зимнего к Летнему дворцу. Время отправления — восьмой час утра. Перед Санкт-Петербургской крепостью обязательная остановка: нужно дожидаться отъезда из Зимнего дворца Ее Императорского Величества. Пальба с крепости и Адмиралтейства — сигнал к возобновлению движения. Оба судна должны произвести две салютации

— у крепости и по прибытии к Летнему дворцу.

О предстоящей речной прогулке Стогова предупредили на словах еще 29 апреля. Весь следующий день на кораблях тщательно готовились к важному мероприятию. Так что когда лейтенант в понедельник на рассвете получил документ, он, не мешкая, велел боцманмату будить команду, а вестового послал с соответствующим сообщением на «Вирцоу». В начале восьмого часа матросы рассредоточились по палубам. Погода была благоприятной — с залива дул добрый попутный ветер. Поэтому яхты, воспользовавшись фордевиндом, вскоре снялись с якоря и, распустив паруса на фок- и грот-мачтах, поплыли на восток мимо линии дворцов на Верхней набережной. «Принцесса Анна» и «Вирцоу» оставили позади первый, второй и третий Зимний дворцы (дома Апраксина, Рагузинского и Ягужинского), особняк духовника императрицы Ф. Я. Дубянского (до марта 1751 года он принадлежал Г. П. и З. Г. Чернышевым), Дворцы адмирала Крюйса и обер-гофмейстера Олсуфьева (давно отданные под жительство придворных), дом Р. М. Кошелева (арендованный великим князем под хранение собственного имущества). Затем поравнялись у Зимней канавки с жилищем основателя Петербурга (в нем обосновались солдаты Лейб-компании). Стогов тотчас распорядился ложиться на якорь. В руках моряков замелькали гитовы¹¹ гордени — веревки, посредством которых они по-

139

добрали фок, грот и марсели. Чуть позже в воду полетели буи, и на нижних палубах занялись спуском якорей. Около восьми — в начале девятого часа пополудни оба корабля замерли посередине реки, напротив Петропавловских бастионов, успешно выполнив первую часть задания. Продолжение похода теперь целиком зависело от пушек двух крепостей. А так как те могли «заговорить» в лучшем случае лишь через два-три часа, то лейтенант отпустил большую часть экипажей на отдых, приказав вахтенным не прозевать выстрела из сигнальной пушки, поставленной утром возле зимней резиденции императрицы¹.

В Зимнем дворце с самого рассвета царила предотъездная суеда. Полвека спустя императрица Екатерина II напишет в мемуарах: «При дворе... был такой недостаток в мебели, что те же зеркала, кровати, стулья, столы и комоды, которые нам служили в Зимнем дворце, перевозились за нами в Летний дворец, а оттуда в Петергоф и даже следовали за нами в Москву. Билось и ломалось в переездах немало количество этих вещей...» Однако странное дело: ни во дворе с выездом на Миллионную улицу, ни у парадного крыльца с видом на Адмиралтейство, ни под балконом на Верхней набережной 1 мая 1755 года никто не укладывал стулья, канапе, кровати, кабинеты и столы на подводы. Похоже, августейший автор воспоминаний вольно или невольно обманывал будущих читателей. Ведь никакого дефицита мебели в елизаветинской России не существовало! И мы можем в этом легко убедиться. До одиннадцати часов пополудни — момента собрания при Дворе лиц обоего пола первых пяти классов — у нас достаточно времени, чтобы пройти до Летнего сада и заглянуть в одно примечательное местечко. Маршрут знакомый. По Миллионной улице до Царицына луга, мимо Оперного дома, через мост к аллеям с зелеными кронами деревьев. Здесь в саду слева от моста по берегу Невы и канала в помещениях Новых палат

140

расположилась первая императорская казенная. Вторая обретается в возвышающемся поблизости от ломика Петра I здании на берегу Фонтанки.

В обеих кладовых мы обнаружим изобилие разного рода зеркал, кабинетов, комодов, столов, кроватей, часов, канапе, кресел, стульев. А еще — три клавесина. Причем самое интересное заключается в том, что за шесть лет (с декабря 1748 по сентябрь 1754 года) количество хранившихся в двух казенных предметов практически не

уменьшилось. Пять кроватей, три клавикорда и семь треугольных столов никто не потревожил. Число комодов сократилось с пятидесяти пяти до пятидесяти одного, круглых столов — с тридцати трех до тридцати двух. Большим спросом пользовались прямоугольные столы: из двадцати осталось двенадцать. А стулья — самый хрупкий товар — никому, в общем-то, не понадобились. Из семи дюжин стульев красного дерева, обитых позолоченной кожей, голубым и зеленым трипом, за столь долгий срок забрали всего лишь пару штук.

18 июня 1754 года первую казенную посетила Елизавета Петровна. За четыре дня до визита к надзирателю подпоручику Сезеневу пришел И. М. Мор-сочников за «треугольниками», которые вскоре вернули обратно. Они рассохлись от воды, никуда не годились, зато побудили царицу лично осмотреть вещи, пострадавшие от наводнения 22 октября 1752 года. Ущерб оказался невелик. Ремонта потребовали три комода красного дерева, ломберный столик, один стул и один корпус для часов. Их починил в июле кабинетный мастер Федор Мартынов. А государыня, покидая заведение Сезенева, прихватила с собой две упаковки румян и велела перенести неповрежденное имущество в комнаты северного крыла, протянувшегося вдоль Невы. Чтобы понять, отчего содержимое двух казенных мало кого интересовало, нужно снова оказаться в Зимнем дворце. Возвращаться лучше по Верхней набережной. Тогда мы сможем остановиться около Старого Зимнего дворца и взглянуть в сторону стрелки Васильевского острова. Там прямо за покачивающи-

141

мися на волнах царскими яхтами зоркий глаз различит двухэтажный прямоугольник Гостиного двора и угловые окна нескольких комнат верхнего этажа с видом на Таможню с одной и на Малую Неву — с другой стороны. В тех апартаментах хранится огромное число заморских стульев, столов, кабинетов и прочей «рухляди* из красного и орехового дерева, которой не нашлось места на складах Летнего сада или Смольного двора. Бывает, управляющие загородных дворцов партиями вывозят из пакгауза новенькую мебель. Тем не менее складские помещения не пустуют. Портовые рабочие в считанные дни сгружают туда с судов очередные связки и ящики с купленным российскими агентами импортным товаром.

Впрочем, завхозы Царского Села, Петергофа, Стрельны, Ораниенбаума предпочитали чаще общаться либо с Евстигнеем Марковичем Витовтовым — стряпчим казенных Смольного ансамбля, либо непосредственно с мастерами мебельного дела, жившими в столице. Так, в июле 1748 года в Ропшу, накануне приезда императрицы, срочно доставили недостающие четыре стола и дюжину плетеных стульев «с Запасного Смольного двора», после чего Витовтову рекомендовали вместо изъятых вещей заказать новые. Недели две спустя Елизавета распорядилась завезти в комнаты царскосельского дворца сто двадцать стульев «таким маниром, какие в Санкт-Петербурге во дворце в торжественные дни во времена банкетов употребляются». Квартирмейстер Ефимов сразу же отправился на угол Большой Морской и Невской прешпективы в дом банщика Якова Кентне-ра к иноземцу Иоганну Кристиану Пацкиру, «умеющему делать английские стулья». А по дороге заскочил в царскую резиденцию и взял у камер-цалмейстера Симонова стул в качестве образца. Русские краснодеревщики на равных конкурировали с иностранцами. Российская мебель у купеческих прилавков тоже не залеживалась. Так, 17 мая 1750 года канцелярия Сената закупила для Герольд-мейстерской конторы девять стульев. Три стула английского манера с триповыми подушками малино-

142

вого цвета для чиновников за девять рублей продал вышеупомянутый мастер Пацкир. Шесть отечественных стульев попроще (для посетителей), обитых кожей, приобрели

на Гостином дворе у купца Степана Маркелова (по полтиннику за штуку). Кстати, императрица всемерно покровительствовала промышленникам, вкладывавшим деньги в данную отрасль. Например, 14 марта 1746 года она велела учредить в Туле фабрику по производству кресел, модель которых ей продемонстрировал на аудиенции купец Мосолов.

Своя богатая казенная имела в Зимнем дворце. Только в 1747 году командир учреждения, сержант Писцев принял от купцов канапе с кроватью на колесах, два шкафа (один сразу перекочевал в императорские покои под коллекцию алмазов), восемь ночных «табуретов» и семь ночных кресел, девять дюжин стульев с кожаными подушками (четыре из них государыня презентовала камер-юнкеру Софонову и фрейлине Гендриковой на свадьбу), два гарнитура — голубого и зеленого трипа — из двух дюжин стульев, четырех кресел и двух канапе каждый. Царица обладала таким огромным запасом мебели, что частенько жаловала подданным и зарубежным гостям что-нибудь из собственных кладовых. 8 августа 1747 года Елизавета порадовала певчего Марка Федоровича Полторацкого новеньким клавесином, а 9 августа 1756 года снабдила французского художника Луи Токе шестью креслами, английским канапе, парой дамских комодов и ломберным столиком...

Однако, уважаемый читатель, время. Часы пробили одиннадцать часов утра.

Роскошные экипажи с княжескими и графскими гербами давно уже заполнили часть мостовой, прилегающей к Зимнему Дворцу, а хозяева карет и колясок в дорожных костюмах поднялись по крыльцу и лестнице на второй этаж, где, минуя галерею, прошли в соседний статс-Дамский покой, ожидать выхода императрицы. Первыми камергеры, камер-юнкеры, гофмейстерина, статс-дамы и фрейлины поприветствовали великого князя Петра Федоровича и великую княгиню

143

Екатерину Алексеевну, которые немного опередили августейшую тетюшку. Ее Императорское Величество, завершив туалет, появилась в комнате около полудня и, не задерживаясь, в окружении придворных проследовала в галерею, спустилась на первый этаж и через парадное адмиралтейское крыльцо вышла на улицу.

Здесь царица уселась в приготовленную для нее императорскую карету. Свита разместились в казенных экипажах с лакеями на запятках, и процессия тронулась в путь. Господа кавалеры, статс-дамы и фрейлины, соблюдая старшинство, возглавили кортеж. Затем двинулась главная карета, которую верхом сопровождали дежурный генерал-адъютант Петр Иванович Шувалов, обер-шталмейстер Петр Спиридонович Сумароков, два камер-фурьера, два камер-пажа и два лейб-компанца. Два паж пристроились «на пасах» царского возка (Алексей Бутаков, возможно, был одним из них). Пешими шли шесть гайдуков и четыре скорохода. Между ними и придворными шагали конюхи, гоф-фурьер, двадцать четыре лакея и два камер-лакея во главе со шталмейстером Петром Михайловичем Голицыным.

Их Императорские Высочества ехали позади государыни. Подле них шествовали камер-лакей, лакеи и конюхи малого двора, а также приставленные к семье наследника престола ординарцы лейб-гвардии Преображенского полка. Замыкал цепочку конвой Конной гвардии с обнаженными палашами. Маршрут выбрали обыкновенный: под арку дворцового флигеля, по Миллионной до поворота на Большую Луговую улицу, а с Луговой — на Невскую прешпек-тиву.

Выезд императрицы стал знаком для расчета сигнальной пушки, установленной на углу Зимнего дворца этим утром. Раздавшийся залп оповестил окрестности о том, что Елизавета Петровна покинула зимнюю резиденцию. Минуту спустя пятьдесят одно орудие Петропавловской крепости и пятьдесят пушек Адмиралтейства оглушили центр города многократным эхом первого выстрела².

Громкий хлопок, конечно, услышали и на двух яхтах, ожидавших сигнала около четырех часов. Александр Стогов тут же приказал канонирам запалить фитили у пушек. Аналогично поступили и на «Вир-цоу». Стоило сто одному орудию сообщить морякам о том, что им пора двигаться дальше, левый борт яхт тотчас окутал дым четырнадцати приветственных выстрелов в адрес бастионов Петербургской крепости (с каждого судна — по семь). Потом командир «Принцессы Анны» велел сниматься с якоря. Когда матросы, оторвав от дна, вытянули тяжелый груз наверх и распустили паруса на мачтах, корабли возобновили движение в восточном направлении. Если ветер за истекшее время не изменился, то яхты к месту назначения шли довольно быстро. Ветер под небольшим углом справа или слева (бейдевинд правого или левого галса) увеличивал скорость перехода. Отсутствие веста, норд-веста или зюйд-веста, естественно, вынуждало обе команды ничего не предпринимать и запастись терпением. Судя по рапорту Стогова адмиралу М. М. Голицыну от 6 мая, у лейтенанта в первый день мая серьезных проблем с ветром не возникло. Отсалютовав, придворная эскадра без труда преодолела несколько миль, отделявших ее от промежуточной стоянки до места дислокации.

Яхты плыли по реке на фоне живописного городского пейзажа. Крепостные бастионы и купол главного собора империи, просторная Троицкая площадь привлекали к себе внимание с северной стороны. С южного берега открывался не менее красочный вид. Половина пути — ряд обывательских домов; другая половина — зеленая полоса аллей Царицына луга и Летнего сада. На Верхней набережной Невы на Адмиралтейском острове выстроились в шеренгу двух-, чаще трехэтажные дворцы. К Старому Зимнему дворцу примыкал особняк Карла Ефимовича и Венедикты Федоровны Сивере.

Супруги купили его ровно три года назад, 11 мая 1752 года, у архиепископа Переяславского Арсения за восемь тысяч пятьсот рублей. Ранее (до ноября 1749 года) 145

дом являлся собственностью Алексея Григорьевича Разумовского.

Соседом четы Сивере был камергер Алексей Григорьевич Жеребцов. Семья петровского судостроителя Гавриила Авдеевича Меншикова продавала ему свой двор по частям: доли вдовы и сына корабельного мастера — в сентябре 1746 года; дочери — в сентябре 1755 года. Рядом стоял дворец Платона Ивановича Мусина-Пушкина, сына сенатора Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, первого хозяина дворца. Далее возвышался дом вице-адмирала Александра Ивановича Головина. Камергер Василий Иванович Чулков облюбовал следующий дом — еще одного петровского корабеля, Филиппа Петровича Пальчикова. 5 апреля 1748 года тогда еще гардеробмейстер приобрел двор у вдовы Пелагеи Минишны Пальчиковой за две тысячи рублей. Столько же заплатил в октябре 1753 года Мартын Павлович Гофман за соседнюю территорию — Натальи Петровны Мурзиной, вдовы бригадира Прокофия Васильевича Мурзина.

А за ней через Мошков переулок располагались дворы вице-адмирала Захара Даниловича Мишукова и гоф-интенданта Петра Ивановича Мошкова, в честь которого и называли переулок. С февраля 1750 года палатами гоф-интенданта распоряжался генерал-поручик Иван Лукьянович Талызин, а до него — с 1744 года глава Военной коллегии Степан Федорович Апраксин, который и выкупил землю с хоромами у вдовы придворного чиновника Натальи Алексеевны Мошковой. За палатами Талызина плывущие яхты встречали дворец потомков канцлера Алексея Михайловича Черкасского (П. Б. и В. А. Шереметевых) и дом гоф-хирурга Андрея Ивановича Верре, прежде (до апреля 1751) принадлежавший генералу Михаилу Яковлевичу Волкову, брату небезызвестного секретаря А. Д. Меншикова Алексея Яковлевича. Подле двора лекаря разместилось владение Петра Григорьевича Чернышева, доставшееся

посланнику от тестя — Андрея Ивановича Ушакова. Особняк князя Николая Алексеевича Шаховского значился шестым в этом ряду. Кстати, возможно, к маю 1755 года в

146

нем уже поселился поэт Александр Петрович Сумароков (весной 1756 года он точно там снимал квартиру).

Продолжали набережную линию дворы камер-цалмейстера Дмитрия Александровича Симонова, князя Луки Ивановича Долгорукова и два дворца детей фельдмаршала Ивана Юрьевича Трубецкого. Иван Иванович Бецкий 17 июня 1754 года приобрел за шесть тысяч рублей дом Анны Ивановны Шумахер и Екатерины Ивановны Древник — дочерей кухмистра Петра Великого Иоганна Фельтена. А по соседству в палатах отца жила сестра камергера — Анастасия Ивановна ландграфиня Гессен-Гомбургская. Особняк братьев Матвея и Сергея Дмитриевичей Кантемиров замыкал цепочку жилищ знатных особ. За ним сразу же открывалась панорама на тенистые аллеи Царицына луга с укрывшимся в роще зданием Оперного театра. А за рощей через канал начинался Летний сад. Лейтенант Стогов приказал спускать якорь на воду в момент сближения судов с голландским домиком Петра Великого. Матросы проворно исполнили необходимые команды, и вскоре «Принцесса Анна» и «Вирцоу» замерли напротив северного фасада двухэтажного Летнего дворца царя-реформатора. Но за минуту до того канониры, подчиняясь зычным голосам подконстапелей, из всей имевшейся на яхтах артиллерии — тридцати одного орудия — отсалютовали Летней резиденции его дочери, возведенной архитектором Ф. Растрелли на углу Фонтанки и Мойки...⁵

Затратив примерно полчаса на дорогу от Зимнего до Аничкова дворца, царский поезд свернул на проселочный тракт, ведущий прямо к воротам Летнего Дома. Возле новопостроенного особняка И. И. Шувалова императрице напомнили, что из окон Шувалов-ского дома, выходящих на Невскую прешпективу, за процессией наблюдает турецкий посланник со свитой. И судя по всему, организованная с большей, чем обычно, торжественностью церемония наверняка

147

произвела на представителя Порты благоприятное впечатление.

Тем не менее похвалы за проделанную работу руководство придворного ведомства не удостоилось. Напротив, императрица устроила соратникам разнос, ибо от нее не укрылся маленький изъян, затмивший все великолепие праздничной процессии. Обнаружила царица недостаток в тот момент, когда карета, украшенная двуглавым орлом, появилась на внутреннем дворе петербургского Версаля. К тому времени придворные кавалеры и дамы, покинув экипажи у бокового крыльца, проследовали по анфиладам комнат, через парадный тронный зал на южное крыльцо, где наряду с валторнистами, трубачами и литаврщиками встретили под мелодии духовой музыки свою повелительницу⁴. Камергеры, камер-юнкеры, гофмейстерина, статс-дамы и фрейлины, поздравляя с благополучным переездом поднимавшуюся по ступеням государыню, возможно, обратили внимание на легкую тень недовольства на ее лице. Но едва ли сразу догадались о причине августейшего гнева, который в тот же день обрушился на начальников Придворной конторы Дмитрия Андреевича Шепелева и Семена Кирилловича Нарышкина.

Каплей, переполнившей чашу терпения, стал неопрятный вид «поваренных служителей» и «волостных работников», выбежавших из кухонь, кофишен-ских и прочих служебных помещений на улицу поглазеть на пожаловавшую в Летний дворец царицу. Замаранное копотью и грязью платье поваров и поварских учеников, почерневшие от угольной сажи серые кафтаны подсобных рабочих, таскающих уголь,

дрова и воду на кухню, не на шутку разозлили Елизавету. «Таковым неисправностям и нечистоте» при императорском Дворе, заявила она управляющим, «быть отнюдь не подлежит». Но простым замечанием дело не ограничилось. Императрица припомнила все те непорядки, что в разное время имела случай наблюдать, хотя и не спешила налагать за них взыскания: так, многие из тех, кто служит при Дворе на второстепенных должностях, взяли моду

148

заместо себя употреблять «в работы и в услуги... своих свойственников и других сторонних людей». Уж не потому ли возросло количество вещей, числящихся в пропаже? Еще государыня возмутилась тем, что кое-кто из придворных служителей не самого низкого ранга любит посылать по своим надобностям истопников и слоняющихся по апартаментам детишек.

В итоге Елизавета Петровна распорядилась, чтобы отныне во дворце «никаких неопределенных слу-жителских детей отнюдь не было и истопники при живущих при дворе Ея Императорскаго Величества персонах во услуги отнюдь не употреблялись». Им надо исправлять лишь непосредственные свои обязанности, то есть топить печи и наводить чистоту в покоях. Что касается лентяев, подменяющих себя другими, то «ежели впредь кто своевольно» на то решится, «то таких жестоко штрафовать». И, наконец, о «замаранном платье». С сего дня всю грязную работу исполнять ночью и ранним утром. Дрова, уголь и воду во дворец привозить во втором часу ночи. Причем на кухню и в кофишенские относить все должны не присылаемые из провинций работники, а «сами придворные служители... и то по утру б очень ранее». Мундкохам и поварам с учениками на службу являться в седьмом часу пополуночи. Припасы мундкохам принимать лично, а после обеда им же производить осмотр и подсчет всей посуды, возвращенной из столовых комнат.

Высказав претензии, императрица отпустила вельмож, которые оперативно отреагировали на выговор. В тот же вечер Придворная контора обнародовала новое расписание, касающееся режима работы. Правда, в нем отсутствовал пункт о внешнем виде волостных работников, подстегнувшим августейший гнев. Елизавета Петровна два дня размышляла над этой проблемой. 3 мая решение нашлось. Так как волостные работники — составная часть императорского Двора, от услуг которой нельзя отказаться, то им, как и остальным придворным служителям, полагается выдавать при отъезде в Петербург «цвет-

149

ные зеленые мундиры». А чтобы мундиры не слишком пачкались, к оным нужно прилагать «занавески», то есть фартуки. О бытовавших до сей поры серых кафтанов, нагольных шубах и лаптях следовало забыть⁵.

Около двух недель понадобилось на то, чтобы жизнь в Летнем дворце и вокруг него приобрела более или менее устоявшийся вид. Императрица активно наводила порядок в собственной городской усадьбе, и все, что мешало комфортному проживанию в ней, подлежало немедленному исправлению. История с мундкохами и волостными работниками стала лишь прелюдией. 6 мая 1755 года наступила очередь караула. 1 мая пикет лейб-компаний расположился в привычном для себя месте — в маленьком внутреннем дворике у фонтана. Очень уж шумно от сего ночного караула, посчитала Елизавета и, вспомнив, что когда-то пикет стоял в мундшенской комнате, послала камергера В. И. Чулкова к дежурному сержанту с приказом перейти с солдатами туда. Однако в утренние часы гренадеры, видно, путались под ногами у мундшенков и их помощников. В результате 28 мая лейб-компанцев пришлось вернуть обратно. Но государыне не хотелось изо дня в день просыпаться под громогласные команды унтер-офицеров, и 8 июня она перевела пикет в ближайший от фонтана покой. Причем

солдат на караул с тех пор водили не мимо фонтана, а «с приходу из сеней»⁶. В тот же день 6 мая царица подкорректировала обязанности нескольких часовых. Теперь из галереи «мимо лесенки в проходные низом сени» имели право пройти жившие в том крыле первого этажа придворные служители; подняться по лестнице наверх дозволялось лейб-медикам, обслуживающей верхние комнаты прислуге и всем, *о ком особенно сверху приказано будет». А из галереи в двери направо, ведущие к эрмитажу, следовало пропускать, когда потребуется, «работных людей». Гренадерам, постав-

150

ленным на большом крыльце «з двора у залы», через дежурного генерал-адъютанта велено пропускать в ту залу всех дам, «кои при дворе живут». Что касается часового, смотрящего в ночное время за порядком в галерее, то «оному часовому быть до того времени, покамест Ея Императорское Величество от сна изволит пробудится». Ориентировочно — до восьми утра. Именно этот час тогда же императрица определила, как приемлемый для начала работы кораблестроителей Партикулярной верфи. После восьми, вероятно, стук топора и визжание пил ей уже не причиняли неудобства⁷.

10 мая внимание Елизаветы переключилось на императорские сады. Она принимает историческое решение: впускать публику в 1-й и 2-й летние сады в будни по четвергам. С 25 мая 1752 года оба открывались по воскресеньям и в праздничные дни, а до того — только в «небытность» государыни в Петербурге. Любой опрятно одетый человек имел право пройти по аллеям двух садов (ныне это территория современного Летнего сада, ограниченная Фонтанкой, Невой, Лебяжьим каналом и Мойкой). «А кои... не опрятны, то есть волосы не убраны, платки на шее и в сапогах, также в серых кафтанах и женщин в простом и в русском платье и ливрейных служителей...», тех солдаты, как и прежде, разворачивали обратно. Русское женское платье — это, понятно, сарафан. А «простым» назывался наряд без фижменной юбки. Желаящие совершить променады проходили в сад по разводному мосту, наведенному возле Оперного дома. Караул, расположенный у моста, состоял из капрала и двух мушкетеров, которые в числе унтер-офи-Цера, двух капралов и двадцати рядовых ежедневно заступали на охрану Летнего сада.

Большой чести удостоился австрийский посол Эс-тергази. Лишь ему императрица позволяла гулять в саду со всеми, кто при нем будет (кроме лакеев), в зависимости от собственного настроения. 16 июня сад возобновит работу и по воскресеньям, а год спустя, 24 мая 1756 года пропускной режим вновь ужесточится. Хотя генералитет 1—2-х классов, придворные

151

дамы и кавалеры получают право бродить в тени деревьев ежедневно, для прочих воскресная прогулка станет возможной опять лишь в дни отсутствия государыни в Петербурге⁸.

12 мая в поле зрения хозяев дворца снова попали лейб-компанцы. А. Г. Разумовский поймал одного часового в то время, когда он, прислонив ружье к стене, выглянул в окно и любовался окрестностями. Досталось не только рядовому, но и дежурным капралу с сержантом за нерадивость подчиненного. А чтобы и остальным гренадерам неповадно было на часах прохлаждаться близ окон, о досадном происшествии объявили по всей привилегированной роте⁹.

16 мая вышло распоряжение во время съездов ко Двору не ставить у подъезда экипажи. Исключение вновь коснулось карет австрийского посольства. С 13 июня к ним присоединился транспорт английской миссии. 18 мая Елизавета отрегулировала принципы судоходства по прилегающим к дворцу рекам: «Близ покоев Его

Императорского Высочества у церкви на углу стоящему часовому приказать из Фонтанки в канал мимо дворца с грузом судов и плотов, кроме баржей, шлюпок и вереек, не пропускать. И, чтоб проезжающие шапки скидывали, подтверждать. А Фонтанкою мимо ж дворца с грузом суда и плоты пропускать в такое время, когда бекет сведен будет. Подтверждая, чтоб ехали без всякого крику. А ночью не пропускать»¹⁰.

Ну а накануне, в среду 17-го числа, Придворная контора оповестила главную полицию и различные ведомства Петербурга о намеченном на 21 мая празднике по случаю открытия летнего придворного сезона — маскарade для всего российского дворянства. Александр Иванович Полянский, контр-адмирал и глава Кронштадтского порта, наверное, немало удивился, когда курьер вручил ему ордер от 18 мая, отправленный президентом Адмиралтейской коллегии Михаилом Михайловичем Голицыным: «В нынешнее воскресенье, то есть 21 дня сего месяца име-

152

ет быть при Дворе Ея Императорского Величества публичный маскарad. И ко оному маскарadu Ея Императорское Величество соизволила указать Вашему Превосходительству быть в Санкт-Петербурге»¹¹.

И действительно, удивиться было чему. Согласно повесткам, разосланным Придворной конторой, во дворец приглашались все особы дворянского сословия. Но с другой стороны, порядок приглашения на подобные мероприятия давно известен. Придворная контора простым приглашением не ограничивается. Она интересуется, сколько человек в различных учреждениях изъявляет желание приехать на маскарad. Глава того или иного ведомства отвечает на запрос и доводит до сведения означенной конторы поименный список тех, кто не прочь повеселиться в императорском дворце. После этого из конторы привозят необходимое количество билетов, и они раздаются будущим участникам маскарada. Без какой-либо важной причины лиц, не служащих при Дворе, никогда не принуждали посещать маскарaды, балы и иные увеселения. Значит, контр-адмиралу предстояло в Летнем дворце не столько развлекаться, сколько заниматься делами.

Однако, с чем бы ни столкнулся морской офицер во дворце, явиться туда он обязан в маскарadном костюме. Хочешь не хочешь, а нужно выбрать подобающий празднику наряд. Пилигримский и арлекинский отпадали сразу. Мрачный черный балахон странствующего монаха взгляд не радовал, а от разноцветных лоскутков на персонаже итальянской комедии дель арте постоянно рябило в глазах. Потому-то, вероятно, императрица и запретила приезжать в них на придворные маскарaды. Не жаловала царица и крестьянской одежды. Любителей эпатировать публику сарафанами, подпоясанными рубашами и лаптями караул просто не пускал на порог. Кроме того, дамам настоятельно рекомендовалось шить платье в расчете на «самые малые фижмены» и не украшать его хрусталем и мишурой, а кавалерам — не орать с собой холодного оружия.

Зато во всем остальном фантазия не ограничива-

153

лась. Благо, история и география открывали в творческом плане перед гостями безграничные возможности для самовыражения. Никто не возбранял им надеть хитоны и тоги реальных и мифических героев античности; рыцарские доспехи; итальянские береты и накидки с длинными откидными рукавами современников Рафаэля и Макиавелли; брызжи, узкие жилеты испанских грандов и сковывающего покроя вестидо придворных дам Филиппа II; скромные бостроги голландских моряков и обшитые шнурами жупаны польских шляхтичей; маленькие шапочки и свободно ниспадающие платья китайских мандаринов; чалмы и халаты турецких визирей и т. д.

А сколько удивительных образов создавалось в подражание всем видам флоры и фауны?! В крайнем случае, на выручку приходило домино — плащ любого цвета с рукавами и капюшоном.

В общем, подданные Елизаветы Петровны знали, как разнообразить работу портных. Главное, чтобы содержимого в кошельке хватило на изготовление того или иного наряда. Например, китайский костюм, сшитый из гродетюра, стоил около 120—125 рублей¹². Платье попроще обходилось дешевле. Но, во всяком случае, без диковинного убора, в партикулярном платье российский дворянин не смел являться на маскарад. Исключение составляли итальянские, а также французские музыканты и артисты, да работавший в России по контракту немецкий живописец Георг Гаспар Преннер. В отличие от предыдущих маскарадов праздник, назначенный на 21 мая, имел одну важную особенность. Согласно разосланному Придворной канцелярией приглашению императрица в этот день запретила всем наряжаться в турецкий костюм. Публика прекрасно поняла, почему: из уважения к турецкому послу Магомед-Эфенди. Тот, похоже, захотел поближе познакомиться с неофициальной стороной жизни российского Двора, ради чего решил принять участие в предстоящем увеселении. Уж не из-за этого ли визита вызывали в Петербург и контр-адмирала Полянского?!

154

В седьмом часу вечера 21 мая обладатели распространенных накануне билетов устремились к Летнему дворцу. Чтобы не создавать возле дворца затор и толкучку, гостей разделили на две группы. Генералитет 1—5-х классов (в том числе и контр-адмирал Полянский, чей чин по Табели о рангах соответствовал 4-му классу) подъезжал к императорской резиденции по дороге со стороны Аничкова дворца. Возле крыльца во внутреннем дворе у западного крыла главного корпуса вельможи выходили из карет в своих маскарадных костюмах, с маской из фетра на лице и, миновав три промежуточные комнаты, останавливались у дверей в четвертый покой, где отдавали билет гоф-фурьеру и лакеям, стоявшим там под охраной гвардии унтер-офицера с солдатами. Гоф-фурьер просил гостей снять маску и представиться, после чего надрывал бумагу и пропускал в помещения, отведенные для маскарада, — галерею, тронный зал и несколько ближайших к ним комнат.

Не столь знатные персоны добирались до заветного крыльца иным путем. Их кареты, коляски и даже одноколки со всего города подтягивались к Оперному дому, расположенному на Царицыном лугу. Отсюда приглашенные подходили к подъемному мосту через Лебяжий канал и предъявляли билеты дежурным камер-лакею и другому гвардии унтер-офицеру «со своими командами». Те писали на билетах условную фразу и позволяли перейти по мосту в Летний сад. Аллеи сада выводили участников маскарада к мосту через Мойку. От него все шли к дальнему внешнему крыльцу западной половины дворца. Затем через нижние сени и ряд комнат пересекали насквозь западное крыло, заканчивая переход возле тех же распахнутых дверей, что и генеральские чины. Оставив в руках гоф-фурьера надорванные билеты, простые дворяне проникали наконец в главный зал, и там сливались в общей кутерьме с сиятельными особами.

Маскарад начался в девятом часу пополудни. В тронном зале, в котором разместился сводный ор-

155

кестр из придворных и гвардии полков музыкантов, зазвучали не раз слышанные мелодии, под звуки которых дамы и кавалеры, не снимая масок, принялись церемонно выписывать фигуры менуэта. Комнату статс-дам заняли любители карт. В соседнем покое был поставлен буфет, украшенный статуями и зеркалами. Вокруг него положили огромное количество конфет и фруктов, а рядом установили «серебряные

кубчаны, из которых текли лимонад и аршад». Пажи в статс-ливреях, расшитых золотом, на подносах разносили отсюда по комнатам угощения, предлагая их всем желающим. За буфетной, в огромной галерее гостей императрицы ожидали двадцать четыре стола, расставленных в три ряда по периметру зала (восемь в одной линии). За каждым столом стояло по три ливрейных служителя. В то время как благородное собрание веселилось в смежных покоях, они при содействии остальной дворцовой прислуги сервировали столы изысканными блюдами, приготовленными на императорских кухнях.

Время летело незаметно. Танцуя в прекрасном тронном зале, на фоне переливающегося блеска зеркал и позолоты, гости старались угадать, под маской каких персонажей скрываются императрица, великий князь и великая княгиня. Если знакомые многим фигуры и манеры Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны помогли в конце концов разоблачить великокняжескую чету, то аналогичным способом обнаружить Елизавету не получилось. К сожалению, государыня не пожелала разделить веселье с подданными, а предпочла провести вечер в собственных апартаментах.

Подобное происходило уже не в первый раз. Вероятно, сказывался возраст. Все-таки в декабре прошлого 1754 года ей исполнилось сорок пять лет. И хотя красота императрицы еще не померкла, чрезмерная полнота и учатившиеся недомогания принуждали ее все реже показываться на публике. Даже тогда, когда балы и маскарады устраивались при Дворе. Так, новогодний цикл маскарадов — 9 и 18 января — она не пропустила, но нынешний майский и

156

тот, что будет дан 8 сентября, проигнорирует. Зато в том же сентябре, 27-го числа, почтит своим присутствием публичный маскарад австрийского посла Эстергази...¹³ Увы, к великой радости практически всех придворных период чрезмерных развлечений в первое десятилетие царствования остался в прошлом. Пошатнувшееся здоровье и слегка поблекшая красота царицы положили конец недоброй памяти маскарадам с переодеванием мужчин в женщин, а женщин в мужчин. Они нравились молоденьким дамам, выставляли на посмеище пожилых и чрезвычайно злили кавалеров, как молодых, так и старых. Безусловно, весьма забавно было видеть великую княгиню Екатерину Алексеевну в паре с камер-юнкером Карлом Ефимовичем Сиверсом, который, неуклюжим движением ударив своей массивной юбкой на больших фижмах по ногам танцующей позади него в камзоле и кафтане фрейлины Марфы Симоновны Гендриковой, опрокидывает ее на пол. Та, падая, задевает невесту наследника, и Екатерина, не сумев сохранить равновесие, оказывается прямо под юбкой незадачливого камер-юнкера, который также валится с ног. При этом три танцора настолько запутываются в обширном платье кавалера, что без посторонней помощи не могут подняться. Зал хохочет. Императрица тоже не в силах удержаться от смеха. Все очень довольны происшествием. Кроме будущего гофмаршала, пережившего несколько неприятных минут жуткого конфуза¹⁴.

Утешало страдальца одно. Сегодня общество хохотало над Сиверсом. А завтра оно вместе с Сиверсом будет хохотать над другим несчастным — Голицыным, Нарышкиным, Гендриковым или госпожой Шуваловой, Румянцевой, Измайловой. Никто не обладал иммунитетом, за исключением императрицы, великой княгини, молоденьких жен и юных фрейлин, которые в мужском костюме выглядели совсем неплохо. Ради таких забавных сцен, по большому счету оскорбительных для высшей придворной знати, устраивала сии странные маскарады любившая от души

157

посмеяться Елизавета Петровна. Пока однажды не поняла, что сама скоро окажется на

месте дородных матрон и неуклюжих кавалеров...

Последний маскарад с переодеванием при ее участии состоялся 23 февраля 1750 года. В тот день в Зимнем дворце собралось семьдесят девять человек из числа чинов высшего придворного штата. Среди них — Алексей Григорьевич Разумовский и Иван Иванович Шувалов, супруги Разумовские, Воронцовы, Шуваловы (Петр Иванович и Мавра Егоровна), Бутурлины, Юсуповы, Шепелевы, Белосельские, Апраксины, Сиверсы, Возжинские и другие. Многие кавалеры явились без своих дам, например, Семен Кириллович Нарышкин и Вилим Вилимович Фермор. На маскарад также пожаловали принцесса Анастасия Ивановна Гессен-Гомбургская, гофмейстерина Татьяна Борисовна Голицына и восемь старших фрейлин: от Ее Высочества — две (Анна Гагарина и Елизавета Воронцова), а от Ее Величества — шесть, в том числе и любимица императрицы Прасковья Григорьевна Бутакова.

Съезжаться в галерею начали в шестом часу, наследник с супругой вышли туда в восьмом и сразу же открыли бал-маскарад. Императрица присоединилась ко всем немного позже. Танцевали до одиннадцати ночи. Мужчины — в самарах, женщины — «в кавалерском платье». Насмеявшись вдоволь над несуразностями камергеров, камер-юнкеров, руководителей различных ведомств и их в большинстве своем уже не молодых жен, царица подала лакеям знак, и те вынесли шесть тарелок с записанными на листах номерах — кавалерскими и дамскими. Елизавета перемешала листы и первой потянула жребий. За ней разыграли лотерею Их Высочества и все прочие. Царице достался № 12 за первым столом. Ее «дамой» под 12-м номером судьба назначила быть Семену Кирилловичу Нарышкину. Выяснив, кто с кем и за каким столом будет ужинать, участники маскарада в начале двенадцатого часа отправились в «новые парадные покои», где в двух комнатах стояли накрытые столы: в первой — два и один — в соседней. Императ-

158
рица с Нарышкиным по левую руку села за стол, расположенный у окон, выходящих во внутренний двор. Рядом с ними со своей «дамой» находились великая княгиня и еще шестнадцать пар. Великий князь с другими занял стол возле окошек с видом на Неву. За третьим столом разместились всего семь человек. Ужин под звуки инструментальной итальянской музыки продолжался до второго часа ночи, после чего бал-маскарад на короткое время возобновился и, повеселив напоследок сорокалетнюю императрицу, завершился под утро.

В следующий раз набраться терпения для несения опостылевшей повинности окружению императрицы надлежало 23 октября того же 1750 года. Больше всех должно было достаться, наверное, обер-гоф-мейстерине Голицыной, которой царица приказала приехать на маскарад в мужском домино, в парике и в шляпе. Однако, когда наступил час испытаний, случилось невообразимое. Елизавета к гостям не вышла. Роль хозяев бала легла на плечи великой княгини и ее мужа. Только без императрицы веселью чего-то не хватало. Без особого энтузиазма дамы и кавалеры оттанцевали положенные шесть часов с перерывом на ужин, после чего разъехались по домам. А императрица в это время сидела в зеленой комнате дворца и размышляла о чем-то под монологи кадет, собранных на внеочередную репетицию трагедии Александра Сумарокова «Синав и Трувор»...¹⁵

Если юные участники маскарада предпочитали увлеченно танцевать полонезы и менуэты в Тронном зале, старшее поколение в статс-дамской комнате за зелеными столиками с не меньшим азартом «понтировало», «пасовало» или «брало на понт». Впрочем, последнее встречалось крайне редко, ибо сбрасывать восемь карт, чтобы в числе снятого с колоды прикупа занять туза красной масти, решались единицы. Ведь это — верный проигрыш. Поэтому сидевшие за ломберным столом трое игроков терпеливо торговались, а затем с помощью малой и большой каски (замены восьмью или всеми девятью карт) делали "прикуп, стараясь собрать для себя девять лучших

159

карт. И только потом, выбрав козырную масть, приступали к розыгрышу. Обладатели

матадоров (шпа-дили — туза пик, манилии — самой младшей козырной карты и басты — туза треф) не спешили скидывать главный козырь, а выкладывали его на стол в самом крайнем случае, чтобы карты соперников наверняка перешли к ним. Побеждал тот, у кого по окончании игры оказывалось на руках больше взяток, то есть четыре и более. Впрочем, ломбер с разновидностями — игра весьма сложная, со многими тонкостями, трудными подсчетами очков, жетонов и фишей. Куда проще и занятнее сразиться в фараон, в который играли в той же статс-дамской комнате за одним из соседних столов. Банкомет тасовал две полные колоды, всего сто четыре карты. А те, кто понтировал против него, выбирали из собственной колоды понравившуюся им карту и ставили на нее ту сумму, с которой не жалели расстаться. Банкомет начинал метать банк. Первую карту клал справа от себя, вторую — слева; третью снова — справа, а четвертую — слева и т. д. Результат каждого абцуга он объявлял присутствующим. Например, так «Король — убит! Краля — дана!* либо «Двойка — убита! Хлап — дан!» (кралей и хлапом в восемнадцатом веке называли, соответственно, даму и валета). Масть в расчет не принималась. Если карта, совпавшая с картой того или иного понтера, ложилась налево, то игрок получал выигрыш, соразмерный своей ставке, если направо — его деньги уходили банкомету. Две последние карты колоды выигрыша не давали. Так что абцуг «под крышу» являлся поражением. А еще понтер имел право делать ставку «пароли». Это когда он рисковал ждать двух выпадений своей карты налево. В противном случае — проигрыш. Вот и все основные правила игры фаро или банк¹⁶.

Во втором часу ночи участников маскарада пригласили в галерею отведать вечернее кушанье. Ужинали по очереди. Часть продолжала развлекаться, часть отправлялась на трапезу. Затем все менялись местами. Их Императорские Высочества откушали вместе со всеми, ничем не подчеркнув свой высокий общественный статус. Даже стулья им подали такие же, как и ос-

160

гальным. В исходе третьего часа галерея опустела. Большинство засобиралось домой. Меньшинство еще около часа посвятило танцам и картам. Около четырех часов утра и самые стойкие покинули Летний дворец.

А как же турецкий посланник? Он присутствовал на празднике. Вечером 21 мая со свитой Магомед-Эфенди понаблюдав за веселящейся толпой придворных, заглянул в буфетную, уклонившись от ужина в специально убранной для того комнате. А затем, отдохнув немного в офицерской столовой, почетный гость в сопровождении ряда официальных лиц отправился осматривать скульптуру и аллеи прилегающих к дворцу первого, второго и третьего Летних садов.

Участвовал ли в этой прогулке Александр Иванович Полянский, неизвестно. Однако ровно через десять дней турецкий посол совершил поездку в Кронштадт, где капитан-командор Кейзер (подчиненный А. И. Полянского) продемонстрировал ему «каменной канал» Петра Великого с размещенным в нем недостроенным восьмидесяти пушечным линейным кораблем, стоящие на рейде в военной гавани фрегаты, а также гордость Балтийского флота — стопушечный линкор «Захарий и Елисавет». Оттуда дипломат на яхте «Вирцоу» отплыл в Ораниенбаум¹⁷.

Глава 7

Будни придворного

1755

июнь

06. Приказал Иван Иванович прокурору объявить указ именной о пожаловании, и о выключке, и об определении к синодальным делам А а.

14. Была отпускная аудиенция турецкому посланнику.

16. Их высочества поехали из СПб в Ораниенбаум.

17- Государыня изволила поехать.

18. Поехали в Петергоф. 24. Был у ручки Великого князя П[авла] Петровича].

С наступлением лета Санкт-Петербург заметно «пустел. 17 июня 1755 года императрица отправило

161

лась за город. До конца месяца развлекалась на свежем воздухе в Петергофе. В июле переехала на новое место, обосновавшись в Царском Селе. За царицей потянулся и весь Двор. Одни по желанию Елизаветы Петровны составили ей компанию в петергофской и царскосельской резиденциях, другие выпросились на летний сезон в свои деревни. Среди прочих отдохнуть в сельской глуши захотел и обер-гофмейстер Ее Величества Христиан Вильгельм Миних.

Старик, которому в апреле стукнуло семьдесят лет, с большим удовольствием укрылся на пару месяцев от столичной суеты в отдаленной ливонской мызе Луния (близ Дерпта). Он всегда любил уединяться в усадьбе, пожалованной ему Елизаветой в 1744 году, чтобы, чередуя заботы по управлению имением с чтением философских и исторических книг, предаваться на лоне природы тому образу жизни, за который так ратовали тогдашние властители дум — энциклопедисты.

После возвращения в 1749 году в Россию любимой жены, жившей с тех пор с детьми в прибалтийском имении практически безотлучно, барон старался вырываться в Лунию еще чаще. Несмотря на то, что после отъезда Елизаветы Миних в Германию в 1742 году его одиночество скрашивало присутствие сыновей, обер-гофмейстеру очень не хватало супруги. Он сильно тосковал по ней в течение долгих семи лет, пока баронесса проживала в Любеке, и интенсивная переписка с ганзейским городом фактически являлась единственной отрадой сановника. Так престарелый вельможа и коротал те годы — от письма до письма, посвящая свободные часы визитам во дворец или к друзьям, приемам гостей, хозяйственным вопросам, забавам с сыновьями и затворничеству в домашней библиотеке¹...

В среду 8 октября 1746 года первую половину дня Христиан Вильгельм Миних провел у себя на квартире, в особняке генерал-майора Ульяна Акимовича Се-нявиия в 1-й линии Васильевского острова, напро-

162

тив главного здания Сухопутного кадетского корпуса. Накануне, 7-го числа, он прямо из дома гостеприимной госпожи Румянцевой послал слугу на петербургский почтамт с очередным письмом к жене, шестьдесят пятым за этот год. Барон снова утешал супругу, заверяя ее, что тяжелое финансовое положение, образовавшееся из-за задержки шеститысячного жалованья с 30 апреля прошлого года, скоро выправится, и она получит от него необходимую для спокойной жизни сумму.

Именно денежные проблемы заставили барона в тот день отправить шесть принадлежавших ему цу-говых лошадей с двумя конюхами в ливонскую мызу Луния в сопровождении приезжавших в Петербург тамошних крестьян. Быстро худеющий кошелек принуждал обер-гофмейстера к жесточайшей экономии.

Избавляться приходилось от всего, без чего можно было обойтись. Лошади для роскошного экипажа требовались редко, зато корм они потребляли в огромных количествах. Между тем пуд сена на рынке стоил шестнадцать копеек, а куль овса — рубль шестьдесят копеек. Поэтому господин Миних посчитал более разумным держать сей мини-табун в деревне, на самообеспечении, чем тратить на него немалые средства из своего скудного бюджета.

Проводив маленький отряд в путь и наказав конюхам перегонять лошадей без спешки, так, чтобы уложиться в двенадцатидневный срок, вельможа выкроил немного времени для сочинения промемории о собственных финансовых тяготах, предназначенной М.

Л. Воронцову, потом пообедал и стал собираться с визитом в Зимний дворец, куда накануне, в третьем часу дня из Летнего дома торжественно переехала императрица. Согласно полученной этим утром повестке отныне кавалерам, статс-дамам и фрейлинам надлежало посещать Двор, ради вечернего куртага, ежедневно в пять часов пополудни. Причем государыня установила для женщин жесткие рамки при выборе наряда: статс-дамам — шлафоры, фрейлинам — кафтаны. О причинах неожиданной замены еженедельных вое-

163

кресных приемов ежедневными в бумаге не говорилось. Но догадаться о них мог любой. С 10 сентября по 7 октября Двор носил траур по скончавшемуся датскому королю Христиану VI. Затем после короткого перерыва предполагалось две недели скорбеть по юной французской дофине Марии-Терезе-Рафаэле, родившей 19 июля девочку и умершей через три дня. Разумеется, несколько суток отдыха от черных костюмов не стоило терять даром. Оттого каждый вечер со среды до воскресенья превращался в куртажный. Общество, танцую и играя в карты, наверстывало упущенное в сентябре, а кроме того, запасалось впечатлениями на предстоящие траурные полмесяца.

В назначенное время обер-гофмейстер уже прохаживался по блестящему паркету парадной галереи императорского дворца и первой статс-дамской антикамеры, беседуя то с одним, то с другим придворным. Как обычно, в тот вечер барон долго общался с Анной Карловной Воронцовой и великой княгиней Екатериной Алексеевной. Ее Высочество привязалась к этому чудаковатому старику, знавшему немало поучительного и полезного, и любила беседовать с ним. Христиан Вильгельм помогал ей вести переписку с матерью, а кроме того, частенько цитировал принцессе письма обожаемой жены — женщины образованной и весьма умной.

В четверг 9 октября Христиан Вильгельм завершил работу над мемориалом о прискорбном финансовом состоянии своей семьи. Стесняясь жаловаться от собственного имени, он сделал героем прошения жену, расписав все тяжелые условия быта, которые выпали на ее долю из-за отсутствия регулярно посылаемых из России денег. Не забыв приобщить к этому меморандуму письмо супруги с упреками в адрес забывшего долг мужа, Миних в заключение поинтересовался у вице-канцлера, как ему лучше поступить: напрямую обратиться к императрице или прибегнуть к какому-нибудь иному средству.

Затем секретарь, также давно не видевший причитающегося из казны жалованья и живущий на пол-

164

ном обеспечении шефа, переписал мемуар набело, после чего обер-гофмейстер поехал к графу Иоганну Лестоку на торжественный обед с участием сенаторов и нескольких иностранных посланников. Надеясь застать на приеме графа Воронцова, Миних взял с собой оригинал промемории.

Послеполуденное застолье во дворце лейб-медика порадовало великолепным угощением и радушием добросердечного хозяина. Помимо сенаторов, в гости к президенту Медицинской канцелярии пожаловали генерал Степан Федорович Апраксин, гофмаршал великого князя Отто Фридрих фон Брюммер, генерал Вахтмейстер, саксонский посланник Людвиг Фицтум и польско-саксонский резидент Иоганн Сигизмунд фон Петцольд. А вот вице-канцлер заглянуть на огонек к вождю профранцузской партии не смог. Наверное, поэтому барон раньше всех простился с веселой компанией и к пяти часам явился в Зимний дворец, где у него, видимо, хватило терпения дожидаться приезда заместителя Бестужева, чтобы передать прошение по очень важному личному вопросу.

Там же, в галерее или в одном из примыкавших к ней дворцовых покоев барон встретился и переговорил с обер-гофмаршалом Д. А. Шепелевым. Примечательная картина предстала глазам стороннего наблюдателя. Официальный глава русского Двора не без уничижения спрашивал о чем-то своего подчиненного. Речь шла все о том же невыплаченном годовом окладе. Брат опального фельдмаршала не рискнул всецело положиться только на вице-канцлера. Но еще прежде обратился с аналогичной просьбой к фактическому руководителю придворного ведомства — обер-гофмаршалу Шепелеву.

Дмитрий Андреевич отреагировал на мольбу старика оперативно. Он воспользовался первым удобным случаем и поведал Елизавете Петровне о нужде, которую испытывал обер-гофмейстер, прибавив, что в Придворной конторе денег на все недостает.

Подумав, императрица решила выдать жалованье Миниху из московской Дворцовой канцелярии. Тог-

165

да Шепелев напомнил самодержице о необходимости послать в Первопрестольную соответствующий указ. Елизавета согласилась с вельможей, отложив сочинение документа на потом.

Передав содержание беседы с государыней, обер-гофмаршал сокрушенно посетовал, что указ, к сожалению, до сих пор им не получен. Все же барон возвратился к сыновьям в немного приподнятом настроении. Ведь императрица узнала о постигшем его несчастье и пообещала исправить положение.

День 10 октября, пятница, начался с примерки нового, более теплого костюма, сшитого к зиме. Обновка понравилась и отцу, и окружившим старика детям. Да и нагрянувшему с визитом гостю, похоже, тоже. Господина Беннигсена, племянника саксонского посланника Фицтума, Христиан Вильгельм встретил с распростертыми объятиями. Услышал от него немало новостей и сам не остался в долгу. Визитер вручил барону письма, в том числе от пасынка, подполковника Миниха, которые отчим распечатал прежде всего. Приемный сын сообщал, что пребывает в добром здравии и живет с супругой и с малым ребенком в деревне своего тестя, в Лифляндии. После обеда, распрощавшись с племянником Фицтума, барон засобирался в Зимний дворец, лелея надежду все-таки узнать мнение вице-канцлера о поданном ему мемориале. Однако короткое общение с Михаилом Ларионовичем в царских чертогах Миниха расстроило. Воронцов не успел прочитать прошение, ибо весь день провел на конференции с чужестранными министрами.

Тем же вечером обер-гофмейстера уведомили еще об одном досадном происшествии. Накануне, когда барон уже покинул резиденцию императрицы, туда прикатил Иоганн Лесток с устроенной им дома пирушки совершенно пьяный. Государыня и так косо посматривала на бывшего «любимца». А тот, словно нарочно, беспутными поступками усугублял ее недовольство.

11 октября, в субботу, до полудня Христиан Вильгельм уединился в кабинете за письменным столом,

166

чтобы ответить на полученную в предыдущие дни корреспонденцию. Послание к жене на французском языке вышло из-под его пера последним:

«Предорогая моя!

Усмотря из приятного Вашего письма № 83 от 7 числа сего месяца, что бесполезно было б Вас более о терпении увещевать, я ныне промеморию сочинил для подания драгому Графу, в которой я внести ничего не забыл для показания ему затруднений, в которых мы находимся по причине неполучения ни одной копейки жалованья с 30 числа апреля 1745 году. Причем я приложил и Ваше письмо, чтоб он сам мог прочесть

то прискорбное состояние, в которое Вы тем приведены...» Рассказав супруге о предпринятых шагах по исправлению тягостной ситуации, Миних писал далее: «И тако Вы, моя драгая, видите, что сие дело уже в предложении, и что одним или другим образом я скоро пять тысяч девятсот сорок рублей получу, которые мне за сей год принадлежат... Тако я из того к Вам довольно переведу. И в том будте обнадежены. Сверх же того, Вы получите вскоре доходы с Гун-торфа и капиталы Борга, и наши. И тако уповаю, что Вы из сих затруднительных обстоятельств вскоре выт-ти можете... Болше ж того мне делать было нечего, ибо докучать Ея Императорскому Величеству челобитными в такое время, когда другие придворные персоны и наиболшие фавориты в том же случае со мною находятся, то, Вы сами разсудить можете, что оно было б не пристойно. И доброго действия произ-весть не могло б. Наипаче ж с такою самодержицею, которая крайне чувствительна, которая любит жало-нать сама собой и без всякия прозбы. И тако не может быть, как вредно, да еще и опасно, ежели б коснуться Деликатности Ея в том сентиментов. И для того дерзаю себя ласкать, что на конец Вы мои поступки ап-робуете». Затем барон ознакомил жену с хроникой минувших со вторника 7 октября четырех суток. На Фразе «Сего дни я обедать буду, яко день Бургунда, у 1^анинга, ныне день ево рождения...» обер-гофмей-стер прервался. Пора было отправляться на этот самый день рождения, что он, не мешкая, и предпринял.

167

Генерал Виллим Генинг отметил юбилей в узком кругу. Семья, граф Лесток, голштинский министр Иоганн Фрайхер Пехлин, вдова Синодия Принцен-штерн, барон Миних — вот и вся компания. Но и в камерной атмосфере праздник прошел весело и интересно. Как по заказу, торжество увенчал неожиданный сюрприз: господину Миниху принесли письмо от супруги. Из него собравшиеся вычитали радостную весть. Их друг, обер-камергер великого князя Фридрих Вильгельм Берхгольц, отплывший недавно на корабле из России, целым и невредимым сошел на берег в Любеке и сразу же навестил госпожу баронессу Миних.

Вернувшись под вечер домой, обер-гофмейстер снова взялся за перо: «... Возвратясь с оного пира, окончаю сие письмо, а потом ко двору поеду... Я от Ге-нинга возвратился. Были там толко Лесток, Пехлин, мадам Принценштерн. Однако ж мы были веселы. И оно веселие толь совершеннее было, что при конце обеда принесли ко мне Ваше драгое письмо № 84...» Поблагодарив жену за хорошую весть о Берхгольце, муж так завершил письмо: «Живи благополучно и всегда меня люби, моя дражайшая. Ваш нижайше покорнейший и верный Миних*».

Отлучка в Зимний дворец, очевидно, ради встречи с вице-канцлером, и на сей раз не оправдала ожиданий. Вывесть у Воронцова «его сентименты и способы, которые он... дать может...», вельможе не довелось. Деловой разговор пришлось отложить на пару дней.

Первую половину воскресенья 12 октября Христиан Миних, скорее всего, просидел дома. Либо возился с детьми, либо изучал амбарные книги, либо перелистывал томики в кожаных переплетах. Барон любил перечитывать любимых авторов и частенько прятался в библиотеке от внешнего мира на день, два, а то и больше. Именно так он поступил после кадровой «революции»* 23—25 мая 1746 года, когда Елизавета Петровна приставила к Петру Федоровичу и Екатерине Алексеевне новых обер-гофмейстеров — В. А. Репнина и М. С. Чоглокову. Уже в понедельник,

168

26-го числа их коллега поспешно улизнул из царской резиденции к себе на Васильевский остров, где целую «неделю в самой тишости препроводил без всякой другой компании, кроме... книг», в ожидании, пока при Дворе улягутся страсти,

разыгравшиеся из-за какой-то провинности великокняжеской четы².

В Россию Карл Петр Ульрих Голштинский приехал симпатичным четырнадцатилетним подростком, добрым, простодушным и немного застенчивым. Не сразу императрица заметила в характере племянника две не красившие юношу черты — слабоволие и капризное упрямство. А еще, как вскоре выяснилось, герцог обладал совершенно заурядными умственными способностями, явно недостаточными для будущего российского императора. Страстно увлеченный военной муштрой и математикой, молодой человек откровенно скучал на уроках истории, географии и морали. Все попытки профессора Я. Штелина посредством забав заинтересовать ученика этими предметами, важными для государя, успехом не увенчались.

И напрасно академик обвинил в неудаче гофмаршала Брюммера, якобы воспитавшего принца в грубости и невежестве. Строгий и в то же время благодушный наставник тут ни при чем, ибо невозможно из человека с задатками неплохого военного инженера сделать хорошего политика. Великому князю нравились науки точные — геометрия, алгебра и фортификация, а отнюдь не терзающие проблемой выбора гуманитарные. Прибавим сюда ту легкость, с какой Петр Федорович подпадал под чужое влияние, и трудно будет не согласиться с мнением многих, например Ф. Розенберга, считавших, что Его Высочеству суждено быть великим монархом, если рядом с ним окажутся верные и умные советники, то есть те, которым придется реально управлять страной. К сожалению, данный вполне приемлемый вариант всегда находился под угрозой срыва из-за наличия еще одного негативного фактора — привычки

169

герцога любой ценой добиваться исполнения той или иной своей прихоти. Каждый вправе по-разному относиться к поведению наследника престола. Но нельзя не признать, что и пустяковое принуждение лакеев да пажей наряжаться в кадетские суперверсы или в гренадерские мундиры, и настойчивость в занятиях с прислугой экзерцициями (вопреки запрету царицы), и фанатичное желание русскими штыками очистить район Голштинии, оккупированный некогда Данией, — события одного порядка. Не случайно реакция подчиненных на эти на первый взгляд несоразмерные капризы Петра Федоровича практически тождественна. Так, осенью 1745 года камерлакей Андрей Чернышев, неизменный участник великокняжеских веселий, в беседе с камердинером А. Г. Разумовского Алексеем Евреиновым вдруг пожаловался графскому холопу: «Вот, де какое житье!.. Я б рад от Комнаты Его Императорского Высочества прочь... к другой какой-нибудь Комнате!» Минет семнадцать лет, и летом 1762 года целый столичный город Петербург, пережив аналогичное разочарование, отвернется от безрассудного Петра, чтобы присягнуть разумной и ненавистой царю Екатерине.

О враждебности августейших супругов написано немало исследований и романов. Едва ли не во всех причиной конфликта называют детские ребячества и равнодушие мужа к собственной жене. А источником для подобных утверждений служат мемуары Екатерины II, которая вроде бы еще в 1744 году однажды «увидела ясно, что он [герцог Голштинский] покинул бы» ее «без сожаления->, после чего и сама охладела к нему. Однако в предварительном наброске воспоминаний царица отозвалась о предсвадебном периоде не столь категорично: «По-видимому, я ему нравилась. Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился. Я умела только повиноваться». Сравним эти строки с цитатой из письма, сочиненного на рубеже 1755—1756 годов и адресованного С. Понятовскому: «Я ему [Петру] так понравилась, что он целую ночь... не спал... Он мне не совсем... не нравился. Он был красив, и я так часто слышала о

170

том, что он много обещает, что я долго этому верила». Интересная эволюция оценок

произошла у Северной Семирамиды с течением лет! Какая же из них соответствует истине? Оказывается, ни та, ни другая, ни третья, хотя последняя, пожалуй, наиболее близка к ней³.

Правда заключается в том, что в феврале 1744 года Карл Петр и София Фредерика искренне полюбили друг друга и почти полтора года прожили в мире и согласии. Ни ребячества жениха, ни претензии невесты на лидерство не омрачили их взаимной симпатии. Возможно, рано или поздно они все-таки рассорились бы. А возможно, сумели бы и впредь ладить между собой. Теперь трудно судить об этом, потому что провидение распорядилось по-своему: в ноябре 1745 года в семье возникла серьезная размолвка из-за политических разногласий, которая, разрастаясь, через полгода потребовала энергичного вмешательства в конфликт супругов императрицы, увы, запоздалого и не вполне корректного.

С чего все началось? С кончины главы священной Римской империи Карла VII 9 (20) января 1745 года. Полномочия викария — лица, исполняющего обязанности императора — до момента избрания нового германского цесаря перешли к курфюрсту саксонскому и королю польскому Августу III, искавшему в России защиты от прусских притязаний. Этим обстоятельством воспользовался А. П. Бестужев, чтобы завоевать расположение великого князя, а заодно вывести Голштинское герцогство из-под контроля неблагодарного регента — профранцузски настроенного епископа Любекского Адольфа Фридриха, в июле 1743 года ставшего при поддержке России шведским кронпринцем. Министр собирался добиться у польского монарха досрочного провозглашения совершеннолетия герцога Голштинского, а от императрицы — согласия на назначение администратором княжества безвольного приверженца бестужевской партии принца Августа, брата епископа.

5 февраля 1745 года Август Голштинский, служивший в голландской армии полковником, приехал в Петербург. 28 марта Елизавета разрешила канцлеру 171

испросить в Дрездене грамоту о «майоринстве» Петра Федоровича. 21 мая Бестужев сообщил царице о получении саксонским посольством необходимых документов. И тут же граф предложил совместить церемонию обнародования воли викария с пожалованием принца Августа на должность голштинского «статгальтера». Но вышла осечка. Императрица не поддержала канцлера и предоставила великому князю право самостоятельно сформировать правительство герцогства. 17 июня саксонский резидент Иоганн Петцольд на аудиенции в Петергофе вручил государыне диплом, объявлявший о достижении внуком Петра Великого зрелого возраста. Перед молодым немецким государем встал вопрос, кто займет место Адольфа Фридриха.

В психологическом плане Бестужев рассчитал комбинацию весьма точно. Петр Федорович, в знак признательности канцлеру, выразил намерение утвердить его креатуру на высокий пост, невзирая на то, что дядя на роль управленца абсолютно не годился и, безусловно, был бы по существу марионеткой русского Двора. Однако с превращением родного княжества в бессловесный придаток Российской империи не хотели и не могли смириться окружающие наследника коренные голштинцы во главе с верным сторонником шведского кронпринца графом Брюм-мером — потенциальным преемником регента. Помимо гофмаршала, активными членами оппозиции являлись также камергер Берхгольц, принцесса Ан-гальт-Цербстская Иоганна-Елизавета и... дочь принцессы, великая княгиня Екатерина Алексеевна. Причем невеста великого князя, похоже, отличалась наибольшей решимостью и бескомпромиссностью. Когда по возвращении из Петергофа (Двор переехал в Петербург 17 (28) июля) Брюммер сообщил ей о том, что Адольф Фридрих, ради восстановления нарушенного согласия с племянником, не исключено, одобрит кандидатуру брата, та стала энергично уго-

варивать лидера голштинской партии «тому так препятствовать, чтоб оно неvozпоследовало». Очевидно, основные надежды патриотическая фракция воз-
172

лагала именно на Екатерину — любимую жену герцога. 9 (20) августа епископ Любекский написал сестре, принцессе Ангальт-Цербстской: «Признавая охлаждение между мною и великим князем чрезвычайно опасным для нашего дома, считаю необходимым предупреждать все внушения, которые... сделаны... ему против меня. Я уверен... что вы приложите к тому все свои старания. Я требовал того же и у великой княгини по вашему совету. Я... пришлю вам два экземпляра с цифирью, которые вы и великая княгиня можете употреблять... Я вас усерднейше прошу внушать ей, чтобы она в этих случаях поступала со всевозможным благоразумием и осторожностью». Партия Бестужева тоже не сидела сложа руки. Петру Федоровичу довелось услышать немало интересного о собственном гувернере — покровителе голштинских министров-казнокрадов и тайном агенте шведского наследника при наследнике российском. Параллельно на стол Елизаветы Петровны, относившейся к Брюммеру с уважением, канцлер клал папки с компроматом, собранным в Киле российским посланником в Дании Корфом. Ужасными историями о злом и порочном наставнике великого князя Бестужев пытался спровоцировать увольнение гофмаршала. Опережая события, он даже заранее пообещал дипломатам союзных стран (Гиндфурту, Дедье, Розенбергу) высылку Брюммера и Иоганны-Елизаветы на родину сразу же после церемонии бракосочетания. В общем, битва за Голштинию на фоне приготовлений к великокняжеской свадьбе развернулась нешуточная.

Исход сражения целиком зависел от того, кто из соперников сумеет первым правильно понять характер герцога и подгадать момент для оглашения доводов, компрометирующих противника. Хотя Брюммер, Давно знакомый с Петром, обладал тут явным преимуществом, гофмаршал вел себя на удивление пассивно. В послании госпоже Брокдорф от 3 (14) сентября граф объяснил, почему: «Я... ни о чем ином не Думаю, как бы только [отсюда] ретироваться... и о своем колеблющемся здоровье рачение иметь». Все

173

уговоры друзей и соратников не складывать оружия и до конца бороться с Бестужевым и принцем Августом не заставили Брюммера изменить решение. Об этом свидетельствует другое письмо госпоже Брокдорф, датированное 29 октября (9 ноября) 1745 года: «Мой план еще паче прежнего в твердости своей пребывает. Но я не отстану, не усмотря явственно о будущем не для меня, но для других креатур... Я, будучи философом, малым довольствоваться умею*.

Таким образом, после отъезда 28 сентября (9 октября) в Германию принцессы Ангальт-Цербстской упорное сопротивление канцлеру оказывала лишь юная, бесстрашная и неопытная великая княгиня Екатерина Алексеевна, которая, естественно, была обречена на поражение. Уже накануне свадьбы Петр Федорович в разговорах со слугами проронил многозначительную фразу: «Маршал Брюмер — человек нравной. Толко он не столько будет иметь власти, когда я возымею сочетание брака. Может тогда всемиловейшая государыня изволит его от Двора уволить, или... Брюмер будет жить за Двором, и я уповаю, что ему дела [до меня] не будет*. Эта реплика наглядно демонстрирует, чаяния какой партии в скором времени намеревался удовлетворить великий князь. Тем не менее супруга Петра Федоровича практически в одиночку продолжала сражаться, полагая, видимо, переломить ситуацию, сыграв на любви к ней мужа. Но женские чары не справились с «нелицемерной» мужской дружбой, и 13 (24) ноября 1745 года Петр Федорович «декларировал» принца Августа «штатгальтером* Голштинии. 16 (27) ноября голландский резидент Шварц,

комментируя назначение, заметил, что «чрез несколько недель великая конфиденция и дружба между Его Императорским Высочеством... и господином канцлером присматривается, и я твердо обнадежен, что она с обеих сторон истинна и нелицемерна есть»⁴.

Судя по всему, Екатерина пережила огромное потрясение, узнав о триумфе Бестужева. Неизвестно, какие беседы супруги вели о претендентах на должность администратора, но, вероятно, между ними су-

174

ществовала некая договоренность, которую Петр Федорович под давлением канцлера нарушил. Муж по слабости характера не сдержал слова, а жена, разочаровавшись в нем, не простила предательства. А дальше все потекло по стандартному сценарию. Первая семейная ссора породила вторую, потом грянула третья... На публике оба соблюдали приличия, а дома Екатерина откровенно унижала Петра за потакание врагу. Вспыльчивый великий князь, естественно, не безмолвствовал. Знаменитая коротенькая записка Петра Федоровича, перехваченная в феврале 1746 года Штелиным, скорее всего, является отголоском того серьезного кризиса, который перечеркнул будущее молодой пары: «Мадам, я прошу Вас не беспокоиться, что эту ночь Вам придется провести со мной, потому что время обманывать меня прошло. Кровать была слишком тесной. После двухнедельного разрыва с Вами, сегодня после полудня. Ваш несчастный муж, которого Вы никогда не удостаивали этим именем*.

Возраставшее от скандала к скандалу отчуждение между Петром и Екатериной побуждало великого князя искать утешение и сочувствие среди любимых слуг. Камердинер родом из Швеции Густав Румберх пользовался наибольшим доверием господина. Камер-лакей Андрей Чернышев занимал второе место по влиянию на герцога Голштинского. Ну а как успокаивал хозяина камердинер, сражавшийся в прошлом под знаменами Карла XII, догадаться нетрудно. Румберх начал травить душу великому князю повествованиями о славном шведском государстве и упущенном принцем шансе стать королем этой прекрасной державы, о коварных русских министрах и придворных, интригующих везде и всегда, о грубых нравах русского дворянства, радеющего лишь о собственной выгоде. Проповеди Румберха легли на благодатную почву. Петр Федорович проникся ими и как-то раз, одеваясь, не без печали произнес такие слова: «Да, когда бы шведы меня к себе на перед взяли, то б я большее волность себе имел!..»

Елизавета Петровна в дни боев за власть в Голштинии сохраняла нейтралитет, хотя и дружественный

175

для Бестужева. Она была в курсе всех ключевых событий, читая копии перлюстрированной на почтамте корреспонденции дипломатов, Брюммера, принцессы Ангальт-Цербстской, ее дочери, обер-гофмейстера Миниха. Кстати, царица распорядилась вскрывать письма Иоганны-Елизаветы и воспитателя Петра 18 июня 1745 года, заметив накануне, каким неприятным сюрпризом явился для них презент польского короля. Впрочем, самодержица, ведая о желании гофмаршала покинуть Россию, не пошла навстречу Алексею Петровичу, проигнорировала басни, сочиненные в Киле адептами Корфа, и никого не выпроваживала после великокняжеской свадьбы из империи, несмотря на прозвучавшие в марте обещания канцлера. А мать Екатерины уехала в сентябре 1745 года на родину добровольно, без какого-либо подспудного принуждения. Ее в Цербсте ждали муж, дети, родственники. К тому же отъезд Иоганны-Елизаветы планировался задолго до бестужевских заверений. Еще 8(19) апреля 1744 года она написала мужу: «Бог знает, когда я отсюда отправиться могу. Однако ж, твердо уповаю, что оное еще прежде окончания сего года учинится». Но на

новый год принцесса не появилась в Цербсте, и Христиан Август запросил разъяснений у самой императрицы. Та 27 марта велела отписать в Германию, что «Ее Светлость... от-сюду по совершении супружества Их Императорских Высочеств» поедет. Свадьбу же сыграют в июле. Но очередная задержка бракосочетания до 21 августа 1745 года отсрочила время прощания тещи наследника с Россией еще на целый месяц.

Императрица не увидела ничего зазорного в заступничестве за Брюммера великой княгини и не думала упрекать за это невестку (лишь запретила 23 сентября пользоваться «цифирью» шведского кронпринца), пока весной 1746 года вдруг не обнаружила, насколько близко к сердцу приняла Екатерина свою неудачу. Только тогда государыня решила расстаться с Брюммером и поручила Бестужеву срочно разработать инструкции для двух новых гофмейстеров великого князя и великой княгини — В. Н. Реп-

176

нина и М. С. Чоглоковой. О Марии Симоновне, как претендентке на пост гувернантки Екатерины, при Дворе заговорили уже 30 сентября 1745 года, в день увольнения М. А. Румянцевой с этой должности. Однако ничего конкретного сделано не было. Императрица опрометчиво рискнула оставить великую княгиню без надзора, понадеявшись на благоразумие и ответственность любимицы. И вот пришлось расплачиваться за ошибку.

10 мая 1746 года Бестужев ознакомил государыню с проектами наказа для Чоглоковой и обращения к Брюммеру и Берхгольцу с намеком на предпочтительность их ухода по собственному желанию. 11-го числа подоспели статьи, предназначенные для Репнина. Тексты инструкций свидетельствуют о стремлении императрицы, еще не знавшей о «лекциях» пожилого камердинера, осуществить кадровую реформу плавно и постепенно, а кроме того, раскрывают причину, побудившую заняться рокировкой, — семейные распри, вызванные недовольством жены политическими симпатиями мужа. Первый документ обязывал Чоглокову приложить «крайнейшее старание... дражайшее доброе согласие и искреннейшую любовь и брачную поверенность между обоими Императорскими Высочествами... неотменно соблюдать, наималейшей холодности или недоразумению приятным советом и приветствием... предупреждать и препятствовать... чтоб Ея Императорское Высочество с своим супругом всегда с... добрым и приветливым поступком... угождением... уступлением, любовью, приятностию и горяче-стью обходилась и... все случаи к некоторой холодности и оскорблению избегать». Далее, в пункте четвертом, авторы деликатно обозначили источник семейной драмы: «Ея Императорское Высочество... наиразумнейше учинит, когда в здешния государст-венныя или голштинскаго правления дела и до того касающееся мешаться или комиссии и заступления на себя снимать, наименьше же в публичных и партикулярных делах противную сторону против своего супруга принимать не станет...» Репнину беречь

177

супругов от ссор порекомендовали вскользь. Перед ним поставили иную важную задачу — отучить великого князя от забав с лакеями и ребячества, привить ему охоту к систематическому образованию и полезным занятиям.

К сожалению, мягкой и поэтапной смены воспитателей не получилось. 23 мая 1746 года Елизавета Петровна уведомила о новых взглядах Петра Федоровича на Швецию и Россию, внушенных кем-то из прислуги, и поняла, что медлить больше нельзя. В тот же день всех известных ей наперсников герцога — камердинера Густава Румберха, камер-лакея Андрея Чернышева, лакеев Александра Долгого и Григория Леонтьева вместе с двумя братьями Чернышева лакеями Алексеем и Петром —

скопом и без дознаний услали от Двора и из столицы в глубь страны. Главного подозреваемого — Румберха — повезли в Москву в контору Тайной канцелярии, прочих удостоили ранга армейского поручика, подпоручика или прапорщика и командировали в разбросанные по провинциям полки. Потом императрица вызвала к себе Алексея Петровича Бестужева и Василия Никитича Репнина и велела канцлеру тотчас познакомить великого князя с преемником Брюммера. В пятом часу вечера царица внезапно уехала в Красное село, а оттуда в Петергоф. Тем временем Репнин с наследником посетили кадетский корпус.

Зачем. Елизавета отлучилась на охоту за город и спешно вернулась к полуночи в субботу, стало ясно в воскресенье 25 мая: великая княгиня Екатерина Алексеевна встретила после полудня с собственной гофмейстериной — госпожой Чоглоковой. 26 мая двоюродная сестра самодержицы переехала в Летний дворец, где поселилась рядом с подопечной. И в тот же понедельник у императрицы случился нервный срыв. Она неожиданно пришла к жене великого князя и, не особенно церемонясь, отчитала Екатерину за мстительность и жестокость по отношению к мужу. Так молодая женщина на долгие двенадцать лет утратила благосклонность государыни. Эмоциональные тирады обычно уравновешенной тетушки

178

произвели гнетущее впечатление на принцессу, которая, осознав, что произошло что-то непоправимое, едва не покончила с собой, но камер-юнкера Татьяна Константиновна Скороходова вовремя помешала ей.

Об этой «прекрасной попытке*» наложить на себя руки, о дружбе и политическом союзе с Брюммером против Бестужева и принца Августа, о политической подоплеке царского гнева в мае 1746 года Екатерина И не совсем внятно рассказала С. Понятовскому в письме 1755—1756 годов. О том, что русофобство Петра Федоровича в определенной степени тоже ее «заслуга», она, естественно, умолчала. Позднее гриф секретности покрыл и скупые оговорки исповеди, предназначенной для красавца-поляка. Ни в первой, ни в окончательной второй редакциях воспоминаний императрица ни разу не обмолвилась о помощи Скороходовой и о тесной связи с голштинским обер-гофмаршалом в годы юности. Наоборот, мемуаристка отмежевывалась от участия в антибестужевской коалиции и от прежнего союзника, не слишком лестно отзывавшись о нем, а кроме того, вымыслила мифическую симпатию к Андрею Чернышеву со своей стороны, обнаружение которой якобы и породило вспышку негодования императрицы.

Между тем Отто Фридрих Брюммер под царскую опалу не угодил. Еще 7 мая Бестужев обзавелся патентом Петра Федоровича от 1 (12) мая на пожалование воспитателя «амтманом» голштинского округа Тритау с окладом 2500 рейхсталеров в год и сохранением звания обер-гофмаршала. Но кандидат в губернаторы прочитал документ лишь 26 мая и тогда же отверг компенсацию, попросив о простом «абшиде». 28-го числа великий князь удовлетворил его просьбу. Вот только отпускать графа на родину Елизавета не торопилась. Отъезд голштинца, награжденного девятью тысячами рублей на дорогу, постоянно затягивался. И все это время двери в императорские резиденции для него были открыты. 17 августа на куртаге в Петергофе государыня даже пообщалась с Брюммером, после чего пригласила собеседника через не-

179

делю вновь посетить Двор. Тот 24 августа, разумеется, исполнил высочайшее повеление. В конце августа Петербург покинул Берхгольц, а старший товарищ камергера вновь отсрочил день прощания с петербургскими друзьями. Похоже, преднамеренной задержкой бывшего гофмаршала и милостивым обращением с ним

царица хотела подчеркнуть непричастность воспитателя голштинского герцога к тому, что произошло с великокняжеской четой. Брюммер уехал на родину весной 1747 года. Канцлер сильно занервничал, и Елизавета через тайного советника Ивана Черкасова в первых числах февраля поинтересовалась у голштинского сановника, какие причины мешают ему вернуться домой. Вельможа намек понял. 23 февраля канцлер за сутки выправил ему паспорт. 27 февраля обер-гофмаршал простился на отпускной аудиенции с императрицей, а 13 марта 1747 года экипаж Брюммера миновал Ригу⁵. Воскресным вечером 12 октября 1746 года Христиан Вильгельм Миних вновь поехал во дворец на бал, куда съехались многие из его знакомых. Оркестр заиграл после того, как в галерею вышли великий князь и великая княгиня, правда без императрицы, которая то ли замешкалась, то ли вовсе не собиралась появляться на придворном увеселении.

Пока молодежь танцевала, старики судачили о чем-то своем. В какой-то момент барон заметил Брюммера, поздоровался и разговорился с ним. Граф не преминул порадовать обер-гофмейстера приятным известием. В письме, присланном в Петербург господином Берхгольцем, обер-камергер хвастался теплым приемом, с которым его встретили в Любеке жена Миниха и ее друзья. С большой похвалой Берхгольц отзывался о достоинствах дочери барона Фредерики. Слова Брюммера очень растрогали сановника, который не смог скрыть нахлынувших чувств. Бал уже продолжался более двух часов, когда внезапно распахнулись позолоченные двери и в зал вошла Елизавета Петровна. Музыка сразу стихла. Дамы

180

и кавалеры склонились перед ней в глубоких поклонах и реверансах. Императрица тоже не забыла всех поприветствовать, после чего уселась за приготовленный для нее ломберный столик. Затем прозвучали имена партнеров Ее Величества. Через мгновение рядом с ней расположились два чужеземных посланника и Анна Карловна Воронцова.

Музыканты и танцоры вернулись к прерванному занятию. А за карточным столиком царица, послы и статс-дама, разделившись на пары, получили на руки сорок две марки — двадцать одну для императрицы с партнером и столько же для их противников. Далее каждый оценил качество выпавших ему после сдачи всей колоды десяти карт (десятки, девятки и восьмерки предварительно были вынуты и отложены в сторону), после чего игроки по очереди принялись «хвалиться». Обладатели трех королей, «краль» или «хлапов» награждались одной маркой (1 очко = 1 марка); трех троек, двоек, тузов или семерок — тремя марками. За четыре карты одного достоинства присуждалось четыре очка, а за «неаполитан» (тройка, двойка и туз одной масти) — три. Подсчитав заработанные «хвалежом» марки и убедившись, что до победного двадцати одного очка не дотянул никто, обе пары приступили к розыгрышу.

Карты одна за другой ложились на стол. Игрок, не имевший карту равной масти с той, что предъявил соперник, имел право ответить любой иной мастью. Главное, чтобы большая карта покрыла меньшую и вместе с нею ушла к победителю в виде взятки. Тройки брали верх над всеми прочими. За ними по мере убывания силы следовали двойки, тузы, короли, «кralи» (дамы), «хлапы*» (валеты), семерки, шестерки, пятерки и четверки.

По окончании розыгрыша пары произвели подсчет очков во взятках. Каждый туз или три фигуры премировались маркой (фигура — любая карта, кроме семерки, шестерки, пятерки и четверки), последняя взятка тоже давала очко. За «страммасету» (пара приобрела все взятки, кроме одной, не имеющей трех фигур) начислялось три очка, за «страммасону»

181

(аналогично «страммасете», только все взятки берет один из партнеров) — шесть, за «калладу» (пара взяла все взятки) — четыре, за «калладону» (все взятки на полную масть в руках одного игрока) — шестнадцать. Партию в тресет выиграли партнеры, собравшие по итогам подсчета двадцать одно очко (или двадцать одну марку). Они и поделили поставленную на кон денежную сумму (если бы противник не добрал до одиннадцати очков, то размер приза удвоился)⁶.

Елизавета в тот вечер была явно не в духе. Рассеять меланхолию или хотя бы приободрить государыню карты не сумели. И тогда, не окончив игры, она вдруг позвала увлекшуюся танцами великую княгиню Екатерину и, попросив ее завершить партию, уступила ей место. Невестка желание Ее Величества исполнила. Бал между тем продолжался. Правда, императрица почему-то танцевать вместе со всеми не захотела.

Барон покинул праздничное мероприятие в обыкновенный час. Только прежде поинтересовался на всякий случай, точно ли траур по французской дофине будет объявлен в понедельник. И правильно сделал, ибо государыня, вспомнив, что 13 (24) октября — день рождения матери Екатерины, приказала отсрочить перемену цветного платья на черное еще на сутки.

Утром 13 октября обер-гофмейстер, надев свой лучший расшитый золотом и серебром костюм, поспешил в Зимний дворец, где на втором этаже, не дойдя до приемной антикамеры Ея Императорского Высочества, столкнулся с обер-гофмейстериной Марией Симоновной Чоглоковой. Та, коротко переговорив с вельможей, пригласила его после аудиенции у великой княгини «к малому своему столу обедать». В приемной, где Миних ожидал выхода наследника престола с супругой, чтобы поздравить Екатерину с днем рождения принцессы Ангальт-Цербстской, он повстречал канцлера Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, генерала Александра Ивановича Румянцева и генерал-прокурора Никиту Юрьевича Трубецкого. А еще с удивлением заметил,

182

что поздравить Ее Высочество захотели чуть ли не все фрейлины императрицы, а не только состоявшие в штате великой княгини Анастасия Алексеевна и Дарья Алексеевна Голицыны да Мария Родионовна Кошелева. Кто-то из сих персон (если не жена Чоглокова) и уведомил Миниха, что императрица намерена сегодня уехать в Красное село дня на три или четыре, дабы отвлечься от грустных мыслей на природе, забавляясь охотой.

Когда Петр Федорович и Екатерина Алексеевна вошли в комнату, придворные принесли им поздравления. Церемония была недолгой. Супружеская пара выслушала льстивые речи царедворцев и вернулась в свои апартаменты. Антикамера быстро опустела, и обер-гофмейстер зашагал в комнаты Чоглоковых. Но по дороге один из ливрейных служителей неожиданно остановил его и, выполняя приказание Ее Высочества, предупредил, что великая княгиня нынешним вечером в галерею и парадные антикамеры «выттить не изволит».

Около одиннадцати часов пополудни Елизавета Петровна с небольшой свитой покинула дворец и отправилась за город на охоту. А после полудня в покоях госпожи Чоглоковой скромная компания собралась за обеденным столом. Христиан Вильгельм Миних посочувствовал хозяйке, которая четыре дня назад разрешилась от бремени выкидышем. Однако Мария Симоновна сочувствие не приняла и, пояснив, что выкидыш на пятой неделе беременности за горе почитать не стоит, предложила гостям откусать поставленные на стол русские щи. Барон засомневался в полезности столь грубой и жирной пищи для организма молодой женщины, пережившей такую неприятность. Но двадцатитрехлетняя дама пренебрегла увещеваниями любезного

старика и с удовольствием съела тарелку щей.

После обеда у Чоглоковых и короткого отдыха дома обер-гофмейстер направился на Садовую улицу в особняк Воронцовых. Там он сыграл несколько партий в тресет вместе с супругой графа Анной Карловной, поужинал и узнал, наконец, мнение вице-

канц-

лера о своей промемории. Михаил Ларионович вернул барону документ и посоветовал не торопиться обращаться с законным требованием непосредственно к императрице. Лучше обождать несколько дней, ибо Ее Величество не сегодня, так завтра подпишет соответствующее распоряжение.

Почти весь вечер Миних просидел у Воронцовых. Домой он возвратился к десяти часам пополудни. Погода к тому времени испортилась. Сильный ветер пробирал насквозь редких прохожих и вызвал волнение на реке, которое грозило поднятием плашкоутов воспрепятствовать проезду карет по единственному мосту через Неву. Но, слава Богу, все обошлось. Экипаж барона без труда въехал на Исаакиевский мост у одноименного собора и также легко скатился с него на Васильевском острове. Дома вельможу встретили резвящиеся дети, еще один готовый ужин и приглашенный на него друг семьи купец Бардевик. За столом сыновья совсем расшалились. Отвлекались от трапезы, чтобы показать гостю новые танцевальные фигуры, рассказывали ему веселые истории. Особенно усердствовал Бурхарт.

Старший сын не прочь был поговорить с купцом и на серьезные темы. Он вдруг вспомнил о несчастном муже мадам Менке, который был обнаружен перевернутым в гробу лицом вниз, да еще с объединенными наполовину пальцами. Не иначе как его прежде времени погребли живым, приняв за смерть обыкновенный обморок. Бардевик, в свою очередь, сообщил мальчикам об удивительных случаях пропажи кораблей в Каттегате, в Балтийском море и возле Ревеля 6 (17) октября, о чем ему рассказывал знакомый шкипер.

Купец простился с хлебосольными хозяевами очень поздно. Слуга доложил, что на улице прежестокий ветер, из-за которого волны слишком высоко приподнимают плашкоуты Исаакиевского моста, а вместе с ними и дощатый настил. Экипажам въехать на оные никак нельзя. Пришлось припозднившемуся гостю добираться до собственного дома на Адмиралтейской стороне пешком в сопровождении вер-

184

ных холопов. Карету Бардевик до утра предпочел оставить во дворе Минихов.

14 октября во вторник российский Двор погрузился в двухнедельный траур по французской принцессе. Служебный долг больше не звал в Зимний дворец, и барон с радостью расположился в кабинете за конторкой, чтобы поделиться с женой увиденным и услышанным за минувшие три дня:

«Предорогая моя!

Понеже я удовольствие имел Ваше дражайшее пис-мо № 84 еще прежде запечатания моего прежнего письма получить, то я уже Вас как о получении оногo уведомил, так и порадование мое о доброй ведомости, то есть о прибытии Его Превосходительства господина обер-каммергера, засвидетельствовал. О чем все его приятели и приятельницы в немалом безпокойст-ве находились...» Затем Христиан Вильгельм пересказал супруге события воскресенья и понедельника и, конечно, не забыл упомянуть о совете вице-канцлера ждать будущей недели. «Но ежели и тогда указ о выдаче мне моего жалованья не выйдет, то я твердо намерен намерение свое в действо произвести пода-нием о том Ея Императорскому Величеству челобитной, а при том о не достаточных денгах на служителей канцелярии моей, коим я принужден был в зачет денег давать, хотя я сам ничего не получал с злoклю-чительного 30-го числа апреля

прошлого года про-изшествия, которое меня в такой недостаток в денгах привело, в каком я с молодости своей по 60 лет от роду не бывал. Однако ж я о том не жалуюсь, ибо сии приключения такие суть, коих в сем свете всегда ожидать надобно...

Надлежит утешаться с чичисбеями генуэзскими, коих множество еще в худшем пред моим состоянием будут...

Но Бог все то отвратит. И те, кои на него надеются, истинно оставлены не будут. Кто на Бога крепко уповает, того он никогда не оставляет, но всегда призывает. Сие есть обещание Его, данное Иисусу Навину, которое он верно содержал и равномерно содержать будет ко всем тем, кои подражателями его закону бу-Дут...» Завершая письмо, барон сообщил жене о при-

185

езде в Петербург из Копенгагена Адама Васильевича Алсуфьева с юной женой датчанкой (императрица удостоила его аудиенции в воскресенье), а из Парижа вслед за Долгоруковыми и Головиными — молодых Хованских. О сиятельных отпрысках, живших во Франции, государыня изволила заметить, что «онные господа ни в чем не пременились». Миних, полагая, что замечание царицы относится к искусству танца, не замедлил прокомментировать: «И подлинно, что они не лутче того танцуют, как они прежде отъезда отсюда то чинили».

И вот самый финал письма: «Еще ж хочу Вам, дражайшая моя, упомянуть, что те люди, кои за первые билеты для дацкой лотереи заплатили, у меня весьма усилно спрашивают, что им в том делать надлежит, и сдержит ли архитектор свое слово или солжет. Я Вас прошу, о сем пункте совершенно со мною изъясниться. О чем принц Август болше всех домогается. Брим-мер и Воронцов другими интересантами в том суть. Також и Его Императорское Высочество Великой князь. Каждой по одному билету, кроме Воронцова, которой взял два (но опасается, что не потерял ли он их в дороге). Не забывайте на сей пункт чрез первую почту ко мне ответствовать. А между тем о своем дражайшем здравии попечение имейте, дабы чрез то соблюдению того здравия способствовать, о котором Вы свое усердие оказываете и толь постоянно любите Вашего послушнейшаго и вернейшаго Минниха».

За полгода до этого, в первых числах апреля 1746 года канцлеру Бестужеву передали очередную порцию перлюстрированных писем, полученных из-за границы на петербургском почтамте. Среди прочих в пачке находились копия и черновик перевода письма баронессы Миних к своему мужу из Любека, датированное 19 (30) марта сего года. Алексей Петрович не без любопытства ознакомился с работой переводчика, периодически отвлекаясь на французский оригинал, дабы удостовериться в точности выполненного перевода:

186

«Мой дражайший!

Я удовольствие имела получить Ваше дражайшее письмо № 2 от 1 (12) сего месяца. И яко Вы меня обнадеживаете, что Вы в добром здравии находитесь, что Ея Императорское Величество по прежнему к Вам милостива, и что Двор постоянно в своей славе и знатности пребывает, тако я натурално радоваться имею, читая таковые ведомости, и неотменно желать, дабы оные же склонности продолжались до самых позд[н]ейших времен.

Что касается до того погребения, о котором Вы сперва ко мне писали, то я совершенно Вашего мнения, ибо ни что мне тол не пристойно не кажется, как употребление по мертвом теле таких иждивительных церемонен, которое, кроме стыда и тления, ничего не казует⁷. Почему для собственного наставления своего токмо о тщетности сего света помышлять надобно, ибо все, что мы еженеденно видим, нас в том удостоверяет. Что же иное история о людях и нациях — как толко не пристанное поучение, что люди и

дела сего света ничего существительного в себе не имеют. Когда она описует, каковы оные были, то она при том же уверяет нас, что их более уже нет. Она же нас научает, что вся знатность и слава (которая ужасом и удивлением у всех людей была), что все принцы, все воины, все их магнificенции и далновид-ные намерения в ни во что обратились. Что они были токмо мглою, мечтанием или привидением, которые все исчезли, ибо, что можем мы в сем свете найти, еже бы не было удостоверным опытом о сей правде. Не видим ли мы, что всяк час все те люди, кои в сей жизни более знатности и славы имели, вдруг упадают, оставя токмо малую по себе память. Не усматриваем ли мы, что все вещи сего света всегда пожраны суть безднами прошлых времен, что жизнь наша от нас убегает, что сколько мы оной прошли, того уже не видно, что время все наши забавы, все наши бедства и все имевшие нами попечении увлекло так, что нам иной памяти не осталось, кроме сна. От того происходит, что мудрейший из королей советует нам все временное не иным чем поставлять,

187

как конфузными помышлениями, которые нам спать мешают. Когда же мы потом рассуждаем о светской славе (которая великую импрессию над нами чинит), то, что в ней основательного и существительного есть? Она пребывает токмо по тому доброму мнению, которое другие люди об нас имеют, невзирая на то, что большая часть из оных мало нас знает, что они нас не очень любят, что их рассуждений по нашему собственному мнению не основательны суть и не весьма достойны почтения. Оное ж доброе мнение часто ни к чему иному, как к проведению нас служит, и, которое, упражнявши нас во всю жизнь, весьма скоро из виду уходит при приближении кончины. Однако ж сей дым и мгла многих персон гордыми и неприступными чинит. Избавимся от всякого обмана при таковых обморочиваниях и приложим старание о защищении себя от тех сетей, кои нам разставляются по среди забав, игры и смехов. Оные сети суть лстительными приманиваниями, но имеют в себе суб-тильной яд, которой часто в сердце вселяется и причиняет ужаснейшее смущение. Так то господин голландской посол изрядно отпущен и обнадежен о милости и аттенции Ея Императорского Величества. Сии господа весьма щастливы суть. И я признаюсь, что их жребий зависти достоин. Гордость, которая знатным образом в оных господах всегда населена весьма приятно ласкаема находится таковыми учтивостями и милостми. Я не знаю, признают ли они достоинство того, и не почитают ли они по самолюбию своему оное себе.

Говорят, что господин барон Мардефельд отозван будет, а на его место господин Кантони прищется. Я весьма уверена пребываю, что Берлинский двор никогда не сыщет такого министра, которой бы лутче его состояние и обстоятельства российского двора знал, ибо долговременное искусство достойным министром его учинило, и его subtilной и свободной разум может всякие затруднительства разбирать, кои другому весьма не постижимы были б.

Голанцы всевозможным образом стараются для примирения своего с королем французским. Васнер

188

все свое искусство и все удоб [о] вымышляемые способы в Совете безконечным образом употребил. Но как ни было, однако ж, не можно оной сравнить с хит-ростями и коварствами французскими.

Остановка коммерции главным пунктом есть и колесом есть, которое вертится и сию великую машину в движение приводит. Но оное колесо с оси скочило, а надобно его паки на прежнее место поставить во что б то ни стало. И я удостоверена нахожусь, что Англия принуждена будет из своих конкет не-сколько на жертву предать для приведения дела на путь примирения, ибо Франция до тех пор уды из рук не выпустит,

пока она несколько рыб, и самых больших, не поймает.

Она с давних уже лет знает сравнивать амбицию с интересом и ползоваться безумием и тщетною славою тех принцов, которые, будучи омрачены властью, суетные титулы и шимеры за сущительности принимают и оным обманом сакрифуют изрядные и изобилные провинции. Сие развращение сожаления достойно есть и подает повод к наилучшим рефлексиям, как вы сами то усмотрите. Каково сожалеемо есть состояние народов, когда они всего опасаться имеют от злоупотребления самодержавной власти и когда их имени подвержены скупости тех, которые правление дел имеют. Их же волность — от их своенравия, а покой их — от амбиции их зависит.

Я здесь останавливаюсь, ибо, хотя б я и могла еще многие изрядные разсуждений о сем чинить, однако ж то описание или тот портрет, который я вам сообщила, ни мало не для иного кого, как токмо для Вас самих сочинен. Я не хвастаюсь своими помышлениями. Я ни кому в свете оных не открываю. И никогда ни один человек ни моих корреспонденций, ни мне-ней ниже собственных сентиментов моих не видал. И хоть я удостоверена, что многие персоны моего полу хуже меня изъясняются, однако ж при том обнадеженною пребываю, что многие же лутче пишут и помышляют. И потому я Вас прошу, чтоб Вы одни о том ведали, что я честь имею Вам сообщить, яко малые статьи, которые нас взаимно забавляют, но

189

которые ни до приятелей, ниже до неприятелей, не касаются.

О пункте дружбы я имею такие здравые и основательные мнения, что я чаю, что она есть таким словом, которое в зло употребляется. И потому ни надежды, ни конфиденции своей на том основывать не надлежит. Часто заключаются следствия и аргументы по характеру своему. И тако сие есть притчиною, чтоб мои писма никому не показаны, но чтоб сожжены были, ибо ничего в том потеряно не было бы, ежели б оные огню предать... Все Вас о своих респектах обнадеживают. Дети Ваши в добром здравии находятся и целуют Ваши руки. Помышление, чтоб Вас видеть, мне удовольствие подало. Но непостоянность Вашего климата меня во многие сумнительства приводит. Я семь баронесса Минихова».

Прочитав и сверив перевод с французской копией подлинника, Бестужев, как обычно, взял в руки красный карандаш и сразу обвел им абзац с оценкой талантов господина Мардефельда. Больше в письме ничего важного и заслуживающего внимания императрицы Алексей Петрович не обнаружил. Поэтому и проставил на полях первого листа лаконичную резолюцию: «Не переписывать». Через пару дней возле выделенного красной полосой абзаца появилось еще одно примечание: «Сие толко переписано на бело и послано х канцлеру в 8 день апреля»⁸. Барон мог спать спокойно. Об откровениях его жены, кроме нескольких сотрудников почтамта и Коллегии иностранных дел, никто более не узнал.

Глава 8

Придворные свадьбы

1755 июль

03. Государыня изволила поехать в Царское село.

... Пажжи поехали в СПб и брат поехал и учитель. \$. Государыня изволила позволить Измайлову Петру Ивановичу на Екатерине Васильевне жениться.

190

13 июля 1755 года императрица разрешила Петру Ивановичу Измайлову жениться на дочери Василия Федоровича Салтыкова, фрейлине Ее Императорского Величества Екатерине Васильевне — сестре первого любовника великой княгини Екатерины Алексеевны Сергея Васильевича Салтыкова. За разрешением следовало обручение и только потом, несколько месяцев спустя, венчание в Большой придворной церкви. Сроки между двумя ключевыми датами могли быть различными, но порядок

соблюдался строго.

Венчание упомянутой Бутаковым пары состоялось 10 ноября 1757 года, то есть по прошествии более двух лет. Это была фрейлинская свадьба — самый торжественный вариант бракосочетания при российском Дворе. Не считая, конечно, того, что довелось пережить наследнику русского престола и дочери Ангальт-Цербстской принцессы 21 августа 1745 года. Помимо фрейлинских в Зимнем дворце отмечали свадьбы других придворных (в основном ка-мер-юнкеров), а также родственников тех государевых слуг высшего и низшего класса, к которым благоволила лично императрица.

Больше всего работы священникам Большой придворной церкви Зимнего дворца выпадало ранней весной и осенью, ибо на февраль-март и октябрь-ноябрь приходилась подавляющая часть всех венчаний, совершавшихся за год. Дежурившие в те дни камер-фурьеры, как правило, старались подробно отразить в вверенных им журналах мельчайшие детали праздничной церемонии. Свадьба Измайлова и Салтыковой исключением не стала:

* 10-го числа ноября. Понедельник. В вечеру при Дворе Ея Императорского Величества была свадьба. Отдавали фрейлину Ея Императорского Величества Катерину Салтыкову гвардии Преображенского полка за поручика Петра Измайлова. Отправлялась церемония учреждением на оной свадьбе маршалом Его Сиятельством князем Никитою Юрьевичем Трубецким.

В вечеру в 8-м часу званные шаферами гости собрались ко Двору Ея Императорского Величества в гале-

191

рею и в боковые комнаты. В начале 9-го часа жених своим экипажем привезен ко Двору отцом посаженным, Его Сиятельством канцлером графом Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым и прочими чиновными, и проведен в церковь. А маршал свадьбы с шаферами в столовой Ея Императорского Величества комнате ожидал невесту, которую из Высочайшей Ея Императорского Величества милости убрали в корону бриллиантами во внутренних Ея Императорского Величества покоях. И как пришло время невесту вести к венцу, то маршалу из внутренних покоев послали маршальскую трость, увязанную вверху лентами. Потом с чиновными дамскими персонами выведена невеста, которую чрез галерею маршал обыкновенною церемониею повел в церковь. Впереди шли два трубача, играли в трубы, били в литавры; потом шаферы; за ними маршал, невеста, которую вел за правую руку Его Императорское Высочество, а за левую генерал-фельдмаршал и кавалер Александр Борисович Бутурлин; за невестой шли ближние девицы и чиновные дамы, и кавалеры. И из церкви новобрачные препровождены чрез галерею в боковую комнату: жених с чиновными персонами; потом невеста маршалом с шаферами приведена церемониею при игнании труб и литавр. А как на изготовленные под балдахины столы в первой комнате за галерею горячее кушанье поставили, то маршал сажал за оные обыкновенно жениха с чиновными обою пола персонами и всеми гостями 1, 2 и 3-го ранга, и чужестранных цесарского посла и других дворов министров. Потом привел в церемонии при игнании на трубах и литаврах невесту. По-садя за оные столы, усаживал других гостей за другие столы, кои пред большим залом в комнате. Потом, когда навязал маршал себе на руку и шаферам платки, начался стол. Приводил ближних девиц и форш-нейдера при игнании труб и литавр.

Стол был поставлен первый, за коими жених и невеста сидели под балдахины, за галерею в первой комнате два, по обе стороны по 7-ми штук. Положено было приборов: на невестином — 30, на жени-

192

ховом — 33- За ними сидело с невестой 26 дам да цесарский посол в конце стола, а

французский посол был болен. С женихом сидел Его Императорское Высочество, а всех 31 персону. Пред залом в комнате еще два стола, 14 штук. Приборов положено было 71; сидело 35 персон мужеских и женских, в том числе цесарского и французского послов кавалеры.

В продолжение стола играла в галерее инструментальная вокальная музыка. А как кушали за здоровья: 1. жениха и невесты; 2. отцев и матерей; 3- братьев и сестр; 4. форшнейдера и ближних девиц; 5. маршала и шаферов; 6. всех гостей, играли в трубы, били в литавры.

По окончании столов, при игрании труб и литавр маршалом новобрачные выведены в галерею со всеми гостями и происходили танцы обыкновением свадьбы. Тогда Ея Императорское Величество в галерею прибыть и смотреть соизволила. По окончании танцев на браунт-камеру новобрачные из галереи до кареты препровождены церемониею с трубами и литаврами и при игрании всей музыки. И отвезены в придворном экипаже со всеми чиновными с литавры и с трубы и командой Конной гвардии учреждением маршалским.

11-го числа ноября. Вторник. Пополудни для той же фрейлины Салтыковой свадьбы при Дворе Ея Императорского Величества был банкет, потом и бал. В вечеру, в 8-м часов съехались ко Двору Ея Императорского Величества в галерею и другие покои те же званые гости и чиновные персоны, кои были в первый день. А как на приуготовленные столы, на первые два в той же комнате за галерею (третий в комнате пред церковью) кушанье поставили, то маршал с шаферами новобрачную с чиновными дамами, а за женихов стол мужеских персон, також и за третий стол гостей посадил всех с отменой против первого дня такую: отцев и братьев, матерей и сестр посадя невестиных по левую сторону, а жениховы взяли первенство, правую руку. Потом маршал привел при игрании труб и литавр жениха, который шел чрез стол по тарелкам и сорвал венок над невестой и сел

К. Писленко

193

подле новобрачной своей. И начался стол, равно как и в первый день. В продолжение играла италийская инструментальная вокальная музыка. Пили за здоровья, что в первый день, при игрании труб и литавр. После стола в галерее были танцы.

Столы первые за галерею были равные, как и в первый день. Приборов положено было 63- Сидело за первым дам 21 да цесарский посол; за другим — мужеских персон 24. Третий стол был поставлен в комнате, коя пред церковью, 10 штук; приборов положено 45; сидело кавалеров 16, дам 14»¹.

Камер-фурьеры освещали лишь внешнюю сторону событий. Их изнанка — переживания действующих лиц, выплескивающиеся порой наружу, — официальную хронику не интересовала. А жаль. Ведь именно они, чаще всего, толкают человека на неординарные поступки, которые и оставляют в памяти людей неизгладимый след... Посажённый отец Петра Ивановича Измайлова Алексей Петрович Бестужев-Рюмин 10 ноября 1757 года, возможно, не раз мысленно возвращался к событиям десятилетней давности, в февраль 1747 года, когда его непутевый сын Андрей обвенчался с племянницей Алексея Григорьевича Разумовского Авдотьей Денисовной Разумовской. То, что случилось поздним вечером 22 февраля 1747 года, многих неприятно поразило. Хотя поначалу ничего вроде бы не предвещало скандала. Впрочем, ни для кого не было секретом желание соперничавшей с Бестужевым профранцузской партии расстроить брак сына канцлера с родственницей тайного мужа императрицы. Надежда на успех не покидала противный лагерь до самого конца, а попытки сорвать венчание прекратились только тогда, когда в седьмом часу пополудни новобрачные встали перед алтарем и священник приступил к обряду венчания². При этом все обратили внимание на отсутствие в церкви вице-канцлера Воронцова. Того, кто имел самые

родственных связей между Бестужевым и Разумовским, ибо усиление канцлера за счет поддержки морганатического супруга Елизаветы Петровны значительно ослабляло позиции возглавляемой Воронцовым профранцузской партии.

Однако возражения Михаила Ларионовича царица проигнорировала. И тот с досады отмахнулся от приглашения непосредственного начальника на организованное при Дворе торжество и сказался больным. В том, что вице-канцлер хворал «остермановой» болезнью, почти никто не сомневался. Общество еще больше уверовало в дипломатический характер недомогания, когда узнало о намеченном на 2 марта у вице-канцлера обеде в честь приехавшего в Петербург 18 февраля саксонского камергера Дискау и посланников короля Августа III — Фицтума и Пет-цольда. В отличие от мужа Анна Карловна Воронцова, набравшись смелости, посетила чужой праздник, стараясь ничем не омрачить его. Наверное, немногие, видя приветливое выражение лица графини, догадывались, с каким напряжением воли она сдерживает свои подлинные чувства...

Из церкви Зимнего дворца молодожены, императрица, Их Высочества, иноземные министры и прочая высокопоставленная публика прошли в галерею и сели за накрытые свадебные столы. По краям длинного главного стола расположились жених и невеста. Елизавета Петровна скромно пристроилась вместе с австрийским и британским посланниками на дамской половине. Остальные кавалеры, послы и, конечно, великий князь Петр Федорович заняли места на противоположной стороне, рядом с женихом.

Когда гостям надоели застольные беседы и изысканные блюда, начался бал. Первым делом публика отдала дань церемониальному танцу. Дамы выстроились в один ряд, кавалеры — в другой, после чего под медленную торжественную музыку каждый по очереди поприветствовал стоящих по сторонам соседей и партнера напротив.

Мужчины совершали поклоны, женщины делали реверансы. Затем настала оче-Редь менуэтов, полонезов и контрдансов. Царица

удостоила Андрея Бестужева великой милости, станцевав в паре с ним менуэт. Около двух часов ночи 23 февраля свадебные развлечения завершились «обыкновении факелданцем». В окружении дам и маршала с жезлом жених и невеста прошествовали к двум рядам кавалеров, державшим в руках зажженные свечи. Когда новобрачные миновали оба ряда, кавалеры соединились со своими дамами, образовав колонну во главе с маршалом. Исполнив несколько незамысловатых фигур, все гости поклонились жениху, невесте и маршалу. Тем прощальный танец со свечами и закончился.

Молодожены в сопровождении «знатнейших господ и дам», под бой литавр и игру труб спустились на дворцовое крыльцо, где их ожидал экипаж Ея Императорского Величества и почетный эскорт в виде небольшого отряда конногвардейцев. Жених и невеста разместились в царском возке, прочие — в других каретах. И вскоре торжественная процессия двинулась в путь.

Обогнув сперва Адмиралтейство по одноименной улице, а потом Исаакиевскую церковь, свадебный кортеж остановился у подъезда дома канцлера на Береговой набережной. Под шумные возгласы Андрей и Авдотья Бестужевы вошли во дворец. Родственники и друзья — за ними. В парадном зале бестужевского особняка все вновь уселись за столы и отведали угощение, приготовленное отцом жениха. А далее компания разделилась. Женщины повели невесту в браунт-камеру, то есть в специально убранную для первой брачной ночи спальню. Мужчины остались в том же зале, продолжая вести светские беседы и отвлекаясь изредка на тот или иной тост³.

Браунт-камеру хозяин дома вместе с сотрудниками камер-цалмейстерской конторы оформил самым роскошным образом. Стены покоя были обиты малиновым штофом. Шесть пар занавесок из белой тафты с фалбалами из крашенины загораживали три окна и три двери. Возле одной из стен стояла дубовая кровать с балдахином из такого же малинового штофа, обложенного широким золотым и узорчатым по-

196

зументом. На кровати лежал набитый конской шерстью матрац в голубой наволочке. Поверх него — обернутая в тот же голубой немецкий атлас перина и бумажное одеяло, вшитое в голубой атлас венецианского производства с подкладкой из белой тафты. На одеяле возвышались семь простых подушек, наполненных гусиным пухом, с нижней наволочкой из бумазеи и верхней из голубого немецкого атласа. Опирались они на круглую подушку с конской шерстью в такой же бумазейной нижней наволочке и в голубой камчатой верхней.

Рядом с кроватью находился большой круглый стол под платье, а в углу — маленький столик под образа. Еще два простых сосновых стола стояли поодаль. А возле них поставили два кресла и два дубовых табурета, обитых малиновым штофом. Спинки кресел украшала малиновая тафта, а подлокотники — золоченый узорчатый и узкий позумент. Тут же на столе или на кровати лежали четыре пары прекрасных соболей на шею с малиновой бархатной подкладкой⁴.

Бросив беглый взгляд на опочивальню, дамы подошли к кровати и, в точности соблюдая церемонил, приступили к финальному свадебному акту — раздеванию невесты. Поначалу все шло хорошо. Женщины помогли Авдотье Денисовне расшнуровать и снять серебряную парчовую робу. Распустив шнур, стащили с фикжм красивую парадную юбку. Затем освободили девицу от туго стягивавшего талию шнуро-ванья, после чего отстегнули и опустили на пол фикжмы. От исподней юбки и повседневной холщовой рубашки семнадцатилетнюю племянницу Разумовского избавили в последнюю очередь. Дамам оставалось только надеть на обнаженную девушку ночную сорочку и шелковый шлафор (халат). Анна Ивановна Бестужева уже взяла в руки ту самую сорочку и хотела было исполнить обязанность матери жениха, как вдруг раздался раздраженный голос Анны Карловны Воронцовой: «Вы не должны подавать сорочку новобрачной!»

Все замерли от неожиданности и после короткой

197

паузы спросили у графини, в чем дело. Двадцатитрехлетняя двоюродная сестра императрицы объяснить толком ничего не смогла, но тем не менее продолжала упрямо настаивать на своем. Когда же молодая женщина еще и расплакалась, присутствовавшим стало понятно: с Анной Карловной случилась истерика.

Не обращая внимания ни на изумленных дам, ни на испуганную невесту, Воронцова с шумом распахнула дверь спальни, вышла вон и направилась в апартамент, где томились в ожидании кавалеры. Мужчины с не меньшим удивлением посмотрели на рыдавшую юную особу, которая, заливаясь слезами, пожаловалась на учиненный ей супругой канцлера «афронт». Алексей Петрович попытался успокоить даму: коли для вас так важно, от кого Авдотья Денисовна возьмет сорочку, объявил он, то, ради Бога, не плачьте, пусть будет по-вашему.

Но Анна Карловна, похоже, превратно поняла уступчивость канцлера и заподозрила в его словах издевку. «Я немедленно еду домой!» — воскликнула она и повернулась к дверям. Бестужев, несмотря на неучливое поведение почетной гостьи, подал Ее Превосходительству руку, чтобы проводить до кареты. Воронцова не оценила и этот жест галантного соперника и в одиночестве проследовала в сени. Там слуга помог накинуть на госпожу шубу, после чего та стремительно выбежала на крыльцо, на

морозный ночной воздух...

Вот только кареты Ее Сиятельства во дворе не оказалось. Судя по всему, кучер привез хозяйку во дворец канцлера и тотчас возвратился на Садовую улицу, дабы к условленному часу вновь подкатить к дому на набережной. Кто же знал, что барыня покинет праздник раньше времени?!

Когда Алексею Петровичу доложили, что бедная Анна Карловна никуда не уехала, а бродит по мостовой в ожидании графского экипажа, он тут же спустился к ней и принялся уговаривать вернуться в дом и до приезда кареты расположиться в какой-нибудь комнате по собственному усмотрению. Пережившая

198

нервный срыв аристократка отклонила и эту любезность Алексея Петровича.

Неизвестно, насколько затянулась ночная прогулка госпожи Воронцовой под окнами бестужевского дома, однако, видимо, кто-то из гостей канцлера проявил благородство и уступил издерганной женщине свою карету⁵.

Гости Бестужева, шокированные поступком графини, долго не могли прийти в себя.

Никто не верил в то, что такая умная и благовоспитанная женщина, как Анна Карловна, способна на подобное безрассудство. Спустя сутки о скандальном происшествии заговорил весь город. Обыватели приписывали выходку жены вице-канцлера «действию какого-либо старого секретного возчувствования». Однако люди посвященные понимали, что скандал спровоцировали политические взгляды отца жениха, а не сам Андрей Алексеевич. Догадывалась об истинных мотивах демарша сестрицы и императрица, которая выразила родственнице крайнее свое недовольствие.

23 февраля 1747 года свадебные торжества в Зимнем дворце продолжились банкетом. Жених шагал через весь стол по тарелкам и срывал венок над головой невесты. Гости ужинали и танцевали до двух часов ночи. 25 февраля в том же составе и тоже до двух часов ночи компания веселилась в доме молодоженов. Анна Карловна, получив от канцлера приглашение, из вежливости пообещала быть, но в назначенный час на бестужевский фестейн так и не приехала...⁶

Придворная свадьба — зрелище, безусловно, впечатляющее. Однако чем роскошней торжество, тем дороже и хлопотнее предшествующая ему подготовка. Прежде чем вести детей под венец, родители или те, кто их заменял, улаживали множество различных сопутствующих проблем и в первую очередь вопрос о приданом невесты.

В ноябре 1747 года в придворной церкви Зимнего Дворца обвенчались Петр Александрович Румянцев и Екатерина Михайловна Голицына — дочь фельд-

199

маршала М. М. Голицына. А перед этим мать будущего полководца Мария Андреевна Румянцева с мужем Александром Ивановичем от имени сына договаривалась с вдовой фельдмаршала Татьяной Борисовной Голицыной об имуществе, которое надлежит записать за невестой.

Соглашение заключили в первой декаде ноября. А 11-го числа обе семьи отправились в крепостную столичную контору, чтобы придать достигнутому компромиссу юридическую силу. Заранее обратились к родственникам и хорошим знакомым с просьбой поучаствовать в мероприятии в качестве свидетелей. В присутствии Татьяны Борисовны Голицыной, Петра Александровича Румянцева и девятнадцати именитых очевидцев сотрудник конторы Иван Матвеев скопировал текст сговорной в соответствующий журнал, а надсмотрщик Николай Башаринов зарегистрировал подлинник. Позднее, на всякий случай, за отдельную плату Румянцевы запаслись копией документа: «Лета тысяща семь сот четыре де-сят осмаго⁷ ноября в первый на десять день Ея Императорскаго Величества обер-гофмейстера, а покойного

генерал-фельтмаршала ковалера и лейб-гвардии Семеновского полку полковника князь Михаила княж Михайловича Голицына жена ево, вдова княгиня Татьяна княж Борисова дочь зговорила я дочь свою, девицу княжну Екатерину княж Михайлову дочь Голицына в замужство Воронежского пехот-наго полку за полковника графа Петра Александрова сына Румянцева. А за нею, дочерью моею даю во благословение в начале образ Спасителей в серебряном окладе, образ Богоматери Казанской в серебряном окладе с камнями и з жемчугом, образ Богоматери Феодоровской в серебряном окладе, образ Николая Чудотворца в серебряном окладе. Да в награждение ей же, дочери моей, даю движимаго моего имения, а имянно серги бралиантовые; складень бралианто-вой; бант бралиантовой; портрет, обделаной брали-антами; нахтыш серебряной; роба белая насыпная с серебряным галуном; роба, по каришневой земле серебро; роба, по голубой земле серебро и цветы; сама-

200
ра, по пунцовой земле серебро; Самара голубая, гре-зетовая с серебряным голуном; самара бруснишная, грезетовая с сеткой серебряной; самара белая, штофная с цветами; самара пунцовая гродена пелевая; кафтан померанцевой, штофной; шлафорок, по пунцовой земле серебро, апушка серебряная; шлафорок синей, грезетовой з золотой сеткою; шлафорок пор-пуровой, грезетовой с серебряной сеткой; шлафорок бруснишной с белым, штофной; шлафорок белой с алым, с опушкой сырцовой, кружевной; полшлафо-рок с юпкой, по темной земле серебро и цветы; пол-шлафорок с юпкой алой, грезетовой с серебряным галуном; полшлафарок с юпкой белой, грезетовой; полшлафарок с юпкою померанцевой; полшлафо-рок с юпкой белой, штофной, с цветами; кофточка с юпкою, по темной земле серебро и цветы; кофточка с юпкою белая, атласная, стеганная; шуба голубая, парчевая на лисьем меху; шуба обяринная, насыпная, золотая на сером бельем меху; шуба изорбатная, белая на бельем меху; шуба бархатная, гулиная, подложена косматым белым бархатом; шуба голубая обяринная на лисьем меху; три карсета; шесть исподних юбок, в том числе: белая, шитая серебром и цветами; белая стеганная атласная [с] серебряным галуном; белая тафтяная, шитая шелками; белая стеганная з золотой сеткой; белая атласная, стеганная; жел-тая стеганная атласная; кравать зеленая, штофная з золотым галуном; полшлафорок мужской, парчевой; х кровати два табурета; два покрывала на столики зе-леные, штофные з золотым галуном; три покрывала камордуковых с кружевом; семь перемен на постелю, в том числе одна с круживом; одеяло белое атласное; одеяло алое атласное; три фантажа кружевные; шесть наидов; убор к робе, шитой, кружевной; три дюжины рубах женских, в том числе одна дюжина с кружевными маншетами, а два с камор луковыми; одна дюжина мужских рубашек с кружевными и шитыми маншетами; одна дюжина галстуков; дюжина платков на шею; полторы дюжины чулков шелковых белых; две дюжины башмаков; полторы дюжины скатертей; ка всякой скатерти дюжина салфеток; две

201
дюжины платков носовых. Всего объявленного движимого по цене на четырнатцать тысяч рублей. Да за нею, дочерью моею, даю недвижимое имение, которое ей, дочери моей, на ее указную часть досталось по полюбовном нашем разделе со мною и з детьми моими, а ее братьями и сестрами. А имянно в Юрьевском уезде Польскаго, Изсимской волости часть село Инаилово, село Кузминское, село Стрепково, деревню Федосеиху, деревню Кокорюкину, село Маимор, деревню Петряткову и с принадлежащими к тем селам пустоши, со всеми угодьи и со крестьяны; а те крестьяны з женами и з детьми и з животы, и с хлебом, и скотом по нынешней ревизии мужеска полу душ крестьян налицо девятьсот девяносто две души. Земля в тех селех по писцовым книгам и по дачам, что по полюбовному нашему разделу и по поданным

в Государственной Вотчинной коллегии за ручным челобитным и по допросам, и по росписанию явствует и за нею, дочерью моею, девицею княжною Екатериною и справлено, о чем яв[ле]но в Вотчинной коллегии.

К сей приданной росписи княгиня Татьяна Голицына дочь свою девицу Екатерину в замужество за полковника графа Петра Александрова сына Румян-цова договорила и за нею, дочерью своей в приданное вышеписанное платье и протчее движимое всего по цене на четырнатцать тысяч рублей, да из недви-жимаго имения, что в сей приданной выше сего написано, даю и руку приложила.

У сей рядной обер-шталмейстер, сенатор и кова-лер князь Александр княж Борисов сын Куракин свидетелем был и руку приложил.

Сенатор, тайной советник и ковалер князь Алексей княж Дмитриев сын Голицын на сие зговорное нисмо свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной действительной камергер и ковалер князь Петр княж Михайлов сын Голицын свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной записи статской советник князь Сергей княж Петров сын Долгоруков свидетелем был и руку приложил.

202

У сей рядной брегадир князь Иван княж Андреев сын Прозоровской свидетелем был и руку приложил.

И у сей рядной лейб-гвардии Измайловскаго полку капитан князь Дмитрий княж Михайлов сын Голицын свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной вице-канцлер граф Михаила Воронцов свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной действительной тайной советник князь Борис Юсупов свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной тайной советник, сенатор и ковалер князь Иван Одоевской свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной записной вице-адмирал Захарей Данилов сын Мишуков свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной генерал лейтенант, шталмейстер и ковалер Петр Спиридонов сын Сумороков свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной генерал-крикс-камисар и ковалер князь Михаил княж Андреев сын Белоселской свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной действительной камергер и ковалер, барон Сергей Григорьев сын Строганов свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной генерал, лейб гвардии подполковник Степан Федоров сын Апраксин свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной генерал Александр Борисов сын Бутурлин свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной адмиралтейской коллегии советник Иван Лукьянов сын Талызин свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной тайной советник Исак Павлов сын Веселовской свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной записи тайной советник святейшаго Синода обер-прокурор князь Яков княж Петров сын Шаховской свидетелем был и руку приложил.

У сей рядной лейб гвардии Семеновского полку капитан Петр Михайлов сын Хрущев свидетелем был и руку приложил.

203

Зговорную писал санктпитербургской крепостной канторы писец Иван Матвеев. Сию зговорную в санктпитербургской крепостной канторе совершить по указу. Секретарь Сергей Кошкилт.

1747 году ноября в 11 день сия зговорная в Санкт-Петербургской крепостной канторе в книги перечнем записана. От писма четырнатцать рублей. От записки сорок, за излишнюю страницу сорок, на рос-ход семь копеек с половиною. Принял и совершил надсмотрщик Николай Башаринов. По сей рядной записи полковник граф Петр Румянцев вышеписанное приданное движимаго имения на чегырнатцать тысяч рублей и означенное недвижимое имение принял и росписался»⁸.

Жаль, Екатерина Михайловна не была фрейлиной. А то бы императрица непременно прибавила к материнскому приданому что-нибудь от себя. Ведь все фрейлины, выходя замуж, получали от государыни дополнительное вознаграждение. Вот, например, Авдотья Денисовна Разумовская служила фрейлиной при императрице почти два с половиной года — с 1 октября 1744 по 22 февраля 1747 года⁹. Поэтому, как и положено, на нее оформили рядную с пожалованным ей от Двора имуществом:

«Роспись рядная приданному, что дано Двора Ея Императорского Величества за камор-фрейлиною Ав-дотьей Денисовною Разумовской от брата ее Ея Императорского Величества от обер-ягермейстера, а действительного камергера и лейб-компания капитана порутчика и кавалера, графа Алексея Григорьевича Разумовского в награждение Ея ж Императорского Величества камер-юнкеру графу Андрею Алексеевичу Бестужеву-Рюмину. А имянно: Святых икон

Образ Спаса Вседержителя. Оклад, риза и поля чеканной, золотой. Венец и около средняго поля осыпано жемчугом крупным, угловатым, щетом 192 зерна. В венце 2 изумруда и 2 лалика. На поле, на углу один яхонт болшей.

Образ преподобная Евдокии. Оклад на всей цке накладной, серебряной, чеканной, вызолочен.

204

Образ преподобнаго Нила Столбенского. Оклад, поля, риза серебряные, чеканные, вызолочены. Алмазных вещей

Серебра белаго в посуде — чайник болшой с кан-фором и з доскою (8 фунтов 82 золотника); чайник меншой с канфором без ломпады с доскою (6 фунтов 62 золотника); чайник малой, бес канфора (1 фунт 67 золотников); кофейник болшой (3 фунта 29 золотников); молошник на ношках (2 фунта 18,5 золотников); сахарница фляшкою с крышкою на шал-нере (1 фунт 2 золотника); 12 ложичек чайных с приемцы сахарными (45,25 золотников); четыре шанда-на столовые и одни щипцы з дощечкою (7 фунтов 87 золотников). Итого 32 фунта, 8,75 золотников.

Серебра ж под золотом в туалет — 8 ларчиков бол-ших и малых; 1 с подушкою на булавки; 1 рукомойник с лаханью; 2 торелоки на уборы; 2 шандана; 1 щипцы з дощечкою; 1 фляшка круглая с крюком; 1 зеркало болшое с рамами. Весу 44 фунта 12,5 золотников. Со всем состоит в цене 2130 рублей.

Денег рублевой монеты — 15 000 рублей.

Платья

1. Роба с шлейфом и юпкою парчи серебряной с поддиспаном — 325 рублей.
2. Роба парчи серебряной з золотыми травы и с шелковыми пукеты с позументом золотым — 639 рублей.
3. Роба с юпкою алая с серебряными травы, с поддиспаном серебряным — 590 рублей.
4. Роба желтая с юпкою и с шлейфом желтая с серебряными и с шелковыми травы, с позументом серебряным — 350 рублей.
5. Роба белая з золотом и с серебряным позументом — 450 рублей.
6. Роба пунцовая с серебром — 390 рублей.
7. Самара с юпкою штофу пунцоваго з золотом и с шелковыми травы — 384 рубля.
8. Самара с юпкою памаранцоваго штофу с серебряными и шелковыми травы, с подпушкою голубой тафты — 235 рублей.

9. Самара с юпкою штофу алого с серебряными и

205

шелковыми травы, с позументом серебряным; подпушка светло-зеленой тафты — 220 рублей.

10. Самара с юпкою белая с серебром — 280 рублей.

11. Самара с юпкою грезетовая лосинного колера с серебряным позументом — 92 рубля.

12. Кафтан с юпкою штофу темно-зеленого с серебряными и шелковыми травы с подпушкою алой тафты — 243 рубля.

13. Кафтан с юпкою грезетовой светлодымчатой с подпушкою тафты желтой — 89 рублей.

14. Шлафор с юпкою штофу желтого с шелковыми травы, подбоем тафты брусничной — 116 рублей.

15-Шлафор с юпкою гроденапелевой, светло-зеленой с подпушкою тафты желтой — 87 рублей.

16. Шлафор отласной алой, выкладен белым бра-банским круживом — 220 рублей.

17. Кафтан зашивной грезетовой гулиной с сеткою серебряною широкою з битью — 102 рубля.

18—22. Юпка исподняя отласная белая стеганая, подбита белою ж тафтою по подолу с нашивною серебряною сеткою широкою; юпка стеганая голубая, подбита выбойкою с нашивным по подолу уским га-сом серебряным; юпка исподняя голубая гродитуровая, по подолу шитая шелками, подбой выбойчатой; юпка тафтяная желтая на фижбены, по подолу шита шелками с сеткою серебряною, подбита выбойкою; жупан и юпка стеганая зеленая з золотым гасом по борту — 365 рублей.

23—25. 2 жупана белые саржевые шелковые бес подбою; 2 жупана таких же на выбойке стеганые; 2 карсета отласные (один белой, другой желтой), подбиты белою тафтою — 95 рублей.

26. Епанечка парчи серебряной на собольем меху — 800 рублей.

27. Соболи на шею — 120 рублей.

28. Палентин с серебряною битью — 10 рублей. 29- Шлафор муской такой же парчи с подбоем

пунцовым гроденапелевым — 220 рублей.

Сундук на платье, обитой красною кожею и белым железом — 30 рублей.

5 шкатул — 130 рублей.

206

Шкатула. Оклеена бархатом с медным прибором з золотым позументом. В ней 7 кусков лент з золотом и серебром; 21 кусок лент шелковых разных колеров; 3 гребня черепаховый; 13 цветов золотых, серебряных и шелковых — 147 рублей. 2 веера — 50 рублей.

Две дюжины рукавиц женских белых — 8 рублей.

Шкатула. Оклеена отласом с медным прибором и з золотым позументом. В ней 17 пар башмаков женских разных матерей з гасом серебряным и золотым; 1 туфли муския; 1 дюжина чулков шелковых женских — 120 рублей.

Две скрыны болших з бельем, оклеенные отласом красным з золотым позументом. В них 12 пар мужских кружевных манжет з галстухами; 3 галстуха мус-ких кружевных; 3 убора к самарам (фантажи с агажан-ты и с крагены кружевные); 2 пары агажантов одина-ких; 1 покрывало на нахтыш камердуховое с кружи-вом; 1 шлафмиц с круживом марсelloвой; 1 карсет марлевой с круживом; 5 карнет камердуховых с кру-живы и с лентами шелковыми; покрывало на подушки камердуховое с круживом; 7 наволоков на подушки батистовых с круживы; 3 платка, шитыя, кисейные; 1 дюжина

платков кисейных; 1 дюжина коеынек кисейных; 1 дюжина батистовых платков; 2 дюжины манжет с воротами камердуковых женских; пол дюжины платков шелковых карманных; 4 дюжины сорочек мужских галанского тонкого полотна; 6 дюжин сорочек женских такого ж полотна; 2 перемены наволоков на подушки галанского полотна (в каждой по 7 наволоков);

4 простыни таких же; 2 перемены наволоков на подушки рикенберхского полотна (в каждой по 7 наволоков); 12 простынь такого ж полотна; 4 гарнитура скатертей (в каждом 1 скатерть и 2 дюжины салфеток); 4 гарнитура скатертей (в каждом по 1 скатерти и по 1 дюжине салфеток). Итого 2 скринки з бельем — 4269 рублей.

Кровать и завесы малиноваго французского штофу с позументом золотым и протчим убором — 2287 рублей.

Постеля — перина с подушки и матрацом с наволоки и двумя одеялы отласными — 278 рублей.

207

Обои в спальню штофу малиноваго з завесы с тафтяными, с креслы и столы уборными со всем их прибором — 241 рубль.

Всего, кроме алмазных вещей, — 31 112 рублей»¹⁰.

После того как сговорную зарегистрировали в крепостной конторе, Румянцевы и Голицыны могли вести своих детей под венец. Единственное, что им еще следовало сделать перед этим, — уплатить свадебный налог. По принятому Правительствующим Синодом закону от 10 июня 1730 года за указание имен новобрачных в венецной памяти (официальная гражданская регистрация) пары, венчавшиеся впервые, платили налог в размере 24 копеек. Если кто-либо из будущих супругов шел под венец повторно, то государство получало 36 копеек. Когда брак был вторым для обоих, сумма возрастала до 50 копеек. За третье венчание одного либо сразу двух выкладывали 60 копеек¹¹. Так как Петр и Екатерина венчались 13 ноября 1747 года впервые, то заплатить государству они должны были минимальный размер пошлины.

Вечером 22 февраля 1747 года Двор отмечал свадьбу Бестужева и Разумовской. А около полудня того дня объектом всеобщего внимания стала другая пара — камер-юнкер Михаил Иванович Сафонов и фрейлина Марфа Симоновна Гендрикова. По окончании богослужения в Большой придворной церкви императрица приняла саксонского камергера Карла Генриха Дискау, который преподнес ей «нотификательную грамоту», извещавшую русскую императрицу о совершенном во Франции браке между дофином Людовиком и саксонскою принцессою Марией-Жозефой. После того как придворные узнали о породнении Бурбонов с польским королем и саксонским курфюрстом Августом III, императрица пожелала всем объявить о предстоящем установлении родственных связей между российской императорской фамилией и семьей простого русского дворянина Михаила Ивановича Сафонова. Говоря

208

точнее, в присутствии Двора Ее Величество помолвила и обручила молодого камер-юнкера со своей двоюродной сестрой Марфой Симоновной Гендриковой¹².

Неизвестно, чем привлекал Елизавету Петровну Михаил Иванович Сафонов, но в судьбе молодого человека дочь Петра Великого принимала живейшее участие. 20 апреля 1740 года опальная цесаревна взяла мальчика двенадцати-тринадцати лет к своему Двору в пажи. Спустя два года, 9 октября 1742 года Елизавета, уже императрица, пожаловала отрока в камер-пажи, а 16 октября 1746 года выпустила от Двора в лейб-гвардии Преображенский полк поручиком. Но офицером молодой человек пробыл недолго. Что-то мешало государыне освободить его из-под своей опеки. Минуло два месяца, и 18 декабря 1746 года гвардеец вновь становится

придворным — камер-юнкером Ея Императорского Величества¹³.

Однако возвращения двадцатилетнего юноши ко Двору императрице показалось мало. Она захотела окончательно устроить будущее Михаила, для чего решила «усыновить» камер-юнкера, выдав за него свою юную и красивую сестру. 22 февраля 1747 года молодые люди обменялись кольцами, а через восемь с лишним месяцев, вечером 4 ноября 1747 года, в Большой церкви Зимнего дворца обвенчались. Но вряд ли императрица, благословляя жениха и невесту, подозревала о том, что молодожены способны преподнести ей весьма неприятный сюрприз. Причем в самое ближайшее время.

Не прошло и двух недель после венчания, как при петербургском Дворе разразился скандал. Вечером 16 ноября 1747 года камер-юнкера М. Сафонова по приказу императрицы арестовали и препроводили в Петропавловскую крепость, в тайную канцелярию. Почему?

Русский историк П. Ф. Карабанов объяснил арест Михаила Ивановича семейной ссорой: Марфа Симоновна, «однажды поссорившись с мужем своим и бывши им оттолкнута или получивши пощечину,

209

пожаловалась императрице, которая приказала посадить Сафонова на хлеб и на воду, приемля сей поступок, по причине столь близкого родства с Марфой Сафоновой, за оскорбление собственной своей особы»¹⁴.

Эх, если бы в реальности все было так просто! На самом деле императрица поступила слишком сурово совсем по другой причине, хотя упомянутая Караба-новым пощечина действительно имела место. Драму Сафоновых невозможно понять, если не отрешиться от популярного ныне мифа, согласно которому люди эпохи Просвещения с презрением относились к браку, легко меняя одного любовника на другого. Нет, истинная картина не соответствовала вымышленной легенде. Современники Вольтера и Руссо были такими же разными, как мы, и не более развращенными, чем ханжи викторианского периода или позднего советского. И дело Сафонова — яркое тому подтверждение.

Все началось с того, что императрице доложили о возникшей между супругами серьезной размолвке. Только услышала государыня не о пощечине (эка невидаль!), а об избиении мужем жены с угрозами убить несчастную. Примечательно, что сор из избы вынесла не Марфа Симоновна. Пожаловалась Елизавете старшая сестра пострадавшей, Марья Симоновна Чоглокова, от которой у младшей не существовало секретов. Екатерина II об этом в своих записках повествует так: «Эта свадьба дала повод ужасной истории, долго забавлявшей двор и город. Только что они поженились, как молодая стала жаловаться сестре на дурное обращение мужа. Она уверяла, что муж, ложась с ней, привязывает ее к стойке кровати, что он ее бьет и скверно обращается с ней. Чоглокова пожаловалась императрице, которая велела позвать Сафонова, выбрала его, поносила последними словами, дала пощечину и кончила тем, что отправила его в крепость, где он оставался очень продолжительное время»¹⁵.

Такие слухи об этом деле циркулировали в обществе. Конечно, в подобном, изложенном Екатериной виде драма Сафоновых,

210

безусловно, напоминает трагифарс, а угодивший в темницу муж выглядит извращенцем, мучающим жену.

Однако императрица вкупе с родней оказалась искусным дезинформатором. Выставив в неприглядном свете молодого человека, она смогла скрыть подлинную картину случившегося, которую действительно не стоило афишировать. Ибо дело касалось, как бы сейчас выразились, морального облика лица, принадлежащего к царствующей ди-

настии.

Вчерашний баловень судьбы очутился 16 ноября 1747 года в казематах крепости вовсе не для того, чтобы понести наказание: отсидеть под арестом какое-то время и выйти на волю. А. И. Шувалову императрица поручила доподлинно выяснить, собирался Сафонов покушаться на жизнь Марфы Симоновны или нет. Первый допрос узнику учинили в тот же день. 17 ноября допросные листы поднесли рассерженной императрице. Они не вполне удовлетворили ее. Тогда 18-го числа молодого человека повели в застенки и били батогами, предварительно предупредив, что если тот и под батогами скроет правду, то несчастному будет грозить пытка...

Ознакомившись с результатами двух допросов — обычного и с пристрастием, Елизавета несколько успокоилась, ибо увидела: камер-юнкер тверд в первоначальном заявлении, что смертоубийство не замышлялось. Тогда она стала внимательней вчитываться в показания страдальца. А вчитавшись, крепко призадумалась. Потому что из признаний юноши вытекало, что не так уж он и виноват в получившей огласку истории. И все сделанное Сафоновым не стоило того жестокого обращения, которое ему довелось перенести. Вот что сумела выяснить следственная комиссия.

Под утро 5 ноября в доме Сафоновых отгремели свадебные торжества. Молодых проводили в спальню и оставили наедине. Однако то, чего ожидал очарованный невестой супруг, не случилось. К величайшему его сожалению, он «в ту ночь соития с нею не

211

имел, для того, что жена ево, яко девица, соитие с ним учинить не захотела, а говорила, что очень бол-но. И он Софонов вышед перед спальню в палату и человеку своему Алексею Петровскому без винных разговоров говорил, что жена ево соитие с ним учинить хочет, токмо де жалуется, что де очень болно». Как ни раздосадован был жених, но, смирившись с застенчивостью невесты, отложил новую попытку до следующего раза.

Днем 5 ноября супруги вновь посетили дворец, где для них императрица устроила праздничный банкет, во время которого пожаловала Марфу Симоновну в статс-дамы¹⁶. Наконец наступила вторая брачная ночь. На этот раз все прошло благополучно. Жена больше не жаловалась. Хотя при этом Михаил Иванович обнаружил не слишком приятный для себя факт: супруга-то оказалась совсем не девственницей.

Два дня обескураженный неприятным открытием муж не находил себе места. Ему хотелось узнать правду, и в то же время он боялся напрямую задать наболевший вопрос жене. В конце концов камер-юнкер не вытерпел. 8 ноября «в вечеру стал он Софонов ту свою жену с ласкою спрашивать, что до свадьбы... не имела ль она у себя любителей. И она ево жена без всякого от него Софопова принуждения объявила, что у ней были любители. А именно Штро-ус, которой, будучи на Васильевском острове, в Новгородском архиерейском доме в темных сенях, положи на стол, изнасилничал. Да в собственном Ея Императорского Величества каменном дворце с камер-юнкером Сиверсом в саду, а потом неоднократно в разных дворцовых садах, з бандуристом Григорьем Михайловичем на Смольном дворе в ее комнате, с певчими Калининком и с Матюшею. А с Сиверсом де перестала она любитца тому года з два, как определена мадам Шмитша»¹⁷.

Надо отдать Марфе Симоновне должное. Она ничего не утаила из прошлого, надеясь, видимо, завоевать откровенностью доверие супруга. Однако Михаил Иванович не оценил порыва жены. Он был

212

просто раздавлен еще более страшным открытием. Оказалось, что его возлюбленная не только не девственница, но еще и придворная проститутка со стажем. Нервы у

мужа не выдержали, и он со всей силы, наотмашь отхлестал дважды по щекам сидевшую рядом Марфу. Та от неожиданности закричала, на что муж отреагировал довольно грубо: зажал рот руками, потом схватил подушку и, опрокинув жену на постель, закрыл подушкой ее лицо, чтобы приглушить крик. Когда Марфа немного успокоилась, Михаил взял себя в руки и сказал только, что «ежели она впредь с вышеобъявленными любители будет любитца, то он, Софонов, как ее, так и себя заколет шпагою».

На том первый конфликт и завершился. Но супруги затаили друг на друга обиду. И пока один пробовал смириться с шокирующими признаниями жены, а другая в поисках сочувствия поведала обо всем сестре, возникшая трещина между ними продолжала расширяться. 13 или 14 ноября накопившееся за несколько дней раздражение снова прорвалось наружу. Михаил Сафонов знал, что жена была у сестры и, естественно, не скрыла от нее случившееся накануне. Понимал он, что без последствий поступок свояка Мария Симоновна, очевидно, не оставит. Значит, в его интересах — побыстрее уладить размолвку. Идти первым на поклон к супруге ему не хотелось. А та, очевидно, даже не помышляла о чем-то аналогичном. И вот, будучи не в духе, приехав с Марфой на свадьбу сына генерала Александра Ивановича Румянцева, Михаил заметил, что женушка в хорошо отапливаемом покое не скидывает с плеч соболиную накидку. Спросил ее, почему. А Марфа, как нарочно, вспомнила о Чоглоковой и ответила, что не расстается с мехами, потому что надела их на нее сестра родная, Мария Симоновна. Довод жены взбесил камер-юнкера. Заявив, что та не служанка собственной сестре, он велел ей отдать соболей либо ему в руки, либо сопровождавшему их слуге. Жена отказалась. И тогда разозленный неповиновением муж влепил супруге третью пощечину.

213

Неизвестно, насколько далеко зашла бы между ними ссора, но, по счастью, отыскался добрый человек, который принял на себя роль посредника — некая Анна Гавриловна Саблукова, наверное, родственница кофишенка императрицы Александра Саблукова. Женщина потолковала с глазу на глаз с оскорбленной Марфой Симоновной и склонила ее пойти на мировую с мужем. Примирение состоялось в спальне. «Оная де ево жена... встав перед ним на колени плакала и говорила, что она ево Софопова будет слушать. И он Софонов с тою своею женою помирился и просил, чтоб она ево слушала. И она ево Софопова слушать обещалась*».

Вот и вся подоплека дела Сафопова. Конфликт был почти исчерпан, когда разразилась монаршая немилость. Никакого смертоубийства мужем не замышлялось. Никаких извращений и мучений тоже не совершалось. Преступление камер-юнкера заключалось в несдержанности, но тут юношу можно понять. Кроме того, Михаил, во всем повинившись, признал, что «все то он, Софонов учинил с простоты и горячести своей». Что же до «избитой» жены, то чего теперь было копы ломать, раз государыня сама недоглядела за двоюродной сестрой. И все-таки чувство неприязни к человеку, наградившему тремя оплеухами члена царской семьи, никогда не покидало Елизавету. Полностью простить вчерашнего любимчика она уже не смогла.

Впрочем, освободить сейчас из-под караула Сафопова мешало то, что странную историю всю обсуждали при Дворе и в городе. А раз муж оправдан, то в ссоре супругов виновата жена, родственница императрицы. Такой исход скандала, понятно, государыню тоже не устраивал. В итоге Елизавета приняла соломоново решение: оставить под караулом на какое-то время камер-юнкера, пока страсти не улягутся. А потом под благовидным предлогом освободить его. В тот же день, 18 ноября в крепость для Михаила Сафопова, сидевшего под охраной двух солдат и капрала Измайловского полка Ивана Маркова, привезли некоторые вещи — пуховик, три

белых полотняных наволоках, одеяло тафтяное, простыню холстинную, тафтяную шубу на беличьем меху, платок итальянский, белый бумажный колпак, полотняное полотенце, три галстука, три рубашки и камчатую салфетку.

Долгожданный день освобождения наступил через год с лишним. 12 декабря 1748 года Елизавета распорядилась: «Камер юнкеру Михаилу Софонову вину ево отпустить и ис под караулу свободить, и быть ему по прежнему*. В тот же день Михаил Иванович покинул крепость¹⁸. Как свидетельствовала Екатерина II, предлогом для освобождения арестанта послужила беременность Марфы Симоновны¹⁹.

Супруги Сафоновы после этого прожили вместе почти шесть лет. Марфа родила пятерых детей — двух мальчиков и трех девочек — и скончалась 1 сентября 1754 года²⁰. Муж же Марфы Симоновны продолжал служить при Дворе и воспитывать детей — дочерей Елизавету и Марфу, а также сына Петра, которого обучал при себе «российской грамоте читать и писать»²¹. Императрица, не забывшая нанесенной Сафоновым обиды лицу императорской фамилии, больше не покровительствовала ему, из-за чего карьера Михаила Ивановича заметно затормозилась. Только на Рождество 1755 года Елизавета пожаловала родственника камергером, да и то не к себе, а к великой княгине Екатерине Алексеевне. Впрочем, охлаждение вчерашней благодетельницы, по-видимому, не очень огорчало придворного. После того, что ему довелось пережить, вряд ли Михаил Иванович сильно тосковал по царским милостям. Слишком велико было разочарование. Ведь пережитое потрясение оказалось настолько сильным, что на повторный брак с кем-либо он уже не решился. Поэтому в списках камергеров, сочинявшихся Придворной канцелярией, против фамилии Сафонова в графе «супругу имеет» всегда ставился прочерк.

215

Глава 9

Путешествие за границу

1755 август

01. Их высочества изволили приехать из Ораниенбаума.

02. Государыня изволила приехать из Царского села в полночь в первом часу. По прибытии палено 101 [раз]

из пушки. 03- Великий князь Щавел] Щетрович] из Царского села

изволил приехать во втором часу. Об. Князь Александр Михайлович и с женою приехали из тех краев и были на куртаге.

О 7. Государыня изволила поехать в Царское село до обеда, а Их Высочества в Ораниенбаум.

Князь Александр Михайлович, вернувшийся из чужих краев, — это полный тезка известного нам по 4-й главе А. М. Голицына. Около шести лет он прослужил чрезвычайным посланником при Нижне-Саксонском округе, представляя Российскую империю при дворах германских прирейнских княжеств. Посольство находилось в Гамбурге, где сын петровского фельдмаршала и прожил весь период работы за границей с 1749 года. Но в декабре 1754 года на его место назначили скандально известного первого любовника великой княгини Екатерины Алексеевны — Сергея Васильевича Салтыкова, приехавшего в Гамбург только 21 июня (2 июля) 1755 года. И отозванный на родину дипломат отправился в Россию, на свое прежнее место при малом дворе все той же великой княгини Екатерины, камергером которой являлся с 1745 года¹.

Покидая насиженные места, будь то в Петербурге или в европейской столице, подданные самодержицы всероссийской, прежде чем добраться до иного постоянного места жительства, преодолевали тысячи верст, колеся по пыльным дорогам Старого света, затрачивая на поездку не день, не два, а в лучшем случае месяц или полтора.

Что они видели по пути? Что ощущали? С какими трудностями или курьезами доводилось им сталкиваться? Проявим чуть больше

216

внимания к этой малоизвестной стороне повседневной жизни той эпохи. Для чего совершим с одним из елизаветинцев небольшое путешествие по центральной Европе. Но сначала у другого россиянина, полного тезки возвращающегося из Гамбурга посланника, узнаем, каким образом он готовился к вояжу.

Александр Михайлович Голицын, нынешний российский посланник в Англии, впервые оказался за рубежом осенью 1742 года, то есть накануне празднования годовщины восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны.

Двадцатилетний юноша с братом Сергеем отправлялся в Голландию дворянином посольства к послу Александру Гавриловичу Головкину, ради обучения «французскому языку и при том арифметике, геометри[и], географии, истории и другим наукам, приличным дворянству*». Чтобы проститься с пределами родного государства, молодым людям требовалось обзавестись как минимум двумя документами — заграничным паспортом и подорожной. Кроме того, по прибытии на место не помешало бы рекомендательное письмо на имя какого-либо знакомого, жившего там. Но это уже кому как повезет. Братьям Голицыным отец сумел раздобыть у князя Куракина два рекомендательных письма, одно секретарю русского посла в Гааге господину Коробову, а другое французскому купцу Гверину. Впрочем, официальные документы значили куда больше. Без них просто невозможно было пересечь границу. Так как осенью 1742 года Двор находился в Москве, то все бумаги оформлялись в московских конторах Коллегии иностранных дел и Ямской канцелярии.

Вот как выглядел выданный на руки Голицыным заграничный паспорт:

<-Божиею милостию, Мы Елисавет Первая, императрица и самодержица всероссийская и протчая, и протчая, и протчая.

Объявляем чрез сие, кому о том ведать надлежит. Понеже объявители сего российские дворяне Александр и Сергей Михайловы по нашему указу отправлены в Голандию к пребывающему тамо нашему дей-

217

ствителному тайному советнику, чрезвычайному и полномочному послу графу Головкину, того ради всех высоких областей дружески просим от каждого по состоянию чина и достоинства, кто сим употреблен быть имеет, приятно желаем, нашим же воинским и гражданским управителям всемилости вейше повелеваем, дабы помянутых дворян и при них одного их служителя, Алексея Толузакова, и с имеющимися при них вещей не токмо свободно и без задержания везде пропускать, но в потребных случаях всякое благоволение и вспоможение оным показывать повелели. За что мы каждых высоких областей подданным взаимно в таких же случаях воздавать обещаем. Наши же подданные оное наше повеление да исполняют. И во свидетельство того дан сей паспорт за нашею государственною печатью из нашей Коллегии Иностранных Дел. В Москве. Сентября тридесятого дня 1742 года. Канцлер князь Черкасской*. К паспорту прилагалась копия на латинском языке².

Подорожная также писалась со ссылкой на императрицу:

«По указу Ея Величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

От Москвы до Новгорода и до Новгородка ямские, а от Новгородка до Риги подставные давать отправленным из Коллегии[и] Иностранных дел в Голандию дворянами посольства господина генерала лейт-нанта князя Голицына детям князь Александру и князь Сергию Голицыным десять подвод с проводниками без задержания, имая прогонные деньги по указу. А имянно. До Торшку по денге, а от Торшку до Вы-

шняго Волочка Тверским по копейке, от Вышняго Волочка до Новагорода и до Новогоропка по денге на версту, а от Новогоропка до Риги на подставные по двенатцати копеек на десять верст на каждую лошадь. Дан в Москве. Октября втораго дня 1742 году. Федор Сухова Кобылий». Интересна помета на другой стороне: «По сей подорожной от Великаго Новагорода до Пскова по ямам ямщикам давать выше-означенное число подвод за указные прогоны везде

218

без задержания, а без прогонов подвод отнюдь не давать. 1742 году октября 17 дня. Григорей Орлов...» Григорий Орлов — это новгородский губернатор, отец прославленных братьев Орловых, сподвижников Екатерины Великой³. Напоследок собиравшиеся в самостоятельную поездку юноши, естественно, выслушали добрые напутствия родителей. Любящий отец не поленился дать 10 октября родным сыновьям несколько полезных советов о том, как вести себя за границей: «...В пути, где случится в котором городе быть на квартире, то надобно сперва знать, что заплатить за еду и за постелю самим и людям. Где можно хотя и догово-ритца, понеже без договору много излишняго берут... понеже тамошние люди показывают себя ласково и услужливо, а на конец как бы можно больше денег содрать... Лошадей в коляску по четыре надобно брать, а не по шести, понеже для прибыли своей больше подпрягают... А как приедете в Берлин, ежели от дороги устанете, то дни два или три можно отдохнуть. Потому жив других городах больших, ежели трудно покажется, так же можно передневать. А ежели нужды не будет, ехать без остановки, понеже, что болше будете мешкать, то болше убытку будет... А, как Бог даст, приедете в Гагу, стать на квартиру и на другой день иттить вам к послу графу Александру Гавриловичу Головкину и объявить от меня поклон и пис-мо... Да при отъезде вашем отпущено двести семде-сят червонных. И как поедете из Риги, оные в пути тратить, а что останетца и те достальные в Галандии по приезде вашем в Гаагу тратить... а червонных вам до отъезду из Риги не тратить. Да с вами ж отправлен вексель на пять сот рублей, на каждой рубль считая по сороку по шти с половиною штиверов, на имя купца амстрадамского Логина Гови. И как прибудете, по оному векселю принять. И по принятии на том векселе росписатца именем тем, как вексель написан. Да при том же кредитное письмо на русском языке от русского купца Данила Земского к нему ж Логину Гови на пять сот гулденов галанскою монетою (то учинит двести ефимков). И оное кредитное письмо к

219

нему отослать с векселем. Токмо тех денег без особливого моего писма не брать»⁴. Теперь, когда мы узнали, что необходимо сделать для выезда за кордон, пора трогаться в путь. Правда, отправимся мы не в Гаагу с братьями Голицыными. Наш маршрут проляжет несколько южнее центральной магистрали того времени Берлин — Гамбург — Гаага (далее либо на север в Лондон, либо на юг в Париж). Мы поедем в объезд популярного тракта, пристроившись к коляске однофамильца преемника А. М. Голицына на его дипломатическом посту в Гамбурге — Бориса Михайловича Салтыкова, племянника Петра Михайловича Салтыкова, белгородского губернатора. 20 марта 1759 года около полудня канцлеру Воронцову передали убедительную просьбу Ивана Ивановича Шувалова поскорее оформить два заграничных паспорта. Имена значились в собственноручной записке камергера: Юдин пашпорт Куринского пехотного полку Борису Салтыкову с служителем ево Иваном Артемьевым в Женеvu и обратно в Россию.

Другой пашпорт бывшему в Московском университете магистром саксонцу Андрею Ничю в Германию".

Михаил Ларионович не замедлил отослать в коллегию с почтальоном Тырковым

записку Шувалова и предписание: до пяти вечера приготовить паспорт на Салтыкова и Нича «и, припечатав, к подписанию... прислать, оставя место на чин... господина Салтыкова», который фаворит императрицы забыл указать. Срочность работы объяснялась тем, что бывшие студент и преподаватель Московского университета собирались покинуть Петербург «сего вечера или в ночь». Чиновники приступили к исполнению задания в половине второго дня. Но торопились напрасно. Подпоручику Борису Михайловичу Салтыкову (патрон уточнил звание молодого человека в поданном Воронцову в тот же день официальном запросе) пришлось задержаться⁵.
Описанный им в пространном журнале (предназначенном для куратора уни-

220

верситета) заграничный вояж в далекую Швейцарию начался ровно через сутки: «Ис Петербурха выехал я в два часа пополудни марта 21 дня по старому стилю, как еще дорога до Нарвы была довольно покрыта снегом, а туда приехал в час по полудни марта 22, отъехав 145 верст. Все достойное примечания на той дороге состоит в ситцовой фабрике, учрежденной в Красном селе (28 верст от Петербурха), которая час от часу более процветает, и еще в том, что всякому дорожному человеку должно запастись до Нарвы пищею, ежели не хочет терпеть нужды. По малой мере я сие опробовал...

Из Нарвы поехал я тотчас, не найдя ничего достойного видеть. Крепостца небольшая в городе. Все строении каменные. До самой Риги имел я такую дурную дорогу, как можно хуже вообразить. Земля уже разступилась, везде же почти будучи ил и глина. Колесы столь глубоко шли в грязи, на силу 10 и 12 лошадей во многих местах могли мою весьма легкую коляску вывести. От чего очень часто она ломалась. И я 400 верст от Нарвы до Риги не преж[д]е как 8 дней на курьерских лошадях мог переехать. Надобно знать, что версты от Петербурха до Нарвы пятисотные, а от Нарвы до Риги семисотные.

Не мог здесь умолчать благодарность, которую, как я, также и все вояжеры и торговые люди чувствовать должны за старание, начатое о починке сей дороги. От Петербурха уже несколько верст готово и дале продолжают.

Чтоб возвратитца к моему журналу, вкратце я скажу, от Нарвы до Риги ничего примечательного нет. Адин город Дерпт, которой в старинные времена весьма был знатен... Теперь он розаренной город. Россияне оному причина 1704 году. До Риги не имею ничего болше сказать о всей дороге, кроме того, что почтовые камиссары всех на почте едущих за денги кормят. Чего ради тут без нужды воиежировать можно. В Ригу приехал я по утру марта 30 и жил там 2 дня для починки своей коляски. Между тем осматривал город, которой весьма велик и хорошо укреплен. Имеет цитадель и гавань, которая б была из наилутчих в Ев-

221

ропе, естли б имела саленою воду, будучи защищаема Динаминдою (2 мили от Риги). Изрядная крепость и пристань. В Рижской гавани суда не полны нагружают для того, что в некоторых местах с полным грузом ане пройтить не могут. И так их догружают в Динаменде. Весма примечания достойна зде-ланная в Риге деревянная машина, которая действует лошадми и во все дома чрез приведенные трубы вытягивая из Двины дает воду. Так что всякой обыватель может оную у себя иметь на [д]воре или в поварне. Машина та работает днем и ночью и может в пожарном случае всю воду, отняв у других, дать в том месте, где нужда требует. Всякой год несколько дней не действует ана в то время, как ее чистят. И тогда жители принуждены ездить за водою на реку. Содержание оной из обывательских денег. И те, кому болше воды надобно, платят и по 20 рублей, другие по препор-ции. Весма и то достойно в Риге любопытства, что летом и зимою ездят в городе в санях. Надобно знать, что летом —

одни купцы, жены и дети их. Для того, что иначе ездить им не позволено. В мою бытность в Риге строилась новая Ратуша, которая будет из наи-лучших там строений. Последняя осталась, что город сии свои денги имеет: ливонезер, немного меньше стоит рубля, которой в мою бытность стоил 70 фер-динтов (малинка их монета, три наши денешки там стоящая). Еще есть фиивер о пяти фердингов, четверть ливонезер и пол ливонезера. Сверх того, ходят специалталера, червонные, полские шестаки и тын-фы о тре[х] шестаках (на русские денги 18 копеек). Сие примечание надобно сделать, что в Риге великую прибыль можно иметь денежным торгом. Мне сам губернатор сказывал, что иногда специалталер стоит рубль пять копеек, иногда рубль дватцать копеек от того, что чужестранные корабли пошлины должны платить рублями, а оне привозят специалта-леры, которые на рубли меняют с великим убытком. Еще забыл я сказать о законе в Лифляндии. Тамошние все жители проповедывают лютеранской.

Из Риги выехал я апреля 1 дня после обеда, и до вечера промешкал за судном, в котором надобно пере-

222

правлятца, будучи очень мало беспокойно было ка-ляску взвозить и свезть. Потом ехал я еще миль около 4 Лифляндиею, которая с Курляндиею граничит. Там живет наш офицер с командою для осмотра всех проезжих, не имеют ли заповедных товаров. Прежде, нежели начать описание моей дороги в Курляндии осталось мне сделать сие примечание. В Лифляндии 15 мужев з женами называетца гак. Иной ландрат (так называетца их помещик) имеет 20 и болше гаков, другой полгака, с которых доходы также неровны. В одном месте дает гак сто рублей, в другом — болше, до двухсот. Тамошние помещики гораздо волнее российских. В обеих народах составляющих Лифляндию, эстонцы и латыши мужики очень нечисто содержат себя и свои дома. Первые и последние имеют свои язык — эстляндской и латышской. Инова никакова не разумеют.

О дороге моей чрез Курляндию болше не могу сказать, как следующее. В Митаву, столичной их герцога город, я очень рано по утру приехал апреля 2 и, час толко там быв, мог приметить, что город изрядной, стенами и рвами укреплен. Лучшее в нем строение — замок, которой еще не dokonчен.

Последняя деревня в Курляндии на моей дороге называлась Рутцов, куда я приехал в самые полдни апреля 4, день их светлого воскресения. Генерал майор Мербах, ковалер святого Александра Невского и господин сей деревни, позвал меня к себе обедать. И так хорошо принял, что лучше требовать не можно. Отобедав у него, поехал я в два часа пополудни и приехал в Поланген, местечко полское в Саможиции. О Курляндии осталось сказать, мужики говорят по латышски, иные разумеют по полски и по-немецки. Толко чище и лучше живут, нежели лифлянцы.

В Мемель приехал я в 5 часов по утру. Первой прусской город. Изрядно укреплен и не мал. Имеет гавань и лежит на так называемом Куришегаф. Дома все каменные, между которыми есть очень изрядные. Побыв там час, поехал я и до самого Кенизберха ехал у вышепомянутого гафа берегом, весьма песошным, столь близко воды, что волнами плескало в мою ко-

223

ляску. Почтовые дворы в стороне от гафа. Наконец, приехал в Кенигсберх в 10 часов по утру апреля 6, где пробыл два дни. Первой день обедал у господина губернатора Е[го] Шревосходительства] господина Корфа, которой очень милостиво со мною обошел-ся. На другой день зван был к графу Кейзерлингу. Как им, так и фамилиею ево и всеми тамошними жителями был ласково принят. Город сей весьма не мал и хорошо выстроен. Кроме того, что очень уски улицы, как во всех старинных городах я то приметил. Имеет хорошую пристань и вал. В городе смотрел я королевской замок,

очень великой. В нем есть башня весьма высокая. Я имел любопытство быть на самом ее верху (270 ступеней), откуда весь город виден. Также тут есть церковь, библиотека и так называемая Мос-ковитская зала, примечания достойная чрезвычайно величиною, будучи внутри без всяких подпор, как мне сказали. А самому не удалось в ней быть. В этой сALLE блаженной памяти государь Петр I в Кениз-берхе был трактован, и потому она так называется. Лутчие строения в городе — Ратуша, соборная церковь, в которой стоят гробы многих герцогов прусских, из коих лутче всех Алберта I. На верху которого, он с герцогиней и по бокам дети их так, как и гроб, вырезаны из камня. Еще Биржа. Которые все строения я только снаружи видел. В университете многочисленная и знатная библиотека, где прежде сего много книг было в серебряных досках. Но король, сказывают, их вывез. И жидовское там есть собрание или синагогот. Но, выехав в четверток, я не мог оно видеть. Еще был в маленькой крепостце вне города, в которой видел цейхгауз. В Кенизберхе сведал, что почты не очень порядочны до Варшавы, и что только курьеры могут лошадей иметь. Нанял фурманщиков, на которых выехал из Кенигзберха в два часа пополудни апреля 8. До Варшавы ехал Пруссией, Полшей пруской. Потом опять Пруссией и Полшей, что можно яснее видеть из приложенного в конце журнала описания всех моих станций. О пруских мужиках можно сказать, очень трудно-

224



Парадная лестница Большого дворца в Петергофе.



Танцевальный (Купеческий) зал Петергофского дворца.

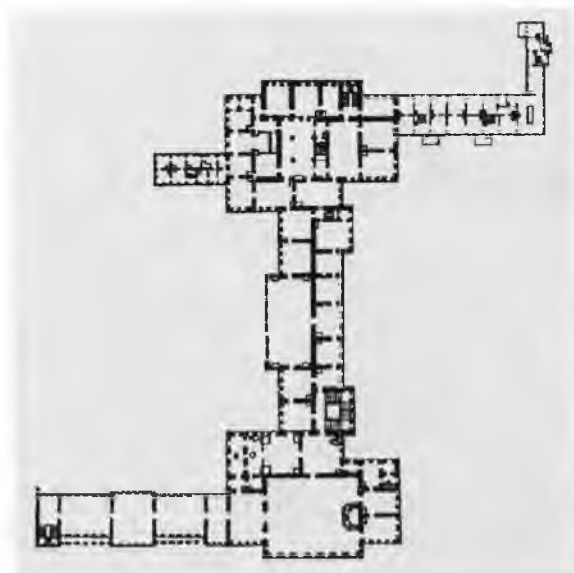
Вид на Зимний дворец со стороны Петропавловской крепости.





Вид на Зимний дворец со стороны Луговой улицы.

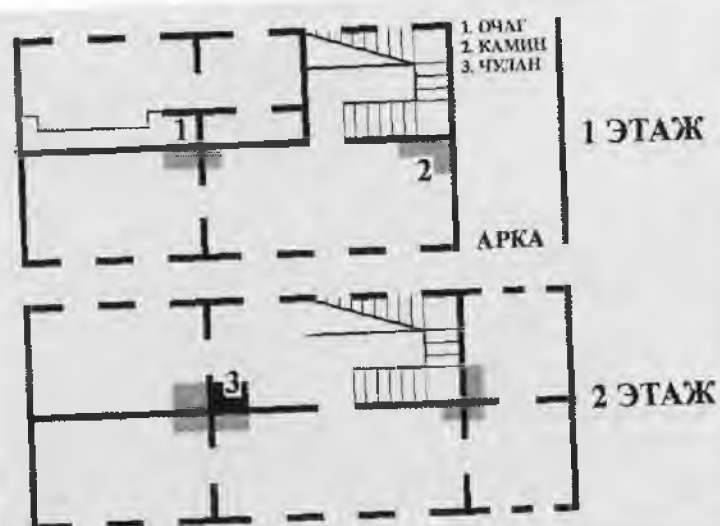
План 2-го этажа Зимнего дворца.





Вид на западный флигель Зимнего дворца
(без арки для проезда к адмиралтейскому подъезду).

План 1-го и 2-го этажей дома А. П. Мельгунова на набережной Мойки.





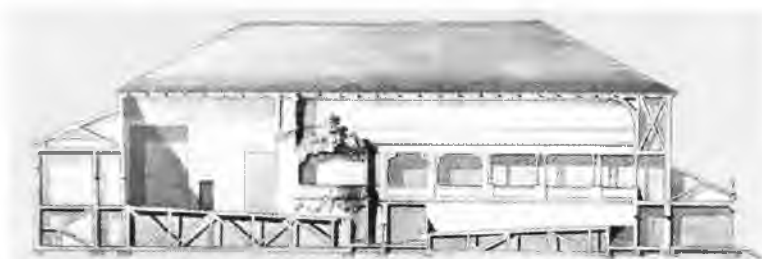
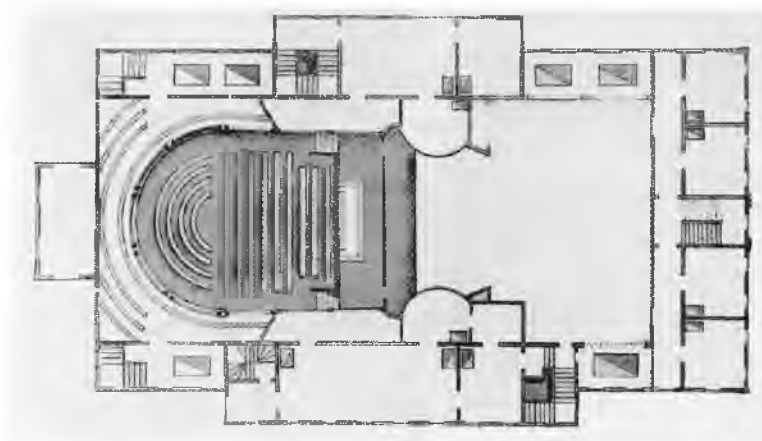
Е. А. Лобанова-Ростовская
в шляфоре. 1754 г.



Н. А. Демидов в парадной
паре (кафтан и камзол).
Около 1755 г.

Здание Оперного дома, сгоревшего в 1749 г.





План и «профиль»
Оперного дома в роше
Царицына луга. 1750 г.

А. К. Воронцова.

Президент Адмиралтейской
коллегии, генерал-адмирал
М. М. Голицын.



Принцесса Иоганна-
Елизавета Ангальт-
Цербстская, великий князь
Петр Федорович
и великая княгиня
Екатерина Алексеевна.





План Санкт-Петербурга. 1753 г.





Е. Д. Кантемир в робе. 1759 г.



П. Г. Чернышев.

П. Г. Чернышев в кругу семьи — с супругой Екатериной Андреевной, урожденной Ушаковой, сыном и дочерьми Дарьей, Натальей и Марией.





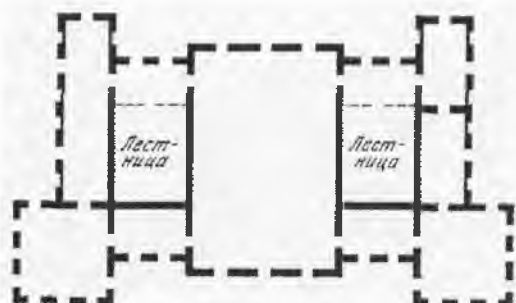
Лондон. Вид на Темзу, Сомерсет-хауз (слева) и собор Святого Павла.

Вид на дворец А. Д. Меншикова, дом Г. И. Головкина и разводную часть наплавного Исаакиевского моста.





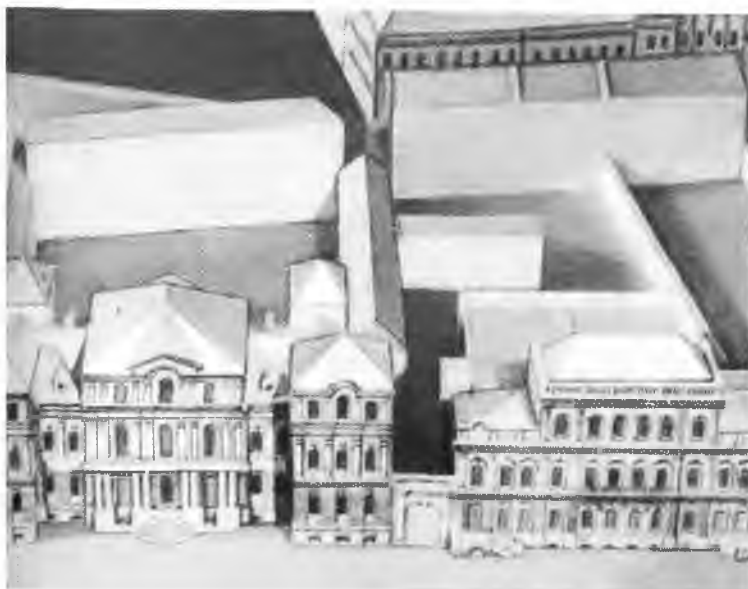
Вид на дворец
К. Д. Кантемира
со стороны
Красного канала



Набережная реки Невы

План 2-го этажа
дворца
К. Д. Кантемира
(реконструкция
Р. М. Байбуровой)

Вид на дворцы К. Д. Кантемира и А. И. Гессен-Гомбургской со стороны
Верхней Набережной.



М. А. Румянцева.



М. Е. Шувалова.



Здание главной аптеки
(слева) и дворец сестер
М. П. Нарышкиной
и М. П. Салтыковой
на Миллионной улице.





1-й лист заёмного письма А. П. Бестужева-Рюмина С. В. Салтыкову на 12 тысяч рублей.



Лист из альбома фрейлины М. А. Нарышкиной. 1750-е гг.

любивы. И почти никово нелзя найтить без работы. Землю с великим прилежанием пашут так, что ни ад-наво места не пахонава нет, кроме лугов. Еще надобно знать, теперь военное время, которое обыкновенно много препятствует. Напротив же того, как скоро я въехал в Полшу, нашол тысячами празных людей по дорогам и в городах шетающихся. Особливо малых робят такое великое множество, что без труда нелзя исчислить. Которые всех дорожных, думаю так, как меня, очень беспокоят. Ежеминутно просят милостыни, извиняясь, что не могут найтить работы. В сем случае высокомерные люди имеют способ до-волствовать свою страсть, видя тысячи старых и молодых перед собой на коленях. До самой Женевы имел я сих провожатых, которые за проезжими вслед бегают и криком своим беспокоют. И когда человек 10 вместе, особливо робят. В Полше их гораздо бол-ше, а в немецкой земле и в Швейцарии есть же. И так сия привычка в них вкоренилась, что лет от двух самых богатых жителей дети выбегают на дороги просить милостыни, что мне сами тех мест обыватели подтвердили. Не останавливаясь более, обращаюсь я к своей материи. За 3 мили до Варшавы встретился я с князь Димитрием Михайловичем Голицыным,

которой очень ласково со мной абашолси. За 4 мили переезжал я на пароме реку Бух, а за полмили — Вислу. В Варшаву приехал в полдни апреля 13. Был у министра нашего двора Его Превосходительства господина Воейкова, которой очень милостиво меня принял. Город сей велик, и много весьма высоких и хороших строений имеет. Я, два дни там жив, имел честь видеть короля почти со всеми придворными, как Его Величество всякой день изволит ходить чрез галлерию к абедни. Лехко можно ево персону видеть для того, что всем позволено там быть. И я инкогнито имел то щастие. Ево Величество имеет вид величественной, походку сановитую, ростом немал, лице и в теле полон. После был я в королевском замке, еще не совсем достроенном. Ходил по всем каморам и в той салле, где государственной съезд или сейм бывает. Замок не мал

и
* К - писаренко

225

полаты королевские хорошо убраны. Но король не в них имеет свою резиденцию, а в тех, кои принадлежат кур саксонскому дому. Которые в замке, те принадлежат короне королевской. Сад очень увеселителен.

Еще я видел сад Брилев, полмили от города. Там есть у господина Бриля деревянной изрядной украшенной дом на месте, называемом Вола, где королей всегда выбирают на волном воздухе. В том случае сей дом ломают. Весма примечания достойно в Варшаве библиотека Салуская бископа киевского. Хотя она не более как тысяч 200 волюмов имеет, по словам библиотекаря, толко много весьма редких книг в ней находятся и старинных манускриптов, которые я сам, сколко время позволило, смотрел. На верху библиотеки есть башня, откуда весь город виден. Был я там и в арсенале, которой замком построен. В нем живут многие офицеры. В мою бытность довольно оной был наполнен. Еще видел мраморной колосс. На верху поставлена медная вызолоченая статуя Си-гисмунда Третьего. Но всего примечательнее в Варшаве навозная куча, которую я з галереи королевского замка видел. Туда со всего города свозят навоз. И та-перь уже превеликое множество наложено на берегу Вислы. Хотя та куча дважды загаралась, ее благополучно погашали. Всякой думаю удивитца, для чего я сию кучу примечания достойной причитаю. Но я великой резон имею, потому что она избавляет город от наводнения. Церкви есть в Варшаве богатством наполненные. В знатнейших я был. Нищих там множество, особливо жидов. Надобно ж знать, в сем городе почти все весьма дорого стоит. Последнее осталось примечание — коллегии пиарум или Богомол-ных, где брати обучают молодых людей языком и наукам.

Из Варшавы выехал я апреля 15 на вечер. И ехал до Кракова 4 дни, в которые имел худую и хорошую дорогу. Толко за 7 миль до Кракова такая дурная и уская между гор, что всякому дорожному должно того ж ожидать, что со мною зделалось. Хотя каляска моя в Варшаве хорошо была вычинина, тут вся изломалась. И я принужден был ден целой затем промеш-

226

кать на дороге, от чего не успел видеть въезд в Краков бискупа их Салтыка, которой очень, сказывают, был великолепен. Я в тот же день приехал после обеда, то есть апреля 19, а церемония была по утру.

Краков город немалой, изрядно укрепленной. Имеет двойные стены и рвы, хорошие пригородки и высокие башни, на одной ис коих всякое утро и вечер на трубах играют зорю (что во многих местах обычай имеют делать). И весьма приятно с вышины слышать. Королевской замок можно назвать весьма хорошим и великим строением. На высокой каменной горе соборная тут церковь примечания достойна, где я гробы королей их видел стоящие в нарочно зделанных пределах. Также и король Август II тут погребен. Ево гроб, Станиславов и Казимиров имеют пред другими преимущество.

Над пределом Казими-ровом кровля хорошо вызолочена. В церкви сей, можно сказать, неисчисленное множество сокровища положено, как и во многих других, где я был. Искоих монастырь святаго Павла болте других блистает. Инова почти нет, как мрамор, серебро и золото. Сверх того, хорошия живопись. Есть там и девичьи монастыри. В одном я был, и видел много молодых хороших стариц. Сие примечание можно генерално зделать, что во всех католических землях, где я был, неисчислимые сокровища в церквах. И чрезвычайно богатых находил духовных, особливо езуитов, у которых огромные дома, прекрасные сады и другие украшения.

На другой день моего приезде апреля 20 ездил я 4 мили от города видеть Калварию или святую гору, где на подобии Иерусалима все пределы по тамошней препорции зделаны на превысокой горе. В ад-ном гроб Христов, в протчих все страсти есть. Также Домики для пустынников спасающихся. У аднаво я был, которой ключ от нескольких камор у себя имеет. Ходит в монастырь тут построенной, молитца, а гулять, куда хочет. Имеет же болше полтины доходу, Учрежденного на день. Сверх того весьма приятно принимает. Я сие опробовал. Прежде меня к себе не хотел приттить для того, что старец бывшей со

227

мною — с ним в [с]соре. Однако, как я ево уверил, что адин войду, согласился. Я нашел у него несколько комнат изрядно убранных, маленькую постелю, столы и стулья. Он же имеет слуху

Из монастыря того проехал я в город называемой Вилицка, под которым саленые ямы. Глубиною в землю 600 локтей и толко 240 слез. Там соль растет каменьями, совсем готова. Лишь толко ее ломают. Из соли зделаны внутри каморы, в коих днем и ночью приставленные для присмотру офицеры бывают. Церковь зделанная ж из соли со всеми статуями, представляющими святых, тем примечательна, что здела-на из аднаво куска. В иразники работы нет. Я сперва локтей с 80 опустился на канате, на котором соль снизу вытаскивают зделанною машиною, лошедми. Потом несколько ниже сошел хорошиими лесницами, Хотя, и вверху лесницы есть, толко долго иттить надобно. На канате ж опасности никакой нет, а скоро. В самой уже низ шол такими лесницами, как у нас к кровлям приставляют. Толко крепко привязаны. Где я прежде на канате спустился, там толко избы из соли зделаны для людей, которые тут не живут, а все в городе, построенном на верху соленых ям. Я спрашивал, не опасно ль городу. Мне сказали, что прошлова году два дома в саду провалились. Однако онаво не боятся, потому что очень толсто. Сверх же того, деревом укрепляют и столбы во многих местах подстав-ливают. У них всегда темна, и всякой работник имеет свою железную плошку с огнем. Сойдя вниз, увидел я не токмо работающих, но и кусок во всю стену, то есть сажени 4 или 5 вышины, с аршин ширины и столко ж толщины, при мне упал. Ямы разделены по каморам, и везде все такими кустами и стены вырубают, что обыкновенно от некоторова числа работников дней в 5 готово бывает, и громше пушешнова выстрелу упав, делает звук.

Я толко был в одной каморе (так ани те места называют), а их столко много, что надобно бы сутки употребить все видеть, в чом и нужды нет. Работников, сказали мне, тут определено 1000 человек, которых треть всегда в работе, а другие на верху отдыха-

228

ют. И так день и ночь, кроме праздников, работают. Кусок тот болшой, упавшей при мне, толко на двое разшиб. А потом ево разбивают на мелкие, чтоб один вошел в бочку, так сказать, ведр десяти. И обыкновенно сии куски круглы. Их из ям покупают. И после дома разбивают. Соль столко бела и приятна, как можно вообразить. Мелкие куски ани также насыпают в бочки и на канате вытаскивают. Чтож касается до воды, которую там находят, ее в козлах вытаскивают вон и выливают без всякого

употребления. Можно сказать, ямы сии весьма примечания достойны. Между солью находят такие чистые куски, что насквозь видеть можно. Сие называют соленым хрусталем. Из одного там делают разные фигурки и вещи и для любопытства продают. Я себе несколько купил... Примечательнее всего соленые цветы. Соль растет ниточками. Сперва в волоситоне. Там час от часу толще. С великим трудом я мог до Женевы довести два маленьких камушка, на которых видно, как соль растет. Из сей дороги столько дурной, что хуже вообразить невозможно. Сверх того, очень крутые горы. Воротился я в Краков на другой день по утру апреля 22. Еще видел замок бискупа краковского, уже строение и библиотеку тамошнего университета, где также хорошие есть книги. Примечания достойна тут деревянная рука, весьма похожая, натурально выросла и найдена в лесу (то есть кисть одна, ладонь и пальцы). Последнее осталось мне сказать. В Кракове есть особый пригородок, где живут жида. И имеют синагогу. Но как я из Кракова выехал в четверг, мне не удалось оной видеть. Им в праздники в город входить не позволено. Но я бы рад был, чтоб и никогда они позволения сего не имели. Великолепные проезжих беспокоят, ежеминутно спрашивая, нет ли променять золота, купить или продать чего. И никак от них нельзя отбиться. В Польше их великое множество. В немецкой же земле, в Швейцарии я не видал. Тот же день после обеда, апреля 22, выехал я из Кракова и ехал еще миль 9 Полтей до Вышней Силезии. О Польше осталось мне сказать, что земли плодородны, лесов и лугов хороших много, также скота и дичи. Но

229

мужики очень бедны, что и неудивительно в таких землях, где господин может у них все отнять. Воижежить в Польше не способно. Почти нигде нельзя достать пищи. Я от города до города принужден был с собою брать харч много. Только ничего в них найти не можно. Поляки, большею частию, разумеют латинский язык. Денги в Польше называются шиллинг, грош, шо-так и тынфа. Гулден значит 5 шостаков. Дорога от Кракова чрезвычайно дурна, уха и горюха. Я принужден был ночью не ехать для темноты. Проехав Вышнюю Силезию, где главный город Тешен с хорошим замком, изрядно укреплен, приехал я в Олмюц, главный город в Моравии, апреля 25. Насилу успел застать ворота незаперты. Тут начекал. По утру был у коменданта фелдмаршала Бремона для выезда вон из города, который весьма укреплен рвами, стенами и валом. И по сей пор укреплению продолжают делать. Ездил посмотреть с которой стороны к нему прусаки последней раз к нему пришли. Там прежде была пригородка — высокие и хорошие дома, великие сады, что все уже несколько лет, как разорено. Одно место осталось. Прусаки 32 дня в город бросали бомбы день и ночь, но, жители мне сказывали, дома все были раскрыты, и так мало вреда причинили бомбы, из коих одна и по сей пор оставила по себе знак на кровле в церкви доминиканов. В городе на высоком колоссе поставлены статуи, изображающие святую Троицу и многих святых. Был я также в некоторых церквях, наполненных богатства. Примечания достойны там часы, но теперь уже испорчены. Только в 11 часов, по утру, петух прокричит.

Из Олмюца поехал после обеда апреля 26 и приехал в Бринк апреля 27 в 5 часов пополудни, где опять принужден был идти к коменданту фелдмаршалу Колловраду. Как там крепость — особенно от города на превысокой горе, называемой Спилберх, я у коменданта выпросил позволение ее посмотреть. Которой приказ послал к полковнику господину фон Гершод мне все показать. Правда, кроме того, что трудно неприятелю взойти на гору, и укреплению — весьма хороши. Так что сия крепость одною из знатней-

230

ших в Европе почитаемая. В нее только с одной горы, насупротив лежащей, неприятель

может доставать бомбами. И весьма удивительно, что сию гору не сроят. Тогда б еще труднее было крепость взять осадю. Жаль того, что по малости места невелики магази-ны. Везде зделаны тайныя коммуникации з городом. Там же есть вода, место, где хлебы печь, казармы, между которыми полоненные прусаки жили. Но я уж их не застал. Все каменное. Цеихауз по нынешним обстоя-тельствам всем снабжен. Сии две крепости — Олмуц и Бринк — много препятствуют итить с той стороны к Вене. Строение в обеих сих местах каменные и высокие от 5 и 6 этажах. Некоторые хороши. Из Бриана выехал в тот же день после обеда апреля 27. Дорога, будучи от самого Алмюца до Вены, императорская гладка и широка. Я в Вену приехал на другой день по утру часов в 8 апреля 28, где жил 4 дни. Тут меня осматривали, не имею ли я заповедных товаров. Был у нашего министра, Его Сиятельства графа Кейзерлинга, которой милостиво меня принял. Вена — город превеликой, ежели взять его с пригорками. Харашо укреплен. Река Дунай также оной защищает. Улицы в городе весьма тесны и кривы. Тем харашо, что ночью от фанарей почти так светло, как днем. Домы есть весьма хорошие и высокие до 7-ми этажей. Из церквей примечательнее всех соборная святого Стефана — художеством, богатством и величиною (длина 57 сажень, ширина 24 маховых). В ней 38 алтарей. Самой болшой, ис чорнава и белова мрамора, весьма харашо зделан. Из аднаво камню с рез-бою канцель примечания достоин. Как и окошки, разными красками с великим искусством расписанные. Таких художников нынче уже нет. Хотя я видел во многих местах прежде сие художество, но нигде так много. Почти все окошки из стаких стекол, что весьма украшает церковь. Множество в ней сокровищ, много гробов императорских и герцогских. Фридриха III — всех богаче. Великое число святостей в золоте и в серебре з драгоценными камнями, 5 органов. На церкви высокая башня (447 шагов), на которой я был. Так далеко, что тот, которой меня провожал, не

231

пошел за мною для того, что очень тесно, да самого верху, где уже темно. Одну лесницу я оставил. Оттуды видел весь город. Самые высокие строения маленьки-ми кажутца домами. Я думаю сия башня малым чем меньше, нежели вдвое выше Ивана Беликова. Почти в целой Европе она первую считается. На ней видел я два ядра. И по сех пор в стене. Остатки турков.

Еще в Вене достойны видеть: 1. Императорская придворная церковь у Августинцев, где сердца императорских фамилий в серебряных спрятаны ковчегах. 2. Монастырь капуцинской, где многие императоры похоронены в оловянных гробах, ис коих гробы Леополда, Иосифа и Карла VI других превосходят. Но всех лутче работа на тех, которые уже зделаны для нынешнего императора и цесареви. Там же множество мощей в золоте и в серебре. И камора есть особливая, где великое число святостей сохраняют-ца, золотом, серебром и камнями украшенных. Мне все сие один из братьев показывал. Церкви свя-того Михаила, святого Купрехта (самая старинная) и святого апостола Петра, наподобие римской построенная, достойны любопытства всякого вояжира. Был я и у езуитов, которые имеют превеликое строение, где множество молодых людей обучаются, изрядную библиотеку, церкви и сад. В городе есть много статуи. Примечательнее других каменная пирамида вышиною 66 шагов. На верху ее — три статуи ис красной меди, харашо вызолоченные, представляют святую Троицу. Еще мраморной столб. На том представлено статуями ж Благовещение Богородицы. Пирамида стоила императору Леополду 300 тысяч гулденов или полтин на наши денги.

Императорской замок весьма великое и хорошее строение. Там я был во академии немецкой, где имел честь видеть императора, эрцгерцога и триох прин-цес. Толко будучи не очень зрячь, не весьма харашо разсмотрел. В мою бытность двор был в

Шенбранне, недалеко от города увеселительной дворец, где очень пространной и хорошей сад, в котором видел разных родов птиц и зверей. Для их построены изрядные покои. Воронов видел несколько сортов, разно-

232

цветных, весьма прекрасных и других больших и малых птиц из разных частей света. И зверей видел — дромадеров (род верблюдов), пантеров, Чернова волка и многих других. Еще ездил смотреть загородной дом принца Евгения, называемой Белведер, в котором двои полат (адни на горе, другие внизу). Между ими же весьма хорошей сад. Полаты великие, украшены искусною живописью, мозаическими пиесами и богатыми уборами. Из верхних — вся Вена видна, что очень хорошей делает протект. Оттуда я видел, из башни, с которой стороны турки осаж[д]али город.

Главной цеихауз весьма примечателен в Вене. Первое, построен великим замком. И весь вокруг, как потолок, так и внутри украшен старыми ружьями в иных местах. Делали в других замками, штыками, шпагами и пр[очим]. Сверх того, прежних императоров весьма богатые шишаки, пабцыри и другие вооружения. Очень оные украшают. В нем я видел многие оружия взяты у турок. Между протчим, одно ружье вдвое долее нынешних салдацких, которое для кури-озности показывают. Одним словом, надобно видеть цеихауз, чтоб точно знать красоту одного. Кроме великого богатства, тут лежит шпага Карла V — золотая з бралиантами и много нужного оружия. Около всего двора повешена предлинная и претолстая цепь, которую турки хотели запереть Дунай. Есть в Вене другой цеихауз, где пушки льют, делают лофеты и протчее. Там я болше ничего не видел.

Потом был во императорской библиотеке, из 300 тысяч волюмов состоящей. Много примечания достойных старинных манускриптов в ней находятся. Она в императорском замке, так как и шац-каммер, где я видел корону, скипетр и державу чрезвычайно богатые; неизчислимое множество драгоценных каменье, золота и серебра, художеством украшенного. Много вещей превеликих из мрамора, агата и других Дорогих каменье. Великое число святостей, чрезвычайным богатством украшенных. Множество старинных изображений на драгоценнейших камнях³ а долго до Христа бывших королей, римских всех императоров и многих других владетелей старин-

233

ных. Много всяких антиков, искусных живописных картин. Там же великое видел я собрание золотых, серебряных и медных медалей, самым старинным следствием до новых. Господин Де Франс, главной над всеми императорскими сокровищами (будучи сам охотник до древностей, великое на то положил иждивение), и множество имеет самых старинных идолов и других курьезных вещей. Также изрядное собрание медалей и камней. Между протчими показал он мне алмаз, на котором Благовещение Богородицы вырезано было Eurelif, то есть не в глубь, а сверх поверхности, что весьма достойно любопытства. Одним словом, ежели б я подробно хотел описывать, что в одной Вене видел, надобно бы, конечно, написать великую книгу для того, что я все 4 дни ничего не делал с утра до вечера, как все примечательное смотрел, чтоб не збылась со мною пословица: «В Риме был, а Папы не видал».

Ездил в гулбище, называемое Пратер, где зделан маленькой домик для королевы, когда Ея Величество изволит стрелять аленей, которых по дороге там живых видел я стами, а в домике голов убитых императрицею множество. В Пратере гуляют в мае всякой день. Я там нашол почти весь город. Смотрел еще гал-лерею принца Лихтенштейна, весьма примечания достойную. 10 комнат, наполненных живописных картин славнейших мастеров — Рафаель, Дурбино, Ра-бенс, Ланиям, Ван Дик, Гюндирик и протчих знатнейших живописцев там картины находятца. Из лутчих семь картин

робенсовых, представляющих историю консулия Деция. Любопытные там найдут много мо-заиков мраморных, пиес из металлов. Чтоб не очень распространить мою материю, принужден толко вкратце обо всем упомянуть. Смотрел я библиотеку графа Виндхаг, тысяч из 60 состоящую. В ней видел скелету два раза живаго повешенного. Будучи достоин смерти, был повешен, но веревка зацепясь за бороду, его не удавила. Как все люди ушли, он развязался и пришел явно в город для того, что уже один раз по достоинству быв наказан в другоредь по законам нельзя было ничего с ним зделать. Что ему и удалось. Но не в

234

состоянии быв воздержатца от своей дурной привычки, его апять поймали на воровстве и уже в правду повесили. Историю сию мне сказывал библиотекарь. Был я в тамошнем уневерситетском строении, в академии художеств и на макетном дворе, где не токмо видел, как делают денги, а множество разных мне показали куриозностей, ис коих примечательнее всего большой кусок живопредставленной, как в рудокопных работают ямах.

Из Вены выехал я на вечер мая 1 дня. Дорога императорская продолжается до Линца, не токмо так гладка, как больше нельзя требовать. Но от [О]лмюца через Вену до Линца, наполнены алеями, и садов с разными плодами вид очень хорошей. Поля, вода, горы, виноградом покрытые, леса. Одним словом лутче дороги нельзя желать. В Линц приехал я в сутки, на нашу меру 168 верст. По российской почте разсуждая, это немного. А по тамошней, где лошади очень тяжелые, силны, но к бегу не способны, это так, как бы у нас 300 верст в сутки уехать. Для лутчего изьяснения надобно знать, что их фурманщики в самой большой летней день много коли 5 или 6 миль переедут. Лошади же лугчие, с какими у нас верно вдвое дале поедут.

Линц город весма немалой, каменной и хорошие имеет строении. Не останавливаясь в нем, поехал я мая 2 и ехал еще миль 9- Приехал в Баварию мая 3. Как в Моравии, так в А[в]стрии и во всей немецкой земле столко часты не токмо деревни и замки, но города, что на двух или трех милях случаются 3 и 4. И с того заключить можно, как воиежировать в сих землях покойно. Надобно знать, что через всю Баварию ехал такую ж хорошею дорогою, как была императорская, которую курфирст приказал зделать из Линца.

Приехал я мая 4 в 10 часов утра в Миних, столичной город курфирста Баварского, где жил немного больше суток. Имел честь видеть курфирста с фамилией и со всем двором в публичном канцерте. Прав-Да сей город может быть в числе наидостойнейших примечания в Европе. Очень не мал, изрядно укреплен и весма хорошие строении имеет. Улицы широкие, гладко вымощены. Стоит на ровном месте. Удив-

235

ления достойно, курфирстов замок на конце города построен. Двора тогда в городе не было. И я мог весь оной видеть. В нем есть 5 или 6 церквей, или, лутче сказать, шаппелей, ис которых одна гораздо невелика, но чрезвычайное богатство содержит. Пол и стены мозаические из мрамора и других дарагих каменьев. Множество святостей в золоте и в серебре з бралиантами. Книги с серебряными досками и весма хорошая живопись. Золото и серебро не так в ней примечательно, как художество. Во дворце несколько зал, очень богато убранных. Изо многих покоев зделана анфилада, наполненная зеркал, что делает изрядные перспективы. Свадебная кровать императора Карла VII — отца нынешнего курфирста, чрезвычайно богата. Так вышита золотом, как кованая, по малиновому бархату. Над нею множество золотошвей 6 лет трудились. В одном кабинете есть канапе и несколько стульев, шитые покойной имератрице[й], матери нынешнего курфирста. Канапе поставлено в стене, где по бокам и сверху зеркала болшими кусками. Когда 3 или 4 человека сидят на канапе, кажется

болше 20-ти. Сверх того, богато убраной кабинет представляет в зеркала очень хорошие перспективы. Немалая там живописная галерея лутчих мастеров и многочисленная библиотека в саду, весьма великом и чрезвычайно хорошем. Был я в Нимфенбурхе, прекрасном увеселительном доме курфирстовом, полмили от города. Там видел разные маленькие каменные домики, изрядно убранные и живописью украшенные, в которых курфирст с фамилией часто летом кушает. Множество фан-тан[ов] болших и маленьких, изрядная каскада. При-мечательнее всево баня, где болше ничего нет, как две лавки, одна другой выше, и в стене два ключа. Одним впускают холодная вода, другим — теплая. Курфирст изволит сесть на которую ему угодно лавку и прикажет пустить воду во всю комнату, по коих мест надобно. Между тем, на болконе музыка играет. Дамская баня особливая. Там стоят ванны и по два ключа для холодной и теплой воды. Наверху изрядно убранные комнаты для ковалеров и для дам. А внизу для кур-

236

фирста и для курфирстины. Тут же я видел кастанов, у которых чудные хвосты. Слово [в] слово коженные в ладонь ширины и длины. Живут же в воде и на земле. Из саду сделан канал до самого города. Курфирст по нем со всем двором изволит гулять. Еще видел я в императорском замке великую комнату, наполненную старинных королей и императоров статуями, следствием до новых. Там же деревянная модель Нимфенбурха — весь дворец и сад представлен. В замке ж показывали мне следствие всех курфирстов баварских на картинах до нынешняго, оперный театр, из наилутчих в Европе.

В городе достойнейшия примечания строения — Ратуша и многие дома. Что касается до церквей, величиною и богатством любопытства стоит церковь во имя Богородицы (336 шегов длиною и 128 шириною). В ней тритцать олтарей и 25 пределов. Примечания достойна гробница императора Людвиха из черного мрамора. У езуитов также очень хорошая церковь. Художественною рукою построена, мозаическою работою и мрамором украшена. Коллегия их велика, где в изрядных комнатах молодые обучаются люди. Имеют они и библиотеку. Еще монастырь братьев театимов, где погребаются курфирсты (и там изрядная библиотека); церковь Августинов и святого Непомуцина — изрядные строения.

Из Миниха выехал я [мая 5] в шесть часов вечеру. В Аугсбурх, волной немецкой город [приехал] на другой день мая 6 очень рано, чтоб видеть город, которой очень харашо выстроен, изрядно укреплен и наполнен художных людей жителей. В нем половина католиков, половина лютеран. Ане имеют по ровному числу церквей. В Ратуше 45 членов: 23 католиц-^ких, 22 лютеранских. В делах до закона касающихся адин ис католичких убавляется. Ратуша — такое великое и хорошее строение, что мало подобных най-тить можно. Для того весьма примечания достойна. Я был в каморе судейской, где для католиков и лютеран Равные столы поставлены. Еще видел тут 4 комнаты, ^{По} углам хорошей живописью изрядными печми Украшенные. Там же так называемая золоченная зала

237

112 фунтов длины, 58 ширины и 52 вышины, в которой 52 окошка, без статуи и столов с хорошим плафоном. Очень достойна любопытства, кроме богатого убранства, тем, что аугсбургское исповедание в ней было. Тогда там был рейсхтаг или имперское собрание, в котором Карл V присудствовал. Протестанты пришли туда объевить свое исповедание. Но как Карл V не стал их слушать, они пошли на епископской двор и оное прочли. Я сам там был. Двор пространной. Полаты великие.

В городе есть две шишки сасновые, поставлены на каменных столбах. Одна из белова мрамора 6000 фунтов весом, другая из металла 1500 фунтов. В при-городке святого

Иякова примечания достойна так называется Фуггераи. Болше 100 домов от графов фон Футер для бедных построенных... Примечательнее всего в Аугсбурхе ночные ворота, которые сами затворяются и отворяются. Так же и мост через ров сам поднимается и опускается. Ночными они потому называются, что как в городе ночью все ворота запираются, приезжей, ежели хочет войти в город, может у сих ворот потянуть за веревочку, протянутую к воротному надзерателю в горницу. Тогда маленькие дверцы сами отворяются, и мост сам опускается. Как же скоро человек перейдет, мост апять сам поднимается. И со всех сторон приезжей заперт для того, что перед ним еще ворота. Тут должно [в] спущенную вниз железную чашку написав положить свое имя (кто таков и откуда). Сверх того заплатить батцен с человека. Тогда чашка вверх подыметца на веревке и ворота сами отворятца. Я видел не токмо ворота, но и все пружины, которыми на верху с великою лехко-стию один человек действует.

Из Аугсбурха я тотчас после обеда выехал майя [6] и приехал в Ульм очень рано поутру (миль 8), также волной немецкой город. Очень велик и хорошо укреплен. Главной там закон лютеранской. И в нем тол-ко на час астановился видеть соборную церковь чрезвычайной величины. Не доле, а гораздо шире соборной церкви святого Стефана в Вене. В ней два канцеля. Один на другом. Любопытства достойны на

238
верху весма высокая башня о 401 ступени. Среди оной есть выход на балкон, где император Максимилиан I по обыкновенной своей смелости одною ногою стоя на балконе, другою ж подняв на воздух, перевернулся. Ево имя и поныне тут на стене вырезано, для пожарных случаев на верху сей башни так, как и на венской, стоят чанов 60 с водою.

Из Ульма выехал я очень рано мая 7 и приехал в Шафхаузен на другой день очень поздно мая 8. На силу застал ворота незаперты. Тут начевал для того, что мне сказали, почты нет до Женевы. Шефхаузен первой кантон швейцарской, в которой я въехал. Город изрядно выстроен и укреплен. Весма примечания достойной. Течение реки Рейн с четверть мили от города з горы вышиною 10 или 12 сажений маховых. Вода течет вниз с великим шумом, от чего великая делается пена. Особливо когда ветер посилнее. Хорошо виден по утру, когда солнце на то место лучи свои устремляет. От чего вода представляет самые радуги розных цветов.

Из Шафхаузена принужден я был нанять фурманщика, с каторым, как ни спешил, 5 суток ехал до Женевы. Выехал я тотчас после обеда мая 9- На другой день проехал город Баден, где теплые есть воды и бани построены. В Золотурн, главной город кантона того ж имя приехал абедать мая 11. Город изрядно укреплен и так стар, что считается сестрою Триру, которой 1300 лет до Рима построен. Теперь в нем самое старое строение — болшая 450 лет до Христа построенная [башня], на которой часы и у нее приковывают воров. Я ее для любопытства ходил смотреть. На часах две статуйки — смерть и арап, во время боя действуют. Из Золотурна поехав тотчас после обеда, приехал начевать в Берн — весма великой и хорошо выстроенной город кантона того ж имя. Там я толко видел разных сортов хрусталь, как оной растет, где стоял во Бирже. Из Берна выехал я на завтра рано мая 12. Обедать приехал в Аван — маленькой город, где видел Древной в земле мозаической пол из маленьких ка-мушков. Разные вещи и человеческие фигуры на нем изображены. Половина оног еще цела, а

другой уж

239
не видать. Оттуда поехав, видел на дороге нескольких 1000 человек кости, лежащие в нарочно зделанном каменном покое с решеткою, в которую проезжим смотреть можно. Это еще остатки баталии герцога Бургунского, прозвищем Отважного, с

швейцарами. В Лозан приехал я на завтра по утру. Город старинной, весьма великой, принадлежащий Бернскому кантону. В нем я также не останавливаясь, отобедав, поехал мая 13 и приехал благополучно в Женеву в самые полудни мая 14. Дорога чрез Вышнюю Силезию до Олмюца в иных местах дурна, в других хороша. От Олмюца чрез всю Моравию, Австрию и Боварию весьма гладка. В Суа-бии местами нехараша. Из Шафхаузена до Бадена, где теплые бани, такая негодная, что нельзя дурнее изобразить. Но оттуда до самой Женевы как императорская и курфирстская, прежде вымощенная болши-ми камнями. Сверху ж камыши маленькие. Усыпана песком. Так что нельзя глаже. Толко чрез всю Швейцарию надобно ехать высокими горами... За милю до Женевы ехал я чрез маленькой кусок Франции. Иной дороги нет. И тут право имеют осматривать контрбации, но заплотя 21 копейку всякой того избавится. Деньги в Силезии, в Моравии и во всей немецкой земле называются галлер, пфенигт, драгер, крайцер, кайзер, грош тюте, грош бацел, гул-ден или флорин, талер и червонной. Но почти всякая земля им дает свою цену. Иные [из] сих монет у одних ходят, у других нет... В Швейцаре многие немецкие денги ходят, другие нет. Есть манеты об одном крейцере, от двух и далее до двадцати. Забыл я еще упомянуть, что за дорогу, где ана зде-лана в немецкой земле, плотят почти всякую почту и за мост. Также и в Швейцарии. Однако всякой вояжер, думаю, рад будет платить да покойно ехать, не боясь, чтоб что изломалось. От самой Австрии до Женевы я инова по сторонам дороги не видал, как хлеб и виноград, что весьма хорошей делает вид. Но нигде проспекту столь увеселительного я не нашел, как ехав от Лозана в Женеву. Первое ехать надобно берегом озера Женевского, которое в иных местах мили две

240

шириною. Суда, случающиеся на оном, вид еще лут-че делают. По ту сторону Савойские горы столь высокие, что в облаках теряются, снегом покрытые. По сю сторону почти везде ис плодоносных дерев алей, виноград и множество домов города. Одним словом, кажетца, натура ничего не жалела для украшения сей страны, художества ж много прибавила. И в немецкой земле очень приятно глазам представляются во многих местах по дороге аллеи и сады, плодоносные вишни, груши, яблоки, орехи грецкие, которых в Швейцаре ужасное множество, абрикозы и протчие плоды в изобилии находятца...»⁶

В этом поэтическом месте, столь восхитившем нашего путешественника, на дороге между Женевским озером и альпийскими вершинами, мы вынуждены проститься с Борисом Михайловичем Салтыковым. Нашему вояжеру предстоит в ближайшие дни встретиться с господином Вольтером и выполнить важное поручение правительства: передать прославленному философу материалы для работы над вторым томом «Истории Петра Великого» и в свободное от учебы в Женеве время рассказывать хозяину имений Делис и Ферне о России, нравах и обычаях русского народа⁷. Нам же пора возвратиться в Петербург, в 1755 год, чтобы познакомиться с еще одной стороной быта елизаветинского Двора.

Глава 10

В герберге

1755 сентябрь

08. Была русская опера.

10. Был при Дворе всему дворянству маскарад. 20. Вышли доклады всей гвардии после обеда в четыре

часа и переменены все офицеры. В вечеру был бал.

Пожалованы в генерал-аншефы Ливан, Фермор и принц

Голиштейн-Бек. И выносили Великого князя П[авла]

Щетровича] в парадные покои, где чужестранные

министры были. 27. Была цесарского посла у Эстергази маскарад.

241

8 сентября 1755 года в театре на Царицыном лугу вновь давали оперу «Цефал и Прокрис». Присутствовал ли на этом представлении действительный камергер Ее Императорского Высочества великой княгини Екатерины Алексеевны и Ее Императорского Величества лейб-компания подпоручик граф И. С. Гендриков, неизвестно. Но даже если двоюродный брат императрицы не проигнорировал очередную постановку первой русской оперы, то вряд ли он с большим вниманием слушал мелодии Франческо Арайи и речитативы Александра Сумарокова. Волей-неволей Иван Симонович должен был возвращаться к ситуации, сложившейся после недавнего избиения одним лейб-компанцем переводчика главной полиции Карла Болсена. Заместитель Алексея Разумовского — командира лейб-компанцев — прекрасно знал о том, что генерал-полицмейстер А. Д. Татищев совсем не жалуется его подопечных. Никому не дает спуска и всегда норовит подвергнуть самому суровому наказанию всех хоть сколько-нибудь провинившихся гренадеров и их служителей. Лишь покровительство всемилостивейшей государыни спасало многих офицеров и слуг от тяжелой руки Алексея Даниловича.

Теперь же, когда пострадал непосредственный подчиненный Татищева, глава столичной полиции приложит все силы, дабы точно установить, что именно случилось тем августовским вечером в расположенном в доме купца Кокушкина герберге, и добиться примерного наказания обидчика. Как нарочно, в том же заведении неделей раньше устроили перебранку чего-то не поделившие лейб-компанцы Шванвич и Жихманов, создав «подходящий» фон для наряженного по приказу Алексея Григорьевича Разумовского следствия. Тут хочешь не хочешь, а действительно будешь докапываться до истины. Между тем как раз 8 сентября адъютант лейб-компания Данила Степанович Журавлев завершил разбор склоки двух лейб-компанцев и в итоговом докладе сообщил свой вывод: виноваты оба. Причем Жихманов, на взгляд адъютанта, провинился больше¹. Однако гос-

242

подин Журавлев отнесся к делу чисто формально, не стараясь вникнуть в показания гренадера, вице-капрала и названных ими свидетелей. В результате следователь ввел в заблуждение и Гендрикова, и Разумовского. Потому что и Шванвич, и Жихманов реально проштрафились в равной степени, устроив сцену, не слишком красившую звание офицера личной охраны государыни.

12 августа 1755 года — четырнадцатый и последний день очередного дежурства А. М. Шванвича по Лейб-компания — начался с обычного рапорта дежурному вице-капралу о том, что во вверенном ему 6-м капральстве все обстоит благополучно, то есть все солдаты так или иначе подали о себе весточки, судя по которым ничего чрезвычайного с ними не случилось. Вице-капрал, как правило, выслушивал доклады около шести часов утра, после чего шесть гренадеров, правивших ефрейторскую должность, расходились по своим местам вновь ждать каких-либо происшествий и слуг с записками от лейб-компанцев, проживавших не здесь, в Старом Зимнем дворце, а на своих городских квартирах или в наемных покоях петербургских обывателей². Наверняка такая служба казалась Александру Мартыновичу и его товарищам невероятно скучной. Ведь они практически ничем не могли разнообразить свой досуг в обветшавшем жилище основателя Петербурга. За минувшие с 1725 года тридцать лет дворец великого царя-реформатора из славной императорской резиденции превратился в настоящий постоянный двор для придворных служителей. В нем насчитывалось сто сорок номеров (73 на втором и 67 на первом этаже), распределением которых ведала Придворная контора. Певчим и священникам, мунд-

кохам и карлам, портным и столярным мастерам, даже живописцу Караваку и камер-фурьеру И. Полтав-Цеву в разные времена отводили под жилье дворцовые покои. Но больше всего квартир еще с царствования Анны Иоанновны занимали музыканты, пев-

243

цы, певицы и танцоры, работавшие в рамках так называемой итальянской компании³. Наконец в феврале 1753 года, после отъезда Двора в Москву гостиничный период в истории Старого Зимнего дворца завершился. Императрица повелела передать все здание в распоряжение лейб-компан-нии. Правда, эпоха военного городка наступила не сразу, а год спустя, летом 1754 года, с возвращением из Первопрестольной трех сотен лейб-компанцев. Треть из них разместились во дворце, остальные — на обывательских квартирах. Вторым комнаты выделяли из расчета один покой на рядового или капрала, два — для сержанта⁴. Причем многие привилегию бесплатной квартиры умудрялись преобразовать в источник дополнительного дохода. Как? Очень просто! Например, гренадер Григорий Алексеевич Бутлеров, получивший 23 августа 1754 года билет на постой в доме морского флота отставного боцманмата Афанасия Леонтьевича Леонтьева во 2-й Мещанской улице, что на Адмиралтейской стороне, предложил хозяину выгодную сделку. Лейб-компанец согласился не стеснять престарелого моряка в обмен за ежемесячную ренту в три рубля пятьдесят копеек. Единственный недостаток данной системы: она работала при отсутствии семьи у обладателя заветного билета, когда ситуация позволяла ему разделить кров с друзьями или родственниками, либо снять угол подешевле. Приезд в Петербург жены и детей принуждал военного вспомнить о казенной квартире. Найм моментально терял привлекательность. Г. А. Бутлеров в подобных обстоятельствах не долго раздумывал. Супруга отдала предпочтение бесплатному жилью, и Бутлеровы въехали в дом боцманмата.

Аналогично действовал и гренадер Петр Травин. В апреле 1755 года он нанял для жены Марьи Кузьминичны за четыре рубля в месяц несколько покоев в доме купца Григория Гнутова за Фонтанкой близ Московской Ямской слободы, а сам уехал в отпуск. Вернувшись в столицу через четыре месяца, 5 августа, лейб-компанец поспешил раздобыть в главной полиции билет на бесплатный покой в доме Гнутова,

244

который и получил на руки 18-го числа. К этому времени Травин задолжал купцу около 12 рублей (квартплата за три месяца). Долг солдат пообещал погасить тотчас, как только у него появятся деньги. Боцману повезло гораздо меньше. Его квартирант оказался на редкость наглым и бесстыжим человеком. Несколько месяцев мучил шестидесятилетнего старика «перехождением из покоев в покой, где ему понравится», в итоге отбил у всех прочих постояльцев охоту жить с ним под одной крышей; упрятал жену хозяина Авдотью Дементьевну в тюрьму губернской канцелярии, обвинив в «поношении бранными словами ево, Бутлерова, и жены ево», а самого отставного унтер-офицера выжил из собственного дома. И все сии подвиги brave гренадер успел совершить за год.

Впрочем, петербургский житель располагал, по крайней мере, двумя способами, позволявшими легально избавиться от беспокойных соседей. Требовалось всего ничего: подать в канцелярию главной полиции обоснованное заявление о намерении произвести в доме ремонт или продать жилище какой-либо знатной особе, имевшей право на освобождение от постоя. А. Д. Татищев в таких случаях всегда поддерживал горожан. Например, протоколист тайной канцелярии Степан Иванович Шешковский 27 апреля 1756 года поставил в известность генерала-полицмейстера о своем желании заняться перестройкой собственного двора на Большой Мещанской улице. Через два дня в канцелярию Лейб-компан-нии принесли предписание о переводе гренадера Васи-

лия Лесли из дома Шешковского на другую квартиру. Вдова купца Василия Тургенева Ирина Степановна поступила иначе. 10 октября 1754 года она продала за триста рублей дом, «обстоящей за Мьею рекою по Садовой прешпективой», придворному камер-фурьеру Ивану Ивановичу Скобельщигу. Тот 2 ноября подал в главную полицию просьбу поскорее свести с купленного двора гренадера Ивана Арсеньева. Основание — указ от 12 ноября 1747 года, освобождающий от постоянной повинности лиц, служивших императрице Елизавете Петровне до ноября 1741 года.

245

Господину Скобельщигу посчастливилось подпасть под действие сего указа. Несчастный боцманмат Леонтьев «отомстил» Бутлерову аналогично: 23 октября 1755 года старик за двести рублей нашел для лейб-компанца нового владельца — подканцеляриста Коллегии иностранных дел Семена Семеновича Семенова⁵. В целом же отношения между лейб-компанцами и квартиродателями складывались по-разному. У одних царили мир и согласие, другие постоянно конфликтовали между собой. Подобного рода проблемы возникали и среди обитателей Старого Зимнего дворца. Проживая по два в отдельном покое, солдаты не всегда умели ладить друг с другом. Так, разместившиеся в № 45 на втором этаже гренадеры Леонтий Чернов и Степан Иванов (причем оба с женами) не выдержали и месяца совместного проживания. Уже 12 августа 1754 года в канцелярии Лейб-компаний приняли к рассмотрению жалобу от капитана и гренадера лейб-компаний Леонтия Чернова: «Имею я, именованный квартиру оной лейб компании в корпусе, отведенную мне обще с капитаном же и лейб компании гренадером Степаном Ивановым, которой будучи всегда пьян, чинит великое беспокойство. И при том всегда бранит меня всякою непотребною бранью и похваляется бить. От которого я имею великое в квартире моей опасение, чтоб оной Иванов в пьянстве чего со мной не учинил. Того ради канцелярию Лейб компаний покорнейше прошу, дабы повелено было меня, именованного с означенным капитаном и лейб компаний гренадером Степаном Ивановым развести и поставить на другую квартиру...» Канцелярия вынесла свой вердикт два дня спустя: «Означенного Иванова за беспокойствие поставить в корпусе по нижней галдарее в такой покой, которой бы имел окошки в корпус*⁶. Иными словами, Иванова поселили на первом этаже в комнате с выходом на галерею, окружавшую дворец изнутри по всему периметру, с которой все спускались на обширный, выложенный булыжником внутренний двор.

246

Кстати, при лейб-компанцах из ста сорока трех дворцовых покоев жилыми являлись около ста десяти. Остальные комнаты были проходными и караульнями — солдатскими или для амуниции. Кроме того, на втором этаже два покоя занимала канцелярия, по одному — следственная и счетная комиссии. На первом этаже по комнате отвели для комиссарского и арестантского покоев, столярной мастерской, кладовки пожарной трубы и под зал «для збору на караул». Истинными достопримечательностями дворца по праву считались в верхнем апартаменте церковь, а в нижнем — аптека. Если прибавить к этому глубокую яму, вырытую во дворе и предназначенную для сброса в нее помоев (очистка, между прочим, стоила 50—60 рублей), то можно представить себе естественное желание дежурного гренадера вырваться из этого не слишком веселого места куда-нибудь на часок-другой⁷. По-видимому, 12 августа 1755 года, Александр Мартынович Шванвич сумел договориться с коллегами, чтобы они прикрыли его в случае чего. Так же, как и вечером 3 августа, когда Сафрон Хрущев отпрапортовал вместо него за 6-е капральство⁸. Но не исключено, что ефрейторы отправлялись в «самоволку» по очереди, и 12-го числа А. Шванвич покинул свой пост на вполне «законных»

основаниях...

Выйдя на Миллионную улицу, поручик направился в сторону Зимнего дворца, пересек мост, прошел мимо почтамта и свернул на Большую Луговую улицу. Не обратив внимания на герберг Карла Гилде-бранта в доме купца Никиты Никитовича Горошенкова (современный адрес Большая Морская улица, Д. 4), миновав дома портного Ивана Николаевича Тиля, купца Артема Сергеевича Шеримана (в прошлом лекаря Магнуса Кроуса), купеческой дочери Марии Алексеевны Третьяковой, в девичестве Хлебо-соловой, виноторговца Ивана Ивановича Дебисона и портного Ягана Генриха Неймана⁹, гренадер зашагал по Невской прешпективе.

По дороге к нему присоединились три офицера. С Двумя он явно заранее условился о встрече. Судя по

247

мундирам, первый служил в артиллерии, второй — в инженерных войсках. А вот третий столкнулся с ними случайно. После краткого разговора человек в форме унтер-офицера лейб-компании, выяснив, куда направляется сослуживец с приятелями, попросил взять его с собой. Шванвич не возражал. Вчетвером они быстро добрались до Гостиного двора, напротив которого на углу Невской прешпективы и проезда к императорскому третьему Летнему саду (ныне это часть Садовой улицы) стоял двухэтажный особняк купца Петра Кокушкина. В нем и разместился герберг перчаточного мастера Самуэля Форшма-на, в который наши компаньоны и пожаловали.

По указу императрицы, изданному в июне 1746 года, в Петербурге разрешалось иметь двадцать пять, а в Кронштадте — пять трактиров. Все они по размеру годового акциза делились на пять классов. Хозяева, вносящие в казну ежегодно по 500 рублей, получали право держать при трактире квартиры с постелями, стол с кушаньями, биллиард, а также продавать шоколад, чай, кофе, табак, вино, водку гданьскую, водку французскую, водки российского разлива и пиво. За плату в 400 рублей гербергу запрещалось обеспечивать квартирантов регулярным столом. За 300 рублей трактир мог оказывать все услуги, кроме сдачи внаем комнат с постелью. С скромная сумма в 200 рублей лишала не только возможности принимать постояльцев, но и кормить их полноценным обедом и ужином. Наконец, сторублевый взнос превращал трактир в обыкновенную забегаловку для... трезвенников: в нем позволялось купить чай, кофе, шоколад и набить табаком трубку¹⁰. Судя по всему, герберг в доме купца Кокушкина относился к четвертому классу.

Поднявшись по лестнице на крыльцо, через галерею и проходной покой с несколькими столами, четыре офицера — канцелярии главной артиллерии переводчик Федор Пейч, инженер-прапорщик Александр Бриммер, гренадер и вице-капрал лейб-компании Александр Шванвич и Иван Жихманов — вошли в биллиардную, где возле прилавка стоял маркер, продававший всем желающим табак и напитки. Ря-

248

дом возвышался биллиард, вокруг которого, поприветствовав маркера, санкт-петербургского купца Ивана Оттенберга, веселая компания и расположилась. Первую партию сыграли порознь, договорившись, что проигравший покупает две бутылки белого вина. Когда подвели итог, выяснилось, что меньше всех шаров собрал Шванвич. Александр Мартынович позвал маркера и заказал у него условленные две бутылки белого, «которые обще и выпили».

Слегка разгорячившись, партнеры вновь взялись за кий. На сей раз играли парами: Шванвич с Бриммером, а Жихманов с Пейчем. На кон поставили также две бутылки, но уже английского пива. Во второй партии фортуна улыбнулась первой паре. Заметив, что вице-капралу не хочется расставаться с деньгами, Шванвич лукаво

подмигнул сослуживцу: может, сыграем «контру»? Кому не повезет, тот заплатит за две бутылки! Жихманов от «контры» уклонился. Тогда переводчик Пейч приказал Оттенбергу принести причитающуюся с него бутылку пива. Приятели с большим удовольствием осушили и ее, после чего Александр Шванвич напомнил вице-капралу, что за ним тоже должок. Жихманов почему-то заартачился, а затем встал и направился к выходу. Шванвич с кубком рейнского в руке преградил путь капралу. При этом Жихманов задел рукой или плечом бокал, и содержимое выплеснулось наружу, забрызгав лейб-компанцев и облив их мундиры.

Шванвич выругался и с досады толкнул Жихмано-ва. Тот не стерпел и ответил тем же. Но, видно, хмель еще не совсем затуманил ему голову. Вспомнив, что герберг не подходящее место для драки, капрал развернулся и зашагал прочь. Однако Шванвич, явно перебравший спиртного, непременно хотел проучить бесчестного игрока. Он последовал за ним, настиг на крыльце и со всего размаха ударил капрала в спину, столкнув с лестницы. Жихманов кубарем скатился вниз. Очнулся бедолага минут через десять-пятнад-Цать. Подняв руки и дотронувшись до волос, он вдруг подскочил и огляделся по сторонам. Парика стоимостью в пять рублей нигде не было...

249

15 августа Иван Петрович Жихманов зарегистрировал в канцелярии Лейб-компании челобитную с жалобой на Александра Шванвича. Но предательский удар в спину кулаком никто из посетителей трактира не видел. Так что и друзья Шванвича, и гренадер лейб-компании Василий Каленовский, на которого сослался Жихманов, ничего не смогли поведать судьям об эпизоде на крыльце. Зато скрытый капралом факт нежелания исполнить долг чести подтвердили оба товарища Шванвича. А независимый свидетель Каленовский упомянул о споре между лейб-компанцами. И тем дал полное основание адъютанту Журавлеву прийти к выводу, что «из объявленного следствия оказался Жихманов во всем виноват, потому что в челобитной, поданной по команде на всевы-сочайшее Ея Императорского Величества имя, на Швановича написал все ложно. Так же и Шванович не во всем прав, понеже они один другога толкали и бранились»¹¹.

Однако по сравнению с тем, что случилось в гер-берге Форшмака через неделю после ссоры лейб-компанцев, обида Ивана Жихманова выглядела не столь существенной...

19 августа 1755 года около половины девятого вечера придворный шляхтер (а по-русски мясник) Андрей Копель, будучи на Невской прешпективе, решил зайти в дом купца Петра Кокушкина, чтобы выпить рюмку-другую вина. Осушив бокал рейнского, он увидел, как с шумом распахнулась дверь комнаты хозяина трактира и некий лейб-компанец, силой вытолкнув в зал какого-то статского, потащил несчастного за шкуру в соседний бильярдный покой. Пожав плечами, шляхтер налил в бокал еще вина. Но выпить все не успел. Из бильярдной вдруг выскочил тот же незнакомец в статском и опрометью кинулся в левую дверь, ведущую на улицу. За ним с длинным кием в руке выбежал лейб-компанец, чуть позже еще два офицера.

250

Четверть часа спустя, когда шляхтер уже собирался встать из-за стола, в трактир ввалился тот самый лейб-компанец, правда, уже без кия, и победно крикнул товарищам, оставшимся у бильярда: «Я ево отпотчевал!* Так придворный мясник стал главным свидетелем разыгравшейся в герберге драмы...»¹²

Наверное, Карл Болсен не раз пожалел о том, что вечером 19 августа в девятом часу пополудни заглянул в герберг своего доброго знакомого перчаточного мастера Самуэля Форшмака. Первым делом переводчик главной полиции наведалься в бильярдную, где продавались разные напитки и стоял зеленый бильярдный стол. В тот поздний час в центральном зале трактира находилось всего пять человек — два

артиллерийских офицера, один лейб-компанец, какой-то офицер-иноземец и трактирный маркер Иван Оттенберг. Офицеры увлеченно играли в бильярд на вино. Маркер стоял поодаль и наблюдал за тем, как клиенты определяют, кому из них расплачиваться за спиртное.

Карл Болсен тотчас узнал лейб-компанца Петра Коровина. Гренадер приводил зимой в главную полицию неизвестную женщину и под предлогом, что она у него чего-то украла, требовал у Болсена взять ту «женку» под караул. Переводчик попросил Коровина подать письменное заявление. Ходатай, хотя и неохотно, просьбу выполнил. А потом, пока Болсен оформлял задержанную, заговорил с дежурным капитаном Ведовским. Чем закончилась их беседа, Болсен не видел, потому что вышел в другую комна-ту- Однако лейб-компанец подал А. Д. Татищеву жалобу на капитана, который якобы бранил его и хотел арестовать. Причем представил Болсена в качестве свидетеля самоуправства дежурного офицера. Присланному от генерала-полицмейстера Татищева ре-^гистратору Королеву, переводчик, естественно, не подтвердил слов армии поручика.

Опасаясь, что Коровин затаил на него обиду, чиновник, стараясь не привлекать к себе внимания, вы-

251

шел из бильярдной и отправился в покой Самуэля Форшмана. У хозяина трактира Карл Болсен попросил угощения — чарки водки, что любезный перчаточный мастер и сделал. Но гренадер-офицер все-таки заметил знакомое лицо и, оставив игру, устремился за клерком. Лейб-компанец ворвался в комнату Форшмана и, сославшись на слова маркера Оттен-берга, закричал, будто Болсен хотел заколоть его, Коровина, на поединке. Затем схватил чиновника за ворот и силой потащил к бильярду. Однако Оттенберг слов Коровина не подтвердил и на вопросы растерянного Болсена отвечал, что ничего подобного от него не слышал и не говорил лейб-компанцу.

Не долго думая, Коровин дважды съездил переводчику по голове. И оба раза неудачно. Видимо, рука плохо слушалась захмелевшего офицера, который смог лишь сбить с Болсена шляпу и парик. Не дожидаясь новых ударов, жертва поспешно ретировалась из трактира. Разъяренный Коровин, вырвав из рук недавнего партнера — австрийского капитана Ган-сфелда — половину переломанного кия, бросился догонять переводчика. За ним последовали два офицера-артиллериста.

В тот вечер десяцкий Санкт-Петербургского купца Сукина назначил к ночному дежурству у рогатки, что располагалась возле Гостиного двора близ дома купца Кокушкина, дворового человека советника Гаврилы Григорьевича Замятниина — Ивана Ефимова сына Ефимова и кого-то от дома купца Максима Андреевича Ванифантьева. Так как второй на дежурство не явился, то Иван Ефимов встретил сумерки на своем карауле в одиночестве. Но скучать караульному пришлось недолго. В исходе девятого часа из трактира в доме Кокушкина выскочил неизвестный и с криком «Караул!» помчался к будке Ефимова. Вбежав в нее, он назвал переводчиком главной полиции Карлом Болсеном и добавил: его, мол, ни за что побили в трактире. Толком объяснить, в чем дело, беглец не успел. Ему помешали трое неизвестных, подлетевших в

252

сгущающейся темноте к будке Ивана Ефимова со стороны купеческого особняка.

Один был гренадером лейб-компаний, различить служебную принадлежность прочих часовой не сумел. Заметил только высокий рост и белый кафтан у первого и зеленый мундир и малый рост второго.

Не обращая внимания на постового, лейб-компа-нец схватил переводчика за ворот и принялся избивать переломанным кием, оказавшимся у него в руках. Ефимов взялся за трещотку, чтобы вызвать помощь. Тогда гренадер отвлекся от несчастного Болсена и

спросил часового: «Ты что за человек и какая тебе нужда заступаться за переводчика?» Тот объявил, кто он. Реакция гренадера изумила Ефимова. Лейб-компанец схватил караульного за волосы, свалил на землю и пару раз сильно прошелся по дворовому толстым концом кия. Однако мужик сумел вывернуться из-под ударов и, пользуясь темнотой, улизнул от пьяных дебоширов, побежав к дому майора полиции Михаила Ивановича Тютчева.

Ефимов разбудил хозяина с домочадцами стуком в окно и доложил вестовым суть дела. Тютчев послал с ним двух солдат. Дойдя до будки, они обнаружили лежавшего в ней в кровь избитого Карла Болсена. Офицеры, судя по всему, уже ушли. Тогда слуга Замятина отправился на главный пикет и, известив стоявшую там команду о случившемся, возвратился к себе. С пикета к месту происшествия пришли армейский капрал и шесть солдат. Пока одни осматривали раненого, капрал с десяцким пошли в трактир, где в комнате хозяина застали С. Форшмана и И. Оттен-берга за ужином. На вопрос, где офицеры, что наведывались в гер-берг этим вечером, трактирщик отвечал, что никаких офицеров у него сейчас нет. Взяв в руки свечи, капрал приказал Оттенбергу отпереть двери в билиiardную полату, которую тот закрыл на замок час назад, как только Коровин с товарищами покинул трактир. Во время осмотра палаты унтер-офицер объяснил причину своего прихода. Не заметив ничего подозрительного в билиiardной, капрал и десяц-

253

кий вернулись к будке. Форшман же с Оттенбергом, выглянув в окно, увидели, как солдаты положили Болсена на рогожу и понесли его по Невской пре-шпективе к зданию главной полиции¹³. Лекарь, оказавший переводчику первую помощь, констатировал в аттестате, что у раненого «у правой ноги бол-шая кость пониже колена переломлена; в кисти в суставе вывихнута; на большой кости рана до крови. Вся нога синя, багрова и спухла. У правой щеки на правой стороне губа на три палца сквозь сечена. Также и зубы на той же стороне все выбиты. И протчие остал-ные зубы шетаютца. На голове на левой стороне близ темя до кости рана на три палца. Спина, бока и плечи сини и на иных местах и кожа збита»¹⁴.

Следственная комиссия в составе лейб-компании подпоручика Ивана Гендрикова, сержанта Василия Храповицкого и гренадера Григория Рогова в первый день работы 6 сентября ознакомилась с проме-морией, привезенной из главной полиции (с показаниями переводчика, трактирщика и часового Ефимова), и выслушала версию обвиненного в избиении гренадера Петра Коровина. 21 сентября свои более развернутые аргументы привел немного оправившийся от ран Карл Болсен. Ни первый, ни второй правом отвода судей не воспользовались. Понятно, что главные герои во всем винили друг друга. Коровин поведал о том, как он, выйдя из билиiardной палаты покурить табак, встретился с переводчиком, который, привязавшись к нему, грозился заколоть на поединке. За это иноземец якобы и схлопотал кулаком по голове, а более гренадер его не трогал и кто того избил, не знает. Болсен, естественно, категорически отвергал версию о вызове на дуэль. Затем комиссия приступила к допросу свидетелей.

29 сентября Гендриков, Храповицкий и Рогов пообщались с перчаточного дела мастером Форшма-ном, Санкт-Петербургским купцом Оттенбергом, 30 сентября — с караульным Ефимовым. Трактирщик

254

допустил важный промах. В промемории главной полиции говорилось, что Форшман видел, как Коровин выбежал на улицу вслед за Болсеном. В лейб-компании же перчаточный мастер заявил, будто ничего не видел, а разнобой в собственных показаниях объяснил плохим знанием русского языка и отсутствием в главной

полиции переводчика. Оттенберг, которого Болсен наряду с артиллерии подпоручиком Николаем Степановичем Бужениновым (одним из участников избиения) назвал дружкой Коровина, опроверг слова главного подозреваемого о том, будто Болсен угрожал ему. Правда, факт беседы между переводчиком и лейб-компанцем подтвердил. Но при этом все же прикрыл приятеля, заверив судей, что лейб-компанец, побегав за обидчиком, тут же вернулся. В то же время Иван Ефимов заметил, что один из трех человек, избивавших Болсена, — лейб-компанец.

2 октября комиссия зафиксировала показания солдата Копорского пехотного полка Ивана Иванова, вестового при майоре Тютчеве, 11-го числа спросила Оттенберга о переломанном кие, а 17 октября устроила очную ставку Оттенбергу, Коровину и Болсену. Все твердо стояли на прежних показаниях. Тем не менее три следователя в тот день постановили Петра Сергеевича Коровина, оказавшегося по обстоятельствам дела «весма виновным», арестовать и поместить в дежурную комнату под караул. Лейб-компанец, продолжавший настаивать на своей правоте, сослался на подлинно независимого свидетеля — придворного шлахтера А. Копеля. Оттенберг и Болсен также считали нужным допросить мясника. 28 октября комиссия приобщила к делу свидетельство Копеля, которое рассеяло всякие сомнения в вине гренадера Коровина. Согласно повелению А. Г. Разумовского виновного следовало держать под арестом. Причем срок заточения не указывался. В результате поручик просидел в лейб-компанской тюрьме почти 1^{го} Д- На свободу он вышел по объявленной императрицей для чинов лейб-компании «амнистии» 9 сентября 1756 года¹⁵.

255

Конечно, неуравновешенное поведение и Шван-вича, и Коровина и многих других их современников нельзя не увязать с чрезмерным употреблением горячительных напитков. Но, с другой стороны, не нужно забывать, что вино, пиво и в меньшей степени водка являлись в ту эпоху основным средством утоления жажды. Оно и неудивительно, ибо чай и кофе были удовольствием не из дешевых: их пили, как правило, поутру и берегли для потчевания гостей. Речная вода в сыром виде мало кому нравилась. Большинство предпочитало ключевую или колодезную, но не у каждого на дворе или, по крайней мере, поблизости от дома имелся колодец или родник. Если еще учесть слабое распространение различного рода лимонадов, то становится понятной столь широкая популярность среди петербургских жителей многочисленных марок вин, пива и водок.

В этом отношении Двор не сильно отличался от простых горожан. Ежедневно как для общих столов определенных категорий придворных, так и для отдельных персон келермейстер Ее Величества обязан был принять от комиссара фряжского погреба в Зимнем или Летнем дворце заранее оговоренное число спиртных напитков, о чем красноречиво свидетельствует ведомость, составленная в июле 17 56 года:

«Реестр, коликое число отпускается в день виноградных напитков к столам и в порцию и в протчия места,

А именно

К столу камер юнфорскому: бургунского — 2 бутылки, пива аглицкого — 2 бутылки, ренвейну — 2 бутылки, белого — 2 бутылки, красного — 2 бутылки, мушкателью — 2 бутылки. Итого 12.

К столу, где кушают бабушка кормилица, мамушки и протчие с ними: бургунского — 8 графинов (брато июля с 3 по 15 число, с 15 по 6 графинов), белого — 2 бутылки, красного — 2 бутылки, мушкателью — 1 бутылка и 1 графин.

К столу полковничьему, где кушают придворные

256

полковники, лейб компании сержанты, капралы и о[р]динарцы: виноградного вина —

10 бутылок.

Татьяне Афонасьевне Скороходовой: красного — 1 бутылка.

Отцу духовнику: ренвейну — 1 бутылка, мушкетелю — 1 бутылка, красного — 1 бутылка, вотки гдан-ской здешняго сидения — 1/2 графина.

Священнику отцу Василию: виноградного вина — 1 бутылка.

Диакону: виноградного вина — 1 бутылка.

Господину Кондодию: бургонского — 1 бутылка, красного — 1 бутылка.

Господину Фузантию: ренвейну — 1 бутылка, красного — 1 бутылка. При нем аптекарю: белого — 1 бутылка, вотки гданской здешняго сидения — 1 графин.

Господину Верре: вотки гданской здешняго сидения — 1 графин, красного — 1 бутылка.

В верхнюю кухню: красного — 2 бутылки, белого — 2 бутылки.

Отцу Лаврентию: красного — 1 бутылка.

Якову Алексеевичу и Марко Федоровичу: виноградного вина — 4 бутылки.

Закройшику Севрину: виноградного — 1 бутылка (машинному мастеру: виноградного — 2 бутылки).

Метердотелю Фуксу: виноградного вина — 1 бутылка.

Кабинет-секретарю Морсошникову: виноградного вина — 1 бутылка, вотки подделной — 1 графин.

Певчим: белого — 3 бутылки, красного — 3 бутылки.

Камор-музыкантам: красного — 1 бутылка.

В канфетную на лимонат: ренвейну — 2 бутылки, белого — 2 бутылки.

В комнату Мавре Егорьевне: виноградного вина — 1 бутылка.

Итого в день выходит бургонского 3 бутылки и ⁸ графинов, одинарных вин 62 бутылки и 1 графин, вотки 1/2 и 3 графина...»¹⁶

В списке не указано венгерское вино — самый любимый, наравне с английским пивом, напиток императрицы. И это не случайно, ибо приблизительно до * '55—1756 годов токайского, тарцальского и керес-
257

турского при русском Дворе не хватало. Основные причины дефицита — дороговизна и риск заполучить некачественный товар. Антал (бочонок вместимостью в 60—70 бутылок) молодого венгерского стоил червонцев 9—12 (18—25 рублей; курс червонца колебался в пределах 2 рублей 20 копеек — 2 рублей 30 копеек), старого из сухих ягод, «сухогроздного» (государыня предпочитала именно данный сорт), — существенно больше, в зависимости от срока выдержки — до 30,40 и 60 червонных. Причем никто не мог гарантировать покупателя от подделки — разбавленного сухогроздным простого, ординарного вина.

Дабы избежать неприятного конфуза, правительство постоянно командировало в Венгрию специальных комиссаров. При Анне Иоанновне около десяти лет покупкой вин (план — 150 анталов в год) занимался Федор Степанович Вишневский, угодивший в итоге под следствие, якобы за растрату казенных денег. Анна Леопольдовна 19 декабря 1740 года дело закрыла, вычтя из жалованья офицера недостающую сумму. После воцарения Елизаветы Петровны поставлять ко Двору венгерское вызвался грек Дмитрий Параскевич с родственниками. 14 декабря 1742 года с ним заключили контракт. Сотрудничество продолжалось два года. Когда летом 1744 года комер-сант поднял расценки до 85 рублей за антал, от услуг грека отказались и вновь вспомнили о Вишневском, желая «избавитца от разных комиссаров в покупке венгерских вин, которые токмо в их прибыль, а в ущерб Ея Императорского Величества казне все делали и ныне делать ищут».

Федора Степановича реабилитировали, выплатили удержанный оклад и летом 1745

года послали в Токай налаживать регулярную поставку местных винных марок в Россию. А пока генерал-майор добирался до мадьярской земли, в Петербурге лихорадочно думали, каким образом пополнить практически пустой погреб, устроенный нарочно под венгерское вино, которым заведовал мундшенк Федор Печерин под присмотром В. И. Чулкова. Кабинет-курьер И. Мейер поскакал в Торунь к купцу Поулю Келеру за

258

сотней бутылок токайского 1735 года на пробу. Его однофамилец и житель Вильно Михаил Мейер предложил императрице 26 анталов вина. Поляка тут же пригласили с бочками на берега Невы. Чуть позднее в той же Польше провели переговоры с княгиней Любомирской о закупке 3—4 анталов венгерского. Только летом 1746 года в Петербурге вздохнули с облегчением. Иван Мейер и Гаврила Вишневский (сын генерала) привезли из Венгрии первую партию вина, приобретенного главой русской винной компании.

Почти 300 анталов (или 150 бочек) разместили в спецпогребе Печерина, который в ноябре 1746 года уступил должность поручику Гавриле Федоровичу Вишневскому. А тот в свою очередь весной 1749 года вручил ключи гоф-фурьеру Егору Григорьевичу Звереву, отвечавшему за сохранность вина до мая 1764 года. Гоф-фурьер подчинялся уже непосредственно Д. А. Шепелеву и С. К. Нарышкину. Заведующий погребом раскупоривал анталы или бочки и разливал содержимое в бутылки либо по распоряжению императрицы, либо по ордеру гофмаршалов. Часть, предназначенную государыне, Зверев относил наверх лично, а остальное принимал фряжский погреб, чтобы выдавать вино мундшенку Их Императорских Высочеств и редким счастливым из круга придворных. Первые восемь лет с Карпат по окончании каждого сезона поступало по 200—300 анталов венгерского. Лишь в 1755 году импорт вина вырос Вдвое, позволив всем, в том числе и не столь знатным обитателям Зимнего и Летнего дворцов, наслаждаться токайским не только по праздникам¹⁷.

Несмотря на всеобщее увлечение винами и водками, не все при Дворе дружили с самым опасным напитком — водкой. Как ни странно, многие мужчины предпочитали вино. А вот женщинам из ближайшего «кружения императрицы частенько не хватало мужества отказаться от двух чарок казенной водки. Архивный документ сохранил для потомков имена ря-Да влиятельных дам и кавалеров, по-разному относившихся к коварному питью.

259

«Реестр, кто кушает вотку:

1. Штацдама Мавра Егорьевна [Шувалова]
2. Штац дама Настасья Михайловна [Измайлова]
3. Штац дама Марья Андреевна [Румянцева]
4. Княгиня Белосельская [Наталья Григорьевна]
5. Анна Михайловна Воронцова
6. Граф Алексеи Григорьевич [Разумовский]
7. Александра Борисович [Бутурлин]
8. Дмитрий Андреевич [Шепелев]
- 9- Петр Спиридонович [Сумароков]
10. Алексей Григорьевич Жеребцов
11. Михаила Ларионович Воронцов
12. Княз Борис Васильевич Голицын
13. Княз Петр Иванович Репнин
14. Павел Захарьевич [Кондоиди]
15. Василей Иванович Чюлков

16. Камергер Михаила Иванович Софонов

17. Андрей Иванович Полянской

18. Граф Андрей Алексеевич Бестужев

19. Граф Ягужинской [Сергей Павлович]

20. Петр Никитич Григорьев

Вымерен штоф чаркою серебряною новою, что с ручкою, ис которого вышло 30 чарок. Не кушают:

21. Иван Иванович Шувалов

22. Семен Кирилович Нарышкин 23- Роман Ларионович Воронцов

24. Князь Борис Александрович Куракин

25. Князь Петр Михайлович Голицын

26. Граф Шереметев [Петр Борисович]

По разчислению на 20 персон в ден на каждого по 2 чарки имеет быть 40 чарок. Итого в 7 дней в росхо-де 9 штофов и 10 чарок. Июня дня 1757 году»¹⁸.

Елизавета Петровна водку употребляла в разумных пределах и не любила горьких пьяниц, ведя с ними «беспоощадную» борьбу. Например, императрица активно пыталась излечить от вредной привычки придворного бандуриста Матвея Федорова — беспробудного пьяницу. Способ, которым принялись отучать бандуриста от зелья, не отличался оригинальностью. Его просто сажали под караул. В 1755

260

году сеанс отлучения от водки длился месяц — с апреля по май. 21 мая царица посчитала, что пора проверить эффективность примененного средства. Музыканта освободили с предупреждением, «чтоб он впредь от пьянства всемерно воздержался, а ежели... паки станет пьянствовать, то будет с наказанием от Двора Ея Императорскаго Величества отлучен». Матвей Федоров пропустил мимо ушей строгое внушение августейшего лекаря. Впрочем, должностью не поплатился. Императрица предпочла повторить курс лечения. 29 мая 1756 года бандурист вновь очутился в караулке. На сей раз на четыре с половиной месяца. Елизавета порывалась упрятать его туда еще 22 июня 1755 года, но почему-то передумала. 13 октября Матвея Федорова выпустили на волю «с подтверждением, чтобы воздержался от пьянства». Через две недели стало ясно, что строгости тюремного режима бессильны отбить у придворного охоту напиваться. Тогда царица решила изменить тактику. 28 октября алкоголика отправили под домашний арест в обществе гвардейского капрала и трех солдат. А сутки спустя, 29-го числа государыня распорядилась «при содержащемся под караулом бандуристе Матвее Федорове» оставить «одного состояния доб-раго салдата... которому приказать ему Федорову давать каждой день вотки перед обедом да перед ужином по одной чарке, а более того отнюдь не давать... Прочих же находящихся при оном бандуристе капрала и салдат свести».

Новая метода тоже не оправдала себя. Изворотливый музыкант умудрялся превращать две ежедневные чарки водки в водочное изобилие. 1 декабря, признав, что одному солдату не справиться с горьким пьяницей, императрица велела к Федорову «определить еще одного солдата и приказать, чтоб за ним крепкое смотрение иметь и до пьянства не допускать». Все напрасно. Ни один, ни два человека, ни более не способны были перебороть тягу придворного бандуриста к русской и заграничной водкам. Пришлось российской императрице признать свое поражение в деле перевоспитания упрямого подданного¹⁹.

261

Вот так и жили в то время. Кто-то всегда держал себя в руках и не позволял одержать верх над собой «Ивашке Хмельницкому», а кому-то нравилось нагружаться по полной программе с непредсказуемыми последствиями для окружающих. Даже участие в

придворном торжестве не являлось помехой непреодолимому желанию...

25 ноября 1755 года — большой государственный праздник. Очередная годовщина восшествия Ее Императорского Величества на всероссийский престол. По сему случаю в Зимнем деревянном дворце на Мойке Елизавета Петровна, как обычно, пригласила всех офицеров и нижних чинов Лейб-компании на грандиозный вечерний прием. Императрица сидела за столом вместе с офицерами и унтер-офицерами. 223 рядовых лейб-компанца расположились за соседними столами. Все пили и ели в свое удовольствие. Не отставал от других и лейб-компании гренадер и армии поручик Василий Поливанов. Он так хорошо отметил государственный праздник, что когда в первом часу ночи уже 26 ноября отправился к себе на квартиру, весьма плохо соображал, что делал. Добравшись по Невской прешпективе до Большой Луговой улицы, в стельку пьяный лейб-компанец вместе с унтер-офицером измайловцем Иваном Дурново и солдатом Перхуровым направились по мостовой в сторону Зимнего императорского дворца. На полпути Василию Поливанову взбрело в голову заглянуть в герберг иноземца Карла Гилдебранта.

Хотя уже стояла глубокая ночь, в билиардной комнате герберга несколько запоздалых посетителей увлеченно играли в билиард. Хозяин трактира находился здесь же, помогая маркеру обслуживать клиентов. И тут вдруг вваливается в покой некий лейб-компанец с товарищами и с криком требует у честной компании освободить для него билиард. Игроки предпочли не связываться с гренадером и положили кии на стол. Довольный Поливанов вытащил из-под первого попавшегося стола стул, уселся

262

на него и стал медленно раскачиваться, «назад гнувшись». Попутно он приказал маркеру скоренько выдать ему две бутылки белого вина. Деньги (25 копеек за штуку) пообещал заплатить чуть позже. Не успел маркер исполнить приказ, как случилось непредвиденное. Пьяный гренадер не рассчитал колебания стула, нажал на спинку сильнее, чем следовало, и с грохотом шлепнулся на пол под смех оставшихся посетителей.

Переживший страшный позор лейб-компанец сразу вскочил и в ярости вынул шпагу, крича на весь трактир: «Где хозяин? Изрублю!»* Ну и без мата, конечно, не обошлось. Все, кто был в комнате, бросились врассыпную. Гости на улицу, а Гилдебрант и маркер спрятались в доме наверху. К счастью, Поливанов во хмелю худо ориентировался на местности. Поэтому, не отыскав обидчиков, гренадер вернулся к билиарду и с досады без разборки вдребезги раскрошил все бутылки и рюмки, как пустые, так и наполненные вином. Потом выбежал на крыльцо и со всей силы ударил по окну, выбив два стекла. Затем вновь воротился к билиарду и принялся рубить шпагой ни в чем не повинный билиардный стол. Отведя душу, лейб-компанец отправился домой.

29 ноября хозяин трактира перчаточных дел мастер Карл Шлдебрант подал на Василия Поливанова жалобу, потребовав оплатить причиненные убытки в размере пятидесяти рублей. Через две недели, 15 декабря, поручик предстал перед судом лейб-компании. Сперва офицер пытался оправдаться, но, прижатый к стенке доказательствами, 22 декабря чистосердечно признал свою вину и согласился возместить испорченное в герберге имущество, заявив, что скверно помнит, что умудрился учинить там той ночью. Судьи во главе с лейб-компании сержантом Василием Храповицким в вине сослуживца убедились еще 15-го числа, когда комиссия и повелела посадить гренадера под арест. Так, по пьянке, Василий Поливанов^н в разделил участь Петра Коровина. Вместе с ним он просидел в дежурной комнате до объявленной в сентябре амнистии. Если к тому же учесть избиение

19 января 1756 года арестанта Поливанова совершенно пьяным дежурным офицером Артемием Русаковым (который 24 января пополнил ряды арестантов), то, видимо, можно признать перенесенные гренадером неприятности заслуженной карой за длившийся менее часа пьяный дебош²⁰.

Глава 11 Русская миссия за границей

1755 октябрь

02. Был у цесарского посла Эстергази маскарад вапъной, где и кутцы были.

13. Приехал П. Г. Чернышев из Англии и с ним князь Андрей Михайлович Б&посельский.

Возвращение в Петербург графа Петра Григорьевича весьма кстати. Кто, как не он, профессиональный дипломат, сумеет посвятить нас в тонкости работы русского дипломатического представителя за границей?

На протяжении всего XVIII века за внешнеполитические успехи и неудачи Российской империи перед монархами отвечало руководство Коллегии иностранных дел, которую при императрице Елизавете Петровне возглавляли канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин и вице-канцлер Михаил Ларионович Воронцов. Помогали им члены коллежского совета и внутриведомственные структуры — Секретная экспедиция (сбор информации и контакты с зарубежными странами), Публичная экспедиция (решение хозяйственных вопросов), архив.

Кроме главных командиров, в 1755 году высшими чиновниками коллегии являлись также обер-церемониймейстер Франц Санти, церемониймейстер Адам Алсуфьев, действительный статский советник Христиан Гольдбах (знаменитый дешифровщик депеш Шетарди), статские советники Иван Пуговишников, Юрий Хризоскулев, советники канцелярии

264

Василий Бакунин, Михаил Собакин, надворные советники Петр Томановский, Семен Малцов, Андрей Иванов, Карл Симолин, Михаил Новоторжцев, Петр Курбатов, Федор Бехтеев, ассессор Петр Бакунин. В Московской конторе трудились статский советник Иван Топильский и ассессор Давыд Абазаце¹.

В Петербурге коллегия поддерживала непрерывную связь с иностранными резидентами, за границей — с российскими посланниками. В 1755 году Россия имела девять миссий в европейских государствах. Никита Иванович Панин (в ранге чрезвычайного посланника) защищал интересы империи в Швеции; Александр Гаврилович Головкин (чрезвычайный и полномочный посол) — в Голландии; Иоганн Альбрехт Корф (чрезвычайный и полномочный министр) — в Дании; Герман Карл Кейзерлинг (чрезвычайный и полномочный посол) — в Австрии; Генрих Гросс (чрезвычайный посланник) — в Польше и Саксонии; Александр Михайлович Голицын (чрезвычайный посланник) — в Гамбурге при Нижне-Саксонском округе (немецкие княжества, располагавшиеся в районе реки Рейн; в июне 1755 года сменен Сергеем Васильевичем Салтыковым); Петр Григорьевич Чернышев (полномочный министр) — в Англии (в мае 1755 года сменен Александром Михайловичем Голицыным, секретарем русского посольства в Голландии); Гаспар Шерер (резидент) — в Гданьске (скончался в ноябре 1755 года; в феврале 1756 года пост занял коллегии юнкер Христиан Ше-ниус); Алексей Обрезков (резидент) — в Турции. Во Франции (отношения разорваны в 1749 году), Пруссии (отношения разорваны в 1750 году), Испании (отношения прерваны в 1730 году), Португалии и на Апеннинском полуострове в 1755 году российские представители отсутствовали.

Для Петра Григорьевича Чернышева⁵ должность полномочного министра при британском дворе была не первой в дипломатической карьере, которая началась в 1740 году с несостоявшегося назначения полномочным министром в Испанию. В 1741 году

намеченное путешествие в Мадрид обернулось по-
265

сылкой в Копенгаген в ранге чрезвычайного посланника. В Дании молодой человек прослужил менее года. В октябре его вновь пожелали аккредитовать при испанском дворе. Но в декабре Елизавета Петровна волю брауншвейгского семейства отменила и отправила графа чрезвычайным посланником в Пруссию, где тот обретался свыше четырех лет, после чего в июле 1746 года в звании полномочного министра переехал через Ла-Манш в Англию.

Как видим, императрица не спешила присуждать молодому аристократу чин 1-го класса — чрезвычайного и полномочного посла. Выше среднего второго уровня — постов чрезвычайного посланника и полномочного министра — сиятельный вельможа поднимется только в 1760 году, когда ему поручат присматривать в Париже за уставшей от тягот континентальной войны Францией. Самую низкую, третью, резидентскую ступень Чернышеву занимать не довелось.

Между тем от «карактера» главы посольства зависело, какими будут детали придворных церемониалов и размер денежных сумм, получаемых как от родного правительства, так и от чужеземного монарха. Первое выдавало дипломату деньги при отъезде «на экипаж» и финансировало повседневное пребывание в иностранном государстве; второй спонсировал ряд статей расходов посольств (например, найм квартиры) и презентовал отозванному домой министру сотню или тысячу монет наличными. Кроме решения финансовых вопросов, Коллегия иностранных дел, снаряжая в дорогу очередную дипмиссию, сочиняла верительные грамоты с инструкциями и формировала штат посольства из секретаря, советников посольства, дворян посольства, актуариуса и, по возможности, священников. Но это в идеале. На практике посол подчас обходился двумя или тремя помощниками, исполнявшими параллельно обязанности и секретаря, и актуариуса, а порой и курьера.

По завершении организационных мероприятий коллегия выписывала группе командированных за рубеж россиян заграничные паспорта. Петра Гри-
266

горьевича Чернышева зимой 1741 года подчиненные А. И. Остермана снабдили документом следующего содержания:

«Божиею милостию, Мы Иоанн Третий, император и самодержец Всероссийский и прочее, и прочее, и прочее.

Объявляем чрез сие кому ведать надлежит. Понеже по нашему указу наш действительный камергер Петр Чернышев отправлен ко двору Его Королевского Величества дацкого чрезвычайным посланником, того ради всех высоких областей дружелюбно просим... дабы помянутого нашего действительного камергера с его фамилиею и при нем служителей мужеска полу семь человек и три девки, и с имеющимися при них вещ-ми... без задержания везде пропускать... повелели. За что мы каждых высоких областей подданным взаимно в таких же случаях воздавать обещаем... В Санкт Петербурге 1741 года февраля двадесят третьего дня.

Действительной тайной советник Х. В. фон Миних.

Статской советник Петр Курбатов».

Как читатель уже знает, к паспорту прилагалась подорожная, С сим комплектом пропусков Чернышевы и покинули Россию в 1741 году. 26 февраля они нанесли визит в Нарвскую воеводскую канцелярию и обзавелись регистрационной отметкой на паспорте. Аналогичная процедура их ожидала в Риге, где все вояжеры в обязательном порядке предъявляли загранпаспорта в губернской канцелярии, ибо за столицей Лифляндии начиналось герцогство Кур-яндское. Хотя оно фактически контролировалось Россией, формально принадлежало Польше. Так что столица

Курляндии — Митава — считалась за границей. Семья русского чрезвычайного посланника проехала Ригу 7 марта 1741 года⁴, после чего через Мсмель и Гданьск направилась в Данию. В вольном городе Гданьске 30 марта (10 апреля) путешественники устроили короткий привал и отремонтировали экипаж. 20 апреля (1 мая) миновали Гамбург, а вече-Ром 11 (22) мая 1741 года добрались, наконец, до Копенгагена⁵.

Дипломат, прибывший к месту аккредитации, в

267

первую очередь стремился удостоиться публичной аудиенции у государя данной державы. Самой же аудиенции предшествовала встреча с руководителем внешнеполитического ведомства, на которой обговаривались сроки и условия важной церемонии. Решением этого вопроса и занялся Чернышев утром 12 мая, предварительно, конечно, посоветовавшись с действующим пока послом Иоганном Альбрехтом Корфом. Секретарь преемника Корфа незамедлительно навестил главу датского департамента иностранных дел, тайного советника Шулина. Тот, однако, выразил сожаление, что не имеет времени в ближайшие сутки принять нового российского посланника по причине готовящегося на 13-е число отъезда короля в загородный дворец Гиршгоlm. Но через два часа по возвращении посыльного в доме Чернышева неожиданно появился секретарь Шулина, который, поздравив того от имени тайного советника с приездом в Копенгаген, передал слова своего господина: «Понеже Его Величество король со всею своею фамилиею завтра отсюда отъезжает в Шршгоlm... то он принужден был быть у двора, и скорее делами своими отправился, нежели он чаял». Поэтому, если российский посланник сможет посетить его сегодня, 12 мая, в шестом часу вечера, «то оное ему приятно будет». Петр Григорьевич воспользовался приглашением, увиделся с Шулиным и попросил исходатайствовать для него у короля аудиенцию после того, как барон Корф простится с Его Величеством. Датчанин пообещал все исполнить⁶.

Так началась дипломатическая служба крестника Петра Великого. Впрочем, дождаться отпускной аудиенции Корфа Чернышеву не пришлось. В конце июня почта привезла рескрипт с предписанием вручить верительные грамоты королю прежде прощания Корфа, отложенного на неопределенный срок. Сообщив об этом Шулину, Чернышев вскоре узнал дату встречи с Христианом VI — 29 июня (10 июля) 1741 года. В назначенный день посланник приехал на куртаг в Гиршгоlm. Принятый в одной из комнат гофмар-

268

шалом Рейценштейном (исполнявшим обязанности обер- гофмаршала), гость обождал с ним окончания королевского совета. Когда гофмаршалу показалось, что король освободился, он ввел Чернышева в зал перед аудиенц-камерой. Однако господин Рейцен-штейн ошибся. Из-за присланных новых писем совещание в кабинете монарха затянулось. И лишь спустя еще какое-то время, когда датчанину донесли, что совет завершился, тот, не мешкая, препроводил подопечного в аудиенц-зал. Сам придворный в комнату не вошел, Чернышев же три раза поклонился, идя навстречу королю, стоявшему в окружении трех министров, затем произнес краткую речь по-французски и подал Его Величеству верительную грамоту. Король поприветствовал посланника «в обыкновенных терминах* и тоже на французском языке, после чего дипломат покинул короля, и «равным образом к Ея Величеству королеве от ея обер-гофмейстера... водим был*⁷.

Естественно, аудиенция в загородном дворце не соответствовала тому идеальному варианту церемонии, который установил король Христиан V в 1672 году. Петр Григорьевич не въехал в составе торжественной процессии в Копенгаген, не услышал

грохот пушечных выстрелов из 27 орудий, а в намеченный для аудиенции день в сопровождении пышного эскорта не продефилировал по столичным улицам до королевского дворца и не застал в тронном зале короля, снимающего шляпу и встающего с трона при входе посланника. Увы, жизнь решительно ломала предписанные сверху рамки и навязывала свои, более упрощенные нормы.

В Англии официально существовал примерно тот же церемониал встречи иностранных послов⁸. Однако когда 9 сентября 1746 года П. Г. Чернышев, переживший жесточайший шторм при пересечении Ла-Манша на пакетботе, приехал в Лондон, никто не спешил привечать нового российского посла. Минуту почти три недели, прежде чем ему удалось 28 сентября побеседовать с церемониймейстером Георга II шевалье Катерелем, вернувшимся из загородного до-

269

ма вечером 26-го числа. Господин Катерель, безусловно, извинился за то, «что он сюда несколько время-ни быть замешкался», и возложил всю вину на «несправедливость и умедление почты», с опозданием известившей вельможу о приезде россиянина. Затем англичанин поинтересовался о дне, в который граф Чернышев хотел бы поднести королю верительные грамоты. Полномочный министр сказал, что чем скорее, тем лучше, но пусть Его Величество сам определит дату визита. С тем шевалье откланялся, дабы поскорее доложить обо всем статс-секретарю лорду Гарингтону. Ответ министра Катерель привез 29 сентября: «Он, Гарингтон, хотя не преминет королю... как скоро отчи его увидит, о том донести, то, одна-кож, ведая нетерпеливость Его Королевского Величества», заранее ему объявляет, что аудиенция произойдет во вторник, то есть 30 сентября 1746 года, в два часа пополудни.

30 сентября шевалье Катерель в карете (почему-то не государственной, а князя И. А. Щербатова, прежнего российского посла) подкатил к особняку Чернышева вместе с Иваном Андреевичем. А в полдень все трое отправились из Лондона в Кенсингтон — загородный королевский дворец, куда прибыли ровно через полчаса. «И вошли в предводжении церемониймейстера во обыкновенную антикамеру королевскую... где... до тех пор прождали, пока приехали туда здешние оба при департаменте иностранных дел министры — дюк Неукастель и граф Гарингтон». Министры прошли к королю, но чуть погодя господин Гарингтон вернулся и пригласил на отпускную аудиенцию отозванного на родину Щербатова. Когда князь вышел назад, Гарингтон позвал в кабинет графа Чернышева. Церемониймейстер Катерель затворил за чиновником и дипломатом двери, и тут Петр Григорьевич обнаружил, что находится в очень маленьком и тесном покое. Георг II стоял возле стола. Рядом с ним — оба министра. Расстояние до Его Величества было столь мало, что посланник едва успел сделать два поклона, приближаясь к монарху. Затем на французском языке зачитал краткое приветствие

270

и вручил грамоту королю, который также по-французски поблагодарил посланника за объявленное намерение российской императрицы и далее поддерживать союзническую дружбу с Великобританией. В заключение Георг выразил особое удовольствие назначением Чернышева к английскому двору, «по окончании чего, я не обращаясь, следуя к дверям возвратно и учиня три поклона, из оных выступил... и обще с князем Щербатовым и церемониймейстером седши в одну карету, каждый к себе в дом возвратились», — сообщил тем же вечером в Петербург преемник Ивана Андреевича⁹.

Аудиенция у короля Георга не преподнесла никаких сюрпризов. Не так случилось у непредсказуемого короля Фридриха II. Этот прием вылился в подлинный экзамен для тридцатилетнего Чернышева, призвание которого к службе на внешнеполитическом

поприще проверял самый строгий и не прощающий промахов профессионал. Напрасно товарищ Корфа торопился переехать из Копенгагена в Берлин, обнадеженный известием, что прусский король на время Пасхи покинет театр военных действий. Когда вечером 13 (24) марта 1742 года Чернышев добрался до прусской столицы, то испытал разочарование: два дня спустя статский советник Борк (заместитель министра иностранных дел Подевиляса) уведомил графа о том, что слухи об отлучке короля из армии в Берлин оказались ложными. Победитель австрийцев при Хотузице появился в главном городе королевства лишь через три месяца, утром 1 (12) июля, а 5-го числа состоялась долгожданная аудиенция с припасенными для посланника двумя сюрпризами.

2 июля Чернышев попросил фон Борка доложить о себе королю. На следующий день, в субботу, статский секретарь исполнил просьбу и осведомился у Фридриха, когда тот намерен встретиться с российским дипломатом. Король назначил прием на 5-е. И тут же подстроил первую ловушку. Ни в субботу, ни в воскресенье прусская сторона о предстоящем событии русское посольство не проинформировала. Зато

271

в понедельник, в девять утра в особняк вдруг постучался некий человек, назвавшийся слугой барона фон Борка, и велел привратнику передать своему господину, что сегодня в 11 часов утра Его Величество готов принять у господина Чернышева верительные грамоты. Петр Григорьевич не столько возмутился, сколько изрядно растерялся. Как поступить в такой ситуации? Протестовать некогда, да и бессмысленно, но и молча смириться с подобным пренебрежением нельзя. Тем не менее сановник сумел продемонстрировать характер и найти оригинальный выход из щекотливой ситуации. Он тут же набросал срочное письмо Борку, в котором «ничего иного не упомянул, кроме токмо, что его лакей один был у моих, и мне от него нечто сказать велел. Што, я хотя прямо рассудить не мог, однакож, думаю, что дело в себе содержит. И затем его прошу о оном меня писменно или через такого человека, которой мне то пересказать внятно может, уведомить...»[•]. Так граф, очень быстро убедившийся в безошибочности собственной интуиции, доносил в Петербург 6 июля. Фон Борк не замедлил прислать официальное письменное сообщение о назначенной на 11 часов аудиенции и предложил министру либо самостоятельно подъехать к королевскому дворцу, либо вместе с ним, фон Борком. Чернышев предпочел не искушать лишний раз судьбу и навестил статского советника. Вдвоем они прибыли во дворец, где ожидали среди прочих иностранных послов (вызванных к монарху для отдания первого поклона) возвращения короля с инспекции черных гусар.

Около двенадцати часов Фридрих, наконец, вернулся и, проследовав в аудиенц-зал, пригласил россиянина. Фон Борк ввел Чернышева в зал, после чего «из оной каморы сам вышел. И во оной обрел я, — писал в отчете дипломат, — токмо Его Величество посреди комнаты одного стоящего. И по зделанном моем первом поклоне, на который подобным образом Его Величество отвечивал, я еще несколько шагов приступил и в другой раз поклонился. Што Его Величество, також де приблизися прямо ко мне, тоже

зде-

272

лать изволил. И понеже я далее приступить не мог, то стоя на оном же месте, зделавши третьей поклон, пристойную при подании Вашего Императорского Величества грамоты по содержанию оной речь говорил». Король выслушал Чернышева, взял грамоту и, поблагодарив за высказанные посланником от имени своей государыни комплименты, выразил удовольствие назначением Петра Григорьевича к своему двору.

Когда Фридрих замолчал, Чернышев вновь поклонился ему, думая удалиться. Однако монарх подготовил ему второе испытание. Король удержал гостя, заведя речь о

службе собеседника в Датском королевстве, о поездке из Копенгагена в Берлин, о ходе военной кампании в Финляндии. Чернышев удовлетворил интерес короля. И вдруг тот спросил: «Правда ли оное известие, што он имел, аки бы в Петербурхе некоторое от российских салдат было возмущение, и что оные хотели всех иноземцов там масакриро-вать?» Только теперь Чернышев догадался, зачем разговорился с ним Фридрих: желает прощупать, насколько умен и изворотлив новый посланник. Что ж, Петр Григорьевич выскользнул и из второй западни. Хотя он представления не имел о том, происходило что-либо в Петербурге или нет, однако поостерегся просто отрицать данный факт или сослаться на отсутствие сведений. Чернышев поступил тоньше, сказав, «что оного, конечно, не было, но что при-лучившеяся малая драка токмо между несколькими человеки, оной ведамости повод дала». По этой фразе король понял, что граф не глуп и по праву занимает высокий пост. Значит, при общении с агентом Елизаветы надо соблюдать предельную осторожность.

Под занавес Фридрих поллюбопытствовал, как долго императрица намерена прожить в Москве. Посланник вполне резонно заметил, что о том никто сейчас не знает. Больше король оппонента не мучил, и пятнадцатиминутная беседа завершилась. Когда дверь за гостем закрылась, Фридрих какое-то время постоял в задумчивости, а затем направился на

273

встречу с дипкорпусом. Чернышев же поспешил возвратиться домой¹⁰.

С окончанием первой аудиенции начиналась непосредственная служба посла. Во-первых, ему надлежало добиваться от правительства зарубежной державы наиболее выгодных условий сотрудничества с собственным государством в той или иной области. Во-вторых, предстояло регулярно рапортовать канцлеру и государыне о политических событиях, нравах, обычаях далекой страны и о своей работе. Но и это еще не все.

На посланника возлагалось множество как важных, так и мелких поручений.

Например, 14 ноября 1745 года Петр Григорьевич прочитал рескрипт от 31 октября с предписанием связаться с матерью великой княгини Екатерины Алексеевны и помочь ей с реализацией одной тайной миссии. Дело заключалось в следующем. 8 октября Елизавета Петровна обратилась к светлейшей «кузине* с просьбой «королю прусскому внушить... барона Мардефелда отозвать, а на его место какого другого, кроме господина Фоке-рода, прислать». 12 октября подпоручик Сонцов в Риге передал личное послание царицы Иоганне-Елизавете, которая через камергера Скворцова известила о согласии взяться за трудную комиссию.

15 (26) ноября Ангальт-Цербстская принцесса приехала в Берлин. Утром 16-го числа с ней встретился Чернышев. Иоганна-Елизавета поинтересовалась у гостя, как лучше поступить в нынешних обстоятельствах (Фридрих II отсутствовал в столице): прибегнуть к содействию министра Подевильса или «прямо к королю отписать»? Граф, хотя и не имел на сей счет инструкций, рекомендовал собеседнице, не мешкая, снарядить курьера к монарху. Та советом воспользовалась и отправила к воинственному государю, разгромившему 19 (30) сентября австрийцев при Стауденце, доверенного человека с запечатанным конвертом. Герцогиня сумела отыскать нужные слова для августейшего родственника. Великий полководец не уловил в сентенциях высокородной дамы подвоха и собственноручно ответил княгине, что

274

вернет на родину Мардефельда, если Елизавета избавит его от Чернышева. 11 (22) января 1746 года нарочный повез из Цербста королевские автографы в Берлин, а оттуда в Петербург. Дочь Петра Великого ознакомилась с ними в середине февраля, после чего поздравила «сестрицу» с успехом.

Императрица охотно пошла навстречу Фридриху, ибо с 3 октября 1745 года не нуждалась более в Чернышеве, посланнике при прусском дворе. Крестник Анны Иоанновны, в отличие от многих коллег из других стран, не обольстился остроумием, показным демократизмом коронованного философа и не превратился в апологета мнимого друга Вольтера. В итоге посол снабдил дочь Петрову объективной информацией о политике прусского короля и помог ей занять верную позицию в затянувшемся международном конфликте, то есть примкнуть к австро-англо-голландско-саксонской коалиции. Теперь умницу-дипломата требовалось перебросить на новый тяжелый участок, а именно в Лондон, потому что от твердости страдавшего непостоянством английского союзника зависела эффективность борьбы с франко-прусским альянсом. 13 декабря 1745 года Бестужев предложил императрице перевести Чернышева в Великобританию. Елизавета инициативу одобрила, но, как обычно, предпочла не торопиться, ожидая удобного момента, который и настал весной 1746 года.

24 апреля 1746 года в Берлин помчался курьер с отзывной грамотой, напоминавшей Фридриху о давно данном им обещании «чрез свое письмо к... принцессе Ангальт-Цербстской» обменять Мардефельда на Чернышева. Тем самым Елизавета загоняла короля в угол. Тот очень не хотел отзываться домой петербургского старожила, неплохо изучившего Россию и активно интриговавшего на берегах Невы в пользу венценосного господина, опираясь на дружбу с рядом влиятельных русских политиков. Однако цари-Ца, ссылаясь на королевское слово, настояла на кадровой рокировке. 26 июня (6 июля) 1746 года Поде-вильс назвал имя преемника барона — Карла фон

275

Финкенштейна, прусского посланника в Стокгольме. Вот так ловко русская государыня, русский вельможа и немецкая герцогиня провели первого хитреца и лицемера Европы. Остается лишь удивляться тому, что Екатерина II в знаменитых мемуарах не отдала должное матери, а вылепила из нее мифический образ капризной, вздорной эгоистки, завидующей дочери и ссорящейся со всеми по пустякам. Характеристика поистине несправедливая и незаслуженная.

В реальной жизни Иоганна-Елизавета была женщиной прекрасно образованной, жизнерадостной, приветливой и умеющей посмеяться над собой. Теща великого князя искренне полюбила Россию и ни с кем из россиян всерьез не разругалась. Наоборот, княгиня, создавая у себя в Дорнбурге в одной из комнат русский кабинет, нашла в Москве и Петербурге много друзей, которые во время заграничных вояжей непременно сворачивали из Берлина на юг и навещали ее в Цербсте. В июле 1746 года у принцессы два дня гостили возвращавшиеся на родину Воронцовы, а через месяц к ней на огонек заглянули Чернышевы, уезжавшие в сторону Ла-Манша. Многие российские подданные, в основном члены французской партии, относились к матушке великой княгини с огромным уважением. Зная об этом, императрица 1 ноября 1745 года наказала Бестужеву предупредить супругу вице-канцлера о том, чтобы та при свидании с Иоганной-Елизаветой в Берлине ни в коем случае не целовала у нее руку по российскому обыкновению, «ибо тамо сие неприлично? и воспринимается, как непозволительное нарушение этикета.

Есть в записках Екатерины Великой еще одна странность. Вспоминая о чтении исторических и философских трудов, мемуаристка почему-то забыла отметить, где приобретала литературу. Между тем «лутчия книги» к ней в библиотеку попадали не стихийно, а по совету близких к девушке лиц, в том числе барона Миниха и родной матери. Кстати, именно Иоганна-Елизавета познакомила дочь с творчеством Вольтера. 1(12) марта 1746 года герцогиня отправила в Петербург копию письма великого

философа,

276

адресованного жене шведского кронпринца Адольфа-Фридриха. И тогда же пообещала прислать шеститомное собрание сочинений француза. 22 марта (2 апреля) в конце письма обер-гофмейстера Миниха, среди прочих, появились такие любопытные строки, начертанные рукой Екатерины: «Что касается до писма господина Волтера, то оное весьма изрядно писано... Я Вашу Светлость нижайше прошу присылкою его сочиненных книг поспешить»¹¹.

Впрочем, мы несколько отвлеклись от главной темы, а посему вернемся к повседневному заботам российского посланника. Помимо спецзаданий Чернышева обременяли также и просьбами частного характера. Вот одна из них. 11 марта 1746 года канцлер А. П. Бестужев-Рюмин писал Чернышеву: «Ваше Сиятельство меня весьма одолжите, ежели на мой щет один фунт красного, да один фунт белого штальско-го порошка и полфунта штальских пилюль куля, на тележной почте до Мемеля отправите...» Его Сиятельство быстро выполнил поручение и 14 апреля отослал заказ в Курляндию¹².

Защита государственных интересов, реализация частных «комиссий» часто сочетались с опекой подданных императрицы, по разным причинам очутившихся на чужеземной территории. Граф Чернышев принимал у себя и вельмож, и разночинцев. Так, 23 января 1746 года в Берлин приехали художники Лукас Пфандцельт и Антон Брунер. Они торопились в Прагу за купленными для императрицы шестью ящиками, баулом да бочкой «с живописными картинами» и нуждались в документе, обеспечивающем беспрепятственное передвижение по Пруссии. За двое суток Чернышев выправил подмастерьям художника Г. Гроота паспорта, и те 25 января двинулись дальше в путь¹³.

9 сентября 1752 года ганноверский дом полномочного министра (английский король и курфюрст Ганновера Георг, как правило, лето проводил на родине) почтил визитом подпоручик гвардии князь Андрей Михайлович Голицын, имевший «похвальное намерение видеть чужие край», как было написано в ре-

277

комендательном письме канцлера. Что ж, пришлось оказывать протекцию и этому обладавшему «изрядными качествами российскому кавалеру». Так как в те дни короля не было в столице княжества, юноша, желавший лицезреть английского монарха, безропотно ожидал его возвращения, а русский посланник лишний раз беспокоил королевских министров просьбой о высочайшей аудиенции для офицера¹⁴.

А теперь посмотрим, каким образом финансировалась посольская деятельность русских представительств за границей и сколько людей помогало послу в ежедневной работе. Если кто-то подумал, что посол тащил за собой из России сотню мешков, набитых серебряною и медною монетою, он сильно ошибается. Хотя на дорогу, конечно, брали определенное количество наличных денег, основная сумма преодолевалась расстояния заочно, посредством выписанных на разные имена векселей. Послу регулярно привозили из Петербурга бумагу такого примерно содержания: «Божией милостию мы Елисавет Первая императрица и самодержица всероссийская. И протчая, и протчая, и протчая.

Высоко и благоурожденный, нам любезноверный.

В счет всемилостивейшаго нашего жалованья над-лежащаго вам и при вас обретающимся на сей 1746 год к прежде переведенным посылается при сем еще вексель на тысячу рублей, взятой сего октября 7 дня здесь у купцов Крамонда, Тимермана и Шарда, адресованной в Амстердам на корреспондентов их Иоганна Коссарта с сыновьями по нынешнему настоящему в Санкт-Петербурге векселному

курсу по сороку по восьми с четвертью штиверов голанских за рубль.

Вы имеете... о принятии по векселю денег учинить в нашу коллегия иностранных дел обыкновенной репорт. Дан в Санкт-Петербурге октября 10 дня 1746 году...» На обороте пометка: «Получено 7 ноября»¹⁵. Как можно заметить, в те времена голландские гульденны и штиверы (1 гульден равнялся примерно 20 штиве-рам) играли ту же роль, что сейчас американские доллары и центы.

В 1746 году П. Г. Чернышеву прислали еще пять

278

таких переводных писем на выплату жалованья сотрудникам российского посольства в Лондоне (три рублевых — от 21 января, 12 и 19 августа по 1000 рублей каждый; и два в валюте — на 2500 и 5366 гульденов). За вычетом 66 рублей 58 копеек с половиной госпитального налога, на раздачу осталось 7058 ефимков 16,5 штивер. Из них Чернышев взял 6400 рублей (6000 — жалованье и 400 на почтовые расходы), секретарь И. Людерс — 400 рублей, студент Ви-тинский — 225 рублей, а иеромонах Кирилл — треть оклада, 33 рубля и 16,5 штивер.

Каждый сотрудник посольства после приема причитающихся денег писал приблизительно следующий текст: «С триста рублей всемилостивейше определенного мне на год жалованья я получил от Его графского Сиятельства Петра Григорьевича Чернышева 225 рублей ценою по 50 штиверов голандских на рубль заслуженных мною за девять месяцев, то есть от 1 числа апреля по последнее декабря прошлого 1746 года. В чем своелично и подписуюсь. Петр Ви-тинской. В Лондоне 1747 года генваря 29 дня»¹⁶. Кроме векселей с жалованьем сотрудников, Чернышева в 1746 году снабдили вексельными деньгами на 2000 рублей для переезда из Берлина в Лондон¹⁷. За восемь лет пребывания графа в Лондоне штат российского посольства заметно вырос. В декабре 1754 года в нем значились сам министр, секретарь Людерс, адъютант А. М. Белосельский, переводчик Яков Сивере (годовое жалованье 400 рублей), коллегии-юнкер Иван Воронцов (300 рублей), студент Андрей Набоков (300 рублей), священник Стефан Ивановской (300 рублей плюс 200 рублей на церковь) и два дьячка — Михаиле Путиловский и Максим Черепковский (по 100 рублей каждому). Расписки в это время выглядели несколько иначе: «Я нижеподписавшийся получил от Его Сиятельства графа Петра Григорьевича Чернышева к преждевыданным уже в разные числа семистам пятидесяти гулденам ныне в др-сталную дачу всемилостивейшаго Ея Императорска-го Величества жалованья денег двести сорок гулде-нов галандских, что вкупе учинит, считая по пятиде-

279

сяти штиверов за рубль, за обыкновенным на гошпи-таль вычетом, сполна четыреста рублев. В чем свое-лично и росписуюсь. Лейб гвардии Преображенска-го полка адъютант князь Андрей Беласелской»¹⁸.

Свои чрезвычайные издержки посланник заносил в особый счет. Как правило, это были деньги, потраченные на отправку курьеров с реляциями или с разными вещами в Петербург и другие города Европы. В апреле 1745 года посылка из Берлина нарочного в Дрезден и обратно, а также эстафеты в Мемель стоили Чернышеву 54 и 48 рейхсталеров соответственно. В августе поездка курьера до саксонской границы (город Барют) и две эстафеты до Мемеля и Дрездена обошлись в 6, 48 и 10 рейхсталеров. В ноябре за доставку пакета в Петербург заплачено 138 рейхсталеров, в декабре за эстафету до Гамбурга — 17 рейхсталеров. Всего же за чрезвычайные расходы 1745 года выложено 1565 рейхсталеров.

В 1746 году к тратам на курьеров добавились деньги, ассигнованные на провоз из Парижа от советника Гросса красных кавалерских лент (8 рейхсталеров), поиск россиян, служивших в Пруссии (52 рейхстале-ра), а также на платье для одного

неизвестного господина (18 рейхсталеров). В итоге за семь месяцев 1746 года посольская казна уменьшилась на 327 рейхсталеров¹⁹.

Но хватит о меркантильном. Обратим лучше внимание на более привлекательную внешнюю сторону дипломатической службы, а для этого посетим вместе с Петром Григорьевичем приватную встречу с прусским королем. Прием в загородной королевской резиденции выпал на короткий период добрососедских отношений между Берлином и Петербургом. В то время Елизавета Петровна еще не разочаровалась в вероломном «друге Фридрихе» и потому благосклонно приняла от господина Мардефельда в январе 1743 года подарок прусского монарха — знаки ордена Черного Орла. В долгу не осталась, ибо сразу же поручила камер-юнкеру Карлу Сиверсу отвезти в Берлин цепь и звезду высшего российского ордена Святого апостола Андрея Первозванного.

280

6 февраля 1743 года царский курьер прибыл в столицу Пруссии, в дом российского посла. Чернышев доложил о приятной новости министру иностранных дел Подевилльсу. Однако ввиду отсутствия короля в Берлине торжественную церемонию пришлось отложить до возвращения Его Величества. Фридрих вернулся из Потсдама утром 8 февраля. В тот же день вечером Подевилльс известил Чернышева: церемония назначена на завтра, на первую половину дня, и пройдет в Шарлотенбурге — загородном замке короля; господин посол и курьер будут приглашены на королевский обед.

Утром 9 февраля, как только король уехал в Шарлотенбург (в 10 часов утра), карета Подевилльса подкатила к дому российского посланника. Немного погодя граф Чернышев и министр сели в прусский экипаж, а камер-юнкер Сивере и секретарь посольства Ф. Черняев — в карету Чернышева. Черняев держал в руках подушку с вышитым на ней вензелем императрицы, обложенную серебряным позументом, с серебряными кистями по углам. На ней лежали лента с крестом, звезда ордена и цепь, обернутая салфетками. Лошади тронулись с места, и примерно через час мини-кортеж добрался до Шарлотенбурга.

Не мешкая, Подевилльс провел своих спутников в одну из приемных комнат, где они, согласно этикету, расположились в ожидании приглашения. Вскоре двери отворились, и появившийся в комнате статский министр фон Борк сообщил собравшимся, что Его Величество готов их принять. Подевилльс, Чернышев, Сивере и Черняев, освободив цепь от салфеток, двинулись по анфиладе комнат до «последней антикаморы королевской». Здесь Подевилльс оставил приглашенных и один прошел к королю, но вскоре вернулся и объявил, что Его Величество велел допустить "господина Чернышева на аудиенцию. Камер-юнкер Сивере аккуратно взял у Черняева подушку с лентой, °Рденской цепью и звездой и вслед за Петром Григорьевичем вступил в аудиенц-зал, посреди которого стоял Фридрих.

Пошедшие сделали несколько шагов вперед и,

281

приближаясь к королю, успели по обычаю совершить три поклона. Успели потому, что король, отбросив в сторону этикет, устремился навстречу, прервав их шествие на полпути. Тут Чернышев поторопился освободить Сиверса от драгоценной ноши и лично протянул подушку королю. Фридрих, взяв ленту с крестом, сам надел на себя главный знак ордена. «А подушку и на оной оставшею звезду и цепь принял от него графа Чернышева королевской камергер барон Пелниц». После этого посол прочитал королю краткую поздравительную речь от имени императрицы. Король же сердечно поблагодарил Чернышева, а через него и государыню за столь бесценную награду. Затем дипломат представил Фридриху Карла Сиверса, у которого монарх

поинтересовался состоянием дражайшего здоровья любезной царицы. Не прекращая разговор, Фридрих увлек гостей за собой в зал, где был накрыт стол. За королем следовали члены августейшей свиты — брат принц Вильгельм, маркграф Карл, герцог Голштейн-Бек, принц Гессен-Дармштадтский, графы Готер, Трукас, Гак, министр фон Борк, барон Пелниц и несколько королевских адъютантов.

Войдя в комнату, король первым сел за стол, накрытый на шестнадцать персон. Справа от себя он усадил принца Вильгельма, слева — маркграфа Карла. Напротив Фридриха, по желанию государя, расположились граф Чернышев, а рядом с ним с одной стороны — герцог Голштейн-Бек, с другой — Подевильс. Обед протекал в непринужденной обстановке. Король, будучи в хорошем настроении, беседовал в основном с Чернышевым и Сиверсом на разные темы — о книгах, науках, винах и т. д. Единственное, что напомнило о характере мероприятия — поднятые, сперва по инициативе короля, а затем — по предложению Чернышева, бокалы за здоровье Ее Императорского Величества русской императрицы и за здоровье Его Королевского Величества прусского короля.

По окончании обеда Фридрих, простившись с гостями, покинул Шарлотенбург и уехал в Берлин.

282

дождавшись отъезда хозяина дворца, к своим каретам спустились Подевильс с Чернышевым, Сиверсом и присоединившимся к ним Черняевым. И также без церемоний отправились в город, к дому российского посольства. Подевильс, выполняя поручение короля, сопровождал россиян вплоть до российской резиденции.

Фридрих II был весьма доволен подарком. Вернувшись в Берлин, он не снимал перекинутой через правое плечо голубой ленты на протяжении всего дня, и под вечер явился с нею в театр на игру французских комедиантов²⁰.

Коронованный философ, надеясь заключить с могущественной императрицей крепкий союз, пользовался любым удобным поводом, чтобы подчеркнуть то большое значение, которое он придавал дружеским отношениям с северным соседом. Естественно, что в Берлине праздник ордена Святого Андрея Первозванного не могли проигнорировать.

Фридрих вновь встретился с П. Г. Чернышевым в Шарлотен-бурге в высокотожественный день 30 ноября 1743 года. Русский посол вместе с Подевильсом оказался во дворце около семи часов вечера, и наряду с прочими приглашенными целых два часа разговаривал с гостями и прогуливался по залу, пока король работал у себя в кабинете. Когда в девять часов главный герой вышел к публике (с лентой через плечо и с орденской звездой на груди), первым, с кем монарх пообщался с четверть часа, был Чернышев. Затем все уселись за стол, поставленный в той же комнате и сервированный на тридцать персон. На сей раз Фридрих усадил графа слева от себя. С другой стороны от короля занял место его брат Генрих. Ужин проходил в раскрепощенной атмосфере. Пили за здоровье российской императрицы и прусского самодержца; между тостами вели увлекательные беседы. Благо что Фридрих в выборе темы не ограничивал присутствующих. Наконец в одиннадцать вечера король поднялся из-за сто-¹ла и простился с Чернышевым и другими гостями-²¹.

В целом королевский ужин прошел вполне удач-¹ливо. Правда, одну промашку государь все же допустил.

283

На 30 ноября действительно выпадал русский праздник святого апостола Андрея Первозванного. Но Россия отмечала его 30 ноября по старому стилю. А Фридрих собрал гостей в соответствии с григорианским календарем. Поэтому не следует удивляться тому, что П. Г. Чернышев, описывая в рапорте ужин, датировал визит в Шарлотенбург 19 ноября 1743 года. Между тем король больше порадовал бы

императрицу, если бы синхронизировал празднование у себя с торжествами в Петербурге, то есть пригласил бы Чернышева 11 декабря 1743 года.

Впрочем, русскому дипломату за границей доводилось не только бывать на приемах у королей, но и самому устраивать различные празднества. Направимся на одно из них. Лондон, 25 января (5 февраля) 1755 года. Все высшее английское общество возбуждено ожиданием намеченного на сегодня грандиозного увеселения в честь рождения наследника российского престола Павла Петровича. Российский полномочный министр Чернышев пригласил на маскарад и фестейн более тысячи человек. Для проведения праздника король Георг II одолжил графу один из лучших столичных дворцов на берегу Темзы — Сомерсет-хаус. Подготовка заняла несколько недель. И вот богато разукрашенный особняк полностью убран, чтобы с достоинством принять многочисленных гостей в маскарадных нарядах.

До того момента, как парадные двери раскроются перед жителями Лондона, оставалось еще полдня. Поэтому Петр Григорьевич имел в запасе несколько часов для решения последних организационных вопросов. В две галереи и две комнаты дворца внесли столы: первый с приборами на 120, второй — на 40, третий — на 30, четвертый — на 16, пятый — на 14 и шестой — на 10 персон. Кроме того, возле буфетов (поставцов) появились переносные столики. Для обслуживания участников маскарада Чернышев нанял около 150 человек из чиновных людей, которые постепенно подтягивались к роскошной резиденции. Руководили ими и смотрели за общим порядком со-

284

трудники российского посольства во главе с полномочным министром. По этой причине они не стали облачаться в маскарадное платье, а намеревались приветствовать гостей в обычных костюмах.

Около полудня по приказу Его Высочества герцога Кумберлендского к Сомерсет-хаусу подошла гвардейская рота королевских мушкетеров (около 150 человек) во главе с капитаном и тремя младшими офицерами. В то же время туда прибыли квартальный судья (или комиссар) с офицерами полиции. Дипломат сразу же занялся ими. Рассредоточил по местам караулы солдат, объяснил офицерам их задачу по охране порядка во время праздника, после чего вместе со всеми офицерами и комиссаром отобедал в одном из помещений дворца.

Около семи вечера, когда совсем стемнело, Чернышев распорядился во всех покоях и сенях зажечь восковые белые свечи, а во дворе — свечи в стеклянных, хрустальных фонарях. И «компания немедленно потом съезжаться начала».

Караул, стоявший на улице, запрещал въезжать во двор экипажам. Кареты останавливались снаружи, и покидавшие их гости пешком добирались до парадного подъезда. Исключение сделали для портшезов. Но и они, как только хозяева выходили из них, немедленно выносились со двора. Вместе с приглашенными во дворец пропускали лишь лакеев. Все остальные «за воротами от своих господ отставать должныствовали».

К восьми часам публика заполнила комнаты дворца, и с позволения Чернышева в двух залах зазвучала музыка, под которую контрдансами молодежь открыла бал.

Почитатели квинтича и фаро разместились в третьем покое, а газарта, наиболее популярной игры в кости, «особливо любимую здешнюю на-Циек»>, — в четвертом. Еще в двух палатах, прилегающих к указанным и снабженных буфетами с холодными напитками и закусками, желающие могли отдохнуть и подкрепиться. А слуги отсюда разносили Угощения на столиках по другим помещениям.

Пока дамы и кавалеры танцевали и играли, Петр Григорьевич наблюдал за тем, как идет сервировка

шести столов. Середину каждого стола украсили десертом — выложенными разными фигурами конфетами, а также ананасами, лимонами, померанцами и иными фруктами. В полночь подача блюд на стол завершилась, и часть публики пригласили отведать вечернее кушанье. Другая часть по-прежнему забавлялась в танцевальной зале или в игровых комнатах. Через некоторое время место первых занимали вторые. И так все «онные столы людьми не перемежались до самого утра, часов до девяти, до которого времени как танцы, так и игры продолжались*». Так как большинство лондонских аристократок явились во дворец не только ради развлечения, но и чтобы себя показать, то во время праздника состоялся неофициальный конкурс на звание первой леди бала. Победительницей «в персональной красоте, в богатстве и во вкусе одевания*» участники торжества, в том числе и П. Г. Чернышев, признали графиню Ярмутскую. Но, безусловно, главной изюминкой фестейна стал приезд в Сомерсет-хаус королевской семьи. Хозяин увеселительного мероприятия докладывал в Петербург: «...король сам августейшею своею особою и со всею своею высочайшею фамилиею на оном быть изволил, а имянно с Их Королевскими Высочествами вдовствующей принцессою Валлийскою, принцем Валлийским, герцогом Кумберланд-ским, принцем Эдвардом и принцессами Амелею, Августою и Елизаветою. И прозабався наивеселейшим образом близ пяти часов времени, высочайшая Его Величества фамилия не токмо... тут вся ужинать изволила за особливим к тому приготовленным столом, и на котором четыре перемены яств было, но и до стола, как и после, забавлялись играньем в карты и кости, а молодые государи и принцесы танцами до шести часов утра». Король с невесткой отдали должное организатору празднества, удостоив его большой чести. Супругу полномочного министра и старшую дочь Дарью пригласили за королевский стол. Принцесса Уэльсская, усаживаясь, позволила Петру Григорьевичу «кресла поставить» ей. Кроме того, посланнику довелось

<...большее время продолжения того стола, при нем быть, ибо во все оное Их Королевский Высочества с ним разговаривать изволили». Юный сын Чернышева и дворянин посольства князь А. М. Белосельский имели честь прислуживать членам королевской фамилии при подаче блюд. Кроме того, в самом начале праздника Дарье Петровне Чернышевой посчастливилось открыть бал в паре с принцем Уэльским. Покидая дворец, королевское семейство выразило большую признательность полномочному министру за устроенный им маскарад. По словам Георга II, «в память его такого великолепного и порядочного праздника в сей земле никем же не да[ва]лось».

Под утро довольные фестейном гости потихоньку разъехались. Петр Григорьевич продолжал заботиться о знатных особах и после того, как публика отправилась по домам: безопасность английских аристократов и дворян обеспечивали командированные в город дозоры и разъезды конной и пехотной гвардии — всего полторы тысячи гвардейцев. Главные улицы патрулировали всадники, а переулки — пехота".

Фестейн графа Чернышева и в самом деле выдался на славу. Отклики на него появились не только в британской прессе, но и в зарубежной печати. Ну и конечно, не могли о нем не сообщить «Санкт-Петербургские ведомости». С небольшим отчетом о взбудоражившем английскую столицу событии петербургские читатели могли ознакомиться 24 февраля 1755 года, раскрыв шестнадцатый номер российского официоза за текущий год. Впрочем, восхитивший всех праздник фактически подвел черту под первым, четырнадцатилетним периодом работы Чернышева за границей. Фестейн еще только готовился, а в Петербурге уже приняли решение вернуть русского

полномочного министра в Лондоне обратно в Россию, идя навстречу просьбе дипломата, которую тот высказал за два года до этого. В письме Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину из Лондона от 4 декабря 1752 года Петр Григорьевич просил канцлера ходатайствовать перед императрицей, чтобы она «соблаговолила... перевести меня в той же должности, в ко-

287

торой уже двенадцать лет быть честь имею, из сего места к которому-нибудь другому из дворов, и кой бы не столь токмо близ моря, як сей, находился»²³. И вот пожелание министра отчасти было, наконец, удовлетворено, а на вакантное место императрица назначила Александра Михайловича Голицына.

20 марта Елизавета Петровна подписала соответствующий указ. 24 марта Бестужев-Рюмин сообщил Чернышеву, что отсылает ему все необходимые для отзыва грамоты, и поздравил графа с возвращением на родину, «яко с желанием вашим сходственным». 18 апреля полномочный министр получил отправленные ему документы и стал готовиться к отъезду²⁴.

Вечером 2 мая А. М. Голицын приехал в Лондон. П. Г. Чернышев представил князя королевской фамилии (сам Георг II в апреле поспешил открыть летний сезон в родном Ганновере), познакомил с премьер-министром герцогом Нькжастелем и членами его кабинета. В начале июня он сдал преемнику все дела, в том числе секретный архив, и 17 (28) июня покинул Лондон, взяв курс на Дувр, Кале, Брюссель и далее до Ганновера, где английский король встретился с дипломатом на отпускной аудиенции²⁵. Из Германии путь лежал в Россию. В Риге Чернышев разлучился с расхворавшейся семьей и один отправился в Петербург. 12 октября он пересек городскую черту²⁶ и уже 13-го числа был замечен пажом императрицы А. Бутаковым в анфиладах Летнего дворца.

Глава 12

В Академии наук

24. *Куплена книга тисьменная: "Житие государя Петра Великого и похождения его". Дано 1 р. 50 к.*

Где именно Алексей Бутаков приобрел этот редкий экземпляр, неизвестно. Возможно, рукописную биографию царя-реформатора ему продал некий хо-

288

роший знакомый, близкий к академическому ученому кругу, или какой-нибудь торговец в будничной суете Гостиного двора и Морского рынка. Вариант аукциона маловероятен. Судя по «Санкт-Петербургским ведомостям», в тот день никто (даже господа Василий Елизарьевич Ольхин, Ганс Генрих Сутов и Христиан Николаевич Миллер — самые активные аукционисты елизаветинского времени) соответствующего мероприятия по продаже имущества не проводил. Наконец, не стоит забывать о главных пунктах торговли разного рода литературой — государственных книжных лавках.

В Петербурге той поры их было немного. Причем все они размещались по тому же адресу, что и типографии, обеспечивавшие их собственной продукцией. За печатным листом с новым указом или сборником законов следовало обращаться в книжную лавку при сенатской типографии (предположительно, в первом корпусе здания Двенадцати коллегий, возле берега Невы). Типографы Морского кадетского корпуса поставляли в лавку своего учебного заведения (Васильевский остров, по набережной от Стрелки второй дом от особняка Г. И. Головкина) в основном книги по математике и навигации. Их ближайшие соседи — кадеты Сухопутного шляхетского корпуса — обзавелись печатным станом лишь в 1757 году¹.

Однако перечисленные торговые точки играли в жизни Петербурга довольно скромную роль. Потому что всех конкурентов затмил первый книжный магазин

столицы — книжная палата Академии наук. Она располагалась на первом этаже дворца Прасковьи Федоровны, непосредственно под двумя залами академической Конференции. Здесь ожидали своего покупателя книги по всем отраслям науки и культуры на русском, французском, английском, немецком и ряде других языком. То, что издавалось в Петербургской академии, как правило, продавалось без переплета. Переплет по желанию клиента производился позднее и за отдельную плату. Кстати, частные переплетчики тоже занимались распространением печатного товара.

289

Ну что ж, заглянем в академическую палату и посмотрим, каким ассортиментом порадуют нас ее заведующий комиссар С. Зборомирский и три его помощника. Мимо одетой в леса на период восстановления Кунсткамеры (Библиотека и музей после пожара 5 декабря 1747 года переехали на противоположную сторону Стрелки Васильевского острова, в дом Демидова, примыкавший к дворцу Строгановых — первому зданию за помостом иллюминационного театра; на третьем и первом этаже обосновалась библиотека, на втором — музей) пройдем к бывшему дворцу родственницы царя-реформатора и через западное крыльцо поднимемся в сени, а оттуда повернем в небольшой зал налево. За ним зал попросторнее. Это и есть книжная лавка, где литература отечественная и импортная продаются отдельно. Книги, портреты и ландкарты расставлены и уложены по полкам по алфавиту в строгом соответствии с порядком, обозначенным в ежегодно издаваемых каталогах². Поздней осенью 1755 года в академической книжной лавке, как обычно, найдется, на что обратить внимание. Правда, посетители сюда наведываются не часто. Да и книги повышенного спроса появляются в продаже изредка. Тиражи невеликие — от трехсот до полутора тысяч экземпляров, которые расходятся годами, иногда десятилетиями. Вот лежат азбуки — латинская, немецкая, французская — ценою всего десять копеек. Рядом труд Вобана «Об атаке и обороне крепостей» двух видов — на простой бумаге (3 рубля 50 копеек) и александрийской (4 рубля). Чуть поодаль — «Записки, служащие к истории о приращении астрономии, географии и физики» на французском языке Ж. Н. Делиля, в прошлом профессора Петербургской академии. Они изданы в 1740 году и стоят всего рубль. Также до сих пор не проданы экземпляры «Палат Санкт-Петербургской императорской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры», изданные по инициативе И. Д. Шумахера в 1743 году на русском, немецком и латинском языках. За них просят по 50 и 60 копеек в зависимости от ка-

290

чества бумаги. А вот работа наперсника Кириллы Григорьевича Разумовского Г. Н. Теплова «Знания, касающиеся вообще до философии» за 60 копеек. Тут же масса календарей — обыкновенных и придворных, на русском и немецком языках. Это самый ходовой товар. И цена приемлемая — 10 копеек.

Отдельно от книг выставлены гравюры. Покупка изображений Петра Великого или его царствующей дочери обойдется в один рубль. Столько же заплатят те, кому захочется приобрести картины петровских баталий — Полтавской, Гангутской, у Переволочны или при Лесной. Продаются здесь и схемы других знаменитых побед русской армии: при Ставучанах 17 августа 1739 года — за 25 копеек; под Вильманд-страндом 23 августа 1741 года — за 10 копеек. План «императорского столичного города Москвы» оценен в 30 копеек, Санкт-Петербурга — в 25 копеек. А прославленный альбом М. Махаева 1753 года, «состоящей из 9 карт с проспектами», по карману лишь богатым покупателям. За него нужно выложить 10 рублей. Правда, если брать альбом «без проспектов», то цена существенно ниже — всего три рубля.

Имеется в лавке и официоз: указы императоров, Правительствующих Сената и Синода, «обстоятельные описания коронаций». Сборник указов императрицы

Екатерины I и императора Петра II отпечатан в 1744 году. Предлагается всем желающим за 2 рубля 55 копеек. Чтобы узнать детали коронации Анны Иоанновны в апреле 1730 года, надо раскошелиться на 3 рубля. За аналогичное описание венчания на царство Елизаветы Петровны требуют больше — 7,5 или 8,5 рубля, в зависимости от типа бумаги.

Но вернемся к книгам. Если в Париже произведения вождя партии философов — господина Вольтера — пробиваются к читателю с боем, то в Петербурге они всякому доступны. Были бы деньги. И, пожалуйста, можете наслаждаться амстердамским изданием 1753 года трагедий «Семирамида» («La Tragedie de Semiramis») за 25 копеек или «Спасенный Рим» («Rome Sauvee») за 30. Не желаете пьесу?! Имеются Два тома «Века Людовика XIV» («Histoire du Siecle de

291

Louis XIV») за 1 рубль 50 копеек. Не интересуется история? К вашим услугам две великолепные философские повести: «Задиг» («Zadig») — поразительная сказка в восточном стиле о странных, порой невероятных поворотах человеческой судьбы, и «Микромегас» («Le Micromegas») — изложение при помощи фантастического сюжета идей И. Ньютона и Д. Лок-ка. Первая отпечатана во Фрибурге в 1753 году (стоимость 30 копеек), вторая в том же году в Берлине (цена — 40 копеек).

Если же книголюб не в ладах с французским языком, то, благодаря переводу русского дипломата и поэта А. Кантемира, он может ознакомиться с общими положениями ньютоновской механики, взяв в руки «Разговоры о множестве миров» секретаря французской Академии наук Б. Фонтенеля. Занимательные беседы автора с некой маркизой на фоне ночного неба о природе звезд, их орбитах и законах движения планет изданы Петербургской академией наук в 1740 году, и, хотя продаются за 50 копеек, своего читателя находят достаточно медленно, что, в общем-то, понятно.

Публика главным образом увлекается романами на манер выпущенных в 1754—1755 годах первых четырех частей «Похождений Жиля Блаза» (по рублю за две части), или поучительными примерами из античности — «Житиями славных генералов» Корнелия Непота (1748 год издания, 55 копеек), двумя томами Квинта Курция «О делах Александра Македонского» (издан в 1750 году; 1-й том — 1 рубль 20 копеек; 2-й том — 80 копеек) или четырехтомником «Древней истории» Ш. Роллена (перевод В. Тредиаковского; за каждый том просят по 1 рублю 50 копеек).

Поклонники Мельпомены во время визита в книжную лавку, думается, с удовольствием пролистают тоненькое либретто нашедшей в этом сезоне оперы «Цефал и Прокрис» (10 копеек) на русском или французском языке. Для почитателей трагедии припасены творения господина Сумарокова — «Си-нав и Трувор» 1751 года издания стоимостью в 20 копеек, и господина Ломоносова — «Демофонт» 1752 года издания ценою в 25 копеек. Кроме того, тут же

292

продается за 45 копеек и отпечатанное в академической типографии годом ранее «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе» Михаила Васильевича³. Поэзии в сборнике больше, чем прозы: на одно похвальное слово в честь императрицы Елизаветы Петровны и девятнадцать лаконичных похвальных надписей — десять похвальных од и столько же духовных. Но Ломоносов не просто поэт. Он ученый. И поэзия его — поэзия научная. Это наглядно демонстрируют строки, посвященные Солнцу, из девятой духовной оды — «Утреннего размышления о Божием величии»: Когда бы смертным толь высоко Возможно было возлететь, Чтоб к солнцу бrenно наше око Могло, приближившись, возреть, Тогда б со всех открылся стран Горящий вечно Океан. Там огненны валы стремятся И не находят берегов, Там вихри пламенны крутятся, Борющиеся множество веков; Там камни, как вода, кипят, Горящи там дожди шумят.

Эти стихи написаны летом 1743 года. Видимо, два месяца заключения, проведенные

автором в неуютной академической тюремной камере, не прошли даром. Чувствуется, что узник о многом передумал и многое переосмыслил. Иначе б не вышли из-под его пера в те же дни такие строки:

О Боже, что есть человек? Что ты ему себя являешь, И так его ты считаешь, Которого толь краток век. Он утро, вечер, ночь и день Во тщетных помыслах проводит, И так вся жизнь его проходит Подобно, как пустая тень⁴.

Впрочем, полгода под арестом несколько не изменили и не смягчили воинственного характера Ломоносова. Будущий первый русский профессор, первый придворный поэт, друг Ивана Шувалова и гений мировой науки, как и прежде, двигался к намеченной Цели напролом, не считаясь ни с чем и ни с кем.

293

Вечером 26 сентября 1742 года академический садовник Иоганн Штурм у себя на квартире в Боновом доме принимал гостей. Веселая компания так увлеклась застольем и разговорами, что не сразу обратила внимание на возникший на исходе восьмого часа шум в сенях. Только когда дверь в гостиную распахнулась и на пороге появился здоровяк-сосед, а за его спиной заплаканная служанка Прасковья Васильевна Арлухова с подбитым правым глазом, разорванным воротом рубахи и окровавленным правым ухом, собравшиеся немцы поняли, что известный на всю округу хам и скандалист намерен испортить им праздник. Они не ошиблись.

Нахал, ввалившийся в комнату, оказался не кем иным, как адъюнктом Петербургской академии наук Михаилом Васильевичем Ломоносовым. Посмотрев на всех недобрый взглядом, он заявил хозяину, что тот собрал у себя нечестивцев, которые не постеснялись украсть у него епанчу. На это лекарь Ингерман-ландского полка Брашке заметил вошедшему, что ему не надлежит честным людям говорить таких непотребных речей. Закончить свою речь доктор не успел. Оппонент, не долго думая, съездил ему кулаком по лицу, а затем подхватил стоявший рядом «болван», на который вешают парики, и начал бить оным всех, кто попадался под горячую руку, крикнув слуге, бывшему с ним, чтобы тот действовал аналогичным образом.

Иоганн Штурм иллюзиями себя не тешил. Зная, что с крепышом-соседом тягаться бесполезно, он, не мешкая, выпрыгнул в окно и побежал к ближайшему пикету за помощью. Однако канцелярист камер-кон-торы Лифляндских и Эстляндских дел Иоганн До-нарт опередил садовника, первым отыскал караульных солдат у дома статского советника Нащокина и пожаловался им на хулигана, устроившего в Боновом доме настоящее побоище. Когда караул добрался до места происшествия, баталия уже переместилась на улицу. Многие из гостей лежали ранеными. Среди них беременная на последних месяцах супруга

294

Штурма Ефросинья Ивановна (с синяками на лице, плечах и левой руке), ее отец, переводчик «немецкой камер-конторы» Иоганн Грове, и бухгалтер академической книжной лавки Прейсер.

Правда, досталось и Ломоносову. Кто-то из гостей сумел-таки осадить грубияна, разбившего зеркало, изуродовавшего шпагою дверь и обозвавшего жену Штурма «курвою». Чей-то обнаженный клинок оставил у драчуна отметину на левой стороне брюха и рубец на правой ладони. Кроме того, Ломоносов в пылу боя повредил грудь, ушиб левое колено и заработал синяк под глазом. Тем не менее, когда солдат Иван Михайлов приказал адъюнкту сдать шпагу, тот отхлестал караульного по щеке и принялся снова вынимать шпагу из ножен. Но его вовремя остановили, скрутили, а потом отвели на съезжую, откуда капитан Иван Матюнин отвез бузотера в вышестоящую инстанцию. 28 сентября глава столичной полиции отправил Ломоносова под конвоем для разбирательства в канцелярию Академии наук, откуда к неопишуемому изумлению пострадавшего садовника адъюнкта отпустили домой.

Завидев по дороге Ефросинью Штурм, член академической Конференции опять обругал ее и пригрозил отомстить за позавчерашнее. Ломоносов нисколько не опасался, что ему придется отвечать за все безобразия, ибо не сомневался в том, что благосклонный к нему Иван Данилович Шумахер и на сей раз прикроет его⁵.

И он не ошибся. Хотя глава академической канцелярии хорошо знал, что Михаил Ломоносов — человек дурной и заслуживает примерного наказания, устраивать суд над ним он не собирался. Более того, 30 сентября Шумахер послал к дебоширу канцеляриста Петра Брызгалова с приглашением прийти ради какой-то надобности в канцелярию. А когда адъюнкт пренебрег вызовом, одновременно попросив «благородного советника» направить к нему для осмотра ран лекаря, Иван Данилович незамедлительно выполнил пожелание «больного» и откомандировал в Бонов дом господина Вильде⁶. Подобная предупредительность по отношению к русскому выскочке

295

Шумахера, не церемонившегося порой с именитыми профессорами, удивляла многих. Мало кто из сослуживцев влиятельного чиновника догадывался, что тот имеет весьма серьезные причины для этого.

Та знаменательная встреча произошла в первые дни нового 1736 года, когда отставной прапорщик Василий Попов приехал в Петербург с двенадцатью питомцами московской Заиконоспасской школы. Большого впечатления никто из «студиезов» на президента Академии и его заместителя не произвел, в том числе и выделявшийся на общем фоне высокий юноша крепкого телосложения. Корф и Шумахер настолько низко оценили способности новичков, что в доношении Сенату⁷ 22 января не преминули заметить: ежели на них «суммы отпущено не будет, то б оных учеников, куда надлежит, возвратно повелено было б отослать». Однако деньги нашлись, и москвичи приступили к занятиям. А вскоре господин советник канцелярии обнаружил, что слишком рано записал в болваны молодых людей. По крайней мере, того самого крепко сбитого парня из-под Архангельска. Сей великан проявил неподдельный интерес к знаниям, быстро вникал в суть предмета и все свое время — свободное от пьяных кутежей — отдавал лекциям и книгам.

Одним словом, студента Михаилу Ломоносова природа вознаградила на редкость светлой головой. Поэтому Иван Данилович внимательно присмотрелся к нему и в какой-то момент понял: сей юноша вполне способен стать настоящим русским ученым, возможно даже выдающимся. Но без поддержки извне это наверняка не случится. У Ломоносова слишком взбалмошный характер. Ему ничего не стоило по любому поводу обматерить человека или ударить кулаком в лицо. Правда, школьные товарищи помора кротким нравом тоже не отличались. Зато и талантами не блистали. А Ломоносов обладал усидчивостью, целеустремленностью и пытливым умом. Жаль, если какая-нибудь шалость испортит ему жизнь... Воз-

296

можно, именно так рассуждал советник академической канцелярии, когда в феврале 1736 года принял для себя очень важное решение: помочь этому неотесанному, но подающему надежды мужику выбиться в русские профессора.

С реализацией задуманного Шумахер затягивать не стал. В те дни руководству Академии наук как раз предстояло назвать имена нескольких студентов, которых следовало отправить во Фрейберг к бергфизики-ку Иоганну Фридриху Генкелю учиться на «в горном деле сведущаго химика». И хотя, по мнению саксонца, сделать из одного человека и хорошего химика, и искусного металлурга — задача трудновыполнимая, а без знания немецкого и латинского языков — просто нереальная, президент и канцелярия Академии 5 марта 1736 года внесли на утверждение Кабинета Ее

Императорского Величества трех претендентов — Ломоносова, Виноградова и Райзера. Из них первые двое вполне могли быть отвергнуты министрами. Ведь немецким они совсем не владели, да и в Академию их зачислили всего два месяца назад переводом из московской елавяно-греко-латинской семинарии, где, как известно, ничего связанного с химией, а тем более с металлургией, не преподавали. К счастью, 13 марта Кабинет одобрил список без возражений. Вряд ли решающую роль при этом сыграло малоубедительное заверение в том, что москвичи «в бытность свою здесь чрез три месяца столько научиться могут» немецкому языку, «сколько им надобно» (на самом деле Ломоносову и Виноградову потребовалось на это более года). Похоже, Остерман, Ягужинский и Черкасский целиком доверились авторитету И. А. Корфа и И. Д. Шумахера. А потому согласились не только с кандидатами, но и с размером общего денежного содержания — 1200 рублей в год.

Выделенной суммой советник канцелярии распорядился весьма толково. Трем студентам на руки решено было выдавать 900 рублей (по 300 каждому), а остаток — 300 рублей — оставлять в Академии. Наверное, Шумахер предвидел, что его подопечные в Марбурге не утерпят, пустятся во все тяжкие и, есте-

297

ственно, влезут в долги. Так оно и случилось. И если бы не созданный резервный фонд, россиянам грозили большие неприятности. Академик Гольдбах 29 мая 1739 года настаивал передать вопрос о долгах Ломоносова, Райзера и Виноградова на рассмотрение Кабинета императрицы. Лишь твердая позиция Корфа и Шумахера в защиту провинившихся предотвратила скандал⁷.

Кстати, о Марбурге. Первоначально Марбургский университет в программе подготовки «ученых горных офицеров» не значился. Приоритетным считалось изучение «подземной геометрии, пробоваль-ной, рудокопной и плавильной наук». Необходимые практические навыки в химии предполагалось получить в последующей поездке по химическим лабораториям Англии, Голландии или Франции. Однако не-утомимый отец Г. В. Райзера, вице-президент Берг-коллегии, 28 марта 1736 года предложил Академии расширить перечень изучаемых предметов за счет механики, физики и физической географии. Шумахер тут же подхватил и развил поданную идею: а почему бы трем студентам не прослушать общетеоретический курс химии и физики в Марбурге у прославленного профессора Вольфа?! Винцент Райзер воспринял эту инициативу на ура. 19 июня он написал Шумахеру: «Я весьма одобряю предложение отправить молодых людей предварительно в Марбург. Ведь так как они должны сделаться не простыми лишь пробирерами и рудокопами, а учеными химиками и металлургами, то почти необходимо, чтобы они сначала несколько освоились с философскими, математическими и словесными науками... Почтенный друг мой, по своему собственному разумению, лучше всего сам сделает обо всем этом представление, куда следует»⁸.

Корф поддержал проект Шумахера. В итоге смысл и значение заграничной командировки трех студентов кардинально изменились. На первый план выдвинулись теоретическая химия, теоретическая физика, логика, экспериментальная физика, метафизика, механика. Все то, без чего нельзя обойтись, если

298

Академия желает заполучить настоящего ученого в области химии и физики. Если же заказчик более заинтересован в специалисте по металлам, то Марбург совершенно не нужен: школы Генкеля и турне по химическим лабораториям соседних государств вполне достаточно. По-видимому, Шумахер не случайно так сильно подкорректировал маршрут Ломоносова, Райзера и Виноградова. Благодаря этому он параллельно решил сразу две задачи. Ломоносов у Вольфа получил полное представление о состоянии

химии и физики начала века, а с помощью Генкеля стал неплохо разбираться в горном деле. И, напротив, Райзер и Виноградов во Фрейберге досконально изучили маркшейдерскую науку, сумев приобрести в Марбурге тот минимум сведений о химии, который им надлежало почерпнуть в лабораториях Англии, Голландии или Франции.

В общем, события развивались по заранее намеченному Шумахером сценарию. Сомнения в правильности замысла окончательно отпали, когда и Вольф, и Генкель прислали великолепные отзывы о тхчантливом поморе: «У г. Ломоносова, по-видимому, самая светлая голова... При хорошем прилежании он мог бы и научиться многому, выказывая большую охоту и желание учиться...» Это Вольф. А вот Генкель: «...у него светлая голова и... он оказывает успехи в изучении металлургии»⁹. Казалось, все идет, как надо. Остается лишь дожидаться возвращения студента в Петербург, и Россия наконец-то обзаведется первым отечественным профессором. Увы! Организаторы зарубежной командировки упустили одну существенную деталь — чрезвычайно скверный характер Уроженца Холмогор.

Судя по всему, зимой — летом 1736 года переполненный впечатлениями Ломоносов не успел продемонстрировать все, на что способен. Пребывание в Марбурге тоже ничего не выявило. Во-первых, там он был увлечен лекциями Вольфа и Дуйзинга. Во-вторых, деликатный проректор университета, опасаясь за судьбу ученика, не торопился извещать Академию о некоторых его постыдных выходках. Поэтому

ни о чем не подозревавшие Шумахер и Корф не смогли вовремя отозвать Ломоносова на родину (ориентировочно в ноябре-декабре 1739 года). А когда глава канцелярии с огромным опозданием спохватился — 30 июля 1740 года после прочтения бесстрастного письма Генкеля от 9 (20) июня, — студент уже почти три месяца бродил в поисках приключений по дорогам Германии.

Что же произошло? То, что и должно было произойти. Ломоносов быстро освоил азы металлургии, но углубляться дальше в эту науку не захотел. Естественно, и лекции Генкеля, и опасные экскурсии по рудникам стали ему в тягость. Вскоре недовольство переросло в раздражение, которое в январе 1740 года вырвалось наружу. Однажды любимец берг-физи-ка закапризничал: отказался толочь сулему! Учитель попытался образумить ученика: мол, истинному мастеру не стоит чураться грязной работы; ведь и солдат — не солдат, если не понюхал порошу. Однако Ломоносову, недостаточно хорошо понимавшему немецкий язык, почудилось, что Генкель пригрозил отдать его в солдаты. Тут уж он не стерпел. Обругав педагога, отправился в свою комнату, находившуюся рядом с квартирой преподавателя, принялся шуметь, орать и стучать в перегородку. Затем не поленился выглянуть в окно и крикнуть на всю улицу: «Hunng fuit!» Днем Ломоносов ушел в город, напился в кабаке и пожаловался всем знакомым на Генкеля, стараясь при этом настроить против учителя добрых его приятелей и уверяя, будто тот «дурно о них отзывался». А вернувшись в десять часов вечера, прежде чем запереться у себя, громко обматерил бергфизика.

Хотя четыре дня спустя Ломоносов и Генкель помирились, былая взаимная симпатия улетучилась. Генкель попросил беспокойного соседа выбрать себе другое место жительства и более не прощал финансовой расточительности ученика, сократив ему на время погашения долгов размер выдаваемой наличной суммы с десяти до трех талеров в месяц в марте и до четырех в феврале 1740 года. Правда, в апреле

«жалованье» строптивного студента возросло до семи талеров. Однако Ломоносову безденежье настолько надоело, что он подбил товарищей потребовать от Генкеля выплаты им всей положенной суммы. Генкель, конечно, ответил отказом. Тогда

Михайло пригрозил берг-физику жалобой в Петербург. И у того сдали нервы. Педагог вспылил и собственноручно выставил наглеца за дверь¹⁰.

Б тот же день Ломоносов покинул Фрейберг и пропал на полгода. Шумахер не терял надежды отыскать его, возможно, уже слабо веря в успех затеянного четыре года назад дела. Однако судьба оказалась благосклонна и к нему, и к Ломоносову. Почти одновременно с петербургского почтамта в Академию принесли два письма. В первом, от 20 (31) октября 1740 года, Генкель сообщил советнику, что исчезнувший студент объявился в Марбурге. Второе, от 5 (16) ноября 1740 года, прислал непосредственно долго скитавшийся по Европе <-фрейбергский ученик>. Последнее послание наверняка неприятно поразило Ивана Даниловича. Ломоносов без зазрения совести вылил ушаты грязи на своего учителя, не удостоив ни одним добрым словом человека, столь высоко отзывавшегося о нем даже после случившейся ссоры. Гонитель злой, алчный, лукавый и завистливый, ворующий у студентов деньги, да к тому же и мнимый ученый: «Горному же искусству гораздо лучше можно обучиться у любого штейгера, который всю жизнь свою в рудниках проводит, нежели у него...». Таким изобразил Ломоносов человека, к которому еще год назад относился с огромным уважением и которого никогда не забывал проводить до дому, чтобы побеседовать по дороге¹¹.

Бесспорно, Шумахер имел все основания тут же поставить крест на судьбе человека, не обладавшего внутренним благородством и фактически оклеветавшего Генкеля. Ломоносов понимал это. Оттого так плакался и заискивал перед советником в отправленном из Марбурга письме, очевидно, предвидя заслуженное им «дальнейшее несчастье». Между тем кляуза беглеца помогла главе академической канцелярии

301

осознать главное: персону, которую он намерен возвысить, способна при случае отплатить ему такой же черной неблагодарностью, какой был вознагражден Генкель. Так что Шумахер сильно рисковал, продолжая покровительствовать Ломоносову. Да, непростой выбор встал перед советником зимой 1741 года: либо прийти на помощь гениальному русскому самородку не без риска для себя, либо подвергнуть студента суровой каре и тем самым закрыть ему путь в науку.

К 28 февраля Шумахер окончательное решение принял. В Германию отправилось вежливое предписание канцелярии о немедленном возвращении Ломоносова в Россию. К предписанию прилагался вексель на сто рублей. При этом Шумахер попросил профессора Вольфа, жившего тогда в Галле, помочь скитальцу с отъездом домой. 8 июня 1741 года Ми-хайло Ломоносов, «сильно* обнадуженный Шумахером и Вольфом «в отношении» своего академического будущего, вернулся в Петербург и направился на Васильевский остров, чтобы доложить о себе в канцелярии. Как и было обещано, руководство Академии не наложило на скандалиста ни выговора, ни штрафа. Наоборот, ему немедленно выделили трехкомнатную квартиру в доме генерала Бона, «во второй линии, за малою прешпективок» (ныне дом 42 во 2-й линии), где жил профессор Амман, а с августа начали выдавать из средств книжной лавки (причем наличными, а не книгами, как обычно!) единовременные денежные пособия (от 6 до 20 рублей).

Что касается науки, то и здесь все складывалось очень хорошо. 13 июня Шумахер поручил профессору ботаники Иоганну Амману — собственному зятю — взять шефство над студентом и «руководить его занятиями, с тем, чтобы с ним поскорее можно было дойти до предположенной цели». Говоря точнее, Амману предстояло опекать Ломоносова во время его работы над диссертацией на соискание звания адъюнкта.

События развивались относительно быстро. Не мешкая, соискатель засел за сочинение

специменов.

302

24 августа он представил два специмена, то есть диссертации, на суд академической Конференции. Только 9 октября профессор физики Крафт приступил к чтению первой работы. 12 октября подошла очередь второй. С ней, более объемной, господин Крафт промучился целый месяц и дочитал до конца 13 ноября. Но уже 11 ноября Михаил Ломоносов от имени нескольких студентов обратился к академикам с просьбой дать оценку всем диссертациям. Ответа не последовало. Тогда 17 ноября вмешался Шумахер, настояв на том, «чтобы Конференция высказала свое мнение на счет представленных и читанных диссертаций студентов Теплова и Ломоносова, так как это и для него, и для студентов очень важно, чтобы сделать за тем свои распоряжения». 20 ноября Конференция удовлетворила просьбу советника, предложив соискателю пройти экзамен¹². По-видимому, в декабре таковой состоялся, после чего к делу подключилась канцелярия.

Сразу же после новогодних торжеств Шумахер оформил все необходимые бумаги. Это оказалось не так-то просто, ибо чиновнику пришлось дважды — 4 и 5 января — напоминать конференц-секретарю Винсгейму о подаче выдержки из протоколов Академического собрания с оценкой специменов Ломоносова и Теплова. Наконец 8 января 1742 года на соответствующей челобитной Михаила Васильевича появилась следующая резолюция: «Понеже сей проситель, студент Михаила Ломоносов специмен своей науки еще в июле месяце прошлого 1741 году в Конференцию подал, которой от всех профессоров оной Конференции так апробован, что сей специмен и в печать произвести можно; к тому ж покойной профессор Амман ево Ломоносова Канцелярии рекомендовал; к тому ж оной Ломоносов в переводах с немецкаго и латинскаго языков на российскую язык довольно трудился, а жалованья и места поныне ему не определено, то до дальнаго указа из Правительств-вующаго Сената и нарочнаго Академии определения быть ему, Ломоносову, адъюнктом физического класса... Генваря 8 дня 1742 года. И. Шумахер*¹³.

303

Стремительное преодоление первой планки позволяло Ломоносову надеяться на столь же быстрое достижение главной цели — профессорского звания. Однако неожиданно произошла заминка, «Сношения» Канцелярии с академиками о порядке допуска новых адъюнктов в Конференцию на целых три месяца оттянули официальное вступление в должность Ломоносова и Теплова. 14 мая 1742 года в академическом собрании обнародовали, наконец, решение Шумахера. С этого дня адъюнкты получили право присутствовать на заседаниях Конференции и участвовать в ее работе. Через две недели, 31 мая Ломоносов предъявил господам академикам новую диссертацию, которую они пообещали рассмотреть в установленные сроки¹⁴. Все шло как нельзя лучше. Михаил Васильевич, чувствуя поддержку Шумахера, уверенно смотрел в будущее, а потому несколько расслабился и в свободное от занятий наукой время принялся снова злоупотреблять алкоголем и безобразничать. Ему все сходило с рук, благодаря протекции советника. Правда, сам Иван Данилович не слишком пристально надзирал за «фаворитом». Иные более важные проблемы, чем поведение Ломоносова, волновали его. С весны 1742 года Шумахер готовился к серьезному поединку с профессором Де-лилем за лидерство, а значит, и за власть, в Академии. Выдающийся французский астроном Жозеф Ни-коля Делиль с женой и младшим братом Луи Делилем де ла Кройером приехал в Россию по приглашению Петра Великого с существенным опозданием — в феврале 1726 года. В Петербурге тридцатисемилетний ученый возглавил астрономическую обсерваторию российской Академии наук, которая располагалась в куполообразной башне Кунсткамеры. Здесь

француз проводил дни и ночи, наблюдая за звездным небом, передвижениями планет и разными геофизическими и астрономическими явлениями. Итоги наблюдений он тщательно фиксировал в журналах и наиболее важные и интересные из них публиковал в печа-

304

ти — в «Санкт-Петербургских ведомостях» и «Примечаниях» к ним. Кроме того, Делиль по предложению первого президента Академии Л. Блюментроста с энтузиазмом взялся за составление генеральной карты России, для чего ему в пользование 30 декабря 1726 года были переданы все ландкарты российских земель. Первые пять-шесть лет работы в Петербурге оказались самыми безоблачными. Делиль встречал со стороны коллег и руководства Академии полное взаимопонимание и платил им тем же. Однако затем идиллии пришел конец. Астроном неожиданно прекратил знакомить Конференцию с результатами астрономических наблюдений академической обсерватории, продолжая информировать об успехах зарубежных корреспондентов. Потом вдруг обнаружилось, что за минувшие годы создание генеральной карты России совсем не тронулось с места. Ученый выдвигал все новые и новые идеи, но реализовывать их не спешил. А вскоре разразился скандал. В Париже аббат Дюгалд отпечатал секретную карту В. Беринга — плод нелегких морских поисков 1-й Камчатской экспедиции. Подозрение пало на Делиля. Немедленно вспомнили об антироссийском пасквиле Локателли, в котором почему-то только о Делиле автор, подружившийся в Петербурге с соотечественником, отзывался с похвалой. Когда президент Корф доложил обо всем императрице, Анна Иоанновна велела взять под контроль картографические занятия француза. 30 июня 1735 года Корф распорядился образовать Географический департамент. Присматривать за подозрительным профессором барон поручил академикам Ле Руа и Эйлеру.

Хотя прямого доказательства шпионской деятельности ученого добыть не удалось, и президент, и канцелярия изменили отношение к нему. Между Делилем — с одной стороны, Корфом и Шумахером — с другой возникло отчуждение. Профессору по-прежнему позволяли работать в обсерватории и с ландкартами, но глаз с него уже не спускали. И правильно делали, так как в августе 1731 и 1733 годов профессор астро-

305

номии, как написано в его французской биографии, умудрился тайно переправить к академику Онзамбре и морскому министру Морепа в Париж два ящика с картами России. После учреждения Географического департамента благоприятные условия для шпионской деятельности пресеклись (они вновь возникнут после ареста Шумахера, и в марте 1743 года три пакета с картами оперативно переправятся по дипломатическим каналам через Швецию во Францию). Это чрезвычайно раздражало Делиля, который безуспешно старался освободиться от надзора. С досады ученый начал конфликтовать с коллегами и руководством Академии. На справедливые замечания с их стороны реагировал очень болезненно, с особой обидой воспринимая выговоры президента, требовавшего ускорить составление генеральной карты России. Выслушав однажды очередное нарекание Корфа (в 1738 году), рассердился и перестал в отместку посещать заседания Конференции.

По-видимому, глава Академии с удовольствием дал бы расчет высокомерному французу, да тот возвращаться на родину не торопился. Больше того, весной 1736 года выписал себе из Лейпцига помощника — учителя философии Готфрида Гейнзиуса (не сумев уговорить Клина — профессора математики из Мейссена). Выбил ему звание экстраординарного профессора астрономии, оклад в 600 рублей и прочие льготы. Контракт с новым астрономом, приехавшим 31 августа в Петербург, заключили молниеносно: уже 1 сентября новичка зачислили в штат Академии.

Вместе с Гейнзиусом Делиль проработал три с половиной года. Он очень доверял заместителю. И не побоялся оставить на него обсерваторию, когда 1 марта 1740 года отправился в Сибирь «наблюдать течение Меркурия в Солнце*». В январе 1741 года экспедиция завершилась. Ученый вернулся в столицу и через несколько месяцев... повздорил с помощником. То ли увидев в нем опасного конкурента, то ли по иным причинам, «хозяин» башни в Кунсткамере решил воспрепятствовать занятиям Гейнзиуса в обсер-

306

ватории. Окончательный разрыв произошел 2 сентября 1741 года. Делиль, заглянувший после полудня в обсерваторию, обнаружил там Гейнзиуса, измеряющего линейкой стенной сектант. Француз приказал немцу прекратить измерения, ибо обнародование всех данных астрономических наблюдений — его прерогатива. Гейнзиус заявил, что подчиняется Академии, а не ему. Делиль вспылал, вырвал из рук компаньона лист с записями и линейку. Первый порвал, вторую сломал и бросил все на пол. В ответ Гейнзиус поднял обломки и кинул в лицо патрону. Академики, разобрав жалобы обоих, поддержали Гейнзиуса. От этого француз еще больше обозлился на них.

С каждым разом ученый все дальше и дальше загонял себя в угол. К концу 1741 года он фактически настроил против себя оба высших органа Академии — и Канцелярию, возглавляемую Шумахером, и Конференцию, где председательствовал конференц-секретарь Х. Гольдбах. 1 мая 1741 года Делиль предпринял очередную попытку установить монополию над картографической командой, предложив Кабинету отделить Географический департамент во главе с ним от Академии наук. Проект, естественно, отклонили¹⁵. И тогда у астронома возник дерзкий план: самому взять власть в Академии, чтобы навести в ней собственный порядок и заткнуть рот всем недругам, мешающим ему трудиться на благо науки и родной Франции. Цель № 1 — Шумахер. В его руках финансы и академическое имущество. Тот, кто владеет материальными ресурсами, вправе диктовать всем свои условия.

Три обстоятельства играли на руку заговорщику. 15 апреля 1741 года освободился пост президента Академии. Всесильный А. И. Остерман прельстил преемника Корфа К. фон Бреверна выгодной должностью в Кабинете. 18 марта 1742 года с Академией простился советник Гольдбах, которого Бреверн переманил к себе, уже в Коллегию иностранных дел. И главное, 25 ноября 1741 года дочь Петра Великого Елизавета Петровна вступила на отцовский трон. Столь благоприятной ситуацией грех было не вос-

307

пользоваться. Делиль придумал до гениальности простой план: натравить младший технический персонал Академии — большинство из них русские — на засевших в канцелярии и ученом собрании немцев. Надо подогреть зрелое подспудно недовольство россиян тем, что почти за двадцать лет ни один из представителей коренной нации не выбился в профессора. А знаменем возмущения станет петровский токарь Андрей Константинович Нартов. К нему новая императрица, возвращающая из ссылки и опалы всех птенцов гнезда Петрова, непременно прислушается и отдаст под суд Шумахера со товарищи. Уличить советника в какой-нибудь махинации нетрудно. На таком месте невозможно остаться чистеньким. Да и судьи в России не слишком пекутся о справедливости. Вместо Шумахера Канцелярию возглавит Нартов. Временно. Токарь — человек простодушный и недалекий. Толкового завхоза из него не получится. Значит, рано или поздно обязательно придется искать ему замену. Вот тут-то из тени мастера и появится Делиль — наилучший претендент и по авторитету, и по стажу на вакантный пост президента Академии.

Зимой 1742 года астроном принялся обхаживать Андрея Константиновича, о котором еще недавно отзывался весьма пренебрежительно, а через него и служивших при Академии соотечественников токаря. Сподвижник Петра клюнул на наживку. Ключули на нее и многие тем или иным образом обиженные Шумахером русские служители из второго эшелона — переводчики Иван Горлицкий и Никита Попов, канцелярист Дмитрий Греков, комиссар Михаил Камер и другие. Пробным камнем стали жалобы, поданные в Сенат Делилем и Нартовым 1 февраля, а единомышленниками механика 12 марта. Наспех состряпанные, полные голословных обвинений бумаги не произвели впечатления на членов петербургской сенатской канторы. Тогда мятежники стали готовиться к предстоящей акции более тщательно. В новую челобитную, вручить которую собирались непосредственно императрице, включали наиболее су-

308

щественные просчеты и промахи главы академической канцелярии. Однако отследить все факты правонарушений Шумахера и подкрепить их серьезной доказательной базой заговорщики не успели. Иван Данилович неожиданно нанес Делилю превентивный удар.

5 мая 1742 года студента Тобиаса Кенигсфелса, трудившегося в Географическом департаменте над сочинением генеральной карты России, взяли под стражу. Причина — саботаж и желание уклониться от выполнения важного государственного задания. Шумахер заподозрил ученика Делиля, сопровождавшего ученого в поездке по Сибири, в фальсификации доверенной ему части генкарты. Очень уж странно вел себя помощник. Поначалу работал с большой охотой. А потом вдруг сник и вскоре запросился в отставку. Не подучил ли его учитель?! По-видимому, советник задел конкурента за живое. Вокруг студента развернулась ожесточенная борьба. В ход пошли все связи и все влияние соперников. Наконец 26 мая сенатская кантора распорядилась: «Студента Кенигсфелса из-под аресту свободить->. Шумахер не подчинился. 2 июня он написал доклад с изложением всех известных ему провинностей Делиля и передал папку члену сенатской канторы Андрею Григорьевичу Щербинину. Щербинин заинтересовался документом и пригласил Шумахера вечером 3 июня в кантору для беседы. Но поздно. 4 июня в Академию принесли именной указ Елизаветы Петровны: «Кенигсфелса из-под караула свободить и к сочинению... о Сибири ландкарты в неволю не принуждать». Делать нечего. Шумахер отступил. Студента выпустили на свободу и 26 июля уволили из Академии¹⁶. Хотя Делиль и отстоял ученика, атака главы академической канцелярии выбила его из колеи и заставила задуматься. Что это? Случайность? Или советник осведомлен обо всем и пытается опередить? Точного ответа, кроме Шумахера, никто не знал. А потому заговорщики решили более не медлить. 2 августа 1742 года А. К. Нартов посетил сенатскую кантору,

309

где «доношением представлял, что при экспедиции лаборатории механических и инструментальных наук главной артиллерии и о протчих высочайших государственных для пользы отечества и интересов Ея Императорского Величества денежной казны поданы от него в Правительствующий Сенат прозкты. И требовал, чтоб сво для исходатайствования по оным резолюции, також и для объявления в Москве ко артиллерии секретных дел отпустить, и при нем для вспоможения каманды ево канцеляриста Михаила Семенова с надлежащим пашпортом в Москву впредь на три месяца...». Руководство лабораторией на время отсутствия механик доверял профессору Делилю, переводчику Горлицкому и копиисту Ермолаеву. 13 августа кантора дозволила механику отлучиться¹⁷.

От Ивана Даниловича, действительно, не укрылись интриги профессора астрономии. В докладе от 2 июня советник предупреждая Сенат, что Делиль «с господином советником Нартовым, которого он всячески прежде поносил, обходится... ныне весьма дружно, в таком токмо намерении, чтоб при Академии произвести несогласия и замешательства, и на честных людей подать подозрение, что все в свое время окажется. Чего ради, надлежит почти думать, не подкуплен ли он от кого, чтоб Академию опровергнуть и тем причинить вред и безславие государству...». В частной корреспонденции чиновника звучат те же мысли. Письмо Штелину от 29 июля 1742 года: «Мне очень хорошо» известно «донесение, сделанное в Правительствующий Сенат г. г. Делилем и Нартовым. Я с удовольствием ожидаю, когда дойдет до меня дело, и сумею тогда раскрыть злостныя намерения этих людей. Оба они обманщики и дураки, за каковых слывут у всех, кто их знает...». Месяц спустя, 26 августа по тому же адресу отправлено очередное признание: «...г. советник Нартов получил из сенатской канторы паспорт на проезд в Москву, без сомнения, для подтверждения переданных Делилем

ЗЮ

пунктов и своих собственных клевет. Я не обращаю на то внимания, потому что у меня совесть чиста. Кроме некоторых негодяев, и большие, и малые, подтвердят, что намерение обоих клонится единственно к тому, чтобы разрушить Академию и извлечь пользу из ее разрушения»¹⁸.

Таким образом, позиции сторон определились. Делиль мечтает о главенстве в Академии, чтобы избавиться от опеки бюрократов, россияне жаждут очистить учреждение от немцев, Шумахер обещает защитить существующий порядок вещей. Как видим, страсти накалились до предела. А собственно, из-за чего? Что собой представляет академическая система, созданная по замыслу Петра Великого, вокруг которой разгорелся весь сыр-бор?

Структурно Академия состояла из двух независимых друг от друга частей — научной и бюрократической. Высшей инстанцией первой являлась Конференция — собрание академиков. Заседания проводились регулярно, дважды в неделю — по понедельникам и пятницам. На них господа профессора и адъюнкты заслушивали доклады коллег об успехах в научной работе, решали, кто, когда, кому и какие лекции должен читать, давали оценку работам студентов и адъюнктов, претендующих на ученые звания, и рассматривали множество иных вопросов, касающихся научной сферы. Вел протоколы и заведовал архивом Конференции конференц-секретарь — один из членов Собрания. После Х. Гольдбаха эту должность принял профессор астрономии Христиан Николай фон Винсгейм.

За финансы и имущество Академии, за кадровый состав технического персонала отвечал глава Канцелярии — И. Д. Шумахер. Именно ему выпала нелегкая доля так распоряжаться скудным академическим бюджетом (около 25 тысяч рублей ежегодных государственных ассигнований плюс доходы от продажи книг в книжной палате и эпизодические, хотя подчас и крупные, пожертвования от императрицы и других знатных лиц), чтобы и жалованье подчиненным выдать, и ученых обеспечить

311

нужными им инструментами и материалом, и поддержать сохранность богатых коллекций Минц-кабинета (золотая палата, аналог нынешнего Гохрана), этнографического музея и Библиотеки, и не сорвать работу мастерских (инструментальной, гравировальной, типографии и смежных с ними подразделений), а кроме того, заботиться о быте профессоров, адъюнктов, студентов и служителей Академии (квартиры, дрова, свечи).

В такой ситуации удовлетворить одновременно все запросы академиков, не ссорясь с

ними, — задача практически невыполнимая. К тому же не стоит забывать о нравах эпохи, не слишком джентльменских. Для улаживания подобных ссор и задумывался пост президента Академии — своего рода верховного третейского судьи. И не случайно все четыре президента первых двадцати лет существования Академии вышли не из среды ученых. Блюментрост — лейб-медик. Кайзерлиш; Корф и Бреверн — дипломаты. Все они, несмотря на образованность и дружеские связи в академическом мире, люди далекие от настоящей науки. Тем авторитетнее звучало в конфликтных ситуациях мнение незаинтересованного арбитра — президента¹⁹. Помимо финансов, коллекций и технического имущества, на балансе Канцелярии состояли несколько зданий, принадлежавших Академии. Главным считались возведенные на берегу Невы Кунсткамера и дворец Прасковьи Федоровны. Во дворце в центре на втором этаже, между двумя сенями, разместились Большой и малый залы профессорских Конференций. За малым залом — архив Конференции. Две комнаты через сени в западном крыле со стороны академического луга предназначались для лекций и занятий со студентами. Остальное пространство крыла — лаборатории для химических, физических и прочих опытов. С востока к Большому залу Конференции примыкало два покоя, отведенных под Географический департамент. Дальше — сени, а за ними Гравировальная палата с филиалами (Рисовальным и Фигурным). На первом этаже дворца, под комнатами Конференции расположилась Книжная

312

лавка, под Географическим департаментом — Словолитная мастерская, в восточной половине — инструментальное хозяйство А. К. Нартова, в западной — типография. Кунсткамера, в свою очередь, приютила Минц-кабинет, музей и Библиотеку. Музей занимал всю западную половину здания. На третьем этаже экспонировались творения рук человеческих из воска, ткани, дерева, металла и разные «курьозные вещи»; на втором — чучела животных и гербарии, а также восковая фигура Петра Великого и токарные станки царя-реформатора. На первом этаже Большой зал занимала коллекция голландца Рюйша. Соседние помеще- [шя — в сторону здания Двенадцати коллегий — отвели под Минц-кабинет, сокровищницу (окнами выходили на академический луг) и Минеральный кабинет (окна — на Неву). В кругообразном центре построили Анатомический театр высотой в два этажа. А над театром, на третьем этаже поставили Готторпский глобус. Еще выше, на трехъярусной башне в обсерватории работали астрономы.

В восточном крыле Кунсткамеры на втором этаже, по соседству с большим библиотечным залом корпели над бумагами сотрудники Канцелярии во главе с И. Шумахером. А в трех больших залах первого, второго и третьего этажей этой половины принимала читателей академическая Библиотека. Любой петербуржец мог посетить ее по понедельникам и пятницам с часа до четырех пополудни, а в остальные дни с девяти до двенадцати утра²⁰.

Как выглядело главное книжное собрание столицы? «В большом зале первого этажа помещалось 46 шкафов с книгами по истории, филологии, философии, церковной истории, географии, математике и другим наукам. На этом же этаже находилась и комната унтер-библиотекаря, в которой стояло 4 шкафа с каталогами (каталоги Библиотеки, каталоги Кунсткамеры, каталоги иностранных библиотек, периодика). В большом зале второго этажа размещались 22 шкафа с книгами по естественным наукам (анатомия, медицина, химия и т. д.), описания путешест-

313

вий, юридическая и церковная литература. Тут же была комната библиотекаря, в которой находились также 4 шкафа с иностранными рукописями. В большом зале третьего этажа помещались 22 шкафа с книгами по истории северных стран,

прикладному искусству, архитектуре, садоводству, военному делу, кораблестроению, механике, гидравлике и другим наукам. Здесь же находились картографические издания, книги на языках народов Азии, а также печатные и рукописные русские книги. В меньших по размеру комнатах 3-го этажа размещались фонды дублетных и некомплектных изданий, фонд книг и гравюр академической печати, фонд «заповедных книг», то есть изъятых... цензурой из обращения... Всего под книги было занято 94 шкафа. Из них под русской литературой — 7 шкафов: книги академической печати (1 шкаф), «книги прежней печати» (3 шкафа), рукописные книги (3 шкафа)...» При выдаче книг на руки в особом журнале фиксировались дата выдачи, название книги и фамилия лица, взявшего ее, рядом читатель ставил свою подпись. Возврат книги обозначался либо простым перечеркиванием подписи, либо соответствующей отметкой²¹.

Жили академики и служители в специально для этого купленных или арендованных домах. Большим общежитием технических сотрудников Академии был дворец Головкина. Тот самый, который позднее отдадут русскому театру под дирекцией А. Сумарокова. Для тех, кому не хватило места у Головкина, нанимали другие дворы — дом Эйлера в 10-й линии, например. Для академиков и адъюнктов, не имеющих собственного жилья, квартиры предоставлялись Академией. Так, в десяти жилых покоях дома генерала Бона «во второй линии, за малой прешпек-тивой» кров делили преемник Аммана, профессор ботаники Сигсзбек (5 комнат), садовник Штурм (2 комнаты и «кронштоспиц» сверху) и студент, с января 1742 года адъюнкт Ломоносов (3 комнаты). В той же престижной второй линии, «идучи от Невы* во дворе инспектора Мараксы поселился и сам И. Шумахер. С 1728 по 1741 год Академия нанимала, а 6 сентября

314

1741 года приобрела в собственность особняк с пятью комнатами, пятью погребями, конюшней на 4 стойла, с кухней и баней во дворе²².

Итак, обозрев огромное хозяйство, которым управлял Шумахер, попробуем выяснить, почему на него ополчились Делиль и Нартов с товарищами. Конкретные обвинения в воровстве и прочих злоупотреблениях служебным положением мы рассмотрим чуть позже. Сейчас важно установить главные, подлинные мотивы, побудившие профессора, механика и иже с ними восстать против главы Канцелярии. Если отбросить всю шелуху и демагогию, то окажется, что Делиль и россияне преследуют две разные цели.

Чего хочет Делиль? Избавиться как от финансовой, так и от политической опеки Шумахера, который не только подозревает в шпионаже самого француза, но ввиду нехватки средств частенько накладывает вето на проекты академиков и весьма внимательно смотрит за тем, чтобы ученые получали жалованье не за громкие имена, а за выполненное дело. В то же время у Делиля с академиками и верховным судьей — президентом — конфликт. Он объявил им бойкот, заседания игнорирует, с отчетами не знакомит. А узнав, что во время командировки в Сибирь у него отобрали Географический департамент с интересными для французского правительства картами, пуше прежнего обиделся на коллег.

Коллеги отвечали астроному тем же и в аттестате от 4 марта 1743 года, адресованном Следственной комиссии, написали: «Он ходил чрез долгое время в Конференции прилежно. Во оных с прочими членами советовал, особливо о некоторых задачах, которых он, Делиль, разрешить не мог, а другие члены оныя разрешили... При том же в Конференциях до-водное время по приказу господина президента Кей-зерлинга с профессорами Дюверноа и с Бэизэром имел дирекцию, к чему он, умалчивая согласился, что ему себе, как и протчим Академии членам чинить Должно.

Ежели бы он по примеру других профессоров в своих науках поступал, астрономическая писма со-
315

чинял и оныя бы в Конференциях читал и в архиву отдавал, то бы он свою должность исполнял и не имел бы причины жаловаться, что он в Конференциях время напрасно препровождать принужден был. Господа Президенты часто его о том увещевали. Только оное увещевание ничего не ползовало. И когда его, Делиля, некогда господин президент фон Корф о неисполнении его должности увещевал, то он после того, чрез долгое время не ходил в Конференцию, а напоследок опять начал ходить и ходил до отъезду своего в Сибирь. По прибытии своем из Сибири не бывал никогда больше в Конференциях... Хотя Делиль по своему контракту не обязался трудиться над географиею, однакож он сам себя самовольно по тому к тому обязал, как из разных находящихся в архиве писем довольно явствует. К сему требовал всякого вспоможения... Те способы, которые ему даны были есть все оныя ландкарты, которые ему по указу [Ея] Императорского Величества из Правительствующаго Сената, также и из других мест поверены были. При том же людей к сему делу по требованию его всегда давать ему старались, сколько возможно было, а напоследок принуждены были учинить другие учреждения, понеже довольно усмотрено было, что сие дело находящееся под его дирекциею никогда в состояние не придет»²³.

Не очень лестный отзыв. Зато полностью совпадает с мнением Шумахера. А теперь представьте, что случилось бы с Академией, получи Делиль президентскую должность?! Бесконечные склоки и скандалы парализовали бы ее деятельность. А под этот шум копии ландкарт и ценных документов исправно перетекали бы из Петербурга в Париж в кабинет господина морского министра Морепла. Так что Шумахер летом 1742 года делал правильные выводы.

Не меньшая угроза исходила от амбиций партии Нартова, членов которой волновало иное. Отчего за столько лет ни один россиянин не произведен в профессора? Вопрос, действительно, наболевший. Только задан он не по адресу. При чем тут Шумахер?! При всем его могуществе присвоение профессорского

316

звания компетенция не канцелярии советника, а Конференции и президента: «Когда в бытность президентов какого адъюнкта в профессора производили, то чинилось сие всегда по общему рассуждению президента и членов академии. Члены рассуждали о достоинстве оного адъюнкта, а президент именем Ея Императорского Величества на несколько лет с положенным жалованьем заключал с оным контракт». В отсутствие президента его заменял Сенат. Шумахер нарушил установленный порядок единственный раз, когда 5 апреля 1742 года против своей воли по прямому указанию Г. Лестока незаконно произвел в профессора ботаники И. Г. Сигезбека (на что пожаловался через двенадцать дней в письме Эйлеру). Иван Данилович даже адъюнктов назначать не имел права. Лишь «в небытность» президента Шумахер взял на себя смелость жаловать достойных студентов в адъюнкты, при обязательном согласовании кандидатур с Конференцией. Именно так адъюнктами стали Тегоув и Ломоносов. Нет, выдвижению русских в профессора препятствовал не Шумахер. Тормозили этот процесс непосредственно господа академики, не горевшие желанием уступать такие престижные и хлебные места туземцам. А с какой стати? Петербургская академия наук для иностранцев — неплохая стартовая площадка, где можно приобрести известность и поднакопить денег. Здесь трудятся вахтовым методом. Немцы, французы, голландцы, да кто угодно заключают контракт на определенный срок, приезжают, работают. Одни — на совесть, другие — спустя рукава. Потом либо продлевают договор, либо их ждут Берлин, Париж, Гаага, Лондон... А если в образовавшуюся

компанию впустить одного русского, то рано или поздно россияне вытеснят иностранцев. И тогда на вакансию в Петербурге смогут претендовать исключительно ученые с именем, а не кто попало.

Вот пример. Весной 1743 года Конференция просила через Сенат императрицу удовлетворить прошения профессора физики Крафта и профессора астрономии Гейнзиуса об увольнении их на родину.

317

Естественно, академики заверили Ее Величество, что опустевшие места будут заполнены: «а на место сих отъезжающих можно со временем из Англии или из других европейских краев выписать искусных людей*. Из России, следовательно, выписывать некого. А между тем кандидаты, способные потягаться с европейскими конкурентами, уже имелись. Ломоносов, Теплов, Крашенинников. Однако академики даже теоретически не помышляли об этом²⁴.

Впрочем, основания у них на то были. Ломоносов, Теплов, Крашенинников — призыв 1742 года, первое свидетельство пробуждающегося у разночинцев интереса к науке. За год к ним еще не успели приглядеться. Между тем в прежние времена никто из русских студентов не оправдывал надежд (в лучшем случае молодые люди становились хорошими переводчиками), кроме, пожалуй, одного — Василия Евдокимовича Адодурова. В 1733 году юношу удостоили звания адъюнкта математического класса — прямая дорога в заместители Делиля. Но, увы, Адодурова больше привлекала служба при Дворе, а не стезя профессионального ученого. Полученные знания он использовал для воплощения мечты в жизнь. В ноябре 1741 года перевелся в Герольдмейстерскую контору, завязал нужные знакомства, преподавал русский язык великой княгине Екатерине Алексеевне. 29 марта 1753 года императрица пожаловала ему чин герольдмейстера, и некогда скромный студент превратился в важного государственного чиновника²⁵.

Правда, не стоит относиться к Адодурову, как к талантливому русскому одиночке. В елизаветинскую эпоху у него имелось множество знатных и не очень соотечественников, образованных не хуже какого-нибудь члена Парижской или Лондонской академии. Но никто из них не помышлял о карьере ученого, ибо они были нарасхват в Военной коллегии, в Коллегии иностранных дел, в Сенате и других учреждениях. Требовалось определенное время, чтобы русское общество созрело для выдвижения собственных представителей в профессиональную науку. Так что Нартову с товарищами можно лишь посочувст-

318

вовать. Им не хватило терпения. Поддавшись на провокацию Делиля, они набросились на Шумахера и тем самым отсрочили появление первого русского профессора на полтора года.

30 сентября 1742 года Елизавета Петровна, выслушав жалобы уважаемого Андрея Константиновича и прочитав присланное ему вдогонку письмо Ивана Семеновича Горлицкого от 14 сентября о перевозке Шумахером каких-то вещей к аукционисту Сутову (не готовит ли побег?!), повелела: «Оного Шумахера... заарестовать... академическую Канцелярию со всеми ея делами, Кунсткамеру, Библиотеку и книжную лавку со всеми находящимися в них вещми... и денежную казну» опечатать. Снарядить следственную комиссию в составе Николая Федоровича Головина, Бориса Григорьевича Юсупова и Степана Лукича Игнатьева, которой предписывалось выяснить, сколько наворовали за два десятилетия глава Канцелярии и его помощники — контролер Гофман, канцелярист Паули и книгопродавец Прейсер. Исполнять обязанности заведующего хозяйственной частью Академии императрица поручила Нартову. Челобитчики насчитали на Шумахере почти 39 тысяч рублей. Обвинения

разбили на тридцать восемь пунктов. В случае их подтверждения, в чем мало кто сомневался, простой отставкой дело бы, конечно, не ограничилось²⁶.

7 октября указ Ее Величества получили в Петербурге. Вечером того же дня в дом Шумахера на второй линии, в здание Академии наук и в Кунсткамеру пришли солдаты. Книжную лавку, музей, библиотеку, Канцелярию опечатали. Всю корреспонденцию в доме советника изъяли, описали и отвезли членам комиссии. Самого Ивана Даниловича посадили под домашний арест. Однако процедура передачи дел новому начальству в лице А. К. Нартова слегка затянулась (по-видимому, из-за того, что Головин, Юсупов и Игнатьев не могли уделять работе в Следственной комиссии свыше двух суток в неделю). 14 октября комиссия велела Нартову подать список кандидатов на

319

замещение ключевых постов. 19-го числа Нартов исполнил задание. 30 октября следователи ознакомились с перечнем и наложили резолюции, после чего 4 ноября 1742 года механик вступил в должность. Среди прочих претендентов в реестре значился и Жозеф Николя Делиль, которого Андрей Константинович рекомендовал в качестве главы Библиотеки, Кунсткамеры и Инструментальной палаты.

Но вышел конфуз. Комиссия отказала Нартову: «Ему оные поручить ныне до окончания следствия невозможно». Почему? Всплыл доклад Шумахера от 2 июня с описанием вызывающего недоверие поведения профессора. В итоге Библиотеку принял человек, державший в разгоревшемся конфликте нейтралитет, — адъюнкты Г. Н. Теплов. Немного радости сулило Нартову и общение с приказными служителями. Профессионалов, выпестованных Шумахером, механик считал неблагонадежными, а другими Академия не располагала. Вот и приходилось ему терпеть старые кадры — прежде всего секретаря С. Волчкова и канцеляриста В. Худякова, сохранивших верность угодившему под следствие патрону. Не заладились отношения у преемника Шумахера и с профессорами. Мало того, что Нартов посоветовал Ее Величеству ликвидировать пенсии почетным членам Петербургской академии наук, так он еще, не уловив отличия ордера в форме партикулярного письма от указа, взял за практику рассылать последние академикам. Те восприняли нартовскую инициативу как прямое оскорбление. Профессор И. Вейтбрехт потребовал от советника артиллерии, чтобы тот прекратил обременять собрание указами вместо «партикулярных писем», а заодно напомнил, что «канцелярия — хвост, а Конференция — голова Академии». Но больше всего Андрей Константинович досадил профессорам, когда в ночь с 11 на 12 октября вместе с Делилем опечатал без позволения следственной комиссии архив Конференции и шкафы в комнатах Географического департамента. В результате полноценная работа академического собрания прервалась. Этого профессора Нартову не простили. Обидчика подвергли бойко-

320

ту. А жалобы, в которых подчеркивалась неспособность токаря управлять Канцелярией, посыпались во все инстанции²⁷.

В общем, расчет Делиля на бездарность Андрея Константиновича в роли руководителя вполне оправдался. Только успех на данном направлении мало радовал астронома. Дискредитация изобретателя ничего не значила без осуждения Шумахера. Между тем уже в декабре 1742 года Делиль понял, что наступление на главном участке безнадежно захлебнулось. Причина тому — объективность членов комиссии и подлинная русская безалаберность при подготовке тридцати восьми обвинительных пунктов. Союзники профессора поленились хорошенько разработать несколько действительно перспективных претензий, свалили все, что ни попало под руку, в кучу и отправили на суд следователей. Авось что-нибудь да пройдет! Возможно,

подобное головотяпство и удовлетворило бы комиссию, будь ее члены «истинными патриотами». Однако назначенные Елизаветой лица отнеслись к делу серьезно и взвешенно. Шумахеру не мешали защищаться, доносителям не препятствовали подкреплять обвинения фактами. Результат не заставил себя ждать. Вскоре голословность возведенных на Шумахера подозрений стала очевидной.

Так, И. Горлицкий заявил, что о перевозке гребцами вещей Шумахера к Сутову сказал ему комиссар Камер. Комиссар Камер сослался на копииста Носова. Копиист Носов, поколебавшись, сообщил, что о том говорили академические гребцы (мол, «ночью от Шумахера к Сутову ящики носили»). Гребцы, «на которых Носов показал, сказали, что они от Шумахера никогда никаких ящиков к Сутову не нашивали: токмо, де, прошедшего сего лета перевезли они из-за Невы реки от иноземца, а как его зовут, не знают, к означенному Сутову с фарфоровою посудой два ящика, и потом, де, объявленные комиссар Камер и копиист Носов спрашивали у них, что не от Шумахера ль «ные ящики носили, на что, де им они сказали, что они никогда от Шумахера никаких ящиков не нашивали».

" К. Писарско

321

вали». Аукционист Сутов подтвердил слова гребцов, после чего Камер и Носов, оправдываясь, признали показания гребцов справедливыми.

А теперь посмотрим, как рассыпались главные пункты обвинения.

Пункт № 1: Из 24 912 рублей, ежегодно ассигнуемых Академии, Шумахер чинил «не надлежащие расходы». Какие именно, не уточнялось. Комиссия предположила, что доносители под «надлежащими расходами» разумеют выплату жалованья.

Шумахер сослался на указ Петра Великого, из которого следовало, что «та сумма определена на содержание Академии, а не так, чтобы одним служителям». Первый пункт отпал.

Пункт № 2: Шумахер с 1727 по 1742 год за счет Академии держал у себя четырех лакеев, которые, хотя числились смотрителями Кунсткамеры, на работе не появлялись, но жалованье 24 рубля в год получали исправно. На том Шумахер сэкономил (то есть украл у государства) 1440 рублей.

Комиссия проверила документацию по найму четырех работников. Она сохранилась и соответствовала общим правилам. Расписки в получении «лакеями» денег оказались в наличии. Что касается службы этих лиц у Шумахера, то тот пояснил, что они прислуживали ему, когда «в Кунсткамере работы не было», за особую плату. Трем он платил по шесть рублей в год, а четвертому, принятому в услуги в текущем году, выдано лишь два рубля сорок копеек. Вызванные на допрос «лакеи» подтвердили слова Шумахера. Конечно, не исключено, что советник подговорил своих людей. Однако представленные им доказательства, безусловно, перевешивали ничем не подкрепленные утверждения доносителей.

Пункт № 3: Шумахер с 1724 по 1742 год брал из академической казны на обслуживание посещающих Академию гостей по 400 рублей в год, обосновывая это словесным указом Блюментроста. Однако эти расходы не могли превышать десяти—пятнадцати рублей в год. Значит, советник прикарманил 7200 рублей.

322

Комиссия проверкой установила, что указ не Блюментроста, а Петра Великого от 28 ноября 1724 года записан в журнале рукою лейб-медика. Все расписки Шумахера в получении денег сохранились. Сам Шумахер уверял следователей, что деньги использованы исключительно на покупку угощения, напитков и прочие подобные траты. Так как доносители не знают о существовании письменного варианта указа, то и в этом вопросе больше веры Шумахеру, а не им.

Пункт № 4: Шумахер покупное для Академии вино брал к себе в дом «для домашних

расходов». Подтвердить это может истопник Ефимов. Кроме того, сохранились хозяйственные книги, правда, без шнура и печати.

Истопник Ефимов показал: «Брал ли Шумахер к себе вино, не ведает». Подмастерье А. Греков: книга без шнура и печати имелась, но в июне 1732 года отдана купцу Федорову, которого уже нет на свете; других книг Грекову не выдавали; поэтому и отчет об использовании вина отсутствует. Шумахер признался, что брал у подмастерья Грекова с 1738 по 1741 год 15 анкеров вины на 109 рублей. Кроме того, брал спирт и вино для Остермана и на академические нужды (угощал солдат и привезенных на праздник 1740 года черкесов, татар и прочих) еще на 33 рубля.

Это чрезвычайно важный пункт, свидетельствующий о невиновности Шумахера. Ведь если бы советник, зная об отправленных нижними чинами в Москву обвинениях, готовился оправдаться по ним, он без труда выработал бы с Ефимовым и Грековым на всякий случай единую версию (кстати, весьма необходимую для Грекова, который не вел журналов по расходу вина). И тогда никто не сумел бы подтвердить правоту доносителей. Но нет, Шумахер, явно не ведая, что скажут Ефимов и Греков, честно отвечает на очередной, четвертый вопрос. Похоже, советник не лукавил в письмах к Штелину летом 1742 года, когда писал о своей «чистой совести».

Пункт № 5: Шумахер с 1728 по 1741 год нанимал Для Академии за 150 рублей в год двор какого-то ин-

323

спектора Мараксы и жил в нем. А инспектор сей никому не ведом. Инспектор — подставное лицо. И Шумахер заплатил сам себе 1950 рублей.

Комиссия установила, что по сохранившимся в архиве Канцелярии документам и распискам с 1734 года арендой двора занимался также президент Л. Блюментрост, а деньги ~ 1750 рублей — взяты доверенным человеком Мараксы кухмистером Юрием Патоном, из которых 150 рублей выданы Шумахеру. К сожалению, расписки за 1728—1734 годы утрачены. По словам Шумахера, 150 рублей он получил на ремонт здания.

Пункт № 6: В сентябре 1741 года Шумахер купил двор Мараксы для Академии за 1200 рублей. А так как Маракса — личность выдуманная, то и эти деньги советник присвоил.

Комиссия установила, что, согласно сохранившейся расписке, двор продал и деньги взял Юрий Патон, который и сам на допросе подтвердил все, заверив, что деньги переданы Мараксе.

Пункт № 7: Шумахер нанимал для академических служителей дома Тихменева и Полевого по завышенной цене — за 150 рублей. Служители в них «ставились для виду», ибо дров и свечей туда не отпускали.

Комиссия по документам установила, что двор Тихменевас 1736 по 1738 год нанимался за 100 рублей, а с 1738 по 1741 год — за 120 рублей в год по определениям президентов Академии. Двор Полевого с 1728 года по 1 марта 1734 года снимали за 50 рублей в год. В них жили реальные люди и им выдавались дрова и свечи. Однако из их жалованья стоимость припасов не вычиталась, ибо жалованье было невелико.

Пункт № 8: Шумахер содержал с 1736 года для Академии шлюпку с гребцами. Стоило все не менее 200 рублей. Пользовались шлюпкой лишь советник и члены его семьи. И Шумахер заставлял гребцов и истопников Академии в доме своем работать «по снаряжению Шмидта*».

Комиссия установила, что шлюпка куплена в 1735 году. Все расходы на нее составили с 1735 по 1741 год 1078 рублей и ездили на ней как президент Ака-

324

демии, так и академики. А когда одной шлюпки не хватало, то нанимали другие. С 1735 по 1742 год на найм израсходовали 54 рубля. «А чтоб с домашними тою

шлюпкою советник Шумахер удовольствовался», в документах «не показано». Надсмотрщик Шмидт сообщил, что ни гребцов, ни истопников на работы в дом Шумахера не наряжал.

Пункт № 9. - Рассмотрение девятого пункта, как и всех остальных, не состоялось. Как писал А. Нартов в донесении на имя Ее Величества в апреле 1743 года, челобитчики «по первым осми пунктам в похищении им [Шумахером] казенного интереса доказали. По протчим же пунктам, видя поступание комиссии не по силе указов, но по поноворке к Шумахеру, в доказательство не пошли, объявля... на ту комиссию не-довольствие...». Внезапное нежелание свидетельствовать по оставшимся двадцати семи пунктам объясняется просто. По первым восьми статьям доносители обвинили Шумахера в растрате 11 790 рублей, не считая жалких 109 рублей, в которых тот сам неожиданно признался. По 9—38 пунктам украденными считались 27 180 рублей. Но быстро обнаружилось, что из оных 20 554 рубля — это невозвращенные кредиты Академии и Книжной лавки, которые на казнокрадство никак не списать, разве что — на худое управление Канцелярией. Сумма, висевшая на Шумахере, мигом сократилась до 6626 рублей, и, по-видимому, советник без особого труда оправдался за них во время допросов.

Нартов с товарищами осознавали, что терпят крах. Им нужно было затянуть следствие, чтобы забросать комиссию очередной порцией компромата на Шумахера. И они замолчали. Комиссия, сколько ни предлагала им представить доказательства своей правоты, всегда встречала категорический отказ. Даже такая строгая мера, как арест доносителей, не дала ожидаемого эффекта. Тридцать восемь пунктов россиян уже не интересовали. Потому что вскоре родились новые.

В чем только Шумахера не винили! Иван Горлицкий пенял Шумахеру за то, что «российского народа

325

ученых людей для наук никого не сыскалось». Причем сам ответить на вопрос, а есть ли достойные, затруднился. Никита Попов, заметив в типографии перерасход бумаги, тут же приписал Шумахеру подлог. Тауберт с разрешения Н. Ф. Головина 11 октября взял из Канцелярии письма с сообщениями для «Санкт-Петербургских ведомостей*» и попросил сторожа Данилова отнести пакет в типографию. Когда об этом узнали комиссар Камер с товарищами, унтер-библиотекаря немедленно заподозрили в тайном потворстве Шумахеру²⁸. А Мартов с Делилем, воспользовавшись оказией, пошли дальше — опечатали архив Конференции, а заодно и шкафы Географического департамента с ландкартами.

Потом комиссия и академики четыре месяца добивались от строптивого Нартова снятия печатей. А тот, откликаясь на уговоры Делиля, сопротивлялся. До тех пор, пока члены комиссии в сопровождении профессоров лично не пришли в малый зал Конференции. Но и тогда Делиль попробовал переубедить вельмож: там, мол, лежат «дела, подлежащая до Канцелярии, а не до Конференции». Хорошо — ответили следователи и позвали караульного офицера, чтобы запечатать архив печатью Следственной комиссии, а французам посоветовали как-нибудь настроиться и поискать вместе с коллегами «потребное ему», после чего оставить архив и департамент в покое. Делиль тут же отступил, предпочтя не откладывать с распечатыванием многострадальных комнат.

Кстати, заветные ландкарты в Географическом департаменте наверняка подали кому-то из заговорщиков (уж не Делилю ли?) идею обвинить Шумахера в переправке секретных карт Камчатской экспедиции из арестованного архива А. Остермана за кордон. Донос настроил подмастерье Андрей Поляков: советник карты «якобы переслал тайно за море». Шумахера вызвали на допрос. И тот по простоте душевной молвил: «С

тех ланткарт не токмо за море, ниже в России копии никому не сообщал, но по скопированию со взятых из комиссии об Остермане, те ландкарты отданы были для содержания секретного про-

326

фессору Винцгейму». 18 января 1743 года комиссия провела очную ставку. Винсгейм принес пакет с ландкартами, и гравер в присутствии Шумахера, Нартова и Делиля признал, что это — «те ланткарты, о которых он доносил». Однако в тот же день все ознакомились с ответом Шумахера и узнали о копиях. Спустя месяц челобитчики в один голос стали обвинять Шумахера в пересылке за рубеж копий ландкарт[^]. Впрочем, к тому времени члены комиссии, разобравшись в сути дела, почти утвердились в окончательном вердикте: Шумахер невиновен; у доносителей доказательств вины советника нет. В переписке Шумахера, изъятой 7 октября, тоже ничего преступного не содержалось. 14 декабря 1742 года сановники предложили Нартову и Делилю удостовериться в том. Нартов от изучения писем уклонился и 18 января 1743 года согласился с мнением следователей. Ввиду отсутствия серьезных улик, обличающих подозреваемого, 28 декабря Головин, Юсупов и Игнатьев распорядились Шумахера из-под ареста освободить. Однако для того, чтобы совершенно оправдать чиновника, необходимо было иметь на руках итоги финансовой и имущественной ревизии Кунсткамеры, Минц-кабинета, Библиотеки и Книжной палаты.

8 книжной лавке обстоятельная опись сочинялась с

9 ноября 1742 года по 19 августа 1743 года, после чего прапорщик Россохин (человек Нартова) в присутствии асессора Мелессино и караульных офицеров приступил к приему всего хозяйства. В Минц-кабинете вельможи лично выясняли сохранность всех монет и драгоценностей до 12 октября 1743 года. Устали так, что от исследований Кунсткамеры и Библиотеки категорически отказались, передоверив сию миссию будущему президенту. Да и по времени столь хлопотное мероприятие могло продлиться несколько лет, а водворившийся в Академии беспорядок требовал принятия какого-то решения незамедлительно. В принципе, в докладе от 20 марта 1743 года комиссия собственную позицию на сей счет изложила: на Шумахера возвели напраслину³⁰. И чем

327

дальше продвигалось следствие, тем увереннее звучал ее главный вывод. Так что с весны 1743 года в Академии уже мало кто сомневался в том, что реабилитация советника обязательно рано или поздно состоится. Понимал это и адъюнкт физического класса Ломоносов.

Михаиле Васильевич Ломоносов, по-видимому, встретил «академическую революцию» со смешанными чувствами. Все-таки Шумахер покровительствовал ему на пути к желаемому профессорскому рангу. Но 7 октября советник очутился под арестом и вряд ли в дальнейшем мог поспособствовать карьере талантливого ученого. Зато взявшая под контроль Канцелярию команда Нартова наверняка не прочь будет увидеть в лице Ломоносова достойного кандидата на звание первого русского профессора. В общем, поколебавшись день-два, помор примкнул к нартовцам и активно принялся помогать им в наведении «порядка» в Академии.

Андрей Константинович велел молодому человеку, имевшему право участвовать в академическом собрании, присматривать за опечатанным архивом Конференции. Тот исполнял поручение с огромным рвением. В первый же день, 12 октября 1742 года адъюнкт, выдавая господину Винсгейму с разрешения комиссии (сановники сперва самоуправство токаря одобрили) протоколы Конференции 1735 и 1737 годов, нарочно унижил профессора: забрал у него полпачки белой бумаги, долго нумеровал листы в

подшивках, придираясь по мелочам, опечатав связку дел так, что из нее «малого лоскута» вынуть было нельзя, и посоветовал астроному поменьше заниматься архивом Конференции и составлением генеральной карты, 14 октября Ломоносов вместе с переводчиком И. Горлицким прервал заседание академиков под предлогом «осматривания печатей», а когда те попросили не мешать, позвал Михаила Стаматиевича Камера, который отчитал ученых за срыв ответственного мероприятия. В дальнейшем Ломоносов

328

действовал в том же духе, стараясь не пропускать заседания Конференции, чтобы, пользуясь своими комиссарскими полномочиями, посильнее оскорбить или унижить ненавистных немцев.

И... достиг своего. Когда в конце октября Головин, Юсупов и Игнатьев распределяли ответственные академические посты по рекомендациям Нартова, Ломоносову не досталось ни одного. Профессора заявили ему отвод, что чрезвычайно разозлило адъюнкта. Он начал мстить. Часто нарочно приходил на Конференцию навеселе. Скандалил, ругался и угрожал побить академиков при первом же удобном случае. В ответ академики подали жалобу в Следственную комиссию и перестали приглашать его на заседания. Бойкот еще больше раззадорил Ломоносова. И тогда 21 февраля 1743 года профессора приняли решение не допускать хулигана на заседания до тех пор, пока Следственная комиссия не рассмотрит их прошение «о неуважительном отношении к Конференции» адъюнкта. В тот же день Михаилу Васильевичу выпало самому пережить унижение. Дверь в зал Конференции перед ним не отворилась, и он покинул дворец Прасковьи Федоровны ни с чем. 25 февраля россиянин вновь пришел. Дабы не доводить дело до склоки, его долго уговаривали уйти. Уговорили. 21 марта история повторилась. В тот день, чтобы как-то обнадежить отверженного, ему передали копию с указа Сената о сожжении книг с упоминанием Остермана, Бирона и Миниха.

Михаил Васильевич выждал три недели и 11 апреля опять попытался проникнуть на заседание. Ввиду отсутствия решения комиссии его попросили повременить немного. Ломоносов пожаловался Нартову. Механик 13 апреля поинтересовался у Конференции о причинах обструкции. 15 апреля академики удовлетворили просьбу Нартова. Увы, Андрей Константинович оказался бессилем помочь³¹.

Апрель 1743 года, похоже, стал самым тяжелым периодом в жизни русского гения. Три месяца адъюнкт третировал, грубил и оскорблял ученых иностранцев, полагая, что с засильем немцев в Академии

329

скоро будет покончено, а потому почитать сих господ уже нет нужды. И вот наступила расплата. Профессора не желают сотрудничать с хамом. Шумахера не сегодня завтра оправдают. И что станет с ним — обыкновенным мужиком, без влияния и связей? Кто захочет покровительствовать предателю и скандалисту? Никто! А посему больше не светит вчерашнему баловню судьбы — Михаиле Васильеву сыну Ломоносову — звание первого русского профессора, невзирая на очевидный талант и успехи в химии, физике и стихотворстве.

Так или примерно так, судя по всему, оценивал свое удручающее положение весной 1743 года молодой адъюнкт, который с горя все чаще и чаще прикладывался к вину и водке у себя дома или в ближайшем трактире. 26 апреля он, как обычно, с утра поднял настроение кружкой-другой спиртного, после чего побрел в сторону Невы. На набережной свернул налево, к Кунсткамере. Еще не пробило одиннадцати часов пополудни, когда Михайло поднялся через западное крыльцо на второй этаж здания Академии наук и вошел в малый зал Конференции.

В тот день заседания не было. Поэтому никто не воспрепятствовал адъюнкту. В зале скучал, прохаживаясь из угла в угол, сторож Федот Ламбус. В комнате слева, отведенной под архив Конференции, расположились за столом профессор астрономии Винсгейм, канцеляристы Иоганн Мессер и Иоганн Калау. Не поздоровавшись ни с кем и не сняв шляпы, адъюнкт сделал, покачиваясь, несколько шагов в сторону Большого зала Конференции. Затем вдруг остановился, повернулся к открытой двери в архив, заметив за ней Винсгейма, усмехнулся, ударил разок в ладоши и тут же состроил кукиш: «О, видел».

Но увлеченный делами профессор, наверное, не заметил жеста адъюнкта, а канцелярист Мессер благоразумно промолчал. Разочарованный Ломоносов зашагал дальше в Большой зал Конференции, откуда ввалился в первую комнату Географического департамента. Там за столом у окна с видом на Неву и Ад-

330
миралтейство рисовал географическую карту студент Александр Чадов. Его занятие прервал заплетающийся голос вошедшего:

— Што это у вас там, который сидит в Конференции? Што он чванится? Што он о себе думает?!

— Не господин ли профессор Винсгейм? -Да!

— Он тебя обидел чем?

Ответа студент не дождался. Ломоносов, грязно ругаясь непонятно на кого, побродил немного по комнате, а потом вдруг кинулся в Большой зал Конференции. На второе появление Ломоносова в малом зале (через четверть часа после первого) в архиве обратили внимание, ибо его обитателей отвлек от работы забежавший к ним за парой диссертаций адъюнкт Геллерт, закончивший в одиннадцать часов читать лекцию по логике и метафизике. Когда адъюнкт взял в руки перо, чтобы расписаться за отданные ему специмены, в архив из малого зала Конференции заглянул Ломоносов. Винсгейм приподнялся из-за стола, желая поприветствовать младшего коллегу. Однако Ломоносов, сняв шляпу, неожиданно по-барски махнул рукой и молвил по-немецки:

— Садитесь, чего там! Што делаете? Профессор возмутился:

— Я и без Вашего позволения сяду. А если Вы бесчинствовать не перестанете, то можно сыскать способ, чтобы вывести Вас вон.

Пропустив мимо ушей угрозу, адъюнкт надел шляпу и поинтересовался:

— Не много ли Вы, господин профессор, берете на себя, отстраняя меня от Конференции?

— Я не отстранял Вас, а только объявил по силе протокола определение всех профессоров.

И тут Михаилу словно прорвало. Он высказал Винсгейму все, что думал о тех, кто изгнал его из Конференции, называя членов собрания гунсвотами и ворами. Академик, выслушав потоки площадной брани, заявил:

— Изрядно! Я запишу и донесу в надлежащем месте.

331

А затем повернулся к Геллерту и Мессеру (Калау во время разговора ушел из комнаты в Географический департамент):

— А вы, господа мои, будете всему свидетели!

— Да, да, пиши! Да я сам столько же разумею, сколько профессор! И я природный русский! А Вы...

Отведя душу и вдарив с размаху кулаком по столу, адъюнкт вновь устремился в Географический департамент (в эту минуту оттуда по коридору, напрямую соединявшему вторую комнату географов с архивом, вернулся Калау). В департамент Михаиле влетел, не переставая ругаться. Студенты с удивлением взирали на члена

Конференции, покачивающегося из стороны в сторону и изредка прерывающего отборную брань восклицаниями: «...Он ведь капитан. И я тоже капитан! Подумаешь, календари сочиняет! Я и сам календарь не хуже его сочиню!.. Да насрал я на всех профессоров и на советника Шумахера. Он вор, а они все плуты. А ежели Винсгейм еще слово мне скажет, я ему зубы поправлю!..» Рассвирепевшего Ломоносова вернул к реальности адъюнкт Трескот, появившийся из смежной комнаты:

— Не надо здесь кричать, да еще в шляпе! Ломоносов оглянулся, увидел Трескота и приблизился к нему:

— Ты што за человек? Ты — адъюнкт?! А кто тебя сделал адъюнктом? Шумахер!

Вдруг дверь за Трескотом распахнулась и тут же закрылась: студент Старков, не обращая внимания на спорящих адъюнктов, проследовал в Большой зал Конференции. Спустя мгновение Ломоносов продолжил неожиданно прерванный диалог:

— А ну, адъюнкт, говори со мною по латыни!

— Я не умею.

— Дрянь ты! Никуда не годишься! И не достоин ты произведения!

Трескот даже опомниться не успел. Помор внезапно крепко сжал его и потащил в соседнюю комнату, где студенты Коврин и Шишкарев беседовали с секретарем Александром Ивановым.

Увидев, как Ломоносов силой втокнул в покой со-

332

служивца, секретарь призвал великана к порядку и предложил снять шляпу. Михайло остановился, отпустил Трескота, скинул головной убор и, посмотрев на Иванова, сказал:

— Это мне перед тобой скидывать шляпу? Нет, государь мой, я перед тобой снимать шляпу никогда не стану.

Затем демонстративно нахлобучил шляпу на голову, развернулся и направился через первую палату налево к дверям, ведущим в сени, а оттуда по лестнице выбежал на улицу.

Все, обратной дороги больше нет. Нанеся в присутствии профессора, двух адъюнктов, секретаря и студентов публичное оскорбление всему составу академического корпуса, Ломоносов фактически сжег мосты к еще возможному примирению. Теперь пощады от академиков ждать не приходилось. А заступиться за него было некому.

27 апреля на экстренно созванном заседании Конференция постановила направить в Следственную комиссию прошение с просьбой защитить их от бесчинств

неуравновешенного адъюнкта. 11 мая профессора И. Гмелин и И. Вейтбрехт зарегистрировали документ в комиссии. 27 мая Следственная комиссия приказала найти Ломоносова для допроса. 28 мая адъюнкта отыскали и привели. Держался он смело, с усмешкой. Ознакомившись с текстом указа, на основании которого сановники вызвали его, от допроса уклонился, так обосновав свой отказ:

— Я по-пустому ответствовать не буду. Надо мною главную команду имеет Академия, а не комиссия. И надлежит меня требовать у Академии, а без того в допрос не пойду, и ничего со мной комиссия сделать не может.

Головин с товарищами решили немного убавить прыти гордецу и продемонстрировать, на что они правомочны. Ломоносова тут же арестовали и препроводили в караулку, где тот просидел пять дней. 2 июня 1743 года ему предоставили шанс исправиться. Но молодой человек упрямствовал:

— Против поданных от профессоров доношений

333

и комиссии определения без воли команды оной Академии советника Нартова ответствовать не смею.

3 июня пригласили Нартова. Уведомили о выдвинутом узником условии. Механик заявил, что никакими запретами адъюнкта не обременял, и тот волен в своих поступках. 4 июня Ломоносова проинформировали о высказанном Нартовым мнении и в третий раз предложили поделиться собственной версией случившегося месяц назад. Но Михайло, видно, не веря больше в удачу и решив уйти из науки с гордо поднятой головой, вновь заупряился. И тогда обошлись без него. Допросили остальных участников скандала и приняли резолюцию, согласно которой адъюнкт заслуживал примерного наказания³².

Почти два с половиной месяца находился Михаил Васильевич под караулом, а с августа 1743 года по январь 1744 года — под домашним арестом. Предчувствуя скорую и неприятную для себя развязку, он целиком отдался любимому делу. Размышлял над строением вещества, над природой света, тепла и холода, затем брался за перо и вносил в специально заведенную тетрадку новые интересные мысли, перечитывал старые: «...Можно доказать неодинаковость величины корпускул тем, что имеются постоянные более легкие тела и летучие более тяжелые; значит, корпускулы их различаются величиною. Примером служат шпат и возогнанная ртуть, киноварь и охра, олово и королек сурьмы, сера и стекло или бура...

Непрерывное образование и разрушение тел достаточно говорят о движении корпускул...

Животное тело непрерывно испускает теплоту, но никогда не принимает ее в себя; следовательно, теплота не зависит от сосредоточения посторонней материи, а есть некое состояние тела...

Из любой точки светящегося тела лучи тянутся к любой точке; следовательно, свет не есть материя, истекающая из светящегося тела; ведь из одной точки солнца должна была бы наполниться светом вся система планет...

Насекомые, в которых мы не видим ничего меха-
334

нического, на деле имеют механические части, откуда мы по справедливости можем заключить, что корпускулы подчинены механическим законам...'

' Колебание эфира дает свет, а не звук; колебание воздуха дает звук, а не свет...»

Идея о связи корпускулярной теории с механикой потребовала уточнения, и Ломоносов, не мешкая, 23 июля обратился в Канцелярию с просьбой выдать ему из книжной лавки в счет его жалованья две работы И. Ньютона — «Математические начала натуральной философии» и «Универсальную арифметику, или Книгу об арифметическом сложении и исчислении». Просьбу удовлетворили. Другая просьба — об освобождении по болезни, адресованная Следственной комиссии и поддержанная Нартовым, не нашла отклика. Прощать адъюнкта, несмотря на неоднократные его заверения в «ревности к наукам», никто не собирался. Но Михайло не унывал, храбрился и умудрился поиздеваться над оскорбленными академиками. Предложил им учредить химическую лабораторию с ним во главе и прикомандировать к ней двух студентов — Крашенинникова и Протасова. Понимал, что в создавшейся ситуации это невозможно, и тем не менее настаивал...

8 августа Следственная комиссия смягчилась, отпустила адъюнкта под конвоем домой, где охраняемый солдатами Ломоносов продолжал свои изыскания в физике и химии, а попутно завершил переложение на стихи 143-го псалма, приняв участие в состязании «трех стихотворцев». Когда он успел поспорить с Тредиаковским и Сумароковым, неизвестно. Однако 31 августа 1743 года Канцелярия приказала типографии отпечатать 500 экземпляров «Трех од парафрастических». Издание двухсот книг оплатила Академия, трехсот — авторы. В конце декабря оды появились в продаже и имели неплохой успех у публики. Потребовался даже дополнительный тираж³³.

Впрочем, пиитические труды Ломоносова не ограничились соревнованием. В ноябре или декабре наблюдения за северным сиянием в Петербурге вдохновили узника на сочинение двух великолепных по-

335

этических «размышлений о Божием величестве» — утреннем и вечернем. Так увидели свет, наверное, одни из лучших ломоносовских строк:

Лице свое скрывает день, Поля покрыла мрачна ночь, Взошла на горы чорна тень, Лучи от нас склонились прочь, Открылась бездна звезд полна; Звездам числа нет, бездне дна³⁴.

Но как бы энергично ни занимался Михаил Васильевич физикой, химией и поэзией, какие бы гениальные мысли и рифмы ни рождались в «светлой голове*», повлиять на судьбу адъюнкта они практически не могли, ибо «подвиги» грубияна и задиры с лихвой перевешивали его природный и недостаточно еще раскрывшийся талант.

Некому было замолвить словечко за надежду русской науки. Следственная комиссия требовала суровой кары. Уставшие от безобразных выходок академики категорически не желали сотрудничать с невоспитанным мужиком. От преданного им Шумахера, вернувшегося 5 декабря 1743 года на прежний пост, ожидать благосклонности было просто наивно. Значит, прощай, Академия, прощай, наука. Хотя Академия — единственное место в России, достойное дарования Ломоносова. Без нее он обречен: сопьется и зачахнет от тоски в какой-нибудь провинциальной конторе или у себя на родине.

Арестант прекрасно знал, каким будет финал, и не питал иллюзий. Поэтому он так жадно и плодотворно работал в оставшееся до вынесения приговора время, стараясь почаще поддерживать контакт с Академией. И вдруг, как гром среди ясного неба, Сенат огласил вердикт: «Онаго адъюнкта Ломоносова для его довол-наго обучения от наказания освободить, а во объявленных, учиненных им продерзостях у профессоров просить ему прощения. А что он такие непристойные поступки учинил в комиссии и в Конференции, яко в судебных местах, за то давать ему Ломоносову жалованье в год по нынешнему его окладу половинное». Это походило на сказку, на чудо! Но, как известно, чудес не бывает. Кто-то все-таки заступился за повесу.

336

Историки полагают, что это был Михаил Ларионович Воронцов. Основание — перевод «Волфиан-ской экспериментальной физики*» Ломоносова с посвящением вице-канцлеру. Довод в какой-то степени резонный. Осталось объяснить, какие причины побудили сиятельного вельможу облагодетельствовать ученого. Почитание ломоносовского пиитического дара? Навряд ли. Во-первых, поэт к январю 1744 года мало чем мог похвастаться: несколько отпечатанных переводных и сочиненных по заказу од не лучшего качества; великолепная ода на взятие Хотина, не опубликованная, но, вероятно, распространенная в списках; принесенные из типографии в книжную палату сборники с переложением 143-го псалма; не прочитанные пока общественностью оды на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы после коронации и на день тезоименитства великого князя Петра Федоровича. Не так уж много, чтобы идти наперекор Академии и Следственной комиссии. Во-вторых, если бы решающую роль в прощении сыграла поэзия Ломоносова, то Сенат сослался бы на нее, а не на «довольное обучение».

Нет, у Михаила Ларионовича не было нужды вмешиваться в академические распри и навязывать академикам отвергнутого ими адъюнкта. Он и не вмешивался, потому что судьба помора целиком зависела не от императрицы, а от генерал-прокурора и четырех сенаторов, собравшихся на очередное заседание около девяти часов утра 12 января 1744 года. Сановники заслушали в тот день помимо прочих пунктов несколько докладов Головина, Юсупова и Игнатьева, присланных для сведения из Кабинета Ее Величества. Речь в них шла исключительно о Шумахере и его обвинителях. Об

уроженце Холмогор — ни слова. Следовательно, Елизавета Петровна от рассмотрения дела Ломоносова уклонилась и не выносила по нему вердикт, считая этот частный кадровый вопрос прерогативой Правительствующего сената. И верно, рапорт о провинностях молодого человека с рекомендацией строго покарать строптивца члены комиссии 9 января вручили непосредственно Н. Ю. Трубецко-

337

му. 12-го числа Иван Иванович Бахметев, Михаил Михайлович и Алексей Дмитриевич Голицыны, Андрей Иванович Ушаков ознакомились с документом и, проигнорировав мнение адмирала, генерала, тайного советника и дюжины профессоров, фактически простили дебошира.

Чья же позиция перевесила протест уважаемых людей и спасла Ломоносова для российской науки? Еще раз подчеркну. Царица и Воронцов за адъюнкта не заступались. В противном случае князь Трубецкой обязательно бы объявил о том товарищам, и секретарь зафиксировал бы в протоколе примечание вельможи. Кроме того, не стоит забывать о формулировке «для ево доволного обучения» и неожиданной инициативе публичного покаяния, которые свидетельствуют о хорошем знании неизвестным ходатаем академических порядков и научных успехов подопечного. На мой взгляд, есть единственный человек, который в январе 1744 года мог реально перебороть всеобщую неприязнь к беспутному гению, — Иван Данилович Шумахер. Лишь высокий авторитет в ученом мире реабилитированного недавно советника Канцелярии да партикулярные беседы чиновника с генерал-прокурором, Бахметьевым, Голицыными, Ушаковым (вполне возможно, при содействии Ште-лина и Воронцова — покровителей Шумахера при Дворе) имели шанс убедить сенаторов и академиков помиловать Ломоносова при условии принесения адъюнктом извинений всему академическому корпусу. В подобной ситуации возражать заслуженному и напрасно претерпевшему от доносителей администратору весьма трудно. Если узника защищает сам патрон, оскорбленный неблагодарным выдвигенцем, то другим, менее обиженным, грешно требовать более серьезной сатисфакции. В итоге 18 января 1744 года караул покинул дом Ломоносова. 27 января Михаил Васильевич попросил у коллег прощения, получив право снова работать в Академии и принимать участие в заседаниях Конференции. А спустя всего полторы недели в Канцелярию поступила новая жалоба:

338

«За болезнию товарища моего, перевотчика Ивана Голубцова и по прозбе его репортую следующее.

Четвертаго числа сего месяца пришел к помянутому моему товарищу Голубцову Академии наук адъюнкт Михаила Ломоносов, котораго Голубцов, хотя и не звал, однако господина адъюнкта принял как че-стнаго человека. Но он, адъюнкт, несмотря на прият-ство, оказанное ему от Голубцова, наконец же, как самой подлой и нечестной человек перевотчика Голубцова ударил шандалом в лице, от чего воспоследовал у него в глазу лом, а на лице от удару язва. Так что ныне публично вытти не может. И о сем именем больна-го товарища своего перевотчика Голубцова репортую. Февраля 6 дня 1744 года. Перевотчик Василий Лебедев».

Да, Ломоносов был, видимо, неисправим. Тем не менее Шумахер не дал хода жалобе, а, посоветовав Голубцову «в своей обиде с адъюнктом Ломоносовым ведаться судом*», упрятал документ в уже закрытое «прежнее о Ломоносове дело». Адъюнкту предстояло начать подготовку к получению профессорского звания — писать диссертации, делать переводы. А очередной скандал все бы испортил³⁵. В итоге обида переводчика продвижению адъюнкта к заветной цели не воспрепятствовала. Михайло Васильевич ударно потрудился в течение всего 1744 года. Завершил

рукопись «Краткого руководства к риторике», перевел «Наставление по вольфианской философии, переработанное для университетов» Л. Ф. Тюминга и «Описание в начале 1744 года явившейся кометы» профессора Г. Гейнзи-уса, читал лекции по физике студентам С. Котельни-кову и А. Протасову, работал над диссертациями «О движении воздуха в рудниках примеченном», «О причине теплоты и холода» и «О действии растворителей на растворяемые тела», используя для необходимых опытов оборудование Физического кабинета. 7 декабря 1744 года Ломоносов приступил в Конференции к чтению законченных специменов, затянувшегося до 22 апреля 1745 года. Академики отозвались о них с похвалой, что позволило адъюнкту

339

1 мая 1745 года зарегистрировать в Канцелярии прошение о назначении на должность профессора химии. Шумахер попросил претендента немного обождать, желая внести его кандидатуру на рассмотрение Конференции в паре с иностранцем Х. Крузиу-сом. Так ученым будет сложнее отказать Ломоносову. Однако уроженцу Холмогор не терпелось. Вечером он написал советнику: «...моя покорнейшая просьба к вашему благородию не простирается далее того, чтобы о моем прошении чем скорее, тем лучше было доложено Конференции, чтобы я знал, наконец, как обстоит дело со мною и признан ли я достойным того, на что долгое время надеялся. Ваше благородие изволили дать мне понять, что мне следовало бы повременить вместе с другими, которые тоже добиваются повышения. Однако мое счастье, сдается мне, не так уж крепко связано со счастьем других, чтобы никто из нас не мог опережать друг друга или отставать один от другого».

Шумахер учел пожелание соискателя и 3 мая доложил Конференции о прошениях Ломоносова и Кру-зиуса, потенциальных профессоров химии и античности соответственно. Опасения главы Канцелярии полностью оправдались. Академикам при всем их восторге ломоносовскими трудами так не хотелось пускать в свои ряды русского, что ради этого они не пожалели и Крузиуса. Не удовлетворили ни того ни другого, посоветовав «ради лучшего порядка, чтобы каждый представил Академическому собранию еще какой-нибудь образец работы для получения места среди профессоров». Мнение уважаемой Конференции походило на отговорку с целью оттянуть время в поисках предлога, как бы отказать вообще.

Иван Данилович догадался о нависшей над Ломоносовым угрозе и принял меры. 28 мая Михаил Васильевич передал Конференции диссертацию «О металлическом блеске», 14 июня зачитал ее профессорам. Те опять похвалили его и пообещали решить вопрос через пару дней. Расчет строился на то, чтобы, признав молодого человека достойным профессорского ранга, сослаться на отсутствие вакансии — ка-

340

федра химии занята И. Шелиным — и отложить решение вопроса на неопределенный срок. 10—17 октября 1743 года подобным маневром уже охладил пыл В. К. Тредиаковскому. Поэту, мечтавшему о звании профессора элоквенции, вежливо напомнили о господине Я. Штелине — профессоре элоквенции с 1738 года, и проблема отпала сама собой. Михаила Васильевича, очевидно, ожидала та же участь. Но недаром Шумахер писал доктору Р. Санхесу 27 мая, что Ломоносову, «который уже сделал успехи в химии... назначена кафедра по этой науке с жалованьем по 800 рублей в год». 17 июня академики столкнулись с маленьким сюрпризом. Как только уважаемое собрание провозгласило архангельского мужика достойным кафедры химии и намеревалось уже указать претенденту на стоящее у него на пути непреодолимое препятствие, внезапно поднялся И. Гмелин и во всеуслышание объявил, что «означенную профессию помянутому г. адъюнкту совершенно уступает». Тут-то и высветилось абсолютное нежелание академиков видеть рядом с собой русского

профессора. Они не утвердили Ломоносова. Вдруг выяснилось, что процедуру производства надо обсудить отдельно. Уточнить ее постановили на очередном заседании 21 июня. Но в пятницу торжественная церемония тоже не состоялась. За четыре дня академики не нашли к чему придраться. Поэтому срочно пригласили на собрание бюрократа Шумахера. Иван Данилович понимал, что понадобится профессорам неспроста. Оттого потакать капризу ученого сообщества не стал, оставив просьбу соседей без ответа. Пусть сами выносят вердикт, не прячась за спины других.

Академики намека не уловили и повторили вызов на 22 июня. Шумахер проигнорировал и это заседание. А чтобы члены Конференции больше не терзались сомнениями, прислал во дворец Прасковьи Федоровны указ Сената о необходимости рассмотреть в Академии сделанный Ломоносовым перевод «Вол-фианской экспериментальной физики». Распоряжение сенаторов благотворно действовало на иностранцев. В тот же день они наконец капитулировали,

341

провозгласили Ломоносова профессором с жалованьем в 500 рублей и согласились обратиться в Сенат за официальной апробацией.

28 июня заветное письмо, заверенное Винсгей-мом, отнесли Шумахеру. Тот не принял его, не обнаружив при бумаге положенной выписки из протокола. Тем же вечером или в один из праздничных дней (Шумахер работал в Канцелярии ежедневно, кроме воскресений и праздников, с девяти часов утра до двух пополудни, реже с восьми или десяти часов пополуночи до часа или трех дня; в субботу 29 июня отмечали тезоименитство великого князя Петра Федоровича; 30 июня — воскресенье) советник встретился с Ломоносовым и поручил ему на очередном заседании Конференции 1 июля уведомить забывчивых академиков о выписке, которую конференц-секретарь обязан лично предъявить в Канцелярии. В понедельник претендент указал Конференции на допущенный промах, а в четверг 4 июля Винсгейм доставил документ на второй этаж Кунсткамеры в кабинет библиотекаря. Дальше все пошло как по маслу. Шумахер не спеша, соблюдая все формальности, сочинил доношение в Сенат, 12 июля завизировал документ и 18-го числа подал на рассмотрение верховного правительственного учреждения. Сенаторы с решением определились в тот же день. 25 июля указ санкционировала императрица. 26 июля в Сенате с ним ознакомили Ломоносова. 30-го числа в церкви Святого Андрея Первозванного иерей Григорий Тихонов привел первого русского профессора к присяге: Михайло Васильевич произнес формулу клятвенного обещания и расписался на листе под самим текстом⁵⁶. Таким образом, Шумахер, хотя и с трудом, вывел Ломоносова в люди. Теперь оставалось разобраться со старой головной болью Академии — профессором Делилем, Жозеф Николя Делиль к лету 1743 года смирился с крахом гениальной задумки — ловкой интригой выбиться в президенты Петербургской академии наук.

342

Признав поражение, профессор астрономии сразу уgomонился, задумавшись о возвращении на родину. Колебался недолго. Распоряжение Следственной комиссии приостановить выплату академику жалованья заставило отбросить сомнения. 25 июня француз подал в Сенат прошение об отставке с выплатой всего положенного оклада за 1741 — 1743 годы, «дабы он мог с фамилиею своею во Францию, в свое отечество возвратится». Однако рассмотрение вопроса об увольнении и жалованье затянулось. На пути у выдающегося ученого опять встал Шумахер. Советник настаивал, чтобы ничего не платить Делилю до тех пор, «-пока он всего того не исполнит», что обязан сделать по должности, то есть не передаст Академии собранную им за истекшие годы научную информацию. Больше года профессор сопротивлялся, а потом отступил. 6 сентября 1744 года Делиль отрапортовал: «господину... Ле Роа действительно все

журналы моим наблюдениям... вручил, и показал по силе журнальной записи Канцелярии Академии наук от 3 сентября совершенное состояние всех инструментов на обсерватории...».

Шумахер слово сдержал и 8 сентября доложил сенаторам, что француз с Академией рассчитался, и если возражений нет, то можно оформлять увольнение. Сенат возражений не представил, но и давать добро не торопился. В таком подвешенном состоянии Делиль пребывал более полугода. Ученый возобновил посещения заседаний Конференции (с 26 октября), продолжал руководить астрономическими исследованиями на башне Кунсткамеры, а кроме того, вызвался подготовить нескольких астрономов из русских студентов. Тогда к нему направили Коврина, Чадова и Попова — того самого «пламенного революционера», который подписывал с недовольными товарищами жалобу в Сенат, уличал Шумахера в подлоге и столь яростно требовал от Следственной комиссии «правды», что первым из доносителей угодил под арест — 12 ноября 1742 года (товарищи, за исключением А. Полякова, арестованы 13 января 1743 года).

343

За два без малого года заключения (до 19 августа 1744 года) активный заговорщик понял: за торжество русской науки нужно сражаться не с лозунгами на баррикадах, а прилежной учебой и диссертациями. И вот после освобождения вчерашний смутьян принялся с той же страстью, с какой боролся против немцев, черпать у тех же немцев знания. Через три с половиной года, 19 января 1748 года профессор Винсгейм рекомендовал Канцелярии студента Попова как юношу, достойного ранга адъюнкта. В тот же день «враг русского народа» Шумахер, не откладывая, произвел претендента в первое ученое звание. А по прошествии еще трех лет, 1 марта 1751 года, в России появился первый русский профессор астрономии — Никита Иванович Попов³⁷. Между тем учитель Попова — Жозеф Делиль, так и не дождавшись высочайшей резолюции на свое прошение, обратился за помощью во французское посольство. 24 мая 1745 года господин Дальон вручил М. Л. Воронцову меморандум, в котором напомнил Коллегии иностранных дел о желании соотечественника покинуть Россию, получив предварительно причитающиеся за четыре года деньги. Только после этого российская бюрократическая машина завертелась. Вице-канцлер 4 июня уведомил сенаторов о запросе Дальона, те подсуетились, написали доклад и 4 июля отправили его на подпись к императрице. А пока Сенат возился с бумагами, Михаил Ларионович по линии внешнеполитического ведомства на аудиенции 19 июля проинформировал Елизавету Петровну о намерении Делиля вернуться во Францию. Новость ее весьма удивила. «В разсуждении, что оной профессор при Академии надобен», царица поручила Воронцову спросить ученого, «за каким неудовольствием он желает из России в отечество отъехать», и непременно «его склонять, чтоб он здесь еще остался». Воронцов встретился с академиком и сообщил ему о реакции Ее Величества. Тот объяснил свой отъезд тем, что, во-первых, в течение четырех лет не получал определенное по контракту жалованье, а во-вторых, — «за некоторыми

344

демии наук непорядками». Если же деньги выплатят и «прочее» учтут, то «он, Делиль, еще в России остат-ся на некоторое время» согласен. Перечень творящихся при Академии «непорядков» француз изложил в переданной Его Превосходительству записке от 19 июля 1745 года. 2 августа Воронцов донес государыне о безденежье академика и скудном финансировании обсерватории, умолчав о других претензиях. В итоге самодержица повелела жалованье по майскую треть 1745 года в 6346 рублей 33 копейки, за вычетом долгов, профессору выдать незамедлительно, пригласить

астронома в Сенат и предложить ему продлить на несколько лет контракт. Сенаторы исполнили указ императрицы. Штатс-контору обязали выплатить деньги, астронома вызвали на намеченное на 7 августа заседание.

Узнав, насколько благосклонны к нему при русском Дворе, Делиль приободрился и взялся за старое. Раз Елизавета так хлопочет о нем, то пусть выбирает: либо Шумахер, либо ученая знаменитость во главе Академии. 7-го числа академик пообщался, благодаря хорошему переводу В. Е. Адодурова, с сенаторами. Прослушал текст указа, поведал о переговорах с Воронцовым, пообещал поскорее представить в письменном виде тезисы по реформе управления Академией. Вельможи заверили, что по проекту «рассмотрение учинено будет немедленно, и он без удовольствия оставлен не будет». На том и расстались³⁸.

8 августа ультиматум был готов, но Воронцов поостерегся подносить документ императрице, ибо «кондиции», выдвинутые подданным французского короля, производили очень неприятное впечатление: «Первой и знатнейшей... способ, которой бы меня еще в России при Академии наук несколько лет ос-татся склонил и без которого моя служба не может Ея Императорскому Величеству полезна быть, состоит в том, чтоб Академия была таким образом установлена, чтоб Канцелярия не имела никакой власти над профессорами и над принадлежащими вещами до наук, ниже над академической экономией. А оное установление можно в действо произвести, давши Ака-

345

демии регламент, по которому бы она на разный департаменты, касающийся до наук, разделена была. И чтоб каждой профессор над приличным ему департаментом главным был. И в том бы никому иному ответу не дал, как толко Правительствующему Сенату и профессорскому корпусу. К тому же надлежало бы по намерению блаженныя и вечно достойныя памяти государя императора Петра Великого, как в регламенте от 22 января 1724 году написано, выбрать одного из профессоров в Президенты или в директоры, которой бы безпеременно в оном чину находился или по переменно каждой год или полгода... А понеже ис профессоров я старший и имею совершенное известие о всех протчих эвропейских Академиях, при которых от болшей части членом счисляюсь, для того уповал, что директорское избрание сперва бы мне досталось...»

Таковы максимальные требования Делиля. Если же правительство кардинальной реформы Академии не хочет, то ученый согласен ограничиться абсолютным контролем над астрономической обсерваторией и географическим департаментом, «с академической Канцелярией никакого дела» не имеющими, а подчиняющимися напрямую Сенату, с которым профессор намерен и контракты заключить. Адъюнктов и студентов, обучающихся астрономии и географии, надлежит отдать в полную его «волю». О них держать ответ он собирается только перед Конференцией. Кроме того, ученый претендует на профессорское место в Морской академии и просит дозволения в случае одобрения доложить обо всем Людовику XV³⁹. Фактически прославленный астроном в угоду личных амбиций предлагал российской императрице развалить Петербургскую академию, сведя значение Канцелярии до уровня обычной бухгалтерии, выдающей жалованье и оплачивающей покупки. Решать, что покупать и кому какой оклад начислять, следовало главам независимых департаментов. Эти главы, формально подотчетные друг другу и Сенату, реально превратились бы в маленьких царьков внутри своих департаментов. И чтобы проверить их дея-

346

тельность, пришлось бы прикладывать огромные усилия. Ведь чем выше по статусу надзирающий орган, тем проще уйти от ответственности. А как финансировать

подобный конгломерат? По-прежнему, из общей кассы или заводить на каждого строку в государственном бюджете?! Вице-канцлер понимал, какотреагирует Елизавета Петровна на подобные инициативы, и предпочел не навлекать высочайший гнев на французскую знаменитость.

В результате 19 августа на свет появился следующий указ: «Понеже астрономии профессор Делиль обязуется вновь в службе нашей от сего времени на четыре года... остаться, того ради нашему Сенату все-милостивейше повелеваем такой новой контракт с ним Делилем заключить... А понеже он представляет, что обсерватория, при которой он свою профессию отправлять имеет всеми потребными инструментами и поныне не снабдена, зачем и служба его здесь с пользою быть не может (а на сию издержку от пяти до шести тысяч рублей надобно), и для того велеть такую сумму в Академию отпустить и помянутую аб-серваторию потребными инструментами по предложению его, Делиля, снабдить немедленно»⁴⁰.

Указ обескуражил Делиля. Казалось, все складывается на редкость удачно.

Императрица заинтересована в нем. Воронцов вскоре после получения записки от 8 августа шепнул по секрету, что Ея Величество «соблаговолила... все обещать». В Академии дела пошли тоже хорошо. Шумахер повздорил с семью академиками. Вейтбрехт, Гмелин, Миллер, Леруа, Штег-лин, Рихман и Сигезбек добились от Сената разрешения получить свое жалованье (на семерых — более 5 тысяч рублей) за сентябрьскую треть 1744-го и январскую треть 1745 годов из Штатс-конторы в счет всех академических денег 1744 и 1745 годов. А так как половину из полного годового содержания 1745 года в Академию не успели «отпустить», то Шумахер, опасаясь, что профессора заберут всю наличность (и остальным платить жалованье будет не из чего), 15 июля запретил им обращаться в Штатс-контору за деньгами, пока он не добьется перевода всей задер-

347

жанной суммы. Профессора, естественно, разозлились на него и начали писать жалобы в Сенат на шу-махеровы притеснения. Наспех сочиненную первую челобитную отослали 17 июля. 25-го числа настрочили вторую, в которой говорилось, что «главная причина всем при Академии непорядкам состоит в том, что советник Шумахер... всякие дела при Академии, как ученые, так и экономический, хочет править один собою в своей канцелярии без общего Академии согласия. А такой власти ни по каким указам... ему не дано». Кроме того, советник не участвует в заседаниях Конференции, присылаемые в Канцелярию указы академикам не оглашает, доношения от имени Академии с ними не согласует, создавать химическую лабораторию не спешит, распространению наук не покровительствует, а заботится «более о художествах и ремеслах». На этой челобитной, сочиненной наверняка с подачи француза, к прежним именам добавились автографы Делиля и Винсгейма. 7 августа Сенат принял еще одну челобитную в развитие первых двух. Делиль очень надеялся, что в совокупности жалобы академиков и перечисленные им требования произведут необходимый эффект. Однако, судя по царскому указу, ни поданные им «кондиции», ни разгоревшийся в стенах Академии скандал, ни объединение против Шумахера всех профессоров не произвели на государыню впечатления. Она жаловала много денег, но во власти отказывала. Иными словами, России нужен Делиль — астроном, а не Делиль — президент Академии. Несмотря на прозрачный намек, профессор не успокоился. Претендент в президенты, вероятно, догадавшись о хитрости Воронцова, попробовал достучаться до царицы через Сенат. Когда 10 сентября 1745 года Шумахер поинтересовался у него, намерен ли он подписать контракт на четыре года с жалованьем 2400 рублей, француз попросил обождать недельку.

12 сентября Делиль представил на рассмотрение Сената условия, при которых он

готов продлить контракт с Академией. Они ничем не отличались от тех, которые прочитал вице-канцлер. И в тот же день в

348
Сенате зарегистрировали четвертую жалобу академиков. В новой петиции критика Шумахера достигла апогея: «„понеже сия канцелярия токмо Академию в напрасные убытки и долги привела... того ради, для пресечения впредь таких непотребностей и для благосостояния Академии и ради общей ползы отечества, весьма нужно и необходимо потребно вышеозначенную академическую канцелярию отставить...», а «правление канцелярских дел» передать академикам. Пятая, еще более объемная челобитная легла на стол сенаторов 3 октября. На ней, кроме прочих, подписались Триаковский и Ломоносов⁴¹.

К ноябрю обстановка в Академии накалилась до предела. И. Г. Сигезбек требовал спросить с Шумахера за плохое обеспечение ботанического сада припасами. П. Леруа и М. Ломоносов внесли проекты о штате Академии. 2—4 ноября Шумахер поссорился с И. Гмелиным из-за оплаты работы частных копиистов. Шелин убедил коллег призвать советника к ответу. Советник публично назвал академика плутом, после чего 28 ноября очередная жалоба на главу Канцелярии отправилась в Сенат. А заваленный жалобами Сенат настойчиво просил императрицу решить, наконец, вопрос о президенте⁴². Зимой в Академии страсти несколько улеглись, хотя вражда профессоров с Канцелярией нисколько не затихла. Снять напряжение и восстановить порядок в академическом городке на Васильевском острове могло только назначение президента. Елизавета Петровна обратила внимание на положение академиков весной 1746 года. Тогда же она, очевидно, при посредничестве сенаторов ознакомилась с ультиматумом Делиля. Увы, Воронцов не зря пытался уберечь французского ученого от опрометчивого шага. Настырность знаменитого профессора не пошла ему на пользу. Императрица быстро разобралась в ситуации, разглядела опасность, исходившую от амбициозного проекта честолюбивого астронома, и приняла соответствующие меры. 21 мая 1746 года государыня пожаловала в президенты Академии наук К. Г. Разумовского, человека мягкого, об-

349
разованного, не склонного к интригам. В помощь молодому президенту царица командировала Г. Н. Теп-лова, сопровождавшего графа в заграничном турне 1743—1745 годов и прекрасно осведомленного об академических порядках. Отрывать от важной работы дипломатов по примеру предшественников дочь Петра Великого не стала. По меткому замечанию обер-гофмейстера Х. Б. Миниха в письме Ангальт-Цербстской принцессе от 31 мая (11 июня), российская Академия «защитения требовала, и Ея Императорское Величество оную тем снабдила». Психическая атака Делиля потерпела неудачу. Он проиграл. Тем не менее императрица не торопилась выдворять профессора на родину. Шесть раз (трижды в 1745 и столько же в 1746 годах) подчиненные Шумахера предлагали астроному подписать договор на прежних условиях (2400 рублей в год, плюс 6000 рублей на оборудование обсерватории). «Однакож... Делиль к заключению онаго контракта... не склонился. И по многократным от канцелярии приказом никаких кондиций к заключению контракта не представил, и от канцелярии предложенных ему кондиций не принял и высочайшей имянной Ея Импера-торскаго Величества указ совсем тем, как во оном изображено, не исполнил...»

Поэтому 8 января 1747 года К. Г. Разумовский француза из Академии уволил. Причем простились с ним цивилизованно. 26 марта 1747 года астронома назначили почетным членом Академии, а перед отъездом позволили взять с собой большую часть произведенных им за двадцать лет астрономических наблюдений для приведения их в

порядок и последующего сообщения итогов Конференции. 29 мая 1747 года Делиль покинул Петербург. Вернувшись во Францию, он расторгнул договор, не возвратил взятых на время журналов и принялся всячески чернить заведение, в котором прослужил более двадцати лет. Так в Петербургской академии наук завершилась эпоха Делиля. Звезда славного французского ученого закатилась. Звезда славного русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова взошла⁴³.

350

12 июля 1748 года И. Д. Шумахер, отправляя Л. Эйлеру второе послание Ломоносова от 5 июля (с изложением атомистической теории строения вещества), в собственном письме математику заметил: «Я советовал господину Ломоносову действовать во всех случаях осторожно и это-то имело последствием настоящее письмо. Оно выказывает, что у него настоящий академический дух. Для поощрения его, г. президент приказал привести лабораторию в такое состояние, чтобы он мог более удобно и с пользою производить все опыты, какие только случаются в химии». Вероятно, Иван Данилович, поддерживая русского гения в трудные минуты, видел в нем не просто первого русского профессора, а выдающегося ученого-химика, способного поразить Европу новыми открытиями.

И надежды Шумахера, безусловно, оправдались бы, не познакомься Михаил Васильевич зимой 1749/50 года с камер-юнкером Ее Императорского Величества Иваном Ивановичем Шуваловым. Благодаря покровительству фаворита императрицы Ломоносов развернул бурную деятельность в естественно-научной, гуманитарной и художественной сферах. В итоге фундаментальные исследования в химической лаборатории были замедлены, а уже сформулированный закон сохранения вещества не получил необходимого опытного подкрепления в вакуумной среде (ее создание затруднялось низким качеством воздушных насосов). На первый план вышли мозаичное искусство, сочинение русской истории и грамматики. Позднее — проблемы учреждения Московского и реорганизации Петербургского университетов. Ученый увлеченно брался за все: постигал природу северных сияний и молнии, причины землетрясений; наблюдал за планетами и организовывал морские полярные экспедиции, произносил похвальные слова, писал оды и трагедии для русского театра. А увенчать разработанную им концепцию соответствующими практическими данными так и не сумел. За него это сделал через тридцать лет А. Лавуазье.

351

Наверное, Шумахер с огромным разочарованием взирал на то, как его протеже, фактически забросив главное дело жизни, растрачивал силы на изучение смежных дисциплин, Ломоносов умудрился выдвинуть бесчисленное множество оригинальных идей, не имевших четкой доказательной опоры и потому отвергнутых ученым сообществом того времени. До логического конца он довел лишь восстановление мозаичного искусства, реформу русской словесности и образования. Все остальное, за редким исключением, походило на любопытные, но необоснованные фантазии. Разве такого вклада в мировую науку следовало ожидать от первого русского профессора?! Да, Иван Данилович имел право записать неутомимого помора в неудачники. Ведь он не знал, что именно научными фантазиями взятого когда-то им под опеку студента, как гениальными прозрениями, будут восхищаться потомки. Потому что подавляющее большинство в принципе голословных утверждений Ломоносова спустя годы стараниями ученых всего мира приобретет значение научной истины. И пусть победную точку в ломоносовском законе сохранения вещества поставил француз Лавуазье. Зато никто, кроме простого русского мужика, не сумел заглянуть столь далеко в будущее науки.

Ломоносов заявил в середине века, что состав любого вещества всегда постоянен и не

зависит от типа материала, из которого вещество получено. Через полвека опытным путем к тому же результату придет француз Ж. Пруст. Ломоносов настаивал на том, что выделяющийся при горении многих материальных тел флогистон — это не просто некое неосязаемое вещество, а состоящий из атомов и молекул «горючий пар*». В 1766 году англичанин Г. Кавендиш получил тот пар — водород — в чистом виде. Ломоносов считал, что свет и электричество — явления взаимосвязанные. В 1875 году англичанин Д. Керр доказал это. Ломоносов, заметив «огненное кольцо вокруг* Венеры при прохождении планеты по диску Солнца, сделал не удовлетворивший других ученых вывод — Венера обладает атмосферой. На исходе столетия не-

352

мец Шретер и англичанин Гершель на основании явления удлинения рогов Венеры признали существование газовой оболочки. Ломоносов первым обратил внимание на то, что рельеф земной поверхности постепенно образуется под влиянием как внешних сил (ветер, вода), так и внутренних (землетрясения, вулканы). В 1830 году англичанин Ч. Лайель с аргументами на руках опроверг популярную до того теорию катастроф. Ломоносов на кончике пера открыл зависимость постоянства углов в кристаллах от их внутреннего строения. Через сто лет француз Бровэ убедился в этом экспериментально. За Ломоносовым приоритет в предложении молекулярно-кинетической теории, за Д. Дальтоном — в нахождении подтверждений ее объективности. Ломоносов умозрительно сформулировал закон сохранения движения (энергии). Опыты немца Р. Майера подвели под него надежный фактический фундамент. И это лишь малая толика примеров прозрения русского ученого. Конечно, жаль, что у Ломоносова не хватило терпения создать воздушный насос, обеспечивающий в колбе давление, необходимое для создания вакуума, и не он, а другой обнаружил отсутствие окисления металлов в вакууме. Однако общемировое значение заслуг великого помора это нисколько не умаляет, ибо оно, прежде всего, заключается в том, что Ломоносов, как никто другой, продемонстрировал уникальную способность человеческого разума при отсутствии экспериментальных данных, по бросающимся в глаза незначительным деталям тех или иных природных явлений, правильно понимать истинную картину мироздания в целом.

<'Заблуждались бы математики, если бы, отбросив самые простые понятия, стали исследовать трудные. Заблуждаются физики, когда пренебрегают тем, что Дает повседневный опыт, и ставят изысканные и ТРУДНЫЕ опыты*'. Эти слова Михаил Васильевич написал в 1741 — 1743 годах. Ими руководствовался на протяжении всей жизни. Поэтому и сумел предугадать множество из тех открытий, которые удивят Ученый мир через полвека, сто лет и даже двести. Так

12 к п

14 Инсаоенк)

ЧЧЗ

JJJ

что не напрасно глава академической канцелярии поддержал гениального самородка. Профессор Ломоносов исполнил свою историческую миссию не менее блестяще, чем администратор Шумахер, в условиях безденежья поднявший на ноги и сохранивший от развала Петербургскую академию наук⁴⁴.

Глава 13

Господа и холопы

1755 ноябрь

05-Ее Величество изводила переехать в Зимний у Невы

деревянный дворец в 6 часов вечера. 08. Переехал Его Высочество Вел. кн. П[авел] Щетрович в Зимний дом. 10. Их Высочества Р. Е. [переехали в Зимний дом]

Наверняка графиня и статс-дама Мария Андреевна Румянцева всплеснула руками и произнесла что-нибудь типа: «Что же он, негодяй, делает?!», когда ей на глаза попался восемьдесят четвертый номер «Санкт-Петербургских ведомостей» от 20 октября 1755

года, в котором на третьей странице было напечатано поразившее вдову генерала объявление: «Двора Ея Императорского Величества штатс-дамы, Ея Сиятельства графини Марии Андреевны Румянцевой арестованной за вексельные долги и оцененной в 3000 рублей двор, состоящей на Фонтанке речке, желающим купить явиться в Магистратской канторе немедленно».

Как же это возможно, чтобы обыкновенный мужик, холоп чужой барыни решал, что из имущества высокородной дворянки описывать для погашения долга?! Так или примерно так думала возмущенная аристократка в тот весьма неприятный для нее момент. Между прочим, векселей она купцам раздала не на столь уж великую сумму. Всего четыре тысячи двести тридцать пять рублей и восемьдесят одну копейку имели право потребовать с нее кредиторы¹. И ведь могли господа торговцы уладить дело полюбовно, не

354

доходя до крайности. Тем более что графиня Румянцева от долга не отказывалась и со временем со всеми бы рассчиталась.

АН нет. Купцам нестерпимо. Отыскивали где-то наглеца, умеющего быстро вытряхивать из должников рубли, действующего последовательно и жестко. Говорят, сей умник не постеснялся из княгини Трубецкой вытянуть пятьсот рублей за долговую расписку стоимостью в триста рублей. И никто не в силах совладать с пройдохой. Главный Магистрат просто пошел у него на поводу и 16 октября разослал по всем конторам предупреждение о том, что деревянный дом госпожи Румянцевой на Фонтанке подлежит конфискации². И вот теперь это злосчастное объявление в газете. Как же ей остановить пронырливого дельца? Видно, только с помощью государыни. Больше надеяться не на кого!

Мария Андреевна села за стол, взялась за перо, придвинула к себе лист бумаги. На минуту задумалась, вспоминая, кто сегодня дежурит при императрице — Петр Иванович, Александр Иванович или Александр Борисович? Кажется, Бутурлин. К нему она и обратилась за содействием:

«Батюшка мой, Александр Борисыч!

Дом мой в закладе не бывал, и еще не описали. А в газетах уже напечатали. А накупился на меня человек кнеини Александры Ивановны Куракиной Соловьев. И я ему объевила, что кои час денги получу, то заплачу. Оной толко тем живет. И публично в Магистрате сказал: уже ди не первая. Потезеле ди была штац-да-ма кнеиня Анна Львовна. И с тою управился. То изволь милостиво разсудить. Ежели холопам волю дадут, то нам бедным в дом[е] от них разарится. Ибо он из капекейки (так в рукописи. — *К. П.*) рат обидить. И купец, которой должен, и тому сроки дают. При сем посылаю, у ково он скупил и суму. Прочим, кому Должна, таки честные люди, что сроки дали, как я из-гфавлюсь. А он такую абиду из такой малой суму зделал, что думала вчерась паралич придет от такой ево °биды. Вашего Превозходителства покорная услуж- ница Г. М. Румянцева»³.

355

Тем же вечером генерал-адъютант А. Б. Бутурлин ознакомился с запиской Румянцевой. Чуть позже жалоба статс-дамы стала известна и Ее Величеству. Вне зависимости от причины, процедура отчуждения имущества всегда одинакова. В ворота стучится чиновник или офицер, который письменно или устно извещает управляющего домом о незавидной участи вверенного ему владения, после чего солдаты занимают заранее намеченные позиции, а гражданские лица приступают к инвентаризации недвижимости и всего, что в ней находится на тот час. Различны только службы, выполняющие печальную миссию. На Марию Андреевну, провинившуюся в экономической области, ополчилась команда Главного Магистрата.

Приятелю и соседу Румянцевых, графу Лес-току не повезло больше. У него в ноябре 1748 года за политические прегрешения сотрудники Тайной канцелярии отобрали не один, а сразу три дворца.

Иоганн Герман Лесток — приятный собеседник, искренний друг, искусный медик — после блистательно осуществленного в ноябре 1741 года переворота в пользу дочери Петра Великого возомнил себя профессиональным политиком. Елизавета Петровна по ряду причин не спешила выводить доктора из заблуждения, хотя понимала, что лейб-медик не тянет на роль государственного мужа. Жано не умел трезво оценивать ситуацию и заранее просчитывать свои действия. А кроме того, фанатично стремился воплотить в жизнь давнюю мечту: связать Францию и Россию узами прочной и подлинной дружбы. Лесток настойчиво уговаривал царицу заключить с Версальским двором союзный договор. Доводы приводил следующие: «...Франция имеет огромное влияние на Швецию и Турцию. И, коль скоро здесь приобретена будет дружба этой державы, то другие два соседа — короли прусский и польский — сами собою примкнут к союзу. Морские же державы по причине постоянной потребности в товаре из России должны будут остаться в дружественных с нею отношениях. Тот

356

министр, который вселяет в государыню не такого рода убеждения либо не понимает ее интересов, либо нарочно пренебрегает ими»⁴.

Елизавета Петровна порой соглашалась с речами лейб-медика, осыпала милостями его друга — посла Шетарди, но практических шагов по заключению союза не предпринимала. Зато внимательно отслеживала реакцию министров на проект эскулапа. Те же весной 1742 года, проанализировав информацию, поступившую в Петербург из российских посольств за рубежом (из Гааги, Лондона, Берлина и особенно Парижа от А. Кантемира), пришли к неутешительному выводу: французы вовсе не собираются дружить с Россией; Версалью данный союз нужен лишь для того, чтобы эффективнее препятствовать возрастанию российского влияния в Европе. Это стало очевидным после непродолжительного пребывания в Северной столице шведского посла Нолькена, приехавшего в Петербург 22 апреля (2 мая) 1742 года. Три товарища — Шетарди, Нолькен и Лесток — принялись активно внушать царице мысль завершить войну со шведами на мягких для противника условиях. Причем лейб-медик искренне думал, что такой мир принесет России больше пользы.

Осознав опасность, которую не замечал президент Медицинской канцелярии, вице-канцлер Алексей Петрович и обер-гофмаршал Михаил Петрович Бестужевы забили тревогу. Лесток предостережению не внял и продолжал гнуть свою линию. Тогда Бестужев-младший ознакомил императрицу с донесением А. Кантемира, советовавшего не верить французам. Императрица публично сочла аргументы русского посла в Париже слабыми и взяла под защиту врача, сказав, что «дружба Франции полезна и желательна» и она располагает множеством доказательств «рвения и преданности» Шетарди. Однако несмотря на столь лестные высочайшие отзывы, французский посол безуспешно добивался от царицы конкретных мер по заключению многообещающего альянса⁵.

Между тем Лесток отнесся к выпад Бестужева как ^к предательству. Ведь он в ноябре 1741 года лично

357

рекомендовал недавнего товарища Бирона государыне на пост вице-канцлера. И вот протеже оказался неблагодарным изменником. А таковым нет пощады. «Любимец» поклялся свалить вероломного сановника и в будущем ни разу не отступил от данного им слова. Правда, императрица почему-то игнорировала просьбы друга и не торопилась с увольнением Бестужева. Напротив, в конце года встречи государыни с

вице-канцлером участвовали, и она, кажется, поверила в заявления упрямых братьев, по-прежнему обвинявших версальский кабинет в коварстве. Не вполне понимая, почему самодержица охладела к французам, лейб-медик попытался «образумить» августейшую пациентку. Даже вручил ей в запечатанном конверте прогноз на ближайший месяц, предоставив Елизавете возможность самой убедиться в правоте преданного ей доктора⁶.

Ничего не помогло. Ее Величество по-прежнему считала личного врача лучшим другом, но продолжала поддерживать Алексея и Михаила Бестужевых, окончательно переложив на их плечи бремя внешнеполитических забот. Лесток жаждал реванша и потому не прекращал атак на братьев. Но все усилия энергичного лейб-медика пропали втуне. Не помогли ни деньги Людовика XV и Фридриха II, ни советы опытного Мардефельда и остроумного Шетарди, ни помощь Брюммера и принцессы Ангальт-Цербстской, ни сострепанное доктором дело Лопухиных. Алексей Петрович Бестужев отразил натиски одолел всех союзников Лестока. В июне 1744 года из России выслали маркиза Шетарди. В сентябре 1745 года страну покинула мать великой княгини Екатерины. Через год упаковал чемоданы Брюммер. Чуть позже возвратился на родину прусский посол Мардефельд. Наконец, в ноябре 1748 года настал черед самого уроженца Ганновера поплатиться за клевету и связь с враждебными дворами. Бестужев убедил императрицу в необходимости взять беспокойного эскулапа под стражу.

10 ноября 1748 года был арестован племянник и секретарь Лестока А. Шапизо. 13 ноября солдаты

358

встали у дверей дома лейб-медика. 16 ноября опального вельможу перевели в Петропавловскую крепость, а 2 декабря императрица велела «в доме Лестока пожитки его все без остатку описать». Исполнить сие поручили специальной комиссии во главе с лейб-гвардии Семеновского полка капитаном-поручиком Прокофием Караваевым. Поручик Яков Сукин, регистратор Тайной канцелярии Яков Елцын и три подьячих главного комиссариата составили его команду⁷.

3 декабря 1748 года Прокофий Караваев с подчиненными приехал к каменному особняку Иоганна Лестока у Красного канала. Ныне на этом месте вдоль всего Марсова поля протянулось длинное здание Ленэнерго. А тогда здесь располагался особый квартал, обособленный от основной аристократической застройки, разместившейся на Миллионной улице и по берегам Мойки. Включал квартал всего пять домов. На углу Красного канала и Мойки возвышались два дворца Павла Ивановича Ягужинского, за ним — особняк генерала А. И. Румянцева. Рядом стоял дворец бывшей цесаревны Елизаветы Петровны. Пятый и последний дом принадлежал Моисею Ивановичу Владиславичу, племяннику знаменитого Саввы Рагузинского. 8 декабря 1742 года хозяин продал двор за девять тысяч рублей лейб-медику царицы И. Лестоку. Еще одной достопримечательностью квартала, примыкавшей с севера к купленному Лестоком участку, был огромный дворцовый пруд. В нем рыбаки разводили и ловили для императорского стола разную рыбную снесь⁸. Новоприобретенное Лестоком владение напоминало каменное каре с внутренним двором. Главный корпус и флигеля занимали восточную сторону с обращенным на Красный канал фасадом. С севера, запада и юга территорию окаймляли хозяйственные строения — каретный сарай, конюшня, кухня, пять жилых для слуг и две холодные палаты.

В сенях дворца комиссию встретил капитан-поручик Семеновского полка Федор Уваров — начальник караула солдат, охранявшего дворец с 13 ноября. Офицер представил однополчанам слуг арестован-

359

ного сановника, которым следовало помочь команде Караваяева точно и полно описать все вещи лейб-медика. Первым делом двух дворецких — Ивана Шрей-дера и Ивана Вендорфа. Хотя второй работал в доме с марта 1747 года, а товарищ его — около пяти лет, Вендорф получал более высокое жалованье — 120 рублей в год, в то время как Шрейдер — лишь 80. Более того, существенную прибавку в семейный бюджет Вендорфа приносила жена дворецкого Анна, служившая у Лестока кастильяншей за 30 рублей в год. Яган Готлиб Фидлер, живя в доме с августа 1747 года, исполнял при Его Сиятельстве должность камердинера (за 60 рублей). Не менее важной фигурой, чем дворецкий, считался кухмистер Фридрих Любецкой (нанят в мае 1748 года). Оклад повара говорил сам за себя — 140 рублей в год.

Такова элита вельможной прислуги, состоявшей из вольных иностранцев. Среди служителей рангом пониже тоже значились иноземцы, но преобладали россияне, как вольные, так и крепостные. Лакеи Иван Бараковский и Христиан Бренк, кухмистерский ученик Антон Фохт, а также кучер Никита Никитин (ранее конюх при Кадетском корпусе) обладали полной свободой и зависели только от того, кто платил им жалованье. У лакеев Прокофия Булакова и Ивана Шелаурова ситуация сложнее. Они государственные крестьяне. Один родом с Двинского уезда Архангельской губернии, другой — с Вологодчины, из Устюжского уезда. Второй к тому же обременен семьей — женой и двумя сыновьями. Работники Григорий Кондратьев и Филипп Пантелеев — крестьяне соответственно Антониевского (под Архангельском) и Ферапонтова (в Белозерском уезде) монастырей.

Крепостных людей у Лестока было более половины: лакеи Андрей Галтеев, Василий Карташев (у обоих жены и дети), Андрей Тимофеев; конюхи Матвей Емельянов и Афанасий Чалов (с женой); камер-юнкера Марии-Авроры Лесток Беата Андреева (подарок принцессы Анны Леопольдовны), помогавшие ей Анна Мартьянова, Аграфена Афанасьева, Марина

360

Антонова, Акинья Никитина; мальчики калмык Ермолай Панин и башкир Петр Иванов (до крещения Ишберды Табелдин). Из них Андрей Тимофеев и Матвей Емельянов являлись вольнонаемными дворовыми. Взяв паспорта у господ — отставного поручика Алетева и графини Нарышкиной, они подрядились за небольшую плату на работу к именитому вельможе. Остальные — собственность лейб-медика, попавшая к нему в основном благодаря добровольным подношениям знакомых докторов и врачей. Анну Мартьянову, например, подарил лечивший великую княгиню Екатерину Алексеевну Роберо Санхес, а Петра Иванова — Франц Риндер⁹.

Кстати о паспорте. На основании этого документа крепостные и посадские люди из разных областей империи принимались на службу к богатым купцам и к знатным особам, в том числе и к имевшим доступ ко Двору. Обладал подобным удостоверением и слуга племянника Лестока, капитана Ингерманландского пехотного полка Александра Шапизо Иван Алексеевич Лентьев — государственный крестьянин из-под Архангельска. Выглядел паспорт Лентьева так:

«По указу Ея Императорскаго Величества и по опубликованному в народе плакату. Отпущен нижеподписанной в работу для прокормления по покормежной, которая явлена и оставлена при подушном зборе и в книгу записана под номером / 311. И с сим отпуском волно *ево* до срочного означенного в сем пропуску числа в наймах и в работах держать. А по сроке явитца в доме своем и более нигде не жить и никому не держать под таким подтверждением, как в плакате изображено. Сия покормежная за подписью города *Архангелского* воеводы и обретающагося у подушного збору офицера и за печатью воеводской канцелярии дана *декабря пятого на десять* дня 1747

года.

Из архангелогородской губернской канцелярии от подушного збору двинского уезда Лентьева стану крестьянин Иван Алексеев сын Лентьев в Санкт-Петербург до срока декабря да первого числа тысяча семьсот пятидесятого году. В приметы: ростом два

361

аршина четыре верха, лицом смугол, волосом свет-лорус, нос невелик, борода на проусьи.

Губернаторской товарищ Федор Бутковской. Ко-лежский ассессор Сергей Суков. Подпорутчик Дмитрей Дубаков. Канцелярист Алексей Малой»¹⁰.

Об условиях жизни, принуждавших мужика отправляться за тридевять земель от родного очага в поисках заработка, повествует любопытное письмо родителей Лентьева сыну, попавшее вместе с другими бумагами племянника Лестока в Тайную канцелярию: «1745 году генваря 6 дня.

Сыну нашему Ивану Алексевичу от отца твоего Алексея и от матери твоей Гликерии мир и благословение посылаем и желаем тебе доброго здравия и сщасливаго пребывания на лета многа и с любящими тобою.

Братцу нашему Ивану Алексевичу от братьей твоих Андрея, Петра и от Ылии, и от сестрицы твоей Марьи Алексеевны по великому челобитию и по ниско-му до лили земли поклону.

От невески твоей Елисаветы и от племянников твоих Иванов по великому челобитию и по поклону и от третьево Федота и ото всех твоих сродников и приятелей и соседрв по великому челобитию и по нискому поклону.

Ведомо тебе буди, сын наш, Иван Алексевич, что мы прошлого года получили три рубли денег на шубу и на кавтан от Егора Маркова. А на оные денги купили кавтан и шубу. А досталную полтину матери твоей отдали и за то весма благодарим за ваше к нам неоставление, за што за вас должны Бога молить. Да еще тебе во известие буди, которые прислал три рубли вторишно с Егором Марковым и оные сполна получили, и за то много благодарны.

Да во известие тебе буди сын наш Иван Алексевич, что мать твоя Гликерия жевет на дворе у пастора га-ланского в горницы с дитятем. Водитца с ыюля с 3 числа и поныне. А понеже ныне нас постигла великая скудость для того, что глеб дорог и семена были весма дороги, а купить у нас не нашто, а у матери твоей все жемчюжна и протчее в заклад отдано. А еще

362

вполне насаятце не могли, понеже нас семья издоли-ла, а мать твоя живет той ради нужды, жалеет своей дочери, а твоей сестры. Понеже протчие выйдут вси в награде, а твоей сестры и надеть нечего. А буди от тебя будет милость и я единочастно з двора сойду, а как бы не ега нужда и я бы не стала на дворе жить, что ты и сам известен. Уже мне не молоды лета, а нам как не жить и добрым людей не служить, разве нам по дворам ходить. А братья твои не в самой силы, а у болшаго твоего брата и у самого семья велика, что ты и сам известен. А меньшему твоему брату и надеть нечего, в чем и на улицу выти со своими товарищами, не то в чем на работу ити. А нам как их обувать и одевать и есть будет нечего и с правежа не бывать, что у нас тягло велико и накладку кладут болшую. Отцу по-ипрека, что вы живите в Питербурх, а мать твоя живет с совету домашних, скудости ради, а хлеб идет и[с] своего двора, а денег ряжено по осми рублев на год. Еже бы не эта нужда, и я бы сама на двор не згля-нула, а ты изволил писать, что ты от нас не получил никаких писем, а мы и сами в кручины и в слезах пребываем, что мы от тебя никаких писем не получали чрез вес год. По се число, как ныне получили от Егора Маркова. И не знаем про тебя, что ты жев или

мертв, про то мы неизвестны. И не отписал ты, куда нам и писма посылать...^{*11}

После знакомства с прислугой Лестока Прокофий Караваев с подчиненными пожелал осмотреть парадные комнаты, имущество которых им предстояло описывать. Главный огромный зал на первом этаже большого интереса у комиссии не вызвал. Разве что «буфет резной работы* с мраморной доской и тремя зеркалами да еще три зеркала «составные, каждое о дву стеклах», вдоль стен.

Основное внимание команда Караваева уделила анфиладе роскошно отделанных покоев на втором этаже. Китайский кабинет встретил их первым. «Красные с личинами и з галдареями» атласные обои (одиннадцать полотнищ) в массивных деревянных Рамах напомнили посетителям о нахлынувшем на Европу, в том числе и Россию, увлечении культурой

363

далекой азиатской страны. Комод медный с тремя выдвигающимися ящичками, два зеркала в резных деревянных рамах, под ними два мраморных столика, продолговатый стол, выложенный различными камушками и раковинами, а также софа, обитые красным трипом четыре кресла и несколько стульев (всего в гарнитуре — 24 стула) неплохо сочетались друг с другом и с вытканными восточными сюжетами на стенах. На софе лежали матрац, по краям две круглые, на спинке две прямоугольные подушки в красных атласных наволоках с такими же, как на обоях, фигурками. Дополняли этот ансамбль расставленные у стен пять больших кувшинов, два поменьше и «цветник китайский».

Из китайского кабинета Караваев с товарищами прошел в соседнюю, более просторную комнату. Здесь стены украшали соломенковые синие с серебром обои — двадцать семь полотнищ по четыре аршина длиною каждое, соединенные между собой деревянными позолоченными брусками. Убранство покоя было победнее: стенные часы в «синем лаковом корпусе, наверху с личиною* да пара зеркал с мраморными столиками.

К этому залу, предназначенному, по-видимому, для танцевальных вечеров, примыкали две гостиные — большая и малая. Первую обрамляли двенадцать с половиной полотнищ желтого индейского свистуну с цветочками, вторую — девять с половиной. На обе комнаты приходилось по шесть маленьких и по два больших кресла, по два стула и два табурета, обитых такой же тканью с аналогичным узором. Стояли в них также и обязательные для любой комнаты зеркала с мраморными столиками. А различались покои тем, что в первой гостиной имелся шкафчик «красного дерева за стеклом» с четырьмя полочками. В нем располагались портреты представителей царствующей династии. В 1-м ярусе — изображения в круглых деревянных рамах Петра Великого, Екатерины I (2 штуки), Елизаветы Петровны (один в анфас и один в профиль) и Анны Иоанновны. Во 2-м ярусе — девять картин, в 3-м — тринадцать,

364

в том числе портреты Их Высочеств Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. В 4-м ярусе — два портрета императрицы, два великой княгини и один принцессы Ангальт-Цербстской.

Затем слуги показали комиссии кабинет Лестока со стенами, покрытыми соломенковыми обоями зеленого цвета, украшенными вышитыми золотом травами (двадцать шесть полотнищ), и стандартной меблировкой — канаве, шесть кресел и два табурета с такой же обивкой. Кроме того, возле стены возвышался кабинет из красного дерева «с резным шкрен-делем золоченым з затворами зеркальными». Ну и, конечно, небольшое зеркало над столиком с мраморной доской и деревянными ножками. На стене висели картины — натюрморты и пейзажи.

Венчала анфиладу главная достопримечательность дворца — графская спальня.

Прежде всего се-меновцы увидели фон — зеленый, который создавали двадцать шесть штофных полотнищ, закрывших стены, балдахин над дубовой кроватью из того же французского штофу, канапе, два кресла, два стула и два табурета, обитые той же тканью. Но не все было одного цвета. Три белых тафтяных занавески свешивались с двух окон и над дверью. А красный цвет выделял постель на кровати: матрац и перину, обернутые в нижнюю бумазейную наволочку и в верхнюю камчатую; одеяло из немецкого атласа («стеганно на штучной бумаге») и семь пуховых подушек (одну большую и шесть парных) из венецианского атласа. Лишь верхняя наволочка круглой подушки из конской шерсти была из зеленой камки. Рядом с кроватью находились два зеркала и два стола, покрытых зелеными штофными настольниками. У камина лежал мех для раздувания огня и одно махальце (в предыдущих покоях нашлось еще два меха и одно махальце, а окна там украшали три белых, девять зеленых тафтяных и три из желтого свистуна занавески). Освещалась спальня шандалами — тройными, Двойными и одинарными.

Помимо перечисленных комнат Прокофий Караваев с солдатами осмотрел также столовую и картин-

365

ный зал. В столовой они увидели шкаф, за стеклянными дверцами которого разместились посуда, в основном фарфоровые и фаянсовые чашки, блюда, чайники и даже разные фигурки, в том числе и китайский фарфоровый сервиз. Два дрезденских фарфоровых сервиза хозяин расположил в другом месте. Первый — в деревянном наугольнике, второй — на столе, сделанном в форме пирамиды. Зеркала в рамах, мраморный столик и три картины на стене — «полупоясные дамские персоны» — завершали убранство комнаты, в которой Лесток с супругой обедал и ужинал. Знакомство членов комиссии с богатой коллекцией картин лейб-медика немного затянулось. На стенах знатный коллекционер развесил до сотни пейза-жев, натюрмортов и портретов. Из всех портретов счетчики признали только изображения Елизаветы Петровны, ее родителей, царевича Алексея Петровича и Петра II. Прочие остались для них «личинами» и неизвестными дамами и кавалерами. Пейзажи им тоже ничего не говорили: сплошные «ландшафты», среди которых оказались отмечены «зеленый попугай», «рогатая скотина с пастушкой», «птицы», «петух и сова*». Зато натюрморты узнавали сразу: «котел медной с ручкой и виноградом», «ковер с книгами», «книги и глобус», «поваренная посуда», «с цветами и фруктами*». Библейские сюжеты от бытовых сценок отличали с трудом: «написана дамская, которую обнимает мужская персона», «стоячая младенческая персона», «разные нагие персоны», «мужские персоны, сидящие на лошадях», «обнаженная дамская персона», «мужской портрет в шлеме». А вот маринистика угадывалась легко: «морской корабельной штурм», «морские суда»...¹²

По окончании осмотра все спустились вниз и вышли во двор, чтобы беглым взглядом обозреть хозяйственные постройки, главным образом содержимое каретного сарая и конюшни. В конюшне, рассчитанной на пятнадцать стойл, проверяющие обнаружили шесть жеребцов гнедых от немецкого цуга, верхового гнедого мерина, двух вороных меринков, четырех карих, одного гнедого, двух кобыл вороных и одну

366

гнедую. В каретном сарае Караваев с коллегами отметил парадную четырехместную французскую карету, обитую внутри зеленым бархатом, с зелеными штофными занавесками, шестью стеклами по сторонам и одним спереди; двухперсонную карету с обивкой из синего трипа, тремя померанцевыми занавесками и тремя стеклами; четырехместный берлин, изнутри отделанный алым сукном, без стекол, но со ставнями; коляску на четыре персоны с зеленым убором; коляску двухместную с

синим убором; три дорожные коляски, обитые голубым, васильковым и синим сукном; одноколку с обивкой из красного сукна и несколько саней, по большей части ветхих¹³. Завершив предварительное ознакомление с дворцом Иоганна Лестока и прилегающих служб, Проко-фий Караваев, Яков Сукин, Яков Елцын и три подьячих приступили, наконец, к выполнению задания императрицы — обстоятельному и подробному описанию имения арестованного лейб-медика...

Императрица заступилась за бедную Марию Андреевну. 24 октября 1755 года генерал-адъютанту Бутурлину «Ее Императорское Величество указать соизволила штатс-дамы графини Румянцевой деревенного дому по Фонтанке отписного по векселям за долг ее не продавать, а оной двор в заклад взять в банковую кантору, а ей графини для расплаты выдать денег во сколько заложен был по векселю». Одновременно Елизавета Петровна повелела разобраться с фактом преследования холопом Соловьевым княгини Трубецкой. Александр Борисович, не мешкая, отправил в дом Румянцевой записку: «Ваше Сиятельство объявляли в письме, что человек князя Куракина Соловьев в Магистрате говорил, яко штатс-дамы кнеине Анны Львовны такое же дело по векселям имел, И она потежелее была, да и с тою он управился, то Ваше Сиятельство изволте меня уведомить, кто Вам о говорении им таких слов сказывал».

фафиня Румянцева ответила незамедлительно и собственноручно: «Ваше Высокопревосходительство

367

изволит от меня требовать, при ком оной говорил? То б я не осмелилась салгать. Да и прибыли не много на холопа напасть. А живой свидетель граф Петр Борисыч, что сестру ево хател оной плут засадить. А человека полгода в тюрьме держали от него. И за триста рублей взял пятьсот. А я не думою, чтоб мне очную ставку с Соловьевым дали. Я еще и болше могу сказать, что он в Могистрате сказал: кнеиня ди меня за стабить не будет. Как я посыля[ла], то сказали, что он в мызу послан. А он сам г газечикую насил магистратское определение. И Балк, публичной натариус слы-шел. И многие были. Толко, я думаю, государь мой, что мне можно поверить и надеюсь, что он таперече, конечно, будит запирается. Ваше Всепокорная услуж-ница. Г. М. Румянцева»¹⁴.

Слуга понес письмо в Летний дворец, а Мария Андреевна, возможно, подумала о том, как противоречиво устроена жизнь. Простой крепостной преднамеренно заставляет трепетать влиятельную и знатную даму. А бывает иногда и по-другому: обыкновенная холопка становится невольной виновницей разлада в семье. И за примером далеко ходить не надо. Вдова генерала Румянцева если не знала, то подозревала, что нечто похожее творится в доме ее старшей дочери Екатерины.

...Конечно, Александр Иванович Румянцева и не предполагал, какая горькая судьба ожидает его дочь Катерину, когда выдавал ее замуж за Николая Михайловича Леонтьева. Если бы он знал, что кружившая вокруг новобрачных маленькая девочка, привезенная им из Башкирии и подаренная дочери, очень скоро станет причиной семейной драмы Леонтьевых, то, безусловно, исключил бы малютку из приданого невесты. Однако кто-то ведь должен составлять женский штат супруги будущего генерала. У генерала нынешнего не было никаких оснований отбирать башкирку у привязавшейся к ней дочери. К тому же девочка понравилась и жениху. Хотя и отличался Николай Михайлович крутым и взбалмошным нравом,

368

к наперснице Екатерины Александровны отнесся по-доброму. Более того, уже после обряда венчания, когда встал вопрос о переходе служанки в «веру гре-ческаго православнаго исповедания», согласился быть ее восприемником.

Все шло относительно благополучно до тех пор, пока Наталья Николаевна не достигла

совершеннолетия. О том, что случилось дальше, думаю, читатель уже догадался. Николай Михайлович без памяти влюбился в юную холопку, принялся ухаживать за ней, дарить безделушки, говорить комплименты. А когда та не пожелала ответить барину взаимностью, разозлился и взялся за кнут, полагая, что побои сделают строптивую девицу сговорчивее. Отныне красавицу секли за любую мнимую или реальную провинность (в основном за непослушание и неприлежное смотрение за дочерью Леонтьевых Елизаветой). Тем не менее она не сдавалась.

Отчаявшись завоевать сердце и душу своей избранницы, Леонтьев решил ограниться телом непокорной возлюбленной. Задуманное осуществил в селе Рождествено в Тульском уезде. Проводив супругу в ближайшую церковь к обедне, муж велел калмыку Петру Антипьеву отослать прислугу на работу вне дома, а упрямую девицу силой притащить к нему в покой. Наталья напрасно сопротивлялась, кричала, умоляла. Помещик сделал ее своей наложницей. Жертва в отместку откровенно рассказала о произошедшем всем обитателям Рождествено, в том числе и Екатерине Александровне. Впрочем, огласка ничуть не смутила хозяина. Угрозами и арапником он более года продолжал принуждать полюбившуюся служанку к «беззаконному смещению». Через год Наталья «очреватела». И Леонтьев, не желая признавать ребенка, тотчас выдал беременную женщину за крепостного Абросима Ивановича Свешникова.

Наталья Николаевна надеялась, что брак станет избавлением от страданий. Но нет. Башкирка слишком глубоко запала в сердце крестного отца, который никак не хотел оставить в покое замученную им крестницу. А крестница пробовала защищаться, ни-

369
чего не скрывая от человека, данного ей в мужья. Тот «рабским образом» жаловался господину на горькую долю молодоженов, получая взамен удары плетью. Жене просителя тоже доставалось. Наконец Леонтьеву надоело выслушивать причитания Свешникова. Наталью забрали от него и поместили наверху помещичьего дома в отдельной комнате. У дверей встал охранник, которому надлежало никуда не выпускать пленницу (даже «для самой естественной нужды») и пресекать все встречи с посторонними, в первую очередь с мужем.

Свешников не выдержал. Ведь такого «и в непросвещенных народах не бывает, чтоб от живаго мужа отнимать жену»! Абросим явился к утратившему совесть обидчику и спросил его напрямик: «Долго ли ты такое бесчеловечие будешь делать?» Леонтьев рассвирепел, схватил лежавший на нахтыше нож и кинулся на взбунтовавшегося холопа. Но тот развернулся и сбегал. Барин успел только косу срезать. Больше никто доведенного до отчаяния дворового не вид ел...

После исчезновения супруга жизнь Натальи переменилась: барин вплотную занялся ее воспитанием. Будучи сыном века Просвещения, Николай Михайлович был хорошо знаком с идеями энциклопедистов и относился к ним с симпатией. Правда, руководствовался новыми принципами избирательно, то есть по мере необходимости. Как и Вольтер, Леонтьев не уважал лиц духовного звания и с пренебрежением относился к православным церковным обрядам. Не соблюдал постов и требовал того же от несчастной холопки. Наталья Николаевна подобную философию не разделяла. Тогда просветитель запретил поварам готовить постную пищу для ослушницы и собственноручно запихивал ей в рот куски жареного мяса или пирожное.

«Ты ничем не хуже своей госпожи! Не ты при ней, а она при тебе живет», — внушал вольнодумец крестнице. Он усаживал молодую женщину за стол рядом с робкой дочерью генерала и сенатора Румянцева обедать или играть в карты, заставлял по ночам спать

на «особливой» кровати, установленной в комнате, где ночевали сами Леонтьевы. Бесправная служанка подчинялась диктату феодала, но при первом же удобном случае старалась продемонстрировать третируемой Екатерине Александровне сочувствие. За это философ бил строптивцу «тирански».

Впрочем, наказания за столь мелкие провинности — сущие пустяки по сравнению со зверствами, учиненными на почве ревности. А ревновал господин свою холопку по-черному. После ссоры и дуэли с графом Захаром Григорьевичем Чернышевым 11 января 1753 года раненый Николай Михайлович долго лечился в московском дворце камергера Романа Ла-рионовича Воронцова. Екатерина Александровна в те дни жила вместе с ним. В доме Леонтьевых тогда командовала Наталья Николаевна. Все слуги подчинялись ей. В том числе и дворецкий Василий Бурцев, через которого она передавала остальным распоряжения. И вот родной дядя Бурцова нашептал господину, будто дворецкого с Натальей Свешниковой связывают не только деловые отношения. Поправившись, разгневанный хозяин безжалостно расправился с обоими. Крестницу повез в Рождество и там свил ей «волосы в косы, которые железными гвоздями прибил к стене. И так бил мучительно плетью» и пинал ногами. Когда жертву сняли со стены, она «пришедши в беспаметство забежала наверх... хором и сокрылась под перекладами в тесном месте». Нашла ее и вызволила из-под зажавших тело досок Екатерина Александровна. Более месяца после того девушка проболела. Николай Михайлович тем временем съездил в Москву и засек Бурцова насмерть. Уже много позднее в Санкт-Петербурге солдат гарнизонного полка Борис Турков, в прошлом дворовый Леонтьевых, поведал Свешниковой, как по приказу господина забил батогами и плетью дворецкого, а после, посадив «убитого в сани, отправил в Тферские... вотчины».

Вообще должность дворецкого из-за частого общения с Натальей Николаевной считалась самой опасной. Дворецкого Ефима Белоусова барин также

371

приревновал, изломал об него целый воз моченых розг и вырвал признание о блудной жизни с барской любовницей. Господин немедленно разыскал башкирку, схватил за шею и хотел уже задушить. К счастью, подросшие жена и гувернантка француженка, обучавшая благородным манерам дочь Елизавету Николаевну, привели безумца в чувство.

Но не надолго. Вскоре подозрения пали на скорохода Якова Тумского. Его ежедневно секли плетью и батогами, затем облили вином, посыпали раны солью, исхлестали кнутом, ударили головой об стену и прижгли «у ног подошвы* горячим утюгом. Тумский каким-то чудом выжил и, ясное дело, покинул одуревшего от любви хозяина. Страдали не только крепостные Леонтьевых. Как-то раз в Стародубе ухаживавшая за недомогавшей госпожой Наталья вышла в переднюю, чтобы отослать на кухню лакея за кушаньем для больной. Сидевший в комнате сержант Рязанского полка Есенев, увидев служанку, сочувственно произнес: «Какую ж ты худую жизнь имеешь! Как только терпишь такие мучительские побои?» туг в комнату вошел Леонтьев. Услышав сии речи, он первым делом отхлестал холопку. А затем приказал побить палками сержанта и лишь после экзекуции отпустил его в полк. Однако, посчитав, что наглецу мало досталось, затребовал обратно. Полковая канцелярия, знавшая о подвигах душегуба, подчиненного не выдала.

В 1756 году императрица произвела Леонтьева в генерал-майоры. Семья выехала из Москвы в Санкт-Петербург. В Солнечной Горе остановились поужинать. За столом по ходу разговора глава дома обозвал сестру жены, Прасковью Александровну Брюс, «бля-дью». Екатерина Александровна возмущенно спросила: «Ты что, можешь это доказать?» Слова жены вывели садиста из себя. Он схватил дочь графа за волосы,

ударил по щекам, опрокинул на пол, «топтал пинками» и бил плетью, принесенной калмыком Артемьевым. Затем ухватил несчастную за волосы и протащил через улицу, не переставая стегать плеткой, в соседнюю избу, где и оставил, запретив слугам оказы-

372

вать помощь хозяйке. Заступившуюся за госпожу Наталью избил...¹⁵

Финал у этой жуткой истории печальный. Кроткая жена Леонтьева все-таки не вытерпела и бросила супруга, переехав в дом матери. самого Николая Михайловича в 1769 году убили свои же вконец измученные дворовые.

...Частное расследование обид, нанесенных Соловьевым великосветским дамам, провели быстро. 27 октября княгине Анне Львовне Трубецкой принесли записку дежурного генерал-адъютанта: «Федор Соловьев дому кнеини Александры Ивановны Куракиной по вексям дело с вами имел ли в Москве или в Санкт-Петербурге? И не учинил ли Вашему Сиятел-ству каких неучтивых и непристойных поступок?»

Княгиня Анна Львовна, разумеется, ответила, что учинил: «По проискам онаго князя Куракина человека обижена была, что при отъезде моем из Москвы держали моего управителя под караулом, в котором при отъезде моем имела крайнюю нужду. И просила, чтоб хоть пять человек других у меня людей взяли вместо онаго под караул. Толко происками онаго князя Куракина человека и таво удовольствия мне не учинено. И за покупной вышеозначенным человеком вексель вместо трехсот рублей принуждена была заплатить пятьсот рублей»¹⁶.

На основании показаний великосветских дам генерал-адъютант вызвал на допрос нотариуса Сергея Балка и лучшего друга столичных купцов Федора Соловьева. Нотариусу задали единственный вопрос: говорил Соловьев ему в Магистрате о деле княгини Трубецкой или нет? Балк чистосердечно признался: «С княгиней Анной Львовной имел ли он Федор Соловьев дело, я не знаю. И об ней в разговорах ничего не слышал. А как мы с ним Федором Соловьевым двое между собой в магистратской канторе разговаривали и при том просил ево, чтоб он в денгах Ее Сиятелству графине Румянцевой взял терпение, то он, Соловьев, напротив того, сказал мне, что де я уж и так много

373

терпел. А между протчими разговорами употребил, что я де имел долг и на госпоже Нарышкиной. Да и с нее получил. И в сем моем ответе сказал я самую сущую правду. К сему ответу публичной нотариус Сергей Балк руку приложил».

Затем перед сановником предстал Соловьев. Он заявил, что никакого дела в Москве с княгиней Трубецкой не вел, хотя бы потому, что в Первопрестольной не бывал с 1751 года. Возможно, ей досадил его родной брат Иван Соловьев. Что касается беседы с Сергеем Балком, то о векселе статс-дамы Алены Александровны Нарышкиной ему говорил. Мол, задолжала она купцам деньги и сама же их заплатила. А сам он, Соловьев, никогда с Нарышкиной «по вексям дела не имел». О конфликте с графинею Румянцевой сказал: «Вексели купцов взял на свое имя по их усил-ной прозьбе, також и двор ее до оценки допустил, и определение для напечатания в газетах сам относил без всякого происку, по единой моей простоте и оплошности»¹⁷.

Если роль Соловьева в деле Румянцевой полностью прояснилась, то ситуация вокруг княгини Трубецкой запуталась. 28 октября из Летнего дворца в дом А. Л. Трубецкой приехал курьер с очередным посланием: «Из записки Вашего Сиятелства не видно, дело по вексям происками князя Куракина человека Соловьева здесь ли было или в Москве. О чем прошу меня уведомить, так же приказать справитца и как того человека звали, ибо их Соловьевых у князя Куракина двое». Анна Львовна удовлетворила просьбу генерал-адъютанта не в полной мере: «Дело мое по векселю с человеком князя Куракина было в Москве. А как оного человека именем зовут, того я не упомяну,

ибо время прошло тому уже немало. А прозванием он, сколько я помню, Соловьев»¹⁸. В ту же субботу, 28-го числа, императрица, прочитав доклад генерал-адъютанта о столь необычном происшествии, распорядилась крепостного человека князя Куракина Федора Соловьева высечь батогами «и впредь запретить ему в таковые непристойные дела вступать».

374

3 ноября в восемьдесят восьмом номере «Санкт-Петербургских ведомостей» на четвертой странице появилась короткая заметка: «Хотя по требованию главного магистрата из канторы и напечатано было в ведомостях о продаже у Ея Сиятельства штатс-дамы графини Марии Андреевны Румянцовой за вексельной иск деревянного ея двора по Фонтанке, однако ныне от той же канторы главного Магистрата сим объявляется, что та продажа отменена, понеже по вышеписанному вексельному иску учинено быть имеет надлежащее удовольствие»¹⁹.

Глава 14

Проблемы наследства

1755 ноябрь

23. Мужики оброку принесли за 755 год денег 12 рублей.

24. Нева большая стала.

27- Светлейшая княгиня [Анастасия Ивановна Гессен-Гомбургская] скончалась на 54 году отроду.

28. Взято из Кабинета Е. И. В. собственных своих денег 550 рубда декабря 13 взято еще оттудова же 270 руб.

30. Цесарскому послу графу Эстергази пожалован орден Андрея Первозванного.

На рассвете 19 января 1747 года в доме Константина Дмитриевича Кантемира суетились люди. Дворовые и караульные солдаты под надзором секунд-майора Преображенского полка Федора Ушакова и поверенного сестры покойного Екатерины Дмитриевны Кантемир, жившей у матери — Анастасии Ивановны Гессен-Гомбургской, занимались предварительной ревизией и оценкой имущества, собирая все ценные предметы в две палаты. А в небольшой комнате возле парадного зала тем временем рыдала молодая девушка, оплакивая внезапно скончавшегося около трех часов утра хозяина дворца и свою привольную и счастливую жизнь под его опекой. Пятнадцать лет провела шестнадцатилетняя Елена Константиновна Шванвич — воспитанница и крестница

375

капитана-преображенца — в особняке крестного отца на самом краю Миллионной улицы с фасадом, обращенным к Неве. В 1731 году бездетные князь и княгиня Кантемиры обратились к ректору гимназии Санкт-Петербургской академии наук Мартыну Мартыновичу Шванвичу с заманчивой просьбой: отдать им на воспитание родившуюся полтора года назад девочку. Князь пообещал, что будет «содержать ее вместо дочери и по возрасту» выдаст замуж с таким приданым, как если бы пристраивал собственное дитя. Отец, подумав, согласился. Все-таки в его большой семье одним ртом станет меньше. К тому же и малютку под крылом столь знатной особы, Бог даст, ожидает лучшая доля. Так мало что понимавший ребенок очутился в роскошном трехэтажном дворце на Верхней набережной.

Приемные родители Елены Шванвич не лукавили. Они действительно относились к ней как к родной дочери. Когда девочка подросла, ей отвели комнату, располагавшуюся, по-видимому, на втором этаже западного крыла между залом и Красным наугольным покоем. Поставили кровать с шелковым балдахином. Рядом — небольшой старинный нахтетиш, состоящий из двадцати пяти предметов, плюс зеркало в серебряной раме. Добавили пару деревянных столов, несколько стульев из

красного дерева с кожаными сиденьями. Няня постелила на кровать матрац, перину, положила бумажное одеяло и пуховые подушки — и детская для приемной дочери четы Кантемир была готова. Дворовая девушка, приставленная к Елене Мартыновне, во всем помогала юной госпоже.

Ежедневно днем и вечером семья из трех человек собиралась за обедом и ужином в столовой комнате на той же западной половине второго этажа, с окнами на внутренний двор, Миллионную улицу и соседний особняк принцессы Гессен-Гомбургской. За столовой и рядом с Красной комнатой разместилась спальня князя и княгини. Елена частенько заглядывала к ним. В княжеской опочивальне, обитой раскрашенным полотном, она видела простую деревянную кровать с балдахином из голубой плотной тка-

376

ни; три окошка, прикрытых тафтяными занавесями; столы, стулья, большое «стенное дву стеклоное в деревянных позолоченных рамах» зеркало, картины, развешанные по стенам, нахтетиш княгини Анастасии Дмитриевны и прочие дамские принадлежности. За залом, на восточной половине в лакейской и других подсобных помещениях обосновалась прислуга — крепостные камердинер Павел, казначей Иван Евреиновы, подказначей Андриян Петровской, парикмахер Иван Пучков, музыкант Федор Складановской, служанка Прасковья Иванова.

Иногда девочка по лестнице взбегала на третий этаж. Вместе со слугами перебирала вещи в кладовых комнатах. Или составляла компанию князю в его кабинете, наблюдая, как тикают стенные в лаковом корпусе медные часы. Здесь в двух «наугольниках» размещалась княжеская библиотека. Наверное, не без интереса с разрешения хозяина кабинета девочка разглядывала гравюры в «Кратком руководстве к познанию машин» или в трехтомном «Описании о Японии», изданных в 1738 и 1734 годах, а позднее, выучив азбуку, читала Новый Завет, «Придворного человека» Грациана или «Житие и дела Марка Аврелия» (две последние книги вышли в свет в 1740 и

1741 годах).

Тут же на третьем этаже располагалась домовая церковь «во имя святого великомученика Феодора Стратилата». Возможно, именно в ней в 1741 или 1742 году духовник Кантемиров провел обряд крещения одиннадцатилетней лютеранки, которая в православии стала именоваться Еленой Константиновной Шванвич. По этому случаю князь и княгиня подарили крестнице старинный алмазный крест и красный яхонтовый «узол» со складнем.

Восточную сторону дворца на первом этаже также занимали «люцкие покои и кухни». Там же, наверное, ютился солдат-преображенец Афанасий Скуратов — бессменный караульный при гвардии капитане К. Д. Кантемире. А западное крыло нижнего апартамента, убранное на манер верхних господских комнат, хозяева, судя по всему, сдавали внаем. Похоже,

377

здесь в 1745 году квартировал посол королевы венгерской Марии-Терезии Филипп Розенберг с сыном, и на глазах крестницы Кантемиров разворачивался бурный роман молодого графа с дочерью Анастасии Ивановны Гессен-Гомбургской — камер-фрейлиной Екатериной Дмитриевной Кантемир. Винцент Розенберг, не задумываясь, готов был жениться на двадцатипятилетней девушке. Но отец категорически возражал против брака с русской княжной, пусть и очень богатой. Он хотел выбрать наследнику невесту в родной Австрии, а не в далекой и непонятной России. Старика не сумела уговорить даже лучшая подружка камер-фрейлины — великая княгиня Екатерина Алексеевна. Влюбленным ничего не оставалось, как украдкой переглядываться на

официальных приемах, публичных и частных концертах (падчерица немецкого князя великолепно играла на клавесине и прелестно пела сложнейшие арии), убегать на тайные свидания и смотреть друг на друга из окон своих комнат. Горницу младшей сестры гвардии капитана Кантемира от палат Розенбергов отделял маленький переулочек, менее десяти шагов шириной. 23 августа 1745 августа принцесса Гессен-Гомбургская с дочерью отправилась в Германию вслед за больным мужем. 12 октября в Ревель из Петербурга поехали Розенберги. Молодым людям не довелось соединиться. 3 февраля 1746 года Екатерина Дмитриевна с овдовевшей матерью вернулась из Берлина на родину, а 28 января 1751 года вышла замуж за Дмитрия Михайловича Голицына, будущего российского посла во Франции.

В огромном парадном зале второго этажа, украшенном зеркалами, Кантемиры устраивали блестящие празднества. Со многими знатными персонами познакомилась подросшая Елена Константиновна во время балов и приемов. Впрочем, полноправной участницей семейных торжеств она считалась лишь последние года два. Прежде маленькой девочке присутствовать при развлечениях взрослых возбранялось.

Напротив, когда гости приезжали к Кантемирам, посидеть в Столовом покое за обеденным или

378

вечерним столом, воспитанницу не прятали от друзей и родственников. Елену подзывали и показывали всем, хвалили и одаривали гостинцами. Однажды Савва Лукич Рагузинский вручил девочке большую нить жемчуга, правда очень мелкого. В такие встречи с друзьями (в основном однополчанами князя — офицерами лейб-гвардии Преображенского полка) приемный отец заводил с приятелями разговоры о будущем крестницы. Размер ее приданого Константин Дмитриевич установил сразу — пять тысяч рублей наличными, три тысячи рублей на покупку поместья (купчую на деревеньки, конечно, лучше раздобыть до свадьбы), немного драгоценностей, кровать со штофным убором, часы золотые, ну и все прочее, что полагается. А если жених будет стоящий, то глава дома сулил увеличить размер денежного вознаграждения. Ближайшая родня Константина Дмитриевича — братья Сергей и Матвей князю не перечили. Более того, навещая братца, любезничали с дражайшей «племянницей», целовали ей руку, словно знатной даме¹.

Подходящий кандидат в женихи отыскался быстро. Взять в жены симпатичную девушку выразил желание камер-лакей Ее Величества Степан Ефимович Карнович. Малороссиянин, сын значкового товарища, служившего русским государям с первого Азовского похода, он по смерти отца в 1737 году в том же звании значкового товарища довоевал за батюшку Турецкую кампанию, после чего в 1740 году перевелся ко Двору Ее Императорского Величества лакеем. Побыв три года «мальчиком на побегушках», 12 января 1743 года расторопный придворный сумел устроиться получше: ему поручили смотреть за приемом и отсылкой стройматериалов к возводившемуся в Царском Селе императорскому дворцу.

17 декабря 1745 года Степана Ефимовича и его брата — архимандрита Черниговской епархии — постигло несчастье: скончалась родная мать. Заботиться о вотчине на Украине стало некому, и в феврале 1746 года Карнович обратился к императрице с просьбой назначить его управляющим в город По-

379

чеп. Царица прошение не удовлетворила. Но в качестве компенсации 24 декабря 1746 года пожаловала верного слугу в камер-лакеи². На таком фоне Степан Ефимович, вероятно, не без успеха старался убедить князя Кантемира в том, что он наилучший претендент на руку Елены Константиновны. Однако скорого венчания не получилось. В семье Кантемиров разыгралась страшная и давно назревавшая трагедия.

Возможно, ничего бы не случилось, не страдал княгиня какой-то болезнью, не позволявшей ей не только рожать детей, но и нормально исполнять супружеские обязанности. Брак по любви Константина Дмитриевича и Анастасии Дмитриевны волею судьбы оказался платоническим. Это очень угнетало обоих. Удочерив Елену Шванвич, они попытались хоть как-то исправить ситуацию. Тем не менее появление в доме очаровательной малютки не решило проблемы. Муж желал иметь полноценную семейную жизнь, чего жена дать ему не могла. Конечно, никто не мешал князю завести интрижку на стороне или искать утех в среде столичных проституток. Но в том-то и заключалась вся драма, что глава дома сильно любил свою дражайшую половину и оскорбить ее тайной или явной изменой с другой женщиной не хотел. Он мучился больше десяти лет и наконец летом 1741 года накануне Выборгского похода не вытерпел и вступил в связь с... собственным дворовым — парикмахером Иваном Пучковым. То не был гомосексуализм в чистом виде. Холоп не столько «со-вокуплялся» с баринком, сколько помогал ему возбудиться. Пока жена не проводала об увлечении супруга, встречи происходили в укромных уголках — в бане или в нужнике. После неизбежного разоблачения секретных свиданий оба прекратили таиться от домочадцев.

Анастасия Дмитриевна, чувствуя определенную вину, ни в чем не обвиняла князя и не закатывала скандалов. Княгиня сносила причуду мужа молча, хотя порой и заливалась слезами. А вот крепостной парикмахер скромностью не отличался. Иван Пучков не в меру возгордился от свалившихся на него

380

княжеских милостей. Видя, какую важную роль выпало ему играть, холоп не стеснялся грубить и хамить госпоже, настраивая заодно против нее хозяина. Последний разрывался между ними: то гнал от себя фаворита, то отчитывал жену, которая мириться с наглыми выходками цирюльника не собиралась и грозила рассказать обо всем брату, Алексею Дмитриевичу Голицыну.,.

Вечером 11 апреля 1746 года, сидя за карточным столиком вместе с Афанасием Скуратовым и Иваном Евреиновым, Анастасия Дмитриевна вдруг пожаловалась на тошноту, поднялась из-за стола и прошла в малые сени, где ее вырвало. Супруг тем временем в Столовой ужинал с приятелями. Узнав о недомогании княгини, он устремился к ней в опочивальню. Та, испытывая слабость и головокружение, намеревалась раздеться и лечь в постель, но рвота не давала покоя и продолжалась в течение всей ночи. Наутро в особняк на Миллионной приехал штаб-доктор Павел Кондоиди. Медик пощупал пульс, осмотрел больную и удивленно пожал плечами. Врач не понимал, отчего у пациентки возникла лихорадка: может быть, на нервной почве?! Заместитель Лестока выписал соответствующий рецепт, и слуга помчался через улицу в главную аптеку. Лекарства не избавили от страданий. Сиятельная дама угасла за считанные дни и скончалась в первом часу пополуночи 17 апреля. Усилия и искусство ученого грека и лейб-медика Санхеса не спасли княгиню. Кондоиди с трудом оттащил от бездыханного тела рыдающего мужа, восклицавшего: «Ох, Настенька, друг мой, согрешил я пред тобою, Настенька, согрешил!» Князя уложили на канapé в Столовой. Вызванный из Зимнего дворца гоф-хирург Христиан Паульсен отворил ему кровь. Вратья и свояк поддерживали родственника морально. 22-го числа в Александро-Невском монастыре состоялся обряд погребения Анастасии Дмитриевны Кантемир. Дом на Миллионной улице оделся в траур. Прежняя альковная опустела. Отныне Константин Дмитриевич спал в Столовой комнате. Там же он какое-то время еще встречался с Иваном Пучковым,

381

пока не осознал окончательно, что более нет нужды избегать других женщин.

Парикмахер мигом угодил в отставку, а в княжеской опочивальне при посредничестве Федора Складановского появилась метресса — служанка Прасковья Иванова. Уволенный холоп возненавидел конкурентку и обозлился на господина. Впрочем, у девицы тоже имелись основания к недовольству. Ведь она легла в барскую постель в добровольно-принудительном порядке. Ей нравился совсем иной человек — обыкновенный подьячий, с которым Прасковья познакомилась в здании главной аптеки, специально по зову свахи-калмычки посетив ради смотрин жену аптекаря Давыда Лапена. И больше с ним не виделась, хотя тот однажды приходил в дом Кантемиров, выразив желание полюбоваться убранством домово́й церкви. Князь же, прослышав о женихе, запретил наложнице помышлять о замужестве и велел гнать со двора всех свах.

И вот 18 января 1747 года гвардии капитан, отобедав с друзьями, выкулив трубку табака и выпив чашечку кофе, в шестом часу вечера простился с гостями. Побеседовав затем с приятелем-греком и Афанасием Скуратовым, вельможа отправился в двенадцатом часу пополудни спать, чувствуя сильную головную боль. Прасковья, как обычно, легла рядом. Часа два князь ворочался с боку на бок, пробовал избавиться от боли, а потом не выдержал и застонал. Любовница позвала на помощь. Один из братьев Еврей-новых не растерялся, послал человека за доктором, сам же налил в кружку водки и принялся растирать голову господина. Но неожиданно барин охнул и испустил дух. Услуги врача не понадобились. 9 февраля сиятельного офицера-преображенца похоронили возле жены в Александро-Невском монастыре. Скоротечная смерть приемных родителей Елены Шванвич вызвала у многих серьезные подозрения в преднамеренном убийстве. 29 января по поручению императрицы Тайная канцелярия приступила к следствию по делу об отравлении холопами четы Кантемир. Полгода спустя Елизавете Петровне доложили об итогах. Главными обвиняемыми комиссия

382

назвала Ивана Пучкова и Прасковью Иванову. Девице грозила кара за месть вельможе-прелюбодею. Парикмахер же мог ответить за гибель и княгини, и князя, а в придачу еще за мужеложество.

Реакция царицы на доклад поразительна. Она фактически спасла холопа от неминуемой расправы. Пучкова приговорили к ссылке в Оренбург, Почему? Очевидно, государыня засомневалась в подлинности вины слуг, когда узнала о том, что в застенке никто из них не раскаялся. Да и невыгодно было им убирать, пусть и со злости, господина и госпожу, людей по натуре добрых и редко наказывавших дворовых. Похоже, у государыни сразу мелькнула мысль о причастности к преступлению кого-то из родни Константина Дмитриевича. Поэтому, видимо, все драгоценности, ценные вещи и деньги, сложенные в спешке 19 января в кладовой и кабинете третьего этажа, секретарь Бахирев и секунд-майор Ушаков тщательно описали с 5 февраля по 29 апреля и, опечатав двери, доверили охранять караулу преображенцев.

Правда, возникал вопрос: какие мотивы двигали тем, кто подсыпал яд лейб-гвардии капитану и его жене? Помочь прояснить обстановку могла бы духовная супругов. Но ни первый, ни вторая не успели составить завещание³. Хотя регистрация подобных документов в юстиц-конторе и занимала до двух недель, придание им юридической силы осуществлялось без затруднений, вне зависимости от того, жив автор или нет. Только бы свидетели, при том присутствовавшие, пребывали во здравии и не уклонились от исполнения своего долга. Прежде чем завершить повествование о судьбе Елены Шванвич, прервемся на короткий срок и познакомимся с этой давно забытой процедурой.

Весной 1758 года маленькая старушка из свиты императрицы Елизаветы Петровны решилась, наконец, подвести итог непростой и долгой жизни — продиктовать завещание. 29 мая в Летнем дворце в одной из комнат камер-цалмейстерской конторы

с
383

любезного позволения хозяина кабинета Д. А. Симонова завещательница Устинья Никитична Горелкина собрала своих старых друзей и приятелей. В их присутствии подчиненный Симонова копиист Иван Яковлевич Трофимов записал на обыкновенном листе бумаги духовную пожилой женщины:

«Во имя Пресвятыя Единосущныя животворящия и неразделимыя Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Аз, раба Божия, Двора Ея Императорскаго Величества карлица Устиния Никитина дочь Гарелкина, здравым умом и целостию разума своего приходя в состарение и бояся часа смертнаго (в нем же душа како-либо с телом разлучитца), разсудила себе сие во известие о мне и в разправление движимых вещей и вотчин моих написать духовное и заветное мое сие писание. Да благоволително по смерти моей будет знание и воли моей во исполнение всякого по сему завещанию дела непременно тогда, егда душа моя грешная разлучитца от союза плоти сея. Тело мое грешное да предастся матери всех — земли. По христианскому церковно положению погребсти в церкви, где повелено будет, и в шесть недель и по шести неделях сорокоустие, литургии и понахиды служить в церкви той священником. Також и в других церквах и монастырях оное чинить же, и убогим милостыню раздавать племяннику моему шляхетного кадетского корпуса подпрапорщику Михаиле Калугину, которого я в силу высочайшаго имянного Ея Императорскаго Величества за подписанием собственныя Ея Величества руки всемилостивейшаго указу, полученного в Правительствующий Сенат июня 23 дня 1757 году, учинила по смерти моей в недвижимом пожалованном имении наследником. А на поминование в церковь, где я погребена буду, отдать на ризы два реброна по пунцовой земле с серебряными травы. Имение ж мое, вотчины, двор, всякия вещи, еже есть, да управитца сие, сколько каких движимых моих пожитков ныне на лицо есть, тому всему (опри-что толко того, что в сей моей духовной на церковныя утвари по смерти моей отдать определено) при сем роспись за моею рукою, что, кому ис того определе-

384

но от меня взять, как вышереченному племяннику моему Михаиле, так сестре моей родной Федосье да племяннице моей Марфе Куличкиной. О том в той росписе имянно расписано. А из недвижимого имения племяннику Михаиле пожалованное по высочайшему имянному Ея Императорскаго Величества 1753 году апреля 16 числа указу в Козловском уезде село Знаменское, в Ыловае-Дмитревском — деревня Марьино, в Бoryшевай слободе и на Пещаном озере, в которых крестьян мужеска полу сто тридцать семь, женска — сто тридцать две, а дворовых людей мужеска полу шеснатцать, женска — дватцать две (а всего обоих полов — триста семь душ) со всеми ко оному имению по отказу за мною дачами, пустошами и угодьями и со всем наличным заводом и хлебом. Да двор в Санкт-Петербурхе на Литейной улице против церк-ни Сергия Чудотворца со всем же дворовым и хоромным строением и со всем, что в нем есть. А сестре Федосье дать толко из движимого, что по означенной за рукою моею росписе ей написано. А племяннице Марфе недвижимое имение в Белозерском уезде, в Ухтомерской волости в полуселце Пыжлохте з деревнями мужеска полу из восмидесят трех душ, которые пожалованы были мне вместе с родителем моим Никитою Семеновичем Горелкиным в родовое наследственное владение, что следовало на мою часть, и поступилась оной племяннице моей со всеми к тому угодья и принадлежностями, кроме двороваго человека Гаврилы Крылова,

которого по смерти моей отпустить на волю и дать ему отпускное письмо. Да из движимого ей, Марфе, что по вышеписанной же росписе написано, а сверх сего моего завещания как племяннику моему, так сестре моей Федосье и племяннице Марфе ни во что по сей духовной и росписе не вступатца. Потому что она сестра моя и племянница от меня по возможности моей прежде награждены были. А вышепереченному племяннику моему Михаиле имеющуюся в вышепомянутом селе Знаменском построенную мною церковь Божию повелеваю во всем ее содержать непременно так, как при Мне было, дабы она в определенном при жизни моей

385

ни в чем после меня недостатку не имела и по чиноположению в ней служба и по мне поминовение всегда б отправлялось. И для того имеющемуся при ней священнику и диакону денежное жалованье давать так же, как и ныне даетца, а имянно, священнику по десяти, а диакону по пяти рублей в год. Да отослать во оную мою церковь на ризы и на протчую церковную утварь ис платья шлафор с юпкою по белой земле се-ребреная и розовые цветы, а выклатка флеровая с цветочками серебряными; реброн бруснишневой грезетовой и с юпкою; шлафор бруснишневой, по нем цветы серебряные; шлафор грезетовой, желтой с фалшивой юпкой с серебряным позументом. И все по сей моей духовной с росписью пожитки и недвижимое для разопределения по сему моему завещанию поручаю Сиятельнойшей графине Мавре Егоровне Ее Сиятельству Шуваловой и действительному камергеру и ковалеру Василью Ивановичу Чулкову. И усердно их прошу и молю, дабы по сему ж моему завещанию исполняемо было. За что воздаст Всевыши Творец наш. И желаю, дабы сия моя духовная содержана была ненарушимо. А буде кто сию мою духовную нарушит, и будет прекословить, то примет суд на страшном пришествии и ответ воздаст, яко прекословник.

А сия духовная писана лета тысяща седмьсот пят-десят осмага майя в дватцать девятый день. А писал сию духовную по повелению вышепереченной завеща-тельницы Двора Ея Императорского Величества ка-мор-цалмейстерской канторы копеист Иван Яковлев сын Трофимов».

Затем чиновник уступил место и перо почтенной даме с именитыми свидетелями.

Через несколько минут на листке появилось восемь автографов:

«К сей духовной карлица Устиния Никитина дочь Гарелкина руку приложила.

К сей духовной Ея Императорского Величества духовник и оной Устини Никитичны духовный отец руку приложил Федор Дубянский.

Сию духовную генерал фельдцейгмейстер, генерал-адъютант, действительный камергер, лейб-ком-

386

паний подпорутчик, сенатор, государственной межевщик, обоих российских, Белого Орла и святыя Анны орденов кавалер, граф Петр Иванов сын Шувалов свидетельствовал.

У сей духовной Ея Императорского Величества обер-мунтшенк Ефим Юрьев сын Бахтеев свидетелем был и руку приложил.

У сей духовной Ея Императорского Величества кабинет-секретарь Иван Михайлов сын Морсочников свидетелем был и руку приложил.

У сей духовной Двора Ея Императорского Величества камор-цалмейстер Дмитрий Александров сын Симонов свидетелем был и руку приложил.

У сей духовной камергер Никита Возжинской свидетелем был и руку приложил.

У сей духовной Двора Ея Императорского Величества обер-кофешенк Михаила Алексеев сын Нилов свидетелем был и руку приложил*.

Теперь завещание надлежало зарегистрировать в юстиц-конторе. Поэтому в первых

числах июня Ус-тинья Никитична опять обратилась за помощью к Дмитрию Александровичу Симонову. А тот снова вызвал копииста Трофимова, который прежде всего скопировал писанный накануне документ, после чего попросил карлицу продиктовать текст челобитной.

Однако Ивану Яковлевичу пришлось немного обождать. Устинья Никитична не сразу решила, какую должность указать в официальном прошении. Это при Анне Иоанновне проблем не возникало. Тогда карлики и карлицы занимали при Дворе видное положение. Их уважали и даже боялись. В качестве карлицы с самого начала служила у Елизаветы Петровны и Устинья Горелкина. Правда, госпожа не слишком жаловала грубые шутки и пошлые выходки низкорослых придворных. Более того, в штате Цесаревны такого чина просто не значилось. Все женщины — и маленькие, и большие — именовались камер-юнкерами или камер-метехинами. И Должностные обязанности у них были соответствующие.

387

Когда дочь Петра взошла на трон, звезда карликов при русском Дворе окончательно закатилась. Жилые покои зимней и летней императорских резиденций очистились от взрослых малышей. Остались единицы. В основном те, кто окружал Елизавету до ноября 1741 года. В том числе и Устинья Никитична, которая сумела за годы службы завоевать доверие новой императрицы. Царица настолько высоко ценила маленькую камер-юнкеру, что платила ей жалованье такое же, как своей любимице Е. И. Францен — 150 рублей в год (аналогичный оклад получали еще лишь две-три камер-юнкеры; остальные — по 100 рублей).

Впрочем, высочайшая милость не мешала Устинье Никитичне слегка фрондировать. Невзирая на скверное отношение Ее Величества к своим собратьям, она никогда не стеснялась малого роста. Более того, гордилась им и всегда старалась подчеркнуть это, демонстративно называя себя вместо камер-юнкеры карлицей. Но иногда она, поколебавшись, предпочитала не рисковать зря. Так случилось и на этот раз. В челобитной на имя императрицы слово «карлица» не упоминалось:

«Всепресветлейшая, державнейшая Великая Государыня Императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая
Бьет челом двора Вашего Императорского Величества камер-юнкера Устиния Никитина дочь Гарел-кина. А о чем, тому следуют пункты.

Я, именованная, приходя ныне в состарение и бо-яся часа смертного разсудила себе в разправление движимых вещей и вотчин моих написать духовную, которая минувшаго мая в 29 день сего 1758 году при подписавшихся свидетелях и написана. Токмо еще в силу Вашего Императорского Величества указов нигде не явлена и не записана. А каво в движимом и недвижимом имении моем по смерти моей наследников я розпределила в той моей духовной написано имянно (а писец той духовной и подписав-шиеся свидетели имеются все здесь в Санкт-Петербурхе), с которой при сем моем челобитье и прилагаю копию.

388

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом поведено было сие мое прошение и с реченной духовной копию государственной юстиц-коллегии в кантору принять и в силу указов Вашего Императорского Величества записать в книгу. Всемилоостивейшая государыня, прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Июня ... дня 1758 году. К поданию надлежит государственной юстиц-коллегии в кантору. Челобитную писал придворной камор-цалмейстер-ской канторы копееист Иван Трофимов.

К сему прошению и копии Устинья Гарелкина руку приложила, а подлинную духовную к себе взяла»⁴.

4 июня 1758 года камер-юнкера представила дубликат духовной и челобитную в юстиц-кантору. Там с регистрацией не стали мешкать. Уже 5-го числа кантора распорядилась допросить свидетелей и саму завещательницу. Допрос провели в два захода. 7 июня заслушали Устинью Никитичну, Федора Яковлевича Дубянского, Петра Ивановича Шувалова, Ефима Юрьевича Бахтеева, Ивана Михайловича Морсочникова, Михаила Алексеевича Нилова, 8 июня — Дмитрия Александровича Симонова, Никиту Андрияновича Возжинского и Ивана Яковлевича Трофимова⁵. Высокопоставленной горничной предложили подписать следующий текст: «Объявленную во оной юстиц-канторе при челобитье ее камер-юнкеры о распределении по смерти ее движимаго имения духовную сего 1758 году мая 29 дня подлинно она камер-юнкера учинила и писца Двора Ея Императорскаго Величества камер-цалмейстерской канторы копейста Ивана Трофимова в таковой силе, как она писана, писать просила и ко оной сама она завещательница руку приложила. Також и подписавшихся свидетелей во свидетельстве подписатца просила ж. Почему они и подписались. И все оное учинено подлинно по воле и прозбе ее камер-юнкеры. И как при УЧИНЕНИИ той духовной она завещательница была и ныне находитца в совершенном уме и памяти, и «юру тогда, как от нее завещатели и цы, так и ни от кого других не было. Да и ныне она завещательница

389

той своей духовной ни в чем не спорит и в действительной ее силе быть утверждает». Автограф дамы выглядел так: «Карлица Устинья Гарелкина руку приложила». Свидетели расписывались под иной формулой: «Сего 1758 году мая 29 дня Двора Ея Императорскаго Величества камер-юнкера Устинья Никитина дочь Гарелкина о распределении по смерти ее движимаго и недвижимаго имения духовную в таковой силе, как она писана подлинно учинила. И ко оной сама руку приложила. Також и ево протопресвитера Федора Яковлева сына Дубянского во свидетельстве подписатца просила. Почему он Дубянской под тою духовной и подписался. А при учинении той духовной она завещательница была в целом уме и памяти. И спору при том, как от нее завещательницы, так и ни от кого других не было. Духовник протоиерей Федор Дубянской»⁶.

Подшив в дело челобитную, копию духовной и допросные листы, 10 июня чиновник канторы Никита Назаров запросил коллег, нет ли у них каких-нибудь документов, оспаривающих утверждения Гарелкиной, предварительно, естественно, проверив свои книги. К 16 июня все регистраторы дали отрицательный ответ. И в тот же день кантора постановила зарегистрировать духовную горничной, взяв перед тем с хозяйки два рубля за неиспользованный лист гербовой бумаги, 50 копеек пошлины и четверть копейки «на нужные расходы»⁷.

К сожалению, Устинья Никитична не смогла лично прийти в кантору. Императрица выехала в Петергоф, взяв с собой любимых камер-юнкеров. Поэтому завещательница попросила лакея царицы Илью Ивановича Татаринова отдать деньги и предъявить подлинник духовной в канторе. Соответствующее письмо помог написать кабинет-секретарь Иван Морсочников:

«Государь мой, Илья Иванович!

По имеющемуся в юстиц-канторе по челобитью моему о освидетельстве и о записке духовной моей делу прошу Вас хождение иметь, и к чему надлежит

390

вместо меня руку прикладывать и указные пошлины заплатить, и как та моя духовная в книгу записана будет, то в приеме ее росписатца, а я Вам во всем том верю и, что учините, впредь прекословить не буду. А ту мою подлинную духовную при сем отдаю Вам, понеже отъезжаю я ныне на время в Петергоф и остаюсь в том на Вас

благонадежна. Камер-юнкера *Устиния Гарелкина*. Июня 17 дня 1758 году. Санкт-Петербург». Для большей убедительности письма Иван Михайлович Морсочников прибавил от себя: «Что сие письмо подписано рукою челобитчицы Устиньи Горелкиной в том засвидетелствую. Ея Императорского Величества кабинет-секретарь Иван Морсочников». В тот же день Иван Татаринов исполнил просьбу карлицы и возвратился из конторы с коллежской печатью и подписью секретаря на оригинале завещания⁸.

Но вернемся к Елене Константиновне Шванвич. Итак, ее положение в одночасье переменилось. Красавица-невеста с богатым приданым внезапно превратилась в нищенку и приживалку. Жених имел полное право отступить от нее, а братья князя указать на дверь. Оставалось лишь надеяться если не на верность искавшего выгодную партию камер-лакея, то хотя бы на благородство просвещенных аристократов из кантемировского рода.

Между тем «дядюшки» обижать «племянницу» не собирались. Напротив, обещали всемерную заботу и внимание. Правда, выдвинули одно маленькое условие. Барышне придется разделить свою постель с Сергеем Дмитриевичем, то есть стать его любовницей. Не знаю, как долго оба наследника особняка на Миллионной и примкнувшая к ним жена Матвея Аграфена Яковлевна, урожденная княжна Лобанова-Ростовская, принуждали «родственницу». Только шантаж не прошел. Девушка оказалась с характером и отвергла настойчивые притязания знатного поклонника, предпочтя незавидную участь уличной бродяжки сомнительным почестям княжеской метрессы.

391

Получив решительный отпор, братья более не церемонились. Выгнали строптивницу за ворота на мороз без денег и вещей, в чем была — «в одной... рубашке, да в одном носилном... платье». Полагали, наверное, что она не выдержит бесцельных скитаний по городу и в конце концов смиритесь с ролью содержанки (братья и сестра изгнанницы тогда, очевидно, в Петербурге отсутствовали). Подобный сценарий, скорее всего, и воплотился бы в жизнь. Но, к счастью, фортуна улыбнулась Елене Константиновне.

От отчаяния она обратилась за поддержкой к жениху. И тот сделал все, что мог. Похоже, Степан Ефимович по-настоящему полюбил воспитанницу Константина Дмитриевича. Без лишних слов камер-лакей начал готовиться к свадьбе, взяв все финансовые и организационные проблемы на себя. Именно он, судя по всему, отыскал для невесты жилье на предсвадебный период. Встретился с князем Иваном Васильевичем Одоевским, обрисовал в общих чертах ситуацию и получил от сенатора и президента вотчинной коллегии добро на переезд юной девицы в княжеский дом. Разместив будущую жену у гостеприимных Одоевских, Карнович с головой погрузился в хлопоты, связанные с предстоящим венчанием. Заказал портным подвенечное платье для невесты (две-три сотни рублей). Потратил изрядную сумму на кровать с балдахинном и оформление всем надлежащим браунт-камеры. Немалую сумму выложил за угощение и прочие мелочи, без которых немыслима никакая свадьба. Денег не хватало. Пришлось даже 11 июня 1747 года подать на имя императрицы челобитную с просьбой выплатить причитающееся ему за январскую и майскую трети камер-лакейское жалованье⁹.

Кроме того, Степан Ефимович попытался оспорить действия братьев Кантемира, прибравших к рукам дом на Миллионной вместе с сундуком Елены и претендовавших на имущество, спрятанное до высочайшего указа в кладовом зале и кабинете.

Малороссиянин заручился сочувствием таких важных персон, как фельдмаршал князь Иван Юрьевич Трубецкой, княгиня Анастасия Ивановна Гессе и Гомбург-

ская, генерал Александр Иванович Румянцев, и посредством еще одной челобитной постарался убедить государыню заставить Сергея и Матвея Кантемиров вернуть изгнанной ими девице то, чем ее желал вознаградить крестный отец. Прошение, к сожалению, осталось без ответа. Так что счастливый жених оплатил все расходы за венчание и праздничный стол из собственного кармана¹⁰.

Брачная церемония Елены Константиновны Шванвич и Степана Ефимовича Карновича состоялась 31 января 1748 года. Три дня молодожены в окружении гостей отмечали это событие в квартире камер-лакея — в старом императорском летнем дворце¹¹. А затем наступили будни. Следовало искать средства для погашения долгов и налаживать непростой семейный быт. Супруги решили вновь поднять вопрос о княжеском приданом невесты. Восемь тысяч рублей они так и не увидели. Однако жалобы не пропали даром. То ли совесть у князей заговорила, то ли на них надавили сверху, то ли братья предпочли пожертвовать минимумом, чтобы сохранить максимум. Так или иначе, а в июле 1748 года Сергей и Матвей Кантемиры, вспомнив о валяющемся в кладовке сундуке бедной «племянницы», предложили ей забрать свои вещи под расписку.

Госпожа Карнович взяла сундук, написав под диктовку <-дядюшек'>: « 1 748 году июля. . . дня Двора Ея Им-ператорскаго Величества камор-лакея Степана Карновича жена ево Алена Константинова дочь остав-ший свой сундук и в нем положенное мною все мое платье собственное и протчую всю мелочь, опричь того моего сундука, которой остался в Москве, без остатку из дому покойного князя Константина Дмитриевича Кантемира от братьев ево лейб-гвардии Преображенского полку капитанов-порутчиков князь Матвея и князь Сергея Дмитриевичев Кантемиров принела. В том и росписку дала. Алена Карнови-чева саморучно подписал ася->. К расписке приложили «реестр, что отдано по смерти князь Костантина Дмитриевича Кантемира Елене Швановицевой». В значились:

393

- «1. Крест алмазной с сергами и с узлом;
2. Перстень алмазной с красным яхонтом;
3. Жемчюгу две нитки крупнаго на шею;
4. По три нитки на руки жемчугу;
5. Еще на руки по шести ниток мелкого жемчюгу;
6. Калцо залатое;
7. Складень алмазной; Платья
8. Пара желтая парчевая, бархатные травачки;
9. Пара зеленая, тканая с серебром;
10. Грезетовой полшлафорок, к нему белая юпка парчевая;
11. Полшлафорок алай с юпкою с серебряной сеткою;
12. Пара зеленая з гасом с серебряным с уским; 13- Шуба штофная на лисьем меху;
14. Епанча серебряная на лисьем меху;
15. Шуба грезетовая голубая на лисьем меху;
16. Сицеваго и канифасного платья шесть пар;
17. Юпка голубая, отласная;
18. Пуховик с подушками и одеяло на заечьем меху;
19. Полушлафорок штофной по белой земле с пу-кетами;
20. Юпка исподнея персицкой парчи соломенова цвету с серебряными травами;
21. Разных чепцов с серебряным и золотым газом шесть;
22. Карнетов кружевных четыре;
23. Манжетов разных кружевных и каморотковых шесть пар;

24. Х кровати полосатого коновату занавеса со всем прибором».

Епанчу потом вычеркнули. По-видимому, она затерялась за истекшие полтора года¹². Вырвав из рук недругов присвоенное ими личное имущество, Елена Константиновна при содействии мужа возобновила борьбу за исполнение Их Сиятельствами воли ее приемного отца: выдачи 8000 рублей и всех предметов, которыми одарили «дочку» князь и княгиня за пятнадцать лет совместного проживания.

394

Ее Величество откликнулась на их мольбы лишь осенью 1755 года. Молчание царицы, похоже, связано с тем, что челобитные Степана Ефимовича и Елены Константиновны подсказали ей тот мотив, которым руководствовался убийца четы Кантемир. По всему выходило, что князя с княгиней хладнокровно устранили собственные братья, испугавшиеся перспективы утечки кантемировского богатства в руки безродной немки. Инициаторы умерщвления продумали все тщательно, разработав на удивление беспроязвительную комбинацию. Воспользовались семейными неурядицами супругов, и в первую очередь конфликтом жены с парикмахером. Медленный яд аубил несчастную женщину, и подозрения, естественно, пали на Ивана Пучкова. Менее чем через год реализовали второй акт. Теперь уже подсунили подчиненным Ушакова на выбор двух кандидатов в уголовники — помимо цирюльника еще и любовницу. А князя безжалостно отравили быстродействующим средством, дабы не успел написать завещание на имя Елены Шванвич. Потом братья выкинули девицу на улицу, слуг спровадили в застенки и приготовились принять по описи нажитые родственниками капиталы. Но тут вышла осечка. Капиталы за тремя печатями бездвижно пролежали более восьми лет под арестом. Рискну утверждать, что императрица так долго игнорировала жалобы Карновичей не по забывчивости. Она ждала открытия каких-либо улик, позволявших возобновить дело и предъявить обвинение истинным преступникам. Однако чуда не случилось. Бесспорные доказательства вины сородичей гвардии капитана так и не всплыли наружу. Государыне поневоле пришлось 20 февраля 1755 года допустить Сергея и Матвея Дмитриевичей к наследству.

Только после этого Елизавета Петровна «вспомнила» о жалобах Елены Константиновны и 30 октября 1755 года поручила старому и преданному другу Александру Борисовичу Бутурлину постараться мирным путем вынудить братьев поделить с крестни-Цей покойного князя. Генерал-адъютант опросил ^{Вс} всех свидетелей, упомянутых в челобитных, за ис-

395

ключением преображенца полковника Егора Баскакова («за отлучением его» из Петербурга). Лейб-гвардии Преображенского полка капитаны Иван Бобрищев-Пушкин, Григорий Мячков, сержант Афанасий Скуратов, а также секунд-майор Александр Меншиков с супругой в основном подтвердили факты, изложенные Еленой Карнович.

Через месяц, 27 ноября, сановник представил императрице доклад, на основании которого она и приняла решение. Как бы царица ни хотела помочь девушке, обманутой родственниками К. Д. Кантемира, требовать с них выплаты восьми тысяч рублей, ссылаясь на устные допросы, государыня, безусловно, не могла. Иное дело вещи. Принадлежность просительнице «узола» со складнем, нахтетиша и кровати с убором А. Б. Бутурлину удалось доказать. Значит, братьям Кантемир придется оные вернуть законной владелице. Что касается денег и других вещей, то самодержица попробовала морально надавить на двух князей, намекнув им о высочайшей заинтересованности в удовлетворении претензий непризнанной «племянницы»¹³. 10 декабря 1755 года в московском доме Кантемиров прочитали письмо А. Б. Бутурлина: «Сиятельный князь, Почтенны господин лейб-гвардии капитан-поручик!

Сего 1755-го году ноября в 27 день Ея Императорскому Величеству [доложено] по учиненному экстракту по челобитью Его Императорского Высочества Великого князя камердинера Карновича жены Елены Константиновой дочери, которую она просила, что князь Константин Кантемир взял ее от отца Академии наук ректора Шванвица и имел вместо дочери, крестил из люторского закона и был воспреемником, обещал отдать замуж с приданным в 5000 Рублев, да деревню купить в 3000 рублей, да из вещей — красной узол с складнем и с сергами и ис персней, да крест красной же с сергами, которой при крещении ей дал (а княгиня — бурмицкую нитку жемчугу крупнова), да нахттишь серебряной (княгинин же), часы золотые карманные, кровать штофную со всем прибором, да оставшее после княгини ево пла-

396
тье и белье все без остатку. И против того, показанные от нее Карновичевой свидетели под присягою показали, что упоминаемую Елену князь Кантемир от отца ее взял вместо дочери, был ей воспреемником, хотел ее выдать замуж за достойного дворянина с приданным 5000 рублей, да купить деревню в 3000 рублей (а смотря по женихе, и прибавить), також кровать, нахтетишь, узол и серги, платье и белье кнегинино, да сверх того, и новое платье сделать. Да ис показанных же свидетелей, князя Меншикова жена, между прочим, подтвердила, что видала у нее, Елены, старинной серебряной нахтетиш и кровать, и нашивала она [Елена] лаловой с розами старинной складень или узол. На что высочайше Ея Императорское Величество всемилостивейше повелеть соизволила, как по челобитью и по свидетельству явно оказалось, что складень или узол действительно выше-упомянутая Елена Константинова дочь имела и при крещении ее подарен был, и для того, как оной узол, так и прочее, что захвачено з другими пожитками, а ей при жизни князь Константин Кантемира давано было, оное все ей Карновичевой отдать. Да сверх того, из обещанного покойным князем Кантемиром против свидетельского показания чем ее удовольству-ите писать к Вам и к брату Вашему. И в силу предписанного Ея Императорского Величества высочайшаго повеления упомянутой складень или узол, которой она, Карновичева, нашивала, також, как кнеиня Меншикова точно показала, что видала у нее нахттишь и кровать со всем прибором и прочее, что ей подарено и она у себя имела, а с пожитками при описи было захвачено, оное все немедленно ей Карновичевой возвратить. А сверх того, против обещания, чем ее удовольствуете, ко мне со обстоятельством пис-менно изъяснить. Вашего Сиятельства слуга А. Бутурлин. Декабря 5 дня 1755 году*¹⁴.
Братья не вняли сделанным Елизаветой через генерал-адъютанта внушениям. Ради материальной выгоды они пренебрегли мнением самой императрицы. В ответном послании от 4 января 1756 года Сергей и Матвей Дмитриевичи твердо заявили об от-

397
казе идти на поводу у нахальной дочери нищего ректора Академии наук:
«Милостивый государь Александр Барисович! ...Известная Вашему
Высокопревосходительству господина Карновича жены претензия состоит в самом деле весьма несправедливая, но само совершенно затейная. Чего мы, как родные братья, чтоб покойной наш брат, князь Константин Кантемир имел намерение или обещал такую из движимого имения немалую сумму, как бы своей дочери или ближней свойственницы, никогда в жизнь ево не слыхали. Да и поверить тому невозможно. Она, Карновичева жена, взята им, покойным нашим братом из одной бедности по тогдашнему состоянию родного отца ее Шванвица для призрения в малолетстве и воспитания... А что ее было в доме брата нашего, оное она взяла роспискою... Какое же содержание ее им братом нашим в доме ево было, о том не столько посторонним, сколько нам весьма немало известно. Да и о таком, о награждении ее намерении или обещании брата нашего знать посторонним, кроме ево покойной

кнегини да нас, братьев родных, подлинно некому. Да и какое право находит принятая для призрения в малолетстве и воспитания к получению ей почти всего точно движимого брата нашего имения, которое было от высочайшего Ея Императорского Величества кабинета в доме ево запечатано и нам по всемилостивейшему Ея Императорского Величества высочайшему указу пожаловано. Нам же не столько сожелетельно, сколь несносно такое напрасное награждение понести, ибо, милостивый государь, сколько того имения нам пожаловано, одного нам на заплату обещанной дватцетитысячной суммы рублей сестре нашей кнегине Екатерины Дмитриевны Голицыной не достало. И, не исправясь оным, принуждены ныне в долгу быть. А если б ее, Карновичеву жену, и протчих всех покойного нашего брата крестников нам наградить такими весьма немалыми суммами, то... для их удовольствия всего нашего имения много бы не достало. Что ж мы в посланных к Вашему Высокопревосходительству репортах означили об отдаче старинного детско-

398

и о нахтиша ей, Карновичевой жены, то, хотя мы ведали, что оной ей Карновичевой жены от брата нашего никогда дан не был, но только оное учинили против снисдетельского показания.

Ваше Высокопревосходительство, милостивого государя всепокорно просим... от таких затейных несправедливых ее Карновичевой жены требований нас защитить и до такой напрасной и нерезонной дачи из имения брата нашего, в котором она никакого права кучастию не имеет... не допустить»¹⁵.

Таким образом, вопрос о наследстве К. Д. Кантемира был окончательно решен. А. Б. Бутурлин для порядка еще поинтересовался реакцией Карновичей на ответ из Москвы и доложил о ней императрице.

В январе 1758 года Степан Ефимович обременил царицу новой челобитной, в которой жаловался на бездействие Бутурлина и просил поручить рассмотрение этого дела Петру Ивановичу Шувалову¹⁶. По-видимому, ни Елена Константиновна, ни ее муж, возглавлявший с сентября 1756 года дворцовый комплекс Ораниенбаума, так и не поняли, что всемогущество российской самодержицы не беспредельно. Как бы ни была абсолютна власть Ея Величества, в ряде случаев даже она бессильна что-либо сделать по собственному желанию.

Глава 15

Дела духовные

1755

декабрь

17. Приехал, из Костромы Игнатий Григорьевич Ерлыков и привез от бабушки письмо и посылку: нам 76руб.

с Гаврилой Андреевичем Голиковым.

25. Для Рождества Христова пожалованы в камергеры из камер-юнкеров Сафонов, Репнин, Куракин, Чернышев, Голицын, а старые камергеры повышены генерал-поручиками.

Чин камергера или камер-юнкера, звание генерала, голубая или алая орденская лента через плечо —

399

обычные награды для особ, принадлежавших к высшему свету. У простых смертных — шкала поощрений скромнее. И она не ограничивалась выплатой больших или малых денежных сумм. Наряду с ними весьма важную роль всегда играл такой неприметный на первый взгляд способ привлечения на свою сторону людей, как личное общение монарха с подданным, желательно в неофициальной обстановке. Елизавета Петровна хорошо понимала, какое сильное впечатление производит на человека любая встреча, тем более случайная, с первым лицом государства, и

неизменно пользовалась этим. Вот конкретный пример. В первой половине дня 16 июля 1755 года императрица, жившая в ту пору в Царском Селе, вышла на прогулку в сад вместе с девятимесячным Павлом Петровичем. Пока царица с младенцем отдыхали в тени деревьев, к ним приблизились бродившие по аллеям парка два лейб-компанца — капитан Иван Богомолов и подполковник Матвей Ивинский. Государыня подозвала гренадера и сержанта к себе, позволила полюбоваться наследником, немного поговорила с обоими и на прощание пожаловала каждого к руке.

Вечером Иван Богомолов в караульне царскосельского дворца похвастался перед товарищами свиданием в саду с Ее Величеством. Но, как тут же выяснилось, не только для него тот «приезд» лейб-компанцев в загородную царскую резиденцию оказался «щаслив». Под вечер того же дня высочайшего внимания удостоился сослуживец Богомолова — поручик Михаил Беляев. Офицер в покоях А. Г Разумовского разбирал бумаги ротного командира (Алексей Григорьевич возглавлял лейб-компанию). Вдруг в комнату вошла Елизавета Петровна и, перед тем как подойти к мужу, остановилась возле подчиненного графа, чтобы спросить его о том, кто он, откуда и чем занимается. Затем императрица, не стесняясь присутствия Беляева, обратилась к супругу и рассказала ему о досадном приключении, которое произошло с ней во время послеобеденной прогулки в одноколке по окрестностям Царского Села: при подъезде к

400 деревне Кузьминой «слышен был голос женской, и усмотрела я, что два солдата в лесу вели бабу, которая, у них будучи в руках, кричала. И так видно, что они, растакая матери, вели ее для блуда... Я послала их искать».

Да, Беляеву, можно сказать, повезло. Редко кому доводилось слышать от Елизаветы Петровны матерные выражения. Спровоцировать самодержицу на площадную брань могла лишь очень серьезная причина. Блудные грехи соотечественников являлись одной из них...¹

28 июня 1750 года императрица поручила Василию Ивановичу Демидову срочно ехать в Петербург и начать следствие над «непотребной жонкой, иноземкой, называемой Дрезденшей». Царицу уведомили, что эта женщина, а также ряд других иностранок устроили в городе несколько борделей, выписывая из чужих краев «скверных женок и девок». Советнику Кабинета Ее Величества надлежало всю эту компанию собрать в крепости, публично бить кнутом и, «посаждая на пакетбот, отправить морем за границу». Чиновник в тот же день покинул Петергоф и по прибытии в столицу разместился в Петропавловской крепости. Госпожу Анну Матвеевну Фелкер, то есть Дрезденшу, арестовали в ночь с 29 на 30 июня «в наемной ее квартире генерала майора Ивана Головина на Васильевском острове». 5 июля заместитель барона Черкасова направил государыне рапорт о проделанной за неделю работе. К рапорту прилагалась <'цыдулка'>, которая чрезвычайно заинтересовала императрицу. В ней действительный статский советник сообщал, что по рекомендации Дрезденши граф Федор Андреевич Апраксин принял к себе на содержание одну из проституток. Далее Василий Иванович спрашивал, как с ней поступить.

6 июля «при походе из Гостилиц» в Царское Село Елизавета Петровна распорядилась: «Оную, у графа Апраксина обретающуюся... взять, но чтоб образы ему учинено не было... изволте сами к нему ехать и

401

объявить указом Ея Императорского Величества, чтоб добровольно отдал, не вдавая себя в срамоту... А ежели не послушает и добровольно не отдаст», то, не мешкая, прислать о том известие в Царское Село. С другими знатными особами, имеющими содержанок, обращаться аналогично; чужестранных министров пока не трогать. Демидов исполнил повеление и встретился с Федором Андреевичем. Тот перечить не

стал и 9 июля отослал «девку-иноземку» в крепость...²

История этой «девки-иноземки» такова. 2 или 3 мая 1745 года в дом сенатского эзекутора Ивана Дурново, располагавшийся поблизости от Синего моста, постучалась девица лет семнадцати-восемнадцати. Назвавшись Марией Якобиной Бринкен, уроженкой Волмера (в Лифляндии), девушка договорилась с одной из постоялиц чиновника — вдовой-капитан-шей Софьей Доротеей Демери — о найме у нее «особливой каморки». Потом, осмотревшись и разложив в комнате вещи, рассказала хозяйке о себе.

Дочь польского шляхтича, она рано осиротела. Росла и воспитывалась в Нейштате в семье родной тетки, жены лютеранского пастора Баридика. Года полтора назад к ней посватался капитан саксонской службы Кристиан Шелинг, который ей очень понравился. Но офицер не приглянулся тетке, и согласия на брак от нее не получил. Это не смутило бравого солдата. Однажды, воспользовавшись отсутствием строптивых родственников, Шелинг проник в их дом и предложил возлюбленной бежать с ним, чтобы в тайне от всех обвенчаться. Ну разве могла та уклониться от столь заманчивой перспективы?! Мария одобрила план жениха и в ту же встречу отдалась будущему супругу, не имея сил воспротивиться его порыву. Побег совершили несколько дней спустя. Приехали в Ригу и прожили здесь около шести месяцев. Свадьбу саксонец под благовидными предлогами оттягивал, хотя постель с любимой делил регулярно и охотно. Весной 1745 года невенчанная пара отправилась в Россию. В Волмере сделали остановку. Там

402

господин Шелинг, подгадав момент, собрал пожитки и улизнул от суженой. Так Мария Яковлевна осталась у разбитого корыта. Поплавав, обманутая невеста продолжила путь. 19 апреля в Дерпте (спасибо доброму знакомому школмейстеру Бартелсону) обзавелась паспортом, подсела к фурманщику, с которым и добралась до Петербурга, где надеялась поступить к кому-нибудь в услужение.

Пожилая женщина с сочувствием выслушала девушку, не забыв бросить оценивающий взгляд на ее фигуру и лицо. Собеседница с симпатичной внешностью была хорошо сложена. Такой «дворяночке» ка-питанша вполне могла помочь с трудоустройством. Госпожа Демери ободрила Марию: ничего, есть у нее на примете одно место с неплохим заработком. Мешкать с визитом туда не стали. Вдова сама проводила юную лифляндку в дом дворцового скорохода Ивана Богдановича Рейхенбаха («на земле» Н. Ю. Трубецкого ~ от Синего моста по южной набережной Мойки четвертый обширный двор, протянувшийся вдоль Малой Сарской до Большой Мещанской улицы) и представила своей подруге — Анне Матвеевне Фелкер. Мадемуазель Бринкен в некотором роде повезло. Она попала в самый престижный публичный дом Петербурга³.

В то время подобных заведений в столице хватало. Возникали они просто. Какая-нибудь вдова нанимала несколько покоев в чьем-либо особняке (у себя на квартире, как правило, гостей данного сорта старались не принимать) и, подобрав двух-трех прозябавших в бедности смазливеньких девиц, приглашала заглянуть на огонек кавалеров с достатком. Те могли вызвать проститутку на дом или переспать с ней в одной из комнат учреждения. Платил клиент партнерше в среднем рубль, два или три за сеанс. Из всей суммы хозяйке борделя полагалось отстегнуть половину. Силой девушек к работе никто не принуждал. Любая при желании всегда имела право выйти из игры: превратиться в содержанку, выскочить замуж либо открыть собственное дело. Состоятельный петербуржец тоже обладал выбо-

403

ром: около десяти известных притонов работали ежедневно, конкурируя друг с

другом. Два разместились на Большой Морской улице. В доме немецкого актера Инфондилка (видимо, на земле антрепренера Я. Сигизмунда) содержатели трактира Георгий и Катерина Гак полтора года (в 1748—1749) не брезговали поднимать размер ежемесячной выручки поиском молоденьких девиц для вельможи офицеров. Их коллеги по ремеслу — супруги Иоганн и Анна Ферш-теры — приняли эстафету от четы Гак на подворье немецких комедиантов (в 1749—1750). А до того наряду с торговлей занимались сводничеством на Малой Морской улице в знаменитом доме генерала Наумова. За Мойкой укрылись увеселительные пристанища немок Анны Ивановны Анбахар и Натальи Алексеевны Селивановой. А вот тридцатилетняя россиянка Ульяна Ивановна Елистратова (в девичестве Макшеева), дочь придворного конюха цесаревны Елизаветы Петровны и жена участника Камчатской экспедиции (она же Удачка), не стеснялась более года знакомить кавалеров с дамами легкого поведения в ста шагах от Зимнего дворца — под крышей трактира Ягана Гейдемана, в доме бригадира Г. Г. Чернышева на Большой Луговой улице⁴.

Как ни странно, сам Григорий Григорьевич Чернышев предпочитал тратить деньги не у нее. Генерал не ленился ездить на набережную Мойки к дому генерал-прокурора Н. Ю. Трубецкого, за которым во владении вдовы Марьи Матвеевны Рейхенбах Анна Матвеевна Фелкер, знаменитая Дрезденша, обслуживала военных и придворных по высшему разряду. Здесь постоянно появлялись полковник Петр Иванович Панин, гвардии капитан-поручик Иван Ларио-нович Воронцов, прапорщик Петр Алексеевич Татищев (сын генерала-полицмейстера), камер-пажи Иван Нарышкин, Петр Шереметев (тезка и однофамилец свекра Прасковьи Жемчуговой), Иван Неронов и паж Василий Каро, братья князя Голицыны, морского флота офицеры Иван и Николай Сеняви-ны, лейб-медик Барре и многие другие. А жена полковника инженерного корпуса Николая Людвиг —

404

Франциска Людвиг — назначала в салоне Дрезденши свидания с придворным золотых дел мастером Принцем, лейб-медиком Бургаве, успешно лечившим великую княгиню Екатерину Алексеевну, и господином Шмитом, богатым шкипером из Любека⁵. Персонал Анна Матвеевна набирала из опытных молодых женщин, как холостых, так и замужних. Но не все куртизанки соглашались зарабатывать на жизнь, ублажая клиентов борделя (кстати, сама Дрезденша блуда не чуралась; наравне с прочими компаньонками удовлетворяла и Чернышева, и Панина, и Неронова, и Бургаве с Барре). Дочь кормилицы императора Петра II Анны Марии Бахман Анна Петровна Блейх, в замужестве Биринг (сочеталась браком в тринадцать лет 10 апреля 1738 года), близко сошлась с саксонским посланником Фицтумом и четыре месяца посещала дипломата, получая за каждый визит от двадцати до тридцати рублей, не считая подарков в виде платья и разных безделушек. Затем посланник вернулся на родину. Муж же отлучился по делам в Москву. Сняв квартиру в доме Петра Михайловича Приклонского на Малой Морской улице, напротив Адмиралтейства, мадам попыталась найти себе работу. Об этом узнала госпожа Фелкер и предложила ей помощь. Анна Петровна, не подозревая, о чем идет речь, приехала по указанному адресу — набережная Мойки, дом Рейхенбаха — и только в апартаментах поняла, что от нее требуется. Упреки не произвели на Дрезденшу впечатления. «Не все [ж] с графами и посланниками жить!» — ответила она, впустив в зал двух офицеров. Испугавшись побоев и издевательств, госпожа Биринг смирилась и прошла в соседнюю горницу, дабы уединиться поочередно с одним и другим военным. Денег за услугу не взяла. На уговоры хозяйки заведения не поддавалась («[Тебе] уже такого графа, с которым [ты] жила не сыскать, а [я] таких людей... много сыскать [могу]*»). Уехала домой и более на вызовы (около десяти) хитрой сводницы не откликалась⁶.

Каждая девица, соглашаясь трудиться в публичном доме, преследовала две цели: соблазнить и скло-

405

нить к замужеству богатого горожанина или пристроиться на правах содержанки к какому-либо состоятельному вельможе. Что касается брака, то тут даме, особенно иностранке, надлежало быть весьма осторожной и строго проверять анкетные данные кандидата в женихи. Ведь у крепостного дворецкого или управляющего имением важного сановника тоже могло звенеть в кошельке. Между тем закон Российской империи гласил: за раба идущая рабой становится («в таких случаях, когда свободной человек женится на кабальной девке или свободная девка вы-дет за кабального человека, то уже и те, свободные не иначе, как принадлежать должны тому, чьи те кабал-ные->»). Спаси переступивших через опасную черту никто и ничто не могло. Впрочем, исключения случались.

Весной 1754 года усилиями шведского посольства и Коллегии иностранных дел из неволи удалось вытащить шведку Елизавету Пирон, опрометчиво обвенчавшуюся с Иоганном Маттиасом Люконом, сыном финна, переехавшего за сорок лет перед тем в Ингер-манландию. Крестьянин Маттиас Лементин с женой и детьми добровольно записался в крепостные генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина и поселился в деревеньке Мистиловой у мызы Осиновая роща. Дочь шведского солдата, вывезенная в Россию грузинским царевичем в 1742 году, слишком поздно узнала о том, что супруг — собственность графа Федора Андреевича Апраксина, племянника и наследника прославленного сподвижника Петра Великого.

21 августа 1753 года несчастный Иван Матвеевич, «не стерпя напрасных побоей», сбежал от хозяина, из-за чего 15 сентября барин велел отвезти беременную холопку в подмосковное сельцо Воскресенское. Но та не растерялась, обманом завлекла охранника — Агафона Михайлова — к дому шведского посланника Поссе, и, добившись встречи с дипломатом, попросила у него политического убежища, умолчав о своем социальном положении. Только после того, как сотрудник посольства навестил генерал-поручика и камергера Апраксина (хлопотал об увольнении гос-

406

пожи Люкон в отечество), а группа мужиков, требуя выдачи «бабы», атаковала двор шведов (спасибо караульным, разогнали толпу), женщина во всем чистосердечно призналась барону Поссе, который, сочувствуя беглянке, не отослал ее к хозяину, а пообещал помочь.

В тот же день канцлер Бестужев получил от посланника ноту с просьбой посодействовать возвращению «королевско-шведской подданной» на родину. Алексей Петрович принял к рассмотрению дело. 16 сентября Елизавету Пирон допросили и до выяснения всех обстоятельств разместили в Публичной экспедиции, «однакож, не под строгим караулом, но паче, елико можно, с потребным для женщины покоем». Тяжба тянулась полгода. Формально Федор Андреевич был прав. Раз уж шведка допустила роковую ошибку, то возмущаться теперь нечего. Закон есть закон. В то же время в коллегии заседали живые люди, понимавшие, каково свободному человеку, особенно иноземцу, угодить вдруг в чьи-то холопы навечно. И если есть шанс выручить страдальца, грех не прийти ему на помощь. Поссе с Бестужевым сумели обнаружить спасительную для дамы зацепку. Идею высказал шведский посланник: подданный одного государства без августейшего дозволения самовольно записываться в кабалу к вельможе другой страны не имеет права. Опираясь на нее, российские министры проигнорировали данные переписи 1732 и 1745 годов (в них Матти Лементин сорока пяти и пятидесяти восьми лет, а также Юси (он же Иоган) трех и шестнадцати лет записаны крестьянами мызы Осиновая роща). Приговор они вынесли на

основании расспросов старожилов деревни Мистилово, проведенных чиновником Санкт-Петербургской губернской канцелярии Гаврилой Томилиным.

В решении коллегии от 15 марта 1754 года значилось: «По следствию явилось, что помянутого Ягана Матвеева прозванием Люкона отец Матти Лементин неприродной вышеозначенных мест мамист, но вышедшей в прошлых годах тому лет с сорок из

Шве-
407

ции. И тако оная женщина к отдаче в дом... генерал-лейтенанта... принадлежать не может, но по желанию ее... отпущена быть имеет ныне во отечество ее, в Швецию». Федор Андреевич не рискнул протестовать и смирился с потерей дворовой. Между тем сама главная героиня, избавившись от крепостной зависимости (из-под ареста освобождена еще 31 января), уже не торопилась с отъездом из России и предпочла с полугодовалым сыном Карлом-Иоганном на руках задержаться в Петербурге до окончания миссии барона Поссе⁷.

Впрочем, история Елизаветы Пирон для той эпохи не типична. Наверное, лишь женщина, совсем потерявшая голову от любви, могла попасть в такую переделку.

Куртизанки, влекомые трезвым расчетом, а не чувством, легко распознавали социальный статус своих жертв, хотя заманить их под венец умели не все.

Большинство неплохо справлялись с ролью содержанки — если не у вельмож (это почти недостижимая высота, сравнимая с замужеством), то у какого-нибудь офицера или чиновника среднего ранга. И только совсем бездарные на годы «засиживались» в девицах по вызову. Мария Яковлевна Бринкен, похоже, владела искусством обольщения. Ей понадобился месяц, чтобы преодолеть первую планку и найти себе кавалера. На красивую девушку, которой посетители салона Дрезденши не скупились платить от трех до пяти рублей, обратил внимание придворный гранильщик англичанин Натор. Мастер предложил мисс в обмен на полное материальное обеспечение дать абшид всем прочим клиентам дома на набережной. Мисс, естественно, согласилась и в двадцатых числах июня 1745 года, простившись с доброй старушкой Демери, поселилась в арендованных для нее у асессора Петра Андреевича Сабурова комнатах (Васильевский остров, 2-я линия).

Но, по-видимому, дама переоценила силы: попытка наскоком, кавалерийской атакой заставить иноземца заключить с ней брачный союз успехом не увенчалась. Через полтора-два месяца Натор покинул красавицу и уплыл в Англию. Мария же, потерпев

408
поражение, скорее всего, вернулась на панель, хотя, возможно, попробовала зарабатывать на жизнь честным трудом — шитьем или мытьем рубах. Фортуна улыбнулась девушке в декабре. Она, представившись портнихой, познакомилась с капитаном Астраханского пехотного полка Карлом Штоком. Офицер быстро догадался о подлинном призвании симпатичной модистки, поговорил с ней и условился о месте и времени амурных свиданий. Месяца два девица под видом прачки тормозила извозчика возле дома генерал-лейтенанта Тараканова на Адмиралтейской части (ныне Б. Морская ул., дом № 55) и с корзиной белья в руках исчезала в покоях армейского капитана. Спустя час-другой, кинув в корзину очередную порцию грязных рубашек, прачка спускалась с крыльца на мостовую и, поймав коляску, возвращалась на Васильевский остров, на двор поручика Голстрема в 3-й линии, где с осени снимала квартиру.

В феврале 1746 года Шток, пожелав сократить разделяющее любовников расстояние, перевел метрессу на двор купца Семена Зимина возле Морского рынка. Вскоре капитану этого показалось мало, и летом Мария со всеми вещами переехала к нему. Так было проще, удобнее, но и опаснее, ибо хватило бы одной жалобы в главную

полицию со стороны какого-нибудь вредного соседа на занимающуюся блудом парочку, чтобы бедную Марию Яковлевну, исполосовав кошками, навсегда сослали в прядильщицы на Калинкин двор (будь у развратницы муж, полиция отдала бы побитую кошками женщину супругу). Оттого, наверное, в октябре офицер нанял подружке комнаты в доме Никитиных на углу Мещанской улицы и Вознесенской прешпективы. Здесь та прожила около года. А затем в течение трех лет переменила еще шесть квартир, останавливаясь в них то на ме-сяц-полтора, то на шесть или семь месяцев (оба раза — на Васильевском острове в 3-й линии; полгода в доме братьев Шуваловых, полгода — у В. А. Нащокина). Лишь на Большой Переведенской улице в доме купца Федора Минина постой продлился около го-Да — до июня 1750-го.

409

Шток часто навещал Марию, дневал и ночевал у нее в комнате. Когда же капитан отсутствовал по делам или по службе, содержанка тоже не скучала. Ведь она давала приют своим юным сверстницам — на три месяца поручице Анне Ивановне Геск (в девичестве Делегрин) с дочерью, на пару недель будущей Анне Анбахарше — и нанимала служанок за полтинник или рубль в год. Дамы занимались хозяйством (всю мужскую работу по кухне и во дворе исполнял денщик Штока — солдат Иван Васильев), совершали прогулки по городу или на острова, принимали участие в крестинах, в свадебных церемониях и прочих семейных праздниках. От простой обывательницы барышню отличали разве что странные визиты к ней голландского купца Юхома Серана и одного приказчика, торговавшего в лавках Гостиного Двора. Увы, ученица Дрезденши не утерпела и в 1750 году все-таки устроила у себя в тайне от любовника мини-бордель. Служанка Наталья Степанова за рубль в месяц помимо стряпни и походов на рынок по приказу госпожи регулярно приводила двух-трех девиц для любовных утех вышеупомянутых мужчин⁸.

Изредка по вечерам капитан Шток и его сожительница принимали знакомых офицеров с дамами. Сидя за столом, беседовали и пили чай, кофе, а затем танцевали под музыку. Подобные вечеринки в узком кругу имели тогда широкое распространение и среди вельмож, и у менее знатных особ. Музыканты приглашались из полковых духовых или придворных инструментальных оркестров. Стоя вокруг стола с нотными тетрадами, гобоисты, валторнисты и флейтисты играли разные популярные танцевальные мелодии. Если хозяин приема умудрялся к тому же раздобыть клавесиниста и скрипачей либо сам с приятелями брал в руки партитуру, то гости имели возможность насладиться исполнением вокального номера наряду с концертом какой-нибудь европейской знаменитости — Скарлатти, Корелли, Вивальди (не исключая Генделя и Баха) — или симфониями Доме-нико Доллолио (две в стиле *ala Russa* пользовались огромным успехом) и сонатами на украинские темы

410

Луиджи Мадониуса, ведущих скрипачей придворного императорского оркестра. Ну а в лицах, умеющих играть на клавикордах, скрипке, виолончели, флейте и трубе, елизаветинский Петербург недостатка не испытывал. Профессиональных музыкантов, конечно, насчитывалось немного. Зато любителей помузицировать на досуге во всех образованных слоях общества имелось с избытком⁹.

Камерные вечера по случаю именин, дней рождения, крестин и других семейных торжеств дополнялись более редкими платными публичными вечеринками, которые устраивались с позволения главной полиции предприимчивыми жителями столицы. Правда, дохода они не приносили, если на них собиралось мало народа. Поэтому не стоит удивляться тому, что среди организаторов подобных приемов преобладали хозяйки публичных домов. Их широкая сеть клиентуры неплохо справлялась с рекламой ассамблей. Однако на этом основании ставить знак равенства между

вечеринками и борделями совершенно несправедливо. Вечеринки — мероприятие вполне благопристойное. Никто не уединялся в укромных уголках, чтобы задрать юбки или спустить штаны. Да и вряд ли бы это кому пришло в голову, ибо в арендованных трех-четырех комнатах постоянно было много людей. Безусловно, на вечеринках кавалер мог познакомиться с дамой, быстро соглашавшейся провести с ним ночь. В таком случае парочка тотчас покидала веселье и отправлялась в более подходящее для осуществления обоюдного желания место, До 1745 года устройство публичных вечеринок властями не контролировалось. Взять под надзор их проведение заставило грандиозное побоище, которое учинили 18 ноября 1744 года офицеры на банкете в доме вдовы петровского корабеля Меншикова на Миллионной улице. Генерал-полицмейстер А. Деви-ер отреагировал на дебош постановлением от 29 января 1745 года. Отныне инициаторам публичных празднеств надлежало подавать в главную полицмейстерскую канцелярию челобитную, чтобы полу-

411

чить оттуда официальную бумагу с примерно таким текстом:

«Приказ от Санкт-Петербургской полицмейстер-ской канцелярии адмиралтейской части господам афицерам.

Поданным в Санкт-Петербургскую полицию иноземец Яган Шульц прошением объявил, что сего мая 15 дня желает он содержать на Адмиралтейской части в доме портного мастера Кригера вечеринку. Причем будет у него чесная компания и музыка. Того ради по резолюции Санкт-Петербургской полиции велено ему, Шульцу, в содержании той вечеринки и музыки позволить, а чтоб при том шуму и драк, и противных указом игор не было, и в монашеское платье и в маски не наряжались, того смотреть вам накрепко. Мая 12 дня 1749 году»¹⁰.

Выданное из полиции разрешение относилось в съезжую того района города, где намечалось торжество. Там в обмен на документ отпускали просителю двух-трех солдат в караул. За охрану порядка им полагалось заплатить 20—50 копеек. Хозяин увеселения нанимал на вечер три-четыре комнаты. В зале размещались музыканты гвардейского или гарнизонного полка, получавшие за работу около трех рублей. В смежной комнате ставились зеленые ломберные столы. В третьей палате публику ожидало угощение с чаем, кофе и вином. В четвертой дежурили лакеи, всегда готовые помочь гостям, которые начинали съезжаться в сумерках и развлекались до двух-трех часов ночи. Мужчины за вход обычно платили по рублю (реже по 50 копеек). С дам пошлина не взималась, «ибо без женска полу и вечеринок никогда не бывает, и оне находятца токмо для одного танцования»¹¹.

Мария Яковлевна Бринкен с удовольствием ездила на вечеринки. В феврале 1748 года Дрезденша, сняв на месяц за 15 рублей в особняке Белосельских на Мойке «особливые покои», дала три праздника. Анна Матвеевна лично заглянула к старой приятельнице на Васильевский остров в дом Шуваловых с приглашением на первую вечеринку. Там застала двадца-

412

тишестилетнюю поручицу Анну Делегрин — в ту пору метрессу цесарского посланника Бретлаха, Анну Рейнберг (с апреля 1749 года замужем за купцом Яганом Людвигом Анбахар) и Карла Штока. В итоге в дом Белосельских поехали вчетвером. В нарушение правил в танцевальный зал три дамы вошли в масках. Кавалерам — гвардии унтер- и обер-офицерам — это не понравилось. Они потребовали у дам не скрывать своих лиц. Женщины не послушались. Гвардейцы продолжали настаивать. В общем, назревал скандал. Тогда капитан, опасаясь осложнений из-за красивой внешности Якобины, увел подругу домой, а сопровождавшие пару женщины

предпочли остаться, по-видимому, подчинившись большинству. По окончании веселья к Анне Реинберг подошли Григорий Григорьевич Чернышев с Дрезденшей и в добровольно-принудительном порядке предложили девице остаться на ночь. Не бесплатно, конечно. За два рубля, половину из которых получила госпожа Фелкер. Очередное приключение случилось с Марией Бринкен зимой 1748/49 года. На этот раз модно одетая девушка одна отправилась в одиннадцатом часу ночи из квартиры на дворе В. А. Нащокина на вечеринку к госпоже Елизавете Ивановне Винцлер (скорее всего, к месту ее жительства в дом вдовы Веселов-ской на берегу Малой Невы рядом со зданием Биржи). Не успела барышня поправить перед зеркалом платье на фижмах, надеть на лицо маску и появиться на публике, как к ней подскочили сразу четыре кавалера при шпагах и, «ухватя ее в ахабку», вроде бы в шутку потащили на крыльцо. Накинув на плечи пленницы шубу, шутники сели с ней в сани, и погнали лошадей по набережной. Потом сани свернули и помчались вдоль каналов. Чего от нее хотела компания подвыпивших подъячих (в том числе виденный ею раньше канцелярист Моисеев), она смекнула сразу. Но на ее счастье разгорячившиеся мужчины заспорили о том, у кого из них дома следует позабавиться с попавшей к ним в руки красавицей. Красавица помогла разрешить дилемму и предложи-

413

ла ехать к ней в 3-ю линию в дом генерала Нащокина, прибавив, что сама не прочь повеселиться с такими бравыми ребятами. Ребята на хитрость клюнули. Когда в двенадцатом часу пополудни сани остановились возле дома Нащокина, хозяйка в окружении лихой четверки поднялась в сени. А затем неожиданно вбежала в одну из комнат, заперлась изнутри, кликнула денщика Ивана Васильева и велела ему с дворником выгнать со двора непрошенных гостей. Те приказ исполнили. Обманутые подъячие, негодуя, разбили стнное зеркало и с шумом убралась восвояси. Тот случай не отбил у молодой женщины охоту ездить в гости без сопровождения капитана. Как-то зимой 1750 года к ней пожаловала Анна Ивановна Ан-бахар и уговорила составить ей компанию и поехать в Большую Морскую улицу в дом портного Кригера на именины дочерей придворного музыканта Шварца и некой мадам Шокман. Муж Анны на личное приглашение музыкантши не откликнулся, хотя жену на праздник отпустил. Та в поисках спутницы и навестила подружку. Мария Яковлевна, согласившись, отправилась на торжество. У Шварцов собралось около двадцати человек — десять дам и десять кавалеров, в основном офицеров кадетского корпуса. Поздравили именинниц — мужчины подарили им по рублю, отведали угощение, потанцевали. Около десяти пополудни на вечеринку заявился благоверный Анны Ивановны и вместе со всеми повеселился часа с два. Около двенадцати гости разъехались. Шток прислал за Марией Бринкен сани, и она благородно подбросила друзей к их дому на Вознесенской улице. А затем уже помчалась к дому капитана¹². Шло время. Шток по-прежнему обеспечивал любовницу всем необходимым, но назвать своей женой, кажется, не собирался, хотя и обещал. Между тем Марии пора было задуматься о будущем. Как и на что придется ей жить, когда капитану надоест подурневшая содержанка? Ведь с простым штаб-офицером большую сумму денег не скопишь. А у отставной метрессы один путь — в трущобы, развлекать солдат

414

и чернорабочих. Перспектива незавидная. Но выбор невелик. Либо полная деградация, либо замужество, либо продаться за приличное вознаграждение какому-нибудь вельможе. Но последний вариант без рекомендации госпожи Фелкер почти нереален. Дрезденша обладала огромными связями. К ней обращались многие из русских сановников и чужестранных министров. Одну русскую девушку, кучерскую дочь Василису Анна Матвеевна сумела пристроить к барону Сергею Григорьевичу

Строганову, Авдотью Станиславскую — к цесарскому посланнику Бретлаху. А некая Дарья («Дарка») Ланкша умудрилась расположить к себе камергера Романа Ларионовича Воронцова. Правда, случались накладки. Князь Борис Васильевич Голицын, просивший «хорошую девочку для блуда», отверг кандидатуру одной из проституток. Но тут уж кому как повезет...

Однажды в середине июня 1750 года к Якобине от Дрезденши пришел слуга и сказал, что хозяйка подыскала для старой знакомой выгодное место «к научению детей».

Мария догадывалась, какие «дети» имеются в виду. А потому поставила перед Штоком вопрос ребром: намерен ли он жениться на ней сейчас или нет. Капитан попросил отсрочки в два месяца. Барышня поняла, что это — очередная отговорка, и решила на разрыв. 20 июня в дом Штока приехала Дрезденша и раскрыла карты: граф Федор Андреевич Апраксин рассматривает ее кандидатуру в качестве метрессы. Денег будет платить по 250 рублей в год, не считая прочих мелочей. Но ехать к нему нужно нынче же. Мадемуазель Бринкен без колебаний согласилась. Смотрины прошли удачно. Федор Андреевич остался доволен «хорошей девушкой», и Мария Яковлевна поселилась в роскошном особняке, имея личные апартаменты, богатый стол и покровительство влиятельного придворного. Но сказка длилась всего девятнадцать дней. Явился Василий Иванович Демидов, переговорил о чем-то с хозяином дома, и молодая содержанка очутилась в Петропавловской крепости, из которой через неделю вместе с другими арестантками переехала в Калинкин дом¹³.

415

Мария Якобина Бринкен, блудница и сводница, жившая на содержании действительного камергера, армейского офицера и придворного мастерового, напрасно бы уповала на прощение или смягчение участи. Неисправимым распутницам полагалось трудиться на прядильной фабрике очень долго, если не вечно. Те, кто не хотел мириться с длительным заточением, пробовали бежать. Подруга Штока совершила два побега. Первый — 3 февраля 1755 года — провалился. 8 февраля вольнолюбивую девицу поймали и вернули обратно. Второй попытке сопутствовал успех. 4 марта 1757 года три женщины — Анна Гейдерех, Шарлотта Штейн и Мария Бринкен, обманув внутреннюю стражу, вышли за стены дамской тюрьмы, не обращая внимания на часовых, смешались с толпой и неторопливо зашагали по дороге в неизвестном направлении. На сей раз, по горячим следам задержать неугомонную лифляндку не смогли. Так что, судя по всему, провинциалку впереди ожидали новые испытания...¹⁴

19 ноября 1750 года В. И. Демидов доложил императрице об итогах почти пятимесячной работы комиссии. Основные содержатели публичных домов, главным образом иноземцы, выявлены и задержаны. Всего на Калинкиной фабрике размещены около 200 человек. Кроме того, по доносам предстоит арестовать еще 250. Правда, по большей части иметь дело придется не с организованной иностранками сетью борделей (которая фактически ликвидирована), а с женами, уличенными мужьями в измене. Поэтому не пора ли завершить следственные действия, а всем виновным воздать по заслугам?!

Елизавета Петровна оставила предложения действительного статского советника без ответа. Хотя аресты по наговорам узниц прекратились, обитательниц Калинкина двора не торопились бить кнутом да кошками и выпроваживать за границу, в Прибалтику или в Сибирь. Большинство из двух сотен женщин и двух-трех десятков мужчин томились на фабрике

416

около девяти лет. Но те, у кого обнаруживались смягчающие вину обстоятельства, могли обрести свободу раньше.

Архитектор Осип Трезини, отчаявшись заиметь ребенка в законном браке, обрюхатил служанку Шарлотту Харбур (та родила в январе 1750 года девочку) и столь упорно сопротивлялся выдаче девушки комиссии Демидова, что по приказу императрицы сам угодил в каземат. 5 января 1751 года его помиловали, предупредив, чтобы более «худых поступков» не совершал. Наложницу архитектора с дочерью Марией освободили через год и с первой оказией — в ноябре 1752 года — выслали морем в Германию.

Дочь придворного музыканта Осипа Доминиуса Марию в пятнадцать лет в отсутствие родителей совратил семейный доктор Кристиан Рост. С той поры в течение полутора лет до ареста 24 июля 1750 года смазливая итальянка в тайне от отца с матерью не раз уединялась в своей комнате с друзьями дома мужского пола. В тюрьму попала уже беременной. Там в декабре и появился на свет сын Иван. Из уважения к родителям 5 августа 1754 года заблудшую девицу вернули Осипу и Анне Доминиусам на поруки. За восемь лет из 309 арестантов 174 вышли на свободу или в недельный срок покинули Россию, 19 скончались (в том числе и Дрезденша 2 января 1752 года), 36 сбежали. Наконец, 7 марта 1759 года императрица «указала содержащихся в Калининском доме колодников и колодниц, которым Ея Императорское Величество вины их всемиловитейше отпуска-ет, из под караула свободить и распустить и распределить их по рассмотрению. И бывшую об них комиссию уничтожить*». Освободили всех в течение полутора-двух недель: отдавали под расписку родственникам и знакомым. По-видимому, Елизавета Петровна считала, что несколько лет тюремного заключения — самый оптимальный способ наказания для лиц, не обременивших душу тягчайшими преступлениями.

Между прочим, в дело о «чужеземных непотребных женках и девках» умудрился влипнуть будущий

К. Писаренко

417

четвертый русский профессор Никита Иванович Попов. В январе 1747 года студент Академии наук «растлил» девичество соседки по квартире (Васильевский остров, 5-я линия, дом гвардии сержанта Ивана Петровича Толстого) Мадлены Матвеевны Гросс. За три года гражданского брака (пара то ссорилась, то мирилась) у них родилось двое детей (выжил лишь первенец Дмитрий). Однако жениться на матери собственного сына астроном не собирался. В первую неделю работы команды Демидова на сожительницу адъютанта поступил донос. В два часа ночи 9 июля ее взяли под стражу. В итоге историю о странной любви русского с иноземкой узнала императрица: в ноябре 1747 года Попов выгнал Мадлену с ребенком на руках, после чего она безрезультатно просила духовную консисторию Петербурга заставить Попова обвенчаться с ней; в 1749 году они вновь сопшились и жили на Малой Морской в доме купца Парфена Естифе-ева вместе с братом адъютанта гренадером гвардии Федором. Государыня помогла Никите Ивановичу исполнить свой долг. 19 июля вдова Елена Денисовна Гросс забрала дочь из тюрьмы. 8 сентября невеста приняла православие (наречена Натальей) и в том же месяце в Исаакиевской церкви обвенчалась с будущим академиком, которого за совершенное прегрешение подвергли суровой каре. Архиепископ Санкт-Петербургский Сильвестр Кулябка наложил на него епитимию: «Быть... от церкви Божией в отлучении три года и с верными не вступать... на порог церковный. Постится чрез три годищное время всякую среду и пяток... Ни хлеба ядением, ни питьем отнюдь ничего, в тех же годех во все четыре поста случающиеся рыбы ни в воскресныя дни ни ясти... Милостыню давать, которая множество грехов очищает, не с скудостью. Приходить к заутрене, и вечерне, и к обедням (если не можно по вся дни, то в понедельник, в среду, в пяток, в субботу, неделю) и стоять за церковью, отнюдь к дверям церковным не приступая, но в таком отдалении, чтобы

только можно слышать... По вся четыре поста исповедание грехов приносить пред отцем

418

духовным, божественных же тайн не приобщаться даже до окончания годов к епитимий исполнению указанных. Быть всегда в молитвах. Если когда невозможно будет к церкви прийти, в домех... утрени, и вечерни, и часы да... с прочтанием канона покаянного* петь, и никогда не забывать страшного судию...»¹⁵

Наложение епитимий на Никиту Попова — не самая сильная мера воздействия православных иерархов на грешника. Существовало еще публичное покаяние в монастыре в течение длительного срока — аскетичный образ жизни с непрестанными молитвами и точным соблюдением всех обрядов греческого закона под неусыпным надзором монахов. В «исправительную» монастырскую келью человек попадал за преступление более серьезное, чем обыкновенное распутство. Например, сомнение в истинности православной веры. В таком случае Синод имел полное право упрятать еретика в монастырь на год, два и больше. Благо чересчур набожная царица всегда отрицательно относилась к любому религиозному вольномыслию среди соотечественников и спуску никому не давала. Особенно жестко пресекалось увлечение догматами католицизма, adeпты которого отличались повышенной политической активностью во всем мире.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Елизавету Петровну очень обеспокоила новость, сообщенная ей кем-то 14 марта 1746 года: княгиня Ирина Петровна Долгорукова, по-видимому, не имеет духовника, который мог бы исповедовать ее. Государыня, естественно, поинтересовалась, на чем основано подобное утверждение. И услышала странную историю, случившуюся менее месяца назад.

Вечером 19 февраля к протопопу Исаакиевского собора Тимофею (жившему на Малой Морской улице на исаакиевском подворье, по соседству с домом генерала Наумова) пришел человек статского советника Сергея Петровича Долгорукова и попросил срочно отправиться с ним в дом господина к его уми-

419

равшей дочери. Священник удивился тому, что обратились к нему, а не к своему духовнику. Ответ прозвучал вполне обыденно: пресвитера Андреевской церкви Никифора нигде не смогли отыскать, а состояние девушки — критическое. Батюшка поспешил на Васильевский остров. В доме Долгоруковых испуганные родители провели священника к постели Марии Сергеевны, которая лежала в горячке, не имея сил даже исповедаться. Отец Тимофей прочел молитву и затем спросил, не желает ли княжна причаститься. Если да, то пусть осенит себя крестным знаменiem. Больная перекрестилась. Тогда протопоп налил в лжизу (крестовидную ложку) чистой воды, поднес ее к губам девушки и затем уже приобщил святых тайн. После совершенного не совсем правильно обряда княжна прожила еще несколько минут и скончалась на глазах священника, отца и матери.

Потом был разговор с Сергеем и Ириной Долгоруковыми. Когда речь зашла о духовнике семьи Ники-форе, князь и княгиня неожиданно заявили, что дочь их у него никогда «в духовности не бывала», а причащалась и исповедывалась у протоиерея церкви Николая Чудотворца Петра Козицкого. Столь противоречивые свидетельства о семейном духовнике побудили протопопа Исаакиевского собора проверить откровения супругов. Он не поленился, навестил Петра Козицкого, который слова Долгоруковых опроверг. У кого ж тогда исповедовалась и причащалась Мария Сергеевна? Ни у кого?! Как же так могло получиться? Долг священника обязывал известить вышестоящие инстанции об этой загадке. Через месяц о ней узнала государыня.

В тот же мартовский день барон И. А. Черкасов послал в дом Сергея Петровича Долгорукова кабинет-курьера Стрешнева с таким повелением: «Ея Императорское Величество указала спросить... у княгини, кто у ней здесь или в Москве духовники есть, и в прошлом 1745 году или в нынешней Великия посты или в ныня времена где и у кого изволила исповедыватца и святых тайн приобщатся. И что она объявит, то записать. И чтоб изволила руку приложить. И то, воз-
420

вратясь, объявить для доклада Ея Императорскому Величеству». Посыльный застал Ирину Петровну дома. Она продиктовала следующее: «Отца духовного ныне она никого не имеет, а в 1742-м году исповедывалась в Питербурге у священника морской церкви Петра Павлова сына. И по писму его приобщалась святых тайн в церкви Андрея Первозванного, что на Васильевском острову».

Вечером Стрешнев съездил на морской полковой двор. Петр Павлович Козицкий подтвердил слова княгини, а спустя пару суток, посмотрев исповедальные ведомости за восемь лет, уточнил: «Юстиц коллегии советника князь Сергия Петрова сына Долгорукова жена ево княгиня Ирина Петрова дочь в прошлом 1738-м году во святую четьредесятницуу меня нижайшаго исповедывалась, а о причастии святых тайн дано было ей писмо церкви святого апостола Андрея Первозванного к священникам. А более она княгиня у меня на исповеди не была».

Вывод из этих свидетельств напрашивался сам собой: представительница прославленного рода Голицыных к православной вере совершенно безразлична¹⁶.

...Началось же все лет тридцать назад. В 1719 году юная жена русского дипломата вместе с мужем приехала в Голландию — страну моряков, купцов и банкиров. Безусловно, республика Соединенных провинций не оставила равнодушной молодую княгиню. Впечатлений хватало. Изобилие на рынках товаров, свозимых со всех концов света в нидерландские порты, и страшная дороговизна. Скрамная, но изящная архитектура голландских городов, и изысканная красота дворцово-садовых ансамблей деревенских усадеб разбогатевших голландцев. Книги обо всем на свете — политике, науке, искусстве — вперемежку с обидными и злыми памфлетами. Ораторское красноречие на заседаниях Генеральных штатов, и шумная толкотня в торговых залах Биржи. Ежедневные до- и послеобеденные прогулки в каретах по паркам Гааги или к взморью, и вечерние собрания на ассамблеях у друзей или приятелей. Свобода

отправления
421

культа — у себя дома, ибо публично молиться дозволялось только протестантам, иудеям и не признающим папу римского католикам. Кстати, жители Гааги очень любили посещать католические костелы, лютеранские и реформатские кирки, чтобы насладиться замечательной игрой органа. Возможно, на одном из таких «концертов» супруги Долгоруковы и познакомились с «ксендзом Даленором» — весьма образованным и общительным человеком.

По примеру прочих гаагцев, Сергей Петрович и Ирина Петровна время от времени устраивали у себя вечерние приемы, приглашая на них многих именитых горожан, в том числе и священников разных конфессий. Молодой княгине нравилось слушать разговоры мужчин на серьезные темы — о философии, политике или экономике. Как-то раз стали сравнивать разные религии. По ходу беседы господин Даленор заметил, что между православием и католичеством много общего. С ним не согласились. Тем не менее священник настаивал на своем: ведь «как грекороссийская вера седьм таинств почитает, так же и мы те ж таинства почитаем же, а хлеб... как под двема видами, так и под одним видом — все едино... Толко в происхождении Святого Духа некое имеет римская с грекороссииской церковью... разнствие». А в принципе —

«одна церковь»!

Россияне возразили ксендзу: а как же безбрачие духовенства; культ Богородицы; догмат о чистилище, которых у нас нет; к тому же вы признаете верховенство и непогрешимость Папы, а мы — непогрешимость церкви в целом и отказ от единого центра. И это еще не все...

Хотя аргументы соотечественников звучали вполне убедительно, слова католика запали в душу хозяйки салона. Ирина Петровна задумалась об истоках религиозных споров. И чем дольше она размышляла об этом, тем чаще ловила себя на мысли, что по существу солидарна с позицией ксендза. Люди могут сколько угодно ругаться, выясняя, как правильно нужно креститься — слева направо или справа налево; от кого истекает Святой Дух — исключитель-

422

но от Бога Отца или все же от Бога Отца и Бога Сына; стоит ограничиться крещением и причащением или соблюдения двух таинств вместо семи недостаточно... Однако никто не в состоянии обойтись без веры в Бога и определенных церемоний — таинств, ту веру укрепляющих. А если так, то зачем прихожанам делиться на десяток вероисповеданий и враждовать друг с другом из-за разногласий в толковании той или иной строчки из Библии?..

Рассуждая подобным образом о столь сложной материи (правда, в тайне от всех), Ирина Петровна продолжала исполнять православные обряды, приходила вместе с остальными на богослужения в посольскую церковь, исповедовалась и причащалась у иеромонаха Сазонта, а позднее — у иерея Даниила. Но в 1724 году посольская церковь лишилась своего священника. Литургии прекратились. Приобщаться святых тайн и исповедоваться стало не у кого. Ситуация — штатная для российских зарубежных миссий. Из-за нехватки священников посольства привыкли годами работать без них. Так что русские в Голландии не роптали. Терпели и не падали духом. Чаше молились дома возле икон с часословом или молитвенником в руках. Продержались два года. Продержались бы и больше. Но в 1726 году княгиня опасно заболела. Думали, не выкарабкается. Умиравшей надлежало исповедаться и причаститься. А священника — нет. Что делать?! Не за пастором же посылать?!

Неожиданно в момент всеобщего отчаяния в доме Долгоруковых появился отец Даленор. Он узнал о болезни княгини и счел своим долгом провести ее. Между ними состоялся короткий разговор. Ирина Петровна объяснила ксендзу, в чем дело, а потом вдруг спросила, не сможет ли он заменить православного батюшку. Даленор не рискнул отказать. Она покалась в совершенных грехах за два года, прочла молитву и приняла из ложки католика ломтик хлеба, после чего сразу же почувствовала облегчение. Вряд ли кто из присутствовавших при этой сцене посмел порицать молодую женщину, полагая, что то — последняя воля страдальцы. Но, к счастью, Господь

423

смилоствовал над нею. Княгиня пошла на поправку и вскоре совсем выздоровела. Нетрудно догадаться, что визит ксендза, его помощь и избавление от хвори Ирина Петровна восприняла, как знак свыше, как наглядную демонстрацию единства всех вероисповеданий. Ей очень захотелось еще раз увидеть понявшего ее человека и поговорить с ним о латинской религии. Ранним утром она приехала в костел и встретила с Даленором. Сколько пробыла княгиня в храме, неизвестно. Но, покидая церковь, госпожа Долгорукова вторично исповедалась и причастилась у католического священника.

Когда через год Сергея Петровича отозвали в Россию и наступила пора собираться в обратный путь, супруга русского дипломата уже неплохо разбиралась в католическом

законе, окончательно осознав бессмысленность размежевания двух родственных религий. Пожелав посвятить себя делу сближения православия и папизма, княгиня заручилась поддержкой Даленора. Ксендз порекомендовал подвижнице взять с собой в помощь «под видом учителя» капеллана Жака Жубе (он же Ла Куре), а в качестве служанки — принявшую католичество француженку Катерину-Франсуазу Бер, дочь эмигранта-кальвиниста, капитана голландской армии. На прощанье католик-духовник в последний раз выслушал исповедь и приобщил святых тайн прихожанку, произнесшую символ веры по-французски, но согласно православному канону. В том же 1727 году Долгоруковы в сопровождении двух католиков (муж, безусловно, знал правду) вернулись на родину. По прибытии 20 декабря 1728 года в Москву Жак Жубе, действуя по наказу богословов Сорбонны, приступил к возбуждению «в почтеннейших епископах русской церкви желания» соединить православную веру с латинской. Он заручился поддержкой влиятельного испанского посланника де Лирия (1 марта герцог выдал ему грамоту на звание духовника посольства) и познакомился с дядей княгини, членом Верховного тайного совета Д. М. Голи-

424

цыным. Параллельно с ним пропагандой папизма среди духовенства занимался монах-доминиканец Бернардо де Рибера, при содействии двух архимандритов — Чудовского монастыря Феофила Кролика и Новоспасского монастыря Евфимия Коллети (родом из Италии, члена Синода).

Партия католиков надеялась сыграть на неприязни многих иерархов к митрополиту Новгородскому Феофану Прокоповичу, первоприсутствующему в Синоде. Однако совещания с архиереями — Феофилактом Лопатинским, Варлаамом Вонатовичем и другими — завершились ничем. Первосвященники побаивались «власти и притязаний римского двора». Миссионеры не отчаивались и продолжали агитировать. Ирина Петровна, как могла, помогала им. Весной 1729 года Рибейро предложил Феофану Прокоповичу провести диспут по взволновавшему общество вопросу. Митрополит от поединка уклонился.

Глава Синода (в молодости — униат и ученик католического колледжа Святого Афанасия в Риме) прекрасно понимал, что не о дружбе радеют приверженцы Ватикана, а о расширении паствы Папы Римского. Не равноправное партнерство ожидало православных в рамках объединенной церкви, но безоговорочное подчинение блюстителю папского престола, Его Святейшеству Бенедикту XIII. А утрата суверенитета в делах религии неминуемо привела бы к политической дестабилизации внутри страны. Иезуиты и прочие агенты Рима непременно сделали бы нормой постоянные вмешательства в дела светской власти. Поэтому митрополит Новгородский по мере сил сопротивлялся настойчивым попыткам партии герцога де Лирия втянуть Россию в кабальный для нее союз¹⁷.

А Ирина Петровна, к сожалению, чрезмерно увлеклась абстрактной теорией и мало задумывалась о практической стороне проблемы. Она не сомневалась в искренности католических друзей-проповедников и, следовательно, не видела в желаемом объединении восточной и западной ветвей христианства никаких изъянов. Преданность идее княгиня сохра-

425

нила даже после воцарения императрицы Анны Иоанновны, покончившей с грандиозным проектом века. Все дебаты разом прекратились. Чрезмерно ретивых агитаторов выпроводили за границу. А сочувствующих им соотечественников постарались образумить и вывести из заблуждения.

К госпоже Долгоруковой, скрывавшей свою приязнь к католичеству, пришли в 1732 году. Царица случайно уведрилась, что сиятельная дама игнорирует богослужения,

не имеет духовника и приютила дома в качестве учителя французского языка при малолетних детях капеллана-католика, который обедает и ужинает за княжеским столом и беседует с хозяевами о схожести православия и католицизма. Первым нанес визит генерал Ушаков. Отчитав жену Сергея Петровича за отсутствие духовника и пренебрежение православными обрядами, глава Тайной канцелярии пообещал, что, если она пожелает, императрица немедленно пришлет к ней священника. В отношении поселившегося у нее в нарушение указа Петра Великого от 16 декабря 1723 года (запрещающего нанимать в учителя пасторов и ксендзов без разрешения Синода) Ла Куре Андрей Иванович ничего утешительного сказать не смог. Капеллану велено было покинуть Россию.

Ирина Петровна от встречи с православным священником не уклонилась и в тот же день приняла у себя иеромонаха кадетского корпуса Луку Канашевича. Тот откровенно признался княгине: правительство подозревает, что «она находится в католическом законе». Молодая женщина обвинение отмела как несправедливое, обрисовала иеромонаху обстоятельства, вынудившие ее в 1726 году обратиться за помощью к ксендзу, и выразила готовность через прощальную молитву искупить тот грех, а затем исповедаться и приобщиться святых тайн, что и было исполнено. С той поры Лука Канашевич стал духовным отцом семьи Долгоруковых. После перевода священника на новое место обязанности духовника выполнял его преемник — иеромонах Варлаам (оба позднее хиро-

426

тонисованы, соответственно, епископами Казанским и Вятским). Дети и муж являлись к ним на службу чаще, жена — изредка. Когда же Варлаам уступил должность будущему архимандриту Симонова монастыря Гавриилу, княгиню в храме больше не видели. Похоже, Ирине Петровне не хватало мужества смириться с фактом и признать идею слияния двух главных христианских церквей нежизнеспособной. Совесть не позволяла ей посещать православную церковь для видимости. И та же совесть противилась изгнанию из дома по-прежнему жившей у нее католички Катерины Берс хранившейся в бауле коллекцией книг (пятьдесят семь томов), «до римского костела принадлежащих». Несчастной «вероотступнице» за неимением православно-католического храма ничего не оставалось, как по очереди посещать соборы то одного, то другого вероисповедания.

Так, в 1738 году Долгорукова пришла к пресвитеру церкви Николая Чудотворца Петру Козицкому на исповедь. За исповедью следовал обряд причащения. Она почему-то отказалась совершить его тут же, а попросила перенести церемонию в Андреевскую церковь, на Васильевский остров. Священник удовлетворил просьбу. 2 апреля 1740 года история повторилась. Тогда вместе с княгиней у духовника исповедался ее семнадцатилетний сын Владимир — выпускник кадетского корпуса. И вновь Ее Сиятельство отпросилась на причастие в Андреевскую церковь к иерею Иакову, у которого действительно приобщилась святых тайн 3-го числа. Так поступали изредка: исповедовались у духовника, причащались — у приходского священника. Хотя обычно обряды не разделяли. Возможно, Долгорукова вкладывала в это разделение особый смысл, легальным способом подчеркивая свое несогласие с замкнутостью православия. В костеле было проще (в 1743—1744 годах в Москве посторонний взгляд отметил два визита дамы к ксендзу — на Рождество и в католический «Божий день»). Все ограничивалось прочтением символа веры в греко-российском варианте. В итоге удавалось не изменить идеалам и избежать угрызений совести.

427

Однако бесконечно сидеть на двух стульях невозможно. Рано или поздно нужно будет сделать окончательный выбор: либо в пользу католичества, либо — православия. Для

Ирины Петровны момент истины наступил в феврале 1746 года. Смерть младшей (22 года) дочери произвела сильное потрясение. Девушка не сумела исповедаться, причастилась с нарушением правил. Кроме того, родители обманули протоиерея. Но самое скверное заключалось в том, что, не будь затянувшихся метаний матери в поисках духовной истины, Марии Сергеевне не довелось бы пережить столько душевных мук в последние минуты жизни. Священник явился бы вовремя и согласно обычаю совершил все положенные обряды. Да и выдумывать сказку о пропавшем духовнике не понадобилось бы. А теперь мысль о постигшей семью Божьей каре напрашивалась сама собой.

Если не считать служившего в армии на Украине двадцатисемилетнего Петра, четвертый год учившихся в Париже разным наукам Александра (24 года) и Владимира (21 год), то в доме четы Долгоруковых жили еще старшая дочь Анна (25 лет) и младший сын Николай. Они, как, впрочем, и муж, все эти годы находились фактически на положении заложников любимой жены и матушки, не желавшей поступаться принципами. С пониманием относились к ее подвижничеству, терпеливо сносили все неприятности, выпадавшие на их долю. Княгиня осознавала ненормальность ситуации, но до последней минуты тянула с выбором. Только кончина дочери положила конец колебаниям, и поборница единой церкви признала, что жить в обществе и быть свободным от него нельзя. А значит, тот, кто считает себя русским, должен, по крайней мере внешне, соблюдать обряды и каноны православия — религии, которой придерживается весь народ. И раз уж народ в целом не склонен менять существующую веру на другую, то нет смысла настаивать на обратном. Однако не успела Ирина Петровна проститься с иллюзиями молодости и вернуться в реальный мир, грянуло новое испытание. 14 марта императрица

428

прислала запрос о духовнике и частоте посещений богослужений. Княгиня честно ответила государыне: «отца духовного... не имеет», в церкви не была уже несколько лет. Елизавета Петровна, слышавшая о симпатиях знатной дамы к католицизму, 27 марта 1747 года после прочтения записок Стрешнева и Козицкого распорядилась, чтобы Синод досконально разобрался в этом деле.

Между тем Долгорукова с дочерью и сыном в начале Великого поста отправилась к Петру Павловичу Козицкому на исповедь и причастие. По той робости, с какой юные князь и княжна раскрыли молитвенник и попробовали, запинаясь, одолеть текст с церковно-славянским шрифтом, пресвитер догадался о том, что русские церковные книги для них в новинку. Священник дозволил прочесть тексты «причастныя молитвы» Анне на латинском, а Николаю на французском языке. Прощаясь, отец Петр вручил мальчику катехизис и наказал ему с сестрой хорошенько изучить дома подарок, дабы в следующий раз суметь произнести молитвы по-русски.

28 марта члены Синода пригласили княгиню на первый допрос. 18 апреля провели второй, 29 мая — третий. Ирину Петровну уговаривали повиниться в отвращении от веры предков ради католического заблуждения. Но та твердо стояла на своем: никогда в римский закон не переходила; у Даленора исповедовалась и причащалась с соблюдением правил православной церкви; в московские костелы ездила послушать органную музыку; Петру Козицкому о посещении в Москве в 1742 году церкви Всех Скорбящих на Ордынке, в 1744 церкви Гребенской Пресвятой Богородицы на Лубянке говорила ложно, боясь гнева государыни; ее столь редкие посещения церкви вызваны «домовыми заботами»; муж о визитах к Даленору и к костелы ничего не знал; за совершенные прегрешения просит у Ее Величества прощения.

28 марта архиереи побеседовали с Сергеем Петровичем Долгоруковым, 16 апреля — с Петром Козицким. 15 июня допросили мадемуазель Берх. Слова мужа и служанки

совпали с утверждениями княгини.

429

Иерей собора на морском полковом дворе также не привел никаких фактов, уличающих супругу статского советника в отречении от православия. Очная ставка Долгоруковой и Берх 20 июня помогла лишь разоблачить мадемуазель, которая при первой встрече с иерархами постаралась скрыть собственную образованность и прекрасное знание папизма.

В общем, бесспорные свидетельства перемены веры не обнаружились. Синод был в недоумении: Долгорукова к православию «холодна», дружна с ксендзами, ездит 8 костелы, и в то же время не католичка. Подобное не укладывалось в голове первосвященников. Не зная, как вывести на чистую воду упрямую княгиню, решили подвергнуть ее последнему испытанию — присяге на верность всему ранее сказанному. 6 июня 1746 года после дополнительного «увещевания» Ирине Петровне зачитали формулу клятвы, которую ей надлежало произнести. Напомнили, что клятвопреступление — великий грех. Дама, выслушав архиереев, ответила: к прежнему ничего добавить «не имеет, и ничего подлинно не утаила, и присягать в том готова». Тогда женщину подвели к священнику с Евангелием и животворящим крестом Господним в руках. Она совершила три поклона и повторила вслед за ним: «Я нижеименованная...». Тут члены Синода прервали обоих. Увидев, что Долгорукова уверенно читает слова присяги, они сдались. Нет, в благочестие подследственной не поверили, но и терзать дальше не пожелали, оставив княгиню на суд Господа и ее совести.

8 августа епископ Новгородский Стефан, архиепископ Крутицкий Платон, епископ Псковский Симон, епископ Переяславский Афанасий и архимандрит Рождественского монастыря Платон поднесли Ее Величеству доклад. Известив государыню о результатах своей работы, они предложили: «Княгиню и детей ея... Николая и Анну... в придворной Вашего Императорского Величества церкви в воскресный день или в которой от Вашего Императорского Величества соизволено будет по учиненной форме пред святым Евангелием и животворящим крестом Гос-

430

подним учинить ей княгине с помянутыми детьми надлежащее по церковному чиноположению пред литургиею от заблуждений западного римского костела отрицание... И по учинении того... тогда ж на литургии сподобить их святым тайнам». Кроме того, иерархи рекомендовали царице вместо наложения епитимий всю семью «для публичного покаяния послать в монастыри на год — мужа... с сыном в мужеской, а княгиню с дочерью в девич... в коих монастырях... ходить им в святые церкви к вечернему и утреннему пению и к божественной литургии повседневно, и во все четыре поста исповедываться и святых тайн приобщаться»¹⁸. Елизавета Петровна, изучив доклад Синода, назначила акт отрицания на ближайшую пятницу. С апробацией прочих рекомендаций государыня решила повременить...

15 августа 1746 года в придворной церкви Летнего дворца собралось много народа — придворные, сановники, важные духовные персоны и другие не столь знатные гости. Когда все было готово, на кафедру поднялись Ирина Петровна, Николай Сергеевич и Анна Сергеевна Долгоруковы. Встав перед аналоем со «святым Евангелием и животворящим крестом Господним», лицом к публике, они по знаку священника произнесли первые слова присяги: «Мы нижеподписавшиеся твердою верою веруем и, кроме всякого сумнения, истинно исповедуем все купно и ко-еждо особне, еже заключается в Символе веры...».

Царица, стоя на своем обычном месте, не спускала глаз с княгини. На нее произвела впечатление твердость, с какой статская советница во время следствия настаивала на

том, что не изменяла вере предков и не принимала католичества. Чтобы развеять последние сомнения в ее искренности, императрица захотела лично понаблюдать за выражением лица Ее Сиятельства, за ровностью голоса, но, главное, поймать взгляд «вероотступницы». Если Долгорукова лукавит и намерена совершить святотатство, то ей сложно будет сохранить самообладание и так или иначе клятвопреступница выдаст себя. Тогда статской советнице не избежать монастыря. Но если княгиню не
431

смутит ни публика, ни пронизательный взор самодержицы, то значит, совесть у нее чиста, и дама заслуживает снисхождения.

Ирина Петровна чувствовала, как внимательно следит за ней Ее Величество. Тем не менее формулу символа веры прочитала довольно уверенно. Посмотрев случайно на дочь Петра Великого, не отвернулась поспешно. Выдержала августейший экзамен и спокойно продолжила вместе с сыном и дочерью озвучивать подготовленный для них текст клятвы: «...Веруем еще и исповедуем, яко в Троице Святой едино есть Божества начало Отец, от Него же едина-го сын превечне рождается и Дух Святой превечне исходит...

Еще исповедуем, яко тайна евхаристии святая под видом хлеба, а не опресноков, и под видом вина... со-вершатися, и не токмо духовным, но и миряном под обеима видами преподаватися должна...»*

По окончании церемонии началась литургия. Пока прихожане слушали часы (песнопения, напоминающие о Боге, сошествии на апостолов Святого Духа, распятии и смерти Христа), отрывки из Деяний апостолов и обращались к Господу с молитвами (ек-тениями), в алтаре приготавливали к причащению ан-тидор и теплоту: кусочки раздробленного хлеба, смоченного вином. Затем царские врата распахнулись и в храм внесли потир с вином и хлебом. Дождавшись возгласа дьякона: «Со страхом Божиим и верою приступите!» — высокопоставленные миряне по исполнению положенной молитвы и земных поклонов по очереди подходили к священнику, со сложенными на груди руками, и принимали устами из лжицы «Тело и Кровь Иисуса Христа», которые пресвитер черпал из потира (сосуд держал дьякон). Княгиня Долгорукова с сыном и дочерью приобщилась Святых Тайн вместе со всеми.

После богослужения иерархи — члены Синода — узнали волю императрицы: «князь Сергия Долгорукова за несмотрение о жене своей и о чадах в содержании их в законе и страхе Божий... послать в монастырь, где быть ему неисходно год, да при нем сыну
432

его... Николаю генваря по 1-е число будущего 1747-го года». Жене и дочери советника Юстиц-коллегии все обряды в течение года совершать в Петербурге под неусыпным надзором духовника. Значит, государыня поверила Ирине Петровне.

22 августа Сергея Петровича и Николая Сергеевича повезли в Москву в Савинов монастырь. Женщины остались дома. Больше всех не повезло мадемуазель Берх. Ее царица не пожалела. Правоверная католичка томила в тюрьме Синода до 11 марта 1751 года. Только за две недели до того, 28 февраля, из Зимнего дворца доставили указ о высылке «наставницы костела римского» за границу¹⁹.

Глава 16

Дворянская честь

1756 март

10. Государыня изволила отпустить брата в отпуск на полгода. 13- Пожалована во фрейлины Ивана Симоновича

Гендрикова дочь.

17. Государыня изволила быть у графа Алексея Григорьевича Разумовского в Аничковом доме и Их Высочества [были].

28. Зачал учиться на скрипке у Григория Михайлыча Поморского. Того ж числа еще на санях

ездили.

Формально А. Г. Разумовский весной 1756 года занимал четыре важные должности: в чине действительного камергера служил при Дворе; в звании обер-егермейстера заведовал царской охотой, в ранге подполковника шефствовал над конногвардейцами, а кроме того, командовал лейб-компанией, будучи капитаном-поручиком привилегированной роты. Однако в официальном перечне отсутствовала еще одна, возможно, самая главная обязанность, которую фактически осуществлял тайный муж императрицы. Тогда она ничем не регламентировалась и даже не афишировалась.

Просто многие из унижен-

433

ных и оскорбленных подданных царицы напрямую обращались за поддержкой и защитой к отзывчивому сиятельному вельможе, и тот, как правило, откликался на жалобы людей, докладывая августейшей супруге о наиболее вопиющих случаях произвола (функции, сравнимые со сферой деятельности нынешнего уполномоченного по правам человека). Со своей стороны, Елизавета Петровна не уклонялась от рассмотрения острых конфликтных ситуаций. Стихийно возникавшая цепочка: челобитчик — доверенное лицо государя — монарх получалась вполне эффективной, и благодаря ей из беды было выручено немало обиженных и обездоленных.

Вот конкретный пример.

4 февраля 1751 года кабинет-секретарь и действительный статский советник Василий Иванович Демидов лежал хворым в постели собственного дома. На службе он не показывался дней семь. Но, похоже, без него и без главы кабинета Ивана Антоновича Черкасова чиновники обойтись никак не могли. Третий человек в учреждении — Яков Исаевич Бахи-рев — прислал адресованное Демидову письмо подпоручика полиции Дедюлина, искавшего убежища в комнатах Зимнего императорского дворца, отведенных под Кабинет Ея Императорского Величества. Письмо сопровождал запрос Бахирева, в котором тот интересовался, как поступить с насмерть перепуганным офицером.

Много чего повидал пятидесятичетырехлетний советник за сорок лет работы (с 1709 года) секретарем в государственных конторах и канцеляриях¹. Опыт подсказывал ему, что дело разгорается серьезное. Демидов взглянул на прочитанное минуту назад послание:

«Милостивый государь, Василий Иванович!

В каком я гонении и крайней предопасности во отнятии господином генералом полицеместером и ковалером по обещанию ево бедной жизни моей чрез мучение, то есть, распытат или то в колцах кош-

434

ками засечь неповинно. К чему приводя и учредил в своей команде, как сам исцую, будто б за партикулярную от меня обиду суд. И как от меня в тот суд доно-шением представлено, что я не толко не хочу, но и прошу суда, да в другой команде, и как скоро со известием о том к нему послано, то тот же час с таким обещанием приехал в полицию, чтоб меня неповинного размучить кошками. А от меня бедного на Его Превосходительство Ея Императорскому Величеству

0 всех гонениях прошение подано. И тако испужався себе мучения, взяв салдата, пришел в Кабинет Ея Императорского Величества. Того ради Вашего Высокопревосходительства прошу, спасая бедную мою душу от неповинного погубления, доложить обо мне погибающем Всемилоостивейшей Государыне, где указано будет по моей поданной челобитной наследовать. Толко мимо ево господина генерала полицеместера. За поданным на него подозрением. А я таперь, ожидая высочайшей резолюции, от такого страха не помогу итеит вон ис Кабинету. Помилуй, милостивый

государь, как и притисненного. Милостивый государь, Вашего Превосходительства покорный раб Алексей Дедюлин. 4 февраля 1751 году.

А я, милостивый государь, пошел ис полиции не бегом, а выпросился от капитана Дурнова за солдатом, которого и взяв с собою, и доехав до дворца Ее Императорского Величества отпустил салдата»².

Демидов, очевидно, знал, что упомянутое прошение Дедюлин подавал Алексею Григорьевичу Разумовскому, а значит, граф был хорошо знаком с подоплекой спора Татищева с подчиненным. Потому Василий Иванович, недолго раздумывая, решил пере-

1 фавить очередную жалобу офицера в соответствующую инстанцию — а именно в канцелярию всеильного сановника. Но прежде чем курьер устремился из дома кабинет-секретаря в Зимний дворец с челобитной подпоручика, советник на скорую руку настроил сопроводительную записку:

«Сиятелнейший граф, Милостивой государь мой, Алексей Григорьевич!

Вашему Высокографскому Сиятельству имею случай

435

не за надобность донести, что я за немощию моею осмой день дома сижу. Сим же трудить принужденна себя нашол. Сей мамент прислано ко мне на двор ис кабинета письмо подпорутчика Дедюлина. А что он ко мне пришед в кабинет писал и секретарю отдал, от которого то письмо ко мне и прислано, оное для усмотрения Вашему Высокографскому Сиятельству прилагаю при сем. Он ис кабинета нейдет. И что как с ним делать, я не знаю. Донесши же сие, пребываю с моим почтением Вашего Высокографского Сиятел-ства, Милостиваго государя моего нижайший слуга Василий Демидов. 4 февраля 1751 году. С. П. бурх->³.

Карьера Алексея Дмитриевича Дедюлина складывалась неплохо. Служить начал в 1732 году. По протекции обер-гофмейстера Семена Андреевича Салтыкова устроился дворцовым комиссаром в Москве. В 1738 году добровольцем записался в армию в Кекс-гольмский полк. В 1740 году получил первый офицерский чин прапорщика, в августе 1741 года — ранение в сражении при Вильмандстранде. Три года спустя перевелся в полицию, где новичку присвоили звание подпоручика. Но, главное, на юного и прилежного офицера обратил внимание генерал-полицмейстер Алексей Данилович Татищев, преемник А. М. Девиера. В 1746 году генерал послал его в Москву присматривать за хозяйством и вести дела свои, родной матери Ульяны Андреевны, сестры Прасковьи Даниловны Дашковой и других родственников.

В семье Татищевых очень тепло отнеслись к подпоручику, который фактически стал членом этой многочисленной фамилии. Зимой 1749 года в Москву вслед за Двором приехал и сам Алексей Данилович. За ревностную опеку родни он отблагодарил подчиненного должностью личного адъютанта. Мало того, сановник настолько проникся симпатией к офицеру, что всерьез решил породниться с ним.

В том же 1749 году мать генерала по просьбе сына переговорила с кандидатом в женихи на деликатную тему, предложив тому руку родной дочери Татищева

436

Наталии Алексеевны. Перспективы перед молодым человеком открывались заманчивые: протекция близкого к императрице человека, родство с многими аристократическими фамилиями (Паниными и Голицыными, например), заметное улучшение материального положения. Смущало лишь одно. Наталья Алексеевна — дворянская дочь по отцу. Зато по матери — чистая холопка. Что делать, А. Д. Татищев жил гражданским браком с собственной крепостной крестьянкой Аграфеной Савиной. Правда, отец от побочных детей не отрекался. Всех выводил в люди. Но все же, несмотря на все заботы батюшки, Наталья являлась незаконнорожденной...

Неизвестно, это ли соображение сыграло ключевую роль, или девушка сама по себе не внушала сердечного влечения, но только Алексей Дмитриевич вежливо отклонил выгодную партию. Несостоявшиеся тесть и теща крепко обиделись, хотя шанс одуматься подпоручику предоставили. Причем статус лица, отправившегося на переговоры, нарочно понизили. Выдвинутый Дедюлину ультиматум огласила «барская барыня» Катерина Власова: либо женишься на Наташке, либо пеняй на себя и не жди пощады.

Офицер набрался храбрости и вновь отказался. Тут же на него обрушились репрессии. Прежде всего, Татищев отстранил подпоручика от управления собственными московскими дворами и деревнями, назначив на место фаворита младшего офицера Сазонова. Затем создал невыносимые условия работы: подпоручика стали постоянно переводить с одного участка службы на другой, не давая возможности привыкнуть к новой команде. Одновременно возникла квартирная проблема. Нет, комнату для постоя, согласно закону, Дедюлину выделяли. Однако через считанные дни требовали переехать на другую квартиру, по прошествии еще нескольких суток — на третью и т. д. Подпоручик не выдержал обструкции и обратился к мстительному начальнику с просьбой перевести его обратно в распоряжение Военной коллегии. Татищев просьбу не удовлетворил.

437

В декабре 1749 года Двор вернулся из Москвы в Петербург. Татищев привез вместе с собой на берега Невы и прежнего адъютанта. На первое время подпоручика определили в обычную съезжую в центре города на Адмиралтейской стороне. Но вскоре вельможа решил, что повод жестоко наказать обидчика семьи непременно отыщется, если поручить ему самую скользкую должность — заведующего приходом и расходом имущества главной полиции. Офицеры, дабы не войти в соблазн, занимали этот пост поочередно, каждый в течение одного года. В январе 1750-го возложить на себя огромную ответственность выпало поручику Ахлебаеву, которому в некотором смысле повезло. Через шесть дней генерал-полицмейстер велел ему уступить место Алексею Дедюлину, хотя в принципе тот не имел права подменять Ахлебаева, ибо уже присматривал за эффективным использованием полицейских припасов на протяжении всего 1745 года. Однако воля главы ведомства — закон, и Дедюлин подчинился. Он понимал, чего добивается шеф, а потому старался нести свалившуюся на него ношу аккуратно, не предоставляя генералу повод расправиться с собой.

По-видимому, это подпоручику удавалось, так как Татищев постоянно расширял полномочия неугодного сотрудника за счет сфер деятельности «не принадлежащей до офицерской чести*», а именно: обязал следить за сохранностью пыточных инструментов, чистотой нужников, ежедневным размачиванием в горячей воде двухаршинных батонов («толщиною в большой палец у руки*») и битьем бродячих собак. А однажды генерал пригласил несостоявшегося зятя в пыточную камеру и продемонстрировал на некоем колоднике, не сознававшемся в вине приятеля из лейб-гвардии Конного полка, действие доверенных Дедюлину кошек, колец и плетей. При виде «збитой до костей и сожженной*» спины шесть раз битого кнутом и трижды обожженного огнем узника Алексею Дмитриевичу стало не по себе. Он направился к выходу. Но Татищев приказал не выпускать гостя из подвала прежде окончания «спектакля». Только уви-

438

дев, как подручные генерала нанесли колоднику пятьдесят ударов кнутом, а затем провели по окровавленной спине нагретой на огне плитой, подпоручик сумел вырваться на свежий воздух...

Дедюлин пытался сопротивляться. В апреле 1750 года А. Г. Разумовскому передали от

него первую челобитную с изложением пережитых им бед. Жалобу не оставили без внимания. В Калининском дворе разместились специальная комиссия, которой предстояло разобраться в сути конфликта и доложить о результатах императрице. Когда Татищев узнал об этом, то пришел в ярость. 22 декабря 1750 года Алексей Дмитриевич вместе с дежурным караульным капитаном Юрием Овцыным явились в дом генерал-полицмейстера. Первый — с докладом о состоянии казенного имущества, второй — с рапортом об обстановке в городе. Алексей Данилович принял обоих в прихожей. И сразу же гневно спросил у подпоручика, почему тот проигнорировал вызов советников Санкт-Петербургской губернской канцелярии на допрос по челобитной регистратора Алексея

Прохорова.

Дедюлин от изумления потерял дар речи. Ведь минуло всего несколько дней с тех пор, как он разговаривал об этом с Татищевым. Уведомил его о словесном приглашении советников канцелярии и своим вежливым отказе, ввиду того, что не имеет права отлучаться из канцелярии, не располагая письменным вызовом. Тогда генерал-полицмейстер одобрил действия подчиненного, а напоследок еще пообещал в конце года освободить от хлопотной должности и удовлетворить наконец просьбу о переводе в армию. И вот теперь этот непонятный выговор. Офицер осторожно попытался напомнить Татищеву о недавней беседе. Не помогло. Вельможа разъярился больше прежнего и закричал на Дедюлина, не стесняясь присутствия караульного капитана санкт-петербургского гарнизона: «Ты вор! Просишься плутовать в Военную коллегию, которая плутам потакает!»

Заметив стоявшего рядом Овцына, Татищев приказал ему арестовать подпоручика.

Дедюлин в отчая-

439

нии опустился на колени, умоляя помиловать и все-таки перевести в какой-либо армейский полк. Генерал-полицмейстер пропустил мимо ушей мольбу. Он повторил свой приказ об аресте и потребовал от полицейского шпагу. Дедюлин повиновался и отдал клинок Татищеву, который тут же передал трофей капитану, поручив ему доставить арестанта в здание главной полиции и посадить под караул. Когда оба офицера покидали комнату, Алексей Данилович со злости крикнул вдогонку: «Я с тобой еще разделаюсь!»

Вечер 22 декабря и первую половину следующего дня Алексей Дмитриевич провел в офицерской караульне в доме у Зеленого моста. Тем временем дежуривший при нем Овцын поинтересовался у генерал-полицмейстера, как теперь обращаться с арестованным. Ответ шокировал стража: записать подпоручика в список колодников, то есть содержать дворянина наравне с простыми ворами и разбойниками.

Немного успокоившись, Алексей Данилович осознал, что погорячился с определением Дедюлина в уголовники. Да отступать уже было поздно. Пришлось ему обсудить сложившуюся ситуацию с советниками полиции. Андрей Молчанов порекомендовал обосновать тюремное заключение бывшего полицейского неучтивым поведением по отношению к вышестоящему начальству. Однако неожиданно возразил другой советник, Андрей Карташев: генерал-полицмейстер, как истец, за собственную партикулярную обиду должен просить на обидчика сатисфакцию у суда, а чинить самосуд и выносить приговор по собственному делу Его Превосходительству не надлежит.

Замечание Карташева Татищев воспринял как личное оскорбление. Раздражение на человека, заступившегося за ничтожного офицеришку, оказалось настолько велико, что вельможа решил выкинуть его из рядов столичной полиции. По окончании рождественских и новогодних празднеств, 18 января 1750 года, генерал-полицмейстер

на имя императрицы, в котором постарался убедить Ее Величество в необходимости записать виновного во многих прегрешениях подпоручика Дедюлина в солдаты, а нерадивого советника Карташева отрешить от должности. 22 января Елизавета Петровна ознакомилась с доводами Татищева и, не задумываясь, согласилась с мнением сановника.

Вернувшись из Зимнего дворца, Алексей Данилович распорядился тотчас привести из тюрьмы Дедюлина и пригласил в свой кабинет всех находившихся в здании господ офицеров, в том числе и Андрея Карташева. Когда в комнате собрались оба советника, секретари Федор Никитич Хрущев и Иван Федорович Таушев, адъютант Михаил Иванович Тютчев, протоколист Петр Наумович Вязмин и сидевший под арестом Алексей Дмитриевич Дедюлин, глава петербургской полиции зачитал утвержденный государыней вердикт: Карташева уволить, Дедюлина разжаловать в солдаты.

Раздавленный столь жестоким приговором Дедюлин, уже не веря в успех, 23 января написал и отправил графу Разумовскому новую челобитную. Он еще не знал, что накануне вечером Елизавета Петровна дезавуировала принятое утром решение. Что-то (или кто-то) побудило императрицу передумать. Татищева известили об изменении указа: судьбу подпоручика определит военный суд. Генерал-полицмейстер не очень расстроился. Ведь судить негодяя надо по прежнему месту службы. Значит, отобранные им обер-офицеры во главе со штаб-офицером просто санкционируют волю начальника.

Понимал это и получивший отсрочку ошелмленный дворянин. А потому в первый день судебного заседания — 4 февраля 1751 года — явился к сослуживцам с грамотно составленным отводом членам суда (на основании указа от 13 ноября 1724 года) — как лицам полностью зависимым от заинтересованного в деле Татищева. Судьи своей зависимости даже не стеснялись. Опасаясь какого-либо подвоха, они отправили курьера в дом генерал а-полицмейстера с вопросом, брать или не брать поданный обвиняе-

441

мым документ? Шеф велел взять бумагу и переслать ему, что судьи покорно и исполнили.

Заявление об отводе суда — законное право офицера Дедюлина — привело Татищева в бешенство. Вельможа поспешил уведомить судей, что не замедлит приехать лично, дабы воспользоваться собственным правом и отпотчевать правдолюбца в пыточной камере кошками, кольцами и кнутом. Судьи проболтались об угрозе истца ответчику.

И тот, спасаясь от расправы, обратился к дежурному караульному капитану Ямбургского пехотного полка Федору Дурново с просьбой о помощи.

Капитан, сочувствуя коллеге и не желая доводить дело до бесчестия дворянина, оказал подпоручику содействие. Под благовидным предлогом, приставив к узнику солдата — денщика поручика Невского пехотного полка Мартьянова — и наказав тому во всем слушаться арестованного, Дурново позволил Дедюлину на короткое время отлучиться из дома главной полиции.

Вырвавшись на свободу, тот недолго размышлял, как быть дальше. Вспомнив о пострадавшем за него Карташове — племяннике главы кабинета Ея Императорского Величества Ивана Антоновича Черкасова, офицер подозвал извозчика и, сев вместе с солдатом в коляску, устремился по Невской прешпективе вниз к Зимнему дворцу.

На Миллионной улице, возле дворца Алексей Дмитриевич отпустил извозчика и солдата, которому приказал вернуться обратно и сообщить судьям о своем побеге. А сам отправился во дворец. Благодаря старым знакомствам Дедюлин без труда проник в

зимнюю резиденцию императрицы, после чего быстро отыскал несколько комнат, отведенных под Кабинет. Здесь он натолкнулся на секретаря (видимо, Якова Исаевича Бахирева), которому сбивчиво изложил причины столь неожиданного визита. Чиновник внимательно выслушал, а затем протянул офицеру чистый лист и перо. Так родилось на свет процитированное выше письмо Василию Ивановичу Демидову.

442

Напрасно посланные А. Д. Татищевым вдогонку за Дедюлиным полицейские капитан Михаил Срезнев и прапорщик Кирилл Золотухин, а также гарнизонный поручик Мартьянов с солдатами искали беглеца в окрестностях Зимнего дворца. Подпоручик преспокойно сидел в Кабинете Ее Величества под защитой людей Черкасова, а Алексей Григорьевич Разумовский докладывал императрице о выпавших на долю несчастного офицера испытаниях. Елизавета Петровна, осознав собственную ошибку, поторопилась ее исправить. В тот же вечер вызванному во дворец секретарю полиции Таушеву объявили, что так называемый ведомственный военный суд чести упраздняется, Алексея Дедюлина под арестом больше не содержать, а конфликт между вельможей и дворянином разберет нейтральная сторона — Кабинет.

Утром 5 февраля кабинет-курьер Николай Жолобов отправился на набережную Мойки в дом главной полиции забрать дело подпоручика Дедюлина. Причем Бахирев строго-настрого наказал ему, чтобы подчиненные Татищева отдали ему бумаги не разбирая, в том виде, в каком курьер их застанет. А если начнут ссылаться на необходимость сочинения описи, то Жолобов должен сказать им, что для этого в Кабинет вместе с ним приглашается один из секретарей.

В здании у Зеленого моста курьера встретил советник Андрей Иванович Молчанов. Принял из рук конверт с соответствующим запросом и, не распечатывая, передал пакет секретарю Ивану Федоровичу Таушеву. Потом предложил гостю расположиться у него в кабинете на то время, пока Таушев съездит к Алексею Даниловичу за Аничков мост и ознакомит начальника с поступившим из Кабинета указом. Вернувшись, секретарь сообщил, что господин Татищев одобрил выполнение привезенного кабинет-курьером предписания. Молчанов понимающе кивнул и сказал Жолобову, что дело сейчас принесут и отдадут ему. Пусть подождет в соседнем покое. Курьер вы-

443

шел, долго прохаживался из стороны в сторону, пока не заподозрил неладное. Распахнув без предупреждения дверь в комнату Молчанова, Жолобов увидел, что советник собирается разобрать запрошенные Кабинетом документы. Посыльный потребовал прекратить сортировку бумаг, отдать ему все, как есть, и назначить кого-нибудь для составления описи. Застигнутый врасплох Молчанов в раздражении бросил: дело, мол, слишком большое; прежде чем отдавать, нужно все описать. Жолобов возразил, что с этим в Зимнем дворце прекрасно справится секретарь, которого велено взять с собой. Не имея аргументов в свое оправдание, Молчанов, срываясь на крик, произнес: «Извольте идти. Дело будет отправлено!» Кабинет-курьер спорить не стал, повернулся и вышел. Уже на улице его догнали какой-то протоколист и поручик полиции Петр Иванович Козлов и предложили вернуться. Во второй раз Андрей Иванович Молчанов встретил Николая Жолобова более любезно. Спросил, куда тот так скоро направился.

— В кабинет Ея Императорского Величества, — ответил курьер.

— Зачем же?

— Затем, что, когда я от дела, за которым приехал, выслан, то делать здесь мне нечего!

— Разве для Вас то обидно? Так ведь при таком месте гневаться не пристойно!

— Шеваться мне тут не на что! Я отвечаю только на то, о чем спрашивают. А вышел потому, что не желал ждать, чтобы меня вывели силой!

Молчанов стал заверять, призывая в свидетели протоколиста и поручика, что не прогонял Жолобова и не слышал от него приказа об отсылке папки неразобранной. Жолобов вспылil: «Ежели б я не доложил о том, Вы б меня не выгнали. Я доносил не заочно, а персонально. Мне толко удивительно, как в полчетверти часа сумели забыть то, что изволили выговорить*. Наконец советник пригласил кабинет-курьера самостоятельно собрать разложенные на столе бумаги и

444

запечатать их. Жолобов отказался, заявив, что это надлежит исполнить секретарю, который с ним поедет. Тогда за дело взялся секретарь Федор Хрущев. Он и последовал за Жолобовым в Зимний дворец, прихватив с собой шпагу Дедюлина.

Алексей Данилович Татищев сильно встревожился, услышав о пикировке советника Молчанова с кабинет-курьером, и постарался опередить помощников Черкасова в надежде изложить Ее Величеству собственную версию происшедшего. Не мешкая, генерал-полицмейстер поехал во дворец и днем того же 5 февраля пожаловался императрице на бесчинства, устроенные в здании главной полиции представителем императорского Кабинета.

Елизавета Петровна сразу поняла, куда клонит сановник, но объективности ради велела позвать Бахи-рева. Когда секретарь явился, царица в присутствии Татищева строго спросила его: «Для чего Вы посылали в полицию кабинет-курьера и приказывали печатывать и силой забирать дела?»

— Ваше Величество, того ничего не было, — спокойно возразил Бахирев (здесь, как и раньше, текст цитируется по источнику). — А ис кабинета указом Вашего Императорского Величества писано точно, в какой силе высочайшее Вашего Величества повеление было.

Тут вмешался Татищев: «Дела то забрали, не дав составить их описи!»

Бахирева реплика генерала не смутила: «Дела эти принесены полицейским секретарем, которому и приказано учинить им опись в Кабинете для того, дабы она порядочно и скорее единожды, без переправок под смотрением Кабинета сделана быть могла. И это Ея Императорским Величеством уже опробовано». Императрица повернулась к Татищеву. Теперь настала его очередь оправдываться: «Однако, Алексей Данилович, не должно Вам принуждать офицера на побочной своей дочери жениться, да еще угрожать разсечь ево кошками в кольцах!»

445

Татищев принялся обелять себя: «Не принуждал его женитца и бить кошками не хотел. А был Дедю-лин у приходу и расходу полицейских материалов, и в покупках приписывал излишния цены, а в книги, данные ему от полиции, записные, ничего не записывал. И те книги остались у него белые».

Елизавета недоверчиво взглянула на генерала: «Ну что ж, дело о том покажет!» Затем вновь обратилась к Бахиреву: «Тут генерал-полицмейстер неудовольствие свое показывает на тайного советника барона Черкасова. Для чего он о взятые тех дел объявление моего указа в полицию подписал. Ведь советник Карташев, отрешенный от полиции по сему делу, доводится Черкасову племянником. Для того барон в те дела вступатца не должен. Так что, придется рассматривать дело вам. Чего ради и челобитные оногo Де-дюлина возьмите из моей комнаты в Кабинет».

Покидая приемную государыни, Татищев, судя по всему, окончательно осознал, что проиграл поединок с безвестным дворянином. Императрица ясно намекнула, что намерена защитить Дедюлина от патрона. В этой ситуации Алексей Данилович благоразумно решил отступить.

6 февраля 1751 года Бахирев по просьбе Дедюлина послал кабинет-курьера Петра Кологривова в главную полицию с приказом вызволить из-под караула крепостного

человека Дедюлина и вернуть с ним платье и постель отпущенного арестанта. Умеривший пыл советник Молчанов более не сопротивлялся. Выдал Кологривову и слугу, и вещи, а кроме того предложил забрать и некие журналы, завернутые в постель вчерашнего узника. Но тот не принял их, сославшись на отсутствие у него распоряжений на сей счет.

Пока кабинет-курьер вызволял движимое имущество Дедюлина, Алексей Дмитриевич в Зимнем дворце улаживал необходимые для законного освобождения из-под стражи формальности. Хотя Елизавета Петровна поддержала его, следствие над ним, тем не менее, продолжалось. Поэтому совершенно освободить подпоручика было невозможно. Только под

446

подписку о невыезде, с текстом которой Дедюлина ознакомил Бахирев:

«1751 году февраля 6 дня. В Кабинете Ея Импера-торскаго Величества подпорутчику Алексею Дедю-лину под сим подписатца, что ему до указу никуда из Санкт-Петербурха не съезжать и появлятца по вся дни в Кабинете».

Отпустив офицера, кабинет-секретарь принялся изучать описанное накануне личное дело офицера, а также подвезенные за минувшие двое суток Хрущевым дополнительные подшивки документов, в том числе и бумаги, присланные в Петербург из московской полицмейстерской канцелярии. Просматривая листы, Яков Исаевич обнаружил, что доклад Татищева от 18 января не подкреплён черновыми отпусками. Пришлось снова беспокоить бедного Хрущева.

7 февраля у Федора Никитича поинтересовались, где черновики. Секретарь полиции ответил: в канцелярии их нет, взяты в дом генерал а-полицмейстера. В тот же день черновики легли на стол Бахирева. 8 февраля Хрущев привез изложенные на бумаге мотивы увольнения Карташева. И в ту же пятницу Яков Исаевич встретил в одной из дворцовых комнат ка-мер-юнфору Елизавету Ивановну Францен и попросил ее напомнить императрице «об отдаче в Кабинет из Комнаты Ея Императорского Величества по-данных Дедюлиным челобитен». Камер-юнфора скрылась за дверями в царскую опочивальню, но вскоре вышла оттуда и сообщила кабинет-секретарю: челобитных подпоручика в Комнате не имеется, ибо они подавались через графа Разумовского. Впрочем, беспокоить Алексея Григорьевича царица не велела, а рекомендовала спросить копии у самого челобитчика.

Но Бахиреву требовались подлинники. Поэтому он попросил Елизавету Ивановну все-таки поискать челобитные в Комнате. Возможно, они завалялись где-нибудь там, а не у Его Сиятельства. Любимица царицы пообещала посмотреть. Секретарь ждал от нее бумаг три дня. Тщетно. Тогда 11 февраля Дедюлин, явившийся в Кабинет, чтобы в пятый раз отметить

447

в журнале, получил задание написать вторые экземпляры челобитен, что и сделал 6 марта. А за четыре дня до того, 2 марта 1751 года, защищавшего свою честь дворянина императрица пожелала ободрить маленьким сюрпризом. В 10-м часу вечера в дом Бахирева постучался лакей Василий Хрыстыческий-Глаза, которого из Зимнего дворца направила набиравшая силу соперница Е. И. Фраыцен Анна Дмитриевна Воронова. А та в свою очередь выполнила распоряжение государыни о возвращении молодцу отобранной при аресте шпаги. 3 марта секретарь вручил клинок хозяину⁴.

Яков Исаевич корпел над кипой документов до августа. Затем набросал черновик итогового доклада, наметил для включения в него отрывки из подлинников, скомпоновал все и вызвал копииста, чтобы переписать экстракт на белом. 31 августа 1751 года запечатанный в конверте оригинал Бахирев передал графу Разумовскому, после чего двое суток ожидал высочайшей резолюции. Однако полученный сверху

ответ обескуражил секретаря. 2 сентября Алексей Фигорье-вич вернул помощнику Демидова конверт с обещанием донести «о том Ее Императорскому Величеству. И ежели соизволит Ея Величество ему принять, то примет или повелит самому..., Бахиреву поднести...».

Чиновник, разумеется, не осмелился спрашивать у вельможи, что тот, собственно, делал с докладом целых два дня, а предпочел запастись терпением. Терпеть пришлось долго. До лета 1759 года, когда судьбой А. Д. Дедюлина заинтересовался Синод и преемник Черкасова Адам Васильевич Олсуфьев затребовал к себе упомянутый экстракт с необходимыми добавлениями.

Почему же императрица осталась равнодушной к выводам Бахирева? Ведь она приняла живейшее участие в деле подпоручика. Неужели Разумовский не ознакомил ее с докладом? Что-то не верится в то, что человек, не постеснявшийся сообщить ей о предыдущих письмах и челобитных Дедюлина, вдруг заробел

448

обратиться к царице с результатом расследования. Похоже, Елизавета Петровна видела экстракт кабинет-секретаря и читала резюме автора: «При сем высочайшее Вашему Императорскому Величеству раз-смотрение по сущей моей справедливости рабски доношу. По обстоятельству сего дела признается, что все... последовало или подлинно оттого, что Де-дюлин в женидбе на известной генерала-полицы-мейстера девке отказался и в том намерение ево не исполнил... или, кроме того, другие какие неугодности свои он, генерал полицымейстер, за ним, Дедюли-ным, признал. Однакож, мнится, что, не просто злобствуя на него, не токмо по прозбе ево в Военную ко-легию не отослал, но, продолжая в своей команде [числить], ругательство и страхи ему оказывал и вором называл. Причем и Военную коллегию порицал, якобы плутам потакает. А напоследок, арестовав ево, Дедюлина, под суд в своей команде привел, чему и советник Молчанов последовал. А означенной Кар-ташов, усмотря в том несправедливость, мнение свое подал, что ему, генералу полицымейстеру за-против-но. И якобы за неосновательное Дедюлина защище-ние показалось. И для того на них Вашему Императорскому Величеству писменной доклад учинил, в котором на Дедюлина, будто произошедшее от него ему неучтивство, несправедливо написал, а на Карташова в делах непорядки и подозрение показал. А до подачи того мнения ни о каких ево, Карташова, непорядках, преступлениях и подозрении не представлял. И молчал. Почему видно, что Карташов едва-ль не напрасно за Дедюлина отрешением от места и лишением жалованья обиду претерпевает. А Дедюлин, избавляя себя от такого гонения, принужден Вашему Императорскому Величеству прозбу свою приносить. И хотя в вышеписанном без дальнейшего следствия несколько уже к безвинной на них Дедюлина и Карташова по явке оказалось, однакож в протчем, что по делам полицейским на Дедюлина и на Карташова, а от Дедюлина на генерала полицыместера и на советника Молчанова показано без надлежащего следствия ни чьей правости и виновности совершенно ПО-

Писаренко

449

знать и Вашему Императорскому Величеству основа-тельного представления о том учинить невозможно»⁵.

После прочтения экстракта перед Ее Величеством возникал вопрос: как поступить? Продолжать следствие? Значит, тащить в застенки Дедюлина, Молчанова, Карташева?.. А может, Татищева? Абсурд. Наложить взыскание на генерал а-полицымейстера за репрессии по отношению к человеку, отвергнувшему руку побочной дочери? Но Бахирев не располагает нужными доказательствами. Просто оправдать Дедюлина? Так и для этого также нет твердых оснований...

По-видимому, самое оптимальное решение в данной ситуации — отсутствие такового.

Тогда и Татищев будет удовлетворен: над неугодным офицером висит дамоклов меч несостоявшегося приговора. И Дедюлин не в проигрыше, ибо рвался подпоручик не в армию, а на свободу. Но свободу он обрел еще в феврале. Пусть и под подписку о невыезде. Ничего. Со временем избавится де-факто и от сего неудобного ограничения. Выходит, выгодным для всех будет, если Бахирев получит свой доклад обратно без всякой резолюции. А отговорку, почему конверт не попал в руки государыни, Алексей Григорьевич придумает. Ему — не впервой.

Алексей Дмитриевич Дедюлин старался ежедневно навещать Кабинет Ея Императорского Величества первые два года. После переезда вслед за императрицей в Москву в 1753 году паузы между визитами стали возрастать. Наконец, когда Двор в мае-июне 1754 года возвратился в Петербург, подпоручик исчез вовсе. Обнаружив, что выговоры за неоднократные прогулы ему никто не делает, офицер посчитал, что у подчиненных Черкасова и без него проблем хватает. А раз так, то не стоит постоянно мозолить им глаза. Не ровен час, вспомнят о приостановленном три года назад деле, и закрутится все сызнова. Поэтому, наверное, бывший полицейский по истечении трех с половиной лет рискнул прервать мало-

450
приятные посещения Кабинета Ея Императорского Величества и просто остаться в милой его сердцу Москве⁶. О сентябрьском же казусе вокруг бахиревского доклада вчерашний узник, вероятно, не знал.

...Но, может быть, зря тезка Татищева воспротивился желанию патрона? Во всяком случае, если его смущало исключительно происхождение девушки, то заартачился он напрасно. Как свидетельствует духовная генерала-полицмейстера, о благосостоянии каждого из своих детей родовитый отец заботился в равной степени, невзирая на чистоту дворянской крови: «...Завещаю по смерти моей собственное мое движимое и недвижимое имение разделить детям моим, и во всем поступать непременно без всяких споров. А имянно: сыновьям Петру имеющийся за мною в разных уездах деревни с людьми и со крестьяны, кроме одних суздольской моей вотчины села Тейкова, да Шацкого уезду села Кременок, Борису, Василию, Николаю, Александре, Михаиле каждому по десяти тысяч рублей. И сверх того, им в роздел по равным частям помянутую суздольскую мою вотчину село Тейково, да имеющуюся в домах моих серебряную, медную и оловянную посуду; также брелиантовые и алмазные вещи. И Санкт-Петербургские и московские каменные и деревянные дворы со всеми имеющимися в них уборами им же по жеребьям каму, какой достанется в роздел. А означенное Шацкого уезду село Кременки со всеми к нему принадлежности по учиненной от покойной родительницы моей Ульяны Андреевны духовной племяннику моему Павлу Сергеевичу Татищеву. Дочерям моим Анне Алексеевне Паниной вместо приданного — пять тысяч Рублев, княгине Марье Алексеевне Голицыной к прежде данным ей от меня в приданые четырем тысячам рублям — тысячу рублей. А что принадлежит до приданого матери их движимого платья и вещей, оное им от меня все отдано. Дочере ж моей Наталье Алексеевне — пять тысяч рублей. Внуку моему Михаиле Грецову — десять тысяч рублей. Находящейся у меня в доме Аграфене Савиной за рачительной и долговременной в доме моем ее присмотр и многие услуги в

451
награждение — пять тысяч рублей, и з данною ей от меня отпускною отпустить ее на волю. Отцу моему духовному, придворному священнику Матфею — двести рублей. На построение в Оболенской моей вотчине, в селе Добром каменной церкви — пять тысяч рублей, которую приказываю построить сыну моему Петру без всякой отмены. На поминовение по душе моей нищим в роздачу — две тысячи рублей, в гофшпитали — три тысячи рублей, по церквам — тысячу рублей. Ежели из имеющихся в Санкт-

петербургском и московском дворах моих дворовых людей мужеска и женска полу, который у детей моих в услужении быть не пожелают, то им с женами их и с детьми дать на волю отпускные, а поневолею из детей моих никому их у себя не держать... Имеющиеся в доме моем святыя образа, кроме образа Богоявления Господня, також платье, ружье и прочия вещи всем моим сыновьям разделить по равным частям, а книги одному сыну моему Борису, ибо он к тому охоту имеет. Белье, которое при мне находится, все отдать дочери моей Наталье в приданые... Сие завещание учинено в Санкт-Петербурге в доме моем при ниже подписавшихся свидетелях августа 3 дня 1760 году...»⁷

Глава 17

Нева

1756

апрель

02. Нева река тронулась в 5 часов по полудни. Три залпа выпалили в 7 часов с четвертью.

Пушка стала палить в 7 часов 36 минут.

03- Несвицкий поехал по Неве и городу честь отдавать в 8 часов 20 минут и дворцу. Того же дня был пожар подле Зимнего дворца в кабинете.

Об. Поутру в семь часов утра шел снег до шести по полудни.

2 апреля 1756 года, вскоре после того, как на всех часах Зимнего деревянного дворца пробило пять раз, императрице доложили, что на Неве затрещал

452

лед и река вот-вот вскрыется. Елизавета Петровна тотчас в окружении небольшой свиты покинула дворец и через каких-нибудь десять-пятнадцать минут уже стояла у деревянной балюстрады набережной, всматриваясь в белоснежную речную гладь, над которой с одной стороны возвышались стены Петропавловской крепости и колокольни одноименного собора, с другой — тянувшаяся на запад линия зданий Академии наук, Кунсткамеры, Двенадцати коллегий и Сухопутного шляхетского корпуса.

Лед на Неве действительно трещал, но до того, как водный поток разорвет его и медленно понесет островки льдин в сторону Финского залива, должно было пройти еще час или полтора. Императрица решила дожидаться кульминационного момента, предпочтя неспешную прогулку по набережной на свежем воздухе скорому возвращению во дворец¹.

Что ж, мы тоже воспользуемся образовавшейся паузой, чтобы поговорить о роли рек в жизни Петербурга в ту эпоху. То, что петровский парадиз изобиловал ими, знают все. Нева являлась главной транспортной магистралью. Малая Нева — пристанищем для петербургского порта. Малая Невка и Охта — опорой промышленной структуры Выборгской стороны. Фонтанка, Мойка, Глухая речка и связавшие их бесчисленные каналы — удобной и дешевой дорожной сетью центра столицы. Без непрестанно пересекающих друг друга речных протоков елизаветинский Санкт-Петербург просто немыслим. Однако о том распорядке, согласно которому функционировала вся эта водная система в те далекие годы, известно куда меньше. Значит, самое время познакомиться с ним поближе. Перевернем страницы календаря ровно на год назад. Конец марта. То же место. Тот же пейзаж. Петропавловская крепость. Академический городок на Васильевском острове. Нева, укрытая льдом. Цепочки солдат, как на левом берегу реки, так и на правом. Задача на них возложена несложная: останавливать бесшабашных людишек, которым неведомо потерпеть несколько дней, тех, кто рискует собственной

453

головой, лишь бы перебраться поскорее по тонкому льду с острова на остров. Причем

желающих испытать судьбу предостаточно. Одни умудряются преодолеть ледовое пространство целыми и невредимыми. Другие гибнут, провалившись под лед, и помочь им практически невозможно. Особенно, если несчастье настигает путников на середине реки. Правда, везунчикам тоже не позавидуешь. Солдаты ловят храбрецов и отправляют на съезжую, где те сидят под караулом до начала ледохода, а то и дольше². В 1755 году Нева «от льду вскрылась» 3 апреля. Произошло это в десятом часу утра. Выстрел из трех пушек с Петропавловской крепости известил всех о радостном событии. Как только река частично освободилась от ледяной корки, те, кому довелось прогуливаться по Верхней набережной, то есть мимо Старого и Нового Зимних императорских дворцов, или забрести на стрелку Васильевского острова либо на Троицкую площадь Петербургской стороны, увидели торжественную церемонию открытия навигации на Неве.

Из истока Фонтанки в Неву вошла шлюпка «в провожании других мелких перевозных судов», спущенных на воду у Партикулярной верфи. Искусно лавируя между льдинами, они повернули налево и медленно стали приближаться к Заячьему острову. Возле Петропавловских бастионов глава Партикулярной верфи князь Василий Федорович Несвицкий — командир флотилии — отдал приказ поприветствовать крепость из пяти орудий. Раздался залп, после которого корабли окутал белый дым. Прежде чем он рассеялся, с крепостных стен ответило такое же число пушек. Шлюпки продолжили шествие по Неве среди льдин. Поравнявшись несколько минут спустя с Зимним каменным дворцом, эскадра оглушила окрестности вторым залпом — салютом «двору Ея Импера-торскаго Величества»³. На этом церемония открытия навигации на Неве и завершилась. Отныне по реке можно было передвигаться вплавь — на шлюпках, верейках, яхтах и обыкновенных лодках, что предпри-

454

имчивые петербуржцы и не замедлили сделать, предлагая за умеренную плату свои услуги тем, кто желал быстрее очутиться на том или ином берегу.

А у правительства с открытием навигации возникла новая проблема. Надлежало правильно выбрать момент установки наплавного моста через Неву у Исаакиевского собора. На Неве лед сошел в течение недели. Тем не менее президент Адмиралтейской коллегии не спешил с приказом спускать на воду плашкоуты и брать из амбаров крепезный материал. Он ждал освобождения ото льда Ладожского озера. На озере весна всегда запаздывала на пару недель. И не дай Бог навести через Неву мост прежде, чем последняя льдина с Ладоги проплывет мимо Исаакиевского собора. Тяжелая глыба льда сомнет плашкоуты, снесет добрую половину удерживающих их якорей, канатов, бревен. А если на мосту в тот роковой час будут люди, то все может закончиться трагедией. Поэтому Михаил Михайлович Голицын и не торопился отпирать адмиралтейские амбары, а внимательно вчитывался в ежедневно получаемые с озера донесения примерно такого содержания: «Канцелярия Большого Ладожского канала чрез сие во известие представляет. От Шлютелбургской крепости Ладожское озеро по выборской стороне верст на семь, а по ладожской верст на двенадцать ото льду очистилось. А в нис по Неве реке от той же крепости в разстояни на пять верст. А при Ладоге, река Волхов и по всему каналу лед состоит в твердости». Кроме дирекции Ладожского канала, о ледовой обстановке на озере и реке адмирала и дежурного генерал-адъютанта императрицы информировал офицер одного из гарнизонных полков Петербурга, «находящийся в Шлю-тенбурхе у смотрения льду»⁴.

Да, Елизавета Петровна тоже не оставалась безучастной. Хотя бы потому, что окончательное решение об установке моста принимала именно она. 13 апреля государыня изволила поинтересоваться у князя Голицына, существует ли еще опасность от ладожского льду для наведения переправы или нет⁵. Ответ, видимо,

пришел утвердительный, так как мост уда-
455

лось навести только через неделю. Двадцать плашкоутов, специальных лодок, каждый стоимостью приблизительно в 300—400 рублей, вывели на Неву и укрепили друг к другу с помощью якорей и канатов⁶. Затем поверх плашкоутов настелили доски, надстроили перила, после чего посредством разных ухищрений крепко соединили помост с лодками. Мост на Адмиралтейском острове выходил на улицу, лежавшую между Адмиралтейством и Исаакиевским собором, а на Васильевском острове примыкал к площади, отделявшей здание Двенадцати коллегий от Сухопутного Шляхетского корпуса⁷.

Впрочем, успешная установка плашкоутов еще не означала, что путь по ним открыт. Движение по мосту начиналось не раньше, чем свои места занимали команды охраны и сбора мостовых денег. 23 апреля 1755 года М. М. Голицын распорядился: «На поставленной ныне чрез Неву реку мост для збору денег командировать с полкового двора служителей тех, кои прошлаго году на том мосту имелись по приложенному при сем имянному регистру. Також и для караула на тот мост командировать же салдат восемь при одном капрале и ефрейторе сего числа неотменно*. Среди сборщиков денег значились: шхиманмат Андрей Григорьев, сержант Степан Осипов, фулгер Иван Медведев, солдаты Михаил Логинов, Матвей Меркулов. Иван Белянин, Василий Тюхин, Прокофий Комаров, Степан Мезенев и Никита Фирсов⁸. Им и предстояло взимать плату с пешеходов, всадников и владельцев карет за пересечение Невы по мосту. Со времен императрицы Анны Иоанновны тариф был следующим. С карет и колясок, «которые парами», брали по 5 копеек; с одноколок и колясок, запряженных одной лошадью, — по 3 копейки; «с кучаров и с лакеев, кои за коретами, колясками будут», — по копейке. Владелец порожней телеги платил 2 копейки, с поклажей — 3 копейки. За каждую лошадь выкладывали три денги, за корову — копейку и 2 копейки «с прот-чей мелкой скотины з десяти скотин». Всадник отдавал тоже 2 копейки, а пешеход всякого звания только копейку⁹.

456

С пешеходами и владельцами карет случались проблемы. На долгое время головной болью князя Михаила Михайловича Голицына стало нежелание придворных чинов расплачиваться за проезд. Караул спорил с ними, скандалил, но силу применить стеснялся. В конце концов президент Адмиралтейской коллегии не выдержал и обратился к главному арбитру — императрице. Аудиенция состоялась 23 мая 1750 года. Выслушав доклад князя, Елизавета Петровна повелела исключения для придворных не делать. С той поры редко кто рисковал вступать в пререкания с солдатами¹⁰. Правда, немало хлопот доставляли караулу моста соседи — кадеты сухопутного корпуса, народ молодой, горячий, непоседливый. Однажды банальный спор со стражами порядка вылился в настоящее сражение. Настолько серьезное, что солдатам пришлось защищаться по всем правилам воинского искусства...

29 июля 1751 года в седьмом часу вечера в Петергоф прискакал курьер. Императрица во дворце отсутствовала. Она пожелала совершить прогулку по петергофским окрестностям, расположенным вдоль Финского залива. И хотя вскоре пошел проливной дождь, возвращаться Ее Величество не спешила. Поэтому Иван Антонович Черкасов, которому предназначался пакет, не имел возможности доложить о прочитанном государыне. Да и чувствовал он себя неважно. Между тем новость, сообщенная адмиралом Михаилом Михайловичем Голицыным, повергала в изумление: «... вчерашнего числа, то есть 28 теку-щего июля, на поставленном здесь чрез Неву реку мосту нечаянно учинился необыкновенной случай... Пополудни в 9-м часу кадеты, а паче холопи, многолюдством набежав на тот мост с Васильевского ост-

рова, били караулных и определенных на том мосту у исправления работ служителей, и чинили у тех служителей с платшхотов грабеж...»¹¹.

Елизавета Петровна узнала о приключении на Исаакиевском мосту от дежурного генерал-адъютан-

457

та Александра Борисовича Бутурлина днем 30 июля. Резолюция последовала тут же: участников потасовки допросить и выяснить причину ссоры. Нарядили комиссию из офицеров — депутатов от адмиралтейства и кадетского корпуса. Через полгода, в феврале 1752 года, на свет появился доклад, более или менее точно восстановивший картину случившегося.

...Ничто вечером 28 июля 1751 года не предвещало конфликта. Около восьми часов выстрел пушки по обыкновению оповестил кадетов, отпущенных в город, о необходимости возвращаться в корпус. Большинство воспитанников проводило время на Адмиралтейском острове у родителей, родственников или знакомых. Услышав залп, они стали медленно подтягиваться к Исаакиевской церкви, чтобы перебраться по одноименному наплавному мосту на Васильевский остров. Слева от моста располагался дворец Меншикова — главное здание учебного заведения.

Отлучившийся из корпуса в первом часу пополудни кадет Федор Львов посетил этим днем дом унтер-офицера Григория Савинова на адмиралтейской стороне. В начале девятого часа он простился с гостеприимными хозяевами и отправился к себе на квартиру. По дороге повстречал однокашника Григория Поливанова и вместе с ним через пару минут вышел к Исаакиевскому мосту.

Дежуривший в тот день на адмиралтейской гауптвахте подполковник Клеопин в девятом часу вечера решил осмотреть вверенные ему посты. Покинув Адмиралтейство, он первым делом заглянул на мост. Здесь возле будки стоял караул — солдат Шемякин, капрал Уразьев и часовой Смагин. Рядом с ними у ящика скучали два сборщика мостовых денег — Кузнецов и Буханин. Мимо сборщиков и караула проходили люди, бросая попутно в ящик монеты. В тот час среди прохожих заметно преобладали кофейного цвета мундиры кадетов сухопутного корпуса. Проверив состояние дел сперва на исаакиевском, а затем и на васильевском конце моста, подполковник поспешил к середине переправы, заметив там командира маленького мостового гарнизона подпоручика

458

Бровцына. Только они успели, встретившись, перебраться несколькими фразами, как со стороны Адмиралтейства послышался шум...

Федор Львов и Григорий Поливанов подошли к упомянутым выше солдатам и двум сборщикам вскоре после того, как начальник оставил подчиненных. Приблизившись к мосту, они увидели, что их несколько опередил товарищ по корпусу Иван Бухвостов. Не дожидаясь приятелей, кадет вытащил из кармана копейку и, отдав ее сборщикам, двинулся к Васильевскому острову. Спустя минуту-другую Львов с Поливановым поравнялись с солдатами. Кузнецов и Буханин, естественно, потребовали от них уплатить мостовой налог. Львов, по-видимому, выполнил бы законное требование. Но тут его спутник ни с того ни с сего попросил военных предъявить ему официальную бумагу, в которой говорилось бы, что кадеты обязаны платить мостовой сбор.

Солдаты не слишком удивились протесту Поливанова. Они привыкли к бесчисленным попыткам пешеходов в надежде сэкономить деньги убедить их в том, что на них налог не распространяется. Выслушав очередную претензию, они сослались на соответствующее распоряжение вышестоящего командира, то есть Его Сиятельства господина адмирала и президента Адмиралтейской коллегии Михаила Михайловича Голицына. Однако это не удовлетворило зачинщика спора: князь Голицын-де им не

указ!

Долго препираться с юнцами караулу не хотелось. А потому упрямам посоветовали обратиться за текстом царского повеления к мостовому офицеру подпоручику Бровцыну. В сопровождении Кузнецова, капрала Уразева и солдата Шемякина Поливанов, Львов, а также присоединившийся к ним из любопытства кадет Петр Головачев направились на середину моста, где стояли подпоручик Бровцын и подполковник Клеопин. Бровцын, однако, вступать в переговоры не пожелал. Он попросту приказал капралу взять под стражу строптивцев, чтобы записать их имена и доложить обо всем по команде наверх. Клеопин предпочел не вмешиваться.

459

Юноши, естественно, возмутились: ведь их «брать под караул не за что»! К тому же они, в принципе, готовы заплатить нужную сумму. Впрочем, это не изменило решения мостового офицера. Тогда сборщик Кузнецов дотронулся до Поливанова, намереваясь вести его в караулку. Тот же, не оглядываясь, отмахнулся рукой от солдата. И надо же было так случиться, что рука кадета больно заехала прямо по щеке Кузнецова. Сборщик рассердился и с размаха ударил Поливанова кулаком сзади. Да с такой силой, что кадет с разбитым в кровь носом свалился на перила моста. В то же мгновение капрал Уразев толкнул в спину Львова. Разговор на повышенных тонах вот-вот мог перерасти в потасовку. Клеопин и Бровцын вовремя одернули подчиненных, велев им без рукоприкладства отвести арестантов к будке на исаакиевском конце моста. Что те нехотя и исполнили.

Конфликт был практически исчерпан. Кадетов после короткой бюрократической процедуры, безусловно, отпустили бы восояси. Но, увы! В тот самый момент, когда нижние чины позволили себе лишнее, с моста сошел и повернул налево к главному зданию Иван Бухвостов. Стоявшая на середине моста группа привлекла его внимание. И он заметил, как двое солдат ударили двух кадетов, не тронув, по счастью, третьего, знакомого ему Петра Головачева...

Иван Бухвостов — что вполне естественно — побежал звать на выручку товарищей, находившихся на тот час в корпусе. Крича на бегу, что «кадетов прибили на мосту», он влетел во дворец, быстро нашел дежурного офицера поручика фон Эйдена и доложил ему об увиденном. Весть о нападении матросов на трех кадет в считанные минуты разлетелась по корпусу. Прийти на помощь однокашникам вызвались десятки воспитанников корпуса. А за ними, конечно, увязались многие слуги или «холопи», по терминологии тех лет.

Тем временем подполковник Клеопин, отправив солдат с тремя задержанными к будке у Исаакиевской церкви, завершил разговор с Бровцыным и зашагал к исаакиевскому спуску моста. Только он при-

460

был туда, как с противоположной стороны наплавной переправы послышался крик. Обернувшись, офицер и солдаты увидели разношерстную толпу из кадетов и мужиков, бежавших от дворца Меншикова. Часовые и сборщики, дежурившие у спуска на Васильевский остров, опомниться не успели, как десятки людей, вооруженных шпагами, палками, камнями, оттеснив стражей к оказавшейся бесполезной рогатке, прорвались на мост и с боевыми возгласами ринулись в атаку на исаакиевский караул.

Подпоручик Бровцын не растерялся. Оставив у Исаакиевской церкви часового и сборщика, он увлек остальных подчиненных за собой навстречу атакующим, полагая, видимо, что сумеет малыми силами усмирить разгневанных соседей. Однако словесная дуэль быстро переросла в кулачный бой с использованием различных подручных средств — шпаг, камней, палок... Мужики рьяно лупили морских служителей чем попало. Ломали казенные инструменты. Плашкоут, в котором располагалась

палатка Бровцы-на, закидали бревнами и камнями, а двух матросов, «стоявших при оном... на вестах», сбросили в него без всякой жалости. Самые отъявленные злодеи занялись грабежом вещей, принадлежащих адмиралтейству и подведомственным коллегии работникам.

Пока большинство матросов дрались с питомцами «рыцарской академии», Поливанов, Львов и Головачев сидели в будке. Заметив, как в один миг число мостовой стражи возле них значительно поредело, кадеты, не долго думая, подгадав удобный момент, выскочили из своей «тюрьмы» и рванули мимо часовых. Адмиралтейцы, в пылу борьбы, не обратили внимания на беглецов, и те легко растворились среди товарищей. Правда, к тому времени количество кадет и холопов существенно возросло.

Почувствовав, что неприятель одолевает моряков, Бровцын распорядился, захватив несколько пленных, ретироваться к Адмиралтейству. Приказ был исполнен. Скрутив трех участников драки, команда подпоручика отошла к рогатке у исаакиевского спуска. Вместе с ней под конвоем плелись трое задержанных — чело-

461

век Ивана Приклонского Федор Баландин, а также два кадета — Матвей Витвер и Петр Головачев. Последний, ускользнув из-под носа караула, не успел покинуть место сражения. Ему сильно не повезло во всеобщей суматохе боя. Избитый линьками то ли матросами, то ли мужиками, раненый Петр Головачев вновь оказался в плену. 30 июля его еле живого привезли в лазарет. Там он жаловался на «колотье в груди» и боли во всем теле. А доктора обнаружили у него еще рану возле правого виска длиной в полтора дюйма, «тяжкие лихорадочные приключения с весьма скорым и переменным пулзом... и на груди и спине разные кровавые пухлины...».

Хотя отряд Бровцына отступил, те несколько минут, в течение которых он сдерживал натиск толпы, не пропали даром. Отсрочкой умело воспользовался подполковник Клеопин, успевший за это время организовать оборону оставшегося у законной власти кусочка моста. Прежде всего старший офицер вместе с солдатами перегородил мост рогаткой. Затем послал «караульного при гоубвахте резного дела мастера Ивана Сухова* со словесным рапортом к М. М. Голицыну в соседнее здание Адмиралтейства. Другому посыльному поручил отнести за крепостные стены собранные за день (на исаакиевском конце, разумеется) деньги и позвать оттуда на подмогу «всех караульных, кроме часовых, также и шлюпочных служителей». Ну а с прочими караульными и матросами и с присоединившейся командой Бровцына, укрывшись за рогаткой, приготовился отбить нападение утратившей самоконтроль толпы людей.

Подбежав к рогатке вслед за отступившим противником, кадеты с холопами обрушили на защитников моста град камней, палок и всего, что смогли раздобыть по дороге. Дворянские отпрыски, кроме того, пробовали достать неприятеля шпагами, но не слишком удачно. А вот камни и колья причинили больший урон матросам и солдатам. Непрекращающийся «артобстрел» весьма быстро привел к серьезному увечью не менее десятка подчиненных Клеопина. Сам подполковник тоже не смог увернуться от всех камней, и

462

два из них угодили ему в грудь. В общем, осознав, что камнепад реально угрожает жизни его людей, штаб-офицер решил для успокоения не в меру разбушевавшихся соседей применить оружие. Он громко предупредил наседавшую на отряд толпу, что если та не уймется, то «велит из ружей стрелять* по ним.

Однако увлеченные битвой кадеты и служители то ли не расслышали Клеопина, то ли проигнорировали прозвучавшую угрозу. Камни и палки продолжали наносить травмы охране моста. И тогда подполковник приказал зарядить ружья. Вскоре раздалась

команда: «Пли!»

..Дежурный при кадетском корпусе поручик Яган фон Эйден узнал о разгоревшейся на Исаакиевском мосту драке между матросами и кадетами от Ивана Бухвостова.

Выслушав сбивчивую речь юноши, поручик поспешил выйти на улицу и понаблюдать за столь редким зрелищем. Картина его взору предстала впечатляющая: обыватели, сгрудившиеся у моста и на берегу Невы, не отрываясь следили за тем, как сотня мужчин яростно атакует горстку солдат и матросов, охраняющих единственный в городе наплавной мост. Рядом с обер-офицером расположились несколько унтер-офицеров, которые также с любопытством глазели на драму, разыгравшуюся на мосту, и совсем не собирались в нее вмешиваться.

Через какое-то время к фон Эйдену подошел сержант Никита Рахманов в сопровождении десятка нижних чинов 1-го Московского пехотного полка (сержанта Ивана Суморокова, ефрейтора Андрея Козминского, рядовых Алексея Ландина, Кондратия Володинкова, Фадея Бабинкова, Фомы Чепикова, Ивана Иржина, Степана Спиридонова, Максима Красного, Никифора Полгина, Ивана Паташева). Он объявил, что подполковник Зихгейм, получив от князя Голицына (через переплывшего Неву на шлюпке генерал-адеютанта Березина) известие о нападении кадет, повелел унтер-офицеру с имеющейся сейчас при нем командой взойти на мост и пресечь беспорядок. Поручик не возражал и пожелал командиру отряда успеха. Однако не успело еще под-

463
разделение Рахманова приблизиться к мосту, как внезапно раздался ружейный залп, за ним — другой.

Оглушенные выстрелами и ослепленные белым пороховым дымом кадеты и холопы в испуге отшатнулись от рогатки, прекратив кидать в солдат камни и прочую дрянь.

Теперь, пока нападавшие в замешательстве и не успели еще осознать, что пальба по ним велась вхолостую, Клеопину требовалось повторным, более слаженным грохотом попытаться окончательно расстроить ряды неприятеля. Но тут подполковник с солдатами обнаружили, что люди и без того подались назад и стали разбегаться.

Оказалось, беспорядочное отступление юных отроков и их слуг спровоцировало появление на мосту капральства Рахманова. В считанные мгновения толпа схлынула с моста и бросилась врассыпную. Поблагодарив сержанта Рахманова за помощь, Клеопин и Бровцын принялись наводить порядок на вверенном им объекте. А взятых под стражу трех несчастных заложников солдаты повели в адмиралтейство.

Сержант Рахманов доложил руководству корпуса о выполненной им задаче — пресечении драки. Одиннадцать серьезно раненных морских служителей обратились за помощью к адмиралтейскому лекарю Гартману. Зеваки, привлеченные невиданным событием к невскому берегу, с окончанием «представления» разошлись по домам, а пешеходы вскоре вновь заселили по дощатому настилу моста. Так что когда в одиннадцатом часу вечера кадет Семен Муравьев, гостивший с шести вечера у капрала Ладыженского, отправился из корпуса домой на Адмиралтейскую сторону, он беспрепятственно миновал переправу, заплатив, естественно, положенную копейку¹².

Последний штрих к весеннему, апрельскому обновлению облика Невы — выведение на реку из гавани двух императорских яхт — «Принцесса Анна» и «Вирцоу».

Происходило это в двадцатых числах месяца (в 1756 году — 25 апреля; в 1755 году, по-видимому, 24 апреля). Командование яхтами поручалось

464

одному из молодых офицеров флота, которые сменялись ежегодно. В 1754 году яхтами руководил лейтенант Мезинцев. В 1756 году почетную обязанность возложили на унтер-лейтенанта Болотникова. Ну а в 1755 году во главе яхт поставили лейтенанта Александра Стогова. Командир располагался на более крупной «Принцессе Анне»,

другой лейтенант флота управлял яхтой «Вирцоу». Экипажи кораблей состояли из подшкиперов, боцманматов, квартирмейстеров, матросов первой и второй статьи (соответственно, 10 и 15 на большой яхте, 8 и 13 на малой). Кроме того, в штате каждой яхты числились два гардемарина или кадета 1-го класса, которые под присмотром кадетского капрала набирались опыта в морском деле. Артиллерией на кораблях заведовали подконста-пели. Помогали им канониры (12 на «Принцессе Анне» и 7 на «Вирцоу»).

Итак, под командой старшего офицера обе яхты выходили в Неву и, поравнявшись с резиденцией императрицы, отдавали «Зимнего Ея Императорского Величества дому обыкновенную пушечную салюта-цию», после чего бросали тут же якорь. Они стояли напротив Зимнего дворца всего лишь несколько дней, потому что с переездом императрицы в Летний дворец поднимали якорь и подтягивались к новому месту дислокации — Летнему дворцу Петра I. По дороге, как уже знает читатель, яхты орудийными выстрелами приветствовали бастиины Петропавловской крепости, а в конце пути — летнюю царскую резиденцию на берегу Мойки. Когда императрица уезжала за город, суда отправлялись в Петергоф и, пробыв там весь летний сезон, возвращались в Петербург к истоку Фонтанки, не забывая пальбою отметить свое прохождение мимо крепости и прибытие в пункт назначения. Бросить повторно якорь у Зимнего дворца, как правило, они не успевали, потому что Елизавета Петровна покидала Третий Летний дворец после получения командирами приказа о возвращении яхт на зиму в гавань и их разоружении. В 1754 году соответствующее распоряжение поступило 13 сентября, в 1755 году — 23 сентября, в 1756 году — 10 октября¹³.

465

Но до осени еще далеко. Весна, окончательно одолев зиму, освобождала от ледового плена Финский залив и позволяла первым торговым кораблям пришвартоваться к пристани Кронштадтского порта. В 1755 году долгожданное событие случилось 28 апреля. Спустя неделю число кораблей, пришедших к устью Невы, выросло до тридцати, а к концу мая достигло ста¹⁴. Не все суда останавливались в Кронштадте. Многие продолжали путь к Неве и, обогнув Васильевский остров, бросали якорь у Петербургского порта, раскинувшегося рядом со Стрелкой Васильевского острова. Здесь стояли двухэтажные здания Пакгауза и каменного Гостиного двора, на первом этаже которого, оформленном открытыми рустованными аркадами, размещались склады и торговые залы Биржи. В доме по соседству работала столичная таможня¹⁵. Подплывавшие к порту корабли причаливали к деревянной на сваях пристани. С семи до двенадцати часов утра в таможне капитаны или владельцы судов предъявляли таможенным чиновникам реестры привезенного товара (коносаменты), после чего кули, мешки и ящики сгружались в нанятые в Гостином дворе помещения. В залах Биржи купцы торговали оптом и в розницу с утра до вечера. Правда, в два часа пополудни по удару колокола заканчивался рабочий день у таможенников и государственных маклеров — регистраторов сделок и знатоков точного курса иностранных валют¹⁶. На Биржу приходили не только торговцы, но и многие петербуржцы. Одни интересовались зарубежными новинками, другие хотели купить что-либо необходимое подешевле, третьи ожидали прибытия кораблей с вещами, купленными для них друзьями или родственниками. Частенько замечали в Петербургском порту чиновников придворного ведомства, встречавших присланные из разных европейских стран приобретенные по заказу Елизаветы Петровны товары. Так, например, весной 1749 года русский посол в Англии П. Г. Чернышев купил по просьбе императрицы пятьдесят дюжин стульев работы британских мастеров из красного дерева с кожаными подушка-

ми черного цвета и спинками, сделанными в виде веера. Разные мастера запросили разную цену: от 25 до 29 шиллингов за стул. А дюжина богато украшенных стульев обошлась в 36 шиллингов штука. Получив на руки шестьсот стульев, Петр Григорьевич зафрахтовал четыре английских корабля. Заплатил 829 фунтов 9 шиллингов 6 пенсов за товар, укладку (связка из двух стульев), погрузку, страховку с пошлинами и отправил корабли в Россию. Первым, 29 июня 1749 года, берега Темзы покинул корабль капитана Томаса Валторна «Хэппиреторн» («Счастлирое возвращение»), имевший на борту 174 стула. 27 июля за ним последовал «Корнвел» Джорджа Брауна (76 стульев). 17 августа в море вышел «Йорк» Леона Бизера (326 стульев). Четвертым отплыл корабль Стивена Реода «Анна» (24 стула).

Все суда через месяц трудного пути благополучно бросили якоря в Петербургском порту. 26 июля свою часть товара на таможене предъявил Т. Валторн, 21 августа тридцать восемь связок сдал Д. Браун, 30 сентября то же самое сделал С. Реод, а 2 октября таможенники приняли четвертую часть заказа у Л. Бизера. На Петербургской таможене им пришлось выложить со всей стоимости товара пошлину в размере 5 копеек с рубля — 416 ефимков 27 копеек с четвертью. За один ефимок тогда давали 1 рубль 25 копеек. Значит, в российской монете пошлина за шестьсот стульев составила 520 рублей 68 копеек с четвертью. К этой сумме следовало прибавить 7 рублей 25 копеек «огневых» и 16 рублей 60 копеек с четвертью «акциденции». Всего таможенники насчитали 544 рубля 59 копеек с половиною. Кроме того, Л. Бизер и С. Рид попросили возместить им расходы за фрахт, провоз стульев через пролив Зунд и от Кронштадта до Петербурга (10 копеек со стула). Всего 119 рублей 60 копеек. В общем, покупка английских стульев для Елизаветы Петровны обошлась недешево¹⁷. Хорошо, что перевозка товара до столицы не преподнесла сюрпризов. А то всякое могло случиться...

Зимой 1748 года, например, императрица пожелала приобрести для дворцовых вотчин стадо гол-

ландских коров. Российский посол в Гааге А. Головкин навел справки, после чего посоветовал государыне обождать немного, пока Голландия не преодолит поразившее страну несчастье — поголовный падеж скота. Ждать пришлось семь лет. 14 июня 1755 года Елизавета велела вице-канцлеру напомнить Головкину о коровах. 3 сентября почта доставила в Петербург ответ посла от 18 августа: первая партия из пяти коров, пяти двухлетних «телиц» и двух быков отправлена в Кронштадт; убедительная просьба корабль, не задерживая, пропустить в столичный порт. В коллегии реляцию с копией коносаменты приняли 4-го числа. Из Секретной экспедиции в Публичную документы поступили только 6-го. Канцелярист Иван Петров тут же уселся за написание приказа в Кронштадт о пропуске корабля в город. Утром в четверг (7-го) курьер повез предписание в Кронштадтскую адмиралтейскую контору, которая ознакомилась с ним сутки спустя, 8 сентября...

Между тем 3 сентября в гавани Кронштадтского порта бросил якорь корабль «Ионг Генрих Браувер». Так как судно никто не встретил, то шкипер Корне-лиус Знгелс сошел на берег и принялся самостоятельно искать местное начальство. Вскоре он набрел на какую-то контору, оказавшуюся филиалом Адмиралтейства. Здесь господин Энгелс вручил хозяину учреждения князю Степану Мещерскому коносамент на голландском языке: «Я, Корнелис Энгелс, Бо-жиею помощью шиппер моего корабля, называема-го Ионге Гендрик Браувер, которой теперь в Амстердаме в готовности стоит, чтоб с первым данным от Бога благополучным ветром иттить в Санкт-Петербург, где моей выгруски надлежащее место, засвидетелствую сим, что я в оной мой

корабль от Вас господина Андреаса Пелса с сыновьями принял пять коров, пять телят и двух быков с потребным кормом и принадлежностями в нуги, которой скот я обязуюсь, ежели мне Господь Бог благополучной путь даст и доеду я с моим кораблем до Санкт-Петербурга, отдать Его Сиятельства господина графа Головкина, посла Ея Императорского Величества всероссийской

468

в Гааге фактору или Его поверенному при получении платежа за провоз двести пятьдесят рублей серебряною манетою, також де и за протчие издержки по морскому обыкновению. А во исполнение того, что выше писано, обязую я сам себя, все свое имение и вышепоказанной мой корабль со всеми его принадлежностями. Во уверение сего я здесь свое имя или вместо меня мой писарь подписал под четырьмя коносементами, все одного содержания. И буде по одному из оных исполню, то протчие без действия останутся имеют. Амстердам в 22 день августа 1755 года.

Не вычитая за падшей скот, а за провоз, как за живой, так и за падшей, платеж учинить. Корнелис Энгелс».

Прочитав коносамент или перевод с него, князь понял, что ни фактор, ни поверенный Головкина за товаром не явились, и теперь ему придется выяснять, для кого предназначался скот. Шкипер припомнил по разговорам с господином Андресом Пелсом, что коровы приобретались для русского Двора. Но для какого? Ея Императорского Величества или Его Императорского Высочества? Этот вопрос Мещерского поставил шкипера в тупик: он понятия не имел о различиях между Ея Величеством и Его Высочеством. Однако, поколебавшись минуту-другую, голландец уверенно произнес, что буренки выписаны Его Императорским Высочеством. На том допрос и завершился. Скотину при содействии капитан-командора Кейзера перевели с голландского судна на российские боты и 4 сентября под присмотром «нарочного офицера» перевезли в Ораниенбаум, к великому князю Петру Федоровичу. Там коров и ухаживавшего за ними крестьянина Питера Байля принял инспектор Бекелман, который подтвердил правоту шкипера, сказав офицеру, что Их Императорские Высочества действительно должны были в ближайшее время получить коров. Все успокоились. А через два дня разразился скандал. 5 сентября глава Адмиралтейств-коллегии и М. М. Голицын, проведав по своим каналам о письме Головкина, послал к Кейзеру ордер с наказом: встретить

469

коров Ее Величества, как полагается, и на малых судах отправить в Петербург. 6 сентября в Кронштадте схватились за голову: перепутали! В тот же день в Ораниенбаум опять поплыл «нарочный офицер», чтобы, забрав у Бекелмана десять коров и двух быков, сухим путем привести их в Петербург.

Царица сильно рассердилась, узнав о волоките в ведомстве Бестужева и несогласованных действиях двух коллегий. Но карать никого не стала. Ведь даже если бы в Коллегии иностранных дел на депешу Головкина отреагировали оперативно, в Кронштадт указ о коровах все равно бы опоздал. Уж очень медленно добиралась до России дипломатическая почта, и слишком быстро переплыл Северное и Балтийское моря корабль голландского шкипера¹⁸.

Помимо приема привезенных в столицу товаров Петербургская таможня занималась еще регистрацией пассажиров, приехавших в Россию на торговых кораблях и пакетботах из-за границы. Ведомости о прибывших в Петербург иноземцах регулярно отсылались в кабинет императрицы. Выглядели они приблизительно так:

«Ея Императорского Величества кабинета действительному статскому советнику Василию Ивановичу Демидову. Из Санкт-Петербургской портовой таможни. Ведамость

Сего августа 24 дня в портовой таможне явились выехавшие сюда на корабле российском «Олонец» из Стеколма полковник Томас Демихоу и при нем жена ево Маргарета с служительницею, девицею Мариєю Магдалиною, да пассажир ротмистр Светелбор з женою Анною Катериною. И о себе объявили.

Полковник Демихоу: находится де он в службе в Амстердаме. Сюда приехал для ево нужд. Жителство иметь будет на Васильевском острове в седмой линии в доме мануфактур канторы советника Аргама-кова.

Пассажир Светелбор: находился де он в службе в швецких полках. И за болезнью отставлен. Сюда приехал для приискания себе службы ж. Жителство иметь будет где приищет квартиру.

470

Того ж числа на корабле Любеком «Эвва Мария» пассажирка Крестина Герман объявила о себе, что она приехала из Любека к зятю своему родному цесарскому купцу Георге Ноксену для свидания. Муж у нее в Любеке профессором. И жителство иметь будет у одного зятя на Адмиралтейской стороне в Морской улице в доме двора Ея Императорского Величества камергера господина Брылкина.

Августа 25 дня 1750 году»¹⁹.

Тот же, кто, напротив, принял намерение покинуть город на Неве с отправляющимися из Кронштадта судами, приходил на пристань у Исаакиев-ской церкви. Отсюда регулярно отплывали даншхо-уты на остров Котлин, переправляя в Кронштадтский порт будущих пассажиров и их багаж²⁰. Порядок выезда за рубеж морем несколько отличался от сухопутного варианта. Таким путешественникам не выписывались подорожные. А паспорта, выданные им Сенатом или Коллегией иностранных дел, обязательно регистрировались не только в канцелярии главной полиции, но и в конторе Адмиралтейства. Кроме того, морской маршрут накладывал на вояжера дополнительное ограничение: «Объявляется чрез сие кому ведать надлежит, что объявитель сего обер-гофмаршала и ковалера графа господина Бестужева-Рюмина камердинер Даниэль Кунгарт и при нем писарь Семен Ресс, служители Костантин Модро, Яган Христиан Треборк, Никита Черкаской, служительница Анна Юнгбер з дочерью ее Мариєю Юнгбер отпущены из России до Штетина морем, а от Штетина в Берлин сухим путем. И выехать им с нижеписанного числа из Санкт-Петербурга в неделю, а из России за границу в месяц. И прежде выезду, явится им с сим пашпортом в Адмиралтейской коллегии и в Санкт-Петербургской полицмейстерской канцелярии. Чего ради во свидетелство того отпуска и для свободного их в пути и из России в Берлин проезда им сей пашпорт за Ея Императорского Величества государственною печатью дан от Правительствующаго Сената ис канторы за подписанием генерала лейтенанта и кавалера князя Репнина в Санкт-Петербурге». Паспорт да-

471

тирован 9 июля 1744 года. Месячный срок, определенный для отплытия из Кронштадта, по-видимому, считался достаточным, чтобы корабль сумел дожждаться попутного ветра и при хорошей погоде выйти из Финского залива на просторы Балтики. Русские пакетботы бороздили северные моря наравне с иноземными судами, регулярно курсируя по маршрутам Кронштадт — Любек и Кронштадт — Гданьск. В Гданьске, например, стоянка кораблей в ожидании пассажиров длилась двенадцать дней. Иностранцев пропускали на борт только с паспортами, русских возвращали на родину и без оных. За проезд с человека брали по три ефимка. Багаж весом до ста фунтов принимали на корабль бесплатно. Но за каждый пуд сверх того требовалось выложить 40 копеек. Доставка в пункт назначения писем стоила 20 копеек за лот. Из Адмиралтейств-коллегий капитану на рейс выдавали 30 ефимков, обеспечивали пресной водой и дровами. А вот харчем все путешественники запасались

самостоятельно²¹.

Так как морские перевозки целиком зависели от погоды, то, конечно, точного расписания отплытия и прибытия кораблей не существовало. Понимая это, путешественники предпочитали дожидаться отхода судна возле него в порту, нежели, рискуя опоздать, отправляться на Котлин в самый последний момент. Между прочим, пассажиры, задержавшиеся в Кронштадте в первой декаде июля 1755 года, получили уникальную возможность присутствовать при испытании нового способа спуска на воду линейного корабля. 26 июня корабельный мастер Д. Сутерланд известил адмирала М. М. Голицына о том, что «построенной... в канале Петра Первого Великого осмидесят пушечной карабль канопатною и молярною работами в нынешнем июне месяце в последних числах исправлен быть имеет. Токмо еще надлежит исправить канопатною ж работою, вымазать с обеих сторон гарпиусом».

Несоблюдение графика мастер объяснил нехваткой конопатчиков, занятых «при починке флота килеванием». Поэтому он просил князя, в экстренном случае, если вывод линкора из канала пона-

472

добится произвести раньше срока, предупредить его за три дня до намеченной даты «для исправления вымазыванием объявленного корабля гарпиусом».

По-видимому, предполагаемый всеобщий трехдневный аврал не потребовался.

Корабль, именуемый «Святой Павел», спустили на воду 10 июля 1755 года.

Свидетелями испытания стали многие крон-штадтцы и петербуржцы, не поленившиеся приехать на остров. Вместе с жителями столицы за церемонией наблюдали президент Адмиралтейской коллегии с сыновьями и Григорий Николаевич Теплов. Своими впечатлениями от увиденного Михаил Михайлович Голицын-младший поделился в письме к брату Александру: «...в Новом Кронштатском канале для пробы был... построен линейной карабль, и чрез впущенную воду оной карабль сам собою поднимался без всякого труда, людям и ему вреда. И мне не хотелось оставить онаго случая. Ездил с батюшкой...»²².

Однако вернемся в Петербург. Если пристань у Исаакиевского собора предназначалась для дальних перевозок, то два десятка других пристаней, расположенных вдоль невских берегов, обеспечивали внутригородское сообщение. Между ними сновали рябики, верейки, ялики и прочие малые суда, построенные на Партикулярной верфи. Часть из них постоянно курсировала от одной точки к другой, перевозя за плату пассажиров к пристаням разных островов: от Троицкой площади на Петербургской стороне к Старому Почтовому двору на Адмиралтейской; от восьмой линии Васильевского острова к Крюкову каналу; от Академии наук к Зимнему императорскому дворцу; от Литейного двора к дому Синода на Петербургском острове; от церкви Вознесения Христова, что за Литейным двором, к Компанейским дворам на Выборгской стороне; от казарм Конной гвардии до устья Охты. Еще десять пристаней служили для переезда с Петербургского на Васильевский остров или на Выборгскую сторону²³.

Кроме лодок, выполнявших функцию общественного транспорта, к указанным причалам швартовалось множество партикулярных и ведомственных

473

судов. Каждая государственная контора запасалась необходимым числом яхт. Так, юстиц-контора с 1752 года имела в своем распоряжении для провоза по Неве и прилегающим рекам «приказных служителей» четырехвесельный рябик стоимостью в 82 рубля. Наемному экипажу из пяти гребцов платили в месяц 10 рублей 50 копеек (по 2 рубля 10 копеек на человека). Содержание рябика полностью лежало на юстиц-конторе. Поэтому деньги на жалованье гребцам, ремонт и другое ассигновались из ее

бюджета. Соответствующие траты за 1755 год составили 66 рублей 5 копеек. В 1756 году, несмотря на замену паруса, расходы получились чуть меньше — около 60 рублей

24

Суда малых размеров господствовали на Неве днем. Вечером и утром главная река столицы поступала в распоряжение грузового транспорта, идущего от Ладоги в Кронштадт и Петербург, а также обратно к Ладоге. Исаакиевский наплавной мост в ту пору, естественно, разводили, за что хозяева так называемых ластовых кораблей выплачивали по рублю за судно²⁵.

Хотя Нева играла доминирующую роль в жизни города, забывать о речках и каналах, прилегающих к главной реке, тоже не стоит. Из них самыми важными по праву считались Фонтанка, Мойка и Глухая речка. Ухаживать за ними стали при императрице Анне Иоанновне. Именно тогда правительство решило привести в божеский вид заброшенные, грязные протоки Адмиралтейского острова. В 1736 году русла и берега трех речек начали очищать и укреплять. При Елизавете Петровне работы продолжались. Русла рек очистили, а при необходимости углубили. Берега Фонтанки, Мойки и ряда других речек и каналов по примеру деревянных набережных Невы приподняли и «одели» в дощатый настил, поверх которого соорудили изящные балюстрады. На главных городских магистралях реки пересекали подъемные мосты, прочие мосты устраивались на сваях.

Большинство подъемных мостов украшали Мойку: Красный (возле Красного канала и Глухой реч-

474

ки); Зеленый (на Невской прешпективе); Синий (на Вознесенской прешпективе); Галерной (позади Галерного двора). На Фонтанке преобладали мосты на сваях: Симеоновский (у церкви Симеона Богоприимца); Аничков (на Невской прешпективе); Семеновский (ведущий к слободе Семеновского полка); Обухов (на Вознесенской прешпективе); Измайловский (ведущий к слободе Измайловского полка). Разводился лишь один — Калинкин. Тот, что через островок вел на дорогу в Калинкину деревню. Немало красивых подъемных мостов было переброшено через каналы по линии набережной Невы на Адмиралтейской стороне. Самый известный из них — разводной мост, перекинутый через нынешнюю Зимнюю канавку у Старого Зимнего дворца. По соседству от него, на Миллионной улице, тоже долгое время располагался подъемный мост, но затем «для свободного проезда карет отменен и зделан простым», то есть на сваях²⁶.

За состоянием русла рек, примыкающих к Неве, внимательно наблюдала городская полиция, старавшаяся вовремя принимать меры по исправлению различного рода «упущений». Проблемы решались с привлечением ведущих специалистов Канцелярии от строений и Академии наук. Вот как это делалось.

27 января 1752 года на совещании у генерала-полицмейстера Алексея Даниловича Татищева намечалось обсудить прозаический вопрос: как лучше очистить Фонтанку и Глухую речку. Первым в восьмом часу приехал советник Академии наук А. Нартов. Вторым, в девятом, — советник главной полиции А. Молчанов. Генералитет — А. Д. Татищев, В. В. Фермор и бригадир Резанов — собрался в десятом часу. Последним, в одиннадцатом, явился профессор Х. Кратцейнштейн. Заслушав указ императрицы об очищении двух речек, коллегия конкретизировала повестку дня: способы очистки, оптимальная высота берегов, контур Глухой речки.

По третьему вопросу (нельзя ли изменить кривизну протока?) консенсус созрел сам собой. Выпря-

475

мить угол, образовавшийся в районе Средней и Вознесенской прешпектив, нельзя, так

как квартал этот густо населен. Со вторым также разобрались быстро: «О укреплении берегов и какою вышиною от воды им быть надлежит иметь рассуждение впредь». Основная дискуссия разгорелась вокруг первого пункта.

Затруднения возникли, когда совещание пришло к выводу, что Фонтанку при очищении необходимо «углубить от самой низкой воды на семь футов, а от ординарной воды на десять футов». Но каков реальный средний и низкий уровень речной глубины, никто не знал. А. Д. Татищев вспомнил, что возле его дома на Фонтанке имеется специальный столб, на котором отмечены как низкая, так и средняя глубины. Этого оказалось недостаточно. Обращение к старым планам фарватера Фонтанки тоже не удовлетворило собравшихся. Информация схем, по-видимому, уже не соответствовала действительности. Значит, «надлежит сделать вновь ныне профиль». Правда, усилий служащего при главной полиции единственного гезеля тут явно не хватит. В итоге все признали, что без помощи четырех офицеров или кондукторов инженерного корпуса не обойтись. Тут же постановили, что «профиль» им должно вычислить и для Глухой речки. Порядок измерения глубин наметили такой: поперек реки проруби делать через сажень, а вдоль по фарватеру — через пять сажен. Приняв решение о подаче на рассмотрение Сената просьбы, касающейся присылки инженеров, участники совещания во втором часу дня разошлись, предварительно выразив желание взглянуть все же на «знак», поставленный у дома генерала-полицмейстера²⁷.

Осень 1755 года для петербуржцев ознаменовалась долгожданным и в то же время неожиданным сюрпризом. 13 сентября с благословения императрицы Сенат отменил сбор мостовых денег со всех проходящих и проезжающих по Исаакиевскому наплавному мосту. Хотя, с проплывавших мимо купеческих судов налог, причем в большем, чем прежде,

476

размере продолжали взимать²⁸. Впрочем, через два месяца ввиду приближения холодов мост разобрали. Так что всю выгоду от бесплатного передвижения по нему жители столицы ощутили уже в новом 1756 году. Плашкоуты отвели к Адмиралтейству на зимнюю стоянку незадолго до 24 ноября — дня, когда Нева окончательно замерзла. Стоявшие несколько недель вдоль берега солдаты вернулись в полки. А горожане с того момента могли без опаски переходить реку по льду. Если забыть о пешеходах, то бурная жизнь, царившая на реке в весенне-осенний период, на вторые полгода практически замерла (праздничные фейерверки и ежегодная церемония водоосвящения 6 января с ноября 1755 года переместились на Мойку). И только в марте нового года с началом таяния снега, появлением по обе стороны реки караула и отчаянной смелости одиночек, бегущих по хрупкому речному льду, очередной сезон на Неве можно было считать открытым.

... Однако разговор о Неве и ее притоках пора завершать. Наступает кульминация апрельского вечера. Императрица со свитой уже давно с нетерпением смотрят на белоснежную гладь реки. Ледовой грохот достиг апогея. Время семь часов пополудни. Еще немного, и... ледяное покрывало ломается. Бесчисленное множество узеньких каналов за считанные мгновения опоясывает пространство реки. Наконец шум ломающегося льда, стихает, и образовавшиеся ледяные островки медленно начинают перемещаться на запад. Нева вскрылась... Тем не менее Елизавета Петровна не спешит покидать набережную. Наблюдая за ледоходом, она время от времени поворачивает голову в сторону Петропавловской крепости, ожидая традиционного салюта. Коменданту крепости и канонирам требуется четверть часа, чтобы подготовить орудия к выстрелу. И вот в семь пятнадцать раздается залп, затем второй и третий²⁹. Пальба оповещает Санкт-Петербург о вскрытии льда на Неве. Теперь императрица может спо-

койно возвращаться домой, в деревянный Зимний дворец на Мойке.

477

Глава 18

На улицах Петербурга

1756 апрель

07. Ездил к В. В. Ф. В Кострому послал письма к бабушке.

10. Ездил к С. Ф. А.

28. Была опера Александра Великого. 30. Была в ночь великая гроза и от грома загорелась Петра и Павла башня: зачало гореть в 5-ом часу пополуночи в 10 минут в середине и башня перегоревши повалилась в 50 минут, а там огонь вниз пошел. А в 6 часу 20 минут зачала крыша церкви гореть, а в 32 минуты зачал нижний ярус гореть. Ав 7 часу в 40 минут зачала гореть глава над алтарем. В 8 часу огня на верху уже не стало видно.

Поездка пажа к Виллиму Виллимовичу Фермеру или Степану Федоровичу Апраксину — дело обыкновенное. Доставка важного послания или какой-нибудь вещи сановному вельможе — одна из прямых обязанностей отроков, дежуривших при императрице. Паж отправлялся в путь, выслушав краткую инструкцию и получив на руки пакет, коробку или сверток. Если ему вручали что-то ценное, то на дворе его поджидала казенная коляска. Но чаще всего молодые люди сбегали с крыльца налегке, упрятав письмо в карман кафтана или повторяя наизусть текст конфиденциального сообщения. Пажи не всегда шагали до пункта назначения пешком. Случалось, что они пользовались услугами томившихся поблизости извозчиков и, таким образом, превращались в участников довольно интенсивного городского дорожного движения, имевшего свои установления и традиции.

Читатель напрасно сомневается в наличии в ту далекую эпоху жестких правил перемещения транспортных средств по российской столице. Елизаветинская дорожная инспекция в лице чиновников главной полицмейстерской канцелярии налагала на нарушителей весьма строгие и беспощадные взыска-

478

ния. Суровость применяемой кары порой могла показаться чрезмерной. Особенно несладко приходилось лейб-компанцам, точнее, их крепостным и имуществу. Генерал-полицмейстер А. Д. Татищев, невзирая на августейшее покровительство чинам Лейб-компаний, спуску бравым солдатам не давал и штрафовал по полной программе. Иной раз лишь заступничество императрицы спасало гвардейцев от совершенного разорения. Вот характерный пример.

4 марта 1755 года к лейб-компании гренадеру и армии поручику Федору Ивановичу Иванову обратился за помощью Алексей Платонов — дворецкий камергера Мартына Карловича Скавронского. Ему понадобилось зачем-то съездить к Симеоновской церкви, что на Литейной стороне, а свободных лошадей в конюшне хозяина не нашлось. Лейб-компа-нец просьбу приятеля уважил, одолжил двух коней со всем «прибором» и своего крепостного Никифора Иванова в качестве кучера. Дворецкий, не мешкая, тут же выехал вместе с Ивановым за ворота двора лейб-компанца. Лошади в сторону Литейной прешпективы бежали быстро. Вскоре сани миновали Летний императорский дворец и спустились на Фонтанку возле Симеоновского моста. Возница, очевидно, не желая терять время в образовавшейся на мосту пробке из множества сгрудившихся экипажей, предпочел переправиться на противоположный берег по льду. Не сбавляя скорость, Никифор Иванов направил лошадей на речку, где вроде бы никто и ничто не мешало проезду.

Однако неожиданно из-под моста вынырнул какой-то мальчонка лет шести. Кучер и

глазом не успел моргнуть. Крикнул только: «Посторонись!» и потянул на себя вожжи. Но, увы, поздно. Малец угодил под самые копыта, хотя под полозья саней, к счастью, не попал. Когда сани остановились, Платонов и Иванов кинулись к нему. Мальчик дышал с трудом. На щеке и над левым глазом у него были кровавые рассеченные раны. Пока любители скорой езды осматривали пострадавшего, к месту дорожно-транспортного про-

479

исшествия устремились люди. Первым примчался некий солдат, оказавшийся отцом ребенка, рядовым Астраханского полка Петром Прохоровичем Чучковым.

Бросившись к мальчику, он стал ощупывать его, бормотать что-то. Потом вскочил и на всю округу закричал: «Караул!»

На зов явилась команда с ближайшего пикета во главе с подпоручиком 1-го Московского полка Константином Ядренцовым. Ездоки попытались оправдаться, но офицер, выслушав обе стороны, велел отвести всех в здание главной полиции. Лошадей и сани пригнали туда же.

Кучеру Никифору Иванову не повезло. Разбором наезда на мальчика занялся лично генерал-полицмейстер Алексей Данилович Татишев. Вельможа прочитал рапорт Ядренцова, в котором подпоручик подчеркнул «резвое скакание на лошадях» крепостного лейб-компанца; ознакомился с версией обвиняемого и дворецкого; поглядел на страдавшего от переломов малыша и тотчас вынес приговор: кучера, превысившего в неположенном месте скорость, бить немилосердно плетью, после чего отослать в Военную коллегию для зачисления в солдаты.

Тщетно лейб-компанец пытался выволить из полиции своего верного слугу и личное имущество. Наказание соответствовало закону. Указ от 23 января 1732 года предписывал всем чинам ездить смирно, ни на кого не наезжать, никого не бить и не топтать; нарушителей подвергали жестокому наказанию. Согласно указу от 20 марта 1742 года, у тех, кто скачет по улицам на «резвых лошадях», то есть очень быстро, лошадей следовало отбирать и отдавать на конюшню Ее Императорского Величества. Существовал еще и указ от 27 декабря 1752 года, по которому лакеям не разрешалось ездить верхом и держать в руках плети; виновных надлежало «сечь немилостиво и отсылать в рекруты без зачету, а хозяев штрафовать денгами по рассмотрению».

Никифор Иванов преступил все три закона: мальчика потоптал (за то бит плетью); ехал резво (лошади и сбруя по праву отданы в придворную конюш-

480

ню); будучи холопом, взял в руки хлыст и правил лошадьми (оттого и угодил в Военную коллегию). Кроме того, с хозяина нового рекрута полиция хотела взыскать штраф — около пятидесяти рублей. А вот сани поручика под конфискацию не попадали, и лейб-компанец мог их забрать в любой момент.

Визит в главную полицию привел Федора Ивановича в отчаяние. Ему оставалось уповать лишь на милость императрицы. 9 марта 1755 года офицер подал в канцелярию Лейб-компаний на высочайшее имя челобитную, в которой умолял защитить от чрезмерных полицейских репрессий. Начальство Иванова поинтересовалось у Татишева о сути дела. 18 марта от него прислали уже знакомый поручику ответ. Правда, с одной поправкой: реальный размер штрафа опустился с пятидесяти до двадцати рублей. Причем генерал-полицмейстер пояснил, что деньги предназначены для лечения сбитого ребенка, и просил, не затягивая, вычесть сумму из жалованья лейб-компанца и вручить ее Петру Чучкову.

Сверив жалобу подчиненного с промеморией главной полиции, командование Лейб-компаний решило поддержать прошение своего гренадера. Соответствующая бумага ушла наверх. Императрица откликнулась через две недели. 5 апреля генерал-по-

лицмейстера уведомили о том, что Ее Величество повелела смягчить законное наказание лейб-компанца: холопа от армии освободить, лошадей и сбрую возвратить. О двадцати рублях в документе ничего не говорилось. По-видимому, штраф офицеру все же пришлось заплатить. 20 апреля Федор Иванов взял под расписку из Военной коллегии Никифора, с трепетом ожидавшего там своей участи почти полтора месяца¹. Строгость кары, опирающейся на статью закона, понятна. Однако А. Д. Татищев настолько не любил лейб-компанцев, что не стеснялся и откровенного произвола. 17 февраля 1755 года на Невской пре-шпективе произошла очередная авария. Порожня придворная карета, выехав с прилегающей улицы на центральную магистраль города, не пожелала при-

К Инсаренко

481

тормозить и пропустить вперед транспорт, двигавшийся по главной дороге. В результате она опрокинула и покалечила всадника Трофима Иванова.

Кто виноват в случившемся, ясно. Свидетелей (в том числе спутников Иванова) — достаточно. Тем не менее главная полиция делает иной вывод и привлекает к суду изувеченного мужика. Почему? Формально за превышение скорости, а фактически, наверное, за то, что тот назвался крепостным лейб-компании гренадера и армии поручика Ивана Михайлова. А раз так, то лошадь — в придворную конюшню, а бедолагу — под кнут. Публичную экзекуцию свершили 20 февраля. Несчастного Иванова водили по городу и на каждом перекрестке награждали ударами кошек и плетей.

После вмешательства царицы мужика и лошадь вернули барину — поручику Михайлову. Но за пережитые обиды и побои никто, разумеется, так и не извинился². Поскольку речь у нас зашла о лейб-компанцах, расскажем о весьма занимательном приключении, выпавшем на долю уже знакомого нам Александра Мартыновича Шванвича.

Во второй половине дня 6 августа 1757 года Александр Шванвич надумал посетить кого-то на Васильевском острове. Лейб-компанец сбежал по лестнице с крыльца дома купца Матвея Кокушкина на Сенной площади и пешком направился к Мойке (скорее всего, по Малой Сарской улице, ныне переулок Гривцова). Там свернул налево и по набережной добрался до Синего моста, где в ожидании клиентов обычно коротали время извозчики.

И, действительно, возле моста Шванвич увидел жившего по соседству извозчика Якова Гаврилова сына Косого — молодого крестьянина, крепостного тайного советника и сенатора Ивана Андреевича Щербатова. Осенью 1756 года двадцатилетний парень приехал в Петербург на заработки из деревни Дорки, что в Романовском уезде. Зарегистрировался в генерал-полицмейстерской канцелярии, после чего снял угол в особняке Матвея Кокушкина, у нани-

482

мавшего тут квартиру калашника Федора Иванова. Платил Яков за постой по восемь копеек в неделю из доходов, какими удавалось разжиться, развозя по столичным улицам военных, чиновников, торговцев и прочую небедную публику.

В отличие от поручика, одетого в повседневный лейб-компанский мундир, крестьянин, которому по указу 29 октября 1745 года полагалось быть в сером кафтане, опоясанном красным кушаком, с личным номером на левом рукаве, соседа по дому не признал. Ну вскочил в одноколку какой-то гвардеец, велел отвезти себя на Васильевский остров в седьмую линию, не указывая к кому, и ладно. Особо не раздумывая, Яков ударил лошадку хлыстом и покатил по Вознесенской прешпективе к Исаакиевскому мосту. В тот же час в том же направлении, но по Невской прешпективе, мчалась запряженная парой коляска секретаря Военной коллегии Алексея Андреевича Немова. Правил

экипажем крепостной кучер Немова Степан Козмин. Он только что высадил детей секретаря — капитана Андрея Алексеевича и поручика Михаила Алексеевича у дворца Алексея Даниловича Татищева на углу Фонтанки и Невской прешпективы и сейчас возвращался на помещичий двор на Васильевском острове.

С Невского коляска повернула на Адмиралтейскую улицу, затем направо, огибая по периметру вал Адмиралтейской крепости. До Исаакиевского моста оставалось совсем чуть-чуть - всего лишь перемахнуть расположенный у самого поворота подъемный мост, перекинутый через Адмиралтейский канал недалеко от церкви Исаакия Далматского. Но тут, совершенно некстати, впереди показалась одноколка с сидящим в ней лейб-компанским офицером, которая также въезжала на подъемный мост.

Степан Коз-мин, имея двух коней, вовсе не желал плестись в хвосте извозчичьей лошадки. Он попробовал обогнать путавшуюся под ногами повозку. Уже за мостом настиг ее, да столь неловко, что едва увернулся от столкновения. Считанные мгновения обе коляски бежали по дороге ноздря в ноздрю, параллельно друг

483

другу, преграждая путь встречному движению, которого, по счастью, не было.

Наконец Шванвич не выдержал и приказал Якову оторваться от назойливого преследователя. Когда Козмин заметил это, то не на шутку разозлился. Уступать дорогу ему не хотелось. Поэтому он замахнулся бечевкой на возницу, да не рассчитал и съездил по плечу лейб-компанцу. Шванвич аж вскрикнул от боли. Впрочем, кучер Немова, видно, сам испугался своей смелости и вместо того, чтобы улизнуть с места происшествия, в растерянности выпустил вожжи из рук, отчего обе лошади замедлили шаг и вскоре остановились.

Разъяренный Шванвич спрыгнул с повозки и подбежал к обидчику, вопрошая: «Кто ты таков? И что себе позволяешь?» Кучер со страху потерял дар речи. Пролепетал себе под нос что-то. Вроде как повинился. Тогда лейб-компанец для порядка врезал ему кулаком по лицу и снова сел в одноколку, приказав извозчику ехать далее.

Не знаю, как объяснить то, что случилось буквально несколько минут спустя. Либо Шванвич ударил чересчур сильно, либо холоп не стерпел унижений со стороны чужого, а не своего барина, а может, сыграли роковую роль иные мотивы. Только неожиданно Степан Козмин стеганул со всего размаха лошадей и пустился в погоню за офицером. Стрелой коляска пролетела по Исаакиевскому мосту, круто повернула налево и по набережной устремилась за одноколкой, поравнявшейся к тому моменту с западным крылом Сухопутного Кадетского корпуса.

Кучер секретаря Военной коллегии, похоже, во гневе плохо соображал, что делал.

Нагнав у моста через канал первой Василеостровской линии извозчичью повозку, он обрушил удары на сидевшего в ней лейб-компанца, без конца повторяя: «Почто бьешь, лейб-компанец?! Почто бьешь?!» Гренадер едва успел вытащить из ножен шпагу, чтобы помешать обезумевшему мужику изувечить себя. Пока обе коляски бок о бок неслись по мосту, мимо сквера, разделявшего 1-ю и 3-ю линии и дома А. Г.

Долгорукова (где в том

484

же году разместилась созданная И. И. Шуваловым Академия художеств), шпага и плеть рассекали воздух, сойдясь в жестоком поединке. Пару раз Шванвич вздрагивал от пронзительной боли в левом плече. Козмину досталось больше. Две глубокие раны на голове с левой стороны, четыре на левой руке выше и ниже локтя, а также рассеченная до губы левая щека — таков итог короткой дуэли кучера с лейб-компанцем, которая прекратилась только после того, как немовские лошади, опередив одноколку, преградили ей путь перед домами Головкина и Морского кадетского корпуса.

Шванвич тотчас выпрыгнул из повозки, крикнул Якову Косому, чтобы тот ехал (забыв при этом заплатить извозчику условленную сумму), а сам убрал шпагу в ножны и отправился пешком к седьмой линии, не обращая внимания ни на утратившего самоконтроль холопа, ни на двадцать или тридцать человек, что приближались со стороны дворца Меншикова с криками «Держи его! Держи!».

Кучер тоже слез с коляски и побежал за Шванвичем. Остановил его у крыльца дома Головкина, который принадлежал труппе первого русского театра А. П. Сумарокова, и опять начал приставать, повторяя как заведенный: «За что ты меня бьешь?» Лейб-компанец отмахнулся и зашагал дальше. Козмин - за ним. В это время группа людей, выражая явное сочувствие к порубленному простолюдину, добралась до упомянутого крыльца, а спустя полминуты окружила драчунов подле Морского кадетского корпуса. Шванвич вновь вытащил из ножен шпагу, но, осознав вскоре, что силы неравны, бросил клинок на землю и кинулся к крыльцу головкинского дворца. Мужики разгадали маневр, схватили гренadera за руки, за полы кафтана и принялись избивать. Солдат Астраханского полка Федор Петров, стоявший на часах во дворце, в сенях, двери из которых выходили на крыльцо, уже давно наблюдал за разгоревшимся конфликтом, в точности соблюдая приказ господина Сумарокова не вступать в уличные драки и ссоры. Однако когда лейб-компанец попробовал

485

подняться по ступенькам на крыльцо, с трудом отбиваясь от наседавших на него людей, караульный вызвал командира — фурьера Михаила Чалова. Чалов вышел на крыльцо и, увидев взбравшихся по лестнице окровавленных соперников, объявил им, что впускать в помещение никого не станет, ибо имеет на сей счет письменное распоряжение директора театра. Затем вернулся в дом, предварительно усилив часового Петрова рядовыми Петром Трофимовым, Федором Афанасьевым и Филатом Тимофеевым.

Поняв, что спасения не найти, Шванвич капитулировал и полностью отдался на милость победившей толпы. Тогда, отвесив обидчику изрядное число тумачков, четверо мужиков взяли лейб-компанца за руки и повели к рогаточной будке. Кто-то подобрал валявшуюся на мостовой шпагу. Другие воинственно продолжали вопить: «Бей его хорошенько! Но так, чтобы дух не вышибить!» А третьи не утерпели и полезли обчищать карманы гренadera. Мало того, что Шванвич обронил в баталии шляпу с золоченым га-сом (стоимостью в 14 рублей 50 копеек) и шпагу с серебряным эфесом (ценою в 33 рубля), чуть не потерял пятирублевый парик, который в пылу борьбы сбился на бок, окружившая пленника чернь не постеснялась отнять золотые часы (45 рублей), серебряные монеты (всего на 33 рубля) и две серебряные запонки (3 рубля). Причем открытый разбой не посчитали нужным пресечь караульные с ближайшей рогаточной, которые, выслушав добровольных помощников полиции, поймавших и избивших в кровь «нарушителя порядка», решили отвести его на васи-леостровскую съезжую, располагавшуюся на девятой линии, и лично возглавили многолюдную процессию.

Безобразную сцену ограбления и избиения заметил возвращавшийся на службу солдат Преображенского полка Леонтий Сергеев. Путь его лежал через кадетский корпус и соляные амбары. Недалеко от амбаров, в переулке сразу за рогаточной будкой, внимание преображенца и привлекло необычное шествие. Он возмутился поведением двух десятков конвой-

486

ров, бивших и толкавших в спину арестанта, шаривших по чужому карману и бранившихся скверными словами.

Лейб-компанец, лишившийся к тому времени и парика, попросил мужиков освободить

ему руки, обещая не сопротивляться и самостоятельно дойти до съезжей. Мужики просьбу не выполнили. Тогда, «сожалея об оном гранадере», солдат Сергеев острожно полюбопытствовал у наиболее активных поборников справедливости, за «что они так бесчело-вечно быют и тащат» офицера. Ведь если тот в чем виноват, то можно подать жалобу по команде. Мужики указали на бежавшего поблизости и изредка бывшего лейб-компанца «порубленного» человека. Шванвич же, завидя незнакомца в военном мундире, стал умолять его не дать в обиду сослуживца. Преображенец внял призыву и зашагал рядом.

Когда миновали Андреевский рынок и подошли к церкви Святого апостола Андрея Первозванного, то увидели ехавшего навстречу полицейского капитана. Ему и предъявили арестанта. Капитан, ознакомившись с делом, отослал раненого Козмина на съезжую, а Шванвича и Сергеева повел на свою квартиру, после чего толпа разошлась. Допросив у себя в доме лейб-компанца, преображенца и чуть позже кучера, офицер полиции отпустил военных, а серьезно пострадавшего возницу препроводил при рапорте утром 7 августа в здание главной полиции на Невской прешпективе. Затем состоялось следствие. Козмин дал противоречивые показания. Называл местом происшествия то площадь перед Исаакиевским мостом, то прилегающую к деревянному Зимнему дворцу часть Невской прешпективы. Обвинял преображенца Сергеева в получении взятки от Шванвича в размере двух рублей, что случилось то ли возле Морского кадетского корпуса, то ли у василеостровской съезжей на девятой линии. Красочно описал, как лейб-компанец садистски истязал его левую руку, пока он в беспамятстве лежал на мостовой набережной Невы. Однако свидетельства главных участников драмы — извоз-

487

чика, солдат-астраханцев и преображенца — практически совпали с утверждениями Шванвича и уличали несчастного кучера в преднамеренном искажении фактов³. 19 сентября 1757 года следственная комиссия при Лейб-компании, выяснявшая степень вины Шванвича, вынесла оправдывающий поручика вердикт: «...И тако, по вышеписанному обстоятельству дела, он, Шванович, порубление учинил оному человеку Козмину, обороняя себя, а он, Козмин... не мало в том состоит виновным, ибо сам начало ссоры учинил»⁴.

А вот другой эпизод из практики столичного извоза. Днем 19 июня 1760 года крестьянин Романовского уезда Игнат Сидоров, крепостной действительного статского советника Якова Андреевича Маслова, притормозил свою лошадку возле Морского рынка. Поблизости стояло еще несколько одноколок. Вскоре к извозчикам приблизились четыре человека. На ломаном русском языке они предложили мужикам подрядиться до вечера (кстати, извозчикам платили по тарифу — десять копеек за час с лошади): съездить на Слоновый двор, после чего вернуться в город на Миллионную улицу. Три возницы, в том числе и Игнат Сидоров, согласились за полтора рубля (по пятьдесят копеек каждому) скоротать остаток дня в компании иноземцев. По Садовой улице и Невской пре-шпективе коляски помчались к Александро-Невской лавре. Слоновый двор размещался недалеко от монастыря. Стоянка там не слишком затянулась. Иностранцы, поглазев на диковинных зверей, вновь расселись по местам, и велели возвращаться. Расстояние от зверинца до Аничковых ворот также преодолели с ветерком. На Невском извозчики сбавили скорость, а поравнявшись с каким-то трактиром, и вовсе остановились: седоки пожелали выпить и перекусить.

Пока господа веселились в герберге, хозяева лошадок примостились в сторонке, увлекшись непринужденным разговором. Окончания трапезы ждали «часа с три». Наконец клиенты, покачиваясь, вышли на улицу и разбрелись по одноколкам. До двора французского посольства в конце Миллионной у

488

Красного канала изрядно подвыпивших иноземцев мужики довели без приключений. Когда четверо приятелей, едва держась на ногах, слезли с колясок и заглянули в карманы, то вытащили оттуда лишь две полтины — все, что осталось после кутежа в трактире. Отдав монеты двум товарищам Сидорова, французы поплелись к воротам посольского дома. Оба извозчика, довольные выручкой, уехали, а обделенный крепостной кинулся за иностранцами требовать плату за работу.

Очень быстро диалог на повышенных тонах вылился в банальную потасовку. Хмель ударил в голову французам. Трое набросились с кулаками на извозчика, четвертый взобрался на одноколку и погнал ее прочь. Сидоров изловчился, ускользнул от лупившей его троицы и устремился за коляской, крича на всю округу «Караул!*. Вора настиг. Чо вряд ли бы он совладал в одиночку с лакеями французского посла, кабы не подоспела подмога — рогаточные часовые Симон Бутылин и Егор Курбатов (дежурные от домов камергера С. П. Ягужинского и ротмистра Конной гвардии Н. Шаховского). Бутылин захватил шустрого француза, едва не угнавшего одноколку, и уже собирался вместе с Курбатовым препроводить того на съезжую. Однако подбежавшие собутыльники отбили коллегу у часовых и немедленно ретировались на посольский двор — территорию, защищенную дипломатическим иммунитетом⁵.

В тот раз четверым расшалившимся во хмелю французам повезло — помогли высокие заборы посольства. А вот два их соотечественника спустя пару месяцев познакомились-таки с тюрьмой главной полиции.

5 сентября 1760 года в одиннадцатом часу вечера солдаты, стоявшие в карауле «при канцелярии формированного корпуса» в принадлежавшем П. И. Шувалову доме, услышали со стороны Вознесенской прешпективы звон клинков. Похоже, кто-то скрестил шпаги на набережной Мойки, очевидно, возле владений камергера Корфа. Неужели дуэль?! Караульные немедленно доложили о подозрительном

489

шуме капитану Журавлеву, который с несколькими солдатами устремился к дому Николая Андреевича. Они с трудом различили в ночной темноте две фигуры «против угла двора» камергера императрицы. Один лежал на земле, а другой бил противника неким продолговатым предметом — то ли шпагой, то ли палкой. Завидев солдат, незнакомец бросился наутек. За ним, вскочив, последовал и потерпевший. Обоих беглецов быстро догнали и взяли под стражу. Однако оружия при них не обнаружили. Нарушителей общественного спокойствия сразу же отвели в канцелярию Шувалова, где выяснили личности, а затем при рапорте доставили на съезжую, откуда утром 6 сентября отправили под конвоем в здание главной полиции у Зеленого моста. Дуэлянты оказались французами. Имевший на щеке едва зажившую «порубленную рану» назвался Жаном Филипом. Уроженец Лювениля, он приехал в Россию год назад в свите генерал-поручика Рязанова, получил у французского посла Лопиталья паспорт и поселился по найму у капитана лейб-гвардии Семеновского полка Шепелева. Второй — Жан Дюран, парижанин. В качестве слуги французского инженера Ос-доя попал в Петербург в декабре 1759 года. Через шесть месяцев, когда хозяин собрался по делам в Москву, уволился и вскоре пристроился учителем к детям полковника, в прошлом любимого придворного певчего императрицы, Кирилла Степановича Рубановского. В тот злополучный вечер оба иноземца в одном из гербергов на Большой Морской улице по примеру русских офицеров стали играть в бильярд на вино. Ну и перебрали малость спиртного. Совершенно пьяными покинули трактир и поплелись на квартиру месть Филипа. По Синему мосту пересекли Мойку и повернули направо. Идя вдоль берега речки, им вздумалось немного пошутить: не вынимая из ножен, помахать шпагами. О дуэли даже не помышляли. Не успели шутники сделать несколько взмахов, как на них неожиданно напали стоявшие поблизости в карауле солдаты.

«упал на мостовую и ушиб щеку». В суматохе шпаги потеряли. Видно, их потом «незнаемо какие люди унесли». Такую версию происшедшего выдвинули французы и в канцелярии, и на съезжей, и в главной полиции. Впрочем, в том, что фехтовали понарошку, никого не убедили. Полицейские, не без оснований, считали Филипа и Дюрана настоящими дуэлянтами, однако штрафовать иностранцев без позволения Коллегии иностранных дел не рискнули. Исполняющий обязанности генерала-полицмейстера Михаил Титов направил 8 сентября М. Л. Воронцову соответствующий запрос.

Министр прислал ответ 29 сентября 1760 года: так как конкретные доказательства поединка отсутствуют, то подозреваемые «-остаются виновными в том, что в позднее время шли пьяные и между собой подрались... но, как сие между ими бывшее произшеств-вие... болшого уважения не заслуживает, а с означенного времени, чаятельно, содержатся они в главной полицмейстерской канцелярии под арестом, то Коллегия иностранных дел разсуждает тем людям, яко иноземцам и здешних прав не знающим, вместо штрафа вменить бывшее им до ныне под арестом содержание...»⁶. Поединками, официально запрещенными и сурово каравшимися, во времена Елизаветы «забавлялись», главным образом, иноземцы. Россияне развлекались по-иному. Они, обычно в праздничные дни, сходились стенка на стенку в «кулашном бое», обременяя подчас немалыми хлопотами стражей порядка. 25 ноября 1756 года, полагая, вероятно, что начавшаяся грандиозная реконструкция Зимнего каменного дворца на какой-то период лишила Миллионную статуса главной улицы города, некоторые несознательные подданные учинили возле опустевшей резиденции императрицы мордобой. И место выбрали примечательное — восточное крыло Адмиралтейского луга «против дворов цесарского посланника и господина гофмаршала и ковалера Шепелева». Государыню незамедлительно известили об устроенном для Эстергази и других вельможных зрителей

491

показательном выступлении поклонников кулачных состязаний.

Однако аристократический квартал — не ярмарочная площадь. Елизавета Петровна потребовала как можно быстрее пресечь творившееся под окнами австрийского посольства безобразие, а виновников «переловить». Два десятка солдат дворцовой охраны — сводная команда конной и пешей гвардии — устремились вниз по Большой Луговой и Невской прешпективе. Пользуясь темнотой, гвардейцы окружили увлеченных кулачной схваткой мужиков. Застигнутым врасплох молодцам ничего не оставалось, как сдаться. Правда, один хитрец попытался обмануть военных: упав в суматохе первых минут на землю, притворился мертвым, но его сразу же разоблачили. Двенадцать арестантов отвели на гауптвахту караула лейб-гвардии. Там выяснили личности задержа-ных. В кулачном поединке на Адмиралтейском лугу участвовали шесть крепостных, в том числе два холопа А. Г. Разумовского, и шесть вольных — адмиралтейский плотник 3-го класса, профос, гренадер Тобольского пехотного полка, копиист Придворной конторы, писарь и придворный конюх. Зачинщиком оказался человек регистратора Кабинета Ее Величества Облеухова Евдоким Иванов. Его и подвергли безжалостной экзекуции — в присутствии подельников «штрафовали жестоко батожьем», после чего вернули хозяину. Остальных отпустили по домам. За исключением неудачливого притворщика — плотника Михаила Козмина. Того отослали под караулом в Адмиралтейскую коллегия на суд главного командира, то есть генерал-адмирала М. М. Голицына. Ну а главной полиции строго-настрого велели смотреть за тем, чтобы «впредь в такие высокаторжественные дни и в балы близ

Двора Ее Императорского Величества кулашного бою не было»⁷.

Впрочем, в генерал-полицмейстерской канцелярии кулачные сражения, как и дуэли, которыми еще не успели заразиться россияне, не считали серьезными проблемами.

Иное дело воровство и грабеж —

492

весьма распространенное явление, особенно в вечерние часы. Для борьбы с этим злом создали целую систему караульных постов. В административно-территориальном плане Санкт-Петербург делился на шесть частей — Адмиралтейскую, Литейную, Московскую, Васильевскую, Петербургскую и Выборгскую. В каждой части имелась своя съезжая. По согласованию с ними главная полиция договаривалась с Военной коллегией об установке пикетов в самых важных местах города. У здания полиции располагалось больше всего солдат — около десятка. В два раза меньше давали съезжим Адмиралтейской стороны и Васильевского острова. Литейная, Выборгская, Московская и Петербургская съезжие довольствовались двумя-тремя гарнизонными солдатами. Уличные пикеты состояли, в основном, из трех рядовых и одного унтер-офицера. И лишь в наиболее опасных точках численность стражников достигала пяти (у Синего моста), а то и более десяти человек (у Гостиного Двора). Причем возглавлять их мог и обер-офицер.

Пикетами охрана порядка на улицах столицы не ограничивалась, ибо с ними на протяжении всего ночного времени поддерживало связь и взаимодействовало низовое звено — два рогаточных часовых с трещотками. Им также полагались будка и рогатка, которой на ночь перегораживался проезд по улице. Рогаточные контролировали те участки, которые выпадали из поля зрения пикетов, и в случае чего трещотками или криком звали на помощь. На смену наряжали поочередно от каждого дома, прилегающего к данному посту, одного человека — кого-либо из дворовых мужчин⁸.

Вполне эффективно эта система функционировала в центре города — в Адмиралтейской, Литейной и в какой-то степени Васильевской частях. На окраинах — от набережной Фонтанки и далее (за исключением слобод лейб-гвардии Семеновского и Измайловского полков), на Выборгской и Петербургской стороне — уже следовало держаться настороже и быть готовым к нападению. Ходить ночью в одиночку по предместьям не рекомендовалось.

493

21 ноября 1755 года лейб-компания гренадер Семен Маслов во втором часу дня направлялся из корпуса на квартиру и по дороге, у Обухова моста, встретился с сослуживцем, гренадером Иваном Вятчениновым, который предложил навеститься в гости к капралу лейб-гвардии Семеновского полка Тыркову. У гостеприимного семеновца просидели до семи часов. Когда шли назад к Обухову мосту, то недалеко от него, у царского псарного двора, поблизости от кабака, прозванного в народе «Воронцов», Маслов чуть приотстал от Вятченинова. А напротив псарного двора тогда строили здание полкового госпиталя. Вечером, естественно, там никто не работал, и на участке царила подозрительная тишина. Вот оттуда и налетели на Ивана Вятченинова несколько грабителей. Лейб-компанец изловчился и убежал от них. Тогда разбойный люд накинулся на подошедшего Маслова. С него сняли василькового цвета епанчу с рукавами, портупю и тесак. В это время со стороны Обухова моста в слободу Измайловского полка возвращался солдат Иона Арчаков, отлучившийся из казарм на четыре часа, чтобы купить на Морском рынке «харчу». Измайловец тоже подвергся атаке грабителей, лишился своей шпаги и, наверное, не только ее. Обчистив солдат, неизвестные скрылись с места преступления. Понятно, что в ту эпоху розыск неузнанных потерпевшими лиц — мероприятие безнадежное⁹.

Однако если пострадавший мог указать на того, кто причинил ему ущерб, кара обычно

настигала виновного. 13 ноября 1756 года придворный певчий Михаил Лем очень поздно покинул дом полковника Марка Федоровича Полторацкого, где отмечалась свадьба служившего при кадетском корпусе поручика Аничкова. Торопливо шагая по мостовой, Лем пересек Невскую перспективу и подошел к Казанскому собору. Здесь-то на него и набросились два человека в гренадерской форме. Они попытались стащить с певчего дорожную шубу. Лем закричал: «Караул!» Но прежде успел разглядеть нападавших и вспомнить, что видел их на свадьбе поручика.

494

Так как дело происходило в центре Петербурга, сгущба охраны порядка сработала четко. На зов певчего сбежались люди — рогаточные и пикетные караульные. Грабители кинулись наутек. Солдаты устремились за ними. Лем предупредил, что задержать нужно двух гренадер Тобольского пехотного полка. Служивые свой долг исполнили и поймали не двух, а даже трех тобольцев. Под утро арестантов разместили на полковой гауптвахте, после чего певчего пригласили на опознание. Михаил Лем с визитом повременил, а потом вдруг выяснилось, что на свадьбе Аничкова никто из офицеров и солдат Тобольского пехотного полка не присутствовал. Так следствие, ходом которого интересовалась сама императрица, едва не зашло в тупик. Ситуация изменилась после вмешательства М. Ф. Полторацкого. Не зря певчий утверждал, что грабители — участники свадебной церемонии. Полковник навел справки и подкорректировал свидетельство Лема: на грабеж решились два гренадера не Тобольского полка, а Ладожского батальона. В итоге на девятый день дознания справедливость восторжествовала: невинных солдат освободили, а уличенных в преступлении били батогами и прогнали сквозь строй¹⁰.

Да, на улицах Петербурга случалось всякое. Даже международные конфликты, когда из-за языкового барьера стороны порой превратно толковали поступки друг друга. Вечером 1 января 1757 года в Зимнем дворце на набережной Мойки в честь главного зимнего праздника государыня по обыкновению устроила бал. Сиятельные дамы и кавалеры танцевали, беседовали, угощались и веселились в галерее, а также в смежных с нею комнатах. Между тем низшие придворные чины в расшитых золотом и серебром статс-ливреях прислуживали знатым гостям, каждый согласно возложенным на него обязанностям. В одиннадцать часов пополудни собравшаяся публика из окон дворца с удовольствием посмотрела на фейерверк, осветивший берега Мойки, который гармонично увенчала зажженная на прилегающих к дворцу улицах и возле домов иллюминация.

495

Бал закончился глубоко за полночь. Царица сразу после фейерверка, а великий князь с супругой, отведав с более сотней гостей вечернее кушанье, скрылись в личных апартаментах. Имевшие во дворце собственные покои близкие к Ее Величеству и Их Высочествам персоны последовали примеру августейших особ. Разъехались по домам сановники с женами. И только дежурившая в тот день команда obsługi во главе с гоф-фурьером задержалась на пару часов «при своих должностях», чтобы прибрать галерею с комнатами, разнести посуду по кухням, погасить свечи в паникадилах, кронштейнах и стеновых шандалах. Завершив работу, в пятом часу ночи 2 января все отправились по квартирам. Камер-лакей Федор Поплевин и лакей Алексей Васильев вдвоем спустились по Луговой улице к Неве. По льду реки перебрались на Васильевский остров и, обогнув здание Академии наук, зашагали по стрелке к Малой Неве, дабы перейти на Петербургскую сторону...

Тем же вечером 1 января 1757 года уроженец прусского города Клеве, двадцатилетний Герман Мамнес Лиферс, стоял в толпе петербуржцев и, затаив дыхание, наблюдал за искусством русских фейер-веркеров. «По данному пушечной пальбой сигналу» на

льду Мойки, напротив деревянного Зимнего дворца «пред покоями Ея Императорского Величества» по периметру занятой фейерверком сцены, зажглись белые огни. С возведенной спереди балюстрады помпфейеров — круглых деревянных столбов в аршин высотой — забили огненные фонтаны. С деревянных спусков и будок взвились в небо верховые ракеты: холостые — шлаги — оглушили зрителей сильным треском и осветили белым огнем окрестности; бумажные снаряды, наполненные «звездками», рассыпали над площадью разноцветные узоры. А внизу, на устойчивых стержнях завертелись, поочередно зажигая друг друга, ракеты на горизонтальных и вертикальных колесах.

Народ зачарованно глядел на море огня до тех пор, пока не сгорела последняя ракета. Прелюдия закончилась. Начался сам спектакль. В дело вступили

496

«планные фитили», выложенные по контуру рисунка на широких досках. Зажженные первыми явили публике Россию, восседающую «под покровом сияющего имени Ея Императорского Величества... посреди великолепного и из столбов составленного амфитеатра-». По одну сторону от нее находилась аллегория «цветущего состояния» империи в мирное время, по другую — боевой мощи страны в дни войны. Вокруг России, между столбов амфитеатра возвышались статуи, олицетворявшие «Благополучие Российской Империи... — здравие Ея Императорского Величества, славу ея добродетелей, богатство государства, почтение государства в чужестранных землях, славу в войне, цветущее состояние наук... художеств и коммерции».

Позволив зрителям насладиться общей панорамой, помощники М. В. Данилова, раненного при зажигании первого шлага, ловко завалили вперед или назад массивную декорацию и стали заливать ее водой (в сторону нельзя — не получится потушить быстро), попутно запалив второй «план». На площади показались четыре младенца — символы Гения, Усердия, Верности, Благоговения и Благодарности, возлагающие на алтарь, созданный в честь государыни, «всеусердную свою жертву, которая разгоралась высоким пламенем».

Однако самый сильный эффект на собравшийся народ произвела картина третьего акта: вновь возникли амфитеатр и образ России, а на горизонте — «число нового 1757 года, движущееся в светлой дуге от востока к западу. А над оною видно было в круге, наподобие солнца сияющем, небесное благословение, держащее рог изобилия над числом новаго году и над Россиею. Причем... фигуры Благосостояния Российския Империи переменяясь, являлись в возобновленном сиянии», то есть очертания статуй, снабженных несколькими линиями фитиля, то погружались в полумрак, то вновь озарялись ярким светом.

И вот — финал. Вторая партия верховых ракет устремилась ввысь, с треском осветив разноцветным салютом сверкающее полотно с изображением Рос-

497

сии. Опять завращались огненные шары на стержнях, и забили фонтаны (те же ракеты, но с большим содержанием пороха; водные фонтанные ракеты назывались дукерами). И, наконец, главный сюрприз: словно из-под земли (из зарытых в лед по самый верх ландсугелей — деревянных ящиков, наполненных звездками, шлагами и шверманами, крутящимися на земле ракетами) с невообразимым шумом вырвались искрящиеся павлиньи хвосты. Зажженная в тот же миг иллюминация (ряды плашек на окнах и крыльце дома или сооруженное на улице живописное панно, освещенное сзади теми же плашками да фонарями) во дворцах на Невском и набережных Мойки, примыкавших к месту красочной феерии, окончательно превратили ночь в день. Когда фейерверк погас, все стихло, и люди, оживленно обсуждая увиденное, стали расходиться, Герман Лиферс в восторге поспешил на Васильевский остров, в

располагавшийся рядом с Биржей трактир иноземца Люнта. Ему не терпелось поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями. Вероятно, он надеялся повстречаться в трактире с приятелем — голландским шкипером Меноном Сейденом Плюгером, на корабле которого «Принц Фердинанд» 11 октября 1756 года в поисках счастья и работы приехал в Россию. Сапожнику из Клеве фортуна не улыбнулась ни в Амстердаме, ни в Роттердаме, ни даже в Париже, где молодой мастер с позволения отца — Антона Лифер-са, плавильщика с монетного двора герцогства Клеве (в составе Пруссии) — безуспешно пытался обосноваться. Затем судьба занесла начинающего ремесленника в Руан. Там Герман и познакомился с французенкой госпожой Вефбине. Мадам собиралась в Россию, чтобы послужить в должности поварихи у весьма влиятельного тамошнего купца Мишеля. Вместе с нею на голландском шмаке в далекий Петербург хотели отвезти экипаж нового французского посла Поля-Франсуа де Галюцци, маркиза Лопиталья.

Неизвестно, чем подданный прусского короля приглянулся женщине и тем, кто зафрахтовал голландское судно, но он взошел на борт корабля Плю-

498

гера и, переплыв Северное и Балтийское моря, попал в Кронштадтском порту в руки чиновников Адмиралтейской коллегии как беспаспортный пассажир. Мадам Вефбине, кстати, тоже. Выяснив личности вояжеров, подчиненные М. М. Голицына передали сапожника и повариху под расписку господину Ивану Мишелю, у которого «от Невской прешпективы во второй линии»¹ (то есть на Итальянской улице), «позади римской кирпичи» они и поселились. А шкипер Плюгер за поздним осенним временем зазимовал с кораблем в России, сняв квартиру на Васильевском острове у трактирщика Люнта. Хотя в России сапожным мастерством Лиферса не слишком заинтересовались, унывать заезжему гостю не довелось. Путешественник оказался хорошим помощником и купцу Мишелю, и, главное, меье Жане-су — доверенному лицу маркиза Лопиталья. Оба француза в преддверии приезда нового посла улаживали различные организационные вопросы, в том числе вели переговоры о найме пригодного для размещения посольства двора на Миллионной. В декабре 1756 года эту проблему решили, и Герман Лиферс с позволения господина Мишеля недели за две до православного Рождества переехал в арендованное здание С. Ф. Апраксина у Красного канала в качестве будущего члена посольской свиты...

Шкипера Плюгера в трактире Люнта уроженец Клеве не обнаружил, и тогда восхищенный зритель поведал о замечательном фейерверке хозяину гер-берга. Его мнение поддержал некий голландский матрос, прибывший на день из Кронштадта в Петербург исключительно ради того, чтобы полюбоваться фейерверком. Остаток ночи моряк предпочел провести в заведении Люнта. Там, очевидно, и познакомился с непоседливым немцем. За беседой распили бутылку хорошего вина. Потом голландец и Лиферс загорелись желанием посмотреть, не продолжают ли русские фейерверкеры до сих пор баловать публику своим искусством у Зимнего дворца. На улицу вышли часу в пятом пополудни. Обойдя дворы Лопухина, Милославского, Голицына, Демидова и Строга-

499

нова, иноземцы через стрелку острова мимо пикета караульных солдат и пустовавшего помоста иллюминационного театра (прежнего места проведения фейерверков) направились к корпусу Академии наук.

Вскоре оба путника различили в кромешной темноте две человеческие фигуры в развевавшихся на ветру красных епанчах, приближавшиеся к ним со стороны Академии, — то были упоминавшиеся выше камер-лакей Федор Поплевин и лакей Алексей Васильев. Больших опасений они у иностранцев не вызвали, посему те без

тени беспокойства продолжали свой путь. И вдруг немец почувствовал сильный удар в плечо...

В свою очередь, Федор Поплевин едва удержался на ногах после болезненного толчка, которым наградил его прохожий господин в «немецком платье». Возмущенный придворный служитель выругался и закричал на обидчика: чего, мол, толкаешься. Однако, к его удивлению, невежа вместе со своим приятелем в матросском бостроге не проронили в ответ ни слова и только отступили на несколько шагов. Хладнокровие незнакомцев чрезвычайно разозлило лакеев. Поплевин бросился к высокомерному кавалеру, ухватился за борт редингота и в ярости повторил вопрос...

Плохо разбиравший русскую речь Герман Лиферс не мог понять, чего от него хотят. На всякий случай он опустил руку на пояс, коснувшись спрятанного в ножны кортика. И не напрасно. Спустя мгновение тот русский, что пытался сбить немца с ног, неожиданно кинулся на него и ударил кулаком в грудь. Рывком подавшись назад, Лиферс отстранился от нападавшего и несколько раз взмахнул кортиком, похоже, задев лезвием кого-то из противников. После чего развернулся и, забыв о голландце, побежал к зданию Академии. Но затем, наверное, вспомнив о компаньоне, остановился, отдышался и зашагал обратно...

Кортик, блеснувший в руках молчуна, Поплевиному не причинил вреда, зато порезал в двух местах рукав епанчи Васильева. Сильно напуганные придворные закричали: «Караул!» И правильно сделали, поскольку вооруженный преступник тут же бросился наутек. А с изумлением взиравший на происходящее и ничего не

500

предпринимавший матрос был пленен лакеями, отведен на ближайший пикет и отдан Астраханского пехотного полка ефрейтору Фазилю Исмаилову и гренадерам Андрею Познякову, Ахмеру Смаилову, Гавриле Мелникову. Пока караульные знакомились с голландцем, мимо пикета прошел какой-то человек с обнаженным кортиком. Слуги Ее Величества опознали в нем своего обидчика. В итоге гренадеры взяли Лиферса под арест. А Поплевин с Васильевым, записав имена солдат, отправились к себе на квартиру.

Утром 2 января месяе Жанес, обеспокоенный отсутствием Лиферса, стал искать запропавшего помощника, а обнаружив бедолагу на василеостровском пикете, расспросил о причинах заключения под стражу. Вызволять из заточения узника патрон решил довольно оригинальным способом. Агент Ло-питаля, не мешкая, нанес визит господам Поплевиному и Васильеву и настоятельно попросил их вместе с ним поехать на Большую Морскую улицу к шаршда-феру Дукласу «для получения надлежащей сатисфакции», ибо задержанный ими человек состоит в свите нового французского посла. Однако лакеи на уговоры не поддались, сославшись на то, что не имеют на то дозволение обер-гофмаршала Д. А. Шепелева. Тогда Жанес поехал ходатайствовать о Лиферсе к Дмитрию Андреевичу, а Поплевин с Васильевым устремились к пикету, чтобы забрать и отвезти (под конвоем двух гренадер, разумеется) арестантов в Придворную контору, то есть к тому же Шепелеву или гофмаршалу Нарышкину.

В придворном ведомстве матроса и сотрудника французского посольства допросили. Лиферс признался в размахивании кортиком и в «посекании лакея» Васильева. Голландец слова товарища подтвердил, после чего он, «яко человек невинной*», обрел свободу. А незадачливого «француза» под охраной доставили в дом генерала Албрехта на Большой Морской улице. Шевалье Дуклас, увидев господина Лиферса, весьма удивился и вконец запутал подопечных Шепелева, заявив, что не знает сего иноземца и никого «для прозбы об нем к Его Превосходительству

501

обер-гофмаршалу» не посылал. Однако Лиферс продолжал настаивать на

принадлежности к французскому посольству. Делать нечего. Шепелев велел сдать немца в главную полицию. Но там просветили: следствие над иностранцем — прерогатива Коллегии иностранных дел.

Так 6 января 1757 года несчастный поклонник русских фейерверков оказался в ведомстве А. П. Бестужева-Рюмина, где к нему отнеслись более дружелюбно. Здесь быстро догадались, что происшествие на стрелке Васильевского острова — досадное недоразумение. Потому юношу 24 января отпустили с голландским шкипером Карлом Амелем на свободу «с таким обязательством, что оному Лиферсу без указа Коллегии ис Петербурга никуда не выезжать». Но чтобы рассеять все сомнения, 31 января допросили дежуривших в ту ночь на пикете нижних чинов. Те о столкновении «на дороге у Академии» ответили практически одинаково: «в чем у них» ссора «сталась, я не знаю, и не слышал... и не видал»¹¹. На этом, по-видимому, новогоднее приключение прусского подданного Германа Лиферса на улицах Петербурга и завершилось.

Глава 19

За обеденным столом

1756 май

01. Ртищев Яков Петрович отпущен. 05. Государыня и Их Высочества изволили перейти в Летний дом. Государыня в 3-ем часу к обеденному кушанью, Их Высочества по обеденному кушанью, а В. К. Щавел]

П[етрович] в 5 часов после обеда.

20. Был именинник: минуло 21, пошел 22.

31. Покрыли Петра и Павла церковь деревянной кровлей.

«...Вода и чистая земли и камни не имеют никакого иного цвету, кроме белого, то есть все три рода эфиров отвращают, не отняв коловратного их движения. Сие сходствует с вышепоказанным, что они с

502

эфиром имеют мало совмещения. Напротив того, черные тела всегда бывают из многих разных материй смешены и, с эфирами всех родов будучи совместны, коловратное их движение препятствуют, без которого не может в оке изображено быть чувство какого-нибудь цвета...»

Нет, это не застольная беседа праздных философов и не урок физики за чашкой чая для вельможного отпрыска. Мы имеем честь присутствовать в Большом зале Конференций в здании Академии наук и вместе с разными знатными и духовными персонами, министрами и придворными кавалерами, а также со многими другими господами и любителями знаний слушать первого русского профессора Михаила Васильевича Ломоносова. Сегодня, в понедельник 1 июля 1756 года, прославленный ученый читает в публичном академическом собрании «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее».

Время — одиннадцатый час пополудни. Лекция академика близится к завершению. Он уже упомянул «мнения» Гюйгенса, Гассенди, Декарта и Ньютона о природе световых явлений. Рассмотрел три вида движения — «текущее», «коловратное» и «зыблю-щее» — и, приводя примеры из повседневной жизни, признал причиной света колебательное перемещение «эфирных частиц». Сослался на свои теории о поверхности частиц, способствующей и не способствующей их сцеплению друг с другом, и о разделении всех «эфирных частиц» по величине на три обособленных рода, сочетающихся с тремя материальными частицами — соляными, ртутными и горючими (или серными). Они вращаются вокруг оси, то есть «коловратно», и, отскакивая от тел, позволяют наблюдателю видеть цвета: большие — красный, средние — желтый, а мелкие — голубой.

Затем академик объяснил публике суть процесса: «Когда солнечные лучи свет и теплоту на... тела простирают, тогда зыблющимся движением эфирные шарички к

поверхности оных прикасаются и прижимаются, коловратным движением об оную трут-
503

ся... Совместныя эфирныя частицы сцепляются с совместными себе частицами... материй». Если при соединении эфирные частицы сталкиваются со всеми тремя материальными антиподами и перестают вращаться, то «тела показываются тогда черными». Если парных частиц на поверхности нет, вращение и колебания эфирных продолжается, и в глаза бросается белый цвет. Если на предмете есть кислота, то она нейтрализует большие частицы, отчего вращающиеся средние и малые дадут совмещенный желто-голубой цвет — зеленый. И по аналогии, ртуть поглотит желтый цвет, горючесть — голубой, а любые «две материи» позволяют обнаружить главные цвета в чистом виде. Таким образом, различные комбинации совпадения эфирных и материальных частиц на поверхности тела порождают бесчисленное множество цветовых оттенков.

«... Желал бы я показать для утверждения сея системы все примеры из многочисленных опытов, которые особливо мною учинены в изыскании разноцветных стекол к мозаичному художеству. Хотел бы я изъяснить все, что о цветах чрез пятнадцать лет думал, между другими моими трудами. Но сие требует, во-первых, весьма долгого и больше, нежели для публичного слова позволенного времени. Второе, к ясному всего истолкованию необходимо нужно предложить всю мою систему физической химии... Итак, ныне прошу сие изъяснение моих мыслей о происхождении цветов принять за благо и терпеливо обожждать, ежели Бог совершить судит, всей моей системы».

Закончив свою речь, Михайло Васильевич сошел с кафедры, уступив место Иосифу Адамовичу Брауну. Профессор философии приготовился рассказать благородному собранию «О знатнейших Земли переменах». Причем на латинском языке¹. Так что тому, кто не владеет древнеримским слогом, лучше не тратить время напрасно, а, пользуясь кратким перерывом, потихоньку, не мешая остающимся, покинуть зал. Мы так и сделаем: спустимся на первый этаж, выйдем на набережную Невы и направимся в сторо-

504

ну дворца первого столичного губернатора Александра Даниловича Меншикова. Скоро полдень. Его Сиятельство Президент Академии наук Кирилл Григорьевич Разумовский пригласил всех участников торжественного мероприятия — членов академического корпуса — к себе на обед. Нам тоже пора подумать о месте трапезы. Предлагаю откусать три блюда по-демократически, среди молодежи, у воспитанников и преподавателей высшего военного учебного заведения империи. А заодно сравнить кадетское меню с тем, что подают на стол при Дворе российской императрицы. Столовый зал откроется для подопечных Бориса Григорьевича Юсупова часа через полтора-два. Значит, у нас достаточно времени, чтобы совершить променады по аллеям кадетского парка и за неспешной беседой нагулять аппетит.

Чем потчуют придворных, и в каком режиме работают многочисленные царские службы, отвечающие за обеспечение качественным питанием государыни и ее слуг? Заготовкой и доставкой припасов заведует Главная Дворцовая канцелярия во главе с действительным статским советником Я. А. Масловым. Команду поваров, пекарей, кондитеров и прочих мастеров кулинарного дела контролирует Придворная контора под руководством обер-гофмаршала Д. А. Шепелева и гофмаршала С. К. Нарышкина. Но, несмотря на частые повседневные контакты сотрудников двух ведомств, взаимоотношения между канцелярией и конторой весьма натянутые, можно сказать, враждебные. Не знаю, по личным или служебным мотивам поссорились Дмитрий

Андреевич с Яковом Андреевичем (Семен Кириллович сохранял нейтралитет), только конфликтовали они издавна. По-видимому, с ноября 1746 года, когда главный командир Дворцовой канцелярии переехал из Москвы в Петербург.

Между тем забот у обоих хватало и без изматывающей борьбы друг с другом. Маслов вместе с товарищем — коллежским советником Ермолаем Васильевичем Тишиным — наблюдал за бесперебойным по-

505

ступлением на кухни императорского дворца необходимого провианта, свеч и дров, управлял дворцовыми вотчинами, заключал договоры с подрядчиками, решал проблемы подчиненных, отвлекался на жалобы и просьбы придворных и, естественно, считал деньги².

Приоритет отдавался завозу «столовых припасов» в складские помещения, которые располагались на Литейной стороне: Запасной дворец — на берегу Фонтанки, новостроящийся каменный Запасной, Кормовой, Сытной, Хлебный дворцы, Овошенный (для воска и свеч) и Дровяной дворы — вдоль Невы. Основное внимание уделялось поставкам мяса и рыбы. И то и другое требовалось в гигантских размерах. Правда, на дворцовые волостные деревни в этом вопросе надеяться не следовало.

Еще 11 декабря 1744 года императрица поставила перед новым начальником задачу в течение двух лет увеличить долю хлеба, мяса и рыбы казенного производства с тридцати до ста процентов (в 1745 году подрядчикам за припасы заплатили 131,6 тысячи рублей; подмосковные, поволжские, новгородские и прочие вотчины отправили в столицу продуктов на сумму около 53 тысяч рублей). Однако государыня упустила из виду, что экономическая система, оправдавшая себя при обеспечении продовольствием малого двора цесаревны, не в силах с тем же эффектом справиться с запросами огромного придворного штата самодержицы всероссийской. Как Маслов ни старался, сколько ни исколесил подмосковных и иных провинциальных дорог, на месте решая возникшие проблемы, ничего не получилось. Разбросанные по стране хозяйства не обладали достаточным ресурсом. А расстояния, отделяющие их от Петербурга, требовали значительных трат на перевозку. В таких условиях ставка на натуральное хозяйство означала неминуемое и скорое разорение.

Яков Андреевич быстро понял это. Неудачный опыт далекой самостоятельности Дворцовой канцелярии 1746 и 1747 годов помог и царице осознать предпочтительность рынка. В итоге

506

крестьяне продолжали играть вспомогательную роль в снабжении Петербурга определенной частью провизии, а ведущая роль в создании резерва мясного и рыбного ассортимента по-прежнему принадлежала подрядчикам.

Маслов регулярно в конце декабря по итогам конкурса подписывал контракты с промышленниками и купцами о заготовке и отпуске ко Двору мяса и рыбы на год. По условиям договора оплата производилась ежемесячно, кроме января. 1, 2 или 3 февраля подрядчику выдавали задаток (до 7—10 тысяч рублей), соответствующий тем деньгам, что он потратил в прошлом году в январе. Через каждые четыре недели процедура повторялась (в марте платили за февраль, в апреле — за март и так далее). А по истечении всего срока контракта поставщик императрицы получал остаток от условленной первоначально суммы. В 1755—1756 годах на двор, где забивали и разделывали животных, скот и дичь привозил Андрей Сериков с Иваном Терентьевым и Павлом Толченовым, телят и барашков — шляхтеры Андрее Шеерман и Матис Леиман. За числом живой рыбы в дворцовых прудах, а «мерзлой» в погребах надзирал купец Петр Резвой — сын старого компаньона канцелярии Терентия Барабл и на-Резвого, побеждавшего в тендерах в 1741—1745 годах и с 1748 года. По личному

распоряжению императрицы от 7 сентября 1751 года право снабжать Двор всей рыбной продукцией окончательно закрепилось за этой семьей. 31 декабря 1753 года отец с сыном даже взяли на откуп казенный Ма-лыковский рыбный промысел сроком на четыре года. Но из-за убытков, вызванных пожаром в Малы-ковской слободе 28 июля 1754 года, и смерти главы семейства Петр Терентьевич в январе 1756 года все вернул государству.

Кроме мяса и рыбы, подрядчикам доверяли закупать для Двора и другие товары. Купцы Михаил Гряз-новский-Лапшин и Александр Петров снабжали медом, хмелем и солодом Сытный дворец, где «про обиход Ея Императорского Величества» варили «кислые Щґги», русское и английское пиво или «полпиво». Их

507

коллега из Первопрестольной Степан Аврамов сгружал у Кормового дворца кули и тюки с травами, кореньями, грибами, сморчками, мятой, солеными огурцами, луком, хреном, малиной, горохом, репой, редькой, маком, чечевицей, толокном, разными крупами, цыплятами и перепелками. Еще один постоянный партнер Маслова — крепостной мужик майора Николая Кирилловича Матюшкина Антип Шкарин — искал по всей России добротное сало — сырье для простых, образных и наливных свечей. Завоз воска обеспечивал санкт-петербургский купец Иван Филипов.

Крупы, муку, фрукты и овощи Дворцовая канцелярия на стороне приобретала мало. Довольствовались урожаем и плодами собственных поместий. Однако, если доставка чего-либо влетала в копеечку, предпочтение вновь отдавалось рынку. Так, до декабря 1754 года овес в дворцовые закрома поступал из тамбовских имений. Пока не обнаружили, что дешевле покупать зерно с возов и барок в Петербурге — по 80— 85 копеек за четверть³. Впрочем, отдаленные вотчины натуральным оброком не слишком обременяли. На них возлагалась иная стратегическая задача: как можно больше выручить и прислать в канцелярию денег. А с обеспечением Двора овощами и фруктами неплохо справлялись загородные петербургские мызы — Лиговская, Екатерингофская, Ямсковицкая, Красносельская и другие. Они буквально заваливали канцелярию огурцами, капустой, свеклой, петрушкой, сельдереем, редькой, грушами, вишней, яблоками. Маслову волей-неволей приходилось вводить квоты. В 1756 году, например, ко Двору наметили поставить 2470 ведер огурцов, 3022 ведра сеченой, кислой белой капусты, 663 ведра капусты шедкованной и 215 кочанной. Красному селу по силам было дать около тысячи ведер огурцов, половину от нужного числа шедкованной и кочанной капусты, а кислой сеченой — две трети. Руководство согласилось принять всю капусту, план же по огурцам сократило на сто ведер⁴. А теперь о яблоках. Историк М. И. Пыляев, собравший в своей книге «Старый Петербург» все сплетни о

508

Елизавете Петровне, заверял, что императрица «терпеть не могла яблоков и... не любила яблочного запаха; ...от яблоков ей делалось дурно, и приближенные остерегались... до яблоков дотрагиваться» накануне встреч с государыней. Если это правда, то весь урожай яблок Дворцовой канцелярии надлежало полностью продавать, ничего не отпуская на придворные кухни. Так ли обстояло дело в действительности? Посмотрим, как царские снабженцы распорядились плодами четырех красносельских садов в 1755 году. В середине августа управитель мызы Федот Уда-лов (по совместительству мундшенк Ея Величества) доложил: с яблонь осыпалось и сорвано до 150 тысяч яблок; из них хороших — крупных и без пятен — около 50 тысяч; на мочение и «засечку в лед» потребна тысяча; поступать с остальными аналогично нецелесообразно — столько моченых яблок не нужно. Мун-шенк рекомендовал отдать всю полсотню в содержание крестьянину Спасо-Симонова монастыря (в Ярославском

уезде) Степану Ильину, а забракованную сотню продать. 21 августа Маслов разрешил Ильину до будущей весны командовать первым сортом. Торги по второсортным плодам прошли 17 и 18 августа. Борьба развернулась между Андреем Сериковым и тем же Ильиным. Победил мужик, предложивший 156 рублей.

В течение полугода монастырский крестьянин по своему усмотрению распоряжался товаром, исправно отпустив за ноябрь — февраль по нарядам Придворной конторы 51 442 яблока (канцелярия перерасход ему оплатила). Конфетный мастер Фриз взял семнадцать с половиной тысяч. «Одна комнатная мартышка» съела двести четырнадцать штук. Свою тысячу забрал Удалов. Еще тысячу Ильин отправил на свадебный стол статс-дамы Марии Симоновны Чог-локовой 6 и 7 февраля 1756 года. Остальные пошли на угощение придворных. Ведь только на кавалерский и фрейлинский обеденные столы полагалось ежедневно класть по пятьдесят яблок. Кстати, та же Цифра значилась в суточных нарядах Ея Императорского Величества и Их Императорских Высочеств.

509

В июле 1756 года Дворцовая канцелярия вновь объявила конкурс. На сей раз борьба велась не за деньги (подрядная цена — 13 рублей 45 копеек за тысячу — служила ориентиром для подсчета прибыли), а за количество яблок, поставляемых ко Двору. Стартовали с 40 тысяч и быстро преодолели планку в 46 тысяч. В итоге Сериков переиграл доверенных лиц Ильина, пообещав 55 тысяч яблок с условием, что его команду впустят в сады 15 июля. Начальство, без особого энтузиазма, согласилось с ним. Однако 15 числа в канцелярию пожаловали два крепостных крестьянина, Петр Баранов и Василий Марсин, и накинули по тысяче сверх цены Серикова. Аукцион немедленно был продолжен. Обиженный купец от конкуренции отказался. А холопы камергера Шереметева и адъютанта Матюшкина 17 июля сошлись в решающем поединке. Верх одержал Василий Марсин, предложив 62 тысячи яблок. 18 июля владелец урожая долго убеждал победителя не поскупиться и прибавить еще тыщонку. Крестьянин Петра Матюшкина не рискнул спорить с сановником и капитулировал. Марсина в тот же день впустили в Красносельские сады, подписав с ним контракт на поставку ко Двору до 1 марта 1757 года 63 тысяч яблок, которые дозволялось требовать только, когда закончатся яблоки, собранные в садах Екатерингофа и Лиговской мызы.

Что касается пристрастий императрицы, то, как показано выше, она не воспрещала придворным лакомиться яблоками. Да и сама неприязни к оным не питала. Осенью 1752 года К. Г. Разумовский прислал с Украины в Петербург партию груш, яблок и грецких орехов. 23 ноября барон Черкасов уведомил гетмана, что гостинцы «получены в 19 день сего месяца и на другой день Ея Императорскому Величеству поднесены, которыми изволит быть довольна, а особливо грушами. Також и яблоки косовские хороши». Другой пример. Летом 1755 года в псковских дворцовых вотчинах приготовили пять больших упаковок яблочной и пятнадцать брусничной пастилы. Продукцию отправили в Петербург в императорский дворец, в «верхнюю Ея Императорского Величества

510

гафелдекарскую», исполнив, таким образом, личный заказ Елизаветы Петровны от 25 марта того же года. Нареканий со стороны заказчицы деревенские кондитеры не получили. Стало быть, пастила, в том числе и яблочная, пришлась по вкусу⁵.

Фрукты, овощи, зерно и многое другое со своих огородов, оранжерей и садов посылали в столицу окрестные дворцовые хозяйства. Но вот одним из символов русского застолья — черной икрой — они при всем желании порадовать государыню не могли. Выручали их волжские рыбаки из Малыковской волости Симбирского уезда,

где обосновался казенный рыбный промысел. Оттуда осенью на почтовых подводах двумя-тремя партиями в пошевцах весом от 5 до 7 пудов привозили в Северную Пальмиру русское черное золото. Правда, на всякий случай Маслов подстраховывался и заключал с кем-нибудь из купцов подряд на поставку икры про запас⁶.

Особая статья в деятельности Дворцовой канцелярии — закупка воска, угля и дров. Она осуществлялась также через конкурс. Договор заключали с купцами и промышленниками, предлагавшими наиболее выгодные условия. Уголь по Фонтанке или Неве везли в барках к Запасному дворцу. Затем кули переносили в амбары. В январе 1756 года на обогрев Зимних деревянного и каменного дворцов, а также домов Крюйса и Алсуфьева от подрядчика Степана Фи-липова стряпчие приняли почти 4800 кулей по цене 13 копеек с полтиной за четверть (всего 3788, 5 четвертей). Пока телеги тащились от склада до дворцов, «в уминке и в пыли* потеряли около 400 четвертей. Уголь шел не только на топку печей. По 10—30 четвертей отдавалось прачкам, мывшим кружева, сорочки и скатерти; зильбердинерам «к чищению серебрянной посуды»; придворным портным «для разогревания утюгов»; аптекарям для изготовления лекарств; в уличные будки часовым, чтобы те не замерзли ночью. Дрова также сплавляли по воде на барках, а складировали на берегу на расстоянии не далее двадцати сажен от реки. Деревянное топливо подразделялось

511

на два вида — плашное и поленное. Березовые, ольховые, еловые, сосновые плахи и поленья закупались трехаршинными саженьями. Длина плахи составляла около трех аршин, а полена — примерно аршин. В январе — марте 1756 года канцелярия несколько раз через публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях* и афишах главной полиции приглашала всех желающих взять на себя выгодный подряд. Промышленники, как обычно, раскачивались долго. Первый торг четыре претендента провели 3 апреля. 1 мая подключился пятый. До финиша добрались двое — новолодожский купец Аврам Дьяков и Антон Матвеев — поверенный крестьянской вдовы Авдотьи Михайловны Дубенской (тоже с Новой Ладogi). Первоначальная цена — за поленную сажень 1 рубль 45 копеек; за плашную — 2 рубля 75 копеек (береза и ольха) или 2 рубля 50 копеек (ель и сосна) — упала незначительно. 17 мая два соперника выдвинули совместный ультиматум: либо берете у нас от 3 до 4 тысяч саженьей поленьев по цене 1 рубль 15 копеек плюс у Матвеева еловых и сосновых плах по два рубля сорок копеек 100 саженьей, либо говорить более не о чем. Маслов условия принял, но с одной поправкой. Сажень поленьев будет стоить 1 рубль 10 копеек. 22 мая торговцы нехотя одобрили компромисс. В первую очередь подрядчикам надлежало снабдить дровами Зимний дворец на Мойке: Дьякову 500, Матвееву — 250 саженьями. Место разгрузки прочих поленьев и досок — запасной дровяной двор, «что у конюшен»; возможно, дома Миниха и Волынского, берег Невы у Троицкой пристани. На оплату труда грузчиков Дьяков получил 500, Матвеев — 200 рублей. Материал для свечей купцы вручали под расписку стряпчим Нового каменного Запасного дворца (до весны 1753 года мастерская для изготовления свечей располагалась рядом, в 1-й линии Литейной части по соседству с дворцом царевича Алексея Петровича). Те передавали все специалистам, которые и лепили «из перетопленного» в котле воска и сала желтые и белые восковые, простые, маканые, ночные (горели до десяти часов) и ординарные сальные све-

512

чи. Готовую продукцию относили на фряжский погреб (туда же отвозили вино, водку и другие напитки с Сытного двора), откуда их по нарядам отпускали придворным и в комнаты императорских дворцов⁷.

Судьба провианта, поступающего от подрядчиков, привозимого из деревень или

экстренно купленного на рынках, складывалась по-разному. Одни, пролежав долго невостребованными, списывались либо продавались по дешевке. Другие тут же отправлялись на кухни, а то и прямо к высочайшему столу. Но большинство покидало тихие амбары и склады Дворцовой канцелярии не сразу, а по прошествии некоторого времени. Порядок передачи «столовых припасов» служителям Придворной конторы существенных изменений в царствование дочери Петра Великого не претерпел. Из Кормового двора зелень, овощи, фрукты и соленая рыба, из Хлебенного мука и крупа, с садков и подворий подрядчиков мясо и живая рыба регулярно, посуточно стекались в Кормовые погреба Зимнего, Летнего, Царскосельского, Петергофского и Ораниенбаумского дворцов (накануне высочайшего присутствия и в Кронштадт, Стрельну, Ропшу, Красное Село).

В каждом погребе (когда в том или ином дворце жили императрица или великий князь с супругой) с 15 января 1747 года постоянно дежурил комиссар канцелярии, который ежедневно около пяти часов утра заступал на смену (прежде, до указа императрицы от 7 января, там хозяйничали кухеншрейдеры Придворной конторы). Раз в месяц подчиненные обер-гофмаршала подавали в Дворцовую канцелярию наряд с росписью припасов, которые следовало выдавать в течение месяца в Первую и Вторую верхние, среднюю и нижнюю кухни. На рассвете в погреб приходили дежурившие понедельно мундкохи или кохи всех четырех кухонь (иногда сам метрдотель Яган Фукс) и по реестру принимали от комиссара обеденную порцию. Если перечисленного в наряде было недостаточно, повар предъявлял ярлык на получение чего-то сверх нормы. Более трех месяцев комиссары по примеру предшественников просто от-

пускали товар по списку. Лишь с 30 апреля 1747 года подчиненных Фукса обязали расписываться в специальных ведомостях за взятые порции. После обеда погреб закрывался на двух-трехчасовой перерыв. А вечером вновь открывался, чтобы обеспечить кушаньем вечерний стол императрицы и придворных, и работал допоздна. Несмотря на все ресурсы и влияние Дворцовой канцелярии, ей не всегда удавалось удовлетворять запросы Придворной конторы целиком. Случалось, что в наличии не оказывалось популярных среди придворных телятины, баранины, чухонского масла или осетрины. Тогда по согласованию с Д. А. Шепелевым Я. А. Маслов для средней и нижней кухонь заменял дефицитный продукт менее престижным: вместо телянки и двух барашков давали свинину и говядину (полтора пуда); эквивалентом осетрины считалась белуга или палтус; чухонское масло заменяли русским⁸.

Повара имели полное право быть привередливыми, дотошно осматривать содержимое погребов и выбирать лучшее. Особенно это касалось посланцев с 1-й и 2-й верхних кухонь, ибо они обслуживали соответственно столы Ея Императорского Величества и Их Императорских Высочеств. Средние кухни готовили блюда для столов дежурных кавалеров, статс-дам, фрейлин, мадам Ноли, племянников А. Г. Разумовского и мадам Шмит; нижние — для караульных офицеров, камер-юнкеров, камер-метехин, карлиц и приказных чинов — регистраторов, канцеляристов, копиистов различных дворцовых учреждений.

Чем же кормил дважды в день господин Фукс императрицу, великокняжескую чету и ближайшее окружение царицы? Заглянем в суточные наряды Ея Императорского Величества, Их Императорских Высочеств, а также завсегдаев столов средней и нижней кухонь. И не будем забывать о днях постных и скоромных. Мясо исключалось из меню в Великий пост (сорок восемь дней, предшествующих Пасхе), в Петровский пост (с понедельника девятой недели после Пасхи до 29 июня), в Успенский пост (с 1

15 августа), в Рождественский пост (с 15 ноября по 24 декабря), 29 августа, 14 сентября, 5 января, а также в среду и пятницу каждой недели.

Итак, познакомимся с рационом российского Двора сороковых годов или с тем, сколько требовалось придворным «по наряду нижеписанных столовых припасов в мясоедные и в постные в каждой день», кроме пятниц, когда на первую и вторую верхние кухни прибавляли еще по половине постного наряда:

Вид продукта	1-я верхняя кухня	2-я верхняя кухня	Средняя кухня	Нижняя кухня
1	2	3	4	5
Мясоедные дни:				
1. Говядины — 25 пудов, 14 фунтов.	3п.	3п.	7 п.	12 п. 14 ф.
2. Баранины — 14 пудов, 18 фунтов.	1н. 20ф.	1 п. 20 ф.	4 п. 22 ф.	6 п. 36 ф.
3. Языков свежих — 4.	1	1	2	-
4. Телят — 5.	1,5	1,5	1,75	0,25
5. Барашков — 11,5.	4,5	4,5	2,25	0,25
6. Квашенины — от 2 скотин.	-	-	-	от 2 скот. по 1
7. Гусаков и рубцов — по 1	-	-	-	
8. Сала говяжьего — 18 фунтов.	3ф.	3ф.	5ф.	7ф.
<i>Живности</i>				
9. Гусей- 10.	2	2	день 2. день 1	4
10. Индеек- 10.	4	4	1	I
11. Уток -9-	4	4	1	-
12. Кур русских — 146.	40	38	37	31
13. Поросят — 11.	3	3	2	3
14. Цыплят молодых — 10 пар.	5	5	—	—
<i>Дичь</i>				
15. Тетеревей — 9 пар.	3,5	3,5	2	-
16. Рябчиков — 16,5 пар.	2	3	7,5	4

515

1	2	3	4	5
17. Зайцев — 2.	1	1	—	—
18. Дроздов — 2 пары.	-	2	-	-
19. Свиристелей — 3 пары.	-	3	-	-
20. Молока свежего — 4 ведра, 1 кружек.	1 вед. 2 кр.	1 вед. 2 кр.	1вед. 2 кр.	1вед. 5кр.
21. Сметаны — 1 ведро, 5,25 кружек.	3 кр.	3кр.	3,2 5 кр.	8кр.
22. Творогу — 1 ведро. 4 кружки.	2кр.	2кр.	3кр.	9кр.
23. Яиц свежих — 900.	235	235	175	255
24. Окороков провесных — 7,5 фунтов.	2ф.	2ф.	1,5ф.	2ф.
25. Ветчины провесной — 1 пуд, 10 фунтов.	—	-	10 ф.	1 п.
26. Масла коровьего русского — 1 пуд,				

14 фунтов.	4ф.	4ф.	12 ф.	34 ф.
27. Масла коровьего чухонского — 2, 5 пуда.	22 ф.	22 ф.	26 ф.	30 ф.
28. Сливок молочных — 10 кружек.	4кр.	4кр.	2 кр.	-
29. Хрену - 17,75 фунтов.	4ф.	4ф.	3ф-	6,75 ф.
30. Солонины горонкой бочешной и конченой по 32,5 фунта.		—	Юф.	22,5 ф.
<i>Рыбы .живой</i>				
3 1 . Щука		i		
12-ти вершковая— т.	-	1	—	—
32. Лещей				
8-ми вершковых — 1.	-	1	—	—
33- Раков- 150.	50	50	50	-
i		• i		
Постные дни:				
<i>Живая рыба</i>				
1. Стерлядей			i	
1 2-ти вершковых — 4. i	2	2	—	
2. Стерлядей				
9-ти вершковых — 12.	2	4	3	3
3. Щук в аршин — 1.	!	-	1	1

516

1	2	3	4	5
4. Щук				
1 2-ти вершковых — 1 5-	2	2	7	4
5. Щук				
1 1-ти вершковых — 18.	2	2	—	14
6. Щук				
10-ти вершковых — 36.	5	5	10	16
7. Щук				
9-ти вершковых — 41.	5	5	10	21
8. Щук				
8-ми вершковых — 58.	-	—	16	42
9. Щук				
6-ти вершковых — 3.	-	—	-	3
1 0. Лещей				
8-ми вершковых — 1 3.	2	2	4	5
11. Язей				
7-ми вершковых— 13.	2	2	2	7
12. Подлещиков				
6 -ти вершковых — 74.	3	3	15	53
1 3. Подъязыков				
6 -ти вершковых — 75.	3	3	16	53
14- Налимов				
6-ти вершковых — 61.	10	10	23	18
1 5. Окуней				
3-х вершковых — 1 79-	6	6	35	132
16. Окуней				
5-ти вершковых — 93-	10	10	41	32
17. Плотид				
3-х вершковых — 204.	10	10	55	129
1 8. Сигов				

8-ми вершковых — 74- 19. Харьюзов	3	3	28	40
7-ми вершковых — 22. 20. Судаков	6	6	10	—
8-ми вершковых — 10. 21. Лососи в аршин — 1,5.	2	2	2	4
22. Угрей в аршин — 3.	1	1	0,75	1,75
23. Ершей — 190.	1	1	1	—
24. Раков -2 50.	50	50	90	-
25. Свежепросоленной осетрины — 7 пудов.	100	100	50	-
13 фунтов.	20 ф.	20 ф.	1п.25ф.	4п.25ф-

517

1	2	3	4	5
26. Свежепросоленной белушины — 6 пудов, 12, 5 фунтов.	10 ф.	10 ф.	27,5 ф.	5 п. 5 ф-
27. Визиги — 4 фунта.	-	-	1ф.	3ф.
28. Икры паюсной — 1 1 ф.	-	—	3ф.	8ф.
29. Икры черной зернистой — 1 2 ф.	3ф.	3ф.	2ф.	4ф.
30. Теши межкосной — 1 пуд, 6 фунтов.	5ф.	5ф.	14 ф.	22 ф.
31. Семги соленой — 39,5 фунтов.	3ф.	3ф.	5,5 ф.	28 ф.
32. Сметков сухих — 32 ф.	3ф.	3ф.	6ф.	20 ф.
33. Масла орехового — 2 ведра, 7 кружек	1	8кр.	8кр.	7кр.
34. Масла конопляного — 2 ведра, 4 кружки.	—	—	—	2 вед. 4кр.
35- Хрену — 23 фунта.	4ф.	4ф.	4ф.	Пф.
36. Говядины — 4 пуда, 35 фунтов.	1 и. 20 ф.	1 п. 20 ф.	1 п. 35 ф.	-
37. Баранины — 3 пуда, 1 3 фунтов.	30 ф.	30 ф.	1 п. 33 ф-	-
38. Телят - 2, 25-	0,75	0,75	0,75	—
39. Барашков — 6.	2,5	2,5	1	—
40. Сала говяжьего — 4 ф.	1,5ф.	1,5ф-	1	—
41. Гусей -4.	1	1	2	—
42. Индеек — 4.	2	2	—	—
43- Уток — 5.	2	2	1	—
44. Кур русских — 64.	21	21	22	—
45. Поросят — 3.	1	1	1	—
46. Цыплят молодых — 4 пары.	2	2	—	—
47. Тетеревей — 4 пары.	2	2	—	—
48. Рябчиков — 6,5 пары.	2	1	3,5	—
49. Зайцев - 2.	1	1	—	—
50. Свиристелей — 3 пары.	—	3	—	—
51. Дроздов — 2 пары.	—	2	—	—
52. Молока — 1 ведро. 10 кружек.	6 кр.	6кр.	10 кр.	—
53. Сметаны — 5,5 кружек.	1,5кр.	1,5 кр.	2,5 кр.	—

1	2	3	4	5
54. Творогу — 4 кружки.	1 кр.	1 кр.	2кр.	—
55. Яиц свежих — 235-	70	70	95	-
56. Масла русского — 1 3 ф.	2ф.	2ф.	9ф.	-
57. Масла чухонского — 1 п., 1 ф.	10,5 ф.	Ю,5ф.	20 ф.	—
58. Сливов молочных — 3 кр.	2кр.	1 кр.	—	—
59. Окороков провесных — 2.	1	1	-	-
Ежедневно:				
1. Сморчков сухих — 1,5 фунта.	0,25 ф.	0,25 ф.	0,5 ф.	0,5 ф.
2. Грибов белых сухих — 2,5 фунта.	0,5 ф.	0,5 ф-	1ф.	0,5 ф.
3. Уксусу столового — 6 ведер, 9 кружек.	8кр. -	8кр. -	1вед. 7кр.	3вед. Юкр.
4. Муки недомерочной — 12 пудов, 1 3,5 фунтов.	3 п. 20 ф. —	3п. -	2 п. 10,5ф-	3п.23ф- -
5. Муки куличной — 6 пудов, 30 фунтов.	—	—	—	6п.30ф.
6. Крупы пшеничной — 13 фунтов.	2ф.	2ф.	4ф.	5ф.
7. Луку репчатого — 6 четвериков.	1 чет.	1 чет.	2 чет.	2 чет.
8. Реп - 350.	50	50	100	150
9. Огурцов соленых — 5,5 ведер.	1вед.	1вед.	1,5 вед.	2 вед.
10. Яблок свежих — 200.	50	50	50	50
1 1. Капусты белой кочанной — 175 кочней.	30	30	60	55
1 2. Дрожжей — 1 ведро, 8,5 кружек.	4кр.	3кр.	2,5 кр.	Икр.
1 3. Соли — 3 иуда, 17,5 фунтов.	22 ф.	22 ф.	37,5 ф.	1н. 16 ф.
И. Муки ситной — 1 1 пудов, 39 фун.	-	-	-	1 1 п. 39 ф-

1	2	3	4	5
1 5. Муки пеклеванной — 4 пуда, 1 5 фунтов.	2 п. 10 ф.	2 п. 5 ф-	—	—
16. Крупы проделкой грешневой — 1 2 лопаток.	3л.	2л.	3,5л.	3,5л.
17. Крупы проделшой овсяной — 10 лопаток.	3л.	2л.	3,5л.	1,5л.
18. Круп толстых грешневых 19, толстых овсяных — 15,5 лопаток.	-	-	-	19л.
19. Капусты белой сеченной, кислой —	-	—	—	15,5л.

5,5 ведер. 20. Капусты шедкованной —	0,5 вед.	0,5 вед.	1,5 вед.	3вед.
2 ведра.	бкр.	бкр.	бкр.	бкр.
21. Бураков — 2 ведра.	бкр.	бкр.	бкр.	бкр.
22. Капусты светло-серой —				
3,75 ведра.	—	—	0,75 вед.	3вед.
23- Сморчков свежих —	100	100	50	—
250.				
24. Крапивы молодой —				
1 2 кулков.	4 кул.	4 кул.	4 кул.	—
Ежемесячно:				
1. Гороху грешного —				
3,5 четверти.	1ч.	1ч.	1ч.	0,5ч.
2. Чечевицы —				
3,5 четверти.	1ч.	1ч.	1ч.	0,5ч.
3. Боровов живых — 5-	2	2	1	—
4- Рубцов говяжьих с				
требухой — 9.	3	3	3	—
5. Ветчины				
пшиковашной — 9 пудов	4	4	1	—
6. Окороков				
конченных — 55.	25	25	5	—
7. Языков копченных — 75.	30	30	15	—
8. Живых индеек — 8.	8	—	—	—
9. Квашенины не				
чищенной —				
от 1 2 скотин.	от 3 ск.	от 3ек.	от бек.	—

520

Мясо, живность, дичь, а также молоко, сметана и творог, которые фигурируют в наряде на постные дни, отпускались на верхние кухни только по средам. Кроме того, сверх наряда раз в день на перечисленные кухни обычно забиралось еще 8 фунтов говядины, 8 фунтов баранины, фунт говяжьего сала, гусь, курица, пара рябчиков, 2 кружки молока, 10 яиц, фунт русского и 2 фунта чухонского коровьего масла, кружка молочных сливок, кружка столового уксуса, по 5 фунтов куличной и пеклеванной муки, ведро огурцов соленых, 4 щуки среднего размера, 2 подлещика, 2 подъязыка, 8 окуней и 8 плотиц, 6 фунтов свежепросоленной осетрины и 2 кружки орехового масла. В скоромный день лично для Ее Императорского Величества вдобавок «в скатерную» относили одну живую курицу, одного тетерева и пару рябчиков. А когда царица выезжала за город — в Царское Село, в Петергоф и в другие резиденции — суточный наряд по языкам, барашкам, телятам, стерлядям и крупным щукам для первой верхней кухни удваивался, а для средней кухни возрастал в полтора раза. Важно также учитывать, что разделение на мясные и рыбные дни распространялось лишь на православных. Иностранцев, приверженцев других конфессий, соблюдать посты не принуждали⁹.

Из перечисленных видов продуктов команда Фукса создавала обычное обеденное и вечернее кушанье императрицы и придворных. Однако бывали еще праздники, которые без диковинных и дорогих заморских блюд ничем бы не отличались от повседневного стола, чего допустить было никак нельзя. Так что, дабы не ударить лицом в грязь, Придворная контора не теряла связи с российскими посланниками и полномочными министрами за границей. По просьбе Шепелева и Нарышкина Коллегия иностранных дел ежегодно отправляла в Лондон, Париж, Гданьск и Гаагу

реестры «винам и провизии для вывозу» в Россию.

От вольного города Гданьска требовалась только водка — 2000 штофов. Щербатова, Чернышева, а позднее Голицына тоже не очень обременяли. В Британии императрицу интересовали соя, горчица и, есте-

521

ственно, английское пиво (50 000 бутылок). Россиян, обосновавшихся в Париже, тербили чаще. Вино шампанское (10000 бутылок), бургундское (15000 бутылок), красное и белое столовое (по 200 бочек), мюлсо (200 бочек), пантаку (150 бочек), мушкатель (7500 бутылок), бержерак, анжуйское, пикардон (10, 5 и 3 бочки) заказывали наряду с французским сыром (до 20 пудов), прованским маслом (1500 бутылок), анчоусами, оливками, черносливом, рейнским уксусом (30 оксофтов), абрикосами, сухими вишнями, персиками, «тартуфелем» и «конфектами французскими сухими нового устройства*» (до 50 пудов).

Но больше всего доставалось Головкину. Точнее, не ему, а российскому агенту Олдекопу, работавшему в портовом городе Амстердаме. Ему вручали список, в полтора раза превышавший английский и французский вместе взятые. В центре мировой торговли предписывалось закупать по полторы сотни бочек рейнвейну и «секту», полсотни португальского вина, с десяток «корзику», по пятьсот бутылок красного и белого вейндекапу. Затем помощнику посла рекомендовали прицениться к специям (корице, гвоздике, кардамону, шафрану, инбирю белому и серому, перцу, мушкатному цветцу, а заодно и ореху), канарскому сахару разных сортов (2700 пудов), винограду (250 пудов), «цареградскому изюму» (5 пудов, а других сортов 250 пудов), леденцам и миндалю, фисташкам без скорлупы (5 пудов), к тертым оленьим рогам, соленым лимонам (50 бочек), шоколаду (25 пудов), сыру голландскому (25 пудов), швейцарскому и к пармезану (20 пудов), ливанскому и ординарному кофе (50 и 400 пудов), а также еще многому другому. С перечнем в руках голландец совершал променады по городским рынкам, выяснял, где, что и почем продается, после чего писал рапорт в посольство.

В отчете Олдекопа от 3 мая 1745 года зафиксированы следующие цены: фунт корицы — 3 гульдена 10 штиверов, гвоздики 5, кардамону — 4, шафрану — 14 гульденов, сырого инбиря белого — 8, серого — 4 штивера, черного и белого перца — около 12 и 20 штиверов, соответственно, мушкатного цветцу — 7,

522

а ореху — 4 гульденов. Сто фунтов чернослива стоит 4 гульдена и 16 штиверов, фиги из Смирны — около 16 гульденов, изюма — 10 с половиной гульденов, сладкого миндаля из Валенсии — 25 гульденов, из Барбарии — на четыре гульдена дешевле, а горького — лишь на гульден. За бочонок оливок в двадцать мингелей просят 8 гульденов, за бутылку — гульден. По гульдену дают за бутылку прованского растительного («деревенного») масла и за фунт тертой английской горчицы. Цена «наилучшего шеколату» — 2,5, ординарного — 2, простого — полтора гульдена за фунт; бочонка анчоусов — 7, а бутылки — 2,5 гульдена. Мингель лимонного сока обойдется в 8 штиверов, японской сои — в 4 гульдена, сто соленых лимонов — в 5 гульденов, фунт фисташек — в 9 штиверов, трюфелей — в 3,5 гульдена. За фунт Канарского сахара и рафинада берут от 8 до 9 штиверов, сухого чернослива — 4,5 штивера, за оксофт винного уксуса — 25 гульденов. А вот голландские масло, сыр и рыба весьма дороги (швейцарский в продаже отсутствовал): за четверть фунта лейденского масла покупатель выкладывает 34 гульдена, за сто фунтов эдамского сыра — около 20, пармезана — 58, столтзее — от 18 до 20, лейденского с тмином — 14, бочку палтуса — 36, четверть бочки голландской сельди — 9 или 10 гульденов. Небитая треска — подешевле, 6,5 гульденов за сто фунтов. Правда, то же количество

битой существенно дороже — 20 гульденов. Плата за кофе приемлемая: фунт меккского (за неимением ливанского) — 23, ост-индского английского — 16, яванского — 11, суринамского — 10 штиверов. Таковы расценки на товар при безналичном расчете за него — «банковыми денгами». У «ходячей монеты» есть преимущество — скидка на пять процентов¹⁰.

Нетрудно догадаться, как сильно по российской казне били подобные преискурранты. Ведь только на приобретение пятидесяти пудов корицы, гвоздики, кардамону, мушкатного цвету и орехов (каждого по десять, как написано в реестре) из России нужно прислать вексель на сумму примерно в 3760 рублей (напомню, рубль равнялся сорока пяти-пятидесяти

523

штиверам, голландский гульден — двадцати штиве-рам, а 10 пудов — приблизительно 400 фунтов). Каких размеров достигали траты на прочую провизию в целом и по отдельности, всякий волен посчитать самостоятельно.

Елизавета Петровна очень хорошо понимала, насколько тягостны для государственного бюджета столь высокие представительские расходы. Но ничего не поделаешь. Престиж империи требовал жертв, в том числе и финансовых. Впрочем, царица не бездействовала и по возможности поощряла создание российской производственной базы для того или иного необходимого иноземного продукта или предмета. Примеры основания в России фарфоровой и мозаичной фабрик общеизвестны. А вот о неудачной попытке разведения российских устриц знают немногие.

23 ноября 1747 года императрица подписала указ о намерении «завести в нашем море устерсы». Купленную в «чужих краях» партию устриц собирались разместить либо в Моонзунде, либо в Рогервике, либо на финском побережье близ Фридрихсгама.

Адмиралтейской коллегии Елизавета велела построить два «прорезных галиота» для приема в пункте назначения воды с ракушками. Осенью 1748 года корабли покинули верфь и встали на кронштадтском рейде в ожидании дальнейших распоряжений. К лету 1749 года Коллегия иностранных дел завершила сбор информации по данной теме. Вновь отличился Олде-коп, благодаря своим амстердамским связям. Ставка на добротность голландских устриц себя не оправдала. Агент сообщил, что «текселские аустерсы весьма плохи, зеландские малым чем лучше. Толко оные там в нарочитых домах не употребляются». Богатые голландцы предпочитают английский товар. А первенство в Европе держат ла-рошльские, то есть французские устрицы. 7-е место по качеству занимают голштинские. Ловить устриц надобно в апреле, не позднее, сразу на кораблях отвозить и немедленно сажать на определенные для «банок» места. Причем важно, чтобы вода в избранной гавани «весма соле-

524

ной» была, а то устрицы не приживутся. Дополнил Олдекопа А. М. Голицын — российский посланник в Гамбурге: на принадлежащих великому князю Петру Федоровичу землях устриц нет; они обитают в той голштинской части моря, которой владеет Дания.

И. А. Корф подключился к решению важной проблемы с явным опозданием. Бестужев отправил в Копенгаген соответствующий рескрипт только 28 марта 1752 года. 1 мая на куртаге во Фриденсбурге посол попросил Малкена, обер-гофмейстера Фридрика V, обеспечить союзную державу королевской декларацией, позволяющей датчанам содействовать россиянам, не опасаясь судебных исков со стороны монополистов «устерского лову» — откупщиков. 23 июня требуемую грамоту от 19 (30) июня барон из Ренте-рейной камеры получил. Добрый приятель Корфа в Киле — тайный советник Г. Х. Элендсгейм — сразу же принялся искать необходимого специалиста.

Хотя знатоки подвергли сомнению успешность разведения устриц в районе Финского залива, Елизавета Петровна, прочитав документы, поданные канцлером 6 июня, уже 8 числа распорядилась найти человека, способного осмотреть прибрежные воды Эстляндии и Ингерманландии на предмет наличия в них должной солености и «питательна го сине гли-неннаго грунта». В сентябре такой охотник объявился. Житель Гузума Отто Детлер Фридебек, более тридцати лет прослуживший у откупщика Винклера, согласился взяться за это дело.

16 (27) мая 1753 года Элендсгейм подписал контракт с волонтером. Через десять дней Фридебек с помощником и слугой отплыл из Любека, 11 (22) июня добрался до Ревеля, и за два месяца (с 31 июля по 22 сентября) на «лоц-галиоте» лейтенанта Сербина исследовал все гавани от Моонзунда и Пярну на западе до Кронштадта и Фридрихсгама на востоке. Сравнение местных проб с эталоном Северного моря, привезенным с собой в бутылках, не внушало оптимизма. Балтийское дно по солености вод и «слис-кости» земли на треть уступало голштинско-датским образцам. Тем не менее гузумец посоветовал россия-

525

нам попытать счастье и наметил пять мест, напоминающих «лутчий в западном море устерсовый грунт»: два в Моонзунде (ныне окрестности острова Муху в Эстонии), по одному возле островов Даго и Эзель (ныне эстонские острова Хийумаа и Сааре-маа). Самой оптимальной точкой Фридебек признал Рогервикскую гавань (ныне город Палдиски) юго-западнее Ревеля.

Сочинив к 27 сентября обстоятельный рапорт, голштинцы засобирались в обратный путь, чтобы подготовиться к весеннему лову раковин на родине. Глава экспедиции рекомендовал Корфу заручиться у датской короны пасом на приобретение ста бочек молодых «садковых» устриц, а Адмиралтейству — не затягивать весной 1754 года с отплытием к датскому городу Экрендорфу двух судов. Морское ведомство предпочло не рисковать. Галиот «Рак» снялся с якоря 23 ноября 1753 года, на полтора месяца опередив Фридебека, который покинул Ревель лишь в январе. 3 (14) января судно достигло Киля, а 22 марта (2 апреля) 1754 года прибыло в назначенный порт. Галиот «Черепаша», поднявший паруса после вскрытия льда, увидели на рейде Экрендорфа 5 (16) мая.

Расторопность российских моряков оказалась напрасной. Власти Дании категорически воспротивились удовлетворить заявку Корфа в сто бочек устриц. 25 марта (4 апреля) Рентерейная камера разрешила купить не более четырех бочек, чтобы «места, где оные водятся в безсилие не привести и совсем не истощить». Фридебек, вернувшись в Киль 6(17) марта, узнал о позиции правительства с удивлением. Как профессионал, он понимал, что сто бочек существенного ущерба колонии голштинских устриц не причинят. Того же мнения придерживались и знакомые откупщики. Корф поинтересовался, нельзя ли ограничиться выделенным числом бочек. Голштинец с сожалением возразил: «ни на одно из... мест меньше дватцати бочек молодых аустерсов употребить невозможно». И если до конца апреля упорство чиновников не будет преодолено, придется все отложить до весны 1755 года.

526

Несмотря на все усилия, за месяц квота не выросла ни на одну бочку. В итоге корабли возвратились домой ни с чем, а присланую послу тысячу рублей тот потратил на другие нужды. Осенью Фридебек постарался оправдать строптивость Дании недоразумением. Рентерейная контора, по-видимому, подумала, что Корф просит у нее «самой меньшей род» новорожденных устриц, которых в бочку вмещается до пяти и шести тысяч. Вывоз ста бочек таких раковин, действительно, чреват серьезными убытками. Между тем для разведения нужны двух- или трехгодовалые устрицы (емкостью от

тысячи шестисот до тысячи восьмисот на бочку). Так что больше проблем не должно возникнуть. Однако в новом сезоне опять ничего не вышло, и в августе 1755 года, не вытерпев, императрица разведение устриц «велела отменить».

Императорский стол так и не дождался отечественных устриц и продолжал довольствоваться голш-тинскими, в основном флинсбургскими. Их по-прежнему закупали в Риге или Ревеле на иноземных торговых судах (по три, четыре и пять рублей за сотню раковин). Затем бочонки, рассчитанные на тысячу двести — тысячу шестьсот устриц, грузили на подводы и сухим путем доставляли в Петербург или в Москву. В редких случаях, как правило «для употребления своего... в Великий Пост», государыня выписывала через Я. С. Вульфа из Гамбурга английские устрицы, которые также везли сушей по маршруту Гданьск — Кенигсберг — Рига¹¹.

В данной истории Елизавета Петровна вела себя не слишком активно. Она оперативно откликалась на донесения посланников, но решения принимала, опираясь исключительно на содержащиеся в депешах сведения и на здравый смысл.

Отсутствие у нее и ближайших советников профессиональных знаний в заинтересовавшем их деле помешало проявить инициативу и добиться намеченной цели. Все могло сложиться иначе, если бы царица хорошо разбиралась в том, к чему стремилась. Венгерская эпопея Ф. С. Вишневого и его компаньонов — яркое тому доказательство.

527

6 апреля 1745 года завершилась длившаяся около шести месяцев подготовка к отправке Федора Степановича во владения императрицы Марии-Терезии «для покупки вина венгерского». Указ, подписанный в тот день, не ограничивал задание русского генерал-майора простым приобретением бочек вина для Двора Ея Императорского Величества. Пункт шестой документа предписывал малороссиянину «по отправлении покупных... вин венгерских старатца... в добрых местах венгерской земли, где родитца наи-лучшее венгерское вино, откупать сады виноградные, в которых бы можно сделать вино до пятисот анта-лов каждой осени». Иными словами, маленькому отряду россиян в составе командира с сыном, кабинет-курьера, двух священников, пяти «бочкарей», пятнадцати солдат во главе с вахмистром и девяти слуг (всего тридцать пять человек) предстояло основать в Австрийской империи русскую факторию по производству вина. На подъем им ассигновали десять тысяч червонных (1 червонец тогда равнялся 2 рублям 25 копейкам), на жалованье — около 2700 рублей, на подарки для должностных лиц — один сорок соболей, пуд чаю жулану и сотню шкурок россомах. Получив загранпаспорт, датированный 15 июня, команда Вишневого в конце августа двинулась из Киева в путь. 8 сентября 1745 года путешественники достигли Апернеша — первого венгерского города. Помня наказ государыни — искать молодые и старые вина на ее вкус («а какие вина на наш вкус потребны, вы знаете») — Федор Степанович на всем пути от границы до Токая дотошно расспрашивал местных жителей о нынешнем урожае и о запасах старого вина восьми- или девятилетней выдержки. К сожалению, доброго старого вина найти не удалось. Тем не менее старик не огорчился этим. Напротив, поездка по благодатному краю, воспоминания пятнадцатилетней давности (вояж 1729 года увенчался обнаружением в малороссийской глубинке юноши с великолепным голосом — жителя села Лемешки Алексея Ро-зума, ставшего морганатическим супругом Елизаветы Петровны) расслабили и-енерала. Он размышлял,

528

и по прибытии 1 октября в Токай через девять дней сочинил рапорт с изложением грандиозного проекта: мы покупаем или берем под заклад двенадцать виноградников и три двора с погребями. Первый разместим в Токае, куда будем свозить ягоды с

токайских, тарцальских и керестурских горных садов. Второй расположим в Талы. Сюда начнут стекаться гроздьи из Сантоваи, Мады и Самбора. Третий — в Толч-ве — примет на себя виноград из Угеля, Патока, Лиски и Бени. Найдем трех винцлеров — надзирателей — и интендатора с писарем — главного управляющего. На все про все потребуется двадцать тысяч червонных.

Прочитав 13 ноября это донесение, императрица поспешила остудить пыл энергичного подданного: вам поручили «откупать сады, а не покупать; и между откупа и купли разнь великая... по силе данного вам указу надлежит в будущую весну и до осени, как поспеет виноград, еще присматривать лучших садов для откупа или для покупки, ежели возможно будет купить, дабы наперед видеть, за что еще откуп платить. И чтоб оно было в одном месте для лутчего усмотрения, а в розных местах и усмотрить невозможно. И во откупе смотреть надобно, что будет прибыли. Пред тем, как купить, зделанное вино или виноград на дело вина покупать. А особливо в покупке смотреть требуемую цену и при том годовой расход на содержание оных садов работниками и строением. А потом, колико ис тех покупаемых садов может и насколько по тамошней цене вина выходить...».

Елизавету весьма огорчили фантазии генерала. Ее в первую очередь интересовало, как в кратчайшие сроки обеспечить Петербург несколькими анталами венгерского вина. Самодержица даже сделала собственноручную приписку на послании от 8 ноября: «А ежели возможно, хотя б три антала на почте прислать, что здесь такая нужда, что нигде сыскать невозможно. А я обоитися без одного не могу, что и вы известны». 9 ноября в Токай через Киев отправился сержант Вологоцкого пехотного полка Николай Жо-лобов за теми самыми тремя анталами. И вот на тебе.

529

Вместо того чтобы искать хорошее вино и осторожно приглядываться к виноградникам, Федор Степанович заболел гигантоманией.

Впрочем, государыня напрасно сетовала на старика. Жизнь быстро опустила его с небес на землю. 28 сентября в Угеле Вишневский запросил у местных властей разрешения на покупку сухих ягод для изготовления вина. 13 октября ему объявили ответ: запрещено, потому что многие купцы подливают в ординарное вино чуточку сухогрузного, продавая подделку под видом настоящего сладкого вина из сухих ягод. Вскоре выяснилось, что покупать виноградники иностранцам тоже не дозволяет закон. Да и под заклад взять сады вправе лишь частное лицо, но никак не царственная особа. Тогда расстроенный срывом великого плана эмиссар занялся своим прямым делом — покупкой вина.

В ноябрьских письмах 1745 года императрица пожелала, чтобы к весне ее агент собрал для отправки в Россию 375 бочек токайского. В выборе маршрута доставки вина — через Киев «сухим путем» или через Гданьск «водою» — руки не связывала: «то отдаем на ваше разсуждение». Колебания царицы объяснялись тем, что генерал-майор сообщил ей о совете венгерских торговцев не возить морем молодое вино, а то испортится. С другой стороны дорога через Дуклы, Львов до Киева из-за бесчисленных мостовых и прочих пошлин (от гроша до нескольких тинфов) изрядно била по карману (до 9 червонных за бочку; червонный равнялся 13 тинфам и 1 шостаку; а 1 тинф — 3 шостакам). Второй путь — из Кошице до Прикупа, далее по Висле через Варшаву до Гданьска — выглядел предпочтительнее, ибо стоил в три раза дешевле (до 3 червонных с бочки). Это не считая государственной пошлины, которая взималась с каждой бочки при въезде в Речь Посполиту (королевская — два прусских гульдена; республиканская — шесть прусских гульденов и двенадцать грошей), при складировании на таможне (семь прусских гульденов и шесть грошей, и за квитанцию тинф) и при выезде за границу (республиканская пошлина — два

прусских гульдена). Правда, из десяти две бочки налогом не облагались. Благодаря усилиям российского резидента в Варшаве Михаила Голембовского Польша в ноябре 1745 года выдала россиянам паспорт на беспошлинный провоз на границах 300 бочек (600 анталов) вина.

Вишневский закупил к зиме 348 анталов хорошего молодого и старого (сумел-таки раздобыть) венгерского и из общего числа весной 1746 года послал в Петербург 274 антала. Комиссар и царица решили разделить партию пополам. Самым первым с 32 анталами токайского еще зимой сухим путем отправился Николай Жолобов. Весной Венгрию покинули два основных отряда. Сын генерала — поручик Новотроицкого драгунского полка Гаврила Вишневский — повез 50 бочек через Львов и Киев. Кабинет-курьер Иван Мейер со 142 анталами поплыл на плотях по Висле. Хотя императрица перед тем настаивала на передаче в Гданьске бочек фурманщикам, генерал убедил царицу проверить морской вариант.

Федор Степанович не ошибся. Ни молодое, ни старое вино не испортилось. Поэтому с 1747 года путь по Висле стал главным. А к южному направлению прибегали в периоды посещения Двором Москвы — в 1748—1749 и 1752—1754 годах. Кроме того, через Киев в Венгрию всегда ездили курьеры и команды для сопровождения вина в Россию. Первые пять лет с двумя, тремя или пятью драгунами в мадьярские земли торопился Иван Мейер или Николай Жолобов. Но в октябре 1751 года Мейера поймали на контрабанде десяти анталов вина для продажи на сторону. 27 декабря царица разжаловала офицера в солдаты «до выслуги», определив в квартировавшую под Новгородом кавалерийскую часть. Чтобы избежать службы вне столицы, предприимчивый подчиненный Черкасова принял православие. За это полагалась награда, которую тот и получил. 5 января 1752 года императрица, простив виновного, произвела его в прапорщики Ингерманландского пехотного полка, стоявшего в Петербурге. Место проштрафившегося Мейера занял кабинет-курьер Иван Стрешнев, под-

531

ключившийся к перевозке вина в 1750 году. Коллегу Стрешнева и Мейера Николая Алексеевича Жолобо-ва ожидала иная судьба.

Погрузив весной 1746 года на плоты и подводы первую партию венгерского вина, генерал Вишневский приступил к выполнению главного задания — созданию базы для производства российских марок токайского. В точном соответствии с наказом государыни в мае Федор Степанович арендовал на пятнадцать лет три виноградных сада («винницы») и погреб в Толчве, оформив сделки под видом закладных (за 900—1000 флоринов). Активность русского эмиссара не на шутку встревожила австрийское правительство. Сама Мария-Терезия не имела собственных виноградников. Вино для нее закупали посредники. А тут подданный русской императрицы приобрел, пусть и под заклад, целых три винницы с погребом на имя Елизаветы Петровны, фактически выведя их из-под юрисдикции земского суда. Венгерский канцлер граф Надастий, не мешкая, сообщил о претензиях венского Двора российскому посланнику Лачинскому. Чуть ранее советник венгерского канцлера граф Пальфи велел обер-гептану Цемплинского ко-митата графу Берению объяснить в Токае господину Вишневскому всю деликатность ситуации и внушить ему, чтобы он переписал закладные на себя. Россияне, помня позицию царицы — «ничего в противность... земским уложениям» страны пребывания не делать — учли пожелания австрийцев и получили право спокойно заниматься тем, ради чего приехали.

Нелегко давалась генералу с товарищами новая наука. Минуло два года, но в отсылаемых на родину бочках изготовленное на российских виноградниках

сухогрузное вино фактически отсутствовало (ординарное столовое по высочайшему повелению распространяли за деньги в Венгрии). Уже первая партия 1746 года продемонстрировала, насколько опасно покупать токайское у неизвестных торговцев. Наибольшую часть импорта составили вина из сухих ягод — самые любимые императрицей. Увы, Петербург ожидало разочарование: «Оные по приво-

532

зе сюды... казались сперва сладки, а стоя в погребах чрез несколько месяцев стали кисловаты. Почему видно, что не зделаны оныя из сухих ягод, но ординарные подделаны зделаным из сухих ягод вином, чего сперва и узнать невозможно». Конечно, Елизавета пожаловалась цесарскому послу Бретлаху на недобросовестность венгров. Да что толку. Только виноград с отечественных плантаций и более тщательный отбор поставщиков гарантировал высокое качество конечного продукта. Однако опыт приходит со временем. Не сразу определился круг достойных партнеров — хозяев курий (дворянских виноградных усадеб) и обычных винниц. Медленно обучались россияне искусству возделывания виноградников в горной местности, в Карпатах. К тому же сильный удар по русской колонии в Венгрии нанесла смерть главного командира 27 января 1749 года. В марте из Москвы в Токай срочно выехал кабинет-курьер Николай Жолобов, неплохо освоивший за пару лет тонкости венгерского винного рынка. Он организовал отправку очередной партии вина в Россию с Иваном Мейером и зимой 1749/50 года сдал дела полковнику Гавриле Федоровичу Вишневному. Елизавета Петровна, наверное, понимала, что Жолобов — более перспективная кандидатура. Тем не менее назначила иного. Из уважения к памяти почтенного старика она не могла не поощрить его сына. Сын же надежд не оправдал. Если отец нового управляющего использовал разрешение на беспошлинный провоз через Польшу 300 бочек лишь два года (в 1748 году из-за нерасторопности Коллегии иностранных дел с Жолобова затребовали на границе налог), то Вишневецкий младший половину квоты 1749 года в 700 анталов не израсходовал и за три года. 5 марта 1753 года последовали оргвыводы. Николай Алексеевич Жолобов в ранге премьер-майора возглавил хозяйство в Токае и быстро исправил ситуацию. В 1754 году в Россию из Венгрии вывезли около 300 анталов вина. Из них 169 пересекли польскую границу по новой беспошлинной квоте в 700 анта-

533

лов. Миновал год, и резидент Ржичевский опять хлопотал в Варшаве о паспорте, ибо Жолобов приготовил к отправке около 1000 анталов. В 1756 году картина мало изменилась. В Гданьск по Висле на плотях переправили 751 антал вина, купленного в январе — июле у постоянных клиентов русской миссии — греков, живших в Токае, и мадьярских шляхтичей (по 10—40 анталов у каждого хозяина виноградников ценою от 9 до 15 червонцев за антал), и 28 анталов, наполненных казенным токайским урожаем 1755 года. Таким образом, задачу, поставленную перед отрядом Вишневецкого в 1745 году, преемник Федора Степановича успешно выполнил: российский Двор получил необходимое количество качественного токайского вина, в том числе и с собственных виноградников¹².

Бесспорно, основание российской фактории в Токае — событие важное. Жаль только, что многие причины — географические, политические, экономические — не позволили Елизавете Петровне аналогичным способом обеспечить Двор прованским маслом, специями, голландской сельдью, швейцарским сыром и т. д. В результате бремя дорогостоящих покупок целиком легло на плечи Придворной конторы, которой и так не хватало средств, чтобы вовремя выплачивать жалованье подчиненным. Первые семь лет царствования дочери Петра Великого придворным выдавали деньги нерегулярно. Часто с большим опозданием. Особенно трудная ситуация сложилась в

1746 и 1747 годах, когда люди не видели рублей и червонных по восемь и двенадцать месяцев, как, например, Христиан Вильгельм Миних.

Правда, сумма обер-гофмейстеру причиталась довольно крупная — шесть тысяч в год. Для ведомства Шепелева, целиком зависимого от бюджетных вливаний, она являлась непосильной ношей. Почти столько же забирали двенадцать фрейлин или восемьдесят лакеев вместе с десятью камер-лакеями. Естественно, обер-гофмаршал старался в первую очередь удовлетворять молодых, предпочитая выслушивать жалобы одного старика, чем настраивать

534

против себя сотню недовольных мужчин или десятков разгневанных девиц, ежедневно общающихся с императрицей. Причем, надо отдать Шепелеву должное, низшие чины он всегда обслуживал прежде камергеров, камер-юнкеров и фрейлин. Сама Елизавета осознавала необходимость избавить Дмитрия Андреевича от чрезмерной нагрузки. Еще в октябре 1746 года царица решила перевести оклад Миниха в то ведомство, которое тот фактически возглавлял до осени 1744 года, а формально и дольше — Главную Дворцовую канцелярию. Но по ряду причин (переезд канцелярии из Москвы в столицу, установление нового порядка работы Кормовых погребов во дворце, проблемы из-за срыва плана по отказу от услуг подрядчиков с 1 января 1747 года) распоряжение о немедленной выплате обер-гофмейстеру двенадцати тысяч рублей за прошлый и текущий годы Елизавета Петровна санкционировала лишь 16 февраля 1747 года.

Что касается остальных придворных, то им долги погасили через полтора года. 1 июля 1748 года императрица велела статс-контуре выделить 68 тысяч 205 рублей на выплату большей части служителей задолженности за сентябрьскую треть 1747 года и январскую 1748-го, после чего установила четкую систему дальнейшей работы бухгалтерии: по прошествии каждой трети года (четырёх месяцев) статс-контора в три дня перечисляет камер-цалмейстер-ской контуре 47 305 рублей 29 копеек; там комиссар, два копииста и четыре счетчика по полученным от Придворной конторы ведомостям в неделю раздают деньги всем, кому надлежит, с вычетом госпитального налога — по копейке с рубля. Кстати, у военных на медикаменты вычиталось три деньги с рубля; статские чины расставались при повышении звания с месячным окладом. Порядок, утвержденный Ее Величеством, оказался эффективным и в последующем соблюдался практически неукоснительно, за исключением одного пункта: в декабре 1752 года Придворной контуре вновь поручили выдавать жалованье низшим придворным служителям. Высшим и тем, кто обретался в Комнатах Ее Величества, деньги

535

выплачивала по-прежнему Камер-цалмейстерская контора¹³.

Конечно, Маслов не обрадовался переводу на попечение Дворцовой канцелярии обер-гофмейстера, изнывавшего от безделья и донимавшего императрицу жалобами на самовластие действительного статского советника. Якову Андреевичу с лихвой хватало и натянутых отношений с Придворной конторой. Он с возмущением взирал на потворство обер-гофмаршала возрастающей толпе дармоедов, желающих питаться на казенный счет. Шепелев злился на скупость партнера, не думающего о престиже и славе государства российского. Дмитрий Андреевич не ленился увеличивать объемы нарядов (в два с половиной раза от первоначального) и число ярлыков. Маслов протестовал, корректировал перечень припасов в нарядах в сторону их удешевления и при каждом удобном случае игнорировал «экстры». Учитывая сложный в психологическом плане характер деятельности управляющего всем Двором, не стоит удивляться постоянным нервным срывам главного оппонента Маслова. Правда,

страдал от них не действительный статский советник, а подчиненные, в основном комиссары кормовых погребов и подрядчики.

6 июля 1748 года в Петергофе Шепелев придрался из-за пустяка к стряпчему Ивану Рыкову. «Необъявля ничего бил его по щекам и топинками, и розбил все лицо до крови», приговаривая, что «бьет не его, Рыкова, но командира его». Обещал сослать на каторгу и высечь кошками. Слава Богу, «оных не сыскали», и комиссар местного кормового погреба отделался двумя часами ареста. 2 января 1748 года на второй верхней кухне мункох Цыкель обозвал комиссара Кормового погреба Зимнего дворца Ивана Долгова «канальей» и облил из кастрюли горячей водой. Долгов пожаловался Маслову и Нарышкину. Семен Кириллович сообщил о проступке повара Шепелеву. Обер-гофмаршал, встретив комиссара, выбранил его за то, что Маслов донес о происшествии императрице. Затем ударил черствой булкой по лицу, оцарапав ему до крови губы, и тоже грозил высечь¹⁴.

536

Вражда вельмож эхом отзывалась на отношениях обеих команд. Многие придворные служители, уповая на покровительство обер-гофмаршала, вели себя не лучшим образом. Появившись на Запасных дворах канцелярии или на садках и скотобойнях подрядчиков, лакеи, скороходы и иные мелкие служащие занимались самоуправством, бранили и били мужиков, купцов, стряпчих, в том числе комиссаров, и в нарушение правил пытались забрать мясо, рыбу, овощи, фрукты сверх нормы (иногда это им удавалось) или не в назначенный срок. Между тем по закону всем высшим и низшим чинам, не обедающим и не ужинающим за общими столами, полагалось выдавать столовые припасы натурой или деньгами раз в неделю или месяц в строгом соответствии с сочиненным камер-фурьером нарядом.

Придворные поступали по-разному. Так, мадам Мария Ивановна Крузе свой недельный рацион (двадцать восемь фунтов говядины, барашек, четверть телянка, три пары рябчиков, семь фунтов муки недомерочной, четыре курицы русские, семь фунтов чухонского масла, пятьдесят свежих яиц, четверть четверика овсяной крупы и два фунта соли) с 8 января 1753 года получала в денежном эквиваленте по усредненным столичным ценам — около пятидесяти рублей за годовую треть. А вот пажи от продуктового набора не отказывались. Ни до, ни после того как 9 октября 1750 года из-за «шума и резвости» утратили привилегию в часы дежурств обедать и ужинать за столом Ее Величества по окончании высочайшей трапезы (с 29 марта 1750 года они вместо лакеев стояли позади царицы и ее гостей, подавая всем блюда, приносимые, как и прежде, лакеями). С этого дня пажам готовили у них на квартире в доме Крюйса повара из выданных Дворцовой канцелярией припасов: круп гречневой и овсяной, недомерочной и пеклевой муки, кисло-сеченой капусты, соленых огурцов ежедневно; шук, сигов, налимов, подлещиков, подъязиков, окуней, плотиц, орехового масла и паюсной икры в постные дни; говядины, баранины (фунтов по 20—30), русских кур (4—5 штук), коровь-

537

его и чухонского масла, свежих яиц, молока, сметаны и творогу в мясоедные.

Вокруг размера и состава порций между сановниками тоже шла ожесточенная война. 22 сентября 1754 года Шепелев отправил Маслову ордер об увеличении на шесть рублей ежедневной нормы госпожи Татьяны Афанасьевны Скороходовой с двумя дочерьми. Яков Андреевич, не раздумывая, наложил на запрос вето. 2 октября обер-гофмаршал с криком, но без рукоприкладства отчитал комиссара подпоручика Александра Вепрейского за неисполнение повеления Ее Величества. Упоминание имени Елизаветы Петровны произвело на главу канцелярии впечатление. Тот пошел на уступку: удовлетворил наполовину дамский список. Придворная контора на

компромисс не согласилась и 5 октября потребовала выдать все сполна. Дворцовая канцелярия, сославшись на пустую казну и долги, притязания отвергла и ничего более не отпустила.

Кстати, Дмитрий Андреевич неоднократно пробовал вовлечь императрицу в межведомственный конфликт, воспользовавшись «высочайшим гневом». Однако Елизавета никогда не порола горячки. 21 августа 1748 года в Царском Селе за ужином ей попалась недопеченная французская булка с неприятным запахом. Кто-то посетовал на качество муки. Тем не менее государыня, хотя и изволила за «оное небрежение... гневатца, но, кто в том виноват, худая мука дана или хлебники обыкновенное свое плутовство... употребили, о том... указала исследовать и... к... Маслову писать». Маслов обратил внимание на то, что муку у подрядчика, как для обеда, так и для ужина отбирали пекари. И раз в обед такие же булки нарекания не вызвали, значит, мука тут ни при чем.

31 мая 1751 года недовольство царицы вызвал ситный хлеб из белой муки, оказавшийся и днем, и вечером пресным и некимлым. Случившийся поблизости тафельдекарь Соколов свалил вину на комиссара дворцового погреба, который пекарей бранит и «принуждает такую муку принимать, какую отдает». А метрдотель Фукс добавил, что комиссара невозмож-

538

но застать на рабочем месте. И вновь Елизавета отреагировала на жалобы разумно, распорядившись «о том исследовать» и затребовать мнения Маслова. Маслов перевел стрелки на хлебников, отчего-то взявших вместо белой пеклеванной муки ситную. Императрица, выслушав обе точки зрения, 2 июня вынесла несколько неожиданный вердикт. Выговора никто не получил, а белую пеклеванную муку решили заменить на аналогичную черную. 1 и 3 ноября 1752 года царица также ограничилась замечанием: в первый день ей на обед подали отвратительную кашу из несвежих «круп просяных», а через день — жареную молодую курицу «весма худую», то есть тощую.

В общем, государыня держала нейтралитет в междоусобице двух влиятельных учреждений. А между тем у многих менее крепких духом лиц в этой обстановке случались настоящие истерики. Например, у знакомого нам Петра Милорадовича. Когда в июле 1752 года Двор перебрался в Петергоф, именно гоф-фурьера Милорадовича Шепелев оставил в Петербурге за старшего. В обязанность ему вменялось смотреть за поведением и питанием не уехавших с императрицей придворных всех рангов. Дмитрий Андреевич вручил подчиненному и наряд, по которому Дворцовой канцелярии надлежало отпускать на среднюю и нижнюю кухни припасы. До 31 июля проблем не возникало. А в таг день Яков Андреевич, ознакомившись с отчетом комиссара Александра Куличкина, произвел секвестр необоснованно завышенного наряда на съестные припасы для прозябавших в столице ста двадцати чинов. Те возроптали. Милорадович донес 3 августа об инциденте Шепелеву. Обер-гофмаршал, как обычно, потребовал восстановить статус-кво. Действительный статский советник, как обычно, наплевал на его мнение под предлогом отсутствия средств. На том оба и успокоились.

Но не уgomонился гоф-фурьер, на которого давили со всех сторон недовольные подопечные. 18 августа он не вытерпел и пошел в кормовой погреб Зимнего дворца, чтобы сверить свой наряд с реестром комиссара. Прочитав бумагу подключника Никиты

539

Михайлова и осознав собственное бессилие, малороссиянин сорвался: набросился на Михайлова с кулаками. 19 августа история повторилась с комиссаром Летнего дворца Яковом Смольяниновым (с 1 июня 1751 года на главном кормовом погребе, сменяясь

через месяц, дежурили два стряпчих), которого несчастный правдоискатель отхлестал шляпой по щекам. Брань и кулаки пользу не принесли. Ни караульные офицеры, ни мадам Яганна Петровна Ноли с детьми, ни Анна Ивановна Пребышевская с племянницей, ни канцеляристы с регистраторами сытнее от скандала не стали. Милорадович попробовал поделиться частью офицерской порции с приказными чиновниками, лишившимися всего. Не помогло. И тогда в ту же среду 19 августа гоф-фурьер кинулся на рыбные садки (среда — постный день). Опять бранился, размахивал руками, силой взял необходимое число стерлядей, щук, окуней, ершей и вместе с уловом вернулся во дворец. Яков Андреевич не замедлил переправить Дмитрию Андреевичу доклад о непростительном проступке подчиненного, тщетно ожидая положительной реакции. Шепелев осуждать действия гоф-фурьера, не смирившегося с самоуправством Дворцовой канцелярии, не собирался.

И так изо дня в день, из года в год. Команда обер-гофмаршала выбивала в прямом и переносном смысле из комиссаров и подрядчиков максимально возможное число столовых припасов. Команда действительного статского советника с переменным успехом сдерживала натиск противника. Ы декабря 1753 года оба стряпчих — Смольянинов и Куличкин — уступили место двум офицерам при шпагах — прапорщику Петру Маклакову и подпоручик¹ Александру Вепрейскому. Отныне поднимать руку на комиссаров остерегался даже обер-гофмаршал¹⁵.

Но все-таки, почему императрица спокойно наблюдала за ведомственной дуэлью и не пыталась положить ей конец? Не обращала внимания на интриги Шепелева против Маслова. Не откликалась на доклады Маслова о тяжелом финансовом положении канцелярии «от умножения столов». По-видимому, раз-

540

гадка кроется в отчете регистратора Алексея Дедюлина (тезки и однофамильца опального любимца А. Д. Татищева), отвечавшего за приход и расход денежной казны Канцелярии в 1755 году. В рапорте, датированном мартом 1756 года, зафиксированы следующие цифры. Доход Канцелярии в 1755 году составил 236 078 рублей, из коих за снабжение столовыми припасами «Двора Ея Императорскаго Величества» подрядчикам выплачено около ста тысяч. На покупку провизии и вещей, помимо подрядов, истрачено 20 тысяч рублей. Погашение долгов 1754 года потребовало около двух тысяч. На строительство каменного Запасного дворца ассигновано около 24 тысяч, на жалованье чиновникам Канцелярии, придворным гребцам и обер-гофмейстеру Миниху — около 25 тысяч. Светильни, воск и «беление онаго» стоили 17 тысяч, мука и горох — 14, 5 тысяч рублей. Придворным служителям наличными за припасы выдано около 8 тысяч. И, самое примечательное, в бюджет 1756 года перечислен остаток года 1755-го — 4916 рублей 24 копейки¹⁶.

Это красноречивое свидетельство того, что Маслов при всех тяготах, жалобах, спорах и нареканиях добивался главной цели — сводил концы с концами. А значит, противостояние Якова Андреевича с Дмитрием Андреевичем имело особый смысл. Оба прекрасно уравнивали и дополняли друг друга. Первый, радея о престиже императрицы, вытряхивал из второго максимум средств. Второй, жестко оппонируя первому, не позволял перешагнуть ту грань, за которой обоснованные траты на демонстрацию соотечественникам и иностранцам богатства и изобилия России превращались в неоправданное и невосполнимое расточительство. Вмешательство царицы тут было излишним и даже вредным. Оно могло нарушить баланс сил в ту или иную сторону с соответствующими негативными последствиями.

...Однако нам пора отправляться в кадетскую столовую. 1 июля 1756 года обеденное меню воспитанников корпуса выглядит вполне прилично: на первое — чечевица со свиной, на второе — говядина

под хреном, на третье — молоко с творогом. Будь это воскресенье, ребят побаловали бы еще и тортом с черносливом или ватрушками. 29 июня закончился Петровский пост, и в рацион учеников и преподавателей -россиян вернулась скоромная пища — супы с соро-чинским пшеном или перловой крупой и с говядиной, фрикасе из баранины, лапша или суп с клецками и кусочками мяса, щи со свиной, окорок копченый со шпинатом, солонина с горчицей, каша молочная, пироги с говядиной, молоко. Вместо гарнира — салаты, турецкие бобы, ягоды, соусы, хрен, чернослив, горчица, яйца, редис или молоко с «земляницей».

Во время же поста (с 10 июня) на отечественном столе господствовали исключительно похлебки с окунями, кашицы с осетриной, лососина с уксусом, жареные шуки с салатом, леши под хреном, осетрина, лососина или белужина с ботвиньей и огурцами, горох с белужиной, каша крутая с маслом, сладкие оладьи да блины гречневые. Все, что кадеты и учителя не успевали съесть в обед — супы, фрикасе, жаркое из говядины, превращенное в рагу, солонину (уже крошенную с маслом), отварную и жареную рыбу — повара разогревали и подавали на ужин. В домах вельмож или у императрицы так не поступали, хотя ассортимент блюд при всем разнообразии в основном совпадал с тем, чем кормили будущих офицеров¹⁷.

Глава 20

Лейб-медик

1756 июнь

01. Пожалован Василий скороход в камер-лакеи.

02. Пожалованы И. Л. Воронцов в камергеры, А. А. Нарышкин в гоф-маршалы, Л. А. Нарышкин в

камергеры, П. К. Нарышкин же в камергеры.

03. Их Высочества изволили уехать в Ораниенбаум.

07. Государыня изволила поехать в Петергоф после полудни в 3-м часу, а В. К. Щавел] П[енгрович]

в 6 часов в вечеру.

08. Мы поехали в Петергоф поутру в 10 часов, а приехал буер 9 числа в 6 часов.

542

/ / . Приехали фрейлины в Петергоф и яхты приехали. 13 • Подан Щетру] Щвановичу] И[змайлову] орден.

14. Была комедия из Индианы.

16. Был куртаг. Их Высочества изволили приехать из Ораниенбаума. После вечернего кушанья опять изволили поехать.

17- П[авел] Щетрович] отнят от груди.

26. Государыня и Их Высочества все прибыли в

С.-Петербург в 5 часов.

1 июня 1756 года около десяти часов утра в «физической каморе* Медицинской канцелярии на третьем этаже известного всему Петербургу здания главной аптеки в самом конце Миллионной улицы встретились пять врачей. Доктор гвардии полков Карл Федорович Крузе, доктор морского корабельного флота Дамиан Петрович Синопеус, штат-физикус канцелярии доктор Иван Яковлевич Лерхе и главный командир Медицинской канцелярии, лейб-медик императрицы Павел Захарьевич Кондоиди собрались на собеседование с очередным доктором медицины, желающим получить право на лечение больных в России. Сын провинциального протестантского пастора из эстляндского местечка Геве, выпускник Йен-ского университета Пауль Якоб Книпер подал 30 мая челобитную с просьбой дать ему «на докторской чин от Медицинской канцелярии конфирмацию и к управлению медической практики позволение». Глава российского «медицинского факультета» не замедлил с ответом,

назначив экзамен на субботу.

Проверка профессиональной подготовки медиков была довольно заурядным мероприятием. Никто не мог избежать ее, хотя бы из-за того, что лекарство в грех столичных и во всех региональных аптеках отпускалось лишь по рецепту доктора, зарегистрированного в официальном списке Медицинской канцелярии. А в список попадал только тот, кто выдерживал испытание коллег, часто в присутствии первого медика страны. Впрочем, 7 марта 1755 года исключение появилось. Императрица распорядилась уволить от экзамена докторов, которые приезжали в Российскую империю по приглашению государства. Они

543

ограничивались представлением диплома об окончании того или иного медицинского учебного заведения. Именно так членом «факультета» 25 мая 1756 года стал удостоившийся звания профессора химии Петербургской Академии наук немец Ульрих Христиан Салхов, в прошлом студент университета в Галле¹.

Диалог между Книпером и экзаменаторами велся на латинском языке. Доктора поочередно задавали эстонцу вопросы «по всем частям феории и практики». Карл Крузе выяснял осведомленность соискателя в области анатомии и физиологии (строение и функционирование органов здорового человека). Иоганн Лерхе интересовался способами лечения с помощью бритвы, ланцета и лекарств — «хирургией медической» и «химией фармацевтической». А Дами-ан Синопеус налегал на патологию, то есть на умение претендента распознавать болезни и их причины. Павел Кондоиди тоже не безмолствовал. Он обсудил с кандидатом ряд характерных случаев из его медицинской практики в годы работы с позволения местного губернатора и магистрата вольным доктором города Ревеля. В итоге знания Пауля Книпера вполне удовлетворили строгую комиссию. 4 июня Крузе, Лерхе и Синопеус подписали аттестат, на основании которого 7 июня Кондоиди постановил принять Книпера в ряды российских врачей:

«Мы нижеподписавшиеся доктора медицины будучи по повелению Медицинской канцелярии созваны июня 1 числа сего 1756 года в присутствии оной канцелярии и всего медицинского факультета господина главного директора, тайного советника и пер-ваго лейб-медикуса для экзаминования ученного господина доктора Пауля Якоба Книпера, эстлянца, которой на Университете Иенском в 1750 году апреля 29 дня по держании инаугуральной диссертации, предлагающей артритидем рационалитер демонст-ратам, получил на докторской чин диплом, оному учинили вопросы из хирургии медической, из химии фармацевтической, из анатомии, физиологии и пафологии. А господин директор учинил ему вопросы из практики медической. И из ево ответов мы

544



Императрица Елизавета Петровна в начале царствования.



Дворец цесаревны Елизаветы Петровны (слева) и дом И. Г. Лестока (справа) на набережной Красного канала.

Вид на Зимний дворец и императорские яхты со стороны Стрелки Васильевского острова.





Петр I.



Екатерина I.

Анна Петровна.



Петр II.





Анна Иоанновна.



Э. И. Бирон.

Антон-Ульрих Брауншвейгский.



Анна Леопольдовна.





А. И. Остерман.



Б. Минин.



И. Г. Лесток.



И. Шетарди.



А. П. Бестужев-Рюмин.



Н. Ф. Лопухина.

Деревянный Зимний дворец на углу Мойки и Невской прешпективы.





М. В. Ломоносов



Стрелка Васильевского острова: выделены здания Кунсткамеры, Академии наук, Таможни, Биржи, пристань Санкт-Петербургского порта и помост иллюминационного театра.

Вид на Кунсткамеру и палаты Академии наук со стороны Зимнего дворца.





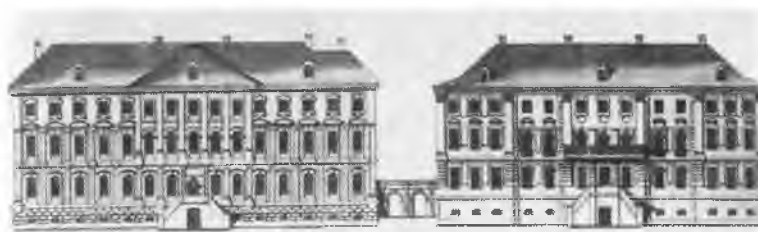
Ж. Н. Делиль.



Хр. Вольф.

Зид города Фрейбурга.





Дома братьев С. Г. и Н. Г. Строгановых (слева) и Н. А. Демидова на Стрелке Васильевского острова.

Зал Библиотеки Академии наук в здании Кунсткамеры.





Титульный лист «Волфганской экспериментальной физики». 1746 г.



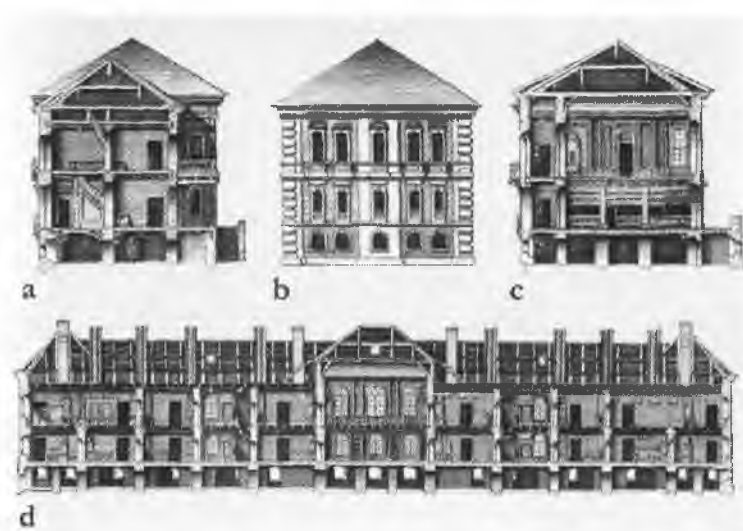
В. К. Тредиаковский.

Г. В. Крафт.



Л. Эйлер.

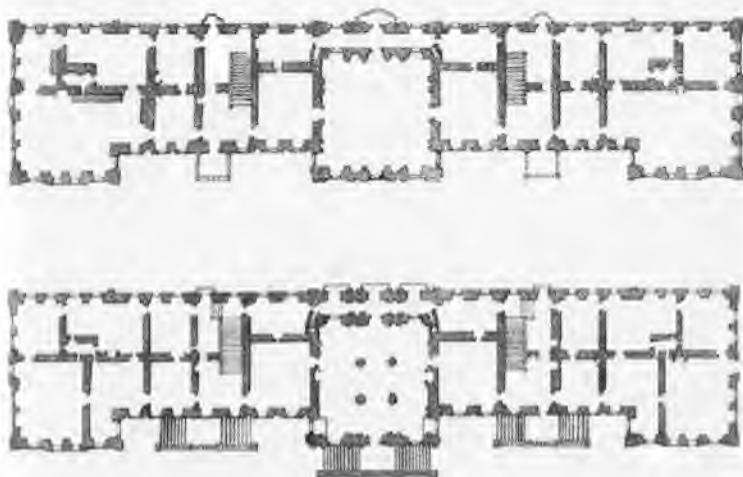




Внутренний вид здания Академии наук:

- a. «Профиль на полдень»;
- b. «Фасад Академии наук на полдень»;
- c. «Профиль Книжной лавки и залы Конференций на полдень»;
- d. «Профиль Академии наук на восток».

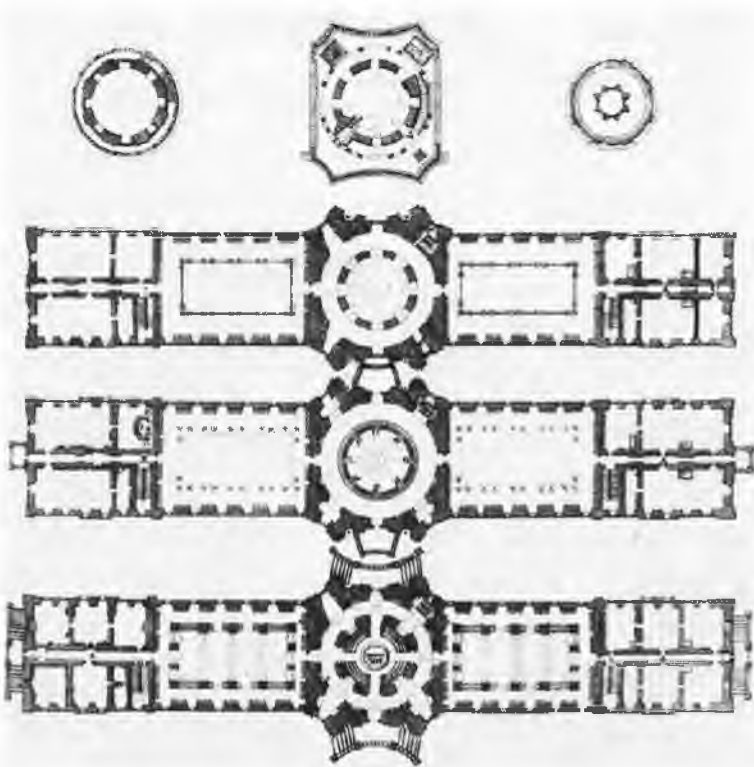
План 1-го (внизу) и 2-го (вверху) этажей палат Академии наук.





«Профиль Библиотеки и Кунсткамеры на восток».

План 1-го (внизу), 2-го (в середине) и 3-го (вверху) этажей Кунсткамеры





Диплом М. В. Ломоносова на звание профессора химии. 1745 г.

Усадьба М. В. Ломоносова на набережной Мойки, где ученый жил с 1757 г.





Императрица Елизавета Петровна. 1761 г.

усмотрели, что он в медицине имеет хорошее искусство, чего ради признали, что оной господин доктор Книпер достоин, чтоб был приписан нашему факультету медицинскому, и чтоб практика медицинская ему была позволена во всероссийской империи»².

8 июня пастор Каспар Фридрих Ланге привел Пауля Книпера к присяге, 21 июня в Медицинской канцелярии доктору вручили два указа на право медицинской деятельности в пределах России: один для него, а второй для адмиралтейской аптеки в Ревеле. Кроме того, новичку пообещали должность на государственной службе, когда освободится какая-нибудь вакансия³. Павел Захарьевич Кондоиди при этом не присутствовал. Он тогда жил в Петергофе возле государыни и маленького великого князя Павла Петровича. Там, благодаря расторопности подчиненных, и рассматривал все срочные дела. Выделял средства на ремонт помещений и колясок, на жалованье персонала, подрядчикам за поставленные припасы, канцеляристу Гавриле Мостинскому за разовые покупки чего-либо для аптек, медицинского огорода или канцелярии. Фиксировал прием денег от продажи лекарств и канцелярского имущества. Назначал вступительные и выпускные экзамены лицам, желающим изучать в госпиталях и аптеках лекарскую и аптекарскую науку или получить звание подлекаря, лекаря и аптекарского гезеля. Отсылал в смежные учреждения промемории с запросами. Решал кадровые проблемы. В общем, занимался обыкновенной будничной текучкой и не брался ни за что более серьезное⁴.

По-видимому, тем летом лейб-медик государыни, желая немного отдохнуть, не загружал себя сверх меры государственными заботами. Ровесник царицы имел полное право чуточку расслабиться. Ведь за истекшие два с половиной года интенсивных реформ Кондоиди сумел выполнить главную задачу, стоявшую перед ним. Он реорганизовал запущенную при предшественниках отечественную систему медицинского обслуживания и образования, существенно повысив ее эффективность.

18 К. Писаренко

545

Двадцатишестилетним юношей племянник ученого греческого священника-эмигранта и вологодского епископа Афанасия Кондоиди, владевший помимо родного еще семью языками и с успехом окончивший медицинский факультет Лейденского университета, оказался в рядах русской армии, маршировавшей по дорогам Польши. Пока офицеры и солдаты спешили к Рейну навстречу французам, молодой доктор лечил изможденных походом подчиненных Ласси, с горечью взирая на ужасающие условия содержания своих пациентов. Через год разгорелась война на юге. Фельдмаршал Миних с войсками двинулся на Крым, и набиравшийся опыта медик принял самое активное участие в турецкой кампании, которая очень быстро раскрыла его удивительную организаторскую хватку.

Павел Захарьевич не довольствовался бомбардировкой начальства жалобами на скверное состояние и снабжение полевых госпиталей. Не дожидаясь реакции сверху, военврач по возможности старался выправить ситуацию хотя бы среди собственных подопечных. И, как ни странно, ему многое удавалось. На расторопного специалиста обратил внимание сам главнокомандующий. 8 июня 1738 года Миних назначил Кондоиди генеральным штаб-доктором всей армии. Вот где тот смог развернуться по-настоящему. К моменту знаменитой Хотинской баталии положение с продовольствием и гигиеной в лазаретах заметно улучшилось. Причем виновник отрядных перемен не поленился и сочинил инструкцию, как нужно действовать генеральному штаб-доктору в схожих обстоятельствах. Эту инструкцию Медицинская канцелярия 16 марта 1739 года утвердила в качестве официального документа.

После войны Кондоиди продолжал возглавлять медицину Украинской армии, обосновавшись в Пе-реяславле. Однако в декабре 1741 года выдвиженца Миниха отозвали в Петербург. Им заинтересовалось новое руководство Медицинской канцелярии — первый лейб-медик Герман Лесток.

546

Все-таки удивительной и парадоксальной личностью был любимый врач цесаревны Елизаветы Петровны — француз родом из Ганновера. Нет, не потому, что умудрялся класть в карман денежные подношения иностранных послов — приверженцев различных придворных партий. К подобной человеческой слабости российских сановников дочь Петра Великого относилась совершенно спокойно. Лес-ток, Бестужев, Воронцов, Румянцев или Шувалов могли взять деньги у кого угодно и в любых количествах, но действовали они затем все равно по убеждению и без оглядки на позицию того или иного чужестранного министра. Императрица резонно полагала, что раз у монархов соседних государств завелись лишние фунты стерлингов, ливры или талеры, то от предлагаемых подарков ее подданным не стоит отказываться. Кроме того, грех стяжательства у вельмож вполне компенсировали их достоинства. Герман Лесток не составлял исключение, ибо обладал особым даром выдвигать на ответственные посты способных управленцев. При этом у самого лейб-медика управленческая жилка начисто отсутствовала. И тем не менее, именно он рекомендовал государыне Алексея Петровича Бестужева на должность вице-канцлера. Приглашение в столицу Кондоиди тоже инициатива Лестока, который настолько доверился молодому человеку, что уже 21 февраля 1742 года назначил его главой

Медицинской конторы. Иными словами, поручил новичку все огромное медицинское хозяйство Петербурга на период отлучки Двора в Москву⁵.

Елизавета Петровна прожила в Первопрестольной с февраля по декабрь 1742 года — достаточный срок, чтобы найти общий язык с петербургской корпорацией медиков. В первую очередь Павел Захарьевич, естественно, осмотрел помещения конторы на Миллионной улице, познакомился с подчиненными и заглянул на квартиру к соседу — командиру главной аптеки Давыду Лапену. Строительство здания главной аптеки немного затянулось. Поэтому временно, до отделки «верхнего апартамента», и контора, и ап-

547

тека ютились на «среднем» этаже. Внизу, по обыкновению, разместился погреб. Если подойти к главной аптеке по Миллионной улице от Зимнего дворца, то сразу за особняком камергера Павла Федоровича Балка и напротив двора принцессы Анастасии Ивановны Гессен-Гомбург-ской по фасаду крайнего в полтора этажа строения, одетого в леса, покажутся восемь (пять и три) окон. То будут покои Медицинской конторы и «материал каморы». Другие пять окошек, примыкающие к дальнему углу дома, — верный ориентир сеней, дежурной и основных комнат главной аптеки. Повернем направо и на стороне, обращенной к кварталу, расположенному у Красного канала, от улицы отсчитаем еще девять застекленных проемов. Пять из них также принадлежат аптеке, а четыре освещают химическую лабораторию, где по рецептам изготавливают лекарства. В глубине, по направлению к набережной Мойки вытянулись еще десяток оконных рам. Это и есть квартира аптекаря. За ними и за аптекарским забором в глаза бросается огороженное место, заваленное дровами и углем — имуществом Дворцовой канцелярии и лейб-компании. Отсюда по распоряжению императрицы Анны Иоанновны, запретившей устраивать дровяные склады на Адмиралтейском лугу, ольховые, березовые, сосновые и еловые полена с октября по апрель регулярно отвозят прямо в императорские дворцы⁶.

В сенях у дверей аптеки и «материал камеры» посетителей встречает караул — три солдата с ефрейтором. Пропуск в оба крыла здания свободный. Одни спешат по каким-то делам в контору, прочие желают получить или приобрести медикаменты. Аптека работает зимой с шести утра до девяти вечера, летом на два часа дольше (с пяти до десяти). Перерыва на обед нет. Гезели отлучаются на час, подменяя друг друга. Бесплатно и только по рецепту лекарства выдают тем военным и статским, из жалованья которых вычитается госпитальный налог. Все остальные обязаны раскошелиться, вне зависимости от титула и ранга. Но россияне — народ сообразительный. У многих

548

отцы, сыновья, дяди или братья служили в военном, морском или придворном ведомстве, и при благосклонном отношении к пациенту врачи просто выписывали рецепт на имя привилегированного родственника.

Участившиеся подлоги очень беспокоили Германа Лестока, ибо канцелярская казна теряла значительные суммы. Наконец лейб-медик не вытерпел и 2 мая 1744 года повелел всем членам медицинского факультета в рецептах писать исключительно чин, фамилию и место службы конкретного больного, а не подставного лица. Нарушитель данного определения подвергался штрафу. За первую подмену канцелярия грозила конфисковать трехмесячный оклад провинившегося медика. За повторные попытки обмануть аптекарей изъятию подлежало полугодовое жалованье⁷.

Безденежный отпуск лекарства военным осуществлял Давыд Дален с гезелями и учениками в главной аптеке. В адмиралтейской аптеке на Васильевском острове аптекарь Иоганн Георг Модель обеспечивал медикаментами офицеров и моряков кора-

бельного и галерного флотов. Нижняя аптека, которой командовал Георг Фридрих Дитрих, подобного контингента не имела, хотя позднее ей поручили в случае надобности помогать Христа ради бедным людям.

В отличие от главной аптеки у заведения господина Дитриха постоянного двора не было. Первый адрес нижней аптеки — Васильевский остров, 1-я линия по каналу, дом Варвары Арсеньевой, свояченицы А. Д. Меншикова. Здесь жители столицы покупали необходимые им лечебные средства на протяжении десяти лет (с 28 сентября 1731 года). Однако 28 октября 1740 года фельдмаршал Миних (за полторы недели до мятежа) уговорил регента Бирона передать жилище родственницы петровского фаворита на баланс Сухопутного кадетского корпуса. Аптекаря Дитриха уведомили о том уже при новой власти — 18 ноября. Три месяца ушли на поиски других палат и переговоры о найме. 17 февраля 1741 года Медицин-

549
екая канцелярия постановила арендовать под аптеку на двухлетний срок каменный двор рыбного промышленника и поставщика Его Императорского Величества Терентия Сергеевича Бараблина по прозвищу Резвой за тысячу рублей. Переезд занял три дня, наведение порядка — десять. 1 марта 1741 года нижняя аптека открыла двери посетителям в новом доме близ Синего моста — на углу Малой Морской улицы и Третьей (Вознесенской) прешпективы. Павел Заха-рьевич Кондоиди, вступив в должность, наверняка проинспектировал учреждение Георга Федоровича, управлявшего аптекой с 1736 года⁸.

Помимо трех городских в Петербурге работали три ведомственные аптеки - придворная и две госпитальные. По понятным причинам сотрудничество с личным аптекарем Ее Величества Эфраимом Сонд-рамом в 1742 году исключалось. А вот филиалы сухопутного и адмиралтейского госпиталей берега Невы никогда не покидали. Генеральному штаб-доктору ничто не мешало как-нибудь ранним утром подвезти в казенной шлюпке на Выборгскую сторону «гоф-шпитального» директора Николая Ивановича Энглер-та (Энгельгарта) или профессора Иоганна Шрейбе-ра, жившего на Аптекарском острове. По долгу службы командиру Медицинской конторы надлежало периодически совершать обходы госпитальных палат, заглядывать в аптеки и присутствовать на лекциях в анатомических классах. Кронштадтский адмирал-тейский госпиталь за дальним расстоянием принимал высокого гостя гораздо реже. А еще господину Кондоиди не следовало забывать о Медицинском огороде на Аптекарском острове. Там для нужд государевых аптек выращивались разнообразные виды трав, корешков, цветов, из которых гезели и аптекарские ученики делали лекарства и лечебные настойки. Растения, не приспособленные к петербургскому климату, собирались в московском и провинциальных садах. Кроме того, ежегодно купцы по подрядам обеспечивали столичные аптеки заячьим, свиным и говяжьим салом, бобровыми струями, маслом коровьим без соли, конопляным и

550
ореховым, восковыми свечами, купоросом, белой и черной смолой, циновками, рогожей, пеньковыми веревками, маком, шалфеем, семенами аниса, тмина и кишнеца, мылом, медом, «дистиллованным» маслом, медными инъекционными шприцами, дровами, а также склянками, пузырьками, фарфоровой и глиняной посудой любых форм и размеров. Что требовалось внезапно и срочно, на бирже и в лавках покупал штатный «купчина» Осип Иванов, который в феврале 1744 года по старости уступил место Иоганну Гер-неру. Ну а то, чего совсем не могли сыскать в Российской империи, выписывалось из-за границы, как правило, из Амстердама. В коносаментах у шкиперов судов, бросавших якорь у Кронштадтского и Санкт-Петербургского портов, значились разнообразнейшие «гумми» (почвы), «радицес» (коренья), «гербы» (травы),

«флорес» (цветы) и еще бутылки с минеральной водой — пирмонтской, зельцерской, бристольской и шпавассером (то есть водой из источников курорта Спа в Бельгии). Минеральная вода наряду с бальзамами, элексирами, венгерской водкой и «душистыми маслами» продавалась в аптеках свободно⁹.

В декабре 1742 года императрица вернулась в Петербург. Медицинская контора вновь стала канцелярией, Герман Лесток — ее главным командиром, а Павел Кондоиди — его заместителем. Сообща они проработали чуть больше четырех месяцев. 3 мая 1743 года генеральному штаб-доктору вдруг позволили возвратиться обратно в Малороссию. Размолвка высокопоставленных врачей тому причина или племянник епископа заскучал в столице, не ясно. Но в итоге Павел Захарьевич около двух лет прослужил при Украинской армии, пока 18 февраля 1745 года Лесток повторно не вызвал толкового эскулапа в Петербург¹⁰.

На юге будущий лейб-медик близко сошелся с семьей Петра Ивановича Стрешнева. Супруга генерала неоднократно консультировалась с ним. Особенно она ценила веское мнение ученого грека в пору собственной беременности. Тут Наталья Петровна не

551

стеснялась задавать вопросы даже в письменном виде. А Павел Захарьевич исправно удовлетворял интерес пациентки: «Что... касается до употребления данных от меня пилюль и каплев в случае зачатия или брюха, доношу, что весьма трудно заочно ползовать... Однакож, елико натуру Вашу усмотреть, то бы мною, что можно в таковом случае онние пилюли потому ж, сиречь по три на день, принять с начала до самого конца, то есть во всякое время брюха. Но не во всякой день. И токмо тогда, когда болезнь чувствовать будете. Дни два или три сряду. И буде болезнь подаст, то перестать. Буде ж нет, то лутчее принять капли, нежели долго продолжать с пилюлями. Разумея при том, что болезнь весьма мучит Ваш будет. Капли же без опасности во всякое время брюха принять можно. Токмо без крайней нужды прошу их не принимать. А в крайней самой нужде не токмо один прием дванатцати капель, но, погодя час времени, и в другой, и в третьей раз тоlikое ж число капель без сумнения изволите, ежели болезнь не упускает... Причем советую Вашему Превосходительству в третьей месяц брюха кровь кинуть из руки унцов до осми. И паки в восьмой месяц, точию не боля унцов шести... Однакож, при том и прилежно рекомендую без совета искушняго доктора ничего важнаго не чинить, яко то кровь кинуть и протчия. Едино покорно прошу мои рецепты не всякому показать... Киев. 24 декабря 1743 года».

Через пару лет, будучи опять на сносях, жена Стрешнева отправила в Петербург очередное послание. 7 октября 1745 года Кондоиди ответил ей: «Наталья Петровна... что дитя низко лежит, опасатися не изволите. Когда то бивает, изволите лежать на крава-те на спине и под крестец изволите приказать подложить несколько подушек, чтоб высоко было. И тако несколько время лежать по утру после сна, да и в вечеру, идучи спать. Уповаю, что онное весьма помогать будет. Сверх того, кальяну пить весьма можно, а курится [кальяном] не надлежит. И опасно. Лучше всего будет несколько раз в день, а имянно дважды пред обедом и дважды после обеда кушать по хорошему

552

куску имбиру в сиропе или хотя в патоке... В случае, что матка трудить ваш будет, изволите употреблять пилюли мои и капли...»¹¹

Это письмо штаб-доктор сочинил на скорую руку на квартире Петра Ивановича, заглянув вечером на огонек к старому приятелю, жившему тогда в Петербурге. Генерал в отсутствие детей, развлекавшихся в комедии, разбирал почту и, естественно, предложил гостю прочитать адресованные ему сентенции дражайшей половины о своем самочувствии.

Хотя у Павла Захарьевича с возвращением в столицу круг забот существенно вырос, друзей он не забывал: продолжал встречаться и лечить, если требовалось. А параллельно взвалил на плечи все делопроизводство Медицинской канцелярии, готовя Герману Лестоку для ознакомления или подписания рапорты и доклады. Раз в месяц инспектировал госпитали, а медицинский огород — «сколь часто нужда» заставляла. В аптеках заместителя лейб-медика тоже ждали. Как правило, в конце года и с полной финансовой и материальной отчетностью на руках. Кроме того, после смерти доктора Миниата 26 июля 1746 года Кондоиди помогал лекарю Эгидию свидетельствовать присылаемых из Военной коллегии офицеров и солдат, претендующих по состоянию здоровья на полный «абшид». После службы Кондоиди торопился с визитами к больным. Благодаря протекции Лестока, ему грешно было жаловаться на недостаток знатных клиентов. Напротив, многие вельможи, особенно из числа французской партии, желали, чтобы их пользовал не только Лесток или Бургаве, но и рас- судительный заместитель знаменитого графа.

Например, 4 января 1747 года «занемог желудош-ною лихораткою» генерал-прокурор Трубецкой. Никита Юрьевич, по-видимому, где-то простудился. Высокая температура быстро уложила сановника в постель. Пришлось родственникам посылать за доктором. Павел Захарьевич, осмотрев князя, велел тому хорошенько за ночь пропотеть, для чего, судя по всему, рекомендовал прибегнуть к известным народным средствам.

Трубецкие послушались. А сутки спу-

553

стя, 5 января, довольный результатом начальник Сената отписал сыну Петру Никитичу, что «по благодати Божеской... и трудами господина дохтора Кондоиди жар разорван, и толко... малинкая слабость осталась»¹².

Безусловно, покровительство Лестока и положительные отклики сиятельных пациентов не могли не заинтриговать императрицу. Какое-то время она приглядывалась к трудолюбивому греку. Наконец 20 октября 1747 года позиция государыни определилась. 4 сентября с увольнением по болезни 2-го лейб-медика Антонио Рибейро Санхеса открылась вакансия, и господин Кондоиди удостоился звания гоф-медикуса Ея Величества с освобождением от всех обязанностей по Канцелярии. Так наш герой попал ко Двору. Отныне перед ним стояла лишь одна задача — охрана здоровья царицы и близких к ней лиц, которое целиком зависело от искусства трех лучших в стране врачей — 1 -го лейб-медика Германа Лестока, 2-го лейб-медика Германа Каау-Бургаве и гоф-меди-ка Павла Кондоиди¹³.

Согласно штату, во дворце помимо трех главных служили несколько младших докторов — гоф-хирургов. Петр Барре и Андрей Верре за шестьсот рублей в год по очереди дежурили и лечили придворных низшего ранга на половине государыни, а Иоганн Гийон (годовой оклад — 500 рублей) обретался при комнатах великого князя и великой княгини. Так как два царских гоф-хирурга не поспевали всюду, то граф Лесток с 1 апреля 1744 года подключил к дежурству Гийона, назначив за сверхурочный труд прибавку к жалованью — 150 рублей. Предполагалось, что эта мера временная — до пожалования ко Двору четвертого гоф-хирурга. Однако поиски достойного кандидата затянулись. Четвертый придворный лекарь Христиан Давыд Залцер вступил в должность 1 сентября 1747 года (чин гоф-хирурга пожалован 18 февраля 1749 года). 11 апреля 1749 года в штат зачислили пятого гоф-хирурга — Вильгельма Фусадье, 2 апреля 1750 года шестого — Христиана Паульсена, который с 1733 года в менее престижном звании

554

фактически исполнял функции гоф-хирурга. Теперь количество врачей вполне соответствовало норме. Тем не менее Гийона от дополнительной нагрузки не

освободили¹⁴.

Обычно гоф-хирург, узнав о заболевшем, отправлялся к нему из дежурного покоя Зимней или Летней резиденции императрицы. Устанавливал диагноз, выбирал курс лечения, выписывал рецепты и с окончанием срока дежурства передавал его с рук на руки своему сменщику. Иногда все ограничивалось простым освидетельствованием. Так, например, паж князь Петр Мещерский с середины ноября 1748 года почти два месяца не появлялся во дворце в указанные рабочим графиком дни. Придворная контора обеспокоилась пропажей молодого человека. 13 января 1749 года к нему на квартиру приехал пажеской учитель Иоганн Фрейслебен. Чуть позже нагрянул гоф-хирург Андрей Верре. Оба обнаружили «на ноге у него рану», из-за которой тому «башмака надеть никак не возможно было». Поэтому бедняга с 12 ноября и до праздника Крещения Господня пролежал в кровати. В итоге аттестат придворного лекаря помог пажу избежать серьезных неприятностей по службе и спокойно проболеть до выздоровления в марте 1749 года¹⁵.

Кондоиди также иногда участвовал в установлении диагноза недомогавших придворных низшего класса. 6 марта 1750 года на работу не вышел повар верхней кухни Михаил Тимофеев. Гофмаршал Нарышкин попросил Бургаве прояснить ситуацию. 10 марта гоф-медик Кондоиди, гоф-хирурги Барре, Гийон и Паульсен навестили больного. Тот пожаловался на «колотье в правом боку и кашель с поносом», которые мучили его четыре дня и ныне «минули», за исключением небольшого кашля. Доктора осмотрели пациента и заметили «в левой стороне носа в самом углу... две бородавки, а тоеи же стороны в ухо в верху и позаде... сип гноящей, також внутри уха гноящие раны, да сверх того в передней и нижней стороне шеи, в правой руке в локте и плече, в ногах и нижней стороне седения... знаки бывших ран, происходящих от яду французской болезни». В результате

555

подцепивший где-то сифилис работник провалялся с 25 апреля по 26 июня в сухопутном госпитале. После выписки у него из зарплаты вычли семь рублей семьдесят восемь копеек за лечение и медикаменты.

Гораздо чаще гоф-медик Кондоиди консультировал знатных особ. 4 августа 1749 года он посетил консилиум у князя Куракина. Спустя сутки камергер Николай Андреевич Корф поведал новой знаменитости о жалобах вице-канцлера Воронцова на проблемы с мочевым пузырем. В тот же день Павел Захарьевич предписал Михаилу Ларионовичу сдать ряд анализов. А именно: измерить «сколько урины до абеда будет против числа воды», что довелось выпить; определить, много ли пота выходит и есть ли тяжесть в желудке; а еще посчитать, «сколько раз на низ в сутки бывает». Граф Воронцов исполнил просьбу и уже 7 августа получил довольно обширную рекомендацию: «Завтрашняго дня... соизволите принять посылаемую при сем соль английскую, растопя онную в стакан средней простой чистой горячей воды по утру рано на тощей живот и в один прием запивать онную чаем или булионом тонким телячим. Так, как при слабительной бывает. И потому ж тот день себя содержать. При том без сумнения для че-чюи в тот день спавасер не пить.

По отдействи соли пред самым обедом и узином принимать по 40 капель из посылаемой при сем тинктуры в пол румке доброва вына венгерскова или малаги. И тех капель принимать по тому ж и при воде. Да за обедом и за узином тех же вын по одной румке пить должно. А спавасер за обедом и узином впредь не пить. Но пить простую да добрую воду, прибавливая помалу боргонскова вына.

Того ж числа в вечеру принять пилюли по презне-му. Точию прибавливая двух. И для того вместо 6 принять 8. Накануне же слабительнова пилюль принять не надлежит. Сего месяца 9-го числа, проснувшись, не встав из постели, соизволите приказать себе

тереть живот весь теплою сухою фланелюю чрез десят минут, ежели можно. И после терения, отдохнув чрез четверть

556

часа, соизволите встать и воду пит по презнему. Точию до десяти стаканов, а не болте. И тою воду пит чют теплую, а согреть оную так: стакан серебрянной поставить в горячей воде, чтоб согрелся один. И когда согрет будет, вынуть из той воды. Налить в нем спавасер и выпить. Тако и вода согревается, сколько надлежит, и из сили своей не потеряет ничего. В протчем поступать по презнему, и что последует пожаловать известить меня сего месяцу 10 числа по полудни. Кофе и свежей мед позволить не могу»¹⁶.

Нетрудно увидеть, на чем основывалась медицинская практика эпохи Просвещения, — на диете и лекарствах с химической или растительной основой. Третий фактор — отворение крови — играл вспомогательную роль. А еще лекари хорошо знали строение человеческого тела, и хирурги — «операторы» — более или менее уверенно управлялись с ранами, язвами и переломами на руках и ногах, с нарушением функций детородных органов, с геморроем («по-чечюем»), с болезнями горла и глаз, даже с травмами головы. Но проникать внутрь человека без наркоза (спирт в подобном деле — слабое подспорье), при наличии всего лишь кривых и прямых ножей, таких же ножниц, ланцета, разнообразных трубочек, игл, бритв и бинтов, чтобы заняться аномалиями в почках, печени или в области сердца, никто не решался. С вирусами — оспой и корью — боролись по старинке: умный врач не мешал организму сражаться с агрессором; глупец же пичкал пациента медикаментами, выгоняя наружу сыпь.

К сожалению, догматики, пренебрегающие жизненным опытом ради постулатов книжных авторитетов, встречались нередко. В сочетании с обычным равнодушием и халатностью слепое копирование рекомендаций, изложенных в именитых трудах, заканчивалось порой печально, подталкивая обывателей к весьма нелицеприятным для медиков выводам. Среди тех, кто разочаровался в целительной силе врачебной науки, — Григорий Николаевич Теплов. Один приятель академического советника переболел лихорадкой в «полуденной стране», после чего

557

некий искуснейший доктор в целях профилактики напрочь истощил здоровый организм сорокалетнего человека диетой, обильными дозами порошков, капель, микстур, пилюль, настоек трав. Другому хорошему знакомому Теплова не повезло еще больше. Врачи оплошали с диагнозом: заявили, что «страждущий имеет легкое совсем испорченное». А несчастный, как показало вскрытие, вскоре умер от песка и камней в почках. От неверного лечения оспы Теплов потерял дочь. Да и сам чуть Богу душу не отдал из-за чрезмерного употребления минеральных вод. В конце концов в изданной в 1774 году брошюре наперсник президента Академии наук с горечью констатировал: «Натура сама себя знает и все внутри себя видит, не дремлет и действует. А ученые целители, не видя ничего, гаданием толко болнаго утешают... Оспа, корь, отверстие кровей добровольное, понос и протчия многия из внутренности бываемыя на теле испражнения суть наилучшие целители... Врача к больному с наукою пускать бедственно, видя, что стократно больше опасности от них, нежели помощи от его науки».

Конечно, Григорий Николаевич во многом прав. Не случайно обнаруженная влиятельным чиновником позиция в точности совпадает с главной идеей «Мнимого больного» — великой комедии Ж. Б. Мольера: природа — самый искусный лекарь. И все же оценки и первого, и второго слишком эмоциональны. Действительно, лекари истязали людей, предписывая «здоровому... диету, кровь по весне повсягодно пускать... принимать в месяц по единожды слабительное, пить весною травяные соки или

целительные воды... для запасной обороны от болезней», а над захворавшим творили подчас весьма рискованные эксперименты. Однако кто как не ученые врачи отыскивали уже в те времена верный способ борьбы с оспой, создали эффективные препараты против ряда заболеваний, научились купировать или вовсе предохранять население от наиболее опасных видов эпидемий¹⁷.

Процесс познания нелегок и таит в себе бесчисленное множество тупиков. Не сразу удается докопаться

558

до истины. Между тем цена каждой ошибки — человеческая жизнь. Но ошибки рано или поздно выводят на правильный путь, гарантирующий исцеление. А упование на природу сродни топтанию на месте. Оно обогащает науку статистикой умерших и выживших, но не проливает свет на причины, а значит, и способы профилактики или лечения болезней. Мольер и Теплов с единомышленниками обнажили перед обществом очень важную и серьезную проблему. Только сформулировали ее не совсем точно. Ахиллесова пята медицины не в дилемме — лечить или не лечить, а в личности врачей. Ведь подлинных подвижников, пытающихся честно и досконально разобраться в ситуации, всегда мало. И хотя они тоже не застрахованы от промахов, у того, кто доверился им, шансы на выздоровление при тяжелом недуге неизмеримо выше, чем у большинства, которое пользуется услугами простых докторов. А обыкновенный доктор часто становится медиком не по призванию, а по иному мотиву — меркантильному, ради продолжения семейной традиции, по примеру друга, вследствие модного течения и так далее. У такого эскулапа обычно душа не лежит к избранному ремеслу. Поэтому сколько бы он ни силился превозмочь себя, как бы прилежно ни учился, врачом от Бога никогда не будет. Рядовые болезни для него не составят затруднения. Однако в критическом случае напрасно понадеется на озарение. Придется полагаться на интуицию, способную подтолкнуть как к роковому решению, так и к спасительному.

Насколько искусным лекарем был Павел Захарьевич Кондоиди, сказать сложно. Его рецепты и рекомендации вполне соответствуют духу времени и оригинальностью не блещут. Зато организаторский талант гоф-медика не подлежит сомнению. Герман Лесток не видел нужды что-либо менять в существовавшей до него системе. Преемник 1-го лейб-медика — 2-й лейб-медик Герман Бургаве, сын славного голландского врача и ученого, тоже нигде не обнаружил изъянов. Но от третьего по значению доктора империи они не укрылись. Правда, реши-

559

тельно взяться за них Кондоиди не имел возможности, пока в Медицинской канцелярии властвовал не он, а другие. 6 декабря 1748 года приблизило предпримчивого грека на один шаг к цели: царица назначила Бургаве главой медицинского ведомства. Прежний командир за политические прегрешения угодил под арест, а его протееже занял место 2-го лейб-медика. Минуло еще пять лет, и «второй» обрел, наконец, звание «первого». 7 октября 1753 года уважаемый всеми голландец скончался. По заверениям Г. Н. Теплова, доконали всеобщего любимца пиромонтские минеральные воды, которыми тот злоупотреблял¹⁸.

Через два дня, 9 октября, Елизавета Петровна объявила имя нового министра здравоохранения — Павла Захарьевича Кондоиди. 12-го числа директор присутствовал на первом заседании в канцелярии. 17 октября между ним и государыней состоялась важная встреча, увенчавшаяся изданием первого высочайшего распоряжения по реформированию придворной медицинской службы: *<¹ для наилучшего порядка и успеху в лечении придворным лекарям случающихся болных придворных слугителей, кто кого с самого начала болезни ползованием иметь

стал, тому тем лечением и ползованием продолжать до окончания болезни, а при смене дежурства другому не здавать. Разве между тем, кому из них, лекарей, куда какая отлучка случитца. И в таком случае тому лекарю имеющихся в ево лечении болных придворных служителей отдавать другому толко по желанию болнаго и со обявлением при том бывших и настоящих обстоятельств болезни и полного, при том же и употребленного лечения».

Второй шаг Кондоиди сделал самостоятельно 30 октября. Гоф-хирург Х. Паульсен (единственный лекарь, приезжавший на дом осматривать и лечить больных штатных сотрудников Двора низшего ранга), обремененный делами, добивался от начальства освобождения от дежурств. Директор ознакомился с просьбой и постановил: квартиры больных ливрейных служителей посещать всем дежурным лекарям, а

560

не только Паульсену. Для скорости на улице их должна ожидать дежурная коляска с лошадьми.

Таким образом, лейб-медик наметил контуры задуманной реорганизации — учреждения института участковых врачей. Вдохновение реформатор, наверное, черпал в положительном примере Давыда Залцера, которого царица, заботившаяся о здоровье и голосе певчих, официально прикрепила к молодым людям. Семь месяцев работы гоф-хирургов по новому распорядку подтвердили эффективность прикрепления к пациенту постоянного врача, и тогда в развитие реформы 3 июня 1754 года Кондоиди подписал базовый документ — официальную инструкцию: «Распределение придворных лекарей для порядочного исправного и поспешнаго лечения всех придворных служителей в болезнях их.

Фусадьер — Ея Императорскаго Величества комнаты камер-фраунов, камер-юнкеров, камер-метген и протчих служителей, живущих в летнем императорском дворе. И быть при свите Ея Императорскаго Величества в походах по-прежнему, також и в каме-дии. И для того освободить ево от дежурства.

Залцер — при певчих и живущих в Зимнем императорском дворе и принадлежащих близ лежащих дворех. А понеже и многие придворные служители по домам своим в городе ж живущие от него ползу-ются, того для от дежурства ево освободить.

Гион — Их Императорскаго Высочества комнаты обоего пола служителей и дежурствовать при дворе Ея Императорскаго Величества с протчими лекарями по очереди.

Верре — при персоне Его Сиятельства графа Алексея Григорьевича Разумовского в силе всемилоствие-ишаго имянного повеления, обявленного мне в прошлом 1749-м году от покойнаго тайного советника господина Бургаве. А ежели кто ис придворных пожелает от него лечитца и он того лечить похощет, невозбранно.

Барре и Паулсон — для ливрейных служителей, живущих по квартирам, яко лакеев, хайдуков, истопников, помощников и протчих. И дежурствовать им

561

при дворе Ея Императорскаго Величества для неза-пных случаев по-прежнему.

Живущим по домам придворным служителем яко фурьером, мундкохом, мундшенком, кофешенком, келермеистером и тому подобным ползоваться от того придворного лекаря, к которому уже привыкли или болше на которого надежду свою в том полагают.

Сие распределение чинится для порядка, дабы каждой придворной лекарь, которых болных посещать, и каждой придворной служитель, которого лекаря во время болезни призвать имеют, заимно знали, следственно для удоволгвия их и убежания жалоб. Ежели же кто ис тех служителей или до сего времени другим лекарем ползовал или вперед ползоваться пожелает, кроме положенного по сему, и оно в их воле да будет.

На время высочайшего Ея Императорского Величества присутствия в Питергоф или в Царское село лекарскому дежурству тамо быть за лишнее разсуждается для того, что при свите Ея Императорского Величества обыкновенно бывают лекари Верре и Фусадир, часто же и Залцер, коими исправится можно, чего для лекарям Баррею и Паулсену оставаться в городе для призрения остающих.

Всем оным лекарям о случающихся болных со обстоятельством на листе репортовать меня по первой визите немедленно, а потом сколько часто важность болезни того требовать будет; егда же тяжкая на ком случится болезнь, самим приезжать ко мне и объявлять о том, почему, когда возможно мне будет, сам с ними к таковым ездить или возможным советом по-моществовать буду или для совету до определения настоящего гофмедикуса друга доктора пошлю.

Всем тем придворным особам, кои прежде сего от меня ползовались и впред ползоваться пожелают, по возможности служить охотно готов, чего для и дабы мог положенная на меня должности исправить с плодом и возможной исправностью от партикулярной практики непридворных персон отстать имею, однакож и таковым в случае нужды полезным советом сослужить не отрекусь».

562

Завершающий штрих главный врач империи нанес в ноябре 1754 года. Детей — пажей и фрейлин — после согласования с государыней доверили 3-му лейб-медику Давыду Гортеру (2-м лейб-медиком являлся Иоган Гортер). Помогать ему обязали тезку — Давыда Залцера. Тот, общаясь несколько лет с певчими, накопил уже немалый опыт и знания в сфере подростковой медицины¹⁹.

Создавая при Дворе терапевтическую систему по смешанному служебно-территориальному принципу, Павел Захарьевич не забывал о проблемах, касающихся всей страны. Две из них требовали скорейшего вмешательства государства, ибо от этого зависели судьбы и жизни многих тысяч людей. Отсутствие профессиональных акушерок вынуждало рожениц обращаться за помощью наудачу с риском попасть в руки дилетантки, а то и вовсе ничего не умеющей самозванки. Следовательно, перед Кондоиди стояла давно назревшая задача: сформировать официально действующий цех профессионалов.

В мае 1754 года с одобрения императрицы и Сената Медицинская канцелярия объявила по Российской империи набор присяжных повивальных бабок. В Санкт-Петербург предполагалось определить десять женщин, в Москву — пятнадцать, в каждый губернский и провинциальный город — по одной. Кроме того, по прямой рекомендации лейб-медика Елизавета Петровна 27 апреля того же года обзавелась придворной акушеркой — Андрианой Фондер-шар, отличившейся своим искусством пожилой женщиной родом из Голландии.

Первые челобитные от претенденток легли на стол главы медицинского факультета летом. 21 июля на третий этаж здания главной аптеки поднялась очередная соискательница. Она обратилась к копиисту канцелярии Кондратию Евсевьеву с просьбой написать от ее имени официальную бумагу. Заплатив положенную сумму, дама продиктовала клерку свои анкетные данные: Анна Маргарита Христенек, супруга мелкого арендатора партикулярных мыз Захария Христенека, прежде служившего «у разных господ

563

управителем». Овдовела тринадцать лет назад. Чтобы прокормить себя и детей, обучилась повивальному делу. За минувшие десять лет у «знатных персон довольно число детей принимала и повивала, и в том приобрела нарочитое искусство». Теперь же, прослышав о решении Медицинской канцелярии, желает подвергнуться экзамену и в случае успеха попасть в штат присяжных бабок.

Готовую челобитную вдова отдала на регистрацию. В качестве дополнения протянула пять письменных аттестаций — четыре на немецком и одну на русском языках. Листки наверняка вызвали интерес у Павла Захарьевича, который 10 августа рассматривал вопрос о допуске госпожи Христенек к экзамену. Самой сухой характеристикой ограничился академик и библиотечарь Его Императорского Высочества Я. Я. Штелин: «Юказательница сего, Анна Маргарета Кристиенек в моем доме при рождении двух мла-денцов повивальною бабкою служила, и потребное искусство и знание ко удовольствию в родах находящейся оказала. В том атестую... 13 июня 1754». Статский советник Э. фон Глик 16-го числа и секретарь юстиц-коллегии И. Ф. Дан 21-го числа отозвались теплее: «Оказала себя разумною, осторожною и прилежною повивальною бабкою»; «со всякою осторож-ностию искусством доволное знание оказующим в должности гювивальной бабки помощ чинила».

Но по-настоящему искренние и сердечные отклики предоставили кандидатке два других господина: «Объявительница сего Анна Маргарита Кристиенек два раза находилась при родах моей жены, ей способствовала и детей принимала, а особливо при после нарожденном, которой лежал в утробе матерном не по надлежащему, оказала себя весма искусною. И онаго младенца достала благополучно и здорового. А потом в освобождении места и при протчих в шести неделях случившихся припадках оказала себя прилежною, осторожною и искусною, как то от искусной повивал-ной бабки требовать можно. И тако по требованию ее в том отказать не мог, чтоб ей не дать сей аттестат. Санкт-Петербург. Июня 21 1754 года. И. В. Шлатер».

564

Иван Шлатер — статский советник и глава Монетной канцелярии. Рядом с ним фигурировала не менее известная при Дворе фамилия: «Объявительшца сего Анна Маргарета Христинека при родах моей жены оказала доволное искусство своей должности. И жена моя, родив тогда в четвертые, уверяет, что она легче родов прежде того не имела. Сие засвидетельствую. Коллежской советник Михаило Ломоносов. В Санкт-Петербурхе. Майя 22 дня 1754 года».

У обладательницы таких характеристик на собеседовании не могло возникнуть серьезных проблем. И действительно, 11 августа мадам успешно пообщалась с членами экзаменационной комиссии, а 12-го числа экзаменаторы — штатс-физикус И. Я. Лер-хе, штап-лекарь Г. С. Польшман и оператор И. Х. Мел-лен — с удовольствием скрепили текст официального аттестата собственными именами: «По определению Медицинской канцелярии мы нижеподписавшиеся женщину Анну Маргарету Христинекову, которая объявила себя к бытию повивальною бабкою, по всем обстоятельствам повивального искусства ек-заменовали и оказалось, что она, хотя в теории и в анатомии особливаго знания не имеет, но токмо по учиненным ей вопросам ответами своими показала, что уже чрез тринадцать лет при прилежном и осторожном управлении в оном деле хорошее искусство себе получила. Да и в многих трудных чрезвычайных случаях показала, какую при том помощь чинить надлежит. Во общем усмотрели мы, что она к сему делу особливую охоту имеет. И для того мы оной женщине Анне Маргарете Христинековой сим засвидетельствуем, что ее искусною повивальною бабкою принять можно».

Указ о назначении Анны Христенек второй повивальной бабкой Петербурга состоялся 5 ноября 1754 года. Чести быть первой 22 октября удостоилась супруга «паришного мастера Петра Дувала» Шарлота Беата, в девичестве Тилцова. 10 ноября пастор лютеранской церкви Святого Петра Людольф Отто Трефус привел мать будущего знаменитого художника к присяге. Она произнесла по-немецки: «Аз... обеща-

565

юсь к роженицам богатым и убогим, какого б чина и достоинства ни были, когда

востребована буду, днем и ночью немедленно ходить, всякую возможную прилежность и усердие им оказывать и некоторую злоумышленным образом пропускать, ниже пренебрегать. Ежели родины продолжительны будут, к муче напрасно не склонять и не принуждать, а буду с терпеливостью ожидать настоящего время... К выкидыванию младенца дачею проносных и изгонительных лекарств никогда соглашаться не буду... И в том целую слово и крест Спасителя моего. Аминь». Отныне любой житель столицы мог без какой-либо опаски воспользоваться помощью госпожи Хрис-тенек, прислав слугу к ней на квартиру — в дом прапорщика Иванова — шестой от Крюкова канала, поблизости от Галерного двора. Аналогичным образом ранг присяжной повивальной бабки присуждался всем прочим претенденткам. Впрочем, заполнение десяти петербургских вакансий шло медленно и закончилось лишь весной 1756 года²⁰.

К урегулированию второй назревшей проблемы Кондоиди приступил в марте 1755 года. 22 октября 1754 года императрица внесла поправку в указ двенадцатилетней давности, когда она запретила приезжать ко Двору любому, у кого в доме кто-либо болел оспой, корью или «лопухой-», в течение четырех недель после выздоровления родственника. Сами же больные могли появиться в Зимнем или Летнем дворце спустя шесть недель после избавления от недуга. Теперь же последний срок увеличивался до двух месяцев. Как и раньше, в пораженном сыпью доме устанавливался жесткий карантин: все сообщения с высокопоставленными друзьями и сослуживцами на время болезни прекращались.

Борис Григорьевич Юсупов, повинувшись данному закону, 8 января 1755 года изолировал от внешнего мира Сухопутный Шляхетский корпус. На кадете Григории Бибикове, захворавшем 4 января, выскочила сыпь. Его разместили «во особом твердом покое», где он пролежал до 20 января, пока не выздоровел. Однако карантин главный директор снял лишь 13 февра-

566
ля, после того как в императорский дворец 9-го числа допустили для исполнения трагедии учившихся в корпусе разным наукам певчих и «ярославских комедиантов». Павел Кондоиди понимал абсурдность ситуации, не позволявшей придворным медикам и гоф-хирургам по мере сил облегчать участь больных, и пытался найти выход из тупика. Тем более что сыпи чаще укладывали в постель детей, чем взрослых. К концу зимы 1755 года способ отыскался. 22 марта у сенаторов запросили санкцию на определение «особливо искусных доктора з двумя лекарями», которые будут контактировать исключительно с теми, кто заразился оспой или корью, и не общаться со здоровыми. 8 апреля Сенат одобрил инициативу. 20 мая Медицинская канцелярия произвела назначения трех врачей. Дивизионный доктор Авраам Аврамович Энс возглавил список (жалованье — 600 рублей). Помощниками его стали лекарь столичного адмиралтейского госпиталя Франц Крепинг и лекарь ревельско-го адмиралтейского госпиталя Петр Браунер (жалованье у каждого — 240 рублей). При этом лейб-медик добился от генерала-полицмейстера освобождения доктора от поста, отпустил врача на восемь дней в отпуск для женитьбы (с 13 до 20 июня) и лично сочинил инструкцию, повелев ежемесячно подавать руководству канцелярии реестры заболевших и раз в неделю излечившихся. Указы о переводе Энсу и Крепингу вручили 5 июня. Браунер из Эстляндии прибыл в Петербург 22 июня. Между тем первого пациента Франц Крепинг осмотрел уже 14-го числа. В доме генерала Голицына заболел оспой шестилетний сын слуги князя. Хотя мальчик к тому времени пошел на поправку, лекарь все же отвез его в Калинкину деревню, чтобы изолировать до полного выздоровления от других детей. В день приезда Браунера Энс зарегистрировал второй вызов. У золотаря Якима Федорова на Литейной стороне сыпь

покрыла двухлетнюю дочь. Крепинг навестил семью. Однако родители не пожелали считаться с его советами.

567

Кстати, квартиру Петр Браунер нанял в Литейной части возле церкви Сергия Радонежского, вдали от товарищей, которые жили на Мещанской улице. Энс владел там собственным двором, а Крепинг арендовал комнаты в доме надворного советника Михаила Великопольского. Приблизительно через год лекарь ревельского гарнизона устроился в лейб-гвардии Конный полк, уступив место коллеге из петербургского сухопутного госпиталя Иоганну Рихтеру. В июле 1756 года тот тоже поселился на Мещанской улице у купца Кузьмы Терикова.

От придворного ведомства Энс получил первое задание 10 июля 1755 года. В Красном селе для императрицы собрали изрядный урожай клубники и малины. Но внезапно обнаружилась оспа на двух крестьянских детях из прилегающих деревень. С. К. Нарышкин обратился за консультацией к Кондоиди: можно или нет отправлять ягоды в Царское Село. Лейб-медик поручил новой службе выяснить обстановку на месте. Рапорт о результатах командировки Крепинга содержал неутешительные сведения. Хотя малыши из села Павловского и мызы Шунгуровой, заболевшие в мае, давно выздоровели, в той же мызе и в соседней деревне оспа и корь в начале июля поразили еще четырех мальчиков. В итоге 15 июля Кондоиди отписал гофмаршалу, что «из оных деревни Высоцкой и мызы Шунгуровой фруктов для подачи на высочайшей Ея Императорского Величества стол привозить отнюдь не надлежит. А ежели обыватели тех деревни и мызы со обывателями села Красного и деревни Павловской сообщение имеют, то и из оных привозить дозволить сумнительно»²¹.

Реформаторская деятельность личного врача государыни не ограничивалась структурной перестройкой действующей системы. Не менее масштабные изменения были им предприняты в области медицинского образования. Летом 1754 года он упорядочил процесс обучения в госпитальных школах. Раньше лекарские ученики и подлекари слушали лекции сразу обо всем. В голове подростка или юноши мешалась анатомия с фармакологией вперемежку с физиоло-

568

гией и патологией с добавлением визуальных картинок практических занятий по хирургии. Сроки окончания обучения никем и ничем не регулировались. 4 июля Медицинская канцелярия положила конец анархии. В новом учебном году с августа в госпитальных школах вводилась семилетка.

Отныне на первом и втором курсе ученики знакомились с анатомией и «фармацией», попутно набивая руку «в рисовальном деле». На третьем помимо старых предметов слушали основы физиологии. Затем — экзамен. Кто демонстрировал «нарочитый успех» в аптекарском искусстве, рисовании и строении тела, осенью приступал к зубрежке физиологии и патологии в чине подлекаря. Неудачник либо получал годовую отсрочку для переподготовки, либо посылался цирюльником в армию. На пятом и шестом году учебы будущие врачи продолжали осваивать науки о состоянии здорового человека, о причинах и симптомах болезней. Вместе с тем они допускались до «специальной праксис медикохирургической и курсама хирургических операций», то есть практиковались в наложении повязок на «балванов» и наблюдали за действиями «операторов».

В выпускной, седьмой класс подлекари попадали только после экзамена.

Рассчитавшись с физиологией и патологией, кандидаты на ученую степень полностью сосредоточивались на клинической практике: ухаживали за больными в палатах, отмечая разные припадки, течение болезни, эффективность лекарств и диет; присутствовали при вскрытиях и перевязывали раны, слушая рассуждения докторов и

хирургов; по очереди, помесечно работали в госпитальных аптеках в должности гезелей. По окончании года отличников производили в лекари лейб-гвардии полков и в другие «знатные лекарские места». Прочих определяли на менее престижные вакансии. На протяжении всех семи лет ученики и подлекари не освобождались от исполнения служебных обязанностей, в том числе от участия в утренних и вечерних обходах докторов. За это им платили жалованье: ученику — 24 рубля; подлекарю — 84 рубля.

569

Госпитальные школы — источник базовых, устоявшихся медицинских знаний. А где почерпнуть самую свежую информацию? Естественно, в книгах и журналах, прежде всего зарубежных. Правда, не каждый медик, а тем более подлекар или ученик, мог выписать или приобрести нужное издание. Значит, надлежало создать медицинскую библиотеку и организовать приток книжных новинок и периодики из-за границы в Россию.

21 марта 1754 года Кондоиди направил соответствующий проект в Сенат, который сановники вернули 5 мая с положительной резолюцией. Однако начинать все приходилось буквально с нуля. Госучреждения располагали минимальным количеством медицинской литературы и, как правило, в единичном экземпляре. Собрания частных лиц выглядели побогаче. Но чужая собственность — не в счет. Опирались следовало на свои силы. Поэтому лейб-медик, не теряя времени и не дожидаясь решения сенаторов, возобновил контакты с голландскими друзьями и договорился с торговцем из Лейдена Герардом Потфли-том о периодической закупке для Медицинской канцелярии книг на латинском, французском, английском языках в Нидерландах, Англии и Франции. На книжные нужды Кондоиди планировал тратить 400 рублей в год. Но реально получалось больше.

Первую партию книг от лейденского агента разгрузили в Санкт-Петербургском порту в июне или июле 1754 года. Канцелярист Андрей Дьяконов принял кипы с трудами Бургаве («Химия», «Афоризмы», «Материя Медика» и «Институции»), Геистера («Хирургия»), Герарда фон Свитена («Комментарии»), Пауля Германа («Ценозура»), Винслоу («Анатомия»), анатомическими таблицами и аптекарскими наставлениями. После переплета в турецкую бумагу с красной кожей незначительную долю книг отложили в канцелярии, большую часть разослали по госпиталям — в Кронштадтский, московский, Санкт-Петербургские сухопутный и адмиралтейский. Посылки в значительной степени предназначались для раздачи новинок желающим докторам, лекарям, подлекарям

570

и ученикам с вычетом из жалованья их стоимости. С подлекарей высчитывали в каждые четыре месяца рубль, с учеников — полтинник.

Весной 1755 года Павел Захарьевич при посредничестве лекаря Пательбаума вступил в переписку с берлинским книгопродавцем Христофом Готлибом Николаи. Немцу поручили по каталогам приобретать на аукционах и в книжных лавках Германии, Италии и Франции разные издания по медицине с условием, «чтоб каждая книга была комплетна и не изодрана или замарана... Разве что у старой и редкой книге на переплете какое повреждение явится. Или печать внутри несколько будет замарана. Однакож так, что письмо еще читать можно, а при том комплетна. То такая книги приняты будут». Господин Николаи справился с непростой задачей, переправил качественный товар через Штеттин морем в Петербург, после чего 31 октября Кондоиди распорядился заключить с расторопным торговцем контракт на четыре года. Герард Потфлит тоже внес свою лепту в книжную поставку 1755 года. В итоге книжное со-

брание Медицинской канцелярии пополнилось «Химией» Ротена, «Основами пафологии» Гаубия, пособием Турнефорта о травах, рядом узкоспециальных сочинений Бургаве.

Вновь значительное число привезенных книг распределили по госпиталям. Кое-что досталось аптекам. Литература расходилась неплохо. Однако запросы докторов не вписывались в рамки стандартных наборов. Поэтому 29 ноября 1755 года канцелярия взяла на себя обязательство закупать за границей по персональным реестрам врачей любую книжную продукцию по анатомии, хирургии, химии, фармакологии, физике, математике, медицинской практике и так далее. От доктора требовалось лишь подать не позднее сентября в канцелярию или в московскую контору при рапорте список нужных изданий с указанием формата, «едиции» и языка.

Через шесть дней в стенах здания главной аптеки приняли еще более важное решение — на базе сформированной за два года общими усилиями книжной

571

коллекции учредить публичную библиотеку. 5 декабря 1755 года Кондоиди утвердил порядок работы новой структуры, которую разместили в одном из канцелярских покоев на третьем, «верхнем» этаже дома на Миллионной улице. В комнату с двумя большими столами и двенадцатью стульями еженедельно по средам и субботам с трех до шести часов пополудни мог прийти любой медик вне зависимости от чина — доктор, лекарь, подлекарь, аптекарь, гезель или ученик. Встречали посетителей за маленьким столиком доктор-библиотекарь и помощник-студент. Они выдавали читателю выбранную им по каталогу книгу. В отличие от академической и медицинской библиотеке уносить книги на квартиру запрещалось. Доктор и студент строго смотрели за тем, чтобы никто не гнул переплеты, не пачкал и не чиркал пером страниц. С нарушителя взимался денежный штраф — стоимость испорченной книги. Правила лейб-медик установил жесткие, но демократические. Тот, кто, невзирая на замечания надзирающего доктора, шумел и отвлекал соседа, из библиотеки исключался. Инструкция предписывала читателям не хвалиться рангами и титулами. Так что если какой-либо припозднившийся вельможа (библиотека обслуживала всех «ученых и почтенных людей») или старший по званию врач не обнаруживал в зале свободных мест, ему советовали явиться пораньше в другой день. Кондоиди настаивал, чтобы подчиненный никогда не вскакивал для поклона и не уступал стул начальнику или знатной особе, «понеже чтению ничем помешать не надлежит». Бумагу перо и чернила посетители приносили с собой. Канцелярия обеспечивала столы двумя оловянными чернильницами.

В шесть часов вечера присутствующие возвращали книги обратно врачу-библиотекарю. Правда, в случае нужды читатель имел право учтиво попросить отсрочки. Максимум — на полчаса. Библиотека не работала в период рождественских и пасхальных каникул (с 24 ноября по 6 января и с Вербного до Фомина воскресенья), а также, когда праздничные дни

572

выпадали на среду или субботу. Новый культурный центр торжественно открыли в первую среду после дня Крещения Господня — 9 января 1756 года. В тот день Павел Захарьевич на радости презентовал своему детищу восемьдесят пять книг из собственного собрания.

9 декабря 1755 года Кондоиди вручили письмо от Петра Ивановича Шувалова. На обычном полулисте Его Сиятельство самолично вывел:

«Государь мой, Павел Захарьевич.

Что я принял в службу мою дохтора господина Марграфа, то Вашему

Превосходительству сим сообщаю. А для получения подлежащего определения, как об

отпуске по его рецептам, так и практиковании, с доношением к Вашему Превосходительству ему велел явитца. Протчем, ожидая исполнения, пребываю с почтением моим Вашего Превосходительства покорный слуга, граф П. Шувалов». Уроженец Митава, выпускник Лейденского университета доктор Фридрих Николаус Марграф служил в России в столичном сухопутном госпитале с ноября 1751-го по сентябрь 1754 года. Затем он уволился и занимался партикулярной практикой. А теперь, видимо, решил вернуться на госслужбу в должности домашнего врача. Да, это была тоже оригинальная идея лейб-медика, которая, похоже, и в этот раз родилась не без влияния императрицы. Елизавета Петровна, думая о дорогом супруге, поручила гоф-хирургу Андрею Верре целиком посвятить себя заботам о здоровье Алексея Григорьевича Разумовского. Пять лет не прошли даром. Лекарь, хорошо изучивший индивидуальные особенности подопечного, теперь чаще ставил точный диагноз и реже ошибался при назначении курса лечения.

Следовательно, чем меньше у врача пациентов, тем выше его эффективность. Если участковый врач — удел небогатых подданных, то любому состоятельному человеку нужно позволить иметь личного доктора. Такой медик должен практиковаться только

573

в данной семье, не отвлекаясь на посторонних. Первым домашним доктором 7 февраля 1755 года обзавелся, разумеется, граф Разумовский. Андрей Верре не покинул обер-егермейстера. Госпитального лекаря Георга Фоглера с жалованьем в 300 рублей прикрепили к персоналу, обслуживающему пустующий особняк сиятельного «холостяка». По сей причине подлинным первым домашним врачом вернее называть Федора Фигнера, разместившегося в доме барона Сергея Григорьевича Строганова. И вот накануне Рождества появился третий претендент.

Где сановники находили для себя достойные кадры? В Санкт-Петербурге в то время обреталось немало докторов и лекарей. Десять счастливых — три лейб-медика, шесть гоф-хирургов и один дантист (Генрих Жантйи) — обосновались при Дворе. Трое — в штате Медицинской канцелярии (Иоганн Лерхе, Дамиан Абриль и Георг Польшман). На них, как и на главных медиков при госучреждениях, рассчитывать не стоило. Зато хорошим резервом обладали лейб-гвардии и армейские полки, кадетские корпуса и оба госпиталя. Кроме того, в столице жили и трудились несколько частных врачей. В общем, возможности выбора у вельмож были, и они не замедлили ими воспользоваться. Петр Иванович Шувалов обратил внимание на частное лицо. 13 декабря Кондоиди одобрил предложенную кандидатуру, и 23-го числа Марграф зачитал и подписал присяжный лист.

Четвертым о домашнем враче задумался Александр Иванович Глебов, породнившийся с императрицей благодаря браку с Марией Симоновной Чог-ловой. 13 марта 1756 года обер-прокурор Сената пригласил к себе в лекари из морского кадетского корпуса Якова Роде, связавшего судьбу с медициной в мае 1738 года. Устроившись простым учеником в санкт-петербургский адмиралтейский госпиталь, сын капельмейстера двенадцать лет постигал Гиппо-кратову науку, прежде чем в январе 1750 года удостоился лекарского звания. Правда, исцелить серьезно захворавшую в те дни супругу помощника Трубецкого он не успел (утвержден в должности 5 апреля) или

574

не смог. 19 марта двоюродная сестра царицы скончалась. Впрочем, это вовсе не означало, что Глебов отыскал плохого эскулапа. Все же медицина в ту эпоху еще не встала прочно на ноги, продолжая медленно, но верно накапливать необходимые факты, обеспечившие будущий прорыв²³.

Глава 21

В Коллегии иностранных дел

1756 июль

02. Была опера Александр Великий и из оперы Государыня изволила поехать в Царское село, а Их Высочества в Ораниенбаум, а В. К Щавел] Щетрович] в Царское ж село. 14. Бывший здесь вояжер граф Дуглас объявлен от французского двора шаршдафером или резидентом, в которое время заключен союз между Российским и Французским двором, от нас там объявлен резидентом во Франции секретарь Бехтеев.

22. Зачали строить у Петра и Павла главу. 24. Комендант князь Мещерский умер.

Юный паж верно уловил ключевое событие месяца, посвятив ему наибольшее число строк. Конечно, он догадался, что означает объявленный союз России с Францией. В Европе уже почти полгода шла война между соседями, разделенными Ла-Маншем, из-за далекой Америки. Англичане не слишком успешно воевали с французами в Новом Свете. А те высадились в апреле на Минорке и, овладев столицей средиземноморского острова — Портмагоном, осадили цитадель города — крепость Святого Филиппа. На континенте со дня на день ожидали известия о капитуляции английского гарнизона. Не менее тревожные новости приходили из Пруссии. 6 июня король Фридрих уехал из Берлина в Штеттин, чтобы проинспектировать собранные там войска. Кроме того, «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что Генуэзская республика решила предоставить французам 2,5 тысячи своих солдат (№ 49 от 18 июня),

575

а в Мадриде вовсю шли переговоры о заключении союзного трактата с Версальским двором (№ 52 от 28 июня). Между тем Голландия уведомила о сохранении нейтралитета в назревающем конфликте, а Вена вела с Парижем тайные переговоры о тесном сближении между государствами.

Естественно, Россия не могла остаться в стороне от нахлынувших на Европу перемен. Ей также предстояло заявить о своей позиции в уже разгоравшемся военном противостоянии. Однако сделать выбор было непросто. С Великобританией Российскую империю связывали надежные, проверенные десятилетиями торговые и дипломатические отношения. Сам великий канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин приложил немало усилий ради укрепления столь выгодного для России союза. А вот с Францией найти общий язык никак не удавалось. Людовик XV невзлюбил Россию и потому беспрестанно норовил хоть чем-нибудь насолить ей. В Польше и в Турции, в Швеции и в Германии эмиссары Его Величества, исполняя волю короля, всемерно помогали тем, кто не желал установления доброго мира с могущественной соседней империей. Елизавета Петровна в первые годы правления пыталась рассеять подозрения недоверчивого монарха. Но, осознав всю степень упрямства «любезного французского брата», отступилась. Неизбежный разрыв ускорил кризис 1748 года. В июне король отозвал из Петербурга консула Сен-Совера. В феврале 1749 года Париж покинул посланник Грос. Официальные сношения между двумя государствами совершенно пресеклись.

Казалось, враждебность Франции к России никому не под силу поколебать. По крайней мере, в ближайшей перспективе. Тем не менее англичане умудрились справиться с нелегкой задачей. Лондон помирил вчерашних недругов в считанные месяцы, хотя ни о чем подобном даже не помышлял. Министры Георга II думали о том, как переиграть французов в американских колониях и обеспечить безопасность родины короля — ганноверского курфюрста. Небольшое герцогство располагалось в опасной близо-

576

сти к границам Франции. В случае войны французские полки без труда бы оккупировали беззащитное княжество. Слабые немецкие гарнизоны надлежало укрепить дополнительным контингентом. Но откуда не обладавшей сильной

сухопутной армией Англии взять двадцать-тридцать тысяч новых солдат, которых и так не хватало для борьбы за океаном? Конечно же, у союзника. Впрочем, обстановка в районе Огайо волновала английский кабинет гораздо сильнее, чем судьба Ганновера. Военные действия в Америке начались весной 1754 года. Потерпев ряд поражений, Англия предпочла отомстить Франции в Европе задержкой французских торговых судов под видом военных трофеев. В течение 1755 года французы терпеливо настаивали на возвращении кораблей, но англичане игнорировали справедливое требование. Понимая, что пиратство — плохое подспорье в борьбе за канадские колонии, в Лондоне лихорадочно просчитывали другие варианты, способные переломить ход войны в пользу Англии.

Поначалу обратились за помощью к России. Старому союзнику предложили подписать субсидную конвенцию. Петербург инициативу одобрил и благосклонно принял летом 1755 года посла Ч. Вилльямса. Об условиях сделки договорились быстро. 19 (30) сентября 1755 года А. П. Бестужев-Рюмин, М. Л. Воронцов и Ч. Вилльямс подписали соглашение. Россия выставляла для обороны Ганновера 55-тысячный корпус. Англия обещала платить по 500 тысяч фунтов стерлингов в год (считая по 10 гульденов и 15 штиверов за фунт). Страну-агрессора в документе не обозначили, хотя, несомненно, подразумевался кто-то из франко-прусской коалиции. Правда, заключенный с империей договор не вполне удовлетворял англичан. Да, русские солдаты — гроза французской армии. Они смогли бы отвлечь на себя в Ганновере значительную часть пехоты и кавалерии Людовика XV, предназначенную для отправки в Канаду. Одно плохо. Корпус двинется из Лифляндии, «если Его Британское Величество... ата-

1^й К. Писиринко

577

кован» будет, то есть ганноверцы, прежде чем получат подкрепление, должны три-четыре месяца самостоятельно отбивать атаки неприятеля. Но это — чистая утопия. Пока россияне совершат марш-бросок вокруг Пруссии, французы успеют оккупировать герцогство и подготовить изможденному походом противнику достойную встречу. И, не дай Бог, король Фридрих поспешит на выручку союзнику. Тогда Англия, потеряв Ганновер, ничего не добьется в Америке, ибо Версаль сумеет перебросить туда главные силы.

В общем, русский проект не гарантировал полномасштабного вовлечения Франции в войну на континенте. Поэтому британский премьер-министр Т. Ньюкасл попытался выстроить комбинацию получше. Благо, второй кандидат уже объявился. Тем же летом 1755 года из Берлина пришел сигнал от Фридриха II, который был не прочь посодействовать реализации планов Лондона. Тот, кто фактически возглавлял Британию, оценив ситуацию, сделал вывод, что альянс с прусским королем по сравнению с русской императрицей сулит огромные преимущества. Во-первых, Пруссия больше не станет угрожать Ганноверу. Во-вторых, Францию ожидает изоляция. В-третьих, пруссаки вовремя прервут победное шествие французов на герцогство и заставят Францию целиком сосредоточиться на европейском театре войны. Поддержка канадских французов сведется к минимуму.

Между тем король Фридрих не бескорыстен ради приглашал англичан к сотрудничеству. Он понимал, что союз России с Англией и Австрией зажимает Пруссию со всех сторон и препятствует ее политике поглощения близлежащих германских курфюрств и герцогств. К тому же Франция, увлеченная боями в Новом Свете, вряд ли протянет руку помощи в случае чего. Поэтому, чтобы вырваться из враждебного окружения, Фридрих рискнул вступить в диалог с англичанами. 5 (16) января 1756 года в Лондоне члены английского кабинета и прусский посланник Л. Ми-челл подписали Вестминстерскую конвенцию, по которой англичане и пруссаки

шении кем-либо из соседей мира в Европе совместно дать отпор агрессору. Причем финансовый вопрос при заключении договора даже не поднимался. Так что для британцев все получилось, как говорится, и дешево, и сердито.

Хотели того Томас Пелгэм, герцог Ньюкасл и Фридрих II или нет, но в январе 1756 года они фактически разожгли на континенте костер мировой войны. Авторы конвенции должны были предвидеть, что Париж, попав в изоляцию, постарается любой ценой выскочить из западни. И раз Францию предал друг, она найдет на него управу в лице вчерашних врагов. Тем более что три женщины, заправлявшие делами в Париже, Вене и Петербурге, слепотой не страдали и мгновенно учуяли, какого джина из бутылки выпустили англичане, поставив на Гогенцоллерна. Прусский монарх, благодаря туманному Альбиону, разомкнул опасное кольцо. Имея свободный тыл на севере, питая надежду на пассивность версальских политиков, король тут же устремился на юг, на Саксонию. А в Петербурге подстраховать Фридриха пообещали отзывчивые английские друзья. В результате над Австрией нависла серьезная опасность, оградить от которой мог только союз трех «обиженных» государств. Императрица Мария-Терезия и госканцлер В. Кау-ниц немедленно активизировали контакты с Версалем — еще вчера их непримиримым соперником. Французский кабинет, по существу подчинявшийся Жанне д'Этиоль, маркизе де Помпадур, в течение 1755 года принимал авансы Вены осторожно, хотя не без интереса. Решительно взять курс на сближение с цесарцами вынудило обнародование Вестминстерской конвенции. Французы вовсе не горели желанием ввязываться в войну на континенте и нападать на Ганновер. Но австрийская пехота никогда самостоятельно не одолеет вымуштрованных прусских гренадеров. Значит, Вена обречена на поражение. Кого изберет второй жертвой новоявленный друг Британии, гадать не имело смысла. Безусловно, Францию, увлеченную боями в Канаде. Однако войну

на два фронта без поддержки извне французы не выдюжат. Нужен любой реальный союзник. И раз на эту роль претендует вчерашний закоренелый враг, надо с ним поскорее замириться.

Первой всю драматичность положения Франции осознала маркиза де Помпадур. Невзирая на ропот и пропрусские настроения общественности, она настояла на союзе с австрийцами, и 20 апреля (1 мая) 1756 года в Версале делегации двух государств подписали оборонительный договор. Таким образом, заветная мечта англичан сбылась. Хитрецы с Даунинг-стрит все-таки стравили Францию и Пруссию друг с другом. Оставалось прояснить позицию России. Пруссия чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы потягаться с Францией и Австрией одновременно. А вот третий соперник наверняка нарушил бы баланс. Это очень беспокоило и Лондон, и Берлин. Честно говоря, англичанам больше импонировало наблюдать за частыми битвами пруссаков с французами, чем с австрийцами. Немцы, наоборот, жаждали скорее скрестить шпаги с немцами, а не с земляками Вольтера. Но и первые, и вторые намеревались избежать вмешательства в предстоящий поединок русских солдат. Елизавета Петровна ни за какие посулы не согласится воевать на стороне Фридриха II. Зато, примкнув к противоположному лагерю, царица сорвала бы все планы англ о-прусской коалиции. Ведь Франция тогда сможет сражаться на два фронта. Англия никакого облегчения в Америке не получит. Пруссии придется забыть о территориальных приращениях, ибо для нее война наступательная быстро превратится в войну оборонительную.

Участие России грозило обесмыслить всеевропейскую бойню и в конечном счете

обернуться катастрофой для ее инициаторов. Империю нужно было тем или иным способом вывести из игры. В итоге летом 1756 года Англия предложила России объединиться на ниве посредничества. Цель провозглашалась благородная — помирить Пруссию с Австрией и не допустить разрастания войны. В случае успеха ко-

варной задумки между Веной и Петербургом возникли бы трения, которые, постепенно подогреваясь, переросли бы во взаимное недоверие. Затем разного рода недоразумения и размолвки помогли бы дочери Петра Великого с чистой совестью отречься от строптивого австрийского партнера и объявить по примеру Голландии нейтралитет. Доказать царице целесообразность переговоров герцог Ньюкасл поручил английскому послу в Петербурге Ч. Вилльямсу.

В Австрии и Франции также отлично понимали значение далекой северной державы. Марию-Терезию связывал с Елизаветой трактат о дружбе. Постоянные контакты на уровне посольств содействовали оперативной корректировке общей позиции. Версаль такой возможностью не располагал. Правда, там неплохо усвоили уроки 1735 и 1748 годов и налететь на грабли в третий раз не собирались. Поэтому, пока прусский король в тайне от французов наводил мосты на Темзе, те в свою очередь не поленились послать к берегам Невы шевалье А. Дукласа, дабы прозондировать расстановку сил при русском Дворе. В октябре 1755 года «путешественник» достиг пункта назначения и сумел выяснить, что в Петербурге соперничают английская и французская партии. Первой руководит пока еще могущественный канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, второй — всесильный фаворит императрицы И. И. Шувалов и блокирующийся с ним вице-канцлер М. Л. Воронцов. Вторая партия, которая, судя по всему, должна оттеснить канцлера, готова сотрудничать с французским двором. Этого вполне хватило, чтобы, когда прогремел гром Вестминстерской конвенции, маркиза де Помпадур и глава королевской «тайной дипломатии» принц де Конти убедили монарха хотя бы на время забыть стойкую неприязнь к России и заключить с ней необходимый для Франции альянс. Людовик уступил.

21 апреля 1756 года А. Дуклас вновь приехал в Петербург с полномочиями на ведение переговоров о «восстановлении прежней дружбы и корреспонденции» с Ее Императорским Величеством и подписание договора. Императрица отреагировала на пере-

данное через вице-канцлера предложение сдержанно. Возобновление дипломатических отношений одобрила, проекты же будущего союза предпочла не комментировать. Как бы ни приветствовала Елизавета Петровна инициативу французской стороны, торопиться в столь важном деле не следовало. Перспектива совершить какую-нибудь досадную ошибку ее не прельщала. Оттого даже мероприятия по налаживанию официальных контактов с Францией осуществлялись осторожно и постепенно¹.

В апреле русскому послу в Вене Г. Кейзерлингу рекомендовали чаще встречаться с французским коллегой. 28 мая из Петербурга во Францию отправился под видом вояжера надворный советник Ф. Д. Бехте-ев — человек из окружения вице-канцлера. 4 июня на заседании Высочайшей Конференции, образованной в марте, приняли формальное решение об обмене дипломатическими представителями. Осталось дождаться получения французом верительных грамот от собственного министерства. Наконец, 29 июня Дуклас вручил Воронцову верительное письмо от госсекретаря Рулье, официально подтвердившее его полномочия². Последнее препятствие — дату на верительном письме — преодолели быстро. Шевалье согласился на свой страх и риск проставить на нем число, в которое курьер с депешами покинул Париж. После

этого 13 июля состоялась церемония официального объявления А. Дукласа и Ф. Бехтеева шарш-даферами, что в переводе с французского означало «поверенный в делах».

В четверг утром М. Л. Воронцов, выполняя волю государыни, навестил А. П. Бестужева на каменноос-тровской даче графа. Там-то он и ошарашил начальника, неосведомленного об истинных целях посещения французом России, сенсационным известием: «Ее Императорское Величество повелеть соизволила принять от Дукласа кредитивные письма и в равной силе от здешнего к французскому министерству послать на... имя» надворного советника Ф. Бехтеева «в таком же характере поверенного в делах». Тут же вице-канцлер передал Алексею Петровичу все касаю-

582

щиеся сего события документы. Канцлер перенес удар внешне спокойно, даже пригласил Михаила Ларионовича отобедать с ним и шевалье Дукласом, которого ожидал к 12 часам. Но Воронцов, поблагодарив Алексея Петровича, благоразумно уклонился от приглашения, не желая публично афишировать ту ключевую роль, что выпало ему сыграть в судьбе двух шаршдаферов. Простившись, вице-канцлер уехал. А поверженный канцлер покорился обстоятельствам и во время визита французского резидента принял у него верительное письмо о назначении на ответственный пост³.

13 июля стало важнейшим днем в истории елизаветинской дипломатии. Фактическая смена руководства Коллегии иностранных дел свершилась окончательно. Отныне императрица при выработке внешней политики России опиралась не на старого, умудренного опытом Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, а на молодое поколение, выросшее под крылом канцлера, — Ивана Ивановича Шувалова и Михаила Ларионовича Воронцова. Они, вслед за царицей, правильно оценили изменившуюся расстановку сил на континенте и предугадали, что в новой просвещенной Европе, познавшей циничную политику прусского короля, которому потворствует английская дипломатия, Франция — наиболее естественный партнер России по сдерживанию агрессивных устремлений Пруссии, приступившей с воцарением Фридриха к насильному объединению вокруг себя германских княжеств.

Ну а пока Петербург оживленно обсуждает двойную сенсацию — новый внешнеполитический курс и кадровую перегруппировку в иностранной коллегии, — присмотримся поближе к человеку, который раньше других предвидел или, лучше сказать, предчувствовал падение могущественного канцлера — к секретарю коллегии Дмитрию Васильевичу Волкову. Сейчас он на своем посту, занят сочинением бумаг, связанных с подключением России к австро-французскому союзу. Ездит с папками из Петербурга в Царское Село и обратно, отдавая Ивану Ивановичу

583

Шувалову подготовленные Михаилом Ларионовичем Воронцовым документы для последующего их представления императрице.

И, наверное, мало кто в эти суматошные дни вспоминал о странном казусе, случившемся с молодым человеком совсем недавно, в декабре 1754 года. Между тем загадочное событие так сильно переполошило общественность, что «Санкт-Петербургским ведомостям» во вторник 24 января 1755 года пришлось даже выступить с официальным заявлением:

«Еще в конце минувшаго года к общему здесь удивлению безвестно скрылся было Государственной Коллегии Иностранных Дел секретарь Дмитрий Волков. И хотя потому разные и многия разсуждения происходили, однакож достовернаго токмо сие нашлось, что он вознамерился было тайно монахом быть, почему немедленно сыскан и сюда возвращен. И Ея Императорское Величество всемилостивейше отпустя ему сию отлучку указала, чтоб он паки в прежнем его чине был и прежнюю должность от-

правлял*.

Объяснение правительством внезапного исчезновения из Петербурга секретаря канцлера, в принципе, выглядело правдоподобно, но абсолютно противоречило реальной картине. Монахи к данной истории не имели никакого касательства. Царица нарочно замаскировала истину ссылками на монастырь, ибо обнародование настоящих причин побега рассекречивало раньше срока планы императрицы в области международных отношений, чего допустить она не могла. Впрочем, начиналась волковская эпопея вполне обыденно.

29 ноября 1754 года коллежский советник Дмитрий Волков не вышел на работу. Канцлер, волнуясь за подчиненного, 30 ноября послал к нему домой человека спросить, в чем дело. Волков пожаловался посыльному на сильную зубную боль, мешающую полноценно трудиться. Тогда Бестужев отправил к захворавшему лекаря Форделя. Тот после визита к пациенту доложил Алексею Петровичу, что распознать, симулирует Волков болезнь или нет, он не смог, хотя

584

секретарь при этом и выглядел немного смущенным. Тем не менее канцлер решил не тревожить зря неплохо зарекомендовавшего себя работника и дать ему несколько дней на излечение.

Но вот миновал первый день декабря, второй. Наступил третий. А от чиновника никаких вестей. Бестужев вновь посылает к нему Форделя, который вскоре возвращается с невероятной новостью: «Жена по-мянутого секретаря Волкова ему в крайнем сокрушении объявила, что он, немогши всю ночь декабря на 1 число заснуть и тосковав, еще до рассвету со двора сошел, не допустя и слуги своего себя проводить, и до ныне не бывал». Испуганная женщина искала супруга везде, даже у родного брата, артиллерии адъютанта Анофрия Волкова, но напрасно.

Канцлер велел поскорее найти пропавшего клерка. Между тем в дом сановника внезапно пришел брат Волкова Анофрий, который поведал нечто невразумительное: Дмитрий без указания причин уехал в свою можайскую деревню. Офицер выразил желание лично отправиться за ним и вернуть в столицу. Бестужев в недоумении позвал находившихся в приемной комнате переводчиков Никитина и Акчурина и попросил артиллериста повторить рассказ. Однако и для них, и для подошедшего позднее члена коллегии статского советника Ивана Пуговишникова изложенные адъютантом факты явились полной неожиданностью.

Поручив гостя переводчику Акчурина, дабы тот помог адъютанту перенести свое повествование на бумагу, канцлер обратился к артиллерии генерал-майору Шульцу с просьбой уволить Анофрия Волкова из части на две недели. Впрочем, когда нарочный с посланием ушел, Алексей Петрович решил, что поторопился с ходатайством, и командировал к Шульцу курьера с новым письмом, в котором предлагал генералу подержать подозрительного брата Волкова под арестом, когда того пришлют к нему. Еще в этот сумасшедший день 3 декабря Бестужев поинтересовался у почт-директора Аша, не брал ли у него Дмитрий Волков подорожную на почтовых ло-

585

шадей. Федор Иванович ответил оперативно: Дмитрий Волков действительно присылал 28 ноября записку с требованием от имени канцлера выдать бланк подорожной на две почтовые лошади. Прошение было из разряда обыкновенных, и Аш его удовлетворил.

В воскресенье 4 декабря Алексей Петрович сел за сочинение обстоятельного доклада императрице. Кратко упомянув о событиях предыдущих суток, он позволил себе высказать свое мнение о причинах столь странного побега. Первым побудительным мотивом к исчезновению из города, на взгляд канцлера, стали прозаические долги,

особенно усугубившиеся после того, как виновник происшествия увлекся карточной игрой. И хотя канцлер выговаривал ему за игру, а тот клялся больше не притрагиваться к картам, нарекания патрона не дали никакого эффекта. Второе, не менее важное обстоятельство, которое могло подтолкнуть Волкова к бегству, — это неаккуратность в работе. Несмотря на трудолюбие и расторопность, молодой человек, по словам Бестужева, настолько расслабился в последнее время, что «оставил дела канцелярии в великой конфузии, а от некоторых кабинетов с делами ж и ключи увез с собой». Одним словом, коллежский советник заслуживал сурового наказания. Императрица внимательно ознакомилась с докладом канцлера и 5 декабря передала дело в Тайную канцелярию, чтобы Александр Иванович Шувалов точно установил мотивы бегства Дмитрия Волкова. В тот же день Анофрия Волкова перевезли из дома канцлера в Зимний дворец, где допросили в присутствии грозного шефа Тайной канцелярии. 6 декабря 1754 года там же ответ держал денщик Анофрия Волкова Ефим Прокофьев, а затем снова привели хозяина солдата. Этого оказалось достаточно для прояснения картины происшествия. Хотя главный вопрос по-прежнему остался открытым. О результатах следствия немедленно уведомили Елизавету Петровну, и вот о чем она узнала.

В восьмом часу утра 1 декабря Дмитрий Волков

586

приехал на квартиру брата и уединился с ним в одной из комнат. Анофрий сразу же отослал денщика Ефима Прокофьева и вестового фузелера Василия Евсеева в другую горницу, дабы не мешали. Дмитрий, будучи в сильном возбуждении, начал с того, что принялся умолять адъютанта пособить ему с отъездом из города. Офицер, естественно, поинтересовался зачем. Но чиновник уклонился от ответа, твердя лишь одно: если он его любит как брата, то должен помочь. Анофрий все же не успокоился, желая знать причину такого волнения. И тогда секретарь канцлера скупое пояснил, что «емууже болше в Петербурге быть нельзя, потому что восстали на него вся коллегия и Его Сиятельство вице-канцлер граф Михаила Ларионович Воронцов. И ежели он не укроится, •га, конечно, должен в недолгие дни пропасть». «Что же ты натворил?» — спросил у Дмитрия брат. Тот ответил, что ничего особенного. Однако три дня промедления обернутся для него бедой. Анофрий напомнил о благосклонности к нему Алексея Петровича Бестужева. На это Дмитрий сказал, что приезжавший к нему вчера переводчик Акчурин поведал о замеченном им на днях у вице-канцлера графе Бестужева, разгневанном на Волкова. О причине гнева Акчурин не имел понятия, но посоветовал сослуживцу «взять свою предосторожность». Анофрий осторожно задал вопрос: может, против государыни чего не как сделал? Нет, возразил Дмитрий. Тем не менее оставаться в Петербурге секретарь коллегии считал для себя опасным, сообщив еще такой случай. Однажды канцлер напомнил ему о Свечине, который угодил в Тайную канцелярию, и примолвил, «вот де и тебя возьмут в Тайную канцелярию». В общем, заявил Дмитрий, если родной брат отказывается протянуть руку помощи, то он либо у него на глазах зарежется, либо по выходе из дома сразу бросится в реку. Анофрий сдался и пообещал помочь. Спросил, есть ли у него подорожная. Дмитрий показал бланк подорожной, взятой на почтамте, и посоветовал: «Есть бланкет, только по нему ехать невозможно, ибо где я буду ехать, будут записывать, и так быстро сыщут».

587

— Куда же ты поедешь, — последовал новый вопрос, — уж не за границу ли?

— Нет, довольно будет и деревни отца. Доберусь до можайской деревни Бровкино, Поживу там немного, а после перееду к тете, капитанше Ковалевой, в село Синеево, что под Вязьмой. Ты мне будешь писать о том, что происходит в Петербурге, и, когда наступит срок, я пошлю к императрице челобитную с повинной и просьбой о

помиловании.

Еще в начале разговора Дмитрий попросил у Анофрия чистый лист и, взяв перо, написал текст официального пропуска на имя Ивана Иванова сына, крепостного человека двоюродного брата Волковых прапорщика Григория Ковалева, выпущенного недавно из кадетского корпуса в полевые полки, но до сих пор жившего в Петербурге у родственников. Сочиненная чиновником формула гласила, что Григорий Ковалев отпускает своего холопа к матери в вяземскую деревню. Ниже Волков расписался от имени двоюродного брата. Секретарь протянул Анофрию бумагу, пояснив, что теперь ее нужно зарегистрировать в полиции. Брат вышел в сени, позвал Ефима Прокофьева и отдал ему проект документа, повелев снести его в полицию и занумеровать. Если же в полиции спросят, кто такой Иван Иванов, то адъютант наказал солдату ответить, что он сам и есть Иван Иванов. Денщик отправился исполнять волю хозяина.

Пока Волков беседовал с Дмитрием, Прокофьев успел сбегать к дому главной полиции у Зеленого моста и вернуться назад. Слуга возвратил Анофрию незарегистрированный лист. Увы, когда подьячий принял пропуск на регистрацию и спросил, кто такой Иван Иванов, денщик выполнил распоряжение адъютанта и назвал себя. Но чиновник подозрительно покосился на посетителя и вручил билет обратно, заявив, что, прежде чем нести паспорт на нумерацию, в нем следует прописать рост и приметы означенного лица. Анофрий забрал лист у Прокофьева и скрылся в комнате, где его ждал брат. Узнав о неудаче денщика, Дмитрий порвал ставшую ненужной бума-

588

гу. Что ж, подьячий поступил согласно закону. Придется ехать без пропуска. Чтобы затруднить возможные поиски беглого чиновника, Дмитрий решил все же переодеться простым мужиком и уже в таком виде двинуться в путь. Но в доме офицера мужицкого наряда не оказалось, поэтому Анофрий снова отлучился в сени и, дав денщику семь рублей, распорядился купить на них шубу, чулки русские, лапти, кушак, сапоги и войлок. Прокофьев вновь выбежал на морозный воздух.

Между тем братья, одевшись, около полудня вышли из дома и, наняв извозчика, устремились в Смоленскую ямскую слободу, надеясь найти попутчиков до Вязьмы или Можайска. Но не обнаружили таковых и тогда поспешили за Лиговский канал в Московскую ямскую слободу. К сожалению, и там отъезжающих не нашлось. Делать нечего, у первого попавшегося им крестьянина они наняли за три рубля пару лошадей до Тихвина. Приказав мужику подождать их здесь до вечера, Волковы вернулись на квартиру Анофрия.

Дома сели обедать. Анофрий попробовал еще раз уговорить Дмитрия остаться и повиниться, если в чем виноват, перед Бестужевым. Но коллежский секретарь не слушал адъютанта. Лишь однажды у взволнованного Дмитрия вырвалось: «Толко невозможно здесь быть по ссорам между графом Алексеем Петровичем з графом Михаилом Ларионовичем». Впрочем, он вовремя спохватился и не пояснил, в чем заключались ссоры двух высокопоставленных сановников. Наконец вечером появился Ефим Прокофьев с покупками. Дмитрий завернул в кулек снятые с себя кафтан с камзолом песочного цвета, облачился в овчинный тулуп и, прихватив кулек, а также купленные вещи, спустился по лестнице на улицу. Анофрий проводил брата. Поймав извозчика, стали прощаться. Адъютант поинтересовался, есть ли у Дмитрия деньги на дорогу. Тот успокоил: «Есть рублей с пятьдесят да червонных с десятков». Напоследок офицер снова позвал денщика, определив его в провожатые.

589

Когда сани скрылись за горизонтом, Анофрий отправился исполнить ряд поручений по полку. А Прокофьев доехал с Дмитрием Волковым до Московской ямской слободы. Там секретарь прошел в ямщицкую избу, где ожидал крестьянин. Однако прежде

Волков отпустил уставшего солдата домой с наказом передать земной поклон хозяину. Через день, в субботу 3 декабря 1754 года, жена Дмитрия Волкова Прасковья Борисовна прислала за Анофрием лошадей, умоляя навестить ее. В доме брата собралось много родственников. Жена и мать Волкова, плача, спросили Анофрия, не знает ли он, где Дмитрий. Офицер ответил, что не знает. Здесь же артиллерист увидел отца невестки обер-секретаря Адмиралтейской коллегии Бориса Никитина с сыном — переводчиком Коллегии иностранных дел Львом Никитиным. Они интересовались тем же. Анофрий и от них скрыл истину. Правда, на душе у адъютанта было неспокойно. Внутренний голос подсказывал, что следует уведомить о бегстве супруга несчастную женщину. Наконец Волков не утерпел, приблизился ко Льву Никитину и тихонько предложил тому выйти с ним на крыльцо. Там-то коллежский переводчик и узнал, что Анофрию все-таки кое-что известно. И это кое-что он желает сообщить господину канцлеру. Никитин, одоблив решение офицера, вызвался помочь. Оба тотчас помчались на санях в сторону церкви Исаакия Далматинского, во дворец Алексея Петровича Бестужева...

Во вторник 6 декабря 1754 года кашухер передал А. И. Шувалову ответ из счетной экспедиции коллегии, уведомлявшей о получении 20 августа сего года бежавшим секретарем из казенных средств 200 червонных. Кроме того, за ним с 1748 года числились вещи покойного генерала Меншикова — четыре кавалерские звезды ордена Святой Екатерины, украшенные жемчугом.

Обо всем этом Елизавета Петровна прочитала днем 6 декабря 1754 года. Но, подробно ознакомившись с необычной историей, она так и не смогла понять, почему же сбежал секретарь. Зачем он, пользо-

590

вавшийся доверием канцлера, вместо того чтобы повиниться перед ним за растраченные деньги и запущенные дела, ударился в бег, тем самым лишь усугубив свою вину. Ведь теперь канцлер за него не станет заступаться. Почему, пытаясь скрыться, Волков опустил до подделки документов? И с какой стати он рассчитывал на снисхождение императрицы? Заинтригованная бегством Волкова, царица терялась в догадках. Объяснить столь неразумное поведение мог лишь сам секретарь. Поэтому она распорядилась отпустить из-под ареста Анофрия Волкова и в сопровождении армейской команды послать его за братом. 6 декабря поручику Астраханского пехотного полка Ионе Аршневному вручили соответствующее предписание. Спустя почти две недели, 18 декабря 1754 года, посланная за Дмитрием Волковым команда вернулась с ним в Петербург. Чиновника нашли в отцовской деревне, в 50 верстах от Можайска. В тот же день императрица нетерпеливо повелела Волкову объясниться в письменном виде⁴. Что тот и сделал:

«Всемиловитейшая государыня!

Матернее Вашего Императорскаго Величества и обо мне заблудшем и самого себя забывшем призрение на конец открыло мне мое безумие, которого доныне я только тягость чувствовал, слепо следуя моему отчаянию.

Не утруждая пространством человеколюбивое Вашего Величества терпение, просто всеподданнейше доношу. Я с начала службы чрезмерным к оной усердием и тщанием такую вдруг, и паче моего ожидания, тягость дел на себя навлек, что я скоро увидел, коль мало к понесению оной способен. И потому, хотя покушался просить об отправлении меня к министру при котором либо дворе, но как мне во ответ и думать о том запрещено, то я паки по прежнему усердствовать продолжал, никогда почти не зная разницы между днем и ночью. Сей отказ понудил меня жениться. И ослепление за ослеплением следуя, не уважал я ни мало, что ни сам ничего не имею, ни за женою что-либа получить не могу. А радовался только в сво-

ем безумии, что нашел довольно кредиту чем женит-ца и домом обзавестись. Ибо до того я отнюдь ничего не имел и прямым студентом жил. Я потому вдруг в Москве в 1749-м году, когда от Вашего Император-скаго Величества секретарем все милостивейше пожалован, занял две тысячи пятьсот рублей, на пустых мечтах основывая мою надежду, помалу оная выплатить. Но как вместо того я скоро усмотрел, что и к нужному в житье содержанию не доставало, а особливо при умножении фамилии, и будучи принужден содержать двух братьев, то за беспутным началом беспутные и следствия были. Я не находил более средства, как игру, находясь в оной щастлив быть. Но сия пагубная надежда и привела меня в нынешнее совсем отчаянное состояние. Оная меня не только не поправила, но паче и малое, что было, всего до конца лишила. А более всего того сделала меня помалу к должности моей не столь радивым. А, наконец, к оной и со всем неспособным. Ибо как с одной стороны доуки и угрозы заимодавцев, а с другой почти непрестанные слезы и воздыхания жены, при жалостном при том и нестерпимом смотре на четверых малолетних детей, меня всегдашню наполняли грустью и сокрушением, то я, не будучи в состоянии придумывать к поправлению того способов, становился однакож ни к чему протчему нечувствителен...

Со всем тем старался я, пока и сколько мог, скрывать мои обстоятельства и сокрушение, успокаивая несколько старых заимодавцев займом у новых и делая новые помалу долги на мое содержание и на проклятую попытку игры. Но, как сие со всем в тайне остаться не могло, то безпрестанные за то от всех нарекании (и негодование канцлера, которой при том уже часто получал притчины бранить меня и за нерадение), а временем и некоторые ошибки меня и вконец развратили. Ибо сими, хотя справедливыми, нареканиями и увещеваниями ничего однакож не помогало моему со всем разоренному и отчаянному состоянию...

Наконец, нетерпя плачевного взгляду невинной жены и незлобивых младенцев, не находил я,

кроме смерти, себе убежища... В сем на себя умыслении я и такую утвердился надеждою, что отцу моему престарелому, жене и детям лутче единожды оплакать меня мертвого и потом от человеколюбия других искать себе помощи. Нежели, чтоб отец, вместо надежды, при старости видел во мне свой стыд и безчестие, жена в муже — своего убийцу, а дети в отце — мучителя. Однакож всемогущая Божия благодать, знатно ожидая моего обращения, удерживала донны сие, еще в Москве принятое, пагубное намерение. Но, как по возвращении сюда из Москвы моя бедность еще удвоилась, ибо, издержав забранное вперед жалованье на переезд, не токмо не нашел здесь новаго заимодавца, но паче старые с большею, нежели прежде силою на меня наступали.

При сих обстоятельствах дерзнул я взять от росходу коллегии именем канцлера двести червонных, всегда надеясь оная вскоре возвратить. Сими деньгами я паки частию играл, частию же до прошлого ноября месяц[а] и жил, плотя еще, не помню сколько, мелким заимодавцам для побуждения их к терпению. Но, как и сие изошло, а способа к житию паки никакого не находилось, то почти принужден я был удержать у себя, отданное мне в то время от канцлера для отсылки в Выборг сто рублей, из которых с половину и издержал, прибегая в сей крайности к великодушию Его Превосходительства Ивана Ивановича, яко единое прибежище, куда я обратиться мог. Ибо Его Сиятельству канцлеру я ниже слово о том сказать смел, почитая милость его и терпение ко мне уже со всем изтощенными.

Его Превосходительство мне милость свою и обещать изволил. Но как оная замешкалась, а моя крайность от часу приближалась, то, я при отчаянии толкуя все

себе во злое, казалось мне умереть необходимо. Но только еще не знаю, каким образом вздумалось мне вовсе скрыться, тщетно ласкаясь, что почтут меня мертвым и мне свобода останется, скитаясь и нищенствуя по деревням, оплакивать мои прегрешения. Сие было мое прямое намерение, исполнением которого я тотчас и поспешил. Первое, дабы ос-

593

тавшимися еще ото ста рублей деньгами отсюда выехать. А второе, что мне накануне сказано, что графа Чернышева реляции вдруг строго спросили. Сего я крайне и испужался. Не для того, чтоб я их утратил, но для того только, что их удержал едино моим небрежением. Ибо когда еще в прошлом году приказано было для известной негоциации реляции графа Чернышева в коллегию не отдавать, показывая их только всегда Его Сиятельству вице-канцлеру, и поднося, по усмотрению их надобности, для известия Вашему Императорскому Величеству, то и в нынешнем году надлежало с ними так же поступать. Но как, по получении с начала года первых, не содержали оные совсем ничего в себе надобного, то я не торопился предложением их. И, откладывая день за день, столько упустил, что и приходивших, хотя весьма редко, потом показать не посмел, безумно рассуждая, лутче все до крайности допустить, нежели тогда справедливой и заслуженной только выговор получить.

Толь велик в меня вселился страх и стыд, что я не рассматривая ничего более, тотчас и побежал... Более сего, клянусь перед Богом и Вашим Императорским Величеством, никаких преступлений не знаю, кроме единого нерадения, о котором уже выше показался. Ничего не похитил, но и меньше ж изменил или только помыслил вверенные мне тайны открыть. Свидетельствует о том глубокое молчание, в котором и доньше остались премножество крайне деликатных тайнейших и только Вашему Императорскому Величеству известных дел. О которых здесь более и упоминать не смею...

Но преступнику ль чинить представления! Нет, всемилостивейшая государыня! Я, исповедовав теперь все мое окаянство и преступление, во-первых, в глубочайшем благоволении рабское приношу благодарение за монаршую милость, мне явленную: во-первых, возвращением сюда, и возвращением паки в некоторое чувство. А второе, и поданною материнской мне надеждою и ободрением, которые одни поднесь меня и сохранили... И твердое имею упование на неизчерпаемые Вашего Императорского Ве-

594

личества щедроты и человеколюбие. Но, как одна-кож, сам справедливо чувствую, коликого наказания достоин... то я, паки припадая к стопам Вашего Императорского Величества, слезно и в разсудительном благоволении молю. Да всевысочайше соизволите Ваше Императорское Величество на сей раз вместо всегдашнего и природного великодушия правосудие надо мною оказать, повелевая меня куда либо сослать в отдаленное место..., дабы я тем мои преступления несколько заплатить, совесть очистить и новым из нынешнего скотства человеком зделаться мог. Такое наказание я с искреннею радостью и лобзанием принял бы от той руки, от которой получил толико незаслуженных благодеяний. А унося тем отсюда мой стыд и поношение, может быть, зделался бы впредь паки годным, ежели б матернее Вашего Императорского Величества и к самым злейшим преступникам милосердие и обо мне, отвергшем, когда припамято-вано [будет]. Отец мой, которой теперь при старости, буде услышал, терзнет свои седины и жаждет омыть в мерзкой моей крови свое безчестие, с радостью и великодушно услышит, что я получил заслуженное воздаяние, когда уже старость единожды лишила в ожидаемой во мне подпоры. Жена, оплакав единожды недостойного мужа, найдет, может быть, в том свое утешение, когда матернее Вашего Императорского Величества на всех без изъятия признание разпрост-

ранилось бы. И на ее четверых неповинных младенцев. И я уверен, что они без меня будут счастливее и не останется им, как только стыд моего имени.

Сам всеведущий и долготерпеливый мне Господь желает сегодня моего обращения. И я уже делаю ласкательные себе мечты той блаженной жизни, где по воле оплакивая мои грехи и пригрешения, буду теплыми всевышнего слезами молить о сохранении дражайшего здоровья столь справедливой и толь великодушной в свете самодержицы. Стараясь, когда нельзя годным, то однакож достойным быть ее рабом. Чем однако ж при всем благоговении и верности ныне называться не могу.

Дмитрей Волков*⁵.

595

Елизавета Петровна, конечно, с интересом прочитала повинную Волкова. Однако ничего нового в ней не обнаружила, кроме тех же ссылок на долги, служебные промахи и невольную растрату казенных денег. Чиновник явно чего-то не договаривал. Очевидно, что своим безумным поступком секретарь пытался привлечь к себе внимание Ее Величества. Но зачем? Неужели из-за двух-трех тысяч рублей долга, нескольких упреков канцлера и даже растраты трех сотен казенных денег стоило искать спасение в бегстве и подделке документов?! Не проще ли и вернее сразу напрямую попросить о милости императрицу, а не ждать от нее прощения после совершения новых прегрешений?! Нет, Волкову почему-то понадобился именно такой, громкий и скандальный выход на государыню. На что он надеялся? Не замешана ли тут большая политика, раз секретарь Бестужева поостерегся открыто объяснить венценосной особе подлинные причины исчезновения из Петербурга?!

Царице ничего не оставалось, как вновь взять в руки признания Анофрия Волкова, чтобы попробовать найти что-либо существенное между строк. Похоже, императрица именно так и поступила, отыскав после повторного, более тщательного анализа письменных свидетельств адъютанта несколько фраз, содействовавших прояснению истинной картины⁶. Они-то, скорее всего, и помогли Елизавете Петровне понять подлинную причину побега секретаря.

Безусловно, Дмитрий Волков, как человек Бестужева, сознавал, что не нравится вице-канцлеру. Не скрылось от него и соперничество двух вельмож за право определять внешнеполитический курс России. Следовательно, секретарь предвидел, что борьба эта окончится победой либо одного, либо другого. Проблема для него заключалась в том, чтобы предугадать, кто из двух одержит верх. И вояж в можайские деревни означал только одно: чиновник понял, что Алексей Петрович Бестужев обречен на поражение. А раз так, то М. Л. Воронцов обязательно расстанется с выдвиженцем канцлера, которого к тому же недо-

596

любил. Дмитрий Волков мог рассчитывать на единственный шанс — обратить на себя внимание императрицы и искать у нее защиты. Допущенные им промахи по службе, гнев Бестужева приблизили час побега. Волков пошел ва-банк. Как говорится, либо пан, либо пропал! И хотя он заслуживал примерного наказания, императрица предпочла не ломать карьеру и судьбу умному и прозорливому секретарю, который вполне мог пригодиться в будущем.

1 января 1755 года царица обнародовала решение об освобождении из-под стражи братьев Волковых. И тогда же Коллегия иностранных дел получила указ о помиловании коллежского советника: «Самое про-изшествие дела несомненно подтвердя, что безвестная отлучка секретаря Дмитрея Волкова была им учинена отнюдь не для какого изменнического умыслу, мы по природному нашему милосердию все-милостивейше простили его не токмо в сей своевол-ной отлучке, но и в учиненных им до того времени погрешностях, повелевая прежнюю его должность

исправлять. Нашей же Коллегии Иностранных Дел повелеваем, взятые им из оной двести червонных, та-кож и утраченные после умершего князя Меншикова оставшиеся четыре из мелкого жемчюгу состоящие кавалерские звезды, на нем не взыскивать. Само собою при том разумея, что когда уже мы его всемилостивейше разрешили, то толь менее кому-либо возможно его тем порицать*⁷. 23 января 1755 года Дмитрий Волков, амнистированный к великому удивлению и канцлера, и вице-канцлера, вышел на работу. А спустя сутки в официальной газете Российской империи появилось процитированное выше объявление...

18 июля 1756 года в Царском Селе на приеме у Его Превосходительства камергера Шувалова стоял молодой человек. Лет двадцати восьми, роста среднего, немного сутуловатый, лицом весьма моложав и продолговат. С редкой бородкой, темно-русыми волосами, убранными сзади в косу, и серыми глазами. Слегка гнусавым голосом, изредка заикаясь, он докладывал Ивану Ивановичу о привезенных им от Михаила Ларионовича Воронцова письмах⁸.

597

Конечно, докладчик и не подозревал, какую важную роль ему предстоит сыграть в истории России примерно через шесть лет. Ведь именно с именем Дмитрия Васильевича Волкова историки теперь связывают обнародование знаменитых манифестов Петра III о вольности дворянства, упразднении Тайной канцелярии, секуляризации церковных земель и другие...

А пока, накануне того июльского дня, 16-го числа «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что 1 июля офицеры прусской армии, находившиеся во Франкфурте, получили приказ немедленно ехать к своим полкам. Увы, большая европейская война действительно была уже не за горами...

Глава 22

Императрица

1756 август

01. Их Высочества приехали из Ораниенбаума. 02. Государыня изволила приехать из Царского села.

18. Была интермедия.

19- Их Высочества поехали в Ораниенбаум. 20. Государыня изволила поехать в Царское село и

В. К. П[авел] Щетрович] поехал.

В конце августа граф П. И. Шувалов пожалован генерал-фельдцейхмстером [ошибка в дате. Шувалов возглавил артиллерийский корпус 31 мая 1756 года. — К. Щ.

10 февраля 1758 года при русском Дворе отмечался очередной день рождения великого князя Петра Федоровича. В девятом часу вечера в галерее деревянного Зимнего дворца по обыкновению начался бал. Открыли его Их Императорские Высочества. Государыня появилась только под занавес. Все обратили внимание на то, как наследник, долго беседовавший о чем-то с графом Николаем Эстергази, неожиданно подошел к императрице и заговорил с ней. Иван Иванович Шувалов встал поодаль и никому не

598

позволял приблизиться к августейшей паре. Племянник секретничал с теткой менее часа. Расстались они, кажется, довольные друг другом. Позднее среди придворных пронесся слух, что Ее Величество с похвалой отзывалась о любимце великого князя Брок-дорфе.

Содержание диалога узнали немногие. Петр Федорович попросил у царицы прощения за недостойное поведение в прошлом и пожаловался на Бестужева, который «будто бы советовал ему противиться воле государыни». Екатерина Алексеевна тоже удостои-

лась нелестных слов за тесное общение с коварным канцлером, затеявшим за спиной императрицы свою игру. Услышав о том, дипломаты поспешили заверить собственных монархов, что дни непотопляемого старика сочтены. Дочь Петра Великого никогда не помилует человека, изменившего ей ради малого двора¹. Чужестранные министры, как обычно, оценивали ситуацию поверхностно. Бестужев провинился вовсе не связями с великокняжеской четой и не дружбой с женой наследника. Беда канцлера заключалась в нетерпеливом желании поскорее вернуться к власти, которой он заслуженно лишился в июле 1756 года, после того как почти четырнадцать лет сообща с Елизаветой Петровной определял внешнеполитический курс России.

Царица и вельможа прекрасно ладили между собой. Подданный не боялся возразить высочайшей особе, самодержица умела быть настойчивой. Конец идиллии положила Вестминстерская конвенция. Императрица увидела, что старый друг не в силах превозмочь себя, отбросить одряхлевшие схемы и по-новому взглянуть на международную обстановку. Поэтому она тихо, без громких отставок переключила иностранные дела на И. И. Шувалова с М. Л. Воронцовым и учредила им в помощь Конференцию, формально сохранив за прежним командиром коллегии почетное звание канцлера.

Однако Бестужев тяготился ролью свадебного генерала. Ему хотелось управлять, а не царствовать у

599

себя в министерстве. Вот он и решил обхаживать и опекать великую княгиню в надежде со временем при поддержке молодой женщины — возможной преемницы Елизаветы — возратить былое могущество. Правда, действовал Алексей Петрович крайне неосторожно, ибо не стеснялся злоупотреблять доверием царствующей монархини ради авансов потенциальной. Обманом добился августейшего согласия на аккредитацию в России Понятовского в ранге польского резидента. Писал для Екатерины проекты манифестов. Снабжал юную принцессу деньгами. Давал ей советы в пользу пропрусской партии и в ущерб государственным интересам. Подбил членов своей команды Адодурова и Елагина работать на новую хозяйку. Даже Д. В. Волкова — хотя и безуспешно — пытался переманить. Наладил конспиративную связь с фельдмаршалом Апраксиным в Курляндии, гетманом Разумовским на Украине и матерью Екатерины, Иоганной Елизаветой Ангальт-Цербстской, в Германии. Бурная деятельность канцлера не укрылась от императрицы. Информация о подозрительной активности сиятельного графа поступала к ней по многим каналам. Но особую тревогу вызвал донос Г. Н. Теплова о существовании тайной корреспонденции Бестужева с Разумовским и Апраксиным, в которой часто упоминалось имя Екатерины. Отступление Апраксина после победы при Гросс-Егерсдорфе за Неман словно подтверждало правоту помощника президента Академии наук. Елизавета велела Александру Ивановичу Шувалову провести исследование. Прямых улик участия фельдмаршала в бестужевском заговоре комиссия не нашла, но косвенных заполучила предостаточно. Кроме того, царица поручила генерал-кригс-комиссару Якову Петровичу Шаховскому посетить, якобы по служебной надобности, заграничную армию и все «о прошедшей кампании удостоверительно разведать»².

Государыня не собиралась трогать канцлера до завершения миссий Шаховского и Шувалова. Однако их опередил великий князь, пожелавший вдруг испо-

600

ведаться перед императрицей. То, что рассказал Елизавете племянник, совпало с откровениями доносителей и предварительными отчетами главы Тайной канцелярии. Все сомнения улетучились. Бестужев, подобно своему оппоненту, Герману Лестоку,

не выдержал испытание оппозицией и незаметно для себя превратился в государственного преступника.

Будь Дмитрий Васильевич Волков более прозорливым человеком, едва ли Михаил Михайлович Щербатов услышал бы от него неудачную шутку о том, что Елизавета Петровна будто бы не знает, что «Великобритания есть остров->». Увы, не догадался конфере-ренц-секретарь, с кем беседует. Князь же принял его слова за чистую монету и процитировал нелепость в собственном сочинении, указав источник. Впрочем, премьер-министр Петра III, судя по всему, не случайно бросил тень на репутацию дочери Петра Великого. При русском Дворе многие влиятельные персоны не стеснялись выставлять матушку-императрицу в невыгодном свете.

В октябре 1742 года Герман Лесток жаловался саксонскому резиденту Иоганну Петцольду на государыню: та, мол, не желает «заниматься делами, думая, что правление — это машина, которая крутится сама собой*». В сентябре 1750 года соперник лейб-медика Алексей Бестужев внушал австрийцу Иосифу Бернесу примерно то же: «Если бы Ея Величество посвящала управлению страны сотую долю времени, отдава-емого вашей повелительницей управлению своего государства, я был бы счастливейшим из смертных». А канцлер Михаил Воронцов в ноябре 1758 года в разговоре с маркизом Лопиталем заметил: «Вы не поверите, сколько хлопот доставляет мне нерешительность и медлительность Ее Величества».

Не жалели царицу министры. Не щадили придворные. Станислав Понятовский удивлялся, почему Елизавета Петровна относится «к госпоже Бестужевой с неизменным уважением», хотя «прекрасно осведомлена» о весьма непочтительных высказывани-

601

ях гофмейстерины в свой адрес. Офицера-семенов-ца Михаила Щербатова критика царствующей монархини друзьями, имевшими допуск во внутренние апартаменты, не корбила. Уважая тиранический и порядочный образ правления Анны Иоанновны, будущий историк негодовал, видя на троне развлекающуюся особу, из-за лености которой «не токмо внутренние дела государственныя многия иногда леты без подписания ея лежали, но даже и внешния государственныя дела, яко трактаты, по несколько месяцев...» ожидали высочайшей резолюции.

В дискредитации императрицы, похоже, участвовала вся государева свита. Ведь и депеши послов, и мемуары современников, недостаточно хорошо знавших императрицу, наполнены утверждениями о лени, сладострастии, невежестве и легкомысленности Елизаветы Петровны. Однако никто из авторов нашумевших сочинений не присутствовал в царском кабинете на докладах канцлера, президентов главных коллегий или генерал-прокурора и не подглядывал из-за ширмы или занавески за тем, что происходило в опочивальне и смежных комнатах Ее Величества. Все судят о деловых качествах царицы и ее распорядке дня с чужих слов. В том числе и великая княгиня Екатерина Алексеевна, покои которой располагались в непосредственной близости от императорских. Тем не менее немецкая принцесса признается, что почти не встречалась с тетушкой.

Даже в официальной обстановке, по будням в шесть часов вечера в галерее, редко удавалось обнаружить Елизавету среди беседующих и играющих в карты дежурных статс-дам, камергеров, камер-юнкеров и фрейлин. Почему же царица нарушала этикет и игнорировала ежедневные рауты в узком кругу? Люди посвященные разъяснили супруге великого князя причину — государыня спит. Постепенно доброхоты познакомили молодую даму с полным режимом дня хозяйки дворца. Царица <-ночь... проводила без сна с теми, кто был допущен в ея интимный круг... ужинала иногда в два часа пополудни, ложилась после восхода солнца, обедала около пяти или

шести часов вечера и отдыхала после обеда час или два». Интересно, что с аналогичным графиком столкнулся придворный ювелир И. Позье. Его подчас беспокоили ночными вызовами во дворец. К заказчице мастера пропускали крайне редко. Обычно бриллианщик до утра просиживал в передней, ожидая, когда о нем вспомнят. Чтобы тот не задавал никому неудобных вопросов, швейцарца предупредили о странной привычке Ее Величества засыпать не ранее шести часов пополуночи, а пробуждаться около полудня, а то и позже³.

Вырисовывается поразительная картина. Ближайшие соратники публично злословят о государыне. Та — в курсе. Но не торопится хотя бы слегка приструнить нескромных подданных. Парадокс?! Да нет. Стоит лишь допустить, что образ императрицы искажался преднамеренно. Вспомним, кого обычно цитируют историки, характеризуя Елизавету. В первую очередь Екатерину II, затем дипломатов и нескольких современников, судивших о самодержице по слухам, — например гвардии офицера Щербатова. Однако исследователи забывают, на чьи утверждения опираются. Ведь великая княгиня и посланники — прежде всего фигуры политические, а не беспристрастные летописцы. Между прочим, регента Бирона от власти отстранила тоже молодая женщина, к которой обращались «Ваше Высочество». Энтузиазм, с каким в дворцовые интриги и перевороты нмешивались главы зарубежных миссий, не без успеха продемонстрировали дочери Петровой господы Шетарди и Нолькен. Наконец, императрица хорошо знала политическую аксиому: с престола свергают не того, кто царствует, а того, кто правит. Вывод напрашивается очевидный. Чтобы надежней обезопасить себя, надо маскироваться.

12 июня 1755 года английский посол Чарльз Ген-бери Вилльямс вручил Елизавете Петровне свои верительные грамоты. Сдавший ему дела Мельхиор 1^йидекенс на той же приватной аудиенции простил-

ся с царицей. Отправляясь на родину, посланник, безусловно, рассказал преемнику о нюансах российского абсолютизма. Покрутившись с месяц в придворной среде, Вилльямс совершенно убедился в правоте предшественника, то есть в том, что позиция императрицы по большинству вопросов сильно зависит от взглядов первых министров.

Значит, нужно искать, как подступиться к Бестужеву и Воронцову. К 4 июля 1755 года англичанин решил непростую задачку: «Олсуфьев — душа Воронцова, который говорит, как тому нравится. За 500 дукатов наличных денег и за пенсион в 500 я могу быть уверенным в нем, и я думаю извлечь из этого большую выгоду- Фюнч, австрийский посланник, имеет тоже влияние... Он будет верно служить королю за ту же сумму, которую я советую дать Олсуфьеву. Третье лицо, которым нужно заручиться, это Волков, личный секретарь Бестужева. Подарок в 500 дукатов и пенсион в 250 мне его предоставят. До сих пор не открывался никому, кроме Олсуфьева»⁴.

Обратим внимание на последнюю фразу. Похоже, автор вышеизложенного прейскуранта — Адам Васильевич Олсуфьев, и он неплохо изучил характер иностранных дипломатов. У иностранцев так велика вера в продажность русских политиков, что чиновнику достаточно назвать конкретную цифру, и вербовщик всерьез воспримет от него любую информацию. Впрочем, разве могло быть иначе, если беседа (лучше за чаркой вина или водки), подкуп и шантаж — единственные инструменты, с помощью которых посланцы европейских государей на встрече с интересующей персоной пытались проникнуть в тайны русского Двора.

Вот на основе таких международных контактов постепенно и сложилась легенда о

Елизавете Петровне — ленивой и безответственной императрице. Никто не заподозрил в общем хоре свидетельств элементарного подлога. Хотя при желании разоблачить инсценировку не составляло труда. Причем для этого нет нужды кого-либо подкупать. Нам вполне хватит нескольких прогулок по Адмиралтейской сторо-

604

не Санкт-Петербурга и визита в библиотеку Академии наук.

С чего начнем? С Большой Луговой улицы, разумеется. Свернем с Невской прешпективы направо и спустимся вдоль фасадов трехэтажных домов и деревянной изгороди с фонарными столбами к Миллионной улице. Затем не спеша вновь поднимемся к главному проспекту города, не забывая поглядывать на часы. Полюбуемся валом и башней Адмиралтейства, березовой аллеей Невского, пересекающей пополам Адмиралтейский луг, декором снующих по Луговой и Миллионной карет и колясок, костюмами совершающих променады дам и кавалеров. Остановимся, чтобы хорошенько рассмотреть барочную лепнину над крыльцом Зимнего дворца. Кстати, именно на эту сторону выходят окна внутренних апартаментов государыни, в одном из которых расположена опочивальня Ее Величества. Интересно, как же она сумеет вздремнуть после обеда на пару часов? Это весьма тяжело сделать, пока на Миллионной под стенами дворца громыкает по булыжной мостовой транспорт. Но, кажется, сейчас мы всё узнаем.

Возле дворцового крыльца появилась группа солдат. Часть служивых мгновенно преградила дорогу. А один гренадер принялся расставлять поперек улицы от луга к крыльцу четыре подставки, на которые другой рядовой закинул длинную веревку. Тем временем их товарищи аналогичным способом перекрыли движение на спуске к западному флигелю Зимнего дворца с Адмиралтейской улицы. Кареты и одноколки, не успевшие проскочить к Адмиралтейскому валу, тут же устремились в объезд по Большой Луговой улице. Ну а нам пора сверить часы. Прошу отметить, стрелки на циферблате указывают на два часа пополудни. Следовательно, дневной отдых у государыни наступает значительно раньше обнародованного мемуаристами срока. А во сколько завершается? Часов в пять вечера. Тогда же караул освобождает для проезда заповедный участок Миллионной улицы.

Тем же методом можно определить время ночного сна Елизаветы Петровны. По будням знакомую про-

605

цедуру с веревкой гренадеры повторяют около полуночи. В праздники извозчики вправе рассчитывать на отсрочку в два-три часа. Осталось узнать, когда по утрам солдатам командуют отбой. Тут лежебоки, уверенные, что до полудня беспокоиться не о чем, могут попасть впросак. Просыпаться следует спозаранку, дабы вовремя очутиться возле Зимнего или Летнего дворца. Пикет очистит путь каретам, как только во дворце пробьют утреннюю зорю. Понятно, будить императрицу в неурочный час барабанщик не посмеет. Поэтому сигнал во дворце может прозвучать и в шесть, и в семь, и в восемь и в девять часов утра — в зависимости оттого, какой приказ с вечера поступит от государыни. Обычно обитатели царской резиденции просыпались под дробь барабана в восемь часов пополудни⁵.

Такое время обычного пробуждения императрицы находит много прямых и косвенных подтверждений. Так, если в период с мая по сентябрь регулярно после восхода солнца бродить по тенистым аллеям Летнего сада, то едва ли можно услышать визг пил и стук топоров на Партикулярной верфи раньше восьми часов. Но и позднее работу начинали редко. Тот же срок часто фигурирует в приказах по лейб-компании.

Для примера заглянем в столичные герберги, где можно поболтать за бутылкой вина и пива с гренадерами. Лейб-компанец — не вельможа и не преданная хозяйке камер-

юнфора. Нет-нет да и проскользнет в его речах какая-нибудь важная деталь. Скажем, поручики Тимофей Мелыунов, Иван Шахов или капитан Филат Леонов могут поведать о том, как 3 октября 1754 года А. Б. Бутурлин от имени государыни приказал им, стоявшим на часах в большой зале Летнего дворца, чтобы «когда Ея Императорское Величество соизволит започивать... часовых лейб-компаний» водили в зал через боковые двери, «ибо парадная в зал двери имеют быть пополуночи до десятого часа заперты, понеже де в зале седмой и осмой час имеется стук и шум». Как видим, проникающий в спальню гул досаждал царице не до десятого, а до восьмого часа утра.

606

Не менее ценный свидетель — подполковник и лейб-компаний сержант Матвей Михайлович Ивин-ский. Ему постоянно приходится командовать караулами во внутренних покоях Зимнего и Летнего дворцов и принимать от Алексея Разумовского, Василия Чулкова или Игнатия Полтавцева устные повеления Елизаветы Петровны. Именно он продиктовал в журнал словесных распоряжений императрицы два предписания о порядке караульной службы в царской резиденции, переданные через графа Разумовского. Первое прозвучало 29 августа 1750 года: «Ставить в ночь часовых пре[д] дверми парадной почи-вални и растворять двери. А пекету стоять пополам — одной половине в покоях, а другой на галдалей. И часовым стоять пока Ея Императорское величество почивать соизволит, а как пробудитца соизволит, то сводить и двери затворять».

Второе было объявлено 30 апреля 1751 года: «... Лейб-компаний часовых господ гранодеров двух поставить перед парадною Ея Величества опочивальнею в первой комнате внутри и водить на часы для смены чрез салу, чрез тое комнату, где стоят лейб гвардии унтер офицеры. И под часами быть одному господину гранодеру в первой комнате, чтоб в случае нужды могли стоящие на часах к себе его подзывать искусным образом. А приказу оным часовым ожидать впредь, а ныне токмо смотреть, чтоб посторонних никого не пропускать. А лейб компаний зна-мю быть в прежнем месте и господ гранодеров на бекет ставить в прежних комнатах, где прошлаго году становили. И как бекет так и к знамю часового водить чрез темные сени, а не чрез покои. И под знаменем под часами быть особливому господину гранодеру одному. А как в ночи приведетца бекет, то сверх того ставить на галдарее у парадной почивални двух часовых. И по несколько человек чтоб на галдарее во всю ночь были до того времени, как пекет сведут. А часовым на галдарее стоять до время, когда Ея Императорское Величество от сна пробудитца соизволит...»

Остается выяснить, когда часовые покидали свой пост. Ответ на этот вопрос дает упомянутый выше

607

журнал. Вот сообщение В. И. Чулкова от 17 января 1754 года: «Ея Императорское Величество всевысо-чайше изволила указать, как придет лейб-компаний команда на пекет, то б в столовую комнату двери отворить, и тут поставить двух часовых. А как в восемь часов пополуночи команда з бекету пойдет долой, то б и тех часовых сводили». Несколько ниже помещена другая любопытная запись, датированная 18 сентября 1756 года: «Получен словесной приказ Его Пре-восходителства камергера Василия Ивановича Чулкова, чтобы стоящих на часах бекетных часовых сводить всегда бес приказу пополуночи в восемь часов». На обороте того же листа — еще одна запись бывшего гардеробмейстера от 3 ноября 1756 года: «когда придет команда лейб-компаний на бекет, то ставить в ночь часовых в образной и под часами одного, а сводить оных пополуночи в восемь часов»⁶.

Теперь, зная истинное время пробуждения Елизаветы Петровны, попробуем

обозначить подлинный режим дня императрицы, чтобы сравнить его с мнимым. Мы установили, что вставала дочь Петра Великого в восемь утра. По завершении туалета следовал завтрак — чашечка кофе или чая с булкой или каким-нибудь иным кондитерским изделием. Между первым и вторым часом пополудни — обед. Потом — послеобеденный сон до пяти вечера (в середине пятидесятих годов график слегка сдвинулся — с трех до семи пополудни). Проснувшуюся царицу ожидал полдник, мало чем отличавшийся от завтрака. Вечерняя пора посвящалась развлечениям во дворце (куртаги, балы) или поездкам в театр. За ужин царица обычно садилась незадолго до полуночи, а после трапезы ложилась спать⁷.

Согласно общепринятой версии, все выглядело наоборот. Подъем в полдень или позднее. Обед в пять или в шесть вечера. Потом — тихий час. Ужинать государыня предпочитала около двух ночи, а в опочивальне уединялась часов в шесть утра. Если мы совместим оба расписания, то откроем интересную вещь. Императрица бодрствует, пока общество думает, что она спит. А спать укладывается тогда, когда обыватель гадает, каким образом развлекается царица в данный

608

момент. Возникает естественный вопрос. Зачем Елизавете Петровне подобная конспирация? За объяснением далеко ходить не нужно. Самодержица напускает туману на свою частную жизнь, чтобы свести к минимуму опасность дворцового переворота. Днем никто не осмелится ринуться во главе сотен гвардейцев на царскую резиденцию. Слишком много повсюду людей и охраны. Между тем ночь — самая лучшая пора для заговорщика. Однако, если ему внушить, что объект нападения не смыкает глаз и всегда начеку в окружении друзей, вряд ли мятежник решится атаковать дворец. Шансы на успех — мизерные.

Впрочем, могут спросить: ради чего ветренице Елизавете играть в прятки? Не проще ли жить по правилам, диктуемым обстановкой, то есть спать днем и гулять ночью? Какая ей разница?! В том-то и штука, что разница есть, ибо заниматься государственными делами желательно в утренние часы и на свежую голову. Не случайно Александр Иванович Шувалов оправдывал поднесение императрице одной из деловых записок тем, что сейчас «время утреннее, в которое утруждать дозволяется»⁸.

Дочь Петра более десяти лет тщательно и упорно готовила себя к 25 ноября 1741 года, и, взойдя на вершину, совершенно не собиралась плыть по течению и отречься от собственных принципов и замыслов. Невероятно, но — факт. В царствование строгой и грозной сестрицы красивая молодая женщина умудрялась успешно сочетать танцы на балах и пирушки у гвардейцев с кропотливым изучением истории европейских государств. Размышляя над прочитанным, извлекая уроки из опыта французов, англичан, голландцев, шведов, испанцев, португальцев, австрийцев, датчан, поляков и, естественно, соотечественников, принцесса разработала новую оригинальную концепцию управления государством и намеревалась опробовать ее на практике. Заявление, что и говорить, смелое и, разумеется, требующее подкрепления весомыми аргументами. А потому нам следует отправиться в библиотеку Академии наук, где, полагаю, мы сумеем обнаружить то, что нужно.

20 К. Писцренко

609

Четыре года и одиннадцать месяцев хранились под опекой Ивана Даниловича Шумахера особняком от основного академического фонда пятьсот семьдесят девять томов, принадлежавших российской императрице, 17 марта 1745 года их перевезли в Кунсткамеру из Летнего дворца. 7 февраля 1750 года они возвратились к хозяйке. Зачем на столь долгий срок фолианты откомандировали на Васильевский остров, поясняет распоряжение дежурного генерал-адъютанта от 6 февраля: «Ея

Императорское Величество соизволила указать, взятыя в Летнем Ея Императорского Величества доме на французском диалекте книги для пересмотру и разобранья в Десианс Академию, которая разбира-ны были секретарем Тредьяковским и учинен оным секретарем тем книгам каталог, которых по счету явилось 579 книг, из оной Академии взять и внести в комнату Ея Императорского Величества».

Краткое описание царской коллекции на русском языке Василий Кириллович сочинил на скорую руку, когда складывал ценный груз в сундуки во дворце на берегу Фонтанки. Составление полного и обстоятельного каталога потребовало значительно большего времени. Служебные обязанности, перевод труда Шарля Роллена, два пожара — в доме Тредиаковского 30 октября и в башне Кунсткамеры 5 декабря 1747 года — постоянно отвлекали профессора элоквенции от царского поручения. К счастью, Елизавета Петровна его не торопила. Издание на российском наречии «Древней истории» славного француза, безусловно, являлось более важной задачей. Сам Шумахер частенько напоминал академику, чтобы тот не затягивал с отсылкой в типографию очередного тома. В результате исследованием елизаветинской библиотеки поэт и переводчик занимался урывками около пяти лет. Наконец итоговый перечень книг с указанием выходных данных был готов, и полтысячи раритетов вновь укрылись от глаз посторонних зрителей во внутренних апартаментах императрицы⁹. Ну что ж, воспользуемся моментом, пока книги стоят на академических полках, и посмотрим, что в

610

юности читала Елизавета Петровна. Вот восемь увесистых «волюмов» в кожаных переплетах с вызолоченными по краям страницами. Раскроем первый том. На фронтисписе — гравированный портрет Людовика XIV на коне. Справа — заглавие: *Histoire militaire du regne de Louis le Grand*. Автор «Военной истории Людовика Великого» — маркиз Шарль Куинси, бригадир, артиллерии генерал-лейтенант, вице-губернатор провинции Овернь, кавалер военного ордена святого Людовика. Книга напечатана в Париже в 1726 году. Первый том подробно рассказывает о военных кампаниях французской армии в период с 1643 по 1681 год и снабжен прекрасными планами сражений, начиная со знаменитой битвы при Рокруа 9 (19) мая 1643 года. Ниже расположились схемы других побед принца Конде, маршала Тюренна, герцога Люксембургского и самого короля. Ближе к финалу полностью опубликованы тексты Нимвегенских договоров Франции с Голландией и Испанией 1678 года.

Знакомство с подобного рода роскошными фолиантами, которых по шкафам расставлено немало, невольно вызывает подозрение. А не является ли эта коллекция книг всего лишь парадной библиотекой цесаревны? Подтвердить или опровергнуть возникшие опасения нам поможет каталог Тредиаковского. Отличительные признаки библиотеки, созданной ради престижа, общеизвестны. В ней не должны наблюдаться перекосы в какую-либо одну отрасль знаний. Философия, история, художественная литература, естественные науки, искусство в таких собраниях равноправны, а любая модная новинка непременно найдет здесь свое место. Ведь парадную библиотеку формирует не хозяин, а общественное мнение. Но если человек начинает приобретать литературу в зависимости от увлечения какой-нибудь проблемой, картина меняется радикально. Вкусы коллекционера непременно отразятся в реестре книг и будут очевидны каждому, ибо темы, преобладающие в количественном отношении, обнаружат пристрастия владельца.

Перечень изданий, описанных Тредиаковским, рассеивает все сомнения, ибо обнаруживает просто

611

исключительный крен в область истории. Тут что ни книга, то либо политическая и

военная история государств, либо жизнеописания, либо мемуары, либо словари той же направленности. География, застолбившая вторую позицию, безнадежно отстает от бесспорного лидера — истории. Характерная деталь: полтора десятка наименований посвящены античности. Однако искать среди авторов Платона и Аристотеля, мечтающих об идеальном государстве, бесполезно. Приоритет отдается изложению конкретных событий, то есть Плутарху, Полибию и Тациту.

Хозяин собрания явно благосклонен к тем, кто не витает в облаках, а знакомит читателя с реально действующими политическими системами и нормами. Он не пренебрег ни «Правом войны и мира» Гуго Гроция, ни «Опытами» Мишеля Монтеня, ни «Трактатом о политике» Николя Ла Маре, ни «Политическими сочинениями» аббата Сент-Пьера, ни «Французским государством» Жана Пинсона де ла Мартиньера, ни «Послом и его функциями» Абрама Уикфорта, ни «Современным состоянием республики Соединенных провинций» Франсуа-Мишеля Жанисона, ни трехтомным «Современным положением Великобритании и Ирландии в царствование Георга II». Географические сочинения подбираются по тому же принципу. Это, как правило, отчеты вояжеров о нравах и традициях, в том числе политических, различных стран, в которых им довелось побывать. Голландец Корнелий де Бруин совершил путешествие в Левант, Персию и Московию первых лет правления Петра Великого. Вильям Дампьер обогнул на корабле земной шар. Жан Батист Лабат плавал в Америку, Жак Ла Мэр — на Канары и в Сенегал. Жан Тавернье запечатлел в мемуаре обычаи Турции и Индии. А англичанин Джон Робинсон посетил Швецию времен Карла XI и подробно отпартовал о шведском образе жизни. Шесть из семнадцати глав мемуарист посвятил государственному устройству северной державы: Двору короля, правам Его Величества, Тайному совету, правам трех сословий, армии и финансам королевства (*Memoires de Mr. De Robinson contenant*

612

L'Etat present de la Suede. Londres. 1718; Елизавета имела амстердамское издание 1720 года).

И все же, несмотря на всю значимость вспомогательной литературы, первостепенное внимание в библиотеке императрицы уделено истории. Причем тенденции прослеживаются вполне определенные. Во-первых, автустейший библиофил старается максимально собрать информацию по истории всех европейских государств, отдавая предпочтение шестнадцатому и семнадцатому векам. В общем-то, с задуманным он справляется. Труды Рене Верто, Густава Адлефельда вкупе с кратким очерком господина Робинсона позволяют судить о политическом развитии Швеции с XIII века до правления Карла XII включительно. О деяниях королей Дании до конца XVII столетия повествует книга Жана Батиста Роше де Партенау, о политических катаклизмах в Венгрии — аббата Бренера. Польша представлена биографией несчастного Станислава Лещинского. Есть в наличии пятитомная «История пап от святого Петра до Бенедикта XIII» Бруиса, «Генеральная история Португалии» Жака Куин де ла Нефвиля и «История империи» (германской) Иоганна Гейс фон Когенхейма. Имеющиеся пробелы успешно заполняют несколько словарей, универсальные истории Жака Тоу (шестнадцатый век), Самуэля Пуфендорфа (краткая хронология для всех государств Европы) и «История шестнадцатого века» Давида Дюрана. Единственная неувязка случилась с Италией. Добротной работы по политической истории герцогств и республик, расположенных на Апеннинском полуострове, для царской коллекции не нашлось.

Вторая особенность библиотеки — пристальное внимание того, кто ее комплектовал, к истории Франции, Англии, Голландии и Испании. Подбор литературы помогает понять, какие конкретно периоды интересуют владельца. В первую очередь царст-

вования французских королей Людовика XIII и Людовика XIV. Из двадцати трудов о Франции одиннадцать непосредственно посвящены этим эпохам, прочие в той или иной степени затрагивают их. И, судя

613

по содержанию книг, предпочтение отдается не «королю-солнцу», а политическому дуэту сына Генриха IV и кардинала Ришелье. Другая любимая тема коллекционера — английская Славная революция. В книге Пьера Орлеанса событиям 1688—1689 годов уделено не очень много страниц. В тринадцатитомной английской хронике Поля Рапина де Тайраса о них говорится более подробно. Из четырех фолиантов Жильбера Бурнета о правлении Карла II, Якова II, Вильгельма III и Анны I с кульминацией борьбы Стюартов и голландского штатгальтера за британскую корону знакомит целый том (второй). А Вильяму Ламберти для повествования о всенародной акции гражданского неповиновения 1688 года потребовалось уже два тома. Что касается истории Голландии и Испании, то здесь приоритетом пользуется период войны Нидерландских провинций с кастильской ветвью Габсбургов за независимость¹⁰. Не правда ли, книжное собрание дщери Петровой очень хорошо высвечивает пристрастия и характеризует своего основателя?! Человека, для которого почти ничего не существует, кроме политической истории и политики. А значит, нам пора ответить на вопрос: кто заказывал книжную «музыку», сама цесаревна или кто-то посторонний из числа просвещенных друзей или слуг принцессы? На мой взгляд, просто нереально, чтобы подобную необычную по тематике коллекцию кто-либо собирал без активного и прямого участия госпожи — Елизаветы Петровны. Читатель, сомневающийся в том, пусть вообразит себя на месте равнодушного к истории и политике хозяина сего великолепного книжного фонда. Какой будет ваша реакция на попытку приятеля, родственника или слуги создать для вас нечто похожее, к тому же дорогостоящее и лично вам не нужное?..

Но если библиотека формировалась под контролем цесаревны, то выходит, что именно для нее политика — главное увлечение жизни, такое же серьезное и сильное, как для Ломоносова естествознание и филология. По-видимому, обратившись к изучению истории разных европейских государств, дочь Петра

614

Великого старалась разрешить какую-то важную для себя проблему. Думаю, мы поймем, что волновало цесаревну, если вернемся к истокам и перенесемся приблизительно лет на семнадцать-двадцать назад — в пору юности принцессы. 18 (29) ноября 1727 года французский поверенный в делах Маньян доносил в Париж: «Страсть царя к принцессе Елизавете не удалось заглушить, как думали раньше. Напротив, она дошла до того, что причиняет теперь действительно министерству очень сильное беспокойство. Царь до того всецело отдался своей склонности и желаниям своим, что не мало, кажется, затруднены, каким путем предупредить последствия подобной страсти. И хотя этому молодому государю всего двенадцать лет, тем не менее, Остерман заметил, что большой риск оставлять его наедине с принцессой Елизаветой. И в этом отношении, безусловно, необходимо иметь постоянный надзор за ним. Но так как Остерман один оказывается для этой цели недостаточным, то, по его представлению, условлено было, чтобы один из членов совета, поочередно, всюду сопровождал царя. И чтобы, кроме того, канцлер и генерал-адмирал попросили своего увольнения из совета и удаления от двора, внушивши при этом молодому монарху, что их примеру готовы последовать и прочие министры, если он не изменит вскоре своего поведения по отношению к принцессе Елизавете, на которой он не может жениться вследствие непреодолимого препятствия, представляемого обычаями греческой церкви для заключения подобного брака».

Испанский посол герцог де Лирия в депеше от 10 (21) июня 1728 года иначе оценивает обстановку: принцесса Елизавета <«еще... лелеет мысль взойти на престол, вышел замуж за царя»>. 18 (29) ноября тон герцога становится уверенней: красота Елизаветы «физическая — это чудо. Грация ее неописанна. Но она — лжива, безнравственна и крайне честолюбива. Еще при жизни своей матери она хотела быть преем-

615

ницей престола предпочтительно пред настоящим царем. Но, как божественная правда не восхотела этого, то она задумала взойти на трон, вышедши замуж за своего племянника»¹¹.

Вот так. Ни много ни мало. Выйти замуж за ребенка и притом родного племянника, ради короны Российской империи. Это какими надо обладать непомерными амбициями и жадой власти, чтобы двигаться к заветной цели напролом, наплевав на национальные традиции, мораль и саму природу! Неужели дочь великого человека не могла избрать другого пути? Могла. Только путь тот не устраивал принцессу, ибо не гарантировал результата. Ведь предстояло не просто поработать над собой, набраться знаний и опыта, заручиться поддержкой общества, а терпеливо дожидаться своей очереди, которая наступала после царствования Петра II. Очевидно, такой вариант совсем не радовал семнадцатилетнюю Елизавету, и ясно почему. У юного императора вся жизнь впереди. Не дай Бог, женится, и у него родятся дети-наследники. Тогда невысокие шансы цесаревны когда-нибудь занять престол вообще обратятся в совершенный ноль. А ей очень хотелось властвовать! Но в апреле 1727 года неудачей закончилась интрига по провозглашению младшей дочери Екатерины наследницей российского трона в обход внука Петра Великого. В итоге брак с этим внуком становился единственным способом получить желаемый скипетр в кратчайший срок и без риска оказаться в хвосте претендентов-родственников. Дерзкий план был весьма близок к осуществлению. Елизавета легко пленила отрока. Потребовалось всего несколько забав и прогулок по паркам Васильевского острова с царем и великой княжной Натальей Алексеевной в июле-августе 1727 года. Под-росток, очарованный красотой тетушки, по уши влюбился в нее и подпал под едва ли не абсолютное влияние обольстительницы, сумевшей оттеснить на второй план даже обожаемую им сестрицу. 5 сентября 1727 года А. И. Остерман не без помощи сердеч-

616

ной подруги царя ликвидировал последнюю прегра-

ду на пути расчетливой девицы - свалил всемогущего Меншикова и тем самым расстроил помолвку дочери светлейшего князя с царем.

А дальше произошло неизбежное. Петр II заявил министрам, что намерен обвенчаться с Елизаветой. Не сразу сановники осознали всю серьезность ситуации. Поначалу они наверняка отшучивались, потом пытались разубедить упрямого монарха, предупреждали об опасности принцессу, рекомендуя реже встречаться с венценосцем и поменьше кокетничать с ним. Принятые меры успеха не имели. Император от тетушки не отсекся. Виновница скандала к предостережениям членов Верховного Тайного совета не прислушалась. Только в Москве, накануне коронации Петра Алексеевича политическая элита страны прозрела и разгадала маневр хитрой бестии, умело прикидывавшейся легкомысленной и равнодушной к политике особой.

Герцог де Лирия первым почувствовал приближение грозы. Судя по отправленному им 30 декабря 1727 (10 января 1728) года в Мадрид отчету, вторую царскую невесту еще не разоблачили: «Больше всех царь доверяет принцессе Елизавете, своей тетке, которая отличается необыкновенной красотой. Я думаю, что его расположение к ней имеет весь характер любви. Впрочем, она ведет себя благоразумно и осторожно. Она уважает Остермана и живет с ним в согласии*».

Однако 4 (15) марта 1728 года испанец с тревогой констатировал внезапную перемену в отношениях Остермана и союзницы. События на придворном балу 3 (14) марта служили тому наглядным примером: «Бал начал Его Царское Величество с принцессой Елисаветой... Великой княжны, сестры царя не было... Царь, протанцовавши несколько минут, после трех контрадансов ушел из танцевальной залы в другую, где поужинал и уже больше не танцевал. Но принцесса и фаворит (князь Иван Долгорукий. — *К П.*) не пошли с Его Величеством и остались танцевать. Я заметил, что царь, стоя вдали от них, не сводил с них обоих глаз. Во время самых контрадансов (которые Его Величество танцевал с принцессой, и в которых

617

всегда участвуют князь Иван, я и другие) я уже заметил, что Его Величество ревнует. И я имею данные заключать, что честолюбие этого фаворита достигло такой степени, что нужно опасаться, что он влюбится в эту принцессу. А если это случится, нельзя сомневаться в гибели этого фаворита. И я с своей стороны уверен, что Остерман разжигает эту любовь. Я знаю, что он ничем бы не был так доволен, как если бы они, удалившись от царя, отдались одна другому. Этим путем погибли бы он и она (князь Иван и принцесса), и царь излечился бы от слепоты*. Важное добавление, сделанное посланником чуть выше, вполне проясняет суть дела: «Остерман... понимая, что он не может удержаться с своею партией, так как противная партия сильнее, пристал к Долгоруким*¹².

Напрасно герцог об альянсе вице-канцлера с прославленным княжеским родом упомянул вскользь. Да к тому же с таким нелепым обоснованием. Все-таки де Лирия — профессионал. Ему грешно забывать, когда победитель спешит помириться с неприятелем, обреченным на поражение. Только если обоим угрожает более сильный и коварный враг. Остерман и Долгоруковы увидели в Елизавете Петровне не просто конкурента. Личность, рвущаяся к власти через кровосмесительный брак, ни перед чем не остановится и в будущем. Не позавидуешь подданным во главе с умной, циничной и беспринципной царицей — настоящим Фридрихом Великим в юбке. Она никого не пожалеет и пожертвует кем угодно во имя собственных интересов. Министры Петра II, как люди осмотрительные, предпочли не рисковать, а уничтожить потенциальную опасность в зародыше. План по устранению Елизаветы оригинальностью не блистал. Любовь связала царя с принцессой. Любовь их и поссорит.

Главную роль участники коалиции поручили сыграть фавориту государя — красавцу Ивану Алексеевичу Долгорукову. Ему надлежало аккуратно соблазнить цесаревну. Именно аккуратно, чтобы не князя, а Елизавету независимые наблюдатели и император восприняли в качестве инициатора любовной интрижки. Заговорщики недооценили соперницу. Она,

618

не подозревая об истинных намерениях Ивана Долгорукова, открыто пофлиртовала с ним, разпалив ревностью императора, но за допустимую грань не перешла. Поражение не смутило вельмож. Хотя тактически они ошиблись, направление главного удара выбрали правильно. Елизавета — не «синий чулок» и, очевидно, не сходит с ума от мальчика-подростка. Несомненно, у красавицы есть тайный воздыхатель, и его обязательно надо найти.

На сей раз расчет Остермана и Долгоруковых целиком оправдался. Конечно, жизнерадостная амазонка имела возлюбленного, хотя тщательно скрывала секрет от посторонних. Однако противники Ее Высочества тоже не афишировали, какую цель преследуют. В итоге юная леди не догадывалась о западне, которую ей приготовили «друзья», и никак не подстраховалась. Союзники оказались неплохими конспираторами. А Елизавета, наоборот, впустую расхваливала вице-канцлера и

фаворита, называя себя их другом. Красноречие и лесть никого не сбили с толку. Впрочем, все едва не испортили внутренние раздоры. В апреле Иван Долгоруков поругался с вице-канцлером. Причины размолвки от современников ускользнули. Зато попытку восстановить отношения вездесущий де Лирия успел зафиксировать. 22 мая (2 июня) фаворит в сопровождении отца и, наверное, не без давления с его стороны (Алексей Григорьевич почитал барона) навестил Остермана. Но приехавший тут же герцог невольно сорвал переговоры. Лишь в конце июля, возобновив диалог, обе партии нашли взаимопонимание. И вскоре после того молодая тетка царя столкнулась с неприятным сюрпризом. 5 (16) августа испанский посол отписал в Мадрид: «царь уже меньше интересуется... Елисаветой... Он не выражает ей прежнего внимания и реже входит в ее комнату». Цесаревна отреагировала на тревожный сигнал странно: отправилась 1 августа зачем-то пешком на богомолье в ближайший от города монастырь. Между тем поступки императора свидетельствовали о том, что партия власти добилась определенного эффекта в дискредитации дражайшей тетушки

619

и, естественно, не собиралась тормозить на полпути. Пока соперница бродила по святым местам, сановники, судя по всему, дожали государя. Опала принцессы стала неминуемой, когда шпионы выяснили, кто завладел сердцем прекрасной принцессы. Вряд ли Андрей Иванович, Иван Алексеевич и Алексей Григорьевич изумились, узнав о каком-то гвардии гренадере. Яблоко недалеко упало от яблони. Отец женился на прачке. Дочь покорила солдату. Тем лучше. Петр Алексеевич быстрее избавится от иллюзий. Разговор с самодержцем, конечно, не был легким. Отрока слова министров шокировали, но не удовлетворили. Он затребовал прямых улик, которые Остерман и Долгоруковы продемонстрировали мальчику незадолго до именин его сестры. 16 (27) августа изможденная и не совсем здоровая цесаревна вернулась в Москву, а ровно через десять суток, 26 августа (6 сентября) — в день святой Натальи — кара настигла обманщицу. «На сем празднике все заметили величайшую перемену в обращении царя с принцессою Елисаветою. Прежде он безпрестанно говорил с нею, а теперь не сказал ей ни одного слова и даже ушел не простившись*».

Официальные комментарии в устной форме прозвучали ошеломляюще. Победители ничего не придумывали. Елизавету Петровну хладнокровно и безжалостно добились правдой. Люди, еще недавно восхищавшиеся девушкой, с трудом верили, что она вела тройную жизнь — спала с одним, заигрывала с другим и совращала из-за царского венца несовершеннолетнего государя. Герцог де Лирия назвал услышанное «разными слухами, развеваемыми ее врагами». Тем не менее ему, как и всему обществу, пришлось признать справедливость выдвинутых обвинений и осудить бесстыжую цесаревну. В первой декаде сентября в Первопрестольной много толковали об угодившей в немилость третьей царской невесте (первая — Александра Александровна Меншикова; вторая — Мария Александровна Меншикова) и ее захворавшем любовнике, об исцелении которого та молилась в подмосковном монастыре¹³.

620

Да, дорого заплатила дочь Петра Великого за самонадеянность и беспринципность. В один момент утратила расположение императора, уважение соотечественников и очутилась в полной изоляции. Однако отвергнутая монархом принцесса была вся в отца и держала удар достойно, с гордо поднятой головой. Возможно, оставшись наедине, Елизавета и ревела в подушку, но на публике не проронила ни слезинки. Разоблачения и принародные унижения не сломили красавицу, которая, невзирая на упреки возмущенного большинства, не отрекалась от Алексея Шубина (дипломаты,

упоминая о гренадере, именно о нем ведут речь) и старалась внешне спокойно сносить бойкот, объявленный ей императором, придворными и знатным шляхетством. Так, 5(16) сентября 1728 года Петр II приехал поздравить родственницу с днем ангела «не прежде, как к самому ужину, и... только он кончился, то уехал, не дожидаясь бала». По наблюдению герцога де Лирия, Елизавета с завидным самообладанием, «как будто не заметив сего, показывала веселый вид во всю ночь».

В середине сентября разрыв между племянником и теткой обозначился окончательно. Царь со свитой уехал охотиться в Измайлово. Цесаревна с приближенными укрылась от московского позора в Александровской слободе. Там, на природе, среди крестьян да сохранивших верность друзей Елизавета Петровна, наверное, не раз и не два прокрутила в памяти хронику минувшего года в поисках того, рокового для нее, промаха. Полагаю, тогда самоанализ не был глубоким и ограничился обнаружением технической прорехи: чего-то не учла, кого-то недооценила, где-то поторопилась. Основаниями для решительного пересмотра всей стратегии борьбы за власть наследница вотчин Ивана Грозного в ту пору еще не располагала. Смерть Натальи Алексеевны 22 ноября (3 декабря) 1728 года, возможно, заронила первые сомнения в абсолютной правоте Макиавелли, с сожалением провозгласившего эгоизм в политике единственным залогом успеха для любого монарха. Но настоящее глубокое потрясение юная отшельни-

621

ца, безусловно, испытала в двадцатых числах января 1730 года, узнав о кончине племянника¹⁴.

Цесаревну не могло не поразить столь странное стечение обстоятельств, как будто нарочно придуманное. Три года назад она действовала в точном соответствии с рекомендациями автора «Государя»: боролась за российскую корону всеми доступными средствами, без оглядки на нормы морали. Сражение проиграла, уступив более хитрому и опытному Ос-терману, который, согласно той же теории, без пощады сокрушил конкурентку и втоптал в грязь, не оставив никакого шанса на реванш. А теперь выяснялось, что, ведя себя Елизавета вопреки предписаниям великого флорентийца, то есть пассивно, скромно и цивилизованно, никто бы не подумал искать преемника Петру II в Курляндии и выдвигать какие-то кондиции. Российский трон 19 января должна была занять дочь Петра Великого. Многие, например герцог де Лирия, даже после августовских разоблачений верили в это. Будь у Елизаветы Петровны репутация незапятнанной, отцовский престол в соответствии с восьмой статьей завещания Екатерины I поступил бы в ее распоряжение незамедлительно. Следовательно, принцесса собственными руками расчистила путь Анне Иоанновне, вооружившись методом, вовсе не гарантирующим удачу. Возникал естественный вопрос: так ли уж бесспорны политические аксиомы, сформулированные Пикколо Макиавелли?!

Январь 1730 года, похоже, стал переломным в судьбе будущей императрицы.

Разочарование в общепризнанной политической доктрине, осознание своей полной неготовности к управлению огромной державой совпали с необходимостью срочно определить позицию по текущему политическому моменту. У цесаревны хватило мудрости и мужества в сложной ситуации междуцарствия сохранить нейтралитет и не бросить вызов Верховному Тайному совету, хотя некоторые наиболее горячие головы и убеждали госпожу поспешить в Москву и попытать счастья. Тем не менее Елизавета благородно пропустила старшую двоюродную сестру вперед.

622

Осторожность честолюбивой девицы весьма удивила столичных экспертов от политики. Маньян в депеше от 23 марта (3 апреля) не скрывал недоумения:

«Елизавета... не выказала себя ни с какой стороны. Она... развлекалась в деревне, и было... невозможно тем, которые старались здесь в ее пользу, упротить ее, чтобы она явилась ввиду таких обстоятельств в Москву. Несколько эстафет, посланных ей, не могли попасть к ней вовремя, и она приехала в Москву уже после избрания герцогини Курляндской. Но, если бы... она приехала туда раньше, ее присутствие ничему бы не помогло»¹⁵.

Таким образом, тщеславная особа избежала неминуемой катастрофы благодаря чистой случайности или капризу. По утверждению иных, виной тому — робость или болезнь. Короче, спасение Елизаветы от монастыря — результат чего угодно, только не рассудительности самой принцессы, которая недавно так оплошала с брачным проектом. Ведь невероятно, чтобы склонная к авантюрам двадцатилетняя красавица вдруг образумилась. Современникам, видевшим в цесаревне легкомысленную и беспутную особу, естественно, не приходило в голову какое-либо иное толкование ее поведения. Что ж, их мнение достойно уважения. Однако факты — вещь упрямая, и личная библиотека цесаревны свидетельствует об обратном: обладательницу уникального книжного собрания интересовали вопросы более серьезные, чем экстравагантные приключения на любовном фронте. Иначе потребность в таком количестве книг по истории не возникла бы. Больше того, нужда в изучении мирового исторического опыта, очевидно, возросла вдвойне после возвращения сельской затворницы в Москву, охваченную «февральской революцией».

Воистину, ситуация в Первопрестольной складывалась драматически. Члены Верховного совета втайне от публики постановили ограничить прерогативы Романовых кондициями, фактически введя в стране республиканскую форму правления. Мало того, едва москвичи успели проснуться и подняться с постелей в первый день нового царствования, как

623

произошло событие, перечеркнувшее всякие надежды на успех реформы. К полудню 19 января 1730 года Д. М. Голицын — сторонник авторитарной республики (то есть сосредоточения исполнительной и законодательной власти в руках первого министра с наделением депутатов от генералитета и шляхетства правом совещательного голоса) — сумел искусной интригой переиграть опасного соперника — В. Л. Долгорукова, ратовавшего за республику демократическую (за избрание полновластной законодательной палаты), и выпроводил оппонента из Москвы под предлогом поездки за герцогиней Курляндской в Митаву. В итоге многим приверженцам идеи конституционной монархии, готовым поддержать либерального князя из рода Долгоруковых, пришлось блокироваться с адептами абсолютизма, чтобы преградить путь диктатуре амбициозного князя из рода Голицыных. Возглавил крепнувшую день ото дня оппозицию А. И. Остерман. Рядом хитрых уловок вице-канцлер обрек Дмитрия Михайловича на поражение: предупрежденная министром Анна Иоанновна перешла в лагерь большинства, а конституционные инициативы шляхетства парализовали волю князя, в отличие от Василия Лукича, остерегавшегося начинать открытый диалог с дворянством. 25 февраля партия Остермана организовала массовую (по тем временам) демонстрацию недовольных Голицыным военных и статских чинов, после чего оказавшийся в полной изоляции лидер Верховного совета легко и бескровно лишился власти: императрица публично порвала подписанные ею кондиции.

Елизавета Петровна в те роковые зимние дни занимала позицию независимого наблюдателя, и, бесспорно, разворачивавшийся у нее на глазах «спектакль» с трагической для двух аристократических фамилий развязкой произвел на принцессу огромное впечатление. Ведь февральский кризис 1730 года со всей очевидностью обнажил силу политиков, опирающихся на общественное мнение, и слабость вождей-

одинок, навязывающих свою точку зрения другим. А фиаско Д. М. Голицына, презревшего

624

настроения окружающих, очень напоминало тот крах, который претерпела в недалеком прошлом сама цесаревна, проигнорировав национальные традиции и обычаи. Так, реальная жизнь вновь вошла в противоречие с постулатами Макиавелли, позволяющими пренебрегать суждениями подданных.

Наверняка именно этот второй «прокол» теории и побудил дочь Петрову углубиться в историю, чтобы досконально разобраться в том, почему известный и популярный принцип — цель оправдывает средства — иногда пробуксовывает и не дает положительного результата. О том, что Елизавета задумала проверку европейской историей эффективности правил Макиавелли, а не что-либо иное, свидетельствуют состав ее книжной коллекции и ряд особенностей последней.

Во-первых, в ней нет трудов знаменитых философов античности, Средневековья и Нового времени. И немудрено. Абстрактное разглагольствование идеалистов от политики — плохое подспорье в деле, требующем конкретных примеров. Во-вторых, в библиотеке цесаревны насчитывалось мало творений коллег Макиавелли — знатоков государства и права, что тоже вполне объяснимо: обилие умозаключений и скудость фактического материала снижали ценность таких работ в глазах человека, желавшего самостоятельно проанализировать подлинные исторические сюжеты. В-третьих, стремление принцессы собрать литературу по всем ведущим державам Европы — главное условие, без которого решение вышеуказанной задачи просто невозможно. А раз наша героиня озабочена тотальным изучением европейской политической истории, иными словами, тем, как и насколько успешно управляли народами монархи минувших эпох, то ей не избежать сравнения господствующей теории с повседневной практикой.

Кстати, обратим внимание на отсутствие в елизаветинском каталоге книг по истории Италии. И вот примечательное совпадение. Осенью 1734 года в Кунсткамеру приходит М. Л. Воронцов, после чего на пустом листе библиотечного формуляра Анны Лео-

625

польдовны появляется имя «Elisabeth», а чуть ниже — короткая запись: «Le Maitrefs] Italien par de Veu[x] c[h]roni[ques]. 8-00, a Amst[er]dam], 1699- 4. 8 oct[ober] 1734».

Рядом посетитель начертал по-русски: «Гоф-юнкор Михаил Воронцов».

Между прочим, больше цесаревна никого в библиотеку Академии наук не пошлет, о чем красноречиво сообщает тот же источник — библиотечный журнал. 15 ноября 1734 года за книгами пожелает агент принцессы Мекленбургской. Помощник Шумахера или сам глава канцелярии, полагая, что тетушка Анны не ограничится «Государями Италии по старым хроникам», оформит заявку нового абонента на соседнем листе. 20 декабря Анна Леопольдовна опять побеспокоит хранителей академического собрания, через двадцать один день — в третий раз. Однако лиц из свиты Елизаветы Петровны в восточном крыле Кунсткамеры больше не увидят. Около года в библиотеке прождут гонцов от запропавшей цесаревны. Наконец 30 сентября 1735 года Шумахер не вытерпит и вернет едва заполненный елизаветинский формуляр прежней владелице. К зиме чистое поле ниже автографа Воронцова усилиями тезки правящей государыни сократится на треть.

Впрочем, не исключено, что еще один визит в академическую библиотеку кого-то из придворных дочери Петровой все-таки состоялся. На втором формуляре Анны Леопольдовны перечень аккуратно выписанных заглавий книг развлекательного характера замыкает размашистая строчка: «Histoire d' Angletterre. in. IV...». Окончание фразы не вполне разборчиво. Хотя нет никаких ссылок на Елизавету, сомнительно,

чтобы том предназначался племяннице, которая не увлекалась серьезной литературой. А если историю Великобритании взяла не Анна Леопольдовна, значит, за книгой пришли от ее тетушки. Зарегистрировать на абоненте ближайшего родственника императрицы заказ посторонней особы, кроме Елизаветы, библиотекарь, разумеется, не посмел бы. Цесаревне могли пойти навстречу, ибо она, во-первых, в библиотеке — редкий гость, а во-вто-

626

рых, все знали о теплых, дружеских отношениях двух принцесс между собой. Однако что мешало дочери Петра Великого регулярно посылать Воронцова в здание Кунсткамеры на Васильевском острове? Элементарная осторожность. Ведь формуляр Елизаветы с длинным списком книг по истории мог обнаружить и прочитать любой. Рано или поздно кто-нибудь непременно донес бы о странных литературных пристрастиях цесаревны Анне Иоанновне, хорошо осведомленной об интригах двоюродной сестры 1728 года. Зачем же рисковать, играя с огнем, и испытывать терпение императрицы, и без того подозревавшей молодую женщину в политической неблагонадежности? Правильнее было, избегая частых обращений к услугам государственной и частных библиотек, сформировать собственный книжный фонд. Елизавета так и поступила, покупая необходимые издания в академической лавке, у переплетчиков, на аукционах или за границей с помощью путешествующих по континенту друзей. По словам Жака Кампредона и леди Рондо, дочь Петрова писала и хорошо разговаривала по-французски и по-немецки, изъяснялась по-итальянски. Тем не менее в перечне Тредиаковского заглавий на итальянском и немецком языках нет. Либо Елизавета располагала малым числом книг германо-итальянского происхождения и не нуждалась в их обработке, либо рынок предлагал литературу, совсем не соответствующую ее запросам.

Как и следовало ожидать, только чтением французских печатных новинок цесаревна не ограничивалась, дополняя книжные знания общением с интересными персонами. Джейн Рондо, супруга английского консула, признавалась подруге в письмах, датированных 1735 годом: «...я часто бываю у принцессы Елизаветы... она удостоила меня своим посещением... она оказывает мне честь, часто принимая меня, а иногда посылает за мной. Сказать по правде, я почитаю ее и в душе восхищаюсь ею и, таким образом, посещаю ее из удовольствия, а не по обязанности. Приветливость и кротость ее манер невольно

627

внушают любовь и уважение. На людях она непринужденно весела и несколько легкомысленна, поэтому кажется, что она вся такова. В частной беседе я слышала от нее столь разумные и основательные суждения, что убеждена: иное ее поведение — притворство»¹⁶.

Проницательная жена дипломата оставила очень точную характеристику цесаревны, умевшей и любившей играть, когда надо, разные роли, скрывая за ними свое истинное лицо. Но сейчас для нас важно упоминание о частых встречах (причем по инициативе принцессы) умной и прекрасно образованной англичанки с будущей русской императрицей. Какие причины побуждали первую красавицу русского Двора ради «основательных рассуждений» видаться с леди Рондо? Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что рассуждали обе женщины не столько о нарядах и драгоценных побрякушках, сколько об истории и нравах народа, живущего на омываемом морями британском острове. И Елизавета аккуратно выжимала из собеседницы сведения о политических партиях, работе двух палат, правах короля и кабинета министров, а также о Славной революции 1688 года.

Судя по библиотечному каталогу, дочь Петра просто не могла не затронуть тему

революции. К тому же английская акция всенародного гражданского неповиновения конца XVII века в какой-то степени перекликалась с событиями, случившимися в России зимой 1730 года. Здесь Голицын, там Яков II, игнорируя общественное мнение, пробовали установить в стране порядок по собственному усмотрению. И в России, и в Англии общество воспротивилось произволу, сплотилось вокруг ярких лидеров и *мирно* свергло неугодных правителей. Бескровность переворота, массовость протеста, поразительное единодушие и настойчивость целой нации в достижении цели пленили русскую принцессу. Пройдет несколько лет, и она попытается повторить в России модель триумфального восхождения Вильгельма Оранского к вершинам власти...

628

А пока революционное прошлое англичан, очевидно, помогло ей окончательно понять суть невольной ошибки Макиавелли. Его тезис — цель оправдывает средства — не гарантирует успеха без важного добавления: цель оправдывает средства, если цель эта, как и средства, не отторгается общественным мнением. Больше того, изучение истории длительных и изнурительных войн Испанской империи против боровшихся за независимость Голландии и Португалии должно было привести цесаревну (и привело, о чем свидетельствует ее внешняя политика) к еще более радикальному выводу: монарх не только обязан выражать и отстаивать взгляды и позицию всех политически активных групп у себя в отечестве, но и максимально учитывать общественные настроения в зарубежных государствах. Бесславный финал многочисленных военных кампаний Людовика XIV лишний раз подтверждает это прописное, но редко соблюдаемое даже нынешними политиками правило.

Уроки, извлекаемые из исторических изысканий и салонных бесед, молодая особа тут же использовала по прямому назначению. Достоинно удивления упорство, с каким историки до сих пор продолжают обосновывать огромную популярность Елизаветы Петровны в 1741 году ссылками на отчество царицы. Мол, общество сочувствовало сопернице Анны Леопольдовны не как таковой, а как дочери царя-реформатора, что и обеспечило ей победу. Странно, но в 1730 году то же общество на прилагательное «Петровна» отреагировало довольно равнодушно. К тому же оно решительно отказалось признавать единственное живое в то время дитя Петра Великого своей императрицей, хотя девушка имела полное законное право взойти на престол (сын Анны Петровны претендовать на корону не мог, так как исповедовал лютеранство, а не православие — см. восьмую статью завещания Екатерины I). Большинство просто не захотело подчиняться беспринципной девице, ради царского венца готовой переступить через все этические нормы. И если спустя десятилетие общест-

629

венное мнение изменилось, то искать мотивацию этой метаморфозе правильнее не столько в родстве Елизаветы с героем Полтавы и Гангута, сколько опять же в ее поведении.

Шансы цесаревны и в 1741 году равнялись бы нулю, не сумей она за годы правления Анны Иоанновны загладить ошибки молодости и реабилитировать себя, убедив соотечественников в том, что прежняя ветреная грешница преобразилась в принцессу здравомыслящую, добропорядочную и отзывчивую, достойную звания лидера нации. А как красавица постепенно набирала очки, хорошо известно. Елизавета действовала в рамках допустимого: была с каждым вежлива и приветлива, не забывала о постах, молитвах и прочих православных обрядах, старалась помогать советом или делом любому, невзирая на сословную принадлежность собеседника. Наконец, она никогда не уклонялась от просьб чинов всех рангов стать крестной матерью их новорожденных. По существу, дворец на Красном канале в течение 30-х годов превратился в общественную приемную будущей императрицы, где многие надеялись

найти и находили поддержку или слова утешения.

Дочь Петра Великого тщательно и всесторонне готовила себя и страну к часу «Х» — смерти Анны Иоанновны. Никто не сомневался, что царица назовет преемницей Анну Леопольдовну — девушку милую и неглупую, но в принципе не годившуюся на роль государыни, да и не горевшую желанием ею становиться. Поэтому всеобщая любимица планировала по примеру Оранского поднять население Петербурга на массовые демонстрации и акции гражданского неповиновения против неавторитетной и непопулярной племянницы. Обструкция неизбежно вынудила бы юную Анну отречься от престола в пользу тетушки. Наличие такого замысла у Елизаветы подтверждают события 1741 года. Однако 3 июля 1739 года в Казанском соборе Анна Леопольдовна обвенчалась с Антоном-Ульрихом герцогом Брауншвейг-ским, после чего дочь Петрова задумалась о запасном варианте воцарения, на случай рождения у

но-

630
вобрачных мальчика. Анна Иоанновна, безусловно, провозгласила бы младенца наследником. Тогда у цесаревны появлялся шанс овладеть тронном легально, а не посредством народной революции. Все зависело от того, кто с высочайшего одобрения займет должность опекуна при несовершеннолетнем царе...

Вспомним, в библиотеке Елизаветы имелась хорошая подборка книг по эпохе Людовика XIII и Ришелье, в том числе девятнадцатитомная история короля, сочиненная Мишелем Ле Вассенаром, и биография кардинала (автор — Шарль Моншаль). Похоже, августейший библиофил внимательно прочитал оба труда, а также другие книги на ту же тему. Принцесса, конечно, заметила, как неплохо устроился сын убитого кинжалом Генриха IV, спрятавшись за спину первого министра. Католическая оппозиция энергично атаковала кардинала, требуя от монарха отставки Ришелье. А государь прикидывался слабохарактерным человеком, боящимся расстаться с умным и способным контролировать государство советником. Правда, когда, бывало, у первого министра сдавали нервы (в «день Одураченных» 10—11 ноября 1630 года; в августе 1636 года во время испанского наступления на Париж), королевская ипохондрия куда-то улетучивалась и Людовик тотчас брал инициативу в свои руки и быстро принимал верные решения.

Хочешь не хочешь, а, глядя на подобные «чудачества» презираемого историками и романистами потомка Медичи и Бурбонов, невольно задаешься вопросом: а не прикрывался ли король кардиналом, как ширмой, все восемнадцать лет плодотворного сотрудничества?! Ведь он занял весьма выгодную позицию: конфиденца подставил под удары конкурентов и недовольных, а сам наблюдал за развитием поединка из безопасного положения, располагая полной свободой маневра, чтобы в нужный момент скорректировать ситуацию. Елизавета Петровна это многообещающее преимущество связки внешне пассивного главы государства и волевого, активного первого министра, разумеется, разглядела и не пре-

631

небрегла им. Цесаревна задумала заимствовать французский опыт и управлять Россией непременно под защитой подставного министра, чтобы все заинтересованные лица — дипломаты и потенциальные преемники — считали приближенного к монархине советника ключевой фигурой российского политического Олимпа, боролись и конкурировали с ним, а в императрице видели безобидный флюгер, легко подчиняющийся и переподчиняющийся чужому влиянию¹⁷.

Кандидата на столь ответственный пост дочь Петрова нашла без проблем. Она давно присматривалась к нему — человеку умному и властному, симпатизировавшему ей и заступавшемуся за нее, когда над молодой женщиной сгущались тучи императорского

гнева. Почитателя честолюбивой красавицы звали Эрнстом Иоганном Бироном. Именно из герцога Курляндского Елизавета пожелала сделать русского Ришелье либо после совместного с ним участия в революционном низложении Анны Леопольдовны, либо, если повезет, после того, как фаворит Анны Иоанновны, возглавив регентский совет при малолетнем отпрыске брауншвейгской четы, возведет союзницу на российский престол, опираясь на широкие полномочия фактического протектора России.

12 августа 1740 года Анна Леопольдовна родила мальчика. После обряда крещения младенцу дали имя Иоанн. Таким образом, отныне запасной вариант захвата власти Елизаветой становился приоритетным, а первоначальный (революционный) — резервным. Цесаревна психологически точно просчитала все ходы. У Бирона выбор после кончины императрицы был невелик: либо полный абшид и жизнь в деревне где-нибудь в Лифляндии, либо коалиция с дочерью Петра Великого с гарантированной перспективой возглавить новое правительство. Альянс с Анной Леопольдовной сложиться не мог: герцогиня Брауншвейгская ненавидела герцога Курляндского.

632

Публика питала к временщику аналогичные чувства. Так что лишь Елизавета имела возможность обеспечить политическое будущее Бирону, для чего ему и его хорошо подобранной команде соратников надлежало активно помочь ей при восхождении на вершину властной пирамиды.

Неясно, когда принцесса и герцог заключили политический союз. Зато со слов маркиза Шетарди известно имя посредника — Германа Лестока. Лейб-медик молодой дамы поддерживал конспиративную связь между обоими. Он же вкупе с госпожой убедил сердечного друга царицы побороться за регентство при Иоанне Антоновиче. Как умный и осмотрительный прагматик, курляндец хорошо понимал, чем рискует, претендуя на звание опекуна, и признавался приятелям, что, «ежели оное регенство на себя примет, то здесь в ненависти будет». Человек, так трезво оценивающий ситуацию, вряд ли бы решился на опасное предприятие, не имея за спиной сильного союзника, то есть Елизаветы Петровны.

Консультации двух сторон по выработке программы действий успешно завершились к октябрю 1740 года, о чем свидетельствует та оперативность, с какой Бирон взялся за выполнение первоочередной задачи — отстранение Анны Леопольдовны от регентства: через пару часов после начала рокового для императрицы припадка. Интрига им плелась с нуля, ибо 5 октября никто герцога не воспринимал всерьез. Ему сулили не пост регента, а заслуженный отдых в Митаве. Депеши дипломатов зафиксировали господствовавшие в те первые дни настроения.

Маркиз Шетарди 14 (25) октября отписал в Париж: «Регентство, как меня известили, составит из принцессы Анны, у которой будет два голоса, из принца Брауншвейгскаго, фельдмаршала Миниха и Трубецкого, кабинет министров гр. Остермана, кн. Черкасского и Бестужева, адмирала Головина, гр. Головкина, кн. Куракина, Нарышкина и генерала Ушакова... Я вижу принца Брауншвейгскаго вынужденным или следовать слепо желаниям принцессы Анны, или же потерять ее дружбу. Последнюю я предви-

633

жу старающеюся о преобладании в управлении государством в качестве матери принца Ивана... Я предвижу союз, который возникнет из связей между кн. Куракиным, гр. Головиным и Бестужевым... Этому союзу воспротивятся кн. Черкасский, кн. Трубецкой, гр. Головкин и Нарышкин. Для несомненной, но скрытой вражды между Минихом и Остерманом откроется свободное поле к постоянному противоборству...» В тот же вторник прусский посланник, петербургский старожил Аксель Мардефельд

доносил Фридриху II: «Мне сообщили за верное, что на случай смерти императрицы назначено двенадцать правителей, а именно, принцесса Анна, герцог Курляндский, генерал-фельдмаршал князь Трубецкой, генерал-фельдмаршал граф Миних, граф Остерман, князь Черкасский, генерал Ушаков, адмирал Головин, обер-штал-мейстер князь Куракин, тайный советник граф Головкин, кабинет-министр Бестужев и тайный советник Нарышкин, и что принцесса Анна будет иметь два голоса... Несмотря на все толки, я все еще сомневаюсь, чтоб герцог Курляндский был в числе правителей, и остаюсь при том мнении, что, если б императрица умерла, то Его Светлость возвратился бы в Курляндию... Я узнал сию минуту, что герцог Брауншвейгский, а не герцог Курляндский, назначен членом правления, что кажется более правдоподобным»¹⁸.

Еще раз посмотрим на дату — 14 октября. Девятые сутки публика толкует о том, как должно быть, не подозревая об истинном состоянии дел. Лишь избранный круг лиц ведал, что взлет Бирона ожидается в любую минуту и откладывается исключительно из-за не совсем ясных колебаний царицы, державшей паузу с полудня 6 октября. Анна Иоанновна за неделю изрядно потрепала нервы фавориту, хотя в первые сутки события развивались на удивление гладко. Уложив в злополучное воскресенье днем государыню в постель, Бирон, не мешкая, вызвал во втором часу в предпочтительную фельдмаршала Миниха, обер-гофмаршал а Левенвольде, кабинет-министров Черкасского и Бестужева, которым указал «на крайне опасные симптомы, сопровождавшие болезнь Ея Вс-

634

личества, а также на то, что она до сих пор не изволила еще сделать никакого распоряжения о престолонаследии». Кто-то из них заикнулся о правах Анны Леопольдовны. Но герцог прервал его, сославшись на несозволение императрицы допускать к власти племянницу в обход маленького Иоанна Антоновича. Затем Бирон предложил сановникам поразмышлять о структуре регентства и непременно выяснить мнение графа Остермана на сей счет.

На Береговую набережную к третьему члену кабинета отправились Миних, Черкасский и Бестужев. Андрей Иванович, как обычно, уклонился от прямого ответа и посоветовал не торопиться, а хорошенько все обдумать. Коллеги вняли разумным рекомендациям. Пока две придворные кареты медленно тащились по Адмиралтейской и Немецкой улицам к Летнему саду, кабинет-министры, сидя во втором экипаже, взвесили положительные и отрицательные стороны принцессы Мекленбургской, герцога Брауншвейгского да герцога Курляндского и постановили выдвинуть на высокую должность самого старшего из претендентов. По возвращении во Второй Летний дворец Алексей Михайлович Черкасский подошел к обер-гофмаршалу, ожидавшему герцога в пред-почтительные, и стал о чем-то шептаться с ним. Алексей Петрович Бестужев, по-видимому, взял на себя более трудную задачу — уломать тщеславного и непредсказуемого фельдмаршала. Агитаторы уговорили и того и другого. Когда из царских апартаментов появился Бирон, Карл Рейнгольд Левенвольде вдруг попросил собеседника произнести отменную речь «велегласно», то есть вслух. Тогда Алексей Черкасский, а за ним и прочие принялись убеждать Бирона в том, что он более иных достоин почетного звания регента Российской империи.

Эрнст Иоганн, соблюдая приличия, не сразу поддался общему порыву. Однако аргументы прозвучали серьезные и ему пришлось согласиться. Все-таки нельзя было допустить, чтобы отец Анны Леопольдовны, известный скандалист и деспот, приехал в Россию и от имени дочери тиранил русский народ, а

635

недалекий Антон Брауншвейгский правил страной, целиком завися от «диспозиции

венского двора». Заручившись одобрением первых лиц государства, Би-рон приступил к расширению числа заговорщиков, вызвав в седьмом часу вечера во дворец Андрея Ивановича Ушакова, Никиту Юрьевича Трубецкого и Александра Борисовича Куракина. С помощью упомянутых выше доводов и в отсутствие герцога их переманили на сторону царского фаворита. За ними аналогичным способом ряды курляндской партии пополнили Николай Федорович Головин, Карл фон Бревен, Михаил Гаврилович Головкин и еще несколько вельмож.

Ближе к полуночи 5 октября Алексей Бестужев, Алексей Черкасский, Карл Бревен, Никита Трубецкой в сопровождении секретаря Андрея Яковлева уединились в кабинете для сочинения «определения* о регенте (манифест о младенце-наследнике, скорее всего, писал А. И. Остерман у себя дома). Творение группы авторов, зачитанное утром 6 октября в предпочивальне императрицы, не могло не вызвать недоумения у многих проницательных людей, и в первую очередь у вице-канцлера, которого в кресле принесли в ту пору в Летний дворец. Две статьи законопроекта выглядели довольно странно: 1.«... в таком случае, ежели,.. наследники, как Великий князь Иоанн, так и братья его преставятся, не оставя после себя законнорожденных наследников, или предвидится иногда о ненадежном наследстве, тогда должен он, Регент... по общему... согласию в Российскую Империю Сукцессора избрать и утвердить. И... имеет оный... Сукцессор в такой силе быть, якобы по Нашей Самодержавной Императорской власти от Нас самих избран был...». 2.«... ежели б такая обстоятельства... случились, что он правление Регентское необходимо снизложить пожелает, то мы на оное снизложение ему всемилостивейше соизволяем, и в таком случае ему Регенту с общего совету и согласия... учредить такое правление, которое б в пользу нашей Империи... до вышеписанных наследника нашего уреченных лет продолжится могло».

636

Что это за «ненадежное наследство»? И почему Би-рон, не успев стать опекуном, задумался об отставке в пользу таинственного «такого правления»? Эти пункты попали в документ, безусловно, не ради красного словца. Они означали что-то важное. Но что именно? В те октябрьские дни никто не обратил внимания на эти, похоже, ключевые фразы «духовной». Впрочем, нет. По крайней мере, одна персона, судя по всему, догадалась о тайных помыслах герцога.

После оглашения указов сановники отправились на аудиенцию к государыне. Тяжело больная Анна Иоанновна внимательно выслушала оба проекта, подписала манифест об Иоанне Антоновиче, а «определение» «к себе взять и оставить изволила» для рассмотрения. Она, конечно, поняла, какую опасную игру затекает ее милый, и отсрочила апробацию в надежде, что тот опомнится. К великому огорчению императрицы Бирон продолжал упорствовать. 11 октября герцог подбил конфиденотов на подачу Ее Величеству челобитной от знатных особ империи с соответствующей просьбой и попытался заручиться поддержкой Анны Леопольдовны. Принцесса предпочла не вмешиваться в придворную интригу. Челобитная не произвела на самодержицу требуемого эффекта. Анна Иоанновна капитулировала только днем 16 октября, узнав, что возлюбленный собирает автографы у всего генералитета и чинов штаб-офицерского ранга под «позитивной декларацией» с тем же текстом.

Следовательно, наперсник крайне заинтересован в регентстве. Тогда императрица вывела свое имя на документе, датированном 6 октября, и велела подполковнице Юшковой спрятать бумагу в конторке, где хранились царские драгоценности. Для герцога это был последний шанс образумиться. Тем не менее он им не воспользовался и утром 18 октября пожелал ознакомить нацию с завещанием императрицы, скончавшейся в десятом часу вечера 17-го числа. Ему не перечили, и в тот же день

столица присягнула на верность новому императору и его регенту¹⁹.

Итак, Анна Иоанновна вознаградила настойчивость Бирона, не подозревая о подлинных мотивах

637

его поведения. Будь она чуточку прозорливей, вряд ли бы указ обрел законную силу. Но то, что ускользнуло от государыни, по-видимому, сумел подметить хитрый Остерман. Вице-канцлера наверняка озадачили туманные оговорки устава о регентстве, касающиеся «ненадежного наследства» и права на досрочную отставку с передачей полномочий неизвестному властному органу. Возникал естественный вопрос: кому выгодны подобные добавления? Регент в них явно не нуждался. А вот скромная и внешне равнодушная к происходящему Елизавета Петровна фактически получала правовое обоснование для восшествия на российский престол.

Памятуя о небезупречных поступках молодой женщины в юные годы, Андрей Иванович обязан был предупредить друзей и брауншвейгское семейство о грозящей всем опасности. За пару суток с любопытной версией ознакомились немало знатных особ, в том числе и французский посол. 18 (29) октября маркиз поспешил известить Париж, что «уже некоторые лица, чтобы возбудить внимание или по другим причинам, припоминают склонность, сдерживаемую только ревностью царицы, и которую герцог Курляндский чувствовал к принцессе Елизавете. Отсюда выводят, что для того будет средством скорее овладеть престолом, когда он ее сделает участницею престола и женится на ней после смерти своей жены».

В отличие от историков современники Остермана от предостережения не отмахнулись. Адъютант Миниха Христофор Герман Манштейн в мемуарах прямо писал, что «регент имел с царевной Елизаветой частые совещания, продолжавшиеся по несколько часов... намеревался обвенчать царевну Елизавету со своим старшим сыном... выдать свою дочь за герцога Голштинского и утвердить... свое полновластие, возведя на престол царевну Елизавету или герцога Голштинского». Английский посол Э. Финч в депеше от 1 (12) ноября заметил: «За все царствование покойной государыни, когда великая княжна Елизавета Петровна была как бы в загоне, Его Светлость всегда оказывал ей посильные услуги. Теперь

638

он, по-видимому, всячески старается привлечь ее на свою сторону, зная, что она очень популярна и любима, как вследствие личных качеств, так и по воспоминанию об ее отце». Иноземные дипломаты, посетившие с официальным визитом цесаревну в первые дни регентства, с изумлением обнаружили в апартаментах Ее Высочества на стене большой портрет не младенца-императора или герцога Курляндского, а Петра Голштинского. Изображение племянника открыто намекало гостям Елизаветы о грядущих переменах ровно три недели — с 18 октября по 9 ноября 1740 года — и после свержения Бирона тотчас исчезло. Полагаю, окончательно сомнения в наличии тайного союза между регентом и Елизаветой рассеялись, когда опекун в пылу публичных пререканий с Анной Леопольдовной вдруг произнес знаменитую фразу: «От его воли зависит выслать и ее, и супруга ее в Германию, а... есть на свете герцог Голштинский, которого... если будет к тому вынужден, выпишет в Россию»²⁰.

Аморфная антибирионовская и антиелизаветинская коалиция сформировалась быстро, но действовала несогласованно, спонтанно, по наитию. Идейным оправданием заговор обеспечил Андрей Остерман. Антон Брауншвейгский, возроптавший на несправедливое решение царицы Анны, стал центром притяжения недовольных. Фельдмаршал Миних, не удостоившийся звания генералиссимуса, взялся за осуществление переворота. Анна Леопольдовна, несмотря на ссоры с регентом, о

силовой акции не помышляла. Однако наглость Бирона, бесцеремонные аресты приближенных, жалобы мужа, слухи о секретных переговорах ненавистного правителя с тетушкой, красноречие Миниха, в конце концов, подтолкнули юную даму к роковой ошибке: днем 8 ноября она одобрила намерение фельдмаршала взять под стражу герцога Курляндского. Утром 9 ноября шеф Преображенского полка исполнил приказание принцессы. Теперь она могла лично убедиться в том, что перешла дорогу не курляндскому выскочке, а дочери Петра Великого, если бы пригласила к себе в ка-

бинет начальника Тайной канцелярии Андрея Ивановича Ушакова с кипой дел, заведенных за минувшие три недели. Мать царя ожидали сюжеты не менее увлекательные, чем приключения героев романов «В азиатском изгнании» или «Остроумный раб», хранившихся в библиотеке Академии наук.

Ну разве не занимательны похождения подполковника Любима Пустошкина?! В августе чиновник ревизион-коллегии уехал в отпуск в город Порхов. Женился там и 13 октября вернулся в столицу. Провозглашение Бирона регентом воспринял с возмущением. Встретил единомышленников. Сообща, по примеру петиционеров 1730 года, постановили организовать подписку под обращением к Анне Леопольдовне и Антону Ульриху с просьбой принять на себя регентство. 22 октября поиски знатных лиц на роль депутатов от дворянства привели офицера в дом графини Ягужинской, где квартировал сенатор Михаил Гаврилович Головкин. Вельможа пообещал ответить на другой день и посоветовал прозондировать настроения Черкасского. Ранним утром 23-го числа подполковник сделал заманчивое предложение Алексею Михайловичу.

Кабинет-министр сослался на занятость и пригласил на откровенный разговор после обеда. Приободренный Пустошкин зашагал к Головкину, который, услышав о реакции влиятельного сановника, уклонился от почетной миссии. Тогда заговорщик возвратился к Черкасскому, откуда его препроводили в Петропавловскую крепость на допрос. Спустя восемь дней Любима Пустошкина подняли на дыбу и наградили шестнадцатью ударами кнута.

Еще одна история. Поручик Преображенского полка Петр Максимович Ханыков тоже не одобрил выбор Анны Иоанновны. Перед самой присягой в зале Летнего дворца посмел вслух пожалеть родителей Иоанна Антоновича, а через пару дней стал подбивать солдат преображенцев к мятежу и собирался 23 октября побеседовать с глазу на глаз с гвардии поручиком Михаилом Федоровичем Аргамаковым, сочувственно отзывавшимся о герцоге Брауншвейг-

640

ском. Не успел. В назначенный день оба уже сидели в казематах Заячьего острова. 31 октября офицеров пытали на дыбе. В застенки попали многие сторонники Анны Леопольдовны и Антона Ульриха. Статский советник Андрей Яковлев вытерпел семнадцать ударов кнутом за уведомление принцессы о коварном плане Бирона и за утверждения о подложности подписи царицы на акте о регентстве. Адьютант отца императора Петр Граматин и секретарь жены принца Михаил Семенов познакомились с палачом за содействие попыткам оскорбленного супруга опротестовать несправедливое возвышение Бирона. Адьютант Семеновского полка Иван Путятин не избежал дыбы и кнута за готовность не присягать регенту без благословения шефа полка — все того же Антона Брауншвейгского.

Таким образом расплачивались за строптивость поклонники Анны Леопольдовны. А как поступали с теми, кто вспоминал о правах Елизаветы Петровны? Совсем иначе. 7 октября капрал Конной гвардии Александр Хлопов в беседе с капралом Карлом Голмстромом имел неосторожность кивнуть головой в сторону Смольного дворца цесаревны и спросить: «Не обидно ли?» За то 10 октября и угодил в крепость.

Ушаков с напарником Н. Ю. Трубецким быстро выяснили, что Хлопов — племянник камер-юнкера А. Г. Же-ребцова — прежде зачем-то составлял родословную Романовых и вечером 7-го числа вместе с рейтаром Семеном Щетининым сожалел о незавидной доле покровительницы дяди. 13 октября унтер-офицера расспрашивали в застенке, но не пытали. А 1 ноября Бирон наложил резолюцию на докладе Ушакова: хотя Хлопов и Щетинин «по тем своим винам тягчайшему истязанию подлежали, однако ж то им из высочайшей Его Императорского Величества милости оставяется и те их вины им отпускаются для многолетнего Его Императорского Величества здравия».

Не правда ли, замечательный вердикт. Капрала Хлопова прощают, а поручика Аргамасова за аналогичное прегрешение пытаются. С какой стати Бирону применять двойные стандарты, если он не в сговоре

21 К. Писаренко

641

с цесаревной?! Впрочем, проступок конногвардейца — сущий пустяк в сравнении с делом Кузьмы Ма-линкова, Кирилла Степанова и Павла Корноухова. В принципе, сами фигуранты ничего криминального не совершили. Просто поговорили по душам между собой в день присяги 19 октября 1740 года, а пятнадцатилетний ученик фельдшера Кузьма Малинков чуть позже проболтался. О чем собеседники вели речь? О том, что «состоялся де у благоверной государыни цесаревны в доме ея указ, чтоб никто всякого звания люди к состоявшимся обеим присягам к первой и второй не ходили» под страхом сурового наказания, то есть не присягали ни императору, ни регенту. А кроме того, «от Ея де Высочества... послано в Це-сарию два кургера». Ушаков с Трубецким за два дня докопались до первоисточника слуха. Компании о распоряжениях принцессы поведал Павел Корноухов — придворный танцовщик, учившийся балету у танцмейстера Ланде. Корноухову новость сообщил придворный шорник Иван Веригин, который узнал обо всем от сослуживца Луки Герасимова. А тот «слышал о том дому государыни цесаревны от служителя Крылова». Чтобы окончательно прояснить обстановку, требовалось найти и допросить Крылова (желательно втайне от хозяйки), а также проверить наличие присяжных листов лиц, состоящих в придворном штате Елизаветы. 1 ноября следователи, ничего не предпринимая, сообщили о тревожном сигнале Бирона. «И по тому докладу Его Высочеству Регенту Российской империи, рассуждая, что по тому делу дальней важности не показалось, а явились токмо непристойные враки, того ради именем Его Императорского Величества Его Высочество Регент Российской империи указал по выше объявленному делу более не следовать и других не сыскивать». Веригину, Малинкову и доносителю гвардии сержанту Дмитрию Барановскому герцог для острастки прописал батоги²¹.

Возможно, регент был прав, и утверждения словоохотливых слуг — пустая сплетня. А если некий Крылов пересказал Герасимову чистую правду? Ведь сле-

642

дователи к поискам злостного клеветы и просмотру документов даже не приступили. Тогда получается, что Бирон прикрыл государственное преступление, содеянное Елизаветой Петровной. В то же время Иван Путятин пострадал только за сомнение в целесообразности присягать бывшему обер-камергеру без дозволения полкового командира. Определенно, жестокость или мягкость кары, назначаемой Эрнстом Иоганном, целиком зависела от политических симпатий узников. Активистов брауншвейгского семейства пытали, елизаветинцев, пожуриив или побив для порядка батогами, отпускали на свободу.

Очевидная пристрастность герцога заставляет вспомнить о замысловатых статьях аннинского завещания. Возникает естественное желание задать инициатору

разыгравшейся драмы вопросы по существу. Правительство Анны Леопольдовны не забыло их сформулировать и внести в список шестидесяти пунктов, по которым в ноябре 1740 года у арестанта потребовали ответа. Выглядели они так: «№ 30. Каким образом дерзнули в том определении писать, что ежели предвидится иногда о ненадежном наследстве, тогда б вам по согласию заблаговременно сукцессора изобрать и утвердить, и чтоб тот Российской империи сукцессор в такой силе был, якобы по Ея Императорского Величества блаженные и вечно достойныя памяти самодержавной императорской власти избран был. И понеже сей пункт весьма важен и Его Императорскому Величеству, також и Его Величества высоким родителям противен и вредителей, того ради имеете вы подлинно показать, кого намерены вы были сукцессором изобрать и кто с вами в том советники и сообщники были... № 33. Тут же написано, что, ежели б такая обстоя-тельства, как в разсуждении собственного вашего состояния, так и других в тягость вам приключающихся околичностей случились бы, что вы правление регентское снизложить пожелаете, то Ея Императорское Величество на оное соизволяет. А понеже вы сами регенства искали, то для чего оное в тягость себе приписывали. И того ради показать вам именно, в ка-

643

кой силе и разсуждении оные слова написаны, и по тому какое ваше намерение впредь было, и с чьего совету то писано, и кто сочинял»²².

Разумеется, четких и искренних разъяснений комиссия от Бирона не услышала. Нельзя же воспринимать всерьез заявление герцога, что он хотел подать в отставку после того, как уладил бы споры, имевшиеся между Курляндией и Швецией. Тем не менее и Миних, и Остерман, и Антон Брауншвейгский, и Анна Леопольдовна, и примкнувший к ним позднее Головкин все-таки узнали имя сообщника и соавтора Бирона. Партнер регента сам уведомил соперников о себе, обнародовав 22 января 1742 года манифест о винах соратников правительницы. Правда, перечень претензий производил слабое впечатление. Зато меры наказания поражали чрезвычайной суровостью.

За что так круто расправилась императрица Елизавета Петровна с министрами Анны Леопольдовны? Безусловно, не за верность опальному брауншвейг-скому семейству, а за вольное или невольное сопротивление попыткам цесаревны взойти на отцовский трон в 1740—1741 годах. Головкин, Левенвольде и Менгден готовились провозгласить Анну Леопольдовну императрицей. Вот и заработали отсечение головы. Остермана приговорили к колесованию заживо, Миниха — к четвертованию. Значит, они совершили более непростительное преступление. И, действительно, именно вице-канцлер и фельдмаршал сыграли ключевую роль в незаконном свержении Бирона. Из-за них план мирной и легальной передачи верховной власти от регента дочери Петра Великого не осуществился. Кроме того, герцог отныне уже не мог стать русским Ришелье. Помогая цесаревне захватить власть, временщик реабилитировал бы себя. И, наоборот, Елизавета Петровна сильно потеряла бы в общественном мнении, назначив на пост главного советника сосланного в Пелым Бирона. В итоге место подставного министра осталось вакантным.

В общем, сиятельные сподвижники Анны Леопольдовны, избежавшие настоящей казни, еще легко

644

отделались, отправившись на поселение за Урал. Куда большее сочувствие заслуживают подчиненные второго звена, битые кнутом 31 октября 1740 года, а затем награжденные за понесенное бесчестье, Андрей Яковлев, Михаил Семенов, Петр Граматин, Любим Пустошкин, Иван Путятин и Михаил Аргамаков. Новая императрица разжаловала Андрея Яковлева в писари астраханского гарнизона, прочих

лишила всех чинов и навечно уволила в отставку Надеюсь, нет нужды подробно объяснять, за какие грехи претерпели эти герои антибиороновского протеста, лично перед Елизаветой вроде бы невинные. Каждый из них внес свою лепту в крах блестящей задумки принцессы. Примерно через год всем пришлось расплачиваться за собственную политическую близорукость²⁵.

Падение регента явилось крайне неприятным сюрпризом для Елизаветы. Но не потому, что Анна Леопольдовна узурпировала власть и закрыла тетушке дорогу к российской короне. Проблема заключалась в другом. Какие бы чувства ни питали к наставнику императора россияне, Бирон добился успеха, не нарушая юридических норм. Соблюдая юридическую процедуру, герцог возвел бы на трон цесаревну. Но все испортил Миних, Фельдмаршал, наплевав на волю Анны Иоанновны, фактически уничтожил шанс законной смены монарха и, таким образом, оказал родителям царя медвежью услугу. Отныне любой мог повторить опыт славного полководца и с той же легкостью свергнуть принцессу Анну. Елизавета это очень хорошо понимала.

Опираясь на широкую поддержку гвардии, простого народа и части дворянства, ей ничего не стоило организовать ночной штурм Зимнего дворца. Причем если до ухода Миниха с должности премьер-министра вероятность победы представлялась весьма высокой, то после 3 марта 1741 года в ней уже никто не сомневался.

Однако цесаревна смотрела дальше горячих и непоседливых сторонников. Дурной пример заразителе-

645

лен. Она без труда отнимет бразды правления у племянницы и ее сына, а потом кому-то взбредет в голову также играючи согнать с престола преемницу государя-малютки. Чтобы свести к минимуму риск контрпереворотов, Елизавета и готовилась до 1739 года к народной революции, думая противопоставить удачному путчу кучки заговорщиков акцию массового гражданского неповиновения и на волне всеобщего возмущения низложить Брауншвейгское семейство. И пусть тогда те, кто пожелает оспорить права дочери Петра Великого на власть, попробуют учинить что-нибудь подобное!

Колоссальная народная популярность Елизаветы служила залогом успешной реализации этого плана, который после ареста Бирона пришлось вновь взять на вооружение. Правда, предстояло еще расшевелить нацию, ибо перспектива вспыхнуть изнутри стране не грозила. У Анны Леопольдовны хватало ума ни с кем не конфликтовать по-крупному. Посему первостепенное значение приобретал внешний фактор. Интервенция ближайшего соседа под флагом борьбы с иноземным игом, за возведение на трон потомков царя-преобразователя подтолкнула бы столичный люд к антинемецким демонстрациям. Гвардейцы присоединились бы к народу, и мощное давление снизу вынудило бы Анну Леопольдовну отречься от венца за себя и за малыша в пользу Елизаветы Петровны.

Подражая голландскому штатгальтеру Вильгельму Оранскому, цесаревна упускала из виду, что в 1688 году не высадка в Торбейской бухте чужеземцев подвигла британцев на признание королем мужа Марии Стюарт, а нежелание Якова II учитывать интересы подданных. В России 1740 года основания для политической революции на манер Славной английской совершенно отсутствовали. Спровоцировать толпу и солдат на бунт могли разве что внезапный арест всеобщей любимицы или военная катастрофа. Тем не менее главная заговорщица упорно игнорировала все просьбы об ударе исподтишка, пока хотя бы один шанс из ста позволял надеяться на идеальное развитие событий.

646

Пять дней понадобилось принцессе на корректировку первоначального замысла (где

предполагалось участие Бирона), в котором ведущая — военная — роль отводилась Швеции, а вспомогательная, финансовая — Франции. 9 ноября Миних сверг герцога Курляндского. В пятницу 14-го числа Елизавета Петровна под благовидным предлогом уклонилась от визита вежливости французского посла. Так был сделан первый шаг, давший возможность в субботу 15-го Герману Лестоку от имени хозяйки принести извинения французскому послу Шетарди за нелюбезный прием накануне и ошарашить маркиза сногшибательными откровениями. 18 (29) ноября изумленный дипломат доносил министру Жану Амело: лейб-медик «заговорил со мной таким образом, что заставил меня думать, что эта принцесса лишилась всего с опалой регента. Он горько стал жаловаться мне на то, как обошлись с герцогом Курляндским. Он разразился тысячами проклятий против фельдмаршала Миниха*. Наконец, врач намекнул собеседнику о способности госпожи при определенных авансах из-за рубежа исправить ситуацию.

Шетарди предпочел не торопиться с ответом, а подождать формального приглашения к диалогу. Пауза продлилась больше месяца. Тем временем посол уведомился от шведского коллеги, что тот проконсультировался с хирургом цесаревны относительно подключения Швеции к одному весьма заманчивому мероприятию. Затем на Рождество к маркизу пожаловал обер-гофмаршал Левенвольде. По ходу беседы гость вдруг упрекнул иноземца: не хорошо, мол, поступаете; сетовала мне утром великая княжна Елизавета, что избегаете встреч с ней. Галантный француз разгадал скрытый в словах вельможи подтекст, и сутки спустя, 26 декабря пообщался с умной и очаровательной принцессой. Условия заключения трехстороннего пакта о сотрудничестве партнеры обсудили 2 января 1741 года. В тот день Эрик Нолькен и Иоахим Шетарди, наряду с другими дипломатами, по очереди поздравили будущую союзницу с Новым годом, и поэтому могли пробыть во дворце у Красного канала дольше обычного.

647

Об итогах предварительного обмена мнениями барон и маркиз информировали Стокгольм и Париж, а перед Елизаветой встал вопрос — подписывать или нет проект официального обращения к Фридрику I и сейму, который ей преподнес предпримчивый швед: «Я поручаю и разрешаю г. Нолькену, чрезвычайному посланнику шведскому при русском дворе ходатайствовать от моего имени перед е. в. королем и королевством шведским об оказании мне помощи и необходимого содействия для поддержания моих неотъемлемых прав на всероссийский престол... Я одобряю и одобряю все меры, какие е. в. король и королевство шведское сочтут уместным принять для этой цели, и обещаю, в случае, если Провидению... угодно будет даровать счастливый исход задуманному плану, не только вознаградить короля и королевство шведское за все издержки этого предприятия, но и представить им самые существенные доказательства моей признательности*²⁴.

Несмотря на глубокое уважение к героям Славной революции, Елизавета Петровна не последовала примеру семи знатных лордов, запечатлевших 30 июня 1688 года на адресованном Вильгельму Оранскому вызове свои имена. Она понимала, какое страшное оружие против нее получит шведский или французский двор благодаря этой бумаге. Попадать в вечную зависимость от августейших шантажистов цесаревна, естественно, не хотела. А категорический отказ означал срыв всей операции, чего допустить также было нельзя. Пришлось красавице со свитой изощряться в актерском ремесле. Мизансцены продумывались до мелочей. На импровизации полагаться не стоило, ибо любой промах мог закончиться разоблачением. Принцесса выступила в амплуа жуткого труса, боявшегося всего и чуть ли не собственной тени тоже. Герман Лесток играл верного хозяйке слугу, податливого на уговоры, хотя и не обязательного. Музыкант Христофор Шварц облачился в «костюм» простака Труффальдино,

угождающего сразу двум господам — Нолькену и Елизавете. При необходимости польстить тщеславию зарубежных друзей на

648

подмостки выпускали камер-юнкера Михаила Воронцова. Спектакль продолжался почти восемь месяцев. Полгода квартет морочил голову главным образом Нолькену. С 16 июня потешались уже над Шетар-ди, который принял от покинувшего столицу барона тяжкую миссию бегать за Елизаветой с пером, чернильницей и копией документа в кармане (в прямом смысле).

Понаблюдаем за кульминацией пьесы. Эрик Нолькен, отчаявшись раздобыть бесценный автограф, готовится к отъезду на родину и пытается где-нибудь перехватить неуловимую цесаревну, чтобы все-таки убедить трусиху черкнуть пером на листе. Та, наоборот, старательно обходит стороной места возможного свидания с заклятым другом. Но вот досада! 13 июня Нолькен при посредничестве Юлианы Менгден простился в приватной обстановке с Анной Леопольдовной и маленьким государем. Узнав о том, Елизавета посчитала, что отныне царская резиденция более не представляет опасности, и в воскресенье отправилась в Летний дворец. Войдя внутрь, застучала каблучками по паркету дворцовой анфилады. Глядь, а навстречу шествует барон. Обхитрил-таки коварный швед! Делать нечего, цесаревна приветливо улыбнулась и протянула посланнику руку для поцелуя.

Нолькен максимально сократил церемониальную часть и сразу завел речь о подписании многострадального акта, дубликат которого хирург взял еще три месяца назад. Винить в злом умысле даму компаньон не отважился. Упреки посыпались в адрес нерадивого лейб-медика, Елизавета не обеляла доктора, а, присоединившись к порицаниям, заявила, что за давностью времени слегка подзабыла текст важного документа. Дипломат напомнил ей содержание ходатайства, спросив с удивлением: разве у нее нет на руках копии? Она ответила с сожалением, что даже не знает, где та в настоящую минуту может находиться. Тогда барон успокоил союзницу: все поправимо; оригинал лежит у него в кармане; перо с чернилами разыщем во дворце; сообразоволишь расписаться и приложить перстень с вашей печатью.

649

Казалось, упрямый охотник загнал пугливую лань в угол. Отговориться больше нечем. Осталось либо подчиниться, либо сбросить маску и полностью провалить дело. В поисках спасительной зацепки принцесса обвела взглядом пустой зал и вдруг заметила стоявшего в отдалении человека, по-видимому, дежурного камергера. Слава Богу! Елизавета обратила внимание Нолькена на подозрительного типа и с волнением произнесла, что не посмеет при нем прикладывать руку к каким-либо бумагам. И тут же поблагодарила храбрую Швецию за намерение помочь потомкам Петра Великого, заверила, что россияне не замедлят подняться в решающий час, и пообещала утром в понедельник, 15 июня, прислать к нему Лес-тока с оформленным, как надо, посланием.

На рассвете Лесток действительно появился в доме посланника и привез письмо... для юного герцога Голштинского. Часто поминаемого акта при себе он не имел. Гость энергично оправдывался, утверждал, что исполнял в точности указания посланника и принцессы, что госпожа часто сердится за напоминания о «письменном требовании», и вызвался к вечеру доставить от нее злополучное обращение. Больше лейб-медика Нолькен не видел. Утром 16 июня посланник тронулся в путь без драгоценного письма.

В отличие от барона маркизу повезло. Над ним издевались меньше двух месяцев. Комедия завершилась и занавес опустился в тот день, когда до Петербурга докатилась

весть о начале войны со Швецией. 6 августа с эстафетой из Риги Остерману донесли о приплывших из Стокгольма шкиперах, утверждавших, что там обнародован манифест о войне с Россией. 8 августа курьер привез секретарю шведского посольства Карлу Лагерфлихту официальное уведомление о разрыве дипломатических отношений. Теперь северному соседу было поздно давать задний ход, и Елизавета могла смело продиктовать союзникам свои условия. Не мешкая, Шварц через Лагер-флихта известил Шетарди, что, как только «дела примут хороший оборот», госпожа подпишет перечень обязательств. А пока она трижды в присутствии сви-

650

детелей присягнула на верность данному слову. В списке не значились территориальные уступки. Принцесса поклялась возместить шведам финансовые потери, не отказывать в субсидиях, распространить на торговцев льготы, пожалованные англичанам, денонсировать договоры с Англией и Австрией, присоединиться к франко-шведскому альянсу, в международных конфликтах защищать в первую очередь шведские интересы. Ознакомившись с пятью пунктами, посол вечером 8(19) августа рекомендовал французскому министерству согласиться с ультиматумом цесаревны.

Дщерь Петрова предугадала поведение партнеров весьма точно. И Париж, и Стокгольм с радостью откликнулись на сигнал, поступивший из Петербурга. Никто не потрудился задуматься о причинах, побудивших претендентку, опиравшуюся на массовую поддержку населения, заигрывать с врагами России. Поверили в сказку о слабой, несчастной, робкой и забитой принцессе, возжелавшей вдруг занять отцовский престол. Так хотелось поскорее уничтожить немецкое влияние на империю, руками русской партии вычеркнуть страну из разряда великих держав и вернуть к «прежнему строю, какой... существовал до воцарения Петра I», что поленились вырвать у лидера этой партии ясные письменные гарантии. В итоге цесаревна добилась поставленной цели — шведского вторжения — без какого-либо ущерба для себя²⁵.

С государствами, дружественными России, проблем также не возникло. Конечно, они имели шанс перехватить диппочту и предупредить правительство Анны Леопольдовны. Но это несколько бы не помогло племяннице. Инициатива целиком и полностью принадлежала Елизавете. Арест тетушки или лейб-медика грозил спровоцировать всеобщее возмущение и приблизить неминуемое падение брауншвейгского семейства. Выжидание откладывало развязку, а не предотвращало ее, ибо соперница не располагала временем, чтобы завоевать популярность, сравнимую с той, какой обладала более опытная родственница. В принципе, у Анны Леопольдов-

651

ны оставался один путь к спасению. Как можно быстрее встретиться с цесаревной и обговорить процедуру добровольной передачи власти от старшей ветви Романовых к младшей. Тогда отец, мать и сам младенец-император сохранили бы свободу. К сожалению, Анна Леопольдовна предпочла действовать по второму варианту. В середине апреля английский посланник Э. Финч ознакомил Андрея Ивановича Остермана и Антона Брауншвейгского с письмом статс-секретаря Вильяма Гаррингтона от 17 (28) марта, сообщавшего, что «в секретной комиссии шведского сейма решено немедленно стянуть войска» к границам «Финляндии, усилить их из Швеции еще 12 000 человек, снарядить со всевозможной поспешностью пятнадцать военных кораблей и все галеры. Франция для поддержки этих замыслов обязалась выплатить два миллиона крон. На предприятия... комиссия ободрена и подвинута известием, полученным от шведского посланника в С.-Петербурге Нолькена, будто в России образовалась большая партия, готовая взяться за оружие для возведения на престол великой княжны Елизаветы Петровны и соединиться с этой целью со шведа-

ми, едва они перейдут границу. Нолькен пишет также, что весь... план задуман и окончательно улажен между ним и агентами великой княжны с одобрения и при помощи французского посла маркиза де ла Шетарди, что все переговоры между ними и великой княжной велись через француза-хирурга, состояща-го при ней с самого ея детства'>.

Как видим, разоблачение абсолютное. Мало того, генералиссимус в конфиденциальной беседе с англичанином признался, что правительство давно обеспокоено постоянными встречами Нолькена с лейб-медиком цесаревны под предлогом врачебных осмотров и частыми визитами Шетарди к Елизавете Петровне в вечернюю пору. «А так как при этом нет никаких намеков на любовные похождения, посещения эти, очевидно, вызваны политическими мотивами». Кабинет министров и Их Высочества намеревались арестовать и допросить Лестока. Но, трез-

652
во взвесив все за и против такого шага, Остерман и родители царя благоразумно решили не торопить события. К тому же и Э. Финч «высказался против ареста в случае, если единственным основанием для него служит... сообщение, если граф с тех пор не попал на другие улики». Ведь «Лесток близко стоит к великой княжне... Потому арест его должен показаться Ея Высочеству чувствительным оскорблением. Да, пожалуй, еще поведет к преждевременному обнаружению...» причин, из-за которых доктор утратит свободу, то есть ускорит восстание. Умный дипломат посоветовал властям не оскорблять принцессу и не жалеть денег на увеселительные мероприятия княжны. Развлечения и праздная, беспорядочная жизнь, по мнению Финча, должны развратить молодую женщину. Тогда «она слишком ожиреет для заговоров». Совет хорош, если применим к натуре слабой и бесхарактерной, каковой Елизавета, увы, не была.

8 августа 1741 года воистину стал черным днем для правительницы. Шведы приступили к реализации плана тетушки. Следовательно, первый успех неприятеля на поле брани вызовет вспышку в столице. Между тем секретные службы за истекший период не сумели раздобыть что-либо существенное по делу цесаревны, если не считать фиксации банкетов и крестин у гвардейцев, да встреч с двумя дипломатами, сократившихся к лету. В этой связи ответ Остермана Э. Финчу (на прямой вопрос о результатах следствия) звучит вполне красноречиво: «Любовь, уважение великой княжны к России слишком велики, чтобы допустить ее до участия в таких замыслах!» В депеше от 22 августа (2 сентября) посланник вполне объективно охарактеризовал сложившуюся в стране ситуацию: Елизавета «несомненно очень популярна и любима, а правительница не принимает надлежащих мер для приобретения такой же популярности... Сомнительный исход войны, младенец на престоле, беспокойный ум (Миних) — все вместе при несчастном обороте военных дел может вызвать чрезвычайные события»²⁶.

653

Напрасно англичанин упрекал мать императора в беспечности. В те тревожные дни Анна Леопольдовна уже поняла, что ей грозит. Но прежде, чем предпринимать контрмеры, надлежало дождаться вестей с фронта. Поражение обесценило бы любые сильные ходы. Победа, напротив, развязывала руки. Две с половиной недели судьба брауншвейгской фамилии висела на волоске, пока утром 25 августа генеральс-адъютант Кампенгаузен не привез в столицу новость о разгроме шведов при Вильмандстранде 23-го числа. Благодаря военному искусству фельдмаршала Ласси регентша получила короткую передышку, которой не замедлила воспользоваться. Перед ней стояла тяжелейшая задача: поднять авторитет правительства до

елизаветинского уровня, не ниже, чтобы нейтрализовать соперницу. Сделать это за два-три месяца в условиях противоборства с супругом и закулисных интриг фракции Миниха было просто нереально. Тем не менее отчаянная попытка Анны Леопольдовны упредить родственницу достойна уважения.

Первым делом она дистанцировалась от Остермана и мужа — лидеров так называемой немецкой партии, давно всем опостылевшей. Параллельно принцесса приблизила к себе вице-канцлера Михаила Гавриловича Головкина, поручив ему и другу детства Ивану Онофриевичу Брылкину формирование правящей русской партии. 17 сентября 1741 года регентша назначила шесть новых сенаторов из придворных россиян: Михаила Михайловича Голицына, Григория Алексеевича Урусова, Петра Семеновича Салтыкова, Алексея Михайловича Пушкина, Якова Петровича Шаховского, Алексея Дмитриевича Голицына. Кандидатов подобрали очень хорошо: при Елизавете Петровне все они будут занимать важные государственные посты. Потуги Шетарди преуменьшить значение этой кадровой реформы, замечание о недовольстве шести вельмож своим возвышением свидетельствуют о нервозности, возникшей в лагере цесаревны. Похоже, мать императора-младенца правильно выбрала направление главного удара.

654

Ровно через месяц сторонников Елизаветы настигло еще одно пренеприятнейшее известие. Поздним вечером 16 октября в Петербург вернулся опальный Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, который поутру на аудиенции в Зимнем дворце увиделся с Анной Леопольдовной. Публика поторопилась предположить и не без оснований, что дни хитрого Остермана сочтены, а в Коллегии иностранных дел вскоре появится новый хозяин. Маркиз-скептик больше не спорил, присоединившись к общему мнению. Однако Анна Леопольдовна не успела облагодетельствовать фаворита Бирона и удивить нацию в третий раз, провозгласив себя императрицей. 25 ноября истекли три месяца отсрочки. Елизавета оправилась от вильмандстрандской конфузии шведов, извлекла из архива классическую схему и свергла с престола царя-малютку вместе с родителями²⁷.

Очередь цесаревны пережить сильное потрясение наступила 25 августа. Русская армия дала решительный отпор агрессору и не собиралась склонять перед ним знамена и приветствовать, как освободителя. Тогда, по-видимому, Елизавета, если не осознала, то почувствовала утопичность плана зажечь в России пожар Славной революции, опираясь исключительно на шведские штыки при отсутствии политического конфликта внутри страны. Однако прошло еще два месяца до того дня, когда она смирилась с неизбежным. 26 августа Лесток от имени госпожи выразил Шетарди крайнее недовольство тем, что в шведских войсках нет герцога Голштинского, а главнокомандующий Карл Левенгаупт тянет с обнародованием манифеста о войне за права потомков Петра Великого. Весь сентябрь и половину октября маркиз выслушивал жалобы на неисполнение шведами двух главных условий и тщетно старался по мере сил исправить положение. Елизавета, проявив гибкость, согласилась на публикацию в шведских газетах дезинформации о выезде и прибытии племянника в Стокгольм, лишь бы создать у русской армии необходимое впечатление.

Однако рано или поздно ей пришлось бы при-

655

знать свою ошибку. И, судя по всему, это случилось накануне 21 октября 1741 года. В ту среду состоялась одна из рядовых встреч цесаревны с французским послом.

Шетарди сказал, что Левенгаупт вот-вот начнет новый поход, и приезд кавалера Крепи в Петербург или вести о срыве его миссии должны стать сигналом к восстанию. Затем с сожалением сообщил о невозможности в нынешнюю зиму привезти в Финляндию

герцога Голштинского из-за сопротивления Дании. Под конец гостя прочитала французскую копию манифеста Левенгаупта. Пакет с русскими печатными экземплярами Шетарди надеялся получить недели через две. Елизавета вела себя на редкость покладисто. Не протестовала против переноса на весну путешествия Петра Ульриха в Швецию. Одобрила текст прокламации. Только пожелала обсудить с соратниками предложения по координации действий заговорщиков и шведской армии. После 21 октября Шетарди несколько раз виделся с принцессой и ее агентом. Оба больше ни о чем не просили (лишь денег, но не очень настойчиво) и одобряли любые инициативы, исходившие от французского друга. Вечером 24 ноября Елизавета позволила маркизу назвать дату переворота. Он выбрал ночь с 11 на 12 января по старому стилю. Возражений не последовало, если не считать самой акции, осуществленной буквально через два-три часа после переговоров Лестока с послом²⁸. Да, наверное, именно в октябре Елизавета Петровна окончательно простилась с надеждой взойти на престол благодаря народной революции и, скрепя сердце, убедилась в неотвратимости ночного захвата Зимнего дворца по примеру фельдмаршала Миниха. Ну а дальше — дело техники. На совещании, о котором цесаревна упомянула Шетарди, скорее всего, решались сроки и организационные вопросы предстоящего события. Лестоку и Шварцу пришлось уйти в тень. Ключевая роль отныне принадлежала гвардии унтер-офицерам и солдатам во главе с Юрием Грюнштейном. Им, похоже, вменили в обязанность за месяц присмотреться и отобрать среди преображенцев надежных людей,

656

способных в нужный час увлечь за собой тех, кто колеблется. Очевидно, романтическую балладу о доблестном рыцаре Лестоке, вдохновившем «робкую красавицу» на подвиг, придумали заранее, как и сигнал к выступлению. 25 октября из Финляндии вернулся сводный отряд гвардейцев в составе тысячи пехотинцев и двухсот кавалеристов. Командировка длилась два месяца и десять дней. 15 августа в полках получили приказ в три дня сформировать роты из участников Северной войны и турецкой кампании 1735—1739 годов и 19-го числа начать на паромях переправу через Неву. От преображенцев потребовали 410, от двух других полков — по 295 солдат. Возглавили отряд подполковник конногвардеец Ливен и майор семеновец Чичерин. Возвращение отряда, вероятно, подсказало Елизавете идею о мнимом распоряжении гвардейцам в двадцать четыре часа собраться в новый поход против Левенгаупта. По плану цесаревны, оно появилось бы накануне дня дежурства в Зимнем дворце капитана-поручика Ивана Никифоровича Рудакова — самого толкового и преданного ей командира дворцового караула.

Грюнштейн с товарищами поработал на славу. Сведения об их активности в полку наружу не просочились. Правительство ничего не заподозрило и по-прежнему видело главную опасность в интригах Шетарди. Елизавета Петровна поняла это вечером 23 ноября 1741 года во время знаменитой беседы с Анной Леопольдовной. Юная соперница упрекала тетюшку за частые свидания с маркизом и тайные совещания с ним лейб-медика цесаревны. Между тем встречи с французом уже около месяца были не чем иным, как операцией прикрытия. Мать императора так и не сообразила, что спасти себя и родных от тюрьмы и ссылки может только немедленным отречением от власти в пользу Елизаветы. После взволнованного разговора двух женщин у регентши оставалось менее суток на принятие важного для всей семьи решения.

Утром во вторник дежурный майор семеновцев Степан Федорович Апраксин известил подчинен-

657

ных, что им определены «завтрешнего числа на караул в Зимней Его Императорского

Величества дом капитан-порутчик Рудаков, порутчик князь Несвижской, подпорутчики, при гранодерах Пушин, при мушкетерах Протопопов, прапорщик Приклон-ской...». Спустя пару часов к первому признаку грядущих перемен прибавился второй. Цесаревна дала отмашку на старт, и около полудня 24 ноября принц Гессен-Гомбургский (больше некому) пустил слух о полученном сверху приказе гвардейцам собираться в путь-дорогу на шведов. Племянница еще имела шанс поспеть с судьбоносным визитом во дворец на Красном канале. Увы, она не шелохнулась. До одиннадцати часов пополудни все могло закончиться миром между принцессами, относившимися друг к другу с симпатией, если бы младшая приехала к старшей. Но та не приехала, а легла спать²⁹.

В двенадцатом часу ночи к Елизавете явилась делегация от Преображенского полка и доложила ей о готовности солдат, возмущенных несправедливым приказом, возвести дочь Петра Великого на всероссийский престол. Около полуночи сани с цесаревной, Лестоком и Воронцовым в сопровождении депутатов-гвардейцев устремились к казармам преоб-раженцев. В два часа ночи отряд в триста человек с легкой руки команды Рудакова беспрепятственно проник в Зимний дворец и арестовал малолетнего царя, Анну Леопольдовну и Антона Брауншвейгско-го. На рассвете ликующие толпы народа, полки гвардии и столичного гарнизона окружили со всех сторон дворец цесаревны, приветствуя новую императрицу. И, видимо, никто не догадывался, что Елизавета Петровна вовсе не радовалась тому, каким способом завладела тронном. Уподобившись Миниху, государыня поставила себя в один ряд с Анной Леопольдовной. Отныне ей следовало либо ежеминутно дрожать от страха, боясь заговоров, аналогичных тем, что сама устроила, либо придумать что-нибудь оригинальное. Императрица нашла выход из тупика, а какой, читатель уже знает. Кстати, образ бодрствующей по ночам монархини Елизавета заимствовала у

658

родной матери Екатерины I, которая обычно ложилась спать не ранее четырех или пяти часов утра и просыпалась около полудня.

Что касается Славной революции, то через двадцать лет другая женщина сумеет воплотить в жизнь замысел предшественницы и доказать ее правоту. 28 июня 1762 года гвардия и десятки тысяч жителей Петербурга фактически вышли из повиновения царствующему монарху — Петру III — и присягнули на верность его жене. Хотя толчком к всеобщему восстанию послужил мятеж в Измайловском полку, заранее спланированное мероприятие быстро преодолело узкие рамки переворота. Оно охватило все слои населения и переросло в настоящую народную революцию, которую организаторы акции, между прочим, с гордостью именовали Славной. Екатерина II царствовала тридцать четыре года и не опасалась гвардейских заговоров. Никто, даже Павел Петрович, не рискнул оспорить волю нации, выраженную в июньские дни 1762 года... Вот такой след в истории России оставили четыре раритета из библиотеки Елизаветы: труд Пьера Орлеанса, вторая книга первого тома сочинения Жильбера Бурнета, десятый и одиннадцатый тома хроники Поля Рапина де Тайра-са и двухтомник Вильяма Ламберти.

28 ноября (9 декабря) 1741 года Иоахим Шетарди закончил адресованное Амело изложение текущих событий многозначительной фразой: «Бестужев только что назначен кабинет-министром!» Назначение, которое Алексей Петрович ожидал от Анны Леопольдовны, Елизавета Петровна не отменила, а, наоборот, без проволочек утвердила. Почему? Принято считать, что за кандидата замолвил слово всемогущий лейб-медик. Хотя рекомендация от врача, действительно, прозвучала, судьбу Бестужева решила сама императрица. Быстрота, с какой будущий канцлер занял важную должность, свидетельствует о намерении, возникшем и окрепшем у дочери

Петра Великого задолго до воцарения. Кроме того, человек, изве-
659

стный всем, как фаворит герцога Курляндского, в покровителях не нуждался. Для Елизаветы принадлежность претендента на высокое место к команде Би-рона уже являлась лучшей рекомендацией.

Именно этот критерий стал определяющим при формировании нового правительства, в котором приверженцы бывшего регента сохранили или взяли под контроль большинство ключевых постов. Тайную канцелярию (Министерство госбезопасности) по-прежнему возглавлял Андрей Иванович Ушаков. Николай Федорович Головин командовал, как и раньше, в Адмиралтействе (Министерство военно-морского флота). Вотчиной Остермана — Коллегией иностранных дел — формально ведал Алексей Михайлович Черкасский, а фактически — Алексей Петрович Бестужев. Обязанности министра по особым поручениям и главного советника императрицы исполнял Яков Петрович Шаховской (при Бироне генерал-полицмейстер). В кресле премьер-министра расположился генерал-прокурор Никита Юрьевич Трубецкой.

Лица, не связанные с любимцем Анны Иоанновны, довольствовались тремя вакансиями. Василий Владимирович Долгоруков вернулся из опалы в Военную коллегию. Федор Васильевич Наумов — креатура брауншвейгской семьи — не подвергся изгнанию из Главной полицмейстерской канцелярии (Министерства внутренних дел). Герману Лестоку доверили Медицинскую канцелярию (Министерство здравоохранения).

У кого-то присвоение князю Трубецкому звания премьера, безусловно, вызовет недоумение. Все привыкли считать первым министром Бестужева. Но это — заблуждение, закономерный итог изучения в девятнадцатом столетии данного периода русской истории по депешам иностранных дипломатов. Послы и резиденты, естественно, сфокусировали внимание на том, кто занимался внешней политикой. Вокруг фигуры канцлера постоянно плелись интриги и велась борьба придворных группировок. В результате отношения Бестужева с Елизаветой оказа-
660

лись освещены наиболее полно, отчего и родилась иллюзия сверхмогущества нескгибаемого старца. Между тем на самом деле Алексей Петрович занимал весьма ограниченную нишу — министра иностранных дел, обладавшего в сфере своей компетенции огромным влиянием, а также второго главного советника царицы. О работе двух главных советников мы еще поговорим. А пока попробуем разобраться в структуре правительства.

12 декабря 1741 года Елизавета Петровна подписала указ о восстановлении власти Сената в правлении внутренних государственных дел, велев «все Его Величества [Петра Великого] указы и регламенты наи-крепчайше содержать и по ним неотменно поступать во всем...». Законы преемников отца не аннулировались. Изъятию подлежали лишь те, <-которые с состоянием сего настоящего времени несходны и пользе государственной противны». Обычно этот акт приводят в качестве наглядного примера интеллектуальной бесплодности царицы, отыскавшей опору в канонизации гениального отца и реставрации петровских принципов управления. Оценки — чисто поверхностные. В создании культа Петра I — достойного для подражания кумира — в первую очередь нуждалась не дочь его, а само российское общество. Вспомните знаменитое ломоносовское восклицание: «Он Бог, он Бог твой был, Россия!» — написанное явно от сердца, а не в угоду правящей монархии. Императрица чутко уловила настроение нации и умело им воспользовалась, обертывая в красивый пропагандистский фантик собственные замыслы, мало чем напоминавшие концепцию великого батюшки. С реформы правительства подобная практика и началась.

Указ от 12 декабря обещал вернуть Сенату статус, утраченный учреждением при преемниках Петра. Перспектива незавидная. Ведь членам возрождаемого органа предстояло отважно угадывать мнение государя и спорить с ним, со страхом ожидая либо поощрения, либо удара дубинки по хребту. Неужели о таком петровском Сенате мечтала Елизавета? Разумеется, нет. Под разговоры о славных традициях им-

661

ператрица, если не ошибаюсь, первой в мире, взяв за основу идею Д. М. Голицына о преобразовании Сената во вспомогательную структуру при Верховном Тайном совете, радикально реформировала властную пирамиду, разделив министерства на два самостоятельных блока — силовой и экономический. Силовиков — президентов Военной и Адмиралтейской коллегий, Тайной канцелярии, канцлера, генерала-полицмейстера, лейб-медика и, позднее, министра просвещения и культуры (И. И. Шувалова) она замкнула прямо на себя.

Опекать Камер-коллегию (налоговую службу), Статс-контору (Министерство финансов), Коммерц-коллегию (Министерство торговли), Берг-коллегию (Министерство тяжелой промышленности), Мануфактур-коллегию (Министерство легкой промышленности), Юстиц-коллегию (Министерство юстиции; защищало права собственников), Вотчинную коллегию (служба учета помещичьих и вотчинных земель) и ряд других хозяйственных ведомств царица доверила непосредственно сенаторам во главе с генерал-прокурором Н. Ю. Трубецким — неформальным председателем правительства. В то же время Сенат с высочайшего благословения обзавелся широкой автономией. Отныне сановники выносили окончательный вердикт по бесчисленному множеству рутинных, несложных вопросов, строго соблюдая действующее законодательство. Впрочем, они имели право толковать существующие в законах пробелы³⁰.

Раз в неделю генерал-прокурор Н. Ю. Трубецкой информировал в письменном виде императрицу «о присутствии и о решенных делах, как по Сенату, так и по здешним коллегиям и канцеляриям». В результате Елизавета всегда могла в случае чего вмешаться и поправить вельмож. Правда, сенаторы и без того привыкали к новой роли с трудом и часто подстраховывались, отсылая государыне на апробацию не только важные проекты, но и разную деликатную мелочь. В январе 1745 года государственные мужи не рискнули «без именного указа определение учинить* на запрос Адмиралтейской коллегии. Сотрудники

662

адмирала Головина интересовались, надо ли впредь украшать Адмиралтейство иллюминацией. 8 февраля "фубецкой доложил о том наверх. Императрица ответила к вечеру: не нужно. Осенью 1750 года у самодержицы затребовали подтверждения на предложение генерала Любраса «о делании Кронштатской военной гавани деревянной». Елизавета прочитала записку инженера, но, не будучи специалистом, от подтверждения уклонилась. Позднее на докладе появилось примечание: «Миновалось, ибо строением гавань уж окончена».

Но чаще сенаторы докучали госпоже оправданно. 11 апреля 1746 года Елизавета в развитие указа от 2 декабря 1742 года велела вывести кабаки из всех «знатных улиц». К девяти трактирам, переведенным в переулки с Миллионной улицы, Верхней и Береговой набережных, Невской прешпективы, она планировала присоединить еще двенадцать, разместившихся на Невской, Вознесенской, Садовой и Литейной прешпективах. Закон, похоже, лоббировал А. Д. Татищев в надежде сократить число пьяниц в центре столицы. В камер-конторе, прочитав декрет, схватились за голову: убытки от понижения статуса девяти кружал «за незнатностию улиц и за неимением довольно числа питухов» составляли в год свыше десяти тысяч рублей. Теперь они

возрастут вдвое, если не втрое. 17 июня надворный советник Рязанов рапортовал Сенату о сути дела, и сановники постановили опротестовать царскую волю. Сославшись на отсутствие подписанного императрицей акта, ка-мер-контора повременила с переездами, а Трубецкой 28 августа поднес государыне сенатское мнение, убеждавшее в нецелесообразности изгнания кабаков с центральных проспектов. Пришлось самодержице хорошенько поразмышлять, выбирая между престижем и казенной прибылью. Шесть лет царица держала паузу. Ответ сенаторам вручили 14 октября 1752 года. Елизавета не без раздражения спрашивала у них, будет ли, наконец, закрыт последний кабак на Миллионной улице в доме напротив Старого Зимнего дворца. О питейной продаже на четырех других

663

прешпективах — ни слова. Генералы, опираясь на отсутствие конкретной резолюции, не тронули торговцев вином и водкой с Невского, Вознесенского, Садовой и Литейного. А хозяину злополучного кабака, фигурировавшего в послании, 16 октября приказали сменить адрес.

На официальном уровне императрица общалась с товарищами Трубецкого крайне редко — несколько дней в году. В промежутках между визитами о претензиях и пожеланиях царицы им докладывал генерал-прокурор. А князь обо всем узнавал от самой Елизаветы на регулярных аудиенциях или из писем Ивана Антоновича Черкасова. Вот одно из них, от 8 декабря 1743 года: «Как Ее Императорское Величество изволила смотреть репорт сенатской о ревизии, поданной в 27 день ноября месяца, то при том изволила требовать известия о расколниках — сколько их, где и из каких людей. Но о том и в инструкции о ревизии нет, чтоб их переписывать, а есть надеюсь по особливому указом учиненная перепись по расколничьей канцелярии. Того для Ваше Сиятельство благоволило приказать, в Сенате справясь, учинить ведомость о оных расколниках — где они, кто они и сколько их, и какой оклад положен, и что збираетца. И оную ведомость от лица Правительствующаго Сената прислать для доношения Ея Императорскому Величеству».

Наконец, когда после продолжительного перерыва императрица собиралась посетить Сенат, Трубецкой получал от кабинет-секретаря записку с приблизительно таким текстом: «Сего числа Ее Императорское Величество указала объявить Вашему Сиятельству свой указ, чтоб вы по Сенату, требующия от Ея Величества указу дела в докладах прислали к Ее Величеству сюда, которые изволит здесь читать, а, воз-вратясь отсюда, изволит быть в Сенате для решения оных... 5 ноября 1750 году. В Царском селе»³¹.

Благодаря описанному выше порядку взаимоотношений с Сенатом и Трубецким Елизавета Петровна избавилась от необходимости отвлекаться на массу второстепенных и третьестепенных вопросов. В итоге у нее появились дополнительные драгоценные

664

часы, которых ей не хватало на изучение различных справок, депеш, списков по центральным учреждениям, корректировку поданных на апробацию документов, обдумывание кадровой политики, планов на будущее, способов решения тех или иных назревших задач. А кроме того, требовалось успевать встречаться с соратниками, показываться на публике и, естественно, отдыхать. Выкроить еще два-три свободных часа из напряженного графика помогал штат Кабинета Ее Императорского Величества. Иван Антонович Черкасов, Василий Иванович Демидов, Яков Исаевич Бахирев, Иван Михайлович Морсочников с сотрудниками выполняли всю письменную работу. Императрица бралась за перо в исключительных случаях: если никого не было рядом, дабы подчеркнуть важность послания, начертать резолюцию или вывести

собственное имя на документе. Поэтому автографов Елизаветы Петровны, в отличие от Екатерины II, сохранилось очень мало.

Члены силовой девятки являлись на приемы к императрице довольно часто, особенно в первые годы. Например, Василий Владимирович Долгоруков виделся с ней по два-три раза в месяц, а вице-канцлер Бестужев — пять-семь, а то и десять раз. Это, не считая переписки через секретариат Черкасова. Со временем количество аудиенций немного сократилось. Царица поняла, что не стоит тратить время на встречи ради простого поднесения бумаг, если к ним нечего добавить в устной форме.

Каждый из девяти министров мог рассчитывать на внимание и благосклонность государыни. Однако с двумя персонами — Алексеем Петровичем Бестужевым и Яковом Петровичем Шаховским — у нее сложились особые отношения. Оба — выдвигенцы Бирона. Оба — чрезвычайно работоспособные педанты. Один отличался безмерной ловкостью, хитростью и изворотливостью. Другой, напротив, был честен, неподкупен и не пресмыкался перед начальством. О первом в ноябре 1741 года Елизавете напомнил Лесток. Второго ей представили Иван Аноф-риевич Брылкин и Никита Юрьевич Трубецкой.

665

Эта пара оказалась удивительным подарком судьбы, в котором царица нуждалась больше всего. Бестужев вполне годился на роль русского Ришелье, а Шаховской — на должность советника императрицы, исполняющего наиболее важные поручения. Правда, кандидаты малость подкачали в год правления Анны Леопольдовны. Фаворит герцога Курлянд-ского выдал с головой своего патрона. Князь-правдолюбец близко сошелся с вице-канцлером Головкиным. Поэтому, наверное, Елизавета устроила дуэту проверку, для Якова Петровича весьма жестокую. Ему выпало лично отправлять из Петропавловской крепости в ссылку Миниха, Остермана и прочих врагов бывшей цесаревны, в том числе и Михаила Гавриловича Головкина. Бестужева мучили меньше, зато дольше, назначив чиновнику испытательный срок продолжительностью в двенадцать месяцев. Экзамен претенденты выдержали. Шаховской провожал осужденных в дальний путь строго по инструкции, не переусердствовал. Вице-канцлер, невзирая на широко разрекламированную дружбу Елизаветы с Ше-тарди, осмелился раскритиковать тех, кто подбивал царицу заключить союз с Францией. Положительные оценки не заставили себя ждать. Вскоре императрица переговорила с Трубецким, и Яков Петрович — единственный из коллежских прокуроров — удостоился чести напрямую докладывать государыне о проблемах архиепископов и архимандритов. Кстати, пост обер-прокурора Синода (министра по делам религий) — первая деликатная миссия князя. Общеизвестны набожность и суеверность Елизаветы Петровны. Синодские архипастыри частенько играли на этом, подталкивая и провоцируя духовную дочь на какой-нибудь опрометчивый, а то и вредный государственным интересам шаг. Да и сама царица порой оступалась под влиянием излишнего православного рвения. В лице Шаховского она нашла честного человека, который не боялся вовремя одернуть ретивых священнослужителей и предупреждать августейшую богомолку от необдуманных поступков. Не всегда «заслон» действовал эффектив-

666

но, чему свидетельство — указы о сносе армянских церквей везде, кроме Астрахани, от 16 января и об изгнании из России евреев от 2 декабря 1742 года, исключение из списков почетных членов Академии наук иудея (хотя и крещенного в католичество) А. Санхеса от 10 ноября 1748 года. Тем не менее благодаря вмешательству Шаховского ущерб от ошибок в области вероисповедания был сведен к минимуму. Императрица доверяла князю, как себе. Его мнение для нее звучало очень веско, и не только в

вопросах религии. Когда в 1753 году на горизонте замаячила перспектива большой войны с Пруссией, императрица немедленно назначила преданного обер-прокурора генерал-кригс-комиссаром, возложив на него заботы по обеспечению русской армии необходимыми припасами и вооружением. Так что Яков Петрович по праву заслужил звание первого главного советника. Он и оставался им до конца, то есть до 25 декабря 1761 года³².

Алексей Петрович Бестужев, будучи виртуозным дипломатом и царедворцем, не обладал твердыми моральными принципами. Оттого и место занял второе. Елизавета ценила вице-канцлера за ум, волю, целеустремленность, хотя догадывалась о склонности старика к закулисным интригам и двойной игре. Но закрывала глаза на слабости пожилого вельможи, который столь блестяще сыграл главную роль в ее собственном спектакле. Между прочим, в течение 1742 года, пока царица приглядывалась к заместителю Черкасского, обязанности подставного министра исполнял Герман Лесток. Лейб-медик даже не подозревал о том. Доктор искренне полагал, что имеет безграничное влияние на императрицу. И вдруг после Рождества врач обнаружил неприятный сюрприз: кредит вице-канцлера ни с того ни с сего стремительно вырос, а его упал. Елизавета Петровна взяла за правило часто видаться, обсуждать государственные дела и, главное, соглашаться с Бестужевым. Оскорбленный эскулап, поддержавший год назад неблагодарного графа, объявил ему войну. Размежевание в среде придворных на два лагеря, наметившее-

667

ся еще летом, ускорилось. Активные сторонники русско-французского альянса сгруппировались возле Лестока. Приверженцы союза с Англией и Австрией сплотились вокруг братьев Бестужевых. Обе фракции принялись яростно соперничать друг с другом и убеждать Елизавету примкнуть к правым, а виноватых уничтожить. Дебаты разгорелись жаркие, не хуже, чем в парламентской Англии. А императрице только того и требовалось. Она еще в 1742 году попробовала расколоть элиту надвое, намереваясь привить в России британский опыт двухпартийной конкуренции. Да толку вышло мало. Очень уж вялые вожди получились из Н. Ю. Трубецкого и А. М. Черкасского. Ссора Лестока с Бестужевым по принципиальному внешнеполитическому вопросу помогла реализовать дерзкий замысел. В итоге весной 1743 года в России в полную силу заработала «двухпартийная система» — полезный для монарха источник независимой и объективной информации.

Иностранные дипломаты с изумлением писали в отчетах об этой особенности государственного строя самодержавной империи. Посланник польского короля Николаус Герсдорф в депеше от 23 февраля (6) марта 1745 года поведал о том, как злоупотребляют свободой слова в России. Герман Лесток на обеде у датского посла публично назвал «преступной» практику именования Бестужева государственным канцлером или великим канцлером, а Воронцова государственным вице-канцлером: ведь оба зависят от императрицы, а не от выборных органов государства. Гости напрасно пытались переспорить врача, и саксонец не без возмущения подытожил: «Сие обстоятельство довольно странным позорищем было... До чего самоволство или необузданность языка и критикование доходит, что в самодержавном государстве обыкновенно не дозволяется». Эхо у застольной беседы — примечательное. В октябре того же года в официальных документах из титула Бестужева вдруг исчезли прилагательные «государственный» и «великий». Шведский посланник Барк объяснил данный факт тем, что императрица на днях «напомнила»

668

канцлеру о неприличности подобного эпитета для страны с абсолютной монархией. А вот мнение о российской двухпартийной модели дипломата из франко-прусского

лагеря — Карла Вильгельма Финкенштейна, преемника Мардефель-да: «Дух партий, каковой почитают обычно болезнью правлений республиканских, при дворе русском являет себя в самом лоне деспотизма, и Императрица, коя залог собственной безопасности видит в разъединенности своих министров, сама старается ее поддерживать и разжигать посредством политики, каковая... для интересов государства весьма... вредна».

Мемуар посланника датирован 1748 годом. Лидерами партий названы Бестужев и Воронцов. Лесток не упомянут. К сожалению, энергичного и отважного вожака оппозиции подвела ненависть к канцлеру. Лейб-медик, обуянный жаждой мести, не побрезговал помощью французских и прусских друзей, часто встречался с ними, советовался, планировал совместные атаки против соперника и не заметил, как превратился в марионетку Дальона и Мардефельда. Императрица, естественно, не собиралась терпеть оппозицию, возглавляемую шпионом Фридриха II и Людовика XV. И тогда лояльный Михаил Ларионо-вич Воронцов, заразившийся галломанией задолго до поездки по Германии и Франции в 1745—1746 годах, сменил доктора. А врач, отсидев несколько лет в крепости, отправился в ссылку в Великий Устюг.

Двухпартийная система, созданная Елизаветой, функционировала достаточно эффективно и пережила основательницу. Екатерина Великая успешно использовала опыт тетушки, разделив приближенных также на две фракции — западников и патриотов. Первой, оппозиционной, руководили Никита Панин, затем Николай Репнин. Второй, правящей, поочередно командовали Алексей Орлов, Григорий Потемкин и Платон Зубов. Когда в 1792 году обнаружилась сильная зависимость лидеров прозападной партии от верхушки ордена масонов, подчинявшейся прусскому королю, царица без колебаний репрес-

669

сировала виновных, но саму партию не подвергла разгрому. Впрочем, Екатерина не рискнула отдать оппозиции бразды правления и перекрестить правящую партию в оппозиционную. При Елизавете подобная рокировка имела место. В 1750 году новый лидер «французов*» Иван Иванович Шувалов начал потихоньку теснить главу «англичан» — Алексея Петровича Бестужева. В 1756 году первенство окончательно перешло к поклонникам Вольтера и Руссо. Роль подставного министра автоматически досталась «актеру» конкурирующей труппы. Канцлер уступил ее министру просвещения. Никто даже не заметил, как все случилось. Елизавета настолько ювелирно осуществила перегруппировку, что историки до сих пор спорят о том, когда это произошло — в 1751-м (пожалование Шувалова в камергеры), в 1756-м (восстановление дипломатических отношений с Францией) или в 1758 году (арест Бестужева)³³.

Но вернемся в 1743 год — первый год активного сотрудничества Елизаветы с русским Ришелье. Переписка барона Черкасова с Алексеем Петровичем вкупе с дневниками докладов главы иностранной коллегии позволяет нам заглянуть в святая святых императрицы — в ее кабинет — и понаблюдать за процессом управления огромной страной. Начнем с письма кабинет-секретаря от 10 мая 1743 года:

«Сиятелнейший граф!

Посланной от Вашего Сиятельства вчера в 9-м часу пополудни ностилион с пакетом, подписанным ко мне, приехал сюды в 12-м часу. И того ж часа я пакет подписанной Ее Императорскому Величеству подал, которой изволили, распечатав, все в нем положен-ные прочесть. И оныя остались у меня для того, не изволят ли сегодня паки спросить их... Завтра, Бог изволят, в Петербурхе вручу оныя обратно Вашему Сиятельству. Ее Императорское Величество» желает ведать о получении полномочными последняго посланного ультимата. Но на то ответу иметь еще теперь рано. А надежно,

что на сей неделе ему быть надлежит... Из Царского села. В 11-м часу пополуночи». Не менее интересно письмо барона от 14 мая:

670

«Сего числа вручены мне от Вашего Сиятельства полученный из Або от полномочных реляция и до-ношение в коллегию от 9 числа сего месяца и при том перевод з доношения Бухвалдова от 19 (30) апреля, також репорт, сего числа поданной Вашему Сиятельству от переводчика Бехтеева, о приезде швецком камергере Норденфлихте... В 9-м часу пополудни, получа время, Ее Императорскому Величеству доносил, которыя, присланный от полномочных, сама изволила читать, а протчих содержание от меня выслушать. И указала к полномочным указ приготовить на свою апробацию, чтоб ведали о том, что при последнем ультимате, посланном первого числа сего месяца, твердо изволит оставатца. Бухвалду вовсе изволила запретить в дела на конгресс мешатца и нашим полномочным с ним корреспондовать не велеть, ибо ни денег, ниже какого повеления ему не будет и не ожидал бы. О купце Лоране, кто он, какой нации, и от коль в Швецию и с каким пашпортом и когда поехал подлинное известие Ее Императорскому Величеству потребно. О генерале Кейте, что он на галерах и ветру ожидает к начатию намеренного промыслу над неприятелем, изволит быть известна. По репорту Бехтеева о Норденфлихте Ее Императорское Величество указала онаго Норденфлихта, ни давая ему ни с кем здесь видется, выслать ево немедленно отсель за границу... Барон Иван Черкасов. В 11-м часу пополудни».

Полагаю, процитированного вполне достаточно, чтобы понять, кто солирует в дуэте императрицы и канцлера. Судя по письмам, государыня внимательно следила за тем, как генерал Румянцев (член французской партии) договаривался со шведами в Або об условиях завершения войны, и не мешкала, если считала нужным поправить его. Но бывало, возникали сомнения. Тогда она приказывала Бестужеву провести совещание представителей двух партий, а об итогах и прозвучавших точках зрения уведомлять ее. 8 июня 1743 года состоялся очередной такой консилиум. Жаркие споры разгорелись из-за района Са-волакии. Сторонники Бестужева настаивали на ус-

671

тулке провинции, кроме Нейшлота с пригородами. Трубецкой, Ушаков, сенаторы Голицын (будущий генерал-адмирал) и Бахметев «перекричали» за сохранение Саволакии. Однако фельдмаршал Долгоруков и генерал Чернышев сумели переломить настроение собрания (одиннадцати персон) в пользу возвращения шведам этой земли. Тогда «французы» кинулись в другую крайность: не требовать никакой прибавки к Нейшлоту и настояли на своем. После обеда в доме Василия Владимировича Долгорукова Бестужев предложил участникам заседания на выбор два «мнения» — канцлера и генерал-прокурора. Большинство подписалось под первым. Трубецкой (опоздавший на полтора часа), Голицын, Бахметев, побранившись с час, присоединились к общей позиции.

В девять часов вечера курьер с пакетом поскакал в Петергоф. А в девять часов утра 9 июня Черкасов уже отвечал вице-канцлеру: «консилиум... сего часа Ее Императорскому Величеству... подал, которой Ее Величество, прочет[ав], указала... чтоб по силе онаго подписанного консилиа изготовили к полномочным указ немедленно и контросигнировав оной прислали сюды... которой изволит подписать*». Но Бестужев хорошо знал, какому государю служит. Оригинал указа почтальон повез на приморскую дачу в трех верстах от Петергофа ровно в девять часов пополуночи 9 июня и в два часа дня вручил документы Черкасову. Тот «в шесть часов пополудни Ее Императорскому Величеству все присланное объявил, которое все сама изволила честь и сего дни присланной указ подписать... изволила. И указ отправлен к полномочным... с кабинет-куриром Гурьевым на шлюпке до Сестрорецких заводов с подорожною,

подписанною от Ее Величества».

Благодаря письмам тайного советника к канцлеру, побасенки об императрице, уклоняющейся от встреч с Бестужевым, оборачиваются мифом. Приведу три примера. Записка от 11 июля 1743 года: «...присланные... писма... Ее Императорское Величество изволила все читать и из оных приготовленныя

672

три указа подписать... Ежели Ваше Сиятельство сверх того, какую имеете нужду по коллегии видеть Ея Императорское Величество, то Ея Величество указала Вашему Сиятельству послезавтре, то есть 13 числа сего месяца быть в Петергоф». В десятом часу 18 января 1744 года барон написал канцлеру следующее: «Ее Императорское Величество указала объявить Вашему Сиятельству, чтоб изволили быть ко двору з делами, как Ее Императорское Величество изволит откушать, что имеет быть во втором часу пополудни сего числа». 8 апреля 1745 года Елизавета, прочитав «пи-ессы» Бестужева и грамоту Фридриха II, указала канцлеру пожаловать «к себе завтрешняго числа пополудни в 11 -м часу».

Императрица всегда была рада видеть Алексея Петровича. Об этом свидетельствует другое письмо Черкасова из Царского Села от 26 января 1745 года: «Ее Императорское Величество указала к Вашему Сиятельству писать, что Ее Величество изволит прибыть в Петербурх завтрешняго числа в вечеру. То отнюдь бы никто из чюжестранных министров ко двору для поздравления того вечера, ни на завтре приезде не имели... Вашему ж Сиятельству... того вечера, как прибудет в Петербурх, приехать ко двору позволить указала, яко же и принцу Гессен-Гомбургскому и протчим домашним. А не сенату и генералитету, и коллежским, и протчим чинам, коим... день приезда ко двору будет объявлен». И еще один интересный пассаж. В двенадцатом часу ночи 4 сентября 1743 года Черкасов вдруг разбудил Бестужева неожиданной запиской с таким постскриптумом: «Теперь Ее Императорское Величество изволила спрашивать, не присылали ли Ваше Сиятельство каких писем к Ее Величеству. Я донес, что нет. А какие то писма, и есть ли, что прислать, то Ваше Сиятельство сами изволите знать». Другая любопытная деталь. Оказывается, чиновники иностранной коллегии не стеснялись отправлять императрице на апробацию оригиналы царских указов с пометками и исправлениями. Елизавета полтора года терпела безобразие. Но 28 июля 1743 года недовольство прорвалось наружу: «Сего ж числа

22 К. Писаренко

673

Ее Императорское Величество указала объявить... чтоб в указах, кои к подписи Ее Величеству будут впредь подношены, меж строк и чищенья приправок, а паче взметных слов, яко херы, тверди и прот-чия слова на верху, меж строк пишемая, впред бы не были, но все слова в строках писаны были бы».

А вот при каких обстоятельствах царица повелела Бестужеву предназначенные для чтения реляции и бумаги присылать с курьером, а не привозить лично.

3 октября 1743 года Черкасов запросил у вице-канцлера бланк на заграничный паспорт для курьера, которому предстояло ехать в Стокгольм к генералу Кейту. Алексей Петрович, расписавшись на бланке, отправил человека Черкасова в коллегию для окончательного оформления документа. Вечером Иван Антонович письменно упрекнул графа за то, что тот осмелился использовать чужого сотрудника по делам своей коллегии, и вернул бланк обратно, требуя, чтобы им занялся кто-либо из команды канцлера.

4 октября барон передумал, решив собственными силами доработать документ. Но Бестужев около полудня заявил посольному, что «надлежит паспорт одною, а не многими руками» писать и посоветовал ехать на Васильевский остров. Тот не подчинился. Тогда в коллегию поспешил караульный солдат. К вечеру два листа (на

русском и немецком языках) с именем нарочного доставили кабинет-секретарю. А Черкасов ввиду неявки из полка выбранного человека — гвардии поручика Александра Суворова переиграл кандидатуру и захотел отправить в командировку другого офицера. Около шести вечера этот офицер — кабинет-курьер Василий Гурьев — явился за паспортом в особняк Бестужева. Канцлер вспылил и развернул служивого, вручив резкую отповедь капризному барону, в которой припомнил вчерашние счеты и категорически отказался «по таким вашим частым переменам... без именного Ея Императорского Величества указа уничтожать и отменять» государственную печать.

Иван Антонович учел замечание вице-канцлера. После десяти пополудни курьер Писарев с требуе-

674

мым указом императрицы навестил Его Сиятельство, и Алексей Петрович исполнил повеление Елизаветы, хотя не удержался и выплеснул на бумагу переполнявшие его чувства: «...сегодняшний весь день вы частыми пересылками... не токмо мне покою не дали, но в имевшихся с тремя чужестранными министрами конференциях весьма часто препятствовали... Сами вы тому замедлению притчиною. Ежели бы вашему куриеру от вас запрещено не было в коллегиях ехать, то б вы еще вчера паспорт для порутчика Суворова получили и его сего дня заблаговременно сыскать могли...» Нарекания Алексея Петровича, похоже, сильно обидели Ивана Антоновича, и 5 октября барон отплатил Бестужеву. Переговорив с императрицей, он в десятом часу вечера сообщил графу, что «сего октября 5 числа Ее Императорское Величество указала объявить Вашему Сиятельству и... тайному советнику фон Бреверну, чтоб реляции, приходящие от министров, касающиеся до известия Ее Величеству, изволили к Ее Императорскому Величеству, запечатав, присылать. А когда надобно будет о чем докладывать и решения требовать, тогда быть самим ко двору»³⁴.

Работа императрицы с документами протекала таким образом. Получив папку, в которой лежало от шести до пятнадцати депеш, мемуаров и проектов указов, она первым делом читала и подписывала распоряжения, возвращая их через сутки. Реляции и доклады Елизавета задерживала на десять дней, на месяц, реже на два или три месяца, а отдавала документы в коллегии частями, по мере использования. Папки с материалами для чтения ей подносил Иван Черкасов. Если барон хворал или отсутствовал, должность секретаря исполнял Василий Демидов, Яков Бахирев или Иван Морсочников. Порой за ту же миссию брались Михаил Воронцов и Алексей Разумовский.

На аудиенциях с министрами государыня рассматривала от десяти до тридцати вопросов за раз. Важнейшие рапорты и реляции царица всегда читала сама. Менее значимые документы, в зависимости от настроения, она могла попросить огласить докладчика.

675

Разного рода поздравительные и уведомительные грамоты, курьезные истории и тому подобную ерунду неизменно предпочитала выслушивать. Встречи обычно назначались на утро, после полудня министры общались с императрицей гораздо реже. Безусловно, наиболее часто самодержица виделась с Алексеем Петровичем Бестужевым. Елизавете нравилось беседовать, спорить с ним и отшлифовывать по ходу дискуссии решение той или иной внешнеполитической проблемы.

10 января 1746 года канцлер представил Ее Величеству проект русско-австрийского союзного и оборонительного трактата, ратификацию которого, якобы по вине какой-то назойливой осы, пугливая царица отложила на длительный срок. Эту версию поведал нам французский посол Бретейль. А вот как договор принимался в действительности.

13 января императрица, изучив документ, вернула его министру с рядом замечаний. 18 января Бестужев поднес исправленный вариант. Государыня взяла подлинник к себе «для вторичного прочтения» и 22-го числа отдала канцлеру, полностью одобрив. Два месяца на основе данной домашней заготовки Бестужев искал точки соприкосновения с Бретлахом — австрийским послом.

Наконец весной канцлер ознакомил императрицу с окончательными условиями австрийской стороны и нашими ответами на них. Два дня — 12 и 14 апреля — они вдвоем по пунктам обсуждали спорные места. Особенно горячие дебаты развернулись из-за просьбы Австрии заключить конвенцию о мнимом сикурсе в 30 тысяч солдат для Австрии, Англии и Голландии. Мария-Терезия хотела продемонстрировать Гааге и Лондону — союзникам в войне с Францией, каким высоким кредитом дочь цесаря Карла VI пользуется в Петербурге. Но реально требовать войско не собиралась.

Бестужев рекомендовал пойти навстречу цесарцам. Елизавета, напротив, не желала давать кому-либо пустые обещания, дабы при смене конъюнктуры никто не посмел обвинить ее в нарушении слова. Кроме того, она заметила, что, прочитав текст

676

конвенции, англичане и голландцы легко догадаются, что «она тожко для лица».

Канцлер, тем не менее, продолжал упорствовать, убеждая государыню в крайней необходимости для австрийцев данного «сепаратного артикула», и уговорил госпожу. Правда, та велела министру объявить Бретлаху о своих сомнениях и посоветовать ему не афишировать содержание конвенции, а союзникам рассказать о ней лишь в общих чертах.

И вновь оба проекта царица оставила у себя на пару дней. Заключительную редакцию договора Елизавета и Бестужев подвергли совместной экспертизе

20 мая. Императрица в целом одобрила проект, хотя документ с подписью вернула министру только

21 мая. Правилу повторно просматривать на досуге любые важные бумаги она ни разу не изменила. Даже 18 июля 1746 года, когда канцлер в Ревеле положил ей на стол восемь ратификаций русско-австрийского трактата. Елизавета вечером дополнительно перечитала их, возвратив Бестужеву утром 19-го числа с недостающими подписями. По-видимому, знаменитая оса к ней в окно так и не залетела.

Канцлер никогда не боялся возражать Елизавете. Даже если речь шла о щекотливой религиозной теме. Осенью 1745 года Бестужев смело вторгся в круг обязанностей Шаховского и предотвратил серьезное ужесточение цензуры, к которой чрезмерно набожную царицу склоняли церковные иерархи. 1 ноября во время очередного доклада государыня неожиданно распорядилась к новой встрече подготовить указ о сплошной проверке на границах всей импортной литературы чиновниками Синода. Книги дозволялось возвращать владельцам, «буде оные ни в чем здешней православной церкви и в прочем не противны» окажутся. Тома, забракованные экспертами, подлежали конфискации. Алексей Петрович выполнил царскую волю и 11 ноября зачитал Ее Величеству проект сомнительного документа, а затем привел весомый довод против: «Такое определение весьма затруднительно будет, и так, что никому никаких нужных для обучения и исторических книг из чужих

677

краев достать невозможно будет, ибо когда все такие книги свидетелствовать будут, то для прочтения каждой весьма немалое время потребно, и кому они надобны будут, тот и дожидаться их не может. Но разве бы таким образом толко церковные книги свидетелствовать повелеть соизволено было, то б прочия, кои до церкви не касаются, исторические и другие разные книги свободно привожены и в народе употребляемы быть могли». Апелляция к любимой императрицей истории, похоже, отрезвила дочь

Петрову. Она не подписала указ и пообещала уточнить в разговоре с архиепископом Крутицким позицию духовенства.

А вот пример, прямо противоположный, свидетельствующий об умении Елизаветы настоять на своей правоте. Как известно, Алексей Петрович слыл за большого англомана. За лондонских друзей он заступался весьма активно, невзирая на возможный ущерб престижу родной державы от такой протекции. Но однажды ему пришлось поневоле покарать англичан.

Предшественники Елизаветы неосторожно позволили английским купцам напрямую торговать с Персией. Нанимая в Астрахани мужиков, они на арендованных или собственных кораблях везли товар в персидские порты на продажу. Очень быстро выяснилось, что англичане ведут себя на юге империи по известной русской поговорке: не платят русским матросам жалованье, избивают их и игнорируют протесты русского консула в Тиляни. Мало того, некий отставной капитан Джон Элтон, разругавшись с россиянами, напросился к персидскому шаху в службу, пообещав ему выстроить корабли и вытеснить русский торговый флот с Каспийского моря.

В мае 1743 года в Ленгерутской гавани персы заложили первое современное судно с двадцатью пушками. В Петербурге Элтона, естественно, объявили персоной нон-грата. Посол в Лондоне потребовал от короля отозвать из Персии капитана, которому в России отныне грозил арест. Лондон ограничился призывом к английским купцам избегать встреч с

678

земляком, а тому посулил 2000 фунтов стерлингов пенсии за согласие покинуть Персию. Принятые меры на ослушника впечатления не произвели. Верфь в Ленгеруте работала на полную мощность. Весной 1745 года капитан спустил два бота на воду и приступил к возведению еще трех.

Тем временем английские торговцы, за исключением Ганса Бардевика, вместо бойкота принялись усердно помогать соотечественнику: снабжали материалами, втайне пытались вывезти из Астрахани специалистов, а попутно продолжали издеваться над русскими матросами. В ответ Россия запретила иноземным судам и морякам выходить в Каспийское море. Это лишь распалило британских торговцев, которые нашли поддержку в лице персидского шаха.

Российский консул забил тревогу осенью 1743 года. Через пару лет ситуация совершенно вышла из-под контроля: «...все они, англичане, кроме одного Бардевика, к российским прикащикам наглыми клеветами пристають и на них лгут, что ни единая другая тамо нация, в персицком варварстве воспитанная, того ни мало не чинит. И при всем оном, за удержание судов их в Астрахани... злобствуют... Подданных российских, так же и суда от Дербента всеми мерами отпуживают». Элтон не стеснялся откровенно заявлять о своих планах: «Не токмо персицкой флот вскоре размножить и утвердить, но и российскую коммерцию всю из Персии не в продолжительном времени вытеснить, а у российских судовых промышленников вечной хлеб отнять».

Петербург реагировал на депеши Братищева вяло. В столице по какой-то причине медлили с принятием давно назревшего решения — отмены вредной для России привилегии. Полагаю, императрица ожидала, что Бестужев, невзирая на симпатии к предприимчивой нации, первым обратит ее внимание на положение в акватории Каспийского моря. Однако канцлер молчал. Очевидно, он рассчитывал на слабый интерес государыни к событиям в Закавказье: авось большие европейские проблемы отвлекут матушку от персидских махинаций англичан. Расчеты

679

не оправдались. На аудиенции 24 апреля 1746 года Елизавета, поговорив с Алексеем Петровичем о предстоящей поездке в Ревель на неделю, вдруг «разсуждать изволила,

что... от английских купцов и других людей, которые в Персии торгуют, такие худые следствия происходят, что они тамо уже на шаха два корабля построили и еще строить хотят... И как потому, так и в прочем (понеже от сего чрез здешнюю империю дозволенного торго толко им англичанам великая прибыль, а здешней империи, особливо купцам и фабрикам, помешателство и убытки происходят, со-жалетелно будучи о том, что такое дозволение учинено) всемерно надобно сию английскую коммерцию прекратить».

Бестужев не возражал и рассказал об Элтоне и принятых против него мерах, после чего напомнил собеседнице о поднесенных ей на днях и уже возвращенных в коллегию депешах русского консула. Царица попросила вернуть подборку и тут же распорядилась, чтобы канцлер приложил старания о «поправлении сего дела... разсуждая повторительно, что лучше бы сию коммерцию отклонить и вовсе прекратить». Бестужев реляции подал, но «прилагать старания» не спешил. 27 мая Елизавета поинтересовалась у него, есть ли результат. Сановник попытался уклониться от ответа, сослался на необходимость консультаций с британским правительством и посоветовал предоставить купцам отсрочку на два года. Императрица идти навстречу иноземцам отказалась. Тем не менее канцлер не торопился: «Исполнению сего приключившиеся многочисленныя дела, которых время не терпели, а потом поездка в Ревель препятствовали».

15 августа состоялась третья беседа о бесчинствах англичан в Персии. Позиция царицы за истекший период лишь окрепла. В итоге Бестужев получил задание написать уведомительную ноту для английского посла об упразднении льгот и вместе с Сенатом подумать над тем, как «у персиян строение судов вовсе искоренить». 12 сентября канцлер вручил государыне записку для Гиндфорта «о пресечении аглин-680

ской коммерции чрез здешнюю империю в Персию». Но вышла накладка. Бумага перемешалась с другими документами и 30 сентября вернулась к канцлеру неподписанной. Хотя ознакомиться с ней Елизавета успела. 23 октября процедуру повторили. Императрица, опасаясь новых проволочек, подписала ноту в присутствии Бестужева и велела «оную в действо произвести», что и было исполнено³⁵.

Вот так, в спорах и взаимных уступках эта необычная пара формировала внешнюю политику российского государства. За пять лет она сумела, во-первых, превратить страну из младшего партнера Австрийской империи в равноправного союзника. Во-вторых, Россия не влезла в бушевавший на западных окраинах материка с 1740 года военный конфликт и сохранила со всеми воюющими сторонами мирные отношения. В-третьих, прославленный дуэт удачно перетасовал и рассредоточил по европейским столицам российских полпредов. В-четвертых, императрица и канцлер весьма скрупулезно проанализировали сложившуюся на континенте ситуацию и, определив государей — нарушителей европейского спокойствия, точно выбрали момент для начала реализации благородного и на первый взгляд фантастического плана — установления генерального мира в Европе.

Франция почти целое столетие терзала австрийские Нидерланды и примыкающие к Рейну районы Германии, отщипывая от них кусок за куском. Пруссия с воцарением Фридриха II приступила к объединению немецких земель вокруг себя силой оружия. Первый удар агрессора также пришелся на Австрию. Поэтому в мае 1746 года Елизавета Петровна заключила союз с Марией-Терезией, благодаря которому прусский король несколько поумерил прыть. Между тем Франция продолжала успешный натиск на восток и к исходу 1747 года полностью оккупировала Фландрию. Париж и стал первым кандидатом на усмирение. 19 (30) ноября послы Англии и Голландии подписали в Петербурге субсидную конвенцию. Россия обязалась пособить

тридцатитысячным корпусом. Лондон и Гаага обещали заплатить за сикурс солидную сумму.

Напрасно Елизавету и Бестужева обвиняют в продаже за деньги пушечного мяса. В отличие от ряда других государственных деятелей дочь Петра Великого постоянно заботилась о жизни и быте нижних чинов и не посылала солдат на бессмысленные боины. Поход ограниченного контингента по дорогам Европы являлся не чем иным, как психической атакой. Предполагалось, что французы по примеру 1735 года, памятуя о сокрушительном поражении под Гданьском, побоятся сражаться с выносливым и бесстрашным русским солдатом и поспешат договориться с австро-англо-голландской коалицией об условиях прекращения войны. Так оно, в принципе, и случилось. Людовик XV и маркиз Пюизье уклонились от прямого столкновения с россиянами, зато дали решительный бой на дипломатическом направлении и едва не переиграли нас. 4 декабря 1747 года императрица подписала указ о формировании корпуса во главе с генералом Василием Никитичем Репниным и начале марша в конце января. Приближался 1748 год, ставший звездным часом для тандема Елизаветы и Бестужева.

Весть о заключении субсидией конвенции докатилась до Парижа в воскресенье 31 декабря. 1 января нового 1748 года министр иностранных дел маркиз Людовик Пюизье, награжденный в тот же день голубой лентой ордена Святого Духа, на праздничном обеде в Версале поднялся с бокалом в руках и, обратившись к русскому посланнику, произнес тост: «За здоровье тридцати пяти тысяч солдат, которых вы против нас посылаете!»* Генрих Грос стушевался и не поддержал с тем же остроумием галантного француза. А ведь фраза министра Людовика XV оказалась символичной. Она фактически предвосхитила французскую реакцию на российскую инициативу: кровопролития не будет; борьба развернется за возвращение русских солдат домой.

682

Но прежде король предоставил карт-бланш фельдмаршалу Морицу Саксонскому. Тот собирался опередить русских стремительным наступлением на Маастрихт. С падением этого города французская армия легко бы проникла через Нимвеген в глубь Голландии. Заткнуть брешь Соединенным провинциям и Англии было нечем. Значит, придется соглашаться на почетный мир и вежливо просить императрицу отвести корпус назад в Россию. Франция победно продиктует Австрии условия капитуляции и присоединит к королевству очередную порцию крепостей.

Затормозить движение корпуса на территории Польши и организовать в русских частях массовое дезертирство поручили дипломатам. Координировать подрывную работу взялся полковник Франсуа де Ласаль, рекомендованный герцогом де Ноайлем. Ранее офицер служил в России подполковником Суздальского пехотного полка. Ему выдали крупные денежные средства на подкуп, снабдили кредитивной грамотой на звание французского резидента в Гданьске. В середине января (по новому стилю) де Ласаль покинул Париж, чтобы через Франкфурт и Варшаву в конце февраля (по старому стилю) добраться до устья Вислы и оттуда управлять действиями профранцузски настроенных поляков. Миссия полковника окончилась полным провалом, даже не начавшись. Во-первых, маневр соперника разгадал Генрих Грос и вовремя предупредил Петербург. Во-вторых, в Париже не подозревали о том, что их протеже вернулся в 1744 году на родину, не испросив отставку в Петербурге, и Военная коллегия объявила его дезертиром. Поэтому арест авантюриста на просторах Речи Посполитой или в Гданьске не мог вызвать международного скандала.

Лишь месяц спустя в Версале от Феит-Анри Вало-ри (посла в Берлине) узнали правду.

В Гданьск отправился курьер с приказом возвращаться. Но де Ласаль промедлил с отъездом, и русский резидент Шерер воспользовался промашкой. 5 (16) марта магистрат арестовал полковника вместе с архивом. Шпиона вывели из игры. А вот попытка дипломата завладеть

683

бумагами офицера, дабы разоблачить французские «машиназии», не увенчалась успехом. Маркиз Дез-асар в Дрездене сделал все, чтобы убедить курфюрста и польского короля Августа III затребовать две сумки арестанта себе. Шереру не хватило буквально нескольких часов. 7(18) апреля в Гданьск прискакал нарочный из Саксонии, и бургомистры не рискнули не уважить просьбу официального протектора вольного города. В мае портфель и футляр «за печатями» гданьского магистрата и хозяина вскрыли в Дрездене в присутствии М. П. Бестужева-Рюмина. Внутри «никаких важных писем не явилось... Токмо одни партикулярные его бумаги нашлись». Фиаско с корреспонденцией де Ласалья не повлияло на финал дипломатической битвы в Польше: запланированную в Версале масштабную акцию по ослаблению русской армии Петербург сорвал³⁶.

С 7 (18) февраля по 6 (17) марта полки корпуса Репнина пересекли государственную границу и тремя колоннами по маршруту Ковно — Гродно — Варшава — Краков — Ольмюц зашагали в сторону Моравии. Елизавета Петровна понимала, что сей поход — тяжелое испытание для больного генерала, но кандидата лучше Василия Никитича — такого же честного, умного, искренне заботящегося о солдатах — не нашла. Впрочем, царица постаралась максимально облегчить участь предводителя. 27 января Бестужев уведомил князя, что «Ея Императорское Величество мне особливо всевысочайше повелеть соизволила к Вашему Сиятельству отписать, что Вы для совершенного излечения болезни Вашей нужды не имеете вдруг со оным корпусом следовать. Но Вы то по Вашем выздоровлении и по приобретении прежних Ваших сил учинить можете. Л между тем, толко бы Вы экипаж Ваш при войсках послали и генералную команду над оными... старшему генералу лейтенанту... поручили*». 28-го числа Елизавета прочитала и одобрила данный вариант послания.

Репнин к совету не прислушался и 24 февраля (6 марта) во главе своей второй колонны покинул Ригу. Князь очень спешил до весенней распутицы

684

проскочить «худые места за Гродно х Кракову» и, не желая тратить время на сочинение реляций, до самого Ковно не снаряжал курьера в Петербург. Императрицу молчание генерала-фельдцейхмейстера крайне беспокоило. Наконец она не вытерпела и 15 (26) марта лично взялась за перо, когда разведка донесла ей об идее Фридриха II, адресованной французскому королю, «чтоб... к главному командиру над... помощным войском сто тысяч ефимков офе-ровать... дабы чрез то под разными претекстами» вельможа замедлил марш русских солдат. В тот же день гвардии подпоручик Чичерин поскакал навстречу Репнину с именным выговором за проволочку с отправкой рапорта о темпах движения войск и собственноручным предупреждением царицы о коварных происках прусского монарха. Офицер догнал генерала в Гродно утром 21 марта (1 апреля). 23-го числа князь ответил, заверив государыню, что милость Ее Величества ему дороже любых миллионов. А справедливое замечание госпожи он тоже учел. Почта из главной квартиры отныне приходила на берега Невы более регулярно и сразу ложилась на стол императрицы. Бестужев порой даже не успевал пробежать глазами содержимое конвертов. Так, 9 (20) мая канцлер, распечатав пакет Репнина, тут же расстался с ним и велел подчиненным из реляции с журналом «все нужнейшее... — сколько миль отошел — ... выписать и чистое еще сегодня» ему вернуть, ибо его с докладом в Царском Селе ожидала

Елизавета Петровна. 1(12) марта первая колонна генерала Ливена достигла Гродно. 7(18) марта маршал де Сакс выехал из Парижа в Бельгию. Через день в Аахен заторопился граф Сен-Северин. 15 (26) марта дипломат добрался до курортного городка, а в конце месяца французские войска двинулись к Маастрихту. Союзная армия под командованием герцога Кумберлендского тягаться с противником в открытом бою побоялась и ретировалась, после чего 30 марта (10 апреля) французы осадили голландский город. Между тем 25 марта (5 апреля) снег в Польше совершенно растаял, и непролазная грязь с половодьем в бассейнах рек На-

685

рев, Буг и Висла исполнили ту миссию, с которой не совладали французские агенты. Русские бригады на полтора месяца застряли на пути от Гродно к Варшаве и прорвались к Кракову лишь во второй половине мая.

За развитием драматического сюжета, затаив дыхание, наблюдала вся Европа. Два вопроса волновали публику. Успеет или нет корпус Репнина на помощь окруженной крепости? Выстоит или сложит оружие австро-голландско-баварский гарнизон до подхода русских? В Берлине и Гааге, в Вене и Париже, в Лондоне и Петербурге, одни с тревогой, другие с надеждой раскрывали очередные номера газет, читая сводки с фронта, и все «как у двора, в компаниях, так и в народе... считали и выкладывали время, когда аукци-лиарные... войски к границам Верхней Силезии приспеть могут*, а оттуда к берегам Рейна. Реалисты уповали на четыре месяца. Но природа внесла свои коррективы. Границу Австрийской империи корпус пересек в первых числах июня. 6 (17) июня возле Кремзира, 7(18) июня около Ольмюца, 8(19) июня у деревни Квалковиче императрица Мария-Терезия и император Франц осматривали в походном строю колонны Ливена, Репнина и Лопухина и приглашали русских офицеров к себе отобедать³⁷.

Правда, к лету ситуация стремительно изменилась. Маастрихт оказался крепким орешком для французов. Храбрый комендант-голландец барон Аилва толково распоряжался обороной и организовал чувствительные для неприятеля вылазки. Кампания явно грозила затянуться. В Версале занервничали. Опасаясь, что де Сакс не справится с отважными защитниками Маастрихта до июля (в марте ключевой пункт надеялись взять к середине мая), король решил, не откладывая, разыграть запасной, дипломатический вариант. Благо, Альфонс Людвиг Сен-Северин за истекший месяц добился ощутимого успеха в Аахене (Э-ля-Шапеле). Пока участники конгресса дожидались испанца маркиза Якоба Сатто-Майора, он по отдельности переговорил с англичанином Джоном Сэндвичем, голландцами Вильгельмом Бентин-

686

ком и Фридрихом Вассенаром, а также с австрийцем Венцелем Кауницем.

С первыми тремя друг Пюизье особо не церемонился, высказался искренне и прямо: Франция готова удовлетвориться условиями, предложенными в Бреде в прошлом году, то есть вернуть все завоевания во Фландрии, в Италии и за океаном в обмен на Ка-по-Бретон, Пармское герцогство дону Филиппу и оккупированные районы Генуэзской республики и герцогства Моденского. Но с одной поправкой: в договор будет включена гарантия прусскому королю на Силезию и Глац. Кроме того, «для твердости содержания» вышеупомянутых пунктов союзники должны впустить французов в Маастрихт на время работы конгресса в Аахене. Если морские державы не согласятся с этим сейчас, то после падения Маастрихта они не вправе рассчитывать на подобное снисхождение.

После встречи с англо-голландскими коллегами граф спешил на свидание с господином Кауницем, чтобы внушить ему следующее: Франция не против компромисса с Австрией, но от Лондона зависит возвращение Капо-Бретона, без

которого нам никак нельзя. Ради него мы пойдем на любые уступки, даже на гарантию Фридриху II Силезии, на чем, между прочим, настаивает милорд Сэндвич.

Воистину, Сен-Северин продемонстрировал качества незаурядного психолога.

Партнеры повели себя так, как и думал хитрый министр. Англичане с голландцами скрыли от посла Марии-Терезии содержание французского ультиматума и ничего не сообщали компаньону о дальнейших сепаратных консультациях с сиятельным шантажистом. Зато число курьеров, курсировавших по трассе Аахен — Гаага — Лондон, заметно возросло. С другой стороны, Кауниц не осмелился призвать союзников к ответу, а предпочел доложить о коварных происках милорда Сэндвича в Вену. Из австрийской столицы дезинформация, запущенная Сен-Северином, по двум каналам потекла в Петербург — в пункт назначения. Барон Иоганн Франц Бретлах непосредственно уведомил Бестуже-

687

ва и Елизавету о закулисных интригах в Аахене. Российский посланник Людовик Ланчинский в Страстную среду 29 марта (9 апреля) и после Пасхи вдоволь наслушался аналогичных сентенций от австрийского канцлера Улефельда и подлил масла в огонь, расписав в депешах, как «аглинской двор прускому доброхотствует и хочет министра его на конгресс ввести».

Третий канал наладили сами англичане. Во второй декаде апреля русское посольство в Берлине вдруг навестил растерянный голландский резидент, после чего вечером 12-го (23) числа Карл Герман Кайзерлинг адресовал на имя канцлера срочное письмо: «Граф Гронсфелд чрез куриера указы получил, с находящимся сюда в пути аглинским министром Леггом по инструкциям его во всем согласно поступать... Ему обстоятельно... не показано, в чем оные точно состоят. Толко... он мне сказал во откровенности, что ему... в кратце тою депешою знать дано, что морские державы короля прусского о своей дружбе обнадеживают, что в протчем им приятно было б, когда б король, не отступая от своей системы неут-ралства, добрые свои официи употребил к возста-новлению надежного и постоянного мира, что морские державы в признание гарантию, как старых, так и новых королевских земель с надлежащею взаим-ностию принять хотят*.

Почту из прусской столицы в Петербурге распечатали 23 апреля. Первая тревожная реляция из Вены достигла берегов Невы 21 апреля. К концу месяца в Зимнем дворце ознакомились с конкретными претензиями Улефельда к герцогу Ньюкаслу. Легко представить, какое возмущение вызвали британские кульбиты у царицы и канцлера. Уловить в действиях партнера французские манипуляции, не поддаться чувству праведного негодования было трудно. В итоге Бестужев сочинил по приказу императрицы грозную декларацию с вопросом, который постеснялся поднять перед товарищами Кауниц: «Мы по реляциям нашего в Вене... посланника Ланчинского усматриваем, что... обе... морские державы... стараются о том, чтоб королевско пруской двор при наступаю-

688

щем мирном конгресс содействующим учинить и для того [на] оной министра прусского ввести, яко же мы напоследок и из Берлина согласную тому ведомость имеем... что оные морские державы... как старых, так и новых его земель с надлежащею взаимно-стию принять хотят...» Завершался документ строгим предупреждением: «В таком случае мы... командующему... нашим помочным войском... сходственные по тому инструкции отправить повелеть принужденны найдемся, хотя сие не иначе, как с крайним соболезнованием учинилось бы». 11 (22) мая курьеры с рескриптами устремились в Гаагу и Лондон.

В общем, желанной цели французы достигли: между союзниками возникли трения и

недоверие. Теперь наступал момент подкрепить сомнения фактами и окончательно рассорить морские державы с Австрией и Россией. В Версале явно уповали на широко известные легкомыслие, капризность и упрямство Елизаветы, которая, конечно, не простит англичанам предательство австрийцев и потворство ненавистному прусскому королю. Каким бы влиянием ни обладал Бестужев, ему будет крайне тяжело погасить гнев императрицы, и та отомстит Лондону, развернув корпус Репнина на сто восемьдесят градусов. Тогда Франция, пользуясь ключевым положением Маастрихта, вынудит оба государства заключить с Версалем унижительный мир. Австрия воевать в одиночку не отважится. Значит, и она признает неизбежность утраты части территории в Нидерландах.

Право, паутину Сен-Северин сплел на редкость тонкую. Ни герцог Ньюкасл, ни штатгальтер Вильгельм не почувствовали подвоха. Они с пониманием отнеслись к французским кондициям, диктату с позиции силы и заботе об интересах прусского союзника. Рассуждали приблизительно так. Военный потенциал морского содружества практически на нуле. Пока русский корпус дотопаёт до Рейна, минет еще месяца три-четыре. Для осажденных в Маастрихте срок слишком великий. В то же время рисковать и в Лондоне, и в Гааге не любили, в стойкость гарнизона крепости верили слабо и ожидали капитуляцию го-

689

рода через месяц-два. Уступка неприятелю сулила большие выгоды. Во-первых, обе державы получали гарантированную отсрочку на те же два месяца. Во-вторых, соперник выдвинул вполне приемлемые условия мира, которые Франция не осмелится нарушить после подхода к театру военных действий русских солдат, то есть в конце июня или июля. А продержаться до середины лета англичане и голландцы надеялись посредством дипломатических ухищрений — оружия подчас более экономного и эффективного, чем ядра и пули.

Главная ошибка морского дуэта заключалась в недооценке прусского фактора. Никто в Лондоне не сумел распознать всю изощренность версальской интриги. Наоборот, английский кабинет увидел в прусском короле силу, способную ослабить французскую удавку. Чувствуя невозможность отвергнуть ультиматум Сен-Северина, Томас Пелгэм ухватился за Фридриха II, как за спасительную соломинку, и в середине апреля (по новому стилю) поручил Генриху Леджу переманить хозяина Потсдама на сторону коалиции, предложив тому гарантию Силезии от имени англичан. О таком подарке маркиз Пюизье мог лишь мечтать. Естественно, в Берлине агента Ньюкасла встретили с распростертыми объятиями и едва не задушили в них. Хорошо, что подчеркнутая любезность немецких «друзей» к английскому гостю не обманула Кайзерлинга. 17 (28) мая он донес императрице о потугах Фридриха, отличая Леджу, спровоцировать «холодность... и совершенное дружбы разорвание между морскими державами и их союзниками». Ньюкасл с берегов Темзы этого не разглядел. Даже депеша Джона Гиндфорта от 30 апреля (11 мая), повествующая о встревоженности Петербурга признаниями Антония Улефельда и Бертрама Гронсфельда, не добавила британскому министру остроты зрения. 13 (24) мая он без тени смущения объяснил подчиненному, что Сэндвич в Э-ля-Шапель из Сан-Суси никого не приглашал, а Георг II не может «противиться возобновлению в общем мире тех гарантий, которые Его Величество еще ранее дал королю прусскому».

690

Впрочем, англо-голландская делегация подыграла противнику не только в Берлине, но и в Аахене. За неделю до 30 апреля милорд Сэндвич и граф Кауниц исполнили просьбу российской императрицы и предложили французскому коллеге допустить русского министра на конгресс. Сен-Северин обещал отписать королю о желании

коалиции, хотя парти-кулярно «ответствовал, что он не чаёт, чтоб двор его на то поступил, понеже Россия не есть воюющая держава и, следовательно, на конгресс нечего с российским министром трактовать». Если учесть твердое обещание Джона Сэндвича Александру Гавриловичу Головкину, высказанное им при отъезде из Гааги 20 (31) января, «главнейше старается о допущении» русского представителя на конференцию и в случае французских затруднений «никакого примирения с неприятелю не учинять», то вторая оплошность Лондона становится очевидной. Она лишь укрепила Пюизье в правильности избранного курса, и маркиз поспешил наконец нанести решающий удар.

В ночь с 30 апреля на 1 мая (по новому стилю) 1748 года втайне от Кауница Сен-Северин, Сэндвич, Бентинк и Вассенар подписали предварительные статьи мирного договора. Пункт двадцатый, предназначенный для ушей русской императрицы, гласил: «Герцогство Шлезское и графство Гляц таковы, как Его Величество прусское оными владеет, будут сему принцу от всех держав, участвующих и договаривающихся, гарантированы сими прелиминарными артикулами». Иллюзия вероломства была создана полная. Основного союзника — австрийцев — оба морских государства предали. Взятые на себя обязательства добиться участия в конгрессе русского посла они не исполнили. Секретное предупреждение о проталкивании британцами в трактат гарантий прусскому королю в надежде заручиться его поддержкой целиком подтвердилось и на словах, и на практике. Аргументов для наказания мошенников скопилось предостаточно. Репнин вот-вот получит приказ о возвращении на родину, и тогда...

Надо отдать французам должное. Комбинацию продумали /то мелочей и реализовали мастерски. Но

691

во всей конструкции изначально присутствовал существенный изъян. Расчеты ведь опирались на доклады Шетарди и Дальона, которые уверяли и божились, что Россией правит Бестужев, а Елизавета способна проявить волю, только если кто-либо заденет ее лично. Полагаясь на объективность послов, Версаль вынудил англичан с голландцами персонально оскорбить царицу и заслуженно, но бесплодно принялся ожидать дивидендов. Увы, блистательный замысел споткнулся о систему подставного министра, которая совместно с зарубежной сетью российских посланников спасла от национального позора англичан и голландцев, а австрийцев от новых французских посягательств.

Да, Елизавету взволновала информация Ланчин-ского, Бретлаха и Кайзерлинга о сепаратных переговорах французов с англичанами, и она отправила в Лондон и Гаагу грозное предостережение. Однако 14 (25) апреля Грос из Парижа послал очень важное сообщение: «Далион на минувшей неделе ездив пять дней сряду в Версаль. Я опасаюсь, чтоб в его свиданиях с министрами королевскими не трактовалось что-либо противу интересов Вашего Императорского Величества». Разумеется, реляция, полученная в Петербурге 4 (15) мая, не осталась без внимания. Прежде чем карать кого-либо, надлежало точно выяснить, кто все-таки потакает Фридриху — Версаль или Даунинг-стрит.

Это, между прочим, прекрасно понимал Петр Григорьевич Чернышев. Прочитав в лондонских газетах о прусском следе, посланник сразу по своим каналам навел справки о причастности герцога Ньюкасла к злополучной двадцатой статье прелиминариев. 31 мая (10 июня) он донес императрице: «Понеже не токмо газеты публичные, но и многия писма гласили, что якобы король пруской в заключении нынешних в Акене прелиминарных мирных артикулов, хотя под рукою, однако ж, вящее участие имел, то я, чтоб о справедливости того слуха быть сведому, старание

мое приложил, из которого наидостовернейшим каналом имею, что оное, сколько то до стороны сего

692

[английского] двора принадлежит, есть, конче, совсем безосновательно».

Похоже, англичане поняли, в какую ловушку угодили, только 5 (16) июня, когда курьер Джона Гинд-форта привез в Лондон декларацию императрицы от 11 (22) мая. 7 (18) июня Чернышев официально вручил Ньюкаслу русскую ноту. Госсекретарь северного департамента сразу же спросил, «не замыкает ли* замедленное движение русского корпуса «какого скрытного в себе резона». Посланник заверил, что нет. Тем не менее английский кабинет всерьез забеспокоился и попытался убедить Петербург в необоснованности австрийских претензий и русских подозрений. 9 (20) июня герцог отплыл на континент. За четыре дня пребывания в Гааге (с 13 по 17 июня по старому стилю) он дважды встретился с Головкиным, внушая послу, «что морские державы, конечно, у короля прусского добрых его офицеров не требовали, приводя в доказательство тому, что прелиминарии без наималейшего ему сообщения трактованы и заключены... что, понеже с начала нынешней кампании союзничьи войска не были в собрании и в до-вольном числе, а французы предупредили их атакою Маастрихта, так что опасность тогда была, что, по взятии оного, могли б они легко здешнюю республику принудить к какому партикулярному примирению или к принятию нейтралитета, чего ради морские державы принуждены были прелиминарии, как наискорее заключить». Министр также клялся, что Сэндвич активизирует усилия по приглашению россиянина на конгресс.

Помимо бесед с русскими дипломатами, англичане отправили в Аахен в помощь Сэндвичу вместо проштрафившегося Леджа Томаса Робинсона (посла в Вене), холодно приняли агента прусского короля Иоахима Клингера, подробно известив Чернышева о данной ему аудиенции, и 3 (14) июля вежливо выпроводили из Ганновера пропрусски настроенного ландграфа Гессен-Кассельского Вильгельма. Депеши Петра Григорьевича вполне удовлетворили Елизавету. Императрица предпочла не накалять

693

атмосферу и не снабжать Репнина «сходственными инструкциями». У нее, помимо основной, была еще одна цель, ради которой она не захотела ссориться с Лондоном и Гаагой: допуск Головкина на конгресс с единственной задачей — «о включении нас в дефе-нитивный трактат стараться... чтобы вечное забвение всего того, еже с начала нынешней войны произошло, и на здешнюю империю распространялось» (ох, как бы пригодился этот пункт Аахенского договора Екатерине II в первые двенадцать лет царствования). Однако Сен-Северин категорически воспротивился приглашению русского министра и упоминанию России в будущем трактате. К сожалению, реальную возможность добиться участия в конференциях Головкина Сэндвич, Бентинк и Вассенар упустили, подписав 30 апреля французский предварительный мирный проект, после чего попытки уломать упрямого графа уже не могли привести к положительному результату³⁸.

Весь июнь три колонны русских солдат продолжали маршировать по австрийской земле, приближаясь к Рейну. В конце месяца французы поняли, что их гениальный план по какой-то причине провалился. Им следовало срочно предпринять экстренные меры, иначе в ноябре, по истечении шести месяцев перемирия, придется подписывать договор, совершенно невыгодный для Франции. Дефицит времени не помешал им выдумать новую изощренную уловку. Кнут, пряник и добрый совет гармонично дополнили друг друга. Во-первых, Сен-Северин грубо нажал на англичан в Э-ля-III а пел е, потребовав, чтобы те немедленно велели русскому корпусу развернуться и

спешно маршировать на родину, нигде не задерживаясь. Доводы перечислил весомые: маршал де Сакс, в противном случае, совершит бросок на север из Маастрихта, занимаемого французами с 29 апреля (10 мая), а в тыл морским державам ударит прусская армия. Ведь Лондон наверняка уже проинформирован о том, что Фридрих II с июня инспектирует полки, совещается с генералитетом и занимается экипировкой нижних чинов новой амуницией.

694

После угроз наступила очередь поощрений. Глава французской делегации пообещал неприятелю вывести из Нидерландов во внутренние области королевства 37 тысяч солдат Людовика XV и при желании «раскасировать» их через месяц, как только Англия откажется от услуг русских вспомогательных войск. Что делать?! Шантаж вновь достиг цели. У Томаса Ньюкасла не хватило духу проигнорировать давление оппонента, и 22 июля (2 августа) обе стороны заключили конвенцию, по которой Георг II и Генеральные штаты обязались «тотчас по подписании сей конвенции отправить ордеры к помощному корпусу... дабы оной немедленно в Россию возвратился... Реченой корпус российских войск имеет возвратиться в Россию так скоро, как оное токмо учинить может».

А теперь попрошу еще раз отметить дату подписания документа — 22 июля (2 августа). Между тем ордер русским полкам об остановке курьер повез из Ганновера 7 (18) июля. 15 (26) июля хотели послать навстречу Репнину нарочного с предписанием начать движение в обратном направлении, но передумали. Офицер с собственноручным письмом короля Георга помчался в Баварию через три дня. Чернышева о переговорах Сэндвича и Сен-Северина герцог Ньюкасл уведомил 11 (22) июля. О приказе русскому корпусу возвращаться Петр Григорьевич узнал от него около полудня 18 (29) июля. Вопрос посла об итогах консультаций в Аахене повис в воздухе. Министр уклонился от комментариев. Судя по всему, французы не на шутку запугали англичан. Репнин, прочитав 24 июля (4 августа) в Эберсфельде (недалеко от Нюрнберга) королевские сентенции, созвал военный совет. Генералитет постановил с ретирадой не торопиться до прояснения обстановки, то есть до получения инструкций от Елизаветы Петровны. Когда 1 (12) августа весть об этом дошла до Ганновера, столицу княжества захлестнула истерика. Сутки спустя Чернышеву пришлось выслушать массу неприятных слов и ультиматум: если до октября русские не будут в Белице, Англия прекратит финансирование

695

корпуса. Причем привал в Моравии ограничивался октябрём, ноябрём и декабрём — до завершения распутицы. Затем солдатам предстояло шагать без проволочек к Риге. Страсти улеглись недели через три. 23 августа (3 сентября) Ньюкасл более вежливым тоном объявил, что король не возражает против намерения императрицы расположить три колонны в Богемии и Моравии на зимние квартиры и готов к переговорам о сроках зимовки. Вероятно, за месяц ситуация коренным образом изменилась, раз англичане пошли на попятную. И кто подумал так, не ошибся, ибо к концу лета закончился второй раунд борьбы вокруг русского корпуса. Французы опять потерпели поражение, хотя интригу закрутили не менее оригинальную, чем весной.

Текст сенсационной конвенции быстро разлетелся по европейским столицам. Публика заглотнула наживку о неравнозначной демобилизации и упрекнула морские державы в близорукости и неблагодарности по отношению к русским. Умные люди предупреждали засуетившихся союзников, что «кондиции... для них самих не весма» надежны, зато французам — выгодны. Те смогут в кратчайший срок возродить военную мощь. Морским державам подобная перспектива не светит. Собственные силы истощены. Помощь из России раньше чем через полгода не подоспеет. А Версаль

в благородство вряд ли намерен играть.

По существу, оценки в салонах звучали правильные. Однако наличие одной детали мешает признать за ними правоту. Французы, конечно, с радостью услышали бы о пересечении корпусом русско-польского кордона до осенней слякоти. Но страной управляли прагматики, понимавшие нереальность идеального сценария. Поэтому Сен-Северин в Аахене не возражал против остановки русских солдат в Моравии до декабря. От Праги до Рейна путь не слишком долгий. Если Париж заартачится в ноябре подписать мирный договор, то три колонны генерала Ливена (преемника скончавшегося 29 июля Репнина) за ме-

696

сяц-полтора преодолеют несколько сотен верст до Рейна и соединятся с армией союзников прежде, чем Мориц Саксонский, не исключено, двинет по первому льду войска на Нимвеген и Амстердам. Следовательно, передислокация полков из окрестностей Нюрнберга в район Олмица никаких заметных плюсов врагу не сулила. Тогда для чего французы подгоняли англичан с посылкой в Баварию приказа о немедленном и скором возвращении россиян на родину? Загадка, которая, похоже, никого на континенте не насторожила.

13 (24) июля Генрих Грос вернулся в Париж из Компьена, где Людовик XV и Мария Лещинская благосклонно приняли дипломата. Там же маркиз Пюи-зье пригласил королевского гостя к себе на обед, благодарил императрицу за лестную характеристику, данную консулу Сен-Соверу, и обещал, что Его Величество обязательно вернет отозванного заместителя Дальона к русскому Двору в качестве посланника после того, как тот выдаст замуж родную дочь. Приятные речи и теплые приемы не смутили россиянина, а жаль. Французский двор давно уже не баловал радушием Гроса, который привык к подчеркнутой «холодности» Пюи-зье. И вдруг на тебе, позвали на поклон к монарху, обхаживают, хвалят. С чего бы это?!

Поведение французов, действительно, кажется удивительным, если упустить из виду «добрый совет», которым те, похоже, снабдили податливых англичан. А выглядел он примерно так: дабы не возникло затруднений в быстром марше русских солдат восвояси, не нужно обращаться к Австрии с официальным запросом об условиях прохождения по Богемии и обеспечения провиантом и фуражом российского корпуса. Цесарцы слишком обижены на Британию за пренебрежение их интересами при подписании прелиминарных статей 30 апреля. Могут в отместку затянуть с положительной резолюцией. Захотят поторговаться. В результате русским придется застыть на границе с Богемией на неопределенный срок. Франция подобное топтание на месте расценит как умышленное, со всеми вытекающими отсю-

697

да последствиями. Поэтому лучше не рисковать, а свалиться на австрийскую территорию с корпусом Ливена без предупреждения, как снег на голову, и поставить Вену перед свершившимся фактом. Мария-Терезия, конечно, возмутится, но срывать закупки продовольствия и сена не отважится. Поостережется причинять неудобства армии российской императрицы, своей союзницы.

Французы разработали на редкость превосходный план. Они играли ва-банк. Англичане прислушались к рекомендации. Герцог Ньюкасл не побеспокоил австрийских министров, несмотря на напоминания Джона Мордаунта и сигналы Бартоломео Бурма-ниа, резидента Генеральных штатов в Вене. Голландец прямо намекал на то, что в Шенбрунне готовы к сотрудничеству и желают лишь соблюдения морскими державами простых и обязательных формальностей. Однако Томас Пэлгем не обратил внимания на усилия младшего партнера, а комиссаров Мордаунта, Сероскерка и Тидинга, сопровождавших русский корпус, ввел в заблуждение письмом

от 2 (13) августа: «Австрийскими министрами приняты уже необ-ходимые меры для доставления русским войскам при их возвращении фуража и т. д. на тех же самых условиях, на которых это доставлялось им во время их похода сюда... Его Величество надеется, что Вы не встретите затруднений по этому предмету». Источником точных сведений герцог назвал Томаса Робинсона, отозванного из Вены дипломата. Таким образом, события развивались по намеченной французами диспозиции. Русские полки покинули лагерь при Эберсфельде, не дожидаясь апробации Елизаветы Петровны, и скорым шагом приближались к богемской границе, где они должны были обнаружить пустые магазины. А дальше все зависело от реакции Марии-Терезии. Либо она проглотит очередной недружественный британский экспромт и обяжет подданных заботиться о русских солдатах за австрийский счет, пока Вена и Лондон будут искать взаимопонимание. Либо терпение у супруги германского императора иссякнет. Цесарцы выплеснут на

698

обнаглевшего союзника скопившееся за четыре месяца раздражение и втянутся в выяснение отношений. В столь запутанной ситуации обыватель, не имея на руках договора между генералами и венгерской королевой, кормить российских солдат и лошадей не станет. Осеннее повышение цен усугубит положение. Нижние чины, естественно, не выдержат жизни впроголодь, займутся мародерством и навлекут на себя ненависть местного населения. Возникнут неизбежные скандалы и конфликты. Проблемы будут расти как снежный ком. В итоге русский корпус утратит боеспособность, с позором покинет негостеприимную Богемию, продолжит марш на север через враждебную Польшу, а французы обретут свободу маневра в Нидерландах. Оба варианта имели приблизительно равные шансы на успех. Хотя второй выглядел чуть более реалистично, ибо, скорее всего, Мария-Терезия, как прагматик, без четких гарантий Англии и Голландии не осмелится из собственной казны оплачивать продолжительное пребывание в Богемии тридцати тысяч иностранцев.

Не подозревая о западне, третья колонна 6(17) августа вошла в местечко Аш на австрийско-байрейт-ской границе. Только отсюда голландский комиссар Сероскерк отправил в Вену к Б. Бурмания курьера с известием о прибытии первых русских полков на территорию Богемии и контактах комиссаров с местной властью, депутаты от которой 8-го числа уведомили, что россияне «не должны вступать в эту страну, и что они не имеют приказания допускать это, а также не могут делать никаких приготовлений для войсковых магазинов». Генерал Ливен в письме П. Г. Чернышеву от 13 (24) августа скупно и, тем не менее, точно обрисовал возникшую сумятицу: «Мы пред несколькими днями к богемским границам прибыли, где нас остановили под таким претекстом, что де позволение для возвратного прохода наших войск еще от венского двора не получено. И мы всякие удобовымышленные труды имели в сыскании погребного пропитания в такой земле, которой принц нам вовсе отказал чрез два дни сряду пробить. Но

699

оной, однакож, по моим и господ главных комиссаров домогательствам нам напоследок двудневное пробы-тие на границах его области дозволил... Я удивляюсь, что разпоряжении для нашего возвращения благо-временно... не учинены, когда указы о обратном нашем походе к нам отправлены...»

В десять часов вечера 9 (20) августа нарочный Се-роскерка прискакал в австрийскую столицу и поверг цесарцев в шок. За три недели Томас Ньюкасл не удосужился сделать официальное обращение, а Джон Мордаунт не догадался приехать к ним для заключения «новой конвенции о провианте и всех потребностях». Даже сейчас, в критический момент, генерал отчего-то пожелал общаться с правительством империи

заочно, а не лично. Очевидно, англичане совсем утратили чувство долга! Времени на размышление Мария-Терезия практически не имела. Несколько часов, не более: корпус Ливена не сегодня, так завтра, подгоняемый голодом, ввалится в империю, и тогда разразится катастрофа. 10 (21) августа она созвала министров на экстренное совещание, уже решив для себя главный вопрос: независимо от позиции Англии и Голландии «императрица королева не допустит», чтобы русский корпус в чем-либо нуждался. Соратникам предстояло лишь обсудить перечень конкретных мер. К исходу дня совет выполнил поручение. Императрица подписала и немедленно отправила в Прагу соответствующий манифест: хотя давно надлежало «потребным для... войск... порциям, как для людей, так и лошадей... цену определить... однакож ныне приключилося, что генералы, которые от... обеих морских держав... российско-императорские войска провожают, противу здешняго чаяния для распоряжения сего дела сюда еще не прибыли. А насупротив того, помянутые генералы у пребывающаго здесь голан-ского посланника требовали, чтоб он им ультиматум, по какой цене оныя наши... богемские чины поставку съестных припасов натурою на себя принять хотят, прислал для того, чтоб они сию... ультиматом объявленную цену принять или... подрядчика употре-

700

бить могли... К чему... верховный канцлер... голан-ского посланника по силе... ультимата в состояние привел. А хотя еще неизвестно, какую помянутые обеих морских держав генералы в том резолюцию воспримут, то, однакож, потребно, яко же и мы сим и нашим указом всемилоостивейше повелеваем, дабы в обеих случаях с удобоумышленными облежаниями в том способствовано было...».

Этим актом королева венгерская фактически обещала подданным возместить убытки, если англичане и голландцы не захотят платить по официальному прейскуранту: 4 крейцера за порцию печеного хлеба, 4 гульдена и 30 крейцеров за 100 фунтов крупы, 9 гульденов за месячный рацион для одной лошади («овса, сена и сечки»), 5 гульденов за 60 снопов соломы, 2 гульдена за сажень дров, 3 крейцера за соль. Указ Марии-Терезии мгновенно разрядил обстановку. Администрация и население Чехии, веря королевскому слову, радушно встретили русских солдат и не испугались торговать в долг. Ни первая, ни вторая, ни третья колонна недостатка в пище и ночлеге не испытала. 24 августа (4 сентября) Л. Ланчинский писал в Петербург: «Все три колонны... помощных войск... как в провианте, так и в фураже, и иных потребностях имеют довольство, чему здесь радуются, хотя де реквизиции учинены не регулярно и сбор провианта и иных потребностей начался не за время. Також де от тамошних чинов предъявлено, чтоб для лутшаго покою и скорейшаго исцеления для болных солдат основать гошпиталь в самой Праге в новом городе».

Жена Франца I совершила мужественный, в значительной степени рискованный поступок. И не прогадала. В Лондоне не опротестовали предложенные Веней цены, продолжали посылать векселя на текущие расходы русского корпуса, и те не легли на австрийский бюджет непосильным бременем. Императрица благоразумно уклонилась от публичных разборок с недобросовестным партнером, удовлетворившись неубедительным оправданием герцога Ньюкасла в беседе с австрийским послом Игнатием Вас-нером: «Я о том забыл. Это моя партикулярная вина».

701

В результате публичные склоки и пререкания не развалили изнутри коалицию. Одним словом, хладнокровие и волевой характер Марии-Терезии спасли альянс от тяжелых потрясений³⁹.

Неудача в Богемии для Версаля означала окончательную утрату каких-либо надежд на отторжение части Австрийских Нидерландов. Впрочем, министры Людовика XV

капитулировали не сразу, а попробовали перехватить инициативу. В конце августа (по новому стилю) Сен-Северин постарался навязать Сэндвичу отсрочку процедуры обмена завоеваниями: не со дня подписания мирного договора, а с момента ратификации его всеми участниками конгресса. По-видимому, маркиз Пюизье надеялся на возобновление движения русского корпуса к лифляндской границе в декабре. Уговоры потеряли смысл, когда в начале сентября в Париже узнали о желании Елизаветы Петровны оставить русских солдат в Моравии до весны.

2(13) августа императрица в отсутствие канцлера приняла с бумагами Ивана Осиповича Пуговишникова. Апробируя рескрипт Репнину о возвращении корпуса на родину, царица велела обер-секретарю уведомить Бестужева, чтобы тот срочно подумал о том, как договориться с англичанами и австрийцами о размещении русских солдат на зиму за рубежом, «дабы войско довольно отдохновение получило... и изнурено не было* маршем по грязи и в мороз. Ни Англия, ни Австрия, ни тем более Голландия (покорный сателлит Британии) не имели причин возражать союзнику. Русские солдаты остались в Моравии до февраля и тем самым ускорили на полмесяца подписание Аахенского трактата.

Баталия вокруг Аахенского мира завершилась в полном соответствии с известной пословицей. Франция выкопала в апреле яму для австрийцев с англичанами, но в сентябре угодила в нее сама. Министры короля сумели отыскать ключик к министрам английского кабинета, а вот с двумя императрицами совладать не смогли. Планы по присоединению «нескольких крепостей фландрских» растаяли словно

702

дым. В середине сентября (по старому стилю) Версаль признал поражение, решив выжать из прелиминариев максимум возможного. Помощник Сен-Северина Дютель обнаружил в Аахене заключительный вариант договора с поправками, невыгодными для англичан и австрийцев. Причем французская делегация предупредила коллег, что от данного проекта не отступит. Сэндвич, Бентинк, Вассенар пошли ей навстречу.

Кауниц, поломавшись, тоже. 7(18) октября 1748 года около трех часов пополудни в доме голландских дипломатов Аахенский мир был подписан. По наблюдениям Генриха Гросса, французский двор с «малой радостью» услышал о мире, хотя на те же пункты в мае реагировал с большим оптимизмом. К Рождеству французы эвакуировались из Лимбурга, Антверпена и Льежа. В феврале 1749 года законный хозяин уже полностью контролировал Австрийские Нидерланды. В середине февраля корпус Ливена покинул Богемию и в мае добрался наконец до Лифляндии⁴⁰...

Во Франции надолго запомнили второй поход русских солдат к Рейну и свое фиаско в двух турах дипломатической дуэли: на франко-бельгийской границе пушки не стреляли почти сорок лет. К счастью, в Версале обиду на Россию вместе с королем затаили немногие. Подавляющая и менее эмоциональная часть политиков предпочла вскоре перестроиться и взять курс на сближение с влиятельным соперником. Между тем Елизавета Петровна, преподав французам урок, не почивала на лаврах, а тщательно проанализировала события, сопровождавшие работу Аахенского конгресса. Конференция еще не завершилась, когда в Петербурге началась подготовка к борьбе с королем прусским — вторым и более серьезным фактором нестабильности в Европе. 8 сентября 1748 года императрица пожаловала пажа Ивана Ивановича Шувалова в камер-пажи. Напрасно скептики назовут негромкое повышение придворного чина заурядным эпизодом в биографии будущего мецената. Согласиться с ними мешает стремительный взлет юноши. Уже 4 сентября 1749 года камер-паж превратился в камер-юнкера, а 1 ав-

703

густа 1751 года удостоился ранга камергера. Впечатление такое, что молодого

человека торопятся возвысить, и только необходимость соблюдать приличия заставляет растягивать сроки. С какой стати на скромного пажа посыпались августейшие милости? Официальная версия гласит: императрица влюбилась в Ивана Ивановича. Публика в нее уверовала с легкостью. Хотя есть основания для сомнений в таком объяснении.

Во-первых, в архиве Тайной канцелярии отложилось немало свидетельств солдат дворцового караула и нижних придворных чинов, видевших, как первые десять лет государыня по ночам в одной сорочке выскакивала из покоев Алексея Григорьевича Разумовского и бежала к себе. Но почему-то во вторую половину царствования никто из часовых и прислуги не разглядел в полумраке дворцовых апартаментов царицу, возвращающуюся из комнат фаворита или камергера Шувалова, шествующего от императрицы. Во-вторых, разгром притонов Дрезденши и прочих сводниц в 1750 году продемонстрировал важную особенность. Елизавета Петровна не ограничилась заточением закоренелых проституток. Вместе с ними в Калинкиной деревне под караулом долгое время томились женщины, уличенные в одной банальной измене своему мужу. Подобная суровость «сладострастной монархини», прощающей людей за серьезные преступления, вызывает недоумение. Правда, если вспомнить о набожности царицы и склонности к притворству, приходишь к более здравому выводу: дочь Петра Великого, храня верность любимому человеку (Разумовскому, ранее Шубину), требовала того же и от окружающих, однако в политических целях не считала зазорным создавать себе имидж ветреной и распутной женщины. Кстати, историки не располагают никакими точными сведениями о романах императрицы с кем-либо, кроме гренадера и певчего. А ссылаться в столь деликатном деле на сплетни и околопридворную болтовню весьма опрометчиво.

Похоже, Иван Иванович Шувалов в отличие от двух Алексеев действительно исполнял роль номи-

704

нального фаворита. А поблагодарить за «случай» ему следовало англичан, оказавшихся не очень надежным союзником в кризисном 1748 году. Видя, как британский кабинет на Аахенском конгрессе шарахался из стороны в сторону под давлением французских министров, императрица поняла, что островная нация в критическую минуту борьбы с Пруссией способна вновь заколебаться. Поэтому надлежало иметь в запасе альтернативу англичанам, которую самодержица тогда же отыскивала в лице Франции. И вот интересное совпадение. В ноябре 1748 года про-французская фракция пережила крупное потрясение — арест лидера Германа Лестока. Елизавета наконец позволила Бестужеву свалить заклятого врага. Тот жаждал за компанию усадить в крепость еще Воронцова, но не преуспел в том. Почему царица защитила вице-канцлера? Конечно, Михаил Ларионович являлся другом юности и сподвижником цесаревны в легендарном ноябре 1741 года. Только никто не мешал государыне вовсе уволить графа на покой или, по крайней мере, убрать из коллегии. Она же предпочла сохранить за ним пост заместителя Бестужева. Мотив тут, очевидно, единственный — возможная рокировка партий. Если возникнет потребность в смене правящей группировки, Воронцов фактически возглавит иностранную коллегию, потеснив канцлера.

Что касается вождя «французов», а по совместительству подставного министра, то возложить сию миссию на мужа двоюродной сестры императрица не могла, и родственные отношения тут ни при чем. В момент замены Бестужева Воронцовым рядом с Елизаветой должен быть человек, на которого публика укажет, как на инициатора кадровой революции. Иначе все сразу поймут, что не канцлер, а императрица задавала и задает тон и во внешней, и во внутренней политике страны. Тогда

самодержице придется выйти из тени и приготовиться к отражению закулисных атак на нее со стороны оппонентов из числа дипломатов и приверженцев великого князя или великой княгини. Разумеется, царица не горела

2.1 К. Писаренко

705

желанием, раскрывшись, тратить силы и время на борьбу с тем или иным противником, а потому придумала оригинальную комбинацию, компенсирующую ущерб от отставки Бестужева: ей надо завести фаворита, которого она будет якобы страстно любить и безоговорочно слушаться. Соответственно, дипкорпус и семья великого князя сосредоточат внимание на новой фальшивой фигуре, а отношение к дочери Петровой останется прежним — презрительно-снисходительным. На роль лжелюбовника Елизавета подобрала прекрасную кандидатуру — красивого, образованного поклонника искусств, наук и французской культуры, двоюродного брата влиятельных сенаторов Шуваловых.

Одним точным ходом императрица преобразила политический ландшафт России. Во-первых, партия Воронцова, ослабевшая после ареста Лестока и отъезда из России Мардефельда с Дальоном, усилилась мощным шуваловским кланом. Во-вторых, системе прикрывающего царицу министра смена кадров не грозила разоблачением. В-третьих, правительство приобрело энергичного и талантливого министра просвещения. Впрочем, Елизавета не спешила расставаться с Бестужевым ради Ивана Ивановича. Ей очень не хотелось списывать в резерв Алексея Петровича. Государыня до последней минуты надеялась, что Англия все-таки не отпадет от антипрусского союза Австрии и России. Но предчувствия 1748 года полностью подтвердились. 5 (16) января 1756 года герцог Ньюкасл и прусский посол Митчел заключили в Лондоне Вестминстерскую конвенцию, приговорив Бестужева к отстранению от дел. В апреле Петербург возобновил диалог с французами на предмет возрождения дипломатических связей. В июле он успешно завершился. Канцлер потерял власть в коллегии, престиж главного (прикрывающего государыню) министра и поневоле довольствовался формальными привилегиями руководителя иностранного ведомства и преимуществами второго советника. Этого ему было явно мало, и старик затеял за спиной покровительницы свою крупную политическую игру⁴¹...

706

Три дня Елизавета Петровна размышляла над судьбой Бестужева. Решение об аресте давалось не просто. Тем не менее иначе императрица поступить не могла. Канцлер уподобился Лестоку, совершил государственное преступление, потакая честолюбивым мечтам великой княгини Екатерины, и заслужил наказание. Но прежде, чем брать под стражу сановника, императрица пригласила Алексея Петровича на заседание Конференции 14 февраля 1758 года, чтобы, наверное, выслушать его точку зрения. К сожалению, откровенной беседы по душам, похоже, не получилось, и тогда Александр Шувалов, Никита Трубецкой, Александр Бутурлин исполнили высочайшую волю, взяв под караул неблагодарного царедворца. В тот же вечер некогда всемогущий вельможа в сопровождении солдат вернулся к себе домой на Береговую набережную, где под присмотром часовых прожил до апреля 1759 года⁴²...

Глава 23

Офицеры

1756 сентябрь

05- Пожалованы в фельдмаршалы Александр **Борисович**

Бутурлин, князь Михаил М. Голицын, Никита Е. Трубецкой, Алексей Г. Разумовский, Степан Ф. Апраксин.

30. Сергей Григорьевич] Строганов] умер.

5 сентября 1756 года, в день тезоименитства императрицы, английский посол Чарльз

Генбери Вильямс приехал в Новый Летний дворец в назначенное время, в двенадцатом часу утра. Здесь уже собрались большинство знатных персон обоего пола 1—5-го классов, приглашенных на церемонию шествия Ее Императорского Величества и Их Высочеств в Большую церковь. Но вряд ли дипломат внимательно вглядывался в лица присутствовавших, в том числе и представителей российского генералитета в парад-

707

ных зеленых и белых мундирах. Скорее всего, англичанина занимали свои не слишком радостные мысли. Увы, подписанная им год назад с Бестужевым и Воронцовым субсидная конвенция в считанные месяцы, буквально на глазах превратилась из обязательного договора в пустую бумажку. Герцог Ньюкасл предпочел связаться с непредсказуемым королем прусским. А тот выдвинул претензии императрицам Австрии и России, после чего вторгся в Саксонию. В результате последняя надежда — на просьбу самого Фридриха II уговорить Петербург выступить посредником между Веной и Берлином — растаяла как дым. Шуваловы и Воронцов, по-видимому, догадались, зачем прусскому монарху нужен посредник: чтобы выиграть время, а попутно посеять зерно недоверия между союзными государствами. Они, очевидно, сумели настроить Елизавету Пеговну против инициативы Фридриха. Цесарец Эстергази и француз Дуклас, конечно, посодействовали министрам.

Заправляй делами великий князь с супругой, Россия легко бы согласилась на роль медиатора. Петр Федорович боготворит Фридриха и готов исполнить любое приказание короля Пруссии. Екатерина Алексеевна — не столь простодушна. Великая княгиня умна, начитана и со временем вполне способна стать великой императрицей. Но пока она совершенно неопытна, наивна и очень плохо разбирается в ситуации, сложившейся в Европе. Поэтому наживку о посредничестве заглотнула моментально и на днях в очередной записке (написанной для конспирации от лица мужчины) поделилась собственным мнением на сей счет: «О, ничто более меня не радует, как когда великие умы спотыкаются. Если бы я был на месте, на котором Вы желаете меня видеть, я бы постарался воспользоваться оплошностями Его Прус-скаго Величества. И нельзя было бы упустить выслушать эти предложения, разве при потере разсудка. Не глупость ли с его стороны обращаться к нашему посредничеству?..»¹

Да, миролюбивая принцесса на месте дочери Петра Великого позволила бы Фридриху навязать Рос-

708

сии нейтралитет. Затем, выведя грозную империю из игры, король стремительными бросками разгромил бы армии Марии-Терезии и Людовика XV. Честолюбивой двадцатишестилетней даме все еще невдомек, что такого коварного и вероломного противника, как Фридрих, вразумляют не трезвые доводы, а сила. Ему, Вильямсу, это очень хорошо известно. Беда в том, что Англия заключила союз с Пруссией. Поэтому он обязан защищать интересы партнера при русском Дворе. Но Екатерина?! Жена Петра Федоровича настолько легкомысленна, что рискнула изложить на бумаге недели три назад, 18 августа, свой план по устранению от власти Шуваловых в случае смерти императрицы. Ну, разве можно поступать так опрометчиво, доверяя подобную тайну в письменном виде чужестранному министру, пусть даже и дружески к ней расположенному? Ведь политика — явление конъюнктурное. Стоит событиям пойти чуточку иначе, как ее признание станет неплохим козырем в руках любого не отличающегося щепетильностью человека².

Впрочем, при всей благосклонности семьи наследника к англо-прусскому союзу, польза от нее невелика. Их влияние на принятие государственных решений практически равняется нулю. Все, что они могут, это достать какую-либо ценную информацию или текст секретного меморандума. Если же еще учесть, что великую

княгиню в данный момент больше заботит проблема возвращения графа Понятовского, покинувшего Петербург в конце июля, а не разразившаяся на континенте война, то возлагать сколько-нибудь серьезные надежды на помощь великокняжеской четы в деле умиротворения императрицы, очевидно, бессмысленно.

В общем, не сегодня, так завтра Россия официально объявит о вступлении в европейский конфликт на стороне Австрии. После этого английскому посольству ничего не останется, как паковать чемоданы перед отъездом на родину.

Легкий шорох отворяющихся дверей вывел Вилль-ямса из задумчивости: в зал вошли великий князь, великая княгиня... Императрицы рядом с ними не было.

709

Елизавета Петровна в этот праздничный день чувствовала себя неважно. Недомогание так беспокоило ее, что она решила поберечь силы до вечера и не идти с придворными в Большую церковь послушать литургию и проповедь архимандрита Донского монастыря, а уединиться с Федором Дубянским, своим духовником, в маленькой комнатной церкви. Силы же ей требовались для того, чтобы сегодня вечером на балу объявить всем, главным образом представителям иностранных держав, о твердом намерении России поддержать Австрию в войне с Пруссией.

Пять дней тому назад пришло известие о пересечении прусской армией границ Саксонии. Следовательно, она, Елизавета, не ошиблась, когда в конце августа с гневом отвергла переданное через Вилль-ямса предложение Фридриха о посредничестве. Кроме того, объявленное на заседании Конференции 28 августа решение начать мобилизацию также оказалось правильным. В тот день министры постановили набрать в октябре 30 тысяч рекрутов, чтобы к весне пополнить полки, стоявшие в Лифляндии, обученными солдатами; выделить армии дополнительно 10 тысяч лошадей; рядовым на приобретение полушубков пожаловать по рублю; гетмана отправить на Украину для обеспечения безопасности Малороссии и всем «в такой быть готовности, чтоб по первому прусского короля на области императрицы королевцы нападению, тот час на него, сколько можно с большею силою, идти»³.

Перечисленные меры Конференция утвердила, ознакомившись с донесениями трех офицеров-разведчиков, вовремя приехавших в Петербург с весьма ценной информацией о военных приготовлениях прусского короля. Решение о командировании под прикрытием Коллегии иностранных дел «под имя-нем куриеров надежных и способных офицеров в Дрезден, Гамбург и Гданьск» императорский совет принял 20 мая нынешнего года. От кандидатов требовалось, во-первых, знание немецкого языка и, во-вторых, пребывание в Пруссии в прежние годы⁴.

710

В течение июня отобрали трех обер-офицеров, говорящих по-немецки и имеющих опыт курьерской работы: поручика лейб-кирасирского полка Алексея Олешева (прислан 12 июня с рекомендацией дивизионного командира П. И. Шувалова), поручика Ингерманландского пехотного полка Михаила Шалыгина и обер-квартирмейстера Александра Бибикова (офицеры из дивизии А. И. Шувалова). Получив из казны деньги (Бибиков и Олешев по 200 червонных, Шалыгин — 80 червонных) и персональные инструкции, офицеры двинулись в путь⁵. Задача попроще стояла перед Михаилом Шалыгиным: совершить вояж в Гданьск. По дороге он заглянул в Мемель и Кенигсберг.

Рапорт поручика (написанный 15 августа) лег на стол императрицы, видимо, первым. Шалыгин доложил правительству, что в Мемеле «гарнизону находится один полк, называемой по имени своего полковника Лок[ау], которой в том городе комендантом. А оной полк состоит из двух баталионов. И оным полком содержитца в городе и по крепости караул. Да из оного ж полку посылаютца триста человек сал-дат на работу

для поправления крепости, також и для строения вновь заложенных в прибавок к крепости в разных местах небольших укреплений. А обстоятельно то строение никак усмотреть было не можно, потому что за мной присмотр от них был...

По приезде ж в Кенисберх жил я два дни. Имел известие от двух прусских афицеров и от других тамошних жителей, что в Кенисберхе находятся три полка полевых, один баталион вновь сочиненных граноде-ров, да два шквадрона Шорлемского полку. А прот-чие того полку драгуны расположены поблизости Кенисберха. Сверх же оных находится восемсот лантмилиции, ис которых при возвращении моем из Гданска командировано при одном штапе чetyреста человек редовых чрез Курлянской залив на судах в Мемель для работы. А выше означенными полками командуют генерал фелтмаршал и города Кенисберха губернатор Левалд, генерал-порутчики граф Донау, Билау, Шорлеим. И те полки находятся

711

во всякой готовности к походу, а куда, тово уведомить никак было невозможно...

Офицеры мне сказывали, что у них в ротах сверх комплекта дватцать, а в ыной и до тритцати человек салдат имеетца. И ис тех сверх комплекных салдат, сказывают, што король намерен сочинить еще два новые полки... Следуючи ж я до Данцига проехал скрозь некоторой маленькой город, в котором гарнизону триста человек, да в Пилау полк для содержания караулу. А более в дароге до Данцига к примечанию нужного не находил...». Помимо сведений о расположении войск, Михаил Шалыгин разведал о значительных запасах провианта, созданных в Кенигсберге благодаря запрету на вывоз хлеба из прусских пределов; о доставке из Штеттина в Кенигсберг около сорока пушек осадной и полевой артиллерии; о том, что в июне и начале июля в приграничных областях Восточной Пруссии население очень опасалось вступления русской армии в Курляндию и появления русского флота у своих берегов. Еще поручик доносил о готовящемся по слухам альянсе между Пруссией и Саксонией и о том, что Фридрих II намерен послать вспомогательный корпус (в 40 тысяч человек) в Ганновер на выручку английскому королю.

В Гданьске, где офицер прожил двадцать дней, ничего важного узнать не удалось, если не считать многочисленных рассказов жителей, приезжих купцов и офицеров о передвижениях прусских полков. Поэтому российский резидент, коллегии юнкер Шеви-ус отправил курьера обратно. Остановившись на сутки в Кенигсберге, тот выяснил, что в город привезены четыре фуры с бочками денег, а еще восемь ожидают в ближайшее время⁶.

И все же господин Шевиус поспешил с возвращением курьера. Стоило тому покинуть вольный город, как появился слух о желании Фридриха расквартировать в нем часть прусского войска. Конечно же, с согласия местных властей. Но, к счастью, через Данциг пролегла дорога домой Алексея Олешева. Задержавшись тут на два дня, он от многих слышал эту настораживающую новость, которую в приватной бе-

712

седе ему подтвердил саксонский камергер Мирбах. Так что по приезде в Петербург поручик не забыл отметить в докладе, что «Его Величество король прусской желает сей город взять в свое охранение».

Однако главная задача кирасира заключалась в разведке расположения прусской армии. Поэтому половину рапорта, поданного императрице, Олешев посвятил расписанию полков по городам: Мемель — 1 полк; Тильзит — 1 конный полк; Кенигсберг — 3 пехотных и 2 конных полка (в окрестностях города 5 пехотных и 2 гусарских полка); Пилау — 1 полк; Столпе — 1 гусарский полк; Кеслин — полк принца Брауншвейгского; Керлин — полковая артиллерия («посланной от меня жит насчитал 62 пушки и 40 фурманов с их припасом»); Штеттин — 3 полка; Берлин — 10

полков (на возвратном пути уже 8); Шпандау ~ 1 полк; Магдебург — 2 пехотных полка и вне города 1 конный; Бранденбург — 2 полка; Ра-пин — полк принца Фердинанда. Суммируя число полков, поручик насчитал в Восточной Пруссии 35 тысяч солдат; в Померании 18 тысяч; в Бранден-бурге — 45 тысяч. А еще сорок тысяч, сообщил он, ушло в Силезию, «хоща о том они весма таят». Олешев также подтвердил информацию Шалыгина о доставке в Кенигсберг из Штеттина орудий (его цифра — 86), а из Берлина бочек с деньгами.

Завершал рапорт Олешева любопытный рассказ о реакции Фридриха II на слухи о надвигающейся войне. Один прусский офицер задолжал состоятельному еврею определенную сумму денег. Не сумев получить с него долг, кредитор обратился за помощью к Его Величеству. Ему повезло увидеть короля на парадном плацу, прорваться к нему и попросить монарха, чтобы тот приказал офицеру заплатить деньги, «понеже ныне полкам сказан похот, и денги мои могут пропасть». «Сие слово похот Его Величеству так не понд-равилось, что на место заплаты приказал одного жида на четыре года в Шпандау под караул посадить»⁷.

Донесения Олешева и Шалыгина на Конференции заслушали 19 августа. Теперь российские министры имели более или менее объективную информа-

713

цию о силе прусской армии в целом и о численности корпуса, разместившегося в Восточной Пруссии — направлении главного удара русских войск на случай войны. Весть о желании Фридриха принять под свой протекторат Гданьск, а также сведения о сосредоточении в Кенигсберге морских судов участники заседания посчитали настолько существенными, что приказали двум линейным кораблям и четырем фрегатам из эскадры, вернувшейся в Ревель, вновь выйти в море. Им надлежало крейсировать у прусских берегов до конца сентября, воспрепятствовать прорыву немецкого флота к берегам Курляндии и, если понадобится, вступить в бой⁸.

Однако при всей важности сообщений, прозвучавших 19 августа, главный вопрос — когда намерен Фридрих начать войну — оставался открытым. Ответил на него примчавшийся в столицу в двадцатых числах августа Александр Бибиков, который творчески отнесся к своему заданию. Обер-квартирмейстер покинул Петербург 7 июля и в скором времени добрался до Мемеля, «где под видом болезни пробыв два дни старался присматривать все, что во оном происходит. Откуда, притворяясь нездоровым, не поехал по берегу Балтискаго моря, где обыкновенно экстр-ординарныя почты едут, то есть на почту Лис-ден и Заркау. Но известясь в Мем[е]ле, что по другой дороге, которая лежит около так называемого Кур-ляндскаго гафа, по городкам и деревням расположено несколько прусских войск, нарочно по оной под видом чтоб иметь спокойнейшую дорогу отправился»⁹. Дорога эта лежала через Пресколц, Тильзит, Инстер-бург, Велау и стояли на них полки кавалерии генералов Шорлемера, Лангермана, Рида, Руше и Монахов-ского. В Кенигсберге Бибиков также насчитал три пехотных полка — Левалда, Донау, Билау — и 800 человек ландмилиции для содержания караулов после ухода из города регулярных полков.

Пробыв в Кенигсберге сутки, разведчик устремился по той же дороге, что и его товарищи, дальше — через Столпе, Кеслин и Керлин в Штеттин. По пути он встречал соединения, виденные ранее Алексеем

714

Олешевым, а также новые, размещенные по сторонам от курьерской магистрали. Хотя в Штеттине обер-квартирмейстер остановился на один день, он сумел узнать о получении местной артиллерийской командой (более 50 орудий) приказа о выступлении 31 июля (11 августа). Куда? Неизвестно. Только на обратном пути ему сказали, что «оная через Берлин провезена в Шлезию». Следующие остановки — в

Кю-стрине и во Франкфурте-на-Одере. В первом стоял драгунский полк генерал-майора Трукса, а во Франкфурте — пехотный фельдмаршала Шверина. И снова посыльный отмечает настораживающую деталь: «В самой тот день, как я во Франкфурт приехал, то из онаго поехал в Шлезию помянутой фелдмаршал Шверин, приехав толко за ден до того из Берлина. Сие было 27 июля. И я отезду его был самовидец».

29 июля Бибиков наконец достиг пункта назначения. В Дрездене царила тревожная атмосфера. Саксонцы ожидали вторжения. Город полнился слухами о собранных Фридрихом силах: 20 тысячах солдат в Пруссии, 25 тысячах — в Померании, 30 тысячах — у Шпандау и 50 тысячах — в Силезии. Чрезвычайный посланник России при саксонском дворе Генрих Гросс ничего обнадеживающего сообщить не мог. То, что война вот-вот начнется, здесь, в Дрездене, чувствовалось особо. Не знали только, когда прусская армия тронется с места. О том ведали в Берлине. Поэтому российский посол максимально сократил пребывание русского офицера в саксонской столице, рассчитывая использовать последние мирные дни для его поездки в столицу Пруссии. 3 августа Гросс простился с курьером, наказав, чтобы он «ехал чрез Берлин, а прибыв в оной, под каким ни есть видом пробыл несколько ден и старался разведать, не будут ли выступать находящиеся там полки в поход и куда именно. Ибо по извесным ему обстоятельствам того ожидалось. И естли сие воспоследует, тоб немедленно... ехал в Петербург и по прибытии Государственной Коллегии иностранных дел о том донес». Разведчик исполнил поручение дипломата. На первой почтовой станции от Дрездена он завязал

715

знакомство с прусским поручиком Рором, предложив тому доехать до Берлина в своей коляске. Немец согласился. С ним разведчик и добрался без приключений до прусской столицы. По дороге спутник рассказал много интересного. В Берлине обер-квартирмейстер прожил два дня — с 4 (15) по 6 (17) августа — и «самолично видел» генерал-лейтенанта Винтер-фелда, о котором в Восточной Пруссии много говорили, как о персоне, будто бы посланной в Петербург для мирных переговоров. Берлинцы называли парламентаром другую особу — генерал-почтмейстера графа Готтера, что, как выяснил разведчик, тоже не соответствовало действительности. Хозяин двора, в котором поселился курьер, поведал постояльцу о недавнем смотре полка принца Морица Дессауского королем, когда монарх, заметив в строю среди рядовых шестерых французов, «тот час с оных мундиры снять и ружья обобрать приказав, велел выгнать из полку». На вопрос, отчего такая немилость к французским рекрутам, немец ответил, что те «весма склонны к побегу*...

То, ради чего Бибиков приехал в Берлин, свершилось 5-го числа. Два полка — генерал-майора Мезе-ринга и полковника Ицблицца — покинули город. Александр лично наблюдал за маршем колонн. Он поинтересовался у офицеров, в каком направлении выдвигаются полки. Но пруссаки сами точно не знали, куда их пошлют. Единственное, что им было известно, так это первая остановка — Шпандау. Бибиков тут же все понял. Раз Шпандау, значит — в сторону Саксонии. Значит, до вторжения прусских войск в Саксонию осталось полторы-две недели.

Об увиденном следовало срочно доложить в Петербург. 6 августа, пригласив в спутники другого прусского офицера — капитана Дабара, обер-квартирмейстер оставил Берлин. Второй собеседник разведчика отличался еще большей разговорчивостью, чем первый. Он также сообщил Бибикову много любопытных вещей, в том числе и о выданных каждому полку 18 тысячах талеров для экипирования младших и старших офицеров прусской армии. Генералы

716

получили по 6000 талеров. Когда на дороге экипаж россиянина обогнали телеги с бочонками, лишь благодаря беседе капитана с офицером сопровождения курьер осведомился, что в бочонках везут 200 тысяч ефимков. В Кенигсберге перед прощанием господин Дабар, после визита к фельдмаршалу Леволду, успел известить русского разведчика, что король прислал в помощь престарелому губернатору собственного адъютанта и одного из фаворитов Голца, который, по-видимому, и станет истинным главой прусских войск в Восточной Пруссии.

На пути из Кенигсберга в Петербург у Александра Бибикова произошла еще одна знаменательная встреча. Его принял в своей курляндской усадьбе камергер саксонского курфюрста и польского короля Мирбах, недавно вернувшийся из Гданьска (тот самый, с которым виделся А. Олешев). Он рассказал курьеру, что в Гданьске местный совет ведет тайные переговоры с прусским резидентом о пропуске в город прусской армии. И, кажется, магистрат готов поддаться на уговоры дипломата...¹⁰

Донесение Александра Бибикова ясно свидетельствовало о том, что Фридрих II окончательный выбор сделал. Война фактически объявлена. России нужно, не тратя время попусту, ускорить подготовку к боевым операциям. 26 августа рапорт Бибикова был зачитан на Конференции, после чего члены совета признали, что «опасность о прусском впадении стала, так что теперь ежечасно надлежит ожидать известия о прямо начатой войне в области императрицы королевы, из близкой и имоверной действительною»¹¹. 28 августа Елизавета Петровна, приняв участие в заседании Конференции, распорядилась о первых, не терпящих отлагательства военных мероприятиях. А через три дня до Петербурга докатилась роковая весть: 18 (29) августа прусский посланник Молцан потребовал от Августа III свободного пропуска через саксонское курфюршество для армии Фридриха, идущей к северным границам Богемии; при этом тем же утром, не дожидаясь официального ответа польского короля, первая дивизия пруссаков пе-
717

ресекла прусско-саксонский кордон близ Галле и вечером без боя овладела Лейпцигом¹². Великая княгиня Екатерина Алексеевна в тот день, 31 августа, уведомляя об этом Вильямса, большого значения новости не придавала: «Я не имею известия для передачи вам, разве только, что прусский король вошел в Саксонию со своим войском и обнародовал декларацию в оправдание своего шага перед польским королем»¹³. Похоже, будущая императрица все еще совсем не понимала, в какую беду ввергает Европу Фридрих Великий...

Вечером 5 сентября президент Адмиралтейской коллегии, адмирал русского флота Михаил Михайлович Голицын во второй раз приехал в Новый Летний дворец. Утром он присутствовал в Большой дворцовой церкви и слушал божественную литургию, после чего вернулся домой, к больной жене. Пообедав, князь вновь отправился в летнюю резиденцию императрицы, ради организованного по случаю праздника бала. В великолепном парадном зале в восьмом часу пополудни собрались практически все дамы и кавалеры, участвовавшие в утренней церемонии. В ожидании открытия бала, который не мог начаться без первых лиц государства, придворных больше всего волновал один вопрос: выйдет к ним императрица или нет? Некоторые, самые осведомленные, не исключали того, что плохое самочувствие, возможно, помешает государыне показаться на публике. Другие, напротив, не считали проблемы со здоровьем главной причиной, по которой Ее Величество предпочла провести первую половину дня во внутренних покоях. Ведь сидеть за обеденным столом она все-таки соизволила.

Михаил Михайлович Голицын коротал время среди коллег — генералов и адмиралов

русской армии и флота. Разговор вели на разные темы. Военных, разумеется, интересовали новости о ходе боевых действий в Саксонии, а также условия и сроки вступления в войну с Пруссией России. В том числе обсуждался и

718

вопрос о главнокомандующем русской армией, сосредоточенной в Лифляндии.

Прежде всего генералов занимало, что на сей счет думает царица. О слухах, согласно которым Елизавета лично желала командовать собственными войсками, генералы наверняка знали. Вероятно, кое-кому из них, как и великой княгине, конфидененты из окружения императрицы поведали о вроде бы состоявшемся на днях споре самодержицы с одной из камер-юнкфер.

Якобы, услышав заявление государыни о намерении принять под свое распоряжение полки, расквартированные возле Риги, горничная заметила: «Возможно ли это? Вы же — дама!» Елизавета Петровна сослалась на пример батюшки: «Мой отец ходил же в поход. Думаете ли вы, что я глупее его?» Однако служанку ответ госпожи не удовлетворил. «Но он был мужчиной, а вы не то», — продолжала настаивать она. Аргументов у императрицы явно не хватило. Царица не нашла ничего лучшего, как рассердиться на смелую даму, не переставая говорить, что «хочет сама идти на войну»¹⁴.

Но хочет того или не хочет дочь Петра, а русскую армию должен возглавить кадровый генерал. И все указывало на то, что им станет Степан Федорович Апраксин — генерал-аншеф и командир лейб-гвардии Семеновского полка, умудрившийся сохранить приятельские отношения с канцлером Бестужевым-Рюминым и при этом не поссориться с братьями Шуваловыми. Понюхавший порошу в последнюю турецкую войну, знакомый с проблемами обеспечения солдат всем необходимым (чему способствовало президентство в Военной коллегии), заботившийся о подчиненных, генерал Апраксин являлся, по мнению многих, наиболее достойной кандидатурой на пост главнокомандующего.

Но вот, наконец, с восточной стороны дворца, где располагались апартаменты государыни, послышался шум. Двери в комнату, из которой обычно выходила государыня, раскрылись, и в зал в окружении нескольких придворных вошла Елизавета Петровна вместе с Петром Федоровичем и Екатериной Алексе-

719

евной. И тотчас была обнародована новость о том, что Ее Императорское Величество минуто назад в соседнем покое изволила пожаловать генерал-аншефов Никиту Юрьевича Трубецкого, Алексея Григорьевича Разумовского, Александра Борисовича Бутурлина, Степана Федоровича Апраксина в генерал-фельдмаршалы, адмирала Михаила Михайловича Голицына — генерал-адмиралом, а обер-церемониймейстера Франца Матвеевича Санти — тайным советником.

Собравшиеся на бал знатные персоны тут же поспешили поздравить отмеченных наградой лиц, после чего все поочередно приближались к императрице и, поздравив ее с днем именин, касались губами августейшей руки. Среди прочих руку царицы поцеловал и английский посланник Чарльз Вильямс, который, как и все, заметил, что императрицу мучает тяжелый кашель и она с трудом сдерживает его. Потом начался бал. Зазвучала музыка, и гости, разбившись по парам, принялись выписывать церемонные фигуры менуэта.

Правда, наблюдавшему за парами английскому дипломату было вовсе не до танца. Высочайшие пожалования, с такой радостью воспринятые русскими, для него — представителя британского монарха — означали полный провал порученной ему миссии. Символический смысл щедрот податливой на уговоры императрицы Вильямс понял сразу: Россия вступает в войну на стороне Австрии. Никакого посредничества

не будет. Армию в поход поведет Степан Федорович Апраксин. Между тем Екатерину Алексеевну в тот вечер мало занимали заботы английского друга. Она танцевала и веселилась от души, частенько останавливаясь поболтать то с одним придворным, то с другим. В ряду многих внимания Ее Высочества удостоился и Степан Федорович Апраксин. По ходу краткой беседы, когда новоиспеченный фельдмаршал сообщил ей о предстоящем отъезде, княгиня патетически воскликнула: «Я не люблю войны! Нет ничего лучше мира!»* На что Апраксин опрометчиво заявил: «Если прусский король нападет на меня, я буду сражаться. Если

не нападет, я останусь в покое». И тем выдал юной особе пока что сохранявшееся в тайне намерение императрицы доверить ему главную команду над русской армией (соответствующий указ опубликуют лишь 9 сентября). Степан Федорович вовремя спохватился и поторопился перевести разговор на другую тему. Тем не менее супруга наследника почувствовала, что собеседник допустил какую-то оплошность, хотя и не смогла догадаться, какую именно. Но сутки спустя, пересказав в письме Вильямсу диалог с Апраксиным, все-таки посчитала нужным прибавить: «Мне показалось, как будто он обмолвился, так как он оговорился и захотел другою болтовнёю загладить эти слова»¹⁵. То, что не расшифровала великая княгиня, англичанин уловил сразу. Теперь он мог уже не сомневаться в том, что вчера правильно раскрыл истинное значение производства четырех генералов в фельдмаршалы, а князя Голицына — в генерал-адмиралы...

Михаил Михайлович Голицын вернулся домой поздно. После того как завершился праздничный ужин, устроенный в галерее за фигурными столами, на котором императрица, к сожалению, не изволила присутствовать. В дверях князя встретила жена. Первым делом Татьяна Кирилловна спросила мужа, правда ли то, что ей сообщил примчавшийся вечером адъютант, слышавший, как во дворце шумели, поздравляя адмирала и прочих счастливицов. Но так как самого офицера в зал не допустили, то она посчитала, что молодой человек, скорее всего, с кем-то его перепутал. Уставший супруг подтвердил правоту подчиненного, и тем окончательно рассеял все сомнения, мучившие несколько часов княгиню¹⁶...

За три дня до праздника, 2 сентября 1756 года, в канцеляриях гвардейских полков получили очередное повеление императрицы: «Ея Императорского Величества высочайшее соизволение последовало. Ежели кто лейб гвардии из обер и ундер офицеров при Цесарской армии валентирами быть пожелает,

то оное Ея Императорское Величество всеилости-вейше опробовать благоволит»¹⁷. Желавших нашлось немало. Однако не все могли себе позволить за собственные деньги воевать с пруссаками в рядах армии императрицы Марии-Терезии. Поэтому, когда 23 сентября Елизавета Петровна ознакомилась с именами офицеров, готовых немедленно покинуть Россию, в списке значилось всего семь фамилий. Из лейб-гвардии Семеновского полка добровольцами записались трое — капитан Михаил Измайлов, поручик Александр Нелединский-Мелецкий и подпоручик Александр Урусов¹⁸. От Конной гвардии рапорты подали князь Юрий Хованской и Иван Измайлов. В перечне фигурировали и преображенцы: два князя — Андрей Михайлович Голицын и Андрей Михайлович Бел осел ьский¹⁹. Оба только в прошлом году вернулись на родину. Первый совершил турне по странам Европы, слушая курсы лекций знаменитых ученых и осматривая произведения искусства в королевских собраниях и особняках вельмож. Второй постигал дворянские науки в Англии под опекой посла П. Г. Чернышева. Теперь же, после того как в центре Европы разразилась война, они предпочли сменить перо на шпагу, чтобы принять участие в защите евро-

пейского порядка от вероломной агрессии прусского короля Фридриха. Сколь громкими именами ни изобиловала поданная императрице ведомость, государыню все же не удовлетворило число офицеров, изъявивших готовность сражаться в австрийской армии. И тогда, ради поощрения прочих, она распорядилась волонтерам «в бытность им вне государства жалованье производить по их рангам двойное». А тем, кто с окончательным решением уже определился, в тот же день, 23 сентября, распорядилась немедленно оформить заграничные паспорта²⁰. Но и двойное жалованье для многих не стало решением проблемы. Так, брат российского посланника в Лондоне Александра Михайловича Голицына, поручик лейб-гвардии Конного полка Михаил Михайлович, не сумев вырваться по финансовой причине в Вену, жаловался в письме, от-

722

правленном в Англию: «Хотя нашим волонтерам все-милостивейше и пожаловано дваинное жалованье и по моему чину мне дваинаго жалованья без малаго пришло б 1000 рублей, к тому неотменно, по крайней мере, надобно приложить еще две тысячи. ...то стоит великаго для меня недостатку»²¹.

Если Михаилу Михайловичу Голицыну вступить в цесарскую армию помешала нехватка денег, то Филиппа Алексеевича Каро, сына действительного статского советника, главы Соляной конторы Алексея Филипповича Каро, финансовые вопросы, видимо, не волновали. Перед ним стояли иные препятствия — организационные. Императрица разрешила выехать в Австрию только офицерам гвардии, к которым он, к несчастью, не принадлежал. С апреля 1742 года Филипп Каро служил при Дворе Елизаветы Петровны: до 4 июня 1751 года пажом, а затем — камер-пажом. Его старший брат Василий Алексеевич также до 6 сентября 1748 года являлся пажом императрицы. Затем был выпущен от Двора в армейские поручики и за восемь лет дорос до чина генерал-ва-генмейстера, то есть до ранга подполковника²².

Когда пришло известие о начавшейся войне и государыня позволила офицерам гвардии записываться волонтерами в австрийскую армию, братья приняли решение непременно оказаться среди тех, кто первым встанет на пути пруссаков. Пришлось подключить все имеющиеся связи при Дворе. В результате 11 октября Филиппу Каро удалось преодолеть первую преграду. Придворная кантора за подписью гофмаршала С. К. Нарышкина повелела: «Ея Императорское Величество имянным своего Императорского Величества указом всемилостивейше изволила пожаловать двора своего Императорского Величества камер-пажей лейб гвардии в полки порутчика-ми — Филипа Каро да Михаила Дубянского в Конной, князя Павла Голицына в Семеновской, о чем им оной всемилостивейшей указ и объявлен. Того ради, придворная кантора во исполнение оного Ея Императорского Величества имянного указа приказали оных камер-пажей Каро, Дубянского и князя Голи-

723

цына ис придворного списку выключить, а сколько им по пожалование в порутчики Ея Императорского Величества жалованья по камор-пажеским окладам в даче быть надлежит, справясь, предложить*.

Прежде чем покинуть придворную службу, уволенные сдавали в царскую казенную парадные статс-ливреи, которые они носили в праздничные дни. 12 октября гоф-фурьер Петр Милорадович написал на запросе Придворной канторы: «По справке от бывших камер-пажей Филипа Кара, Михайлы Дубян-скаго, князь Павла Голицына, выданные ис приему моего строены 1752 году оным камер-пажем при богатой штатс-ливреи шляпы пуховые с позументом золотным, широким, з битью, петлицами, пуговицами, шнуром золотными ж и племажем белым страусовым от помянутых камер-пажей обратно ими в казенную не возвращены. А объявили оне, что те шляпы

ими изношены*. Это был беспорядок. Шляпы следовало вернуть. Даже поданная тремя офицерами 26 ноября 1756 года челобитная на имя императрицы с просьбой выплатить заработанные деньги не помогла. Правда, Придворная канцелярия 16 декабря решила не взыскивать с молодых людей за изношенные головные уборы. Однако обер-гофмаршал Д. А. Шепелев и гофмаршал С. К. Нарышкин быстро передумали. В итоге на постановлении появилась резолюция: «А то жалованье бес принесения шляп оных старых с позументом не выдавать». Пришлось поручикам подчиниться. Они вернули ветхие головные уборы, получив взамен пятнадцать рублей сорок две копейки с половиной каждый²³.

Тем временем в полковых канцеляриях регистрировали ордера о зачислении в полки новых офицеров. 12 октября — в Конном полку, 13 октября — в Семеновском. Того же 13-го числа Ф. Каро записали в 4-ю, а М. Дубянского — в 5-ю роту Конной гвардии. Полковой штаб Семеновского полка сделал то же самое с запозданием — 15 октября, включив П. Голицына в штат 5-й роты полка. В восемь часов утра 16 октября на полковом дворе князя представили офицерам и нижним чинам его роты²⁴.

724

Конной гвардии поручик Ф. Каро незамедлительно вместе с братом Василием подал на имя императрицы прошение с просьбой отпустить обоих в армию венгерской королевы. Ответ не стоило ожидать слишком скоро. Поэтому у юного конногвардейца появилось время для знакомства с повседневной службой однополчан, которое, естественно, началось с осмотра слободы Конного полка, располагавшейся на восточной окраине Петербурга. По форме она напоминала «четвероугольник, прорезываемый по прямому направлению, от Литейного двора до Смольного монастыря, одною улицею, называемою Большою... Как эта улица, так и 11 переулков, к ней примыкавших, застроены были 107 рейтарскими избами или светлицами в некотором расстоянии одна от другой, для избежания пожара, но связывавшихся между собой заборами. Параллельно Большой улице, и составляя один из фасов четвероугольника, шла другая улица, на которой были построены 10 офицерских домов с особенными дворами к каждому. Улица эта получила название Офицерской... Каменный дом, один из всего строения... стоял посередине самой слободы, составляя как бы центр ее. В нем поместились в верхнем этаже полковая церковь и госпиталь, в среднем — канцелярия, караульня и архив, в нижнем — цейхауз и арестантская комната. Дом этот, перестроенный... заново, украсился каменным крыльцом с колоннами и куполом над церковью. Он назывался штабными палатами. Пространство между ним и Большою улицею названо полковым двором.

Конюшни для Конной гвардии вместе с манежем были выстроены несколько поодаль, на Неве, против Охтинской слободы. Небольшой луг перед ними обращен в парадное место. Были еще в распоряжении полка две слободки: одна на песках, за парадным местом, а другая на Неве возле конюшен, составленная из изб, принадлежащих нижним чинам... На мысе Щучьей гавани были выстроены полком бани для людей, полку принадлежавших, и их семей»²⁵.

Так выглядела полковая слобода осенью 1756 года, когда практически завершилась ее перестройка,

725

начатая в июне 1741 года. Ф. Каро, как и все офицеры полка, имел право на получение квартиры в одной из офицерских изб. Впрочем, с разрешения полкового штаба он мог жить в городском доме. Еще поручику Конного полка полагалось выдать двух лошадей, парадный и повседневный мундиры. Мундир офицера конногвардейца — это красный камзол и голубой кафтан с отложным воротником и обшлагом красного цвета на узких рукавах. Кафтан по борту и вокруг петель для пуговиц обшивался тонким

золотым галуном в два ряда. Галун пошире украшал воротник, обшлага и карманы. Мундир дополнялся панталонами голубого цвета, лосинами с ботфортами или чулками с башмаками, шарфом и треугольной шляпой, обшитой золотым позументом, с черной кокардой, золотыми кистями и белым султаном. Повседневная форма от парадной отличалась тканью и материалом отделки²⁶.

Все текущие вопросы жизни полка решались полковым штабом, который заседал два раза в неделю в одной из комнат на втором этаже каменного дома. Комната эта отличалась наличием в ней портрета императрицы на стене, стоящей на столе памятки чиновника (зерцала), принятой еще Петром Великим. Сочинением и оформлением бумаг занимались два адъютанта, сменявшие друг друга понедельно. Как указано выше, третий этаж особняка делили между собой церковь и госпиталь. Ранее госпиталю принадлежал весь этаж. Но в 1743 году один покой отдали под полковой храм во имя Благовещения Божией Матери. Позднее над ним надстроили купол. В других помещениях по направлению полкового лекаря размещались больные. Лечили в полковом госпитале в основном унтер-офицеров и рядовых, которые лежали здесь с различными хворями. Чаще всего с разными простудами и лихорадками. Не редкостью являлась и так называемое французское недомогание (свидетельство неразборчивых половых связей). Реже встречались почечуйная (то есть геморрой), чахоточная и иные болезни.

Кормили пациентов скромно, казенными припа-

726

сами, тратя на каждого около 2 копеек в день, с последующим вычетом большей части расходов из жалованья больного. Госпитальный рацион однообразием не отличался. Например, 15 ноября 1756 года четверо оказавшихся в палате рейтар получили 1 гарнец гороху, 20 золотников соли, 6 фунтов хлеба и 1 кружку полпива. 16-го числа тех же рядовых потчевали блюдами из овсяной и гречневой крупы, хлебом, полпивом. Не забыли им выдать соли. А еще побаловали семечками²⁷.

О том, как принимали посетителей в полковой бане у Щучьей гавани на берегу Невы, свидетельствуют схожие условия работы бани Семеновского полка, построенной на берегу Фонтанки. С января по ноябрь 1756 года баней заведовал полковой обозный Алексей Рыльский. Полковая баня фактически включала в себя две бани (мужскую и женскую). Каждая с двумя сторожками и «особливыми большими дворами, и с сараями, також и с очагом, где воду греют». А при банях имелась «харчевая с чуланом лавка». Согласно общепринятым правилам полковые бани топились так же, как и торговые (общедоступные городские), по понедельникам, вторникам, четвергам и субботам, если на эти дни не выпадали праздники. Мужскую нагревали дважды в день, а женскую — один раз (кроме понедельника), «в те часы, как и в торговых банях бывает», то есть с полуночи до утра и с полудня до вечера. У каждой сторожки и на каждом дворе стояли по два солдата. Первый собирал с «парильщиков» деньги, второй вручал им по венику и присматривал за их одеждой, а после мытья забирал веники обратно. Через какое-то время солдаты менялись местами.

Для предупреждения пожаров возле бань ставили чан с водой и хранили «ручные заливные трубы, ис которых над каменкою железные листы и потолок по часту водою» поливали. Кроме того, под кровлей бань устанавливали дополнительные кадки с водой. Солдатам надлежало также следить за тем, чтобы мужчины не заглядывали в женскую баню, а женщины — в мужскую, а желающих искупаться в Фонтанке

727

отгоняли б от реки назад на двор. Растапливали бани «извошки», которые отбирали у посетителей по выходе из бань шайки, «дабы оные от летнего времени не могли рассыпаться», а в праздники и в ночные часы запирали и охраняли бани вместе с часовыми. За сломанные шайки с виновных взималась стоимость испорченной вещи.

Веники обычно приобретали в торговых рядах по воскресеньям. Те, что заготавливались впрок, обязательно покупались сухими, а не вялыми. Хранили их в сарае под кровлей. В зимние дни для тех, кто приходил париться после того, как стемнело, зажигали свечи в фонарях.

Париться в баню пропускали всех полковых служителей и членов их семей. Нижние чины, жены и дети старше семи лет, предпочитавшие мыться во дворе, платили по 1 копейке каждый. Со всех, пожелавших укрыться в сторожке, брали по 2 копейки. За шайку горячей воды выкладывали полушку. При этом сборщику денег рекомендовалось держать мелкой монеты ровно столько, сколько требовалось для размена 2 копеек²⁸.

Такова бытовая сторона жизни гвардейского полка. Что касается служебных обязанностей гвардейского офицера, то они заключались в несении караулов в императорских дворцах, на полковой гауптвахте, в госпитале, у пожарных инструментов, а также при подполковниках Ливене и Разумовском. Конногвардейцам приходилось еще патрулировать прилегающие к слободе улицы. Первый отряд двигался вверх по Неве до Александро-Невской лавры и обратно через Литейный двор. Второй шествовал навстречу первому, а третий ездил до Фонтанки и Гостиного Двора. В Летнем (или Зимнем) дворце караулы сменялись через каждые два дня. Они состояли из офицера, одного унтер-офицера, двух капралов, двух трубачей, тридцати рейтар на лошадях. Вместе с ними пешим строем шагали один капрал, полтора десятка рейтар и два извозчика. Кроме них во дворец отправлялась команда из четырех унтер-офицеров, четырех капралов, одного трубача и восьми человек

728

с роты во главе с офицером «для предосторожности от незапного пожарного времени и хождения». Офицер этой команды через двое суток возглавлял новый конный караул в императорском дворце. К А. Г. Разумовскому посылались один унтер-офицер, один капрал, двенадцать рейтар и один унтер-офицер в качестве ординарца. На недельный караул при подполковнике Ливене наряжались один капрал, один ефрейтор, шесть рейтар и один ординарец из унтер-офицеров. При полку офицеры дежурили тоже по неделе²⁹.

Не успел Филипп Алексеевич Каро привыкнуть к новому полковому распорядку, как 15 октября в Конной гвардии объявили довольно странный приказ: «Хотя вчерашнего числа по отданному приказу и наряжен был для предосторожности от незапного пожарного времени и хождения в дом Ея Император-скаго Величества господин порутчик Давыдов, но оной имеет ходить в караул на полковую гаубтвахту. Того ради, чрез нынешния двои сутки для той же предосторожности быть господину порутчику Кару»³⁰.

Кто позаботился о том, чтобы бедного Давыдова перевели на менее престижное место, а на новенького офицера сразу возложили столь почетные обязанности, неясно. Так или иначе, а кому-то захотелось снова увидеть вчерашнего камер-пажа в императорском дворце. В итоге на его долю выпало самое трудное дежурство — 17 октября, в день переезда императрицы из Летнего дворца в Зимний. И хотя Елизавета Петровна на протяжении почти всего месяца чувствовала себя не очень хорошо, она согласилась перенести церемонию всего на два дня — с 15 на 17 октября³¹. Великая княгиня в четверг 17-го писала Вильямсу: «Вчера, среди бела дня, случились три головокружения или обморока. Она боится и сама очень пугается, плачет, огорчается и, когда спрашивают у нея, отчего, она отвечает, что боится потерять зрение. Бывают моменты, когда она забывается и не узнает тех, которые окружают ее...»

Информация, сообщенная Екатериной, приободрила английского посланника.

Придворные были уверены, что конец дочери Петра Великого близок, а

потому политика российского Двора неминуемо претерпит великие перемены. Император Петр Федорович с супругой не станут вмешиваться в разгоревшуюся на континенте войну. А, возможно, напротив, поддержат амбиции Фридриха II. Утром 17 октября Степан Федорович Апраксин уведомил великую княгиню через верного человека, что третьего дня, то есть 15-го числа, братья Шуваловы пытались склонить фельдмаршала взять на себя роль посредника в деле примирения их с великокняжеской четой. Мало этого. Ситуация в верхах настолько запуталась, что главнокомандующий решился при живой императрице обращаться к Ее Высочеству с вопросом: отправляться ему к армии или нет? Естественно, Екатерина посоветовала фельдмаршалу не спешить. Об Иване Ивановиче Шувалове в те дни говорили, что больная государыня старается избегать долгих встреч с ним и явно отдает предпочтение обер-егер-мейстеру — своему мужу³². В общем, затянувшаяся болезнь императрицы затормозила военные приготовления и фактически сорвала намеченный на осень поход в Восточную Пруссию.

17 октября в восемь часов утра, согласно приказу полкового штаба от 16-го числа, поручики лейб-гвардии Конного полка Филипп Каро и Михаил Дубянский (сын духовника государыни Якова Федоровича Дубянского) прибыли на полковой двор, где по сигналу горниста собрались вверенные им команды конногвардейцев — по 35 конных нижних чинов и 21 пеших. Полковой адъютант и дежурный старший офицер провели полковой развод (осмотр собравшихся), после чего Филипп Каро повел своих людей в Летний дворец у Фонтанки, а Михаил Дубянский с другим отрядом направился к Невской прешпективе и далее к деревянному Зимнему дворцу у Мойки. В летней городской резиденции команда поручика Каро после доклада дежурному караульному капитану Коптеву приняла от караула секунд-ротмистра Абал-дугеа занимаемые им посты (солдаты поручика Дубянского сменили в Зимнем дворце часовых секунд-ротмистра Михаила Черкасского). Всадники встали

730

снаружи здания, пешие — внутри³³. Обязанности караульного офицера, невзирая на суматоху переезда, не претерпели изменений. Он по-прежнему надзирал за тем, чтобы подчиненные четко и правильно выполняли возложенные на них функции. Конным часовым, стоявшим у ворот и у крыльца близ проходных сеней, следовало пропускать во дворец лиц, идущих на службу, лейб-компаний и лейб-гвардии офицеров, а также дам в богатых нарядах и не препятствовать никому выходить из царских апартаментов на улицу. Пешие конногвардейцы, расположенные во дворце, в помещениях, примыкавших к внутренним покоям Ее Величества и Их Высочеств, позволяли пройти всем военным, кроме армии и гвардии нижних чинов, а также гражданским персонам 1—8-го классов, чужестранным министрам, придворным кавалерам и дамам. Зато они без колебаний скрещивали ружья перед «подлым народом... в шапках и неубранстве* и женщинами «без фижбренных юбок».

Как обычно, караульный офицер утром и вечером проверял посты, а ночью выслушивал от унтер-офицеров, обходивших с капралом часовых, рапорты о положении караульной команды. Обходы совершались в девять часов вечера, в час ночи и в пять часов утра. Прибавим к этому царивший во дворце в тот день переполох, подъезжающие к зданию и отъезжающие от него повозки и кареты, появившиеся днем команды от гвардии полков и лейб-кирасирского полка, которым поручили перенести полковые знамена, штандарты и литавры из Летнего в Зимний дворец. И мы поймем, какое чрезвычайное нервное напряжение пришлось пережить молодому офицеру в свое первое дежурство.

Лишь после того, как в десятом часу вечера караулы конной и пешей гвардии

проводили Ее Императорское Величество и Их Императорские Высочества из летней резиденции в зимнюю, поручик Ф. Каро смог облегченно вздохнуть и несколько расслабиться. Правда, в Летнем доме оставили на ночь Павла Петровича. Однако охрана двухлетнего малыша, наверное, уже не казалась поручику делом более хлопотным, чем обеспечение безопасности самой императрицы. С вечера о ней заботился Михаил Яковлевич Дубянский наряду с офицерами и рядовыми других полков гвардии. В двенадцатом часу утра 18-го числа в сторону Мойки увезли наконец и маленького наследника российского престола, так что вторые сутки дежурства Филиппа Алексеевича прошли относительно спокойно и без досадной нервозности. Утром 19 октября команда Ф. Каро сдала посты смене и вернулась в слободу на отдых³⁴.

Пока Филипп Каро готовился к первому дежурству в Зимнем дворце, в полку произошел инцидент, привычный для той эпохи. 25 октября в восьмом часу утра на двор корнета графа Апраксина притащился какой-то рейтар, совершенно пьяный, и ни с того ни с сего развалился прямо возле дома офицера. Его заметили. Попытались задержать. Да только пьяница попался приткий. Убежал от погони, потеряв при этом «государеву всedневную шляпу с позументом». По найденному головному убору нарушителя дисциплины и отыскивали. 28 октября из 4-й роты в полковую канцелярию отпрапортовали: при осмотре личного состава выяснилось, что у рейтара Елифана Медведева исчезла всedневная шляпа. Командование приговорило отдать находку рейтару, а затем подвергнуть его примерной каре в присутствии ротного, секунд-ротмистра Козодавлева и всей роты — «в страх другим нижним чинам... штрафовать фук-телями нещадно»³⁵.

Дни с 29 октября по 2 ноября Филипп Каро провел в Зимнем дворце. Первые двое суток в качестве командира пожарной команды от Конного полка, а после — во главе полкового караула. Затем вновь наступил перерыв, в течение которого в полку случилось еще одно событие, достойное примечания. 4 ноября среди конногвардейцев распределили четырех вороных меринов, купленных у подпоручика Преображенского полка Петра Ивановича Измайлова. Одна лошадь досталась 4-й роте (не Филиппу ли Алексеевичу?), еще одна — 9-й роте, а двух меринов отправили в 10-ю роту³⁶.

2—4 ноября в Зимнем доме дежурил Михаил Дубянский. Ему немного не повезло. Во время смены караула 2-го числа лошадь под рейтаром Андреем Ченцовым вдруг поднялась на дыбы и упала вместе с всадником. В результате клинок у палаша рядового сломался. По возвращении с дежурства поручику пришлось писать рапорт в полковую канцелярию и заниматься передачей сломанного клинка слесарю Рыбину на починку. Правда, такие казусы не были редкостью. 26 октября с подобной неприятностью столкнулся ротмистр Абалдуев. Лошадь под рейтаром Никитой Самоделовым свалилась наземь и повредила карабин, за ремонт которого тоже взялся слесарь Рыбин³⁷.

В третий раз Ф. Каро стоял на карауле в царской резиденции 16—18 ноября (накануне, естественно, поруководив два дня пожарной командой). На сей раз ему впервые довелось провести солдат ко дворцу по новому правилу, объявленному 11-го числа. Пройдя по Синему мосту, он с вверенным ему отрядом берегом Мойки направился к Зимнему дому и, остановившись недалеко от него, послал за знаменем. Когда знамя принесли, зашагал со всеми дальше, «мимо покоев Его Императорского Высочества Павла Петровича» во дворец³⁸.

По окончании третьего дежурства служба Филиппа Алексеевича Каро в лейб-гвардии Конном полку фактически закончилась, так как 20 ноября 1756 года пришел ответ

императрицы на поданное на ее имя прошение: «Ея Императорское Величество... соизволила указать господина порутчика Каро отпустить в цесарскую армию валентиром». 21 ноября полковой штаб распорядился принять от господина Каро в 4-ю роту казенный шарф и, считая его откомандированным «от той роты при цесарской армии», обязал офицера «для взятия пашпорта явится в Государственную Коллегию Иностранных Дел немедленно»³⁹.

Спустя три дня, 24 ноября, аналогичное разрешение получил и брат: «Ея Императорское Величество всемилостивейше повелеть соизволила генерала-вагенмейстера Василия Каро по ево желанию отпус-

733
тить к цесарской армии волунтером тем же чином з дваиным жалованьем. А для дачи к отправлению па-шпорта отослать ево в Иностранную коллегию»⁴⁰. Что ж, все препятствия были преодолены. И отныне уже ничто не мешало двум молодым офицерам присоединиться к другим российским добровольцам, пожелавшим несколько ранее поехать в Австрию, чтобы вместе с союзниками сдержать наступление прусской армии в Богемии,

Глава 24

Личность в истории

1756 октябрь

01. Была новая интермедия терцо. 17- Государыня изволила перейти в Зимний деревянный дом в вечеру. 30. Послал к брату письмо с мужиками костромскими.

Фельдмаршал подарил 23 десятирублевых, 4 пятирублевых, 4 двойных галанских червонных, да 49 одиноких, итого всего 352 руб, а червонных 176.

Поехал в четверг из СПб в 5 часов, приехал в Чирковицы в пятницу в 5 часов; назад поехал в ту же пятницу в 8 часов, приехал домой в 4 часа.

Сего октября 31 дня посылай был по имянному

Ея Величества приказанию к фельдмаршалу

С. Ф. Апраксину и возил мех соболей и парчу и нагнал в 82 верстах от Петербурга в Чирковицах.

Переезд из Летнего в Зимний дворец сильно утомил и без того измученную недомоганием императрицу. Она сразу улеглась в постель и, быстро заснув, проспала несколько дней, пробуждаясь лишь на короткое время. По-видимому, длительный сон в сочетании с искусством Павла Захарьевича Кондоиди пошел на пользу государыне. Недуг отступил. И уже 22 октября в праздник Казанской Богородицы за два часа до полуночи Ее Величество совершила паломничество в Александро-Невский монастырь, где отстояла молебен в благодарность за ниспосланное Всевышним выздоровление¹.

734

L

Когда Елизавета Петровна совсем поправилась, она наконец обратила внимание на запущенное состояние дел, особенно тех, что касались подготовки к предстоящей войне с Пруссией. Ситуация действительно сложилась малоприятная. Пока самодержица болела, верные соратнички сидели сложа руки в ожидании, как они считали, неминуемой трагической развязки. Поэтому Конференция, хотя и собиралась регулярно, вопросы по большей части рассматривала второстепенные. Главную проблему — прусскую — по возможности старались избегать. Понятно, почему. Ведь все делали с оглядкой на Малый Двор, который в эти два-три месяца слишком высоко

поднял голову и стал прямо-таки навязывать свою внешнеполитическую позицию правительству.

Было очевидно, что первую скрипку в великокняжеском дуэте играет не слабовольный наследник, а его честолобивая и решительная супруга. Впрочем, определить, чьи слова озвучивает неопытная молодая женщина, большого труда не представляло. За спиной великой княгини стоял английский посланник Чарльз Вилльямс. Это он не только сбил с толку плохо разбиравшуюся в европейской политике Екатерину, но и заставил заколебаться многих прожженных царедворцев, таких, как С. Ф. Апраксин. И даже братьев Шуваловых сумел смутить.

Англичанин наводнил Петербург брошюрой Фридриха II, в которой прусский король оправдывал развязанную им войну с Австрией «мрачными заговорами и темными замыслами», коими ряд русских сановников «погубили его в уме императрицы»². Вилльямс упрямо проталкивал идею посредничества и, нет сомнений в том, что не справься Елизавета с тяжелой болезнью, британец втянул бы Россию в эту авантюру, выгодную Пруссии.

25 и 26 октября великая княгиня Екатерина Алексеевна готовилась к важному разговору со Степаном Федоровичем Апраксиным. На протяжении всей второй половины октября между Ее Высочеством и Пет-

735

ром Ивановичем Шуваловым при посредничестве генерал-фельдмаршал а велись тайные переговоры. Всеобщая уверенность в скорой смерти императрицы побудила Шуваловых пойти на примирение с настроенной пропрусски партией великого князя. Прозондировать почву они попросили умевшего ладить со всеми Апраксина. Тот уведомил обо всем Екатерину, которая отнеслась к инициативе соперников благосклонно и, на радости, простила их, заверив парламентаря, что отныне Шуваловым не стоит ее опасаться.

Английский посол, узнав о неразумном благородстве принцессы, отчитал ученицу: «Все это очень хорошо устраивает дела Шуваловых и Апраксина, но не подымает Вашего кредита и не дает Вам того влияния, которое такое положение должно было бы Вам доставить... Я с сожалением вижу, что они пользуются Вашей протекцией только для самих себя, не думая Вам делать малейшаго удовольствия... Скажите Апраксину... что... доселе Вы для того, чтобы сделать удовольствие ему и канцлеру, обращались с Шуваловыми с добротой, но что Вы утомились, не видя никакой взаимности с их стороны, и... если они хотят иметь надежду на Ваши будущия милости... нужно, чтоб они заслужили их... следуя теперь велениям Вашей воли, и что без этого Вы изменитесь в поведении».

Екатерина учла замечание и отписала наставнику 19 октября: «...Если завтра я [с]могу переговорить с Апраксиным, я... как Вы желаете этого... потребую, что[б] за уверения, которыя он дал им, он бы извлек от них обещания препятствовать столь скорому приезде французскаго посла и чтоб он посоветовал им держаться покойнее, иначе я оставлю обещания без утверждения...» Фельдмаршал сообщил Петру Ивановичу о выдвинутом великой княгиней ультиматуме. Однако Шуваловы почему-то замешкались с ответом. Возникла тягостная пауза, изрядно потрепавшая нервы Вилльямсу: а вдруг все сорвется!

23 октября братья наконец известили о согласии исполнить любую просьбу Ее Высочества. Принцес-

736

са немедленно взяла в руки перо: «...Апраксин раз-считался со мною... уверяя, что Петр Шувалов сделает все, что бы я не пожелал[а], коль скоро он узнает это». А затем, оправдываясь за допущенную перед этим оплошность, вставила в письмо такой

пассаж: «...Апраксин уверил их своим словом, что им не сделают вреда. Я не мог[ла] бы нарушить это. Но я прибавляю одно условие, а именно, если Петр Шувалов не вступит в мои виды, все обещания будут уничтожены...»*

Прочитав записку, Вилльямс понял: приближается кульминационный момент. От того, что и как скажет великая княгиня на встрече с фельдмаршалом, зависит, присоединятся или нет Шуваловы к сторонникам посредничества, а значит, вступит Россия в войну или сохранит нейтралитет. Поэтому всецело полагаться на сообразительность юной дамы посол не рискнул. 24 октября в очередном послании он тщательно проинструктировал августейшую союзницу о том, какие доводы способны наверняка убедить влиятельных оппонентов поступить в угоду про-прусской партии: «...Скажите ему [Апраксину] доверительно, что Великий князь очень озабочен набором и командованием... тридцати тысяч человек, и что Вы замечаете ясно, что его ненависть и зависть к Шуваловым увеличилась с недавнего времени, что великий князь также убежден в том, что это они двигают вперед переговоры с Францией, и что он этими двумя вещами так разгневан, что Вы более не в состоянии разубедить его. Но если Апраксин мог бы Вам дать уверения от имени Шуваловых в том, что они испортят и разрушат настоящие меры между Рос-сиею и Францией, то Вам бы казалось возможным разубедить Великого князя и быть в состоянии дать уверения Шуваловым чрез него в Вашей протекции. Но что без некоторых подобных шагов с их стороны в Вашу пользу Вы откажетесь от своего слова и не захотите более слышать о них, что Вам надоели пустые слова, и что вы хотели фактов, и что это Вам стало безусловно необходимым, так как Великий князь был убежден в том, что друзья Франции были врагами

24 К. Писаренко

737

России, и что Вы никогда не могли бы выбить эту идею из его головы...»⁴

Екатерина, чувствуя, какое сложное и ответственное дело поручено ей, очень волновалась в преддверии исторического свидания. Она постаралась выучить наизусть наставления английского друга, чтобы в решающий момент чего-нибудь не упустить. Вечером 27 октября 1756 года в Зимнем дворце на куртаге принцесса подошла к Степану Федоровичу и завела разговор о «вещах безразличных». Фельдмаршал поддержал беседу, которая какое-то время вертелась вокруг разного рода пустяков. Ее Высочество никак не могла собраться с духом и приступить к главному. Так продолжалось до тех пор, пока Апраксин первым не упомянул о Шуваловых, порекомендовав собеседнице обходиться с братьями полюбезнее, ибо теперь их бояться нечего.

Тогда-то великая княгиня и произнесла сочиненный заранее текст: «После уверений, данных Вами, я думаю, что они могут быть довольны. Но я предупреждаю Вас о том, что Великий князь так разгневан тридцатью тысячами человек, их французскими интригами, что я никогда не буду в состоянии повлиять на его ум в их пользу, если они не сдвинут этого камня с угла. Вы мне сказали и повторяли, что Петр Шувалов сделает все, чего бы я ни хотел [а]. Вы можете ему передать, что, если он не порвет всех французских связей, я ничего не смогу для него [сделать] у Великого князя, что он этого ему не простит. Вы сами знаете, как он всегда ненавидел французов».

Апраксин, помолчав немного, возразил: «Они знают, что относят это на их счет. Но они слишком завязли. А я уезжаю через два дня».

Кажется, старик хотел уклониться от передачи ультиматума и сорвать переговоры.

Екатерина принялась лихорадочно искать аргументы, способные удержать фельдмаршала: «Вы имеете еще один день, чтоб[ы] переговорить с ними... [К тому же] если канцлер искренно против французов, это должно [Шувалову] понравиться. Это средство, которое я даю ему в руки...о

Главнокомандующий, подумав, ответил: «Иван Чернышев уезжает в Дрезден. И я имею сведения, что он имеет поручение от Шуваловых устроить, я не знаю что, у прусского короля. И, следовательно, [они] будут менее нуждаться во французах». Принцесса, полагая, что переговоры спасены, спросила так, любопытства ради: «Секрет ли это для канцлера или [Вы] узнали это от канцлера?» «Нет, это скрывается от [него]!» — признался Апраксин. Тогда великая княгиня, уже успокоившись, игриво заметила: «Ну, пустяки! Они не столь ловки! — и завершая беседу, напомнила посреднику о своей просьбе: — Но я хочу, чтобы Вы передали им о моих чувствах». Степан Федорович обещал уведомить Шуваловых обо всем⁵. Сложно сказать, чем бы закончилась затеянная Шуваловыми и подхваченная Вильямсом интрига, если бы что-то не помешало ее развитию. Этим что-то, похоже, стала гневная отповедь императрицы братьям, увлекшимся закулисными консультациями. Иначе трудно объяснить то, что произошло в последующие семь дней.

28 октября утром британский посол нанес визит в Зимний дворец. Встретив там Анну Карловну Воронцову, предупредил графиню, что вечером он намерен посетить вице-канцлера, которого из-за продолжительной болезни уже давно не видели при Дворе. В пятом часу пополудни Вильямс велел запрягать карету. Но тут ему сообщили, что Елизавета Петровна, совершая прогулку по городу, неожиданно пожелала навестить прикованного к постели Воронцова и отправилась в особняк на Садовой улице.

Посланник, несколько помедлив, все же решился ехать к Михаилу Ларионовичу. Карета дипломата тронулась от дворца Кантемиров на Верхней набережной и спустя четверть часа остановилась возле ворот воронцовского дома.

Здесь англичанин обнаружил стоявшие на улице экипажи царицы и сопровождавших ее вельмож.

7*39

Опасаясь столкнуться во дворце с неслишком любезным приемом, Вильямс приказал кучеру возвращаться обратно. Однако не успели лошади и полсотни шагов пробежать, как карету нагнал посыльный, который передал послу приглашение императрицы составить ей компанию за ужином у хлебосольного хозяина. Делать нечего, Вильямс повиновался.

Во дворце он отказывался верить своим глазам. Елизавета, прежде осыпавшая его столькими упреками, с неподдельным радушием встретила вчерашнего противника. Посадила рядом с собой и более часа беседовала с ним о разных предметах и даже — что уж совсем невероятно — о проблеме российского посредничества. Потом был ужин. Британского гостя и тут не обошли вниманием. А после трапезы им заинтересовался Иван Иванович Шувалов. Между дипломатом и министром состоялся примечательный диалог.

Вильямс обрисовал камергеру все выгоды от совместного посредничества России и Англии при улаживании австро-прусских противоречий. И напомнил, что это единственный способ не допустить широкомасштабной войны в Европе. Странно, но Шувалов не отверг план с порога, а спросил вдруг: «Предложили ли вы его министерству? — и, улыбнувшись, добавил: — [Ведь] вы знаете, что я не министр». Англичанин, недоверчиво посмотрев на молодого графа, не стал спешить с ответом, а задал свой вопрос: «Одобряете ли вы предложение и желаете ли вы мира?»

Иван Иванович ответил утвердительно. Воодушевленный поддержкой второго лица в государстве, Вильямс воскликнул: «Я предложу это завтра. Помогите моим стараниям. Умоляю вас!»

Шувалов успокоил посла, заверив, что сделает все возможное. Помимо бесед с

императрицей и камергером, наперсник Екатерины переговорил накоротке с болевшим вице-канцлером и кое с кем еще, шепнувшем дипломату на ухо, что тот зря сотрудничает с канцлером, ибо Бестужев — враг англо-русского союза, и вскоре он сам убедится в этом. В общем, Вилль-

740

ямс покинул дворец на Садовой улице в приподнятом настроении. Случилось чудо! Государыня, Шуваловы, Воронцов внезапно сменили внешнеполитические ориентиры. Они не прочь вместе с Англией взять на себя роль посредника. Неужели он, Вилльямс, сумел выполнить возложенную на него нелегкую миссию?!⁶

Если на Садовой улице английскому послу курили фимиам, то на набережной Мойки, чуть ранее, творилось нечто обратное. Здесь в Зимнем дворце, в апартаментах великой княгини, приехавшие с прощальным визитом Апраксины жаловались хозяйке на судьбу-злодейку, преподнесшую им накануне отъезда в Ригу пренеприятнейший сюрприз — немилость императрицы и нарекания Шуваловых.

Аграфена Леонтьевна, пока супруг отлучался с великокняжеской половины на частную аудиенцию к императрице, сквозь слезы сообщила, что мужу на дорогу выдали всего 6 тысяч рублей, а месячное жалованье определили в 700 рублей. Однако куда большее огорчение обоим доставили упреки Мавры Егоровны и Ивана Ивановича Шуваловых, высказанные тем же днем. Они отчитали фельдмаршала с женой за то, что те, «будучи в лучших отношениях с [великой княгиней]^ не оказывали услуг» Петру Ивановичу, хотя всегда имели достаточно поводов, чтобы замолвить слово перед Екатериной в его пользу. Но нарочно не делали этого «по нежеланию». Госпожа Апраксина припомнила о прошлых обидах, когда муж доложил государыне о скверном пополнении вверенной ему армии офицерами и кавалерией. Царица тогда отругала Петра Шувалова, после чего тот более недели не подпускал главнокомандующего к императрице.

Сам Степан Федорович появился в комнате Ее Высочества через час и ни словом не обмолвился о приеме у государыни (по-видимому, прохладном). Зато донес о встрече с канцлером, который, узнав об ультиматуме Екатерины Шуваловым, предупредил визи-

741

тера о бессмысленности подобного шага ввиду того, что Дуклас и он, Бестужев, уже обменялись полномочиями, необходимыми «для приступления к Версальскому договору». Посему давить на Шуваловых бесполезно⁷.

Привезенные Апраксиными новости означали только одно: план Вилльямса при помощи Шуваловых подключить Россию к посредничеству окончательно рухнул. То ли братья преднамеренно морочили голову послу, а заодно и Екатерине, то ли они поспешно ретировались, получив взбучку от Елизаветы. Вероятнее всего, произошло второе. Сомнительно, чтобы С. Ф. Апраксин позволил себя так легко провести. Да и болезнь императрицы не стоит сбрасывать со счетов. Безусловно, из-за нее Шуваловы принялись искать контакт с Малым Двором. И было бы неразумно разрывать с таким трудом налаженную связь даже после полного выздоровления царицы. На всякий пожарный случай ее следовало сохранить на приемлемом для двух сторон уровне. Похоже, что тирады, которые выслушал фельдмаршал, — инициатива явно не шуваловская. Ведь они прекрасно знали, с каким усердием Его Высокопревосходительство трудился на ниве примирения. Определенно, кто-то вынудил влиятельное семейство бросить в лицо миротворцу несправедливые обвинения. Но кто мог приказывать Шуваловым, кроме императрицы? А коль за их спиной стояла Елизавета Петровна, то, судя по всему, события 28 октября — это блестяще реализованная Ее Величеством двухходовая комбинация по нейтрализации Вилльямса.

Первый акт исполнили Мавра Егоровна и Иван Иванович Шуваловы. Камергер без лишних церемоний намекнул главнокомандующему, что в его посредничестве правящая партия более не нуждается. Статс-дама поддержала родственника с другой стороны, поступив аналогичным образом с госпожой Апраксиной. Шуваловы попали в точку. Если Степан Федорович не торопился афишировать выдвинутые ему претензии, то Аграфена Леонтьевна не утерпела и с плачем поведала о пережитом унижении Екатерине

742

Алексеевне. Та, естественно, сутки спустя отправила соответствующий «рапорт» в английское посольство. В итоге сигнал Шуваловых — мы совсем выходим из игры — заинтересованное лицо получило.

Впрочем, Вилльямс не очень-то расстроился и в оставшееся до отъезда Апраксина время не предпринял никаких контрмер. Он был обезоружен. Обезоружен императрицей, которая превосходно справилась с собственной ролью. Очевидно, супруга вице-канцлера днем 28 октября предупредила Елизавету о намеченном на вечер визите к Воронцову англичанина, после чего государыня и подстроила оппоненту ловушку (хотя, по мнению самого дипломата, неурочная аудиенция — заслуга Романа Ларионовича Воронцова).

В пятом часу пополудни императрица со свитой выехала прогуляться по Петербургу, а чуть позже, якобы случайно, заглянула на огонек к хворавшему Михаилу Ларионовичу. Когда к дому подкатила карета посла, план по одурачиванию соперника начал воплощаться в жизнь. Елизавета Петровна очаровала и пленила гостя Воронцовых, а главное, внушила дипломату, что Россия в принципе готова пересмотреть негативное отношение к предложениям Лондона и согласиться с ними. Вилльямс возликовал. Наконец-то! Эх, если бы имелся хороший повод для официального обращения к русскому правительству, он, не мешкая, 29-го числа помчался бы к Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину. Но, как назло, подходящий предлог отсутствовал. Так что посланник решил обождать день-другой⁸.

29—31 октября 1756 года столица отдыхала от политических интриг. Шуваловы успокоились. Вилльямс уgomонился. Воронцов болел. А угодивший по доброте душевной в опалу Апраксин упаковал багаж и в среду, в девять утра покинул город⁹. Фельдмаршал, шокированный неблагодарностью Шуваловых и суровостью императрицы 28-го числа, во время дорожных раздумий, скорее всего, корил себя за нера-

743

зумную попытку сблизить противоборствующие при Дворе партии, от которой сам и пострадал. Вряд ли путешественник догадывался, что Ее Величество повелела любимому камергеру одернуть главнокомандующего вовсе не за его миролюбие. Просто Апраксин, не подозревая о том, ввязался в хитроумную дипломатическую дуэль прусского и русского монархов. И невольно подыграл сторонникам Фридриха, за что и поплатился.

Однако Елизавета Петровна подвергать Степана Федоровича настоящим гонениям не собиралась. А после отъезда будущего полководца к армии нужда в обструкции вообще отпала. Поэтому 31 октября государыня пожелала приободрить расстроенного военачальника, послав вдогонку украшенную богатой парчой соболью шубу. И сразу возник вопрос: с кем? Царица хотела, чтобы Апраксин правильно понял ее жест: она по-прежнему всецело доверяет фельдмаршалу, а то, что произошло накануне, — досадное недоразумение. При этом посвящать посыльного в суть дела самодержица не планировала. Но если шубу привезет обыкновенный офицер гвардии или кабинет-курьер, вельможе трудно будет точно определить, кто стоит за подарком —

императрица или Шуваловы, у которых совесть заговорила, — и имеет ли презент тайное значение или это — пустая формальность, дань вежливости.

И туг Елизавета вспомнила о Бутаковых. А ведь верно! Всем придворным дамам и кавалерам, тесно связанным с ней, в том числе и Апраксину, хорошо известно, что Петру, Алексею и Прасковье государыня, как родная мать: опекает, заботится о них и всегда к ним благосклонна. Правда, Петра сейчас нет в Петербурге: он занимается какой-то тяжбой в Костроме. Да, к счастью, младший брат на месте. Кстати, фельдмаршал и Алексей неплохо ладят друг с другом. Часто видятся. Старик нередко одаривает пажа разными безделушками, а иногда и деньгами. Следовательно, Алексей Григорьевич Бутаков — наилучший кандидат в курьеры. Когда юноша предстанет пред светлы очи Степана Федоровича, тот быстро уразумет, что к чему.

744

31 октября после полудня Алексея Бутакова вызвали к Ивану Ивановичу Шувалову. Камергер объявил ему волю императрицы. Паж удивился поручению (подобные миссии вроде бы — не пажеская обязанность), но лишних вопросов задавать не стал. Служба есть служба. Принял в казенной шубу, отделанную красивой парчой, запасся подорожной, сел в возок и отправился в путь. Уже пробило пять часов пополудни. На улице стемнело. Где повезет настигнуть фельдмаршала, неведомо. Самое время вздремнуть или поразмышлять над нелегкой и хлопотной работой государева курьера. Жизнь нарочного полна впечатлений. Преодолевая сотни верст, встречаясь с огромным количеством людей, привозя со всех концов света купленные для Двора диковинные вещи, присутствуя при важных или ничем не примечательных событиях, курьер Ее Императорского Величества за долгие годы безумных скачек и бесконечного общения приобретал такой солидный опыт и знания, что его трудно было поразить чем-нибудь. Хотя случались разные, иногда просто-таки дурацкие ситуации.

Так, 3 ноября 1759 года кабинет-курьеру Никите Болотову поручили обычное задание: съездить в Кронштадт и забрать с корабля румяна, заказанные купцом Штегельманом для императрицы. Днем 4 ноября офицер прибыл на остров и, отыскав главного командира Кронштадтского порта, вице-адмирала фон Кейзера, подал ему именной указ Елизаветы Петровны. Прочитав документ, адмирал послал курьера к почтмейстеру Де Фризу, который знал, куда пришвартовался нужный корабль. А для пущей убедительности вернул Болотову указ.

С Фризом проблем не возникло. Чиновник объяснил посыльному, как пройти к зданию таможни, и откомандировал с ним в помощь приказчика. Вроде бы все в порядке. Румяна найдены. Через какие-нибудь четверть часа директор учреждения сходит на охраняемый корабль или пошлет кого заместо себя, возьмет товар, выдаст все под расписку и можно бу-

745

дет собираться в обратную дорогу. Не тут-то было. Навестивший директора таможни Ивана Демидова капрал Григорий Соколов отрапортовал, что тот болен и никого не принимает.

Тогда Болотов отправил в дом Демидова таможенного служителя и приказчика Де Фриза. Они слышали иной ответ: хозяин «уехал в Петергоф». Кабинет-курьер заподозрил директора в нежелании «скоро исполнить* свой долг, и сам с приказчиком и гренадером Кейзера Алексеем Абакшиным нанес визит странному руководителю. В дом к нему проникли с трудом. Слуга, удерживая дверь, препятствовал проходу. Пришлось применить силу. Когда гости ввалились в сени, то увидели, как Демидов убегает из сеней в соседний покой «в тулупе и в туфлях».

Болотов объявил, зачем пришел. Но директор, словно глухой, произнес, что лишь

сейчас из Петергофа возвратился, хотя, судя по всему, никуда не отлучался со двора. Напрасно нарочный требовал от Демидова подчиниться, предлагал лично ознакомиться с указом Ее Величества, взывал к субординации и совести. Тот категорически воспротивился что-либо делать. Даже прочесть повеление не захотел, сославшись на то, что оно не ему адресовано, а Кейзеру. Мало того, «с превеликим озартом» бранил курьера. Мол, отчего посыльный «так нахално пришел...» к нему в дом и разговаривает без уважения к его майорскому рангу. И в конце концов велел Болотову «с честью вон итти». Курьер, видя, что упряма ничем не прошибешь, махнул на все рукой и отплыл в Петербург, где доложил начальству о поездке и о непонятном поведении господина Демидова, сорвавшем выполнение поручения¹⁰.

Императрица, естественно, распорядилась разобраться, что послужило причиной столь необычного поступка. Когда стало ясно, что никакого разумного обоснования у демарша Демидова нет, Елизавета вынесла приговор: уволить и «впредь таких дураков» там не держать. Государыня многое могла понять и простить, однако терпеть глупцов, да еще на столь важных должностях, не имела привычки".

746

Впрочем, с подобными приключениями курьеры сталкивались не часто. Обычно рабочий день протекал так же мирно и обыденно, как смена Василия Гурьева 27 ноября 1745 года. Утром кабинет-курьеру вручили два запечатанных конверта с указами Ее Императорского Величества, которые предписывалось отвезти в Сенат и шефу лейб-гвардии Преображенского полка Александру Ивановичу Румянцеву. Офицер вместе с дневальным ямщиком сначала навестил сенаторов и, оставив пакет дежурному секретарю Но-воторжцеву, принялся искать генерал-аншефа. От Румянцева Гурьев поспешил к Зимнему дворцу, откуда после обеда отправился с новым заданием к обер-секретарю Военной коллегии. Так как в здании Двенадцати коллегий во второй половине дня никто не заседал, то записку он отдал одному из чиновников военного ведомства прямо на дому, а затем вернулся назад, чтобы донести обо всем Черкасову. Однако барона в Кабинете не обнаружил. Товарищи подсказали, что тайный советник поехал к Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину. Кабинет-курьер велел ямщику догонять сановника. Через четверть часа в резиденции канцлера ему сообщили, что Иван Антонович уже покинул дворец, и где его можно найти, неизвестно. Гурьев решил заглянуть на набережную Мойки, в особняк барона, а по пути заскочил в оперный дом на углу Невского и Рождественской. В театре с шести часов пополудни давали оперу «Сципион». В ложах и в партере сидели Елизавета Петровна, великий князь с супругой, голштинский принц Август, дипломаты, статс-дамы, фрейлины, министры. Черкасова же не было. Секретарь императрицы действительно предпочел скоротать вечер у себя дома. Правда, подчиненный слишком поздно явился к нему, ибо узнал от слуги, что хозяин, утомившись за день, «опочивать лег». Пришлось дежурному курьеру отложить доклад до утра¹.

Посыльные Черкасова хорошо ориентировались в столице и неплохо изучили дороги провинции. Им частенько выпадали поездки на Урал, в Оренбург, к виноградникам и фруктовым садам Астрахани, в Москву или на рижскую границу. Когда в марте 1752

747

года в Ригу из Кенигсберга доставили два ящика с товарами, купленными Штигельманом на имя императрицы, принял их от доверенного лица гоффактора кабинет-курьер Семен Аничков (переведен из сержантов Астраханского пехотного полка 1 мая 1746 года). Кстати, с этим офицером, часто носившим казенные деньги из Кабинета в Комнату Ее Императорского Величества, случилась осенью того же года весьма любопытная история⁴

14 октября 1752 года Иван Антонович Черкасов задержался в покоях государыни допоздна. Вышел он от нее около половины двенадцатого пополудни. Елизавета

Петровна как раз садилась за стол ужинать. В дверях соседней комнаты барона ожидал Семен Никитич Аничков. Сановник хотел уже направиться на улицу, чтобы поехать домой, как его вдруг остановил дежурный кабинет-курьер. Аничков отрапортовал, что им по приказу камер-юнкеры Елизаветы Ивановны взяты у казначея и отданы ей «для взнесения» в Комнату Ее Величества 300 рублей. Уставший Черкасов отчет офицера воспринял спокойно. Госпожа Францен иногда по несколько раз в месяц обременяла подобными заданиями служителей Кабинета, в том числе и Аничкова. Поэтому уточнять и проверять слова молодого человека тайный советник поленился. Он лишь одобрительно кивнул головой и поспешил к стоявшей у крыльца карете.

Семен вышел во двор вслед за начальником. Тот, не мешкая, в экипаже покинул царскую резиденцию, а младший чиновник напрямик зашагал в родное учреждение, располагавшееся поблизости. В комнате, где хранились деньги, он застал сержанта Гажевско-го, каптенармуса Марина, капрала Свинцова, копииста Слуцкого и канцеляриста Ушакова. К Андриану Ушакову, исполнявшему обязанности расходчика, Аничков и обратился с просьбой отсчитать немедленно триста рублевиков «для взносу в комнату Ея Императорского Величества*». Вопрос, кто распорядился об этом, сослуживца не смутил: Елизавета Ивановна, разумеется. Клерк, ничего не заподозрив, вручил обманщику холщовый мешочек с монетами.

748

Выйдя на улицу, Аничков на всякий случай прошел немного в сторону Летнего дворца. Потом внезапно развернулся и крикнул дневальному ямщику Василию Гордееву, чтобы седлал лошадей. Мужик повеление исполнил. Офицер торопливо обернул мешочек епанчой, привязав все «в торока оному ямщику», уселся на коня и вместе с провожатым поскакал к Невской прешпективе. С момента отъезда господина Черкасова минуло всего четверть часа.

Остановку всадники сделали на набережной Мойки, рядом с особняком Ивана Антоновича. Ямщик пристроился во дворе снаружи, курьера сторож впустил внутрь дома. Отужинав, Семен Никитич опять воссоединился с Гордеевым, после чего устремился обратно к Невской прешпективе. Недалеко от Садовой улицы сверток «из торока» ямщика «выполз». Хорошо, что офицер заметил это. Недолго думая, он снял с мешочка епанчу и положил ценную ношу на седло своей лошади. Так и добрались оба до квартиры Аничкова, откуда мужик повел казенных лошадей в Московскую Ямскую слободу. А непойманный вор, спрятав деньги в картуз, «пошел в светлицу». В горнице Аничков поставил картуз на стол и позвал дворового Кирилла, который помог барину раздеться. Родной брат Петр Аничков (мичман русского флота) и двоюродный — Федор Трофимович Скобельцын, вернувшийся накануне из отпуска ассессор юстиц-коллегии, уже давно спали. Подготовив ко сну хозяина, слуга удалился из комнаты. Семен же, перед тем как лечь в постель, засунул украденные рублевики с упаковкой в ящик стола.

Утром 15 октября, в отсутствие братьев, кабинет-курьер пересыпал монеты из кабинетного мешочка в два собственных, кинул и первый, и второй в сундук с серебряной посудой. Затем накрыл вещи сверху епанчой на лисьем меху, запер сундук на ключ и отправился на службу. Плут надеялся, что имя влиятельной камер-юнкеры оградит его от лишних расспросов и разоблачения. Однако в четверг, не позднее обеда, Черкасов при встрече поинтересовался у любимицы императрицы о полученных вчера рублях.

749

Дама весьма удивилась и заявила, что «по денги не посылавала и денег не принимавала». Так Аничков влип. Арест последовал незамедлительно. В дом офицера нагрянули кабинет-курьер Гаврила Побединский и канцелярист Андриан Ушаков.

При свидетельстве братьев преступника — мичманов Ивана и Петра Аничковых (отсутствовал третий брат — сер-жант-преображенец Николай) да Федора Скобелыца они учинили обыск и изъяли взятые обманом из казны деньги. 18 октября Семен Никитич признал свою вину.

Характерна реакция царицы на проступок подданного. Вора не разжаловали в солдаты, не сослали в дальний провинциальный гарнизон. Аничкова просто посадили под караул. Там в одиночестве и в безделии, имея право иногда отлучиться под конвоем в баню или на свидание с родственниками, арестант протомился два года и 2 октября 1754 года амнистированный Ее Величеством вернулся к исполнению обязанностей кабинет-курьера. В армию капитаном Семена Аничкова перевели лишь 23 декабря 1758 года.

Избранное императрицей наказание не было исключительным. Подобным образом Елизавета Петровна старалась карать любого из тех, кто проштрафился впервые и не шел по политической статье. Чин и титул существенной роли не играли. И лейб-компанец, и гвардеец, и придворный, и сотрудник коллегии или канцелярии, и студент Академии, и курьер равно искупали малый грех тюремным заключением на определенный самодержицей срок. И только если данная мера не давала положительного эффекта, ослушник подвергался более суровому испытанию¹⁴.

Юный паж нагнал Степана Федоровича Апраксина в пять часов утра 1 ноября в восьмидесяти двух верстах от столицы в местечке Чирковицы на середине пути между Кипенью и Ямбургом (ныне Кингисепп). Старик-фельдмаршал очень обрадовался подарку и даже прослезился. Причем взволновала

750

главнокомандующего больше не шуба, а личность самого курьера. То, что императрица поручила это ординарное задание именно Бутакову, означало единственное: опала почтенному вельможе не грозит; немилость, выказанная 28 октября, — мнимая.

В восемь часов утра Алексей Бутаков поехал назад в Петербург. В кармане у него лежал пакет Апраксина с письмом для Ивана Ивановича Шувалова, содержание которого не оставляло сомнений в том, что Апраксин сумел разгадать истинную цель миссии юного придворного:

«Милостивый государь Иван Иванович!

Сейчас, посланный паж, господин Будаков, ко мне приехал, с которым я всемилоштивейше от Ея Императорскаго Величества пожалованную мне шубу с моим всерабшвенным обрадованием получил, за которую особливую высочайшую Ея Императорскаго Величества милость раболопнейше пад пред стопами Ея Величества, всенижайшее благодарение приношу, подвергая себя и впредь Ея Императорскаго Величества высочайшей милости. При сем же и Вашему Превосходительству моего всепокорнаго благодарения изъяснить не могу, но истинно приемлю и почитаю за знак особливой отменной вашей милости и неоцененной мне дружбы и, без сомнения обнадеясь, что и всегда оставлен не буду. С днем же рождения Вашего Превосходительства сердечно поздравляю и буду иметь честь, приехав сего же дня в Нарву, за Ваше здоровье рюмку вина пить. Впрочем предаю себя во всегдашнюю Вашу милость и дружбу, семь и пребуду, и пр. Степан Апраксин. 1 ноября 1756 году. Чирковец...»¹⁵

1 ноября около четырех часов пополудни Алексей Бутаков вернулся в Петербург и передал И. И. Шувалову конверт с бумагами Апраксина. Камергер отпустил пажа отдыхать, затем бегло проглядел основной текст письма и внимательнее прочитал собственноручный постскрипtum фельдмаршала: «При сем посылаю оригинальный репорт от генерала Лопухина,

751

который вчера чрез эстафету получил, что нарочно посланный офицер через всю Пруссию проехал до Данцига, будучи в службе лакеем у одной женщины, и что он объявил, то ни мало не сходно с разглашениями, что прежде были о нападении в Курляндию. А также офицеров и еще двух отправить от меня велено. И ежели смею просить сей приложенный репорт прочесть Ея Императорскому Величеству и после ко мне чрез почту возвратить»¹⁶.

Бутаков поспел с этой запиской весьма кстати. Вот уже более недели, как императрица и ее министры, обеспокоенные слухами с границы о плане Фридриха II совершить вторжение в пределы Курляндии, пытались проверить их достоверность. М. Л. Воронцов 26 октября сообщал Ф. Д. Бехтееву в Париж: «По известиям с границы прусской король будто намерен с войском вступить в Курляндию, где мы уже десять полков имеем. И так может последовать вскоре между армиями первое сражение.

Всемогущий Бог да благословит наше оружие победами...»¹⁷

30 октября в столицу приехал голландский резидент Шварц, Он подтвердил правдивость пришедших с границы вестей и тем усилил тревогу в правительственных кругах. Но, судя по донесению Апраксина, новость «о впадении» пруссаков в Курляндию — настоящая дезинформация, которая, по-видимому, придумана с единственной целью — так или иначе вынудить императрицу поддержать английскую инициативу о посредничестве. А посему Ивану Ивановичу не следовало затягивать с представлением столь важного письма государыне. Так что наверняка Елизавета до истечения дня ознакомилась с ним. И как раз вовремя, ибо в семь часов вечера 1 ноября 1756 года английский посол ринулся в настоящую психическую атаку на руководство Коллегии иностранных дел.

Вильямс, как и предполагал, навестил 30 октября канцлера, чтобы сделать официальное приглашение к посредничеству. Но, похоже, Бестужев воспринял 752

навязчивую идею англичанина без должного энтузиазма. И тогда посланник, воспользовавшись тревожными настроениями при Дворе, вызванными рассказами господина Шварца об увиденных им по дороге в Россию прусских приготовлениях, решил блефовать. В пятницу, когда в столице совсем стемнело, он приказал слугам закладывать карету. Путь от особняка Кантемиров на Миллионной улице до дворца Воронцовых на Садовой был недолог.

Около семи пополудни Вильямс уже беседовал тет-а-тет с вице-канцлером в кабинете последнего. Англичанин сразу же взял быка за рога. Им только что получены точные сведения о том, что прусский король, «опасаясь сильной с российской стороны диверсии, при том отчаянном состоянии своем, намерен произвести в действо весьма отважное пред-риятие — на области Ея Императорского Величества нападение учинить». Короче говоря, пятидесятитысячная армия Фридриха II движется из центральных провинций к Кенигсбергу. Русские войска, как известно, «не в состоянии выступить» и дать решительный отпор пруссакам. Поэтому, пока не поздно, россиянам ничего не остается, как присоединиться к инициативе короля Георга II, чтобы «Ея Императорское Величество со стороны римской императрицы, а Его Великобританское Величество со стороны прусского короля» общими усилиями уговорили две воюющие державы прекратить кровопролитие.

Михаил Ларионович поинтересовался у собеседника, кто уведомил его о начале прусского похода. Вильямс сослался на резидента Шварца. Воронцов недоуменно пожал плечами. Странно, вчера Шварц делился с ним своими впечатлениями о поездке по Пруссии. Упомянул голландец о намерении прусского монарха атаковать Курляндию. Однако о действительном марше пруссаков к русской границе речь не вел. Впрочем, возможно, он не захотел быть абсолютно откровенным с вице-

канцлером.

Почувствовав, что Воронцов заколебался, британский посол принялся взывать к патриотизму вице-канцлера: как верный россиянин тот обязан до-

753

жить правду Ее Величеству и «из любви к родине и к императрице ничего не скрывать от нея». Товарищ Бестужева стал бы «чудовищем неблагодарности своей государыне, если он не представил бы ей опасности, в которой находится ее империя и до которой она была доведена гнусными людьми». «Его совесть, его долг и его честь» должны побудить к тому. А ежели Воронцов промолчит, то Вильямс провозгласит графа «перед всем светом... человеком, который предавал совместно с другими свою родину и свою высочайшую государыню».

Кажется, англичанин добился, чего хотел. Михаил Ларионович, растерявшись, произнес: «Я уведомя великого канцлера о нашей беседе. Но на всякий случай я скажу все императрице. И я поддерживаю посредничество!» Единственное, что смущало вице-канцлера, — полномочия англичанина. Наделен ли дипломат ими от прусского короля «для предъявления сей порученной ему комиссии»? Вильямс успокоил министра: хотя оной и не имею, но могу вскоре получить, как только увижу «склонность и желание здешняго Двора к начатию толь нужного и полезного дела». На том и простились.

Довольный успехом у Воронцова, английский посол, сев в карету, велел кучеру мчаться к Исаакиевской церкви, к дому Бестужева на Береговой набережной. Уже поздним вечером состоялась встреча Вильямса с канцлером. Нежданный гость обрисовал хозяину дворца обстановку в целом: напугал прусским наступлением, заинтриговал переговорами с Воронцовым, не забыв упомянуть о новой позиции вице-канцлера, и, естественно, спросил у Бестужева, что он думает в свете всего изложенного о проблеме посредничества. Алексей Петрович, явно сбитый с толку, воскликнул: «Я сам предложу его императрице!» Именно это Вильямс и хотел от него услышать¹⁸.

Безмерно счастливый англичанин вернулся домой и сразу же взялся за перо.

Посланнику не терпелось похвастаться достигнутым перед великой княгиней Екатериной Алексеевной: «...Я был на конференции все время пополудни. Знайте, что прусский король...

754

двинул 50 000 человек до Кенигсберга. Они в настоящее время там и угрожают нападением на вашу империю... Я задрожал, когда узнал все это... Я полетел к вице-канцлеру. Я нарисовал ему картину ваших дел в самых правдивых красках.. Я очень доволен вице-канцлером. Он показал любовь к России... Я убежден, что всякое намерение сблизиться с Францией кончилось... В тот момент, когда я получу известие, что посредничество принято, я Вам его пришлю»¹⁹.

Блажен, кто верует! На самом деле представитель короля Георга имел минимальные шансы на успех. Маловероятно, но не исключено, что Елизавета под угрозой реального прусского вторжения согласилась бы с настойчивыми англичанами. Однако после прочтения привезенного Бутаковым письма Апраксина ей стала очевидна если не ложность, то, по крайней мере, недостаточная основательность распространявшихся в Петербурге слухов. Поэтому Елизавета могла спокойно проигнорировать разыгранный Вильямсом спектакль и остудить «патриотический» пыл соратников, поддавшихся на уговоры посла. Императрица точно так и поступила. Если 2 ноября Екатерина и ее английский друг поздравляли друг друга с «большим ударом по французской партии», то сутки спустя, в воскресенье 3 ноября, все иллюзии рассеялись. Посланник понял, что проиграл, когда узнал, что в тот день царица приня-

ла окончательное решение о присоединении России к Версальскому договору. В отчаянии, в два часа пополудни он написал великой княгине-. «Если приступают здесь к Версальскому договору, всякая связь между Англиею и Россиею кончена. Мы не хотим гарантии Ганновера при этих условиях. Все, о чем я имею Вас просить — это раскричаться против такого коварства в отношении нас всех; объявить канцлеру, что великий князь воспротивится этому всеми своими силами и что Вы будете смотреть как на врагов России на всех тех, которые будут способствовать такому делу. Канцлер никогда не имел столько кредита, как теперь, и все зависит от него. Напрасно он говорит противное»²⁰.

755

Поразительно, Вилльямс постоянно винит в своих бедах то Бестужева, то Апраксина, то Шуваловых, хотя, как человек умный, должен за полтора года осознать, что Елизавета Петровна сама управляет огромной страной, а не поет с чужого голоса. Это она, и никто другой, при поддержке верных советников, разумеется, тщательно просчитывая каждый шаг, в итоге одолела такого ловкого и способного дипломата, как Чарльз Вилльямс.

4 ноября 1756 года Конференция рассмотрела обращение посла Великобритании о посредничестве и в очередной раз отклонила его. Постановление, утвержденное Конференцией, гласило: «Когда уже на первое Его Превосходительства, господина посла Его Британского Величества пред двумя месяцами токмо учиненное предложение о медиации Ея Императорского Величества к примирению Венского и Берлинского дворов сказано, что Ея Императорское Величество такого поступка от Его Превосходительства не ожидала, то теперь легко ему самому разсудить, что усиленное того ж предложения министерству Ея Императорского Величества вновь учиненное повторение еще удивительнее того Ея Императорскому Величеству показалось, ибо Ея Величество справедливо ожидала большего к оказанной своей единожды воле уважения.

Ея Императорское Величество повелевает по тому Его Превосходительству объявить, что, как в прежнем ответе объявленные Ея Высочайший намерения непоколебимы, так дальнейшее о медиации упоминание более выслушивано не будет.

Употребленные же Его Превосходительством угрозы, что король прусский сам войска Ея Императорского Величества вскоре атакует, служит токмо к ослаблению его предложений, к утверждению, буде можно, еще больше Ея Императорского Величества в своих намерениях, к оправданию оных пред целым светом и к обвинению пред оным короля прусского»²¹. Тем самым все формальности были соблюдены, а поединок между императрицей и англичанином, длившийся более двух месяцев, завершился.

756

5 ноября 1756 года типография Академии наук выпустила в свет восемьдесят девятый номер «•Санкт-Петербургских ведомостей» за текущий год. На первой странице газеты редакция поместила небольшое официальное сообщение: «Мы уже в последних наших ведомостях дали знать, что Его Превосходительство генерал-фельдмаршал и кавалер Степан Федорович Апраксин отправился в Ригу для принятия порученной Его Превосходительству команды над собранной тамо армией и какие знаки особой милости Ея Императорское Величество ему при сем случае оказать изволила.

Сию милость продолжает Ея Императорское Величество к нему и по его отъезде, ибо вскоре потом посылай от Ея Величества в след за ним один паж, которой вручил Его Превосходительству от Ея Императорского Величества весьма драгоценной соболей мех с богатою парчею»²². Вот так паж императрицы Елизаветы Петровны Алексей Григорьевич Бутаков внес свой скромный и в то же время весомый вклад в

отечественную и мировую историю, даже не подозревая об этом.

Глава 25

В отпуске

01. Приехал из посылки в 4 часа по полудни. Ездил 23 часа взад и вперед, куда был послан от Государыни.

О решении дела в Москву в вотчинную коллегияу получен указ 28 октября. А в Костромской провинциальной канцелярии получен ноября 7 дня.

Жалованье и прибыль, приносимая родовыми и купленными поместьями, — вот краеугольный камень благосостояния российского дворянина середины восемнадцатого столетия. Все остальное — де-

757
ло случая и везения. Однако и с этими двумя основными и, в принципе, надежными источниками дохода подчас возникали проблемы. Жалованье иногда задерживали. Поместья и вотчины нередко становились яблоком раздора между помещиками-соседями или родственниками. И тогда за работу принималась неповоротливая судебная система страны. Тяжбы тянулись годами. Чтобы хоть как-то ускорить процесс, оппоненты мобилизовали все свои связи и ресурсы, а если требовалось, брали отпуск и уезжали в провинцию, на месте решать разнообразные вопросы. Придворным Елизаветы Петровны, несмотря на их привилегированное положение, тоже приходилось покидать блестящий Петербург, мчаться в глубинку и улаживать споры либо полюбовными сделками, либо взаимовыгодными разделами, либо безжалостным отчуждением имущества.

Головной болью Булгаковых на протяжении долгих лет являлись происки старого недоброхота семьи — отставного фурьера Никиты Филимоновича Захарова. Отношения с унтер-офицером не заладились давно. Еще 6 февраля 1723 года мундшенк Петра Великого Григорий Иванович Бутаков ссудил солдата Великолуцкого полка Н. Ф. Захарова сорока рублями сроком на месяц и десять дней. Солдат в залог дал мундшенку закладную на свое поместье в Костромском уезде — усадьбу Пчелкино с помещичьим двором и тринадцатью четвертями пашни. 15 марта 1723 года Григорий Иванович денег не получил, после чего закладная пошла по инстанциям. По прошествии двух с половиной лет, в декабре 1725 года, иск Будакова был удовлетворен, и Костромская воеводская канцелярия исполнила присланный из Государственной Вотчинной коллегии указ Ея Императорского Величества.

«Подъячей Петр Яковлев с понятыми околными людьми* наведася в Пчелкино, описал имение и отказал его новому хозяину¹.

Спустя несколько лет, в 1733 году, выяснилось, что семейство Захаровых — дед Василий Лаврентьевич, отец Филимон Васильевич, сыновья Никита и Василий Филимоновичи — уже лет с тридцать скрывали у

758

себя в селе Никольском двух беглых крестьян Бутаковых — Андрея Петрова и его отца Петра Ермилина. Камер-юнкер цесаревны Елизаветы Петровны Г. И. Бутаков немедленно подал жалобу. Кадыевская воеводская канцелярия рассмотрела челобитную и постановила взыскать с Захаровых тысячу восемьсот рублей — штраф за тридцатилетнее отсутствие двух холопов. Только откуда обнищавшим помещикам взять столь огромную сумму? Неоткуда. Но придворный Елизаветы непреклонен. И чиновники описывают остатки недвижимого имущества несчастной фамилии. Усадьба Елютино со всеми прилегающими к ней деревнями и угодьями отходит к Будаковым. Село Никольское и деревня Тишково — государству (временно, для сбора положенной пошлины).

Захаровы оспорили законность конфискации всех вотчин и подали иск в Юстиц-

коллегию. Пока был жив Григорий Иванович, протесты отставного фурьера оканчивались ничем. Лишь весной 1743 года овдовевшая супруга камер-юнкера Евдокия Лаврентьевна и его мать Ефросинья Артемьевна Бутаковы, поддавшись давлению, согласились заключить любовную сделку. 27 и 28 мая в Костромской крепостной конторе свекровь вдовы по ее поверенному письму «приложила руку» вместе с сыном фурьера сержантом лейб-гвардии Измайловского полка Иваном Никитичем к тексту соответствующего договора, по которому усадьба Елютино с деревней Усади-ще возвращалась Захаровым. Будаковы сохранили за собой три деревни — Палиницыно, Левонково, Гу-сево с сорока крепостными мужского пола (среди них и семья беглого Андрея Петрова), а также часть земли в деревне Нестерково².

6 марта 1744 года Е. А. Бутакова зарегистрировала копию любовной сделки в Вотчинной коллегии, заплатив необходимую пошлину. Казалось бы, конфликт исчерпан. Однако после того как в том же 1743 году мать Бутаковых скончалась, Никита Захаров попытался воспользоваться малолетством наследников имения и вернуть утраченные три деревеньки. 5 октября 1749 года фурьер обратился в Вот-

чинную коллегию с заявлением, что сын Иван в мае 1743 года подписал любовную сделку без согласия отца. Еще две челобитные — 22 января 1750 и 17 января 1751 года — Захаров отправил в Юстиц-коллегию. В них автор жаловался на Кадыевскую воеводскую канцелярию, которая якобы то «дело решила без суда в противность о суде формы», то есть с нарушением процессуальных норм. Юные пажи сложа руки тоже не сидели. Они поторопились обременить коллегии встречными челобитными (от 20 ноября 1749 и 16 января 1750 годов) «вопровержение... крепостей», совершенных в мае 1743 года. Это была ошибка. Юстиц-коллегия тут же затребовала дело 1733 года из Кадыевской канцелярии в Петербург на проверку. Бумаги перевезли в столицу, и чиновники приступили к изучению документов. Процесс обещал растянуться на годы. Волокита, впрочем, несколько не мешала родственникам Никиты Филимоновича явочным порядком утверждать свою власть над землями, юридически пока принадлежащими Бутаковым. Племянник фурьера капрал Преображенского полка Семен Захаров с матерью и челядью стал заглядывать в бывшие захаровские деревни, угрозами и уговорами побуждая крестьян не подчиняться новым владельцам. В апреле 1750 года преображенец не постеснялся отобрать у жителя деревни Нестерково Степана Максимова различные пожитки на общую сумму в 173 рубля 90 копеек. Подростки поспешили за помощью к императрице. Елизавета прочитала прошение детей, которых опекала, и 22 декабря 1750 года поручила рассмотреть суть дела в Сенате. Тому же учреждению надлежало вынести не подлежащий обжалованию приговор. Пришлось Юстиц-коллегии отдать все в вышестоящий орган. Сенат исследовал обстоятельства спора и собирал необходимые справки и выписки целых пять лет. Когда этап сбора и обработки информации близился к финишу, умер инициатор разбирательства — Н. Ф. Захаров (15 ноября 1755 года). Наконец бюрократическая машина представила се-

наторам итоговый доклад, исходя из которого сановники постановили вызвать в Петербург и допросить подписавшего любовную сделку сына покойного фурьера — сержанта Ивана Никитича Захарова.

14 февраля 1756 года Сенат заслушал главного свидетеля. Его показания позволили пажам вздохнуть с облегчением. «Иван Никитин сын Захаров в Правительствующем Сенате пред собранием допросом показал, что в 1743-м году мая 27 дня в Костромской правинциальной канцелярии у крепостных дел от имени отца его Никиты

Филимонова сына Захарова и ево Иванова запись вдове Авдотье и детям ее Петру, Алексею и Прасковье Бутаковым писана по просьбе отца ево Никиты Филимонова и ево Ивановой. И при писме оной записи отец ево Никита был сам и к той записи он Иван и вместо ево отца своего руку приложил по ево отца своего велению. Також и свидетели при той записи разных чинов по именам десять человек подписались по его ж отца ево проз-бе. И по совершении той записи, в приеме оной в записной крепостям книге росписался он Иван по приказу отца ево. И по росписке ту запись взял он отец ево. И ту, взятую от записки, писанную от имени отца ево Никиты и от ево Иванова, запись он, отец ево Никита, отдал вдове Афросинье Ивановской жене Бутакова, с которой у них в том зделка имелась. И на противу той их записи, из отданного от Кадыевской воеводской канцелярии за иск Григорью Бутакову имения их, по просьбе отца ево Никиты и ево Ивановой об отдаче им помянутых Бутаковых во владение усадьбы Елютиной и деревни Усадища со крестьяны и с половины мельницы без жеребья от помянутой вдовы Афросиньи Ивановской жены Бутакова запись взята отцом ево Никитою и им Иваном обще. Токмо он отец ево ту запись взял к себе и по смерти отца ево та запись имелась у него отца ево, а по смерти ево осталась у прижитых со второю отца ево женою детей»³.

Несмотря на столь весомое свидетельство, сенаторы все же предпочли для полной объективности узнать мнение десяти свидетелей полюбовной сделки,

761

заключенной в мае 1743 года. Через две недели из Петербурга в Кострому курьер повез сенатский указ: «По указу Ея Императорскаго Величества Правительствующий Сенат по делу двора Ея Императорскаго Величества пажев Алексея и Петра Бутаковых с отставным фурьером Никитою Филимоновым сыном Захаровым... приказали... Костромской провинциальной канцелярии подписавшихся при ученной от имени означенных Никиты и сына ево Ивана Захаровых данной от них вдове Авдотье камер-юнкера Григорьевской жене Иванова сына Бутакова и детям ее Петру, Алексею и Прасковий Григорьевским детям Бутаковым в 1743 году мая 27 дня записи свидетелей морского флота шкипора Петра Алексеева сына Колзакова, Семена Иванова сына Шишкова, порут-чика Степана Матвеева сына Суморокова, сержанта Прокофия Васильева сына Теряева, канцеляриста Артемья Ларионова, Василья Плещкова, Тимофея Болшакова, Алексея Панинского, Семена Антонова, подканцеляриста Ивана Ерышева (кто из них в живех сыскаютца могут) немедленно пред присудствием в той канцелярии под присягою допросить в том, когда она запись в Костромской провинциальной канцелярии у крепостных дел писана, тогда означенной отставной фурьер Никита Захаров при том был ли, и они при той записи во свидетельстве подписались по ево Никиты Захарова прозбе. И что покажут, те их допросы подлинныя, оставя с них во оной канцелярии верные копии, при доношении с надлежащею описью прислать в Правительствующий Сенат в самой скорости... 7 марта 1756 году»⁴.

Хотя Сенат поддержал Бутаковых, праздновать победу было еще рано. Ведь без своевременной доставки в столицу опросных листов десятка провинциальных помещиков и чиновников дело обещало вновь затянуться на неопределенный срок. Поэтому братья приняли единственно правильное решение. Младший Алексей остается в Петербурге и внимательно отслеживает ситуацию, а старший Петр отправляется в Кострому, чтобы поторопить местную власть с поиском и допросом еще живых свидетелей.

762

Воспользовавшись симпатией, которую императрица питала к Бутаковым на протяжении всех двенадцати с половиной лет, Петр обратился к Ее Величеству с

просьбой об отпуске его на малую родину сроком на шесть месяцев. Елизавета Петровна отнеслась с пониманием к желанию пажа и 10 марта позволила ему покинуть столицу на полгода. Придворная контора технические вопросы решила оперативно. Уже 12-го числа юноше выдали на руки паспорт, предназначенный для проезда по территории империи:

«По указу Ее Величества государыни императрицы Елизаветы Петровны Самодержицы Всероссийской и прочая и прочая и прочая

Объявитель сего двора Ея Императорского Величества паж Петр Будаков по имянному Ея Императорского Величества указу отпущен из Санкт-Петербурга для исправления его нужд в Костромской уезд в усадьбу Пчолкину в дом ево с нижеписанного числа впредь на шесть месяцев, то есть сего 1756 года сентября по второе на десять число. А на оной срок явитца ему Будакову паки при дворе Ея Императорского Величества неотменно. Того ради на заставах команду имеющим оному пажу Будакову, как туда, так и обратно едущему, чинить свободной пропуск без задержания. Чего по верности дан ему Будакову сей пашпорт Ея Императорского Величества из придворной конторы за приписанием руки генерал-лейтенанта, Ея Императорского Величества гофмаршала, действительного камергера и орденов святого Александра и святыя Анны кавалера господина Нарышкина за печатью той конторы в Санкт-Петербурге марта 12 дня 1756 году.

Семен Нарышкин

[печать] регистратор Иван Алексеев
канцелярист Прокофий Юкин»⁵.

Здесь необходимо сделать важное примечание. Императрица Анна Иоанновна указом от 28 августа 1735 года даровала военным и статским чинам величайшую милость — оплачиваемый отпуск. Согласно

763

новому закону человеку, отпросившемуся домой для исправления каких-либо нужд, продолжали начислять жалованье при условии, что отлучка с места службы не продлится более шести недель⁶. Если чиновник или офицер возвращался с опозданием, то деньги не выплачивались как за просроченные дни, так и за все шесть недель. Дворяне очень дорожили этим правом. И хотя прибегали к нему изредка (отпуска чаще оформлялись на полгода или год, и, разумеется, за свой счет), по возможности всегда старались втиснуть время собственного отсутствия в указанные рамки.

Так, 4 декабря 1755 года камер-паж князь Павел Федорович Голицын уехал по домашним делам в Москву ровно на месяц. Вернуться ему надлежало 4 января 1756 года — срок, вполне укладывающийся в отведенные законом шесть недель. Однако Голицыну не повезло. Предъявить паспорт Придворной конторе он смог лишь 15 января, то есть через одиннадцать дней после установленного дня. Иначе говоря, в отпуске князь обретался шесть недель и один день. Значит, претендовать на полуторамесячное жалованье камер-паж уже не вправе. Молодой человек понимает это. И тем не менее пробует спасти свои деньги. Ведь если исключить из отпуска день отъезда и день приезда, то получится сорок один день — менее шести недель.

27 января 1756 года П. Голицын пишет на имя императрицы челобитную: «... Прошлого 1755 году декабря 4 дня з данным мне из придворной Вашего Императорского Величества канторы пашпортом отпущен я был для исправления моих нужд в Москву с сроком на месяц, то есть сего генваря по 4 число. Откуда приехал и при дворе Вашего Императорского Величества явился сего генваря 15 дня. И тако просрочил одиннатцать дней. Точию ту просрочку учинил не за излишним житием моим в Москве, но в бытность в проезде моем в пути за распутицею. При том же всего и с

проездом пробыл менее шести недель. А по имянному Ея Императорскаго Величества указу за шесть недель вычиту чинить не велено...»

764

29 января челобитную регистрируют в Придворной конторе. 31 января руководство решает, как поступить. В присутствии сидят господа образованные. Умеют считать и знают, что камер-паж чуточку лукавит. Только действительно разница составляет всего сутки. Да и жалко юношу: потеря примерно пятнадцати рублей весьма огорчительна. В итоге контора удовлетворила просьбу князя Голицына⁷. Однако вернемся к Бутаковым. Отпуск Петра Григорьевича сроком на шесть месяцев под указ 1735 года не подпадал. Так что паж терял половину жалованья. А возможно, и больше, если не сумеет поспеть к установленной документом дате. Поэтому ему следовало без промедления отправляться в дорогу: собрать вещи и в Ямской Московской слободе нанять ямскую подводку. Подорожная за проезд от Петербурга до Москвы влетала в копеечку. Согласно указам от 27 марта 1717 и 24 мая 1720 годов партикулярный путешественник платил за проезд против государева курьера вдвое: от Петербурга до Новгорода — по две деньги за версту и за лошадь, от Новгорода до Москвы — двенадцать денег на десять верст. А от Москвы до любого другого города, в том числе и до Костромы, предстояло выложить еще по восемь денег с десяти верст⁸. Впрочем, доходы с трех деревень того стоили.

8 апреля 1756 года в Костромской провинциальной канцелярии получили сенатский указ¹¹. В том же апреле в Кострому приехал и паж императрицы. Навестив в Пчелкине бабушку Ефросинью Артемьевну, вдову Ивана Яковлевича Бутакова, Петр Григорьевич начал вместе с представителями местной администрации выяснять, кто из десяти указанных Сенатом лиц здравствует и проживает в Костромском или соседнем уездах. Из архива еще раз подняли крепостную книгу с записью полубовной сделки 1743 года. Уточнили имена свидетелей.

В ту эпоху правовой порядок заключения любого рода договоров соблюдался неукоснительно и выглядел следующим образом. Стороны, придя к общему знаменателю и ударив по рукам, шли в Крепост-

765

ную контору данного города (неважно, столичного или уездного), непременно пригласив с собой максимум приятелей и знакомых. В конторе все обращались к свободному копиисту, который на гербовой бумаге по форме записывал текст купчей, полубовной, сговорной и т. д. В зависимости от суммы сделки гербовая бумага в правом верхнем углу имела марку ценою в 50 копеек (от 10 тысяч рублей и выше), 25 копеек (от 1000 до 10 тысяч рублей), 15 копеек (от 500 до 1000 рублей), 10 копеек (от 50 до 500 рублей) или две копейки. Сама запись выглядела приблизительно так: «Лета тысяща седмсот пятьдесят пятого, генваря в двадесят седмый день Двора Его Императорскаго Высочества Благовернаго государя Великого князя Петра Федоровича камергера, брегадира и Нижнего Саксонского округа чрезвычайного посланника Сергея Васильевича Салтыкова жена ево Матрена Павлова дочь в роде своем не последняя продала она зятю своему генерал лейтенанту и Ея Императорскаго Величества гофмаршалу, действителному камергеру и кавалеру Семену Кириловича Нарышкину, жене ево и детям, и наследником надлежащую свою половину з строениями, землею и со всеми принадлежностями в каменном дворе, состоящем в Санкт-Петербурге на Адмиралтейском острове в Большой Миллионной улице, которой двор ей Матрене и з сестрою ее Ма-рьео Павловною, что ныне за ним господином Нарышкиным в замужестве, всемилоостивейше пожалован по имянному указу за собственноручным Ея Императорскаго Величества подписанием седмсот сорок

девятого году апреля дватцать четвертаго дня на докладных пунктах от учрежденной комисии[и] о разделе после покойного родителя нашего генерал лейтенанта, действительного камергера и кавалера Павла Федоровича Балк Полева движимого и недвижимого имениев. А взяла она, Матрена Салтыкова, у него, Семена Кириловича, за ту свою половину каменного двора з землею и з строением денег сем тысяч рублей. А в межах тот двор. По правую сторону — главная аптека. А по левую — иноземца лекаря Паул-сына...»¹⁰

766

Когда копиист заканчивал писать под диктовку, то передавал перо авторам документа, а затем всем свидетелям, которые самостоятельно или через доверенных лиц ставили автографы по формуле: «У сей записи свидетелем был и руку приложил...» Далее выписывались чин, имя, отчество и фамилия. Готовый документ несли к надсмотрщику на регистрацию. Тот открывал журнал крепостной конторы за текущий месяц или год, копировал под порядковым номером весь текст, в том числе и список свидетелей. Потом принимал деньги за проделанную работу, взимал стоимость бумаги и чернил, положенную пошлину, отмечал в подлиннике и копии сколько за что взято, свое имя и имя копииста. Наконец наступал финальный акт: либо продавец получал деньги, а покупатель — подлинник купчей, либо обе стороны клали в карман два подлинника полюбовной, сговорной и прочих типов договоров, после чего, как правило, все шли обмывать достигнутый компромисс.

Таков порядок оформления юридических актов в случае, если обе стороны непосредственно в конторе к взаимному удовлетворению обменивались денежными суммами или заверенными печатью официальными бумагами на право владения имуществом. Но бывало, что один господин приобретал у другого господина что-нибудь в долг. Как поступали в подобных ситуациях? Тогда писали закладную, в которой оговаривалось, что именно кредитор может изъять у партнера, не сдержавшего слово. Самая распространенная форма закладной — выдача денег под залог. Покупка имения или дома в рассрочку — процедура более сложная. Тут одного векселя мало. Необходимы два документа — купчая и заемное письмо. Например, такое:

«Тысяща семсот пятьдесят пятого февраля в двате-сятый день Ея Императорского Величества канцлер, действительной тайной советник, сенатор и обоих российских ординов и Белого орла кавалер, граф Алексей Петров сын Бестужев-Рюмин, в роде своем не последней, занял я у каморгера, брегадира и Ниж-

767

него Саксонского округа чрезвычайного посланника Сергея Васильева сына Салтыкова денег двенатцать тысяч рублей, которые заплатить мне, графу, жене, детям и наследникам моим ему, каморгеру Салтыкову, жене, детям и наследником ево в двенатцать лет на каждой год по тысячи рублей, а покамест оные денги невыплачены будут, то давать мне, графу, жене, детям и наследникам моим ему, каморгеру Салтыкову, жене, детям и наследникам ево на каждой год с неплатежной суммы по шести процентов на пред при наступлении каждого года. Буде же в ту сумму я, граф, жена, дети и наследники мои ему, каморгеру Салтыкову, жене, детям и наследникам ево в одно или разные времена сколько в уплату отдам, то давать проценты по расчету, счисляя по той остальной сумме, сколько в недоплате будет. А ежели я, граф по сей моей записи ему, каморгеру Салтыкову, жене, детям и наследникам ево реченную сумму денег в двенатцать лет сполна не заплачу, и оттого ему, Салтыкову при-ключатца какие убытки, то мне, графу, жене, детям и наследникам моим ему, каморгеру Салтыкову, жене, детям и наследникам ево заплатить вышеписанные денги двенатцать тысяч рублей с проценты или возратить по росчету купленной мною, графом у него

камергера Салтыкова каменной дом, стоящей на Адмиралтейской части по берегу Невы реки близ церкви собора Исакия Далмацкого.

К сей записки канцлер и действительной тайной советник, сенатор и обоих российских орденов и Белого Орла кавалер, граф Алексей Петров сын Бестужев Рюмин вышеписанное чи[с]ло денег двенадцать тысяч рублей занял и руку приложил.

У сей заимной записи генерал-лейтенант и ковалер Иван Лукьянов сын Талызин свидетелем был и руку приложил. У сей заемной записи вице-адмирал и ковалер Захарей Данилов сын Мишуков свидетелем был и руку приложил. У сей заемной записи контр-адмирал Иван Исаев сын Черепин свидетелем был и руку приложил. У сей заемной записи адмирал, тайной действительной советник, сенатор и кавалер князь Миха[и]ла княж Михайлов сын Голицын свиде-

768

телем был и руку приложил. У сей заемной записи генерал, лейб-гвардии подполковник и обеих российских орденов кавалер Степан Федоров сын Апраксин свидетелем был и руку приложил.

Заемную писал Санкт-Петербургской крепостной канторы писец Петр Иванов.

Совершить по указу. Секретарь Антип Пистов. 1755 году февраля в 20 день сия заемная в Санкт-Петербургской крепостной канторе в книги записана. От писма двенадцать рублей семдесят две копейки. От записки сорок копеек. На расход шесть копеек три четверти. Принял и совершил надсмотрщик Николай Башаринов».

Если договор какой-либо из сторон не соблюдался, его всегда можно было расторгнуть. Купчая возвращалась покупателю, заемное письмо — лицу, не дождавшемуся денег. А чиновник крепостной канторы делал на них следующую запись: «Сия заемная в силе указа Правительствующаго Сената апреля 14 дня сего 1759 году и государственной юстиц-коллегии канторы определение с сею надписью из юстиц канторы отдана поверенному бывшего канцлера Бестужева-Рюмина мазору Берьеру для того, что вышеписанным Правительствующаго Сената указом велено юстиц-канторе имеющейся здесь в Санкт-Петербурге бригадира и пребывающего в Гамбурге чрезвычайным посланником Сергея Салтыкова каменной дом, которой он продал оному Бестужеву-Рюмину за двенадцать тысяч рублей с тем, чтобы оные денги заплатить ему Салтыкову в десять лет, токмо он, Бестужев тех денег ему Салтыкову не заплатил, а оной Салтыков чрез служителя ево, Андрея Бусырского просил о возвращении ему того дому по прежнему; того ради оной дом возвратить ему Салтыкову и отдать помянутому Бусырскому, а данною от Салтыкова Бестужеву на тот дом крепость уничтожить. И для того оную купчую от оставшего здесь поверенного от него Бестужева мазора Берьера возвратить, равномерно и закладную, которую Бестужев Салтыкову в денгах дал возвратить же. И потому указу по учиненной в юстиц-канторе резолюции вышеписанные мазор Берьер купчую, а Салтыков управитель заем-

21 К. Писаренко

769

ную во оную кантору объявили, которые писаны в Санкт-Петербургской крепостной канторе в 1752-м году февраля 20 дня. И во исполнение вышеписанного Правительствующаго Сената указа в юстиц-канторе определено вышеписанную данную от Салтыкова Бестужеву на вышеозначенной каменной двор купчую от Бестужева Салтыкову в двенадцати тысячах рублях заемную уничтожить и в Санкт-Петербургской крепостной канторе под записками их в книгах отметить. И по учинении оной в тех книгах отметки, учиня на оных купчей и заемной надлежащая надписи за скрепою секретаря отдать им — купчую Салтыкова поверенному Бусырскому, а заемную мазору Берьеру с росписками. И по силе того определения сия заемная в крепостных книгах под запискою ее отмечена, и с сею надписью ему,

Бериеру и отдана с рос-пискою в Санкт-Петербурхе мая шестого надесять дня тысяща седмсот пядесят девятого году Секретарь Николай Философов»¹¹.

Фамилии и чины интересовавших Петра Бутакова лиц значились в журнале Костромской крепостной конторы за 1743 год, в записях от 27 и 28 мая под номерами 300 и 301. Оба варианта полюбовной сделки завершались почти аналогично: «№300... К той записи он, Иван Захаров, сам и вместо отца своего Никиты Филимонова сына Захарова и свидетели — морского флота шкипор Петр Алексеев сын Калзаков, мазор Семен Иванов сын Шишков, подпоручик Степан Матвеев сын Сумароков, сержант Про-кофий Васильев сын Теряев, канцеляристы Артемий Ларионов, Василий Плещков, Тимофей Болшаков, Алексей Панинской, Семен Антонов подканцелярист Иван Ярышев [руку приложили]. Писал тое запись копиист Иван Сафонов. Пошлин — семь рублей пядесят копеек; за писмо — пядесят, от записки — дват-цать пядь, за писмо излишней страницы — дватцать пядь, на расход — четыре копейки, четверть. Принял надсмотрщик Андрей Шулгин... 8 рублей 54 копеек с четвертью.

Подлинную запись от крепостных дел я сержант Иван Никитин сын Захаров взял и росписался;

770

№ 301... К той записи вместо ее, Ефросиньи, отец ее духовной Троицкой поп, что в Семилове, Проко-фий Лукин и свидетели — морского флота шкипор Петр Алексеев сын Калзаков, майор Семен Иванов сын Шишков, подпоручик Степан Матвеев сын Сумо-роков, сержант Прокофий Васильев сын Теряев, канцеляристы Артемий Ларионов, Василий Плещков, Тимофей Болшаков, Алексей Панинский, Семен Антонов, подканцелярист Иван Ярышев [руку приложили]. Писал тое запись пищик Григорий Голоперов. Пошлин — семь рублей пядесят, за писмо — пядесят, от записи — дватцать пядь, на расход — четыре с четвертью копеек. Принял надсмотрщик Андрей Шулгин.

Подлинную запись вдова Ефросинья Бутакова от крепостных дел взяла, а по ее велению росписался отец ее духовной помянутой поп Прокопий Лукин»¹².

Около месяца пришлось потратить на то, чтобы прояснить судьбу каждого из десяти свидетелей. В первых числах мая подвели итог. Из десяти человек живыми нашли трех — Артемия Борисовича Ларионова, Алексея Филимоновича Панинского и Семена Ивановича Антонова. Всего лишь месяц не дожид до получения запроса отставной моряк Петр Алексеевич Калзаков, скончавшийся в апреле 1756 года в доме своем, в селе Ширяево¹³.

Чтобы не упустить последних участников сделки 1743 года, Костромская провинциальная канцелярия поторопилась допросить двух канцеляристов, а допрос третьего — регистратора Ростовской воеводской канцелярии Семена Антонова — поручила его начальникам из соседней Переяславской провинциальной канцелярии. 2 мая 1756 года секретарь А. Б. Ларионов и канцелярист А. Ф. Панинский предстали перед костромскими властями. Неожиданностей не случилось. И тот и другой подтвердили правоту Бутаковых. Каждый из очевидцев признался, что «...в прошлом 1743 году мая 27 дня... как в городе Костроме в провинциальной канцелярии у крепостных дел запись

771

писана отставного фурьера Никиты Филимонова сына и сына ево Ивана Захаровых вдове Авдотье ка-мор-юнкера Григорьевской жене Иванова сына Бу-такова и детям ее Петру, Алексею и Прасковий детям Бутаковым, тогда в помянутом году и числе означенной фурьер Никита и сын ево Иван Захаровы при том были и у той записи... во свидетели подписался по их Никиты и сына ево Ивана Захаровых прозбе...»¹⁴.

31 мая 1756 года в Костроме получили показания С. И. Антонова, тождественные

заявлениям его коллег. В тот же день Костромская провинциальная канцелярия составила доношение и, приложив к нему подлинники допросных листов трех свидетелей, послала бумаги с нарочным в Петербург¹⁵. Петр свою важную часть работы выполнил. Теперь он мог немного отдохнуть у бабушки в родном Пчелкине, ожидая, пока из Петербурга в Кострому не пришлют окончательное решение Сената. Сенаторы ознакомились с новыми документами по делу Бутаковых почти через два месяца. Клерки сумели покончить со всеми формальностями только к заседанию, намеченному на 23 июля 1756 года.

Первым в тот день в половине девятого утра в крайний у Невы корпус здания Двенадцати коллегий приехал генерал-прокурор Никита Юрьевич Трубецкой. Минут через двадцать в Сенаторской палате его поприветствовали Алексей Дмитриевич Голицын и Иван Андреевич Щербатов. Около девяти в зал, украшенный тремя огромными портретами Елизаветы Петровны, Петра Великого и Екатерины I на фоне обитых зеленым штофом стен и окон с зелеными тафтяными шторами, вошел обер-прокурор Александр Иванович Глебов. Больше никто не появился. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин и Петр Иванович Шувалов прогуляли без объяснения причин. Александр Борисович Бутурлин дежурил при государыне в Царском Селе. Михаил Михайлович Голицын присутствовал в Адмиралтейской коллегии, Борис Григорьевич Юсупов выпросился в отпуск, Иван Васильевич Одоевский болел.

772

Сначала сановники предпочли пообщаться с посетителями. Секретарь пригласил из приемной главного командира Канцелярии от строений Вил-лима Виллимовича Фермора, который доложил двум сенаторам, сидевшим за столом, покрытым алым бархатом, что «для учреждающихся ныне от Санкт-Петербурга до Нова города на другую дорогу почтовых станций ко осмотру той дороги, в каком она состоянии находится, и поправления отправлен... нарочной обер-офицер». После Фермора в комнату позвали советника Гурского. Тот отказывался участвовать «в осмотре и зарывании у Санкт-Петербурга палой скотины и лошадей», мотивируя нежелание тем, что «пропитания никакого не имеет и... жалованья».

Затем настала очередь докладов. Нижегородская губернская канцелярия оправдывалась, почему не помогла военным при поимке опасных разбойников. Чебоксарская воеводская канцелярия извещала, что отправила в Казань двух захваченных на Волге лихих людишек — беглого крестьянина с оренбургских заводов Демидова и беглого рекрута. Белгородская губернская канцелярия сетовала на недостаток подьячих, которых ей следует командировать к межеванию земель в Москву. Петр Иванович Шувалов заочно предлагал передать ему малоприбыльный казенный смоляной торг в Архангельске. Адмиралтейская коллегия, Ямская канцелярия, Канцелярия от строений, контора строений Царского Села, Главный магистрат, Санкт-Петербургская губернская канцелярия и Нарвская гарнизонная канцелярия отчитались о падеже скота и лошадей за текущий период. Помещики и однодворцы Старооскольского уезда просили найти управу на «озарнические обиды и непорядочные поступки» поручика и лейб-компании гренадера Андрея Головина. Седьмым пунктом значилось доношение Костромской провинциальной канцелярии с допросами очевидцев. Выслушав рапорт и свидетельства Ларионова, Панинского и Антонова, сенаторы постановили:

773

«...Ис показанного Никиты Захарова костромского недвижимого имения... тем деревням и протче-му... быть... за означенными просители пажами Петром и Алексеем и Прасковьею Григорьевыми детми Бутаковыми. Для того, что ту запись Иван Захаров не токмо чем спорил, но и допросом своим пред собранием Правительствующего

Сената утвердил, и свидетели, кои у той записи подписались, три человека сказали, что та запись в Костроме у крепостных дел писана при них Никите и Иване Захаровых. И они во свидетелстве подписались по их Никиты и Ивана Захаровых прозбе. К тому ж Никита Захаров ту крепость начал спорить спустя шесть лет и четыре месяца и восемь дней. Чему в силу указов и верить не надлежит, ибо та крепость тех Бутаковых от бабки в вотчинной коллегии явлена и пошлины заплачены еще в 1744 году. Но он то утаил. А ежели б та крепость подлинно учинена была без ево воли, то б ему тогда ж о той крепости бить челом следовало.

А затем, протчему недвижимому Никиты Захарова имению по данной от матери Григорья Бутакова вдовы Афросиньи Ивановской жены Бутакова крепости, что в ней написано быть за наследниками Никиты Захарова, ежели те имения по ныне кому не отошли, по прежнему, понеже, хотя во опровержение тех крепостей в подаче от имяни пажей Петра и Алексея Бутаковых... прошении и были, токмо потом Петр и Алексей Бутаковы поданною ж в Сенат в 1755 году августа 22 дня челобитною показывают, что оные челобитные от имени их о том поданы в малолетстве их... неправильно. А ныне они, будучи в совершенном возрасте, осмотрелись, что бабка и мать их ту сделку учинили порядочно. И той сделки они не спорят...»

Далее сенаторы определяли позицию по докладам Фермера и Шлатера. Глава Канцелярии от строений требовал профинансировать ремонт трех «дистанций» Московской прешпективной дороги (через Статс-контору), обветшавших строений в Успенском девичьем монастыре в Александровской слободе, церкви в московском Кремлевском дворце и

774

восстановление Петропавловского собора. Кроме того, Виллим Виллимович ходатайствовал о награждении архитектурного ученика Семена Баженова чином архитектурного помощника 2-го класса в ранге подпоручика. Монетную канцелярию волновал способ доставки из Москвы в Ригу медных копеек на 100 тысяч рублей — на ямских или наемных подводах.

Исчерпав всю повестку дня, три князя под занавес «апробовали и подписали» два особых сенатских журнала за 17 и 19 июля и два рекетмейстерских (по челобитным) за 12 июня, за 1 мая и 12 июля, после чего в начале первого часа пополудни разошлись. Теперь за дело взялись секретари, канцеляристы, регистраторы и копиисты. Им надлежало оформить протокол заседания и приговоры сенаторов по вышеупомянутым шестнадцати докладам и доношениям в письменном виде. Работа — долгая и муторная, которая растянулась на два месяца. Зеленый свет получили вердикты, не терпевшие отлагательства. К таким относились реконструкция дорог, реставрация храма в Кремле и Петропавловского собора, «крепкая предосторожность» от «конского и скотского падежа» в Галерной гавани, охтинских слободах, в районах Тосницкого яма, Любани, дворцовых мыз и приморских усадеб С. П. Ягужинского, Л. Я. Овцына, П. И. Шувалова, возле Петергофа и Царского Села. По данным проблемам документы обзавелись автографами Голицына, Щербатова и Одоевского весьма оперативно — 25, 26 и 24 июля. Предложение П. И. Шувалова также не встретило преград. Старт обстоятельному изучению архангельского смоляного торгового для более вдумчивого рассмотрения коллеги графа дали уже 25 июля.

Что же касается прочих решений, то над ними корпели значительно дольше. Резолюция на рапорте Монетной канцелярии вступила в силу 8 августа, Белгородской губернской канцелярии — 23-го числа. Ответ старооскольским помещикам приготовили к 13 августа. Распоряжение по тяжбе Бутаковых попало в руки трех сенаторов (сановники, как правило,

775

уклонялись расписываться на актах, одобренных без собственного участия) самым

последним — 18 сентября 1756 года¹⁶.

Когда Бутаковы поняли, что эпопея с захаровски-ми деревнями к осени не завершится, Петр отправил в Придворную контору просьбу о продлении отпуска. 17 сентября С. К. Нарышкин подписал и заверил ведомственной печатью новый паспорт с позволением старшему брату задержаться на родине до 1 января 1757 года. В Пчелкино бумагу переслали по почте. Тем временем подчиненные генерал-прокурора целый месяц потратили на копирование нескольких экземпляров с решения Сената от 23 июля. Лишь 16 октября (за два дня до переезда Сената с Васильевского острова на Адмиралтейскую часть в дом президента Вотчинной коллегии Я. Л. Хитрово на Большой Морской улице) статский советник Дмитрий Невежин и коллегии-юнкер Иван Пузырев, скрепив и зарегистрировав три комплекта указа, поручили курьерам отвезти запечатанные пакеты по адресам.

В Москве в Вотчинной коллегии постановление Сената получили через двенадцать дней. В Костроме аналогичный конверт вскрыли 7 ноября. В тот же день члены провинциальной канцелярии воевода и коллежский советник Василий Бородавкин, товарищ воеводы и титулярный советник Максим Вата-зин, секретарь Артемий Ларионов «по слушании сего указа приказали чинить по оному... и о том куда надлежит послать указы...», то есть в Кадыевскую воеводскую канцелярию. Как только в городке Кадый ознакомились с повелением сенаторов и исполнили все необходимые формальности, Петр Бутаков стал собираться в обратную дорогу. Он вернулся в Петербург накануне новогоднего праздника и успел предъявить в Придворной конторе паспорт, на котором с противоположной стороны сотрудник придворного ведомства оставил стандартную помету: «С сим пашпортом вышеписанный паж Петр Будаков в Придворной канторе явился декабря 31 дня 1756 году»¹⁷.

776

Глава 26

Дети

1756 декабрь

17- Государыня изволила поехать в Царское село.

Их Высочества в Ораниенбаум.

19- Возвратились из походу.

20. Дацкий посланник умер.

24- Сего месяца в вечеру перед обедней Е[я] Величество изволила пожаловать сестре складень на шею, да серги бриллиантовые, и сама изволила ей отдать.

Имела или не имела Елизавета Петровна хотя бы одного своего ребенка? Этот вопрос до сих пор не дает покоя историкам и романистам. На все лады склоняются фамилии дворян Таракановых и Дараган. То тут, то там мелькает имя загадочной монахини Доси-феи. Реже вспоминают о сенсационном открытии Дальона весной 1743 года — «молодой девушке*, урожденной Шубиной, воспитанной «некой мадам Иоганной» и купцом-греком. Однако никто в упор не замечает девочки, о которой государыня заботилась как о собственной дочери.

Понятно, императрица опекала не будущую самозванку, заслуженно угодившую в Петропавловскую крепость при Екатерине II, и не легендарную личность, спрятавшуюся по какой-то причине в монастырской келье. Правда, судьбой юной особы, заинтриговавшей французского посланника, царица интересовалась. Только с Шубиным маленькую незнакомку ничего не связывало. Звали ее Елизаветой. 17 мая 1743 года августейшая тезка взяла осиротевшую родственницу (отец, Осип Михайлович Ефи-мовский, — племянник Екатерины I) ко Двору фрейлиной. Спустя шесть месяцев, 16 ноября, девятилетняя барышня удостоилась поощрения — полного фрейлинского оклада. Она, естественно, не дежурила возле госпожи наравне с

девицами взрослыми, хотя деньги исправно получала. Это исключение не нравилось тем, кто каждое утро поднимался на вто-
777

рой этаж Зимнего дворца и целый день проводил рядом с первой дамой государства. Ситуация осложнилась, когда число малолетних придворных иждивенков увеличилось. Пришлось решать проблему по существу, и 30 мая 1752 года противоречие устранили: отныне несовершеннолетним фрейлинам полагалось платить по 200 рублей в год. Причем закону придали обратную силу и по той же ставке рассчитались со всеми действующими фрейлинами, жившими при Дворе до поступления на службу. Старшей среди них была Прасковья Григорьевна Бутакова, у которой в те дни стаж проживания во дворце достиг восьми с половиной лет. Именно сестре братьев-пажей больше чем кому-либо другому симпатизировала всесильная русская государыня¹.

Мадам Яганна Петровна Ноли познакомилась со второй воспитанницей — дочкой камер-юнкера цесаревны Григория Ивановича Бутакова — 16 октября 1743 года. 31 октября к итальянке привели третью девочку — тринадцатилетнюю Матрену Павловну Балк. Так в России появился придворный девичий пансион (мальчики сюда попадали крайне редко) — прообраз знаменитого Смольного института. Учреждение мадам Ноли пополнялось сиротами постепенно. К весне 1745 года в нем проживали также племянницы Разумовского, дети офицеров Танского и Козлова. Всего около десяти человек. Малышей и подростков разместили в трех покоях первого этажа Зимнего дворца и прикрепили к каждому служителей — либо вольных, либо крепостных. За Елизаветой Ефимовской ухаживала <-девка вольная Марья Иванова*, за Прасковьей Бутаковой — «турчанка Любовь Михайлова», за Козловыми — их дворовые люди. По достижении четырнадцати-пятнадцати лет девочки покидали придворный интернат. Кого-то императрица жаловала во фрейлины, других — в камер-юнкеры, а кто-то просто, без чинов, продолжал жить во дворце до замужества. Список выпускниц Яганны Петровны открыла Матрена Балк, перебравшаяся в соседние фрейлинские комнаты под присмотр мадам Шмидт. Там она
778

воссоединилась с сестрой Марией Павловной, исполнявшей фрейлинскую должность с октября 1743 года. Обе девушки удостоились славы первых красавиц Двора. Особенно Мария, на которую сразу же положил глаз тридцатишестилетний гофмаршал Нарышкин. Шестнадцатилетняя избранница ответила Семену Кирилловичу взаимностью, и 2 февраля 1746 года они обвенчались в церкви Зимнего дворца, став, похоже, несмотря на разницу в возрасте, счастливой супружеской парой.

Матрена Павловна вступила в брак 29 января 1749 года тоже по любви, пленив во время забав на качелях в Царском Селе молодого камергера Сергея Васильевича Салтыкова. Но, увы, этот союз оказался неудачным. По-видимому, решающую роль в разрыве отношений между ними сыграла связь мужа с великой княгиней Екатериной Алексеевной. Впрочем, определенную долю вины за амурные свидания юного щеголя с женой наследника престола надо приписать Бестужеву и Елизавете Петровне, которых очень беспокоило отсутствие ребенка у великокняжеской четы после долгого периода совместной жизни. Только данное обстоятельство вынудило царицу не препятствовать адюльтеру в собственном дворце, за что виновников обычно ожидало суровое наказание. Например, Марию Родионовну Кошелеву с позором уволили из фрейлин за любовную интрижку с Николаем Наумовичем Чоглоковым. Не заступись за супруга двоюродная сестра императрицы, тот бы последовал за любовницей, с треском слетев с поста обер-гофмейстера Малого Двора. А так вельможа-ловелас отделался словесной нахлобучкой². Елизавета Петровна не давала спуску тем, кого уличала в любовных изменах. Однако бракам по любви неизменно покровительствовала. Даже если близкие к ней люди выбирали себе в спутники

малоприятных ей лиц.

Весной 1743 года Михаил Петрович Бестужев-Рюмин надумал жениться. Желание вполне нормальное для холостяка обер-гофмаршала. Тем не менее брат

779
жениха встретил его планы в штыки. Вице-канцлер возражал не против брака, как такового. Ему не приглянулась невеста — Анна Гавриловна Ягужинская, урожденная Головкина. Сестра опального министра принцессы Анны Леопольдовны откровенно сочувствовала свергнутой правительнице, и младший из Бестужевых опасался, как бы увлечение Михаила не подорвало доверия между ними и царицей, едва установившееся в конце минувшего 1742 года. Но влюбленный не слушал разумных доводов и настаивал на своем. Императрица отнеслась к «капризу» сановника спокойно. Более того, в апреле сама «обменяла кольца» новобрачным при сговоре. В мае сыграли свадьбу. Два месяца спустя семья распалась. 26 июля на даче под Петергофом, где отдыхали Бестужевы, появились солдаты. Жену и старшую дочь Ягужинской, Анастасию, арестовали. Мужу велели задержаться в загородной усадьбе на неопределенное время. Добровольно-принудительное заточение в деревне затянулось до ноября. Когда осенью обер-гофмаршал обрел свободу, его дражайшая половина была уже далеко от Петербурга — на пути в Якутск, место ссылки. Историки любят рассказывать о деле Лопухиных. Жалеют несчастных узников, возмущаются коварством Лестока, сочувствуют попавшему под удар вице-канцлеру. А еще упрекают императрицу за месть красивой сопернице — Лопухиной. В общем, считают расправу с болтушками и болтунами необоснованной и чрезмерно жестокой. Одно им объяснить не под силу: почему после двух знатных дам никто больше не стал из-за ропота или брюзжания героем громкого судебного процесса? Неужели Россия так быстро обеднела красивыми женщинами, от которых завистливая дочь Петра Великого могла бы избавиться с помощью дыбы и застенка?!

Между тем, хотя современники (в частности, леди Рондо) и признают Наталью Федоровну красавицей (правда, если взглянуть на растиражированный во многих книгах портрет Лопухиной, то с этим мнением трудно согласиться), не стоит забывать, что Ели-

780

завета Петровна на целых десять лет младше ее. В 1743 году тридцатитрехлетняя императрица — в расцвете сил, в отличие от сердечной подруги Карла Ле-венвольде, перешагнувшей сорокалетний рубеж. Посему царица вряд ли имела основания ревновать к красоте генеральши, и, несомненно, изумившие всех репрессии вызваны не дамской, а политической конкуренцией! Причем сюжет интриги развивался на редкость драматически. Не будь рокового стечения обстоятельств, ни Лопухина, ни Бестужева не пострадали бы. Но стремление Лестока убрать с дороги вице-канцлера расчистило путь беде, а дружба двух дам с австрийским посланником Антонием Боттой обрекла их на испытания.

Лейб-медик, вероятно, плохо изучил характер государыни. Его попытка дискредитировать братьев Бестужевых, обвиняя словоохотливых сплетниц в антигосударственном преступлении, не сулила ему ни единого шанса на успех. Елизавета столь долго присматривалась к кандидату на роль русского Ришелье не для того, чтобы отречься от талантливого министра по первому наговору. Напрасно Лесток добился позволения истязать женщин. Алексею и Михаилу Петровичам изначально ничего не грозило, какие бы сведения ни раздобыл от измученных узниц энергичный следователь.

В отличие от близорукого врача императрица, прочитав откровения подвыпившего Ивана Лопухина, сразу уловила, где кроется подлинная опасность — в приятельских отношениях дам с отозванным на родину цесарским резидентом. В тот период

Австрии, как воздух, был нужен союз с Россией для более эффективного противостояния агрессии прусского короля и французским набегам на Нидерланды. Дочь Петрова, однако, без предварительного анализа международной ситуации не торопилась вступать в альянсы. Пауза, затягиваясь, держала Ма-рию-Терезию в напряжении. Королева боялась, что легкомысленная царица клюнет на щедрые авансы Фридриха II и пойдет у него на поводу. В то же время маркиз Ботта накануне падения Анны Леопольдовны

781

сумел склонить правительницу на сторону венского Двора. Возвращение принцессы Мекленбургской к власти посредством австрийских интриг гарантировало Вене безоговорочную российскую военную и дипломатическую помощь. Антоний Ботта вполне мог по указу свыше заняться составлением заговора, заманивая в сети двух русских аристократок — Лопухину и Бестужеву.

Судя по пьяной исповеди подполковника Лопухина и допросам арестанток, Ботта действительно что-то замышлял. Возможно, сиятельные подруги не лгали, когда признавались в попытках охладить пыл предприимчивого маркиза. Но возникла проблема. Как пресечь вероятную подготовку мятежа, о которой практически ничего не известно? Ведь Ботта уже перебрался на новое место службы — в Берлин. Елизавета Петровна оказалась на распутье. Либо она понадеется на фортуна — авось пронесет, либо превентивным ударом парализует закулисную возню австрийцев. Государыня предпочла не уповать на удачу. Это означало, что Наталью Федоровну и Анну Гавриловну осудят с шумом и скандалом, после чего обе отправятся на поселение в Сибирь. Параллельно российский дипкорпус за границей получит задание развенчать коварство и наглость маркиза Ботты. Тогда Марии-Терезии придется оправдываться. Всякое желание покровительствовать тем или иным претендентам на российский трон у нее пропадет, по крайней мере на ближайшие годы.

31 августа 1743 года Лопухина и Бестужева взойшли на эшафот. По совершении экзекуции женщин повезли в ссылку. Государство развернуло крупную кампанию в Европе по обвинению Ботты в организации переворота в пользу Анны Леопольдовны. Бра-уншвейгское семейство эвакуировали из Лифляндии в центральные области России. В результате Марии-Терезии довелось изрядно потрудиться, чтобы обелить себя и загладить грехи неловкого министра. Перспектива австрийского вмешательства в российские династические споры перед Елизаветой больше не маячила. Но за спокойствие собственное и тиши-

782

ну в государстве императрица заплатила несколькими искалеченными судьбами соотечественников. В будущем самодержица старалась избегать подобных коллизий. А в сентябре 1743 года она столкнулась с печальным следствием политической целесообразности: в доме Ягужинских при живой матери сиротами остались три девицы и один мальчик³.

Старшая, совершеннолетняя Анастасия, освобожденная из-под домашнего ареста, в придирчивой опеке не нуждалась. Напротив, средняя дочь Мария и младшая дочь Анна без постоянного присмотра взрослых обойтись не могли. И уж, конечно, нельзя было пустить на самотек воспитание двенадцатилетнего сына Павла Ивановича и Анны Гавриловны Ягужинских — Сергея. Царица лично позаботилась об условиях быта, гувернерах и образовании детей пораженной в правах Бестужевой. Наиболее пристальное внимание государыня уделила обучению различным наукам подрастающих потомков первого генерал-прокурора. Прежде всего, разумеется, ее волновали успехи Сергея Павловича, хотя о просвещении девочек она тоже не забывала.

Система российского образования в царствование Елизаветы Петровны покоилась на двух китах. Нет, тот, кто подумал о галломании, ошибся. Друзья Ивана Ивановича Шувалова очень бы удивились, услышав о повальном увлечении их сверстников французским языком. Да еще якобы с легкой руки императрицы. Главный меценат империи не преминул бы заметить, что государыня если и патронировала какому-либо наречию, то в первую очередь русскому, но никак не французскому. А господин Воронцов поведал бы для наглядности о неизменном правиле переводить все депеши и бумаги, адресованные августейшей особе, с иноземного на родной, российский язык. В случае необходимости срочно ознакомить Елизавету с той или иной реляцией укоренилась такая практика. Императрица, прочитав документ с немецкой вязью или французскими аксангра-вами, притворялась непонимающей и приказывала «онья перевести и прислать» к ней заново, после че-

783

го подчиненные канцлера задерживались на службе подчас до глубокой ночи, оттачивая навыки транскрипции иноязычных текстов. Одним словом, не французский, а русский язык доминировал в ту эпоху в дворянском сословии России, о чем наглядно свидетельствует отрывок из депеши австрийца Розенберга от 5 (16) января 1745 года: «Я с начала пребывания моего в России болше четырех домов не знаю, а именно канцлера для дел, господж Воронцову и Чоглокову, и... принца Гомбург-ского. Когда я к сим двум дамам, может быть, в месяц однажды приезжал, то я их заставлял [в] Триест иг-ра[ющими] в российской компании. По учинении первых комплиментов, они стали по руски говорить, а я зевать. Немного спустя уезжал»⁴. Немецкий язык уверенно занимал второе место, французский — третье, и только к концу пятидесятих годов последний немного потеснил конкурента из Германии. Перечисленная выше тройка сформировала первую несущую опору русского образования, как для мальчиков, так и для девочек. Русский являлся основным языком общения. Немецкий помогал изъясняться с уроженцами Прибалтики, Пруссии, Австрии, Саксонии, Баварии, Ганновера и т. д., служивших повсюду в империи со времен Петра Великого и Анны Иоанновны. Французский имел ключевое значение для получения технического и гуманитарного образования. В сочетании с ним обычно работал второй базовый принцип русской дворянской школы — индивидуальное изучение специальной литературы под наблюдением профессионального педагога. На полках библиотек и на книжных прилавках чаще попадались французские печатные труды по математике, фортификации, военной тактике и стратегии, истории, географии, философии, юриспруденции, отчасти по физике. Лишь в области медицины и естественных наук преобладали книги на латинском — четвертом по популярности языке русского дворянства. Стиль преподавания в общих чертах совпадал везде. Во-первых, детей учили русской грамматике и правописанию. Затем приступали к языкам — немец-

784

кому, французскому, латинскому. Освоив выбранные диалекты, отпрыски вместе с учителем или самостоятельно брали в руки книги по соответствующим наукам. Но иные наставники убеждали родителей совмещать зубрежку латиницы с уроками по главным предметам. Примечательный разговор произошел в феврале 1744 года между британским консулом Яковом Вульфом и ассессором Юстиц-коллегии Христофором Медером. Кабинет-секретарь Иван Черкасов, уехавший с государыней в Москву, поручил попечению обрусевшего англичанина родных сыновей. Одиннадцатилетний Николай в ту зиму учил французскую «фокабулу». Пятнадцатилетний Александр упражнялся в латинском и французском. Консул спросил у собеседника, насколько эффективен принятый в семье Черкасовых способ обучения. Ассессор отозвался о нем критически: заикливаться на языках вредно, «такое наук наскучит» молодым людям;

^можно... для забавы» начинать понемногу знакомить ребят с географией и историей. Позиция офицеров-педагогов Сухопутного кадетского корпуса ничем не отличалась от мнения господина Медера. Они отвлекали воспитанников от штудирования немецких слов и грамматики уроками рисования. Например, кадет Никита Афанасьевич Бекетов — один из несостоявшихся фаворитов Елизаветы Петровны — попал в корпус 6 ноября 1742 года (двенадцати лет) и в тот же день приступил к изучению немецкого языка и правил тушевания ландшафтов и картушей. За французскую азбуку юноша взялся 30 декабря 1743 года. К тому времени он уже около восьми месяцев занимался геометрией с фортификацией и свыше месяца — историей и географией. Его ровесник Григорий Никитич Орлов — будущий гофмаршал Екатерины II — записался в кадеты 8 марта 1743 года, начав тоже с немецкого и рисования. Правда, погрузиться в мир французских артиклей и глаголов подросток пожелал уже через семь месяцев — 26 октября, отсрочив базовые науки — историю, географию и геометрию — до 24 мая 1745 года. Двенадцатилетний Александр Мещерский в день

785

зачисления — 2 марта 1742 года — с ходу нагрузил себя и немецким, и французским. 9 августа 1743 года князь созрел для истории с географией, 15 декабря 1743 года — для латинского языка, 24 мая 1745 года — для геометрии, а 17 января 1746 года — для логики и натуральных прав. Сиятельного ровесника перещеголял Карл Христофор фон Унгерн, который 22 марта 1742 года стартовал с рисования, французского, русского, истории, географии и танцев. 25 января барона заинтриговала геометрия с фортификацией, 17 ноября 1743 года — политика с натуральным правом. 31 января 1746 года подошел черед логики и права гражданского.

Изложенная выше хроника — красноречивое свидетельство широкого распространения индивидуальных программ не только в домашних условиях, но и в специальных учебных заведениях. Никого не выравнивали по одной линейке, не вынуждали сидеть за партой от звонка до звонка ровно десять, одиннадцать или двенадцать лет. Наоборот, курсанты сами решали, когда и за какую науку приниматься. А покидали воспитанники корпус армии или гвардии офицерами сразу же по получении требуемых знаний, не дожидаясь отстающих однокашников. Никита Бекетов конспектировал лекции, читал пособия и рисовал ландкарты восемь лет (1742—1750). Адам Олсуфьев корпел над тем же семь лет (1732—1739), его брат Петр — четыре с половиной года (1732—1736). Андрей Ефимовский тянул кадетскую лямку девять лет (1731—1740), Иван Гендриков — тоже четыре с половиной года (1732—1736). Генерал Михаил Каменский одолел курс наук за два с половиной года (1753—1756), дипломат Николай Хотинский — за пять лет (1751—1756).

Описанная выше система образования сложилась еще при Анне Иоанновне. Елизавета Петровна не имела причин портить хорошо отлаженный механизм какими-либо улучшающими его новшествами. Она лишь не забывала повторять педагогам того или иного опекаемого ею отрока, чтобы те старались «•обучать ево французскому и немецкому языкам, тан-

786

цовать и рисовать, смотря х которой науке он охоту и понятие оказывать будет». Среди тех, кто по высочайшей воле посещал преподавателей во дворце Меншикова, были Петр и Алексей Бутаковы. Императрица командировала мальчишек на Васильевский остров перед самым отъездом в Москву в январе 1744 года с наказом освоить немецкий язык. В лексикон французский братья, как и полагалось, вникли позднее⁵.

В кадетском корпусе говорить по-немецки и по-французски учили профессионалы. В домашней обстановке иностранные языки детям втолковывала более разношерстная

публика. Встречались авантюристы — искатели счастья. Но в целом гофмейстеры соответствовали занимаемой должности, хотя часто им приходилось весьма туго. Жан Бартоломео де Са-ратий сменил за десять лет четыре семьи. Около года иноземец натаскивал в немецком, французском, итальянском и латинском языках, в истории с географией детвору капитана флота Матвея Васильевича Ржевского. Потом два года жил у Михаила Михайловича Салтыкова, пока вельможа не уехал в деревню.

Последовать за ним в провинцию учитель не захотел и в марте 1745-го нашел себе нового патрона — князя Михаила Васильевича Голицына. Почти четыре года он провел среди княжеских отпрысков. Но нерегулярные выплаты жалованья побудили наставника опять искать место. На три с половиной года гувернер обосновался в доме Александра Александровича Черкасского. У князя сочинил учебник по французскому, немецкому и итальянскому диалектам. Из-за него же поссорился с главой семьи. Его Сиятельство объявил труд фамильной собственностью и отверг притязания автора на копию с рукописи. Пришлось уйти от заносчивого хозяина.

За работу господину Саратию наниматели платили от 250 до 320 рублей в год.

Выделяли комнату, коляску парой летом и сани зимой, свечи, дрова. Питание давалось с господского стола — три блюда в обед и ужин. Похожие условия выторговали себе супруги Жан Батист Шарпантье и Анна Катерина Лепренс

787

1 октября 1756 года. Они обязались за годовой оклад в 250 рублей (плюс 110 рублей на платье) обучать детей камергера Ивана Ларионовича Воронцова «французскому, латынскому языку, в начале писать, читать, арифметике, геометрии, истории, географии и прочим наукам». Сверх жалованья гувернеры попросили обеспечить их квартирой, слугами, свечами, дровами, каретой, запряженной парой, а кушать пожелали вместе с семьей Воронцовых. Рабочий день у них протекал так. Рано утром Жан Шарпантье и Анна Лепренс, опрятно одевшись, приходили в детскую и, сидя за столом, беседовали и пили чай с сыновьями и дочерьми камергера. Затем начинались уроки, которые завершались вечером, прерываясь на обед в гостиной с чашечкой кофе по окончании трапезы и послеобеденный отдых на час или два в апартаментах молодежи. Визиты учителей со стороны, прогулки на свежем воздухе и поездки в гости Воронцовы-младшие совершали, разумеется, под наблюдением этой супружеской пары⁶.

Приятно листать интересные книги в уютной домашней библиотеке. Полезно послушать лекцию знатока-офицера в кадетском классе. Но, бесспорно, лучше хотя бы один раз увидеть воочию ансамбли Версаля, Эскуриала, Ватикана, укрепления Вобана в Лилле или Дюнкерке, каналы Амстердама и Венеции, смотр прусских полков в Потсдаме, дебаты вигов и тори в Лондоне или «шляп» и «колпаков» в Стокгольме, подняться на склон Везувия, побродить среди руин Помпеи близ Неаполя или развалин Колизея в Риме. Поэтому многие дворянские дети ехали за знаниями и впечатлениями в Европу. Александр и Иван Ивановичи Черкасовы в 1753—1756 годах стажировались в Кембридже. Александр Григорьевич Строганов, Андрей Михайлович Голицын, Борис Михайлович Салтыков в то же десятилетие донимали вопросами профессоров Женевы. Земляки Алексея Григорьевича Разумовского облюбовали Кильский университет. В нем, например, учились сын Николая Ха-ненко и племянник камердинера Степана Карновича. А придворный священник Василий Баранович в

788

июне 1756 года отправил своих двух племянников в Лейпциг.

Елизавета Петровна положительно относилась к стремлению подданных учиться за границей «на собственном коште». Так, в октябре 1756 года она распорядилась отпустить в Стокгольм прапорщика Измайловского полка Николая Алексеевича Хитрово (сына камергера А. А. Хитрово), просившего о дозволении заняться в

Швеции самообразованием под присмотром посла Никиты Ивановича Панина. Десятилетием ранее, 25 января 1747 года, аналогичная августейшая резолюция помогла отлучиться в Европу «для совершенного обучения... французского языка и географии... арифметики, геометрии, тригонометрии и артиллерии... и фортификации» восемнадцатилетнему артиллерии сержанту Александру Михайловичу Чебышеву. Финансировал турне отец унтер-офицера — советник Берг-коллегии М. С. Чебышев.

Впрочем, государство, поощряя альтруистов, не уклонялось от посылки в европейские столицы благородных юношей за казенный счет, то есть с жалованьем в 400 рублей. Назывались они дворянами посольства. При Елизавете первые группы потянулись из России в 1742 году. Дрезден приютил сына вице-канцлера — Андрея Бестужева, Берлин — Ивана Чернышева, брата посланника Петра Чернышева. Александр Головкин в Гааге наблюдал за Александром и Сергеем Голицыными, детьми сенатора и с 1748 года президента Адмиралтейской коллегии. А во Францию назначение получили шесть человек — Василий и Иван Головины, Александр и Петр Хованские, Александр и Владимир Долгоруковы. В Париже подопечные Антиоха Кантемира и Генриха Гроса провели чуть более четырех лет, вернувшись на родину порознь в августе — октябре 1746 года.

Помните брошенную императрицей реплику в адрес этих шести дворян (см. 7-ю главу), зафиксированную обер-гофмейстером Минихом: «Оные господа ни в чем не переменились?»* Брат опального фельдмаршала тогда подумал об умении танцевать. Но, вероятно, барон ошибся. У царицы были основания

789

для столь жесткой, эмоциональной, правда, не вполне справедливой оценки, которая, скорее всего, не касалась Долгоруковых. 5, 8, 9 и 10 декабря 1746 года в здании кадетского корпуса по «изуственному» приказу Ее Величества молодых людей проэкзаменовали. 12 декабря преподаватели отчитались об итогах опроса. Самые похвальные отклики заслужили Долгоруковы. Их не смутили вопросы подпоручика Егора Панова и сержанта Николая Муравьева по арифметике, геометрии, фортификации, механике и алгебре. По-французски братья говорили «весьма чисто, скоро и хорошо», писали в «стиле безпритворном», изъясняя мысли «чисто и исправно», и начали разбираться в итальянском. Александр, кроме того, продемонстрировал неплохое знание немецкого языка. Профессор Иоганн Эрнст Греч констатировал, что «в логике, метафизике, морале, политике, в натуральном и народном правах, в физике теоретической, в оптике... в наставлениях юстиньяновых и в латинском языке... они... имеют хорошее основание».

Аттестаты Хованских и Головиных выглядели менее блестяще. Математика с фортификацией, алгеброй и геометрией у них, кроме Петра Хованского, больших проблем не вызвала. Французская речь тоже. А правописание учителю Людвигу Бужо не очень понравилось. Общаться по-итальянски и по-немецки товарищи Долгоруковых не захотели. А с господином Гречем на гуманитарные темы беседовать согласились лишь Петр и Александр Хованские. По итогам встречи профессор доложил наверх: «Оба историю и географию несколько знают, а князь Петр Хованский... имеет некоторое знание в политике». Скупые похвалы деда известного мемуариста помогают в определенной степени понять, при каких обстоятельствах государыня произнесла столь нелестную характеристику. По-видимому, она при первой встрече с Хованскими и Головиными пожелала лично проверить, чему выучились дворянские дети в далекой Франции. Естественно, вопросы Елизавета задавала по тем наукам, которыми хорошо владела — по истории, географии, политике, а не по математике и ин-

790

женерному делу. Четыре сиятельных отпрыска в Париже об истории и географии получили смутное представление и на царском экзамене провалились, удостоившись процитированной фразы, означавшей, очевидно, следующее: как уехали лентяями во Францию, так лентяями в Россию и возвратились. Возможно, самодержица, прочитав рапорты Панова и Муравьева, немного подкорректировала прежнее, в целом необъективное мнение.

Ну а Владимира и Александра Сергеевичей Долгоруковых 20 декабря 1746 года вызвали в Зимний дворец, где они в присутствии Василия Никитича Репнина и Степана Федоровича Апраксина рассказали о «военных операциях по методу шевалье Фоларда», у коего тому обучались. Императрица пожаловала способных братьев офицерами инженерного корпуса. Но не сразу. У них была своя ахиллесова пята — закон Божий. Синод уличил сыновей княгини Долгоруковой, заподозренной в симпатиях к католицизму, в пренебрежении обрядами православной церкви и заставил обоих наверстывать упущенное в Александр-ро-Невском монастыре в течение сентября — ноября 1746 года. Похоже, набожная царица добавила им на «орехи» от себя, отсрочив производство в офицеры более чем на год⁷.

Сергея Павловича Ягужинского тоже ожидал престижный заграничный вояж за знаниями. Суд над матерью едва закончился, а курьер уже повез высочайший рескрипт во Францию с известием о скором приезде в Париж седьмого студента благородного сословия. В октябре 1743 года канцлер предупредил А. Кантемира, чтобы смета ежегодных трат на новичка рассчитывалась им с учетом несовершеннолетних лет юного графа. Усилия посла по выправлению справок и цифр пропали зря. Елизавета не без колебаний отклонила французский проект ради саксонского, 27 сентября 1745 года государыня велела собирать Ягужинского в дорогу, зачислив подростка в свиту камер-юнкера Лялина. Пимен Васильевич покинул Петербург через три недели. В карете лежала кавалерия для сына польского короля Августа. Сын знаменитого петровского 791

генерал-прокурора рядом с придворным не сидел. Императрица по какой-то причине вновь передумала и отменила запланированную встречу пасынка с М. П. Бестужевым-Рюминым. Отчим увиделся с шестнадцати- или семнадцатилетним юношей в Дрездене в марте 1748 года. Тот вместе с супругами Андреем и Авдотьей Бестужевыми торопился в Вену к чрезвычайному и полномочному посланнику, тайному советнику Людвигу Казимиру Ланчинскому⁸.

Взыскательный вкус Елизаветы Петровны удовлетворил удобный по разным причинам австрийский вариант, и поздней осенью 1747 года господин Павлов уже паковал чемоданы. Псевдоним в духе великого царя-реформатора украсил 10 декабря паспорт вояжера по прямому указанию венценосной опекуны. Так та надеялась уберечь отрока от условностей этикета и чрезмерного внимания венской публики. Прощался Сергей Павлович с отчим домом, наверное, без особого сожаления. С 14 августа он проживал в нем один, в окружении слуг, ибо сестрицы Мария и Анна в ранге фрейлин Ее Величества с тех пор квартировали то в Летнем, то в Зимнем дворце. Инструкция, датированная 8 декабря, предписывала Л. Ланчинскому «способного и достаточного человека за надлежащую заплату... к нему [Ягужинскому] гофмейстером приставить и оному его поручить... чтоб он под смотрением того гофмейстера с добрым поведением содержан и всем по его состоянию и летам потребным наукам искусными и добрыми мастерами обучен быть мог». Дипломат не замедлил отыскать молодому кавалеру хорошего гувернера. 13 (24) апреля Сергей Павлов добрался до цесарской столицы. 20 апреля (1 мая) 1748 года Ланчинский заключил договор с тридцатилетним уроженцем Аугсбурга. Католик по вероисповеданию, гофмейстер много путешествовал в юности по Италии, владел

французским и самостоятельно изучил испанский, латинский и еврейский языки. В Вену эмигрировал из Брюсселя с семьей местного бургомистра, детей которого учил, пока французская оккупация не вынудила бежать из Фландрии. Большой

792

любитель книг, он сумел завоевать благосклонность руководства Придворной библиотеки, и там ему пообещали при образовании вакансии должность начальника отдела еврейских манускриптов.

Помимо гофмейстера, российский посланник нанял Ягужинскому еще двух учителей — старого знакомого лютеранина из Нижней Саксонии, знатока «немецкого слога», истории и географии, а также инженера-католика, кадрового офицера, сведущего «в особых частях математики и в фортификации». Оба согласились работать за обычную цену — четыре червонных в месяц (16 гульденов и 30 крейцеров австрийской монетой). Главный наставник получал по 100 гульденов в квартал. Сергей Павлович на берегах Дуная не шиковал. Императрица назначила ему скромную ежегодную ренту в размере двух тысяч рублей. Этой стипендии вполне хватило бы. Но дорожные расходы на пути в Вену уменьшили вес кошелька спутника Бестужевых наполовину. Из 879 червонных сохранилось 418. Ланчинскому — казначею графа — пришлось туго. Экономил практически на всем. За постой в доме Пехмана близ Греческой капеллы выкладывали 65 гульденов в месяц и полтора гульдена с персоны за обед и ужин в день. За пиво и вино платили отдельно. Хозяин попался скупой. Даже за ломтик хлеба требовал крейцеры, вопреки общей практике.

В июле посланник не вытерпел и перевел Ягужинского с гофмейстером в новые апартаменты. Благо, друг поляка, лейб-медик Лебцельтер на три месяца обосновался в Шенбрунне, и особняк вельможи рядом с той же Греческой капеллой опустел. Выложив 150 гульденов, россияне заняли роскошно меблированные комнаты дворца врача Марии-Терезии до конца сентября. Аренда аналогично убранных палат «в иных местах» стоила в три раза дороже. Ученик с учителем вернулись к привычному аскетизму в октябре. Ланчинский снял для них за 60 гульденов в месяц четыре покоя в доме Селие. Здесь русский гость остановился на более долгий срок. Куратор описал в депеше квартиру: она «есть чиста, но не пространна.

793

Спальня невеликая. При оной камера побольше, в которой учится. Третья — прихожая, где обедает и гофмейстер его постелю имеет. Малые сени и малая же камера для служителей... Доволство есть, а излишку, конечно, нет, чему я... очевидной свидетель*. Двухразовым питанием постояльцев, как и повсюду, обеспечивал владелец гостиницы. При желании позавтракать, «а иногда и полудничать», взималась особая плата за кофе, чай, сахар и шоколад. Ягужинского сопровождали два русских холопа, совсем не понимавшие по-немецки. Посланник нанял слугу из австрийцев за 12 гульденов в месяц и столько же давал каждому русскому лакею.

Хотя инкогнито месье Павлова в Вене было секретом Полишинеля, знатные сверстники и титулованные особы постарше не донимали юношу визитами и приглашениями в салон или на обед. К тому же сам застенчивый с «меланхолическим темпераментом» герой светских разговоров избегал шумных сборищ, целиком посвятив себя учебе. «Ягужинский смирен и постоянен, и учится велми прилежно с... утра до вечера, почему потребно ему иметь отдохновение», — доносил в Петербург глава российского посольства. Наперсник Ланчинского не завидовал венским щеголям. Не печалился из-за наличия в гардеробе единственного выходного костюма (шляпа, кафтан, камзол, штаны, чулки, пара башмаков, шпага), домашнего халата да казакина. Не огорчался отсутствием карманных часов, украшенных живописными миниатюрами табакерок, драгоценных перстней, шелковых рубашек. Он занимался.

Два часа решал упражнения с иксами и игреками. Два часа зубрил немецкие да французские глаголы и артикли. Два часа знакомился с деяниями Александра Великого, Юлия Цезаря или Карла V. Два часа разглядывал глобус, четыре генеральные (Европы, Азии, Африки и Америки) и более двух десятков специальных ландкарт (европейских государств, Турции, Персии и т. д.). Два часа повторял за танцмейстером фигуры менуэта, польского и контрдансов. Два часа осваивал с «фиолини-стом» игру на виоле.

794

Вечером гофмейстер с воспитанником усаживались в наемную карету или в портшез (полтора талера в день; аренда на месяц — 65 гульденов) и отправлялись либо на прогулку в парк, либо в Оперу, либо в комедию. Без экипажа в Вене дворянин обойтись не мог. Весна и лето не часто радовали погожими днями, а в «протчее время, кроме малой части осени и зимы, непрестанная грязь, дожди и слякоть» царили на столичных улицах. Дабы поощрить педагогов, Ланчинский распорядился в случае ненастья посылать за ними карету. Изредка два ученых отшельника заглядывали в редут — предтечу казино, а в июне 1748 года они съездили на воды в Баден — юго-западный пригород Вены (не путать с прославленным курортом в Германии), куда время от времени отлучался на лечение и русский посланник¹.

Обучение Сергея Павловича продвигалось вполне успешно. За два года граф освоил все вышеуказанные предметы, после чего Ланчинский, «усмотревая... Ягужинского собственное тщание к потребным наукам, також де постоянные поступки и ко всему благому особливую склонность... разсудил гофмейстера его отпустить». Правом на самообразование подопечный тайного советника пользовался недолго. 15 августа 1750 года из Вены в Петербург почта повезла челобитную молодого человека: «... Я, здесь обретаясь, со всяким прилежанием учился немецкому и французскому языкам... географии, истории, разным эксерцициям и математике. Но, понеже я крайнейше ревностное желание имею к тому же и леты мои такие настают, чтоб себя действительно годным учинить к должно всеподданнейшей службе Вашего Императорского Величества, того ради... все-подданейше прошу все мил ости вейше повелеть мне возвратится в отечество мое и тамо определить меня, куды Ваше Императорское Величество сами... забла-гоизобреть соизволите».

Ответ пришел в конце февраля 1751 года. Императрица рекомендовала сыну соратника отца «для лут-чаго... совершенства в потребных знаниях... на не-сколко времени вояж учинить в Италию и другие ме-

795

ста, чтоб... все тамошня лутчия городы и земли объездить и осмотреть». Запрет на посещение коснулся лишь Франции и Пруссии. Кроме того, государыня увеличила размер годового содержания юноши с 2000 до 3500 рублей. Европейское турне Ягужинско-го продлилось около двух лет. Весной 1754 года он вернулся на родину, и в день тезоименитства, 5 сентября Елизавета Петровна пожаловала путешественника чином камер-юнкера. Чуть позже Сергей Павлович с царского благословения обвенчался с Анастасией Ивановной Шуваловой, родной сестрой официального фаворита. Но их семейная жизнь не заладилась. Муж увлекся фабричным производством. Вкладывал деньги в свои екатеринбургские железные заводы, в организацию чулочной мануфактуры в псковских вотчинах. Однако не наградил Господь графа талантом предпринимателя. И с управляющими ему не повезло. В общем, огромные средства потратил на разные проекты свояк Шуваловых, в том числе приданое жены, а толку вышло мало. Анастасия Ивановна не вытерпела, рассталась с супругом и потребовала покрыть убытки в размере шестидесяти тысяч рублей. Правда, случится это уже в царствование Екатерины II, осенью 1767 года¹⁰.

Елизавета Петровна на любую весть о притеснении детей, особенно сирот, откликалась очень быстро. В первую очередь она заботилась о малолетних девицах, потерявших родителей. Если мальчишек обычно без проблем зачисляли в кадетский корпус или в придворные пажи, то с девочками было сложнее: аналогичных заведений для слабого пола тогда не существовало, а учреждение мадам Ноли вместить всех страждущих, конечно же, не могло. Поэтому императрица всегда самолично разбиралась с каждым тревожным сигналом.

Так, 1 марта 1752 года придворный матрос Иван Алексеевич Аксаков вручил царице письмо своей несовершеннолетней родственницы Надежды Карпов-ны Елчаниновой с жалобами на скверное обращение

796

князя Александра Алексеевича Долгорукова, в доме которого она шестой год проживала после смерти отца, матери и деда, полковника Петра Семеновича Аксакова. В Москву тотчас отправился приказ генерал-майору Давыдову провести проверку и, если информация подтвердится, позволить воспитаннице уйти в другой дом, к Аксаковым.

9 марта Афанасий Романович уведомил Елизавету об итогах инспекции. Выяснилось, что в приемной семье никто маленькую Надю не обижал. Долгоруковы относились к ней, как к собственным детям. Девочка спала с княжескими отпрысками в одной комнате, обедала и ужинала за общим господским столом. Елчанинова без колебаний заявила вельможе, что всем «доволна и никому не жаловалась, и писать не веливала», а узнав от чиновника о разрешении выбрать иного опекуна, покидать гостеприимный княжеский дом не пожелала. По-видимому, истоки нападок на Долгоруковых кроются в размере состояния их подопечной — 220 душ крепостных и более двухсот рублей годового дохода с деревень. Похоже, родня по матери не удержалась от соблазна «пору-лить» именем ребенка¹¹.

Из-за аналогичных имущественных споров в поле зрения императрицы попала Любовь Ивановна Бу-холцева. За счет осиротевшей дочери полковника Ивана Федоровича Бухолцева захотел поживиться некий комиссар Игнатьев. Несмышленный четырнадцатилетний подросток, обитавший в одиночестве среди слуг в отцовском доме, представлялся ему весьма легкой добычей. Но жертва умудрилась ускользнуть от чиновника и найти приют у Екатерины Карловны Корф — двоюродной сестры царицы. 13 марта 1756 года Елизавета Петровна ознакомилась с письмом несчастной беглянки, адресованным влиятельной баронессе: «Помилуй, милостивая государыня, матушка Катерина Карловна! Не оставь меня, бедную сироту, за что Вам свыше Бог заплатит. Ни имею бедная никакова милостивова сродника, у ково бы жить в призрении, а одна боюсь. Хотят увести и убить до смерти. Алексей Андреянович Игнатьев и с попом

797

екатерининским приказывал, чтоб меня выдать, и ему давал за то триста рублей. Того ради, матушка, слезно прошу Вашего Превосходительства милостию своей меня взять к себе».

Реакция императрицы на мольбы подростка и послание госпожи Корф, не рискнувшей без совета с августейшей родственницей решать что-либо окончательно, последовала в тот же день: «Оную... Бухол-цову до указа нашего содержите в доме вашем и в призрении->. Сиятельная дама исполнила высочайшую волю и 21 марта отписала в Петербург: «Полковника... Бухолцова дочь... в доме моем на основании Вашего Императорского Величества... материнского повеления впредь до указа содержания быть имеет, и ныне она по изучении российского чтения и писма обучается в доме ж моем немецкому и французскому языку».

Через год повзрослевшая Люба возвратилась в родные пенаты. Нахальный комиссар поумерил прыти и больше не претендовал на добро Бухолце-вой, за которой теперь присматривал тот же генерал Давыдов. Баронесса Корф к тому времени скончалась. 28 июня 1758 года девушка сообщила сановнику о своей помолвке с отставным майором Иваном Михайловичем Евреиновым. Государыня, узнав об этом, распорядилась со свадьбой не спешить. Она захотела лично познакомиться с женихом. Встреча произошла в феврале 1759 года в Петербурге. Елизавета выбор невесты одобрила, и после Пасхи молодые обвенчались, а 20 мая Черкасов уведомил Давыдова о завершении его опекунской миссии¹².

На судьбу многих детей повлияла отзывчивость царицы. Но ни к кому дочь Петрова не привязалась так сильно, как к маленькой дочери камер-юнкера Бутакова. Почему-то именно Прасковья полюбила ее настолько, что самодержица никогда не расставалась с девочкой надолго. В январе 1744 года Двор отправился в Москву. Спустя три недели в Первопрестольную помчались сани девяти фрейлин императрицы, которым та поручила сопровождать дорогих гостей — принцесс Ангальт-Цербстских, Иоганну-

798
Елизавету и Софью-Фредерику. Рядом с возками Анны Татищевой, Анны Салтыковой, Авроры Менгден, Прасковьи Скворцовой, Екатерины Каро, Прасковьи Репниной, Елизаветы Ефимовской, Марии и Матрены Балк скрипел полозьями по снегу экипаж Прасковьи Бутаковой и ее няни. Из всех десяти девиц лишь Бутакова в списках фрейлин еще не значилась.

15 декабря 1748 года началось третье высочайшее путешествие из Петербурга в Москву. В этот день Прасковья Григорьевна покинула комнаты мадам Ноли в Зимнем дворце и переселилась во фрейлинские апартаменты, хотя по-прежнему почетного звания не удостоилась. Екатерина Петровна Шмидт помогла царской любимице обжиться на новом месте и весной попросила Я. И. Вяхирева напомнить государыне о своих воспитанницах. 13 марта 1749 года А. И. Шувалов ответил секретарю Черкасова, что императрица велела племянницам Разумовского, дочери «Григория Ивановича Будакова... и мадам Шмит-ше, и при них служащие, коли есть, быть сюда, а, ок-роме того, никого б не брать. Что же она Шмитша объявила, будто б ей поручены еще две девицы — Анны Дмитриевны [Думашевой] дочь да Козлова, и оные ей поручены не были, чево ради имеют остатца в Петербурхе у вдовы Скороходовой [Татьяны Афанасьевны]»¹³.

Накануне возвращения Двора в Петербург, 13 ноября 1749 года Елизавета Петровна пожаловала наконец Прасковью Григорьевну во фрейлины, и та безотлучно прослужила ровно двенадцать лет возле своей фактически приемной матери. Елизавета единственный раз отпустила от себя «дочку» — в феврале 1758 года, в Ростов Великий. В компании с Дарьей Семеновной Чулковой и Прасковьей Ермолаевной Нероновой (в девичестве Скворцовой) Бутакова с 18 февраля по 23 марта ездила поклониться от имени Ее Величества чудотворным мощам святителя Димитрия Ростовского. Сама царица по состоянию здоровья уже не могла осилить подобного паломничества¹⁴.

Императрица максимально оттянула момент прощания с той, о ком заботилась, как родная мать.

799

Даже когда у девушки появился кавалер — корнет Конной гвардии Сергей Николаевич Строганов, государыня не сразу согласилась отдать за него Прасковью. 13 февраля 1761 года А. К. Воронцова в письме А. М. Строгановой заметила: «Петр Иванович Шувалов женится на сей неделе на меньшей княжне Одуевской, и фрейленских две свадьбы будут на сей неделе, Будаковой и еще другой». За семь дней

ситуация существенно изменилась. 20 февраля супруга канцлера написала дочери: «18 числа сего месяца свадьба была... Шувалова... Вчера мы ужинали у молодых в доме. В тот же день свадьба была Анны Иса-евны [Шафировой] при Дворе, только без чинов. А других фрейленов свадьбы отказаны до весны. Подумай, каково женихам!»

Однако по окончании Великого поста и пасхальных торжеств брачную церемонию Строганова и Бу-таковой опять отложили. Они обвенчались осенью, 11 ноября 1761 года, одновременно с племянницей А. Г. Разумовского Софьей Закревской и гвардии поручиком Николаем Апраксиным. 12 ноября обе пары и гости собрались в Зимнем дворце у Мойки на банкет. Елизавета Петровна на торжествах не присутствовала, ограничившись процедурой одевания и благословением невест. Ей оставалось жить полтора месяца.

... Спустя примерно семьдесят лет А. С. Пушкин запишет в своем дневнике: «Декабрь 1833... 4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине... У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Бу-дакова*. Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинеких фрейлин»¹⁵. Поправим поэта: не побочная, а приемная дочь. Ведь девочка оказалась во дворце не сразу после воцарения императрицы в ноябре или декабре 1741 года, а лишь осенью 1743 года, когда с кончиной матери летом того же года осиротела вместе с братьями.

Эпилог

Как сложилась жизнь главных героев этой книги после 1756 года? Алексей Петрович Бестужев-Рюмин избежал участи Лестока. Елизавета мягко покарала старого соратника и друга: канцлер отделался ссылкой в подмосковное село Горетово, где жил под охраной солдат. Караул не столько сторожил графа с женой, сколько защищал несчастную пожилую чету от пьяных загулов и бесчинств неразумного сына — камергера Андрея Алексеевича. Тот так сильно буянил, что самой государыне пришлось пригрозить беспутнику арестом.

1 апреля 1757 года императрица произвела Алексея и Петра Бутаковых в камер-пажи. Через год, в августе, младший брат скончался, а старший 19 декабря 1760 года выпросился у заменившей ему мать самодержицы в лейб-гвардии Конный полк поручиком. Но уже в марте 1762 года, сославшись на «чечуй-ную болезнь» и подагру, добился увольнения «от воинской и статской службы» в чине простого секунд-ротмистра, превратившись в обычного костромского помещика. Умирая в декабре 1761 года, Елизавета Петровна завещала Петру Федоровичу и Екатерине Алексеевне позаботиться о своих любимцах. Царь ограничился пожалованием тезке 30 декабря ранга секунд-ротмистра. Царица в точности исполнила наказ тетушки. Сразу по восшествии она добавила к ротмистрскому чину Бутакова приставку «гвардии», а 30 ноября 1762 года, «конфирмуя соизволение блаженной... государыни», наградила брата и сестру из дворцовых вотчин в Переяславском уезде Рыбной слободой, селом Красное и еще рядом деревень, в коих числилось более тысячи ста сорока душ. Петр Григорьевич прожил еще восемь лет, до августа 1770 года, а его шурин Сергей Николаевич Строганов овдовел около 1764 года. Пчелкино перешло за вычетом указной седьмой части жены Бутакова — Авдотьи Николаевны Килениной — в руки потомков Дмитрия Ивановича Бутакова — брата камер-юнкера цесаревны Елизаветы¹.
801

Алексей Дмитриевич Дедюлин, избежав кошек генерал-полицмейстера Татищева, укрылся в родовых поместьях — Звездунове (можайском) и Шеломхине (дорогобужском). Там подпоручик увлекся химией и устраивал эксперименты с порошками, «ис которых изыскал один белой в виде серебряной фарбы, а другой в виде золотой фарбы. И когда те порошки употреблял... душ опробации на разные металы, то, по смешении оных, переменили те металы разные виды». Обнаруженные

составы химик-любитель отослал в 1755 году на пробу А. П. Бестужеву-Рюмину, М. В. Ломоносову и А. И. Шлатеру. Правда, ответа от них исследователь не получил. В декабре 1759 года императрица вновь заинтересовалась Дедюлиным. Прошел слух, что можайский помещик убил двух дворян. В Гжатск срочно поскакал сын кабинет-секретаря Иван Иванович Черкасов. Комиссия выяснила, что обвиняемый замучил насмерть двух крепостных соседа. Тот по ошибке принял любимого холопа Дедюлина за беглого мужика и под охраной своих дворовых отправил в город. Несчастных по дороге перехватили люди Дедюлина и в присутствии господина расправились с ними. Хотя Алексей Дмитриевич отрицал собственное участие в преступлении, Тайная канцелярия признала его виновным в смертоубийстве. Но императрица помиловала старого знакомого и 16 июня 1761 года велела освободить подпоручика из-под ареста, предупредив, что во второй раз за аналогичный проступок ему не стоит рассчитывать на пощаду².

Николай Алексеевич Жолобов руководил российскими виноградниками в Австрии до 1764 года. 6(17) марта к нему на смену в Токай приехал секунд-майор Антон Петрович Рарог. Сдав дела, отозванный командир 17 (28) марта отправился на родину, но, добравшись до границы, в Василькове слег и 11 апреля скончался. Переводчику Карлу Густаву фон Бол-цену повезло выжить после жестоких побоев лейб-компанца Коровина. Сын саксонского дворянина предпочел больше не испытывать судьбу в главной полиции и 23 декабря 1755 года уволился из ведом-

ства Татищева. В мае он обратился в Военную коллегия с просьбой принять его в армию поручиком. С. Ф. Апраксин не возражал. Однако прежде пожелал уточнить чин претендента, для чего затеял с генерал-полицмейстером переписку относительно равнозначности званий переводчика главной полиции и армии подпоручика. Учреждения обменивались бумагами больше года, и все это время соискателю пришлось ожидать ее окончания³.

Александр Михайлович Голицын прослужил посланником в Англии до весны 1762 года, после чего вернулся в Россию, где удостоился звания вице-канцлера. В 1775 году именно ему довелось допрашивать и вести следствие над известной самозванкой, вошедшей в историю под именем княжны Таракановой. Переписка князя с матерью оборвалась в 1757 году. В ночь с 22 на 23 июня Татьяна Кирилловна умерла от чахотки. С отцом сын поддерживал корреспонденцию до возвращения домой.

Генерал-адмирал Михаил Михайлович Голицын продолжал возглавлять Адмиралтейскую коллегия, несмотря на политические кризисы 1762 года. Борис Михайлович Салтыков провел три прекрасных года в Женеве, обучаясь у местных профессоров разным наукам и регулярно навещая в Ферне великого философа. Вольтер очень привязался к молодому русскому дворянину и часто консультировался с ним, работая над «Историей Петра Великого». Правда, весной 1762 года юноша едва не стал политическим эмигрантом, уехав неожиданно в Лондон. Впрочем, к лету протее И. И. Шувалова передумал и отплыл в Петербург, где через два года перевелся с военной на гражданскую службу⁴.

Александр Мартынович Шванвич командовал шестым капральством лейб-компаннии до осени 1756 года. 20 ноября гренадера освободили от занимаемой должности. 8 февраля 1757 года он угодил под арест за посещение «непристойных чести офицерской мест». Через одиннадцать дней арестант вышел из дежурной с предупреждением, что за новую про-дерзость «с понижением чина будет выключен» из

803

отряда. Гренадер не прислушался к предостережению. 17 сентября 1758 года в герберге Ягана Гилен-берга на Большой Морской улице в доме купца Гнеушева

Шванвич подрался на шпагах с однополчанином Федором Смольяниновым и опять сел на гауптвахту. Императрица сдержала обещание: 16 апреля 1760 года оба дуэлянта были отчислены из лейб-ком-пании в армию. Шванвича в ранге поручика командировали в Оренбург, Смольянинова в чине капитана — в Астрахань⁵.

Павел Захарьевич Кондоиди во время Семилетней войны сделал все от него зависящее, чтобы обеспечить русскую армию хорошими врачами и достаточным количеством медикаментов. О своем любимом детище — медицинской библиотеке — образованный грек тоже не забывал. В апреле 1760 года он навестил вдову Элеонору Шарлотту Шрейбер и лично отобрал среди книг, принадлежавших госпитальному профессору, экземпляры, пополнившие несколько дней спустя коллекцию читального зала в доме на Миллионной улице. Очевидно, чрезмерные организационные хлопоты подорвали здоровье самого лейб-медика. Кондоиди скончался 30 августа 1760 года. Руководство Медицинской канцелярией перешло к верному помощнику доктора Ивану Яковлевичу Лерхе. Когда 29 сентября императрица пожаловала лейб-медиками Мансея и Шилинга, пункт о передаче кому-либо из них медицинского ведомства в указе не значился⁶.

Иван Никифорович Рудаков в чине капитана неизменно командовал караулами Зимнего и Летнего дворцов до осени 1755 года. 20 сентября его уволили на покой по старости армии полковником и «на свое пропитание». С ветераном обошлись на редкость несправедливо. Императрица нарочно долгие годы не производила офицера в секунд-майоры, ибо командиром дворцовой охраны мог быть только капитан или капитан-поручик. Когда же пробили час расставания, она фактически никак не отблагодарила преданного гвардейца за несложившуюся карьеру. Ранг полковника (или гвардии секунд-майора) возна-

804

граждением считать нельзя, потому что очередное звание обычно получали все лица, покидавшие службу. 1 октября Рудакову вручили паспорт для свободного проезда на родину, в Карачевский уезд, в село Периково. Но полковник не уехал. В последний момент либо кто-то указал царице на допущенную оплошность, либо она сама вспомнила о севе-новце. В итоге Иван Никифорович подал на высочайшее имя челобитную с просьбой пожаловать ему бригадирский чин и пенсion в размере оклада, полагавшегося гвардейскому капитану. 25 декабря на докладе Апраксина по делу Рудакова появилась резолюция: «Быть по сему», и 2 января 1756 года пятидесятивосьмилетний генерал в присутствии Никиты Соковнина произнес текст присяги, после чего отправился в родную брянскую деревню⁷.

Христиан Вильгельм Миних исполнял обязанности номинального главы российского Двора до конца лета 1760 года, пока не выпросился у государыни в отставку. 30 августа Елизавета Петровна назначила обер-гофмейстером Мартына Карловича Скавронского. По совместительству бывшему камергеру поручили также курировать Дворцовую канцелярию. В итоге тайный советник (с 16 августа 1760 года) Яков Андреевич Маслов утратил право напрямую обращаться к царице, а управление дворцовым хозяйством отныне осуществлялось под непосредственным контролем двоюродного брата Ее Величества. Талантливый администратор, по-видимому, понимал, какие причины побудили давно хворавшую самодержицу поставить между собой и придворными чиновниками родственника, и, не жалуясь, спокойно продолжал работать до судьбоносного рождественского вечера 1761 года. По окончании новогодних торжеств, 15 января шестидесятидвухлетний старик подал на имя Петра III прошение об увольнении от дел, сославшись на разные болезни и слабую память. Император не возражал, и 9 июня 1762 года Яков Андреевич Маслов, ветеран Северной войны (солдатом участвовал в финских рейдах князя М. М. Голицына),

кавалергард императрицы Екатерины I (в звании ка-
805

питана), прокурор Кригс-комиссариата (с 1733 года) и советник Вотчинной канцелярии (с 1736 года) при Анне Иоанновне, директор Судного приказа и Дворцовой канцелярии в царствование Елизаветы Петровны покинул государственную службу в ранге действительного тайного советника⁸.

7 ноября 1757 года наступил новый период в истории Оперного дома в еловой роще Царицына луга. С позволения императрицы в нем разместилась частная итальянская «компания» Джаованни Батиста Локателли, которая 3 декабря дебютировала с итальянской пасторалью «Убежище богов». А придворный театр с 27 декабря обрел иное пристанище — оперную сцену возле деревянного Зимнего дворца на Мойке.

Спектакли здесь шли по вторникам и пятницам, изредка — в другие дни. В 1759-м и до 29 сентября 1760 года съезжались не по пятницам, а по четвергам. Обе оперные труппы услаждали слух публики до поздней осени 1761 года. 5 ноября прекратил существование платный театр Локателли (ложе на сезон стоила 300 рублей, разовый вход в партер — рубль). 27 ноября 1761 года на неопределенное время опустели подмостки в здании, примыкавшем к деревянному Зимнему дворцу⁹.

16 августа 1760 года — день фактического прощания Елизаветы Петровны с нацией. Болезнь одолевала ее, и, чувствуя приближение конца, императрица обнародовала ряд важных решений. Проблема преемника перед ней не стояла. С момента вызова в ноябре 1741 года из Киля в Петербург Карла Петера Уль-риха Голштинского заработал первый секретный артикул брачного контракта Анны Петровны от 24 ноября 1724 года. Тем самым дочь Петра Великого обезопасила себя от соперничества со стороны племянника и одновременно обязалась гарантировать ему передачу престола после своей кончины: международный договор провозглашал юного герцога наследником того монарха, по инициативе которого тот приедет в Россию. По завещанию Екатерины I Петр

806

Федорович имел преимущество в сравнении с Елизаветой, если бы из лютеранства перешел в православие, чего до ноября 1741 года не случилось. Чтобы помешать подобному развитию событий в будущем, дочь Петрова и поспешила ввести в действие важнейшее положение брачного контракта, которое тотчас заблокировало возможность реализации восьмой статьи тестамена Екатерины.

Таким образом, к августу 1760 года государыне размышлять о том, кто займет российский трон после нее, не приходилось. Поэтому серия летних повелений 1760 года касалась лишь порядка управления страной до восшествия на престол Петра III. В пакете указов, посвященных в основном кадровым назначениям, был один непонятный и вроде бы бессмысленный, адресованный Сенату нормативный акт, убеждающий членов властного органа «зло прекращать и искоренять... по своей чистой совести», думать о народном благе, а не о личной выгоде. Прекраснодушные рекомендации сановникам до сих пор приводят многих в недоумение. Вопрос, с какой целью сочинялась нотация, по-прежнему ставит в тупик исследователей. И немудрено. Ведь даже тот, кому документ непосредственно предназначался, не сразу догадался о том. Петр Иванович Шувалов, подмявший под себя Сенат, то есть экономический блок правительства, заваливал сослуживцев огромным числом проектов, как прибыльных для госказны, так и не очень, зато всегда суливших солидные дивиденды автору идей. Елизавета Петровна долгие годы сама присматривала за неформальным вожаком сенаторов, одобряя перспективные и отсеивая убыточные для государства начинания вельможи. Но отныне неистощимый на выдумки соратник мог остаться практически без контроля. Н. Ю. Трубецкой на роль ревизора не годился, целиком подпав под

обаяние энергичного графа. Перед императрицей встала задача как-то обуздать предприимчивого брата фаворита, и августовский указ, безусловно, писался как высочайшее предостережение и совет Его Сиятельству не зары-

807

ваться. Но ввиду того, что к добрым советам чаще всего не принято прислушиваться, царица подкрепила слово делом и пожаловала в тот же день в генерал-прокуроры Я. П. Шаховского — человека, которому безгранично доверяла.

Князь не подвел госпожу. Шувалов замучился и потратил немало сил, безуспешно пробивая сквозь честного и непугливого Шаховского доходные для своего кармана инициативы. Петр Иванович даже умудрялся через двоюродного брата Ивана Ивановича проникать в спальню государыни, которая без апробации Якова Петровича ничего так и не санкционировала. Когда через год, осенью генерал-прокурор, уставший от сражений с кланом Шуваловых, запросился на покой, Елизавета отклонила челобитную. Больная женщина, очевидно, сознавала, что чиновник, отлично исполнивший очередную деликатную миссию, вскоре автоматически избавится от тяжелой ноши¹⁰. И действительно, Шаховской покинул высокий пост сразу же после 25 декабря 1761 года, уступив место «опекунам» Петра III — А. П. Мельгу-нову, Д. В. Волкову, А. И. Илебову и Н. Ю. Трубецкому.

Главное дело жизни Елизавета Петровна до конца не довела. Смерть помешала ей установить генеральный мир в Европе. Императрица не успела зафиксировать аннексию Восточной Пруссии у вероломного Фридриха II в пользу либо России (оптимальный вариант), либо Польши (на худой конец, если заартачатся союзники). В результате военная мощь Прусского королевства была сильно подорвана, но не уничтожена на корню. Через тридцать лет ведущее германское государство возродит утраченный потенциал. Всеобщие войны на континенте возобновятся с новой силой и с короткими перерывами продлятся до тех пор, пока в 1945 году И. В. Сталин не присоединит к России сердцевины прибалтийского анклава.

Хотя провидение буквально у финишной черты расстроило грандиозный замысел царицы, оно все же позволило ей пережить момент истины и увидеть полное военное и политическое банкротство своего

808

идеологического соперника — прусского короля. В юности, будучи еще принцем, Фридрих II очаровал Вольтера сочинением сенсационного труда — «Антимакиавелли». Автор в пух и в прах раскритиковал политический эгоизм, которым руководствовались в повседневной деятельности все монархи Европы. Однако, когда пробил час продемонстрировать читателям новый способ управления, учитывающий позиции подданных и соседей, венценосный теоретик без тени смущения забыл о прежних декларациях, вооружился привычными рекомендациями ученого флорентийца и за первые пятнадцать лет царствования переплюнул коллег по степени лицемерия, расчетливости и жестокости. То, на что не отважился политик-мужчина, оказалось по плечу политику-женщине. Дочь русского царя-реформатора не побоялась и на практике подтвердила эффективность своей политической науки побеждать с минимальным ущербом для окружающих, посрамив популярные до сих пор аксиомы Макиавелли.

Императрица ни с кем из вероятных преемников полностью не поделилась накопленным богатым опытом. Племянник вряд ли бы прислушался к тетушке. А великая княгиня... Затрудняюсь ответить точно, но что-то помешало Елизавете Петровне после, по-видимому, искреннего примирения с Екатериной в ходе встреч 13 апреля и 23 мая 1758 года¹¹ рассказать молодой и талантливой женщине все секреты собственного искусства царствовать.

Между тем супруга великого князя, определенно, пыталась понять политическую систему тетушки в целом, анализировала конкретные факты и наверняка задавала Ее Величеству наводящие вопросы. Об этом свидетельствует ряд важных совпадений в политике двух императриц. И первая, и вторая пропагандировали культ Петра Великого, регулярно посещали Москву — старую столицу государства и создали себе в помощь две партии — правящую и оппозиционную. И та и другая поощряли инициативу снизу, к силе прибегали в крайних случаях и знакомились со всеми аспектами проблемы, прежде чем принять

809

решение. Кроме того, о многом говорит связь ноябрьского 1741-го и июньского 1762 годов переворотов с английской Славной революцией. Да и замужество одной государыни с Г. Потемкиным, как две капли воды повторяющее брак другой самодержицы с А. Разумовским, тоже многозначительно.

Однако, как бы Екатерина II ни преклонялась перед Елизаветой Петровной (единственную дочь, рожденную после 1762 года от любимого мужа, Г. А. Потемкина, Северная Семирамида назовет в честь предшественницы, так же как и невесте любимого внука — Александра Павловича — после обряда крещения даст то же имя) и ни хотела стать ее ученицей, та на абсолютную откровенность почему-то не пошла. В итоге Екатерина Великая управляла страной, ориентируясь на разные образцы. С оппозицией обращалась по примеру Елизаветы: холила и лелеяла, а поймав лидеров на двойной игре, устраивала чистки без ликвидации партии. Аннексию австрийцами Баварии предотвратила по аналогии с 1745 и 1748 годами, снарядив вспомогательный корпус в помощь прусскому союзнику обиженных баварцев. Однако, когда арсенала средств, заимствованных у кумира, не хватало, в ход шли постулаты великого итальянца, о чем свидетельствует роковая для Екатерины история отношений с Польшей.

Не желая учитывать позицию коренной нации, соглашавшейся под давлением Петербурга позволить православному населению Польши свободу вероисповедания и наотрез отказавшейся уравнивать их в гражданских правах с католиками, русская императрица навязала полякам соответствующие законы о диссидентах, наводнив республику русскими войсками. Способ, успешно опробованный в Курляндии (в 1762—1763 годах Екатерина точно так же добилась провозглашения Бирона главой герцогства), дал осечку в Речи Посполитой. В феврале 1768 года шляхта, униженная великим соседом, развернула против его армии партизанскую войну. Русские солдаты без конца гонялись за мелкими отрядами инсургентов, громили их, но вскоре в других райо-

810

нах страны сталкивались с новыми «бандами», совершавшими налеты и бившими из засад. Ситуацию обострил религиозный фанатизм папистов на юге страны, мстивших за бессилие перед Россией православному украинскому населению. Православные в ответ устроили резню полякам. В довершение всего турки, посчитав польский хаос удобным моментом для нападения, в том же 1768 году объявили войну Российской империи¹².

Так ученица Елизаветы втянулась в череду тяжелых войн с Турцией и Польшей. Императрица закончила их с честью и выжала из побед максимум возможного, в том числе решила извечную крымскую проблему страшных татарских набегов на пограничные области и отторгла у Польши исконные славянские территории, избавив украинцев и белорусов от действительно неразумной религиозной политики польского сейма и зависимых от него королевских министров. Однако не о таком правлении она мечтала незадолго до воцарения, видя, как Елизавета сумела без единого выстрела,

посредством дипломатического искусства поднять престиж российской державы до уровня всеевропейского арбитра. В 1760 году в тетради великой княгини появилась весьма красноречивая запись: «Мир необходим этой обширной империи. Мы нуждаемся в населении, а не в опустошении... Мир нам доставит более уважения, чем случайности войны, всегда разорительной»¹³. Увы, после 1768 года императрица могла лишний раз убедиться в истинности процитированной фразы. Две войны с Турцией, три войны с Польшей, война со Швецией, мероприятия по покорению и освоению Крыма и Кубани поглотили огромные материальные и человеческие ресурсы. А слава России отныне в большей степени основывалась на боязни военной мощи русской армии, а не на уважении к мирной стране, всегда готовой протянуть руку помощи попавшему в беду партнеру. Положение усугублялось тем, что исправить допущенную роковую ошибку было нельзя. Слишком стремительно развивались события в 1768 году.

811

Перед Екатериной встала дилемма: либо с позором отступить, либо довести дело до логического конца. Она пошла по второму пути, проявила характер и победила. Но еще раз подчеркну: не таким ей виделось будущее накануне польского кризиса. И здесь самое время вспомнить о мемуарах великой императрицы, сохранившихся в двух редакциях. Первоначальный вариант с посвящениями П. А. Брюс и А. И. Черкасову перенасыщен негативными эпитетами в адрес Елизаветы Петровны. Бывшая великая княгиня не пожалела предшественницу, создав отталкивающий образ вздорной и взбалмошной барыни на троне. Более поздний текст, впервые обнаруженный Герценом, неожиданно изменил вектор главной атаки. Разоблачениям и критике подвергся муж. Эпизоды о капризном, легкомысленном и неуравновешенном характере Елизаветы в нем либо отсутствуют, либо заметно смягчены. Лишь умение царицы управлять государством по-прежнему оценивается весьма низко. Зачем автор записок сперва ударил наотмашь ту, на которую пытался равняться, а потом внезапно остановился, исключил или исправил места, ей посвященные, и возобновил работу, выбрав в качестве объекта нападения другое лицо? Интересный вопрос. Чтобы ответить на него, нужно взглянуть на труды историков нынешних и прошлых времен. Среди них однозначно господствует мнение, что Екатерина взялась за перо, чтобы оправдать свержение Петра Федоровича. Вторая доминирующая позиция относится к Елизавете Петровне — бездарной и полностью зависимой от умных министров государыне. На чем основывается последнее утверждение? На депешах и записках иностранцев, а также на мемуарах Екатерины П.

Сравнение двух редакций воспоминаний императрицы между собой и та роль, которую они сыграли в исторической науке, помогают понять, что цель перед ними ставилась единственная — дискредитировать Елизавету Петровну как политика. Екатерина в первых набросках переборщила со сценами неспра-

812

ведливых нареканий и мелочных придирок (по большей части выдуманных) капризной тетушки к себе и окружающим. Осознав, что явная тенденциозность может вызвать недоверие к сочинению, коронованная мемуаристка нашла оригинальный выход, решив замаскировать настоящий мотив мнимым — конфликтом с собственным мужем. Екатерина все переписала заново, держа под рукой черновик и выбирая из него наиболее примечательные вставки о дочери Петровой. Получилось идеально. Маневр с супругом должен был отвлечь на себя дотошных критиков, а внешне беспристрастные заметки о скверном стиле руководства Елизаветы били бы прямо в точку, ибо совпадали с негативными отзывами о ленивой императрице многих иноземных посланников, служивших при русском Дворе в то время.

Но вот ирония судьбы! Знаменитый припадок 5 ноября 1796 года парализовал Екатерину прежде, чем она успела закончить мемуары и сжечь черновик — ключ, без которого понять подлинные намерения императрицы невозможно. И теперь каждый вправе взять в руки полное издание записок 1907 года или репринт 1989 года, сверить оба текста и, как говорится, почувствовать разницу. План царицы блистательно осуществился только потому, что исследователи прочитали второй вариант на полвека раньше опубликования первого и не обнаружили в нем нестыковок с другими материалами, в первую очередь с перепиской дипломатов. В итоге на странное и очевидное различие в редакциях воспоминаний просто не обратили внимания¹⁴. Из-под пера Екатерины II вышел действительно уникальный литературный шедевр — ненадежный и тем не менее точный исторический источник. Парадокс объясняется просто. Императрица выполнила на редкость ювелирную работу, превратив истолковывая подлинные события и искусно разбавив их малой толикой домысла. Историкам еще предстоит провести сплошную перекрестную проверку труда Екатерины, отделить зерна от плевел и понять, почему царице потребовалось компрометировать Елиза-

813

вету Петровну, ибо, скорее всего, автором двигателя не зависть или обида, а что-то иное. Мы же под занавес рассмотрим технологию искажения на примере одного характерного эпизода — увольнения камер-юнкера великой княгини М. П. Жуковой. Предоставим слово автору воспоминаний: 28 сентября 1745 года, «придя к себе в комнату, я не нашла... Марии Петровны... к которой я особенно привязалась... m-lle Банк... рассказала, что, когда все... обедали, вошли сержант гвардии и кабинетский курьер и сказали Жуковой, что мать ее заболела, что нужно ехать к ней. Она встала, поблуднев, и, пока садилась в коляску с одним из посланных, другой приказал ей горничной собрать вещи ее хозяйки. Шептались о том, что она сослана... потому, что я к ней была привязана и ее отличала... На следующий день... она [Елизавета] стала страшно поносить Жукову, говоря, что у нее были две любовные истории, что мать моя при последнем свидании... убедительно просила Ея Величество удалить эту девушку от меня, что я по молодости моей привязалась к ней, но что эта девушка недостойна моей привязанности... Я отличала эту девушку и любила ее... без влечения или склонности, а единственно потому, что она была весела и менее других глупа и... очень невинна...».

О чем свидетельствует история с Жуковой? О том, что капризная императрица сослала молодую и добродетельную девушку в Москву по пустому и нелепому подозрению в лесбиянстве! Сострадательная великая княгиня снабдила опальную девицу деньгами, нашла жениха — гвардейца Травина, а злая царица отправила несчастную пару в Астрахань. Екатерина, повествуя о мытарствах семьи Жуковой, не погрешила против истины, если не считать умолчания о ряде фактов и в первую очередь о том, что ей «повезло» стать жертвой обыкновенной шайки вымогателей.

Мария Петровна Жукова — дочь Марии Титовны Лопухиной — умудрилась за несколько месяцев выцыганить у стеснительной и отзывчивой госпожи приличный гардероб из самар, кафтанов, шлафоров, полшлафоров, юбок, корсетов и прочих женских

814

уборов (всего тридцать три наименования), два позолоченных образа с драгоценными камнями, два золотых перстня и одно золотое кольцо. Елизавета Петровна, проведая о мошенниках, велела 28 сентября кабинет-курьеру Илье Мещеринову взять под стражу плутовку, пока Екатерина будет прощаться на окраинах Петербурга с родной матерью. Офицер исполнил приказ, внезапно нагрянул в комнату принцессы и арестовал

Жукову, которая не успела избавиться от улик. Преступницу вместе с сестрой и матерью вывезли в Москву и поместили в дворцовом селе Покровском на казенном довольствии (50 копеек в день).

Екатерина по просьбе царицы составила перечень предметов, которые девица выманила у нее. Мещеринов из Первопрестольной прислал опись вещей с примечаниями Жуковой об их происхождении. Бумаги сверили и обнаружили то, что выклянчила бессовестная служанка. Но Елизавета не конфисковала подарки. Только распорядилась показать ей драгоценности, а 31 октября 1745 года рекомендовала матери поскорее выдать дочь замуж. Мать же не спешила и двух кандидатов, которых сумел разыскать Мещеринов, отвергла. Третий — Степан Дмитриевич Травин — объявился 26 января 1747 года. Он отвращения не вызвал, и 7 февраля государыня дозволила паре заключить брак. Через неделю из Зимнего дворца в Покровское устремился курьер с обещанием, что мать Жуковой и сестра Анна после свадьбы обретут полную свободу.

Однако Мария со Степаном не торопились идти в церковь. Почему? Родилась идея выудить немного денег и из императрицы. Попытка повесить на казну некие долговые обязательства не увенчалась успехом. Тогда мать сообщила императрице о неимении средств на оплату венчальной церемонии. Каптенар-мус-семеновец Травин по глупости присоединил свой голос к жалобе. Реакция Елизаветы была такой. Травина 1 мая произвели в подпоручики. Три дня спустя Военная коллегия выбрала местом службы для него Кизляр. 7 мая подготовили ответ М. Т. Лопу-

815

хиной. И. А. Черкасов отписал И. Мещеринову: «Ее императорское Величество указала объявить вам бывшему каптенармусу Травину, чтоб он на бывшей камер-юнкере Жуковой, не продолжая времени, женился бы или отказал. А мать оной Жуковой и ее Жукову с сестрою и с людьми, освободи, выслать вон из дворца... Что же требует о коште, и каким порядком свадьбу дочери своей отправлять, и на оное тебе объявить ей, Лопухиной, что, ежели впредь от нее такая продерзости будут, то за оное учинено ей будет истязание». 15 мая Жукова и Травин обвенчались, и в тот же день кабинет-курьер отпустил узниц на все четыре стороны, запретив им посещать Москву и Петербург во время пребывания Двора в обеих столицах¹⁵. На первый взгляд Екатерина II, сочинив свой памфлет, очень провинилась перед Елизаветой Петровной. Но это не так. Парадокс истории заключается в том, что преемница дщери Петровой исполнила именно то, что и должна была исполнить!.. 29 декабря 1761 года (9 января 1762 года) датский посол Гакстгаузен, который узнавал о происходившем в Зимнем деревянном дворце от самой Екатерины (контакты осуществлялись через помощника посла Андреса Шумахера), доложил в Копенгаген о внезапном вызове великой княгини утром 25 декабря к императрице (формальное прощание Петра и Екатерины с тетешкой состоялось накануне 24-го). О чем за несколько часов до смерти Елизавета говорила с женой племянника, неизвестно. Информатор убедил дипломатов, что ничего, кроме бессвязных слов, государыня не произнесла. Однако насколько правдивыми сведениями снабдил он датчан на сей раз, знают лишь непосредственные участники беседы — Екатерина и Елизавета, а больше, по-видимому, никто...¹⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

¹ Григоров А А Из истории костромского дворянства. Кострома, 1993. С. 57-60.

Пользуясь случаем, выражаю большую признательность всем сотрудникам государственных архивов за их нелегкий, часто однообразный, но так необходимый историкам и всему обществу труд. Кроме того, особо благодарю

В. С. Лопатина за оказанную им помощь при подборе материала, сделанные критические замечания и полезные рекомендации.

РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 63, л. 244; ф. 22, оп. 1, д. 101, лл. 16-17; ф. 1239, оп. 3, Д- 61245, л. 1; д. 51851, л. 436; д. 61167, л. 154; Архив Воронцова. М., 1870, Т. 1. С. 45.

³ Успенский А. И. Императорские дворцы. М., 1913- Т. 1.

С. 28—29. Указ о сооружении западного флигеля издан 29 января 1746 года.

* РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 7 об.; РГИА, ф. 470, оп. 6, д. 13, лл. 2—11 об. (опись помещений Зимнего дворца, составленная в январе — марте 1745 года); РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 6Н75, лл. 127—131 об.; д. 61193, лл. 1—2 (ведомость лицам, живущим в Зимнем дворце, составленная в марте 1746 года).

⁵ Успенский А. И. Императорские дворцы. Т. 1. С. 28—29; *Старикова Л. М.* Новый источник сведений по истории театра в России XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 2000. М., 2001. С. 107; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 46-47, 61-63; 1888. Т. 102. С. 494-497; Камер-фурьерский журнал (далее: КФЖ). 1745. 21 августа, 24 августа и 6 ноября; 1754. С. 122-123; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 64, лл. 117-118; РГИА, ф. 470, оп. 6, д. 13, лл. 12-27, 36-43; РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 16, лл. 11 об.-12, 21-21 об.; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 533, л. 219; ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 9, лл. 44-49; д. 11, лл. 30-33, 91-92, 219 об.; д. 18, лл. 53-56, 129-129 об., 216.

⁶ РГАДА, ф. 1261, оп. 11, д. 3602, лл. 1—45; д. 171, лл. 1-2 об. Помимо проблем, связанных с возведением нового дворца, дворецкого Андрея Константинова обременяли множество иных дел. Ведь на нем лежало все петербургское хозяйство вице-канцлера, в том числе дом графа, стоявший в ста шагах от развернувшейся стройки. А еще были бесчисленные поездки по городу и визиты разных персон. Так,

30 июня к Воронцову пожаловал доктор Сухопутного кадетского корпуса с офицерами и гулял в саду хозяина до десятого часа вечера. В первых числах августа советник полиции Карташев прислал прапорщика узнать, насколько достоверен пронесшийся по столице слух о скором возвращении на краткое время в Петербург Михаила Ларио-

^{27 К.}

817

новича. Между 28 августа и 3 сентября с Константиновым встретился М. В. Ломоносов, который сообщил о готовности заказанных Его Сиятельством барометра и термометра. Профессор обещал на днях доставить для отправки в Москву термометр. Отдавать более сложный инструмент — барометр — академик побоялся. Не умеющий с ним обращаться человек по дороге мог сломать прибор.

⁷ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 388, л. 225 (опись нужника А. П. Бестужева-Рюмина в доме на Каменном острове); ф. 11, оп. 1, д. 308, лл. 1-4 об.; ф. 22, оп. 1, д. 143, лл. 2—4; ф. 248, оп. 86, д. 7005, лл. 117, 447; ф. 285, оп. 1, д. 411, лл. 27 об.-28, 43; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 2047, лл. 2-29 об.; д. 2051, лл. 2-30 об.

Глава 2

¹ РГАДА, ф. 22, оп. 1, д. 143, лл. 3-4, 7; ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 1, лл. 69-69 об.; ф. 1239, оп. 3, д. 51861, л. 102.

² РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 42, лл. 181-182.

³ Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 40.

4 РГАДА, Ф- 286, оп. 1, д. 439, л. 12; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3080, л. 12. Возможно, летом 1740 года Елизавета Миних «с двумя детьми» первый раз покинула мужа, чтобы навестить родных в Любеке и в 1741 году вернуться в Петербург. Заграничный паспорт, выписанный Коллегией иностранных дел на ее имя, датирован 9 июня 1740 года (АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 3550, л. 114).

5 РГАДА, ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 9, л. 302; ф. 11, оп. 1, д. 435, лл. 1-1 об.; д. 436, лл. 7-7 об.; АВПРИ, ф. 13, оп. 13/2, д. 639, л. 1.

⁶ РГАДА, ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 10, лл. 1-2 об., 435-436; ф. 11, оп. 1, д. 436, лл. 3- 5 об.; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 534, лл. 12— 14; д. 182, л. 40.

⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 89, д. 8122, ч. 1, лл. 64-67; ф. 286, оп. 1, д. 439, лл. 159, 299-300 об., 314-314 об., 318, 167, 170, 308, 320.

⁸ РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 439, л. 174; ф. 1239, оп. 1, д. 878, л. 78; д. 877, л. 5; д. 880, л. 55; оп. 3, Д. 61175, л. 14 об.; д. 51859, л. 592; д. 61167, л. 201; д. 51851, лл. 543-545.

» РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 61169, л. 12; д. 61244, л. 219 (Измайловой заплатили сразу за три года, со дня пожалования в статс-дамы— 1 января 1752 года); ф. 14, оп. 1, д. 56, л. 159-

¹⁰ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 411, лл. 24 об.-25; ф. 1239, оп. 3, д. 61175, л. 127 об.; д. 61167, л. 154; д. 51861, л. 514; ОПИ ГИМ, ф. 445, оп. 1, д. 45, л. 1.

¹¹ ОПИ ГИМ, ф. 445, оп. 1, д. 45.

¹² РГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 876, л. 29 об.; ф. 18, оп. 1, д. 114, лл. 8-12.

818

13 РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 439, лл. 797, 794-796, 798, 799; ф. 248, оп. 89, Д. 8122, ч. 1, л. 118.

" РГАДА, ф. 9, оп. 5, Д. 38, ч. 2, л. 27.

¹⁵ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 56, ч. 1, лл. 160-191; ф. 1239, оп. 3, д. 51850, лл. 339-339 об., 346.

* РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51859, л. 673; Д. 51863, л. 951.

¹⁷ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 201, лл. 3-5 об.

¹⁸ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61190, лл. 7-8.

•⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51864, л. 593,603-609. Прежде ливрейные служители носили желтый кафтан с черными обшлагами, желтые штаны и черный камзол. В октябре 1741 года по заказу Анны Леопольдовны портные сшили экспериментальный образец — зеленый кафтан с красными обшлагами, зеленые штаны и красный камзол. В течение 1742 года низшие придворные чины полностью переоделись в новый красно-зеленый мундир (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51850, лл. 6,441 -442).

²⁰ РГАДА, Ф-14, оп. 1, д. 56, лл. 158-191; ф. 1239, оп.3, д. 51856, лл. 200-223 об.; д. 51865, лл. 583-585; Д. 61213, лл. 1-5; РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 93, лл. 129-129 об.; РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 38, лл. 224—224 об.

²¹ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 56, лл. 158-191-

²² Загадки русской истории. М., 2000. С. 47—65. В статье, посвященной Е. И. Францен, фамилия любимой горничной Елизаветы Петровны на основании одного документа определена не совсем верно (Франц). Обнаруженное мною дело о пожаловании 23 января 1749 года камер-юнкере Елизавете Ивановне пяти гаков в Лифляндии вносит в этот вопрос полную ясность: «... Ея Императорское Величество всемилостивейше пожаловали Ея Императорского Величества ка-мор-юнкере Елисавете Франценовой за ее службы в Лифляндии в Рижском уезде в Буртнеском кирхшпиле ис публичных две мызы... по присланному... указу о отдаче деревень Балод и Циорен камер-юнкере Елизавете Францен в вечное владение... показанные деревни оной камер-юнфо-ры Францен поверенному канцелярии советнику Сиверсу в конце апреля месяца сего года отказаны. Рига. Августа 26 дня 1749 года* (РГАДА, ф. 274, оп. 1, д. 2795, лл. 160,1<э4).

« РГАДА, ф. 9, оп. 5, Д. 38, ч. 2, лл. 200—201; ф. 14, оп. 1, д. 172, лл. 1-5; ф.285, оп. 1, д.397, л. 133-

Глава 3

¹ Архив Воронцова. М., 1873- Т. 6. С. 270.

² РГАДА, ф. 1239, он. 3, Д- 52358, лл. 132, 133; АВПРИ, ф. 6, оп.6/1,1745, д. 16, лл. 94-95.

³ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 1.С. 239; 1987. Т. 3. С. 552.

819

⁴ *Комиссаржевский Ф. Ф.* История костюма. Минск, 1998. С. 314; *Мерцалова М. Н.* История костюма. М, 1972.

С. 120-131.

⁵ *Мерцалова М. Н.* История костюма. С. 131; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61615, л. 5; ф. 6, он. 1, д. 376, ч. 1, л. 271; ф. 1239, он. 3, Д. 61608, л. 27 об.

⁶ *Курсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре. М., 1995. С. 297.

⁷ *Беловинский Л. В.* История русской материальной культуры. М., 1995. Ч. 1. С. 76.

⁸ *Комиссаржевский Ф. Ф.* История костюма. С. 310.

⁹ 1. Из счета портного Ивана Костмана на платья, сделанные им еl 745, 1748, 1751 и 1753 годах:

«...1753 марта 12: пунцовой тафтяной полшлафорок — 2 рубля; пунцовая тафтяная полуфижменная юпка и с широкой фалбалой и за высеченные фалбалы — 5 рублей; за стальное перо к фижменной гопке — 1 рубль 50 копеек; за четыре фунта костей к юпке — 4 рубля 80 копеек; за алые широкия и узинкия гарнитуровыя ленты — 1 рубль.

[Апреля] 10: желтая тафтяная болтая фижменная юпка — 8 рублей; за четырнатцать аршин фалбалы к юпке высечено — 1 рубль; за десять фунтов костей по 1 рублю по 20 копеек фунт — 12 рублей; за стальное перо к фижменной юпке — 1 рубль 50 копеек.

Апреля 25: густая алая тафтяная болшая фижменная юпка и с широкой фалбалой — 8 рублей; за десять фунтов костей по 1 рублю 20 копеек фунт — 12 рублей; за сталное перо к фижменной юпке — 1 рубль 50 копеек; за высеченные фалбалы — 1 рубль.

Мая 15; малинная желтая тафтяная фижменная юпка — 2 рубля; за два фунта с половиною костей по 1 рублю по 20 копеек фунт — 3 рубля; за ленты к фижменной юпке — 50 копеек...»

2. Из списка портных, которым надлежит заплатить деньги за работу и за приклад:

«...Шефлеру за шитье платья и за приклад 1754 году мая с 7 ноября по 4-е число — 42 рубля 40 копеек...

...Шихту за дело фижбенов 1754 февраля с 12 по 1755 году по апрель месяц — 53 рубля.

...Грамкину за шитье платья и булочек и за приклад 1753 и 1754 годов — 91 руб...

...Реестр разному платью, которое внесено в парадную почивальню: кафтанов с юбками — 2, кафтанов зашивных — 3, шлафоров с юбками на болшую фижбеную — 15 пар, шлафоров зашивных с фалшивыми юбками — 16, шлафоров одинаких — 4, полшлафоров с юбками на малую фиж-бену — 21 пара; полшлафоров с юбками на обручик — 20 пар, полшлафоров с юбками на булочки — 91 пара, бо-820

строгое с юбками — 5 пар, шубок с юпками — 12 пар, шубок одинаких долгих — о, шубок же одинаких — 13, полшлафоров с юбками тафтяных волнистых на фижбену, на обручик, на булочки —

24 пары, юбок одинаких цветных — 111, исподних юбок — 84, полшлафоров и кофт одинаких — 121, юбок одинаких, грезетовых черных — 95, тро-урного платья — 11 пар, троурного одинакого платья — 28, стеганых юбок одинаких — 23, стеганого парного — 10 пар, кофт одинаких стеганых — 6, карсетов 373, ливрей камер-юнкерских — 24 пары, ливрей же одинаких — 24... ..Оставлено в казенной: полшлафоров с юбками тафтяных, белых на фижбену и на булочки — 62 пары, полшлафоров одинаких — 88; шлафоров и шубок одинаких — 16; больших фижбёных юбок — 36, фижбёных маленьких юбок — 40, обручилов — 28...»

3. Из рядной А. П. Ягужинской, ноябрь 1754 года:

«... три юпки фижмёных — одна большая и две маленьких, деланные из косяка голевой, алой камки. Цена за камку и за работу фижмен 47 рублей...»

4. Изрядной М. А. Нарышкиной, февраль 1756 года:

«... фижменная юпка большая, обшита белю тафтою с сеткою серебрёною; фижменная юпка малинка, обшита белю тафтою...»*

5. Реестр платью старой казенной:

«... полшлафоров с юпками на фижбену — 59 пар; полшлафоров с юпками на булочки — 60 пар; кофт с юпками на фижбену — 3 пары; кофт с юпками на булочки — 50 пар; шубок с юпками на булочки — 5 пар; казакинов с юпками на фижбену — 2 пары; казакинов с юпками на булочки — 5 пар; корсетов с юпками на булочки — 6 пар; амазонских шубок с юпками на булочки — 6 пар; амазонских карсетов с гонками — 2 пары... 1747 года — казакин и юпка на обручик штофные, алые с белыми травами и с позументом серебрёным уским по борту»

6. Из реестра портного Ягана Гилдебранта о сделанной, но неоплаченной работе для Н. Ф. Лопухиной:

«...за работу фиолетовой самары и за приклад ко оной костей, шелку и крашенину — 3 р., за работу шнурованья — 4 р., за работу фижбённой юбки и за приклад ко оной костей — 4 р.; за работу зделанной обьяринновой самары и за приклад ко оной костей и шелку; за работу зделанной помаранцового цвету грезетовой самары и за приклад ко оной костей и шелку...»

7. Из отчета о расходе в 1751 и 1752 годах кофейного грезета, купленного у гоф-фактора Штегельмана:

«...декабря 16 дня. Взято в Комнату на булки для Ея Им-ператорского Величества 3 аршина. Декабря 23- Отрезано на 2 юбки на булочки 38 аршин.

821

В 1752 году февраля 3. Отрезано на юбку на булочки 19 аршин* (РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 88, лл. 1 об., 3, 9—9 об.; д. 98, лл. 51, 77; д. 113, л. 49; ф. 1239, оп. 3, д. 61591, лл. 47, 49; ф. 6, оп. 1, д. 376, ч. 1, лл. 271-271 об.).

¹⁰ Если женщина не имела ни фижм, ни булочек, ни об-ручика, то ее выручала пара хорошо накрахмаленных нижних юбок, придававших верхнему платью некоторую пышность.

¹¹ Записки императрицы Екатерины II. М., 1989- С. 315. О днях ношения роб и самар при Дворе см. Камер-фурьер-ский журнал. В качестве дополнения ниже приводится роспись предметов женских нарядов, надевавшихся в разных случаях жизни, образцы которых П. Г. Чернышев прислал из Англии в Петербург в сентябре 1751 года.

1. «Во время праздников и публичных сонмищ*»: «1. Самара с юпкою брусничная тафтяная,
2. Рубашка,
- 3- Спурованье белое обертинное,
4. Исподняя юпка белая канифасная,
- 5- Фижбённая юпка полосатая холстинная,
6. Юпка белая атласная стеганная на фижбённую,
7. Карманы белые канифасные,
8. Чулки белые нитеные с подвязками,
9. Башмаки белые атласные с серебрённым позументом,
10. Пояс на самару серебрённой с пряжкой,
11. Паричек волосяной,
12. Фонтан: с кружевом при нем и цветок серебрённой в голову,
13. Ангажанты тросёные с кружевом и ворот к рубашке,
14. Палатин белой с серебром,
15. Цветок на грудь,
16. Серги хрустальные тройные,
17. На шею четыре нитки бус,
18. Часы,

19- Готовальня,

20. Руковицы с перстами,

21. Пахало».

2. «Когда бывают дома и не в весма чиновных визитах, как и в гулянии»:

«1. Кафтан, по аглицки называемой Гоун, голубой тафтяной, которой надевается на шнуrowанье.

2. К нему юпка канифасная белая.

3- Фартук камертуховый с алыми лентами.

4. Ангаженты одинокие камертуховые.

5- Палатин двойной камертуховый.

6. Бант из лент алой на грудь.

822

7. Нахцеих камертуховый с алыми лентами.

8. Шляпа соломенная с лентами.

9. Епанча черная с капором.

10. Рукавицы без перстов.

11. Епанча красная суконная, в чем простые служанки по улицам ходят».

3. «В каком ездят верхом и бывают в дорогах*: «1. Кафтан камлотовой с камзолом, надевающейся на ординарное шнуrowанье.

2. Юпка такова ж цвету камлотовая.

3. Рубашка муская сманжетами, которая надевается сверх шнуrowанья.

4. Парик круглой.

5- Корпус черной бархатной.

6. Башмаки кожаные черные с стальными пряжками.

7. Рукавицы муские.

8. Хлыстик,

9- Сюртук красной ратиновой.

10. Шляпа черная гродетуровая, носящая вместо кар-пуза во время холоду и дождя» (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 61615, лл. 5-8).

А вот как в документах той эпохи описываются шлафоры и полшлафоры: «Двои полы, одне шлафорные, а другие полшлафорные, тафтяные белые, шитые золотом и фиолетовым шелком. К ним двои рукава и на два лифа вышитые штуки* (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д-53730, л. 15).

¹² Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма. С. 315—316.

¹³ Сыромятникова И. С. История прически. М., 1989-С 147.

"> РГАДА, Ф- 14, оп. 1, д. 61, лл. 7-7 об.

>5 РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 3Ю, л. 295; ф. 1263, он. 1, д. 7239, лл. 38 об.-38; 41-41 об.; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 47.

¹⁶РГАДА,ф. 14,оп. 1,д.61,лл. 10, 14-14 об., 15-16.

¹⁷ Старикова Л. М. Новый источник сведений по истории театра в России XVIII в. // ПКНО-2000. М., 2001. С. 104-109; РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 61151, лл. 1-об., 2, 3-4, 7. Выдержки из рапортов В. В. Фермера и А. Д. Татищева с ошибками опубликованы в статье В. Всеволодского-Гернгросса «Театральные здания С-Петербурга и Москвы в XVIII веке» (Старые годы. 1910. Кн. 1. № 2. С. 16-17).

¹ * Старикова Л. М. Новый источник сведений по истории театра в России XVIII в. С. 115-122, 127, 130-131, 133, 138.

¹⁹ Хотя на плане С.-Петербурга М. Махаева 1753 года Конюшенный мост не имеет разветвления на оба берега Глухого протока, на другом документе — плане расположения полков гвардии и петербургского гарнизона во время парада 5 сентября 1754 года — его очертания уже тождественны современному виду Театрального моста. Подобная
823

конфигурация позволяла вдвое сократить время пути от Конюшенного двора до Оперного дома. В противном случае, добираться до театра приходилось в обход: через Большой Конюшенной мост по Мошкову переулку и Миллионной улице к тому же мосту через Красный канал, на что затрачивалось двадцать минут (РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 9, л. 126).

²⁰ КФЖ. 1756. С. 105; Старые годы. 19Ю. Кн. 1. № 2. С. 18, 19; РГИА, ф.439, оп. 1, д. 10, л. 15- Позднее офицерам предписали приводить свои команды в Оперный дом к шести часам вечера и докладывать об этом гофмаршалу С. К. Нарышкину.

²¹ *Старикова Л. М.* Новый источник сведений по истории театра в России XVIII в. С. 136; *Сумароков А. П.* Полное собрание сочинений. М., 1781. 4.4. С. 247—280; *Цефал и Прокриса*. СПб., 1755. С. 1-36.

²² *Штелиня Я.* Музыка и балет в России XVIII в. Л., 1935-С 91.

« Цефал и Прокриса. СПб., 1755. С. 36.

²⁴ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 15 об. В документе, правда, написано о возвращении императрицы во дворец «по полудни во 2-м часу*. Однако это явная описка. Аналогичная ошибка в журнале дежурных генерал-адъютантов допущена в записи от 28 апреля 1756 года. Царица уехала в театр в десятом часу пополудни, а вернулась во втором часу пополудни (РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 55 об.).

Глава 4

¹ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 407, л. 41 об.; *Юркин И. Н.* Демидовы в Туле. М., Тула, 1998-С. 196—197; *Трелов В. А.* Речные каналы в России. М.; Л., 1953-С. 90-91, 137-141, 144.

² РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 106, лл. 1059-Ю82, д. 132, л. 725.

³ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 411, л. 80.

⁴ РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1622, лл. 3 об.—4; ф. 1263, оп. 1, д. 7237, лл. 1 — 1 об.; д. 7239, лл. 34, 4—6; д. 92, лл. 1 -2; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 1486, л. 8.

⁵ РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 3Ю, лл. 335, 347-355; д. 26О, лл. 327, 355, 363.

⁶ КФЖ. 1755. 12 марта; АВПРИ, ф. 17, оп. 17/1, д. 30, л. 1; д. 52, лл. 1—2; д. 56, лл. 1 — 1 об.; д. 62, лл. 1 — 1 об.; д. 64, лл. 1 — 1 об. Расписки в получении знаков ордена или денег выглядели так: «1746 октября 9. В Государственную коллегию Иностранных дел принято оставших по смерти генерала, сенатора и кавалера графа Григорья Петровича Чернышева чепь кавалерская золотая и два креста кавалерских же, из которых один ордена святого Апостола Андрея, а другой ордена святого Александра, что все во оную коллегию при-
824

псал и сию росписку писал той коллегии регистратор Иван Артемьев».

«1747 марта 24- В Государственную коллегию Иностранных дел принято из дому покойного генерала, сенатора и кавалера графа Григорья Петровича Чернышева вместо кавалерского креста ордена святого Александра, которой по смерти Его Сиятельства подлежал к отдаче в помянутую коллегию, за неимением онаго денгами сто рублей, которые в той коллегии в приход записаны сего ж числа. Оныя денги принял и сию росписку писал той же коллегии регистратор Иван Артемьев» (ОР РГБ, ф. 64, к. 68, е. х. 1, лл. 14, 15).

⁷ АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 197, лл. 4-6; ф. 2, оп. 2/6, д. 3550, лл. 14, 104; ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 16, лл. 95-95 об.; РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7240, лл. 42 об.-42.

⁸ КФЖ. 1755. 17 марта; РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 19 об.; РГАДА, ф. 1239, оп. 33, д. 15, лл. 18-28; д. 16, лл. 18-21; ф. 1263, оп. 1, д. 7612, л. 1.

⁹ Почта работала по расписанию, напечатанному в придворных календарях за соответствующий год. Год от года время отправления писем менялось. Приведенные данные опубликованы в придворном календаре 1755 года.

¹⁰ РГАДА, ф. 1263, оп. 2, д. 7239, л. 3.

¹¹ ОПИ ГИМ, ф. 3, Ст. оп., д. 1085, лл. 319 об.-320, 318 об.-319, 322.

^ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 260, ч. 1, лл. 38-38 об., 55, 36н, 36п.

•з РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7239, лл. 8-8 об.

ПОР РГБ, ф. 255, к. 2, е.х. 3, лл. 1-1 об.

» РГАДА, Ф- 16, оп. 1, д. 260, ч. 1, лл. 97, 34-34 об., 32 об., 93-94, 99.

¹⁶ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 26О, ч. 1, лл. 117-119, 122.

" РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 260, ч. 1, лл. 119-121 об., 114-114 об., ИЗ, 116 об.

¹⁸ АВПРИ, ф. 96, оп. 96/1, 1752, д. 7, лл. 1-18.

Глава 5

¹ АВПРИ, ф. 89- 1, оп. 89/1, 1755, д. 11, лл. 374, 379 об., 380-381, 375-375 об., 378 об., 387; д. 13, Д. ЮЗ-

² АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 1486, лл. 145—146; РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 151, л. 1 (см. Архив Воронцова. М., 1872. Т. 4. С. 514-515).

* АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, Д. 10, лл. 1-2, 27-31, 167.

4 АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, Д. 11, лл. 1-1 об.; д. 13, лл. 60-63; ф. 2, оп. 2/1, д. 1486, лл. 33-35, 45; д. 177, лл. 117-117 об., 139, 198-198 об.

5 АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, Д. 13, лл. 39-45, 47-47 об., 49-51, 58, 69 об.; д. 11, лл. 355, 368-368 об.; ф. 2, оп. 2/1, д. 177, лл. 401-402 об., 423-

825

6 АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, д. 13, лл. 47 об.-48, 55-57.

⁷ АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, д. 11, лл. 389 (записка Сан-ти и Алсуфьева датирована 9 апреля),

390, 392—393, 391 (вторая записка церемониймейстеров датирована 10 апреля), 396—396 об. (в черновике промемории Бакунина, датированной 10 апреля, написано, что «посланник завтра, то есть 12 сего апреля... ожидается»), 410; РГВИА, ф. 2, оп. 10, д. 754, лл. 1-2, 16 об.; д. 753, л. 191. « АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, д. 11, лл. 82, 78-78 об., 276, 305; д. 10, лл. 179 об.-194, 176, 360-360 об.; д. 13, л. 16; ф. 2, оп. 2/1, д. 78, л. 167.

^ АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, Д. И, лл. 402—403 об., 416-418, 356-356 об.; д. 13, л. 71; д. 10, лл. 194-196 об.

"> АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, Д. 10, лл. 279-279 об.; Прибавление к С-Петербургским ведомостям. 1755. № 34 от 28 апреля.

¹¹ РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 151, лл. 1—2 об.

¹² АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 177, лл. 175—175 об. » АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3827, лл. 16-18.

м АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 184, л. 648; д. 3085, лл. 48-49; ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 16, лл. 93 об.-94; 1746, д. 7, лл. 82 об.-84; ф. 35, он. 35/1, д. 755, лл. 2-14; д. 775, лл. 4-6, 9 об.-11; РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 414, лл. 9 об.—10.

¹⁵ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 4096, лл. 4, 2—2 об.; РГВИА, ф. 24, оп. 1, д. 115, лл. 4—4 об.

¹⁶ АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 16, л. 95; ф. 2, оп. 2/1, д. 643, лл. 62—69.

¹⁷ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 78, лл. 74-76, 283-284, 286-287.

¹⁸ АВПРИ, ф. 35, оп. 35/1, д. 791, лл. 4-45; ф. 2, оп. 2/1, д. 184, лл. 471, 634, 654; Д. 3095, лл. 281 об., 283, 299 об.; Архив Воронцова. М., 1872. Т. 4- С. 436.

w РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 23-23 об., 26 об.; КФЖ 1755. 23—24 апреля; *Нащокин В. А.* Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 300.

Глава б

¹ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. ЛО, лл. 33 об.-35; РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 11936, л. 1; Ф- 1239, оп. 3, д- 61488, л. 7 об.

² КФЖ. 1755. 1 мая; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 321; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 160, лл. 14, 65-66, 76-77, 157-157 об., 164-164 об., 189, 220; ф. 248, оп. 12, д. 668, л. 510 об.; оп. 86, д. 7005, лл. 338-339; ф. 285, оп. 1, д. 406, л. 16 об.; ф. 1239, оп. 3, Д- 44104, лл. 135-136, 218-218 об.; д. 61198, лл. 1-3 об., 10—11 об., 25-29.

**Пушечная пальба из крепости и с Адмиралтейства в праздничные и викариальные дни
ввергала в значительные убытки владельцев окрестных домов. От оглушитель-**
826

ных залпов в окнах регулярно вылетали стекла, по десять — пятнадцать штук за раз. Между тем замена каждого стекла стоила тогда 10 копеек (РГАДА, ф. 248, оп. 86, д. 7005, лл. 447, 454, 461-462).

з РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 396, С. 325-327; д. 398, лл. 55-56; д. 400, лл. 15 об.—16; д. 402, лл. 75—75 об.; д. 403, лл. 80 об.-82; д. 404, лл. 157-158; д. 405, лл. 97 об.-98; д. 407, лл. 150-150 об.; ф. 1263, оп. 1, д. 27, лл. 87-87 обц ОПИ ГИМ, ф. 445, оп. 1, д. 228, лл. 26—27 об. В документах яхта «Принцесса Анна*» обычно именуется «Транспорт Анна». Внешний вид яхт запечатлен на гравюрах М. Махаева «Проспект вверх по Неве от Адмиралтейства и Академии Наук к востоку» и «Проспект вниз по Неве реке между Зимним Ея Императорского Величества домом и Академиею Наук» (Виды Петербурга и его окрестностей середины ХУШ века. Л., 1968. С. 23, 12). Изображение двухмачтовой яхты на гравюрах по ряду характеристик совпадает с моделью двухмачтовой яхты «Принцесса Анна», фотография которой опубликована в альбоме «Русские императорские яхты. Конец XVII — начало XX века», изданном в С-Петербурге в 1997 году (С. 23, илл. № 21 и 22).

⁴ КФЖ за 1 мая 1755 года; РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 32,

^{2C_2C Qg}

⁵ РГИА, ф. 466, оп. 1, д. 90, лл. 44-46 об.; ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 35 об.-36; КФЖ за 2 мая 1755 года.

⁶ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 16, лл. 22, 23, 23 об.

⁷ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 36 об.-37; РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 22.

⁸ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 37 об.-38, 39 об., 54; Д. 11, лл. 69—69 об.; £вдохное Л. Е. Журнал дежурных генерал-адъютантов. СПб., 1907. Вып. 1. С. 212; 1898. Вып. 2. С. 284.

⁴ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 22 об.

>< РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 40 об., 51 об., 42 об.- 43.

ч РГАДА, ф. 1263, он. 1, д. 56, л. 3-

? РГАДА, ф. 1239, он. 3, Д. 61485, л. 126.

" КФЖ за 21 мая, 8 и 27 сентября 1755 года.

¹⁴ Записки императрицы Екатерины II. С. 56—57.

¹⁵ КФЖ за 23 февраля и 23 октября 1750 года. ^Розалиев Н. Ю. Карточные игры. М., 2000. С. 292-

299,
267_269-

" КФЖ за 21 мая 1755 года; РГАДА, Ф- 1263, оп. 1, д. 56,
л. 3об.-4; д. 27, л. 104.

Глава?

¹ В ведомости придворных чинов 1—5-го классов, извещающей о находящихся в Петербурге кавалерах, их женах и совершеннолетних дочках (составлена Юавгуста 1755го-да), напротив фамилии Миниха отмечено: «•Отпущен на

827

время в деревню; и имеет супругу и дочь» (РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. ЗЮ, л. 484). В письме М. Л. Воронцову от 12 июля 1755 года обер-гофмейстер сообщил вице-канцлеру, что выехал из Петербурга 5 июля в четыре часа пополудни и благополучно добрался до Лунин вечером в субботу 8-го числа, где «нашел жену и детей в добром здравии». Барон намеревался в деревне полечиться в течение четырех недель минеральными водами из Спа (Архив Воронцова. М., 1871. Т. 2. С. 440-441).

² Хроника личной жизни барона Х. В. Миниха за 7—14 октября 1746 года реконструирована по перлюстрированным переводам двух его писем жене от 11(22) и 14(25) октября 1746 года (АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1746, д. 45, лл. 37-42 об., 47—52об.) при использовании данных КФЖ за тот же период. Имя супруги президента Статс-конторы Карла Принценштерна — РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 392, л. 79.

3 РГАДА, Ф-7, оп. 1, д. 1174, лл. 77, 78-78 об., 87об.-88; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989- С. 214, 44, 476; АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 7, лл. 159-160.

⁴ КФЖ за 5 февраля и 17 июля 1745 года; С.-Петербургские ведомости. 1745. № 9 от 1 февраля и Прибавление к № 50 от 25 июня; Сб. РИО. СПб., 1898. Т. 102. С. 292, 321, 228, 231; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 814, лл. 59-60, 89, 91-92, 97-100; ф. 6, оп. 6/1, 1745, Д- 11, лл. 23, 162, 167-168 об.; д. 12, лл. 54, 56, 75-77, 85-86, 115, 146, 147, 184-184 об.; д. 14, л. 2; д. 16, л. 59; д. 30, лл. 15-15 об., 67-67 об.; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1174, л. 46—46 об.

⁵ Записки императрицы Екатерины II. С. 486—490, 81 — 87, 228, 245-247; КФЖ за 23-26 мая 1746 года; Архив Воронцова. М., 1871. Т. 2, С 98-111, 136; РГАДА, Ф- 5. оп. 1, д. 75, л. 22; ф. 7, оп. 1, д. 1174, лл. 27-32; д. 1062, лл. 40-43, 62-62об., 79об., 83об., 103 об.-104об., ПЗ-ПЗоб.; ф. 11, оп. 1, д. 793, лл. 2-11; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3157, лл. 58-61 об.; д. 3085, л. 88; оп. 2/6, д. 814, лл. 54 об.-55, 61. 137, 139-139 об., 219, 222 об.; ф. 6, оп. 6/1, 1744, д. 5, лл. 4-4об.; 1745, д- И, л. 105 об.; 1746, д. 7, лл. 147-149об.; д. 12. лл. 321-321 об., 325; 1747, д. 11, л. 8.

^Розанцев Н. Ю. Карточные игры для дома и казино. М., 2000. С 278-280.

" Речь идет о похоронах фельдмаршала В. В. Долгорукова 1 марта 1746 года. В письме к принцессе Ангальт-Цербстской от 8(19) марта 1746 года барон Миних посетовал, что на них израсходовали 10 тысяч рублей. Видимо, обер-гофмейстер был не единственным, кто порицал чрезмерно пышные траурные мероприятия. Реакция императрицы не заставила себя ждать. 15 мая 1746 года Елизавета Петровна подписала указ: «От нынешняго времени погреб-бальныя церемонии знатым персонам и другим чинов-

828

ным людям и дворянству для великих и напрасных расходов отставить. Палат траурными обоями не обивать, корет и шор черным сукном не обшивать и лошадей черными попонами не покрывать. Полков не собирать и прочих при том траурных уборов, яко гербов, знамен, факол и флеров, как до ныне бывало, не употреблять, кроме одной церковной церемонии. А именно: выносить умершаго в церковь к литургии и по окончании оной погребать... по чиноположению церковному. Буде же кто пожелает церемонию по-гребальную учинить военнотраурному командою воинских людей, и то позволяется. Однакож при выносе умершаго в церковь оной команде в процессии погребальной не быть, но к самому погребению собрать оную команду к церкви и не свыше того, как по воинскому уставу положено. Фамилии умершаго траурное платье носить и ливрею черную иметь не запрещается. Токмо во оном ко двору нашему не ходить» (АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1746, д. 7, л. 86; С.-Петербургские ведомости. 1746. № 40 от 20 мая). ⁸ АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1746, д. 45, лл. 21-28.

Глава 8

'КФЖ за 10-11 ноября 1757 года.

² Киевская старина. 1886. № 5- С. 301; С.-Петербургские ведомости. 1747. № 16 от 24 февраля.

3 АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1747, д. 5, лл. 28 об.-29; д. 11, лл. 6 об.—7; *Васильева-Рождественская М. В.* Историке-бытовой танец. М., 1987. С. 210, 229-230.

⁴РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61255, лл. 1-3 об.; ф. 14, оп. 1, д. 98, лл. 7-8.

*> АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1747, д. 5, лл. 29 об.-30 об. Голландский резидент Шварц так описал скандал: «... При раздевании же невесты в браут-каморе причинилось сему торжеству великое замешание от супруги господина вице-канцлера графа Воронцова, ибо она не хотела, чтоб супруга господина великого канцлера, яко мать новобрачного, невесте сорочку подала. О чем супруга господина вице-канцлера жестокой спор подняла. Так что на последи она с великими слезами и с шумом из браут-каморы вышел и в апортамент, где прежняя кампания находилась возвратясь о претерпенном мнимом афронте жаловаться стала. И для того господин канцлер краннейшую модера-цию и всякие токмо вымышляемые способы употребил, дабы ее успокоить, удостоверяя всякою сатисфакциею, которую по резону себе желать может. Но все то в туне было. И она всемерно домой ехать хотела. Почем канцлер Ея Благородию руку подал, чтоб проводить до кареты. Но от нея в том ему отказано было. А как она на крыльце вышла, то ея

829

кареты не было. И канцлер ее просить стал, дабы между тем, пока карета будет, паки в апартаменты воитти изволила. Но и то в туне было, пока она по долгости ждании чю-жую карету достала, которая Ея Благородие домой отвезла*. Михаил Ларионович, прочитав это место в переводе перлюстрированной депеши резидента от 1 (11) марта 1747 года, не сдержался и оставил на полях следующее примечание: "Видно, что господин Шварц лучше всех других иностранных министров известен находится, что здесь происходит. И для того в сей реляции своей, так правильно о всех рассуждая, описывал, как бы сам при том был, в намерении том, дабы к наичувствительнейшей обиде жены моей и мне самому в газетах напечатано было. Ибо я, будучи в Голландии, за подлинно уведомился, что из его реляции саобщаются экстракты газетирам для напечатания в публику. Хотя же вся сия реляция по справедливости легко опровержена быть может, токмо оставляю в мудрое раз-суждение и правосудие Ея Императорского Величества все милостивейшей государыни, сколько она вся без раз-судно, лживо и подло сочинена"» (АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1747, д. 5, лл. 29-30 об., л. 28).

⁶ АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1747, д. 5, лл. 31-31 об., 33-34; д. 11, л. 6.

⁷ Копиист допустил ошибку. Румянцевы обвенчались 13 ноября 1747 года (Киевская старина. 1886. № 8. С 333— 334). Однако, по-видимому, именно эта описка послужила причиной того, что многие исследователи относят свадьбу будущего полководца к 1748 году.

⁸ ОР РГБ, ф. 255, к. 4, е. х. 23, лл. 1-3-

⁹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51854, л. 27.

¹⁰ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 98, лл. 2-6. А. Г. Разумовский в данном случае фигура подставная. На самом деле все вещи и деньги пожалованы императрицей (РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 98, л. 270). Кстати, аналогичный кроватный убор с обоями, креслами, табуретами, столами, постелью, а также настольниками полагался всем фрейлинам, выходящим замуж. Наборы отличались только цветом ткани на обои, занавеси, балдахин, настольники, обивку кресел, табурета. Эти цвета для всех перечисленных предметов всегда были одинаковы. Иногда к стандарту дополнялись канапе и покрывало на пол (см. то же дело). Существовала традиция, согласно которой приданое невесты привозили «накануне дня свадьбы в дом будущего супруга... его там выставляли, и весь город получал возможность разглядывать вещи, словно в лавке» (*Понятовский С.* Мемуары. М., 1995. С 131).

¹¹ ОР РГБ, ф. 64, к. 69, е. х. 9, л. 40. Текст указа гласил: «С первобрачных венечных паметей — по восьми алтын, с по-

830

луторабрачных — по 12 алтын, з двоебрачных — по 50 копеек, с троебрачных — по 60 копеек; да за писмо и на отвоз брать полтину с памяти» (ОПИ ГИМ, ф. 445, оп. 1, д. 212, л. 82).

¹² АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1747, д. 11, л. 4 об.; Киевская старина. 1886. № 8. С. 301.

¹³ з РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 439, л. 308.

ч Русская старина. 1870. № 11. С 490—491-

¹⁵ Записки императрицы Екатерины II. М., 1989- С. 114— 115.

¹⁶ Киевская старина. 1886. № 8. С 333 (дата венчания и

банкета).

¹⁷ Кстати, разрыв Марфы Симоновны с Карлом Ефимовичем Сиверсом, скорее всего, объясняется не строгим надзором со стороны мадам Шмидт, а женитьбой камер-юнкера на племяннице Елизаветы Ивановны Францен — Венедикте Федоровне Крузе. Свадьбу сыграли 14 октября 1745 года.

¹⁸ РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1149, лл. 1-15, 19,

¹⁹ Записки императрицы Екатерины II. С 115-

²⁰ Русская старина. 1870. № 11. С 490—491-²¹ РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 439, л. 308.

Глава 9

¹ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 191, лл. 1-1об.; АВПРИ, ф. 45, оп. 45/1, Д. 112, л. 4-

² РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 91, лл. 9,6-6а.

³ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 91, лл. 7-7 об.

⁴ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 91, лл. 3—5 об.

⁵ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3121, лл. 22, 24, 23-

⁶ РГАДА, ф. 1274, оп. 1, д. 3132, лл. 1, 3—62 об. Письмо Б. М. Салтыкова опубликовано здесь почти полностью. Сокращены рассказы об истории вхождения города Дерп-та в Ганзейский союз и об услуге купца Фуггера из Аугсбург-га Карлу V, благодаря которой он сумел прославить свой род.

⁷ *Коопышин Д. Н.* Б. М. Салтыков, И. И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Русско-французские связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 104-105.

Глава 10

¹ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 625—628; д. 37, л. 24. Прежде чем начинать расследование и судебное производство, члены ведомственного суда, в данном случае суда лейб-компаний, произносили текст такой присяги: «Мы к настоящему воинскому суду назначенные судии клянемся все-831

могущим Богом, что мы в сем суду в прилучающихся делах ни для дружбы или склонности, ни подарков или дачей, ниже страха ради, ни для зависти и не дружбы, но токмо едино по челобитью и ответу по Ея Императорского Величества нашей всемилостивейшей государыни воинским пунктам, правам и уставам приговаривать и осуждать хо-щем право и нелицемерно. Так, как нам ответ дать на страшном суде Христове. В чем да поможет нам он — нелицемерный судия*.

² РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 107, лл. 32-34 об., 115 об.

³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61193, лл. 18-20.

* РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61193, лл. 8-8 об.; РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 35, лл. 452-462.

⁵ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 705-705 об., 782-783 об.; д. 37, л. 254; д. 35, л. 856; РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 405, лл. 167 об.—168; д. 407, лл. 179об.-180.

⁶ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 35, лл. 688-688 об.

⁷ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 35, лл. 453-456 об.; д. 37, л. 348. ⁸ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 107, л. 32 об.

⁹ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 395, лл. 295-296; д. 403, лл. 192-193, 139 об.-140; д. 400, лл. 82 об.-83.

¹¹¹ *Петров Л. Н.* История Санкт-Петербурга. СПб., 1885 С. 503-504.

¹¹ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 629-629 об. (челобитная Жихманова), 630—630 об. (допрос Шванвича), 631—631 об. (допрос Пейча), 632—632 об. (допрос Бримера), 633 (допрос Каленовского), 628.

¹² РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 37, лл. 55, 38.

¹³ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 37, лл. 26—27 (допрос Петра Сергеевича Коровина), 33-34 (допрос Карла Густава фон Болшмана), 37—37 об. (допрос С. Форшмака), 38—39 (допрос И. Оттенберга), 41—41 об. (допрос И. Ефимова), 42—42 об. (допрос вестового майора Тютчева Ивана Иванова сына Иванова; второго вестового звали Федор); РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 400, лл. 141 об.-142, д. 403, лл. 56, 197.

¹⁴ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 37, лл. 20 об.-21.

⁴ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 37, лл. 24, 33-34, 37-42 об., 45-45 об., 47-52, 55, 620.

" РГАДА, ф. Н, оп. 1, д. 122, лл. 53-53 об.

¹⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 89, д. 8122, ч. 1, л. 87; ф. 1239, оп. 3, д. 52196, лл. 1-1 об., 6-7 об., 82-83 об., 106-107, 93-105 112, 125-127 об., 136, 168, 193, 202-206 об., 638 об.-639' 382-383, 388-388 об., 648 об., 663, 760, 504-506

¹⁸ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 122, л. 48.

¹⁹ РГВИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 29 об., 45, 56 об.; д. 11 лл. 75, 135-136, 153 об.

²⁰ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 835-841 об.; д. 37, лл. 94-96, 620.

832

Глава 11

¹ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 4094, ч. 1, лл. 2-3-

² АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 2518, л. 7; д. 534, лл. 234-235.

³ Петр Григорьевич Чернышев — сын петровского денщика, позднее генерал-поручика и сенатора Григория Петровича Чернышева, пожалованного 25 апреля 1742 года Елизаветой Петровной в российские графы. Ро-

дился 25 марта 1712 года. Восприемниками младенца стали Петр Первый, Г. И. Головкин, а также принцессы Анна и Екатерина Иоанновны. В трехлетнем возрасте, 7 декабря 1715 года он «по всемилостивейшему изустному повелению» Петра Великого был зачислен солдатом в лейб-гвардии Преображенский полк. В 1722 году государь определил его в пажи к герцогу Голштинскому, жениху дочери императора Анны Петровны. 16 октября 1725 года пожалован в камер-пажи. 29 мая 1727 года Петр Григорьевич уволился от Двора герцога Голштинского в чине капитан-поручика, а 12 декабря 1727 года Верховный тайный совет назначил юношу адъютантом в ранге поручика к его отцу — рижскому губернатору. 1728—1729 годы провел за границей, участвуя в работе российской делегации на Суассонском конгрессе (РБС. СПб., 1905. Т. 22. С. 327-328; ОР РГБ, ф. 64, к. 68, е. х. 7, лл. 8, 11; к. 68, е. х. 3, л. 1; РГАДА, Ф-286, оп. 1, д. 439, л. 153).

Перед отъездом, 24 июля 1728 года Чернышев в Риге получил следующее напутствие от крестной матери, герцогини Курляндской: «Петр Григорьевич! Желаю вам шас-ливую дарогу и пребывания шасливое, и возвращение шасливое. А более всего желаю и напоминаю вам, чтоб вы содержали неотменно да конца свой закон и веру, в котором родился. За что вас Бог будет хронить от всякова зла. А я того ради напоминаю о законе, что я вам мать кресная, как в апостоле написано: «се аз и дети, я же ми дал есть Бог*. Впрочем пребываю вам доброжелательная Анна. Из Видавы. 23 день июля 1728 году» (РГАДА* Ф- 1271, оп. 1, д. 49, лл. 1-2).

Вернувшегося в 1730 году в Россию будущего дипломата императрица Анна Иоанновна пожаловала в придворные камер-юнкеры (22 марта 1730 года). В 1738 году Петр Григорьевич женился на дочери главы Тайной канцелярии А. И. Ушакова — Екатерине Андреевне. 30 марта 1739 года царица удостоила Петра звания камергера при Малом Дворе племянницы Анны Леопольдовны. А 14 февраля 1740 года с тем же камергерским чином вернула в свой штат, на освободившееся после отъезда камергера Кетлера место (РБС. СПб., 1905. Т. 22. С. 328; ОР РГБ, ф. 64, к. 68, е. х. 7, л. 7; РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 439, л. 153).

833

Дипломатическая карьера П. Г. Чернышева по-настоящему началась летом 1740 года. Сперва он был назначен посланником в Испанию, затем несколько месяцев проработал в том же ранге в Копенгагене, в 1742—1746 годах представлял Россию в Пруссии, а с 1746 по 1755 год — в Англии. После пятилетнего перерыва, осенью 1760 года назначен чрезвычайным и полномочным послом во Францию, где и пробыл с апреля 1761-го по июль 1762 года, после чего вернулся на родину и около трех лет исполнял обязанности сенатора. Уволившись по болезни 6 сентября 1766 года от сенатской должности, Петр Григорьевич мирно коротал остаток дней в отставке. Скончался он 20 августа 1773 года (РБС. СПб., 1905. Т. 22. С. 329-330).

4 ОР РГБ, ф. 64, к. 68, е. х. 7, лл. 16-16 об.

5 АВПРИ, ф. 53, он. 53/1, 1741, д. 5, лл. 226-226 об., 249, 272-272 об.

6 АВПРИ, ф. 53, оп. 53/1, 1741, д. 5, лл. 272-272 об.

7 АВПРИ, ф. 53, оп. 53/1, 1741, д. 5, лл. 353-354; д. 6, лл. 4, 14, 19 об.-20 об.

8 ОР РГБ, ф. 64, к. 69, е. х. 3, лл. 10—13 об., 1-2 об.

9 АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 32, лл. 1 -1 об., 10 об.-12 об. и° АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1742, д. 4, лл. 5, 6, 172-173, 174

об.—176. Упомянутое Фридрихом нападение гвардейцев на иностранцев в Петербурге — не выдумка. Оно действительно имело место 18 апреля 1742 года. В тот день солдаты Семеновского полка устроили потасовку из-за гнилых яиц. Иностранные офицеры попытались разнять их. За это им и досталось от гвардейцев (*Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Т. 21. С. 141 — 142*).

¹¹ ОР РГБ, ф. 64, к. 68, е. х. 7, лл. 1—2, 13-14 об., 25; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 814, л. 347, 369-369 об.; ф. 55, оп. 55/1, д. 52, лл. 38-39; д. 54, лл. 11-12, 14-16; ф. 74, оп. 74/1, 1745, д. 6а, лл. 69, 70, 153-154 об.; 1746, д. 4, лл. 39-40; д. 6, лл. 62-64, 252-254 об., 317; ф. 6, оп. 6/1, 1746, д. 5, лл. 5-8, 54-55, 106-107, 176-177, 247 об.-248, 261 об.; д. 7, л. 131. См. также Архив Воронцова. М., 1875. Т. 7. С. 15, 34, 35, 37, 45, 46, 56, 59, 70.

¹² ОР РГБ, ф. 64, к. 68, е. х. 7, лл. 4, 18.

" ОР РГБ, ф. 64, к. 82, е. х. 73, лл. 1 — 1 об.; к. 69, е. х. 2, л. 11; АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1746, д. 6, л. 216.

ч ОР РГБ, ф. 64, к. 82, е. х. 73, лл. 49-49 об.; к. 69, е. х. 2, л. 54.

¹⁵ АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 156, лл. 11-12 об.

¹⁶ АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 156, лл. 18, 14, 17, 16.

¹⁷ АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 156, лл. 27, 32.

¹⁸ АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 192, лл. 1-5.

!*> АВПРИ, ф. 36, оп. 36/1, д. 156, лл. 5 об.-б. ²⁰ ОР РГБ, ф. 64, к. 69, е. х. 3, лл. 14-14 об., 19-19 об., 15—15 об., 18-18 об., 16-17 об.

834

²¹ ОР РГБ, ф. 64, к. 69, е. х. 3, лл. 34-34 об., 37-37 об., 35-36 об., 38-39.

²² ОР РГБ, ф. 64, к. 69, е. х. 3, лл. 20-26 об. « ОР РГБ, ф. 64, к. 69, е. х. 2, лл. 57-57 об. « ОР РГБ, ф. 64, к. 82, е. х. 73, лл. 59, 60 об. " РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 8408. С. 5-35.

²⁶ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7239, лл. 21, 23 об.

Глава 12

¹ *Баренбаум И. Е., Костылев Н. А. Книжный Петербург — Ленинград. Л., 1986. С. 370, 27, 29-31, 54; РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 404, л. 27 об.; д. 405, л. 21; д. 409, лл. 112 об.-113-*

² Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской Академии Наук. Л.; М., 1953- С. 120-121; Палаты Санкт-Петербургской императорской Академии Наук, Библиотеки и Кунсткамеры. СПб., 1743; Материалы для истории императорской Академии Наук. СПб., 1897. Т. 9-С. 19-21, 75, 714.

4 февраля 1755 года капитан Василий Чертков, преподававший кадетам российскую историю и географию, предложил Канцелярии Сухопутного шляхетского корпуса купить для него в академической лавке «Краткое руководство к древней и новой географии с изъяснением нынешнего состояния известных в древние времена земель». 14 февраля Канцелярия приказала унтер-библиотекарю корпуса подпоручику Унгарну приобрести три экземпляра книги. В лавке «Краткое руководство...» продавалось за 2 рубля 50 копеек и без переплета. Пришлось идти к переплетчику Лоренсу Доуму, который «по договорной цене* — 45 копеек за том — покрыл книги кожаной обложкой. Прилагавшиеся к каждой книге двадцать восемь ландкарт ино-земец переплел отдельно — три комплекта за 75 копеек (РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2751, лл. 1-6 об.).

3 Роспись книгам, портретам и ландкартам, которые поныне при императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге напечатаны и в книжной палате без переплету продаются. СПб., 1756; Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984. С 87-93-

* Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. СПб., 1751. С. 41-42, 28-29-

5 Билярский П. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 9-13-

« Там же. С. 11-12.

⁷ Материалы для истории... СПб., 1886. Т. 3. С. 17; Ку-ника, А Сборник материалов для истории императорской Академии Наук в XVIII в. Ч. 2. СПб., 1865- С. 225-227, 229-231, 258, 250—251, 299—300. Несомненно, заграничная поездка трех русских студентов в Германию — идея Иоганна

835 Альбрехта Корфа, президента Академии. Однако, кто первым обратил внимание на М. Ломоносова — Корф или Шумахер, не вполне ясно. Опубликованные А. А. Куником официальные документы ответа на этот вопрос не дают, как и два благодарственных письма студента Ломоносова Корфу от 4(15) сентября и 9(20) ноября 1737 года. Письма свидетельствуют лишь о желании Михаила Васильевича выразить признательность человеку, сделавшему представление о нем в Кабинет министров, не более того. Не исключая совершенно право И. А. Корфа на приоритет в данном вопросе, но принимая в расчет ряд косвенных данных (глава Канцелярии имел непосредственный контакт со студентами; снисхождение Шумахера к Ломоносову оклеветавшему Генкеля; протекция, оказанная Ломоносову по возвращении в Россию и при назначении адъюнктом; положительные отзывы о Ломоносове в частной переписке), смею утверждать, что первым порекомендовал Корфу отправить Ломоносова за границу именно Иван Данилович Шумахер (Куника. А. Сборник материалов... Ч. 2. С. 260, 266).

⁸ Куник А. А. Сборник материалов... Ч. 2. С. 229—230, 232-234, 244-245.

⁹ Там же. С. 271-272, 277-278, 322.

¹⁰ Там же. С. 318, 321-325, 335-336, 348-351.

¹¹ Там же. С. 334-338, 331. Генкель 12(23) сентября 1740 года писал: «При этом случае не могу не заметить, что, по моему мнению, г. Ломоносов, довольно хорошо усвоивший себе теоретически и практически химию, преимущественно металлургическую, а в особенности пробирное дело, равно, как и маркшейдерское искусство, распознавание руд, рудных жил, земель, камней, солей и вод, способен основательно преподавать механику, в которой он, по отзыву знатоков, очень сведущ и на которой, он, по-видимому, главным образом и хочет выезжать. Тем более что он никогда охотно не спускался в рудники».

¹² Материалы для истории императорской Академии Наук. СПб, 1889. Т. 5-С. 516-517-Курик А. А. Сборник материалов... Ч. 2. С. 352, 339-340, 342, 355-358; Ломоносов. Сб. статей. СПб., 1991. № 9. С. 115; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 433 (письмо Виноградову из Марбурга от 18 апреля 1741 года).

^Куника А. Сборник материалов... Ч. 2. С. 360; Ломоносов. Сб. статей. СПб., 1991. № 9. С. 114-115; Материалы для истории... СПб., 1889. Т. 5. С 29.

¹⁴ Ломоносов. Сб. статей. СПб, 1991. № 9- С. 116, 114; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М- Л., 1957. Т. 10. С. 742-743.

¹⁵ Материалы для истории... СПб.. 1889- X 5- С. 245—249

836

(доношение И. Шумахера в Сенат, 1742 год); РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, лл. 324—359 (ответы членов академической Конференции на запрос Сената о Делиле, 1743 год); Источники по истории астрономии в России XVIII века. СПб., 2000. С. 42—43, 133, 140, 148; Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 6ББ; Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 255—256; Пекарский П. П. История Академии Наук СПб., 1870. Т. 1. С. 133.

¹⁶ Материалы для истории... СПб., 1889- Т. 5. С. 129, 143, 147-148, 245-249, 250-251; РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, л. 333 об.; Пекарский П. П. История Академии Наук. Т. 1. С. 719, 167.

¹⁷ РГАДА, ф- 248, оп. 18, д. 1204, лл. 597-597 об.; Материалы для истории... СПб, 1889- Т. 5. С. 307.

¹⁸ Материалы для истории... СПб, 1889- Т 5- С. 249; Пекарский П. П. История императорской Академии

Наук Т. 1. С. 33.

¹⁹ Материалы для истории... СПб., 1889- Т. 5. С. 307.

²⁰ Палаты Санкт-Петербургской императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры. СПб., 1743; Материалы для истории... СПб., 1889. Т. 5-С. 310.

²¹ *Лунтов С. П.* Книга в России в послепетровское время. Л., 1976.0343,355.

²² Материалы для истории... СПб., 1889. Т. 5. С. 512—519-^ РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, лл. 336об.-337 об, 353

об.-354 об.

²³ Материалы для истории... СПб., 1895- Т. 8. С. 83—84; *Пекарский П. П.* История Академии Наук. Т. 1. С. 725—726; РГАДА, Ф-248, оп. 18, д. 1204, л. 419 об.

Кстати, если бы не Шумахер, не видать Степану Петровичу Крашенинникову кафедры ботаники и натуральной истории. Потому что незадолго до определения талантливого и трудолюбивого студента в адъюнкты господ академики пожелали отправить его в далекую Персию в помощь доктору И. Я. Лерхе. 11 марта 1745 года И. Д. Шумахер сообщил им о предложении медика, собиравшегося в дорогу, как-нибудь воспользоваться оказией. Члены Конференции решили командировать вместе с ним одного студента. Имя назвали через семь дней — Степан Крашенинников. «Никого более достойного» на роль мальчика на побегушках при профессоре не нашли, хотя молодой человек, за два года перед тем вернувшийся из Сибири, где под руководством И. Гмелина почти десять лет изучал природу и фауну, имел право на заслуженное присвоение ученого звания. Советник поначалу принял резолюцию Конференции к исполнению, но быстро сообразил, насколько несправедливо поступили академики с русским студентом.

837

22 марта Шумахер уведомил уважаемое собрание, что «не одобряет» выдвинутую кандидатуру и заниматься оформлением выездных документов на нее не станет. Ровно через три месяца, день в день, Конференция признала правоту Шумахера и рекомендовала Сенату произвести Крашенинникова в адъюнкты (протоколы заседаний Конференции Академии Наук. СПб., 1899. Т. 2. С. 52-54,66). * РГАДА, Ф- 286, оп. 1, д. 439, л. 349.

²⁶ РГАДД ф. 248, оп. 18, д. 1204, лл. 600-601; оп. 89, д.8122,ч. 1,лл.9об.-10.

²⁷ Материалы для истории... СПб., 1889. Т. 5. С. 403—404, 439,741; РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1204, лл. 733 об.-736.

²⁸ РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1204, лл. 646-653,656-668 об., 731 об.

²⁹ Материалы для истории... СПб., 1889. Т. 5. С. 506, 741, 570; РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1204, лл. 671, 733, 725. А. Поляков умудрился не только обвинить Шумахера в шпионаже, но и бросить тень на секретаря комиссии Андрея Иванова, который якобы 4 января 1743 года позволил Шумахеру уклониться от допроса по одному из четырех пунктов своей челобитной. Когда в тот день ему разъяснили, что этот пункт совпадает с 34-м пунктом известного общего доноса и ответ на него уже получен, подмастерье снял возражение. Но спустя семь дней, 11 -го числа вновь подверг сомнению объективность секретаря. Генерал Игнатьев повторно отклонил протест, после чего с Поляковым случилась истерика. Гравер принялся спорить и с криком выражать комиссии недовольствие, за что вошедший в этот момент в комнату Б. Г. Юсупов распорядился «плута и шельму» арестовать и посадить «на цепь» (РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1204, лл. 727—728; Материалы для истории... СПб., 1889- Т. 5. С. 570-571).

³⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1204, лл. 774—779.

³¹ Материалы для истории... СПб., 1889- Т. 5- С. 743, 404, 6%; Ломоносов. Сб. статей. СПб., 1991. Т. 9- С. 118, 116; *Пекарский П. Я.* История Академии Наук. Т. 2. СПб., 1873-С. 330—332; *Летопись российской Академии Наук.* СПб., 2000. С. 288-289.

³² *Ламанский В. И.* Ломоносов и Петербургская Академия Наук. М., 1865. С. 8—19; Материалы для истории... СПб., 1889- Т. 5. С. 746—749,752; *Летопись российской Академии Наук.* СПб., 2000. С. 290-291.

•^w *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950. Т. 1.С. 145, 147, 149, 151, 157; *Биллярский П.* Материалы для биографии... С. 46, 49, 44—45; *БолчевД. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии Наук и М. В. Ломоносов. Л., 1988. С. 244; *Куника А.* Сборник материалов... Ч. 2. С. 434.

838

м Ломоносов М. В. Собрание разных сочинений в стихах и в прозе. СПб., 1751. С. 44.

³⁵ *Биллярский П.* Материалы для биографии... С. 51—53; *Пекарский П. П.* История Академии Наук. Т. 1. С. 43; РГАДА, ф.248,оп. 1, д. 2223, лл. 186, 198-202, 211-211 об.

³⁶ *Летопись российской Академии Наук.* СПб., 2000. С. 304— 311; *Биллярский П.* Материалы для биографии... С. 63-66; Ломоносов. Сб. статей. СПб., 1991. № 9- С. 118-119; *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1957. Т. 10. С. 434—435, 748—751; Протоколы заседаний Конференции императорской Академии Наук. СПб., 1899. Т. 2. С. 66—67; *Пекарский П. П.* История Академии Наук. Т. 2. С. 98; *Пекарский П. П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865- С. 21; РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205,лл. 175-175об., 182; оп. 106, д. 1957, лл. 1-13-

³⁷ РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, лл. 319, 324,413, 396; Материалы для истории... СПб., 1889- Т. 5. С. 433,570; 1895. Т. 7. С. 401; 1897. Т. 9-С. 23—24; *Летопись российской Академии Наук.* С. 303, 387.

38 РГАДА, Ф- 248, оп. 18, д. 1205, лл. 402, 450 об., 416-417, 422, 436, 451-452; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 814, лл. 169, 175-

175 об., 181, 183 об.-184, 191, 194.

w РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, лл. 436-438.

t° РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, л. 427.

•ч РГАДА, ф. 248, оп. 18, д. 1205, лл. 436—436 об., 440 об.; *Материалы для истории...* СПб., 1895. Т. 7. С. 464-469, 480-485, 503-510, 548-555, 637-647, 697-700.

⁴² *Летопись российской Академии Наук.* С. 311—325.

« РГАДА, Ф- 248, оп. 18, д. 1205, л. 490; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3158, л. 95; ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 7, л. 147 об.; *Пекарский П. П.* История Академии Наук. Т. 1. С. 139-

⁴⁴ *Пекарский Я. Я.* Дополнительные известия... С. 29 (Пекарский, по-видимому, не совсем верно перевел это письмо); *Павлова Г. Е., Федоров А. С. М. В. Ломоносов.* М., 1988. С. 208, 215-217, 241, 264, 277, 293, 303-304, 424-426; *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 153-

Глава 13

¹ РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 7254, л. 2.

² РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 8389, л. 1.

3 РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 98.

4 Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 428.

5 Там же. С. 426.

6 Там же. С. 476-477.

⁷ РГАДА, Ф-6, оп. 1, д. 379, ч. 1, лл. 29-30 об.; д. 383, ч. 1, л. 53.

⁸ РГАДА, Ф- 6, оп. 1, д. 383, ч. 8, лл. 41 —42.

839

9 РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 383, ч. 1, лл. 1-3, 358-359; ч. 8, лл. 16-22 об.

¹⁰ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 381, л. 151 (курсивом выделены записи от руки).

¹¹ РГАДА, ф- 6, оп. 1, д. 381, лл. 154—155 об. На письме проставлен такой адрес: «Отдать сие писание в Питербурх у Гулфа на дворе крестьянину Якиму Иванову сыну Лебедеву. А ему пожаловать отдать Ивану Алексею сыну Лентьеву».

¹² При описании парадных комнат дворца Лестока использованы следующие источники: краткий обзор владений Лестока при передаче их в собственность С. Ф. Апраксину весной 1749 года; «реестр покоям, в которых были обои»; общая опись имущества, составленная комиссией П. Каравая; опись вещей, принятых камер-цалмейстер-ской канторой; ведомость пожиткам Лестока «кои остались за отдачею камер-цалмейстеру Д. Симанову...» (РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 383, ч. 2, лл. 342 об., 293; ч. 1, лл. 53-77 об.; ф. 1238, оп. 3, Д- 61608, лл. 3 об.-4 об.; ф. 6, оп. 1, д. 379, ч. 1, лл. 75-76 об.).

¹⁴ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 383, ч. 1, лл. 129-138.

ч РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 95, 99, 102.

•5 РГАДА, Ф- 7, оп. 1, д. 1557, лл. 2-4; ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 2, лл. 121 — 127. Челобитная Натальи Николаевой дочери от 10 марта 1758 года, поданная на имя императрицы, с просьбой освободить из-под власти помещика. Написана копиистом Адмиралтейской коллегии Пахомом Назаровым, а подписана придворным хлебным учеником Иваном Григорьевичем Винокуровым.

¹⁶ РГИА, ф. 439, он. 1, д. 10, лл. 101-102.

¹⁷ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 105-106 об.

¹⁸ РГИА, ф. 439, он. 1, д. 10, лл. 103, 101. "> РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 95 об.

Глава 14

¹ *Байбурова Р. М.* Богатый дворянский дом 40-х годов XVIII века // ПКНО. 1994. М., 1996. С. 409-444. Использована главным образом опись палат и вещей «в Санкт-Петербурском... каменном доме, состоящем в Миллионной улице» К. Д. Кантемира (С. 422—433); Архив Воронцова. М., 1871. Т. 2. С. 146; *Штеллин Я. Я.* Музыка и балет в России XVIII в. Л., 1935. С. 83; РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 815а, лл. 1 -4, 8-9 (экстракт А. Б. Бутурлина императрице); ОПИ ГИМ, ф. 444, оп. 1, д. 129, лл. 129, 120; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 148, лл. 488-489; ф. 6, оп. 6/1, 1745, Д. 7, лл. 159, 168-168 об.; д. 11, лл. 94 об., 130; д. 8, л. 5; 1746, д. 7, л. 63 об.

² *Загадки русской истории.* М., 2000. С. 43; РГАДА, ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 8, лл. 386-387.

840

* Киевская старина. 1886. № 1. С. 271; № 5. С. 297, 300; РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1128, лл. 5—96 об.; ОПИ ГИМ, ф. 444, оп. 1, д. 129, лл. 118—119- На запрос Тайной канцелярии о причинах

смерти А. Д. Кантемир И. Г. Лесток 12 февраля 1747 года прислал ответ П. З. Кондоиди: «Оная княгиня разными болезнями и припадками, следующими от гисте-рической болезни (особливо в последних годах жизни ея), была тяжко одержима, а прошлого 1746 года апреля 11 дня весма сильно заболела. Причем такие великие имела спазмы или судороги, что ни капель чистой воды проглотить бес конвулзии не могла... Урину при том пускава-ла весма малым числом ретко. И она урина была черная, яко чернила...» При вскрытии 18 апреля врачи Санхес, Кондоиди, Эгидий и оператор Мельлен обнаружили «в разных нутренних ее частях, особливож в желутке и в кишках антонов огонь, следующей от вышепоказанных конвулзии. Також матка ее одержима была застарелыми и глубокими затверждениями, называемыми скирус. Такое же затверждение найдено в одном овариуме, а в другом овариуме был уже канцер или рак. Печенка ее також была вся скироза, а в желчном пузыре билась атра или черная жолчь настоящая. Селезенка ее и почки все згнили и, яко мешки, содержащие черную гниль, называемую по латински амурка, найдены». Комиссия пришла к выводу, что княгиня скончалась «натурално от вышепоказанных болезней». Однако Кондоиди немного слукавил, говоря, что с самого начала признал неизбежным летальный исход. Слуги в Тайной канцелярии показали обратное: доктор даже 16 апреля утром «никакой опасности» не видел, считая недомогание нервным припадком (РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 106, лл. 200-201). 4 РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 13184, лл. 1 об.-2об., 1 — 1 об. (курсивом выделены собственноручные подписи У. Н. Горелкиной). В принципе, общераспространенная практика предписывала оформлять завещание при свидетелях в конторе у крепостных дел, после чего его несли к юристам на регистрацию. Второй вариант, избранный У. Н. Горелкиной, — по месту жительства и на простой, а не гербовой бумаге — пользовался меньшей популярностью и к тому же не поощрялся властями.

[^] РГАДА, Ф-285, оп. 1, д. 13184, лл. 4-12.

⁶ РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 13184, лл. 4-4 об., 5-

⁷ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 13184, лл. 13, 19-

⁸ РГАДА, Ф-285, оп. 1, д. 13184, лл. 25-26, 24.

⁹ РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 815а, лл. 5-7; ф. 1239, оп. 3, д. 51855, лл. 430-430 об.; ОПИ ГИМ, ф. 444, оп. 1, д. 129, лл. 120, 118—119- О внешней привлекательности Е. К. Шван-вич свидетельствует еще такой факт. Летом 1753 года в

841

Москве жена камердинера Карновича стала себя неважно чувствовать. Выясняя, в чем дело, муж установил, что их дворовый человек двадцатипятилетний Григорий Федорович Фадеев, купленный за три года до того у Данилы Максимовича Левицкого, пытался с помощью колдовства приворожить госпожу. Холоп брал у неких шарлатанов какие-то приправы и подсыпал их в блюда, подкладывал в разные места коренья и упрашивал одного чернокнижника прочитать соответствующее заклинание. Все старания холопа сделать так, чтобы «госпожа ево с ним жила блудно», успеха не имели. Однако подсыпанная в тарелку «соль» неблагоприятное воздействие все-таки оказала. Слава богу, что все обошлось. Незадачливого поклонника жены хозяин сдал в полицию, где того ожидало заслуженное наказание (РГАДА, ф. 1374, оп. 1, д. 655, лл. 1-3об.).

¹⁰ РГАДА, ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 1, л. 370.

¹¹ Киевская старина. 1886. № 8. С. 351. ¹² РГАДА, ф. 1374, оп. 1, д. 655, лл. 4, 6-6об.

¹ з РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 815а, лл. 1, 3-5.

4 РГАДА, ф. 1374, оп. 1, д. 655, лл. 8, 7-7 об. ⁵ РГАДА, ф. 1374, оп. 1, д. 655, лл. 9-Ю.

¹⁶ РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 815а, лл. 5-9; ф. 9, он. 5, д. 38, ч. 1, л. 370.

Глава 15

¹ РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1408, ч. 6, лл. 228-241; РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 61 об.

² РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 2, лл. 1, 8 а—9, 15—15 об.

* РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 42, лл. 3-3 об., 5-5 об.; ф. 285, оп. 1, д. 402, лл. 11 об.-12.

¹ РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 17, лл. 1—3 об. (допрос постоянного клиента Катерины Гак Михаила Петровича Дубровина — канцеляриста таможни; содержал работавшую у Гакши уроженку Ревеля Анну Марию Берг), 7—7 об.; д. 18, лл. 4—4 об. (допрос канцеляриста Петра Петровича Моисеева — постоянного клиента заведений Гакши и Удачки); д. 121, л. 1 об.; д. 18, л. 4 об.; д. 53, лл. 4-5; Д. 89, лл. 4—6 об., 7-10, 11 об.-13, 15об.-18 д60, лл. 1-2, 8об.; д. 78, лл. 3, 13-13об.; д. 50, лл. 1—5 об., 10-11 об.

5 РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 12, лл. 1-5 об., 31 об.; д. 10, л. 15. Кстати, многие из постоянных

клиентов Дрезденши (П. А. Татищев, камер-паж И. И. Нарышкин, например) любили также навещать Н. А. Селиванову и ее подопечных. Вместе с ними туда приезжал князь Андрей Михайлович Белосельский, у госпожи Фелкер не замеченный (РГАДА, ф.8, оп. 1, д.5, лл. 27—28).

⁶ РГАДА, Ф-8, оп. 1, д. 55, лл. 1-3 об., 14, 17; д. 12, л. 60б.

842

Арестованная 11 июля 1750 года (фактически имела место явка с повинной) А. П. Биринг отсидела в Калинкином доме пять лет. Ее освободили 1 мая 1755 года после неоднократных обращений Андрея Биринга с условием в недельный срок выехать к мужу в Москву.

⁷ АВПРИ, ф. 96, оп. 96/1, 1753, д. 9, лл. 43, 8-9 об., 14, 10—10 об., 1, 30-31, 53-58 об., 59-59 об., 67.

⁸ РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 42, лл. 3 об.—4, 5 об., 7-8, 12-14 об., 19-22, 26, 27 об.; д. 2, лл. 28-28 об.

^Штелин Я. Я. Музыка и балет в России XVIII в. Л., 1935. С. 83, 84, 89; РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 197, лл. 18-19-В качестве примера музыкальных увлечений петербуржцев приведу выдержки из писем чиновника Коллегии иностранных дел А. Н. Суровцева А. М. Голицыну в Гаагу. 1. От 16 июля 1746 года из Ревеля: «Ежели могу дерзновение принять и Ваше Си[ятелств]о попросить, не можно ли в вашем месте сыскать флейт траверс самого наилучшего тона с комплек-ными коленами для разных мер, чтоб можно играть с кла-висеном, скрипками и другими инструментами камарного тона. Також, бы оной флейт траверс по концам серебром для крепости обложен был, ибо хотя у меня есть нарочной флейт, однакож не самой лучшей доброты. И для того унижено Ваше Сиятельство прошу приказать выше предписанной работы и качества флейт траверс приискать, хотя б от 25 до 30 р[ублей] ценою. Только бы такой, какого уже лучше добротой и тоном сыскать нельзя было. И ежели [оной] сыщется, при удобной оказии или при случае стафета какого, или проезжаго сюда, или же как вы за наилучше разсудить изволите, ко мне милостиво оной флейт траверс прислать и меня при том уведомить, сколько вы изволите на то ваших денег издержать. Или в толиком числе денег на меня х генерал консулу Волфу асигнацию прислать, в котором случае я тотчас оные денги заплачу, а Вашему Сиятельству вечно благодарить не премину. А при том милостиво прислать не трудных несколько троеголосных увертиров и тому подобных»;

2. От 27 декабря 1746 года из Санкт-Петербурга: «... еще ж Вашему Сиятельству доношу, что князь Дмитрий Михайлович Голицын 24 декабря сюда благополучно прибыл. И я от него zelo милостиво и ласково принял, довольно разговаривая со мною. А при том мне изволил он о[т]дать толь желанной мною флейт, которой zelo преизрядной и такой, какого я желать мог. Також от Вашего Сиятельства толь милостиво посланные все нотные книги с минуетами на двух листах и находящиеся в них пиесы наилучшего вкуса... Но когда я у Его Сиятельства при моем усердном благодарении спросил, сколько мне ему за флейт заплатить надобно, то он мне прямо цены не сказал, но со мною милостию и вели-

843

кодушием только знать дал, чтоб я только с Вашим Сиятельством в том шет имел»;

3. От 20 декабря 1746 г.: «... что же изволите упоминать, что господин Курбатов у вас во свое время за лучшего игра-ка на флейте пасировал, то низайше доношу, что он ныне вовсе на флейте не играет, в разсуждении груди своей. И свою флейту мне отдал, ибо он мне особливо приятель* (РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 3387, лл. 7 об.—8, 1 — 1 об., 3).

¹⁰ РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 10, лл. 21-21 об., 30.

¹¹ РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 10, лл. 1-1 об., 4-4 об., 6-7 об., 12-13 об., 18-19, 22-24; д. 5, л. 18 об.

¹² РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 10, лл. 4, 22, 6; д. 42, лл. 26 об., 14, 22-23; Д. 55, лл. 7, 5 об.-б, 1; д. 12, л. 66; д. 48, лл. 1-2; д. 78, лл. 3, 5, 8-9 об.

^ РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 12, лл. 6-6 об.; д. 2, л. 54; Д. 42, лл. 4, 27.

ч РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 42, лл. 37-43, 47-48.

¹⁵ РГАДА, Ф-8, ОП. 1, д. 2, лл. 133-136; д. 119, лл. 1—25 об.; д. 18, лл. 7-7 об., 15 об.-16, 21; д. 189, лл. 122, 150, 249; Д-36, лл. 14-22, 27, 29-30.

¹⁶ РГАДА, Ф-18, оп. 1, д. 134, лл. 21, 13, 1-2.

¹⁷ РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 134, лл. 18 об.-19 об., 6-9, 24; Чу-стович И. Феофан Прокопович и его время // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности императорской Академии Наук. СПб., 1868. Т. 4. С. 369—371, 2—7; Россия и Испания. Сб. документов. М., 1991-Т. 1. С. 131-135.

¹⁸ РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 134, лл. 10-17 об., 18-25 об., 30.

¹⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. СПб., 1912. Т. 3- С. 43—45; Михайловский В. Словарь православного богослужебного языка и священных обрядов // Краткий церковно-богослужебный словарь. М.,

1997. С 201-307; РГАДА, ф. 18, оп. 1, д. 134, лл. 26-26 об., 35-35 об.

Для лучшего представления об убранстве церковей елизаветинской эпохи ниже приводится список предметов, выданных летом 1749 года в новопостроенный храм в Пулковой слободе, приписанной к Царскому Селу: «Евангелие напестольное. Покрыто малиновым бархатом, и с обеих сторон наложено серебрянными штуками, чеканной работы. Весу в серебре со всем прибором 1 фунт 27,5 золотников.

Сосуду наирестольного серебряного вызолоченаго, в котором порознь — потир, дискос, звезда, два блюнца, лжица (весу 2 фунта 83,75 золотника).

Копеицо стальное с хрустальным черешком.

Крест большой серебряной благословящей (весу 1 фунт 13, 5 золотников).

Ковчег на запасные дары, оловянной (1 рубль 70 копеек).

844

Панагия оловянная.

Медных — два подсвешника больших (10 рублей); две лампы малые (1 рубль 50 копеек); два кадила, в том числе одно луженое (2 рубля 5 копеек), один укрошк (55 копеек); одна чаша водосвятная с медными ушками (весу 8, 25 золотников; 3 рубля 14 копеек); чаша такая ж поменше, без ушков; ковш (30 копеек), 4 лампы больших (12 рублей 86 копеек). 2 шандана тройных (2 рубля 64 копейки), 2 одинаких столовых (90 копеек); кропило; одно блюдо, одна тарелка (87 копеек).

Книг в переплете. В десть — Апостол, Псалтырь следованная, Миней месячных (год — двенадцать книг), Октоев две книги, Устав, Триоди постная да цветная, Прологов четыре книги, Евангелие толковое воскресное, Требник. В полдесть — Служебник, Иермологиев два, Молебное пение. Служба святым и праведным Захарию и Елисавете. В четверть — Миней общая, Требник, Канонник.

Колоколов медных четыре. В том числе один — 9 пудов 35 фунтов, другой — 4 пуда 28 фунтов, третьей — 2 пуда, четвертый — 1 пуд 1 фунт». Молебное пение — это «Служба о победе под Полтавою». Лампы требовались для горнего места на престоле и к образам. Ковшик — для вина (теплоты) при обряде причащения. Его подавали на тарелке. Кроме посуды и книг церковь не могла обойтись без риз, епитрахилей, поруч, воздухов (ими покрывают святыя дары на литургии), литон, завесов (при царских вратах в алтаре), покровов на аналой, святой престол и жертвенник. Из затребованных в церковь предметов сразу не сумели достать канфору, рукомойник стенной с лоханью, «котлик чюгун-ной», «херугви», аналой, фонарь и купель для крещения младенцев (РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 147, лл. 11-12 об., 13—13 об., 1-3).

Глава 16

1 РГАДА, Ф-286, оп. 1, д. 310, л. 1; д. 439, л. 196.

² РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 461, лл. 6—7 об.

3 РГАДА, Ф- 16, оп. 1, д. 461, л. 5.

⁴ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 461, лл. 23—25 (рассказ Дедюлина о службе у Татищева); 39—40 (рапорт капитана Ю. Овцына о событиях 22 декабря 1750 года); 8—9 об., 10—11 об., 25 об.—28 об. (челобитные Дедюлина с описанием событий 22 декабря 1750 года, 22 января и 4 февраля 1751 года); 12 (распоряжение императрицы о передаче дела Дедюлина в Кабинет); 14—15 (рапорт Н. Жолобова); 16—18 об. (изложение беседы императрицы с Татищевым и Бахиревым 5 февраля и отчеты Бахирева о получении документов от Хрущева и разговоре с камер-юнкером 6—8 февраля); 29—

845

29 об. (рапорт П. Кологривова); 30 (подписка о невыезде Дедюлина); 22 (примечание о возвращении Дедюлину шпаги); ф. 7, оп. 1, д. 1934, лл. 27—27 об. Имена и отчества действующих лиц заимствованы из духовных Прасковьи Даниловны Дашковой от 26 марта 1747 года и Алексея Даниловича Татищева от 3 августа 1760 года (РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 414, лл. 115 об.-116; д. 7656, лл. 2-4 об.; д. 9679, лл. 3 об.—4).

5 РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 461, лл. 101, 94—94 об.

⁶ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 461, лл. 100-101 об.

⁷ РГАДА, ф. 285, оп. 1, д. 9679, лл. 1 об., 2, 3 об.

Глава 17

¹ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 38 об.

² РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 23-

* РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 22 об.; С.-Петербургские ведомости. 1755. № 27 от 4 апреля.

* РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 469, лл. 1—2. Прочитанные донесения датированы мартом 1757 года.

5 РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 24 об.

⁶ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 438, лл. 19-19об. На всякий случай про запас возле берега держали еще двадцать первый плашкоут. Срок службы плашкоута составлял пять лет без ремонта. С ежегодной починкой — от восьми до десяти лет.

⁷ Виды Петербурга и его окрестностей. Л., 1968. С. 12—13, 30—31, 33, 35.

⁸ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 56, л. 2.

9 РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 438, л. 2; ф. 248, оп. 86, д. 7005, лл. 496-497.

¹⁰ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 438, л. 20 об. "РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 438, лл. 15, 13-13об.

ч РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2672, лл. 14, 48; д. 2461. События 28 июля 1751 года на Исаакиевском мосту реконструированы по неплохо сохранившемуся итоговому докладу комиссии от 17 февраля 1752 года (лл. 111 — 119, 121 об.). Записи на подлинных допросах главных свидетелей во многих местах выцвели (лл. 2—3 [рапорт Я. фон Эйдена], 10-11 [допрос Бухвостова], 12-12 об., 15 [допрос Головачева], 13—14 [допрос Поливанова], 16—16 об. [допрос Вит-вера], 17—17 об. [допрос Львова], 4 [список солдат московского полка под командой сержанта Н. Рахманова], 20 [медицинский аттестат о состоянии П. Головачева]). Поэтому использовать их в полной мере не представляется возможным.

8 докладе приведены показания подполковника Клеопина, подпоручика Бровцына и поручика фон Эйдена, сержанта Рахманова, кадетов Бухвостова, Львова, Поливанова-846

ва, Головачева, сборщиков Кузнецова и Буханина, капрала Уразьева, солдата Шемякина, служителей Баландина и Па-трекеева, а также кадетов Муравьева, Буланина, Кудаева, Чеусова и часового при корпусе Таганова. Хотя члены комиссии не назвали имя того, кто «натравил» кадетов на матросов, вычислить невольного виновника смуты легко. Это Иван Бухвостов. И Львов с Поливановым и Головачевым, и солдаты исаакиевского караула в допросе именно на него указали, как на четвертого кадета, который прошел мост первым. Причем солдаты не скрыли факта уплаты им мостового сбора. Однако не участвовавший в пререканиях с Бровцыным Иван Бухвостов почему-то заявил на следствии, что денег не платил и подвергся избиению мостового офицера. Правда, на очной ставке Бровцына (единственного мостового офицера) не признал, после чего стал настаивать на том, что пострадал от капрала Уразьева. Капрал, конечно, все отрицал.

На мой взгляд, есть только один мотив, объясняющий странное поведение Бухвостова.

Осознав, что его поспешность привела к столь драматическим последствиям, испугавшись, что комиссия, установив, кто зачинщик драки, строго накажет виновника переполоха, кадет попытался зачислением себя в ряды спорщиков с караулом и, соответственно, пострадавших от него, как-то обосновать причины устроенной им паники.

Другой не вполне ясный эпизод. Клеопин утверждал, что два ружья выстрелили сразу и должного эффекта не произвели. Однако, по свидетельствам поручика Эйдена и сержанта Рахманова, залпы раздались при входе на мост солдат Московского полка. При этом если Рахманов показал, что «учинена из ружей палба» в то время, как он на спуске моста «устанавливал шедшей за ним фронт», то сопровождавшие сержанта нижние чины уверяли комиссию в том, что «она с адмиралтейской стороны палба из ружей слышна была, когда еще они шли от корпуса». Противоречие снимает поручик Эйден. Он заявил, что «по входе де тогда онаго Рахманова на мост слышно было из фузеи два раза выпалено». Значит, залпов было два. Первое ружье выстрелило, когда спешивший на выручку отряд подошел к мосту, а второе — в момент движения солдат Рахманова по нему. И хотя ружья выпалили одновременно, вряд ли их эффективность была равна нулю. Ведь толпа стала разбегаться как раз во время шествия подразделения Московского полка по мосту, практически сразу после выстрелов. Да и не верится, что грохот и дым от пальбы пусть всего лишь двух ружей кадетами был не замечен. Скорее всего, подполковник постарался принизить значение залпов, опасаясь получения взыскания за неуставное использование оружия.

847

Впрочем, Клеопин не единственный, давший несколько искаженные показания. Навести тень на плетень попытался и поручик фон Эйден, не пожелавший проявить инициативу. Следователям он

сообщил, что, узнав от Рахманова о драке на мосту, отправил сержанта к подполковнику Зихгейму. Рахманов довольно эмоционально опроверг ложь дежурного офицера: «О том де оному порутчику фон Эйде-ну не сказывал, да и сказывать ему было нечего, ибо еще до походу ево на тот мост не знал» ничего. То есть сержанта послал на мост именно подполковник Зихгейм, выслушав донесение Антона Ивановича Березина, адъютанта адмирала Голицына (РГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 91, л. 5; д. 3387, лл. 1 — 1 об.).

чрГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, лл. 29 об., 86; д. 11, лл. 50, 63 — 63 об., 84 об., 90, 125; Д. 9, л. 132; РГАДА, ф. 1263, оп. 1, Д-27, лл. 87 — 87 об.

¹⁴ С.-Петербургские ведомости. 1755. № 35 от 2 мая, № 37 от 9 мая, № 45 от 6 июня.

¹⁵ Виды Петербурга и его окрестностей. Л., 1968. С. 16, 28-29.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 12. С. 617-618.

¹⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 52199, лл. 23-24-

¹⁸ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, Д. 56, л. 12 — 12 об.; АВПРИ, ф. 50, он. 50/1, 1755, Д. 5, лл. 1, 7, 8, 9, 12 — 12 об. (подлинник и перевод коносамент), 14 (рапорт С. Мещерского), 22 об., 30 — 32. Императрице голландские коровы понравились, хотя и не вполне. Но больше всего ее возмутило, что «с ними из Голландии для корму в дороге отправлена была вместо настоящего сена сырая трава, которая вся в недолгом времени згорелась и по приезде в Кронштат выброшена... и что в дороге пресной воды не было», отчего «все коровы изхудели и овшивели, так что здесь принуждены были отмывать щелоком и вином с мылом». А. Пеле, ссылаясь на П. Байля, жившего в Петербурге до 17 сентября 1755 года, заверял Головкина, что за коровами все время был должный уход. В итоге летом 1756 года царица распорядилась докупить еще восемь дойных коров и четыре телицы и тем ограничиться. На сей раз Адмиралтейство и Коллегия иностранных дел продемонстрировали хорошее взаимодействие. Корабль Фридрика Баукеса «Де Анна Галер» с коровами и крестьянином Класом Гротом без проблем миновал Кронштадт и 18 августа достиг Петербурга. Первая партия стоила 2337, вторая — 2248 гульденов. Крестьянам платили по 22 и 20 гульденов в месяц и 3,5 гульдена на питание на неделю. Шкиперам выдано за провоз и путевые издержки 289 и 243 рубля (там же, лл. 29-29 об., 42, 46, 50, 52, 17, 45, 20, 56).

848

19 РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 450, лл. 16-16 об.

в Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 255-

я РГАДА, Ф- 248, оп. 22, д. 1492, л. 35; ф. 8, оп. 1, д. 2, лл. 38-43 об.

" РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 27, лл. 132-132 об.; д. 7239, лл. 15 — 15 об., 44 — 44 об.; Российский парусный флот. Справочник. М., 1997. Т. 1. С. 130.

^Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. С. 254 — 255-

м РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 7326, лл. 3-4 об.

^ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 438, л. 2 об.

<* Виды Петербурга и его окрестностей. Л., 1968. С. 12 — 13, 47, 51, 63; Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. С. 259 — 261; Махаев М. План столичного города Санкт-Петербурга... СПб., 1753.

²⁷ РГАДА, Ф- 16, оп. 1, д. 447, ч. 1, лл. 60 — 61 об. «Профили* Фонтанки и Глухой речки в течение февраля и марта исполнили четыре офицера Инженерного корпуса при помощи четырех кадет, прикомандированных к ним «для лутчей практики* (РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2440, лл. 1 — 7).

** РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 438, лл. 20 об. — 21.

•w РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 11, л. 38 об.

Глава 18

¹ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 257-265 об. Ф. Иванов в своей челобитной указал на 5 марта, как на день происшествия. Однако рапорт К. Ядренцова, в котором событие датировано 4 марта, вызывает больше доверия. Ведь его подпоручик подал Татищеву сразу после доставки в полицию провинившегося холопа.

² РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 396-397.

^s РГВИА, ф- 32, оп. 1, д. 38, лл. 588 — 611 об.: рапорт главной полиции (лл. 590 — 592 об.); челобитная А. М. Шванви-ча от 10 августа (лл. 593 — 593 об.); два допросных листа Я. Г. Косого (лл. 597-597 об., 607-607 об.); допросный лист преображенца Л. Сергеева (лл. 599 — 599 об.); допросные листы фурыера М. Чалова (лл. 602 — 602 об.), солдат Ф. Петрова и П. Трофимова (лл. 603 — 604 об.); допросный лист СКОЗмина (лл. 608 — 608 об.); РГАДА, ф. 248, оп. 12, Д. 668, лл. 425 об.-426; ф. 285, оп. 1, д. 411, л. 104.

Общераспространенное мнение о том, что в царствование Елизаветы Петровны чуть ли не все

вельможи любили разъезжать по городу в каретах, запряженных шестерками, ошибочно. В действительности самым популярным видом транспорта, в том числе и среди знатных особ, был не цуг, а экипаж, запряженный парой. Переизбыток в Петербурге Цугов действительно имел место. Но объясняется он не

2К К. Мисаренко

О4*

блажью аристократов, а желанием императрицы, повелевшей всем сановникам ехать в торжественной процессии в день бракосочетания Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны в каретах, запряженных шестеркой лошадей (АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 16, лл. 94-95).

1 РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 38, л. 611-611 об.

с АВПРИ, ф. 89, оп. 89/1, 1755, Д. 13, л. 69; ф. 93, оп. 93/1, 1760, д. 10, лл. 2—2 об.; *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 188.

⁶ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 4183, лл. 3-6 об.

⁷ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 11, лл. 148-151 об.

⁸ РГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 443, ч. 3, лл. 211 -214; РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 616. На Московской стороне за порядок в полковых слободах отвечали съезжие Семеновского и Измайловского полков.

⁹ РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 36, лл. 742-744 об.

¹⁰ РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 11, лл. 143 об.-144, 145—146.

¹¹ С.-Петербургские ведомости. 1757. № 2 от 7 января; № 59 от 25 июля (адрес Дукласа); КФЖ.

1757. 1 января; *Данилов М. В.* Записки // Безвременье и временщики. Л., 1991- С. 330; *Данилов М. В.* Довольное и ясное показание, по которому всякой сам собою может приготавливать и делать всякие фейерверки и разные иллюминации. М., 1779; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 3452, лл. 4, 7-7 об.; д. 3455, лл. 2-3 об. (промемория Придворной канторы), 4—5 (допрос Г. М. Лиферса 9 января 1757 года); 10—13 (допросы караульных), 6; ф. 2, оп. 2/1, д. 182, л. 447; ф. 89, оп. 89/1, 1755, д. 13, л. 24; РГАДА, Ф- 285, оп. 1, д. 398, лл. 192-193 об.; д. 409, л. 154.

Глава 19

' С.-Петербургские ведомости. 1756. № 54 от 5 июля; *Ломоносов М. В.* Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее. СПб., 1756. С. 36—37, 26, 39-40.

2 РГАДА, Ф- 285, он. 1, д. 439, л. 185; Д. 405, л. 31.

³ *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. С. 142; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 51456, лл. 1-3, 27-28, 39, 33, 55, 46-47, 45, 21; д. 51459, лл. 45, 38-39; д. 51407, л. 41; д. 51454, лл. 131-138; д. 51394, лл. 51-52, 107; д. 51465, лл. 82-85; д. 51931, ч. 4, лл. 1-2; ч. 35, лл. 18 об.-23; ч. 38, лл. 1-2; ч. 48, лл. 1—2; ч. 55, л. 2; ч. 70, лл. 1-10 об.

1 июля 1756 года Дворцовая канцелярия решила провести тендер на поставку всего ассортимента продуктов в 1757 году. Торги состоялись 29 ноября, 9, 13 и 16 декабря. В них участвовали купцы и промышленники Андрей Сериков с Иваном Тресптвевым, Савва Яковлев, Григорий

850

Щербаков, Никита Скородумов, Егор Волков, Михаил Грязновский-Лапшин, Гурий Беляев и Антип Шкарин, ставший к тому времени крестьянином вотчины Ее Императорского Величества — села Покровского. Победил Андрей Сериков. Причем на условии заключения контракта с ним и двумя его компаньонами сроком на четыре года — по 1 января 1761-го. Подрядные цены в договоре проставили такие: пуд черкасской говядины — 95 копеек (в задворный отпуск, то есть не на придворные кухни, 63 копейки); пуд баранины — 85 копеек; гусь — на верхние кухни 45 копеек, на среднюю и нижнюю 33 копейки; утка — соответственно, 37 и 27 копеек; индейка — 84 и 73 копейки; поросенок — 32 и 18 копеек; русская курица — 23 и 18 копеек; цыпленок — 15 и 13 копеек; молодой голубь — рубль за пару; ведро сметаны — 1 рубль 99 копеек и 1 рубль 58 копеек; ведро творога — 58 и 52 копейки; кружка молочных сливок — 24 копейки; пуд пеклеванной муки — 40 и 30 копеек; теленок без шкурок — 3 рубля 20 копеек и 1 рубль 81 копейка; барашек без шкурок — 90 и 75 копеек; козленок — 30 и 21 копейки; тетерев — 25 и 12 копеек; глухарь — 15 копеек; рябчик — 17 и 11 копеек; куропатка — 40 копеек; дрозд — 25 копеек? заяц — 70 копеек; пара свиристелей — 15 копеек; пара куличков — 15 копеек; пуд свежей свинины — 75 копеек; пуд окорока (3 штуки) — 85 копеек; пуд сала говяжьего — 1 рубль 6 копеек и 96 копеек; квашенина от одной скотины — 20 и 18 копеек; гусак — 20 копеек; рубец — 12 копеек; язык свежий — 9 копеек; сычуг — 12 копеек; пуд провесной ветчины — 99 и 40 копеек; пуд провесного окорока — 1 рубль 30 копеек и 1 рубль 2 копейки; ведро свежего молока — 35 и 31 копейка; ведро уксуса столового — 20 и 18 копеек; сто кочней капусты — 2 рубля 10 копеек и 1 рубль 90 копеек; пуд белых сухих грибов — 16 рублей 80 копеек и 15 рублей 27 копеек; пуд сморчков — 15 рублей 75 копеек; пуд черных ниточных грибов — 3 рубля и 2 рубля 72 копейки; сто яиц «сезимых» (с декабря по

апрель) — 3 рубля 50 копеек; тысяча свежих яиц — 5 рублей 50 копеек и 5 рублей; пуд русского коровьего масла — 1 рубль 90 копеек; пуд чухонского масла — 2 рубля 3 копейки; ведро орехового масла — 5 рублей 50 копеек и 4 рубля 40 копеек; ведро макового масла — 2 рубля 18 копеек; ведро конопляного масла — 81 копейка; сто свежих яблок — 1 рубль 48 копеек; пуд куличной муки — 54 копейки; пуд печной муки — 40 копеек; пуд пшеничной крупы — 85 копеек; пуд шуйского мыла — 1 рубль 74 копейки; пуд копченого окорока (3 штуки) — 1 рубль 28 копеек; пуд ветчины шпикованной — 3 рубля 85 копеек; фунт сладкого мяса из-под телячьих щек — 49 копеек; телячьи мозги с одной головы — 14 копеек; четверть репчатого луку — 2 рубля 15 копеек

и

851

1 рубль 95 копеек; пуд хрена — 77 и 70 копеек; пуд сухой малины — 1 рубль 88 копеек; четверть гороха «гредско-го» — 20 копеек; четверть гороха простого белого — 2 рубля 36 копеек; пуд овсяной муки — 20 копеек; тысяча реп —

1 рубль 40 копеек; четверик мака или чечевицы — 40 копеек; четверик толокна — 28 копеек; четверик круп просяных — 30 копеек; сто редок — 80 копеек; пуд сальных свечей — 1 рубль 67 копеек; пуд топленого сала — 1 рубль 50 копеек; четверть шквар (корм собак) — 1 рубль 75 копеек; замороженные гусь — 18 копеек, утка — 12 копеек, индейка — 35 копеек, курица — 10 копеек, поросенок — 14 копеек.

Для сравнения приведу подрядные цены 1751 года, когда главным поставщиком мяса был Степан Лврамов, наряду с Саввой Яковлевым и Михаилом Дроздовым: пуд говядины (на кухни — черкасскую, в порцию — русскую) — 87 копеек (в задворный отпуск — 72 копейки); пуд баранины — 99 копеек; язык свежий — 10 копеек; квашенина от одной скотины — 20 копеек; гусак — 18 копеек; рубец — 15 копеек; пуд сала говяжьего — 94 копейки; сычуг — 3 копейки; гусь — 37 копеек; утка — 28 копеек; индейка — 88 копеек; курица — 22 копейки; цыпленок — 12 копеек; поросенок — 25 копеек; тетерев — 9 копеек; рябчик — 8 копеек; заяц — 20 копеек; иуд провесного окорока — 1 рубль 19 копеек; пуд провесной ветчины — 1 рубль 14 копеек; пуд свежего окорока — 86 копеек; пуд шпикованной ветчины —

2 рубля 88 копеек; теленок без шкурки — 2 рубля 52 копейки; барашек без шкурки — 80 копеек; пуд белых сухих грибов — 10 рублей 40 копеек; пуд сморчков — 8 рублей; пуд черных ниточных грибов — 2 рубля 90 копеек; пуд хрена — 96 копеек; пуд русского коровьего масла — 1 рубль 89 копеек; пуд чухонского масла — 1 рубль 99 копеек; ведро орехового масла — 4 рубля 80 копеек; ведро макового масла — 2 рубля 60 копеек; ведро конопляного масла — 80 копеек; пуд недомерочной муки — 88 копеек; пуд печной муки — 38 копеек; пуд куличной муки — 56 копеек; ведро молока свежего — 34 копейки; ведро сметаны — 1 рубль 73 копейки; ведро творогу' — 59 копеек; кружка молочных сливок — 18 копеек; ведро столового уксуса — 20 копеек; сто яиц «сезимых» — 1 рубль 76 копеек; тысяча свежих яиц — 5 рублей 47 копеек; четверть репчатого луку — 2 рубля 50 копеек; сто кочней капусты — 1 рубль 90 копеек; пуд сальных свечей и топленого сала — 1 рубль 85 копеек; четверть шквар — 1 рубль 60 копеек; замороженные гусь — 21 копейка, утка — 13 копеек, индейка — 22 копейки, курица — 10 копеек, поросенок — 22 копейки. Одно дворцовое ведро вмещало двенадцать кружек, одна дворцовая кружка — семь чарок (РГАДА, Ф-1239, он. 3, д. 51465, лл. 139-161; д. 51394, лл. 60—60 об., 62 об.—65). А вот какой максимум цен на мя-

852

со для городских рынков установила главная полиция с 28 июня 1756 года (цены на основную мясную продукцию регулировались раз в два-три месяца): говядина — 2 копейки с четвертью за фунт; гусак в зависимости от величины — 12, 15 и 20 копеек; рубец — от 5 до 10 копеек; баранина в зависимости от качества — от 2,5 до 3,5 копейки за фунт; копченая ветчина — 5 копеек за фунт; свинина свежая — 3—3,5 копейки за фунт (С.-Петербургские ведомости. 1756. № 53 от 2 июля). И, наконец, цены на рыбу. В 1745—1747 годах щука длиною в аршин, в 13 и 14 вершков стоила 30—40 копеек, 12-, 11- или 10-вершковая — 23—30 копеек, 9-вершковая — 15—20 копеек. Живого сазана продавали за 2,5 рубля, лосося — по 67—85 копеек, леща и судака — по 28—35 копеек, форель — по 23—30 копеек, харьюза и угря — по 11—16 копеек, язя — по 8—11 копеек, налима — по 4—6 копеек, сига и окуня 5-вершкового — по 2—4 копейки, карася — за 1—2 копейки. Десяток 3-вершковых окуней покупали за 12—17 копеек, плотниц — за 5—10 копеек, сотню ершей — за 27—35 копеек, раков — за 67—85 копеек. За пуд паюсной икры брали 2—2,5 рубля, черной зернистой — 2,5—3 рубля, вязиги — тоже 2—2,5 рубля, свежепросоленной осетрины или белужины — 1 рубль — 1 рубль 30 копеек, снетков сухих — 1 рубль 30 копеек,

соленой семги — от 1 рубля 20 копеек до 1 рубля 60 копеек. Мерзлая рыба обходилась покупателю на порядок дешевле (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51931, ч. 70, лл. 5-9).

ч РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 51457, лл. 69-70.

* *Пытшиев М. И.* Старый Петербург. М., 1990. С. 77; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 99, л. 222; ф. 1239, оп. 3, Д-51458, лл. 65-67; д. 51460, лл. 86-89; д. 51459, лл. 67-68 об.

⁶ РГАДА, ф. Ш9, оп. 3, Д. БИ86, лл. 15-16.

⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51459, лл. 18-20 об.; д. 51458, лл. 150-156; д. 51407, лл. 24-25; Д. 51413, лл. 21-22; д. 61216, лл. 42-42 об.

⁸ РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 61216, лл. 5-13, 30-33, 72-72 об., 48-49; Д. 51455, лл. 81-89; д. 51465, л. 41. э РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 61175, лл. 151-153; Краткий церковно-богослужебный словарь. М., 1997. С. 278—279; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51931, ч. 78, лл. 4-6 об., 8-10, 11 об. Данное расписание, скорее всего, составлено в 1747 году; оно хранится среди документов этого года и совпадает с данными нарядов на постные, скоромные дни, на среды и пятницы от 10 октября 1748 года (РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, д. 51931, ч. 89, лл. 1—23); см. также д. 61186, лл. 3—3 об., 8 (наряды императрицы и великого князя с супругой на март 1747 года).

¹⁰ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 647, лл. 15, 18—22 (данные запроса, сделанного в июне 1746 года); д. 648, лл. 24, 26—27 об.

853

¹¹ АВПРИ, ф. 2, оп. 2/6, д. 3992, лл. 4, 6-7, 10-11, 18-19, 25-25 об.; д. 4094, ч. 1. лл. 116—117; оп. 2/1, д. 533, лл. 276-276 об., 305-307 об., ЗЮ-ЗИ; РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 99, лл. 3, 5 об.-6, 9-20, 36-37, 55 об., 71-76, 97-112, 116-123, 147—152, 219—219 об. (Вульф получал указы 23 ноября 1747-го, 22 февраля 1751-го и 28 января 1755 года), 316—510.

^{>2} АВПРИ, ф. 32, оп. 32/1, 1744, Д. 8, лл. 1, 8, 20-23, 34-34 об., 44, 46-47 об., 58-65, 70-79, 82-84 об., 91, 94-98 об., 111-116 об., 125, 129, 135-135 об., 162-164, 172, 184, 198, 213, 222, 230; РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 52196, лл. 191-192, 213 об., 215, 313, 318, 482-487 об., 491-496 об., 634 об., 638, 428 об., 432; РГВИА, ф. 8, оп. 1, д. 2225, лл. 1-7 (дело И. Мейера).

is РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51457, л. 21; д. 61216, лл. 33-33 об.; д. 61244, лл. 4-4 об., 9-10, 28, 213 об., 225.

" РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61216, лл. 50 об., 42; д. 51931, ч. 53, лл. 1—2 об.; ч. 111, лл. 1—4.

« РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 51457, лл. 60-60 об.; д. 61216, лл. 11 об.—12, 110-111 об., 111 об.—113 об., 50 об.—51, 73—75, 93 об.—94, 82—89, 108; Исторический вестник. 1880. № 7. С. 555-556.

¹⁶ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д- 61216, л. 63 об.; д. 51456, лл. 8— 9 об.

¹⁷ РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2870, лл. 3-50 (1 июля - л. 35). Познакомимся, например, с «Положением о содержании стола» П. Б. Шереметева от 9 сентября 1759 года: «Столу ординарному быть в скоромные дни. В обеде, в первую перемену — 4 супа, 2 блюда больших с говядиной и ветчиной, 4 блюда рагу, 4 блюда фрикасе, 2 блюда рагу или фрикасе; что поделикатнее, подавать после. Во 2-ю перемену — 4 блюда жаркова, 3 блюда хлебного, одно блюдо жале или бламанже, или что другое, 4 блюда долгонских антреме, два салаты, 4 тарелки сыров, масла и анчоусов. В вечернем столе, в 1-го перемену — 4 супа, 4 блюда рагу, 4 блюда фрикасе, 2 блюда студени. Во 2-ю перемену — 4 блюда жаркова, 4 блюда хлебного, 4 тарелки сыру, масло, 2 блюда салаты. В постные дни. В обед, в 1-ю перемену — 2 супа скоромных, 2 супа постных, 4 блюда рагу и фрикасе, 4 блюда с постными соусами и студеньями, одно блюдо большое с говядиной или с чем другим, одно блюдо большое ж с рыбою соленою или свежою, 2 блюда прибавошные с скоромным кушаньем, рагу и фрикасе, что поделикатнее. Во 2-ю перемену — 2 блюда жаркова скоромного, 2 блюда жареного рыбного, 2 блюда хлебного скоромного, 2 блюда хлебного постного, 4 блюда долгонских, из них два с скоромным и два ж с постным кушаньями, 2 тарелки с сыром и с маслом, 2 тарелки с оливками и с анчоусами, 2 салаты... На детской стол отпускать 2 супа, 2 блюда под соусом,

854

одно блюдо жаркова, одно блюдо хлебного. В ужине же по тому отпускать. Учителю отпускать 8 блюд с кушаньем на обед и ужин. А протчим контрактикам, то есть кухмист-ру, кондитеру, Адаму производить роздачу от моего стола: кухмистру 4 блюда, кондитеру 4 блюда, Адаму 3 блюда» (РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 4724, лл. 69-69 об.).

Глава 20

¹ РГАДА, ф. 346, оп. 2, д. 32, лл. 142-142 об., 128-129; ф. 285, оп. 1, Д. 801, л. 19; АВПРИ, ф. 2,

оп. 2/1, д. 3094, л. 52 об. (Салхов вместе с женой «Фредерик Региною Софией Кинце-ною» пересек русскую границу у Риги 13 марта 1756 года).

² РГАДА, ф. 346, оп. 2, д. 33, лл. 32-33 об.; оп. 1, д. 199, лл. 31-32, 38-41.

¹ РГАДА, Ф-346, оп. 1, д. 199, лл. 41-42, 46-47.

¹ РГАДА, ф. 346, оп. 2, д. 33, лл. 4-7.

⁵ Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхель-бекер. СПб., 1903- С. 97-98.

* РГАДА, Ф- 346, оп. 1, д. 63, лл. 739-739 об.; д. 68, л. 46; д. 80, лл. 445—446; д. 154, лл. 149—150. Дрова и уголь Дворцовой канцелярии и дрова лейб-компанцев за главной аптекой хранились более пятнадцати лет.

⁷ РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 81, лл. 354-355 об.; д. 130, лл. 486-486 об.

⁸ РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 68, лл. 212, 309—316; д. 199, лл. 417-418; д. 81, л. 86; РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 1630, л. 23. Г. Ф. Дитрих командовал нижней аптекой до 1745 года. Затем и руководство, и адрес аптеки переменялись. 17 августа 1750 года под нее на восемь лет арендовали дом Петра Ивановича Головина в Малой Морской (его содержал подпоручик Семеновского полка Петр Приклонский). А возглавил аптеку Иоганн Балтазар Виль. В июле 1751 года кадровая перетряска коснулась двух других аптек. Давыда Лапена перевели в Москву. Главным аптекарем Петербурга назначили Иоганна Моделя, а вакансию в адмиралтейской аптеке занял аптекарь города Лубны Петр Нейдгарт. В ноябре 1755 года после смерти Лапена московскую аптеку поручили Нейдгарту. А на его место из Астрахани пригласили Иоганна Фридриха Мадебурха. Адрес морской аптеки в 50-е годы — дом Морской Академии на углу набережной Невы и 4-й линии Васильевского острова (РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 173, л. 129; оп. 2, д. 26, л. 105; Д. 81, л. 68).

" РГАДА, ф. 9, он. 5, д. 38, ч. 8, лл. 200-201 об.; ф. 346, он. 1, д. 63, лл. 85-86 об.; д. 64, лл. 331-332, 856-858; д. 81, л. 65 об.; д. 80, лл. 13, 500-503; д. 89, лл. 9, 305-306; д. 198, лл. 827-828, 851; оп. 2, д. 26, лл. 139-139 об., 147; *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 189.

855

¹⁰ Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхель-бекер. СПб., 1903- С. 97-98.

¹¹ ОПИ ГИМ, ф. 47, оп. 1, д. 6, лл. 135 об.—136 об., 137—138.

¹² РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 89, лл. 737, 745; ОР РНБ, ф. 871, оп. 1, д. 1, л. 28 об.

¹ РГАДА, Ф- 346, оп. 1, д. 107, лл. 361, 405-422, 501. " РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 81, лл. 24-25 об., 65-65 об.; д. 130, лл. 516-523; Д. 132, лл. 725-731.

» РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 51857, лл. 442-443.

¹⁶ РГАДА, ф. 1261, оп. 3, Д. ПБО, лл. 1-4 об.; ф. 346, оп. 1, д. 132, лл. 266—278 об.

¹⁷ *Платнер И. З.* Основательный наставления хирургический, медический и рукопроизводный в пользу учащихся. СПб., 1761; *Теплов Г. Н.* Разсуждения о врачебной науке, которую называют докторством. М., 1787. С. 1—38.

¹⁸ Русский биографический словарь. Т. Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908. С. 167—168; *Теплов Г. Н.* Разсуждения о врачебной науке, которую называют докторством. С. 22.

"> РГАДА, Ф- 14, оп. 1, д. 170, лл. 2, 3-4 об.; ф. 346, оп. 2, д. 1, лл. 1, 103, 195-196; оп. 1, д. 175, лл. 216-216 об.

²⁰ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 168, лл. 1-1 об.; ф. 346, оп. 1, д. 175, лл. 136-151, 224-226, 643-656, 353-Третьей акушеркой 17 ноября стала Анна Михайловна Вилбрехт, четвертой 10 декабря 1754 года — Анна Гертруда Гусман. Ей рекомендацию подписали жены известных вельмож — Мария Воронцова, Венедикта Сивере, Катерина Бехтеева. Адреса акушерок публиковались в Санкт-Петербургских ведомостях. Поэтому отыскать каждую из них не составляло труда.

²¹ РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 80, лл. 61-62; д. 199, лл. 417-501; РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2652, лл. 1-22.

²² РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 190, лл. 5-48, 620-621 об., 642; д. 173, лл. 475-478; д. 197, л. 85; оп. 2, д. 25, лл. 242-246 об., 256-256 об.; д. 26, лл. 35-38, 148-150; д. 32, л. 108.

TM РГАДА, ф. 346, оп. 1, д. 143, лл. 92, 102-102 об.; д. 184, лл. 286-296; д. 190, лл. 690-694, 703-708 об.; д. 198, лл. 500—503. Не стоит видеть первого домашнего врача в Конраде Мессинге, принятом на службу к К. Г. Разумовскому 4 марта 1751 года. Хотя в кондициях и значилось «быть ему моим и моей фамилии лейб-хирургом... А сверх той определенной ему при доме моем должности к ползованию посторонних людей должности он не имеет», бывший лекарь Ингерманландского

полка все же не был домашним доктором. Равно как и лейб-медик Бургаве, он стал врачом владетельного государя, каким в ту пору, пусть и формально, считался гетман Малороссии. Ведомственными врачами в декабре 1755 года являлись Иоганн Цубер (при Кабинете Ее Императорского Величества), Иоганн Веираух (при Сенате), Петр Виль (при Синоде), Иоганн Рыслейн (при Конюшенной канцелярии), Адольф Фордель (при Коллегии иностранных дел), Авраам Каау Бургаве и Эзебиус Иберкамф (при Академии наук), Себастьян Рикман (при Главной полиции), Людвиг Геннер (при Тайной канцелярии), Гаврила Мадин (при Вотчинной канцелярии), Иван Кезлинг (при Дворцовой канцелярии), Яган Рандолф и Иоганн Волф (при Канцелярии от строений), Иоганн Геке (при Партикулярной верфи), Иван Ши-линг (Сухопутный кадетский корпус) и Георг Аш (Морской кадетский корпус).

Глава 21

¹ Яковлев Н. Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997; Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 92-107.

² Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. С. 103, 106-107.

с Архив Воронцова. М., 1887. Т. 1; С. 113-115. 4 РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1622, лл. 1-41.

* РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1622, лл. 42-44 об.

⁶ РГАДА, Ф-7, оп. 1, д. 1622, лл. 8-8 об., 17, 17 об., 17. Вот, по-видимому, эти несколько фраз: «... восстали на него (Волкова.— К. Я.) все, коллегия и Его Сиятельство вице-канцлер...»; «Алексей Петрович на вас гневается» (слова Ак-чурина); «Прежде де брали Свечина в тайную канцелярию, так де тогда граф Алексей Петрович мне говорил, вот де и тебя возмут...»; «Надеяние де я имею, что и впредь буду человек. А ежели мне здесь ныне остатца, то де я совсем пропал*»; «только не возможно здесь быть по ссорам между графом Алексеем Петровичем з графом Михаилом Ларионо-вичем, а какие между ими ссоры, того не выговорил».

⁷ РГАДА, Ф-7, оп. 1, д. 1622, лл. 45, 47.

в Архив Воронцова. М., 1875. Т. 7. С. 499; 1871. Т. 2. С. 630; 1873-Т. 6. С. 281.

Глава 22

¹ Щепкин Е. Н. Падение канцлера А. П. Бестужева-Рюмина. Одесса. 1901. С. 14; КФЖ. 1758. 10 февраля.

² РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 385, лл. 2—21 (читая копию следственного дела, бывший канцлер сделал пометку на полях о Теплове: «Он, единственно зляся на Елагина и Бестужева, тайным доносителем был»); Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 98, 102.

* Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 451; Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1911. С. 128—129; Понятовский С. Ме-
857

муары. М., 1995. С. 108—109; Щербатов М. М. О повреждении нравов в России; Радищев А. И. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1983. С. 100; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989- С. 98, 66; Русская старина. 1870. № 1. С. 29-30.

⁴ Тургенев А. И. Русский двор сто лет тому назад. СПб., 1907. С. 89—90. Ошибка при переводе: с Бестужевым сотрудничал не австрийский посланник Фюнч, а саксонский Функ.

⁵ Евдокимов П. Е. Журнал дежурных генерал-адъютантов. СПб., 1897. Вып. 1. С. 50-51, 59, 111, 10-13, 218 (распоряжения императрицы от 22 февраля, 4 апреля, 16 октября 1748 года, от 3, 9, 13 июня 1745 года, 19 октября 1750 года); РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 10, л. 21; РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 13.

⁶ РГВИА, ф. 32, он. 1, д. 16, лл. 20 об., 11, 12 об.-13, 19, 27-27 об.

⁷ РГАДА, ф. 1239, он. 3, Д- 61168, лл. 2-2 об. (о завтраке и полднике); РГИА, ф. 439, оп. 1, д. 9, л. 162.

⁸ РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 311, л. 7.

⁹ Евдокимов П. Е. Журнал дежурных генерал-адъютантов. Вып. 1. С. 194; Материалы для истории императорской Академии Наук. СПб., 1895. Т. 7. С. 329, 332; 1900. Т. 10. С. 275, 302; Пекарский П. П. История императорской Академии Наук. СПб., 1873. Т. 2. С. 121.

¹⁰ Копанев Н. А. Книги императрицы Елизаветы Петровны // Книга в России XV — середины XIX веков. Л., 1990. С. 112—118 (каталог библиотеки цесаревны Елизаветы Петровны); Копанев Н. А. Французские книги в Летнем доме императрицы Елизаветы Петровны // Книга и библиотеки в России в XVI — первой половине XIX в. Л., 1982. С. 26—41 (тот же каталог книг с ценами для тех изданий, что продавались в академической лавке).

¹¹ Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 137-138; Осьмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 84, 120—121. См.

также Вестник Европы. 18%. № 3- С. 28—29 (С. П. Ягужинский говорил Гоген-гольцу в начале 1728 года, что только церковь способна помешать влюбленному Петру II обвенчаться с теткой; Вестфален утверждал, что Елизавета намерена «посредством безгюрядочного поведения* лишить царя жизни, «а затем воспользоваться этим, чтобы занять престол»).

¹² Осьмнадцатый век. М., 1869. Кн. 2. С. 32, 52—59; Сб. РИО. СПб., 1870. Т. 5. С. 303; 1889- Т. 66. С. 3-4.

" Записки дюка Лирийского. СПб., 1845. С. 30—33, 38—39; Осьмнадцатый век. Кн. 2. С. 62, 70-71, 74-75, 83-84, 101-105; Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75. С. 232, 234-237.

¹⁴ Записки дюка Лирийского. С. 40—41, 45; С.-Петербургские ведомости. 1728. № 96 от 30 ноября; Осьмнадцатый век. Кн. 2. С. 110—111; Сб. РИО. СПб., 1891. Т. 75- С. 239-241.

858

¹⁵ Осьмнадцатый век. Кн. 2. С. 118; *Тургенев А. И.* Русский двор сто лет тому назад. СПб., 1907. С. 5; *Маништейн Х. Г.* Записки о России; Замечания на «Записки о России генерала Маништейна» // Перевороты и войны. М., 1997. С. 27, 419; Русская старина. 1909. Т. 137. С. 200-201, 209-210.

¹⁶ *Копанев Н. А.* Репертуар французской книги в Петербургской академической книжной лавке в середине XVIII в. // Книга и ее распространение в России в XVI — XVIII вв. Л., 1985. С. 82; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 58. С. 115; Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 211, 221; ПФА РАН, ф. 158, оп. 1, д. 408, л. 1, 5. Выражаю большую признательность Борису Георгиевичу Белоголовому за выявление и предоставление процитированной архивной записи.

¹⁷ Приведу из каталога библиотеки Елизаветы Петровны основные книги по истории четырех ведущих стран. Дубликаты ряда из них можно найти в Москве в Государственной публичной исторической библиотеке, Музее книги Российской государственной библиотеки и в библиотеке Российского государственного архива древних актов: Pufendorf, Samuel. Introduction a l'histoire generale et politique de l'univers. Amsterdam, 1732, 7 vol.

Франция — Brazen de la Martiniere, Ant.-Aug. Histoire de la vie et du regne de Louis XIV, roy de France et de Navarre. La Haye, 1740—1742, 5 vol.; Daniel, Gabriel. Abrege de l'histoire de France. Paris, 1723—1724, 9 vol. (в издании 1751 года том 9 охватывает 1610—1634, том 10 — 1635—1669 годы); La Fare, Charles-Aug. Memoires et reflexion sur les principaux evenements du regne de Louis XIV. Amsterdam, 1734; Le Gerdre, Louis. Nouvelle histoire de France. Paris, 1718—1719 (том 5 посвящен царствованиям Генриха IV и Людовика XIII); Le Vassor, Michel. Histoire du regne de Louis XIII, roi de France et de Navarre. Amsterdam, 1700—1717, 19 vol.; Montchal, Charles, Memoires... contenant des particularitez de la vie et du ministere du Cardinal de Richelieu. Rotterdam, 1718, 2 vol.; Phelypeaux, Le P. Memoires concernant les affaires de France sous la Regence de Marie de Medicis. La Haye, 1720, 2 vol.; Richelieu, Armand-Jean. Testament politique. La Haye, 1740.

Англия — Burnet, Gilbert. Histoire de ce qui s'est passe de plus memorable en Angleterre. La Haye, 1735, 4 vol.; Lamberty Guillaume. Memoires de la derniere revolution d'Angleterre. La Haye, 1702, 2 vol.; Orleans, Pierre Joseph. Histoire des revolutions d'Angleterre. La Haye, 1729; Rapin de Thoyras, Paule. Histoire d'Angleterre. La Haye, 1735—1738, 13 vol.

Голландия и Испания - Frederick Henry, Prince d'Orange. Memoires... Amsterdam, 1733; Le Clerc, Jean. Histoire des Provinces unies des Pais-bas. Amsterdam, 1723—1728, 3 vol.; Leti, Gregorio. La vie de Philippe II, roi d'Espagne. Amsterdam,

859

1734, 6 vol.; Strada, Le P. Famiano. Histoire de la guerre de Pays-Bas. Bruxeles, 1727, 4 vol. (эта книга о первой войне за независимость Голландии).

Интересное свидетельство о литературных пристрастиях Елизаветы Петровны оставил амстердамский агент Ол-декоп. Зимой 1748 года он во исполнение высочайшего указа о покупке за границей книжных новинок приобрел для императрицы первые номера четырех журналов: «Гис-торической и политической меркурий», «Мемории гис-торические и политические», «Журнал ученых людей» и «Журнал универсальной». Посылая в марте вторые номера изданий, Олдекоп исключил из списка третье наименование, так обосновав свой поступок: «Сумневаюсь, будет ли оной Вашему Императорскому Величеству угоден, ибо в оном гораздо болте о духовных и ученых, нежели о светских и политических делах написано». Государыня забрала все четыре журнала, не отыскав в них для себя ничего нового, и уведомила агента, что «присланные пиесы не нужны и излишни суть» (АВПРИ, ф. 50, оп. 50/1, 1748, д. 3, лл. 49—50, 87, 183).

¹⁸ РГАДА ф. 6, оп. 1, д. 287, ч. 1, л. 54; *Пекарский П. П.* Маркиз де ла Шетарди в России. СПб., 1862. С.

111 — И 2; см. также Сб. РИО. СПб., 1893- Т. 86. С. 559-561; 1894. Т. 92. С. 97; Древняя и новая Россия. 1876. Т. 2. С. 199—200.

¹⁴ Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 85. С. 319-331; Древняя и новая Россия. Т. 2. С. 96; РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 287, ч. 1, лл. 51-56, 120—151; ч. 2, л. 35 об.; Миних Э. Записки // Перевороты и войны. М., 1997. С. 382-387, 392; Время. 1861. № 12. С. 524—533; Пекарский П. П. Маркиз де ла Шетарди в России. С. 626—628; Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук. СПб., 1872. Т. 9-С. 195—200. Хотя манифест о провозглашении наследником Иоанна Антоновича официально датирован 5 октября, очевидцы — английский посланник Финч, прусский посланник Мардефельд, Бирон, Э. Миних называют днем подписания манифеста 6 октября. О том, что указ о регентстве создавался поздним вечером 5 и ночью 6 октября, свидетельствуют допросные листы участников совещаний и депеша Э. Финча от 1 (12) ноября. Однако никто из них не упоминает о сочинении манифеста. При этом все указывают на Остермана как на автора данного документа.

²⁰ Пекарский П. П. Маркиз де ла Шетарди в России. С. 119 (см. также Сб. РИО. СПб., 1893- Т. 86. С. 572); Ман-штейн Х. Г. Записки о России. С. 167—168; Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 85. С. 338, 380; 1894- Т. 91. С. 105.

²¹ РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 282, лл. II-IV, 1-108; д. 750, лл. 3-25; д. 285, лл. 2—26 об. Из всех сторонников Елизаветы на дыбу подвесили только счетчика Максима Михайловича

860

Толстого. Однако о цесаревне тот вспомнил 24 октября, а накануне при аресте отказ присягать регенту обосновал тем, «что государством де повелено править такому генералу, каковы у него Толстова родственники генералы были». За то и удостоился восемнадцати ударов в застенке (РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 284, лл. 2—5).

²² РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 287, ч. 1, лл. 20-22 об.

³³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. С. 567-577; Пекарский П. П. Маркиз де ла Шетарди в России. С. 175—176; Щербальский П. К. Дело о кур-ляндском герцоге Бироне. М., 1862. С. 46.

« Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 92. С. 95-98, 132-134, 142-143, 182-190, 204, 215-218, 223, 226-232.

²⁵ Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 87, 162-165, 293-297, 307-309, 131.

²⁶ Сб. РИО. СПб., 1894- Т. 91. С. 25-26, 51-52, 94-100, 106-107, 251-252.

²⁷ С.-Петербургские ведомости. 1741. № 69 от 28 августа; № 76 от 22 сентября; Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 448-449, 535; 1894. Т. 91. С. 293-294, 296-298.

тм Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 335-387, 423-426, 443-445, 453-454, 557-563, 604-605, 608-611, 619-633-

²⁰ РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 273, л. 119; Д. 257, лл. 240 об., 242; ф. 2583, оп. 1, д. 258, лл. 173 об.-175; Д. 267, лл. 1-4. На самом деле никакого приказа о выступлении гвардии из Петербурга в течение суток к Выборгу на Левенгаупта не было. Кто-то (кроме заместителя генералиссимуса — принца Гессен-Гомбургского, некому) известил гвардейские полки о странном устном распоряжении Антона Брауншвейгского. Выглядело оно так: «№ 5... Его Императорское Высочество... герцог Брауншвейг Люнебургски соизволил объявить, чтоб все чины были к походу во всякой готовности. Того ради, донести господам афцерам, [чтоб] в ротах своих изволили приказать ундер-афицерам, сал-датам и другим чинам, дабы оные х походу были во всякой готовности. А для того походу заготовить на людей прави-анту, сухарей на две недели. И когда тот поход объявлен будет, тоб никто в неисправности к тому походу не мог от-говариватца...»

А теперь сравним этот абстрактный приказ с конкретным, августовским: «Сего ж августа 15 дня по присланном) ордеру от Его Императорского Высочества господину генерал маэору и гвардии маэору Воейкову велено командировать с полку гарнодеров 60 человек, мушкатеров 350, и к ним надлежащее число обер и ундер-офицеров и других чинов и 3 пушки... И кто имяны нарежены будут и каких окладов, тех в списках показать имянно. Завтрешнего числа пополудни в 6-м часу подать имянные списки за рука-

861

ми господ офицеров... А командированным солдатам и прочим чинам приказать из оставшаго на пол месяца провианта перепечь в хлебы и перекрошить в сухари... и чтоб оные камандированныя были во всякой готовности сего августа к 19-му числу, то есть в среду, которой камманде показанного числа велено выступить».

Возникают вопросы. Документ не определяет количество тех, кому предстоит идти на подмогу фельдмаршалу Ласси. Неужели четыре полка в полном составе зашагают к Выборгу?! Кто же тогда будет охранять правительственные учреждения и Зимний дворец? Армейская пехота и кавалерия?! Лучшего повода для брожения в гвардии и придумать нельзя!

Далее. Зачем солдатам собираться в поход, запастись сухарями и фуражом, подковывать лошадей, чинить транспорт, закупать снаряжение, а затем жить на взводе, постоянно ожидая сигнала к подъему (неделю, две, а то и месяц), когда с наименьшим успехом можно подготовиться за три дня и быстро покинуть столицу. В конце концов под Выборгом стоит регулярная, обстрелянная армия Ласси. От нее, а не от гвардейцев зависела победа в зимней кампании, которую, между прочим, по крайней мере, до января шведы начинать не планировали. Так что не было у герцога Брауншвейгского нужды будоражить людей и держать их в напряжении, ради экономии двух-трех дней. И потом. Не дело столь важный приказ отдавать в устной форме. Тем более что прежде требовалось испросить у Анны Леопольдовны письменного разрешения на очередную командировку гвардейцев, как то имело место летом (11 августа).

По-видимому, муж правительницы вообще ничего не знал о своей инициативе, а Гессен-Гомбургский выполнял пожелание Елизаветы Петровны, объявляя по полкам этот несуразный приказ. Товарищи Грюнштейна добавили к нему срок в двадцать четыре часа, объяснения официальное (выдвижение к границе Левенгаупта) и истинное (убрать из столицы приверженцев цесаревны). Под воздействием агитации однопольчан иреображенцы зароптали. К вечеру гренадерская рота созрела для ночного штурма Зимнего дворца. Многие современники Елизаветы часто писали о какой-то услуге, которую бравый немецкий князь оказал дочери Петра Великого при восшествии на престол. Правда, никто не вдавался в подробности, наверное, не ведая о них. Благодаря знакомству с процитированным выше приказом, становится понятно, чем обязана Елизавета Петровна фактическому командиру российской гвардии (РГВИА, ф. 393, оп. 12, д. 193, ч. 2, лл. 334 об.-339, 405-405 об.; д. 65, л. 14; д. 61, лл. 201, 284—287 /подлинные письменные приказы Антона Брауншвейгского за 23—24 ноября; ни в одном из них предстоящий зимний поход не упоминается/).

862

Вторую главную роль в событиях 25 ноября (после принца Гессен-Гомбургского) сыграл сорокачетырёхлетний командир 1-й роты Семеновского полка Иван Никифорович Рудаков. Этот человек возглавлял караул Зимнего дворца в решающую ночь восшествия Елизаветы Петровны на престол и обеспечил беспрепятственное проникновение пре-ображенцев в Зимний дворец. Ему же новая императрица поручила командовать охраной дворца первые два дня и в первую ночь своего царствования — 25 и 26 ноября, хотя по правилам дежурство каждого солдата и офицера не превышало суток. Для Ивана Никифоровича она сделала персональное исключение. 5 декабря Рудаков вновь был хозяином в зимней резиденции (пехотные полки охраняли царское жилище по очереди — 20—23 ноября преображенцы, 24—26 ноября семеновцы, 27—29 ноября измайловцы).

На протяжении целого месяца государыня пользовалась любым предлогом, чтобы вызвать во дворец преданного капитана-поручика. Свидетельство тому — полковые приказы: «16 декабря... № 11. Господину капитану порут-чику Рудакову сменить сей час в Зимнем Ея Императорского Величества доме господина капитана-порутчика Цызы-рева», которого полковая канцелярия официально назначила командовать караулом в этот день. *17 декабря... № 13- Завтрешнего числа пополудни в 8-м часу третью роту привести к Зимнему Ея Императорского Величества дому для взятия знамен. И при оной роте быть господам обер-афицерам — капитан порутчик[у] Рудаков[у], порут-чик[у] князь Жироваго-Засекин[у], подгюртчик[у] Сабуров [у]...» «18 декабря... № 4. Сего числа пополудни в 3-м часу командировать для утушения феиверка господина капитана порутчика Рудакова, сержанта одного, капрала одного, солдат 100 человек. И оному господину капитану порутчи-ку Рудакову с командою явитца в Зимнем Ея Императорского Величества доме, и чтоб половина была с ведрами, а другая — с топорами*.

И еще один примечательный факт. 15 августа при формировании отряда в помощь фельдмаршалу Ласси Ивана Никифоровича Рудакова зачислили в список командированных наряду с другими офицерами. Однако уже 16 августа его неожиданно заменили капитаном-поручиком Вад-ковским и оставили в Петербурге.

Что касается часа смены караула в Зимнем дворце, то обычно все происходило около семи часов утра. Это время, по-видимому строго соблюдалось при сдаче постов другому полку. А внутри трехдневок (у семеновцев и из-майловцев) и четырехдневок (у преображенное)

офицеры и нижние чины, естественно, «работали» по более гибкому графику и могли по просьбе товарища подстраховывать

863

друг друга. Похоже, что-то подобное случилось и в ночь с 24 на 25 ноября, когда капитан П. В. Чадаев раньше срока уступил свое место И. Н. Рудакову, который, несомненно, около полуночи возглавил дворцовый караул. Иначе его назначение на 25 ноября выглядит нелепо: какой смысл в появлении капитана-поручика в Зимнем дворце в восьмом часу утра, если переворот уже совершен? Кстати, командировать Рудакова на дежурство утром 24 ноября тоже нежелательно, ибо офицер не должен вымотаться за сутки и решающую ночь встретить уставшим. Тем более что ему предстояло руководить во дворце солдатами и первые два дня нового царствования.

В журнале дежурных генерал-адъютантов в записях от 26 ноября 1748 года есть любопытный ордер, судя по всему, подтверждающий практику пересменок офицеров около полуночи:

<'Караульному лейб-гвардии Семеновского полка капитану господину Мордвинову и пришедшему на смену ему лейб-гвардии Семеновского полка капитану Любонникову, когда они пришли с докладом, приказано ль будет сменяться (для опробации), велено, дабы во время морозов сменялись, как наискорее, которые в 43 минуты часа с репортом возвратились, что сменились благополучно... Петр Шувалов». Согласно полковым приказам Мордвинов дежурил 25 ноября, Любонников — 26 ноября (РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 239, лл. 306-308 об.; д. 257, лл. 245, 256 об.-257, 267 об., 270-271, 169 об., 171 об.; д. 368, лл. 203-204; *Евдокимов П. Е.* Журнал дежурных генерал-адъютантов. СПб., 1897. Вып. 1. С. 117-118).

•*> Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 682; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. С. 544—546.

-« РГАДД, ф. 14, он. 1, д. 54, лл. 19, 9, 53, 70-72 об.; ф. 248, оп. 12, д. 668, лл. 252 об., 282 об., 512, 261; оп. 36, д. 2252, лл. 296—298; д. 2253, лл. 165-166; оп. 132, д. 2745, лл. 324, 326-329.

« РГВИА, ф. 24, оп. 1, д. 105, лл. 1—40; Архив Воронцова. М., 1872. Т. 4. С. 212-368;

Шаховской Я. П. Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 40—53; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. С. 727—728, 559; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 175.

-« Сб. РИО. СПб., 1897. Т. 99. С. 240-243; Русский архив. 1892. № 10. С. 158; *Линдтенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. М., 2000. С. 292-293; АВПРИ, ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 18, лл. 36 об.-37 об.; д. 30, лл. 261, 264 об.-265.

* АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 533, лл. 32-32 об., 40—40 об., 42-43, 79, 180, 195, 193, 112, 86, 128-135; д. 534, лл. 16-17 об., 47-53.

-« АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 534, лл. 88-127; оп. 2/6, д. 814, лл. 335, 346-346 об., 349, 351 об.-352; ф. 35, оп. 35/1, д. 676,

864

лл. 1—97; Архив Воронцова. М., 1875. Т. 7. С. 18-19, 23, 27, 56-57, 62-67, 75-77, 109, 73-75, 92, 212, 216-217, 223-

-^ АВПРИ, ф. 93, оп. 93/1, 1748, д. 4, лл. 1, 38; д. 3, лл. 34-34 об., 69-69 об., 71 об., 78-79; Д. 6, лл. 1-3, 10-11, 16-18, 47, 51-53 об., 65 об.; ф. 35, оп. 35/1, д. 719, лл. 1-6; ф. 79, оп. 79/1, 1748, д. 5, лл. 106-109; Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 92. С. 389. Летом Франсуа де Ласаль совершил побег из крепости Вексельмюнде, в сентябре вернулся во Францию и 17 (28) октября угодил в Бастилию. Король и министры не простили офицеру обмана, ставшего причиной неудач в Польше.

•" АВПРИ, ф. 35, оп. 35/1, 1747, д. 719, лл. 128-128 об.; ф. 32, оп. 32/1, 1748, д. 5, лл. 65-69, 51-51 об., 155-159; д. 8, лл. 388, 21-21 об., 55-61, 64-68, 83, 104-109, 153, 178-215, 259-266, 290-301, 372-379, 390, 429; ф. 93, оп. 93/1, 1748, д. 4, лл. 38-40; ф. 36, оп. 36/1, д. 35, лл. 24 об.-25; С.-Петербургские ведомости. 1748. № 29 от 8 апреля; № 34 от 26 апреля. Хроника перемещений и длительных остановок главной квартиры Репнина: Ковно — 8—11 марта, Гродно — 17—24 марта, Высокомазовецкое — 30 марта — 3 апреля, Вышков — 8—14 апреля, Гуры — 19—29 апреля, Краков — 8—25 мая.

» АВПРИ, ф. 50, оп. 50/1, 1748, д. 3, лл. 114-118, 40 об.—41, 151 об.-152, 208-214 об.; д. 2, лл. 73-74, 89-90; ф. 35, оп. 35/1, Д. 721, лл. 9-12 об.; ф. 36, оп. 36/1, д. 37, лл. 1-1 об., 5; д. 35, лл. 53-55 об., 58-59 об.; ф. 32, оп. 32/1, 1748, д. 5, лл. 106, 74 об.-75 об., 87, 95-96; ф. 93, оп. 93/1, 1748, д. 3,

лл. 80-80 об.; ф. 74, оп. 74/1, 1748, д. 5, лл. 281, 298-302 об., 308, 332-332 об., 345—346;
Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. СПб., 1902. С. 93-94; Сб. РИО. СПб., 1897. Т. 103- С. 600—606; С-Петербургские ведомости. 1748. № 29 от 8 апреля; № 34 от 26 апреля; № 36 от 3 мая.

*» АВПРИ, ф. 50, оп. 50/1, 1748, д. 3, лл. 278-283; 1749, д. 4, лл. 30-33; ф. 35, оп. 35/1, д. 723, лл. 46-47, 57-58, 129-130; ф. 36, оп. 36/1, д. 35, лл. 67-68, 61-65, 70 об.—72, 80-81; ф. 93, оп. 93/1, 1748, д. 3, лл. 120-121; д. 4, л. 117; ф. 32, оп. 32/1, 1748, д. 5, лл. 223-226 об., 229-230, 245-245 об., 282; ф. 74, оп. 74/1, 1748, д. 5, лл. 349-380 об., 387-387 об.; Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 110. С. 166—167, 177-178, 183-184, 194—197, 201—205, 208—209, 216—217; С.-Петербургские ведомости. 1748. № 41 от 20 мая; № 42 от 24 мая.

« АВПРИ, ф. 32, оп. 32/1, 1748, д. 5, лл. 241 об.-242, 375; ф. 36, оп. 36/1, д. 37, лл. 16-16 об.; ф. 93, оп. 93/1, 1748, д. 3, лл. 201-201 об.; д. 4, лл. 54 об.-55, 186; 1749, Д. 2, лл. 45-45 об.; РГАДА, ф. 9, оп. 5, д. 39, лл. 1—2; С.-Петербургские ведомости. 1748. № 88 от 1 ноября.

^ РГАДА, Ф-7, оп. 1, см. дела 1313, 1335, 1362, 1388, 1401, 1408 (ч. 1-11), 1675, 1926, 1406, 1080.

^РГАДА, ф. 6, оп. 1, д. 386, лл. 5—6, 143; ф. 178, оп. 1, д. 4, л. 221.

Глава 23

¹ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Вильямса. М., 1909- С. 108.

² Там же. С. 47-49-

Ж Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 205-207. 0 плохом самочувствии императрицы 5 сентября в своей записке от 6-го числа уведомила английского посла великая княгиня (Переписка великой княгини... М., 1909- С. 122).

' АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1756, д. 1, лл. 5-5 об.

* АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1756, д. 1, лл. 6-7, 9 об.

⁶ АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1756, д. 1, лл. 44—45 об.

⁷ АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1756, д. 1, лл. 47-49.

⁸ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 188-189-

⁹ По этой же дороге, судя по составленному расписанию, ехал и А. Олешев. Кстати, Олешев и Шалыгин до Риги добрались вместе 6 июля 1756 года. Александр Бибииков приехал с опозданием в десять дней, доехав до границы 16-го числа. Первым рижский форпост на обратном пути пересек Михаил Шалыгин — 10 августа. Вторым был Алексей Олешев — 13 августа. Бибииков поспел третьим — 18-го числа (АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3094, лл. 113, 134 об.-135).

¹¹¹ АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1756, д. 1, лл. 51-56 об. Интересная подробность. Если Шалыгин уложился в отпущенную ему сумму в размере 80 червонных, то Олешеву и Бибиикову сверх выданных 200 червонных пришлось истратить собственные деньги — соответственно 35 и 50 червонных, которые позднее, в сентябре, коллегия им возместила (АВПРИ, ф. 74, оп. 74/1, 1756, д. 1, лл. 57, 58).

¹⁴ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 192. Нападение на Саксонию, союзницу Австрии, означало объявление войны Австрийской империи. Императрица высоко оценила поездку трех офицеров и 22 октября присвоила каждому очередной воинский ранг (Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 353).

¹² РГАДА, ф. 1263, оп. 1, Д. 8409, лл. 146-146 об.

¹³ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 114.

¹⁴ Там же. С. 121.

¹⁵ РГИА, ф. 439, он. 1, д. 11, лл. 113-113 об.; КФЖ. 5 сентября 1756 года; Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 121.

¹⁶ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7240, лл. 48-48 об.

¹⁷ РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 483, л. 8.

¹⁸ РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 513, л. 146 об.; д. 514, л. 469.

¹⁹ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7240, л. 47; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 182, лл. 155-156.

²¹¹ РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 483, л. 11; ф. 2584, оп. 1, д. 513, л. 146 об. Трех офицеров-семеновцев полковая канцеля-

866

рия отправила в Коллегию иностранных дел за паспортами 27 сентября.

²¹ РГАДА, ф. 1263, оп. 1, д. 7263, л. 1 об.

" РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51850, л. 375; Д. 51856, л. 443; ф. 1263, оп. 1, д. 7263, л. 2.

" РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 51865, лл. 744, 745, 750-752.

™ РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 46, лл. 328-329 об.; ф. 2584, оп. 1, д. 513, л. 155.

²⁵ *Анненков И. В.* История лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1849-Т. 1.4.1. С. 65—66. Между прочим, слободы Преображенского, Семеновского и Измайловского полков, размещавшиеся за Фонтанкой, строились таким же образом: отдельно деревянные офицерские дома, улицы с дере-

ванными солдатскими связями, в центре полковой двор с каменным домом полкового штаба и зданиями госпиталя, цейхгауза и церкви.

²⁶ Там же. С 71, 18—21. Для справки: ротмистры имели 3 лошади, майоры — 4, а подполковники — 5 лошадей.

²⁷ Там же. С. 41,66-67; РГВИА, ф. 3543, он. 1, д. 705, л. 93-

²⁸ РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 530, лл. 7—11 об. В торговых и полковых банях жители Петербурга обычно не парились, ибо каждый уважающий себя горожанин на своем дворе имел собственную баню.

²⁹ *Анненков И. В.* История лейб-гвардии Конного полка. Т. 1.4.1.С. 89; РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д.46, лл. 329об., 331-331 об., 334 об.

30 РГВИА, ф. 3543, он. 1, д. 46, л. 331.

з' РГИА, ф. 439, он. 1,д. 11, лл. 126 об.—127.

³² Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 211, 210, 217.

33 *Анненков И. В.* История лейб-гвардии Конного полка. Т. 1. Ч. 1. С. 85-86; РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 46, лл. 331,329 об.; РГИА, ф. 439, он. 1,д. 11,лл. 129об.-130.

34 *Анненков И. В.* История лейб-гвардии Конного полка. Т. 1. Ч. 1. С. 87—88; КФЖ. 17—18 октября 1756 года; РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 46, л. 333 об. Команды пехотных гвардии полков дежурили в императорских дворцах по очереди — измайловцы и семеновцы по три дня, преображенцы по четыре. В Зимнем дворце общее руководство караулами и конных, и пеших гвардейцев осуществлял офицер-пехотинец, в Летнем дворце — конногвардеец.

з* РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 46, лл. 342 об.-343-

* РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 46, лл. 342, 344 об., 348.

⁷ РГВИА, ф- 3543, оп. 1, д. 46, лл. 346, 349, 344-

з« РГВИА, ф- 3543, оп. 1, д. 46, лл. 357, 355 об., 352 об.

39 РГВИА, ф. 3 543, оп. 1, д. 46, л. 366.

4° РГИА, ф. 439, оп. 1,д. 11,л. 144.

867

Глава 24

¹ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Вилльямса. М, 1909- С. 217; РГИА, ф. 439, оп. 1,д. 11,л. 132 об.

² Там же. С. 225.

^Тамже. С. 214-215, 218,221,223. ^Там же. С 227-228.

5 Там же. С. 247. Это письмо (L № 32), в котором Екатерина подробно излагает разговор с Апраксиным, в сборнике помечено ошибочной датой — «вторник, 8 часов утра, 5 ноября». На самом деле оно написано во вторник 29 октября, так как Апраксин уехал из Петербурга в среду 30 числа и никак не мог встречаться с Екатериной «в воскресенье при дворе»* 3 ноября. Значит, беседа фельдмаршала с великой княгиней произошла вечером 27 октября 1756 года.

⁶ Там же. С. 234—235. Второе неверно датированное составителями сборника письмо (А № 43). Оно написано Вилльямсом не «27 октября», а в при часа пополуночи* 29 октября, ибо визит императрицы к вице-канцлеру и «неожиданная» встреча там с английским посланником произошли 28 октября 1756 года во время ее прогулки по городу с пятого часа вечера до первого часа ночи (РГИА, ф.439, оп. 1, д. 11, л. 135об.; Архив Воронцова. М., 1887. Т. 33- С. 186—187 — письмо М. Л. Воронцова Ф. Д. Бехтееву от 1 ноября 1756 года).

⁷ Визиту к великой княгине Апраксиных 28-го числа посвящена вторая половина утреннего письма Екатерины Вил-льямсу от 29 октября (L № 32, С 247—248). О приватной аудиенции С. Ф. Апраксина у императрицы вечером 28-го числа сообщается в № 88 Санкт-Петербургских ведомостей от 1 ноября 1756 года. Однако, как указано в журнале дежурных генерал-адъютантов, Елизавета Петровна после четырех часов пополудни и до часа ночи отсутствовала во дворце, а Вилльямс в упомянутом выше письме ничего не говорит о приезде Апраксина в дом М. Л. Воронцова. Следовательно, аудиенция произошла в Зимнем дворце незадолго до отъезда государыни. Косвенным доказательством этого является такая оговорка в письме Екатерины Вилльямсу: «Он [Апраксин] пришел ко мне вчера в понедельник проститься со мною. Я был нездоров и оставался доброй час один с его женой до его прихода...» (С. 247). Не совсем понятная на первый взгляд фраза становится ясной, если предположить, что супруги Апраксины сначала пришли в комнаты Ея Высочества, после чего, оставив жену на попечении Екатерины, Степан Федорович направился к императрице на аудиенцию.

⁸ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 234. Вилльямс так и написал Екатерине: «Я хочу отложить партию с канцлером до среды»*.

868

⁹ С.-Петербургские ведомости. 1756. № 88 от 1 ноября. "> РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61641, лл. 2-3.

¹¹ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61641, л. 5.

¹² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 52090, лл. 11-11 об.; КФЖ. 1745. 27 ноября.

¹³ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 53729, лл. 2-14.

ч РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 52090, лл. 58-115, 244-269. 23 декабря 1758 года вместе с Аничковым, но в чине прапорщика в армию перевели кабинет-курьера Ивана Ильича Сурмина, который сумел в январе-феврале того же года обманом взять у купцов в лавках Гостиного двора парчи, штофу, грезету и бархату на значительную сумму. Когда мошенника разоблачили и посадили под караул, он не успокоился. В редкие отлучки под конвоем и без него Сурмин умудрился украсть серебряные ложки из дома отца, стянуть у кого-то шубу и надуть извозчика на два рубля. Встревоженный подвигами арестанта Адам Васильевич Олсуфьев попросил императрицу избавить Кабинет от столь опасного сотрудника. В итоге нераскаившийся кабинет-курьер покинул столицу в самом низком обер-офицерском чине.

¹⁵ Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9- С. 446.

¹⁶ Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9- С. 447.

¹⁷ Архив Воронцова. М., 1887. Т. 33- С. 184.

¹⁸ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 237—238 (письмо Вильямса Екатерине от 1 ноября 1756 года); Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 378-380 (Докладная записка М. Л. Воронцова Конференции о визите к нему Вильямса 1 ноября и письмо Вильямса М. Л. Воронцову от 2 ноября 1756 года), С. 374.

¹⁹ Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны... С. 237-239.

²⁰ Там же. С. 240, 242.

²¹ Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 374-375, 377-378.

²² 8 ноября 1756 года Санкт-Петербургские ведомости (№ 90) сообщили, что 6-го числа к фельдмаршалу с нарочным офицером отправлен серебряный сервиз. Апраксин в письме И. И. Шувалову от 21 ноября известил о получении этого подарка так: «...не мог оставить всепокорнейше благодарить Ваше Превосходительство за присланный ко мне сервиз, который я уже и получил» (Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 9-С 4).

Глава 25

¹ РГАДА, ф. 1209, оп. 2/264, д. 11151, лл. 239-242.

² РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 4763, лл. 100-104.

³ РГАДА, ф. 431, оп. 1, д. 1877, лл. 239-244.

869

⁴ РГАДА, Ф-431, оп. 1, д. 1877, лл. 32-32 об. * РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51862, л. 1045.

⁶ РГАДА ф. 1239, оп. 3, Д- 51854. л. 119 об.

⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 51865, лл. 37-41. П. Ф. Голицын произведен в камер-пажи из каптенармусов лейб-гвардии Измайловского полка 8 октября 1751 года. 25 октября истекали девять лет отпуска, которые полковая канцелярия предоставила мальчику, записанному в солдаты 23 октября 1742 года, для обучения наукам дома. Князю предстояло приступить к действительной службе. Но императрица предпочла увидеть отпрыска знатной фамилии при своем Дворе и в последний момент объявила ему о новом месте службы (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51859, л. 622).

⁸ Сборник указов Петра Великого, изданных с 1714 по 1725 год. СПб., 1739- С 64, 65, 206, 207. От Петербурга до Нарвы, Ревеля и Риги выкладывали по двенадцать копеек за десять верст за лошадь.

" РГАДА, ф. 431, оп. 1, д. 1877, л. 32.

" РГАДА, ф- 285, оп. 1, д. 407, лл. 16-16 об.

" ОПИ ГИМ, ф. 145, оп. 1, д. 21, лл. 4-5 об.

¹² РГАДА, ф. 615, оп. 1, д. 4763, лл. 102, 103 об.—104.

'з РГАДА, ф. 431, оп. 1, д. 1877, лл. 37-41.

ч РГАДА, Ф- 431, оп. 1, д. 1877, лл. 40-40 об.

'5 РГАДА, ф. 431, оп. 1, д. 1877, лл. 41, 44.

¹⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 134, д. 3034, лл. 625-644 об.; оп. 86, д. 7005, лл. 303-311; д. 7033, лл. 13-13 об.; д. 7035, лл. 685-690.

" РГАДА, ф. 248, оп. 86, д. 7035, лл. 319, 349, 582, 632; д. 7033, лл. 231, 278, 448-449; ф. 431, оп. 1, д. 1877, лл. 244-244 об.; ф. 1239, оп. 3, д. 51862, лл. 1047-1047 об. В доме Я. Л. Хитрово в 1756 году Канцелярия Сената, Герольдмей-стерская и Рекетмейстерская конторы работали с 8 марта по 27 апреля и с 18 октября по 6 декабря. В 1755 году весной с 16 марта по 6 мая Сенат располагался в доме портного М. Кригера на Большой Морской улице, а осенью — с 4 ноября по 8 декабря — сановники занимали особняк вице-адмирала А. И. Головина на Миллионной улице.

Глава 26

¹ Русский архив. 1892. № 10. С. 159, 162, 164; РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61167, лл. 5, 31, 205-206, 258.

² РГАДА, ф. 1239, оп. 3, д. 61175, л. 127 об.; ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, д. 188, л. 291 об.; ф. 747, оп. 1, д. 669, л. 257 (выражаю благодарность Олегу Александровичу Иванову за сведения о возрасте М. П. Балк-Салтыковой); Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 184, 328, 270—271.

3 Сб. РИО. СПб., 1897. Т. 99. С. 385; 1871. Т. 6. С. 485, 492-870

494; Архив Воронцова. М., 1871. Т. 2. С. 217—218; Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 244.

4 АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 533, л. 136; д. 534, лл. 54-57; ф. 6, оп. 6/1, 1745, д. 7, лл. 6—6 об.

5 РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 61591, лл. 24-25 об.; д. 51852, л. 1000; ф. 285, оп. 1, д. 396, л. 277; ф. 286, оп. 1, д. 439, лл. 294, 299; РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2064, лл. 64 об., 75 об., 52 об., 54 об.; д. 338, лл. 1, 17; д. 2672, л. 5; д. 2852, лл. 10-11; д. 2797, л. 101.

⁶ РГАДА, ф. 17, оп. 1, д. 56, лл. 2-4; ф. 1261, оп. 1, д. 3047, лл. 1-3-

⁷ РГАДА, ф. 1239, оп. 1, д. 61591, лл. 288-289; ф. 1278, оп. 1, д. 4, лл. 133-134; ф. 18, оп. 1, д. 134, лл. 28-32 об.; АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 3Ю8, лл. 3-7; д. 3118, лл. 19, 26; д. 3094, л. 87 об.; д. 182, л. 310; д. 1698, лл. 1-1 об.; д. 1655, л. 1; д. 1667, л. 1; РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 2055, лл. 1-16.

«АВПРИ, ф. 2, оп. 2/1, д. 533, лл. 146, 218; д. 3108, лл. 50-50 об.; ф. 79, оп. 79/1, 1748, д. 5, л. 65; Архив Воронцова. М., 1871. Т. 2. С. 123, 127.

? АВПРИ, ф. 32, оп. 32/1, 1748, д. 5, лл. 109-109 об., 173-175 об.; 1749, д. 4, лл. 84-90; ф. 2, оп. 2/1, д. 3Ю8, л. 50-50 об.

¹⁰ АВПРИ, ф. 32, оп. 32/1, 1750, д. 3, лл. 245-246, 249-249 об.; 1751, д. 4, лл. 109-НО об.; д. 8, лл. 1-1 об.; РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 601, лл. 196—196 об.; *Травин Л.* Записки. Псков, 1998. С. 14-35.

¹¹ РГАДА, ф. 22, оп. 1, д. 146, лл. 1-22.

у РГАДА, ф. 22, оп. 1, д. 153, лл. 1-37 об.; ф. 9, оп. 5, д. 38, ч. 1, лл. 413—413 об.

эрГАДДфЛ4, опЛ, д. 80, л. 408; ф. 1239, оп. 3, Д. 61203, л. 1.

" РГАДА, Ф- 1239, оп. 3, Д. 48670-48682, лл. 46, 57; д. 61244, лл. 139-Н9 об.; ф. 14, оп. 1, д. 183, лл. 2-8.

" Архив Воронцова. М., 1872. Т. 4. С. 460—461; КФЖ. 1761. 11 — 12 ноября; *Пушкин А. С.* Дневники. Автобиографическая проза. М., 1989. С. 53, 54.

Эпилог

' РГАДА, ф. 11, оп. 1, д. 266, л. 3; ф. 431, оп. 1, д. 2199, л. 686; ф. 340, оп. 1, д. 10517, л. 1; РГИА, ф- 466, оп. 1, д. 93, лл. 15-16; ф. 469, оп. 14, д. 5, лл. 34 об.-35; РГВИА, ф. 3543, оп. 1, д. 487, лл. 23, 60; д. 489, лл. 16-16 об., 55.

^ РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1934, лл. 5-ЮО.

' РГАДД, ф. 1239, оп. 3, Д- 52196, лл. 612, 615, 617, 622; РГВИА, ф. 2, оп. 12, д. 63, связка 59, лл. 1-2 об., 5-10.

1 РГАДА, Ф- 1263, оп. 1, д. 7241, лл. 27-27 об.; *Касты-шин Д. Н.* Б. М. Салтыков, И. И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской империи при Петре Великом» // Русско-французские связи в эпоху Просвещения. М., 2001. С. 104—112.

871

5 РГВИА, ф. 32, оп. 1, д. 107, л. 118; д. 78, лл. 2 об.-3; Д. 39, лл. 607—612; Загадки русской истории. М., 2000. С. 397—398.

⁶ РГАДА, ф. 346, он. 2, д. 78, лл. 83-84; Д. 83, л. 4; д. 84, л. 12; *Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга. СПб., 1779. С. 383.

⁷ РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 498, лл. 65-66, 86, 96-98.

в РГАДА, ф. 1239, оп. 3, Д. 51514, л. 3; Д. 49125-49141, лл. 70-74.

⁹ *Старикова Л. М.* Новый источник сведений по истории театра в России XVIII в. // ПКНО. 2000. М., 2001. С. 142-159; Музыкальный С.-Петербург. XVIII в. СПб., 1998. Кн. 2. С. 142-143, 297.

¹⁰ *Шаховской Я. П.* Записки // Империя после Петра. М., 1998. С. 110—151; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989-С. 553—555; *Мартене Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций,

заклученных Россиею с иностранными державами. СПб., 1880. Т. 5. С. 228, 229. Вот текст первого секретного протокола с незначительными сокращениями: «Хотя пресветлейшая княгиня... Анна... отрицалась и ренунцировала на все права, претензии и притязания так в деле наследия, как и во всем прочем, на корону и Империю всероссийскую и она ренунция такожде от светлейшего князя и государя Карлуса Фридериха, герцога Шлезвиг-Голштинского апробована... однакож, Его Императорское Величество всероссийский чрез сие именно выговорил и себе предоставил, что, ежели он в какое ни на есть время за благо изобретет и Его Величеству угодно будет одного из урожденных Божеским Благословением из сего супружества принцов к сукцессии короны и империи всероссийской назначить и призвать, то Его Императорское Величество в том совершенную власть и мочь иметь будет. И яко же и светлейший герцог и его будущая пресветлейшая супруга чрез сие обязуются и обещают, что оные в том случае таго от Его Величества таким образом назначенного принца и сына без всякого изъятия и отговорки и без всяких о том постановляемых кондиций Его Императорскому Величеству в совершенную и единую Его диспозицию охотно и немедленно отдать... хотят».

¹¹ *Валишевский К* Роман императрицы. СПб., 1908. С. 121.

¹² *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 14. М., 1989-С. 128-152, 177-205, 214-239; *Понятовский С.* Мемуары. М., 1995. С. 230-272.

¹³ * Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 85.

¹⁴ Записки императрицы Екатерины II. С. 1 — 194 (первая редакция), 201—461 (вторая редакция).

¹⁵ Там же. С. 77-78, 237-239; РГАДА, ф. 8, оп. 1, д. 193а, лл. 1-130.

¹⁶ Русская старина. 1914-№ Ю.С.73-75; № 11.С.265—267.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Забывтый дневник	6
Глава 1. Петербург.....	16
Глава 2. Придворные.....	40
Глава 3- В театре.....	64
Глава 4. Служебные хлопоты	86
Глава 5. На аудиенции посла.....	107
Глава 6. В Летнем дворце.....	138
Глава 7. Будни придворного.....	161
Глава 8. Придворные свадьбы	190
Глава 9. Путешествие за границу	216
Глава 10. В герберге.....	241
Глава 11. Русская миссия за границей.....	264
Глава 12. В Академии наук	288
Глава 13. Господа и холопы.....	354
Глава 14. Проблемы наследства.....	375
Глава 15- Дела духовные	399
Глава 16. Дворянская честь	433
Глава 17- Нева	452
Глава 18. На улицах Петербурга	478
Глава 19. За обеденным столом.....	502
Глава 20. Лейб-медик.....	542
Глава 21. В Коллегии иностранных дел	575
Глава 22, Императрица.....	598
Глава 23- Офицеры.....	707
Глава 24. Личность в истории.....	734
Глава 25- В отпуске.....	757
Глава 26. Дети	777
Эпилог	801
Примечания.....	817



СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНА ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Л. Флем
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРЕЙДА
И ЕГО ПАЦИЕНТОВ

П. Фор
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Г. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

А. Зверев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02576-8



9 785235 025769

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ